

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

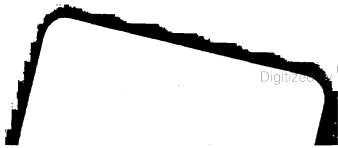
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929342 7

Calli

13 E 1

Digitized by

Google

Cellar

13 E 7

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῦς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτι γινώσκει μῆτι ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔργου καὶ τῆν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνδράκων
ἐν τοῖς ἐπιγεγομμένοις οὐχ ὅμιλαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

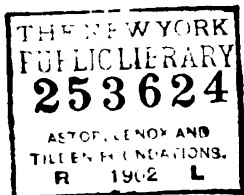
72

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

=
1845.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

сз тѣмъ, чтобы по отчетамъ предстало было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1845 года, сентября 19 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ОТЛАВЛЕНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Нѣкоторыя мѣста изъ «Давиляды». <i>А. О.</i>	7.
Гомеръ—нищій. <i>С. Дурова</i>	12.
Атласъ. Изъ В. Гюгò. <i>Его же</i>	117.
Метафора. Изъ В. Гюгò. <i>Его же</i>	—
Вельчїе духа. <i>А. В.</i>	118.
Храмъ. <i>М. Чистякова</i>	119.
Цвѣтокъ на могилѣ. <i>Его же</i>	120.
Мое желаніе. <i>Его же</i>	120.

ПРОЗА.

Петербургъ днемъ и ночью. <i>Е. П. Ковалевскаго</i>	
Часть первая.....	17.
Часть вторая.....	121.
Три періода. <i>Н. В. Кукольника</i>	
Часть первая.....	175.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Ночи на кладбищѣ Лашеза. Романъ Леона Гозлана.	
Часть вторая и послѣдняя.....	1.
Графъ Монте-Кристо. Романъ Александра Дюма....	
Часть первая.....	104.
Часть вторая.....	145.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Лафатеръ в Галль. <i>С. Кутарти</i>	1.
Историческій характеръ Людовика Четырнадцатаго. <i>К. П.</i>	33.
О прекрасномъ и объ искусствѣ. (Статья Кузѣна).	89.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О вредѣ отъ собакъ при нынѣшнемъ состояніи общественной жизни. <i>К. П.</i>	1.
Сельско-хозяйственная сторона южнаго берега Крыма. <i>Мазуревскаго</i>	17.

V.

КРИТИКА.

- Исторія города Углича. Изданная Федоромъ Киселемъ.....
Библиотека для воспитанія. Изданіе А. Семена. К. П.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- Августъ, 1845. Новыя книги и брошюры.....
— — Разныя извѣстія.....
Сентябрь, 1845. Новыя книги и брошюры.....
— — Разныя извѣстія.....

VII.

СМѢСЬ.

АВГУСТЪ.

- Тверино. Фантазія. Последнее сочиненіе Жоржа-Санда. Часть первая.....
Исторія алаисоновскихъ кружевъ.....
Средство стронть зданія и лечиться отъ холеры, зубовъ и прочая.....
Французскій театръ въ Парижѣ.....
Новыя французскія книги.....
Новыя музыкальныя сочиненія.....
Моды.....

СЕНТЯБРЬ.

Теврино. Фантазія. Послѣднее сочиненіе Жоржа-Санда. Часть вторая и послѣдняя.....	91.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	162.
Новыя французскія книги.....	166.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	169.
Моды.....	172.

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

НѢКОТОРЫЯ МѢСТА

изъ

« ДАНИЛАДЫ ».

комической поэмы господина А. О.

=

(Въ предстоящей книжкѣ былъ помѣщенъ «Прологъ» этой поэмы. Сожалѣя, что предметъ «Данилады» не соответствуетъ этому изданію и препятствуетъ напечатанію ея вполне, и потому редакция рѣшается извлечь изъ нея еще отрывокъ и «эпиграфъ», какъ мѣста, свидѣтельствующія о примѣчательномъ талантѣ неизвѣстнаго комическаго поэта, который подписывается А. О. Авторъ «Данилады» какъ кажется, живетъ въ Ригѣ.)

I.

Я Данила знаю лично
Съ самой маковки до пять.
Онъ дѣтвнка преотличный
На манеру и на взглядъ:
Станомъ строень, русый волосъ,
Есть на пальчикѣ кольцо;
Взоръ пригожъ, не дурень голосъ,
Съ важной миною лицо;
Ходитъ постушью казистой,
Шелъ къ спинѣ, грудь впередъ,
Говоритъ не такъ цвѣтисто,

Но всё правду, мало врётъ;
 Всѣ сосѣди его знаютъ,
 И «вечтославѣйшикъ» зовутъ,
 Шапку передъ нимъ снимаютъ,
 Чинно руку подають.
 Правъ Данила нестыдливый,
 Не капризный безъ причинъ;
 Самъ же онъ неприхотливый,
 И предобрый господинъ:
 Не гоняется за модой
 Разныхъ мелкихъ мелочей,
 Не знакомится съ породой
 Франтовъ, львовъ и усачей,
 И не знаетъ лести свѣтской:
 Тихо самъ себѣ живетъ,
 Да по выкройкѣ нѣмецкой
 Счетецъ выдачамъ ведетъ,
 Да по правиламъ морали
 Прячетъ лишніе рубли,
 Чтобъ иные въ долгъ не взяли,
 И надуть бы не могли.
 Нынче, знаете вы сами,
 Злыя стали времена:
 Свѣтъ наполненъ должниками,
 Гдѣ ни смотришь, сатана,
 Съеть всяки перетуры
 Межъ неопытныхъ мірянъ,
 Портить добрыя натуры,
 Соблазняетъ на обманъ.

Но Данило, слава Богу,
 Впродолженьи многихъ лѣтъ,
 Научился по-немногу
 Различать коварный свѣтъ.
 Онъ всегда для разумѣнья
 Хитрыхъ козней сатаны
 Полагается на мнѣнья
 Честной дѣловъ старины.
 Старики-то, видишь, жили,

Клади дальше серебро,
 Меньше вашего грѣшимъ
 И стремились на добро.
 Онъ съ секретомъ этимъ смѣло
 По пути добра грядетъ,
 Никогда лукавства дѣло
 Съ нимъ въ озапуски нейдетъ,
 Никогда, хоть и бываетъ
 Казусъ грѣшный у него,
 Если чарку выпиваетъ
 Для здоровья своего....

.....

II.

Дѣло въ шляпѣ! Слава Богу!
 Трудъ, кажись, не безъ пути.
 Гей! вы! дайте-ка дорогу
 Къ Гутенбергамъ мнѣ пройти!
 Я теперь «Даниладу»
 Передать хочу въ печать.
 «Что, къ кому, куда?.... Не надо!»
 Начинаютъ мнѣ кричать:
 «Ужъ и такъ чертовски тѣсно
 «Здѣсь отъ новостей такихъ;
 «А кто ты, намъ неизвѣстно,
 «Что за звѣрь, каковъ твой стихъ?»
 — Вотъ-те на!.... какія птицы!
 Какъ изволятъ еще пѣть!
 Жаль что я отсель въ столицѣ
 Не могу ихъ разсмотрѣть:
 Я имъ далъ бы..... Ахъ! простите!
 Я лишь молвилъ стороной;
 Вотъ мой паспортъ, пропустите,
 Контрабанды нѣтъ со мной.
 Это — русское издѣлье,
 Я принесъ изъ далека,
 Моей фабрики бездѣлье,
 Свежо, чисто, съ молотка. —
 «Да кто ты? взялся откуда?

«Что намъ въ паспортъ твоёмъ!

«Отвѣчай, нль будетъ худо:

«Мы въ дугу тебя согнемъ.»

— Вай, отцы! не горячитесь.....

Не грѣшно ли такъ грозить?

Будьте добры!.... умилитесь!...

Я готовъ все объяснить,

И признаться откровенно

Въ правѣ дѣла моего,

Если только непременно

Форма требуетъ сего.

Я готовъ въ своемъ признаньи

Доказать вамъ, хоть сейчасъ,

На законномъ основаньи,

Какъ люблю сердечно васъ,

Какъ душевно почитаю,

Какъ..... Ну, вѣрите, признаюсь!....

Книги жъ сотнями читаю,

Морщусь, плачу.... и смѣюсь.

А подъ-часъ иной печальной

Декламирую стихи,

Забѣгаю въ міръ журнальной,

Впжу много чепухи,

Сору, мошекъ.....

«Что такое?

«Что, что, что, ты врешь, профанъ?

«Не злодѣйство ль ужъ какое

«Затѣваешь, грубіянь?»

Эхъ, опять вы осердились,

Словно встрѣтилась бѣда!

Лучше, если бъ потрудились

Дать мнѣ кончить, господа.

Такъ скорѣй!»....

— О! да! въ мгновенье!

Правда вся въ пяти строкахъ:

Много было мнѣ терпѣнья

Толкъ повять въ иныхъ стихахъ

Пресловуто начпненныхъ

Премудреннымъ языкомъ,

Похвалами раздушенныхъ
 И подбитыхъ вѣтеркомъ,
 А куда-какъ разодрты?
 Чуть заглянешь — чудеса!
 Всѣ фигурки да портреты!
 Такъ и мечутся въ глаза *.
 Текстъ же — Богъ съ ними!.... не читаю,
 Трудно бонъ и бьенъ понять;
 Изъ картинокъ я считаю
 Больше дѣльнаго узнать.
 Развѣ старое отъ скуки
 Съ ними въ прозѣ чтò прочту,
 Тутъ скорѣй — Судьба въ поруки! —
 Я на разумъ попадаю.

Ну жъ, отцы мои честные,
 Всѣхъ источники хлопотъ,
 Судьи правды записные
 Дайте мнѣ пройти впередъ!
 Я хочу чтобы не много
 Мой Данило вышелъ въ свѣтъ
 И, бѣднякъ, хоть ради Бога,
 Былъ приласканъ, пріодѣтъ.
 Онъ, конечно, не таковскій
 Чтобъ рядиться à la mode,
 А la «праздникъ Петергофскій»
 Чтò явился въ прошлый годъ
 Средь блистательнаго свѣта
 Въ украшенъи непростомъ,
 Словно дивная комета
 Съ многозначущимъ хвостомъ.
 Ему къ празднику не нуженъ
 Новомодный балахонъ,
 Его слогъ не офранцужентъ,
 Говорить по-русски онъ;
 Самъ не глупъ, и сиротинку
 Лъзя пристроить хоть на мигъ,
 Или сунуть въ серединку

* Авторъ, кажется, намекаетъ на «Сенсаціи мадамъ Курдюковой»

Между книжечекъ такихъ,
 Конхъ все существованье
 Переменчиво, какъ тѣнь
 Петергофскаго гулянья
 Въ привлекательнѣйшій день,
 То есть, шумно и игриво.

— «Стой! сравненій намъ не ври!
 «Дай покой! окончи живо!
 «Кто таковъ ты?... говори.»...
 — Я.... я вамъ рекомендую
 Въ силу слѣдствія сего:
 Въ формулярахъ именуясь
 Я — такой-то А и О.
 Въ томъ же краѣ гдѣ уральскій
 Родитъ золото хребеть,
 Не А. О. а Л — скій
 Лично всякъ меня зоветъ.
 Въ Ригу прибылъ я случайно
 Ужъ по-больше семи лѣтъ;
 Перенесъ необычайно
 Много горя, всякихъ бѣдъ;
 Но и счастья мгновенья
 На-яву порой встрѣчалъ,
 Посмѣялся въ часъ забвенья,
 Въ часъ веселый носкучалъ,
 И на поприщѣ суровомъ
 Научился чтить резонъ,
 Правду-матку. Однимъ словомъ,
 «Je suis un bon garçon.

А. О.

ГОМЕРЪ-НИЩІЙ.

«Сладко-плѣнительный край, орошенный волною гермес-
 ской,
 Градъ, на златистыхъ холмахъ возвышающій зданья, лю-
 бимецъ

Гордой Юноны, гдѣ все тайной и древностью дышетъ —
 Куны — привѣтствую васъ! Въ вашихъ предѣлахъ три-
 краты

Снились мнѣ сладостный сонъ (а сны отъ боговъ намъ
 даются).

Вѣрно, самъ мощный Зевесъ, руководствуя свыше ски-
 тальцевъ.

Насъ удостоилъ узрѣть стѣны священнаго града.

Богъ ужъ двѣнадцатый разъ солнце восходитъ и гаснетъ,
 Я же съ ребенкомъ вдвоемъ, безъ защиты и вѣрнаго кро-
 ва,

Въ дебряхъ лѣсистыхъ блуждалъ и скитался по берегу
 моря.

Ничто былъ для насъ—плодъ, отвергаемый звѣремъ,

Нилъ да гнилая трава, выносимая горькой волною.

Боги! Ужели, дитя, мой единственный спутникъ въ несчастьи,
 Сгибнетъ въ глазахъ у меня, призывая напрасно на по-
 мощь?

Али и самъ, наконецъ, какъ ладья безъ руля и вѣтри-
 ла,

Буду весь вѣкъ свой блуждать, со скалы на скалу набѣ-
 гая?...

Нѣтъ! Мы пришли къ очагу, гдѣ богатство и доблесть

Нанять невольню къ себѣ. Именемъ вѣтви лавровой,

Зыблемой въ нашей рукѣ, — отворите намъ двери!.... за
 это

Юный мой спутникъ нарветъ вамъ цвѣтовъ изъ долины
 сосѣдней,

И, заплетя ихъ въ вѣнки, увѣнчаетъ чело ваше ими....»

Такъ говорилъ, урученный судьбою и временемъ ста-
 рець,

Съ взоромъ потухшимъ давно отъ печалей и слезъ без-
 конечныхъ —

Этотъ былъ старецъ—Гомеръ!....

А палаты, къ которымъ пришелъ онъ,

Дукеса было жильё, (не жильё, а великое чудо)!

Ормезъ дорійскій блисталъ, но какъ-будто бы спорилъ съ
 коринесскимъ,

Мраморъ бѣлѣ снѣговъ, изсѣченный въ прамыя колонны;

Сто упительныхъ дѣвъ, видіанокъ живыхъ, сладострастныхъ

Съ ранней до поздней зари здѣсь подносятъ богатые яства,

Цѣдятъ въ амфоры вино изъ гроздей наксоскихъ и кипрскихъ

Оргія вѣчно кипятъ, и усталый хозяинъ съ гостями,
Здѣсь засыпаетъ подъ звукъ флейтъ и тимпановъ еригійскихъ.

Старецъ вошелъ на порогъ. И во имя сѣдинъ и несчастій,
Именемъ дѣвственныхъ Ларъ, покровительницъ нашего крова,

Просить пріюта себѣ и спутнику. Лукусъ суровый,
Встрѣтилъ гнѣвно его. Но Гомеръ, сохраняя обычай,
Къ платю его приложася, говоритъ ему: Счастливый смертный,

Ровный по счастью богамъ! Случай насъ свелъ, (а ты знаешь,

Нищій—посланникъ небесъ!) Пріюти же насъ дружно и мирно:

Просьба, любимая дщерь, обладатель неба, Зевеса—
Къ ней преклоняя свой слухъ, раздѣли со скитальцемъ трапезу!

Я заплачу тебѣ все: не золотомъ, — этою лирой....
Знаешь ли, я посѣтилъ берега плодоноснаго Нила,
Странствовалъ въ дальнихъ странахъ, переплылъ всѣ моря, океаны.

Всюду дивилъ я людей—и за пѣсни мои получалъ я
Золото, рунныхъ оводовъ и трепожники. Вѣришь ли, часто,
Слушая пѣсни мои, Меопія, въ душѣ сомнѣвалась.

Я ли ихъ пѣлъ, или богъ Аполлонъ, покровитель искусства:

Пѣлъ я когда-то богамъ, а теперь для тебя пѣть я буду.
О, да взлетитъ къ небесамъ пѣсня моя! Да услышитъ
Зевесъ-громовержецъ меня!.... и воздастъ тебѣ въ жизни сторицей!

Пусть на пиру у тебя амбра и нарѣ благовонный

Сладостный запахъ свой льютъ. Пусть удовольствія вѣ-
но,

Въ домѣ живутъ у тебя, ускоряя летящее время;
Пусть собираемый хлѣбъ, съ нивы твоей, утомяетъ
Крѣпкихъ и сильныхъ воловъ; да широко шумица швы
Дружно въ садахъ у тебя разрастался съ дня на день — не
столько

Гибкихъ вѣтвей принесуть, для сплетенья кошницъ,
Къ сбору янтарныхъ гроздей въ вертоградѣ твоёмъ. Я же
буду,

Съ каждою новой весной, прилетать къ тебѣ легкою птиц-
кой—
Своды богатыхъ палатъ оглашать сладковучною пѣснью,
Звонкіе гимны слагать въ честь богамъ и богинямъ до-
машнимъ

— «Странникъ, отвѣтствуетъ тотъ, — мнѣ не надобно пѣ-
сень подобныхъ;

Пой ихъ другимъ, а не мнѣ? (Бою Плутону, быть-можетъ,
Будутъ по сердцу онѣ!) Мнѣ же онѣ ненавистны:
Видъ злополучья одинъ, вводитъ меня въ безпокойство,
Адъ разливаетъ кругомъ». — И старецъ, съ душою
Славленной ѣдкой тоской, подымаетъ потухшія очи
Къ небу, котораго онъ ужъ издавна, издавна не видитъ....
Юный сопутникъ его, вѣрный въ несчастьи какъ
прежде,

Руку Геймера беретъ и ведетъ его къ берегу моря,
Гдѣ онъ садится — и вотъ, пѣсня послѣдняя сладко
Въотъ взя усть у него, сочетавшись согласно съ далекимъ
Плескомъ бѣгущихъ валовъ, на златистый песокъ при-
бережья.

— О, мой родимый приютъ! о, благодатныя стѣны Ме-
леса,

Гдѣ Критенса, какъ мать истинно добрая, съ жаромъ,
Дѣтство хранила мое, а Зевесъ допускалъ меня видѣть
Лицъ благородныхъ черты и лазурно-прекрасное небо.
Злато-шелковы поля! Полныя таинствъ дубравы!
Вышлите вашихъ богинь, чтобъ онѣ эту скорбную пѣсню
Эху въ уста передавъ, донесли до предѣловъ отчизны.
Вамъ же, о дщери небесъ, благодатныя музы, за звуки —

Давши лавръ мнѣ во мзду (подавнше ничтожное въ жизни)!
 Нынѣ я шлю мой привѣтъ, но послѣдній привѣтъ на
 прощанье!

Больше не буду я пѣть ни богинь, ни боговъ, ни героевъ:
 Ни иліонскихъ бойницъ, греческой ратью стѣсненныхъ;
 Ни Андромахи въ слезахъ, Гектора вѣжной супруги;
 Ни Ахиллесову мечь; ни сына Лаэрта, который
 Къ дальнимъ брегамъ занесенъ бурной волною. — Мой
 голосъ

Силу утратилъ свою, какъ кузнечика голосъ подъ осень.
 Вѣщая лира моя, отъ невгоды, разбилась. — Прощай-
 те жъ,

Музы — прощайте на вѣкъ!

И умолкнулъ величественный старецъ.

Богъ-Аполлонъ услыжавъ лебединую пѣсню Гомера,
 Тотчасъ съ Олимпа слетѣвъ въ подземельное царство
 Плутона,
 И сладкогласно воззвалъ: «Не касайтесь, Парки, до нити
 Жизни того, кто какъ мы Зевсу любезенъ и дорогъ:
 (Воля сія отъ него!)»

И, окончивъ, къ Гомеру летитъ онъ,
 Тучей объемлетъ его и уноситъ далѣко, далѣко....

Юный спутникъ его изъ Самоса, — одинъ у побережья
 остался.

Съ тѣхъ-поръ повѣрье идетъ, что Сирены, богини, мор-
 скія,

Взяли Гомера къ себѣ, въ водяное, прохладное царство.
 Тамъ — онъ когда запоетъ, то Сирены, заслушавшись
 пѣсней

Все забываютъ окрестъ — и пловцы ускользаютъ сътеи
 ихъ;

Даже Фетида сама, изъ глубокихъ пучинъ океана
 Слушаетъ пѣсни его, а Ахиллова мать и доселѣ,
 Внемлетъ о сынѣ своемъ, воспѣваемомъ дивнымъ Го-
 меромъ.

С. ДУРОВЪ.

ПЕТЕРБУРГЪ

ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

=

Е. П. КОВАЛЕВСКАГО.

=

Часть первая.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТРАПЧНИКЪ.

Небо было черно. Ночь закутывала прекрасный городъ съера плотнѣе и плотнѣе въ свой бурый плащъ, какъ-бы боясь чтобъ чадо болеть не простудилось. И было отъ чего. Порывы сильного морскаго вѣтру метали вправо и влево цѣлые ливни дождя. Мѣсяца не было. На небѣ ни звѣздочки. На улицѣ ни души. Въ позднюю пору ночи, въ Петербургѣ, кромѣ извѣстныхъ улицъ, повсюду довольно пусто и глухо, а въ такую безпутицу и по-давно. Кого повесеть недобрая судьба изъ своего жилья, какъ бы оно дурно ни было?.... Того развѣ, у кого нѣтъ ни какого жилья, кого

непогода вымоетъ, вѣдро высушить, разчешетъ не гребень, а вѣтеръ да время, и, какал-нибудь нора подъ заборомъ, плита подъ аркою моста или подъ навѣсомъ фронтона, упріютить и успокоить. Такихъ вы, конечно, не знаете, можетъ-быть и знать не захотите. Жаль! А эти люди не безъ достоинствъ; правда, ихъ достоинства—своего роду; не то, напримѣръ, что ваши: а всё-таки стоятъ, чтобъ взглянуть на нихъ милостиво и покровительственно. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ пріютъ, зачѣмъ покидать его въ такую пору! Между-тѣмъ, вслушавшись хорошенько, когда вѣтеръ подуетъ къ вашей сторонѣ, вы можете различить человѣческій голосъ, громко что-то распѣвающей. Кто бы это спорилъ съ вѣтромъ, какъ-бы стараясь заглушить его своимъ голосомъ? Веры ходятъ въ-тихомолку; да и что имъ тутъ дѣлать: развѣ влюбленный или поэтъ или съумасшедшій! Голосъ—ребяческій. Вотъ онъ становится слышнѣе; чья-то тѣнь упала на заборъ, противъ фонаря; и вотъ, при тускломъ свѣтѣ его, можно различить мальчика въ оборванной сорочкѣ, босаго, съ открытою головою, на которой волосы висятъ комьями, какъ сбитый войлокъ.

Мальчикъ, поравнявшись съ фонаремъ, остановился, оперся на фонарный столбъ, поднялъ голову вверхъ, закинулъ ее назадъ и, подставивъ свое лицо прямо противъ порывовъ вѣтру и дождя, казалось, тѣшился какъ хлестало его дождевыми струями или старался уловить брызги раскрытымъ ртомъ. Видимо было, что онъ издѣвается надъ непогодой, можетъ-быть потому что не надъ кѣмъ издѣваться. — Гу, гу! кричалъ онъ: очень я тебя боюсь, — и, довольный тѣмъ, что его не услышитъ будочникъ за вѣтромъ, онъ принимался опять пѣть или свистать. Этимъ однако онъ не удовольствовалъ своей страсти побуйствовать порядкомъ на свободѣ. Оглянувшись кругомъ, конечно больше по привычкѣ чѣмъ изъ предосторожности, онъ вынулъ изъ мостовой, размытой потоками дождя, обломокъ камня и готовъ былъ швырнуть имъ въ фонарь, — для чего спросите вы? — а такъ! забавы ради. За что его, бѣдняка, уличнаго мальчишку, колотить всякій, кто ни попалъ?... А за что его прозвали, какъ бы въ поруганье, Обдрвшемъ, да иначе и не называютъ,

какъ-будто у него и крестнаго имени не было, о томъ вы и не спросите.

Въ это время раздался стукъ кареты. Мальчишка залезъ руки назадъ, тайкомъ обронилъ камень и, какъ ни въ чемъ не бывалъ, приутихнувъ, пошелъ своею дорожкой. Но карета катилась быстро и, вдругъ, при поворотѣ, крикнула, свалилась на бокъ, колесо откатилось далеко всторону, лакей былъ отброшенъ въ другую. Оборвышъ хохоталъ надъ лакеемъ, какъ тотъ, ушибенный, съ трудомъ приподнимался, почесывая нѣкоторыя мѣста. — Экъ, вислоухой, и падать не умѣеть! — Между-тѣмъ лошади шалили и путались въ сбруѣ, въ каретѣ раздался женскій крикъ, крикъ отчаянія, мальчикъ пересталъ смѣяться и кинулся къ каретѣ; не умѣя отпереть дверецъ, онъ вышибъ стекло и, несмотря, что пристяжная лошадь, вступившая за постромку, билась у самыхъ ногъ его, вынулъ изъ кареты пожилаго человѣка, оттащилъ его по-дальше и поставилъ прямо въ лужу; потомъ, нѣсколько осторожнѣе, вынесъ на рукахъ молодую женщину. Въ каретѣ больше никого не оставалось. Оборвышъ отошелъ всторону и, не рѣшаясь поставить женщину на мостовую, гдѣ было грязно какъ въ болотѣ, держалъ ее на рукахъ: да и какъ было оставить ее, когда она, конечно болѣе испуганная чѣмъ ушибенная, дрожала какъ въ лихорадкѣ и вѣрно не могла бы минуты держаться на ногахъ! Сердце ея сильно билось и грудь вздымалась высоко у обнаженной груди уличнаго мальчишки.

Странную группу представляли эти два существа, такъ діаметрально противоположныя другъ другу; одна въ блестящемъ бальномъ платьѣ, — салопъ давно свалился съ плечъ, — другой въ лохмотьяхъ. Лицо женщины лежало на грязномъ плечѣ мальчишки и почти касалось лица его: освѣщенные тусклымъ свѣтомъ каретныхъ фонарей, они составляли между собою не менѣе чудную противоположность; правда, оба были юны, съ черными горящими глазами, въ недоумѣніи глядящими одинъ на другіе, какъ-бы спрашивая, какимъ чудомъ очутились такъ близко; но зато ея лицо могло служить образцомъ античной красоты, а лицо его было гадко и грязно; черты од-

ного были тонки, изящны, кожа дотога нѣжна, что казалась полупрозрачной, — черты другаго рѣзки, грубы, кожа какъ опоекъ. О! многіе дорого бы дали, чтобъ быть въ положеніи этого мальчишки и подобно ему держать на рукахъ эту женщину, касаться ея волосъ, ея лица. А нашъ мальчикъ, что чувствовалъ онъ въ это время? Если въ первую минуту онъ не бросилъ ея въ грязь, подобно тому какъ сбѣлалъ съ пожилымъ мужчиной, то это не столько ради ея страдальческаго положенія сколько ради богатаго наряда, который жаль было замарать, — последнее можетъ-быть еще сильнѣе дѣйствовало на его снисходительность. Но потомъ, мало-по-малу, ему становилось легко и хорошо держать на своихъ рукахъ это мягкое, нѣжное, роскошное тѣло; онъ даже хотѣлъ прикрыть лицо отъ дождя грязнымъ рукавомъ своимъ: женщина съ отвращеніемъ отвернулась; она вздрогнула отъ этого прикосновенія какъ отъ прикосновенія гадныи. Наконецъ лакей, прихрамывая, подошелъ къ нимъ и объявилъ, что въ каретѣ ничего не сломалось и что только свалилось колесо, которое уже надѣто. Лакей спрашивалъ, не прикажетъ ли ся сіятельство спести себя въ карету. Обдѣрвышъ отвѣчалъ ему грубо:— Не замай, вислухой!— и бережно снесъ самъ въ карету, гдѣ уже сидѣлъ пожилой человекъ.

— Дай что-нибудь вотъ этому, сказалъ онъ своему лакею, указывая на мальчишка.

— А что я тебѣ, нищій, что ли, чтобъ взять твою подачку? возразилъ обидчиво мальчикъ.

Пожилый человекъ кутался въ пальто и не обратилъ вниманія на его слова. Лакей оттолкнулъ Обдѣрвыша и хотѣлъ захлопнуть дверцы, но женщина остановила его.— Послушай, сказала она, обращаясь къ мальчику: возьми вотъ это..... это не милостыня, а такъ, на память обо мнѣ.... слышишь ли, на память обо мнѣ.— Вы видите, она была *великодушна*: никакъ не хотѣла остаться въ долгу у уличнаго мальчишки: а деньгами можно расплатиться за все, даже за наши послѣдніе чувства и минутныя прихоти сердца. А тутъ что? Уличный мальчишка! Плата, которую давала эта женщина, необыкновенно велика и должна привести его въ восторгъ. Обдѣрвышъ однако вѣхотя протянулъ руку, какъ-бы

не зная на что рѣшиться, и взявъ золотую монету, которую посылала ему маленькая ручка, одѣталъ въ лайковую перчатку.

Карета умчалась. Мальчикъ глядѣлъ, то на нес, то на лежавшую на открытой ладони монету. Какое-то новое чувство проскользнуло по груди его,—проскользнуло и исчезло: мысли приняли обычное теченіе; онъ сжалъ монету въ рукѣ, и покачалъ головою вслѣдъ уѣхавшимъ:—Эхъ, понеслись! произнесъ онъ: будто птица; пріѣдутъ въ теплую пѣбу, сыто поужинаютъ, и будутъ-себѣ спать до разсвѣту.... Житье барамъ! — Мальчикъ пошелъ далѣе, но уже не пѣлъ, не свистѣлъ; взомель на церковную паперть, прильнулъ въ уголку къ стѣнѣ, съѣжился крючкомъ и старался заснуть, но на этотъ разъ ему, противъ обыкновенія, какъ-то дурно спалось: боялся ли онъ, чтобы во время сна у него не украли золотой монеты, или другое какое чувство занимало его, не знаю. Только онъ поднялся еще до зари и первымъ его дѣломъ было осмотрѣть свое богатство.

— Погоди, Сенька! подумалъ Обѣрвышъ: не станешь больше лаять, что у меня отецъ въ богадѣльнѣ..... выручу, сегодня же выручу..... Батяка бы и не попался туда, да болѣзнь меня сломала, а онъ-то самъ ни начтѣ не пригожь.

И Обѣрвышъ отправился отыскивать для отца убѣжище въ знакомыя себѣ мѣста нищеты и разврата, которыя болѣею частію бываютъ неразлучны. Онъ уже разгулялся отъ ночной бессонницы или отъ ночныхъ мыслей, и щель, припрыгивая, не по тротуару, а среди улицы, потому что тутъ можно было виѣнитъ на запятки какого-нибудь допотопнаго экипажа, у котораго нѣтъ сзади лакея, и прокатиться за-даромъ до-тѣхъ-поръ пока ударъ хлыста не свалитъ его кубаремъ на мостовую..... если это за-даромъ!.... можно было подставить ногу слѣпому нищему или положить камень въ руку, простертую за подаеніемъ,—нищихъ преслѣдовалъ Обѣрвышъ съ особеннымъ ожесточеніемъ,—опрокинуть лотокъ съ грушею вареною, пугнуть извозчичью лошадь, и прочая. Само собою разувѣется, что все это не всегда сходило ему съ рукъ да-

ромъ.—Вонъ пострѣльнокы! вонъ чертѣнокы! не миновать висѣлицы!—толковали разношники разной дряни и биржевые извозчики, которымъ Оборвышъ на этой улицѣ довольно примелькался. А зналъ ли кто-нибудь, съ какою благородною цѣлью шелъ онъ теперь? И многіе ли, подобно ему, голодные, босые, полу-нагіе, пожертвовали бы всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобы освободить отца изъ богадѣльни?

Днемъ фигура Оборвыша явилась во всемъ своемъ фантастическомъ колоритѣ. Если мы сказали, что рубаха его была въ лохмотьяхъ, то уже рѣшительно не знаемъ, что сказать о шалварахъ: они просто составлены были изъ однихъ дыръ, которыя соединялись между собою толстою пестрядиной и если держались еще на ногахъ Оборвыша, такъ это потому что были обвиты вокругъ нихъ различными веревочками и лоскутьями. Большая сума сзади и такъ называемый *крючокъ*, то есть, двузубецъ, насаженный на палку, указывали ясно на званіе тряпичника, составляющее самую низкую ступень на лѣстницѣ столичной промышленности. Наружность Оборвыша очень гармонировала съ его нарядомъ: лицо маленькое, сжатое къверху, усѣянное рябинами и шрамами, измученное нуждой; носъ какъ пуговка; ротъ до ушей; но пара черныхъ какъ уголь глазъ и два ряда бѣлыхъ какъ слоновая кость, зернистыхъ, зубовъ достойны были лучшаго помѣщенія.

Оборвышъ, не дойдя до богадѣльни, куда по-видимому очень спѣшилъ, остановился: его заняло, какъ другой уличный мальчишка мучилъ котенка, а тотъ царапался и жалобно мяукалъ. Оборвышъ не вытерпѣлъ: схватилъ котенка за хвостъ, описалъ пять нѣсколько круговъ въ воздухѣ и швырнулъ далеко всторону. Котенокъ сталъ на ноги и убѣжалъ. Мальчишка глядѣлъ въ нерѣшимости, не зная сердиться ли ему или смѣяться надъ такой штукой. Въ это время шла мимо баба съ гнилыми яблоками: она уськнула мальчишкѣ:—Эхъ, Федулъ! тряпичникъ тебя обижаетъ!—Федулка вцѣпился въ волосы Оборвыша. Началась жестокая драка. Наконецъ мальчишки, утомившись, разошлись на

почтительное другъ отъ друга разстояніе и стали перекладываться между собой:

- Смотри, миѣ, курносый!
- А, ты, чево?
- Я..... тово!
- Эва!
- То-то же!
- А тебя какъ зовутъ?
- Ково?
- Тебя.
- Меня? Ванюхой..... А тебя.
- Меня?.... Оедуломъ.
- Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ.

И новые друзья отправились вмѣстѣ, одинъ забывъ совершенно и брань и побой своего товарища, другой пригланъ въ сердцѣ обиду.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТАЙНА.

Только къ вечеру, и то при пособіи своихъ покровитель и ли, правильнѣй, покровительницъ, которыя, какъ увидимъ, были у Оборвыша, успѣлъ онъ выручить своего отца и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ приготовленную квартиру. Надобно имѣть чувство особеннаго отвращенія къ даровому хлѣбу, чувство инстинктивнаго стыда своей бѣдности, чтобы промѣнять опрятную и чистую постель богачѣйши, на то жилище, въ которое Оборвышъ привелъ своего отца. Впрочемъ, и то надобно сказать, что старикъ уже отжилъ свой вѣкъ и, по апатическому движенію его членовъ, по безжизненности и неподвижности глазъ, по этой опавшей и склонившейся на грудь головѣ, легко было угадать, что Оборвышъ не надолго поселилъ тутъ это полу-тѣплое еще тѣло.

Въ сыромъ подвалѣ, освѣщенномъ тусклымъ ночникомъ, на грязныхъ нарахъ, валялось нѣсколько пучковъ соломы и засаженныхъ, избитыхъ вошлововъ; по лохмоть-

лишь, которую лежали на каждом изъ нихъ, видно было, что эти пучки соломы, эти войлоки, нѣгли уже себѣ хозяевъ: это были отдѣльныя квартиры; только нѣкоторыя жильцы находились дома; другіе ушли и не возвратятся къ утру. Одна соломенная постель еще не была снята: сюда Оборвышь опустилъ своего отца.

— Не хорошо, произнесъ глухо старикъ.

— Это тебѣ такъ кажется, батька; солома свѣжая, мягкая: я самъ перебиралъ ее.

— Нѣтъ, не то, сказалъ старикъ, которому необыкновенное движеніе и перемѣна мѣста, казалось, расшевелили кровь и первы и возвратили нѣкоторую степень самопознанія: не хорошо здѣсь, — онъ указалъ на грудь: жарко.....

Оборвышь досталъ изъ кармана глиняную кружку, которая показывала, что онъ озаботился объ удовлетвореніи потребностей своего отца, и отиравился за водою. Старикъ оглядывался кругомъ: бѣлая плѣсень по стѣнамъ; на черномъ потолокѣ шевелились козявки и по-временамъ обрывались и падали на полъ и на постели; противъ окна или, правильнѣе, противъ узкой отдушины, которая внутри висѣла подъ потолокомъ, снаружи лежала на тротоарѣ, стоялъ псточенный временемъ и червями столъ; возлѣ — лавка: вотъ и все. Пришелъ Оборвышь и поднесъ къ изсохшимъ и растескавшимся губамъ старика кружку воды: онъ держалъ на-готовѣ и кусокъ чернаго хлѣба.

— Испей маленько и закуси... потомъ спи-себѣ, Господь съ тобою.

Можетъ-быть Оборвышь вспомнилъ, что уже приближается двѣнадцатый часъ, а въ это время ему непременно надобно было быть въ такой-то части города: тамъ, окруженный ребятишками, онъ обыкновенно первый кричалъ подражая пѣтуховому напѣву, а за нимъ уже подхватывали сосѣдніе пѣтухи, которые такъ привыкли къ своему запѣвалѣ, что часто опаздывали пропѣть полночь, когда опаздывалъ Оборвышь, и не извѣстно, кричали ль они, когда тотъ совсѣмъ не являлся.

Старикъ сжалъ голову свою руками, закрылъ глаза и,

казалось, силится что-то припомнить и сообразить. Оборвышь хотѣлъ уйти.

— Постой, Ваня..... миѣ надобно тебѣ что-то передать прежде чѣмъ я умру.... а я умру скоро....

— Зачѣмъ же тебѣ умирать, батька!... вѣдь это не богадѣльня, можешь жить какъ хочешь.... а ужъ я тебѣ, вотъ головой ручаюсь, не дамъ умереть безъ хлѣба: наживу и на лакомство.

— Ты добрый сынъ.... я передъ тобою много виновать....

— Какая твоя вина! Видно надо было чтобы я родился такимъ.... кто жъ тутъ виновать?

— Хоть одинъ не покпнулъ меня.... Господи, благодарю Тебя.... произнесъ старикъ.

Въ это время взошелъ кто-то въ подвалъ.

— Съ милостыней отъ добрыхотныхъ дателей, сказалъ новопришедшій, закрывая глаза, чтобъ сколько-нибудь привыкнуть къ темнотѣ....

— Просимъ пожаловать вашу милость, произнесло нѣсколько голосовъ и какъ тѣни поднялись съ наръ нѣсколько человекъ и окружили гостя. Не бойтесь, тутъ все пицая братья, всё свои....

— Всё свои? повторилъ тотъ, сдѣлавъ такую гримасу какъ-будто проглотилъ гнилую устрицу. А этотъ?.... онъ указалъ на старика.

— Этотъ не нуждается; благо-что заплаталъ за мѣсяцъ впередъ за квартиру: съ завтрашняго же дня опростается для насъ мѣсто.

— А что?

— Да видите, совсѣмъ кончатся!

— Мы!... а мальчикъ?

— Не узнали, развѣ, Оборвыша?...

— Что жъ онъ тутъ возится со старикомъ?

— Говорить, его отецъ..... проказникъ! будто у такого чертѣнка можетъ быть отецъ!

Оборвышь никогда не протягивалъ руки ни для милостыни ни для воровства; но его знали многіе изъ нищихъ, изъ воровъ и негодяевъ, даже иногда ставили на-сторожѣ въ опасныхъ случаяхъ, и Оборвышь скорѣо пострадалъ

бы самъ, чѣмъ измѣнилъ тѣмъ, которые встрѣались ему. А о томъ, каковъ былъ ихъ промыселъ, что ему за дѣло узнавать!... можетъ-быть промыслъ и хорошій, когда нѣтъ занимались даже и люди, подобные приходшему человѣку, котораго наружность и рѣчи были такъ благочестивы и котораго Обѣрвышъ не разъ встрѣчалъ тутъ.

— Много благодарны за милостыню: а всё бы лучше, когда бы была работишка: грѣхъ сидѣть, сложа руки.

— Есть и работа, да слишкомъ деликатная, хитрая: боюсь, что не уладите.

— Ну, можетъ и уладимъ: обдѣльвали вѣдь какія дѣлцы!... ваша милость сами изволите знать.

Новопршедшій, котораго величали всё «ваша милость», какъ видно изъ особеннаго къ нему уваженія, вынулъ изъ своего изорваннаго, засаженнаго сюртука, въ которомъ ему было какъ-то неловко и несвѣчно, штофъ съ водкой и стаканъ и поставилъ на столъ.

— Это также даяніе добрыхъ людей.

— А за упокой или за здравіе?

— За упокой, отвѣчалъ «его милость», садясь на скамью и приглашая другихъ послѣдовать примѣру; тѣ нѣсколько времени церемонились и, наконецъ, усѣлись.

На этомъ темномъ грунтѣ, между лицами, вполнѣ соответствовавшими колориту всей картины, изъ-подъ грязной одежды странно выставялась вся фигура новопршедшаго. Лицо доброе, кроткое, миловидное, освѣщенное свѣтлорусыми кудрами, которые, теперь, ниспадали въ беспорядкѣ на глаза — томные, голубые—но, казалось, были прежде покорны гребню и еще отдавались французской помадой; голосъ нѣженъ и вкрадчивъ; рука, наливавшая вино изъ штофа, такъ мала и бѣла, что ее можно бы принять за женскую, если бъ она явилась изъ-подъ атласнаго рукава, а не изъ грубаго, лакейскаго обшлага. Эти изящныя, тонкія формы выказывались еще рельефнѣе отъ сближенія съ тѣмъ лицомъ, возлѣ котораго сидѣлъ «его милость». Вообразите себѣ мужчину, футовъ пяти ростомъ, съ головою какъ у быка, но вздѣтою прямо на плечи, какъ-будто природа совсѣмъ забыла надѣлать его шею, съ лицомъ бульдога, съ руками длинны-

ми, кривыми, какъ-будто случайно привѣшенными къ туловищу, словно у обезьяны, наконецъ самое туловище чудовищныхъ размѣровъ, на ногахъ, имѣвшихъ видъ кривыхъ параллелей, — вообразите такую фигуру, и вы получите понятіе о той, которую называли всѣ сидѣвшіе за столомъ головою, ради ли ея огромной головы, или того начала, которое она имѣла надъ другими. Мы не станемъ описывать прочихъ собесѣдниковъ хозяина, потому что, какъ полагаемъ, будете имѣть несчастье встрѣтиться съ ними.

— Дѣло, видите, по части женской, сказалъ «его милость».

Прочіе ухмыльнулись: если волки когда-нибудь смѣются, то они такъ точно смѣются.

— Въ одной изъ улицъ, примыкающихъ къ Лиговкѣ, въ захолустѣ, есть сѣренькій домикъ.... стоитъ во дворѣ.... съ двумя фронтонами.

Оборвышъ, всегда равнодушный слушатель постороннихъ бесѣдъ, теперь насторожилъ уши: онъ услышалъ что-то знакомое.

— Возлѣ сада, а дальше огородъ, прервалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Именно такъ.... недалеко отъ фабрики....

— Знаю, знаю.

Оборвышъ старался не проронить ни одного слова.

— Тамъ, въ нижнемъ этажѣ, живутъ двѣ женщины..... при нихъ только кухарка.

— Это въ нижнемъ..... а вверху?

— Дрянн! какое-то чучело.... всё-равно что никакого.

— А вокругъ?

— Пустырь.

— Такъ-съ!... произнесъ сквозь зубы Голова.

— Изъ трехъ женщинъ одна молодая....

— Украсть, да и концы въ воду.

— Полно шутить: женщина не шкатулка, подниметь такой крикъ....

— Угломонить..... повязать ротъ....

— Что баласы-то точить: я говорю дѣло..... статочное ли дѣло украсть?.... за чѣмъ красть?

— Эхъ, «ваша милость»! что это на васъ нашло такое?

— Красть, дѣло не хорошее, продолжалъ «его милость», какъ-бы не слыша словъ своего сосѣда: да и гдѣ намъ? Миѣ нужна небольшая услуга.

— Ну, кто жъ говорить иначе! Мы готовы услужить добрымъ господамъ.

— Да тутъ, видишь ли, и другая оказія.... Сначала хотѣть попробовать лаской.

— Ну, такъ намъ-то что жъ дѣлать?

— А вотъ что. Красавица больно благотворительна, сама ходитъ за больными, помогаетъ бѣднымъ, такая милосердая. Вотъ тотъ изъ васъ, у кого рожа-то по-постиѣ, прикинься совѣмъ разбитымъ, больнымъ, несчастнымъ.

— Это падо тебѣ, Оська; ты совѣмъ спился: смотришь мертвецомъ....

Тутъ собесѣдники говорили такъ тихо, что Обѣрвышъ, какъ ни вытягивалъ шею, какъ ни напиргалъ слухъ, ничего не услышалъ.

— Ну, а тамъ что? спросилъ громко Голова.

— А тамъ ужъ дѣло наше.

— Мнѣ!.... такъ это для него.... Ну, Оська, надобно дѣло чисто обдѣлать.

Оська почесалъ затылокъ: роль смиренника ему показалась нѣсколько обидной!

Страшная драма совершалась въ это время въ душѣ старика, покинутого, забытого всѣми на своей сырой соломи. Обѣрвышъ былъ слишкомъ занятъ разговоромъ; другіе глядѣли на него какъ на трупъ, и онъ дѣйствительно ничего не слышалъ. Но жизнь волновалась въ груди страдальца,—для мученія, для пытки, которую ему пришлось вытерпѣть въ послѣднія свои минуты. Старикъ упалъ «его милость», и взоромъ впился въ него; воспоминаніе всей жизни было слито съ нимъ; оно возставало, страшное, возмутительное.... Тщетно старикъ старался подняться, хотѣлъ крикомъ обратить на себя вниманіе: никто его не замѣчалъ; это-было мученіе пораженнаго летаргическимъ сномъ, котораго уже опускаютъ въ сырую могилу, а тотъ все чувствуетъ и не можетъ подать голосу, сдѣлать движенія.... и живой нисходитъ въ могилу! На-

ковецъ старикъ, своею непреклонной волей, восторжествовалъ надъ самою природою: онъ собралъ остатки силъ, приподнялся съ постели..... всталъ..... грозный, страшный, какъ духъ смерти. Онъ былъ въ одной рубашкѣ; его высокій станъ распрямился во всю высоту свою; онъ до того вскудалъ или, правильнѣе, высохъ, что кожа желтая, тонкая, казалось приросла къ костямъ и, плотно обхватывая ихъ, представляла изъ него видъ скелета, хорошо собраннаго и соединеннаго. Только пара глазъ, дологъ тусклыхъ, теперь сверкали изъ своихъ глубокихъ впадинъ и придавали жизнь этому выходцу могилы, который долженъ былъ сойти въ нее прежде, чѣмъ пѣтухи провоюютъ полночь. Несмотря на внутреннее волненіе, поступъ старика была важна, торжественна; разговаривающіе примѣтили его тогда уже, когда онъ очутился возлѣ нихъ: въ ужасѣ вскочили они съ мѣстъ своихъ. Старикъ двунулъ руки на плечи «его милости», и тотъ остался недвижимъ, вѣмъ, подъ какимъ-то чуднымъ обаяніемъ.

— Сынъ мой, сказалъ старикъ обращаясь къ Обдурьшу: вотъ онъ, губитель твоего отца, всей семьи нашей, нашего состоянія, нашего добраго имени.... чести.... и, простврая руки вверхъ, какъ-будто призывая гнѣвъ Божій, онъ произнесъ прерывистымъ, замирающимъ голосомъ: да будетъ онъ обреченъ вѣчному позору и гибели.....

Руки старика свинцомъ упали на голову обвиняемаго. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но уста шевельнулись и сомкнулись на вѣки; тѣло покачнулось и свалилось на плечо «его милости»; руки соскользнули съ головы и, холодные, прошли по лицу, какъ-бы наложивъ на него клеймо позора. Незнакомецъ стоялъ какъ оледѣнѣлый: волосы торчали на головѣ; глаза не могли оторваться отъ страшнаго призрака.

— Прочь! прочь!... вскричалъ онъ наконецъ въ ужасѣ, снясь выйти изъ-подъ страшнаго обаянія, въ которомъ находился.

Онъ оттолкнулъ отъ себя холодный трупъ, и тотъ свалился къ ногамъ его.... Лицо старика всё-еще выражало

угрову, глаза были открыты, но тусклы, неподвижны.... все было кончено.....

Эта сцена произошла быстрѣе, чѣмъ мы рассказали.

«Его милость» кинулся къ столу, и разомъ выпилъ стаканъ водки.—Уфъ!.... произнесъ онъ какъ-бы отдыхая, и отеръ холодный потъ, выступившій крупными каплями на лицѣ: пойдѣмъ скорѣе отсюда; тутъ живутъ мертвецы.

— Обѣрвышъ! квартира старика за мною, я первый скавалъ, что онъ не доживетъ до утра, произнесъ одинъ изъ негодяевъ, уходя вмѣстѣ съ своими товарищами за хозяйномъ.

Обѣрвышъ, оглянувшись кругомъ, увидѣлъ, что онъ остался одинъ съ мертвецомъ, который, казалось, уставилъ на него свои неподвижные, стеклянные глаза: суровый страхъ обдалъ его, и онъ стремглавъ выбѣжалъ изъ грязнаго подвала. Очутившись на улицѣ, онъ подумалъ и о смерти отца, можетъ-быть и о своемъ сиротствѣ и предался весь безотчетной дѣтской горести.

— Что разрюмился, мазурикъ! сказалъ кто-то сзади Обѣрвыша, и послѣдовавшій за тѣмъ ловкій пиннокъ сзади послужилъ какъ-бы знакомъ прерыванія этой рѣчи, показывающимъ, что она относилась непосредственно къ Обѣрвышу. — Наши давно уже собрались и только ждутъ тебя: пѣтухи не хотятъ кричать безъ зашѣвалы.

Въ этой потѣхѣ участвовали только избранные, потому что немногіе рѣшались для нея дожидать полночи и подвергаться всѣмъ ея опасностямъ. Обѣрвышъ съ гордостью думалъ о томъ, что онъ—въ головѣ этихъ избранныхъ; но теперь ему было не до нихъ. Онъ едва могъ произнести сивовъ частыя всхлипыванія:—Батька умеръ!

— Вотъ-те на! А гдѣ, въ богадѣльнѣ?

— Нѣтъ: я-было нанялъ ему хватуру.... вотъ здѣсь.

— Хорошо сдѣлалъ, Ваня! Ну, такъ что жъ ты стоишь здѣсь, а отецъ себѣ-лежитъ мертвый, одинъ?

— Да я не знаю, Сеня, что мнѣ и дѣлать?

— Какъ что.... надобно хоронить покойника.

— Да какъ же мы будемъ хоронить?.... у меня ни роду ни племени, чтобъ похоронить его.

— Вонъ-на! А мы-то на что! Ужъ пѣтухи себѣ пускай

кричатъ какъ сами знаютъ... или поставить при нихъ Алёху зашъвалой..... а мы соберемъ своихъ, выросемъ яму, да и схоронимъ батьку-то.

— Нѣтъ, Сеня, не ладно: вѣдь надобно положить его въ гробъ, да позвать священника.... да отпѣвать....

— Гробъ-то мы сколотили бы.... досокъ можно вытащить изъ забора что вокругъ пустаго двора..... а Терёха мастеръ плотничать....

— Эхъ, Сеня! плохо, братъ!... еще никогда не бывало такъ плохо: отецъ мертвый середь избы, а тутъ стоишь и не знаешь что дѣлать!.... хоть волкомъ вой!.... (Сеня между-тѣмъ что-то придумывалъ.) Давеча у меня была казна, да всю протратилъ, чтобы пристроить его сюда.... думалъ: теперь-то ему пойдетъ житье, а онъ тутъ-то и умеръ. Да ужъ что было передъ смертью, Сеня, такъ послѣ расскажу.... Есть у меня, правда, и добрые люди, что не откажутъ помочь, да видишь, не изъ нашихъ.... вѣдь это все одно, что милостыня у нихъ просить....

— Молчи, Ваня!... придумалъ.... Тутъ рлякомъ живутъ наши ребята, изъ одной деревни со мною. Скажу, дядя умеръ изъ сосѣдней-де деревни: не оставятъ, похоронятъ, я знаю нашихъ; завтра жъ праздникъ, такъ имъ и на работу нейти.

— Ну, Сенюха, ужъ никогда не забуду я твоей службы! Помоги жъ мнѣ теперь уложить старика на постель, чтобы не валялся середь избы.... гдѣ столъ тамъ и умеръ, сердечный!...

Уличные мальчишки взошли въ подвалъ съ суетвѣрнымъ страхомъ, который тщетно старались скрывать другъ передъ другомъ: ночникъ нагорѣлъ; тишина была могильная; робко приближались они къ покойнику, подняли отяжелѣвшій трупъ и отнесли его на постель.

— Сеня, надо попрощаться съ покойникомъ.

— Страшно смотрѣть!

— Зажиуримся.

Мальчишки говорили тихо—почему?—сами не знали: вѣрно боялись потревожить вѣчный покой мертвеца. Они

поцѣловали его руку, потомъ трижды перекрестились, и торопливо хотѣли удалиться.

— Ваня! сказалъ второй изъ двухъ, указывая на что-то блѣвшееся на полу: это покойникъ видно обронилъ изъ-за пазухи..... возьми, оно твое.

Ваня робко поднялъ валявшуюся вещь и спряталъ ее къ себѣ, самъ не зная на что она ему можетъ быть нужна: это былъ свертокъ бумагъ. Мальчишки наконецъ вздохнули свободно, вышедши на чистый воздухъ.

На другой день сосѣдніе ребята призвали священника, похоронили старика на Волковомъ Кладбищѣ и отправились въ Глазовъ Кабакъ выпить за упокой его души. Оборвышъ остался одинъ на могилѣ своего несчастнаго отца. Онъ не былъ нѣжнымъ сыномъ: да и кому было развить въ немъ отрадное чувство дѣтской любви. Съ тѣхъ поръ какъ сталъ себя помнить Оборвышъ, отецъ его находился въ какомъ-то умственномъ разслабленіи; если узнавалъ сына, такъ это по привычкѣ, а не по влеченію природы. Только передъ смертью пришелъ въ себя, передъ смертью обратился къ нему въ первый разъ съ ласковымъ словомъ, какъ-бы для того чтобы дать сильнѣе почувствовать горечь вѣчной съ нимъ разлуки. Мысль совершеннаго сиротства, какъ и мысль совершеннаго отчужденія отъ отчизны, невыносимо тяжела для русскаго сердца, не привыкшаго къ космополитству. Ваня угадывалъ его инстинктивно; тяжело было, бѣдняжкѣ, на сердцѣ. Не для кого ему было ни копѣйку добывать, ни пожеланіе какое имѣть. Для себя?—но Ваня еще не видѣлъ наслажденія въ чувствѣ этого глубокаго эгоизма.—Сирота... сирота круглый!... думалъ Оборвышъ: сирота на всю жизнь!... Хоть бы была у меня собака, какъ у Оськи, чтобъ ласкалась ко мнѣ: а ужъ какъ-бы я теперь тебя, батько, тѣшилъ, лелѣялъ!... да нѣтъ: сыра могла не разступится... заговорилъ бы ты, родной, изъ гроба, такъ, и одинъ разрылъ бы могилу..... и досталъ бы тебя..... Голова моя, голова горемычная, куда я тебя понесу теперь! Бывало шаталась-себѣ отъ Иванова до Петрова дня, а все-таки вернешься къ отцу.... хоть и въ богадѣльню, а ровно дома побываешь.... А теперь.....—И мало ли какія мысли проходили черезъ голову бѣдняка, мало ли какія чувства

тѣснился въ душѣ его! Оборвѣвшъ пригорюнился и побрѣлъ тихо, очень тихо, какъ еще никогда не ходилъ—куда!—онъ самъ не зналъ. Нѣсколько дней сряду пропадалъ онъ; даже никто изъ уличныхъ мальчишекъ не выдалъ его; потомъ явился въ улицѣ близъ сѣренькаго домика.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

УЧЕНИЙ.

Въ глухой и отдаленной части города, въ глубинѣ двора, стоялъ маленькій деревянный домъ, чистенькій, хорошенькій. Къ нему примыкалъ садъ; березы достигали втораго этажа и заглядывали въ окна; болѣе смѣлыя стали свои вѣтви по крышѣ; сѣренькій домикъ улыбался имъ; ему было весело подъ ихъ защитой. Внутри домика царствовали также тишь и благодать, не отъ безлюдья, нѣтъ: въ немъ не отдавалось ни сыростью ни запустѣньемъ; тутъ обитали уже нѣсколько лѣтъ одни и тѣ же жильцы, и домикъ свыкъся съ ними, и они свыклись съ домикомъ, какъ-бы составляли часть его самого. Посмотрите, какъ радушно распростеръ онъ свои фронтоны, словно руки для объятій, всё для добрыхъ жильцовъ: другіе посѣтатели въ немъ за-рѣдкость. Слуховое окно наверху открыто всегда, чтобъ давать пріютъ безпріютнымъ: сюда влетаютъ и вылетаютъ вереницы голубей, и никто не тревожитъ ихъ, никто изъ жильцовъ не покусится полакомиться ихъ мясомъ: грѣхъ!... голубица—изображеніе чистоты, а въ домикъ—такіе жильцы, у которыхъ чистота души доведена до высочайшей степени. Голуби влетали даже въ окна верхняго этажа, невозбранно прогуливались по комнатамъ, даже сажались на плеча одинокому жильцу ихъ, а тотъ и не замѣчалъ; зато въ нижнемъ этажѣ все было вычищено, вымыто, выбѣлено, разложено и разставлено въ порядкѣ и симметріи. Но мы зайдемъ сначала вверхъ.

Переходя изъ комнаты въ комнату, вы задѣваете рукой или за деревянную модель, или желѣзный цилиндръ,

или какой-нибудь механической приводъ. Едва можно переступить черезъ разбросанные повсюду бруски стали и жѣла, обломки гвоздей и винтовъ, кучи шлаковъ и опилокъ, кучи бумагъ, книги и разбросанныхъ, развернутыхъ, кое-какъ развѣшенныхъ чертежей. На всемъ лежалъ толстый слой пыли, и часто паукъ убиралъ этотъ хламъ своимъ затѣйливымъ кружевомъ. Пройдя двѣ три комнаты, все въ томъ же видѣ, вы, въ растворенную постоянно дверь, невозбранно входите въ ту комнату, гдѣ поселился единственный жилецъ всего этого этажа, обладатель всѣхъ этихъ сокровищъ, которыя скопилъ онъ десятками годовъ, жертвою всего своего состоянія, здоровья, и которыя цѣнилъ выше всего въ мѣрѣ. Тутъ, за рабочимъ столомъ, сидѣлъ, склонившись надъ бумагами, добровольный мученикъ науки, старичокъ худой, изсохшій какъ старый пергаментъ, въ халатѣ, въ колпакѣ, натянутомъ низко на высокій лобъ, изъ-подъ котораго ярко свѣтились пара глубоко впавшихъ глазъ, какъ двѣ звѣзды изъ-подъ темны ночной. Вялые вѣки и темные круги около глазъ свидѣтельствовали о долгихъ бессонныхъ ночахъ, а сухой кашель, который заставлялъ его по-временамъ откладывать работу, о трудѣ непрерывномъ, напряженіи физическомъ и нравственномъ.

Назаръ Назаровичъ Пирожковъ былъ русскій ученый по-преимуществу, и терпѣливая усидчивость нѣмецкаго Gelester'a въ ночь замѣнилась постояннымъ нервическимъ состояніемъ, которое дѣйствовало разрушительно на его здоровье, а коитливое изсмѣдованіе, пытливость, съ которою сынъ Германіи добивается проникнуть истину, быстрымъ соображеніемъ, смѣтливостью, свѣтлымъ умомъ, чуждымъ схоластики и теорій, въ которыхъ перѣдко путается нѣмецкій ученый, наконецъ всеобщностью и многосторонностью знаній, доставшихся ему постояннымъ ученіемъ.

Вы могли бы обойти еще остальные двѣ комнаты и выйти въ двери, противоположныя тѣмъ, въ которыя вошли, и увидѣли бы все тоже: развѣ гдѣ-нибудь наткнулись бы еще на гвоздо, свитое голубяши въ пустомъ цилиндрѣ, до котораго Назаръ Назаровичъ уже не прика-

миса, боясь нарушить покой и семейное счастье жильцовъ. Всякаго бы удивило, однако, совершенное отсутствіе мысли объ удовлетвореніи физическихъ нуждъ этого челоѣка; не было ни постели ни даже кровати; на чашки ни ложки; нигдѣ крохъ отъ хлѣба, остатковъ отъ пищи; только немного зеренъ пшеницы валялось на полу, но, конечно, и тѣ были брошены кѣмъ-нибудь другимъ: у Назара Назаровича не достало бы на это ни смѣтки ни времени, хотъ бы и была добрая воля и заботливость о своихъ пернатыхъ посѣтителяхъ. Гдѣ жъ спалъ этотъ челоѣкъ? Тамъ, гдѣ, изнеможеннаго, заставляла дремота или, правильнѣе, онемѣніе, безчувственность всѣхъ членовъ: на стулѣ, на полу, гдѣ пригонялъ онъ разнородныя части своей машины, на балконѣ, куда порою выходилъ, чтобы освѣжиться. Кто кормилъ этого челоѣка, который забывалъ о пищѣ такъ же какъ и обо снѣ? Это мы вскорѣ увидимъ.

Еще вопросъ, и не менѣе важный другихъ: кто могъ востоянно поддерживать этотъ неугасаемый огонь въ груди бѣднаго труженника, это стремленіе къ раскрытію тайнъ природы, къ развитію, проясненію вопросовъ, занимавшихъ его, къ изысканію новыхъ двигателей, новыхъ дѣлителей во вселенной,—кто, спрашиваю васъ, и что? Какой-нибудь меценатъ, расточавшій ему свои блага и покровительство, компанія, вознаграждавшая золотомъ его трудъ и жизнь, слава, опояывая его одурѣвающимъ напиткомъ, который заставляетъ забывать жизнь и то, что отраднѣйшаго въ жизни? Ничуть не бывало. Объ немъ никто не зналъ, никто не слышалъ.... Но можетъ-быть узнаютъ, услышатъ?... Богъ вѣсть! Если это и случится, то, конечно, невѣдомо ему. Кто же, что? Собственное, глубокое убѣжденіе въ пользѣ, сознаніе своего таланта, котораго не хотѣлось бы зарыть въ землю, подобно известному рабу въ притчѣ Святаго Писанія? Сомнительно! Назаръ Назаровичъ никогда объ этомъ не думалъ, никогда не углублялся въ самаго себя, не заглядывалъ въ свою душу. Я полагаю, что онъ трудился себѣ такъ, безсознательно. Конечно, его веселило всякое открытіе, до котораго онъ наконецъ доходилъ послѣ многихъ годовъ труда: е! оченъ

веселило; но съ него уже довольно было и этой награды. Вы назовете это эгоизмомъ? Совсѣмъ нѣтъ: до такого глубокаго эгоизма доходить черезъ стремлешны чувствъ, черезъ горы страстей.

Назаръ Назаровичъ не жилъ душою: душа была въ немъ ребячески чиста; а дайте побрататься со свѣтомъ, бросьте въ нее хоть одно желаніе, одно сомнѣніе практическое, вѣ области наукъ, кто знаетъ что случится тогда и съ нею: выдержитъ ли она весь страшный искусъ свѣта! Но тутъ была жизнь иного роду. Едва разрѣшалъ онъ одинъ вопросъ, едва приподнималъ одинъ конецъ завѣсы, и уже увлекался новою мыслью, уже стремился узнать что скрывается далѣе, и энергическое напряженіе ума не прерывалось, и нить тянулась всё далѣе, всё тонѣе, и онъ работалъ, работалъ неусыпно, безотчетно тѣломъ и душой. И это жизнь! и она имѣетъ своихъ избраницковъ, своихъ рыцарей, очень немногихъ, но, конечно, самыхъ смѣлыхъ, самыхъ благородныхъ.

Съ нѣкотораго времени Назаръ Назаровичъ былъ особенно озабоченъ. Въ немъ зародилась мысль глубокая, свѣтлая, почерпнутая въ самой природѣ, и онъ вынашивалъ ее въ своей головѣ, какъ носитъ женщина плодъ любви подъ своимъ сердцемъ, и мучился онъ, и веселился, разрѣшалась отъ этой мысли. Разсматривая всѣ различныя силы, производимыя природою или человѣкомъ, онъ наконецъ убѣдился, что только тѣ изъ нихъ могутъ существовать постоянно, относительно вѣчно, тѣ только сообразны съ законами природы и естественны, которыя, слѣдуя общему порядку, могутъ воспроизводиться постоянно, или сами собою, или дѣйствіемъ воли человѣка, безъ потребленія началъ, матеріаловъ, которыхъ человѣкъ не въ силахъ создать или природа не успѣваетъ производить соразмѣрно потребленію. Такимъ образомъ, исчисливъ, сколько по настоящее время паровыя машины въ Европѣ истребили лѣсовъ и каменнаго угля втеченіи десяти лѣтъ, онъ ужаснулся своего расчета: онъ увидѣлъ, что это всепожирающее чудовище, при своемъ быстромъ увеличеніи угрожаетъ поглотить весь горючій матеріалъ прежде чѣмъ природа успѣетъ заготовить опять лѣса

для прокормленія его; не говоря уже о пластахъ каменнаго угля. Бѣдвяки и нынче начинаютъ чувствовать значительно возрастающую дороговизну топлива. А между-тѣмъ въ природѣ есть двигатели, дѣйствующіе или сами собою или посредствомъ другихъ силъ, производимыхъ природой по мѣрѣ потребленія ихъ.

Убѣждаясь безпрестанно въ томъ, что всякое произвольное движеніе основано на борьбѣ двухъ силъ между собою, двухъ антагоническихъ полюсовъ, положительнаго и отрицательнаго, что даже и движеніе самаго міра подчинено тѣмъ же законамъ, оперто на тѣ же начала, на сопротивленіе двухъ силъ, центростремительной и центробѣжной, Назаръ Назаровичъ придумалъ соединить въ системѣ одного механизма нѣсколько противодѣйствующихъ одна другой силъ; черезъ это непременно должна была увеличиться каждая изъ нихъ порознь, а масса всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ—и тѣмъ болѣе. Уже извѣстны въ природѣ нѣкоторые дѣйствителни, какъ то, электромагнетизмъ, сила тяготѣнія, и такъ-далѣе: а сколько такихъ, которые еще современемъ откроются!

Такимъ образомъ въ умѣ Назара Назаровича образовалась идея устройства огромной машины, которая, если бы и потребляла какіе-нибудь матеріалы для своего поддержанія, какъ потребляются кислоты при электро-магнетизмѣ, то вмѣсто ихъ давала бы другія произведенія, не менѣе полезныя: это была бы только переработка, а не истребленіе матеріалу. Уже созданіе его переходило на бумагу, множество чертежей, развернутыхъ на столѣ, осуществляло мысль; уже онъ вырѣзывалъ изъ картона нѣкоторыя отдѣльныя части; уже обнаруживалось движеніе колесъ, треніе цилиндровъ, колебаніе регулятора; проявлялась жизнь машины. Лицо Назара Назаровича блестяло улыбкою..... и вдругъ брови его опять хмурились, онъ опять углублялся въ выкладки, находилъ свою ошибку, пополнялъ недостатки, опять радовался, иногда хохоталъ какъ дитя: онъ былъ не одинъ,—въ обществѣ своихъ идей, своихъ мыслей, этихъ дорогихъ дѣтей его головы, съ которыми счастливо текла жизнь вѣчнаго затворника.

Въ это время въ передней комнатѣ возмущалась шумъ. Перепрыгивая черезъ кучи хлама, опрокидывая выдвигавшіяся на дорогѣ предметы, и нисколько не стѣсняясь въ своихъ движеніяхъ, взошелъ Обѣрвингъ. Увидѣвъ, что Назаръ Назаровичъ вдругъ стихъ послѣ громкаго смѣху и, застигнутый внезапно идеей, неподвижно устремивъ глаза въ потолокъ, что-то шепталъ, Обѣрвингъ, инстинктивно уважая это глубокое размышленіе, сѣлъ на первый попавшійся цилиндръ и молчалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

НЕДОУМАНІЕ.

Мы однако должны прежде объяснить, какимъ образомъ два существа, столь рѣзко другъ другу противоположные по всему, могли сойтись подъ однимъ кровомъ, въ одной комнатѣ, такъ сказать на одной доскѣ, и въ такомъ по-видимому тѣсномъ согласіи.

За годъ до того времени, съ котораго начали мы разсказъ, въ какой-то праздникъ, утромъ, когда народъ расходился отъ ѣдентъ, недалеко отъ приходской церкви валялось тѣло, еще теплое, еще живое, но до того обезображенное, забрызганное грязью и кровью, что въ немъ трудно было угадать, не только признаки жизни, но даже то, что это тѣло принадлежало мальчику, по-видимому нищему, едва начинавшему жить и... страдать. Люди терпеливо проходили мимо его, боясь ввязаться въ какую-нибудь исторію; только болѣе смѣлые стояли поодаль и толковали о томъ, какъ карета, запряженная четверней, сбила, переѣхала этого мальчишку и умчалась. Они жалѣли, что никто не остановилъ кареты и не представилъ ее въ полицію: одинъ извозчикъ, Ванька, подставилъ было ей свои дрожки, но ихъ откинуло дышлою кареты далеко всторону вмѣстѣ съ ключомъ. Смѣялись надъ Ванькой, который тутъ же распутывалъ оборванную упряжь своей лошади, и никто не прикасался къ мальчишкѣ, вѣроятно ожидая полицейскаго чиновника, хотя его никто еще не извѣстилъ о случившемся.

Зрѣвшіе это стало прискучать и самымъ празднымъ, и народъ мало-по-малу разбрелся. Въ то время изъ церкви выходили двѣ женщины, долѣ другихъ оставшіяся тамъ по случаю молебна, который онѣ слушали. Старшая изъ нихъ была лѣтъ сорока, высокая, стройная, съ выраженіемъ кротости въ лицѣ: она была вся въ черномъ; другая — въ сѣренькомъ, простомъ платицѣ, миленькая, робкая, жавшаяся къ рукѣ пожилой женщины, какъ жмется молодой голубь подъ крыло матери: она шла съ опущенной головою; влажные голубые глаза еще блестя святошью молитвы, которая упояла ихъ благодатными слезами; сердце еще трепетало благостыней. При видѣ несчастнаго мальчика, пожилая женщина вдругъ остановилась: это быстрое движеніе заставило ея спутницу приподнять голову.

— Несчастный! вскрикнула дѣвушка съ сердечнымъ сокрушеніемъ и кинулась къ нему на помощь.

Пожилая женщина пошла за нею. Несмотря на стражность положенія, эти женщины приподняли окровавленное тѣло и слабыми руками силились помочь ему; около нихъ опять образовался кружокъ любопытныхъ. Наконецъ изъ толпы вышелъ молодой человекъ: тронутый христіанскимъ состраданіемъ двухъ женщинъ, онъ усердно принялся пособлять имъ, усадил или, правильнѣе, уложилъ мальчика къ себѣ на дрожки и отправился за женщинами. Они пріѣхали прямо въ сѣренькій домикъ, о которомъ вѣсть рѣчь: двѣ женщины были Бенскія, а мальчикъ — Обрывишъ. Съ молодымъ человекомъ мы скоро опять встрѣтимся.

Обрывишъ не скоро оправился отъ болѣзни, и то остался не безъ вывихнутаго члена и значительныхъ углубленій и возвышеній на лицѣ и другихъ частяхъ тѣла. Бенскія ходили за нимъ во время болѣзни, а молодой человекъ, который оказался студентомъ медицины, пользовалъ его. Обрывишъ едва только могъ встать съ постели, какъ прішелъ къ своимъ спасительницамъ. Онъ низко поклонился, сперва матери, потомъ дочери, и, не промолвивъ ни слова, стоялъ передъ ними и щипалъ концы своей опояски; сле-

зы капали изъ глазъ и падали на открытую черную грудь его. Женщины догадались въ чемъ дѣло.

— Полно плакать, Ваня! сказала мать: мы ничего особеннаго для тебя не сдѣлали. Поговоримъ-ка лучше. гдѣ упріютить тебя.... Видишь... у насъ мужской прислуги нѣтъ.... не ловко однѣмъ женщинамъ съ мужской прислугой.

Слезы Ваня становились крупнѣе, всхлипыванія слышнѣе. Бѣдняга не вытерпѣлъ и зарыдалъ.... а вѣдь у него черствая душа, благодарности не понимаетъ!... Не понимаетъ: такъ откуда же эти слезы? Такія слезы льются только прямо изъ души. Ваня вышелъ. Между-тѣмъ Бенскія стали не-шутя думать, гдѣ бы помѣстить Обѣрвыша, думали, и придумали какъ-нельзя лучше—отдать Назару Назаровичу: слуга ему необходимъ, хоть онъ о томъ и не заботится, а Обѣрвышъ—самый некоштовитый слуга, тѣмъ болѣе, что онъ всё-таки останется на хлѣбахъ у нихъ же. Такъ и сдѣлали. Обѣрвышу жилось очень хорошо у Назара Назаровича: былъ сытъ, пригрѣтъ, подѣ-часъ приласканъ и, конечно, не могъ не сознавать самъ выгоды своего положенія; но онъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ себя поминать и до пятнадцати лѣтъ, прожилъ подѣ вольнымъ небомъ, внѣ всякой зависимости, свободный какъ птица; ему нуженъ былъ просторъ, нужно было дать по-времени разгуляться рукамъ. У него, правда, прежде не ходили желваки съ лица: зато была толпа своего мелкаго народу, бездомнаго и голоднаго какъ онъ самъ, но признающаго надъ собою его власть, страху ради и его смѣтливости, которую онъ всегда выказывалъ въ опасныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при нападеніи дворниковъ и даже при преслѣдованіи городовыхъ. Вслѣдствіе такихъ убѣдительныхъ причинъ, Обѣрвышъ сталъ чаще и чаще отлучаться изъ сѣренькаго дому и, наконецъ, приходитъ только нрѣдка, по старой памяти, тѣмъ болѣе что его встрѣчали нрѣдко здѣсь, то есть, въ нижнемъ этажѣ, выговоры и наставленія старушки Бенской, которые сильно щемили его сердце: онъ боялся этихъ выговоровъ гораздо болѣе чѣмъ всякихъ побоевъ. Чего бы не далъ онъ, чтобы заслужить похвалу, чѣмъ бы не пожертвовалъ,

чтобы только угодить своимъ спасительницамъ!... и между-тѣмъ никакъ не могъ совладать съ своею свободо-любивою натурой. На этотъ разъ, какъ увидимъ, Обѣрвышъ пришелъ съ важнымъ дѣломъ.

Назаръ Назаровичъ, вовсе не замѣчая его, быстро схватилъ перо, что-то написалъ, съ восторгомъ припрыгнувъ на стулъ, потомъ сталъ размахивать рукой какъ маятникомъ, считая вслухъ каждый взмахъ. — Видно на негошло! прошепталъ Обѣрвышъ, подошелъ къ Пирожкову и сталъ дергать его за рукавъ, какъ-бы пробуждая отъ сна. Назаръ Назаровичъ не обращалъ на это ни какого вниманія, но, окончивъ свое занятіе, всталъ; тутъ только онъ увидѣлъ его и, торжествующій, обратился къ нему.

— Ваня! сказалъ онъ, — замѣтимъ, что только въ этомъ домѣ называли его Ваней, вездѣ же Обѣрвышемъ, — Ваня! теперь эти силы въ моихъ рукахъ: нужно только ихъ соединить соразмѣрными приводами; но для этого у меня образецъ неподобный: гляди на этотъ скелетъ!... какъ чудно переплетены въ немъ мускулы, жилы!... какая соразмѣрность частей!... какое уравненіе упругости и емкости!... какой славный механизмъ!... нужно только подражать ему: да, да, природа лучше укажетъ чѣмъ Ваттъ!... Ваттъ геній — природа — творецъ! Ха, ха! какое чудище устрою я... какъ взмахнетъ оно крыльями и заработаетъ колесами... но не отъ расширенія пару, Ваня, не отъ сдвѣженія воздуха, а, отъ моей одной воли... да, Ваня, отъ моей.

Схвативъ голову Обѣрвыша обѣими руками, поворотивъ къ себѣ и наклонясь почти къ лицу его, онъ говорилъ все это, какъ только могъ громко.

— Занесъ ахинею!... поди ты съ нимъ, толкуй теперь дѣло!... Баринъ!... а баринъ, вѣдь худо!... такая причина веряжая!....

— Нѣтъ, Ваня, вѣтъ, хорошо; такъ хорошо!... какъ еще никогда не бывало.

— Ахти мнѣ!... надо жъ было родимцу прилучиться на эту пору....

Вскорѣ однако шумная радость Назара Назаровича исчезла и онъ перешелъ опять въ прежнее созерцательное положеніе и погрузился въ выкладки. Обѣр-

внять столъ, почесывая затылокъ; наконецъ, какъ-бы обрадованный внезапно явившеюся мыслью, выскочилъ изъ комнаты, сбѣжалъ внизъ и явился оттуда съ рукомыльникомъ. Онъ поднесъ сосудъ подъ самый носъ Назару Назаровичу, сунулъ ему мыло, и тотъ, привыкшій уже къ такому дѣйствию, машинально разставилъ руки, на которыя Обервышъ лилъ воду. Когда Назаръ Назаровичъ умылся, самъ не зная для чего и какъ, Обервышъ сталъ навливать на него платье и вскорѣ переселилъ его изъ халата въ широкій, вздернутый кверху фракъ, въ которомъ ему было такъ же ловко какъ турецкому рекруту въ уланской курткѣ. Такой же несоразмѣрности были панталоны, безъ штрипокъ, и жилетъ, а галстухъ доходилъ до ушей и закрывалъ весь его подбородокъ.

Увидѣвши себя совершенно одѣтымъ, Назаръ Назаровичъ, казалось, понялъ что дѣлать.

— Ахъ, Боже мой! я было совсѣмъ и забылъ, что пора давать урокъ моей воспитаницѣ! скорѣе!... трость и вотъ тѣ..... книги.

— Какія книги?... сегодня вѣдь праздникъ.

— Такъ зачѣмъ же ты одѣлъ меня? сказалъ съ досадою Назаръ Назаровичъ: вѣдь въ праздники я обѣдаю всегда дома!

Въ будни онъ обѣдалъ у Бенскихъ, гдѣ давалъ уроки.

— Эхъ-ма! бѣда, да и только! говорилъ Обервышъ, не зная какъ объяснить причину своего приходу и желая по-скорѣе выговорить се и обратить все вниманіе Назара Назаровича на предметъ, котораго важность самъ онъ исполнѣ угадывалъ. Въ домѣ-то у насъ не хорошо!.... совсѣмъ не хорошо.

— Что такое?

— Да то, что барышню нашу, того и гляди изведутъ!

— Какъ изведутъ?

— Да такъ!... совсѣмъ изведутъ; а вы себѣ-сидите, какъ ни въ чемъ не бывали.

— Да говори же толкомъ, что она..... больна?

— Была бѣ больна такъ выздоровѣла бы; а то хуже.... бѣда неминуемая!....

Маменька Оборвыша вполнѣ удалецъ. Чтобы представить себѣ историческіе Назара Назаровича, надобно знать, что Бенскіе были единственные люди, которыхъ постигалъ онъ. Пирожковъ училъ дочь Бенской, Ольгу, естественнымъ наукамъ и полюбилъ свою ученицу, кроткую, умную, милую. Можетъ-быть если бы онъ узналъ ее прежде, чѣмъ пристрастился къ наукѣ, то привязался бы къ ней съ тѣмъ же жаромъ, съ тою же увлекающею страстью, какъ къ самой наукѣ: русскому сердцу необходима потребность любить. Назаръ Назаровичъ, до того какъ познакомился съ Бенскими, жилъ одинъ какъ перстъ на ругѣ, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ радостей, даже безъ особенныхъ горестей, съ которыми бы могла бороться его жадная къ дѣятельности душа.

Пирожковъ съ возрастающимъ безпокойствомъ слушалъ сбивчивый рассказъ Оборвыша. Онъ видѣлъ ясно, что Ольга Бенской угрожаетъ опасность, но какого роду, какъ отратить ее и чѣмъ могло навлечь на себя какую-нибудь ненависть это существо, безусловно доброе и кроткое. Назаръ Назаровичъ, чуждый всякой опытности жизни, терялся въ догадкахъ. Онъ однако совершенно согласился съ Оборвышемъ, что обо всемъ этомъ надобно предупредить Бенскихъ, осторожности ради, а между-тѣмъ имъ самимъ неуспѣшно бодрствовать надъ безопасностью двухъ женщинъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПЕРВЫЯ МУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛЕЗЫ.

— Назаръ Назаровичъ?... Вотъ душка!... вотъ умница!... узнавъ, что у маменьки мигрень, что его ученица спитъ одна одиёхонька, скучаетъ, бѣдвенькая.... видите какъ скучаетъ?....

И дѣвушка, о которой мы уже говорили съ такою любовью, которая съ самоотверженіемъ кинулась на помощь къ валявшемуся въ грязи и крови Оборвышу, Ольга Бенская, подошла къ вошедшему Назару Назаровичу, взяла обѣими руками за обшлага фрака и смотрѣла прямо въ

глаза своими большими голубыми, какъ южное небо; глазами: лицо ея, въ началѣ рѣчи улыбающееся, свѣтлое, приняло шуточно-серіозный видъ, какъ-бы въ подтвержденіе того, что оно дѣйствительно случается.

— Нѣтъ, я не зналъ.... я не зналъ, что у маленьки мигрень, но очень радъ....

Почтеннѣйшій Назаръ Назаровичъ, которому и безъ того было неловко отъ лежавшаго камень на сердцѣ извѣстія, совсѣмъ смѣшался. Онъ этимъ обыкновенно начиналъ каждый урокъ свой, пока внимательная находчивость дѣвушки не приходила къ нему на помощь, пока онъ не вступалъ въ сферу своихъ обыкновенныхъ занятій, гдѣ умъ его былъ такъ могучъ и прекрасенъ: а тутъ еще вышелъ такой необыкновенный случай!

— Садитесь сюда.... здѣсь вамъ будетъ лучше, покойнѣе.... А вотъ и маленька!

— Назаръ Назаровичъ!... какимъ чудомъ вы обрадовали насъ не въ урочное время?....

— Важное дѣло.... произнесъ Назаръ Назаровичъ.

— Ужъ не нашли ль *regretium mobile*? спросила дочь.

— Нѣтъ, Ольга Петровна, положительно можно сказать, что *regretium mobile*, то есть, вѣчное движеніе, было бы возможно тогда только, когда бы возможно было найти такой кругъ, котораго діаметръ равнялся бы третьей части всей окружности. Назаръ Назаровичъ объяснился съ дамами какъ-можно понятнѣе. — Но вамъ хорошо извѣстно, что такой кругъ не возможенъ въ природѣ, а слѣдовательно и въ математикѣ.

— А по чему это мнѣ извѣстно?.... когда вы не хотите меня учить математикѣ.

— Математика, находя всему въ природѣ законы, съ тѣмъ вмѣстѣ подчиняетъ сердце уму, подводитъ его подъ общій уровень человѣческихъ свѣдѣній, не даетъ этому сердцу воли, простору..... а у женщины сердце должно преобладать надъ всею ся природою....

— Прекрасно, прекрасно, мой добрый, милый Назаръ Назаровичъ!... но не одна ли это только теорія?.... не случается ли также, что, несмотря на всѣ математическія выводы ума, сердце сбрасываетъ съ себя его господство и

сильно стучится въ грудь и буйствуетъ наперекоръ своему господину.... хоть господинъ и не замѣчаетъ этого?... Не случается ли это кое-съ-къмъ, Назаръ Назаровичъ?...

Дѣвушка лукаво грозила ему пальчикомъ. Другой бы не утерпѣлъ и кинулся расцѣловать этотъ пальчикъ, но Назаръ Назаровичъ опять сконфузился, какъ пойманный въ малости школьникъ.

— Такъ, значитъ, нашъ міръ склоненъ къ посто-
яству, къ покою?... я полагаю, что это хорошая его
сторона, сказала Ольга Петровна, желая ввести мудреца
въ прежнюю колею разговору.

— Нѣтъ! Въ мірѣ невозможно *вѣчный покой*, какъ невоз-
можно и *вѣчное движеніе*. Все живетъ, или существуетъ, и
обнаруживаетъ свою жизнь, свое существованіе, или движе-
ніемъ, или измѣненіемъ формъ, или по-крайней-мѣрѣ влія-
ніемъ на другіе предметы. Прежде упорно отвергали умъ у
животныхъ, волю у растений; но я вамъ доставляю сегодня
же книжечку, которая покажетъ ясно, какъ живутъ нѣко-
торыя животныя и есть ли въ ихъ жизни умъ. А растенія:
Боже мой, развѣ цвѣтокъ, простирающій свою головку
къ солнцу, сжимающійся при наступленіи темноты, пере-
дающій оплодотворяющую пыль другому, развѣ растеніе не
обнаруживаетъ ясно своей жизни, своего *дыханія*. Развѣ
нѣтъ незримыхъ простымъ глазомъ животныхъ въ снѣ-
гахъ, даже во льдахъ полярныхъ странъ, гдѣ по-види-
мому все мертво. Вездѣ, даже на днѣ морей, подъ давле-
ніемъ воды, ровнымъ давленію пятидесяти атмосферъ,
находятъ микроскопическихъ обитателей, которыхъ мо-
жно раздавить прикосновеніемъ пера.... И нѣтъ предѣ-
ловъ органической жизни!... Самые камни разлагаются,
измѣняются въ формѣ въ составныхъ частяхъ; міры раз-
рушаются подобно государствамъ.

— Боже! неужели то же бываетъ и въ нравственномъ мі-
рѣ, тоже происходятъ и съ нашими завѣтными чувствами?
вскрикнула Ольга, увлеченная рассказомъ Назара Назарови-
ча и какъ-бы страшась за свои нѣжнѣйшія ощущенія.

— Не знаю.... Но міръ нравственный и міръ физическій
такъ тѣсно связаны между собой....

Въ это время Назаръ Назаровичъ обратилъ свой взоръ

на Оборыша, который кашлемъ и движеніями показывалъ свое нетерпѣніе.

— Ахъ, я и забылъ!... я уклонился отъ предмета своего посѣщенія.... со мною это часто случается; я такой, право, неслыханный къ дѣламъ *серіознымъ*.... (Такъ онъ обыкновенно называлъ житейскія дѣла, которыми пренебрегалъ большую важность, потому что совершенно не понималъ ихъ). Какъ бы вамъ разказать все это по порядку?

— А! да вотъ самъ Ваня.... Онъ вамъ все разкажетъ. Пстой, Ваня, пстой, прервалъ онъ Оборыша, и, обращаясь къ дамамъ, прибавилъ: я долженъ предупредить, чтобы вы не испугались; тутъ нѣтъ особенной опасности.... Конечно, нельзя сказать, чтобы было совершенно безопасно, но всё-таки... если взять въ разсужденіе, что мы будемъ беречь васъ хорошенько, такъ нечего бояться... не правда ли Ваня?

— Ужъ вотъ какъ будемъ беречь!

— Ужъ вотъ какъ будемъ беречь, прибавилъ Назаръ Назаровичъ, путаясь въ объясненіяхъ.

— Вы насъ пугаете, сказала Мавра Бенская....

— Не бойтесь! пожалуйста, не бойтесь!... Вотъ видите, вы теперь не станете спокойно спать. Напрасно, Ваня, мы рѣшились имъ объяснить.

— Того..... произнесъ Ваня переминаясь съ ноги на ногу.

— Говорите же скорѣе!

— Опасность могла бы приключиться съ Ольгою Петровой, если бъ были....

— Съ моею Оленькой?... Возможно ли! Боже правды!...

И старуха Бенская прижала къ груди своей дочь, и при одной мысли объ угрожающей ей опасности, какъ голубица прикрываетъ крыльями птенцовъ отъ налета ястреба.

— Не безпокойтесь, маменька!... добрый Назаръ Назаровичъ такъ насъ любитъ, что готовъ самую тѣнь опасности принять за дѣйствительность.—И какъ-бы боясь этимъ оскорбить старуху, она обратилась къ нему съ своею кроткою улыбкой: — Добрый, милый Назаръ Назаровичъ!...

— Да!... можетъ-быть.... Ольга Петровна права... и я не знаю нужно ли, чтобъ Ваня разсказывалъ.. .

— Пускай, пускай его говорить.

Оборвышъ повторилъ какъ умѣлъ извѣстный уже читателямъ разговоръ обитателей подвала и ихъ страннаго гостя; но этотъ разговоръ, взятый самъ по себѣ, и особенно въ устахъ Оборвыша, который не могъ его ни понять хорошенько ни сохранить въ своей памяти, ни сколько не испугалъ Бенскихъ: самъ Назаръ Назаровичъ, забывшій страшное окончаніе этой исторіи недоумѣвалъ, что поразило его такъ сильно, когда онъ слышалъ ее въ первый разъ.

— Но какъ могли узнать, что мы иногда.... рѣшаемся облегчать страданіе несчастныхъ..... помогать?... это такъ рѣдко, рѣдко случается.... что скорѣе бы укорять меня слѣдовало.... Можетъ-быть такъ и было, да Ваня не понялъ....

Назаръ Назаровичъ, вполнѣ сочувствовавшій скромности Ольги Бенской, стыдливо опустилъ голову, и трудно было рѣшить, кто изъ нихъ обоихъ болѣе смѣшался.

— Что жъ мудренаго, моя милая, если какой-нибудь добрый человѣкъ, помогая неимущимъ, случайно наткнулся на бѣдняка, которому ты когда-нибудь помогла.... и тотъ открылъ ему тайну твоего благодѣлія?

— Добрый человѣкъ?... добрый человѣкъ? закричалъ гнѣвно Оборвышъ. Послушайте-ка конецъ исторіи... Тутъ-то и есть загвоздка.... будетъ вамъ добрый человѣкъ!...

Оборвышъ воспламеняясь болѣе и болѣе, едва могъ договорить, какъ его отецъ проклиналъ этого страннаго незнакомца и какъ старикъ окончилъ свою страдальческую жизнь.

Трудно изобразить ужасъ присутствующихъ, для которыхъ сцены, описываемыя Оборвышемъ, казались чѣмъ-то сверхъестественнымъ, произведеніемъ ада, а не людей, и въ глазахъ которыхъ самъ Оборвышъ принялъ какой-то фантастическій видъ. Трлячпикъ былъ слишкомъ занятъ своимъ повѣствованіемъ чтобы замѣтить впечатлѣніе, которое дѣлалъ въ другихъ. Онъ не останавливался, да и никто не смѣлъ его прерывать.

— Батяка мой, и живой, былъ не охочь говорить, про-должалъ онъ: а ужъ, коли, почитай, совсѣмъ мертвыи!... всталъ съ постели и учалъ заклинать этого бѣлобрысаго чорта. Такъ какой это добрый человекъ?... шалыганъ или еще что хуже!... разбойникъ этакой!... батяку погубилъ, и всю семью батяки.... ни дна бы ему ни покрывки... вотъ что!...

Странную группу составляли эти четыре лица. Ольга Бенская прижимала къ груди своей руки матери, какъ-бы стараясь показать что никто, ничто, ихъ не оторветъ отъ этой груди: она глядѣла нѣжно, чтобы затантъ въ сердцѣ малѣйшее движеніе страху, хотя онъ невольно пробивался въ ся ясное личико.—И будто такіе люди могутъ существовать на свѣтѣ? о!... этого не можетъ-быть, шептала она въ успокоеніе себя и матери.—Отчаяніе рѣзко выражалось на лицѣ старухи: эти поднятые вверхъ глаза, увлажненные слезами, эти полу-раскрытыя блѣдныя губы, казалось, взывали къ небу о помощи: и къ кому другому могла прибѣгнуть она съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ? — Къ кому?... а къ этому старику; онъ, правда, еще меньше ихъ звалъ свѣтъ съ его безконечными изгнанами и ухищреніями, меньше ихъ былъ способенъ бороться съ людьми, но его душа кипѣла благороднымъ самоотверженіемъ, готовая на бой со всѣмъ свѣтомъ, готовая пасть за этихъ несчастныхъ, беззащитныхъ, у кого, кромѣ Бога, никого въ мірѣ не было. И что до нихъ было свѣту, до ихъ, которые совершенно отчуждались отъ него, посвятивъ себя доброму дѣлу и молитвѣ? Неужели этому свѣту стало завидно, глядя на ихъ мирную жизнь, когда онъ каждый день волнуется и готовъ распасться на части отъ потрясающихъ его страстей, отъ горя, гнетущаго сверху, отъ сокрушающихъ нуждъ или дикой и неестественной радости.

Бенская, мать, протянула старику руку, молча; тотъ поцѣловалъ ее робко, съ признательностью за эту безусловную довѣренность.

— Не бойтесь, барыня, не выдадимъ!... я не буду отлучаться изъ дому, развѣ чтобъ разузнать кое-что, сказалъ

Оборвышгь, возвысивъ голосъ въ этой общей благоговѣйной тишинѣ.

Старушка вспомнила, что у ней есть еще одинъ защитникъ на землѣ и съ благодарностью обратилась къ Оборвышу, приподнявъ опущенную на грудь голову... и, вдругъ, взоръ ея остановился на новомъ лицѣ, котораго никто до того не замѣтилъ, потому что каждый былъ слишкомъ занятъ настоящимъ положеніемъ. Старушка въ испугѣ вскрикнула, вскочила и заслонила собою дочь. Ей казалось, будто опасность уже настала, и она готова была защищать свое дитя съ ожесточеніемъ львицы, у которой хотѣть похитить ея дѣтей. Недоумѣніе продолжалось нѣсколько мгновеній. Незнакомецъ первый перервалъ его. Неподвижный, холодный, равнодушный, въ прежнемъ своемъ положеніи на порогѣ комнаты онъ произнесъ съ едва прикѣтнымъ наклоненіемъ головы:

— Я васъ испугалъ?... извините.

— Это не *тотъ* шалыганъ, сказалъ Оборвышгь, сурово глядя на него. — Да и этотъ, почтай не лучше, прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Чтѣ вамъ угодно? спросилъ твердымъ голосомъ Назаръ Назаровичъ.

— Мнѣ нужно Назара Назаровича Пирожкова.

— Я къ вашимъ услугамъ. Чтѣ прикажете?

— Дѣло требуетъ нѣсколько продолжительнаго объясненія, дамамъ скучно будетъ слушать, сказалъ незнакомецъ, безпечно грызя попавшуюся ему соломинку.

— Такъ не угодно ли пожаловать въ мой кабинетъ? Ваня, проводи на верхъ господина. Я сейчасъ явлюсь къ вамъ.

Незнакомецъ по-видимому не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить того замѣшательства, которое произвелъ своимъ внезапнымъ появленіемъ; онъ не обратилъ даже вниманія на дѣвушку, между-тѣмъ какъ та, освободясь отъ перваго испугу, съ особеннымъ изумленіемъ глядѣла на его гордый, возвышенный лобъ, на смуглое лицо, выражавшее безпечную отвагу, на эти глаза, полные блеску, и на разметанные въ беспорядкѣ кудри черныхъ волосъ. Его нельзя было назвать красавцемъ: далеко нѣтъ; но

лицо полнилось выраженіемъ и какой-то могучей силой; черты его, чрезвычайно неправильныя, если разбирать ихъ порознь, вмѣстѣ взятыя превосходно гармонировали между собою и были замечательны особеннымъ характеромъ рѣшимости; самое платье его, вовсе не щегольское, сдѣлано очень ловко, имѣя видъ изящной простоты, и даже невниманію незнакомца ко всему окружающему не выказывало въ немъ дерзости и нахальства, но скорѣе равнодушную безпечность, которая, при видимой силѣ характера, показывала увѣренность въ самомъ себѣ и какъ-то чрезвычайно шла къ нему.

— Странное посѣщеніе! произнесъ старикъ, оставшись съ дамами: впрочемъ, ясно, оно не имѣетъ ничего злобѣщаго.... кромѣ развѣ того, что я долженъ оставить свою милую ученицу, прибавилъ онъ ласково глядя на нее и и удивляясь самъ своей находчивости.— Но на этотъ разъ Назаръ Назаровичъ не вызвалъ обыкновенной улыбки на уста ея. Приписывая молчаніе еще продолжавшемуся неугу, онъ прибавилъ:— Не бойтесь! не бойтесь!... я надѣюсь, что сдѣлалъ глупость.... то есть, что всѣ наши опасенія были напрасны.

— Дай-то Богъ! сказала съ глубокимъ вздохомъ старушка, сжимая руками свою горящую голову.

— Болитъ?... позвольте вашъ пульсъ.... скоръ!... я пришла вамъ капель.

Ольга всё молчала.

— А для васъ, моя ученица, я пришла описаніе нравовъ и жизни львовъ: прекрасное, живое сочиненіе, чуждое сухой и сбивчивой номенклатуры, которая и намъ старикамъ надоѣдаетъ; вы съ нимъ не соскучитесь.— Ахъ, какой же я! вскрикнулъ онъ шутливо, какъ-бы что-то припоминая.— Добрый человекъ! онъ всячески старался оставить своихъ дамъ въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ онѣ были:— Я совсѣмъ и забылъ, что сегодня праздникъ..... такъ ли?... спросилъ онъ, усердно вызывая на разговоръ.

— Да!

— Такъ о чемъ же я хлопочу? Значитъ, сегодня придетъ нашъ достойный молодой человекъ, нашъ ученый

студіозусь медицины, нашъ добрый Иванъ Андреевичъ Неводинъ.

— Богъ съ нимъ!... онъ такой застѣнчивый, такой скучный! произнесла Ольга, удерживая свои слезы. Маленькая ны сегодня очень страдаете....

— Да!... къ сожалѣнію, я не могу принять нашего молодого друга.

— Добрая, милая маменька!... Назаръ Назаровичъ, пришлите мнѣ жизнеописаніе львовъ....

Назаръ Назаровичъ ушелъ.

Ольга кинулась на грудь матери и горько зарыдала. Отъ чего? Она сама не знала; а мы и подавно. Бѣдненькая! она только чувствовала, что у нея тяжело, тяжело, на сердцѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СЕРДЕЧНАЯ ТРЕВОГА.

Угадывала ли старушка Бенская томленіе дочери? Этимъ тонкимъ все проникающимъ чувствомъ матери, этимъ сердцемъ, созданнымъ для любви безусловной и безграничной, не постигала ли она, инстинктивно, неизвѣданнаго еще источника скорби своей дочери? Какъ бы то ни было, она страдала вдвойнѣ; страдала за себя, страдала за дочь, и должна была таять въ сердцѣ свои мученія, тщетно стараясь извинять слезы Ольги сильнымъ волненіемъ, потрясеніемъ чувствъ, котораго не могла не испытать бѣдная дѣвушка въ тотъ день.

— О, да, да! говорила дочь, глотая слезы: рассказъ Вани меня сильно взволновалъ!

И онѣ старались успокоить одна другую, не находя покою въ самихъ себѣ.

Ольга заботливо уложила страждущую мать въ постель и съѣла у ея изголовья.

Мать закрыва глаза, будто дремлетъ, и Ольга, боясь разбудить ее, вышла въ свою комнату. Глаза ея уже были сухи; но еще горѣли отъ ѣдкихъ слезъ. Она сжимала грудь, стараясь удержать учащенное біеніе сердца, кото-

рое, казалось, хотѣло вырваться на волю; кровь разъигрывалась, приходила въ броженіе, то подступала къ сердцу, то приливала къ головѣ; щеки, то алѣли, то блѣднѣли, и было прекрасно это лицо, всегда тихое, кроткое, только впервые воспаленное невѣдомыми страстями; а эти страсти подготовлены, конечно, частью чудными происшествіями того дня, частію же осемнадцатою весною, которую увидѣли голубые глаза дѣвушки со дня своего рожденія.

Въ воображеніи Ольги рисовалась фигура отца Обобрывша, грозная, съ выраженіемъ смерти на дрожащихъ губахъ, которыхъ послѣднее слово было, не молитва, не примиреніе съ миромъ, но проклятіе: и тотъ, падъ къ кому разрывлось оно, кто носитъ его въ сердцѣ и на лбу своемъ, во вѣки неизгладимое по ея понятію, тотъ..... можетъ-быть совсѣмъ невиненъ. Она думала объ Обобрывшѣ, котораго благородные порывы не-разъ пробивались сквозь черствую оболочку и странно противорѣчили его состоянію и наружности. Наконецъ передъ нею мелькало лицо незнакомца: она едва видѣла его, не могла хорошо составить себѣ его очертаніе, но тѣмъ фантастичнѣе представлялось ей это лицо: воображеніе разрисовывало яркіе узоры по грунту, богатому тѣнью и свѣтомъ. Тщетно силалась она освободиться отъ тѣснившихся въ головѣ мыслей, тщетно искала мира въ самой себѣ: а кругомъ ея было все такъ спокойно, такъ все располагало душу къ этому миру и благодати, которая впервые утратила Ольга, омрачася земными ощущеніями!

Комната ея дышала дѣвичьей чистотой; у образа—лампадка, теплящаяся по случаю праздника; на столѣ—два портрета, дорогіе ея сердцу: женскій, съ своею кроткою улыбкою, съ выраженіемъ добродушія въ лицѣ, въ большомъ чепчикѣ, съ розою у груди; мужской, съ гордымъ видомъ, съ обнаженной шпагой, на конѣ, въ полномъ мундирѣ павловскихъ временъ, казалось, готовый кинуться въ кровавую сѣчу или на отмщеніе задушевной обиды. Довольно было взглянуть на Ольгу, въ лицѣ которой воплотились эти два портрета, чтобы сказать, съ кого они срисованы. Тотъ, кто такъ грозно летитъ на бой, давно сраженъ роковымъ ядромъ, и спитъ сномъ смерти

далеко, далеко, отъ нея; та, которой лицо такъ тихо, спокойно, теперь мечется въ горячей постели тоской и отчаяніемъ. Возлѣ портретовъ—развернутая Библия; да-лѣе, нѣсколько полокъ съ книгами, пальцы, постель за занавѣской, постоль, гдѣ сладкіе сны баюкали душу чистую, безмятежную. Надъ окнами—кисейныя гардинки. На окнѣ—два горшка съ двѣтущими розами, на которыхъ такъ часто, съ такой любовью, останавливался взоръ дѣвушки, чтобъ бесѣдовать съ ними; теперь онѣ нѣмы: онѣ ничего не напоминаютъ. Взоръ Ольги скользнулъ по нимъ и усталъ, блуждая, на книгу, которую прислалъ Назаръ Назаровичъ; потомъ устремлялся за окно, на яркую зелень садика. Тамъ было такъ же тихо и мирно какъ и въ комнаткѣ: уличный шумъ долеталъ до нея неопредѣлительно, глухо, какъ шумъ падающей воды; чаша вѣтвей стояла неподвижно; изъ сплошной массы ея мѣстами выбѣгали поростъ молодой березы или возвышалась стройная, пирамидальная ель и рисовалась на горизонтѣ, который въ этотъ день былъ даже изрѣденъ, что съ нимъ очень рѣдко случается; воздухъ струился съ неба тонкій и жаркій; жаворонокъ кружился въ немъ или оставался недвижимымъ, повиснувъ въ свѣтлой стихіи, какъ-будто купался въ ея лстучихъ зыбяхъ и что-то пѣлъ такъ звонко.... Но Ольгѣ скучны были эти пѣсни: теперь онѣ ничего не сказывали ея душѣ. Вотъ промелькнулъ за садикомъ молодой студіозусъ, какъ называлъ Назаръ Назаровичъ Невзгодина: онъ шелъ къ дому Бенскихъ: лицо улыбающееся; оно чисто, пристойно, не то чтобы дурное, не то чтобы хорошее; лобъ лоснящійся, ровный, безъ выпуклостей, безъ сгибовъ, такъ что муха не пройдетъ не поскользнувшись; изъ-подъ шляпы виднѣются свѣтлорусые волосы, плотно приглаженные на вискахъ; трудно было опредѣлить цвѣтъ глазъ его: они совершенно сливались со стекломъ очковъ и отражались въ нихъ двумя лучистыми дрожащими точками; одна рука закинута назадъ, другая придерживается пальцемъ за нижнюю пуговницу мундира. Онъ шелъ мелкимъ, но скорымъ, шагомъ и что-то шевелитъ губами: можетъ-быть повторялъ привѣтствіе, которое готовился произнести, и словно былъ доволенъ имъ. Но вотъ, онъ уже

и возвращается, узиавши у дверей, куда постучался, что барыня больна: а какъ же барыня! одной править молодого человѣка! Теперь онъ идетъ тихо, съ опущенною головою, съ опечаленнымъ видомъ. Ольга все это замѣтила и не сѣтовала по немъ.... а она такая добрая!

Почти вслѣдъ за нимъ шелъ незнакомецъ, окончившій свою продолжительную бесѣду съ Пирожковыми: поравнявшись съ окномъ, онъ оборотилъ къ сторонѣ его голову, можетъ-быть чтобы взглянуть на зелень и цвѣтъ сада, который находился между нимъ и окномъ. Ольга видѣла это движеніе, это лицо, въ которомъ по-прежнему отражались или безусловная безпечность или совершенная нравственная истома: между-тѣмъ какъ этотъ огненный взоръ такъ много говорилъ о жизни, у которой онъ, казалось, ничего не просилъ, но требовалъ всего гордо, повелительно. Дѣвушка вздрогнула неволью и отошла отъ окна.

Лихорадочное состояніе волновало ее; голова горѣла. Бѣдная не выдержала. Она кинулась къ столу и опустила воспламененную голову свою на кожаный старинный переплетъ Библіи. Искала ли она прохлады своему горящему челу или святаго внушенія непреложной книги; молилась ли она или плакала.... нельзя было видѣть.... Неужели она уже любила?... о нѣтъ! Спросите ее саму, и она вамъ вѣрно скажетъ, отъ глубины души, со всею непорочностью своего дѣвственнаго сердца—нѣтъ! Что же это за состояніе такое темное, еще невѣдомое, тревожное, сокрушающее? Если дѣйствительно не любовь, то не новорождающаяся ли потребность любить, чувство, вложенное въ душу вмѣстѣ съ нашей жизнью, чувство, которое развивается при тепломъ вліяніи свѣту, мало-по-малу, исподволь, подобно цвѣтку, у иныхъ заглушаемое при самомъ зародышѣ сорными травами или погибающее отъ зноя и непогоды; у другихъ, долго затаенное, прикрытое, удерживаемое отъ развитія, пока вдругъ, отъ одного прикосновенія благотворнаго луча, не разовьется быстро, роскошно и не прищипеть водъ кровь свой всей души человѣка, всего существа? Это нравственное явленіе—то же что въ физическомъ мірѣ метеориты, падающія звѣзды, огненные шары. Что они откуда являются? изъ какихъ невѣдомыхъ странъ и на-

цать? Или—из облачного ли пространства, находящагося въ атмосферахъ нашей планеты, изъ вулкановъ ли, клокочущихъ на лунѣ? Не частицы ли самой Земли, преобразенныя и снова возвращаемыя ей, или обломки распадающихся мировъ—ученыя недоумѣваютъ!

Ольга приподняла голову, въ томленіи сжала грудь обѣими руками, и, наконецъ, выдохнула глубоко, глубоко, какъ-бы силась освободиться изъ-подъ злаго обаянія. Глаза, увлажненные печалью, тоскливо бродили по комнатѣ и вдругъ остановились.

— Ваня!... Ты что здѣсь?

— Я.... тово.... барышня, не плачьте....

— Тебѣ жаль меня?

— Больно жаль!...

— Ничего, Ваня. У меня голова болитъ.... Здѣсь болитъ.

— Подъ ложечкой?... Испейте богородицкой водицы: Федосья говоритъ—отъ этого проходить.—Ухъ, злодѣи, вонадись они мнѣ! прибавилъ Оббръвышъ, грозя кулакомъ на весь міръ, обидѣвшій его спасительницу.

Ольга глядѣла на него съ грустью: на своего защитника.

— Барышня, сказалъ Оббръвышъ: у меня осталось наследство отъ батки: вотъ оно.... (И онъ подаль Ольгѣ запечатанный свертокъ бумагъ, который подвѣсилъ въ подвалѣ возлѣ трупа своего отца.) Посмотрите, что въ немъ? А можетъ что-нибудь нечистое: видите.... внутри твердо! Не кануть ли его въ печь?

— Какъ можно, Ваня! Это единственная память, которую отецъ оставилъ послѣ себя: она должна быть тебѣ священна. Береги ее, Ваня: можетъ-быть это его завѣщаніе, его задуманные чувства, можетъ-быть письмо твоей матери: а почему знать, можетъ-быть тутъ скрывается что-нибудь такое, изъ чего можно узнать о твоёмъ происхожденіи?

— Можетъ-быть, сказалъ бессмысленно Оббръвышъ. Знаешь какъ бы узнать это?

— Надо посмотреть, прочесть.

— А можно?

— Можно; только я не рѣшусь нарушить тайну, скороненную здѣсь и вѣрно священную для тѣхъ, до кого она касается. Думаю, что и маменька не рѣшится.

— Какъ же тутъ быть?

— Надобно, Ваня, чтобъ ты самъ прочелъ эти бумаги: онѣ по праву принадлежатъ тебѣ одному.

— Да вѣдь я ничего не разумѣю въ книгахъ.

— Учись читать.

Оборвышь почесалъ затылокъ.

— А можно?

— Почему же!

— Не одурѣешь отъ этого?

— Чтò ты, Ваня!... да развѣ мы всѣ съумасшедшіе, а вѣдь мы умѣемъ грамотѣ?

— Вы-то, какъ можно!... какъ, съумасшедшіе!... чтò вы!... А вотъ баринъ-то, такъ... тово... маленько....

— Полно, Ваня! Твои опасенія напрасны. Примись-ка хорошенько учиться: это тебѣ пригодится со-временемъ; мы всѣ будемъ тебѣ помогать.....

— Да коли этого вамъ хочется, такъ почему же?... можно..... попробую....

Онъ не успѣлъ договорить рѣчи, и быстро подбѣжалъ къ окну, какъ-бы кого-то увидавъ. Выпрыгнувъ въ садъ прежде чѣмъ Ольга замѣтила его движеніе, онъ уже перелѣзъ черезъ плетень, выдернулъ изъ него дреколье и пустился бѣжать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВОЛКОВО ПОЛЕ.

Садъ сѣраго домика примыкалъ къ дорогѣ, которая шла между рядомъ домовъ, большею частью деревянныхъ или одно-этажныхъ каменныхъ, огородовъ и садовъ съ одной стороны, и Лиговкой съ другой. На улицѣ валазся булыжникъ и щебень: это называлось мостовою: въ мѣстахъ и тѣхъ не было. Моста черезъ каналу Лиговку вблизи домика въ наличности не имѣлось, а переходили, кому было нужно, по доскамъ и кладямъ, исторымъ одинъ

изъ сосѣднихъ жильцовъ клали для общей пользы; а другіе воровали для своей собственной. За канавой лежало открытое болотистое мѣсто, известное всѣмъ подъ именемъ Волкова Поля, той части Волкова Поля, которая еще находится въ обладаніи живыхъ. Мертвые спятъ подалеже, за дорогой, подъ охраной церкви. Живые пользуются другимъ участкомъ Волкова Поля, вовсе не заботясь о покоѣ своихъ мирныхъ сосѣдей.

Тутъ, вы видите желтый домикъ, далѣе нѣсколько баттарей, нѣсколько артиллерійскихъ орудій, иногда мѣдныхъ съ чугунными каналами, иногда чугунныхъ съ каинитъ-нибудь страннымъ затравочнымъ винтомъ, съ лафетами замысловатыми, однимъ словомъ, не такъ какъ бываетъ при обыкновенныхъ баттарейхъ; видите вдали нѣсколько щитовъ, нѣсколько шестовъ указывающихъ наблюдательную линію или что-нибудь подобное; Волково Поле пусто, мертво, какъ-будто-бы поступило уже во владѣніе своихъ сосѣдей, которыхъ рано ль поздно ль ему не избѣжать. Но когда къ желтому домику подѣдутъ коляска и гидрожка и около баттарей покажется офицеръ въ сюртукъ, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и красною выпушкою, иногда съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и голубою выпушкою, вдругъ заходятъ люди у зарядныхъ ящиковъ, близъ орудій. Раздадутся слова: *первая — пли*, на баттарейхъ издается дымокъ, и поле загудитъ отъ пальбы, отъ взрывовъ и перекатовъ выстрѣла. Сосѣди живые и мертвые уже привыкли къ этимъ внезапнымъ проявленіямъ шуму и тревоги на Волковомъ Полѣ.

Мы уже сказали, что этотъ день, такой обильный тревоженіями для сѣренькаго домика, былъ праздничный, а въ праздникъ Волково Поле отдыхаетъ, спитъ.

Безнакомецъ, котораго цѣль посѣщенія ученаго затворника была такъ проста и чисто специальна, оставилъ, какъ мы видѣли, самое странное впечатлѣніе въ сѣренькомъ домикѣ; вышедши за ворота, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и потомъ перешелъ по шаткимъ кладкамъ черезъ канаву, на Волково Поле. По невѣрнымъ, несравненнымъ шагамъ, по разстѣянному виду незнакомца, можно было догадаться, что онъ не имѣетъ особенной

шудящей причины для своей похвалы. Очнувшись въ этой отдаленной части города, онъ вспомнилъ объ изобрѣтеніи англійскаго профессора Витетона и русскаго оевпера Константинова съ помощію французскаго часоваго мастера и механика Бреге, объ аппаратѣ для вычисленія времени полета ядра: онъ зналъ объ немъ только изъ иностранныхъ ученыхъ отчетовъ. Тутъ математическія вычисления, которыя такъ сильно увлекаютъ умы, расположенные къ нимъ, не могли не поразить его, и онъ хотѣлъ убѣдиться въ ихъ вѣрности на дѣлѣ и, если не увидѣтъ опыты, производимые съ инструментомъ, по-крайней-мѣрѣ взглянуть на инструментъ, чудо механики. Незнакомецъ переступалъ съ кочки на кочку, пробираясь къ башенкѣ, устроенной собственно для этихъ опытовъ.

Полный мыслями, которыя возбудили въ немъ смѣлый, свѣтлый умъ, новая блестящая теорія и оригинальный характеръ Пирожкова, незнакомецъ терялся въ недоумѣніи, какимъ образомъ подобные люди могутъ укрываться отъ общаго вниманія, быть вовсе незамѣченными въ свѣтѣ, и отчего у насъ, въ Россіи, говоря собственно о публикѣ, происходитъ вообще такая холодность къ новымъ отечественнымъ изобрѣтеніямъ. Мы молоды, это правда; но свѣжій умъ нашъ, юношеская пылливость и то энергическое успіе, которое такъ свойственно намъ преимущественно передъ другими народами, не дадутъ Русскимъ покою. Между-тѣмъ мимо насъ мелькаютъ имена, которыми гордилась бы нація болѣе образованная, почти незамѣченными: а сколько прекрасныхъ геніальныхъ изобрѣтеній пропало безъ участія, безъ содѣйствія публики!

Недостатокъ въ кредитѣ господствуетъ не только въ коммерческомъ мірѣ, но и въ сферѣ нашихъ знаний. Первый вопросъ, рождающійся въ публикѣ при всякомъ новомъ открытіи: не шарлатанство ли это? Какъ-будто она не можетъ, или не хочетъ даже, взять на себя труда послѣдовать дѣло, и только когда правительство, всегда готовое на помощь полезному, разовѣтъ передъ нею новое изобрѣтеніе, она начинаетъ обращать на него вниманіе, но и тутъ съ недоувѣрчивостью къ изобрѣтателю, съ робостью къ самой себѣ. Конечно, есть у насъ промышленныя за

дѣла или легковѣріе людей, которые отчасти и поборники общественный кредитъ: но у насъ можетъ-быть икъ меньше чѣмъ у другихъ народовъ, гдѣ при всемъ томъ существуетъ вѣра во всякіе роды изобрѣтеній и жаркое къ намъ стремленіе, гдѣ, при всемъ уваженіи къ напяти предковъ, не довольствуются тѣмъ что они принесли на алтарь званій и думаютъ и работаютъ сами. Впослѣдствіи мы увидимъ, какое странное впечатлѣніе произвело въ публикѣ открытіе, нѣвшее немисчислимыхъ послѣдствій, превратившее въ Крезовъ такъ много людей, доставившее намъ неисчерпаемый источникъ богатства.

Молодой человѣкъ осматривался кругомъ, ница сторожа или кого-нибудь изъ людей, кто бы могъ его провести въ башенку. Вскорѣ примѣтилъ онъ вдали себаку, которая кружилась около одного мѣста, и, заключивъ, что тутъ есть люди, отправился къ нимъ. Онъ не ошибся. За кустами тощаго березняку стояли два человѣка и, въ полной увѣренности, что кругомъ не было живой души, говорили довольно громко. Первые, долетѣвшіе до слуха незнакомца, слова такъ поразили его, что онъ невольно остановился.

— Песлушай, Оська, говорилъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ пестрядиномъ халатѣ, какой носятъ обыкновенно мастеровые ученики: взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ!

— Чтò присталъ съ ножомъ къ горлу? отвѣчалъ человѣкъ, среднихъ лѣтъ, высокій, тощій съ рѣдкими волосами на головѣ; черные зрачки глазъ его стояли неподвижно въ большихъ бѣлкахъ, подернутыхъ красноватой пленкой и обведенныхъ снизу синими кругами; лицо было легое взято, избито, что походило на дрянную дырявую травину, которою дитя изъ шалости повисло голову куклы; одежда состояла въ коротенькой свиткѣ, надѣтой въ одинъ рукавъ и небрежно спадавшей съ другаго плеча, острого, выдававшегося вверхъ, какъ бѣльшему частью у поморосійскихъ мужиковъ.— Чтò присталъ ко мнѣ съ ножомъ? Взялся да взялся. Кто взялся? Самъ навалили на меня эту проклятую работу. Чорту се на плечи свалить, а не мнѣ! Не стану сегодня работать; сказалъ, что не стану:

сегодня праздникъ, и я не собака какая; умѣю чествовать праздникъ; да еще сегодня Прохора, — шутка ли! А на другой день праздника, известное дѣло, опохмѣляться надо. Ну, послѣ завтра, увидимъ.

— А задатокъ?

— Чтò, задатокъ! Я отдамъ назадъ задатокъ, да, и только.

— Полно, отдашь ли? замѣтилъ лукаво мальчикъ.

— Ей-же-ей! отдашь бы, когда бъ не оставилъ въ Глазовомъ.

— Тò-то же! Смотри. Оська: вѣдь это работа для того барина..... знаешь!.... онъ вѣдь шутить не любитъ.

— Чтò мнѣ дотого барина.... Я самъ себѣ баринъ. Послушай, Федулка: у тебя, чертѣнка, вѣдь всегда деньги есть. Дай опохмѣляться.

— Какія у меня деньги!

— Ну, не купорься же!... вѣдь отдашь.... лѣшій ты этакой.... ей-же-ей! отдашь, чудакъ! Любезный другъ, вѣдь я только задатокъ взялъ, а плата впереди.

— Плата! А самъ отпѣкиваешься отъ работы: какая тутъ плата!

— Ну, полно же!... не сердись.... послѣ завтра.... такъ и быть, послѣ завтра. Ужъ не только женщину, дитя приходи ко мнѣ, и передъ тѣмъ не пзмѣню, не разжалоблюсь, хоть онъ расплачься передо мною!

И этотъ человекъ, которому по наружности казалось лѣтъ за-сорокъ, хоть ему не было и тридцати, видимо унижался передъ мальчишкой.

— Смотри, Оська! полно шутять-то. Дѣло важное и чести много. Вогъ тебѣ: сегодня пей, завтра опохмѣляйся, а послѣ-завтра лежать мнѣ смирно какъ мертвецу, стоять какъ даве баба Акулина, когда ей, вѣдьмѣ, перешибли на шабашѣ ребра... чтобъ вина и духу не было во рту!.. а лучше всего не клястись, не лаяться. Ну, рассказывай теверь, гдѣ она живетъ? Надо прежде хорошенько высмотрѣть, съ какой стороны зйти; а то послѣ отъ тебя толку не добьешься, благо-что въ мошнѣ зашевелилась копейка.

Оська проворчалъ сквозь зубы какое-то проклятiе. Сильно у него свербѣли руки, чтобы осадить сѣкъ этого

грязнаго мальчишки, который, несмотря на свой ребяческій возрастъ, видимо брагъ верхъ надъ нимъ; но онъ понималъ, что эта зависимость его еще не кончится съ сегодняшнимъ днемъ.

— Вотъ, или прямо черезъ кладки; тамъ своротитъ налево, увидишь вправо садъ: иди мимо; тамъ будетъ калитка, не стучись: всегда заперта; будутъ ворота: заперты и тѣ; а послѣ веротъ—опять калитка: отопри и иди смѣло къ сѣревскому домику, что въ концѣ двора. Прощай.

Оська зналъ, что у него есть деньги и не могъ быть снокойнымъ, пока не снесетъ ихъ въ кабакъ.

— Постой!... А лѣстница будетъ одна!... входъ одинъ!... прямо въ жилые покои?

— Одинъ, одинъ! Нѣтъ, два: первый прямо къ бабамъ: въ него иди. Пуще всего плачь передъ барышнею, вой волкомъ: разжалобится; знаю, что разжалобится.

— Да ты-то какъ знаешь?

— Моя золовка была у нихъ въ домѣ стряпухой: такая пользѣйшая моя золовка!... а барышня-то, что за премило-сердая! Коли бы не нужда, ни за что не взялся бы за работу. Ну, прощай же. Есть дѣло!

— Знаю, знаю. Прощай.

Федуль отправился по указанію Оськи прямо на разѣдки, а Оська свиснулъ свою собаку, поправилъ на плечѣ сватку, на головѣ шапку, и пошелъ своимъ путемъ.

Незнакомецъ, кажется, съ намѣреніемъ выждалъ, пока Федуль удалился, не потому чтобы онъ боялся не управиться съ этими двумя негодяями, но потому что изъ разговора ихъ ясно увидѣлъ, что мальчишка былъ изъ опытныхъ плутовъ, несмотря на свои лѣта, и что отъ него не легко узнать истину: присутствіе его могло только заставить другаго быть скрытнымъ и осторожнымъ, между тѣмъ какъ этотъ другой ясно припымался за порученіе съ отвращеніемъ и не выказывалъ большаго благоразумія съ своей стороны.

Незнакомецъ заступилъ ему дорогу. Оська замѣтилъ его угрожающій видъ, но не смѣшался. Жучка! кликнулъ онъ, и собака стала возлѣ него, оскаливъ зубы и готовая кинуться на противника по первому знаку своего господина.

Собака была между своими то же что ей господинъ между людьми: дворняжка гадкая, съ обрубленнымъ ухомъ, съ вышибеннымъ глазомъ, шерсть колючая, хвостъ волочился по землѣ.

— Послушай, сказалъ незнакомецъ: не заводи ссоры; я одинъ справлюсь съ тобою.... ну, а тутъ не такой же пустьрь, чтобъ и дозваться никого нельзя.

— Я тебя не замаю. Иди своей дорогой, а меняпусти по моей. Слава Богу, есть гдѣ разойтись.

— Было бѣ гдѣ! Да видишь ли, я услышалъ отъ васъ такія вещи, которыя непременно требуютъ поясненія.

Оська смутился.

— И если ты мнѣ ихъ не пояснишь здѣсь же, такъ я тебя попрошу туда..... знаешь.....

— Знаю.

— Ну, такъ говори же.

— Да я-то что стану говорить, коли самъ ничего не знаю.

— Шутить! что-нибудь да знаешь; скажешь, отпущу съ награжденіемъ, а нѣтъ..... вонъ, кстати, солдатъ у батарей: сейчасъ кликну. Говори жъ!.... какую задали тебѣ работу?

— Мнѣ велѣно прикинуться больнымъ: коумѣ приведутъ барышню, вонъ, что тамъ живетъ..... та станетъ меня лечить, что-ли..... не больно вразумляю. Вотъ все, что я знаю. Провались я за-разъ въ землю, коли знаю еще что-нибудь!

— А куда приведутъ барышню?

— Сказано ко мнѣ, отвѣчалъ Оська, желая уклониться отъ положительнаго отвѣта.

— Да ты-то гдѣ живешь?

— Да я живу съ ребятами.... со своими.

— Такъ барышню туда и приведутъ?... Смотри, берегись: вѣдь ты не ускользнешь изъ Петербурга!.... рожа у тебя слишкомъ замѣтная; говори правду, не хитри.

— Вѣстимо!... А коли скажу, что будетъ?

— Тебѣ ничего: ручаюсь.

— А дружимъ?

— А до другихъ что тебѣ за-дѣло!

— Оно, конечно, такъ. Что за дѣло до другихъ! Ихъ дѣло господское, наше холопское: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

— Такъ гдѣ же?

Оська, потупивъ голову, не безъ видимаго волненія назвалъ улицу и домъ, гдѣ поселили его на-время и заставили разыгрывать какую-то скверную роль, а для чего, онъ самъ не зналъ.

— А когда прійдетъ дѣвушка?

Оська и то сказалъ.

— Теперь иди себѣ своей дорогою.

— Экъ, его нелегкая занесла на меня вѣтромъ! проворчалъ Оська.

Незнакомецъ хотѣлъ-было уже уйти, но вдругъ вернулся.

— Я и забылъ, сказалъ онъ: вотъ тебѣ за твою откровенность; тутъ будетъ на что выпить и опохмѣлиться.

Оська поглядѣлъ на деньги, которыя предлагалъ ему незнакомецъ, потомъ себѣ въ руку, гдѣ лежало нѣсколько мѣдныхъ монетъ, потомъ на Жучку, какъ-бы выпрашивая у нея совѣта. Жучка виляла хвостомъ и скалила зубы. Оська тяжело вздохнулъ. — Эхъ-ма! произнесъ онъ тоскливо: а бѣдная Христя третій день сидитъ безъ хлѣба!

— Ну, такъ снеси ей эти деньги.

— Снеси! Еще бы по пути жила, а то совсѣмъ всторонѣ. А зайдешь въ кабакъ, ничего оттуда не вынесешь: такіе подлецы! Намедни содрали рубль серебра: статочное ли дѣло, чтобы мы вызюзили на рубль серебра, коли у насъ и хмѣлилки въ головѣ не было?... право, подлецы!... вотъ оно что!...

— Такъ что же? ты не надѣешься на себя и столько, чтобы прежде зайти къ своей Христѣ, а потомъ въ кабакъ?

— Зайдешь къ Христѣ, пойдутъ слезы... она, бѣдная, ужъ ничего не говоритъ, а только плачетъ; а мнѣ то-то и тошно.... такъ лучше совсѣмъ не ходить туда! Такъ, Жучка, что ли?

Проклятая Жучка какъ-будто одобряла его намѣреніе и весело скалила зубы.

— Правда, Жучка, правда!... а Христю Богъ не оставитъ.

Христя у меня добрая баба. Счастливо оставаться, ваш благородіе!

— А деньги?

— Извѣстно, деньги хорошая вещь.... да вѣдь коли я от васъ ихъ возьму, такъ пожалуй и послѣ завтра захочетъ одохмѣлиться, а тутъ работа, знаете... Вотъ когда бы милость была какъ-нибудь.... тово.... знаете.... къ Христя!.. посылкою послать или тамъ иначе какъ....

— Изволь. Я самъ свесу ихъ....

— Какъ можно!... что вы!... не издѣвайтесь надъ нами

— Ужъ это мое дѣло: говори, гдѣ она живетъ.

Оська сказалъ. Это было совсѣмъ недалеко, и только в сторонѣ отъ кабака.

— Да какъ можно такимъ барамъ!

Незнакомецъ отираивлся по указанію. Добрый отъ природы, страстный ко всему чрезвычайному, съ воображеніемъ пылкимъ, увлекающимъ, онъ думалъ что судьба избираетъ его орудіемъ помощи страданію, нищетѣ, и за щитою невинности. Его, наученнаго горькимъ опытомъ несчастію, всегда поражали то невниманіе, то презрѣніе съ которымъ люди богатые смотрятъ на нищету и страданія, если они проявляются на низшихъ ступеняхъ общества, какъ-будто тамъ не умѣютъ чувствовать и не могутъ страдать. А тутъ ему представлялась фигура какого-то развратника, для удовольствованія преступныхъ желаній котораго? Оська жертвовалъ собою, своею совѣстью,—онъ еще не совсѣмъ погубилъ ее, вмѣстѣ съ своею душою,—междутѣмъ какъ этотъ князь даже не подумалъ о немъ, не озаботился, что можетъ-быть съ нимъ гибнетъ еще одно существо, болѣе невинное.

Оська нѣсколько времени глядѣлъ вслѣдъ незнакомцу, потомъ покачалъ головой въ грустномъ раздумьѣ.

— Ахъ, Оська, Оська! произнесъ онъ, ведя рѣчь съ самимъ собою: былъ ты только пльчужкой.... сталъ подлецомъ, мошенникомъ, Вапкой-Кайномъ! сгубилъ ты свою душу!... и Прохоръ не отмолитъ за тебя на томъ свѣтѣ!... сгубишь и голову свою.... Да что мнѣ голова! голова мнѣ ни по чемъ. Жизнь мнѣ—копѣйка! Эхъ! была-не-была! сказалъ онъ съ какою-то рѣшимостью, махнувъ рукой. Пейду-

ша! кутн Оська, забубенная головушка, нека на сгорнишь отъ аша, или зинной, въ мятель, не замерзнешь на отиетномъ волѣ!... Жучка, сюда! есть деньги. Въ Глазовъ идемъ!

И дворняжка, какъ-бы раздѣля радость своего хозяина, вкочила передними лапами на грудь его и слюнявою мордой терлась объ лицо Оськи:—А умру, не взыщи, Жучка, за мою грубость и необходимость!... сама знаешь, не я буйствовалъ, вино во мнѣ буйствовало.

Оська опять поправилъ на плечѣ свитку, заломилъ набокъ шапочку безъ тульи, затянулъ на унылый ладъ «Ахъ ты, распроклятая головушка», и отправился по направленію, которое такъ хорошо было ему знакомо.

Между-тѣмъ Оедулъ осматривалъ мѣстность сѣренькаго домика, какъ опытный полководецъ осматриваетъ поле битвы передъ сраженіемъ. Онъ уже поворачивалъ назадъ, какъ-вдругъ довольно сильная рука схватила его не со-вѣтъ ласково за воротъ рубахи. Онъ обернулся.

— Ванюха!

— Оедулъ!.... это ты!

— Я.

— Ну, хорошо, что ты; а я было уже.... тово!.... и онъ указалъ на дреколье.

— Нѣтъ, это я!

— Чтò же ты здѣсь?

— Да къ тебѣ! Соскучился. Не хочешь ли, пойдемъ къ нашимъ ребятамъ въ бабки играть.

— Нѣтъ, не дотога. Есть работа при домѣ.

— Ты развѣ у господъ живешь?

— Не то чтобъ жилъ у господъ, а вотъ прислуживаю маленько у тѣхъ жильцовъ, чтò въ сѣренькомъ домикѣ.

— Чтò внизу или вверху?

— По мелочамъ и тамъ и тамъ.

— Ладно же, прощай!

— Куда ты?

— Да правду сказать, и мнѣ не до бабокъ. Плохо, Ванюха!

— А чтò?

— Да, видишь, батька другую недѣлю недомагаеть.... да ужъ такъ недомагаеть, что вотъ какъ!

— Ты бы подождать его маленюко.

— Гдѣ тутъ лечить!... на хлѣбушку не хватаетъ, не то чтобы на лекарство какое:

Обыкновенно вспоминалъ о своемъ отцѣ.

— Эхъ, братъ, не ладно! Постоюка, надо попросить посподы: они такіе премилосердые.

— Кабы то?

— Молчи уже! Да приходи завтра.

— Лучше послѣ-завтра. На завтра еще съ насъ будетъ, а ужъ послѣ завтра хоть съ голоду умирать.

— Ну, такъ послѣ-завтра.

— Удружишь, Ванюха, нече сказать. Прощай!

Теперь послѣдуемъ за незнакомцемъ, который не безъ труда отыскивалъ указанный ему Оськой домъ, не зная хорошенько, что такое была Христя, жена, мать, сестра или любовница Оськи.

Въ отдаленныхъ частяхъ города, жилища нищеты не такъ отвратительны съ виду: тутъ бѣдняки не развѣиваются по угламъ между двухъ заплѣснѣвшихъ стѣнъ, какъ это бываетъ съ цѣлыми семьями въ центрѣ города, занимаютъ отдѣльные конурки или чуланчики, каждый для себя и своей семьи. Правда; въ конуркѣ такого роду печь поглощаетъ половину ея пространства, нара другую, а въ чуланчикѣ, напротивъ, только украдкою заглядываетъ уголокъ печи, напоминая жильцамъ о возможности теплоты зимою; но всё же тутъ нѣсколько семей не валяются вѣстѣ, въ кучѣ.

Въ концѣ той же набережной Лиговки, въ глубинѣ двора, стоялъ деревянный флигель, который совсѣмъ спрятался за главный фасадъ дому, такъ что его съ улицы, не видѣть было нельзя: поэтому онъ считалъ себя въ правѣ прилечь немножко на одинъ бокъ и въ такомъ положеніи дожидаться, пока время или непогода совсѣмъ доканаетъ его безъ всякихъ издержекъ для домохозяина и безъ посредства полиціи.

Тутъ, у окна, опершись локоткомъ, опустивъ голову на сжатый кулакъ, пригорюнившись, сидѣла женщина, еще молодая; но восковой цвѣтъ лица, одутловатость его, впалые, обведенные синими кругами, тусклые глаза, и

свѣты, или складки, идущія отъ оконечностей каждаго, парельельно одинъ другому, свидѣтельствовали не только о нищѣтѣ, о голодѣ, который уже ворвался въ эту избу, но и о томъ, что онъ уже основалъ въ ней неизбѣжную свою сутницу, цыгуну, свирѣпствующую такъ разрушительно въ низшемъ классѣ народа. Крупныя слезы страдалицы катили на широкіе рукава рубашки или катились подъ ними по рукѣ, нѣкогда мягкой, бѣлой, округленной, теперь костлявой, и черствой. Простой сарафанъ изъ крапешины и какая-то тряпичка, которою была повязана голова, довершали нарядъ. Бѣдная не замѣчала своихъ слезъ: онѣ текли невѣдомо ей, прямо изъ сердца; глаза устремленные вдаль, какъ-бы чего-то выглядывая, ничего не видѣли: не пропустили бы только того, кого искали!

Незнакомецъ вошелъ въ конуру непримѣченный ея жилицей: казалось, она уже предалась своей нищѣтѣ, безропотно, не сопротивляясь ей, не старась исторгнуться изъ нея, какъ это болѣею частію случается съ тѣми, у кого есть еще на душѣ горе сильнѣе, чѣмъ поглощаетъ все ихъ существованіе. Въ ней сохранились черты лица, свидѣтельствовавшія о красотѣ, истощенной не годами, — она была еще молода, — но скорбью, сраданіями, в тѣмъ жалѣе была она.

— Вотъ тебѣ деньги, сказалъ незнакомецъ, взявши ее за плечо и стараясь вывести изъ того самозабвенія, въ которое она была погружена.

Женщина оглянулась, устремила на него тусклые глаза, но видимо ничего не понимала, будучи вся поглощена своею задушевною мыслію.

— Опомнись, сказалъ незнакомецъ, трясъ ее за плечо: видишь, деньги.... теперь не будешь больше голодать....

— Деньги!...

И она вдругъ вскрикнула, примѣтивши незнакомца такъ близко возлѣ себя:

— Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ пристаешь ко мнѣ?... Думаешь, что я и не сумѣю оборониться отъ злодѣя?...

— Я тебѣ ничего худаго не сдѣлаю; я принесъ деньги, чтобы избавить васъ отъ нищеты, вотъ и все.

— Ничего худаго не сдѣлаешь?... знаешь мы васъ, под-

липаль!... а деньги, поди, даромъ даешь?... Какъ же! дадите вы, господчики, деньги даромъ, Богъ съ вами! Убѣрайся же отсюда по-скорѣе, нето я подниму крикъ: народъ сбѣжится....

Незнакомецъ всячески старался ее убѣдить, что не имѣетъ ни какихъ дурныхъ мыслей.

— Эти деньги отъ Оськи, сказалъ онъ: Оська самъ просилъ снести ихъ тебѣ... говорить: голодаетъ, несчастная, да плачетъ, такъ пускай утѣшится хоть немного.

— Отъ Оськи, произнесла Христа, въ раздумьѣ. Да гдѣ же ты его, сердечнаго, видѣла?... въ кабакъ вѣдь ты не пойдешь, а въ хорошихъ мѣстахъ его, злодѣя моего, не бываетъ.

Простой народъ, недоувѣрчивый вначалѣ ко всякому незнакомцу, предается откровенности при первомъ звукѣ участія, а искренность этого участія онъ угадываетъ очень скоро, по инстинкту, который такъ свойственъ людямъ, недалеко отклонившимся отъ природы. Незнакомецъ едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы.

— Такъ онъ обо мнѣ еще думаетъ, вспоминаетъ? Чтò жъ онъ говорилъ обо мнѣ? Ужъ какъ, поди, сердечный, истаскался, обносился!... шутка ль, больше недѣян глазъ ко мнѣ не кажетъ; и обмытъ-то его некому, и рубашенку никто не переменяетъ безъ меня: вѣдь валяется, сердечный, гдѣ ни попало. Горемыка мой, окаленный!... Такъ и говорить, что, моги, плачетъ, бѣдная.... затѣмъ-де и не иду домой.... Скажи ему, соколику мой, что не буду плакать; а ужъ слова худаго я никогда ему не молвила, грѣхъ ему пожаловаться.... хоть убей не облаюсь, не обмолвлюсь.... на то онъ хозяинъ мнѣ.... А Жучка съ-нимъ?.... Ну, пускай съ-нимъ; добрая собака: не дастъ въ обиду; а то вѣдь съ пьянаго рубашенку снять. Коршелецъ мой, скажи ему, чтобъ пришелъ!... Только бѣ на часокъ пришелъ!... всего настряпаю ему и винишка припасу!... ш...

И грусть ея лилась какъ воркованье осиротѣлой голубки: кроткая, безропотная.

Христа съ полнымъ чистосердечіемъ рассказала, какими образомъ она сошлась съ Оськой. Ее, дочь досточнаго лабазника, ожидала лучшая участь; но она полю-

была Оську, бѣднаго сидѣльца въ лабазѣ отца. Отецъ вѣроятно замѣтилъ эту любовь: сталъ учитывать сидѣльца, многого не дочелъ, хоть Оська до того времени былъ добродѣтеленъ и непричастенъ ни къ какому нехорошему дѣлу, и согналъ своего сидѣльца. Но вдругъ старый лабазникъ примѣтилъ недочетъ и въ своей семьѣ. Дочь его, Христа, ушла за тѣмъ, кому безусловно предалась, несмотря на всѣ убѣжденія и уговоры Оськи чтобъ она не слѣдовала за бѣднякомъ и осталась дома. Сначала они кое-какъ пробивались. Оська трудился, работалъ поденщину и добывалъ кусокъ хлѣба: но какъ-то не случилось работы или она его черезъ-чуръ истомила, надоѣла ему, и не стало пропитанія. Любовница на голодный желудокъ только досаждала ему своими слезами: одинъ бы еще промался, думалъ онъ, а то навязалъ себѣ петлю на шею.... а бросить жалко. Оська заложилъ у цѣловальника кафтанъ и, съ досады, съ горя, кутнулъ; послѣ чего уже нельзя было остановиться. Онъ пропивалъ все что ни попадалось подъ руку и, наконецъ, дошелъ до того, что отъ него Богъ и люди отступились.

Тѣмъ не менѣе, однако, на прощанье съ незнакомцемъ Христа нѣсколько разъ повторила:— Не забудь его, кормилецъ мой, и Богъ тебя не забудетъ! Только ужъ, слѣлай милость, не жури его больно: онъ такой крутой!... лаской скорѣе его уймешь: я знаю его, Господь съ нимъ!

Для себя бѣдная ничего не просила. Только бѣ онъ, ея сердечный, былъ доволенъ.

Выбравшись въ улицы болѣе населенныя, незнакомецъ вызвалъ извозчичью карету и приказалъ везти себя домой.

Мы послѣдуемъ за нимъ.

Во второмъ этажѣ, въ комнатѣ, представлявшей безпорядокъ, на диванѣ лежалъ, закинувъ ноги на столъ, чело-вѣкъ еще молодой, но, какъ говорятъ, опустившійся, въ халатѣ, небритый, съ цигаркой во рту, (и видимо наслаждался клубами дыму, который онъ по временамъ выпускалъ изъ рта, и своимъ кейфомъ.

— А! вотъ и ты наконецъ, Невскій! произнесъ онъ лѣниво, не измѣняя своего положенія и не обращая головы.

Онъ угадывалъ по походкѣ вошедшаго въ комнату.

— Ну, душа моя, Финскій, я видѣлъ, я слышалъ чудеса, сказалъ нашъ незнакомецъ. Пирожковъ съ своей машиной, дѣйствительно — чудо.

— Добрый знакъ! Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что ты оживаешь. Пора.

— А ты? выйдешь ли ты когда изъ своего апатического состоянія, изъ своего засаленнаго халата, изъ своего убійственнаго бездѣйствія?

— Зачѣмъ? Мнѣ такъ хорошо въ моемъ халатѣ, въ моемъ апатическомъ состояніи, въ моемъ убійственномъ бездѣйствіи! Вотъ ты, другое дѣло. Я видѣлъ, какъ ты мучился своимъ затворничествомъ. Ты на меня наводилъ скуку.

— Да неужели же ты, и безъ того, не умираешь отъ скуки, переваливаясь всю жизнь свою изъ одного угла дивана въ другой и считая эпохой тотъ день, когда тебѣ надобно ѣхать съ визитомъ къ своему дядѣ.

— Я только и начинаю чувствовать скуку, когда подступаетъ этотъ день; да скоро я и отъ него отдѣлаюсь.

— Нѣтъ, душа моя, правду сказалъ мой новый знакомецъ Пирожковъ: «жизнь есть постоянное движеніе; жить — значитъ дѣйствовать.»

— Хорошо, хорошо; я вижу, что ты начинаешь исправляться. Дѣйствуй, братецъ, дѣйствуй. Ты многое сможешь: за это я ручаюсь. Дѣйствуй!

— А ты-то что?

— Эхъ, оставь меня въ покоѣ!..... Ну, рассказывай же.

— Пойдемъ на мою половину.

— Зачѣмъ? Я такъ хорошо улегся. Садись противъ меня, чтобъ я видѣлъ твое лицо: не могу еще хорошенько понять, что такое на немъ?... вижу что не такъ, какъ обыкновенно, какъ было до-сихъ-поръ.

— Лентяй!

Нашъ незнакомецъ, придвинувъ къ столу волтеровское кресло, небрежно расположился въ немъ, закурилъ сигару и началъ рассказывать свиданіе свое съ Пирожковъ и о встрѣчѣ съ Оськой.

Но чтобы разомъ и поскорѣе познакомиться и съ нимъ и нѣкоторыми дѣйствующими лицами нашей исторіи, мы

перенесся на одинъ только вечеръ за десять лѣтъ дѣтскаго времени и потомъ воротился къ нашимъ собесѣдникамъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ВЫПУСКЪ ИЗЪ ВЫСШАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ.

Въ быту человѣка есть минуты, есть событія, которыя имѣютъ сильное, неизгладимое вліяніе на всю остальную жизнь его. Въ эти минуты душа или падаетъ, немощная, безсильная, или возстаетъ тревожная, гордая, и вступаетъ въ бой съ судьбой; въ эти минуты человѣкъ сдѣлать или развивается сильнѣе чѣмъ въ цѣлые годы обыкновенной жизни, нравственный переворотъ совершается, назначеніе въ свѣтъ опредѣляется рѣзко.

Одна изъ такихъ торжественныхъ эпохъ жизни—окончаніе курса наукъ и послѣдующее за нимъ вступленіе молодого человѣка въ службу и въ свѣтъ, что у насъ такъ тѣсно связано между собою: до тѣхъ поръ молодой человѣкъ жилъ, такъ-сказать, одною стороною своего существованія, лучшею. Вступивъ въ свѣтъ, онъ черпаетъ жизнь со всѣхъ колодезей ея, какъ-будто силится поглотить всю разомъ; онъ вдыхаетъ въ себя наслажденіе всѣми порами своего молодого, сильнаго, страстнаго тѣла, пока это тѣло, и душа, заключенная въ немъ, не откажутся ему служить; и тогда человѣкъ превращается въ ходячій трупъ, безъ желанія, безъ страсти, безъ надежды.

Роковая пора экзаменовъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній приближалась къ концу. Учащіеся проводили дни и ночи надъ книгами, въ кабинетахъ естественной исторіи, между машинами. Въ обществахъ, ихъ не было видно, а если кто показывался, то его измученное лицо, его красные глаза, его задумчивый видъ ясно говорили, что онъ тутъ по-необходимости, а не для веселья. По всему конецъ, и школьнымъ испытаніямъ также. Наступилъ торжественный актъ, заключившій собою рядъ экзаменовъ, и имена выпускныхъ прозвнесены: пора неизъяснимо радостная для молодежи.

Учители и учащіеся вздохнули свободно. Сердца воспитанниковъ, дотогѣ бывшіеся мѣрно, однообразно, забилась на тысячу ладовъ, кровь закипѣла. Но какъ-будто боясь слишкомъ скоро покинуть свои классныя вѣрованія, большая часть выпускныхъ рѣшилась провести вечеръ этого дня между своими: вѣдь скоро они на всю жизнь разстанутся!

Въ свѣтъ вліяніе пріобрѣтается болѣею частью внѣшними отношеніями, богатствомъ, связями; въ школѣ иначе: только душевными способностями и силою характера; и если иногда это вліяніе пріобрѣтаютъ молодые люди, лучшіе по успѣхамъ въ наукахъ, такъ потому только что для того и другаго обыкновенно требуются одинаковыя нравственныя способности.

Невскій имѣлъ видимое превосходство надъ другими. Около него толпилась молодежь, которой страсти были нѣсколько настроены на восторженность; противъ него и его кружка нерѣдко возставали профессоры, потому что ихъ правила не могли согласоваться съ увлеченіемъ этихъ пылкихъ головъ и требовали болѣе порядку, и постоянства въ занятіяхъ; всегда однако отдавали они справедливость благороднымъ наклонностямъ Невскаго, его характеру, открытому, прямому.

Въ студентской квартирѣ Невскаго, сидѣло четверо друзей, преданныхъ ему безусловно и безгранично. Въ числѣ ихъ былъ и Финскій, теперь уже нашъ знакомецъ. Они говорили восторженно, со всею вѣрою въ свои сердца, съ полнымъ упованіемъ на будущее, какъ могутъ говорить только фанатики чувства или науки.

— Я изберу себѣ путь скромный, тихій, безъ увлеченій, безъ соблазновъ свѣта или славы, но тѣмъ не менѣе полезный, говорилъ одинъ изъ друзей, Охтинъ: я преданъ весь моему любимому предмету, изученію языковъ. О, сколько радости ждетъ меня! По-мѣрѣ-того какъ станутъ развиваться передо мною многообразныя вѣтви одного и того же корня, я буду сравнивать ихъ, подводить подъ общіе законы, опредѣлять ихъ сродство, разбирать какъ распались эти вѣтви, въ какихъ точкахъ сходятся, какаяд судьба ждетъ ихъ, разщепятся ли онѣ еще или мало-во-

малу будутъ сходиться къ одному корню. Ахъ, повѣрьте, счастье корнеслововъ стоитъ всякаго другаго счастья!

— Вѣрнѣе, потому что убѣжденіе—первое условіе счастья и главнѣйшая потребность души. Я, съ моей стороны, избираю себѣ путь еще ограниченнѣй: я дѣлаюсь художникомъ. Стану посѣщать академію, буду изучать природу, займусь анатоміею, потомъ поѣду въ Италію, отечество искусства, гдѣ и небо создано собственно для нихъ и, ручаясь вамъ, не пройдетъ двухъ трехъ лѣтъ, какъ вы услышите имя Миллера въ числѣ русскихъ живописцевъ и, можетъ-быть, съ гордостью скажете: это другъ нашъ.

— А я пойду по общему пути: буду служить, сдѣлаюсь чиновникомъ, не потому чтобы я считалъ этотъ путь болѣе протореннымъ, легкимъ, но потому что, идя по немъ съ самоотверженіемъ въ душѣ, съ дѣятельностью неусыпною, я надѣюсь выйти впередъ и показать другимъ, что мы трудившись въ училищѣ не даромъ и приготовили немаловажную матеріальную дань для пользы отечества, сказалъ Ленинъ.

— Ахъ, друзья! душа моя такъ пренсполнена различныхъ чувствъ, различныхъ помысловъ, стремленій, что я еще не могъ рѣшиться избрать себѣ карріеру, сказалъ Невскій съ глубокимъ вздохомъ.—Этотъ вздохъ исторгся безъ усилій, безъ боли, безъ грусти, какъ часто бываетъ у спящаго дитяти и истотою своего дыханія, ангельскою невинностью внушаетъ въ насъ не соболѣзнованіе, но кроткое участіе, любовь:—Я однако не долго буду колебаться, вѣрьте, и вы меня скоро увидите за дѣломъ, говорилъ онъ съ убѣжденіемъ. Ты что, Финскій?

— Я?... Ничего!

— А! вотъ постой, увлеченіе свѣта, честолюбіе, прикоснется къ твоему сердцу своимъ адскимъ камнемъ, и подобно опытному хирургу оживитъ твою дѣятельность.

— Не думаю.

— Но гдѣ бы мы ни были, что бы съ нами ни случилось, измѣнимъ ли объѣту, который дали два года тому назадъ—быть вѣрными нашей дружбѣ и долгу чести? Мы дали его безъ клятвъ, безъ условій; а пусть каждый положитъ свою руку на сердце и скажетъ: исполнили ли мы этотъ объѣтъ?

— О, да! воскликнула всѣ отъ глубины души.

— Теперь, когда мы здѣсь, въ послѣдній разъ отбываемъ свою школьную жизнь, когда завтра разбредемъ изъ одной точки по разнымъ радіусамъ житейскаго круга, повторимъ ли свой добровольный обѣтъ: будемъ ли вѣрны, неизмѣнны своей дружбѣ, какъ были до-сихъ-поръ? Обѣщаемъ ли жертвовать всѣмъ драгоценнымъ себѣ для другаго? Обѣщаемъ ли откликнуться на голосъ друга, въ какомъ-бы концѣ вселенной кто изъ насъ ни находился, летѣть къ нему на помощь въ случаѣ бѣды, подставить грудь свою за него въ случаѣ опасности?... а если любовь западетъ въ чье сердце, да будетъ она елеемъ, поддерживающимъ небесный огонь дружбы?... Друзья мои! я говорю это по убѣжденію, по опыту; проникнутый небесною любовью къ ней... къ той.... я чувствую себя и чище и выше и стойче вашей дружбы. Но если кто измѣнитъ долгу чести или дружбы, добровольно на себя наложенному, пусть каждый изъ насъ преслѣдуетъ измѣнника. Согласны ли вы повторить этотъ обѣтъ на всю жизнь свою?

— Согласны! воскликнули единодушно восторженные юноши.

Въ это время, громкій, рѣзкій смѣхъ, какъ-бы долго удерживаемый, раздался залпомъ за дверью. Друзья невольно вздрогнули и вопросительно взглянули одинъ на другаго.

— Ничего нѣтъ страннаго, сказалъ наконецъ одинъ изъ нихъ: кто-то смѣется за стѣною, вотъ и все; мы и не такъ еще позволяемъ себѣ смѣяться, вовсе не заботясь о покоѣ сосѣда.

— Такъ, замѣтилъ Невскій: еще находясь подъ вліяніемъ непонятнаго впечатлѣнія, которое произвелъ въ немъ этотъ смѣхъ, однако я живу здѣсь уже сколько времени и ни разу не слышалъ даже шороху за дверью.

— Потому, можетъ-быть, что жилецъ недавно поселился въ сосѣдствѣ.

— И этотъ хохотъ, этотъ дикій, страшный хохотъ.... онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ памятенъ.

— Полно, Невскій, это дребезжащій смѣхъ стариковскій и въ немъ нѣтъ ничего злобщаго, замѣтилъ Охтинъ, ста-

ракъ навлечь своего друга въ задумчиваго положенія.

— Я слышалъ его только разъ и никогда не забуду....

— Ты оубѣренъ какъ дятло!.... увидишь ли молодой мѣсяцъ съ лѣвой руки, встрѣтишь ли женщину съ пустыми руками, отъ всего придешь въ отчаяніе....

— И знаете, когда я слышалъ впервые этотъ смѣхъ? Въ такую же торжественную минуту какъ теперешняя.

— Какъ это?

— Шесть лѣтъ тому назадъ, когда я въ первый разъ потерялъ свой родной кровъ. При прощаніи съ матерью, съ рыданіемъ кинулся я въ ея объятія, и, удерживая всхлипыванія, увѣрилъ, что буду жить только ею и для нея одной, тогда этотъ же адскій смѣхъ поразилъ мой слухъ.... мнѣ было не до него, и не знаю, откуда раздался онъ, но звуки его и теперь еще отдаются въ ушахъ моихъ.

— Мечты воображенія! сказалъ Охтинъ: прочь ихъ!... и посвятимъ лучше эти минуты воспѣванію нашей дружбы.... пусть она, всегда неизмѣнная, служитъ намъ тѣмъ чистымъ и живительнымъ источникомъ, въ которомъ мы будемъ черпать крѣпость и силу души для будущихъ дѣйствій въ жизни!

Охтинъ почитался благоразумнѣйшимъ между своими товарищами, хотя никакъ нельзя было угадать въ немъ это качество по чертамъ лица и по всѣмъ частямъ тѣла, тонкимъ, вѣжливимъ, женоподобнымъ, отъ которыхъ онъ казался еще юнѣй, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

— Да! сказалъ Миллеръ, отличавшійся своими русыми кудрами и особенно выразительною физиономіею: скоро мы разстанемся; тогда каждый долженъ въ себѣ самомъ находить силы и твердость: возлѣ него не будетъ друга какъ ангела-хранителя на жизненномъ пути!

Мы могли бы описать наружность двухъ другихъ друзей, Финскаго и Ленина, одного блондина, другаго брюнета; но весьма бы затруднились высказать ихъ отличительныя нравственныя свойства: они, подобно другимъ, еще не успѣли запечатлѣть свою нравственную сторону особеннымъ характеромъ, который приобрѣтается только въ свѣтѣ, въ силу опыта и обстоятельствъ. Объ нихъ можно сказать только, что Ленинъ былъ довольно живой и острый

малыи, а Финскій «легматикъ»: тотъ дѣтеленъ, прилеженъ и замѣченъ профессорами какъ лучшій и способнѣйшій; другой — нерадивъ: студентскія тетрадки впервые видѣлъ онъ передъ экзаменами, а профессоровъ на экзаменахъ. Впрочемъ, оба считались добрыми товарищами и славными малыми.

Братья мои романисты обыкновенно надѣляются своихъ героевъ съ дѣтства опредѣленными характерами и стараются выдержать ихъ до конца неизмѣнными: я не имѣю этого прекраснаго преимущества, потому что придерживаюсь слѣпо практической истины. Сколько разъ вижу, что характеръ юноши мѣняется силою увлеченій свѣта! Человѣкъ не рождается положительно добрымъ или злымъ. Провидѣнiе справедливо. Только исключенiя въ этомъ случаѣ возможны по волѣ Провидѣнiя, для насъ всегда несповѣднаго.

Друзья предавались восторженной откровенности, къ которой такъ способна молодость. Между-тѣмъ стали собираться другіе товарищи. Разговоръ дѣлался шумнѣе и шумнѣе. Онъ неизбежно начался результатомъ экзаменовъ: толковали какъ одинъ изъ воспитанниковъ, чтобы получить первую награду при выпускѣ, сжегъ записки изъ какого-то предмета, которыя онъ одинъ только велъ на лекціяхъ, разумѣется, приготовившись прежде самъ по нимъ, и оставилъ своихъ товарищей на произволъ судьбы; тѣ осрамились, а онъ такимъ образомъ перевысилъ ихъ числомъ балловъ; какъ другой подѣзжалъ къ профессорамъ; какъ третій подмѣнилъ билетъ: но такой разговоръ вскорѣ опалъ. Съ экзаменами все было кончено, и потому все предавалось забвенію вѣчному. Взоры юношей теперь устремлялись на жизнь, которая по ихъ понятіямъ представлялась пышною, роскошною, цвѣтущею странюю; они жаждали насладиться свободой, просторомъ, новыми связями, новыми отношеніями, какъ-будто все, что было въ училищѣ, носило на себѣ особенный характеръ отрицанiя, скуки: въ глазахъ ихъ доброе лицо профессора словесности казалось зловѣщимъ; красный носъ сторожа—сатанинскимъ, звукъ часовъ — могильнымъ звономъ; самый видъ дому, впрочемъ очень обыкновенный,

изводилъ на нихъ тоску и уныніе, а домъ этотъ хранилъ такъ бережно, такъ гостепріимно, столько юныхъ поколѣній!

— Прочь экзамены, и книги, и ученыхъ! воскликнулъ одинъ: дѣлу время, а потѣхъ часъ, сказалъ царь Алексѣй Михайловичъ.

— *In vino veritas*, сказалъ мудрецъ.

Стихи, цитаты на всѣхъ языкахъ, восклицанія всѣхъ интонацій, становились громче и громче.

— Господа философы, риторы, историки, математики, естествоиспытатели, и иные! вскричалъ старшій изъ молодыхъ товарищей: этотъ бокалъ я пью на прощанье!

Все смолкло.

— Въ минуту разлуки, покидая навсегда эти мѣста, и на долго, если даже не навсегда, другъ друга, помянемъ довѣхъ отставшихъ отъ насъ, которые здѣсь спятъ сномъ смертнымъ! Помянемъ тѣхъ, которые предупредили насъ своимъ выходомъ на поле жизни! Едва мы выступаемъ въ свѣтъ, а уже можно сказать съ поэтомъ: *сонъ, который жосуетъ жизнью, разсѣвается....* мы, предстоящіе здѣсь, на расуутыи жизни, дадимъ слово—при встрѣчѣ съ другимъ подавать ему руку какъ брату, какъ бы ни были различны ваши положенія въ «этомъ свѣ....

— Богъ знаетъ еще увидимся ли когда!

— Не здѣсь, такъ тамъ, на небѣ!

Настала таинственная тишина; друзья протягивали другъ другу руки и объятія на прощанье. Словъ не слышалось; глаза были влажны или полны слезъ. Можно сказать: мирный ангелъ осѣнилъ комнату.

Въ это время тотъ же рѣзкій смѣхъ, который уже слышалъ Невскій и товарищи его, раздался внезапно, громкій, оглушительный, среди тишины. Невскій вздрогнулъ снова и выскочилъ за дверь, откуда ему казалось происходилъ этотъ злобщій смѣхъ, но вскорѣ воротился, смущенный, испуганный; холодный потъ выступилъ на челѣ его.

— Кругомъ никого! сказалъ онъ глухо, отвѣчая на вопросы товарищей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗГОВОРА.

Читатели понимаютъ, что вся эта сцена происходила десять лѣтъ тому назадъ, и что въ настоящее время мы оставили Невскаго и Финскаго, вдвоемъ разговаривающаго между собою.

Они жили вѣсть съ дня своего выпускъ; разстались только когда Невскій отлучался изъ города, что впрочемъ случалось съ нимъ довольно часто, потому что кинучая дѣятельность души не давала ему покою. Невскій, оставивши училище, не устоялъ противъ прельщеній свѣта. Независимый по состоянію, по семейнымъ отношеніямъ, не желавшій, да и не терпѣвшій ни какой зависимости по своему характеру, пылкому, стремительному, онъ былъ подхваченъ свѣтомъ во всеокрушающей водоворотъ; если иногда, употребивъ всѣ усилія, всплывалъ на поверхность его, то самъ ужасался своего положенія, и опять старался забиться въ вихрь чувствъ и страстей, въ судорожномъ напряженіи ума, или въ самыхъ отчаянныхъ предпріятіяхъ. Между-тѣмъ Финскій оставался неподвижнымъ физически и нравственно. Нерѣдко жертвуя всѣмъ наличнымъ достояніемъ, чтобы выручить своего друга, котораго игра доводила до отчаяннаго положенія, онъ самъ терпѣлъ нужду, но не замѣчалъ ея или по-крайней-мѣрѣ никогда не давалъ знать своему другу; всегда спокойный, одинаковый, онъ иногда выказывалъ радость, и то когда его другъ отходилъ немного изъ тѣхъ невыносимыхъ положеній различнаго рода, въ которыхъ онъ безпрестанно попадался. Бывало однако время, когда Финскій изъявлялъ свое веселье со всѣмъ увлеченіемъ, со всѣмъ шумомъ дитяти: это заставляло предполагать, что и онъ можетъ очнуться отъ своего флегматическаго состоянія и что тогда уже ничто и никто его не удержитъ: причиною радости его было торжество Невскаго; къ нему Финскій привязался совершенно, терпя за него и отъ него, и терпѣливо неся его вліяніе.

— Послушай, душа моя, Модестъ! благо ты опять сдѣлался человѣкомъ, съ тобою можно говорить... на долго

ли, не знаю; такъ воспользуемся случаемъ, потолкуемъ дѣльно. Что съ тобою въ послѣднее время стало? Вѣдь вотъ почти съ мѣсяцъ отъ тебя слова не добьешься: бывалъ ты дурень, а ужъ такимъ я тебя еще и не видалъ!

— Мой милый Александръ, такъ дурно мнѣ еще никогда не бывало.

— А ты мнѣ ни слова о томъ!... сказалъ съ кроткимъ упрекомъ Финскій.

— Это потому что я чувствую всю несправедливость свою къ тебѣ. Я пользуюсь выгодною нашей дружбы, я извлекаю изъ нея пользу съ эгоизмомъ удивительнымъ, и все потому что ты слишкомъ добръ чтобы замѣтить мнѣ это.

— Ты извлекаешь изъ нашей дружбы пользу матеріальную, и то съ тѣмъ чтобы возратить мнѣ ее сторицей; я же извлекаю пользу нравственную, за которую ничѣмъ не могу воздать тебѣ, ни даже участіемъ къ твоимъ горестямъ, потому что ты не хочешь ихъ повѣрять мнѣ, раздѣлить со мною. И такъ, если рѣчь идетъ о выгодѣ, то она вся на моей сторонѣ.

— Полно, мой добрый Александръ: я виноватъ передъ тобою.... но что я могъ бы сказать, чего бы ты уже не зналъ? Если хочешь, вновь ничего особеннаго не случилось; собери результаты стараго, разбери ихъ хорошенько, и тогда скажи, каково мнѣ!

— А что же? Ты честолюбивъ, я знаю; но вѣдь ты ищешь свою долю славы, не по лѣтамъ и не по чину; служивъ ты завидно для всѣхъ..... вѣдь нельзя же сдѣлать тебя прямо директоромъ или тамъ чѣмъ другимъ «важнымъ», какъ вы это называете?

— Дурно же ты обо мнѣ думаешь, если полагаешь, что я въ этомъ нахожу удовлетвореніе своего честолюбія.

— Вотъ ты уже и серднишься! Ну что жъ тебѣ надобно?

— Мнѣ надобно, чтобы всѣ способности моей души и ума были поглощены, увлечены дѣлательностью, какого бы роду она ни была, только бы направлялась къ пользѣ и достигала своего направленія.

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ опять заняться изученіемъ

естественныхъ наукъ, которыхъ ты уже принесть столько пользы?

— Теперь это уже не удовлетворяетъ меня.

— А почему?

— Богъ знаетъ!.... только, непрерывно тревожное состояніе не позволяетъ мнѣ углубиться въ книгу, ни даже уснуть надъ нею: я мучусь напрасно.

— Развѣ потому, что успѣхи твои не ослѣпляютъ блескомъ славы, не заставляютъ дивиться свѣтъ, что у насъ даже едва обращаетъ кто вниманіе на такія вещи, что игра не стоить свѣчъ?

— Можетъ-быть.

— Но ты самъ находишь наслажденіе въ этихъ занятіяхъ: такъ трудись для себя, а не для свѣта.

Невскій уныло покачалъ головой.

— Я, братецъ, мало понимаю эти вещи; но вѣдь ты мнѣ говорилъ, что это можно у васъ.

— Я тебѣ говорилъ слова Пирожкова.

— Да развѣ онъ иначе созданъ чѣмъ ты?

— Иначе.

— Ну, это другое дѣло.

— Мнѣ нужно такой дѣятельности, какъ, помнишь ли три года тому назадъ, когда отъ меня зависѣла слава и честь всей экспедиціи и успѣхъ ея, несмотря на трудность положенія, превзошелъ всеобщія ожиданія; когда иностранныя газеты говорили обо мнѣ неумолчно, съ какою-то недоумѣніемъ, которое такъ близко къ зависти, а наши спрашивали: кто жъ это и развѣ объ немъ ничего нельзя сказать?... когда встрѣчалъ меня съ притаенною болзнію или знаками явного удивленія.....

— Да! то была славная пора, и я съ гордостью вспоминаю объ ней.

— И что же послѣ всего этого я теперь?

— Я уже тебѣ сказалъ: другой бы съ радостью согласился быть на твоемъ мѣстѣ.

— Я слишкомъ можетъ-быть самонадѣянъ чтобы согласиться быть на мѣстѣ другаго: иначе навѣрное позавидовалъ бы каждому поденщику.

— Да вѣдь я это такъ только говорю, а я вполнѣ знаю,

какъ тебѣ не хорошо, сказалъ Финскій, видя что другъ его опять горячится.

— Думаю, что нехорошо. Убить три года жизни, извести ее въ гадкихъ вакханаліяхъ, проиграть большую часть состоянія, обобратъ своихъ друзей.....

— Полно, полно!.... все это слишкомъ замѣнно, мы отклонились отъ своего предмету, началъ онъ ласкающимъ голосомъ. Скажи, душа, Модестъ, что насъ выдвинуло изъ нашего апатическаго состоянія? Что особеннаго случилось?

— Право, ничего.

— Ты что-то долго сидѣлъ запершись: не новыи ли успѣхъ въ нашихъ изысканіяхъ, которыя опять надѣлаютъ шуму въ свѣтѣ?

— Ты хочешь сказать въ кругу трехъ четырехъ педантовъ.... нѣтъ, Александръ, если бы я и занимался ими, такъ бросилъ бы, видя что геній, каковъ Пирожковъ, остается въ безвѣстности; а плату онъ отдалъ заранѣе за тѣ успѣхи, которые сдѣлалъ въ наукѣ: онъ пожертвовалъ ей ни больше ни меньше какъ своею жизнію.

— Такъ что же, Модестъ?

— Да право ничего, такъ! А, кстати, что же мои розы?

— Какія розы?

— Иванъ!

Явился слуга Невскаго, съ другой половины квартиры, которую занималъ его господинъ; эта половина совсѣмъ не походила на ту, гдѣ жилъ Финскій.

— Гдѣ мои розы?

— Поставлены въ вазу.

— Привеси. Посмотри, Александръ, какъ онѣ хороши!

— Да.

— А эти распуколки?... онѣ какъ-будто раскрылись, чтобъ принять поцѣлуй любви.

— Что жъ, поцѣлуй ихъ.

— Чудакъ! Ты ничѣмъ не трогаешься.

— Однако, давно ли онѣ стали занимать тебя?

— Ты знаешь, я всегда любилъ цвѣты и особенно розы.

— Отчего жъ ты прежде не послалъ купить ихъ или по-крайней-мѣрѣ не сказалъ мнѣ: я бы досталъ цѣлый

возъ подобныхъ розъ, чтобъ только заставить тебя говорить, хотъ даже и нехорошія вещи.

Невскій не слышалъ его словъ: онъ долго и со вниманіемъ глядѣлъ на розы, увлекшись потокомъ своихъ мыслей; потомъ бросилъ букетъ на столъ, какъ-будто цвѣты жгли ему руки, всталъ съ кресла и скорыми шагами началъ ходить по комнатѣ.

— Модестъ, эти розы отъ нея? спросилъ съ участіемъ Финскій.

— Да, отвѣчалъ отрывисто Невскій.

— Теперь я понимаю, что оживило тебя, что выдвинуло опять на поле дѣятельности.

— Вы можете ошибаться въ своихъ заключеніяхъ.

Финскій, узавленный этимъ отзывомъ, молчалъ. Невскій продолжалъ ходить по комнатѣ: брови его были нахмурены, лицо выражало досаду. Онъ наконецъ обратился къ своему другу.

— Александръ, ты сердишься на меня?

— За что? сказалъ тотъ съ великою добротою. Съ кѣмъ въ свою очередь не случается подобное нерасположеніе къ откровенности? Мнѣ только кажется, что тебѣ было бы легче, если бы ты высказалъ и неудачи, заставившія просидѣть цѣлый мѣсяцъ дома, и то, что исторгло изъ затворничества, хотъ я всё-таки того мнѣнія, что послѣднее угадалъ.

— О, ты добрый, вѣрный другъ! ты одинъ не покинулъ меня, несмотря на всю мою несправедливость! Но что жъ, когда во мнѣ сидитъ какой-то демонъ, который не даетъ покою ни моей душѣ ни моему тѣлу? Ты угадалъ: эти цвѣты.....

— Отъ твоей княгини..... отъ прекрасной Вѣры.....

— Да!.... отъ Вѣры. Но неужели онѣ могли имѣть вліяніе на мое сердце, которому любовь должна бы омерзѣть?... самое имя Вѣры должно бы сжать его воспоминаніемъ, неизъяснимо неприятнымъ, и если пробудить, то для мученій, для негодованія.

— Я такъ и думалъ..... но теперь вижу, что это иначе.

— Нѣтъ, этого не будетъ иначе. Но что ей во мнѣ, скажи, пожалуйста, надоумь меня!... вачѣмъ этотъ подарокъ?

зачѣмъ заботы обо мнѣ,—не боленъ ли я, не грустенъ ли я, отчего не бываю у нихъ, когда они сами изгнали меня отъ себя?... да, конечно изгнали, потому что довольно было ей холодности, невниманія, чтобы сердце мое возстало.....

— Эта холодность была очень изъяснима: ты вдругъ обидѣлъ, по милости ея отца.

— Ну, а теперь, эти розы? Надѣюсь, что я съ тѣхъ поръ не сдѣлался ни лучше ни богаче?

— Кто ихъ разберетъ, этихъ женщинъ! Но тутъ что-нибудь да кроется!.... Надо быть осторожнымъ и не допускать своихъ ранъ вновь растравлять.

— Ужъ конечно нѣтъ! О, если бы я былъ опять богатымъ, если бы я опять достигъ той высоты, на которой находился, чтобы только унижить ее въ свою очередь, раздавить всей тяжестью своего презрѣнія!....

— Или опять принести все въ жертву ей.....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Доказательство тебѣ—на лицо: я восхищаюсь этими розами, однако онѣ не заставили меня посѣтить домъ князя.

— Слава Богу!

— Но, Боже правды! чего бы не сдѣлалъ я, чтобы достигнуть своего прежняго положенія въ свѣтѣ!

— Твой умъ, твои познанія, сила твоего характера, твердая, желѣзная воля, скоро представятъ тебѣ къ тому новымъ средства: терпѣніе, терпѣніе, Модестъ!

— Охъ! мѣра терпѣнія моего истощается.

— И очень кстати, сказалъ новопришедшій: я принесъ вамъ эти средства; стоить воспользоваться.

Этотъ неожиданный гость, незамѣтно вошедшій въ комнату, при послѣднихъ словахъ двухъ друзей, былъ Ленинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОДИНЪ ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ДРУЗЕЙ.

Отношенія школьныхъ друзей по выходѣ изъ училища мало-по-малу измѣнились: измѣненіе было съ иными

рѣше, съ другими незамѣтнѣй, смотря по характеру и особенно по положенію въ свѣтѣ каждаго изъ нихъ. Направленіе Ленина означилось скоро. Онъ устремилъ всѣ свои способности, всю силу ума, къ тому чтобы добиться независимости. Происхожденія низкаго, сынъ дьячка, бѣдный, онъ замѣтилъ только при вступленіи своемъ въ свѣтъ всю разность приему, какую выказывали встрѣчая его и встрѣчая Невскаго, хотя дотога, въ школѣ, они не только были равны, но даже профессора отличали чаще Ленскаго, какъ болѣе прилежнаго и рачительнаго. Зависть мутила въ немъ кровь и разливала желчь. Хитрый, вкрадчивый, дѣятельный, трудолюбивый, настойчивый, и ко всему этому эгоизмъ терпѣливый въ высшей степени, какъ это почти всегда бываетъ съ людьми подобнаго происхожденія, онъ могъ почестся существомъ высшаго разряда въ добрѣ и злѣ, изъ которыхъ одно иногда дѣлалъ по расчету, а другое—чаще по влеченію. Переходя отъ дѣятельности, самой энергической, лихорадочной, къ дикой оргіи, онъ не находилъ утѣшенія въ первой, ни наслажденія во второй, и руководился во всемъ одними матеріальными пользами, которыя извлекалъ изъ своего вѣчно напряженнаго состоянія. Самая любовь до того времени была для него только выгодною аферой, и исключенія въ этомъ случаѣ возникали только въ пользу красоты и прихоти, а вовсе не истинной страсти. Суетный и тщеславный, Ленинъ могъ удовлетворять свою суетность, свое тщеславіе, только на счетъ другихъ; но онъ не терпѣлъ одолженія: въ немъ всегда видѣлъ онъ намѣреніе унижить его, потому что не могъ возвыситься до тѣхъ благородныхъ чувствъ, въ порывѣ которыхъ, часто дѣлается услуга. Въ карты онъ не игралъ, управляясь во всемъ однимъ расчетомъ и никогда не допуская себя ни до чего, соединеннаго съ рискомъ: онъ съ успѣхомъ занимался нѣкоторыми предпріятіями въ нашъ предпримчивый вѣкъ и имя его уже приобрѣтало на этомъ поприщѣ нѣкоторую извѣстность: игра въ-состояніи была бы компрометировать это драгоценное имя.

Такая сильная, такая разнообразная натура не могла не подчинить себѣ людей, живущихъ своею насущною жизнью,

безъ всякой опредѣлительной цѣли, безъ размышленія, безъ назначенія, день за днемъ, ддятого только чтобы по крайнему своему разумѣнію насладиться имъ. Иные были привязаны къ Ленину истинно, хотя, конечно, только тою легкою пріязнію, которая дѣлается безъ поводовъ, разрушается безъ сожалѣній; другіе боялись его; но всѣ вообще чувствовали его превосходство надъ собой.

Невскій и Ленинъ встрѣчались въ свѣтѣ часто, по влеченію, по старой дружбѣ, потомъ по условіямъ свѣта, въ домахъ куда ввелъ его въ началѣ Невскій и гдѣ Ленинъ умѣлъ укорениться, или у старыхъ своихъ товарищей. Въ свѣтѣ превосходство всё-таки оставалось на сторонѣ Невскаго: онъ пріобрѣлъ тутъ право гражданства по рожденію, и если новое положеніе устранило его отъ свѣта, то онъ самъ поспѣшилъ отказаться отъ всего, страхась снисходительнаго вниманія больше чѣмъ самого гоненія. Ленинъ же зналъ, что свѣтъ только терпитъ его, и если ласкаетъ, то по расчету, а не по праву.

Невскій своимъ мѣткимъ умомъ скоро постигъ, разгадалъ своего друга: если его смѣлость, отвага въ достиженія цѣли, иногда увлекали Невскаго, страстнаго ко всему выходящему изъ обыкновеннаго круга, то неразборчивость средствъ, часто весьма сомнительныхъ, къ достиженію этой цѣли, и особенный цинизмъ въ самыхъ задушевныхъ вѣрованіяхъ, не могли не внушить истиннаго негодованія на школьнаго товарища. Невскій не обнаруживалъ своихъ чувствъ, всегда глядѣлъ на Ленина какъ на друга юныхъ лѣтъ, и больше стыдился за него нежели его самого; но то презрѣніе, съ какимъ онъ обращался съ людьми близкими Ленину, не-разъ возмущало душу сына колокольни. Взаимная, хотя скрытная, антипатія давно поселилась между ними; въ обществѣ они оставались по-прежнему на ты.

Странное положеніе было Финскаго между двумя друзьями: онъ всегда былъ ближе къ Ленину, если не по влеченію, то по тому вліянію, которое хитрецъ имѣлъ на него. Инстинктивно угадывая направленіе Ленина, котораго впрочемъ свѣтъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть, напротивъ, находилъ очень благоразум-

нѣтъ, Финскій незамѣтно, не умѣя отдать себѣ отчету, отклонился отъ прежней связи, и какъ ему непремѣнно нужно было существо, готовое руководить его, то онъ, такъ же самъ не замѣчая того, предался весь Невскому. Этого отпаденія друга, который могъ быть матеріально полезенъ Ленину, служа ему отчасти опорой въ свѣтъ по своимъ связямъ, этого одного достаточно было чтобы возбудить въ немъ ненависть къ Невскому, такъ часто заграждавшему путь. Впрочемъ, повторимъ, непріязненные отношенія двухъ школьныхъ товарищей, двухъ прежнихъ друзей, возникли исподоволь; и происходили такъ тайно, что не только свѣтъ не могъ ихъ примѣтить, да свѣтъ мало и думалъ объ нихъ до перваго случая, но и сами они не вполне ихъ угадывали; и нерѣдко Невскій, въ порывѣ откровенности, говорилъ своему другу, что если бы Ленинъ, со своимъ умомъ, съ силою характера, а главное, съ терпѣніемъ, получилъ надлежащее направленіе, то онъ могъ бы достигнуть блестящаго положенія въ обществѣ и быть истинно полезнымъ ему. А Ленинъ нерѣдко думалъ про себя, — онъ никому не любилъ повѣрять своихъ задушевныхъ мыслей, — что если бы онъ былъ вначалѣ поставленъ въ положеніе Невскаго, который такъ глупо воспользовался имъ, чего бы онъ не достигъ!

— Друзья, сказалъ Ленинъ: есть идея, смѣлая въ высшей степени для умовъ робкихъ и не привыкшихъ разсуждать, но очень простая, если разсмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ, если вникнуть, анализировать ученымъ образомъ и отвергнуть старинныя повѣрья. Послѣдствія ея неисчислимы: она принесетъ славу и милліоны для тѣхъ, кто первый рѣшится привести ее въ исполненіе и осуществить ее, неисчерпаемый источникъ богатства для Россіи. Для этого нужны капиталъ, дѣятельность и знаніе, три элемента, которые я успѣлъ соединить, три элемента, которые нужно связать во-едино рѣшительностью и непогрѣшительною честностью: потому что тутъ неизбежна взаимная довѣренность въ высшей степени.

Невскій и Финскій слушали съ недоумѣніемъ: они знали, что Ленинъ рѣдко обманывается, но боялись сами быть обманутыми.

— А въ комъ же ты успѣлъ соединить свои три элемента? спросилъ Невскій.

— Въ нашемъ князѣ, въ себѣ самомъ и въ тебѣ. Мы слишкомъ знаемъ другъ друга, и потому слова мои никому изъ насъ не покажутся самохвальствомъ.

— Что жъ это такое?

— Это дѣло сложное, объемистое, требующее разсмотрѣнія множества фактовъ; но ты, скорѣе чѣмъ кто-либо другой, поймешь всю важность его. Тутъ намъ будетъ глупо: перейдемъ къ тебѣ, потревожимъ покой Финскаго.

Ленинъ выпелъ въ переднюю и вскорѣ возвратился съ человѣкомъ въ длинно-поломъ сюртукъ, съ нѣсколькими вѣточками подъ мышкой и за плечами: худой съ виду, робкій, простой, онъ низко поклонился и остался у дверей.

Между-тѣмъ какъ уходилъ Ленинъ, Финскій указалъ Невскому на розы, прибавивъ:—ты нуженъ. Тотъ понялъ, замесъ, намекъ и утвердительно кивнулъ ему въ отвѣтъ головой.

— Пойдемъ, сказалъ Ленинъ. Друзья, въ сопровожденіи человѣка въ длинно-поломъ сюртукъ, перешли на другую половину.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЗЕЛОТОПРОВОМШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ.

Многія вещи, многіе предметы, носятъ на себѣ рѣзко характеръ своего владѣльца, или того, чью нравственную принадлежность составляютъ они. Почеркъ руки, платье, голосъ—болѣе или менѣе говорятъ за человѣка. Вошедши въ первый разъ къ кому-нибудь въ кабинетъ, вы составляете себѣ бѣгло нравственный очеркъ его обитателя и рѣдко ошибаетесь въ своемъ идеальномъ очертаніи.

Кабинетъ Невскаго былъ обширенъ, и представлялъ смѣсь роскоши и беспорядку въ цѣломъ. Изъ всего видно было, что къ нему давно не прикасалась рука самого владѣльца, отдавая все на попеченіе слуги, который разставлялъ по своему предметы, валявшіеся въ пыли и забытыя и дѣ-

далъ пзъ нихъ самыя странныя гротески: такимъ образомъ, рядомъ съ глобусомъ и, вѣроятно, для симметріи съ нимъ, стоялъ надутый резиновый шаръ, приготовленный для какихъ-то опытовъ, а брошенная безъ вниманія статуэтка одной танцовщицы—возлѣ бюста Наполеона, и такъ далѣе. Книжки, нѣкогда повсюду разбросанныя, развернутыя, переложенныя различными листками, карандашами или другими книгами, вмѣсто замѣтокъ или чтобъ служить имъ поясненіемъ, теперь были собраны и чинно лежали у мѣста. Письменный столикъ являлъ особенный порядокъ и чистоту: видно было, что къ нему съ нѣкотораго времени прикасались только руки лакея. Словомъ, кабинетъ, гдѣ нѣкогда вились роемъзадушевныя мысли, все живили и расцвѣчивали, на все набрасывали яркій поэтическій отблескъ, до всего касались и заботливо дополняли все въ минуты вдохновенія новыми затѣями, теперь, несмотря на свой симметрическій порядокъ, былъ какъ-то пустъ, дикъ, печаленъ. На полу валялись куски линейки, по мелкимъ щепамъ которой видно было, что она изломана не случайно, но въ порывѣ сильнаго волненія, когда раздраженіе нервовъ переходитъ въ раздраженіе мускуловъ и, въ судорожной тоскѣ, человѣкъ готовъ раздробить свою собственную душу. На стѣнахъ висѣли албанскіе пистолеты и длинныя ружья съ серебряною насѣчкою, принадлежности персидскаго сѣдла, разная азіятская утварь и дамасскіе клинки, предметы, напоминавшіе Невскому его путешествіе, дальнія экспедиціи, приключенія, время его славы или радостей, предметы, веселившіе душу въ минуты ея мира и тишины, и наполнявшіе тяжкими чувствами въ минуты ея тревогъ и тоски: тогда сравненіе неизбежно приходило ему на мысль: что я былъ и что теперь?... и существенность казалась еще чернѣй.

Невскій и Ленинъ помѣстившись у стола. Финскій расположился поодаль, заботясь больше объ удобствѣ кресла, чѣмъ о томъ, чтобы слушать разговоръ, по-видимому такъ интересный для его друга. Человѣкъ въ длинно-поломъ спортукъ стоялъ у стула Ленина и безмолвно глядѣлъ на приготовленія своего покровителя; потомъ тусклые глаза его, слегка прикрытые рѣдкими вѣками, медленно

обратились на разговаривающихъ, какъ-будто только для формы, такъ, чтобы куда-нибудь смотрѣть; но по ихъ неподвижности, безвыраженью, можно было заключить, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Или, по крайней мѣрѣ, не понимаетъ о чемъ говорятъ, хотя разговоръ шелъ по-русски и предметъ разговора былъ хорошо знакомъ ему. Вялыя движенія, бессмысленное, мертвое положеніе всего лица, могли навести тоску на всякаго, кто въ первый разъ повстрѣчалъ бы его, и надобенъ былъ особенный талантъ Ленина, чтобы угадать въ немъ человѣка къ чему-нибудь годнаго.... если онъ дѣйствительно былъ годець. Невскій сомнительно поглядывалъ на незнакомца. Ленинъ замѣтилъ эту недоувѣрчивость.

— Ты вѣрно перемѣнишь объ немъ свое мнѣніе, когда узнаешь его по-короче, сказалъ онъ по-французски, какъ-бы отвѣчая на его мысли. Кладъ, а не человѣкъ!

— Можетъ-быть; только этотъ кладъ едва-ли дастся кому въ руки.

— Ужъ это мое дѣло. Я знаю таинственное словцо, противъ котораго онъ не устоитъ.—Теперь смотри сюда, продолжалъ Ленинъ, указывая на географическую карту Сибири, начерченную отъ-руки, но довольно подробную и, какъ видно было по нѣкоторымъ новымъ указаніямъ, составленную изъ документовъ, совершенно дотога неизвѣстныхъ. Ты видишь это огромное пространство, до пяти тысячъ верстъ въ длину и до трехъ въ ширину.... отъ озера Телецкаго хватаетъ за Байкальское.... видишь ли его?... оно большаю частію необитаемо, покрыто непроходимыми трупцами и трясинами.... словомъ, пустыня. Сюда до-сихъ-поръ провѣвала развѣ только нога яснаго Татарина на югѣ или Тунгуса на сѣверѣ; однѣ окраины этого пространства кое-какъ заселены.... видишь?... (Ленинъ наклонился къ уху Невскаго, боясь ли чтобы кто не подслушалъ его за дверью или за стѣною, или желая произвести впечатлѣніе сильнѣе.) Тутъ кладъ.... сказалъ онъ, ударяя на слова..... да, да! эти горы, горы первозданныя, сущіи кладъ. Гляди на шугубы, добытыя въ разныхъ мѣстахъ томскаго, ачинскаго, минусинскаго и канскаго уѣздовъ: видишь ли—это дюриты!... вотъ здѣсь они подыались изъ-

подъ подчиненныхъ себѣ породъ и опрокинули ихъ, раздробили, разметали, образовавъ розсыпи, прикрытыя впоследствии позднѣйшими наносами. А погляди на образчики этихъ розсыпей: чѣмъ отличаются они отъ уральскихъ, напримѣръ? Тѣ же составныя части, съ самыми ничтожными мѣстными отгѣнками: обломки кварцу, діоритоваго порфиру, полеваго шпату, нѣсколько охры, много желѣзистаго шлиху....

— Чрезвычайно любопытно!.... прервалъ Невскій, рассматривая то карту, то различныя горнокаменные породы и пески, которые подавалъ челоуѣкъ въ долгополомъ сюртукѣ, опустошавшій свои объемистые мѣшечки.— По сближенію розсыпей съ окрестными формаціями, по ихъ осадкамъ и угловатости породъ, ясно, что эти розсыпи образовались на-мѣстѣ, а не занесены издалека, съ Урала, какъ многіе думали до этого времени: на такомъ пространствѣ обломки горнокаменныхъ породъ были бы гораздо болѣе сглажены, окатистѣй, мельче.

— Конечно такъ.

— Факты въ высшей степени интересныя.

— Весь этотъ интересъ долженъ фактически, въ простомъ значеніи слова, обратиться на насъ. Я предложу тебѣ одинъ вопросъ: могутъ ли эти розсыпи заключать въ себѣ песчаное золото?

— Онѣ ни сколько не отличаются, ни отъ уральскихъ, ни отъ венгерскихъ, ни отъ американскихъ. Конечно, могутъ!

— Онѣ его и содержать.

— Ты говоришь по общимъ слухамъ; я также слышалъ о томъ, что изъ Сибири получены извѣстія, оціальныя даже, объ открытіи золотоносной розсыпи, но слышалъ также и о сомнѣніяхъ, которыя возбуждали они.

— Зависть къ успѣхамъ всякаго роду и къ людямъ всякаго таланта мурлычить свою старую пѣсню: да если бы дѣйствительно было золото, такъ давно бы его отыскали!... это такъ просто!... а что поиски золотоносныхъ розсыпей были и будутъ безуспѣшны, это также всѣмъ извѣстно!... Такъ толкують завистники и старозвѣры.

— Въ этомъ случаѣ однако надо быть чрезвычайно осторожнѣе; мельчайшая золотистая пыль, занесенная Богомъ откуда, можетъ быть принята за знакъ несомнѣннаго присутствія несчаднаго золота людьми, даже свѣдущими, но мало опытными: дѣло въ томъ, что соблазнъ великъ и легко увлекаетъ людей.

— Золотистая пыль!... слышишь Чёрныхъ? сказалъ Ленинъ, обращаясь съ улыбкою къ человѣку въ длиннополюхъ спортухѣ.

Чёрныхъ повелъ нижнею губою вправо, а верхнею влѣво: была ли это улыбка или изъявленіе сожалѣнія, не вѣстно.

— Не заблагоразсудилъ ли поглядѣть эту золотистую пыль?

Ленинъ взялъ изъ рукъ Чёрныхъ капсуль и раскрылъ его: крупныя зерна самороднаго золота, чистыя, матовыя, горѣли отъ упавшаго на нихъ солнечнаго луча. Всѣ трое наклонились надъ нимъ, какъ-бы по невольному и недолжному влеченію человѣка къ этому благородному металлу; всѣ глаза устремились на одну точку: между блескомъ ихъ и блескомъ золота было какое-то чарующее сверхъестественное сродство. Невскій и Ленинъ, однако, вскорѣ, какъ-бы устыдясь алчности, съ какою кинулись они на золото и поглощали его глазами, алчности дикаго, бросающагося на блестящую приманку, отвели взоры отъ желтыхъ зеренъ и невольно обратили ихъ другъ на друга: лицо Ленина сіяло торжествомъ и гордою самоувѣренностью; Невскій глядѣлъ на него съ удивленіемъ и какимъ-то недоумѣніемъ: онъ терялся въ мысляхъ, не умѣя дать себѣ отчету въ вступкахъ двухъ странныхъ сообщниковъ: были ли это его спасители, въ томъ тяжкомъ положеніи, въ какомъ онъ находился, или только лукавые соблазнитель?... а Чёрныхъ всё-еще не могъ оторвать глазъ отъ блестящаго металла, хоть онъ уже нѣсколько разъ его видѣлъ, потому что капсуль находился въ его храненіи и даже въ его собственномъ владѣніи. Этотъ удивительный человѣкъ перепарывалъ пальцами зерна золота, то лаская ихъ, то погружая весь палецъ въ драгоцѣнное вещество, котораго была порядочная кучка: онъ видимо услаждался приятнымъ

ощущеніемъ металла на руку; такъ страстный любовникъ упивается пѣгою, перебирая шелковистыя кудри своей подруги и, погрузивъ въ нихъ волнахъ руки, взвлекаетъ оттуда счастье на нѣсколько жизней человѣческихъ. Черныхъ приговаривалъ про себя:

— Пыль!... какая это пыль! Золотцо окатистое, тяжелое, вѣское.... много ли его тутъ, а до полуфунта вѣситъ!... не глеть какой-нибудь, что поверху воды плаваетъ: это — свинцомъ садится у самой головки важгерта!... золото лежалое, ровное, зерно къ зерну..... такое золото не обманетъ, не обморочитъ: тутъ нечего и говорить!

И какъ-то страшно было слышать многословіе этого человѣка, внезапно и съ увлеченіемъ заговорившаго, и какъ-то страшно было видѣть его физиономію, дико оживившуюся. Глаза Черныхъ, дотога неподвижные и стеклянные, сверкали какъ болотные огоньки; ротъ полуоткрытъ, дыханіе прерывисто, судорожно: какъ-будто онъ поглощалъ зрѣніемъ и вдыхалъ въ себя этотъ дорогой блескъ; даже легкій румянецъ показался на желтыхъ щекахъ длиннополаго; а все положеніе его походило на коршуна, который расширилъ крылья, вытянулъ дугою шею и расправилъ когти, готовясь ринуться съ насѣсту на свою добычу. Невскій и Ленинъ долго не сводили съ него глазъ: одинъ глядѣлъ съ удивленіемъ, съ любопытствомъ, другой съ наслажденіемъ, какъ истинный гастрономъ любующійся сознательнымъ аппетитомъ своего гостя.

— Дорогой человѣкъ! воскликнулъ наконецъ Ленинъ.

— Послушай, Ленинъ: все, что ты говорилъ, можетъ быть важно какъ фактъ ученый, важно въ отношеніи къ государственному богатству, однако меня ты не станешь, надѣюсь, увѣрять, что лѣзешь изъ кожи подъ однимъ изъ этихъ двухъ предлоговъ: ты видишь, я не чинюсь съ тобой.

— И хорошо дѣлаешь, сказалъ Ленинъ не измѣнившись въ лицѣ, хоть это замѣчаніе не могло не уязвить щекотливаго самолюбія: я и не имѣю желанія увѣрять тебя, что предпочитаю пользы другаго своимъ собственнымъ; но удивляюсь, что ты, при своемъ обширномъ знаніи, такъ легко схватывалъ всякіи сложный вопросъ, не мо-

жешь постигнуть самаго простаго предмета, если онъ касается твоихъ личныхъ выгодъ. Это показываетъ дурное практическое направленіе. Ты смотришь на вещи не съ надлежащей точки зрѣнія, и потому не умѣешь примѣнить къ дѣлу ни своего богатства, ни своихъ знаній, ни своего ума. Горько ты покаешься въ этомъ впоследствии; узнаешь, правъ ли я былъ, слѣдуя чисто практическимъ выводамъ, а не пустой теоріи, созданной пылкою фантазіей головы или горячкою сердца. Но тогда будетъ поздно, вѣрь мнѣ, Невскій; тогда ничто не излечитъ страданій тѣла и души.... никто даже не поскорбитъ объ нихъ.... Ты видишь, я также не чинюсь съ тобой.

Невскій молчалъ, погруженный въ задумчивость: разнышлялъ ли онъ о томъ, что говорилъ Ленинъ, или оставлялъ безъ вниманія сго слова—какъ знать!

— Но разговоръ нашъ, продолжалъ Ленинъ, принимаетъ боковое направленіе, а въ дѣлѣ серіозномъ я не люблю сбиваться съ пути и неутонимо слѣдую къ цѣли. Я сейчасъ тебя уснокою насчетъ моихъ пользъ въ этомъ дѣлѣ; надѣюсь, что ты также найдешь въ немъ и свои собственныя. Обороты глаза свои опять сюда, на карту, на эти громадныя хребты горъ, которые, то развѣтвляются на безчисленныя гряды, то вновь соединяются, то уходятъ за облака, то слѣдятъ за рѣками или окружаютъ озера—моря, и наконецъ теряются въ прибрежьяхъ морей океана..... видишь ли? Только южные края этихъ горъ, на западѣ и востокѣ, составляютъ собственность, именно, собственность алтайскихъ и нерчинскихъ заводовъ: все остальное безконечное пространство свободно.... свободно для всѣхъ и каждого; а это пространство таково, что изъ него можно бы выпростить нѣсколько царствъ.....

— Какъ, свободно?.... я не понимаю.

— Не понимаешь потому, почему и другіе не понимаютъ. Ты не знаешь самыхъ простыхъ истинъ, не знаешь мѣстныхъ узаконеній, а между-тѣмъ они республикованы. Каждый, подобно тебѣ, пропустилъ ихъ мимо своихъ ушей, мимо глазъ, какъ вещь непонятную, хотя вы совершенно поняли загадки, что происходитъ на лунѣ или внутри Африки и замышляете о русско-индѣйской торговой компаніи. Горько

въ Сибири свободны, и каждый, или почти каждый, может отъискивать въ нихъ руды всѣхъ металловъ и даже минералы и золотыя россыпи, съ незначительною платою пятнадцати процентовъ съ добытыхъ металловъ, за это право и за нѣкоторыя пособія со стороны правительства. До-сихъ-поръ заняты въ горахъ только вотъэтотъ лоскутъ земля въ томскомъ уѣздѣ, но системѣ рѣкъ Кундустуюла и Кундата. Купецъ Поповъ первый изъ частныхъ лицъ отважился ринуться въ этотъ неизвѣданный край, и нѣсколько лѣтъ сряду жертвовалъ своимъ капиталомъ безвозмездно.... это много въ нашу положительный вѣкъ! Прибавь къ этому, что онъ не имѣлъ ни какихъ данныхъ къ своему руководству и дѣйствовалъ ощупью, какъ-бы по вдохновенію, и ты поймешь, какой необыкновенный человекъ былъ этотъ Поповъ..... Ему безспорно принадлежитъ честь перваго, изъ частныхъ лицъ, открытія золотосныхъ россыпей въ Сибири. Еще образовалась недавно одна компанія въ Екатеринбургѣ: вотъ и всѣ дѣйствователи на этомъ обширномъ поприщѣ; они-то заняли клочокъ, о которомъ я тебѣ говорилъ. Все остальное — наше!..... понимаешь ли теперь? Это все наше *!

И Ленинъ положилъ обѣ руки на карту Сибири, и всё-еще не могъ закрыть огромнаго пространства, которое онъ такимъ образомъ бралъ во владѣніе, во имя своихъ глубокихъ соображеній и примѣннаго къ житейскимъ потребностямъ ума.

Ленинъ не любилъ выказываться впередъ, не желалъ быть замѣченнымъ: онъ зналъ, что такимъ образомъ не достигнетъ своей цѣли. Свѣтъ не любитъ выскочекъ и всячески старается втолкнуть ихъ назадъ въ толпу или раздавить своимъ негодованіемъ, если они долго остаются на аванъ-сценѣ. Но тутъ Ленинъ не могъ утерпѣть, не могъ скрыть чувства самодовольствія, чувства гордости, сознанія своего превосходства, которымъ была глубоко полна его душа. Онъ распрямился во весь свой ростъ и съ торжествомъ поглядѣлъ на Невского. Пыкій, страстный

* Нужно ли говорить, что все это происходитъ тринадцать лѣтъ тому назадъ.

во всему необыкновенному, Невскій, постигалъ также все великое, въ какомъ бы родѣ оно ни было: часто вскакивалъ онъ высоко надъ толпою, видѣлъ у ногъ своихъ всѣ эти мелкія страстишки и научился презирать ихъ; часто представлялъ онъ свѣту случай дивиться ему, указывать на него пальцемъ; но всякій разъ, такъ по-крайней-мѣрѣ было до-сихъ-поръ, при первой малѣйшей неудачѣ въ свѣтѣ или по службѣ, опять приходилъ въ запятчсое состояніе или искалъ самозабвенія въ вихрѣ всео-крушающихъ страстей.

Невскій на этотъ разъ забылъ свою неприязнь къ Ленину и дружески протянулъ ему руку, какъ-бы отдавая всю справедливость его соображеніямъ и заключая съ нимъ союзъ на дѣло столь важное и общающее такіа несчастливья послѣдствія. Дѣйствительно, въ то время, увеличивъ свои средства посторонними акціонерами, они могли захватить въ свои руки весь этотъ огромный край и, по праву первыхъ учредителей, стать въ головѣ компаніи, которой не было бы примѣру по несмѣтному богатству, исключая развѣ англійской ость-индской компаніи.

— А ты, Финскій? прильнешь ли къ нашему тройственному союзу, составленному изъ трехъ страшныхъ элементовъ, изъ трехъ главнѣйшихъ двигателей вселенной, какъ выразился бы нашъ общій другъ, Невскій?... изъ силы нравственной, силы физической и силы электромагнитной, то есть, изъ знанія, дѣятельности и денегъ?... Мы для тебя устроимъ пай изъ собственныхъ частей.

— Благодарю.

— А что?... неужели откажешься?

— Отказываюсь.

— Помилуй, Александръ, дѣло вѣрное!... зачѣмъ терять!

— Будетъ съ меня того, что имѣю.

— Ты точно устрица: заключился въ своей раковинѣ и ни какимъ мечомъ не разсѣчешь этой горсти извести, сказалъ Невскій.

— Мечомъ не разсѣчешь, замѣтилъ лукаво Ленинъ: но есть электрическая искра, отъ которой распадается эта раковина сама.

Невскій не обратилъ вниманія на слова Ленина, но

взглянувъ случайно на Финскаго, онъ замѣтилъ, что эти мишкетныя, ничего незначащія по-видимому слова какъ-будто смутили его. Невскій далъ прежнее направленіе разговору.

— И такъ, за дѣло, сказалъ онъ.

— За дѣло!.... и надо торопиться. Вся работа, конечно, упадетъ на насъ двоихъ: ты займешься искусственной частью, я хозяйственной; послѣ сведемъ въ одно общій трудъ. Черныхъ доставитъ тебѣ много данныхъ: онъ былъ штейгеромъ въ Сибирь и для насъ—человѣкъ необходимый.

Невскій сомнительно поглядѣлъ на это черепокожее существо, которое только и оживлялось при свѣтѣ золота и опять смыкалось, заключалось въ себѣ самомъ, когда закрывали золото.

— Завтра я пришлю къ тебѣ этого человѣка, а сегодня попользуюсь имъ самъ.

Ленинъ и Черныхъ ушли.

— Ты ему ничего не говори о дальнѣйшихъ нашихъ предпріятіяхъ, сказалъ Ленинъ своему спутнику. Еще будетъ время. Не надо всего открывать разомъ; что-нибудь и для себя побережемъ. Впрочемъ, это я такъ только говорю, а въ сущности всё-равно. Мы съ Невскимъ—старые друзья.

— Почто я стану рассказывать! Мое дѣло мужицкое, чернорабочее; я человѣкъ безгласный; вы управляетесь между собою сами, какъ знаете.

Невскій и Финскій остались одни.

— Скажи, пожалуйста, почему ты не захотѣлъ участвовать въ компаніи, которая основывается на такихъ положительныхъ данныхъ и представляетъ такъ много надежд? сказалъ Невскій.

— Мнѣ не хотѣлось участвовать съ Ленинымъ.

— Помилуй! вѣдь условія и общія пользы заставляютъ всѣхъ дѣйствовать въ зависимости другъ отъ друга и клониться къ одной цѣли.

— Можетъ-быть и такъ.... Въ такомъ случаѣ я и самъ не могу дать тебѣ отчету въ своемъ поступкѣ. Вѣроятно дѣвъ заставила и заставляетъ меня отказать.

— Богъ съ тобой!... Но что это за электрическая искра, которая можетъ на тебя дѣйствовать.... помечти, говоришь Ленинъ?

— Ахъ, не напоминай мнѣ, пожалуйста, объ Ленинѣ, — и Финскій смутился еще болѣе прежняго.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ПРОВОЖДЕННАЯ СТРАСТЬ.

Невскій работалъ неусыпно. Нуженъ только былъ толчокъ для побужденія его къ дѣятельности, и она становилась непреодолима ни своимъ ни развлеченіемъ; быстрая, все сокрушающая, она увлекала его всего къ избранной дѣл. Невскій трудился надъ проектомъ компаніи и въ то же время хлопоталъ, наперекоръ скромности Пирожкова, чтобы вызвать его на поле полезной практической дѣятельности и дать ходъ его чудному изобрѣтенію. Нашъ ученый пришелъ въ панический ужасъ: ему, выйти изъ своего затворничества на лобное мѣсто тревожной жизни, емствливому жильцу мирной келліи!... если только бы стельный его миръ можно назвать счастіемъ. Но Невскій, увлеченный самъ блестящей идеей Назара Назаровича, не терялъ надежды достигнуть своей дѣли. Во все это время Финскій бодрствовалъ надъ своимъ другомъ, бережно отстраняя отъ него докучныя посѣщенія и всякія непріятности: они могли бы перервать нить занятій его и даже все остановить ее, потому что, какъ мы замѣтили, Невскій былъ стремителенъ во всемъ и ко всему и такъ же скоро вспыхивалъ, какъ и остывалъ въ своихъ начинаніяхъ. Для него необходимо было существо, или внутреннее чувство, которое бы поддерживало благодатный огонь.

Но мы забываемъ о важномъ происшествіи, которое случилось втеченіи этого времени.

На третій день послѣ описанной намъ встрѣчи на Волковомъ Поля, Финскій вошелъ въ кабинетъ своего друга, Невскаго, и объявилъ ему.

— Пора! Остается около двухъ часовъ времени: ѣхать далеко!

— Помню, помню; я только съѣзжу къ князю, оставлю ему проектъ, а отсюда заѣду за тобою. Мы отираемся прямо на мѣсто преступленія; предупредимъ его такъ, что дѣвушка и знать ни о чемъ не будетъ, и тѣмъ избавимся отъ всякихъ благодарностей и слезныхъ сценъ со стороны ее и матери. Будь готовъ; черезъ четверть часа я вернусь.

Финскій смотрѣлъ на него съ виднымъ участіемъ, и ничего не говорилъ.

— А что? сказалъ Невскій.

— Послушай, Модестъ, не ѣзди теперь къ князю: съѣдишь завтра.

— Понимаю, понимаю, мой добрый Александръ: ты боишься за меня, за мое сердце. Но будь спокоенъ: я даже не зайду на половину хозяйки.

— Развѣ что такъ!.... а всё же лучше, если бъ совсѣмъ не ѣздилъ. Опоздаешь.

— Помилуй! самъ ты говоришь—остается два часа; а мы черезъ часъ будемъ уже тамъ. До свиданья, черезъ четверть часа я—здѣсь.

— Такъ это, проѣхавши Волково Поле, за лабораторіей?...

— Ну, да! Неужели же ты думаешь, что я забуду мѣсто или время, когда дѣло идетъ, можетъ-быть, о спасеніи жизни или, что всего вѣрнѣе, чести женщины.

— Тѣ-то же, Модестъ! тутъ дѣло чести.... Ужъ я не вхожу въ ваши дѣла съ княгиней.... но.... хорошаго въ нихъ, право, не много.....

Финскій остановился, боясь задѣть тщеславіе Невского. Онъ полагалъ, что уже слишкомъ много позволилъ себѣ сказать: въ минуты кейфу, отъ него трудно было добиться и того: онъ не любилъ выбирать словъ, а бралъ первое, какое ему попадалось, лишь бы оно было сколько-нибудь близко къ его мысли.

— Прощай Александръ, ожидай!

Не безъ сердечнаго волненія Невскій подѣхалъ къ дому, гдѣ нѣкогда онъ провелъ столько счастливыхъ часовъ или, лучше сказать, столько часовъ въ счастливомъ заблужденіи:

— Князя дома нѣтъ, сказалъ швейцарь.

— Мнѣ надобно оставить ему эти бумаги.... въ кабинетъ.... нужныя!... сказалъ съ разстановкою Невскій, не выходя изъ экипажа.

— Прикажите, я снесу наверхъ и велю положить въ кабинетъ.

— Нѣтъ.... ужъ лучше я самъ.... надо написать записку.

И Невскій вышелъ изъ коляски. Онъ очень медленно писалъ записку, хотя смыслъ ея былъ очень простъ; еще медленнѣй выходилъ изъ комнаты, какъ-будто чего-то ожидая; уже сошелъ внизъ; но на этотъ разъ предчувствіе не обмануло Невскаго. Лакей догналъ его и сказалъ, что барыня проситъ пожаловать къ себѣ.

«А! думалъ Невскій: она хочетъ меня видѣть.... хорошо! пришла моя очередь; мнѣ нечего притворяться излечившимся отъ своихъ дѣтскихъ заблужденій: довольно быть натуральнымъ..... она больше не станетъ меня дурачить.

Невскій вернулся.

Книгиня Вѣра была въ той порѣ своей жизни, когда женщина, какъ бы кротка и благоразумна ни была, становится болѣе или менѣе капризною, болѣе или менѣе сердитою, смотря по врожденному или впоследствии образовавшемуся характеру; въ той порѣ, когда она начинаетъ замѣчать, что жизнь течетъ очень скоро, а радость не замѣняется радостью; когда горе становится колючею и вивается глубже въ сердце; когда настоящее мало-по-малу изъ цвѣту розоваго переходитъ въ сѣрый, а будущее подергивается туманной пеленою: сквозь нее уже видна черная, страшная точка, до которой не смѣетъ проникать робкій взоръ, но которую умъ угадываетъ: эта черная точка—гробъ, могила, скорбное приобъжище несчастныхъ, страшлище всѣхъ. Вѣра, говоримъ мы, была въ той порѣ, когда завѣса очарованія опадаетъ, цвѣтистый, радужный, пышный міръ пустѣетъ, досадныя морщинки хируютъ гладкое и ясное чело, первый сѣдой волосъ заставляеть горько задумываться, цвѣтъ кожи, подобный тонкому листу слоновой кости, положенному на розовый атласъ, становится не такимъ прозрачнымъ, мутится,

грубѣть; когда дыханіе женщины уже не такъ жарко, не такъ неровно; когда толпа поклонниковъ и обожателей рѣдѣетъ, и ихъ сладкій, страстный лепетъ превращается въ ясный и внятнѣйшій разговоръ. Вѣра не понимала истиннаго счастья, и потому напрасно искала его, гонялась за нимъ. Она уже испытала несчастье и сердце ея изнывало. До прошедшаго она не смѣла коснуться; въ немъ бы не почерпнула себѣ утѣшенія; грозно было оно, и Вѣра торопливо отклоняла отъ него свой испуганный взоръ.

Да... она была очень несчастна въ настоящемъ: и вотъ причина. Ея сынъ, въ которомъ сосредоточивалась вся ея эгоистическая любовь, которому готовилась она передать состояніе и свою знатность, этотъ сынъ былъ ей ненадасть. Самая суетная свѣтская женщина, по мѣрѣ отпаденія отъ свѣта, начинаетъ жить въ своихъ дѣтяхъ: украшая ихъ, она тщеславно любитъ въ нихъ на себя и гордится ихъ достоинствами, какъ-бы своими собственными. Но какія достоинства Вѣра могла найти въ своемъ сынѣ, несмотря на все материнское увлеченіе? Это слабое, больное, тупое, вялое дитя, котораго не могли оживить искуснѣйшіе врачи, и ни чему не научили толпы учителей, это мертвенное тѣло по-временамъ вздрагивало, пробуждалось, выказывало жизненную силу, но только отъ злости. Доктора говорили, что это—нервическое расслабленіе, мать приписывала—неумѣнью обращаться съ ребенкомъ, и гувернёры и служители были безпрестанно смѣняемы. Казалось, только одного любилъ ребенокъ: это старика, ходившаго каждый день въ домъ князя. Его всѣ любили въ домѣ.

Княгиня Вѣра была скучна, задумчива; а такого состоянія духа всячески стараются избѣгать женщины извѣстныхъ лѣтъ, потому что оно кажется ихъ еще старѣе. Узнавши, что Невскій былъ въ кабинетѣ ея мужа и уходитъ не спросивши объ ней, она рѣшилась сама послать за нимъ. Она такъ давно его не видала! Невскій вошелъ. Онъ думалъ найти ее, по-прежнему, блестящею, веселою, смѣющеюся надъ свѣтомъ и жизнью, и нашелъ грустною, блѣдною. «Неужели мое отсутствіе могло ее такъ измѣнить?» была первая его мысль, но онъ вспомнилъ, что Вѣ-

ра сама, ея холодность, была причиною этого удаленія. Онъ вспомнилъ все, что происходило между ними, и возродившееся въ душѣ состраданіе быстро исчезло.

— Что сказалъ бы свѣтъ, какихъ бы заключеній ни вышелъ онъ, если бъ увидѣлъ меня въ такомъ положеніи, въ какомъ находите вы? спросила Вѣра, послѣ короткой вступительной бесѣды.

— Онъ сказалъ бы, что вы прекрасны! Это говорилъ онъ вамъ всегда.

Невскій произнесъ слова свои такимъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно пошлый комплиментъ, въ которомъ не участвуетъ ни сердце ни убѣжденіе. Такой комплиментъ иногда бываетъ горьче самой горькой истины, судя потому отъ кого его слышать. А между-тѣмъ Вѣра все-таки была прекрасна. Ея обыкновенно холодныя, гордыя черты лица сквозь легкую пелену печали слѣблалась выразительнѣй, мягче, и возбуждали не одно удивленіе, но и участіе.

— Да!... свѣтъ сказалъ бы это: но что подумалъ бы онъ? спросила она, какъ-бы желая узнать, что думалъ самъ Невскій.

— Свѣтъ ни о чемъ не думаетъ.

— Но многое выдумываетъ и заставляетъ задумываться другихъ.

— О!.... вамъ нельзя жаловаться на свѣтъ: онъ всегда былъ такъ милостивъ къ вамъ..... такъ справедливъ, хотѣлъ я сказать.

Вѣра поняла иронию, выказывавшуюся изъ-подъ бархатной рѣчи, но старалась не дать замѣтить этого.

— Да!.... милостивъ!... если вѣрить тому что онъ говорить.... если вѣрить тому, что вы говорите!... Но довольно о свѣтѣ, довольно съ насъ его, тамъ, внѣ этой комнаты: подумаемте хоть минуту о себѣ самихъ.

— Вы хотите знать о нашемъ предпріятіи съ княземъ?

— Нѣтъ, я не мѣшаюсь въ дѣла князя: мы давно съ нимъ покончили наши счеты, вы это знаете.

Мужчина обыкновенно бываетъ весь увлеченъ одною какою-нибудь страстью, честолюбіемъ, игрою, и такъ далѣе; у

женщины всегда остается уголокъ, завѣтный уголокъ въ сердцѣ для другихъ чувствъ, особенно для любви. Опытный физиологъ можетъ-быть прочелъ бы на лицѣ грустной Вѣры одно изъ этихъ чувствъ, которое не-разъ вспыхивало на ней, быстро, мимолетно, и исчезало ни кѣмъ не подмѣченное, ни кѣмъ не уловленное, такъ что Вѣра оставалась холодною, безотвѣтною, для всѣхъ, несмотря на вздохи, на ухаживаніе самыхъ отчаянныхъ львовъ. Одно время она была особенно внимательна къ Невскому, но, потому ли что объ этомъ заговорилъ свѣтъ, или потому что отношенія Невскаго къ свѣту измѣнились, она и къ нему охолодѣла.

— Модестъ..... не смотрите такъ часто на часы..... я угадываю вашу замысль; вы съ намѣреніемъ рѣшили меня дразнить..... неужели съ васъ мало того, что я мучусь?

— Но..... я васъ не узнаю..... вы..... всегда такая благоразумная.... сказалъ съ приторнымъ равнодушіемъ Невскій.

— Да! всѣ мы очень благоразумны въ свѣтѣ, всѣ мы тамъ счастливы..... танцуемъ, смѣемся и испаряемся въ блаженствѣ среди пышно освѣщенной залы.... а здѣсь..... когда однѣ..... Да! особенно, когда женщина совершенно одна..... и когда, наконецъ, настагаетъ ее горе или бѣда, которыхъ она не въ силахъ одна снести..... о! что иногда терпять ее бѣдное, слабое, безутѣшное сердце.... Вы, мужчины, не хотите этого знать.... со своими эгонстическими чувствами, вы требуете, чтобы женщина всегда являлась къ вамъ въ полномъ нарядѣ, съ запасомъ улыбокъ и ума.... и всегда для васъ.... только для васъ однихъ: о себѣ она не смѣетъ и думать; вы отказываетесь отъ нашей дружбы, потому что тутъ женщина предстаетъ передъ васъ нерѣдко такую, какова она есть, требуетъ своей доли утѣшенія, нравственнаго самопожертвованія. Вамъ нужна только любовь, потому что влюбленная женщина отдаетъ безвозмездно все, что есть завѣтнаго въ ея сердцѣ, и тогда вы можете играть ею, какъ своею игрушкою: она раба вашихъ прихотей, ее можете вы смять и бросить на пору-

гавіе свѣту, ее можете возвысить, но только для того, чтобы свѣту была видна она, она, ваше твореніе, которымъ вы гордитесь; свѣтъ станетъ завидовать вамъ. Но когда эта женщина, грустная, скорбная, прибѣгаетъ къ вамъ въ таши пустой гостинной, съ глазами заплаканными, съ лицомъ блѣдныиъ, безотвѣтная на ваши шутки, на вашъ смѣхъ, вы отворачиваетесь отъ нея, вы скучаете съ нею, вы смотрите на часы, какъ-бы повелительно требуя развеселить васъ и угрожая въ противномъ случаѣ оставить ее одну на жертву горести.

— Ахъ! не издѣвайтесь больше надо мною!.... сказалъ Невскій, не въ силахъ будучи подавить своей страсти. Вы хорошо знаете, что за одно слово участія, я готовъ былъ вамъ жертвовать всѣмъ.....

— Мнѣ не нужны были жертвы.... Развѣ вы не знаете, что въ самопожертвованіи столько же гордости, столько же эгоистическаго чувства, какъ и въ этой безусловной любви, которой вы требуете отъ насъ, женщинъ, какъ и въ той покорности, къ которой, по вашему мнѣнію, мы рождены? Въ пожертвованіяхъ вы гордитесь своею нравственною силой, своимъ превосходствомъ передъ нами; а отъ насъ вы домогаетесь такихъ жертвъ, гдѣ выказывается только наша слабость: къ другимъ вы считаете насъ неспособными. Въ непрерывно мятельныхъ чувствахъ, въ увлеченіяхъ свѣта, вамъ некогда заглянуть въ сердце любимой женщины, между-тѣмъ какъ она посвящаетъ жизнь свою на изученіе того, кому сердцемъ предается; вы наносите ей непрерывныя оскорбленія, а она, страдалница, не смѣетъ вамъ высказать ихъ, глотай обиду, чтобы вы не замѣчали слѣдовъ ея.... Вы говорите, что готовы бы жертвовать всѣмъ по одному моему слову; но какая женщина будетъ нѣсти въ себѣ такъ мало гордости, чтобы потребовала жертвъ, если вы сами не умѣете отгадать ее?

— Я... не понимаю васъ..... Но клянусь вамъ: прежде я все сдѣлалъ бы для васъ по непреодолимому влеченію сердца, теперь же сдѣлаю все..... хоть для того чтобы отплатить вамъ за много, много горестей.....

— О! въ такомъ случаѣ утѣшитесь..... вы конечно не

умѣли бы отомстить такъ, какъ отомстила за васъ судьба..... или не за васъ, но можетъ-быть за кого другаго..... Слова эти были произнесены съ такимъ выраженіемъ горести, какого Невскій никогда не подозрѣвалъ въ этой женщинѣ.

— Скажите мнѣ, скажите скорѣе, что случилось съ вами?... можетъ-быть можно помочь горю..... если кто осмѣлился нанести вамъ обиду.....

— Эту обиду ни отстранить ни смыть нельзя.

— Но можетъ-быть ее можно раздѣлить?.... Вы мнѣ скажете..... не правда ли?

Вѣра въ молчаніи подала ему руку, которую Невскій поцѣловалъ нѣжно, но безъ страсти. Безмолвіе длилось нѣсколько минутъ. Невскій замѣтилъ, что глаза Вѣры, большіе, черные, какъ-будто были влажны. «О! такъ притворяться нельзя, думалъ онъ: она горько страдаетъ, а я еще вздумалъ укорять!.... я думалъ о себѣ, когда она нуждалась можетъ-быть во всей помощи другаго, чтобы перенести тяжкое бремя горя!.... она права, упрекая насъ въ эгоизмѣ.»

Вѣра первая начала говорить.

— Вы не поймете вполне, но вы угадаете сердцемъ чувство матери къ своему дитяти, къ своему сыну, особенно, если этотъ сынъ у нея одинъ..... особенно, если она сама причиною потери другихъ.... которые можетъ-быть были бы достойнѣе этого одного..... Вы знаете, какъ я люблю своего Колю. Сколько заботъ, сколько попеченій объ немъ!... все о немъ одномъ! Но не знаете, что случилось съ нами теперь. Онъ былъ зачисленъ въ одно учебное заведеніе: прельщаясь надеждой, уже я мечтала видѣть его умнымъ, образованнымъ, блестящимъ въ обществѣ; онъ былъ бы моимъ другомъ, моимъ молодымъ но надежнымъ покровителемъ; въ воображеніи моемъ рисовалась его счастливая будущность... и что жъ теперь!... когда наступилъ опредѣленный возрастъ, я представила Колю по порядку для испытанія: его обратили ко мнѣ какъ неспособнаго.... моего сына.... моего роднаго сына въ самый началъ его поприща жизни, объявили неспособнымъ, не-

годыиъ. Пусть бы только въ немъ была неспособность учиться: тутъ онъ еще не такъ виноватъ; но это равнодушие ко всему, эта тупая холодность даже къ своей матери, убиваетъ меня..... И за что онъ можетъ не любить меня, когда я готова отдать ему душу свою, провожу надъ нимъ, больнымъ и слабымъ, цѣлыя ночи безъ сна?....

Вѣра была такъ краснорѣчиво-несчастлива и такъ трогательно-хороша, что собесѣдникъ ея трепеталъ какъ въ шхорадиѣ.

— О, клянусь вамъ, воскликнулъ онъ наконецъ, вовсе не замѣтивъ, какъ разговоръ мало-по-малу обратился въ личный: клянусь, я буду покоренъ вамъ во всемъ!..... буду любить васъ столько, сколько вы позволите мнѣ..... буду охранять васъ съ такою осторожностью, что и вы сами не замѣтите..... только бы было на то ваше согласіе.....

Въ это время громкій смѣхъ, выходявшій изъ недалекой комнаты, дошелъ до счастливаго любовника и поразилъ его какъ громомъ. Невскій выронилъ руку Вѣры и въ испугѣ вскочилъ съ дивана.

— Дитя! сказала она ласково и, взявши его за руку, послѣдила на прежнее мѣсто: вы всё такъ же суевѣрны, какъ и были.... случайно раздавшійся смѣхъ приводитъ васъ въ ужасъ.

— Этотъ смѣхъ, онъ.... зловѣщій, милая Вѣра.... я это знаю, я испыталъ.

— Ужъ вѣрно не этотъ, сказала, смѣясь, Вѣра: этотъ раздался изъ самой почтенной и честной груди, въ какой только билось человѣческое сердце. Такъ называемый всѣми Дѣдушка, нашъ повѣренный въ дѣлахъ..... Вы не встрѣчали прежде Смольнева въ нашемъ домѣ, потому что онъ уѣзжалъ изъ Петербурга по дѣламъ своимъ или князя, не знаю. Его одного только любить нашъ Коля..... этого добраго старичка нельзя не любить; онъ тѣшитъ дитя своими шуточками и прибаутками и, какъ видите, самъ находитъ удовольствіе играя съ ребенкомъ. Добрый человѣкъ!

Послышались шаги у самыхъ дверей.

— А! вотъ онъ самъ, сказала Вѣра тѣмъ же шутливымъ тономъ: сейчасъ вы убѣдитесь, что этотъ человѣкъ не сдѣлаетъ намъ зла; онъ весь преданъ мнѣ.... Войдите!... Онъ у насъ вездѣ ходитъ невозбранно, кромѣ рабочаго кабинета князя.

Въ комнату вошелъ низенькій старичокъ, въ затасканномъ до-нельзя платьѣ, съ фizioноміей, правда, не злобщей, но изрядно уродливою. Нельзя быть гаже, какъ былъ этотъ приземистый, плѣшивый человѣчекъ. Онъ низко поклонился и подалъ княгинѣ письмецо. Вѣра съ трепетомъ взяла записку, какъ-будто чего-то ожидала, боялась распечатать бумажку, и глядѣла въ глаза маленькому человѣчку, которые-то, какъ-будто старался скрыть, поминутно моргая и щурясь. Лицо его сдѣлало гримасу; большія, клочкообразныя брови, приподнялись: надо полагать, что это былъ хорошій знакъ; вѣрно это была улыбка старика, потому что Вѣра съ примѣтнымъ движеніемъ радости вскрыла письмо.

Невскій теперь только вспомнилъ о времени: съ судорожнымъ движеніемъ схватился онъ за часы.

— Еще рано, сказалъ старичокъ, предупреждая..... любопытство сладенькимъ голоскомъ и обыкновеннымъ своимъ смѣхомъ: только восемь часовъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу Невскаго. «Осень часовъ!» произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

— Да! восемь: у меня часы сегодня поставлены по хронометру.

«Боже мой! я опоздалъ..... я могъ предупредить и не предупредилъ, думалъ Невскій: о, Боже! чтѣ я сдѣлалъ! Бѣдная дѣвушка!... а я здѣсь, здѣсь предаюсь сомнительной надеждѣ!... Но можетъ еще успѣю!... можетъ-быть они опоздали..... можетъ-быть это тайное свиданіе не состоялось..... О, дай-то Богъ!

— Благодарю васъ, благодарю, мой добрый Дѣдушка, требуйте отъ меня какой ходите награды за эту услугу, сказала Вѣра, дочитывая письмо.

Такъ называемый дѣдушка поклонился съ подобостра-

стѣнь, засмѣялся по-своему и тихо вышелъ изъ комнаты, не отвѣчая на предложеніе княгини, какъ человѣкъ, для котораго и то уже величайшая награда, что онъ заслужилъ его.

— Прикажете подать карету, сказала ему вслѣдъ княгиня.

— Лошади запряжены въ коляску.

— Ну, такъ коляску. Боже мой, что съ вами, Модестъ?... вы блѣдны?... едва держитесь на ногахъ?... Куда жъ вы?... оставайтесь!... я не могу васъ отпустить въ такомъ видѣ.... Я приказываю вамъ остаться, повторила она, видя что Невскій покушался уйти и удерживая его за руку. Вы мнѣ нужны. Постарайтесь поскорѣе оправиться, и мы поѣдемъ вмѣстѣ: вы видите, что я вся горю отъ нетерпѣнія.

«А эта несчастная жертва! подумалъ Невскій. Что жъ, ужъ теперь не воротись прошедшаго..... поздно! Финскій вѣрно ждетъ меня.... А можетъ!....»

О! совѣсть бываетъ стоворчива у людей самыхъ совѣстныхъ, если начнетъ ее ломать всесокрушающее чувство любви.

— Выпейте воды.... такъ.... дайте я потру вамъ голову спиртомъ.... голова какъ ледъ, а потъ на лбу!

Невскій чувствовалъ, какъ благотворная теплота разливалась изъ мягкой руки Вѣры, которая заботливо, съ нѣжностью, терла его виски; какъ подъ этою ладонью билась и трепетала каждая жилка его, какъ ныло сердце отъ сладостныхъ ощущеній.

— Слава Богу, вы оживли!.... Ёдемъ! Да! Вы ѣдете, не правда ли Модестъ, и она глядѣла ему въ глаза, глазами полными любви и счастья. Можетъ-быть мнѣ понадобится ваша защита!

— О, не дай Богъ! произнесъ Невскій. Но во всякомъ случаѣ вы убѣдитесь, умѣю ли я защитить васъ.

Вѣра ничего не отвѣчала: она пожала ему руку, и это пожатіе было полно самой нѣжной признательности; потомъ еще разъ развернула записку: въ ней были только

слѣдующія слова: «Жительство имѣеть въ Болотной Улицѣ, недалеко отъ Волкова Поля, Но 41.»

«Это близко отъ мѣста указаннаго Оськой, подумаль Невскій: но не тотъ домъ.»

— Коляска у подъѣзду..... пойдёмъ скорѣе!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Женщина создана для любви. Пол-жизни она любить и благодарить судьбу за свою любовь; другую половину жизни она старается не любить, или кается въ своей любви, или живеть воспоминаніемъ прежней любви, и всё-таки любовь—ея сфера, ея жизнь, ея счастье, ея мученіе. Ее обдумываетъ она въ длинныя, безсонныя ночи, когда невѣдомое чувство западетъ въ сердце неопытное, нѣжное, страстное; ею наслаждается, полная счастья, когда тотъ, чей идеаль уже создала она и уже носить въ своемъ сердцѣ, вдругъ является передъ нею, во всей олицетворенной красотѣ, еще краше, чѣмъ создавало воображеніе, потому что сердце не знаетъ предѣловъ въ своей изобрѣтательности и способно дополнить даже то, что было полно въ воображеніи.

Ольга Бенская, до того времени счастливая привязанностью къ себѣ своихъ бѣдныхъ и страждущихъ, которымъ помогла она съ чувствомъ безотчетнаго милосердія,—къ этому чувству способна исполнѣ только женщина или, правильнѣе дѣвушка, не знающая волненій свѣта, еще не дышавшая его соблазнительнымъ воздухомъ,—Ольга теперь несла помощь съ какимъ-то трепетомъ въ душѣ, отдавая отчетъ въ поступкѣ своей совѣсти и чувству религіознаго страха. Она помнила, что ей было бы стыдно и грѣшно покинуть на произволь судьбы тѣхъ, которые съ такою надеждою, съ убѣжденіемъ, ожидали ея пособія, и шла къ нимъ, можетъ-быть съ прежнею торопливостью и

готовностью, но уже, какъ мы сказали, не безсознательно, съ разумною отчетливостью самой себѣ. Было что-то въ душѣ ея, заставлявшее и думать, и вѣровать, и сомнѣваться.

На третій день послѣ того какъ появленіе Невскаго на порогѣ дому Бенскихъ произвело столь чудесную метафору въ сердцѣ Ольги, явился къ ней Федуль съ воплемъ и слезами и просилъ навѣстить его отца, который.... вотъ-тутъ, близѣхонько, на концѣ улицы, совсѣмъ кончается, говорилъ Федуль.

— Что жъ я могу сдѣлать?... чѣмъ пособлю ему?... лучше пошлемъ за лекаремъ.

— Что лекарь! Ужъ ты у насъ въ околоткѣ лучше всякаго лекаря... ты у насъ какъ ангель... «Только бы она на меня руку положила, такъ мнѣ бы и отлегло отъ сердца!» говорить мой старикъ. Конечно бы отлегло!.... Яви благую милость, поди къ старичишку на-минутку, не оставь насъ сиротами безпріютными на-вѣки.....

И Федуль повалился ей въ ноги.

Странное чувство волновало дѣвушку: правда, она всегда съ робостью пускалась въ новый подвигъ милосердія, какъ-бы стыдясь отваги своего сердца; но вскорѣ, увлекаемая его порывами, предавалась имъ совершенно; теперь же, какой-то внутренней голосъ, этотъ ангель-хранитель, постоянно стерегущій душу чистую, твердилъ ей, чтобы она не слушала воющаго у ногъ мальчика. Въ то же время, другое, нудящее, тоскливое чувство простаго любопытства или женскаго упорства заставляло ее идти на помощь страданію. Итти побуждалъ наконецъ и самый долгъ: она была въ положеніи той бѣдной жертвы, которая стоитъ передъ разпнутой пастью змѣи и не можетъ отойти, не можетъ отвести отъ нея глазъ, находясь подъ магическимъ вліяніемъ ея взгляду. Этотъ странный физиологическій фактъ очень часто проявляется въ душѣ человѣка и вполне заслуживаетъ изученія и анализа. Не поясняетъ ли онъ восточнаго мѣна о постоян-

ной борьбѣ въ человѣкѣ двухъ началъ, двухъ духовъ, добра и зла?...

Ольга рѣшилась идти. Изнеможенная постояннымъ бодрствованіемъ у постели больной матери и внутренними тревогами души, она сама страдала. Но Ольга привыкла забывать свои страданія при видѣ немощи другого. Оставивъ служанку возлѣ матери, она не безъ внутренняго волненія простилась съ больною и, въ сопровожденіи Федула и Оборвыша, вооруженнаго большою дубиною, въ знакъ готовности своей защищать барышню, отправилась вдоль Лиговскаго Канала.

— Вотъ, вотъ прійдемъ!— говорилъ Федулъ, и между тѣмъ они всё шли да шли, и очень не скоро подошли къ пустырю, обнесенному заборомъ, заросшему бурьяномъ, какіе еще и теперь можно найти по Лиговкѣ, гдѣ она течетъ въ видѣ болотнаго ручья.

Федулъ привелъ своихъ спутниковъ въ лачужку, указавъ въ уголъ, гдѣ на утлыхъ доскахъ, на пучкѣ гнилой соломы, лежалъ Оська, и значительно кивнулъ Оборвышу.

— А что? спросилъ тотъ.

— Надо!

И они вмѣстѣ вышли за дверь, на обширный, заросшій дворъ.

Оська дѣйствительно больно страдалъ. По испитому лицу его видно было, что въ эти два дня онъ прокутилъ много жизни, истратилъ много силъ въ горячей схваткѣ съ чаркой или въ рукопашномъ бою съ пьяною гурьбой. Кромѣ-того, его мучило что-то въ родѣ совѣсти, не покидающее доброй природы и на краю ея пропасти. Оस्कѣ было стыдно обманывать слабую-бѣдную женщину, которую онъ нѣкогда видѣлъ, которую зналъ и не могъ не чтить. И чѣмъ обидѣла его эта женщина? За что предпринималъ онъ противъ нея всѣ ухищренія? А что цѣль тутъ была дурная, въ томъ и близорукое соображеніе Оски не могло его обмануть.

Когда вѣрніе Ольги нѣсколько привыкло къ темнотѣ

въ лачугѣ, она подошла къ нищенской кровати больного, безъ особенной робости, безъ отвращенія, свыкшись съ подобнаго роду зрѣлищами. Оська оборотился къ ней снвною, можетъ-быть ддятого чтобы скрыть невольное волненіе. Вскорѣ онъ почувствовалъ на воспаленномъ лбу своемъ прикосновеніе ручки, нѣжной, атласистой, и ему стало еще жарче чѣмъ прежде, а между-тѣмъ холодный потъ покрывалъ все лицо его.

Почти въ то же самое время отворилась маленькая дверь, которой прежде не замѣтила Ольга и никакъ не предполагала, чтобы въ допкѣ была другая комната. Изъ нея показался мужчина. Видъ этого человѣка имѣлъ магическое дѣйствіе на Оську: онъ остался недвижимымъ. Ольга, по невольному страху, отскочила отъ постели къ противоположной двери.

— Вы предупредили меня здѣсь, въ этомъ жилищѣ скорби и болѣзни..... сказалъ мужчина. Не уходите..... я васъ прошу!.... оставайтесь! Ваше присутствіе, ваши небесныя утѣшенія теперь, конечно, полезнѣе для этого человѣка чѣмъ земная помощь, и если кому-нибудь изъ насъ двоихъ должно уйти, такъ конечно мнѣ.....

Незнакомецъ стоялъ у двери съ притворной робостью.

— О, нѣтъ! ваша помощь будетъ для него существеннѣе!... что могу я?....

— Многое, все что можетъ доброе, нѣжное женское участіе.

Онъ говорилъ, казалось, такъ искренно, движенія его были такъ тихи, кротки, что мысль объ опасности, которая не выходила изъ головы бѣдной дѣвушки со времени зловѣщаго открытія, сдѣланнаго Обдврвышемъ, мало-помалу исчезла. Незнакомецъ, ободренный возстановившеюся въ ней тишиною, сдѣлалъ шагъ впередъ. Дѣвушка невольно ухватилась за ручку дверей: но онѣ были заперты. Это пробудило въ Ольгѣ прежній страхъ.

— Гдѣ Ваня?... гдѣ сынъ больного? пронзесла она, обходя со страхомъ пустую комнату: отчего заперты двери?... отперите, пожалуйста!... Я уйду.

— Оди́тъ?... И не дождетесь своихъ проводниковъ?

— Они вѣрно тамъ, за дверью.

— Вы напрасно боятесь: дверь вѣрно приперлась сама собою, отъ сильнаго толчка; ржавыя петли, покривившіяся на косякахъ, сопротивляются вашимъ усиліямъ.... толкните сильнѣе!

— У меня нѣтъ силы.... говорила Ольга, тщетно усиливаясь отворить дверь. Помогите, ради Бога, отворить!

Незнакомецъ подошелъ къ двери. Ольга могла ближе разсмотрѣть его. Платье его было просто, но изящно, и онъ носилъ его съ какимъ-то кокетствомъ; большой бриліантъ въ перстнѣ свидѣтельствовалъ ясно, что незнакомецъ зашелъ сюда, въ обитель нищеты, изъ противоположной ей сферы; сѣрые глаза блистали странно для неопытной дѣвушки, всякой разъ какъ обращались къ ней. Ему было далеко за-сорокъ лѣтъ: большой носъ, большія губы, узкій и угловатый лобъ и, вообще, черты лица рѣзкія, грубыя, не могли внушить къ нему довѣрія съ перваго взгляду, тѣмъ болѣе, что и самыя манеры его становились рѣшительнѣй.

— Да? дѣйствительно заперты.... кто жъ бы это такъ подшутилъ?... вѣрно вашъ проводникъ....

— Боже, мой! гдѣ же Ваня?... всѣ оставили меня....

— Не всѣ. Вы видите сама судьба послала меня къ вамъ на помощь.

И онъ приблизился къ дѣвушкѣ. Несмотря что онъ хотѣлъ придать себѣ видъ возможной кротости, Ольга, уже предупрежденная противъ него своимъ чувствомъ, отскочила съ ужасомъ.

— Матушка! бѣдная матушка! что́ станется съ тобою?... Она кинулась къ постели больнаго, какъ-бы становясь подъ священную охрану страданія и скорби. Оська сунула свою голову въ солому, чтобы не слышать этого вопля отчаянія.

— Не понимаю, отчего одинъ мой видъ наводитъ на

вась такой непонятный страхъ, сказалъ незнакомецъ подавая свою досаду.

Ольга дѣйствительно слишкомъ уже выказывала недоувѣренность челоуѣку, который не сдѣлалъ ей ни какого вреда. Желая извиниться передъ нимъ, она произнесла:—Ваше печальное появленіе..... эта запертая дверь.....

Она не сказала—вашъ видъ—но подумала это.

—Мое появленіе можно объяснить тѣмъ же какъ и ваше!.... къ двери я не приближался..... слѣдовательно, ни сколько не виноватъ, что она заперта. Если вы такъ позволите оставить этого страдальца, я на свою долю ни сколько не беру вашего гнѣву, потому что не заслужилъ его; а если желаете по-скорѣе уйти отсюда, я выведу васъ другимъ ходомъ, тѣмъ самымъ, которымъ я пришелъ, и сѣю надѣяться, что вы мнѣ простите свой невольный страхъ....

Незнакомецъ опять говорилъ со всею возможною кротостю. Ольга вздохнула свободнѣй.

—Я чувствую, что не въ силахъ оказать помощи этому несчастливцу..... я только хотѣла исполнить его желаніе и пришла сюда.... Притомъ же, вы останетесь съ нимъ, вы поможете ему, вы добры и сострадательны.... Укажите мнѣ выходъ, и я уже сама уйду отсюда.

Незнакомецъ подалъ ей руку. Ольга видѣла въ этомъ простое движеніе челоуѣка, привыкшаго къ свѣтскимъ приемамъ.

—Я очень сожалѣю, что перепугалъ васъ, говорилъ онъ; но съ другой стороны, благословлю этотъ случай, который такъ неожиданно доставилъ мнѣ счастье встрѣтиться съ вами..... Ваше имя священно для несчастныхъ..... и не можетъ не быть мнѣ извѣстнымъ. Вы разливаете повсюду утѣшеніе, осушаете слезы, дѣлаете столько добра!.... Благотворительность, соединенная съ красотой и юностью—великій даръ небесъ!.... Мы встрѣтились печально на одномъ и томъ же поприщѣ, и должны непременно познакомиться..... вы, смѣю васъ увѣрить, найдете во мнѣ челоуѣка готоваго къ добру..... почему

знать! можетъ-быть еще и помощника, друга.... Во всякомъ случаѣ, дѣйствуя дружно вдвоемъ, мы сдѣлаемъ гораздо болѣе добра....

Голова Ольги горѣла и кружилась отъ этихъ оставшихъ словъ, рука ея дрожала, и она чувствовала, какъ сердце ея трепетало отъ одного прикосновенія руки незнакомца. Едва переступила она черезъ порожекъ атой лачужки, какъ дверь, въ которую пришелъ незнакомецъ и въ которую она теперь вышла, плотно да вѣкъ захлопнулась. Оська освободила свою голову изъ-подъ соломы.— Ухъ! пронесеть онъ, стрелялся, и осматривался во всѣ стороны: слава Богу, ушли! Уйти и мнѣ по-добру по-здорову. Нѣтъ, братъ, впередъ не надуешь; чтобы справиться съ женщиной, надо имѣть про запасъ два сердца.... одно такое, чтобы не скапало отъ слезъ, не таяло подъ лебяжьей ручкой, другое такое, чтобы вышло цѣло или только съ маленькимъ изълиномъ изъ-подъ ежовыхъ рукъ любой калашницы. А гдѣ-то моя Жучка теперь!.... бѣдная!

Разсуждая такимъ образомъ, Оська подошелъ къ двери, которая вела прямо на дворъ, засунувъ руку въ щель подъ дверью, и ему одному извѣстнымъ способомъ отперъ наружный засовъ. Едва отворилъ онъ, какъ Жучка кинулась къ нему на грудь.

— Сердечная!... ясочка моя.... радость! говорилъ Оська, трепая ее по головѣ и спинѣ.

Гадкая собачонка фыркала, отъ радости визжала, мотала головой и хвостомъ и, краснымъ, шершавымъ языкомъ своимъ лизала лицо Оськи.

— Въ кабакъ! шепнулъ ей на-ухо Оська, повѣрившій Жучкѣ свои задушевные тайны, и оба пустились рысью, весьма довольные и счастливые своей встрѣчей, а Оська и тѣмъ еще, что избавился отъ тягостной роли.

Незнакомецъ и Ольга очутились въ комнатѣ, убранной, не только съ удобствомъ, но съ нѣкоторою роскошью, странно противорѣчащей той нищетѣ, которая была рядомъ въ другой комнатѣ. Ольга съ удивленіемъ осматривалась вокругъ; невинная, чуждая самой идеи возможности преступленія, котораго она и не могла постигнуть, Ольга недоумѣвала, что все это значитъ.

— Вы такъ изволнованы, сказалъ незнакомецъ съ заботливостью: отдохните здѣсь немного.

Ольга повиновалась. Незнакомецъ сѣлъ возлѣ нея. Таинственный полу-свѣтъ, тонкій запахъ куреній, зыбкіе диваны, мягкіе ковры, все располагало къ нѣгѣ и чувственности; но Ольга не понимала этихъ судорожныхъ сотрясеній сердца: она въ забытій оставила свою руку въ рукѣ незнакомца. Нейстоимая въ добротѣ, она видѣла въ ласкѣ этого человѣка отеческую заботливость, съ какою иногда обращался съ нею Назаръ Назаровичъ.

— Какъ вы думаете, для кого устроена и убрана эта комната? спросилъ ее незнакомецъ.

— Я думаю для тѣхъ страждущихъ, которые, по-свѣдому происхожденію и привычкамъ, имѣютъ нужду въ большихъ удобствахъ, чѣмъ тотъ, что въ сосѣдней комнатѣ.

— Да!... именно!... для страждущихъ.... и также для счастливыхъ. Видите ли?... я съ намѣреніемъ соединилъ эту идолъ блаженства съ жилищемъ скорби, которое рядомъ, чтобы даже въ самыхъ пламенныхъ восторгахъ, въ самомъ сильномъ упоеніи счастья, люди думали, что это счастье не вѣчно, что рядомъ съ нимъ есть страданіе, и тѣмъ живѣе предавались своимъ восторгамъ..... и тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ пили изъ чаши самозабвенія.

— Я васъ не понимаю..... но совершенно вѣрю, что вы устроили это съ благою цѣлюю.

— О! вѣрьте, вѣрьте мнѣ, предайтесь обольстительному чувству, и вы тогда постигнете, узнаете что такое счастье.

Онъ прижималъ ее руку къ своему сердцу и увлекалъ ее къ себѣ на грудь. Ольга видѣла въ полумракѣ его разгорѣвшіеся глаза, его лицо, судорожно напряженное. Ей опять стало страшно.

— Мнѣ пора.... произнесла она, освобождаясь изъ рукъ его, матушка ждетъ меня.

— Оставайтесь, я васъ прошу!... повелительно вскричалъ онъ, забывши роль нѣжнаго любовника, которую собирался играть. Ольга робко повиновалась.

— Что вамъ отъ меня надо?.... зачѣмъ вы меня удерживаете?

— Я хочу, чтобы вы были мнѣ другомъ.... Я богатъ... я имѣю средства доставить вамъ всѣ наслажденія, всѣ удовольствія, всѣ отрады души и сердца. Вы благотворительны, любите помогать бѣднымъ: помогайте имъ моимъ состояніемъ, располагайте всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ, пользуйтесь этимъ и сами для себя, для своихъ прихотей, забавъ, нарядовъ, развлеченій.... Я—вашъ, весь вашъ!...

В. П. КОВАЛЕВСКИЙ.

АТЛАСЪ.

Издъ Виктора Гюгò.

=

Однажды, Атласу, сказали долины:
«Взгляни на цвѣтущія наши равнины,
«Куда равнинъ утромъ и поздней зарей,
«Дѣвнцы приходятъ играть межъ собой.
«Къ ногамъ нашимъ нѣжно ласкается море,
«Шумя и блистая на вѣчномъ просторѣ,
«А грудь оживленная свѣжей росой
«Покрыта цвѣтами и мягкой травой.
«А ты Расскажи намъ, гигантъ одинокій.
«Зачѣмъ наклонился главою высокою?
«Зачѣмъ на кремнистыхъ вершинахъ твоихъ,
«Разсыяны гвѣзды орлятъ молодыхъ?...
«Зачѣмъ ты, какъ тучи, чернѣешь въ лазури —
«И борешься вѣчно съ громами и бурей?
«Скажи, отъ чего ты бѣлѣешь въ снѣгахъ?»
— Затѣмъ, что весь мѣръ несу на плечахъ!

С. ДУРОВЪ.

МЕТАФОРА.

(Издъ В. Гюгò.)

=

Какъ на поверхности лазурнаго пруда,
Въ душевной глубинѣ мы видимъ иногда:
И небо полное блистательныхъ сокровищъ,
И тинистое дно — гдѣ вьется рой чудовищъ.

С. ДУРОВЪ.

ВЕЛИЧІЕ ДУХА.

=

Кто всей душою любить Бога
 И, чтя святой Его законъ,
 Среди соблазновъ и препонъ
 Горѣ вознесся отъ земнаго,
 Тотъ не падеть передъ кумиромъ,
 И не поникнетъ головой
 Въ часъ испытанья роковой:
 Державенъ духъ его надъ міромъ!
 Святою волею избранный,
 Онъ преидеть путь безъ укоризнъ,
 И увидеть въ блескѣ новыхъ ризъ
 Въ чертогъ Отца обѣтованный.

А. В.

ХРАМЪ.

=

Изъ мглы хаоса довременной,
 Безформной, хладной и нѣмой,
 Воздвигся этотъ храмъ вселенной,
 Великій, чудный и святой!
 И весь помостъ обширный въ немъ
 Покрылся бархатнымъ ковромъ;
 Подъ сводомъ, въ недоступной выси,
 Лампады вѣчныя зажглись
 И чистый, сладкій онміамъ
 Наполнилъ весь чудесный храмъ;
 И вошелъ, и въ умиленьи
 Началъ свершать богослуженье.
 И съ той поры до нашихъ дней
 Въ святилищѣ великомъ храма

Курится сладость огня,
Пьмають тысячи огней:

М. ЧИСТАКОВЪ.

ЦВѢТОКЪ НА МОГИЛѢ.

Смотрю: вотъ могилы холодный песокъ!
Надъ нею склонившися—какъ другъ, одинокъ
Алѣтъ прекрасный весенній цвѣтокъ.
Откуда взялся на врахъ уныломъ
Багрянецъ, и зелень, и свѣжесть, и цвѣтъ?
Иль доброе сердце въ семь образъ миломъ
Изъ гроба, какъ сѣмя, возникло на свѣтъ?
Иль дружба въ безмолвьи, грустя надъ могилой,
Слезами надежды его породила?
Иль птица лѣсная, иль вѣтеръ степной,
Летая надъ холмомъ пришельца забытымъ,
И дерномъ на память ни кѣмъ не покрытымъ,
Занесъ ненарочно зародышъ живой?
И, можетъ-быть, завтра жъ поблеклый, унымый,
Онъ небу послѣдній отдастъ аромать,
И такъ же, какъ сердце, которое жило,
Изъ тлѣнья не выйдетъ румяный назадъ.
Но есть и въ природѣ безсмертное сѣмя,
И вѣчною жизнью юнѣющій цвѣтъ,
Которыхъ не сгубитъ желѣзное время,
Ни смертью забвенья, ни ѣдкостью лѣтъ!

М. ЧИСТАКОВЪ.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ.

=

Я умру: но дай на долю
Мнѣ создать хотя цвѣтокъ,
Чтобъ по жизненному полю
Не бесплодно я протекъ.
И склонясь главой покорной,
Въ сердцѣ ропоть затая,
Я пойду, какъ рабъ безмолвный,
До границы бытія.
И сходя во мглу могилы
Я назадъ еще взгляну,
И того, что въ жизни было,
Отходя не разлюблю.
И, быть-можетъ, не увянетъ
Мной взлелѣянный цвѣтокъ,
И съ него росинка канетъ
На могильный мой песокъ.

М. ЧИСТЯКОВЪ.

=

ПЕТЕРБУРГЪ

ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

=

Е. П. КОВАЛЕВСКАГО.

=

Часть вторая.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАПРИЗЫ СЕРДЦА.

Ольга слушала со вниманіемъ и съ интересомъ добраго сердца великодушныя предложенія своего собесѣдника располагать его богатствомъ для вспомошествованія бѣдныхъ. Дружба такого добродѣтельнаго человѣка прельщала ея неопытное сердце. Она колебалась, не знала на что рѣшиться и что отвѣчать. Но дальнѣйшія нѣжности его встревожили дѣвушку. Она должна была употребить всю свою силу чтобы вырваться изъ рукъ его, закричала и хотѣла бѣжать вонъ. Онъ насмѣшливо замѣтилъ:

— Напрасно будете кричать, напрасно будете стараться выбраться отсюда: здѣсь все заперто; кругомъ пусто.

— О! заклинаю васъ, именемъ дочери, если у васъ есть

Т. LXXII. — Отд. I.

дочь; именемъ всего священнаго въ душѣ вашей, именемъ Бога, выпустите отсюда и я забуду все что здѣсь случилось со мною, я буду молиться за васъ, какъ за своего спасителя.

Воспламеняясь болѣе и болѣе сопротивленіемъ, незнакомецъ ничего не слышалъ.

— У меня есть мать. Только и сокровища у ней что я. Умоляю васъ именемъ матери....

Слова Ольги замирали на устахъ, потому что она съ ужасомъ видѣла приближеніе къ себѣ страшнаго незнакомца; она сдѣлала послѣднее усиліе, чтобъ отшатнуться отъ его простертыхъ рукъ.... вскрикнула....

Вдругъ раздался сильный стукъ въ двери. Незнакомецъ остановился, внезапно пораженный имъ. Ольга кинулась къ двери, силилась отворить, но тщетно: ключъ былъ вынутъ. Въ двери продолжали стучаться, съ намѣреніемъ по видимому выломить ее; какъ-будто тотъ, кто стучалъ, ни какъ не надѣялся, чтобъ добровольно отперли или не хотѣлъ просить о томъ.

— Бѣгите отсюда.... скорѣе, произнесъ незнакомецъ, вотъ ключъ: за той занавѣскою, есть другая дверь..... бѣгите скорѣе, повторю вамъ: присутствіе ваше здѣсь, со мною, паединѣ, не принесетъ вамъ много чести.

— Мнѣ бѣжать! произнесла съ гордостью дѣвушка и отбросила отъ себя ключъ. Пусть бѣжитъ тотъ, кто виновенъ, а я готова предстать передъ судъ всего свѣта.

— Такъ удерживайте по-крайней-мѣрѣ эту дверь, пока я успѣю уйти, и онъ наклонился за ключомъ, но въ то же время маленькая дверь, не сдерживаемая болѣе изнутри, сорвалась съ петель и упала къ ногамъ Ольги и незнакомца.

— Племянничекъ!.... Ну, кой чортъ принесъ тебя сюда въ такую пору, и развѣ ты имѣешь привычку входить въ дверь не сказываясь?... Хотя бы попросилъ, чтобъ отперли, а то просто, ломится, какъ-будто въ непріятельской землѣ! Право, эта манера не слишкомъ выказываетъ человѣка хорошаго тону.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ на порогѣ, какъ-бы привыкая къ темно-

гѣ, въ которой едва различалъ предметы: Спокойная твердость, отражавшаяся въ лицѣ его, и кротость ясныхъ голубыхъ глазъ внушали къ нему невольную довѣренность Ольги.

— Дядюшка, сказалъ онъ наконецъ спокойно: благодарите Бога, что я пришелъ сюда въ-время.... судя по послѣднимъ ея словамъ, которыя я слышалъ за дверью.

— Финскій, вы кажется пришли проповѣдывать свои эмантропическія идеи; въ такомъ случаѣ вы могли бы избрать для этого мѣсто нѣсколько по-удобнѣе здѣшняго.

— Князь, я сейчасъ оставляю здѣшнее мѣсто, гдѣ подъ благовиднымъ предлогомъ совершаются самыя гнусныя преступленія: это поруганіе добродѣтели, этотъ цинизмъ души уже слишкомъ гадки.

— Ого, мосье Финскій! видно васъ задѣли за самую нѣжную струну; вы слишкомъ горячитесь, мой милый, и извѣняйте своей тайнѣ: такъ можно защищать только свою любовницу.

Ольга, вся трепещущая, ничего не понимала; слова долетали до нея глухо, какъ шумъ воды въ ухахъ утопающаго. Финскій, не отвѣчая на выходку князя, обратился къ Бенской.

— Если вы рѣшитесь ввѣриться человѣку, вамъ незнакомому, чужому, но который честию увѣряетъ васъ въ чистотѣ своихъ намѣреній, то позвольте мнѣ проводить васъ.... угодно — остаться здѣсь....

— О, ни за что, ни за что! вскрикнула Ольга и схватила за руку своего избавителя.

Финскій вѣжливо, но сухо поклонился князю и хотѣлъ выйти.

— Позвольте, дорогій племянничекъ, я не такъ-то легко изъ рукъ своихъ уступаю добычу другому, и князь загородилъ имъ дорогу.

Финскій глядѣлъ на своего дядюшку безмолвно; лицо его по-прежнему выражало одно спокойствіе; онъ еще не рѣшался прибѣгнуть къ насилію и Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бѣ прибытіе новаго лица не ускорило развязки.

Въ комнату ворвался мальчикъ, весь въ крови, въ поту,

растрепанный, съ пѣной у рта; сильною рукою оттолкнулъ онъ Финскаго и, въ угрожающемъ положеніи, съ поднятою вверхъ дубиною, сталъ противъ двоихъ мужичнѣ, заслонивъ собою Ольгу.

— Пусть-ка теперь кто изъ васъ сунется!

— Ваня! воскликнула Ольга, едва узнавши Обѣрвыша.

— Хорошъ твой Ваня, говорилъ Обѣрвышъ, съ трудомъ переводя духъ отъ усталости, по которой видно было, что онъ слишкомъ торопился поспѣть въ-время: хорошъ онъ, мошенникъ, нечего сказать!... самъ выдалъ злодѣямъ свою спасительницу. Да! когда бѣ ты знала, какимъ добренькимъ прикинулся этотъ чертѣнокъ Федулко... когда бы ты знала, какъ угощалъ, какъ умасливалъ меня, какимъ зельемъ опаивалъ! Я ему говорю:—«Вѣдь батька-то, можетъ, спрашиваетъ тебя; поди, и того пужио больному и другаго: а кто подастъ?» А онъ въ отвѣтъ:— Усиѣшь, хлебни маленько еще вотъ этого. — «Да откуда у тебя все это, Федулка? Вѣдь ты напередъ такимъ голякомъ прикинулся.»—Откуда? Люди дали!—«Какъ люди?»—Да вотъ вкупся къ пашимъ, такъ узнаешь. Выкушай еще; да еще.—Кой чортъ, подчуетъ да толкуетъ такое, чего и въ разумъ не возьмешь. Я смекнулъ дѣломъ, да и говорю ему:—«Ужъ ты какъ себѣ хочешь, а я пойду къ барышнѣ, вѣдь ей и домой пора.»—Постой, да постой!—«Некогда!»—Такъ не пойдешь же.—«Шутишь.»—Я только было хотѣлъ итти, какъ онъ — свиснетъ! — откуда ни возьмись чертенята, такіе же какъ онъ, штукъ пять; я въ окно; они за мной и давай трепать меня словно шавки; я дубиною и вправо и влѣво, да все бѣжать. А они мнѣ въ догонку, кто полѣномъ, кто камнемъ, да знай кричать:—Опоздалъ! опоздалъ!... хорошъ воинъ! хорошъ защитникъ! — Ужъ я не знаю, что они тамъ лаяли: у меня голова ходуномъ пошла.

— Добрый мой Ваня!... и Ольга отирала своими руками потъ и кровь съ лица его.

— Добрый! Злѣйшій врагъ не былъ бѣ хуже. Ты меня изъ смерти вырвала: а вотъ что я надѣлалъ!... Да слава Богу, въ-время поспѣлъ. Вѣдь съ тобою ничего не случилось?... Ты мнѣ говори всю правду; я не пожалѣю себя, да и ихъ не пожалѣю! И онъ съ угрозой махалъ дубиною.

— Ничего..... Богъ милостивъ..... Онъ заботился о беззащитныхъ. А этому господину, не грози, Ваня: онъ добрый человекъ,—и Ольга указала на Финскаго.—Теперь пойдемъ, ради Бога, пойдемъ скорѣе отсюда; нето я задохнусь отъ страху....

Ольга взяла за руку Ваню и вышла изъ роскошнаго бу-доара въ лачугу, гдѣ лежалъ Оська и гдѣ теперь никого не было. Торопливо пробирались они къ дверямъ, но громкій смѣхъ и слова князя заставили Бенскую невольно пріостановиться.

— Такъ вотъ, мой милый, кто нашъ счастливый соперникъ!... чье шершавое лицо отпирала она своими нѣжными ручками, не обративъ на тебя вниманія, даже не поблагодаривъ за твой рыцарскій подвигъ, достойный другихъ временъ, другой, болѣе ласковой, красавицы! Прекрасно! безподобно!... Право, твоя роль была не завиднѣе моей и тебѣ печѣмъ будетъ похвалиться передъ товарищами.

Природная доброта Ольги и чувства обиженнаго тщеславія, неразлучнаго съ самымъ кроткимъ характеромъ женщины, возмутились въ ней. Она вернулась.—Не вѣрьте ему, сказала она съ достоинствомъ, указывая на князя, не вѣрьте. Я благодарна вамъ отъ глубины души, и на смертномъ одрѣ не забуду вашей услуги: буду молиться о васъ, какъ о братѣ, какъ о другѣ!—И, глядя на него, по-прежнему спокойнаго, съ добродушіемъ, съ кротостью, въ лицѣ, продолжала:—Я вѣрю въ васъ какъ въ ангела-хранителя. Проводите меня къ маменькѣ, чтобъ она знала, кого должна благодарить и за кого молиться.

Ольга въ сопровожденіи Финскаго и Обѣрвыша ушла.

— Я знаю этого барина, произнесъ Обѣрвышъ, кидая грозные взгляды на князя: я его вижу часто, не знаю во снѣ или на яву; только онъ у меня изъ головы не выходитъ. Ужъ видно онъ, искусникъ, напустилъ на меня такой глазъ. Да и батька мой часто бредилъ какимъ-то княземъ—вѣрно имъ.

Но спутники Обѣрвыша не обращали вниманія на его слова, потому что въ это время они были совершенно заняты коляской, которая неслась къ нимъ на встрѣчу; сидѣвшіе въ коляскѣ не менѣе ихъ, казалось, были поражены этою

встрѣчей; мужчина приподнялся съ мѣста и перевернулся изъ коляски: любопытство, сомнѣніе, страхъ попеременно смѣнялись на лицѣ его. Онъ, казалось, узнавалъ плутихъ. Когда коляска поравнялась съ нашими вутниками, мужчина обратился къ Финскому съ судорожнымъ вниманіемъ ожидая отвѣту; сидѣвшая въ коляскѣ дама иронически улыбалась, глядя на своего кавалера. Финскій, по-прежнему невозмутимый, наклоненіемъ головы какъ-будто хотѣлъ отвѣтить: будь покоенъ, — и потомъ вѣжливо поклонился дамѣ, не замѣчая ни ея улыбки ни того, что она не отвѣчала на поклонъ. Коляска унеслась.

— Кто это? спросила Ольга, трепещущая, едва переводя дыханіе.

— Невскій, отвѣчалъ въ разсѣянности ея спутникъ, какъ-будто это имя должно быть всеѣмъ извѣстно.

— Невскій! провознесла тихо дѣвушка, между-тѣмъ глаза ея украдкой, но безотчетно слѣдовали за неизвѣстнымъ проѣзжающимъ.

— Безъ него я не могъ бы поспѣть къ вамъ на помощь, прибавилъ Финскій, желая свалить съ себя на другаго весь грузъ благодарности за участіе въ спасеніи дѣвушки.

Онъ вообще не любилъ какимъ бы то ни было образомъ участвовать въ исторіяхъ; но въ этомъ случаѣ долгъ, честь его друга, наконецъ спасеніе женщины, которой онъ, правда не зналъ, и которую узнавши радъ былъ забыть, — все требовало этой жертвы.

— Какъ! ему обязана я своимъ спасеніемъ? спросила Ольга: какимъ образомъ?

— Онъ узналъ объ угрожавшей вамъ опасности и спасъ мнѣ.

— Онъ узналъ... что женщина, беззащитной, слабой, угрожаетъ опасность и не предупредилъ ея.... не пришелъ на помощь къ этой женщинѣ....

Финскій примѣтилъ, что онъ одернулъ словами: онъ хотѣлъ бы взять ихъ назадъ, но уже было поздно. Не привыкшій къ притворству, даже въ мелочахъ, онъ не зналъ какъ выпутать имя своего друга изъ поступку, который конечно не могъ принести ему чести. Дѣло было въ томъ, что Невскій отправился къ князю толь-

ко для того чтобы оставить ему проектъ компаніи, о которомъ мы говорили, и потомъ вернуться домой, взять съ собою Финскаго и вмѣстѣ съ нимъ ѣхать на мѣсто, указанное Оськой, предупредить преступленіе, котораго, впрочемъ, сущности онъ не зналъ и открыть виновныхъ. Напротивъ, Финскій ожидалъ его; полагая навѣрное, что онъ уже на-мѣстѣ и опасаясь пагубныхъ для него послѣдствій, Финскій отправился одинъ. Къ счастью, Оська, уходя, оставилъ дверь не запертою съ улицы и онъ, руководимый голосомъ и крикомъ, выходившими изъ кабинета, безпрепятственно достигъ до дверей его. Остальное мы уже знаемъ.

— Но кто жъ она?... что сидитъ съ нимъ... въ коляскѣ?... его жена?... или сестра?

Ольгѣ было еще тяжелѣе услышать отвѣтъ отрицательный. — И даже не сестра?... воскликнула она. И жертвовалъ для нея честью, а можетъ и жизнью дѣвушки?... О, какъ не любила его въ эту минуту Ольга!... а между-тѣмъ когда они подошли къ свѣренькому домику и Финскій оставилъ се чтобы не быть предметомъ благодарности, Ольга и не замѣтила его отсутствія, его, который съ такимъ благородствомъ, съ такимъ самоотверженіемъ посвятъ къ ней на помощь, его, чье лицо было такъ протко, добро, даже привлекательно, потому что обычная его неподвижность, вялость — оживилась чувствомъ сознанія благороднаго поступку, а необыкновенная для него дѣятельность покрыла легкимъ румянцемъ щеки, всегда блѣдыя. Она *ненавидѣла* этого негоднаго господина, который проѣхалъ мимо.

Мать Ольги давно уже ожидала ея. Въ волненіи, въ безпокойствѣ, стояла она на крыльцѣ, устремивъ въ даль влажные глаза. Старуха кинулась къ ней на встрѣчу изъдали. Ольга обняла се и молчала. Она не плакала. Слезы, слезы горячія, облегчающія сердце, уже изсыхли; остались слезы горькія, жгучія, которыя не льются изъ глазъ, а упадаютъ капля по каплѣ, упадаютъ ядомъ. Мать въ страхѣ глядѣла на нею.

— Что съ тобою, дитя мое?

— Я больна, и, блѣдая, въ изнеможеніи, пошла она

за матерью въ свою комнату и склонилась на постель, какъ измятый стебель. Бѣдная, бѣдная Ольга! для тебя теперь только раскрывается жизнь: и какъ безотрадно, какъ черно она стелется передъ тобою!... Ты уже ненавидишь: ты такъ часто будешь объ немъ думать, чтобы ненавидѣть его, что наконецъ онъ сдѣлается для тебя необходимою. О! бѣги, другъ мой, ненависти: его нерѣдко начинаютъ мученія того, что люди называютъ счастьемъ. Но страданіями искупается и жизнь будущая, бѣдная Ольга: ты воспитана въ страхъ Божиимъ, знаешь это. А какъ она страдала, *ненавидя!* Ей казалось, что змѣя обвилась вокругъ сердца и жметъ его и сосетъ, и невыносимо тяжело было ей, тѣмъ тяжелѣе, что она не имѣла силы излить свое сердце матери; да и что сказала бы Ольга, которая сама не постигала мятежнаго, волнующагося состоянія своей слабой природы?

Между-тѣмъ князь Алексѣй остался одинъ въ будоарѣ, который столько разъ, можетъ-быть всегда, былъ свидѣтелемъ его беззаконнаго торжества, свидѣтелемъ, какъ видно безмолвнымъ, потому что князь слылъ въ свѣтѣ человѣкомъ весьма порядочныхъ нравовъ. Князь умѣлъ прекрасно соблюдать приличія свѣта, а свѣтъ для него служилъ потѣхой—и въ собственное свое удовольствіе, которое для него было дороже всего, въ какихъ бы видахъ ни проявлялось, въ букетѣ ли чуднаго рейнскаго вина, въ бѣлизнѣ ли и румяницѣ женщины, свѣжемъ и здоровомъ какъ румянецъ розы, въ блескѣ ли золота или почестей, пуще всего въ блескѣ золота, золота,—этого всемірнаго двигателя страстей и чувствъ.

Князь глядѣлъ вслѣдъ ушедшимъ, стиснувъ зубы, сжавъ дыханіе въ груди, какъ-будто силясь подавить взрывъ вскипѣвшихъ чувствъ, которыя рвались и метались въ душѣ его. Это были — гнѣвъ неудовлетвореннаго чувства, досада, что его униженіе, его стыдъ былъ подсмотрѣнъ другимъ лицомъ и такимъ именно, котораго мнѣніемъ онъ дорожилъ, наконецъ мщеніе, мщеніе ярое, жгучее, которое въ грубыхъ эгонистическихъ натурахъ одно, да развѣ еще корысть, побуждаетъ душу къ энергіи, заимствованной, кажется, отъ тревожной дѣятельности демона. Князь по-

класся мысленно отплатить ничтожной дѣвчонкѣ, унижившей такъ тяжело, такъ торжественно, его, передъ которымъ смирялась не такая красота, уловленная ласками или прельщенная звукомъ металла.

Трепещущая отъ гнѣву рука князя съ трудомъ въ полукругѣ отыскала ключъ, отброшенной Ольгой, и потомъ потаенную дверь. Князь вышелъ пустыремъ въ небольшой запущенный садикъ, а оттуда на улицу, противоположную той, въ которую пришли и ушли Ольга и ея спутники. Тутъ нашелъ онъ свою коляску. Лакей, сажая его, шепнулъ:—Княгиня изволила проѣхать мимо насъ.

— Здѣсь, въ этой отдаленной и пустой части города?

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство.

— И видѣла васъ?

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство.

— Отчего же вы не отѣхали далѣе?

— Мы всегда останавливались здѣсь, и никогда ни одного экипажа не видѣли; надо было на-бѣду именно ея сіятельству.....

— Молчи, болванъ! Барыня была одна?

— Не могу знать, ваше сіятельство, отвѣчалъ замѣвшись лакей.

Князь поглядѣлъ на него такимъ взоромъ, который лакей счелъ очень понятнымъ и совершенно замѣнявшимъ всякой вопросъ, и торопливо отвѣчалъ: — Княгиня ѣхала съ Модестомъ Ивановичемъ.

Князь сѣлъ въ коляску въ весьма не хорошемъ расположеніи духа и коляска понеслась.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОЕКТЪ КОМПАНИИ.

Домъ князя находился въ лучшей части города. Швейцаръ издали слышалъ знакомое дребезжаніе коляски по мостовой, распахнулъ двери и въ должномъ благочиніи ожидалъ своего господина; въ это время изъ-подъ руки его скользнула маленькая фигурка, одѣтая щепетильно, съ же-

ланиемъ, съ претензіей на изящность въ костюмѣ и ложность въ манерахъ, но только съ одною претензіей, и съ неудовлетвореннымъ желаніемъ; потому что фракъ, адедланнаго цвѣту, который тогда былъ въ модѣ, слишкомъ вытерся и даже не свидѣтельствовалъ о большомъ достоинствѣ портянаго и сукна, а манеры были болѣе чѣмъ льстивы, унизительны, лукавы. Маленькая фигурка, изящнаго по-видимому сложенія, съ женскими ручками, которыя она всегда держала на показѣ, безъ перчатокъ, за вѣнчаніемъ ли *таковыхъ*, или чтобы похвастать своими ручками, маленькая фигурка кинулась къ дверцамъ кареты, но наткнулась словно на иголки, — на пронзительный взглядъ князя, — и невольно отшатнулась отъ него. Медленно пошелась она потомъ за княземъ, какъ провинившійся школьникъ, котораго ведутъ на расправу или, чтобы сравненіе было еще ближе къ предмету, какъ собака, которая знаетъ что ее тащатъ для побоевъ, а между-тѣмъ она же несетъ плеть въ зубахъ, и идетъ за своимъ господиномъ или за тѣмъ, кто ее учитъ и кормитъ, по инстинкту ли, или по тому расчету, что если ся некому будетъ бить, то некому и кормить: люди часто слѣдуютъ такой же философіи слѣпо исполняютъ волю того, кто ихъ кормитъ, хоть эта воля не всегда сообразна съ ихъ собственными чувствами.

— Никого не было? спросилъ князь лакея.

— Ленинъ ожидаетъ въ большомъ кабинетѣ.

Князь отправился къ нему; маленькая фигурка осталась въ комнатѣ, которая служила въ родѣ отдѣльной пріемной, куда, впрочемъ, впускались только люди, принадлежавшіе по какимъ-либо причинамъ къ дому или находившіеся въ услугахъ князя.

— Ни какой надежды! подумалъ маленькій человѣчекъ: а я только на него рассчитывалъ, обѣщая заплатить сегодня деньги; если не заплачу, со мною не станутъ играть; пожалуй еще хуже будетъ.... а теперь какъ нарочно, столько шансовъ, чтобы отыграться!

— Что, почтеннѣйшій? сказалъ князь, обращаясь къ Ленину съ обыкновеннымъ тономъ покровительства, но, по интонаціи этого слова «почтеннѣйшій», Ленинъ видѣлъ, что онъ выбралъ не хорошую часть для объясненія съ кня-

застъ по дѣлу, на которое разсчитывалъ всю свою будущность; да уже нельзя было отступить назадъ: бумаги въ рукахъ обличали цѣль приходу.

— Пришелъ доложить вашему сіятельству проектъ нашего золотого дѣльца..... Проектъ уже совсѣмъ готовъ.... но не прикажете ли въ другое время?....

— Теперь ли, въ другое ли время, отъ этого онъ не будетъ лучше. Не угодно ли въ мой кабинетъ?

Это начало не предвѣщало ничего добраго. Князь отперъ дверь ключомъ, который хранилъ всегда при себѣ, и они вошли въ другой, такъ-называемый дѣловой, кабинетъ князя, куда никто не смѣлъ входить безъ хозяина; даже и слуга, пока не позовутъ его. Князь ходилъ въ волненіи по комнатѣ; нѣсколько разъ закуривалъ сигару и бросалъ ее въ сторону подъ предлогомъ, что она дурно курится; наконецъ замѣтивъ самъ, что слишкомъ явно обнаруживаетъ свою досаду, обратился къ Ленину.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ: не пора ли объяснить? Я всё ожидалъ, пока вы надумаетесь.

— Я не смѣлъ прервать вашихъ размышленій: у васъ такъ много дѣлъ!

— Да, есть-таки; а потому не станемъ терять времени.

«Чортъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается?» подумалъ Ленинъ. — Невскій заѣзжалъ къ вамъ и оставилъ свою работу.

При словѣ «Невскій», князь невольно выразилъ нетерпѣніе, которое не скрылось отъ вниманія Ленина.

— Я также окончилъ свою, и изъ этого составилось нѣчто цѣлое.... проектъ нашей компаніи, цѣль и движеніе всѣхъ занятій нашихъ. Не прикажете ли доложить вкратцѣ? Все дѣло я оставляю у васъ для разсмотрѣнія, когда улосужитесь.

— Что толку? Впрочемъ, объясните; я не отвергаю ни какого дѣла, не выслушавъ его вполне.

— Если смѣю замѣтить, здѣсь только изложеніе того, о чемъ мы недавно говорили..... на что вы изъявили свое согласіе..... можетъ-быть я не такъ понялъ.... но я изложилъ предметъ именно по вашимъ словамъ, какъ вы хотѣли.

Ленинъ старался выразиться какъ—можно мягче, боясь высказать прямо, что князь, по-видимому, отказывается отъ своего слова. Этого бы князь никакъ не стерпѣлъ. Дѣйствительно, онъ прибѣгалъ къ такому средству, но только тогда, когда нарушеніе слова не имѣло свидѣтелей или не могло вредить его кредиту: онъ вообще пользовался общою довѣренностію, которою чрезвычайно тщеславился, и только люди хорошо знавшіе его поступали съ намъ осторожно въ денежныхъ сношеніяхъ.

— Признаюсь, вы что-то говорили мнѣ, но съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, что я не хотѣлъ васъ разочаровать и оставилъ дѣло до дальнѣйшаго объясненія, пока вы остынете. По-вашему, тутъ даже нѣтъ ни какого риска. Скажите хладнокровно, любезнѣйшіи: кто же когда-либо выигрывалъ безъ риска? Можетъ-быть съ предками нашими это и случалось; но намъ приходится уже играть въ ровную игру, работать налчнымъ умомъ, наличнымъ трудомъ, наличнымъ капиталомъ.

Ленинъ, несмотря на проицательность свою, не могъ хорошенько понять, къ чему клонятся слова князя: хотѣлъ ли онъ дѣйствительно отказаться отъ дѣла, представлявшаго столько выгодъ, или только показывалъ видъ, что отказывается, чтобъ выторговать себѣ еще кое-какія привилегіи по компаніи. Ленинъ принималъ слишкомъ близко къ сердцу это предпріятіе, въ которомъ видѣлъ онъ единственное средство своего обогащенія въ громадныхъ размѣрахъ, и стремился къ нему со всѣмъ пыломъ своей дѣятельной природы, забывая на этотъ разъ обыкновенную осторожность; онъ не могъ дѣйствовать противъ князя тѣмъ же орудіемъ и играть роль хладнокровнаго, потому что безъ него нельзя было обойтись. Денегъ еще онъ могъ достать; но нужны были связи, вліяніе въ свѣтѣ, а для этого князь былъ неоцѣнимый человѣкъ. Онъ умѣлъ отстаивать свое дѣльцо.

— Ваше сіятельство совершенно правы; я слишкомъ горячо принялся за это дѣло; но, смѣю думать, вамъ отчасти извѣстна моя осторожность: я не имѣю привычки говорить о чемъ—нибудь убѣдительно, не изслѣдовавши напередъ предмету со всѣхъ точекъ зрѣнія.

— Да, да! вы человекъ солидный и я не разъ испыталъ на дѣлѣ вашу опытность.... но выѣю также самолюбіе доводить отчасти и своей. Однако къ дѣлу.

Проксъ предлагалъ предпріятіе въ слишкомъ обширномъ видѣ: надлежало охватить всю горную Сибирь поисковыми партіями и, вступивъ во владѣніе всѣми мѣстами, сколько-нибудь подающими надежду, приступить къ самой операціи; принимать къ себѣ акціонеровъ на тѣхъ правахъ, какія учредителямъ угодно предписать, или отдавать прински отъ себя въ арендное содержаніе: но на все это нужны были лѣтъ пять времени и огромный капиталъ, на который нельзя было предполагать ни какихъ процентовъ посредствомъ добычи золота, втеченіи пяти лѣтъ; самое дѣло держать въ совершенной тайнѣ, чтобы не привлечь другихъ искателей золота; или всячески распространять слухъ о неуспѣхѣ поисковъ и тѣмъ отклонять соблазнъ отъ другихъ. Невскій съ трудомъ могъ согласиться на такое предначертаніе, потому что ему хотѣлось по-скорѣе насладиться плодами: говорить проще, — ему нужны были по-скорѣе деньги и деньги. Кромѣ-того Невскому не нравились кое-какіе косвенные пути и особенно эта тайна, которая отнимала отъ нихъ всю славу первыхъ дѣйствователей на поприщѣ новой промышленности, требовавшей не одного труда и капитала, но и чего-нибудь по-важнѣе. Ленивъ однако умѣлъ замаскировать, сгладить, смягчить всѣ неровности или черноты этого дѣла передъ Невскимъ, увлечь огромностью предпріятія и успокоить тѣмъ, что въ счетъ самыхъ отдаленныхъ выгодъ, которыя такъ вѣрны, можно достать денегъ. Съ княземъ всѣ эти доводы оставались тщетными: онъ, напротивъ, пугался огромности предпріятія, котораго не могъ обхватить своимъ умомъ, не потому чтобъ онъ не былъ способенъ къ денежнымъ оборотамъ, нѣтъ, онъ очень быстро соображалъ дѣльцо, гдѣ можно извлечь барышъ вѣрный и скорый безъ дальняго риска, безъ проволочки времени, но въ предпріятіи подобнаго рода, какъ и во всякомъ огромномъ коммерческомъ оборотѣ, недостаточно однихъ арифметическихъ вычисленій: нужны извѣстнаго рода тонкость, пропитательность, вдохновеніе,

если можно такъ выразиться; надобно возвыситься самому до точки, съ которой можно обнять всю даль предпріятія, куда люди робкіе не смѣютъ даже простираться своихъ взглядовъ. Князь помнилъ, что нужно задолжить свой капиталъ и только по истеченіи пяти лѣтъ думать о возвратѣ его, и то изъ выгодъ, которыхъ онъ хорошенько не могъ расчислить, потому что онѣ стояли внѣ математической точности. Князь отказалъ на-отрѣзъ. Ленинъ съ отчаяніемъ видѣлъ, что надо оставить часть своихъ предположеній; но онъ уступалъ медленно, шагъ за шагомъ, какъ боецъ, не сильный, но зато опытный, искусный и, наконецъ, опять вступилъ на точку, на которой остановился два дня тому назадъ, когда князь согласился принять участіе въ компаніи; именно, на томъ рѣшеніи, чтобы приступить къ работамъ каждаго припску немедленно по открытіи его и изъ добытаго золота выручать капиталъ въ возвратъ князю, съ процентами, потому что онъ долженъ былъ внести свой капиталъ заимообразно и за двухъ другихъ соучастниковъ. Каково же было пораженіе Ленина, когда князь рѣшительно отказывался принять участіе и на этихъ условіяхъ! Ясно было, что князь хотѣлъ воспользоваться выгодною своего положенія: постигнуши, хоть слегка, возможность открытія золотыхъ росышей, воспользоваться дѣломъ одному или извлечь столько выгодъ изъ предлагаемой компаніи, сколько можно, когда знаешь вполне всю цѣль ея. Въ первомъ случаѣ Ленинъ видѣлъ совершенную невозможность дѣйствовать отдѣльно отъ князя; въ другомъ, онъ уже рѣшительно не зналъ, что можно еще уступить князю изъ общихъ выгодъ компаніи. Оставалось прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ и открыть тайну, которою Ленинъ по-видимому хотѣлъ воспользоваться одинъ, рѣшившись съ самаго начала предпріятія надуть своихъ компаніоновъ.

— Князь, я наконецъ долженъ вамъ открыть то, что старался даже скрыть отъ самого себя, боясь какъ-нибудь измѣнить тайнѣ, и что я, конечно, открылъ бы вамъ впоследствии. У насъ уже найдена золотосодержащая росышь; она готова; нужно только приступить къ работѣ и добывать изъ нея золото.

— А! такъ мы открыли розсыпь прежде чѣмъ приступили къ поискамъ? Это чудно!

— Да, князь, дѣйствительно открыли, не мы сами, это правда, а штейгеръ Чѣрныхъ, который занимался поисками золота отъ другой компаніи: онъ утаилъ свое открытіе и теперь передаетъ его намъ.

Князь пристально посмотрѣлъ на Ленина. Онъ не упрекалъ его за обманъ, который не удался; но рѣшился быть еще осторожнѣе въ отношеніи къ нему.

— Теперь вижу, что вы умно повели дѣло, и охотно приступаю къ компаніи, разумѣется, на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ мы под-конецъ остановились.

Ленинъ радъ былъ и тому, и упросилъ подписать черновой проектъ условій, боясь, чтобъ онъ опять не отказался отъ обѣщанія, даваемого наединѣ. Онъ хотѣлъ было уже удалиться, но князь остановилъ его.

— Я не понимаю еще одного обстоятельства: к чему мы принимаемъ къ себѣ въ часть третье лицо, въ дѣлѣ, представляющемъ, дѣйствительно, довольно положительныя выгоды?

Князь показывалъ видъ будто занятъ своими бумагами, перебирая ихъ машинально, а между-тѣмъ изъ-подъ опущенной внизъ головы кидалъ зоркіе взгляды на Ленина, стараясь проникнуть то, чего не выскажутъ слова отвѣту. Обладая хитростью животныхъ, онъ въ это время похожъ былъ на собаку, которая останавливается передъ своимъ противникомъ, не смѣя кинуться на него, потому ли что не позволеть хозяинъ, или потому что она не въ-силахъ совладать съ непріятелемъ, но изъ подлгобья слѣдитъ всѣ движенія его и заранѣе скалитъ зубы, въ надеждѣ что они современемъ вошьются въ кости врага.

— Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Ленинъ, не смущаясь: во Невскіи для насъ необходимъ во многихъ отношеніяхъ; во-первыхъ, онъ знаетъ вполне техническую часть этого дѣла и одинъ можетъ пустить въ ходъ обработку и промывку песку, что, какъ вамъ извѣстно, чрезвычайно сложно для людей несвѣдающихъ.

Надобно замѣтить, что, дѣтъ двѣнадцать тому назадъ,

дѣло это, въ то время совершенно новое, считали дѣйствительно чрезвычайно мудренымъ.

— Во-вторыхъ, Невскій такъ занятъ своими эксцентрическими идеями и такъ запутанъ въ денежныхъ дѣлахъ, что участокъ его легко будетъ приобрести, когда въ немъ не станетъ больше надобности.

«И ты, конечно, хочешь приобрести его на свою долю!» думалъ князь.

— Наконецъ есть случаи, гдѣ непосредственное ваше по дѣламъ заступничество.... было бы.... немножко неловко; между-тѣмъ какъ личное предстательство человѣка съ такими рыцарскими правилами, заимствованными прямо изъ романа, а не изъ опыту жизни, предстательство, поддерживаемое вами стороною, чрезвычайно казисто, блестяще для свѣта, и успѣхъ не можетъ возбудить ни какого соблазну или нареканія.

— Гмъ! умно придумано! произнесъ князь двусмысленно.

Желаніе показать, что онъ угадываетъ намѣренія Ленина, не поддается въ обманъ, заставилъ его на-время призадуматься значительно, а думалъ онъ въ это время: «Хорошо!... ты не надѣешься совладать со мною одинъ и берешь сообщника, чтобы имѣть перевѣсъ въ свѣтѣ и на третейскомъ судѣ! Для этого тебѣ именно нуженъ такой человѣкъ какъ Невскій! Но будь я глупѣе вареной бараньей головы, если ты проведешь меня! Надо смотрѣть во всѣ глаза при заключеніи условій.» У Ленина также въ это время были свои тайныя, задушевные мысли, какъ на счетъ самаго князя такъ и Невскаго, но ихъ не такъ легко проникнуть. Между-тѣмъ маленькой человѣчекъ не отходя отъ дверей кабинета и слушалъ, хотя самъ не зналъ что ему дѣлать изъ того, что услышать: — «А-вось пригодится!» думалъ онъ, и, только замѣтивши движеніе Ленина къ дверямъ, отскочилъ отъ нихъ и сталъ у окна, какъ ни въ чемъ не бывалъ, спиною къ уходящему

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ХУДОЖНИКЪ.

Князь Алексѣй окончилъ удачно операцію, обѣщавшую по-видимому подлинно золотыя горы: онъ уже выигралъ противъ первоначальныхъ условій, поддавши на словъ такого опытнаго дѣльца какъ Ленинъ, и потому нѣсколько успокоился отъ своей первой колючей неудачи. Онъ думалъ: «Бенская не уйдетъ!» Между-тѣмъ неуспѣхъ только подстрекалъ его самолюбія.

Князь позвонилъ и спросилъ вошедшаго лакея, не ожидаетъ ли его кто въ приемной.

— Какой-то живописецъ.

О маленькомъ человѣчкѣ никогда не докладывали: онъ долженъ былъ находиться тутъ, когда его ни спросить. Такъ онъ и дѣлалъ, но все-таки находилъ еще время поспѣвать всюду, гдѣ ему было нужно.

Молодой человѣкъ, съ высокимъ, открытымъ, благороднымъ лбомъ, съ голубыми глазами, полными священнаго огня поэзіи, съ русыми шелковистыми волосами, кудрами, ниспадавшими на плечи, скромно вошелъ въ первый кабинетъ и сталъ у порогу, дожидаясь, пока пройдетъ его сіятельство; щеки его были впалыя, блѣдныя, но свѣтлое выраженіе глазъ, и по-временамъ мелькавшая на губахъ улыбка, посылаемая внутреннею жизнью, показывали, что онъ умѣетъ пренебрегать нужды и, подчасъ, смѣяться надъ самою ношею жизни, какъ ни тяжка она.

— А, любезнѣйшій! что прикажете?

— Я... насчетъ картины, ваша сіятельство.... что изволили заказать....

— Помню, помню.... Что же, готова?

— Еще... но скоро, на-дняхъ буду имѣть честь доставить.

— Хорошо! Я люблю поощрять талантъ, и если останусь довольнымъ, то еще дамъ работу.

— Благодарныя художества впишутъ имя вашего сіятельства въ свою исторію.

Молодой человѣкъ хотѣлъ сказать еще какой-то ком-

плиментъ, но слова засѣли у него въ горлѣ. Миллеръ — это былъ Миллеръ — вообще не мастерски изъяснялся, когда у него молчало сердце, или когда приходилось говорить такія рѣчи, которыя онъ готовъ былъ проглотить назадъ вмѣстѣ съ своимъ языкомъ.

— Изучайте свой предметъ, трудитесь, молодой человѣкъ, не будьте самонадѣянны, и главнѣйшее, не теряйте даромъ времени: оно драгоцѣнно! — II князь, какъ-бы желая доказать это примѣромъ, сѣлъ къ письменному столу, придвинулъ къ себѣ бумагу и чернила, пока Миллеръ хотѣлъ высказать прямую цѣль своего приходу, но никакъ не рѣшался.

— Ваше сіятельство, я пришелъ спросить, какъ прикажете изобразить себя на картинѣ.... со сложенными ли на груди руками, или съ рукою простертою впередъ....

— Ну, тамъ какъ будетъ эффектиѣе; главное, поставьте всю фигуру на первомъ планѣ, далеко выдающимся впередъ.

— Такъ и будетъ сдѣлано.

— Хорошо, благодарю васъ! — и князь снова взялся за перо.

Желудокъ Миллера въ это время сильно вопилъ: онъ цѣлыя сутки не принималъ ничего и вовсе не потому чтобы дурно варилъ, напротивъ, никогда онъ не былъ такъ исправенъ, и если страдалъ, то совсѣмъ по другой причинѣ: нечего было ѣсть. Кромѣ-того Миллеръ вспомнилъ, что не одинъ онъ голодаетъ, и молодой человѣкъ побѣдилъ свою природную робость.

— Ваше сіятельство, я осмѣливаюсь просить васъ.... картина.... холстъ, краски требовали издержекъ.

— Ну, что жъ, вѣдь вамъ по условію будетъ заплачено!

— Я очень вѣрю.... вполнѣ благодаренъ.... но просилъ бы ваше сіятельство въ счетъ этой суммы.... сколько угодно будетъ пожаловать.

— Что за нетерпѣніе такое! кончайте скорѣе картину и получите всю сумму разомъ.

— Недостаетъ красокъ.

— Это ужъ ваше дѣло.

— Кромѣ-того, необходимость, крайность....

— Нужда заставитъ васъ поторопиться. А въ счетъ будущихъ благъ, то есть, въ долгъ, не привыкайте жить, маюдой человѣкъ.

— Я непремѣнно воспользуюсь вашимъ совѣтомъ, только на этотъ разъ, сколько-нибудь, ваше сіятельство.... бездѣлду.

— Неужели вы думаете, что у меня только и дѣла что толковать съ вами! произнесъ князь съ усмѣшкою состраданія.

О, какъ страдало тщеславіе Миллера!

— Ваше сіятельство, я не смѣлъ бы васъ беспокоить, но если нужно говорить откровенно, мнѣ нечего ѣсть; я сегодня опять останусь безъ обѣда, то есть, безъ куска хлѣба, если вы мнѣ не дадите денегъ. Это бы еще ничего, а то....

— Миллеръ, право мнѣ не до шутокъ.

— Ваше сіятельство, я не шучу.

— Не кормить же мнѣ всѣхъ нищенствующихъ художниковъ, гаеровъ и фокусниковъ!

Миллеръ все терпѣлъ.

— Но вѣдь я прошу въ счетъ своей работы; большая часть ея окончена.

Князь не слушалъ и казался занятымъ своимъ дѣломъ. Отчаяніе овладѣвало Миллеромъ.

— Князь, вы презираете художниковъ, вы смѣшиваете ихъ съ фокусниками, съ гаерами; но вы уважаете искусства, вы это сами сказали; ради ихъ, дайте хоть столько, чтобъ купить красокъ и прокормиться два дня мнѣ.... и еще двоимъ; а въ это время я успѣю окончить картину.

Князь не слушалъ.

Въ это время пришли доложить князю, что кушанье подано: — Желая вамъ добраго аппетита, произнесъ онъ съ значительною улыбкой. Эта улыбка поворотила остриемъ ножа всю внутренность Миллера; онъ стиснулъ зубы; негодованіе выступило на лицо его; презрительно взглянулъ онъ на эгоиста и, не поклонившись, тихо вышелъ изъ кабинета.

— Охтинъ, вы мнѣ сегодня не нужны, сказалъ князь проходя мимо маленькаго человѣчка.

Охтинъ! Это пня поразило Миллера; несмотря на горькое положеніе свое, онъ взглянулъ на того, кого звалъ этимъ именемъ, и не могъ вообразить, чтобы это истасканное, изрытое морщинами, блѣдное, но всё-еще довольно миниатюрное и миловидное, лицо принадлежало Охтину тому самому который былъ его школьнымъ товарищемъ котораго иначе не называли какъ дѣвушкой,—такъ жево подобны были его формы, его манеры,—такъ щекотлива была его нравственность. Охтинъ низко кланялся князю и, настроивъ свою физиономію съ суровымъ взглядомъ своего покровителя, работѣнно провожалъ его до дверей. Потомъ онъ вернулся къ Миллеру.

— Да, братъ, я точно Охтинъ; не гляди такъ пристально: я не люблю, когда на меня долго смотрятъ: дѣлается какъ-то неловко.

— Какъ ты измѣнился! пропнешь грустно Миллеръ.

Ему стало стыднѣе и грустнѣе за своего товарища чѣмъ за себя.

— Да, измѣнился!... И ты что-то смотришь не очень внятно.

— Худо!

— А что?... тотъ... не далъ тебѣ денегъ?

— Нѣтъ.

— Жаль!... А я было-хотѣлъ попросить у тебя займы. Вѣдь мы старые товарищи.

— Жаль!

— Вотъ и тотъ, что вышелъ прежде, также намъ товарищъ, да его и не проси; хуже всякаго чужаго: кремень, а не человѣкъ!

— Прощай, Охтинъ! Дай Богъ встрѣтиться при лучшихъ обстоятельствахъ.

— Постой минутку. Что жъ ты думаешь дѣлать съ собою?

— Думаю, всего лучше кинуться въ воду.

— Нѣтъ, Миллеръ, не кидайся; вытащатъ; ей-Богу, вытащатъ.

И грустно и гадко было Миллеру слушать и видѣть своего стараго товарища. Со стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ онъ изъ роскошнаго дому, гдѣ послѣдній челяднинецъ менѣе терпѣлъ нужду чѣмъ онъ, избранникъ художства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отчаянныя средства.

Медленно, опустивъ голову на грудь, никого не вида, весь преданный своей горькой мысли, возвращался Миллеръ домой. Только на лѣстницѣ, по которой долженъ былъ подняться до самаго чердака, онъ приостановился, чтобы отвести дыханіе въ груди стѣсненной горемъ и трудами. Притомъ, онъ какъ-будто боялся возвратиться въ свое бѣдное жильё: что ждало его тамъ? Но дѣлать нечего, надо было карабкаться еще выше, надо было переступить опять этотъ порогъ, котораго не переступалъ онъ безъ глубокаго вздоху. Миллеръ взошелъ въ комнатку, душную отъ накаленной желѣзной крыши, которая, подобно знаменитой венеціанской свинцовой кровлѣ темницы, висѣла чуть не надъ самыми головами страдальцевъ. Благо еще, что наше солнце не таково какъ солнце Венеціи!

— Ну что? спросилъ полу-лежавшій на грязной постели больной, истощенный молодой человекъ, кроткой и тихой наружности, печальнаго виду.

— А вотъ что.....

Миллеръ взялъ лежавшій на окнѣ гвоздь и подошелъ къ мольберту, на которомъ стояла неоконченная картина: онъ уже занесъ на нее руку, но больной приподнялся и готовъ былъ вскочить съ постели, чтобы остановить своего друга. Миллеръ испугался за больного, за бѣднаго страдальца, и удержалъ его, оставивъ въ покоѣ картину.

— Наносить руку на свое дѣтище, Фи, мой добрый Миллеръ..... какое преступленіе.

Въ комнатѣ царствовала грустная тишина; слышны были только чириканье сверчка за печкой, да тяжелое, прерывистое дыханіе больного на постели. Богъ знаетъ, когда бы Миллеръ вышелъ изъ своего невыносимо тяжелого положенія, которое такъ несвойственно было его свѣтлому лицу, если бѣ двѣ маленькія нѣжныя ручѣнки не пробудили его, закрывъ сзади глаза.

— Кто!.... отгадывайте..... иначе не отниму рукъ.

— Кому же быть, какъ не тебѣ, моя Жени?... моя маленькая, миленькая Жени, мой добрый ангелъ-хранитель. Никогда не приходила ты такъ кстати какъ теперь: я умеръ бы безъ тебя съ тоски или разшибъ бы голову объ стѣну съ отчаянія.

— Не говори такихъ страшныхъ вещей, произнесла дѣвочка, по виду лѣтъ тринадцати, худая, блѣдная, но живая, миленькая, въ ситцевомъ платицѣ, весьма весьма поношенномъ, но всё-таки опрятномъ: не говори, мой Фрицъ, ты шутишь, а такими вещами грѣхъ шутить.

— Ахъ, моя милая Жени! мнѣ теперь шутка такъ же будетъ къ лицу какъ колпакъ съ бубенчиками мертвецу. Нѣтъ, Жени, гадко, такъ гадко, какъ еще не бывало. Но твое личико что-то сегодня просвѣтлѣло, повеселѣло. Что случилось хорошаго съ тобою? Неужели судьба устала бичевать тебя.

— Да, милый Фрицъ, я повеселѣла, развеселись и ты: маменькѣ, слава Богу, лучше..... развеселись же, душка Фрицъ!—И она своими ручѣнками откинула пряди волосъ со лба его и поцѣловала этотъ лобъ, спугнувъ съ него черную мысль.

— Жени, помнишь, я показывалъ тебѣ Рафаэлева ангела на картинѣ?... Рафаэль видѣлъ во снѣ твою улыбку, твой взглядъ, и придалъ ихъ другому лицу. Я срисую тебя всю, какъ ты есть.... и, если потрафлю такъ же счастливо, какъ Рафаэль умѣлъ схватить твое выраженіе, я превзойду Рафаэля..... но какъ мнѣ рисовать, когда у меня даже нѣтъ холста и красокъ, сказалъ грустно Миллеръ.

Когда молодой человекъ опять взглянулъ на Женю, она уже стояла, задумчивая, грустная, измѣнившись такъ же быстро какъ летучее облако.

— Женя, я и на тебя, сердечный дружокъ, навелъ тоску.....

— Фрицъ!... сказала она робко, перебирая концы своего полска: маменька просила кушать: въ первый разъ во время болѣзни, она вспомнила о пищѣ сама.....

Миллеръ грустно молчалъ.

— Я въ эту ночь кончила чулочки, помнишь, что везла; утромъ понесла продавать. Мнѣ стыдно было протянуть руку и показывать ихъ всѣмъ проходящимъ, однако я держала ихъ такъ, что видны были: никто и не взглянулъ на нихъ; на меня, правда, поглядывали съ улыбкой, и говорили громко, указывая пальцомъ, и такія слова говорили, что мнѣ стыдно стало: я все терпѣла; под-конецъ уже утра, шелъ мимо меня какой-то пожилой человекъ, такой почтенный по виду, и приказалъ мнѣ идти за собой, говорилъ такъ хорошо и общалъ купить чулочки. Я пришла къ нему; онъ обнялъ меня и поцѣловалъ, потомъ еще.... да глядѣлъ на меня такими глазами, что мнѣ стало страшно: тутъ я вспомнила твои слова, Фрицъ, чтобы не очень довѣрять мужчинамъ, вырвалась изъ рукъ его и убѣжала, прямо домой: я больше не смѣла показаться на улицѣ.

— И хорошо сдѣлала, Женя, поцѣлуй такихъ людей какъ тотъ почтенный, могутъ загрязнить тебя на всю жизнь.

— Да, Фрицъ, да! Мнѣ дѣйствительно было и тошно и гадко, когда онъ цѣловалъ меня, и тяжело и душно на сердцѣ, когда онъ обнималъ меня; а вѣдь, когда ты меня цѣлуешь, я люблю это,—и Женя сорвала съ устъ Миллера поцѣлуй, шутя, какъ-будто мимоходомъ, и поцѣлала блѣдныя губы бѣдняка.

— Но, Женя, ты сказала, что маменька просила кушать.

— Да, Фрицъ, это вѣдь добрый знакъ.... и головка у ней сегодня меньше болитъ, и жаръ меньше. Но чулочки остались не проданы.... я не знаю какъ и быть.

Миллеръ опять задумался; Женя не сводила съ него

глазъ, какъ-бы стараясь прочесть на лицѣ его задуманную мысль.

— Боже мой, Боже! воскликнулъ онъ наконецъ: а сколько богачей въ это время выкидываютъ остатки своего сытного обѣда собакамъ.....

— А Ваня? что Ваня? произнесла Жени: какая я негодная!... и не спросила по сию пору объ немъ, и не поцѣловала его, — и дѣвочка кинулась къ постели больного.

Невзгодникъ нашелъ въ себѣ улыбку и вызвалъ, послѣднюю, на уста свои.

Дѣйствительно, глядя на эту голую нищету, которая отражалась во всемъ, на это олицетворенное страданіе, нельзя было не назвать ангеломъ того кто умѣлъ просвѣтить лица двухъ бѣдняковъ, а Жени сдѣлала это.

— Неужели мы оставимъ умереть ее съ голоду? сказалъ Невзгодникъ.

— Ее!... ни зачѣмъ, ни зачѣмъ!... Ваня! счастливая мысль!..... мы вовсе не такъ бѣдны какъ это намъ кажется.

— Ты думаешь, что намъ это только кажется? ты еще сомнѣваешься въ горькой истинѣ?

— Увѣряю тебя. У насъ, на примѣръ, двѣ пары платья.

— Какъ?

— Одна у тебя, другая у меня.

— Правда.

— Согласись, что это излишняя роскошь; а въ настоящемъ положеніи мы не должны позволять себѣ ни какого излишества.

— Совершенно согласенъ.

— И такъ одну пару.... мы заложимъ.

— Прекрасно выдуманно; тѣмъ болѣе, что я боленъ и не имѣю надобности выходить.

— Нѣтъ, твоего платья заложить нельзя: выздоровѣешь, не въ чемъ будетъ ходить на лекціи; мое—другое дѣло.

— Ну, а ты такъ будешь?

— Въ случаѣ необходимости, я кое-какъ втиснусь въ твой сюртукъ: вѣдь и мой не слишкомъ просторенъ!

Выдуманно и сдѣлано. Провизіи запасено много, сколько

ко можно было закупить на деньги, вырученныя за закладъ стараго сюртука скаредному ростовщику, и еще койка осталась на черный день.

— А этотъ жидъ-хозяинъ не забылъ мнѣ шепнуть при встрѣчѣ, когда я шелъ изъ лавочки: если къ воскресенью не заплатите сполна за квартиру, такъ выброшу изъ нея весь вашъ хламъ и васъ самихъ не пушу на дворъ. Ну, чортъ съ нимъ! до воскресенья далеко. Жени, буліонъ свеси маменькѣ; да унеси этотъ гвоздь: соблазнъ великъ! Пстой, еще разъ поцѣлуй: такъ. Приходи же къ намъ на минуточку, когда уснетъ больная; иначе умремъ съ тоски.

Потомъ двое бѣднаковъ принялись утолять свой голодъ чернымъ хлѣбомъ съ водою. Если не возвращалась обычная веселость въ сердце Миллера, то по-крайней-мѣрѣ, съ утоленіемъ голоду, ему стало какъ-то легче и не совсѣмъ грустно.

— Боже мой, чего бы не сдѣлалъ я за пять сотъ рублей ассигнаціями!... только за пять сотъ рублей! вскрикнулъ онъ какъ-бы вдохновенно.

— Я бы всю жизнь лечилъ даромъ того, кто бы мнѣ далъ ихъ.

— На каждой картинѣ своей работы я помѣстилъ бы его портретъ и такимъ образомъ передалъ бы его образъ потомству.

— Я готовъ бы былъ жениться на какой-нибудь дѣлѣ.

— Я на копченой свининѣ.

— Я бы согласился быть у кого-нибудь шутомъ.

— Послушай, Ваня! напишемъ къ первымъ богачамъ въ городъ, что вотъ на что мы способны изъ-за денегъ, употребите насъ какъ знаете.

— А что ты думаешь?

— Прекрасно.

Миллеръ отыскалъ клочокъ бумаги и кистью написалъ слѣдующее:

«Нѣтъ на свѣтѣ такого, чего бы не сдѣлалъ я, чему бы не подвергъ себя, за пять сотъ рублей ассигнаціями; только бы было не противно чести, да стало бы на это человѣческихъ силъ. Спросить въ Ямской, въ домѣ подъ ну-

меромъ *** въ квартирѣ, на чердакѣ подѣ номеромъ *** художника»... Имени выставлять пока не надо. — Художника не хорошо, прибавилъ онъ, подумавши: скажутъ — штука, пуфъ; художники бываютъ на всѣ руки; лучше, живописца.

Миллеръ написалъ и разослалъ по городской почтѣ столько записокъ, на сколько у него хватило денегъ, и потомъ съ судорожнымъ напряженіемъ ожидалъ весь вечеръ и слѣдующій день, не постучится ли кто у дверей его каморки. Увы, никого! Воскресенье приближалось.

— Погоди, говорилъ онъ своему товарищу: не хотятъ вѣрить, что мои записки были не шутка; увѣрятъ, придутъ; ручаюсь. Миѣ что-то сдается, что я не обманываюсь.

Дѣйствительно, на третій день привесли письмо съ городской почты. Трепетною рукою раскрылъ его Миллеръ. На клочкѣ сѣрой бумаги было написано по-русски: «Живописца, живущаго въ квартирѣ подѣ номеромъ 8, просятъ прійти къ Калашниковской Пристани, въ два часа по полуночи съ субботы на воскресенье. Совѣтуютъ не болтать; иначе придется ему замолчать по-неволя, и навсегда. Вѣрится тому, кто скажетъ *барабаръ* * и итти, куда поведутъ.»

— Что я тебѣ говорилъ! Видишь ли! судьба устала бичевать насъ. — Правда, прибавилъ онъ, нѣсколько подумавши: судя по мѣсту, куда приглашаютъ меня, по выбору пароя и по самому тону письма, нельзя сказать чтобъ оно было любовнаго содержанія; ну, да вѣдь и то надо вспомнить, что мы не въ томъ положеніи чтобы возбудить чью-либо любовь. Надо имѣть особенный вкусъ, чтобы влюбиться въ скелетъ, изгложенный нуждой и горемъ, одѣтый въ такое платье, что не отгадаешь, сюртукъ ли это или куртка, сукно или рдывина.

Миллеръ только теперь оглянулся на своего товарища. Тотъ сидѣлъ, подперши голову на обѣ ладони облокотившихся рукъ, и крупныя капли слезъ падали на подушку.

* *Барабаръ*, по-персидски, по-турецки и по-татарски значитъ: *вмѣсть, за-одно*. Это слово перешло въ мистическій языкъ известнаго класса людей, вѣроятно отъ Татаръ.

— Ахъ, Ваня, прости меня! Я такой вѣтренный! Но вѣрь мнѣ, я не имѣлъ намѣренія обидѣть тебя; я искренно уважаю твою любовь, безнадежную, но пламенную, вѣрующую, чистую, которая перенесется съ тобою на небо и только тамъ найдетъ душу, способную понять и оцѣнить себя. Я не знаю твоей Ольги Бенской, но увѣренъ, что если бы она узнала твое сердце, полное страсти, она бы оцѣнила его, она полюбила бы, какъ любилъ я.

Добрая душа, Миллеръ, какъ безсознательно вѣрилъ онъ! Школа несчастія не ожесточила его. Невзгодинъ молча подалъ ему руку и тотъ дружески пожалъ руку несчастнаго.

— Утѣшься, Ваня; право, наше состояніе имѣетъ свою хорошую сторону.

— Развѣ ту, которой нельзя примѣтить.

— Нѣтъ, лицевою! Намъ уже ничего не остается ожидать хуже, потому что хуже этого уже быть не можетъ. А сколько людей, которые должны трепетать за каждый мигъ, потому что этотъ мигъ уноситъ ихъ счастье! У насъ уноситъ онъ горе, и мы провожаемъ его съ радостью; ну, вотъ тебѣ и радость, вотъ тебѣ и хорошая сторона нашей жизни. Чего жъ печалиться!

И Миллеръ, возбуждая себя мало-по-малу къ веселости, со стаканомъ воды въ рукахъ запѣлъ застольную пѣсню и кончилъ тѣмъ, что разразился сильнымъ, душевнымъ смѣхомъ.

— Полно, Фрицъ, твой смѣхъ сокрушаетъ меня больше чѣмъ твое сѣтованье. Ну, скажи, чему ты смѣешься?

— Помилуй, душа моя, какъ не смѣяться надъ этимъ дурацкимъ положеніемъ! Ъсть нечего... да вѣдь буквально нечего; готовъ бы продать свои собственные кровные зубы какому-нибудь дентисту, чтобы за вырученныя деньги купить кусокъ хлѣба, котораго нечѣмъ будетъ потомъ разжевать. Смѣхъ, да и только!

Миллеръ продолжалъ отъ души смѣяться.

Какъ зло издѣвался онъ надъ судьбою, которая рѣшилась было совершенно, до конца сломить его и потѣшиться надъ нимъ, надъ его отчаяніемъ вдоволь! Былъ человекъ, а не самой судьбы человека, который бы прокусилъ себѣ

дѣ-крови языкъ, когда бы узналъ, что Миллеръ преспокойно смѣялся, что его не пробьешь ни какими несчастіями.

Г Л А В А П Я Т А Я.

ОПЯТЬ НИЩЕТА И ЖЕСТОКОСТЬ.

Охтинъ уже давно ни о чемъ не задумывался; его ничто не тревожило, кромѣ текущей жизни, исполненной нуждъ и волненій; а тутъ, оставшись одинъ въ пріемной князя, онъ невольно поникнулъ головой.

Бывало, если мысль, завѣтная, тайная, возставала изъ глубины сердца, изъ-подъ сору и грязи страстей, которыми было загромождено оно, Охтинъ убѣгалъ отъ этой мысли какъ отъ грознаго привидѣнія. Странное дѣло! явленіе умирающаго старика, который на порогѣ смерти остановился чтобы положить на него печать отверженія, менѣе поразило его чѣмъ встрѣча съ товарищемъ послѣ десятилѣтней разлуки. Чтѣ значило для него, этого жалкаго Охтина, гоненіе мертвеца, когда онъ долженъ былъ безпрестанно заботиться о томъ, чтобы укрыться отъ преслѣдованія живыхъ? когда у него камнемъ лежала на сердцѣ существенность, готовая раздавить его своею тяжестью? во неожиданная встрѣча со стариннымъ школьнымъ товарищемъ заставила его невольно призадуматься, напомнивъ, бывое, свѣтлое, полное надеждъ, увылъ горько горько обманувшихъ его. Подъ старость мы перѣдко забываемъ чтѣ дѣлали наканунѣ, а возрастъ дѣтства прелстаетъ живо передъ нашу память со всѣми мелочными подробностями.

«Чтѣ жъ! думалъ Охтинъ въ успокоеніе себя: мы съ нимъ, съ этимъ Миллеромъ, пошли по разной дорогѣ, а вѣдь вышли же на одну проталину нищеты и горя; еще у меня есть-таки кое-какіе ресурсы къ жизни: а чтѣ станетъ теперь дѣлать онъ! Жаль, бѣднѣйка, право жаль! По-неволѣ кинется съ своего чердака на мостовую или своротитъ на ту же дорогу, по которой и я пошелъ! Охъ, не хороша дорога!.... хоть и примащива; не совѣтовалъ бы я ему

поворачивать сюда: гдѣ ему выдержать этотъ путь!... тутъ такія вещи бывають, что не въ-моготу и мнѣ.....

Богъ знаетъ, была ли въ этихъ мысляхъ Охтина, гордость сознанія своихъ силъ, или искреннее соболѣзнованіе объ участи угрожающей Миллеру. Только эти мысли не надолго западали въ сердце Охтина: заботы о томъ чтобы достать денегъ, заняли его вполне и увлекли въ самыя запутанныя, самыя сложныя соображенія. Простымъ путемъ ему нечего было и добиваться до этой цѣли. Деньги, какъ мы видѣли, были необходимы Охтину, необходимы для того чтобы вести игру, чтобы поддержать это всепожарающее чудовище вѣковъ, для котораго не достаточно никакихъ сокровищъ. Самъ Ротшильдъ проигрался бы если бѣ сталъ играть страстно, а Охтинъ думалъ выдержать съ какими-нибудь пятьюстами рублями: таково человѣческое заблужденіе. Съ каждымъ проигрышемъ, Охтинъ только сильнѣе былъ убѣжденъ, что онъ отыграется.... почему?... этого никто изъ насъ объяснить не можетъ, но каждый испыталъ на себѣ, и Охтинъ на этотъ разъ болѣе чѣмъ когда-либо вѣровалъ въ свое счастье и пожертвовалъ бы всѣмъ, чтобы достать желанныя пять сотъ рублей и возстановить кредитъ свой для новой игры.

Въ Англіи очень справедливо опасаются, что быстрое возрастаніе паровыхъ машинъ истощитъ весь запасъ горючаго матеріалу, и что, хоть міръ будетъ очень быстро двигаться, въ одинъ ясный день вдругъ остановится, замерзши отъ стужи. Того же должно ожидать и отъ игры: все, что можно превратить въ деньги, будетъ извлечено изъ общаго полезнаго оборота и исчезнетъ въ водоворотѣ азарта. Быстрые успѣхи игры превосходятъ самыя замысловатыя усовершенствованія по части паровой механики, и карточная игра гораздо скорѣе достигнетъ своей катастрофы; никто и не думаетъ принимать противъ нея своихъ мѣръ, напротивъ, всѣ, наперерывъ, съ какими-то отчаяннымъ соревнованіемъ, стремятся къ распространенію этого душегубительнаго занятія. Предполагають, что карты выдуманы для развлеченія слабоумнаго Карла Четвертаго французскаго короля, но мы ви-

дѣли недавно, что фигуры четырехъ мастей, пики, трефы, черви, и бубны рисовались еще Египтянами*. Кто ихъ выдумалъ, былъ, вѣроятно, или очень уменъ или вдохновенъ демонскою силою, которую и сообщилъ своему изобрѣтенію, терзающему такъ страшно нашу бѣдную, человѣческую натуру.

Охтинъ былъ поглощенъ весь духомъ игры; при мысли о ней въ головѣ его меркла всякая другая мысль, какъ послѣдняя утренняя звѣзда при появленіи солнца: теперь, какъ и всегда, у него была одна вѣчная забота, какъ бы достать денегъ. Онъ сильно надѣялся на князя и былъ увѣренъ, что тотъ вознаградитъ его за блестящую интригу, которую ему подготовилъ; но мы уже видѣли конецъ ея. Онъ перебиралъ въ умѣ своемъ множество средствъ, къ которымъ такъ часто прибѣгалъ; но всѣ они были вполнѣ истощены; развѣ обратиться къ «дѣдушкѣ»: вѣдь онъ его неразъ выручалъ. Правда, даромъ конечно ничего не дастъ, но можетъ-быть Охтинъ на что-нибудь ему пригодится: благо же новости есть.

Въ этомъ предположеніи Охтинъ отправился въ отдаленную часть города, достигъ грязнаго двора, перешелъ черезъ него въ другой, что называютъ обыкновенно «за-нимъ»: этотъ, разумѣется, былъ еще грязнѣе; взошелъ по деревянной лѣстницѣ на вонючую галерею; оттуда спустился двумя ступеньками въ темный корридоръ, вощупью побрелъ впередъ; еще поворотилъ вправо; еще поднялся; и такимъ образомъ разными переходами, по которымъ можетъ пройти безопасно только кошка, да человѣкъ очень хорошо знакомый съ мѣстностью, Охтинъ очутился у маленькой деревянной дверцы, съ засовомъ наружи; замка на засовѣ не было. Охтинъ основательно заключилъ, что хозяинъ дома, постучался и подвѣлъ глаза вверхъ, какъ-будто чего-то ожидая. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени небольшая привѣска надъ дверью, въ грошъ величиною, покачнулася невидимою силою и сдвинулася съ мѣста. Охтинъ зналъ, что въ это время одинъ

* Смотри въ третьемъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ» статью барона Брамбеуса «Микерія Шильская Лилія».

глазъ наблюдаетъ его съ верху, въ дырочку скрытую подъ навѣскою, и опустилъ голову. Вслѣдъ за тѣмъ раздался голосъ, кто тамъ? — какъ-будто тотъ, кто спрашивалъ, ничего не зналъ и не видѣлъ. — Это я, Охтинъ, отвѣчалъ съ простодушною наивною, пришедшій. Можно побезпокоить васъ, дѣдушка, или прикажете въ другое время?

— Войди, внучокъ, войди: я всегда готовъ къ услугамъ добрыхъ людей.

Старикъ часто называлъ въ шутку внучками тѣхъ, которые величали его дѣдушкой, разумѣется, если они были ему равны по отношеніямъ или признавали какимъ-нибудь образомъ его вліяніе надъ собою. Онъ отперъ дверь въ чуланчикъ, изъ котораго пахло сыростью и гнилью. Охтинъ вошелъ. Увидя женщину, онъ остановился и потомъ присѣлъ на большой сундукъ въ углу, который съ двумя стульями и столомъ, стоявшимъ у окна, составляли всю мебель. Шкафъ прятался въ самой стѣнѣ, и его нельзя было оставить въ счетъ мебели. Женщина смутилась при входѣ незнакомца, силилась поглотить слезы и утереть глаза, но это было не легко: слезы не слушались и снова лились, нажимаемая рыданіями, и сильно терзалась грудь страдалицы.

— Ничего, матушка, не церемоньтесь, плачьте: это васъ облегчитъ, а внучокъ не взыщетъ: онъ добрый человекъ и знаетъ, что у каждаго — свое горе: вотъ хоть бы и у меня, ужъ какъ не горе, эта нищета!

И онъ обвелъ вокругъ себя взоромъ, какъ-бы желая убѣдиться и убѣдить другихъ въ своей нищетѣ. Дѣйствительно, трудно себѣ вообразить что-нибудь болѣе нищенское, неоправданно, гаже этого чуланчика, и если судить по жилищу о самомъ жильцѣ, то нельзя было не пожалѣть объ немъ, особенно взглянувъ на столъ, гдѣ лежалъ кусокъ черстваго чернаго хлѣба съ солью и стаканъ воды, какъ видно приготовленные для обѣда старика. Но лицо имѣло такое странное выраженіе; два сгиба, шедшіе по краямъ губъ, скрывали такой тайный смыслъ, что можно было принять слова дѣдушки за шутку. Казалось, чѣмъ тутъ шутить! Нельзя было разгадать физиономію по выраженію глазъ, которые такъ часто измѣняютъ человекъ, потому

что старикъ постоянно мигалъ или щурилъ или опускалъ или, наконецъ, какъ-бы боясь свѣту, который по его словамъ вредилъ больнымъ глазамъ, закрывалъ ихъ руками. Не многіе, коротко знакомые съ нимъ, могли сказать, какого цвѣту были эти глаза.

— Такъ на чемъ мы остановились! произнесъ съ разстановкою старикъ обращаясь къ женщинѣ. Да! у васъ трое дѣтей!.....

— Трое дѣтей, батюшка, Агапій Агапьевичъ, и всѣ малъ мала меньше.

— И вы нечего ѣсть, говорите вы?

— Другой день нечего ѣсть. Одного кормлю грудью... смотрите, грудь высохла отъ голоду и лихорадки.

— Жаль, право, жаль..... И хозяинъ изъ дому гонитъ?

— Изъ дому гонитъ.

— Очень непріятно; моя квартира хоть не роскошна, а всё же не весело перебираться изъ нея подъ открытое небо.

Женщина думала уже, что старикъ разжалобился, тронулся ея положеніемъ, и побоялся показать себя жестокимъ передъ постороннимъ; она рѣшилась довершить свою побѣду надъ сердцемъ дѣдушки и кинулась къ нему въ ноги.

— Вы столько разъ были моимъ спасителемъ, спасите и въ этотъ разъ, не оставьте насъ умереть голодною смертью; дѣти вырастутъ, я ихъ научу молиться за васъ какъ за отца роднаго.

— Разсудите насъ, пожалуйста, сказалъ старикъ, обращаясь къ Охтину: она проситъ денегъ, какія же у меня деньги, вы сами знаете!

— Конечно, конечно, какія же у васъ деньги! отвѣчалъ Охтинъ съ улыбкою состраданія, вѣроятно, къ нищетѣ бѣдняка.

— А между-тѣмъ я ей неразъ помогалъ.

— Помогалъ, родимый, помогалъ! сказала женщина, вставая съ полу.

— Я передалъ ей до ста рублей. А она мнѣ ничего не возвратила: чуть самого не пустила по міру!... да еще проситъ денегъ..... вотъ какова она!

— Скажите, пожалуйста, какова же она! замѣтилъ съ омерзѣніемъ Охтинъ.

Женщина, несмотря на свою униженную роль просительницы, не могла вытерпѣть этихъ упрековъ.—Я не даромъ зажала ваши деньги; я оставила подъ нихъ залогу втрое больше чѣмъ на сто рублей; не выкупила—правда; зато вамъ остался залогъ, и вы не въ накладѣ.

— Это еще Богъ знаетъ, отвѣчалъ старикъ, ни сколько не смущаясь. Деньги всё-таки лучше всего. Ну, да я не прочь и теперь тебѣ дать малую-толику; только чтобъ не измѣнить порядку, оставь опять залогъ: я вѣдь тебѣ сказалъ уже это.

— Я поклялась, что у меня нѣтъ больше ничего.

— Постой, видно мнѣ приходится самому думать и заботиться о твоей семьѣ.... Я не люблю, чтобъ отъ меня нищія уходили съ пустыми руками.

— Я не нищія!

— Ну, тамъ, какъ знаешь.... я старъ и сбиваюсь въ названіяхъ.... не обижайся. Вотъ что я придумалъ: тотъ платокъ, что на тебѣ.... онъ, правду сказать, ничего не стоитъ....

— Я дала за него двадцать рублей.

— Какихъ двадцать! Оставь его подъ залогъ, я пошарю.... можетъ и найду рублей пятокъ....

Женщина молча сняла платокъ и обнажила свои плечи, всхлудалія, съ выдавшимися костями, но по округлости которыхъ художникъ узналъ бы, какъ прекрасны были нѣкогда эти плечи. Оставшись въ одномъ платьѣ, такомъ бѣдномъ и вполнѣ выказывавшемъ стройный станъ, женщина невольно покраснѣла, хотя краски не могли вызвать на ея лицо даже обильныя слезы и горькія рыданія. Между тѣмъ старикъ отверъ другой сосѣдній чуланчикъ: въ немъ было темно какъ ночью. Дѣдушка Смольневъ зажегъ салышій огарокъ и торопливо заперъ за собою дверь. Охтинъ остался съ незнакомкой. Онъ уже примѣтилъ ея прекрасное, хотя изнеможенное болѣзнію и нуждою, лицо, и соображалъ, нельзя ли изъ него извлечь какую-нибудь для себя пользу.

— Странный человекъ этотъ старикъ, сказалъ онъ: а право, кажется, не злой.

Незнакомка молчала.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы живете: можетъ-быть я могу вамъ услужить когда-нибудь....

Въ это время у Охтина дѣйствительно не было ни гроша.

Онъ говорилъ такимъ ласкающимъ голосомъ, смотря на несчастную такъ великодушно, во всей его физиономіи было столько кротости и какого-то женскаго выраженія, что бѣдная страдалица, со всею откровенностью, сказала гдѣ живетъ. Да и чего было ей бояться! Кто захотѣлъ бы обижать ее, и безъ того вполне обиженную судьбою!

Старикъ вышелъ изъ своей кладовой съ деньгами въ рукѣ: онъ клалъ на руку женщинѣ гроши и пятаки по одиночкѣ, считая вслухъ, и вновь пересчитывая, какъ-будто Богъ знаетъ сколько тутъ было денегъ; и опять бралъ назадъ, говоря, что слишкомъ много дастъ подъ залогъ такого дряннаго платка; и опять клалъ въ руку, причемъ съ состраданіемъ прибавлялъ:— Зачѣмъ обижать нищую!... Да вы, сударыня, не нищая.... такъ вотъ я и вычелъ проценты, а всѣ остальные деньги ваши..... Ухъ, какая куча! куда вамъ дѣваться съ ними?... — Берегитесь, сударыня,— и онъ ударялъ на словѣ сударыня,— берегитесь, чтобъ васъ не ограбили.

Измученная ожиданіемъ и надеждой, боясь всякую минуту чтобы старикъ не отобралъ назадъ денегъ, несчастная, не пересчитывая ихъ, но-скорѣе поклонилась и ушла. Старикъ плотно заперъ за нею дверь и возвратился прищелкивая пальцами и осклабясь. О, это уже была настоящая улыбка, но какая улыбка! Дьяволъ непременно бы перенилъ ее если бы увидѣлъ.

— Надулъ!.. надулъ на двадцать одну копейку!.. и проценты порядочные и залогъ стоить денегъ!— Говоря это онъ заворачивалъ въ разныя стороны платокъ и смотрѣлъ на него сквозь сѣтъ.— Гдѣ ей выкупить этотъ платокъ? останется у меня; продамъ съ барышомъ. Ученъ, вучокъ, ученъ, какъ наживать денягу! — И старикъ погрязалъ за плечи Охтина своими костлявыми какъ у смерти руками:—

Двадцать одна копѣйка!... повторилъ онъ: можно прокорниться три дня, а въ три дня оправившись отъ болѣзни или отъ бѣды..... найдешь работу и опять пойдешь жить по-прежнему..... Такъ видишь ли, двадцать одна копѣйка не шутка, подчасъ стоитъ жизни бѣдняку..... Учись, вну-чухъ!... учись...

Охтинъ не зналъ что отвѣчать на такую умную рѣчь. Онъ попробовалъ-было сказать, что постарается воспользоваться примѣромъ.

— Ты? сказалъ съ презрѣніемъ старикъ.

Охтинъ молчалъ.

Старикъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, какъ-бы стараясь успокоиться отъ внезапнаго взрыву радости, а потомъ обратился къ Охтину:

— Нѣтъ ли новостей, внучокъ?

Охтинъ разсказалъ со всѣми послѣдовательными подробностями о предпріятіи князя и компаніи. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, вниманіе Агація Агаіевича становилось сильнѣе и туже; онъ придвинулъ стулъ къ разсказчику, наконецъ помѣстился возлѣ него на сундукъ.

— И нашъ князь не принялъ первоначальнаго проекта Ленина?... да тутъ несмѣтныя сокровища!... у него не хватило на это его бѣднаго умишка! вскрикнулъ старикъ съ презрѣніемъ: вѣдь есть же люди, которымъ счастье само навязывается на шею!... а ты такъ трудишься, работаешь десятками годовъ, и то.... Ну, говори, внучокъ, а перебилъ твою рѣчь.

Когда Охтинъ сталъ разсказывать, что Ленинъ принужденъ былъ объявить князю объ утаенной штейгеромъ золотой розсыпи, въ которой сейчасъ же можно приступить къ разработкѣ, старикъ превратился весь во вниманіе: онъ облокотился на плечо Охтина, вовсе не замѣчая, что тотъ едва сдерживаетъ тяжелое бремя, и, закинувъ голову, оборотился къ нему лицомъ, едва не касаясь его лица: онъ только по обыкновенію жмурился, какъ-будто ему больно было глядѣть.

— Такъ значитъ, можно утаить открытую розсыпь, а настоящій владѣлецъ про то ничего и знать не будетъ?

— Значить, можно.

— Хорошо! хорошо! прекрасно!... спасибо, внучокъ, за вѣсти!

Охтинъ не понималъ, чему такъ радовался старикъ.

— Ктому жъ, я напередъ вамъ говорю, что доля Невскаго будетъ непременно моею.... ну, а тамъ....

Онъ какъ-будто спохватился, не слишкомъ ли обнаружилъ свою радость. Притомъ Охтинъ могъ потребовать много за новости или по-крайней-мѣрѣ впередъ быть осторожнѣе.

— Унища, внучокъ! .. будешь съ деньгами. Но видишь, голубчикъ, какъ ты простъ: ты рассказалъ мнѣ все, что было у тебя за душою, не сторговавшись напередъ, сколько тебѣ заплатить за новость. Но я разочтусь честно. Говори, что тебѣ надо?

— Если бы вы дали мнѣ займы.... на короткое время шестьсотъ рублей....

— Шестьсотъ много, сказалъ старикъ, видимо обрадовавшийся, что такъ мало съ него просятъ за важную услугу.

Онъ опять пошелъ въ кладовую, оставивъ Охтина въ сильномъ раскаяніи, что такъ мало запросилъ и что не изъ чего будетъ выторговать и сбавлять: во всякомъ случаѣ онъ рѣшился уступать не иначе какъ съ бою, то есть послѣ долгихъ преній. Дѣдушка возвратился и возобновилъ ту же сцену, что съ женщиной, только въ большихъ размѣрахъ. Но Охтинъ помнилъ еще недавнее наставленіе и глядѣлъ зорко, чтобы его не обсчитали. Послѣ долгихъ торговъ, старикъ рѣшился дать Охтину пятьсотъ рублей съ вычетомъ однако жъ десяти процентовъ, но безъ заемнаго письма, безъ залогу, безъ возврату. Всѣ эти условія были бесполезны: залогу Охтинъ не могъ дать, потому что не имѣлъ, а денегъ ни въ какомъ случаѣ не возвратилъ бы: онъ употребилъ слово займы только приличія ради, для эффекта.—Это еще не все, сказалъ старикъ добудь мнѣ гдѣ хочешь, этого Чѣрныхъ; да прежде позвѣкомься съ нимъ, покутите вмѣстѣ.... денегъ не жалѣй... дамъ; подружись и потомъ уже приведи ко мнѣ. Остальное уладимъ вмѣстѣ; въ накладѣ не будешь, увѣраю.

Получивши деньги, Охтинъ кинулся къ дверямъ. — Н

хочешь ли раздѣлить со мной обѣда? сказалъ старикъ раз-
люмивъ по-поламъ свою порцію хлѣба.

— Благодарю, я уже обѣдалъ!

И онъ убѣждалъ какъ могъ скорѣе, жертвуя разбить лобъ
въ темномъ корридорѣ или сломить шею на утлой лѣст-
ницѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОБАУМАННОЕ ИЩЕНІЕ.

Странно было поведеніе старика: онъ такъ искренно
обрадовался обсчитавши бѣдную женщину, съ такимъ со-
жалѣніемъ разставался съ пятью рублями, и вмѣстѣ съ
тѣмъ отсчитывалъ пять сотъ рублей за сообщеніе ново-
сти, по-видимому не приносившей ему ни какой денежной
выгоды. Еще страннѣе было то, что у этого человѣка, въ
ищенской квартирѣ, хранилось состояніе на нѣсколько
сотенъ тысячъ рублей; что онъ, *обѣдая кускомъ чер-
ною хлѣба*, кидалъ десятки тысячъ на предпріятіе, часто
невѣрное, и составилъ себѣ такое огромное состояніе, ка-
кого никто даже не предполагалъ, именно бо́льшую ча-
стію смѣлыми предпріятіями.

Старикъ былъ доволенъ и днемъ и обѣдомъ. Окончив-
ши занятія и трапезу, онъ обыкновенно отдыхалъ; но от-
дыхъ его не былъ похожъ на нашъ: каждый вечеръ са-
дился онъ къ столу и приводилъ въ извѣстность свое со-
стояніе, и съ каждымъ днемъ съ радостію замѣчалъ быст-
рое его возрастаніе. Это состояніе дошедшее до огромной
суммы и употребляемое съ удивительнымъ соображеніемъ,
варостало процентами подобно снѣжному ко́му, который
увеличивается съ каждымъ оборотомъ и наконецъ пре-
вращается въ глыбу.

Агапій Агапѣвичъ Смольневъ не принадлежалъ къ чис-
лу тѣхъ скупцовъ, которые любятъ деньги собственно для
денегъ; которые боятся выпустить изъ своихъ рукъ
каждую попавшуюся въ нихъ монету, любятся, лелѣютъ
ее какъ свою милую любовницу, прячутъ, играютъ ею, и
опять запираютъ въ сундукъ, и опять вынимаютъ, и

тѣшатся ея звукомъ, ея блескомъ. Смольневъ любилъ деньги, какъ средство къ достиженію своей цѣли, которая завладѣла имъ всѣмъ, одна, безграничная и бессмысленная, и потому далеко превосходила цѣль самаго снороднаго купца. Представься Агапію Агапіевичу какой-нибудь оборотъ, вѣрный по его разсчету, но который бы потребовалъ всего его огромнаго капитала, и онъ бы пустилъ его, весь, не оставивъ себѣ ни рубля. Чѣмъ онъ становился старѣе, тѣмъ дѣлался отчаяннѣе въ своихъ предпріятіяхъ, потому что торопился составить тотъ огромный капиталъ, который ему нуженъ былъ для приведенія въ исполненіе его удивительнаго плана. Этотъ человекъ выказалъ столько твердости, столько терпѣнія въ достиженіи задуманной цѣли, что лишись онъ по какому-либо случаю всего своего состоянія, онъ началъ бы снова наживать его, пошелъ бы опять съ твердостью по тому же пути труда и униженія, по которому его непреклонная натура не могла пройти иначе какъ оросивъ слѣдъ свой потомъ и кровью.

Агапіи Агапіевичъ съ каждымъ днемъ становился довольнѣе результатами своихъ бухгалтерскихъ книгъ, видимо веселѣлъ и уже приводилъ въ исполненіе отдѣльныя части своего огромнаго плана.

Чтобъ понять этотъ чугунный характеръ, который гнулъ или ломилъ встрѣчаемыя препятствія, смотри на надобности; чтобы объяснить это ничемъ неудержимое стремленіе старика къ своей цѣли, надобно коснуться нѣскольکو его прошлой жизни и тѣхъ обстоятельствъ, которые закаляли его характеръ въ своемъ горнилѣ.

Агапіи Агапіевичъ Смольневъ еще не видѣлъ Божьяго свѣту, а уже былъ ненавидимъ своею матерью: нося его подъ сердцемъ, она готова была раздавить тяжестью того же самаго сердца этотъ плодъ брака, ей ненавистнаго, и уже расторгеннаго. Смольневъ родился, и едва не стоилъ жизни своей матери: это увеличило ея ненависть къ ребенку, которая и безъ того не знала границъ. Безобразіе Агапіи Агапіевича было источникомъ новыхъ бѣдъ. Оно еще усилилось отъ несмотренія за ребенкомъ, который безпрестанно страдалъ, то отъ кори, то отъ ушибовъ, то отъ нужды.

Наконецъ его отдали въ частное учебное заведеніе, со строгимъ наказомъ обращаться съ нимъ какъ съ мальчикомъ въ высшей степени упрямымъ и развращеннымъ. Достойные наставники поняли отношенія матери къ сыну, конечно, заботились больше о томъ чтобы приобрести благодарность богатой владѣлицы тысячи душъ чѣмъ любовь бѣднаго, всѣми покинутаго ребенка.

Сильные характеры развиваются медленно, подобно крѣпкому дубу. Загнанный, униженный, больной ребенокъ былъ вялъ и тупъ; онъ хотѣлъ взять прилежаніемъ, но въ школѣ встрѣтилъ новыхъ для себя враговъ, которые не давали ему заниматься: весь этотъ мелкій народъ принялъ Агапія Агапіевича какъ жертву для своихъ терзаній. Школьники съ ребяческою проницательностью угадали, что эта жертва предавалась имъ безотвѣтно; и истощали свою проницательность чтобы мучить ее: неловкость, безобразіе, тупость, и самая кротость Смольнева служили богатымъ запасомъ для выбору пытокъ; никто не хотѣлъ защитить бѣднаго мальчика, безусловно предавшаго потѣхамъ своихъ сверстниковъ.

Неужели же между товарищами не нашлось ни одного, который бы защитилъ его? спросите вы: не нашлось друга, который раздѣлилъ бы его непрерывную скорбь? Дѣтство такъ довѣрчиво! Да, если умѣютъ возбуждать чѣмъ-нибудь эту довѣренность. Но Агапія Агапіевичъ былъ холоденъ и безотвѣтенъ по-видимому даже къ собственной скорби, хотя Богъ знаетъ что у него творилось въ душѣ. Ктому жъ, надо сознаться, что инстинктъ разрушенія еще сильнѣе дѣйствуетъ въ дѣтяхъ чѣмъ въ людяхъ взрослыхъ, можетъ-быть потому что тѣ поступаютъ бессознательно по увлеченію, а другіе по расчету, сберегая ударъ для важныхъ случаевъ и умѣя позатантъ, хоть на-время, свои врожденные побужденія. Смольневъ терпѣлъ одинъ, терпѣлъ невыносимо, потому что чувство самопознанія пробудилось въ немъ сильно и вопіало противъ этого всеобщаго гоненія. Подобно дикому звѣрю отвсюду тѣснимому и преслѣдуемому собаками, онъ долго убѣгалъ и, наконецъ, остановился, уперся, и сталъ въ оборонительное положеніе, самъ уг-

рожая нападающимъ. Это непредвидимое сопротивление возбудило крайнее удивленіе мелаго населенія школы: жалобы посыпались отовсюду: Смольнева наказывали, рдпли въ дурацкій колпакъ, били, сѣкли: онъ все терпѣлъ, молчалъ, не плакалъ, ожесточался больше и больше. Наконецъ его выгнали изъ школы. Мать не приняла его въ домъ, довольная тѣмъ, что свѣтъ гласно оправдывалъ ея ненависть къ сыну. Вы видите, что свѣтъ заодно съ матерью уже началъ преслѣдовать бѣднаго ребенка, который такимъ образомъ очутился вдругъ безъ крова, безъ пріюта, на жертву бурямъ и людскимъ негодованіямъ, бурямъ сильнѣе и несотразимѣе нападеній стихій... Нашлись однако смѣтливые люди: они увидѣли, что Агапій Агапѣевичъ находится въ томъ положеніи и возрастѣ, изъ котораго можно извлечь пользу, и подняли его на этомъ распутіи жизни.

У Смольнева всё-еще оставалась надежда въ сердцѣ. Пока процессъ клонился въ его пользу, молодого челоука отличала одна дѣвушка, недурная собой, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ рѣчью доброю на устахъ, не совсѣмъ увядшихъ. Смольневу казалась эта рѣчь искреннею, эти взгляды неподдѣльными, и бѣдный забылся: ему такъ новы были ласки въ свѣтѣ!... онъ увлекся ими, увлекся весь, и полюбилъ дѣвушку со всею силою своей желѣзной воли; онъ, котораго нынче прозвали бы Квазимодомъ въ свѣтѣ, думалъ будто его могутъ также любить, хоть за сокрушительную любовь, готовую на всѣ возможныя пожертвованія: по какъ жестоко, какъ ужасно онъ ошибся! Когда, по-прежнему безпріютный и гонимый сирота, онъ обратился къ той, которую называлъ своимъ ангеломъ-хранителемъ, она расхохоталась надъ страстною рѣчью; она обратила въ шутку прежнее съ нимъ обращеніе, дышавшее надеждой и утѣшеніемъ; она передъ всѣмъ свѣтомъ осмѣяла его любовь. Чтò жъ, послѣ этого, будетъ завѣтнаго въ душѣ челоука, когда онъ выставлетъ на позоръ чистѣйшія чувства, когда топчетъ въ грязь все чтò досталось ему отъ неба и гордится своими матеріальными страстями, для которыхъ онъ живетъ, которыми только и дышетъ!

Смольниковъ былъ нравственно убитъ. Нѣсколько времени онъ не могъ прійти въ себя; блуждалъ по улицамъ, ватаясь какъ пьяный или сумасшедшій; по-временамъ останавливался, глядѣлъ на проѣзжихъ, прохожихъ. «И ни въ комъ изъ всего этого народу не найдется состраданія ко мнѣ?... куда мнѣ дѣваться теперь?» думалъ онъ. Онъ призывалъ смерть. Стало вечерѣть.

— Такъ нѣтъ же! воскликнулъ онъ: а буду жить.... чтобы отомстить людямъ!....

Чего не испыталъ, гдѣ ни перебивалъ, сколько ни пережилъ этотъ человекъ, привязавшійся къ жизни или, правильнѣе, привязавшій къ себѣ жизнь, которая казалось чтила его непреклонною волю, его страшную цѣль. Онъ началъ тѣмъ, что изъ перваго заработаннаго въ потѣ лица пятака, три копѣйки употребилъ на свое дневное пропитаніе, а грошъ отдалъ въ проценты, отложивъ его на приведеніе въ дѣйствіе своего предпріятія. Такимъ образомъ положилъ онъ основаніе своему капиталу, который только втеченіи многими лѣтъ неутомимыми трудами, постоянными лишеніями и всѣми возможными пожертвованіями, достигъ до такой значительной суммы. Ему, какъ видите, ничего не доставалось легко. Мы видимъ другихъ, которые въ три четыре года изъ цѣловальниковъ сдѣлались милліонерами. Но Смольниковъ бралъ кровью каждый успѣхъ. Судьба постоянно держала его въ ежовыхъ рукавицахъ.

И вотъ наконецъ онъ началъ распредѣлять части своего плана съ утонченностью истиннаго маэстро, приводить ихъ въ исполненіе съ осторожностью и съ наслажденіемъ сатанинскими; онъ озлобленъ былъ противъ людей до изступленія, но упорно сдерживалъ пылъ свой, и дѣйствовалъ по мѣрѣ средствъ мѣтко, такъ что ни одинъ направленный имъ ударъ не пропадалъ. Люди отняли у него неправдою значительное состояніе: онъ, злобно хотѣлъ отнять у людей вдвое, втрое болѣе, затворивъ свое сердце передъ ихъ нуждами, несчастіями, страданіями, какъ они затворили свое передъ его горемъ, но непримѣтно, осторожно, подъ личиною благовидною, такъ что и самые близ-

кіе къ дѣлушкѣ видѣли въ немъ только полезнаго слуха, который дремлетъ надъ копѣею и соритъ не пустяками тысячи рублей. Прочіе не знали что думать о Смольневѣ: большая часть смотрѣла на него какъ на чудана, но добрака, и это именно были тѣ, у кого онъ старался выиграть довѣренность.

Видите ли, читатель, какъ добросовѣстно и поступавъ съ вами, какъ спусходителенъ къ вашему любопытству, если у васъ есть оно къ дѣйствующимъ лицамъ моего разсказу! Другой на моемъ мѣстѣ провелъ бы вамъ Смольнева вдоль всего романа, въ его бѣдной одеждѣ, тихаго, униженнаго, даже добраго, а потомъ, когда накопится достаточное число злодѣяній, выпрямилъ бы передъ вами того же Смольнева во весь его небольшой ростъ, поднял бы гордо ему голову, п, указывая на иссохшій лобъ, сказалъ бы съ достоинствомъ — вотъ онъ, читайте на немъ весь длинный рядъ преступленій: здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отразились всѣ они: эти тощія руки направили всѣ удары, эта уродливая голова руководила ихъ... И правду сказать, это было бы очень эффектно. Но я разсказываю безъ дальнихъ затѣй, и если противъ всякаго съ моей стороны намѣренія проявляется у меня гдѣ-нибудь неожиданность приключенія или встрѣчи, это потому только что природа сама любитъ иногда эффекты и производитъ ихъ гораздо больше, чѣмъ намъ кажется; нужно только подсмотрѣть ихъ, а для этого надобно заглядывать въ такіе уголки человѣческаго сердца, куда вамъ вѣрно, не захочется смотрѣть: на то требуется время, трудъ, а гдѣ же вамъ трудиться! Вашъ покой такъ драгоцененъ! Трудиться надо намъ, простымъ поденщикамъ жизни. Берегите себя, почтеннѣйшій читатель; пожалуйста, берегите. А то, чего добраго, у насъ не останется ни одного читателя, хоть мы, въ своемъ гордомъ заблужденіи, именно думаемъ, что пишемъ для многихъ, а не для себя исключительно. Но вы торопитесь по-скорѣе кончить книгу.... Такъ скорѣе, скорѣе къ дѣлу.

Смольневъ съ самодовольнымъ видомъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ придумалъ славныя вещи, такіа славныя, что не могъ скрыть своего удовольствія;

поднявъ къ окну, на которомъ лежалъ, съѣжившись и вурьяга, котъ, тоже очень довольный собомъ, потому что ему удалось войнать и съѣсть жирную мышь, забѣжавшую къ хозяину отъ оскідей. Смольневъ схватилъ кота: зуюнъ, очень неожиданно для него, подналъ на воздухъ и прдержалъ нѣсколько времени въ височномъ положеніи: котъ визжалъ, а Смольневъ тѣшился, отъ души хохоталъ надъ своей наивной шуткой, и смѣхъ его былъ жалче шваканья кота.

Въ это время сѣверное небо совершало одно изъ тѣхъ волшебныхъ представленій, которыми оно иногда тѣшитъ праздныхъ людей. Солнце садилось за голубоватую полосу рѣвки, которая видѣлась съ чердака Смольнева. Спускаясь изъ-за тучи, оно обливало теплымъ золотомъ и край неба и край воды; сливаясь въ одно, небо и вода переливались въ радужныхъ краскахъ, дрожали, колебались, какъ чудная декорація; тучи были темны; только края ихъ горѣли, а выше надъ ними опять проталина чистаго неба, на которое выбрасывало снопами лучи солнца, уже поблекшіе, утратившіе свой яркій блескъ, потому что на нихъ можно было глядѣть не жмуря глазъ. Наконецъ свѣтлая полоса горизонта перекрасилась въ цвѣтъ алыи, потомъ въ блѣдный розовый, потомъ неопредѣленный, потускнѣла и стухла.

Русскіе мужички, смотря на такой закатъ солнца, говорятъ — *заря перегорѣла*, и общаются дурную погоду на завтра. Въ этотъ разъ предсказаніе сбылось очень скоро. Едва совсѣмъ смерклось, подулъ свѣжій вѣтерокъ, который всё крѣпчалъ и, наконецъ, превратился въ сильную непогодъ. Смольневъ не сводилъ глазъ съ темной дали. Онъ не обращалъ вниманія на закатъ солнца, который, конечно, ничего не пробуждалъ въ его душѣ, но судорожно привсталъ съ мѣста, даже высунулъ голову за окно, когда увидѣлъ вдали мелькнувшій огонѣкъ и разгадалъ, что это было на водѣ. Вскорѣ показался другой огонѣкъ и оба исчезли, промелькнувъ въ темнотѣ: какъ искорки молніи, которая по временамъ разсѣкала черное небо.

— Хорошо, думалъ старикъ, хорошо, это мѣя кораблики.

Осторожнѣй, друзья, осторожнѣй: посмотримъ, каковъ-то будетъ вашъ грузъ, каковъ успѣхъ!... Давно не показывались вы на водѣ. Это вѣдро негодное все мѣшало. Поди, много добра понакопили. Какъ бы скорѣе узнать! Ахъ, старость, старость, ты становишься нетерпѣлива, не очень сторожка.... Подержись еще маленько, еще маленько.... и я оставлю по себѣ такой слѣдъ, что долго будутъ мѣся поминать....

—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СООБРАЖЕНІЯ НАУКИ И ЛЮБВИ.

Оставимъ тревожный сонъ старика и перенесемся въ сѣренькой домикъ близъ Волкова Поля, гдѣ еще недавно было такъ легко и весело его мирнымъ обитателямъ. Не прошло еще и двухъ недѣль послѣ нашего перваго посѣщенія этого домику, а въ немъ уже все измѣнилось!... Въ нижнемъ и даже въ верхнемъ этажѣ стало какъ-то иначе чѣмъ было прежде: жили болѣе тревожной жизнью, задумывались о такихъ предметахъ, которые прежде и въ голову не приходили. Пирожковъ посѣщалъ чаще свою ученицу и не всегда въ урочное время: разсѣянность его становилась еще разительнѣй, а Ольга ничего не замѣчала. Назаръ Назаровичъ сидѣлъ уже съ четверть часа противъ нея молча, чертя пальцомъ по разсыпанному на столѣ песку. Ольга глядѣла по-видимому со вниманіемъ на его занятіе, хотя тутъ ничего не было занимательнаго, потому что Пирожковъ выводилъ узоры ни на что не похожіе, а Ольга всё глядѣла и не видѣла ихъ. Наконецъ Назаръ Назаровичъ первый прервалъ молчаніе, чего прежде съ нимъ никогда не случилось.

— Я давно хотѣлъ посоветоваться съ вами, Ольга Петровна.... Ольга Петровна!...

Дѣвушка вздохнула глубоко и обратила на него свои голубые глаза.

Говорятъ, женщины кокетки выучиваютъ свои взгляды и управляютъ ими по произволу; но смѣло можно сказать, что онѣ могутъ обмануть ими только неопытныхъ юношей или выжившихъ изъ лѣтъ стариковъ; человѣкъ, который уже жилъ сердцемъ, отвернется съ презрѣніемъ отъ такого взгляду. Легче обмануть звукомъ голоса, движеніями: вотъ почему дѣти или дѣвушки слишкомъ невинныя, истинникомъ угадывая это чувство, потупляютъ взоры, желая скрыть смущеніе своего сердца.

Глаза Ольги не знали притворства. Всегда ясныя, блестящія опредѣлительнымъ свѣтомъ, — теперь они были влажны, глубоки, дрожали, — не слезой, нѣтъ, — чувствомъ, котораго бы никто не угадалъ, котораго она сама не понимала; прежде глаза Ольги перебѣгали быстро съ одного предмета на другой: теперь какъ-то медленно, съ утомленіемъ, глядѣли долго устремившись на что-нибудь, чего даже и не замѣчали. Оставаясь всегда вѣрнымъ зеркаломъ ея души, прежде они были какъ зеркало гладкое, чистое; теперь будто чье горячее дыханіе прошло по немъ и еще не исчезло съ его поверхности. Кромѣ глазъ, Ольга осталась всё та же: развѣ нѣсколько блѣднѣе; добрая натура ея даже не сдѣлалась раздражительнѣе отъ тревожнаго состоянія души.

— Я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами, Ольга Петровна, повторилъ Пирожковъ.... касательно одного важнаго обстоятельства.

— О чемъ? спросила Ольга, не находя страннымъ, что добрый наставникъ прибѣгаетъ къ ней за совѣтомъ, но только удивляясь, что у него могутъ быть заботы внѣ круга ученыхъ соображеній, гдѣ, конечно, Бенская не могла служить совѣтами.

— Помните вы того молодаго человѣка, что недѣли двѣ тому вошелъ по ошибкѣ сюда, къ вамъ, и спрашивалъ обо мнѣ?... котораго всё мы испугались..... потому что онъ появился такъ неожиданно, такъ не во-время?

— Помню, помню! сказала Ольга, давно уже угадавшая о комъ хочетъ говорить Назаръ Назаровичъ, но желавшая скрыть свое волненіе.

— Прекрасный молодой человек!

Ольга молчала.

— Немножко экстазированный, как и всё молодые люди, как даже и самъ нашъ ученый студіозусъ, нашъ добрый Невзгодникъ, который тѣмъ не менѣ превосходнѣйшій молодой человекъ въ свѣтъ.

— Такъ вы, Назаръ Назаровичъ, спрашивали моего совѣту?... перервала Ольга.

— Да, Ольга Петровна, по одному очень важному дѣлу.

Назаръ Назаровичъ откашлялся; вмѣсто карманнаго платка, онъ въ разсѣянности взялъ лежавшую на столѣ карту Франціи и уже поднесъ-было къ носу; но Ольга ловко освободила изъ рукъ его королевство Бурбоновъ и подала платокъ. Назаръ Назаровичъ ничего не замѣчая продолжалъ.

— Этого молодого человека зовутъ Модестомъ Невскимъ.

— Знаю.

— Нельзя и не знать вамъ, продолжалъ Пирожковъ, вовсе не удивленный тѣмъ, что Ольгѣ известна фамилія этого человека, хотя ей по-видимому не отъ кого было узнать. Невскій всегда проходитъ мимо вашихъ оконъ, когда посѣщаетъ меня; онъ также васъ видѣлъ.

Ольга сидѣла какъ на иголкахъ.

— Такъ вы спрашивали совѣту?...

Она почему-то думала, что предметъ, по которому Назаръ Назаровичъ собирался спрашивать совѣта въ связи съ нею.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Ольга Петровна. Невскій подалъ мнѣ странную идею, которая сначала, признаюсь, очень меня поразила; больше: ужаснула; я и слышать объ ней не хотѣлъ; но теперь мало-по-малу начинаю привыкать. Невскій слишкомъ увлекся системою моего новаго механизма, и, сказать мимоходомъ, расточаетъ ему похвалы гораздо выше того, чего она заслуживаетъ.

Пирожковъ говорилъ стыдливо, потупивъ глаза, но, увидя уже въ этихъ словахъ, которыхъ прежде Назаръ Назаровичъ никакъ бы не смѣлъ произнести, отдавалось немнож-

ко чувства гордости. Демонъ соблавленъ уже, кажется, коснулся его души, хоть еще очень слегка.

— Надобно вамъ сказать, продолжалъ Пирожковъ, что Невскій самъ съ большими свѣдѣніями въ наукахъ точныхъ, особенно по части механики; съ умомъ чрезвычайно свѣтлымъ; онъ между прочимъ подалъ мнѣ очень дачную мысль относительно къ возможности уничтоженія тренія между колесомъ и осью; я для этого, было, употребилъ стальную спираль, которая шла

— Назаръ Назаровичъ, я мало понимаю.... особенно какъ чертежа.

А прежде Ольга такъ терпѣливо слушала о всѣхъ подробностяхъ его занятій!....

— Такъ я начерчу вамъ сейчасъ.

— Мы отклонимся отъ предмета. Мнѣ хочется узнать, что васъ такъ заботитъ?

— Да, Ольга Петровна, надо сознаться, что идея, которую заронилъ въ меня Невскій, очень заботитъ меня. Вообразите, онъ хочетъ, чтобы я далъ практическое приращеніе своей машины, внѣ моего кабинета; иначе говоря, чтобы я пустилъ къ ходъ свое изобрѣтеніе, чтобы я далъ ему извѣстность, выставилъ на показъ всѣмъ свое дорогое дѣтнще, явился самъ защищать его публично. Не то чтобы я боялся опровергнуть нападки. Невскій говорить, что зависть и мелкая интрига непременно породятъ ихъ. Но посудите, Ольга Петровна, каково мнѣ будетъ посреди всѣхъ этихъ людей! Они станутъ осматривать, разбирать и меня, такого неловкаго, страннаго, и, мое произведеніе, мое любимое произведеніе, съ которымъ вѣдь я долженъ буду разстаться, передавая его своимъ судьямъ. У меня, правда, останется моя идея: но вѣдь она будетъ столько же принадлежать мнѣ какъ и всѣмъ людямъ; тогда я не могу сказать, что ее только знаете вы, да я, только и делѣемъ ее мы вдвоемъ.... Вѣдь вы, Ольга Петровна, вполне посвящены этой идее, вы даже часто побуждали меня развить ту или другую ея сторону: а теперь кто же станетъ судить ее! Пожалуй, будутъ сивѣться надъ вашимъ дѣтнщемъ, которое столь долгими ночами вы-

сживалъ я. А кто жъ виновать, если это случится?... кто велитъ мнѣ выпустить его на поруганіе свѣту?....

Пирожковъ смотрѣлъ на Бенскую, какъ-бы ожидая приговора. Ольга молчала. Зачѣмъ онъ не спросилъ нашего совѣта? Мы бы ему отвѣчали: «Если ты думаешь дойти къ своей цѣли шагами робкими, невѣрными, съ однимъ упованіемъ на гениальность произведенія, такъ лучше и не пускайся на скользкое поприще: для этого надо имѣть душу твердую, которая бы вынесла закалку свѣта, которая бы вытерпѣла удары людскихъ интригъ, страстей; и чугунъ, въ горнилѣ и подъ молотомъ, терпитъ значительную убыль, пока не обратится въ желѣзо. Одумайся, добрый старикъ: куда кидаешься? Не увлекайся соблазномъ, который представляетъ тебѣ человѣкъ, уже закруженный въ водоворотѣ свѣта. Тебѣ такъ хорошо въ твоемъ мирномъ кабинетѣ! Любовь двухъ Бенскихъ такъ бережно охраняетъ тебя отъ житейскихъ тревогъ! Чего жъ тебѣ еще? Зачѣмъ ты такъ настойтельно допытываешься совѣту Ольги? Лукавыйъ искушаетъ тебя! Эй, не поддавайся ему, добрый старикъ!

— Какъ же вы думаете, Ольга Петровна: не надо слушать совѣтовъ Невскаго? Онъ слишкомъ пристрастенъ къ моему изобрѣтенію, слишкомъ увеличиваетъ своимъ воображеніемъ пользу, которой можно отъ него ожидать.

— Да, да, не слушайте его, онъ предастъ и васъ.....

— Кто, Ольга Петровна? спросилъ съ изумленіемъ Пирожковъ, вовсе не ожидавшій такого отвѣту.

— Невскій! прибавила Ольга вслухъ, и подумала про себя: «Я его ненавижу!»

— Отчего же?

— Я сама не знаю..... но это будетъ; непременно будетъ.....

— Но позвольте, Ольга Петровна: какъ же это сообразить?... онъ такой добрый!... если бъ вы знали, что онъ говорилъ о несчастномъ приключеніи съ вами...

— Онъ говоритъ!.... что же онъ можетъ сказать?

— Онъ говоритъ, что раскаяніе будетъ его преслѣдовать до могилы, зачѣмъ не предупредилъ онъ происшествія...

Бѣденскій! какъ-будто онъ зналъ... какъ-будто мы знали.... Да онъ, жизнью своею загладишь бы этотъ проступокъ.... видите ли?... такъ какъ ему не вѣрить?...

— Но точно ли вы убѣждены, что онъ все это говорить искренно?

— Я слышалъ своими ушами.... совершенно искренно!

— И онъ глядѣлъ вамъ прямо въ глаза, когда говорилъ?

— Какъ теперь я гляжу въ ваши.

— Ну, такъ, вѣрьте ему, слушайте его: онъ, можетъ, и не обманываетъ! Обманулась вѣрно я!.... я не такъ поняла, не такъ слышала; впрочемъ я одна.... или можетъ-быть тутъ опять это страшное вышательство, эта непостижимая судьба, которая съ недавняго времени такъ ужасно меня преслѣдуетъ? Чтò такое я сдѣлала, чѣмъ провинилась? Скажите мнѣ, добрый Назаръ Назаровичъ.

— Вамъ провиниться въ чемъ-нибудь, передъ кѣмъ? передъ матерью, передъ людьми?... Да развѣ мать видѣла когда-либо дитя кротче и милѣе?

Ольга закрыла рукой ротъ Назару Назаровичу и поцѣловала пожелтѣвшій отъ трудовъ и мыслей лобъ. Полно, мой добрый Назаръ Назаровичъ. Я вѣдь васъ знаю, вы такой льстецъ!

Пирожковъ самъ не зналъ, какъ вырвались у него эта пыкая похвала, и очень смутился. Надобно было Ольгѣ опять прибѣгнуть къ обыкновенной уловкѣ, чтобы направить его на прежній разговоръ.

— Такъ мы обратимся къ своему предмету, говорилъ онъ, оправляясь отъ замѣшательства. И я думаю, что мнѣ надобно вѣрить Невскому и сойтись съ нимъ ближе; черезъ него можно будетъ вывѣдать о тѣхъ опасностяхъ, которыми и теперь не перестаютъ вамъ грозить.... но кто и за чтò?... это для меня непостижимая вещь!

— Да! Назаръ Назаровичъ, вамъ не надобно зарывать талантъ, данный Богомъ, и скрывать долге вашу гениальную машину, которая разольетъ достатокъ на тысячи бѣдныхъ людей.

— Пуще всего мнѣ хотѣлось бы вывѣдать, кто эти лю-

ди, что съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ васъ; тогда бы можно взять противъ нихъ мѣры....

— Все это можно будетъ сдѣлать черезъ связи, черезъ многостороннія сношенія, въ которыя вы войдете... Ваше имя будетъ громко и славно не въ одной Россіи, и мы съ маменькой будемъ гордиться, когда васъ станутъ прославлять во всѣхъ газетахъ, мы себѣ будемъ говорить: вѣдь онъ все это дѣлалъ на нашихъ глазахъ, намъ чертилъ и разказалъ первымъ!.... тогда-то пережѣлалъ одно, тогда-то дополнялъ другое....

— Ну, вы, Ольга Петровна, слишкомъ много придаете важности моему изобрѣтенію. Однако, съ какой точки вы смотрю я на предметъ, вижу что Невскій для насъ человѣкъ необходимый!

— Да!... необходимый! сказала Ольга: и если онъ такой честный, такой благородный, какъ вы говорите....

— О! на этотъ счетъ могу васъ увѣрить, Ольга Петровна, что благороднѣе васъ и его никого подъ солнцемъ нѣтъ....

— А съ какой это женщиной ѣхалъ онъ въ ту несчастную минуту!.... не говорилъ ли онъ вамъ?

— Какъ же!.... говорилъ!... Онъ ѣхалъ съ какою-то княгиней... за очень важнымъ дѣломъ, не терпящимъ отлагательства... Препочтенная дама!... Онъ надѣялся еще поспѣть.... Она предложила ему съѣздить вмѣстѣ поскорѣе, и онъ не могъ отказаться.

— И это все правда? спросила Ольга съ примѣтнымъ удовольствіемъ.

— Невскій никогда не вретъ, важно отвѣчалъ Пирожковъ: касательно моей машины онъ, конечно, многое преувеличиваетъ, но всё это отъ чистаго сердца.... онъ такъ убѣжденъ....

«Такъ а его прощаю», подумала Ольга.

— Бѣдная дѣвушка! она прощаетъ молодому человѣку, котораго ненавидѣла за себя. Прощеніе женщины.... да вѣдь это уже любовь!

— И поэтому я говорю, продолжалъ Пирожковъ, что во всѣхъ отношеніяхъ онъ необходимъ намъ. Вѣдь, если правду сказать, у насъ теперь только и защитниковъ, что

Ваня; онъ одинъ сообщаетъ намъ кое-что о разныхъ козняхъ противъ васъ; а кто ихъ можетъ отстранить? Одинъ Богъ! Ваша матушка и то измучилась въ опасеніяхъ....

Такимъ образомъ эти двѣ разнородныя натуры неприятно увлекали одна другую къ одному общему предмету.

Вошла мать. Разговаривавшіе какъ-бы по условію перемѣнили предметъ бесѣды, хотъ между ними не было никакого предварительнаго на этотъ случай соглашенія: да и Боже сохрани, чтобы тотъ или другая задумали что-нибудь скрыть отъ старушки! При входѣ ея она начали говорить о постороннихъ вещахъ, можетъ-быть потому что первый предметъ разговору истощился. Вотъ и все.

Старуха Бенская подошла къ дочери и, съ нѣжностью взявши ее за подбородокъ, закинула назадъ головку и оборотила вверхъ лицо.—Смотрите, сказала она Пирожкову, съ любовью глядя въ лицо дочери: смотрите, сегодня она опять такая, или почти такая, какъ была недѣли двѣ тому назадъ, до этого несчастнаго приключенія... Лицо оживилось.... и легкій румянецъ показался.... Слава Богу! Это всё вы, Назаръ Назаровичъ, вы развеселили ее; а что она искудала въ эти дни, это ничего. Богъ дастъ, пройдетъ!

— Богъ дастъ, пройдетъ!

Назаръ Назаровичъ, въ такихъ случаяхъ, когда, погруженный въ задумчивость, не слышалъ о чемъ его спрашиваютъ, или не зналъ что отвѣчать, обыкновенно повторялъ послѣднія слова обращенной къ нему рѣчи.

Мать Ольги принадлежала къ числу добрыхъ, богобоязливыхъ женщинъ, которыхъ всѣ уважаютъ: она выросла въ простомъ воспитаніи, въ строгой нравственности и тешой религіозности, которую добрые родители оставили своимъ дѣтямъ, особенно дочерямъ, какъ единственную охрану, вѣрную путеводительницу въ жизни. Бенская лишилась мужа, когда ея дочери не было еще и шести лѣтъ. Живучи послѣднее время въ столицѣ, куда дѣла или служба призывали ея мужа передъ начинавшеюся компаніей, она увидѣла многіе недостатки въ своемъ воспитаніи. Общество, куда требовали ея несчастную связи мужа, истерзало ее своими намѣками, самыми нѣжными, сво-

имъ сожалѣніемъ, самымъ язвительнымъ; сердце ея жалось стыдомъ, и она дала себѣ слово употребить всѣ средства, чтобы доставить болѣе блестящее образованіе дочери. Она еще могла перенести свое униженіе, но еслибъ это случилось съ дочерью—о! эта мысль приводила ее въ отчаяніе. Но какъ Бенская могла руководить воспитаніе Ольги, когда сама почти никакого не получила и, можно сказать, только угадывала его? Ввѣрить ее постороннимъ рукамъ, отдать въ какое-нибудь училище или подъ надзоръ гувернантки, на это у нея не достало бы силъ, разстаться съ своею дочерью, со своимъ единственнымъ дитятей, въ которомъ она не чаяла души, или предоставить попеченію другой..... отъ одной ревности, что дочь можетъ полюбить другую какъ ее, Бенская измучилась бы. А опасеніе, страхъ, что Олинку научатъ тому, о чемъ женское сердце и слышать не должно!.... Все это убѣдило оставить дочь возлѣ себя, самой охранять ее какъ зеницу своего ока, и образовывать, по крайнему своему разумѣнію, не жалѣя ничего.

Въ такихъ обстоятельствахъ находка человѣка подобаго Назару Назаровичу была, конечно, кладомъ. Его постоянныя засѣданія надъ книгой или надъ бумагой съ перомъ въ рукѣ, его уединенная жизнь, его лѣта, даже самыя странности, все въ немъ нравилось старушкѣ, какъ необходимыя по ея понятіямъ принадлежности человѣка, который все знаетъ и всему можетъ научить Олинку. Мы видѣли, Назаръ Назаровичъ исполнялъ свою обязанность честно, и даже съ болѣею разборчивостью, чѣмъ можно было предполагать по его безусловному увлеченію къ наукѣ. Онъ не отягощалъ дѣвочки математическими свѣдѣніями, требовавшими постоянного напряженія мысли, что какъ справедливо замѣтилъ самъ Пирожковъ, убиваетъ сердце женщины, которое должно быть свободно для болѣе важнаго назначенія. Какого?... Назаръ Назаровичъ не зналъ, но угадывалъ сказанную имъ истину можетъ быть своимъ геніемъ. Со всѣмъ тѣмъ Назаръ Назаровичъ училъ ее только однимъ естественнымъ наукамъ. Ольга почти не имѣла понятія объ исторіи. Она никогда не читала романовъ, не показывалась въ обществѣ, и жила въ совершен-

вомъ невѣдѣніи того, что касалось до борьбы внутренней жизни человека съ самимъ собой или съ обществомъ, до этой страшной игры страстей, которой подвергается родъ человѣческій въ настоящей и подвергался въ прошедшей жизни. Сердце ея развилось только подъ нѣжнымъ дыханіемъ любви матери и привязанности Назара Назаровича. Еще упивалось оно гармоніей музыки, потому что мать нашла ей въ учителя какого-то старичка, такого же фанатика музыки, какъ Назаръ Назаровичъ былъ фанатикъ науки. Она всячески отстраняла дочь отъ вліянія женщины, испытывъ на себѣ весь ядъ ихъ злоязычія и зная, что собственное чувство стыда спасетъ ее отъ всего дурнаго; такихъ же мужчинъ какъ Назаръ Назаровичъ и Шульцъ, учитель музыки, и опасаться было нечего. Притомъ Бенская твердо вѣровала въ чистоту сердца своей дочери.

Праздное и неопытное, но отъ природы склонное къ дѣятельности, согрѣтое самою теплою искреннею набожностью, которую мать умѣла влить въ него, это сердце неизбежно должно было увлечься по пути добра. И такъ у Ольги только и было ощущенія что любовь къ матери и благодарность бѣдныхъ, которымъ помогала она. Нечего и говорить, что она безусловно вѣрила въ чистоту этой благодарности.

Казалось, этого бы довольно для счастья, — для мира, такъ! — но сколько ни охраняйте сердце женщины, внутренней голосъ, голосъ самой природы, которая насъ окружаетъ, шепчетъ ему, что есть другія чувства, другія ощущенія; и лишь-только какой-нибудь случай напѣкнетъ о нихъ, это сердце, чѣмъ оно неопытнѣе, тѣмъ возмутится сильнѣе, тѣмъ громче, тревожнѣе потребуетъ своей доли тревожныхъ волненій, предугадывая въ нихъ только одну свѣтлую сторону: она еще не понимаетъ что такое зло во всей обширности, въ какой оно разлито по бѣлому свѣту. Тогда уже ничѣмъ не остановите приливу страстей и желаній въ это сердце, вѣчно жаждущее ихъ.

Старушка любовалась на дочь, какъ скупецъ любитъ на свое сокровище. Она радила ее, хоть Ольги почти никто не видѣлъ; она оберегала ее отъ всякихъ занятій, кото-

рыя могли бы огрубить ея ручки или испортить цвѣтъ лица; не допускала къ хозяйству, къ мелкимъ сношеніямъ съ домочадцами, и тѣмъ больше отчуждала ея душу отъ всего матеріальнаго, отъ всякихъ сношеній со свѣтомъ. Старушка терпѣла связь Ольги съ Оборвышемъ, потому только что, какъ говорила она, сироту нельзя покинуть: его Богъ послалъ; притомъ же, въ немъ, при всей наружной грубости природы, прорывалось столько возвышенныхъ чувствъ, столько благородной признательности къ двумъ женщинамъ, что Бенская не могла не примѣтить и не оцѣнить ихъ.

=

Т Р И П Е Р И О Д А .

=

СОЧИНЕНІЕ Н. В. РУКОЛЬНИКА.

«Alle Schuld rächt sich auf Erde».

ГОЕТЕ.

=

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТУДЕНТЫ.

Въ семнадцатомъ году, въ Геттингенѣ, на ярмаркѣ, случилось такъ, что студенты открыли день рожденія Шекспира, и чрезвычайно обрадовались прекрасному предлогу затѣять пирушку, угодить Вакху, разбить нѣсколько оконъ, изумить народъ шумнымъ фантастическимъ торжествомъ, и заснуть не дома, а въ сыромъ и темномъ подвалѣ.... Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Въ загородномъ трактирѣ, на деревянномъ табуретѣ стоялъ студентъ Бойзъ и держалъ слово. Слушатели не слушали, а кричали «браво! да здравствуетъ ораторъ!» «Рѣчи послѣ

обѣда» кричали другіе. «Браво! послѣ обѣда!» «Послѣ обѣда! послѣ обѣда!» Поразительное единогласіе! Даже самъ ораторъ весело воскликнулъ «послѣ обѣда!»... спрыгнулъ съ табурета и бросился въ столовую. Послѣдніе туда вошли Горланъ и Плакса; это не были имена собственныя, а нарицательныя; такъ нарицали двухъ студентовъ товарищи; вѣроятно были на то уважительныя причины, но по наружности ни какъ нельзя было эту кличку назвать справедливою. Горланъ былъ не великъ ростомъ; бѣлъ какъ бальная перчатка; огненные глаза выражали внутреннее страданіе; черты лица, хотя играли улыбкой, но и въ этой улыбкѣ легко можно было замѣтить тайную заботу, мечтательную разсѣянность. Напротивъ, Плакса, высокій рослый юноша съ золотыми кудрями до плечъ—цвѣлъ жизнью и веселіемъ; доброе здоровье играло сильнымъ румянцемъ на бархатномъ лицѣ; голубые большіе глаза выражали спокойствіе и довольство: словомъ, Плакса былъ ни дать ни взять Аполлонъ нѣмецкаго типа.

— Горлапъ, сказалъ тихо Плакса, придерживая товарища у дверей за полу....

— Чего тебѣ надо?...

— Стиховъ....

— Всѣ вышли. Не знаю какъ я раздѣляюсь съ Шекспиромъ. Всю ночь мучился. На умъ лѣзетъ такая дрянь.... что изъ рукъ вонъ... Знаешь, Шекспиръ не свой братъ. Прозой говорить объ немъ еще туда-сюда: справлюсь, не отстану ни объ Бойэ, ни отъ Графа, ни отъ Барона.... А стихами....

Физиономія Горлана совершенно измѣнилась. Онъ сдѣлалъ такую значительную, глубокомысленную гримасу, какъ-будто самъ затѣвалъ нѣчто въ родѣ Гамлета или Макбета.

— Да мнѣ совсѣмъ не ученыхъ стиховъ надо....

— А какихъ же?

— Ты будешь смѣяться, ты расскажешь; эти пивви вопьются....

Горланъ протянулъ руку, лицо его выражало сердечную, непритворную доброту....

— Какъ тебѣ не стыдно, Плакса! Я люблю шутить,

сѣяться.... Но если меня просить... Ну, какихъ же тебѣ стиховъ надо....

— Вотъ видишь....

Но крики товарищей прервали объясненіе. Всѣ сидѣли уже за столомъ и громко звали Горлана занять мѣсто по правую руку оратора и предсѣдателя...

— Садись возлѣ меня... сказалъ Горланъ убѣгая въ столовую.

— Да, садись, на виду. Поставь себя вмѣсто мишени этому буйному племени остроязычныхъ пустомелей.... Что я? крѣпость что ли.... Нѣтъ.... Я сяду возлѣ Кремля... Онъ будетъ ѣсть, а я—думать, мечтать объ очаровательной Луизѣ....

Плакса исполнилъ свое намѣреніе весьма счастливо. Товарищи были заняты рѣчами и тостами.... Трапеза приближалась къ концу и, какъ обыкновенно, во всѣхъ финалахъ, пошло такое *stretto*, что сосѣдъ не могъ разслушать сосѣда. Всѣ говорили; шумѣли; спорили; хозяинъ не въпонадъ сталъ требовать денегъ за угощеніе; искра въ порохъ; взрывъ; хозяинъ успѣлъ спрятаться, но зато окна полетѣли въ дребезги; откуда ни взялись факелы, раздалась хоровая пѣсня и подъ ладъ ея геттингенское студентство двинулось въ городъ. Можно было подумать, что тянется похоронная процессія, потому что на дворѣ былъ день; и хотя погода была и пасмурна, но свѣтло какъ обыкновенно бываетъ лѣтомъ, днемъ, часу въ седьмомъ, не позже... Улица, по которой слѣдовало проходить шекспировой бандѣ, въ одно мгновеніе опустѣла; жители знали что студенты кого-то поминуютъ за городомъ и заблаговременно заперли ставни и двери. Но на площади, гдѣ располагалась ярмарка, не всѣ были посвящены въ таинства геттингенскихъ студентовъ: не только никто не прятался, но напротивъ, многіе спѣшили занять мѣсто по-выгоднѣе, чтобы посмотреть на процессію.

— Папѣ! папѣ! залепетала дѣвушка лѣтъ пятнадцати положивъ на прилавокъ купца новый молитвенникъ: Ахъ, пойдите, посмотрите!...

— Похороны, Луиза! Что тамъ смотреть! И бояться не чего, Августа, продолжалъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ

выводя за руку впередъ вторую дочь свою, которой было не болѣе десяти лѣтъ: Похороны! Общая участь!

— Хороши похороны! сказалъ со смѣхомъ очень молодой человѣкъ, разодѣтый какъ парижская картинка модъ.

— Я не здѣшній. Не трудно обмануться. Но позвольте спросить, что же это за исторія...

— Да это мои камрады изволятъ праздновать день рожденія Шекспира...

— Это съ какой статьи?

— Да въ нашемъ карцерѣ уже мѣсяць гостей не было. И стоило же лѣзть туда изъ за-кого? Изъ-за мясника этого.

— Мясникъ? Такъ что же онъ сдѣлалъ....

— Много глупостей, а пролилъ человѣческой крови больше Нерона.

— Вы шутите! А можетъ-быть празднуютъ его казнь.

— Рожденіе, говорятъ вамъ; онъ уже давно умеръ....
Остались сочиненія, образцы грубаго и гнуснаго вкуса, невѣжества. Камрады симпатизируютъ этому роду, потому что писать какъ этотъ мясникъ, легко; учиться не надо; въ каждомъ кабачкѣ можно найти шекспировскія мысли и выраженія.... Это на ихъ языкѣ, называется—*натура*....

— Но помилуйте, какъ же такой злодѣй, убійца—писатель....

Молодой человѣкъ презрительно улынулся и отошелъ съ поспѣшностью: не удивительно; процессія приближалась. Реформаторы литературы могли бы преобразить щеголя въ шекспировскаго героя и поклонникъ Буало показавъ, что онъ понимаетъ своего Аристотеля и во всемъ и вездѣ руководствуется умѣренностью и благоразуміемъ. Щеголь исчезъ; шумъ студентовъ заставилъ забыть объ немъ. Пѣснь лилась звучно, но тутъ только и продавцы и покупатели замѣтили въ какомъ духѣ армія; двери лавокъ съ сильнымъ стукомъ стали запираться; публика спѣшила разойтись: новый нашъ знакомецъ сдѣлалъ бы то же, да опасался чтобы въ суматохѣ не раздавили дѣтей и рѣшился укрыться отъ волнъ студент.

снихъ въ одной лавочкѣ, гдѣ миловидная хозяйка продавала разную бакалію.

— Вотъ они, вотъ они!... закричалъ Плакса на ухо Горлану, съ которымъ шелъ подъ руку и что-то разсказывалъ.... Горланъ повернулся къ лавочкѣ....

— Что ты хочешь дѣлать, Горланъ! Ты, душа моя, не совѣшь того....

— Не твое дѣло! Надо посмотрѣть на предметъ будущихъ стиховъ. Это необходимо, а то будутъ такіа речны....

— Но....

— Говорять тебѣ не твое дѣло....

И Горланъ съ Плаксою подошли къ лавочкѣ..... Горланъ, несмотря на свое сильно веселое расположеніе, былъ твердъ на ногахъ; лицо играло поддѣльнымъ румянцемъ, глава жгли неподдѣльнымъ огнемъ; что-то вдохновенное освѣщало всѣ черты лица его..... Какъ опытный стратегъ по этой части, онъ обратился къ Гертрудѣ, между-тѣмъ Плакса раскланивался съ отцомъ и дочерью.

— Что ты, моя Гертрудочка! Ты не замираешь своей лавочки. Ушища! друзей нечего бояться. Но на этотъ разъ, душа моя, кромѣ нѣжныхъ словъ никакого дохода..... Шекспиръ намъ обошелся дорого. Убили всѣ деньги. Ни у кого ни гроша. А пригодился бы....

— А на что, смѣю спросить....

— А на то, моя птичка сладкая, чтобы закупить у тебя широговъ и праниковъ....

— Да развѣ у Эрнста вы еще не наѣлись....

— До завтра проголодаемся....

— Такъ завтра и покушаете....

— Хлѣба и воды, что принесетъ университетскій тюренщикъ....

— Такъ за чѣмъ же вы затѣваете такое....

— Ну, ужъ затѣвали! Впередъ знали чѣмъ кончится, да въ запасахъ не подумали....

— Ахъ, Господи! Да возьмите въ долгъ!

— Гертруда.... я ужъ и такъ....

— Полноте, полноте! Вы не кто иной; вы заплатите....

это у насъ самый добрый вѣронъ, прибавила торговка обращаясь къ гостямъ: На ваше счастье у меня и пироги сегодня чудесные.... Только платочка вѣтъ, а съ корзиной васъ не пропустятъ....

— Возьмите мой!... неожиданно сказала Луиза и подала свой платочекъ съ прекрасной каёмкой.... Не успѣла сказать, покраснѣла и еще пуще испугалась, когда на лицѣ отца замѣтила выраженіе неудовольствія.

Хозяйка не обратила на все на это большаго вниманія, воспользовалась предложеніемъ и съ особенною поспѣшностью укладывала пироги и пряники.... Горланъ съ чувствомъ признательности и любопытства разсматривалъ Луизу; до другихъ ему не было дѣла; прислонясь къ окну лавки, онъ не спускалъ глазъ съ смущенной дѣвушки; зато Плакса вѣхвалалъ ея великодушіе и на всѣ лады старался извинить передъ отцомъ студентскую шалость....

Величіе Шекспира, говорилъ онъ, еще не понятно для Германіи... Я самъ еще ничего не читалъ, но умныя голоры, господинъ комиссаръ, утверждаютъ....

— Перестаньте! перестаньте! Я самъ былъ студентомъ, самъ праздновалъ рожденіе многихъ знаменитыхъ людей, но публично чествовать мясника, убійцу, разбойника....

— Извините, господинъ комиссаръ! Какое намъ дѣло до частной жизни писателя! И злодѣи могутъ хорошо писать....

— Никогда!

— Ну, что же ты молчишь! сказалъ Плакса тихо Горлану: ты знаешь, я не умѣю поддерживать ученыхъ разговоровъ....

— А? что? какъ-будто проснувшись спросилъ Горланъ, у котораго въ рукахъ уже висѣлъ спасительный узелъ: Пора въ карцеръ! Не должно отставать отъ товарищей. И съ этими словами бросился догонять процессію....

— Луиза? О чемъ вы задумались....

— Онъ правъ!... прошептала Луиза....

— Да, правъ! прибавилъ комиссаръ: ступайте въ карцеръ! Можетъ-быть тамъ почувствуете, какъ неприличенъ, какъ возмутителенъ вашъ поступокъ.... Ступайте, ступайте, ступайте! Я самъ былъ студентомъ... .

Плакса сдѣлалъ кпсюю гримасу, поклонился и повѣся голову, медленно побрелъ въ ту сторону, куда отправились товарищи....

Онъ догналъ ихъ, но уже въ сѣняхъ университетскаго зданія. Факелы были потушены и сложены въ углу; всѣ построились въ ряды и молча кого-то ожидали. Кто-то, кашляя, въ мантии и докторской шапочкѣ появился на лѣстницѣ и остановился. Студенты почтительно преклонились. Кто-то смотрѣлъ на нихъ долго и гнѣвно. Наконецъ буря разрѣшилась слѣдующею рѣчью, не съ кафедръ, а съ лѣстницы.

— *Progendum! Indignum! et cetera!* Сыны науки, нажды Германіи — сокрушаютъ окна мирныхъ граждан! Вы сами чувствуете всю обширность вашего проступка — и это чувство меня утѣшаетъ; эта черта доброты сердець вашихъ — смягчаетъ и мое сердце. Наказаніе, которое для васъ готовилось, обращается вамъ въ милость..... Въмѣсто семи дней строгаго ареста — ступайте въ карцеръ на одну ночь.... А завтра не заходя домой прямо на лекцію. *Di-xi!*.....

Кто-то кашляя ушелъ по той же лѣстницѣ наверхъ, а студенты, подъ предводительствомъ еще *кого-то*, тоже въ черной мантии, съ палочкой, но въ обыкновенной шляпѣ, отправились въ подвалъ зданія, куда имъ принесли воду, хлѣбъ и свѣчи.... Когда-то въ этихъ подвалахъ былъ винный погребъ, но давнымъ-давно, еще въ началѣ Тридцатилѣтней Войны, когда погребъ былъ упраздненъ, а на его мѣсто учрежденъ карцеръ, университетское начальство постановило назвать эту трущобу по имени того, кто первый заслужитъ наказаніе. Жребій выпалъ. Этотъ первый — былъ Валленштейнъ, знаменитый впослѣдствіи полководецъ. Мысль дать свое имя презрѣнному подвалу навела на него ужась; такой извѣстности ему вовсе не хотѣлось. Будущій полу-цесарь и тутъ нашелся. Когда на другой день съ подобающей церемоніей вели его въ темницю, открыли двери и жестами приглашали вступить въ новую квартиру, онъ остановился, кликнулъ: Азоръ, къ нему побѣжала огромная собака, онъ показалъ ей и бросилъ въ погребъ пирога; собака побѣжала за добычей, тогда

Валленштейнъ съ важностью переступилъ порогъ тюрьмы и съ гордостью сказалъ : Повинуюсь и вступаю вторымъ въ Собачій Подвалъ (Hundloch). Весь Геттингенъ похвалялъ выдумку и карцеръ едва-ли не донынѣ сохранилъ названіе Собачьяго Подвала. Благодаря времени года, тамъ не было сыро; предусмотрительное начальство, во ожиданіи неизмѣнныхъ гостей, приказало отворить окна; желѣзныя рѣшетки достаточно препятствовали тайному половозу провіанта, тѣмъ болѣе, что и окна были на дворъ, а дворъ былъ запертъ, ворота снабжены стражей. Подвалъ раздѣлялся на нѣсколько отдѣленій; попечительное начальство устлало битый земляной полъ толстымъ слоемъ сухой соломы; поклонники Шекспира возлегли на шекспировскомъ ложѣ, и принскивали съ какой бы сценой великаго трагика сравнить свое положеніе....

— Я никакъ не хочу думать, сказалъ Горлацъ, что мы въ темницѣ. Не правда, я Фальстафъ, сижу съ друзьями въ лондонской тавернѣ; кушаю себѣ на здоровье пирожки, а выпилъ уже довольно, впередъ, въ запасъ, такъ что у трактирщицы вина не стало..... Недостаетъ для точнаго сходства — хорошенькой собесѣдницы..... Но и этому горю можно помочь....

— А какъ?....

— Заснуть.... и ужъ навѣрно приснится....

— Гертруда....

— Нѣтъ...

— Вѣрно та хорошенькая арфистка, что поетъ на ярмаркѣ....

— Нѣтъ! Я ее не могу видѣть.... Она поетъ стихи свои за деньги.... Она торгуетъ.... Нѣтъ! Не говорите объ ней! Не хочу чтобы она мнѣ приснилась.... Мнѣ жаль ее... Если бы пришлось мнѣ кого-нибудь предать проклятiю, я пожелалъ бы ему участи этой арфистки....

— Не она, такъ ужъ вѣрно дочь булочника Вебера, тучная Голландка, съ розовыми щечками, съ голубыми глазами; лучшая булка во всей лавкѣ; рубенсовская красавица, будто сбѣжала съ картины.

— Нѣтъ!

Еще нѣсколько красавицъ были поименованы, но Гор-

ланъ все говорить «вѣтъ, не та, не угадали» и не выдержавъ допроса заснулъ богатырскимъ сномъ.... Всѣ кромѣ Плаксы заснули также. Плакса пытался разбудить Горлана, но тотъ со сна какъ-то небрежно отмахнулся, задѣлъ товарища не совсѣмъ ловко и безъ умысла положилъ конецъ безпокойнымъ попыткамъ. Раньше всѣхъ заснулъ, раньше всѣхъ проснулся Горланъ. Плакса этому весьма обрадовался и сказалъ тихо.....

— Ну, насилу я дождался тебя....

— А что?....

— Ты видѣлъ ее.....

— Видѣлъ раза три, четыре....

— Какъ раза три, четыре....

— Можетъ-быть и больше, но одинъ разъ врѣзался въ мою память такъ сильно, что я думаю этого сна я не забуду во всю мою жизнь.

— Сна? Что же тебѣ снилось.

— Вѣдь это сонъ, тебѣ сердиться не зачтѣ, но мнѣ грѣзилось, что ты хотѣлъ обнять ее, я тебѣ далъ по носу, оттолкнулъ, и увелъ съ собой....

— Сонъ! Что за бѣда!

— Слушай дальше! Увелъ, и куда же — въ церковь..... Насъ сочетали! Гляжу.... Жена не она, а она — стоитъ возлѣ.... Я взбѣсился и убилъ жену.... Вотъ чепуха! Не правда ли?

— Сонъ! Что за бѣда!....

— Гмъ! Сонъ! Знаешьли, мой другъ, Шекспиръ говорить, что на свѣтѣ есть много такого, чего въ свомъ стеклышку не разсмотрятъ философы.... Гмъ! Сонъ! А дүхи, а приидѣнія... А?... Кто поручится, что со мною не бесѣдовалъ безплотный свидѣтель будущаго; можетъ-быть предостерегалъ, если онъ изъ семьи добрыхъ.... О!... мертвецъ еще живутъ послѣ смерти.... Ты не видалъ, ты не знаешь.... А мнѣ самому, пришлось видѣть, какъ мертвецъ на дикомъ конѣ возвращался на кладбище; какъ огонь изъ ноздрей подземной лошади освѣщалъ путь, заросшій репейникомъ; и конь и всадникъ исчезли на могилѣ.... Да, я видѣлъ....

— Во снѣ!....

— Можетъ-быть и во снѣ.... Горланъ будто обидѣлся, перевернулся и замкнулъ глаза; но вдругъ будто что-то вспомнилъ, привсталъ и спросилъ тихо....

— А какъ зовутъ ее?

— Луизой.

— Странно.

— Отчего странно?

— Ты, кажется, не говорилъ ея имени.

— Нѣтъ....

— Ну, такъ во снѣ она сама сказала, пасторъ повторилъ это имя....

— Пожалуй, могло случиться, что я какъ-нибудь обмолвился, но можетъ-быть она сказала тебѣ и прозвище?

— Сказала. Луиза Леонгардъ.... Такъ ли?

Плакса въ ужасѣ вскочилъ и не зналъ вѣрить ли сву Горлана.

— Страшно, странно, ужасно страшно, непонятно.... страшно! Признаюсь, она сдѣлала на меня слишкомъ сильное впечатлѣніе, а сонъ еще больше растрожилъ меня....

— Горланъ! Ты хочешь быть моимъ соперникомъ?

— Нѣтъ, Плакса, нѣтъ.... Но стиховъ писать не буду....

— Это почему....

— Потому... какъ тебѣ сказать... право не умѣю.... Я долженъ стараться забыть Луизу, а тутъ она будетъ откликаться на каждую рѣчь, смотрѣться въ каждый образъ... Это страшно... Ты знаешь, я хочу сохранить свое сердце свободнымъ, хочу быть вѣчно веселымъ. Горе передо мною лежитъ широкой рѣкой, нигдѣ броду, нигдѣ обходу; такъ что жъ, Плакса! Я не въ тебя, я разбѣгусь, попытаюсь перескочить, перепрыгну.... или сломаю голосу. Нѣкому будетъ жалѣть.... А такая барышня— не Гертруда, не Марианна, не Гретхенъ и всѣ прочія вольныя птички, души моей улада и радость глазъ моихъ.... Фя! Мнѣ любить.... мнѣ вздыхать.... Впрочемъ....

Горланъ задумчиво улыбнулся....

— Ну, что тамъ впрочемъ?.... пискливо сказалъ Плакса.

— Скажи мнѣ, Плакса, давно ли ты знакомъ съ ними?

— Мы земляки! Опъ младшій, отецъ мой старшій комиссаръ въ Ганверѣ.... Отцы наши весьма желаютъ нашего союза.... Опъ пріѣхалъ сюда по дѣламъ сестры; послалъ за мною; прихожу, признаюсь, не охотно; мнѣ не очень хотѣлось плясать по дудкѣ.... Но я увидѣлъ Лунзу и благословилъ выборъ отца..... Кажется и я ей не противенъ....

Горланъ устремилъ на Плаксу огненные глаза. Какой-то заблудшій лучъ солнца забрелъ на университетскій дворъ, пробрался въ рѣшетку подвала и ярко разбился на лицѣ Плаксы... Горланъ опустилъ взоры. Красота товарища ручалась за справедливость его догадки....

— Что дальше? спросилъ Горланъ глухо, какъ-будто подавляя въ душѣ своей невольное и сильное движеніе.

— Что дальше? Она любитъ стихи; отецъ ея тоже.

Горланъ вздрогнулъ, а Плакса продолжалъ:

— И велѣлъ мнѣ написать стихи невѣстѣ....

— Невѣстѣ?....

— Да....

— Стало-быть у васъ все кончено....

— Разумѣется.... Только надо мнѣ кончить курсъ, получить степень.... Мѣсто и жена для меня готовы....

— Зачѣмъ же ты мнѣ не сказалъ этого прежде, Плакса дрянная. Зачѣмъ же ты позволилъ мнѣ мечтать о своей женѣ.... Зачѣмъ! О, я радъ твоему счастью.... Вѣрь мнѣ: ты будешь счастливъ; тебѣ достается ангелъ.... Какой глупый сонъ! Но не бойся, Плакса! Теперь все забыто.... Я даже напишу тебѣ стихи!

— Неужели?

— Право напишу..... Но согласись; этотъ маленькій романъ въ нѣсколькихъ часахъ—весьма забавенъ....

И Горланъ сталъ непритворно смѣяться, такъ громко что разбудилъ товарищевъ.....

— Что случилось? Что такое? спрашивали всѣ, вскакивая съ соломенной постели....

— Исторія! Любопытная кошка пришла посмотреть на печальныхъ узниковъ. Я ей долго позволилъ наслаждаться нашимъ горестнымъ ночлегомъ; въ блаженствѣ созерцанія она до того умиллась, что зажмурилась; тогда я

какъ дунуль ей въ самый носъ.... и незваная гостя отскочила чуть не на крыльцо ректора... Попалась, бѣдная... Мнѣ жаль, зачѣмъ я разочаровалъ кошку. Ей было такъ хорошо на солнышкѣ. Можетъ-быть и ей снились....

— Мыши.... прервалъ Бойэ: и она выбрала самую хорошенькую, молоденькую, рѣзвую; попграла, поиграла, хотѣла задушить, а ты и не далъ....

Горланъ обернулся къ окну, чтобы не дать замѣтить товарищамъ смущеніе, которое возбудило въ немъ сравненіе сновъ его и кошки.... Но отъ товарищей не ускользнуло это движеніе.

— Что съ тобою, Горланъ! Видно опять стихи на умѣ...

— Навертываются, отвѣчалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Плохіе стихи на голодный желудокъ! замѣтилъ кто-то.

— Пойдите, пойдите! вскричалъ Горланъ радостно: вотъ видите ли, что всё-таки я предусмотрительнѣе всѣхъ васъ, не исключая и математиковъ. Вотъ вамъ завтракъ—княжескій.

И Горланъ развернулъ узелъ. Пироговъ было не мало, но студентовъ вдвое; подѣлились по-братски, но только раздразили голодь—и въ досадѣ хотѣли сѣбѣсть платокъ, на зло Гертрудѣ, зачѣмъ поскупилась....

— Это сокровище не Гертруды.... сказалъ со вздохомъ Горланъ: вотъ мы смѣемся, шутимъ, а кто изъ насъ счастливъ?... А вотъ! онъ—всю жизнь плачетъ и выплакалъ себѣ небо на землѣ... На, счастливецъ!... Этотъ платокъ—твой...

— Плаксы! загремѣлъ хоръ студентовъ:—И за нимъ волятся подвиги! Заплачь, прохныкай намъ твою слезливую повѣсть!....

— Господа!....

— Безъ отговорокъ! Посади́мъ его по-выше!.... Пове́жемъ его этимъ таинственнымъ платкомъ!... Ай-да, Плакса!....

И гурьба поднялась уже съ мѣстъ; но двери темницы отворились, ректоръ ожидалъ сыновъ науки на лѣстницѣ и въ почтительной тишинѣ, мимо его, надежды Германіи

разошлись въ залы, гдѣ профессора уже ожидали своихъ годовыхъ слушателей. Вотъ начало моей правды. Продолженіе въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЮСТИЦЪ-ЧИНОВНИКЪ.

Но это продолженіе случилось нѣсколько лѣтъ позже начала. Недалеко отъ небольшого городка Нидекъ, лежащаго на рѣкѣ... Рерѣ, въ деревнѣ Геллигаузенъ, поселяне ожидали прибытія своего чиновника юстиціи, окончившаго курсъ юридическихъ наукъ въ Геттингенѣ....

Деревня была довольно многолюдна. Въ ней проживали не только поселяне, но и нѣкоторые окружные чиновники; между послѣдними надворный совѣтникъ Троппе, съ женою. Троппе игралъ первую роль въ Геллигаузенѣ или, лучше сказать, вторую послѣ своей жены, которая хотя уже и зрѣлыхъ лѣтъ, но имѣла большое притязаніе на прошедшую красоту и на издержанную любезность. Каждый вечеръ собиралось къ ней все, что только могло собраться въ деревнѣ и открывалась великолѣпная игра въ карты. За недостаткомъ игроковъ мужъ участвовалъ въ партіи и разсчитывался съ женою, само-собою разумѣется, только для виду, но тѣмъ не менѣе со всею точностію; иногда они даже ссорились, разумѣется, притворно; важнѣйшихъ сценическихъ обмановъ не приключалось; въ самомъ опасномъ мѣстѣ жена обыкновенно подавала съ достоюлжною граціей руку и съ великодушной, трагической полуулыбкой говорила:

— Людвигъ! Я тебя прощаю....

Людвигъ почтительно цѣловалъ ручку, получалъ нѣсколько ласкательныхъ пощечинъ, иногда любезный щипокъ и спокойствіе восстанавливалось. Надо говорить правду: хотя надворной совѣтницѣ Троппе было уже тридцать три года, но она умѣла скрыть лѣта или сохранять свѣжесть лица, такъ что самъ пасторъ думалъ, что ей не больше 25 лѣтъ. Лицо это, если хотите, было правильно, гдѣ слѣдуетъ бѣло, гдѣ нужно — румяно; глаза несли

блеску, однимъ словомъ, она была бы весьма не дурна собою, если бы не была дурна своею любезностью, романтическимъ характеромъ, желаніемъ побѣдъ, въ такіе годы, когда лучше отдыхать на лаврахъ нежели подражать Наполеону и другимъ честолюбцамъ. А какъ въ деревнѣ всего было только двое мужчинъ, вальдмейстеръ Бруно и сельскій судья Куно, оба холостые, оба за сорокъ лѣтъ, изъ того извольте заключить, что обовмъ приходилось составлять любовный штатъ госпожи Троппе. Какъ ни Бруно, ни Куно не могли сдѣлать на опытную женщину никакого реального впечатлѣнія, то вы, вѣроятно, вмѣстѣ со мной, пожалѣете почтенныхъ геллигаузенскихъ сановниковъ: они служили весьма несчастливо; не получали никакихъ наградъ, никакихъ выгодъ; служили изъ чести. Тутъ было и еще одно неудобство. Весь Геллигаузенъ былъ побѣжденъ, и потому удивляться побѣдительницѣ было некому; но триумфъ безъ гласности не триумфъ, и надворная совѣтница Троппе каждую недѣлю разъ посылала въ Нидекъ нанимать коляску и привозила въ этой торжественной колесницѣ въ городъ на показъ то одного, то другаго плѣнника; два раза въ годъ она дѣлала большой выходъ, когда въ Нидекѣ стояли ярмарки. Тогда Семирамида ѣхала въ коляскѣ съ Нпномъ, а Бруно и Куно верхомъ сопутствовали царцѣ и оставались въ городѣ во все продолженіе ярмарокъ. Удивительно до чего доводитъ любовь! Бруно и Куно не измѣняли, служили еще съ большимъ усердіемъ, тогда какъ царица на ихъ глазахъ уловляла въ свои сѣти юную дичь, то есть офицериковъ и студентовъ, непремѣнныхъ гостей каждой ярмарки.

Это случилось недѣлю двѣ послѣ весенней ярмарки въ Нидекѣ. Поселяне, какъ мы сказали, всѣ, безъ исключенія, сидѣли подъ липами на улицѣ и пили кофе, прикушивали хлѣбъ съ масломъ и поглядывали на дорогу, откуда долженъ былъ пріѣхать юстицъ-чиновникъ. Покойный его предмѣстникъ, несмотря на то, что былъ Нѣмецъ, не нравился кліентамъ; находилъ нужными всегда, по самымъ ничтожнымъ дѣламъ, какіе-то чрезвычайные расходы; самъ расходовалъ весьма много словъ и вина; вино умножало слова, а слова сушили горло; отъ этого

дѣла округа и юстиць-чиновника пришли въ такой упадокъ, что онъ пересталъ и пить и говорить; умеръ. Прїѣздъ намѣстника озабочивалъ не только Геллигаузенъ, во весь округъ, состоявшій изъ двѣнадцати деревень, подвѣдомственныхъ геллигаузенскому суду. Но все это беспокоило только плебеевъ; аристократы — играли въ карты. Условная супружеская ссора уже началась, какъ вдругъ на улицѣ произошло сильное волненіе; послышался стукъ чашекъ; поселяне ставили на мѣсто чашки, собирались встрѣтить какъ-можно учтивѣе юстиць-чиновника.

Насиная брика, пара лошадей, сбура, кучеръ, все это какъ-то гремѣло, стучало, звенѣло, какъ театральнѣйшій громъ; въ глубинѣ брики сидѣлъ таинственный гость, потому что кромѣ ногъ ничего нельзя было видѣть....

— Гей, любезный! спросилъ кучеръ остановясь на въѣздѣ въ деревню: гдѣ отведена квартара господину доктору юстиць-чиновнику здѣшняго округа....

— Будьте милостивы, пожалуйста, мы проводимъ, прямо, на Большой Улицѣ; прямо противъ господина надворнаго совѣтника.... Вотъ подъѣздъ.... Всѣ готово; мы уже съ недѣлю какъ все приготовили.... Стой! стой! Поздравляемъ съ прїѣздомъ! Просимъ насъ любить и жаловать....

Но къ общему удивленію юстиць-чиновникъ вышелъ, остановился на крыльцѣ, и съ глубокомысленной улыбкой проговорилъ довольно громко.

Рекъ — и смущенный старикъ покорился строгой угрозѣ.

Молча пошелъ онъ на берегъ громко шумящаго моря.

Но одинокій, блуждая, старецъ громко молиться

Сталъ Аполлону, сыну, вѣжно кудрявыя Леты....

Юстиць-чиновникъ засмѣялся и громко сказалъ:

И это Греки называли стихами!... Потомъ слѣлалъ мину удивленія, пожалъ плечами и ушелъ въ свой домъ....

— Это чтѣ такое? спрашивали другъ у друга поселяне.

— На мѣсто пьяницы — съумасшедшій! Бруно правъ; онъ всегда намъ читалъ какую-то басню о лягушкахъ! Вотъ тебѣ и басня.

Въ совершенномъ увѣніи смотрѣли они на кучера, ко-

торый изъ брики таскалъ вещи или, правильнѣе сказать, книги юстицъ-чиновника, потому что кромѣ узелка и небольшой шкатулки, вся брика была набита книгами.... Уныніе уничтожило даже любопытство; не разспрашивали кучера какъ водится; не заглядывали въ окна, какъ бываетъ; не лѣзли въ комнаты съ услугами, какъ случается. Нѣтъ, повѣся головы, печально размышляли о судьбѣ своей. И не замѣтили, какъ кучеръ сѣлъ опять на свое мѣсто и когда хлопнулъ бичомъ, тогда только очнулись и поспѣшили въ гостиницу, гдѣ по справедливому разсчету возница долженъ непременно употребить часть своего тринкельда. На этотъ разъ поселане не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: кучеръ уже сидѣлъ за кружкой пива съ довольнымъ лицомъ и считалъ деньги.

— Вотъ иногда какъ странно бываетъ.... Есть табакъ! Мой вышелъ; мы на трехъ миляхъ останавливались десять разъ.... Отъ нечего дѣлать, я курилъ и выкурилъ весь запасъ.

— Да отъ чего же вы останавливались?....

— Гмъ! То одну, то другую книгу надо было вынуть. А куда разроешь такую громаду и опять ее уложишь, надо не мало времени. Правда, противъ правилъ; но я не могъ спорить. «Любезный Фрицъ, прошу тебя, удержи лошадей; сдѣлай милость, Фрицъ, будь такъ добръ—остановись на минуту....» О, такія слова подѣйствуютъ на самыхъ лѣнливыхъ лошадей, а у меня развѣ нѣтъ сердца.... О, я не такой еще злодѣй, чтобы не сочувствовать такому доброму человѣку; и слава Богу, я не ошибся.... Онъ вынулъ свой кошелекъ; тамъ не было ни гроша. Юстицъ-чиновникъ покраснѣлъ: «Любезный Фрицъ, сказалъ онъ: мнѣ совѣстно, но я плохо разсчиталъ... Ахъ, постой, постой!—И онъ опять покраснѣлъ, но отъ радости: Вспомнилъ, вспомнилъ!» Пошарилъ въ карманахъ, нашелъ талеръ и отдалъ....

— Ахъ ты безсовѣстный! А можетъ-быть это послѣдній талеръ.

— Это не мое дѣло. Я не смѣлъ обидѣть отказомъ тако-го великодушнаго человѣка. Я не злодѣй, я умѣю сочув-

стеовать такой доброй душѣ.... И пью за здоровье вашего юстиць-чиновника.

Щедрость также не понравилась поселянамъ; и скупой и расточительный питають свою страсть на счетъ другихъ. И всѣ разошлись въ совершенной печали, разошлись по домамъ, потому что уныніе дѣлало всѣхъ несообщительными; даже кофе, хлѣбъ и масло были забыты; стулья и посуда почевали на улицѣ. Стемнѣло, а нигдѣ не вспыхнулъ огонь; всѣ думали глубокую думу—въ потьмахъ.—Нигдѣ?—Простите, у госпожи Троппе противъ обыкновенія зажглась иллюминація. вмѣсто двухъ свѣчей, освѣщавшихъ ея прелести, какъ въ будни такъ и въ праздники, на игорномъ столѣ запылали четыре и на окнѣ, освѣщавшемъ крыльцо — поставленъ огарокъ въ бутылкѣ. Но увы! хотя окна пріѣзжаго гостя были прямо противъ оконъ Троппе, хотя нечаянно она и накинула на себя красную шаль, хотя поглядывала то въ окно, то въ двери.... напрасно. Новая жертва не явилась. Юстиць-чиновникъ какъ пріѣхалъ, усѣлся на кожаной софѣ, и сталъ читать книгу; стало смеркаться, глаза колотъ, свѣчки не было; юстиць-чиновникъ прилегъ и проснулся уже на другой день отъ шуму на улицѣ.

Геллигаузенъ хотя и назывался деревней, но въ сущствѣ былъ порядочный городокъ, благодаря окружающему суду и близости ганноверской границы. Педалеко отъ этой границы стояла небольшая, но красивая усадьба, также надворнаго совѣтника, по фамиліи Листе, у котораго также была надворная совѣтница, знаменитая въ лѣтописяхъ германской литературы. Гемингенъ и Захарія воспѣли ее подъ именами Люцинды и Элизы; но мы хотя и не знаемъ настоящаго ея имени, будемъ называть Агатой, по нѣкоторымъ причинамъ, изложеннымъ ниже. Усадьба отстояла отъ Геллигаузена въ десяти шагахъ, черезъ мостъ только; несмотря на то, жители усадьбы почти вовсе не бывали въ деревнѣ и не состояли въ командѣ госпожи Троппе: она ихъ исключила изъ списковъ, и даже, какъ утверждали завистники въ Нидекѣ, дѣлала сосѣдямъ за рѣчкой разныя непріятности. Избѣгая встрѣчи съ Семирамидой, сосѣди даже гулять не ходили черезъ завѣтный мостъ

такъ что въ Геллигаузенѣ ихъ больше года никто и не видѣлъ. Все это необходимо для ясности дальнѣйшаго разсказа. И такъ на улицѣ былъ шумъ. Юстиць-чиновникъ посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что причиною шума была торговка, которая завела ссору. Передъ окнами юстиць-чиновника находилась сельская ярмарка; господинъ Троппе перевелъ сельскій торгъ на это мѣсто длатого, чтобы жена его, не одѣваясь, изъ окна могла покупать чтò ей нужно. И точно, въ окнѣ сидѣла Семирамида и торговала цыплятъ, но, къ удивленію торговки, такъ долго, такъ прижимисто, что та потеряла терпѣніе, стала кричать, браниться; а когда поселяне вздумали унять торговку, она пришла въ бѣшенство и своими криками разбудила юстиць-чиновника.

Онъ вспомнилъ о своей должности и выбѣжалъ на улицу.

— Чтò за крикъ? спросилъ онъ голосомъ звучнымъ и весьма пріятнымъ. Чего ты кричишь, старушка?

— А тебѣ какое дѣло? Ты больно молодъ, а Жидовкой меня никто не смѣй называть. Не хочешь моего товару. Богъ съ тобой; а какая я Жидовка; цыплята четырехъ мѣсячныя; никто не продаетъ дешевле моего. Корми больше стоимъ, чѣмъ лаетъ эта госпожа; да по-мнѣ всё-равно: давай чтò хочешь, только не называй Жидовкой....

— Чего ты хочешь, старушка? Ну, пошумѣла, пора уняться....

— Я хочу, чтобы эта госпожа на весь торгъ сказала, что я не Жидовка....

— Милостивая госпожа! сказалъ юстиць-чиновникъ улыбаясь и подходя къ окну госпожи Троппе. Вы слышите, чего требуетъ старушка. Вы ее обидѣли.

— Вы находите! сказала Семирамида и запылала натуральнымъ румянцемъ, отъ чего лицо ея освѣтилось двойнымъ какимъ-то свѣтомъ....

— Вамъ ничего не стòитъ сказать старухѣ, что она не Жидовка и весь этотъ шумъ — прекратится....

— Вы требуете?...

— Какъ я смѣю....

— Вы желаете....

— Если бы вы позволили....

— Для васъ, для васъ только.... Послушайте, мои милые, я пошутила: я хотѣла подразнить старушку; она не умѣла понять шутки.... Если она обидѣлась, очень жалью....

— Богъ проститъ! сказала торговка махнувъ рукой и ушла съ своими цыплятами по-дальше отъ дома Троппе.

— Давно ли вы прѣехали? спросила Троппе, поправляя искусно свой утренній туалетъ.

— Вчера.

— Вчера? И мы объ этомъ ничего не знали! Мы не предложили вамъ нашихъ услугъ какъ добрые сосѣди! Вы женаты, можетъ-быть дѣти....

— Нѣтъ. Я не женатъ и никогда женатъ не буду....

— Въ самомъ дѣлѣ? Не зарекайтесь! Побьемся объ закладъ, что не пройдетъ и года вы будете женаты....

— Смысло быюсь объ закладъ и о чемъ угодно....

— Боже мой! Вы вѣрно еще не завтракали....

— Я еще не успѣлъ устроить хозяйства....

— Да это и не ваше дѣло.... Не хотите ли позавтракать съ нами. Людвигъ скоро будетъ готовъ, а завтракъ на столѣ, пожалуйста, безъ церемоній....

Желудокъ и нравъ истицъ-чиновника совѣтовали принять предложеніе. Онъ даже не умѣлъ скрыть своего удовольствія и въ одно мгновеніе очутился въ гостиной....

— Вотъ это по-сосѣдски. Я уже послала за Людвигомъ. А куда поскучайте въ моемъ обществѣ....

— И вы это говорите! Миѣ скучать....

— Да вѣдь вы ненавидите женщинъ....

— Кто вамъ сказалъ?....

— Да не вы ли сами проговорились, что никогда не женитесь....

— Именно потому, что ужасно люблю женщинъ.... Боюсь моей невѣрности. Я погублю жену, она пзмучитъ меня; будто ужъ не женясь нельзя любить женщинъ....

— Хорошо вы себя рекомендуете, нечего сказать. Женщины должны отъ васъ бѣгать, какъ отъ чумы....

— Это почему?

— Потому что вы можете полюбить каждую.....

— Хорошенькую.

— Молодость доверчива....

— О, я не разборчивъ — и умѣю удивляться красотѣ во всякомъ возрастѣ. Особенно если красота такъ блистательна, такъ очаровательна.

Плутъ смотрѣлъ на совѣтницу такими нѣжными глазами, что та, при всемъ совершенствѣ кокетства, смутилась и подумала невольно: этотъ скорѣе захочетъ быть побѣдителемъ чѣмъ плѣнникомъ..... Но это смущеніе было мгновенно.

— Удивляюсь, сказала она холодно: какъ вы съ такими расположеніями рѣшились жить въ деревнѣ....

— Напротивъ! Можетъ-быть къ моему несчастію, но я благодарю судьбу за это мѣсто..... даже за квартиру....

— Это правда. Ваша квартира на самомъ веселомъ мѣстѣ.....

— Боюсь, чтобы она не сдѣлалась душной темницей....

— Это почему?

— Блаженство и горе граничатъ.....

— Въ ваши годы думать о горѣ! Смѣшно слушать! Для васъ только расцвѣтаетъ весна жизни; вы прибѣжали рано на душистую долину наслажденій; прохладный ручей дѣйствительности освѣжаетъ васъ не пустыми надеждами и, *au comble du bonheur*, вы—свободны.....

Госпожа Троппе при послѣднемъ словѣ изволила вздохнуть и потомъ продолжать задумчиво, такъ сказать, мечтательно.

— Ваша жизнь не обречена на тягостное притворство, на мучительное принужденіе; цвѣтовъ вашей жизни не снимаютъ серпомъ грубые жнецы; вы не старѣетесь раньше времени; въ двадцать два три года вы не носите маски тридцатипяти-лѣтняго возраста, которую надѣваютъ на васъ ежедневныя скорби, душевная тоска, одиночество въ союзѣ.... О!...

Госпожа Троппе изволила повернуть голову къ окну и будто украдкой отереть небывалую слезу..... Юстиць-чиновникъ былъ тронутъ и обрадованъ. Мы уже доложили, что госпожа Троппе была очень не дурна собой, а юстиць-чиновникъ былъ весьма снисходителенъ и, какъ самъ изъ-

жнился, не разборчивъ; притомъ же въ деревнѣ, гдѣ никакое сравненіе не могло уменшать красоты Семирамиды.... Все это ласкало господина юстиць-чиновника пріятными надеждами, а положеніе ея, о которомъ она такъ искусно намекнула, ручалось въ томъ, что умный утѣшитель не останется безъ награды.

— Простите! Я заслушался! Поэтическій языкъ дѣйствуетъ на меня какъ-то отрицательно. Я не ощущаю восторга, но леденѣю.... Ваша рѣчь....

— Тихе, тихе.... Идетъ.... Вотъ и мой мужъ. Рекомендую тебѣ нашего юстиць-чиновника; онъ пришелъ тебѣ представиться, но я не виновата что ты такъ долго одѣваешься. Меня никто не предупредилъ и я въ дезабилье застала ихъ здѣсь....

— Очень радъ съ вами познакомиться. Позвольте узнать.

— Готлибъ-Августъ Бюргеръ....

— Очень радъ! Людвигъ-Леопольдъ Троппе... Матильда-Иоганна Троппе....

— Бюргеръ! воскликнула Матильда: какая славная фамилія..... Вся Германія теперь только и говоритъ о Бюргерѣ, что написалъ какую-то Ленору.....

— Глупая сказка, Матильда, тамъ мертвецы скачутъ гофъ-гофъ-гофъ въ галонъ, тамъ шумитъ гроза, заза, колокола клингъ, клингъ, глингъ, чепуха! Это хорошо для простаго народу; поселане почти всѣ читаютъ наизусть Ленору; это деревенская поэзія.....

Юстиць-чиновникъ краснѣлъ и блѣднѣлъ въ перемежку. Матильда замѣтила волненіе гостя и перебила длинную критическую рѣчь.....

— Людвигъ! объ литературѣ ты бы не разсуждалъ лучше. Можетъ-быть поэтъ близкій человѣкъ господину Бюргеру, можетъ-быть.....

— Не всё ли равно..... Я скажу въ глаза....

— Ахъ, перестань, пожалуйста! Я не могу слушать; я лучше уйду.....

— Матильда.....

— Нѣтъ, уйду! Я горю отъ стыда.....

— Право, не буду, Матильда. Я, пожалуй, стану хвалить.....

— И это не твое дѣло! Ты, не понимаешь ничего въ литературѣ; ты не долженъ мѣшаться въ ученые разговоры..... Ты.....

— Клянусь, не буду, только и ты перестань....

— Я не перестану, а уйду. ...

— Матильда! Прости!....

— Тѣ-то! Ты всегда слишкомъ много надѣешься на мою доброту и дѣлаешь глупости. Такъ и быть, прощаю, но въ послѣдній разъ.... Для васъ, господствъ юстицъ-чиновникъ, только для васъ я простила этого неучтивца.... На его сужденіе не обращайтесь вниманіе; скажите лучше, гдѣ живетъ теперь этотъ знаменитый Бюргеръ?

— Въ Геллигаузенѣ!

— Въ Геллигаузенѣ! воскликнула чета. И мужъ, который сталъ уже завтракать,—поперхнулся и раскашлялся такъ сильно, что разговоръ долженъ былъ прекратиться. Матильда лечила мужа домашними средствами: колотила въ спину; Бюргеръ подалъ ему воды; кое-какъ бѣда миновалась и наступила сцена восторговъ и удивленія.

— Какая честь, какая слава нашему Геллигаузену! едва смѣю вѣрить.... Вы?... Вы?... О простите! простите! Мы васъ приняли какъ варвары....

— Напротивъ, какъ добрые друзья! Я постараюсь опровергнуть мнѣніе господина надворнаго совѣтника....

— Я не имѣю ни какого мнѣнія, господинъ юстицъ-чиновникъ, право не имѣю; не буду, не хочу имѣть.... Это проклятый Куно сказалъ мнѣ; это самый завистливый человекъ въ свѣтѣ; я не читалъ, не слыхалъ Леноры.... Все это онъ сочинилъ, злобный демонъ.... Вотъ кстати и онъ, и Бруно.... Бруно—будь свидѣтелемъ....

— Какъ тебѣ не стыдно, Людвигъ! Чтѣ за очная ставка.... Великій поэтъ Бюргеръ! Прошу васъ познакомиться съ товарищами по земнымъ обязанностямъ; это—здѣшняго округа судья, а это вальдмейстеръ.... Посмотрите, какъ они удивлялись, съ какою почтительностью глядятъ на васъ и кланяются. Полюбите ихъ, Бюргеръ, они добрые

люди.... очень добрые ... Но слова не накормать.... Пожалуйте!

Матильда усадила гостей за весьма скромный завтрак, назначенный для полуторы персоны. Матильда сама обыкновенно кушала много, но зато подъ предлогомъ различныхъ діететическихъ опасностей кормила мужа, какъ птичку. Въ этомъ заключалась одна изъ тысячи причинъ, почему господинъ Троппе любилъ ходить на охоту; послѣ завтрака онъ обыкновенно подходилъ къ окну и не смѣло заводилъ рѣчь о погодѣ.

— Кажется, какъ ты думаешь, Матильда: сегодня погода хорошая, можно бы посмотрѣть нѣтъ ли въ полѣ гостей....

Всегда Матильда отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно.

— Тебѣ такъ кажется, а воздухъ холодень; теперь ясно, а черезъ два три часа будетъ дождь, вѣтеръ. Видишь, какъ душно въ воздухѣ.... и такъ далѣе. Но на этотъ разъ Матильда совершенно соглашалась съ мужемъ; только прибавля....

— Какъ хочешь, Людвигъ, но одного не отпущу....

— Мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ....

— Я, шепталъ Куно.... вмѣю дѣла....

— Вздоръ, вздоръ: перебила Матильда: у васъ всегда дѣла нехстати; хвалитесь дружбою, а не хотите сдѣлать компанію, вотъ Бруно не таковъ: онъ ужъ не оставитъ Людвига.

— Я....

— Да, вы! Надо отдать справедливость....

— А, вы, господинъ Бюргеръ... спросилъ Троппе....

Матильда значительно взглянула на юстиць-чиновника. Тотъ, догадался или вовсе не любилъ охоты, отвѣчалъ:

— Мнѣ совѣстно отказать господину надворному советнику, но позвольте напомнить, что у меня еще нѣтъ ни кухарки, ни кухни, ни прислуги, ничего кромѣ книгъ; мнѣ надо поустроиться и отдохнуть съ дороги.

— Холостой человекъ.... сказала Матильда: къ чему вамъ заводить хозяйство. Васъ будутъ обманывать, и одному скучно; вы можете кушать съ нами; ужъ это мое

дѣло.... а что касается до вашихъ кнпгъ, отдыха, ступайте, ступайте; не перемоньтесь съ нами. Я пошлю вамъ мою Гретхенъ; она поможетъ.... Прощайте! Признаюсь, и мнѣ что-то нездоровится, я тоже прилягу, отдохну, прощайте.....

Бюргеръ почти насильно былъ изгнанъ; Матильда ушла; Людвигъ былъ чѣмъ-то недоволенъ до такой степени, что не хотѣлъ смотрѣть на товарищей; Бруно съ улыбкой состраданія смотрѣлъ на Куно, Куно съ такимъ же выраженіемъ созерцалъ Бруно.... Молчаніе прервалъ Троппе.....

— Нечего дѣлать, пойдемъ на охоту, сказалъ онъ и пошелъ вооружаться....

— Кажется и Матильда собралась на охоту, господинъ Бруно.....

— А вамъ завидно? Вы бы съ удовольствіемъ послали на свое мѣсто этого ребенка, а сами заняли его должность....

— Которую онъ у васъ такъ безжалостно похищаетъ. Если Матильда вчера въ картахъ и приняла вашу сторону, то кажется, больше для того, чтобы скрыть.....

— Тайное расположеніе къ вамъ. О, никто въ этомъ не сомнѣвается, кромѣ одной Матильды.....

— Вы можете шутить, но не оскорблять.....

— Вольно же оскорбляться; я отъ вашихъ насмѣшекъ всегда отмахиваюсь какъ отъ безвредныхъ мухъ.

— А я вашихъ и не замѣчаю.

— И потому оскорбляетесь?

— Кто вамъ сказалъ! Стану я оскорбляться всякою глупостью.....

— Послушайте, вы говорите дерзости.

— Отмахивайтесь.....

— Извольте, но берегитесь.....

— Господа! сказалъ Людвигъ: я готовъ! Пойдемъ, побѣжимъ: она спитъ, а проснется, погода можетъ перемениться.....

— Но послушайте!

— Ничего не слушаю. Скорѣе изъ дому, въ поле, скроемъ слѣдъ, нето еще пришлютъ погоню.....

— О, не извольте беспокоиться.....

- Почему вы такъ думаете.....
- Такъ-себѣ, по предчувствію.....
- А если не по предчувствію, а по какой-либо другой причинѣ.....
- Поишлите.....
- То-то же! Прошу быть осторожнѣе.....
- Не бойтесь! Я возьму съ собою очки, чтобы не дать промаху.....

На улицѣ охотники встрѣтили Гретхенъ, старую и невзрачную дѣву; съ узелкомъ она побѣжала въ домъ юстицъ-чиновника. Никто не осмѣлился сдѣлать ей вопроса пли замѣчанія.... Охотники безъ охоты удалились на любимый промыселъ.....

Когда Гретхенъ вошла въ гостиную юстицъ-чиновника, онъ лежалъ на софѣ не совсѣмъ живописно и громко пѣлъ какую-то пѣсню..... Содержаніе пѣсни было такое странное, что Гретхенъ, остановившись на порогѣ, не знала вѣсти ли дальше, слушать ли пѣсню, пли воротиться къ госпожѣ съ докладомъ. Но Гретхенъ не успѣла рѣшиться. Бюргеръ ее замѣтилъ и спросилъ:

- Тебѣ что надо? Ты не изъ Макбета ли, а?
- Нѣтъ-съ, я отъ госпожи Троппе.....

Бюргеръ вскочилъ.

— Отъ госпожи Троппе. Что прикажетъ Матильда! Я будто околдованъ ея любезностью.... Говори, говори, моя милая.

— Говорить пока нечего. Завтракъ былъ очень бѣденъ, такъ я принесла пироговъ и бутылку вина.

— Вина! О! Матильда ангелъ предусмотрительности; еси всевидящая! Гдѣ же это вино? И вѣроятно превосходное, какъ все, что только идетъ отъ ея прекрасныхъ рукъ.....

— Перестаньте говорить такъ! Можно подумать, да нельзя повѣрить, будто вы уже влюбились въ мою госпожу.....

— Нельзя повѣрить? Согласись, моя милая, я молодъ, она еще молода..... Сколько ей лѣтъ?

— А какъ вы думаете?

— Лѣтъ двадцать пять, ужъ ни какъ не больше.... За здоровье Матильды.. .

— Ну, видно вы опытни! Какъ разъ въ пору....

— Но она должна быть ужасно строга къ чужимъ....

— Охъ! Не повѣрите, какая бѣда служить у красавицы. Безпрестанно подлипали заѣзжаютъ съ подарочками; не взять—жалко, взять—опасно.... Да и за что брать? Слова себѣ сказать не позволитъ.....

— Да здравствуетъ добродѣтель Матильды! Ахъ, милая, хотя и совѣстно, а я тебѣ не дамъ никакого подарочка....

— Да и за что?

— Тò-то и есть, что незачто!

— А если бъ было за что?....

— О, тогда дѣло другое.... Но что ты можешь мнѣ сказать утѣшительнаго....

— Ну, а если бы я вамъ сказала, что я уже двадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ....

— Поздравляю! Всѣ-таки это не стоить подарочка....

— Эхъ, вы молодость! двадцать лѣтъ при госпожѣ, я знаю что она думаетъ; знаю кого дурачить, знаю кого любить....

— Любить! Кого она любитъ!

— Вотъ тò-то и есть. Было бы за что взять подарочекъ; какъ пришла на верхъ, какъ поглядѣла въ окно, какъ подошла къ зеркалу, я все стою, смотрю и слушаю....

— Что же она говорила?

— Ничего. Да я то слушала, что она думаетъ. Двадцать лѣтъ при ней; какъ изъ пенсіона привезли, все при ней....

— Гм! пробормоталъ Бюргеръ и вынулъ послѣдній стаканъ всѣ-таки за здоровье двадцати-пяти-лѣтней красавицы....

— Что же она думала?

— Экой недогадливый! про васъ думала!

— О, злобная колдунья! Не клевети! Я не хочу вѣрить моему счастью; я съ ума сойду! Уходи ты, коварный сонъ! Вонъ изъ моего дому, вѣдьма!...

Гретхенъ дотога испугалась, что выскочила на улицу. Бюргеръ нà-крѣпко заперъ двери и бросился на софу помирая со смѣху....

— Видно Бойнэ зналъ про Матильду!.. такъ самъ съ собою разсуждалъ Бюргеръ: что выпросилъ для меня мѣстечко въ Геллигаузенѣ. Во всякой другой деревнѣ я умеръ бы со скуки. А тутъ — я Кесарь! Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Понимаю, предусмотрительный другъ! Я оправдаю твое высокое мнѣніе объ эротическихъ моихъ талантахъ! Теперь бы заснуть, да нельзя; интрига которая такъ быстро началась или такъ же быстро достигнетъ благополучной развязки или разрушится какъ падачая звѣзда..... И то сказать, Матильда и въ Геттингенѣ могла бы нравиться, а тутъ, въ глуши, въ деревнѣ..... Вотъ она, садится у окна; Гретхенъ ставитъ пальцы; мы будемъ вышивать.... Превосходно! Станемъ и мы что-нибудь дѣлать....

И Бюргеръ съ греческимъ Гомеромъ усѣлся у окна. Пошла нѣмая бесѣда; то Бюргеръ, то Матильда какъ-то любовно засматривались другъ на дружку; то она оставяла шитье, то онъ бросалъ книжку.... Солнце достигло зенита; Гретхенъ накрыла столъ на два прибора, поставила бутылку вина, чего за завтракомъ не было..... Матильда встала, подошла къ столу и задумалась. Гретхенъ постучалась въ двери юстиць-чиновника.

— Кто тамъ?

— Пожалуйте обѣдать!

Послѣ обѣда, который чинно и торжественно совершался въ присутствіи Гретхенъ, Матильда предложила своему гостю показать домъ и садъ. Прелестный весенній день обливалъ воздухъ какою-то упительною теплотою; ни одинъ листъ не колыхался; какъ-будто вся природа дремала въ сладостной нѣгѣ.... Гретхенъ въ бесѣдку изъ густыхъ акацій принесла кофе, подала гостю трубку и удалилась.....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДѢДУШКА СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Въ славномъ городѣ Нидекѣ не было ярмарки; вѣдь не цѣлый же годъ торговать; но въ славномъ городѣ Нидекѣ были похороны богатаго купца, а такое радостное се-

бытіе стóитъ ярмарки; со всѣхъ окрестныхъ деревень собирались именитые гости, и благодаря прекрасной погодѣ, на улицѣ усыпанной ельникомъ шло большое гулянье. Рѣшительно весь городъ двигался по большой улицѣ въ ожиданіи торжественнаго шествія. Но вмѣсто погребальной колесницы, по мостовой раздался стукъ городской коляски; проходящіе остановились, чтобы посмотреть на расточительнаго возмутителя священной тишины.... Коляска приближалась, любопытство возрастало и жители Нидека, такъ какъ и вы, любезные читатели, узнали геллигаузенскую Семирамиду по соломенной шляпкѣ украшенной многими букетами пестрыхъ цвѣтовъ.... Матильда цвѣла и дышала блаженствомъ, съ гордостью поглядывала то на удивленныхъ горожанокъ, то на молодаго сопутника, который со всюю студентскою важностью сидѣлъ въ коляскѣ раскинувшись и съ удовольствіемъ глядѣлъ на проходящихъ.

— Луиза, сказалъ господинъ Леонгардъ: погляди! да это, кажется, тотъ шалуни, что мы видѣли въ Геттингенѣ въ пирожной лавкѣ.....

— Да, кажется....

— Не кажется, а именно самъ онъ! Какъ онъ попался въ когти этой.... Пойдемъ въ церковь; посмотримъ, узнаетъ ли онъ насъ....

— Батюшка!....

— Чтò съ тобой?

— Нѣтъ, не ходите.... Позвольте мнѣ вернуться домой... Я не такъ-то здорова....

— Луиза? Я тебя не понимаю. Ты была такъ весела, такъ счастлива и вдругъ....

— И вдругъ мнѣ пришло на умъ, что Германнъ...

— Чтò Германнъ! Я ему отказалъ на-прямки, потому что онъ тебѣ не нравится. Правду сказать и мнѣ не очень. Тѣмъ болѣе что есть женихи по-лучше его; тѣмъ болѣе, что выборъ мужа..... Чтò съ тобой, Луиза?....

— Мнѣ дурно! Германнъ въ сильной печали; вы слышали какъ онъ плакалъ.

— Ну, это еще не бѣда. Не даромъ и въ университетѣ его звали Плаксои.

— Тыъ хуже! Онъ еще расплатится въ церкви, обратитъ на меня общее вниманіе, я сгорю отъ стыда.

— Ты говоришь правду..... Я самъ не люблю этихъ театральныхъ сценъ.... Постои же! Похороны видѣть слѣдуетъ. Чѣмъ потомъ мы будемъ извинять наше равнодушіе къ такимъ рѣдкимъ и великолѣпнымъ зрѣлищамъ; мы съ тобой проберемся на хоры....

— Батюшка!

— Охъ, Луиза! Можно ли позволять себѣ такое малодушіе. Отказали такъ отказали; жениховъ много и, право, всѣ лучше этого Германна; и на хорахъ онъ насъ не увидитъ. Пойдемъ.....

И Луиза повиновалась. Она шла опустивъ прелестную головку съ такою неохотою, какъ-будто комиссаръ насильно тащилъ ее въ церковь. На паперти, какъ-будто что укололо Луизу; она съ ужасомъ посмотрѣла на церковныя двери; вошла, но вся затрепетала; оглянулась на стукъ коляски — и что же, геттингенскій знакомецъ съ легкостью искуснаго жокея, выскочилъ изъ коляски не отворяя дверей и со всею заботливостью помогъ выйти Матильдѣ; она нѣжною улыбкою благодарила кавалера.

— Августъ! сказала она: а букетъ, что ты сегодня для меня самъ собралъ....

— Онъ на груди вашей....

— Ахъ! И я могла это забыть! Руку, Августъ, руку!

— Идутъ! прошептала Луиза съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ всего существа своего и уже не отецъ, а Луиза потащила его къ темному ходу на хоры.... Матильда усѣлась на краю почетной скамѣйки, а Бюргеръ стоялъ возлѣ и держалъ ея молитвенникъ въ богатомъ футлярѣ.

— Жарко! сказала Матильда, поддержи, Августъ, мой платокъ; но тебѣ тяжело, Августъ....

— Какъ вамъ не стыдно!

— Милый Августъ!

Дальнѣйшія нѣжности были прерваны прибытіемъ пещальной процессіи. Пасторъ сказалъ короткую рѣчь: она не продолжалась болѣе часу. Покойника понесли на кладбище; почти всѣ пошли за нимъ....

★

— Не пора ли домой?... спросила Матильда. Какъ ты думаешь, милый Августъ....

— Я, милая Матильда, ничего не думаю. Мнѣ бы надо побывать у здѣшнихъ чиновниковъ, попросить ихъ къ себѣ на завтра. Вы знаете, завтра въ судѣ я формальнымъ образомъ приму званіе и провозглашу присягу.... Завтра— я постоянный и счастливый житель Геллигаузена.... Конечно, особенной нужды нѣтъ звать эти парики, тѣмъ болѣе, что мои финансы не позволяютъ сдѣлать приличной пирушки; притомъ же и того не должно забыть, что этотъ праздникъ у насъ отниметъ день блаженства.....

— Шалуны!.... съ улыбкою сказала Матильда ударивъ легонько Бюргера по носу, который уже и въ молодости былъ довольно длиненъ..... Ты не долженъ заботиться о житейскихъ пустякахъ: это сладкая обязанность твоихъ друзей. Пойдемъ на кладбище,—теперь тамъ всѣ; я приглашу ихъ на завтра къ себѣ—это нашъ общій праздникъ... Пойдемъ!....

И точно. До полудня изъ Нидека, изъ ближнихъ деревень въ домъ Троппе собрались почетнѣйшіе сосѣди; уже судья прислалъ за юстиць-чиновникомъ и свидѣтелями; уже процессія выходила на крыльцо, передъ которыми остановилась небольшая крытая повозка,—оттуда высунулась старая голова въ огромномъ парикѣ.....

— Господа! Не знаете ли, гдѣ живетъ мой Готлибъ!

— Дѣдушка! закричалъ Бюргеръ и бросился къ коляскѣ.....

— Bravo! bravo.... кричалъ старикъ: вотъ такъ—дѣло другое. Я твой другъ, твой помощникъ! Наконецъ ты опомнился! Мѣсто не важное, но съ твоими удивительными способностями, современемъ ты можешь получить мѣсто юстиць-совѣтника въ какой-нибудь столицѣ... Bravo, Готлибъ! Гдѣ ты живешь?

— Здѣсь, дѣдушка, но сегодня день моей присяги; мы шли въ судъ; добрые люди пригласили моихъ гостей къ себѣ въ домъ.....

— О! съ твоимъ сердцемъ, ты вездѣ найдешь друзей, Готлибъ! Но для жизни мало одного сердца: пусть оно дѣйствуетъ, но совмѣстно съ разумомъ; пускай другъ отъ

друзки ни на шагъ не отступаютъ. Ну, пойдёмъ! Очень радъ, что здѣсь живеть мой хорошій пріятель и хорошій человекъ. Ты, вѣроятно, съ нимъ познакомился.

— Съ кѣмъ, дѣдушка?

— Съ надворнымъ совѣтникомъ, какъ-бишь его....

— Троппе.. .

— Фу! Какъ можно? Онъ глупъ, а она еще хуже.....

Нѣтъ! нѣтъ! Боже сохрани!

— Вотъ тебѣ разъ! подумалъ Бюргеръ и оглянулся. По счастью, чиновники и гости, не желая мѣшать семейнымъ разговорамъ, шли въ почтительномъ отдаленіи и не могли слышать что говорилъ старикъ.....

— Нѣтъ!... продолжалъ онъ: тутъ живеть Листе, человекъ съ умомъ, съ характеромъ, у него неподобная жена; я надѣюсь, что она будетъ имѣть на тебя благотворное вліяніе..... Твое несчастіе, Готлибъ, что между женщинами ты всегда попадаешь неудачно; дай Богъ, чтобы геттингенскія твои связи не развратили сердца... Твоя Троппе такое же чудовище, какъ и твоя геттингенская Лаура; она.... я все узналъ.... она вовлекла тебя въ долги.

Бюргеръ потупилъ голову.

— Не печалься, Готлибъ! долги твои заплачены...

— Дѣдушка! Спаситель мой.....

— Дѣдушка! Тѣ-то! Видишь! Я не давалъ тебѣ ни гроша; одинъ шагъ на честный путь — и я весь къ твоимъ услугамъ.

Бюргеръ бросился въ объятія старика.

— Хорошо, хорошо, Готлибъ! Только не думай, что я уже вполне вѣрю твоему исправленію....

— Вы увидите.....

— Да, увижу, и потому денегъ тебѣ не дамъ; достаточное для тебя содержаніе я довѣрю моему Листе; ты будешь получать отъ него деньги по мѣрѣ надобности.... Кажется мы пришли къ суду....

— Кажется такъ; я никогда не былъ въ этомъ домѣ. По дурной наружности, должно думать, что это наша сельская палата юстиціи....

Дѣдъ остановился и гордо посмотрѣлъ на внука.

— Готлибъ! Эта неумѣстная насмѣшка заставляетъ ме-

ни сомнѣваться въ твоёмъ исправленіи! Неужели ты хочешь оставаться на всю жизнь только стихоплетомъ. Не спорю, что ты можешь писать стихи; ты хорошо учился поэзіи, проходилъ философію; но пусть эта страсть не будетъ страстью; пусть твой талантъ будетъ дополненіемъ къ другимъ, дѣйствительнымъ, талантамъ. Можно иногда играть въ кегли, даже въ карты, но посвятить имъ жизнь, все время—ты будешь игрокомъ. Ни какой разницы: тунелдець, милостынникъ; если и есть разница—такъ только та, что ты не будешь обманывать другихъ, а себя! Но подходить. Я не хочу, чтобы твои товарищи знали твои недостатки, скажу прямо, пороки..... Надѣюсь, что ты умѣлъ скрыть свою несчастную страсть: Ахъ, Готлибъ, я надѣялся, что ты началъ выздоравливать. Но, Богъ милостивъ; дѣла ребачества миновались....

Старикъ не кончилъ бы проповѣди, если бы чиновники не подошли очень близко; двери суда отворились; дѣлъ отсталъ ддятого, что внукъ долженъ былъ самъ войти въ юстиць-камеру и дѣйствовать вообще самостоятельно....

— Милости просимъ, сказалъ Куно, садясь на свое предсѣдательское мѣсто и лукаво улыбаясь.

Всѣ не безъ удивленія замѣтили, что Троппе былъ уже въ камерѣ; приходъ гостей прервалъ ихъ разговоръ съ Куно. Троппе также не успѣлъ скрыть улыбки злобнаго удовольствія и поспѣшилъ вмѣшаться въ толпу свидѣтелей!.....

— Господинъ юстиць-чиновникъ! возгласилъ Куно съ притворнымъ равнодушіемъ: вамъ извѣстны, столько же какъ и всѣмъ присутствующимъ, законы земли нашей. Вы принимаете на себя не малотрудную обязанность вести дѣла не малаго округа; дѣла иногда большой важности, иногда обширной цѣнности. Непростительно было бы сомнѣваться въ вашемъ искусствѣ, доброй совѣсти и честности; но благодѣтельные законы, ограждая безопасность бѣдныхъ и безотвѣтныхъ гражданъ, въ отеческой предусмотрительности, постановляютъ, дабы принимающій на себя званіе и обязанности чиновника юстиціи, предъявилъ въ судъ, предъ которымъ имѣетъ ходатайство, залогъ на

счетъ коего онъ, не обременяя кліентовъ впередъ судебными поддержками, могъ бы дѣйствовать свободно по долгу присяги.... или же представлялъ in persona двухъ поручителей, достойныхъ общаго довѣрія....

Бюргеръ поблѣднѣлъ; Троппе и Куно торжествовали; юстицъ-чиновникъ огланулся; свидѣтели какъ-будто не слышали словъ Куно и, отвернувшись, перешептывались; никто не хотѣлъ ручаться за незнакомаго чиновника, притомъ же, на бѣду, и поэта.... Насладясь замѣшательствомъ счастливаго соперника и несчастнаго чиновника, Куно поднялъ гласъ на цѣлые два тона и продолжалъ:

— Сумма не значительна, двѣ тысячи талеровъ.... Но предъявленіи сей суммы приступимъ къ присягѣ....

Бюргеръ побагровѣлъ и собирався что-то сказать, но не могъ; въ крайнемъ смущеніи, закинувъ руки назадъ, Бюргеръ почувствовалъ въ рукѣ своей какую-то бумагу; посмотрѣлъ; глаза полные слезъ и выразительной благодарности обратились къ дѣду, который стоялъ сзади.

— Что же ты медлишь, другъ мой! Ты не долженъ смущаться передъ лицомъ судьи никогда, ни въ какомъ случаѣ! Ступай! исполняй свой долгъ! сказалъ старикъ и тихонько толкнулъ Бюргера впередъ. Юстицъ-чиновникъ ономнился и что-то вспомнилъ. Съ улыбкою посмотрѣлъ на Троппе и Куно; подошелъ къ столу, поклонился не разъ, а три раза съ комическою важностью и передъ Куно, на красное сукно, положилъ пучокъ облигацій виртембергскаго банка.... Куно не умѣлъ прежде скрыть удовольствія, теперь досады....

— Ваши ли это деньги? спросилъ онъ съ запальчивостью....

— Это что за вопросъ, господинъ Куно? Но какими это законамъ изволите спрашивать?...

— Во-первыхъ, требуется удостовѣреніе что эта сумма ваша собственность; во-вторыхъ, поручительство двухъ достойныхъ довѣрія лицъ, что эта сумма не будетъ вами растрчена на постороннія надобности....

— Одинъ законъ вы сочинили, господинъ судья; другой меня не затрудняетъ: деньги могутъ остаться въ судѣ....

— Совсѣмъ нѣтъ, перебилъ старикъ: господинъ судья

не допустить такого нарушенія буквы закона, тѣмъ болѣе что въ здѣшнемъ судѣ нѣтъ казначейства; а по точной силѣ постановленія о судебныхъ залогахъ приметъ поручительство главнаго ашерслебенскаго судьи, Якова Филиппа Бауэра и надворнаго здѣшняго совѣтника Листе.. .

Куно, услышавъ имя перваго поручителя, совершенно смутился; всталъ, кланялся старику, кланялся внуку, и всё бормоталъ....

— Поздравляю, поздравляю....

— Поздравляю и васъ, господинъ судья, сказалъ съ злобой улыбкой Бюргеръ: и васъ, господинъ Троппе!

— Меня съ чѣмъ?...

— Такъ!.... на радости мнѣ всѣхъ бы хотѣлось поздравить съ прїѣздомъ дѣдушки. Мы, право, разыгрываемъ комедію....

— Комедію! сказалъ Куно, нѣсколько ободрясь: позвольте вамъ напомнить святость мѣста....

— Первая часть торжества, кажется, кончилась, господинъ Куно! Вы сами встали съ мѣста и начали такъ ловко раскланиваться, что я и позабылъ, что я въ судѣ....

Куно покраснѣлъ.

— Позвольте же вамъ напомнить, что я опять сижу и такъ какъ поручители должны засвидѣтельствовать....

— Лично, перебилъ главный судья: то я попросилъ бы послать за господиномъ Листе отъ моего имени... Сторожъ! сходи и попроси господина Листе отъ имени Бауэра изъ Ашерслебена....

Куно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, правда; но весьма не покойно; точно такъ же стоялъ и Троппе и, будто лошадь въ стойлѣ, перебиралъ ногами... Бауэръ отвелъ Бюргера къ окну и сказалъ тихо:

— Ты уже успѣлъ пріобрѣсти неуваженіе здѣшнихъ чиновниковъ....

— Совсѣмъ нѣтъ, дѣдушка. Они меня ужасно уважаютъ, боятся....

— Это отъ чего?

— Вы бы имѣли право на меня сердиться, если бы послѣ всего, что вы для меня дѣлаете, я скрылъ бы отъ васъ малѣйшую бездѣлицу.

Бауэръ пожалъ ему руку.

— Мы съ господиномъ судьей хотя и не ровестники, однако же соперники....

Бауэръ улыбнулся....

— Неудовольствіе скоро кончится..... Какъ только я получу отставку....

— Отъ мѣста....

— Нѣтъ, отъ госпожи Троппе.

— Отъ госпожи!!..

— Тише, тише, дѣдушка. Имъ завидно, зачѣмъ я такъ ласково принять въ домѣ, зачѣмъ напрямѣръ сегодня въ домѣ Троппе принимаютъ моихъ гостей, потчуютъ.... Винавать ли я?...

— Винавать, Готлибъ....

— Право не винавать; я вамъ послѣ расскажу, какъ все это случилось.... Вы сами меня оправдаете....

— Ни въ какомъ случаѣ.... И ты больше не долженъ ни ногой....

— Дѣдушка! Не дѣлайте мнѣ стыда!... Даю вамъ слово, я отстану, отретируюсь безъ малѣйшей потерн, какъ король Прусскій. Сегодня не только я, вы должны быть у нихъ на обѣдѣ....

— Я?

— Да, вы, дѣдушка! Неблагодарно было бы съ моей стороны за участіе, хлопоты, издержки, за все отплатить презрѣніемъ въ лицѣ Нидека и всего округа....

— Ты правъ, Готлибъ! О! Разумъ твой догоняетъ сердце! Очень радъ, что имѣлъ случай видѣть твои успѣхи....

— Не то еще увидите....

— Господинъ надворный совѣтникъ Листе! возгласилъ сторожъ.

Бауэръ бросился на встрѣчу своему другу. Листе былъ высокато росту, прекрасной наружности, но черты лица выражали глубокую задумчивость. На мгновеніе онъ повеселѣлъ; но когда Бауэръ объяснилъ въ чемъ дѣло, Листе сталъ опять задумчивъ, хотя и исполнилъ желаніе старика безпрекословно.... Юстиць-чиновникъ получилъ обратно свои деньги, произнесъ присягу, росписался въ книгѣ и торжественно вышелъ изъ присутствія.

— Куда вы теперь? спросилъ Листе, видя что процессія не поворачиваетъ на мостъ....

— А вы не съ нами? Мы къ Троппе.

— Къ Троппе?... Листе покраснѣлъ: вѣтъ, я не могу; у насъ гости; если бы я зналъ вѣрже.... Но я надѣюсь, что вы не откажетесь посѣтить и насъ....

— Любезный Листе! Мы исполнимъ только долгъ учтивости и тотчасъ послѣ обѣда придемъ къ тебѣ.... До свиданія....

На крыльцѣ, Матильда ожидала Августа съ зеленымъ вѣнкомъ; но этотъ вѣнокъ неловко вынулъ изъ рукъ ея, когда она увидѣла маститаго слутника. Этотъ менторъ съ перваго взгляду ей не понравился.... Она заглушила волненіе, улыбнулась даже, но ничего не могла сказать....

— Позвольте, дѣдушка,ознакомить васъ съ Матильдой Троппе, которая заступила для меня мѣсто матери....

Матильда покраснѣла, но на лицѣ этого не было видно....

— Родительскія ея обо мнѣ попеченія исполняютъ мое сердце живѣйшей признательностью....

— Перестань, Августъ, перестань!... перебила Матильда съ досадою....

— Дѣдушка, простите скромности Матильды! Она никогда не хочетъ слышать отъ меня словъ благодарности....

— Перестань, Готлибъ: если госпожѣ Троппе не угодно слушать, такъ ты долженъ уважить ея волю.... Но мнѣ, вы, безъ сомнѣнія, позвольте поблагодарить за родительскія попеченія о миломъ внукѣ.... И какъ это странно!... Покойница дочь моя и мать Готлиба, если бы теперь жила, была бы вашихъ лѣтъ....

— Пожалуйте въ комнаты.... съ досадою проговорила Матильда....

— Если не ошибаюсь, Гертрудѣ было бы теперь ровно сорокъ....

— Пожалуйте, пожалуйста! кричала Матильда не своимъ голосомъ, стараясь заглушить ужасное сравненіе. Но уши, и Куне и Бруно и самъ Троппе слышали все до послѣдняго слова; и, таково сердце человѣческое, всѣ трое егор-

чились, обидѣлись и въ душѣ своей клялись за дѣда мстить внуку. Легко можно догадаться, что обѣдъ походилъ на похоронную трапезу: ѣли и пили много, говорили мало. Послѣ обѣда Матильда исчезла. Бауэръ, поблагодаривъ хозяина, ушелъ съ внукомъ; тогда веселье нѣсколько восстановилось; Матильда сошла внизъ исправивъ передъ зеркаломъ всѣ нанесенные ей ущербы красоты и любезности; раскинулись карточные столы; въ саду загремѣли кегли. Всѣ забыли про дѣда и внука; только одна Матильда поглядывала на улицу и поджидала не подадутъ ли бричку, которая должна освободить Геллигаузенъ отъ гостя.... Ожиданіе ея не обмануло. Еще солнце не закатилось, какъ бричка подѣхала къ крыльцу; дѣдъ и внукъ трогательно простились; дѣдъ уѣхалъ; внукъ.... Матильда не сомнѣвалась, что онъ, какъ-только выскользнетъ изъ лапъ ментора, прибѣжитъ разстроить незанимательную партію въ карты.—И это ожиданіе не обмануло Матильды. Внукъ разстроилъ партію; ушелъ домой.... Матильда крѣпилась долго; не смогла—и упала въ обморокъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЖЕНЩИНА СТАРЫХЪ ВРКЕНЕНЪ.

Бюргеру было не до Матильды.... Онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей столовой; въ потьмахъ онъ видѣлъ какъ кошка; внутренній жаръ, бросаясь въ глаза, какимъ-то страшнымъ сіяніемъ освѣщалъ для Бюргера всю комнату, весь міръ. Въ этомъ странномъ свѣтѣ онъ позабылъ дѣдушку, Матильду, себя; онъ не спалъ, но ему грезился такой странный, запутанный, мистическій сонъ, какого вѣроятно нельзя встрѣтити ни въ одной повѣсти Гофмана и К°. Маки этого таинственнаго сна разбрасывала передъ нимъ женщина, не молодая, но еще прекрасная, хотя истерзанная душевнымъ недугомъ, непонятною болѣзнію; образъ ея разливался въ темнотѣ ночи какою-то облачною, волнистою тѣнью; но глаза будто двѣ свѣчки въ глубокомъ мракѣ, горѣли ослѣпительнымъ огнемъ, и это пламя, какъ-будто огни надъ могилой, свидѣтельство-

вали о страдающихъ, смерти, тайнахъ замогильныхъ.... Вы уже навѣрно думаете, что Бюргеръ влюбился.... Не знаю какъ вамъ сказать, но потерпите,—вы сами увидите въ чемъ дѣло. Съ трудомъ удалось ему оторваться отъ чужихъ мечтаній; чужихъ, потому что онъ мечталъ не за себя; искалъ причинъ непонятнаго недуга; онъ ощущалъ болѣзнь такъ чувствительно, какъ-будто самъ страдалъ тѣмъ же; онъ понималъ счастье, въ которомъ утопала больная. Загадка долго мучила его; наконецъ онъ догадался....

— Нѣтъ! Ложь! сказалъ онъ громко: не вѣрю! Она не можетъ, не должна быть счастлива. Притворство, личина, красивая завѣса; за нею сцена съ печальной трагедіей! О! я прочту, если не увижу, эти закулисные ужасы семейной жизни! А еще дѣдушка совѣтовалъ жениться.... Нарядить меня печальнымъ Листе. Бѣдный! К чему прекрасная наружность; природный умъ, тщательное образованіе? К чему? На устахъ этого счастливаго, обожаемаго мужа, я не замѣтилъ полуулыбки. Чудная, поэтическая жена—какъ-будто великолѣпное надгробіе, хвастаетъ о покойномъ.... Право такъ, иначе быть не можетъ!... Боже мой! Какъ я замечтался! Чтѣ дѣлаютъ мои сосѣди?... Чтѣ это? Матильда упала въ обморокъ; видно городскіе гости не похожи на насъ съ Куно и Бруно; видно кто-нибудь такъ же ошибся, какъ мой правдивый дѣдушка. Одного въ немъ не люблю: зачѣмъ онъ думаетъ, что я въ состояніи не на шутку влюбиться въ тридцати-лѣтнюю бабу, хотя она еще, право, не дурна! Кокетка, да развѣ я отъ этого чтѣ-нибудь теряю? Кажется, нѣтъ! Не сидѣть же сложа руки; не на покаянье же послали меня въ Геллигаузенъ.... Пустяки! Положимъ, исполняя волю дѣдушки я перестану бывать въ домѣ Троппе. Я слержу слово; но развѣ Матильда не можетъ гулять въ окрестностяхъ, встрѣчаться со мной нечаянно, *et cetera et cetera!*... Напримѣръ, я замѣтилъ тутъ, недалеко, съ четверть мили, есть сельскій домикъ; можно нанять на годъ подъ чужимъ именемъ; для свиданій — прелесть.... Я стану капризиться; Матильда согласится промѣнять эту несносную комнату съ дымной печкой на покойное и безопасное убѣжище,

гдѣ ни одинъ чужой взоръ не потревожитъ нашей бесѣды.... Я самъ буду отпирать ей двери, самъ введу ея въ комнаты уставленные цвѣтами.... деньги есть!... Завтра же....

Бюргеръ мечталъ лежа на кожаной софѣ; эти мечты какъ-то успокоили, убаюкали молодую фантазію, онъ заснулъ, но къ утру горячіе глаза снова пригрезились; лицо уже не разливалось въ неопредѣленный образъ; напротивъ, выражало такую пронзительную, нестерпимую скорбь, что Бюргеръ вскрикнулъ, вскочилъ и проснулся....

— Боже мой! Она зоветъ меня!... сказалъ онъ, поправилъ на-скоро волосы и платье, схватилъ шляпу и бросился изъ дому. Передъ его домомъ уже давно собрался торгъ, въ окнѣ давно уже сидѣла Матильда; возлѣ давно уже торчали Троппе, Бруно и Купо. Бюргеръ никого не замѣтилъ; съ странною поспѣшностью промелькнулъ онъ по улицѣ, постоянно ускоряя шаги, такъ что черезъ мостъ онъ уже бѣжалъ; у воротъ нѣсколько опомнился, но совершенно прійти въ себя онъ не имѣлъ времени, потому что калитка была отперта. Берта, служанка, увилавъ съ крыльца гостя, крикнула: господа въ саду; ступайте туда. Вотъ онъ въ саду; никого кажется нѣтъ; но вотъ въ бесѣдкѣ обросшей густою зеленью слышенъ шумъ поцѣлуевъ, нѣжные слова. Бюргеръ остановился и покраснѣлъ, упрекая себя въ нескромномъ поступкѣ.

— Не уходи, милый другъ, я не знаю, но это ужасное сіяніе, въ которомъ я плавала будто въ океанѣ, не предвѣщаетъ ничего добраго....

— Мечты, Агата! Ты знаешь, какъ я люблю добраго Бауэра, какъ я много обязанъ этому старику; теперь случай—отплатить ему за добро—добромъ.... Освободить внука отъ опаснаго сосѣдства, отъ житейскихъ хлопотъ, отъ вредныхъ друзей, ото всего что губить молодежь на порогѣ поприща.

— Я узнаю тебя, Морицъ, но я видѣла сонъ....

— Какъ тебѣ не стыдно....

— Ну, перестань, перестань! Поцѣлуй меня: для твоего спокойствія, для твоего счастья я готова забыть все на свѣтѣ....

И звонкій поцѣлуй раздался въ бесѣдкѣ.... Бюргеръ не считъ себя въ правѣ сохранить нескромное инкогнито, отошелъ на нѣсколько шаговъ и сталъ громко каплять....

— Готлибъ! Вы ужъ здѣсь! спросилъ Листе: вы предупредили меня! Пожалуйте, пожалуйста; мы съ женой только-что про васъ говорили....

Бюргеръ робко вошелъ въ бесѣдку, почтительно поклонился хозяйкѣ, но не смѣлъ взглянуть ей въ глаза.

— Просимъ, просимъ! продолжалъ Листе: Знаете ли, что мы съ женою придумали. Вы человекъ одинокій, молодой, въ Геллигаузенѣ жить скучно; хлопоты домашнія не по васъ, не хотите ли къ намъ переѣхать? У меня есть особенный домикъ въ саду; вонъ тамъ вы видите, онъ ничѣмъ не хуже вашей квартиры.... Вы раздѣлите съ нами скромный столъ, у васъ будетъ своя прислуга....

— Столько одолженій.... я васъ стѣсню.... тѣмъ болѣе, что все это чего-нибудь стѣснѣтъ.... Я долженъ отказаться....

— Вы должны принять наше дружеское предложеніе. Вы не будете жить у меня даромъ; вы будете платить за все, но вдвое дешевле противъ того, что вы платите за мостомъ....

— На такомъ условіи.... я только долженъ благодарить....

— И этого не нужно.... Оставайтесь съ Агатой: а я пойду и сдѣлаю всѣ нужныя распоряженія.

Вотъ теперь я нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи!.... Какъ описать эту женщину, въ которой, во всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, не было ничего земнаго; она и тѣлесно походила на духа, облеченнаго призракомъ плоти. Нельзя сказать, чтобы Агата была тощая женщина; нѣтъ, щеки, руки, бюстъ — полны тѣла, но какого-то фарфороваго, прозрачнаго, бѣлизны неестественной; все въ ней было соразмѣрено не на земной аршинъ, стройность утопическая; неизмѣнная при всѣхъ возможныхъ движеніяхъ, а движенія — такъ воздушны, такъ легки, что, казалось, и воздухъ ихъ не чувствовалъ: улыбка, но грустная, не сходила съ устъ вишневыхъ; вздохи почти ежемгновенно волновали чудную грудь; и

въ этихъ вздохахъ не замѣтно было земной тягости: они какъ-будто принадлежали вѣчной и тайной молитвѣ. Агата тоже было за тридцать лѣтъ, но, казалось, что въ осемнадцатъ лѣтъ своенравная природа забальзамировала ея дивную красоту и время лишилось надъ ней разрушительнаго вліянія..... Вотъ ужъ эта была поистинѣ Дѣва Чудная, чудесная, зане господишъ Бюргеръ, любитель и знатокъ женскаго вола, молодой Фоблазъ на студентскомъ положеніи, сѣвшигъ и онустигъ глаза, молчалъ свою измятую шляпу вещадно, не смѣя посмотрѣть въ очи, которыя зажглись вчера въ его сердцѣ... Онъ не былъ влюбленъ, онъ досадовалъ на свою робость, подозрѣвалъ въ притворствѣ, даже пыталъ дома нѣкоторыя надежды, но здѣсь... у него въ головѣ и сердцѣ виталъ какой-то почтительный страхъ; молчаніе Агаты еще болѣе умножало его замѣшательство. Прошло съ добрые полчаса, Агата не вымолвила слова. Освоясь нѣсколько, онъ рѣшился взглянуть на странную, собесѣдницу; блестящіе глаза ея недвижно смотрѣли на высокую, пирамидальную тополь, съ тою же грустною улыбкой; казалось въ этихъ взорахъ убѣжала душа, и глаза недвижно ожидали ея возвращенія. Если бы не вздохи, непрерывно, безъ всякаго звуку, волновавшіе грудь ея, можно бы подумать, что передъ Бюргеромъ сидѣлъ автоматъ. Но этого и въ умъ не пришло Бюргеру; и его взоры побѣжали за душою Агаты, остановились на той же пирамидальной тополи, и ему показалось будто онъ понялъ мысль Агаты, мысль эта ему понравилась, полюбилась. Но если бъ попросить Бюргера передать эту мысль въ словахъ, онъ бы забормоталъ какъ глухонѣмой и не произнесъ бы ни одной буквы, напечатанной въ алфавитѣ.... Такимъ образомъ и она смотрѣла на тополь; Листе воротился, а они не вымолвили слова. Съ грустью посмотрѣлъ Листе на жену; пожалъ плечами и сталъ говорить чуть не шопотомъ возвышая постепенно голосъ.....

— Любезный Готлибъ! Все готово; вамъ и ходить въ Геллигаузенъ нѣ-зачѣмъ! Вы можете у насъ остаться и поэтизировать сколько душѣ угодно. Я вчера при Бауэрѣ молчалъ; онъ не жалуется поэзіи; я самъ.... Но это дѣло

постороннее; мнѣ извѣстно, что вы поэтъ, что вы написали хорошенъкую балладу Ленора...

— Ленора? Это ваша Ленора? Эта дивная игра воображенія; мечта о вѣрности за гробомъ..... Морицъ, Морицъ! Вѣрь мнѣ, если умру, я не разстанусь съ тобою; каждый вечеръ тѣнь моя будетъ летать между листьевъ этой тополи; ты услышишь шумъ въ безвѣтріе; ты выбѣжишь въ садъ, мы сядемъ на эту скамью, и я тебѣ буду рассказывать что дѣлается за дверьми здѣшней жизни.

— Ахъ, Агата! сказалъ мужъ съ горькой улыбкой: я желалъ бы слушать тебя всегда, вездѣ; но за гробомъ о замгильномъ мѣрѣ, а объ землѣ—на землѣ....

Голова Агаты упала на грудь. Печальная дума остѣнила ея чело; всѣ черты стали неподвижны. Съ примѣтнымъ страданіемъ Морицъ сказалъ Бюргеру.....

— Я уйду; постарайтесь развеселить ее; мнѣ это уже не удается....

Морицъ ушелъ. Агата подняла голову и смотрѣла вслѣдъ мужу съ презрѣніемъ и соболѣзнованіемъ. Это выраженіе придадо лицу Агаты соблазнительную прелесть; въ этомъ чувствѣ блеснула женщина; и какая женщина! Завѣса, которая ограждала ее отъ земныхъ помысловъ, какъ-будто осунулась, но на одно мгновеніе. Агата мгновенно закуталась въ неприступную важность и опять ушла на тополь.....

— Что вы тамъ видите, госпожа Листе? спросилъ Бюргеръ не безъ робости.....

— И вы спрашиваете? Поэтъ!! Скажите, что вы видите въ этомъ мѣрѣ? Не маскарадъ ли духовъ, сошедшихъ въ область тлѣнія и порока, чтобы мимолетомъ сдѣлать добро, скинуть личину и улетѣть домой въ надзвѣздныя селенія.....

— Вотъ что! Къ этой женщинѣ надо приближаться надзвѣздными путями! Долго! Скучно! А нечего дѣлать! Она стѣбитъ такой поѣздки! Поѣдемъ!....

Такъ думалъ студентъ и физически приблизился къ Агатѣ, то есть, подвинулся со стуломъ....

— Всѣ-таки не понимаю, что вы можете видѣть на этомъ тополѣ.....

— Я вижу ихъ, моихъ старинныхъ знакомцевъ, моихъ нравителей въ этой обители грѣха, въ этой юдоли пороку.....

Агата пристально посмотрѣла на Бюргера; но юноша простодушно, весело и продолжалъ:

— Что будетъ тамъ, увидимъ!.... Предузнать, предувидѣть замогильной будущности не дано человѣку.....

— И вы поэтъ?

— Можетъ-быть, но не мечтатель!

Агата расхохоталась и такъ громко, что Листе услышалъ и прибѣжалъ Бюргеру на помощь. Возстановился земной разговоръ. Бюргеръ смѣялся надъ тканью Леноры; рассказывалъ разные предрасудки и повѣрья простаго народа; мнръ мечтательный такъ сталъ смѣшновъ въ его картинахъ, что даже Агата не могла удержаться отъ улыбки; къ удивленію Бюргера, Листе хранилъ важность и, казалось, былъ недоволенъ поведеніемъ Бюргера.

— Перестаньте, Готтлибъ! сказалъ онъ наконецъ какъ-будто вышедъ изъ терѣвнѣя... Не всему должно вѣрить, не все можно опровергнуть. Пойдемте обѣдать....

Обѣдъ сошелъ благополучно. Бюргеръ почти не смотрѣлъ на Агату; отвѣчалъ только на ея вопросы, а впрочемъ спрашивалъ о своихъ геллигаузенскихъ знакомцахъ. Листе отвѣчалъ неопредѣленно, загадками, не охотно. Несмотря на равнодушіе къ Агатѣ, Бюргеръ замѣтилъ, что она за столомъ ѣла будто птичьи пивъ, лучше сказать, будто кроликъ; не много зелени, хлѣба, молока — и кончено. Вообще столъ Листе не понравился Бюргеру; кушанья не кушанья, а лекарства отъ голоду: вина, пива и въ поминѣ не было; вода, вода и вода! Бюргеръ всталъ въ отчаяннѣ; но какъ-только Агата ушла отдыхать въ свою комнату, Листе горько улыбнулся, взявъ Бюргера за руку и сказалъ шопотомъ: пойдемте обѣдать.

— А это было что же?

— Мечта объ обѣдѣ.... Мы не дѣхи; намъ нужно существовавшее.... Пойдемте, пойдемте!....

И точно, въ домикъ, въ саду, гдѣ отведена была квар-

тира для Бюргера, накрытъ былъ столъ, поставленъ ростбифъ, какъ скала обсыпанная мелкими камнями, картофелемъ; двѣ куропатки, какъ-будто на супружескомъ ложѣ, спали на блюдѣ сномъ смертнымъ; двѣ бутылки добраго вина какъ столбы указывали гдѣ станція для сотраезниковъ....

— Это моя столовая, сказалъ Морицъ: не удивляйтесь! Лучше посѣтуйте со мною на странное, на ужасное положеніе. Агата любитъ меня, я ее обожаю; тринадцать лѣтъ мы женаты, то есть.... Морицъ не кончилъ этой пояснительной фразы. То, что меня обворожало въ Агатѣ, эта поэтическая мечтательность—обратилась для меня въ казнь, въ неисходную муку. Она жаждетъ смерти; она не любитъ дня; не прикасается къ пищѣ кровной; любитъ меня и потому желаетъ мнѣ смерти; книги—ея страсть, жизнь; эти проклятыя книги повредили ея воображеніе; припадки бывають легче и спльнѣе; но не бываетъ дня или, лучше сказать, ночи, безъ странныхъ грезъ на яву, безъ происшествій, въ которыхъ дѣйствуютъ безплотныя. Рѣдко вы увидите ее днемъ. Для дѣлушки вашего се вчера насильно разбудили; она спала ночью и проснулась днемъ; но вотъ теперь выспится и опять все пойдетъ вверхъ дномъ. Жаль жнѣ Агаты; но видно такъ судьбѣ угодно. Днемъ я хлопочу по дѣламъ, по хозяйству; забочусь объ ея туалетѣ, бѣльѣ, и даже проклятыхъ книгахъ, которыя освобождаютъ меня отъ глужкихъ ночей.... Она читаетъ, пишетъ, а я сплю.... Поутру, она меня будитъ, а сама ложится спать.... Завидная жизнь!.....

И съ этимъ словомъ Морицъ сталъ гомерически уничтожать ростбифъ. Аппетитъ заразителенъ; Бюргеръ послѣдовалъ его примѣру и разговоръ прекратился.... **Вино** послужило поводомъ только къ нѣкоторымъ междометіямъ и не препятствовало уничтоженію куропатокъ. **Послѣ** чего собесѣдники чокнулись послѣдними стаканами и встали.

— Ну, Готлибъ! Теперь дѣлайте что хотите, а я въ городъ. И такъ, я думаю, опоздалъ. Наслы улеглась. Прощайте!

Поспѣшность, съ какою ушелъ Морицъ показала Бюрг-

геру довольно подозрительною; но преслѣдовать тайны козляна, столь добраго, гостепріимнаго, показалось недостойнымъ; вино же было такъ хорошо; диванъ такъ новосенъ; Бюргеръ заснулъ, и не проснулся: его разбудилъ Морицъ.

— Вставайте! Поужинаемъ скорѣе! Черезъ часъ она проснется и если не найдетъ меня въ объятіяхъ Морфея, тогда я могу потерять ночь въ объятіяхъ безплотныхъ.... Проворнѣе! Проворнѣе!...

За ужиномъ говорили еще меньше, чѣмъ за обѣдомъ. Морицъ ѣлъ усердно, но на лицѣ была написана забота, неудовольствіе.

— Дай Богъ не проснать, нето завтра опять не найду моего злодѣя.... Прощайте!...

Морицъ ушелъ, но Бюргеръ не могъ спать; онъ вышелъ въ садъ; чудная тихая ночь во всемъ торжествѣ сіяла на жнзньныхъ небесахъ. Повѣтъ не мечтатель усѣлся подъ живую тополию и, на грѣхъ мастера вѣтъ, замечтался... Легкій шорохъ шаговъ разбудилъ его; то была Агата, она шла въ танисувенному дереву на безгласный разговоръ, а нашла живаго собесѣдника.... Увидавъ его, Агата остановилась и твердымъ голосомъ спросила:

— Кто здѣсь?

— Я.

— Ахъ! это вы? Что вы тутъ дѣлаете?

— Мечтаю.

— Вы?

— Я?

— Объ чемъ?

— Объ вась.

— Обо мнѣ. Странно. А я думала объ вась....

— Что же тутъ страннаго? Души людей между собою въ интимныхъ отношеніяхъ. Есть звуки, на которые откликается вся природа... Случалось и мнѣ слышать шумъ, котораго въ дѣйствительной природѣ не было....

— И только шумъ....

— Ахъ, Агата! Я не довольно чуетъ, чтобы имѣть право знать причины тайныхъ явленій природы....

— А на что же воля.

— Воля человѣческая, — волна подъ вѣтромъ; въ ней все, даже сама вода, перемѣняется по высшей волѣ...

— Ребенокъ! Отчаянне запало въ сердце прежде нежели явилась причина къ отчаянію.... Впрочемъ — можетъ быть любовь уже посѣтила это сердце....

— Не умѣю агаты! Посѣщала....

— Посѣщала! Такъ любовь можетъ быть не одна! Нѣтъ; значить что любовь не считаетъ твоего сердца достойною себѣ обителью....

И Агата ушла.

— Вотъ тебѣ разъ! подумалъ Бюргеръ: съ нею не сладись!... Надо было притвориться на другой ладъ.... Какъ угодно, Агата, а не будь я геттингенскимъ профессоромъ женскаго краенорѣчія и счастливой любви, если я не одержу блистательной побѣды.

Поэтъ не мечтатель — мечталъ. Поведеніе Агаты не измѣнилось; дни быстро уходили за днями; ни одного шагу къ сближенію. Морща онъ видалъ только за обѣдомъ и ужиномъ; Агату ночью и то на мгновеніе у тополи....

— О несносныя исчадія, говорилъ Бюргеръ: они меня хотятъ сдѣлать пустыннокомъ, мечтателемъ, глушцомъ! Брошу я всѣ эти пустыки, займусь существеннымъ. Деньги мои удѣлѣли: у Листе, про случай, лежитъ моихъ двѣ тысячи талеровъ; стану подражать Моррцу: отправлюсь въ городъ. Правда, у меня нѣтъ тамъ никого знакомаго; не завернуть ли къ Троппе! Но если дѣдушка! Да что дѣдушка! я забѣгу на минутку, объясню планъ, открою тайну моей невѣрности, и тогда все устроится прекрасно!...

И рано утромъ, когда господинъ Троппе чистилъ ногти, Куно зубы, а Бруно — егерскій свой мундиръ, юстицъ-чиновникъ былъ уже подъ завѣтнымъ окномъ, откуда Матильда закупаала ежедневную провизію... Простодушная улыбка на устахъ Бюргера; простертыя руки, какъ-будто они хотѣли добѣжать къ Матильдѣ, раньше Бюргера; въ глазахъ выраженіе радости — и Матильда позабыла объ нѣмѣнѣ, продолжительной отлучкѣ, обо всемъ прошедшемъ въ твердомъ убѣжденіи, что теперь уже птичка не вырвется изъ кѣтки.... Она привстала, также протянула къ не-

ну руки, уже хотѣла начать милую журьбу, какъ-вдругъ повернулась проворно внутрь комнаты, и Бюргеръ оставался у самаго окна, не смѣя идти дальше, чтобы нарушитель столь искусно завязанной бесѣды не замѣтилъ черезъ окно его головы.

— И такъ мы будемъ завтракать! раздался голосъ господина Троппе.

— Боже мой! Какъ ты меня перепугалъ, несносный! Кушай себѣ, ѣшь, мнѣ не хочется....

И Матильда выглянула опять въ окно. Но Бюргеръ приложилъ палецъ къ губамъ и потомъ сказалъ шопотомъ:

— Тутъ невозможно объясненіе.... У старой мельницы, въ зеленой роуцѣ.... черезъ часа два я ожидаю тебя!

Опять палецъ приложился къ губамъ. Матильда опять исчезла изъ окна....

— Тебя только пусти одного къ свѣстному, ты станешь ѣсть до-смерти.

— Помилуй, Матильда, я не ѣлъ, я только отрѣзалъ ломтикъ....

— Довольно! довольно! Потомъ опять будешь боленъ, опять посылай въ Нидекъ за докторомъ; опять расколы... И зачѣмъ такъ много ѣсть; добро бы ты вернулся съ охоты, а то сидишь на одномъ мѣстѣ, не ѣдешь ни какого движенія, а ѣшь за двухъ....

— Чтò же мнѣ дѣлать, Матильда, если ѣсть хочется.

— Пустяки! Это у тебя фальшивый аппетитъ! Сидячая жизнь!...

— Помилуй, я всё лежу отъ скуки....

— Еще хуже! Болѣзнь развивается, сегодня хорошій день.... Бери нашихъ пугалъ и ступай на охоту; кстати, я тебѣ и забыла сказать: сегодня на торгу былъ Вурмъ стрѣлокъ.

— Вурмъ!

— Да, Вурмъ.

— Какъ же это онъ не зашелъ ко мнѣ....

— У него на рукахъ висѣло цѣлое стадо птицъ; онъ продалъ ихъ какому-то пріѣзжему за бездѣлицу; и тогда уже подошелъ къ окну...— Чтò ты это?— Вурмъ? Отчего же

не намъ? спросила я.—«У васъ много провизіи! отвѣчалъ онъ: а этотъ кушаль гуртомъ..... Вамъ, если хотите, завтра цѣлый возъ поставлю: въ мою участкѣ теперь цѣлыя стада; продайте, видите я и лошадь взялъ, чтобы скорѣе вернуться. Птица тянетъ.... Пролетать, такого богатства подъ носомъ не скоро дождешься....

— И онъ меня не увѣдомилъ, разбойникъ! Самъ, дуракъ, всего не перестрѣляетъ! И еще деньги съ насъ брать!

— Какъ онъ не увѣдомилъ? Былъ, да спѣшилъ въ свои лѣсъ....

— Ахъ, Боже мой! Пѣшкомъ до Вурма не скоро доберешься; развѣ лошадей нанять....

— Могъ! Тебѣ бы только деньгами сорить! Много ихъ у тебя, видно. Лѣнтій! лишь бы пѣшкомъ не ходить; и на охотѣ лежать хочеть....

— Помилуй! Не забудь что до Вурмова лѣсу дойдешь часа въ три, четыре....

— Вотъ это и движеніе, моціонъ какъ слѣдуетъ; дойдешь и воротись здоровый. Пожалуй переночевать можете у Вурма; зато завтра какой у насъ будетъ обѣдъ....

— Знаешь и супъ съ говядиной!..,

— Пожалуй!

— Не поскупишься, знаешь, этакъ, третье кушанье прибавить....

— Пожалуй.... Экономія! Ты привезешь цѣлый возъ дичи; по-крайней-мѣрѣ Вурмъ не даромъ деньги будетъ брать; провизія станетъ на долго. А главное, твое здоровье.

— Такъ ты думаешь....

— Что ты кругомъ глупъ. Со всѣхъ сторонъ волза, а ты мѣшкаешь.

— Ъсть хочется. На тошакъ....

— Ъшь-себѣ, да проворнѣе....

За послѣднимъ дѣломъ не стало. Тронце принялся работать и завтраку въ одно мгновеніе не стало. Онъ такъ же усиленно собрался въ путь; поднялъ своихъ товарищей, обрадованныхъ появленіемъ цѣлыхъ стадъ дичи въ участкѣ

Бурма, и всѣ трое отиравились съ смертоносными намѣреніями въ дальнюю дорогу. Бюргеръ, слышалъ только начало разговора за завтракомъ; предугадалъ развязку и отиравился еще скорѣе чѣмъ Троше къ старой мельницѣ.... Это мѣсто, дѣйствительно, самою природою было устроено для любовныхъ свиданій. Когда-то могучій и обильный ключъ наполнявшій пархвій бассейнъ мельницы состарѣлся, оскудѣлъ жизнію и силой; тощій ручей пробурывалъ гнилыя стѣны плотинъ и едва внятными шумомъ какъ-будто рассказывалъ развалившейся мельницѣ о ея прошлой дѣятельности. Зеленая роща, хотя и всѣ рощи рощены, такъ называлась по живописному освѣщенію, которое придавало растительности деревъ истинно ослѣпительную краску; ова гнулаась по прибрежью ручья; слѣдъ когда то влетно прототанной дорожки былъ примѣтенъ во все прѣтяженіе рощи, и приводилъ путника къ небольшому, опратно построенному домику, въ которомъ жила мельничиха съ пятилѣтнимъ ребенкомъ. Мужъ ея давно переселился на другія мѣста, а она выжидала на свою дачу купца или постояльца. Бюргеръ неразъ посѣщалъ это поэтическое уединеніе, неразъ бесѣдовалъ съ мельничихой, игралъ съ ребенкомъ, зналъ исторію старой мельницы и стучался въ ворота какъ домашній.

— Ганна! сказалъ онъ совной мельничихѣ, когда она выпустила на дворъ знакомаго гостя:—Я сжалился надъ тобою. Вотъ тебѣ за мѣсяць деньги впередъ. Бери своего шарашку и отправляйтесь къ мужу. Я твой постоялецъ!...

— Милостивый господинъ! домъ этотъ будетъ ли для васъ пригоденъ....

— Какъ-нельзя больше! Давай ключъ и ступай съ Богомъ. Я полюбилъ это мѣсто и давно уже люблю уединеніе..... Здѣсь я буду отдыхать отъ городского шума! Каждое первое число прошу приходить сюда, не въ деревню, за деньгами, но въ другіе дни меня не беспокоить. Ступай-Ганна! Мнѣ становится скучно. Я хочу быть одинъ....

— А вы говорили съ лекарями? Вѣдь это у васъ болѣзнь....

— Не твое дѣло! Ганна, уходи или я уйду!

— Сейчас! сейчас! Но тутъ есть вещи....

— Ничего не пропадетъ! Пріѣзжай за нами въ субботу; я буду ждать тебя утромъ! Тогда все заберешь, а я поставлю свою рухлядь.... Ганна!

— Ухожу, ухожу! Дивная болѣзнь! Странный недугъ! Уврачуи его, Господи!...

И Ганна ушла съ ребенкомъ; нѣсколько разъ она оглянулась на свое пепелище. Больной стоялъ какъ вкопанный и наблюдалъ за Ганной; дорога повернула за холмъ и мельничиха скрылась изъ виду; тогда Бюргеръ послѣдшилъ къ старой мельницѣ и не обманулся въ ожиданіи. Дила, собаченка Матильды, увидѣла Бюргера и ласкался подбѣжала пріятной вѣстинцей; вслѣдъ за тѣмъ мельнулъ бѣлый утренній капотъ на распашку, весьма знакомый Бюргеру; наконецъ довольно громое восклицаніе: Августъ! ты уже здѣсь? огласило пустынную рощу....

Ошибутся, если подумаютъ что Бюргеръ былъ человекъ безъ вкусу; но вспомнить, что въ уединеніи старуха кажется ребенкомъ, смазливая — красавицей. Спросите у людей бывалыхъ въ походахъ, въ дальнихъ посылкахъ, въ глуши.... Они вамъ скажутъ, что вкусъ всегда остается въ такихъ случаяхъ дома, а человекъ нѣкоторое время проводитъ жизнь совершенно безъ вкусу, безъ разбору.... А тутъ Матильда хотя была и немолода, но такъ еще пламенна. А тутъ Агата истерзала всю чувствительность, озлила молодость... Не мало времени прошло съ послѣдняго свиданія съ Матильдой; но Бюргеръ забылъ все и бросился къ Матильдѣ; какъ—будто они вчера только, безъ малѣйшей размовки, разошлись послѣ картъ и легкаго ужина.... Но Матильда гордымъ движеніемъ руки и важнымъ взглядомъ остановила порывъ юности.

— Августъ! сказала она сурово: я исполнила твоё желаніе, я здѣсь! Но неужели ты думаешь, что я могла простить всѣ оскорбленія!

— Оскорбленія!

— Да! о нашемъ разрывѣ говорятъ въ Нидекѣ громко. Я узнала о моей соперницѣ.... И не жалѣю о такомъ вѣтряномъ другѣ....

— Если бы счастье свиданія съ тобою не наполнило сердца моего веселіемъ, я непременно бы заплакалъ отъ твоихъ грозныхъ упрековъ. Но если ты могла подозревать меня въ измѣнѣ, Матильда, о, ты достойна наказанія, такого, мучительнаго.... И я долженъ исполнить эту неприятную обязанность. Долженъ, къ собственному сожалѣнію. Я хотѣлъ тебѣ разказать все.... но теперь не услышишь ни пол-слова....

— Августъ! Такъ вотъ твое раскаяніе....

— Ты стоишь такой камені....

— Но что же ты хотѣлъ разказать....

— То, чего ты никогда не узнаешь....

— Но неужели за невольный упрекъ ты будешь такъ жестокъ....

— Невольный! О! за всѣ мои страданія, за всѣ жертвы.... Нѣтъ! я не ожидалъ такого приему....

— Августъ! Ты страдалъ....

— Нестерпимо! Заговоръ ихъ шелъ весьма удачно. Они умѣли выманить моего дѣда изъ города, откуда онъ уже двадцать лѣтъ не выѣзжалъ на двадцать шаговъ.... Они научили его страшнымъ мѣрамъ; онъ взялъ съ меня слово, что нога моя не будетъ въ дому твоёмъ ...

— Изверги! И ты далъ это слово?...

— Далъ, и сдержалъ, в сдержу....

— Сдержишь? Ахъ, мнѣ дурно....

— Не спиши обморокомъ, Матильда. Слово мое я сдержу, но на зло имъ — мы будемъ видѣться каждый день въ этомъ домикѣ; теперь никто сюда не ходитъ; нѣтъ даже порядочной тропы въ эту рощу.... Ты любишь мечтать, не правда ли?

— Ужасно люблю, только не одна....

— И я тоже! Домикъ этотъ я нанялъ; людей послѣднихъ отсюда выжила....

— Милый Августъ! И я могла думать....

— Тѣ-то! Прошу и впередъ ничего подобнаго не думать, не огорчаться, не огорчать меня.... Пойдемъ, посмотримъ на храмъ нашего блаженства; придумаемъ какъ убрать комнату; потолкуемъ....

И ручей уже не слышалъ о чемъ мыслитъ и говоритъ счастливецъ. Несмотря на свою худобу, онъ бодро перескакивалъ съ камышка на камышникъ; какъ-будто врету своему, солнцу, онъ лепеталъ: погляди, ты хочешь испугать меня.... но благое небо раздѣляло власть твою: благодатная ночь возвращаетъ мнѣ то, что ты у меня отъберешь днемъ; и я живу, и не боюсь знойныхъ лучей твоихъ. А солнце, какъ-будто услышало дерзкую рѣчь буйнаго ручья, и стало прямо надъ нимъ; и какъ неки вонзило въ него палашіе лучи; и зной разлился въ воздухъ, какъ-будто разверзъ пламенную гортань и сталъ жарко дышать надъ испуганнымъ міромъ; и жизнь, и злеть, все утонуло въ истомѣ; полдень жегъ спину горящей земли; только человекъ, отирая потъ, двигался и суетился, и взглянувъ на солнце сказалъ вначительномъ: Опа, пора обѣдать! Но Бюргера не было; Морицъ сталъ обѣдать въ прежнемъ одиночествѣ и, кажется, былъ радъ отсутствію Бюргера. За жаркимъ уже слуга донесъ, что Бюргеръ идетъ; Морицъ бросилъ жаркое, къ удивленію слуга выскочилъ черезъ окошко. Бюргеръ сѣлъ на его мѣсто; безъ дальнѣйшихъ разспросовъ докучалъ жаркое; допилъ вино, вынулъ изъ ящика кошелекъ, схватилъ шляпу и въ довольномъ расположеніи духа пошелъ на улицу; тамъ на щегольскую таратайку сѣлся Листе....

— Куда вы?

— Въ городъ! отвѣчалъ смутясь Листе....

— За чѣмъ....

— Есть дѣло!

— И у меня также. Я очень радъ что вы ѣдете....

И безъ дальнѣйшихъ объясненій Бюргеръ уже сѣлъ въ таратайкѣ о-бокъ Листе....

— Но.... у васъ.... какое можетъ быть дѣло въ городѣ....

— Вы очень любопытны, господинъ Листе! Вы знаете, по моему званію, случаются такіа дѣла; требуется совѣтъ; нужны справки....

— Но мнѣ кажется, у васъ нѣтъ ни одного кліента....

— Это вамъ такъ кажется, потому что въ чужомъ дѣлѣ

никъ съѣстно принимать просителей. Вы знаете, что это шема всегда кричить оглушительно; оно думаетъ, что возвышая голосъ возвышаетъ и свою важность.... Между прочимъ, я не совершенно незнакомъ съ вашимъ городомъ, хотя и былъ раза два, такъ, прогулкой.... Мнѣ бы хотѣлось знать, гдѣ....

— Его теперь нѣтъ въ городѣ; онъ уѣхалъ съ отчетомъ къ Ганноверю и воротится не раньше осени....

— Кто?

— Да про кого вы спрашиваете?...

— Про цвѣточную лавку....

— Я не знаю гдѣ онъ живетъ....

— Что онъ вретъ! подумалъ Бюргеръ. и посмотрѣлъ на Листе сомнительно. Тотъ весь былъ въ поту, свѣдлы закирлась; губы тряслись....

— Что съ вами?...

— Со мной?

— Да!

— Со мной, право, нѣтъ ничего: я никогда не беру съ собой кромѣ самонужнѣйшаго, и то бездѣльца....

«Да это становится страшно.... Жена помѣшалась, нукъ съѣзжаетъ съ разсудка; пожалуй, безуміе заразительно; найдеть и на меня страшная очередь; э, господа! Надо подумать и о себѣ....»

Такъ думалъ Бюргеръ и задумался; досмотрщики остановили таратайку, обшарили все углы, поклонились и пропустили гостей. Многие кланялись Листе, но онъ будто ничего не видѣлъ, не отвѣчалъ на привѣтствіе, и когда кучеръ повернулъ въ тѣсную улицу, Листе схватилъ его за шиворотъ и закричалъ: куда ты, разбойникъ?...

— Къ Бѣлому....

Листе зажалъ ротъ кучеру и сказалъ: ступай къ собору!

— Это за чѣмъ? спросилъ Бюргеръ. Теперь уже дѣло идетъ къ вечеру....

— Да! Но вы пойдете въ одну сторону, я въ другую.... города вы не знаете; можете запутаться, а соборъ всегда отыщете....

«Прекрасная предосторожность! Разсудокъ возвращается....»

— Стой! Ну, вотъ теперь разоидемся! Ступайте!

«Опять завирается....»—Я пойду, не безпокойтесь, я знаю по-пѣмецки....

— Нѣтъ, ужъ я пойду послѣ васъ. Всѣ-таки вы мой гость!

— А, это, видно, ваша квартира.... Да что съ вами, ради Бога....

Листе опоминлся.

— Охъ, я весьма разстроены.... Жена моя.... Не мѣсто, не мѣсто! Ступайте-себѣ, послѣ поговоримъ объ этомъ. Куда вамъ надо?...

— Въ цвѣточную лавку....

— Вотъ по этой улицѣ, за уголь, первая вывѣска.... До свиданія! кто раньше вернется, подождетъ товарища....

— Я не долго.... сказалъ Бюргеръ и ушелъ. Листе не обманулъ; точно, на первой вывѣскѣ намалеваны были цвѣты, да не тѣ какія нужно; то была модная лавка.... Бюргеръ не присмотрѣлся и вошелъ къ цвѣточницѣ. За прилавкомъ бѣгало что-то въ родѣ шампанской рюмки, тонкое, тонкое, заснурованное, затянутое, стянудое, такъ что казалось будто голова на сажени съ необыкновенною быстротою ходить у стекляннхъ шкафовъ. Когда на звонъ колокольчика, этотъ женскій хлыстикъ, обѣжавъ три ряда шкафовъ, остановился передъ носомъ Бюргера и спросилъ, тонкимъ какъ талья голоскомъ: что вамъ угодно?

Бюргеръ присѣлъ отъ удовольствія и глядя въ оба на хорошенькое личико хозяйки, сказалъ такимъ же тоненькимъ голоскомъ:

— Цвѣтовъ, сударыня!

— Какихъ?

— Всякихъ! Розъ, геліотроповъ, гвоздикъ махровыхъ. Можно и не пахучихъ....

— У насъ всѣ безъ запаха.... Вотъ вамъ, выбирайте!

Тутъ только понялъ Бюргеръ куда попалъ и улыбнулся....

— Да.... да! сказалъ Бюргеръ: я пріятно ошибся. Тутъ

однѣй живою цвѣтокъ, но за него можно отдать королевскіе цвѣтники въ Ганноверѣ....

Дѣвушка ѣзкоса взглянула на Бюргера и промолчала съ приличною важностью....

— Позвольте спросить, вы хозяйка?

— Нѣтъ!

— Дочь хозяйки.

— Нѣтъ....

— Такъ что же вы такое?

— До этого вамъ нѣтъ дѣла.

— Вотъ ужъ это совершенно не справедливо: мнѣ, знающему въ женщинахъ, нѣтъ дѣла кто такая красавица, такая пальма стройности, такая....

— Чтò еще?...

— О, я могъ бы наговорить много, но вы, я вижу, много привыкли слушать....

— Глухости? Да вамъ еще простиительно. Вы очень молоды. А вотъ какъ старики пустятся....

— Воображаю! то-то гиль несутъ....

— Отъ чего же гиль?...

— Виноваты! они васъ хвалятъ, слѣдственно, говорятъ правду.... Только эта правда въ такихъ устахъ неприятна; то есть, не сама правда, а уста.... О, я воображаю!...

— Смотрите, не обманитесь. Иной разъ воображаешь одно, а выйдетъ другое....

— А что же выйдетъ?

— Выйдетъ мадамъ и выгонитъ такого купца....

— Станемъ говорить тише....

— Да о чемъ намъ говорить.

— Будто ужъ и не о чемъ. Поговоримъ о молодости....

— Слава Богу, я еще не старуха. Не о чемъ тутъ и пустословить. Да я и не люблю, знаете, въ магазинѣ разговаривать не о цвѣтахъ....

— А гдѣ же вы любите разсуждать не о цвѣтахъ.

— На гуляньѣ, на вечеринкахъ....

— Да вотъ завтра воскресенье. Вы вѣрно будете на гуляньѣ.

— Можетъ-быть.

— У васъ есть кавалеръ?

— О! найдется!

— А меня не возьмете....

— Пожалуй....

— Куда жъ мы поидемъ?

— Мы поидемъ въ Розенталь. Тамъ пообѣдаемъ, послушаемъ музыки, погуляемъ и въ шесть часовъ я уже буду рассказывать моей хозяйкѣ какія видѣла шляпки, плащики, платья и прочая. Ну, ступайте себѣ съ Богомъ! Скоро надо и лавку заперать....

— Такъ до завтра....

— До завтра....

Бюргеръ отвѣсилъ поклонъ, сдѣлавъ рукой правѣтъ фальшиваго поцѣлуя и выскочилъ на улицу....

— Чудесная встрѣча! Но гдѣ я проведу эту ночь? Неужели возвращаться въ проклятую деревушку.... Нѣтъ! Прошу извиненія! Завтра Листе можетъ совершенно сойти съ ума; таратайки не будетъ; пѣшкомъ далеко... Конечно. Ночую въ городѣ.... Вѣдь тутъ есть гдѣ-нибудь гостиница.... Позвольте спросить, гдѣ тутъ останавливаются приѣзжіе?

— Тамъ, отвѣчалъ прохожій указавъ на деревянную ограду и ушелъ....

— То есть, за этимъ дряннымъ заборомъ. Поидемъ!

Заборъ точно былъ дрянной. Но зато гостиница слава. Нынѣ въ Германіи и въ деревняхъ прекрасные трактиры, а въ тѣ времена по этой части славились только города и въ томъ числѣ Нидекъ. Четыре дѣвушки, одна другой краше, ухаживали за немалочисленными гостями, которые играли въ ломберъ и бостонъ, пили пиво, курили или, лучше сказать, дымили какъ фабричныя трубы. На дворѣ было еще свѣтло, но въ большой палатѣ уже горѣли свѣчи. Бюргеръ натурально помѣстился въ особенной комнатѣ; онъ не любилъ мужской компаніи, гдѣ были дѣвушки, да еще такія хорошенькія. Притомъ же онъ въ совершенствѣ зналъ всѣ трактирные нравы и приказалъ подать себѣ четыре чашки кофе, каждую чашку онъ задалъ другой дѣвушкѣ въ очередь, что дало ему возмож-

ность въ полчаса познакомиться и даже подружиться съ этими на взглядъ равнодушными, неприступными Діанами. Одна изъ нихъ точно называлась Діаной и она-то болѣе другихъ понравилась юстиць-чиновнику. Въ нѣскольکو отрывчатыхъ бесѣдахъ онъ узналъ географію гостинницы; нанялъ себѣ самый отдаленный номеръ и переселился туда съ послѣднею чашкою кофе. Само собою къ кофе потребовалась трубка табаку, — Діана принесла трубку; къ трубкѣ потребовался огонь, — Діана принесла свѣчку; къ свѣчкѣ щипцы, за щипцами рюмка ликеру, за ликеромъ котлетка, за котлеткой бутылка вина, за виномъ опять трубка; все это сопровождалось разговоромъ весьма веселымъ. Бюргеръ былъ совершенно доволенъ, Діана также. Поутру Бюргеръ явился передъ своею Пальмой, подаль ей руку и оба, совершенно непринужденно, какъ-будто старые знакомые, какъ-будто родственники, отправились въ Розенталь. Тамъ уже была тма народу; всѣ столы были заняты; Бюргеръ досталъ запасный и поставилъ его въ глубокой тѣни, такъ что собесѣдница могла и музыку слушать и всѣхъ видѣть, а его, Бюргера, съ трудомъ можно было и замѣтить постороннему глазу.

- Ну, душа моя, какъ же васъ зовутъ?
- На что вамъ мое имя....
- Видно имя «душа моя» вамъ больше нравится.
- Я ни за что бы не захотѣла быть чужою душою...
- То есть, не захотѣли бы принадлежать мнѣ....
- Никому. Пусть лучше другіе мнѣ принадлежать.....
- Ну, берите меня въ свое владѣніе! Я охотно опредѣлюсь къ вамъ на службу....
- Что я съ вами буду дѣлать.
- То что и съ другими!
- А что же я съ другими?.... дурачусь, смѣюсь....
- Сначала, а потомъ?
- А потомъ дурачу, насмѣхаюсь....
- И я тоже; чѣмъ же вы дурачите вашихъ пльнинокъ....
- Ахъ, какая мантія!.... Пойдите, пойдите! Надо пойти присмотрѣться....

И Пальма ушла. Бюргеръ остался одинъ, недовольный своей собесѣдницей, недовольный и собой за то, что такъ долго не умѣлъ приступить къ рѣшительному объясненію, притомъ же, ему очень хорошо было извѣстно, что эта пташка не засидится въ Розенталѣ до поздняго вечера; что до слѣдующаго воскресенья онъ ее можетъ видѣть только въ магазинѣ за прилавкомъ; онъ не успѣлъ ни на что рѣшиться, какъ Пальма прибѣжала, успѣлась на свое мѣсто, схватила ножъ и вилку и сказала торопливо:

— Если вы хорошій человекъ, такъ скажите, что вы братъ моей хозяйки....

— Кому....

— Кто сейчасъ придетъ сюда.

— А кто сюда придетъ....

— Очень милый молодой человекъ....

— О, да я этого молодаго человека побью.

— За что?

— За то, что онъ лишаетъ меня пріятныхъ надеждъ. Послушайте, время уходитъ и я долженъ спросить васъ откровенно....

— О чемъ.

— А о томъ, что я вамъ не противенъ?

— Нѣтъ.

— Вы можете, значить, любить меня?...

— Разумѣется....

— И вы готовы.

— Выйти за васъ замужъ! Это было бы слишкомъ скоро... не успѣли еще порядочно познакомиться, а ужъ затѣваете жениться! Эхъ, какой проворный! Какъ скоро полюбили, такъ скоро и разлюбите! А мнѣ мужъ нуженъ на весь вѣкъ. Я васъ могу любить и люблю очень; но Фрицъ уже три года влюбленъ въ меня; но этого еще мало; я назначила сроку четыре года, пока я въ состояніи буду завести свой собственный магазинъ. И если онъ будетъ постояненъ, получить отъ отца лавку, тогда я выйду за него: извините, у него больше правъ нежели у васъ....

Бюргеръ поднялъ голову вверхъ и сталъ насвистывать какую-то простонародную пѣсенку....

— Чтò съ вами?

— Ничего! Мнѣ жаль васъ! Вы въ любви не понимаете ничего!

— Больше вашего! Посмотрите, какъ я буду любить моего Фрица! Посмотрите какъ онъ вѣритъ мнѣ; какъ уважаетъ мою свободу; видѣлъ, поклонился, говорилъ со мной, а не подходитъ. Предлагалъ проводить домой, но я не хотѣла измѣнить вамъ....

— О, помилуйте! Не стѣсняйтесь! Я самъ бы отыскалъ его, да не знаю гдѣ бродитъ этотъ счастливецъ....

— Вотъ онъ сидитъ одинъ на скамѣйкѣ....

— А!....

Бюргеръ подошелъ къ бѣлокурому красивому юношѣ, сказалъ два слова и тотъ прибѣжалъ къ Пальмѣ радостно.... А Бюргеръ? Онъ уже и не смотрѣлъ въ ту сторону гдѣ разсѣялись его пламенные надежды.... Онъ хохоталъ довольно громко и повторялъ тихо....

— Нашла жениха! Нѣтъ, душа моя, у меня много невѣстъ, но не будетъ ни одной жены,... Или, лучше сказать.... Та, та, та! какая хорошенькая! Кто это съ ней! Неужели я не ошибаюсь.... Да это, кажется, Плакса....

Бюргеръ не ошибся. Послѣ ужаснаго отказа, Германнъ бросился въ эту буйную, страшную жизнь, которая чувственными наслажденіями заглушаетъ мгновенно душевные муки. Германнъ былъ на-веселѣ и велъ двухъ дамъ, по наружности сестръ. Бюргеръ догналъ ихъ. «Плакса, сказалъ онъ: тебя ли вижу!»

— Ахъ, Горланъ! Ты какъ здѣсь! Давно ли.... Вотъ ужъ не ожидалъ! Какъ я радъ! Пойдемъ ко мнѣ, то есть, къ намъ! Вы позволите.... Вотъ тебѣ дама! Это сестра моей Аннеты, премилая, ты съ ней тотчасъ подружисься....

Но къ удивленію Плаксы, Горланъ смотрѣлъ на него съ участіемъ и не подавалъ руки той, которая только-что красотою своей исторгла изъ него восклицаніе....

— Чтò съ тобой, Горланъ! Я не узнаю тебя! Бывало ни одной женщинѣ не было проходу.... А теперь....

— А теперь.... сказалъ Бюргеръ задумчиво: приходять на умъ глупыя мысли. Пойдемъ.... Позволите? ...

И соученики отправились въ домъ Аннеты и Элизы, двухъ дочерей богатого сѣножника, не такъ давно отошедшаго къ своимъ предкамъ. Матери у нихъ давно не было и отца своей волѣ приписывали себя жениховъ въ Ресентагъ. Германъ и Бюргеръ вели себя какъ-нибудь лучше; вѣдѣли пирушку, прогуляли до полуночи и откланились тогда, когда ноги требовали покоя. Вышли они на улицу, и Бюргеръ сказалъ:

— Надо правду сказать, красавицы! Особенно моя Элиза! Я ужъ съ нею познакомился въ надлежашемъ порядкѣ; завтра же вѣлюсь какъ слѣдуетъ для предварительныхъ переговоровъ; кажется мы имъ нравимся...

— Не знаю какъ ты, но я ужасно. Одна бѣда—моя Аннета ревнива....

— Э! Я мою Элизу отбучу отъ ревности. Ну, ты куда?

— Я домой.... А ты не се мной....

— Э, извини! До Элизы еще очень далеко ... Прощай!

И такъ засидѣлись....

— Ну, прощай....

— Прощай! А гдѣ же мы завтра увидимся.

— Гдѣ? А гдѣ хочешь!

— Приходи ко мнѣ въ гостиницу....

— На за что!

— Отчего!

— Этотъ Листе такъ мнѣ надоѣлъ, что я переѣхалъ оттуда. Играй, да играй, и въ такую высокую игру... Во-первыхъ,—дорого; во-вторыхъ, не въ наши лѣта проводить вечера въ игорныхъ домахъ. Пока я не нашелъ Аннеты, ну, пожалуй отъ скуки, а теперь.... нѣтъ! Прощай!....

— Такъ Листе играетъ въ гостиницѣ въ карты...

— И ужасно! Провигралъ пропасть! Не знаю, откуда онъ деньги беретъ.... Больше, о, куда больше двухъ тысячъ талеровъ!...

У Бюргера морозъ пробѣжалъ по кожѣ! Что если деньги, оставленные дѣлушкой у Листе, скатились по зеленому сукну въ чужіе карманы.

— И каждый день?

— Каждый—но два раза въ день! Впрочемъ, теперь не знаю; я тамъ даже не былъ; и не пойду; ни зачѣмъ не пойду! прощай! До свиданія....

Германнъ ушелъ. Бюргеръ съ грустью пошелъ въ гостиницу и отобралъ отъ Діаны самыя вѣрныя показанія и о Листе и о Германнѣ. Діана съ трудомъ могла развеселить Бюргера. Заснулъ онъ не скоро, волнуемый опасеніемъ; всталъ рано и не зналъ чѣмъ дѣлать. Вхвать ли къ Листе или дожидаться его въ Индекѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ПЕРІОДА.

Странно. Бюргеръ никогда не думалъ о деньгахъ. И чѣмъ ему деньги? Карманныхъ дѣдушка ему оставилъ довольно; обѣщалъ еще больше присылать, если поведеніе внука будетъ соответствовать ожиданіямъ дѣда. А развѣ поведеніе его было предосудительно. Что онъ состоялъ въ дружбѣ съ госпожею Троппе, такъ этого дѣдушка ему не запрещалъ. Онъ не приказывалъ только ходить въ домъ къ Троппе. Бюргеръ былъ уже на столько юристомъ, чтобы понимать совершенную свою невинность въ этомъ отношеніи; а чѣмъ касается до Діаны, Пальмы и Эльзы, то можно ли дѣдушкѣ за это сердиться. Деньги оставлены у Листе Бюргеръ и требовать не имѣлъ права; они обеспечивали его службу и могли быть выданы ему только въ одномъ случаѣ, если онъ женится съ согласія дѣдушки.... И несмотря на все на это, Бюргеръ сильно беспокоился. Невольныя опасенія его возрасли, когда Діана донесла ему, что нѣавки, обобравшія Листе, уже собрались въ игорную залу и ждутъ только жертвы. Бюргеръ хотѣлъ-было пойти къ нимъ, но Діана отсовѣтовала.....

— Пойдите! Я лучше вамъ дамъ знать когда игра завяжется; тогда приходите.... тогда....

— Твоя правда, милая моя Діана! О, женщины! Вы для

меня однѣ только и благосклонны.... Знаешь ли, Діана, я желалъ бы чтобы на этомъ свѣтѣ только и были однѣ женщины....

— И однѣ мужчины—вы?

— Гмъ! твоя правда! Положеніе мое было бы очень затруднительно; нѣтъ, я желалъ бы чтобы мнѣ жить такъ, чтобы никогда не видать ни одного мужчины, чтобы они не видали меня, чтобы....

— Вы забыли, что одного изъ нихъ вы сами хотите видеть.... Пойдите, я сбѣгаю; теперь самое время....

Діана воротилась....

— Пріѣхалъ! Сѣли!...

И Бюргеръ вошелъ въ главную залу, гдѣ за круглымъ столомъ сидѣли игроки и условливались на счетъ цѣвы, по которой играть собирались. Листе сидѣлъ спиною къ дверямъ, въ которыя вошелъ Бюргеръ. Бюргеръ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, подошелъ къ столу, остановился за стуломъ Листе и внимательно, огненными глазами, слѣдовалъ за всѣми движеніями рукъ игроковъ. Сначала это имъ только не нравилось и они поглядывали на любопытнаго съ нетерпѣніемъ и досадою. Но когда Листе сталъ выигрывать и накопилъ большую кучу талеровъ; игроки то блѣднѣли, то краснѣли, то хотѣли прекратить игру, то жаловались, что дуется и собирались переѣхать въ другую комнату. Бюргеръ радовался за Листе. Какъ посторонній, онъ скоро понялъ важность своего присутствія и не сводилъ глазъ съ своихъ жертвъ. Одинъ совершенно растерялся и уронилъ подъ столъ карту. Бюргеръ нагнулся и поднялъ, и не открывая какая карта, подалъ игроку... Тутъ только Листе замѣтилъ Бюргера и смѣшался....

— Боже мой, вы здѣсь!... Я самъ нечаянно.... Право, мнѣ совѣстно.... Мы сейчасъ кончимъ....

— О, нѣтъ, господинъ Надворный Совѣтникъ, продолжайте: сего дня вашъ день; надо же разъ и выиграть. Господа эти, кажется, сегодня расположены проиграть.... Увеличьте кушъ, господинъ Листе.... Сегодня вашъ день....

— Я сейчасъ забастую, сказалъ игрокъ, багровый отъ досады и проигрышу....

— Пуля не копчена! сказавъ хладнокровно Бюргеръ и Листе выигралъ; хотѣлъ уже и самъ перестать на это утро: выигрышъ превышалъ тысячу талеровъ; но Бюргеръ настоялъ..... Игра пошла дальше и Листе всталъ изъ-за стола, когда у игроковъ рѣшительно не осталось ни одного талера въ карманѣ. Игроки стали расходиться... Діана, съ легкостью Сильфиды подносила каждому шляпу и присѣдала ... «Въ другой разъ!» ворчали игроки, и поспѣшно уходили; одинъ только подошелъ къ Листе и спросилъ шопотомъ: «До вечера?» Листе кивнулъ головой и послѣдній игрокъ ушелъ....

— Кажется вы теперь отыгрались....

— Нѣтъ, остался въ проигрышѣ самую бездѣлицу; до ста талеровъ. ..

— Богъ съ вами! Вообразите, что мы съ вами сдѣлали дальнюю поѣздку на мой счетъ и не играйте больше....

— Но за чѣмъ же имъ дарить эти сто талеровъ....

— За тѣмъ, чтобы не потерять тысячу! Г. Листе, повѣрите ли, сегодня играли не вы, а я....

— Какъ это?

— Мои глаза преслѣдовали каждую сдачу. Счастье было при васъ; осторожность при мнѣ... Нѣтъ, я умоляю васъ, заклинаю, бросьте эту разорительную забаву!...

— Другъ мой! мнѣ скучно! Я не знаю что дѣлать цѣлый день. Женщины мнѣ стали противны.... Вина я не переношу.... Читаты!... Я проклялъ книги! Что же я буду дѣлать цѣлый день;—научите.

— Да развѣ у васъ нѣтъ добрыхъ знакомыхъ?... Развѣ вы не можете себѣ найти безопасную партію въ честномъ домѣ....

— Гдѣ ее найдешь въ Нидекѣ. Тутъ есть очень почтенный человекъ и любитъ поиграть, но мы не можемъ прискаться себѣ третьяго....

— А я начто? Ужъ лучше мнѣ выиграть у васъ или вать у меня, чѣмъ даромъ отдавать деньги записнымъ разбойникамъ....

— А вы играете?

— Буду играть! Не велика мудрость! Я сегодня играл гораздо лучше васъ....

— Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ вы хотите играть?... О, если такъ, пойдѣте, пойдѣте! Онъ теперь дома, онъ будетъ радъ съ вами познакомиться; мы пообедаемъ у него, и потомъ засыдемъ до вечера: пока проспится Агата, мы уже будемъ дома... Прекрасно! превосходно! Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое сто талеровъ; и въ маленькую игру можно вертѣть.... Пойдѣте, пойдѣте.... Онъ и живетъ отсюда не далече.

Листе былъ счастливъ; Бюргеръ доволенъ; Діана въ восторгѣ и отъ добраго дѣла и отъ двухъ талеровъ данныхъ ей счастливыми друзьями. Дорогой они не успѣли ни о чемъ поговорить, потому что домъ, куда шли, былъ действительно близокъ. Хозяинъ сидѣлъ на балконѣ въ колпакѣ и халатѣ и читалъ газету. Увидавъ лѣвымъ глазомъ Листе, онъ бросилъ газету, снялъ колпакъ и вскричалъ:

— А! господинъ надворный совѣтникъ! Вы хотите мимо пройти!

— Вы ошиблись! господинъ комиссаръ! Мы прямо къ вамъ....

— И обѣдать?...

— И поиграть, если угодно!...

— Вотъ это по-дружески! Позвольте, я самъ открою вамъ двери, потому что служанка ушла съ Луизой..... Милости просимъ....

— Господинъ комиссаръ, имѣю честь представить вамъ моего молодого друга, доктора, юстицъ-чиновника нашего....

— Очень радъ.... перебилъ господинъ комиссаръ: нѣтъ намѣтся я васъ уже имѣлъ случай видѣть....

— Извините.... Я не могу припомнить....

— Ха, ха, ха! И очень натурально!... Одинъ разъ мы были заняты красотой госпожи Тропше... Не краснѣйте, не краснѣйте! Я самъ былъ молодъ.... Не скромно, но намъ старикамъ многое позволено.... Глядя на васъ я

не удивлялся прелестьницѣ; но глядя на нее я удивлялся ей....

— Полно, полно, господинъ комиссаръ, вы совершенно смутили моего друга! Вы должны вспомнить, что у васъ въ Геллигаузенѣ за мостомъ всего только одна женщина, и то такая любезная, что даже можно бы обвинять юношу въ недостаткѣ чувствительности, если бы онъ не попалъ въ эти мастерскія сѣти. Но эта исторія старая; онъ уже давно не былъ за мостомъ.

— Бѣдная Матильда! иронически сказалъ старикъ. Оттого-то она вотъ уже второй день ищетъ утѣшителя въ Нидекѣ....

— Это она меня ищетъ, подумалъ Бюргеръ... Пусть ищетъ. Діана, Элиза уже въ виду, а сколько еще скрывается прекрасныхъ предметовъ, въ этихъ красивыхъ домикахъ хорошенькаго городка. Нѣтъ! Я перейду сюда на службу хоть ночнымъ сторожемъ; но въ Геллигаузенъ — ни ногой. Такъ думалъ Бюргеръ и улыбался....

— О чемъ, сосѣдъ? спросилъ старикъ добродушно....

— Вѣрно стихъ какой мелькнулъ въ головѣ.... замѣтилъ Листе....

— А вы пишете стихи? Я ужасно люблю стихи; особенно стихи Бюргера. Вотъ поэтъ на мой ладъ. Вотъ такъ пишете, мой любезный другъ.... Но, правда, совѣтовать легко, да исполнить трудно.... Вотъ и теперь я читалъ стихи Бюргера къ Агатѣ, написанные послѣ бесѣды о земныхъ страданіяхъ и ожиданіяхъ въ вѣчности....

Листе покраснѣлъ. Бюргеръ смѣшался. Впечатлѣніе произведенное на Бюргера женою Листе было мгновенно; но это мгновеніе зародило въ душѣ его поэтической отъѣтъ на ея странныя грезы..... Онъ не показалъ этого стихотворенія никому, да и некому было показывать, — онъ отослалъ его къ единственному своему другу, Бойн. Тотъ не разсудилъ, что это стихотвореніе личность, не переписалъ даже имени и напечаталъ. Хотя въ немъ не было ничего предосудительнаго, но всё-таки въ немъ есть такіа личности, которыя не могутъ быть пріятны мужу... Старикъ не замѣтилъ волненія гостей и продолжалъ:

— Вы не читали этихъ стиховъ?... Хотите я вамъ прочту?...

— О, зачѣмъ же вамъ беспокоиться.... Позвольте мнѣ самому.... перебить Листе.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не слышали какъ я декламирую... Я прочту....

— Остерегитесь, замѣтилъ Листе коварно улыбаясь: въ присутствіи сочинителя трудно чптать....

— Сочинителя....

— Вотъ господинъ Бюргеръ! Это онъ самъ! Эта Агата.... Но онъ не откажется самъ прочесть эти стихи; не правда ли!...

Бюргеръ съ досадою схватилъ листокъ, и съ жаромъ прочелъ свое знаменитое стихотвореніе.... Старикъ отеръ слезу удовольствія; Листе слезу досады.

— Чтò же тутъ дурнаго? спросилъ Бюргеръ съ гордостью, радуясь что шаловливая и разгульная муза его, не вбросила туда выраженій пластическихъ, рѣзкихъ, которыми такъ обиловали другія его стихотворенія.

— Дурнаго! закричалъ старикъ. Да вы, господинъ надворный совѣтникъ, послѣ этого человекъ безъ вкуса!... да это просто превосходно! Я глазамъ моимъ не вѣрю, что передо мной такой поэтъ, которымъ уже справедливо гордится Германія.... О, я такъ счастливъ! Гдѣ Луиза! Она такъ любитъ ваши стихи; вы не откажетесь прочесть намъ чтò-нибудь не напечатанное. Бойѣ пишеть, что вы переводите Илліаду, правда ли это?

— Да, я началъ испытывать силы...

— О, пойдетъ прекрасно, но для такихъ трудовъ надо покой; нѣкоторыя выгоды.... А, вотъ и Луиза! Какъ она будетъ рада! Жаль что Августа моя въ пансіонѣ: отослалъ тому назадъ съ недѣлю; та еще острѣе Луизы; мнѣ кажется, что Августа будетъ сама писать хорошо... Луиза, поди сюда, Луиза...

— Луиза вошла и декорація перемѣнилась. Бюргеръ взглянулъ и вспомнилъ геттингенскую пирожницу, и карцеръ и сонъ..... и лицо его свело будто судорога; сердце сжалось... А Луиза ни жива, ни мертва, присѣла, по-

блѣдѣла и не могла выпрямиться... Старикъ приписалъ эти движенія застѣнчивости и сказалъ:

— Полно, Луиза! Какъ тебѣ не стыдно быть такою застѣнчивою. Это господинъ Бюргеръ, поэтъ, котораго стихи ты такъ любишь...

Луиза присѣла еще ниже...

— Да что съ тобой! Подойди къ намъ, прочти Габріэлю; она премило читаетъ это стихотвореніе... Прочти, Луиза, прочти!...

Луиза дрожала...

— Какая ты смѣшная, Луиза! Кто же тебя можетъ лучше поправить, если не самъ авторъ. Ну, читай Луиза, не то поссоримся...

И чудный голосъ, сладкій, тихій, въ которомъ такъ много было кротости, упительнаго сладковучія, началъ читать:

Какъ прекрасна Габріела,
Этотъ кладъ души и тѣла.
Часто говоритъ душа:
Это дѣва неземная,
Свѣтлая невѣста райа и проч.

Луиза не могла кончить; слезы подавили голосъ; рыдая она бросилась изъ комнаты. Старикъ былъ и тѣмъ доволенъ; Листе тонулъ въ размышленіяхъ; Бюргеръ былъ тронуть до глубины души.... Въ то же время сердце его охватило адское пламя; живыя фуріи терзали его; Матильда, Агата, Діана, Элиза и всѣ геттингенскія красотки подняли странный балетъ въ его воображеніи. Послѣдніе два стиха, какъ болѣзненный шумъ въ ухѣ, мучили слухъ поэта.... Луиза, въ свѣтлыхъ какихъ-то волнахъ, небесной Русалкой плавала передъ его глазами....

— А! Каково! повторялъ старикъ любуясь Бюргеромъ и приписывая его замѣшательство отличному чтенію Луизы.... Я вамъ говорю, что онѣ обѣ создацы быть поэтессами.... Дай Богъ дожить пока ихъ таланты развернутся.... Ну, господа! Теперь съ неба на землю.... Луиза! Пора обѣдать....

Сѣли за столъ въ четыре прибора; слѣдственно, всѣ были другъ отъ друга близко; каждый желалъ скрыть свое волненіе и оттого бесѣда долго не клеслась; но старикъ умѣлъ все помирить добрымъ виномъ. Листе противъ обыкновенія выпилъ больше; Бюргеръ меньше. Листе безпрерывно отпускалъ колкости насчетъ Бюргера; этотъ читалъ стихи и приводилъ старика въ восторгъ; добродушіе, кротость и вѣжливый голосъ Бюргера обезоружили Листе, очаровали старика, а Луизу такъ освоили съ страшнымъ гостемъ, что она уже его не боялась; съ улыбкой разговаривала съ нимъ о Ленорѣ и другихъ его стихотвореніяхъ; и, къ удивленію старика и гостей, прочла собственное свое стихотвореніе.... Конечно, обошлось не безъ понужденій; но обронивъ однажды свою тайну, Луиза уже не могла отдѣлаться отъ своего батюшки.... и прочла, что ниже слѣдуетъ:

Мнѣ не нужно цвѣтовъ, —
 Цвѣты завянутъ;
 Мнѣ не нужно льстецовъ, —
 Лстецы отстанутъ;
 Мнѣ не надо мечты; —
 Мечта обманетъ:
 Не хочу красоты, —
 Краса увядетъ.
 Разлетитесь какъ дымъ,
 Земныя блага;
 Отдаю васъ другимъ:
 Мнѣ васъ не надо.
 Я высокну въ молитвѣ,
 Я неба жажду!
 Только Богъ утолитъ
 Святую жажду....

Листе расплакался.... и не на шутку.... Всѣ приняли живое участіе въ его печали, которая тѣмъ болѣе поразила всѣхъ, что обнаружилась вслѣдъ за самыми ѣдкими сарказмами на поэзію.

— Что съ вами! спросилъ съ участіемъ старикъ....

— О, не спрашивайте! Я не въ-силахъ отвѣчать.... Такіе

не стика когда-то увлекли меня. Частота Агаты до сих пор связывает меня.... О, не выдавайте Луизы замужъ. Ею она любить не будетъ, а овъ будетъ несчастенъ.... Такия женщины не живутъ здѣсь. Овѣ въ гостяхъ на землѣ; хуже, въ ссылкѣ.... Нѣтъ! не выдавайте ее замужъ....

Старикъ не зналъ что отвѣчать на эту странную выходку.

— По-идему, сказалъ Бюргеръ: только такая женщина можетъ составить счастье человека. Мужъ—голова; мужъ можетъ управлять наклонностями жены; можно ограничить поэтическое стремленіе, можно направить его къ житейскому примѣненію и оно украситъ здѣшнюю жизнь райскими цвѣтами.... Мы часто сами виноваты нашему несчастію и потому оскорбляемся, когда другой по-свѣому, толкуетъ наши страданія....

— Миѣ кажется, сказалъ Листе съ горестью: вы хотите написать посланіе и ко миѣ. Не трудитесь! Я боюсь извѣстности.... Но довольно... у меня голова кругомъ влеть... я усталъ.... я изнемогъ.... Пойдемте на воздухъ....

— А вотъ допьемъ эту бутылочку и пойдемъ; а ты, Луиза, встань и приготовь намъ въ бесѣдкѣ кофе....

Допили. Встали.

— Послушайте, господинъ комиссаръ, сказалъ Листе: я желалъ бы передать вамъ два слова наединѣ....

— Съ удовольствіемъ.... Луиза! Займи господина Бюргера....

Листе остановился, потомъ махнулъ рукой и ушелъ въ садъ съ комиссаромъ. Луиза вышла занять гостя и прихватила съ собою весь кофейный сваряждъ....

— Скажите, Луиза, спросилъ Бюргеръ, чтобы какъ-нибудь начать разговоръ: скажите, зачѣмъ это у васъ два портрета и оба съ васъ и оба списаны одною рукою....

— Не правда ли, не похожа....

— Очень мало сходства....

— Я еще кое-какъ; но ужъ Августы тутъ и тѣни нѣтъ...

— Какъ, развѣ другой портретъ не съ васъ....

— Нѣтъ! Это будто бы сестра моя!... Но, право, смѣшно

смотримъ! Ни пà-волось сходства. Скажите, вы не знаете, о чемъ они пошли говорить....

— Не знаю!

— О, я ужасно боюсь этого Листе! Онъ страшный человѣкъ! онъ ходитъ по бѣлу-свѣту какъ туча и носить несчастье....

— Вы ошибаетесь, Лунза.

— Дай Богъ! Но нѣтъ..... Впрочемъ, мнѣ-то что его бояться, когда я не боюсь самого несчастія.

— Будто.

— Да разумѣется! Будто есть такое горе, которое покойно не уляжется въ сердцѣ....

— Вы испытуете судьбу, Лунза.

— Я говорю, что думаю.... господинъ Бюргеръ.... Извините, какъ васъ звать, это, правс, скучно.... Бюргеровъ такъ много; но у васъ должно быть свое имя.

— Готлибъ-Августъ....

— Первое лучше. Ну, такъ Готлибъ! Я имѣю до васъ просьбу....

— Приказывайте....

— Вотъ въ чемъ дѣло. Вы будете смѣяться, но Богъ съ вами. И я по-свѣдому честолюбива. У меня есть альбомъ. Напишите мнѣ туда хорошенькіе стихи....

— Благодарю васъ и постараюсь исполнить ваше желаніе. Тайная муза мнѣ поможетъ....

— А у васъ есть тайная муза....

— Кажется есть....

— Кажется?

— Да, потому что я не могу отдать себѣ отчета, что со мной дѣлается. ..

— А что съ вами дѣлается? Вѣрно вдохновеніе волнуется сердце. Скорѣе за альбомъ....

Бюргеръ остался одинъ. О, въ эту минуту вы бы не узнали его; это не былъ геттингенскій студентъ, искатель приключеній, мотылекъ легкомысленный!... Нѣтъ, онъ былъ чистъ, восторженъ. Онъ понималъ, что такая женщина какъ Лунза лучше легіона Клеопатръ, краше сонма Нинонь и при всемъ томъ онъ не искалъ ей понравиться

онъ считалъ ея покой выше всего.... Съ умплєніємъ онъ глядѣлъ на нее; съ душевнымъ счастіемъ слушалъ ее; блаженствовалъ, когда большіе синіе глаза Луизы смотрѣли на него. Луиза воротилась, подала крошечный дѣтскій альбомъ, который, какъ булавка, исчезъ въ карманѣ Бюргера....

— Я думаю, сказала она, принимаясь опять за кофе: вамъ отъ дамскихъ альбомовъ некуда дѣваться... Прочтите, пожалуйста, что вы написали госпожѣ Троппе....

Бюргеръ покраснѣлъ и не зналъ куда дѣваться. Ему было совѣстно, стыдно... и тѣмъ болѣе, что онъ ясно видѣлъ, что Луиза говоритъ совершенно простодушно, безъ всякаго умысла уколоть его....

— Хорошая, умная женщина? спросила она такъ наивно, что Бюргеръ рѣшительно не зналъ что отвѣчать: — Я не знаю, продолжала она, за что ее папа не любитъ. Какъ можно не любить кого-нибудь....

— Однако же....

— Разумѣется, одного больше, другаго меньше... Но не любить совсѣмъ.... Вы не повѣрите, чего мнѣ стоило отказать вашему пріятелю, Германну....

— Боже мой! Вы отказали Германну!

— Чего вы такъ перепугались! Я и сама думала, что онъ не такъ равнодушно перенесетъ мой отказъ — и что же?... Луиза покраснѣла.

— И вы никогда не любили его....

— Какъ не любила! Очень любила, но для того, чтобы выйти замужъ надо любить иначе....

— А какъ же надо любить иначе....

— Вотъ если бы я это знала, я бы вамъ и сказала. А я только понимала одно, что я его не такъ люблю, какъ слѣдуетъ любить женѣ. И отказала. О, вы не знаете, чего мнѣ это стоило!...

— Вѣрю, вѣрю!... почти со слезами сказалъ Бюргеръ...

— Вѣрю, вѣрю.... раздался голосъ комиссара. Посмотрите, увидимъ! Ну, а теперь сыграемъ небольшую партию.... Луиза! карты и кофе въ бесѣдку....

Завязалась игра. Бюргеръ плохо игралъ и проигры-

валъ..... Луиза очень сожалѣла объ немъ и видя что онъ почти совсѣмъ не умѣетъ играть, подсѣла къ нему и пошла игра какъ-нельзя лучше. Бюргеръ отыгрался, выигралъ у Листе нѣсколько талеровъ, и когда тотъ предлагалъ еще партію, Бюргеръ сказалъ: счастье не можетъ быть постоянно. Съ моей стороны было бы не разсчитливо продолжать игру. На сегодня довольно, да и ванъ нора дѣмой.... Въ благоразуміи есть много познѣн....

Коммиссаръ значительно и вопросительно взглянулъ на Листе; тотъ примѣтно смѣшался, расплатился, взялъ шляпу, дружески простился съ отцомъ и дочерью и ушелъ. Оба молча дошли до собора. Тамъ стояла таратайка. Листе сѣлъ. Бюргеръ не садился....

— Вы не со мной? спросилъ Листе сухо....

— Покорнѣйше благодарю. У меня есть дѣла....

— Дѣла! Такъ прощайте!

— До пріятнаго свиданія!

Бюргеръ остался одинъ. Возлѣ собора былъ небольшой бульваръ, на которомъ никто не гулялъ, кромѣ дѣтей. Но въ поздній вечеръ тутъ рѣшительно никого не было. Белѣе ста разъ Бюргеръ вымѣрилъ этотъ бульваръ гигантскими шагами. О чемъ же думалъ Бюргеръ? О Луизѣ. Но что онъ думалъ,—это было истинно забавно. Онъ думалъ, — какъ же это свѣдали, послѣ узнаете,—онъ думалъ, что Луиза не Луиза; то есть, что она точно Луиза, но что въ ней чего-то недостаетъ чтобъ быть Луизой, а чего, — этого-то и искалъ Бюргеръ.... Онъ промучился надъ этимъ вопросомъ дотога, что стало сыро, холодно, и мелкій дождь или, лучше сказать, роса промочила его до костей; тогда только онъ убѣдился, что Луиза точно Луиза и какъ-будто бы открылъ въ ней то чего не доставало прежде. Все это требовало повѣрки.... Къ огорченію Діаны, Бюргеръ даже не ужиналъ; а это означало въ немъ высшую степень душевнаго волненія. Поутру онъ еще нѣсколько ходилъ на вѣршило Бюргера: былъ веселъ, шутилъ; за недостаткомъ партіи игралъ съ Діаной на бильярдѣ; но ударило десять часовъ и Бюргеръ, не простясь съ собесѣдницей, ушелъ и прямо къ коммиссару, который читалъ уже

газеты и не мало былъ удивленъ появленіемъ Бюргера.

— Что это? спросилъ комиссаръ довольно сухо: Вы уже изъ Геллигаузена!

— Нѣтъ! отвѣчалъ Бюргеръ грустно: я туда не ѣздилъ, я не хочу ѣхать.

— Но дѣла, вамъ порученыя вашими кліентами.

— Ахъ, господинъ комиссаръ, у меня нѣтъ ни дѣлъ, ни кліентовъ, а только опекуны, которые, признаюсь, мнѣ въ тягость. У меня одинъ другъ, это Бойзъ; но онъ далеко. Дѣдушка мой, Бауэръ, могъ бы пособить моему горю, но онъ въ Ашермбенѣ. Не близко...

Комиссаръ надулся; онъ думалъ что сейчасъ попросить у него денегъ въ займы, чего терпѣть не могъ. Бюргеръ продолжалъ:

— Вы вчера такъ ласково приняли меня, такъ обошлись со мною по-дружески, что, простите за смѣлость, я рѣшился искать у васъ совѣта и помощи.....

Комиссаръ хотѣлъ—было предупредить просьбу козвеннымъ и благовременнымъ отказомъ, но Бюргеръ продолжалъ:

— Я не могу жить въ Геллигаузенѣ! Есть періодъ въ жизни, когда нравятся женщины, когда шалости составляютъ часть жизни; но этотъ періодъ для меня кончился.....

— Давно ли?

— Вчера.....

— Какимъ это образомъ?

— Не спрашивайте! Человѣкъ не созданъ для того чтобы расточать жизнь! Нѣтъ! Ею надо копить; а вы знаете, что тотъ день только остается, въ который сбѣгаешь что-либо доброе, полезное; прочіе дни—зола жизни!

— Bravo!

— Я не могу жить въ Геллигаузенѣ... Старая прелестьница мнѣ опротивѣла; притомъ же если бы я позволилъ себѣ такую связь.... это было бы преступно. Она или будетъ преслѣдовать меня своею любовью или мстить; послѣднее ей легко; ревность Куно и Бруно ей помогутъ. Дайте для меня человѣкъ непонятный. Я больше понимаю

его непостижимую жену, которая живетъ только ночью и бесѣдуетъ только съ безплотными; но его я рѣшительно не понимаю. Въ его рукахъ мой поручительный капиталъ.... Я не смѣю вамъ сказать, но я желалъ бы чтобы эти деньги лежали въ другомъ сундукѣ..... Вы не сердитесь за это дерзкое мнѣніе..... Но изъ всего этого вы видите, что у меня много поводовъ, которые заставляютъ вырваться изъ Геллигаузена.....

— Благодарю васъ за довѣренность.... сказалъ старикъ, снимая колпакъ: но, право, теперь нѣтъ ни одного такого мѣста на принѣтъ. Есть одно, но глухая деревня....

— Тѣмъ лучше! О! для меня удивленіе можетъ-быть будетъ источникомъ счастья всей моей жизни....

— Не нарадуюсь, любезный другъ, слушая васъ.... Вы можете получить это мѣсто сегодня же....

— Нѣтъ! Прежде всего надо увѣдомить дѣдушку. Не хочу дѣйствовать безъ воли моего благодѣтеля....

— Обнимите меня, любезный другъ! Какъ я радъ что все ложь!

— Что ложь?

— То что я про васъ слышалъ.... Пойдите же; я схожу къ одному моему знакомому, а вы садитесь за мой письменный столъ и пишете письмо къ дѣдушкѣ....

Бюргеръ сѣлъ къ столу. Старикъ ушелъ.... Написавъ письмо, Бюргеръ вышелъ въ другую комнату; тамъ сидѣла у окна Луиза и вышивала.....

— Что? спросила она весело: отдѣлались?

— Кончили!

— Что же вы кончили?

— Письмо.

— Къ кому?

— Къ дѣдушкѣ.

— Можно спросить объ чемъ?

— О перемѣнѣ мѣста.

— Куда же вы?

— Въ глушь, въ деревню.....

— Далеко?

— Не знаю.....

— Какъ не знаете?

— Право, не знаю!.... Вашъ батюшка лучше знаетъ..... онъ сказалъ.....

Луиза поблѣднѣла и потомъ вспыхнувъ сказала съ жаромъ:

— Нѣтъ, ужъ я это никогда не прощу papà! Какъ ему не стыдно. Вѣрить всякому, кто только съ улицы придетъ.... Вы не знаете, какіе у васъ враги есть?

— У меня?

— Да, у васъ! Вчера васъ ввели въ домъ, но вчера же и оклеветали.

— Вы ошибаетесь, Луиза!

— Нѣтъ! это вы ошибаетесь!

— Но вашъ батюшка сегодня еще обвинялъ меня, принималъ такое участіе.....

— Чтобы сproveднить по-дальше, знаете ли отъ кого?

— Отъ кого?

— Отъ меня!

— Отъ васъ! Это зачѣмъ?

— А за тѣмъ, что господинъ Листе увѣрилъ его, что выгдѣ-то меня видѣли и влюбилась, и просили его ввести васъ въ нашъ домъ; что онъ не могъ отказать, но какъ старый другъ....

— Бездѣльникъ!

— Клеветникъ!

— О, какъ я счастливъ!

— Чѣмъ это?

— Тѣмъ, что вы не вѣрите клеветѣ.

— Полноте, Готлибъ!—И Луиза протянула ему руку:— Во-первыхъ, батюшкѣ стыдно слушать всякаго, а главное, обидно за меня. Какъ онъ можетъ бояться за свою Луизу! О, я ему не прощу этого. Пусть придетъ; будетъ сраженіе.....

— Сраженіе?

— Да, сраженіе! Вы смѣетесь! И если бы не я, то вы давно бы отправились въ деревню.

— Ахъ, Луиза! Да развѣ вы такъ боятесь деревни.....

— Да вѣдь не я туда поѣду: для меня—деревня, рай! Я не

люблю города. Еще Нидекъ лучше другихъ; но всё же лучше деревни. Сельская жизнь—мечта моя..... И жаль, что мечта обманеть!

Бюргеръ сѣлъ на стулъ и закрылъ глаза руками.

— Что съ вами!

Бюргеръ молчалъ.

— Не дурно ли вамъ.....

— Нѣтъ! нѣтъ! Зачѣмъ не мнѣ назначенъ рай? О, вѣрнее, Луиза! Вѣрнее этому Листе! Онъ правъ.....

— Что вы говорите.....

— Правъ, самъ того не зная. Да! я испортишь, исковерканъ жизнью; душа моя, сердце..... Это страшная куча земли, взброшенная и сожженная Вулканомъ..... Я стѣю моей славы! Я..... И точно, онъ правъ, я васъ видѣлъ прежде..... Но онъ клеветаетъ будто я его преслѣлъ ввѣсти меня въ домъ вашъ. Онъ лжетъ! Я не зналъ что найду здѣсь васъ, и если бы зналъ, то, можетъ-быть, не переступилъ бы вашего порога....

— Это почему....

— Потому, потому.... Нѣтъ, что подумаетъ обо мнѣ вашъ батюшка, что подумаете вы.... Нѣтъ, тогда Листе будетъ кругомъ правъ....

Бюргеръ замолчалъ и закрылъ глаза руками. Луиза опустила голову и усердно вышивала.... Наступила тишина торжественная и продолжалась до самаго прихода комиссара....

— Слѣвно! Знатно! кричалъ комиссаръ: безнедобно!... Правда деревня, но зато близка отъ насъ; а во-вторыхъ, содержаніе гораздо лучше; есть и постоянный доходъ; охотниковъ много, но я все остановилъ; нѣсте въ свои рукахъ. За дѣлушкой остановка.... Гдѣ письмо....

Луиза смотрѣла на отца съ изумленіемъ. Странно было не за что. Напротивъ, онъ хотѣлъ перевести Бюргера поближе... Но, къ удивленію, Бюргеръ не обрадовался; напротивъ, съ поникшею головою пошелъ за вѣнцомъ, воротился и сказалъ задумчиво....

— Господинъ комиссаръ! Позвольте отложить дни на два, на три....

— Это зачѣмъ!

— О, Листе! Листе! съ отчаяніемъ сказалъ Бюргеръ и, къ удивленію комиссара, ушелъ изъ дому.... Луиза передала ему весь разговоръ съ Бюргеромъ. Старикъ призадумался; Луиза также.... Весь день прошелъ въ думахъ. Утромъ Діана принесла господину комиссару толстый пакетъ: *Въ собственныя руки.*

Комиссаръ распечаталъ и нашелъ тамъ альбомъ и письмо. Развернувъ письмо онъ прочелъ слѣдующее:

« Несравненная дочь ваша просила меня написать что-нибудь въ альбомъ; но послѣ всего что я узналъ вчера, могу всего что я въ эти два дня почувствовалъ, стихи мои, какъ бы просты и невинны ни были, покажутся вамъ и дочери вашей дерзкой и преступной лестью,—это съ одной стороны. Съ другой, эти стихи не могутъ вмѣщать изъясненіе свѣтской учтивости. Нѣтъ, въ нихъ должно отразиться мое несчастіе, высказаться то страданіе, которому я не знавалъ и не знаю имени.... Я получалъ ужасный урокъ и ожидаю отъ него благодѣтельныхъ послѣдствій. Забудьте несчастнаго.

Съ глубочайшимъ и пр.

Г. А. Бюргеръ....»

— Луиза! Ну ужъ тутъ я ничего не понимаю. Какъ ты успѣла передать альбомъ Бюргеру.... это еще объяснить можно.....

— И очень легко.... сказала встревоженная Луиза: Я думаю и вы, батюшка, пожелали бы имѣть въ своемъ альбомѣ стихи такого поэта.... Но что же онъ пишетъ....

Луиза читала долго, и нѣсколько разъ измѣнялась въ лицѣ. На этотъ разъ старикъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями дочери. Луиза сложила письмо, и сѣла возлѣ отца.

— Ну, что ты объ этомъ думаешь, милая Луиза?...

— Много, батюшка, много. Это письмо заставитъ призадуматься. И вы и я, мы такъ мало знаемъ Бюргера. Рассказы Листе такъ страшны.... И при всемъ томъ, я не сомнѣваюсь, что у него чистая, прекрасная душа; что шалости его были только шалости; что поводомъ къ нимъ

была душевная пустота. Батюшка, вы не будете сердиться, вы не сочтете этого неприличною гордостью, но мнѣ кажется я довершила бы его благодатное преобразованіе. Чего не сдѣлаетъ любовь?

— Ага!

— Что ага!

— Ты любишь Бюргера?

Луиза задумалась.

— Ты невольно высказалась... Но не сердись же, Луиза, и на меня. Я отецъ и отецъ такой дочери, которую я въ правѣ гордиться. Судьба твоя—должна быть предметомъ всей моей заботливости.... Я не прочь; не вѣрю Листе и люблю душевно Бюргера. Я убѣжденъ, что ты можешь изъ него сдѣлать образцоваго человека, если только мы не ошибаемся насчетъ самого Бюргера. И такъ знаешь, что мы сдѣлаемъ?.... Возьмемъ его на испытаніе.

Луиза съ нѣжностью поцѣловала отца и сказала съ улыбкой:

— О, съ его способностями, съ его сердцемъ—онъ выдержитъ экзаменъ блистательно.

— Весьма желаю.... И такъ ты ничего не знаешь, ни о письмѣ, ни объ альбомѣ. Я отправляюсь къ нему.... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ остановился въ гостинницѣ; потому что здѣсь кажется у него нѣтъ знакомыхъ....

Старикъ не ошибся. Онъ нашелъ Бюргера въ номерѣ, но не одного; въ корридорѣ еще слышалъ онъ разговоръ, который заставилъ старика остановиться и.... о, ужасъ,—подслушивать. Полураскрытыя двери тому благопріятствовали.

— Я не ожидалъ отъ тебя, Горланъ, такого страннаго, такого неприличнаго поведенія.....

— Перестань!

— Нѣтъ! Не перестану, пока ты не исправшишь своего проступка; не оправдаешь моею рекомендаціи. Элиза плачетъ....

— Перестанетъ!...

— Она полюбила тебя.....

— Разлюбитъ!...

— Но ты не знаешь какъ страстно, какъ пламенно она полюбила тебя!...

— Съ одного свиданія, когда мы съ тобой въ чаду оргіи не походили на людей! Стыдись.... Такой любви я не вофірю.... Да я и не хочу ни какой любви. Та, которая могла бы составить мое счастье, та не можетъ меня любить....

— Э, полноте, раздался нѣжный женскій голосъ: васъ можетъ любить каждая. Вы предобрый, преблаго-родный человекъ. Я сама васъ душевно люблю....

— Благодарю тебя, Діана! Ты смотришь на вещи иначе, проще и справедливѣе.... А тамъ—шалость считаютъ преступленіемъ и справедливо.... Тамъ извѣстны уже не только мои шалости..... тамъ—я оклеветанъ....

— Чтò за исторія! Да ужь не думаешь ли ты жениться, Горланъ!

— О, не напоминай мнѣ объ этомъ! За всѣ мои шалости, за всѣ мои измѣны и побѣды я наказанъ однимъ ударомъ, одною молвіей.... Мнѣ дано понять, почувствовать истинное блаженство на землѣ; уже мнѣ снилась деревня, милая жена, поэзія! Уже я слѣдовалъ за торжественнымъ ходомъ нравственнаго очищенія! Я предвкушалъ величіе человекъ—и въ это самое мгновеніе все разрушилось....

— Да, прибавилъ женскій голосъ: и всю ночь онъ промучился такъ, что я спать не могла; прибѣгала къ его дверямъ, прислушивалась, предлагала свои услуги, хотѣла сходять за докторомъ.... О, это ужасно любить такъ какъ онъ!... Діана вздохнула.

— Мы вылечимъ, подумалъ комиссаръ и постучался въ полураскрытыя двери.

— Войди! Кто тамъ! Ахъ, Боже мой! господинъ комиссаръ, вы меня находите въ такомъ безпорядкѣ....

— Въ физическомъ и нравственномъ! Не правда ли?.... А, такъ это вы, господинъ Германнъ....

— Я! господинъ Леонгардъ! отвѣчалъ Плакса съ нахальствомъ и презрительною улыбкою.

Но комиссаръ не обратилъ на него дальнѣйшаго внима-

нія и глазами вскалъ стула куда бы поставитъ шляпу. Діана подскочила. Старикъ погладилъ ее по головѣ....

— Благодарю тебя, дитя мое! Ты очень добрая дѣвушка, а?

Бюргеръ покраснѣлъ, но Діана, ни малѣйше не смутясь, отвѣчала:

— Добра, какъ умѣю; зла, какъ нужно....

— А что вы думаете, господинъ Бюргеръ?... Здравая философія. Но, между-прочимъ, господинъ Бюргеръ, я къ вамъ за дѣломъ. Я вамъ принесъ назадъ и письмо и альбомъ. Перваго я не понимаю, до послѣдняго мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Я посердился на васъ. Этотъ альбомъ былъ въ родѣ доноса....

— Нѣтъ, прямымъ оправданіемъ.

— Въ томъ, чему никто не вѣритъ, а тѣмъ болѣе я. Надѣюсь, что доброе знакомство между нами возобновится. Увѣряю васъ, что мы цѣнимъ только то, что сами видимъ, а по чужимъ словамъ никого не судимъ. Не съиграли ли намъ партію въ бильярдъ?....

— Если вамъ угодно!...

И комиссаръ съ Бюргеромъ пошли за Діаной, которая по пути доложила, что послѣ того разу, когда господинъ Листе отыгрался, не только онъ, но ни одинъ изъ записныхъ картежниковъ въ гостиницу не являлся....

— Вотъ что! подумалъ комиссаръ и спросилъ: Кто же распугалъ ихъ.

— А вотъ онъ! простодушно отвѣчала Діана.

— Понимаю, понимаю!

— И слава Богу! Можетъ-быть мои деньги уцѣлѣютъ....

— А Листе игралъ на ваши деньги! воскликнула Діана и остановилась....

— Э! теперь и я понимаю.... Оттого-то Листе къ намъ и не ѣдетъ; боится съ вами встрѣтиться. Тѣмъ хуже; они играютъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и нѣтъ возможности наблюдать за ними.... Но пожалуйста въ бильярдную, а я одѣнусь и сбѣгаю въ городъ; у меня своя полиція; мы все узнаемъ....

— Какъ хороша ваша Діана! сказалъ старикъ намѣтая кій: — Предоброе дитя.

— Истинно доброе! Она не заслужила своей судьбы...

— Судьбы не изменишь! Но вот мы остались один, растолкуйте, пожалуйста, о чемъ вы по нѣмъ писали...

— Мнѣ.... кажется.... тамъ все понятно.... Клевета.... да и прошедшее....

— Прошедшее прошло, а клевета лопнула.... Не правда ли, мы будемъ друзьями?... Дайте вашу руку.

Бюргеръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но подалъ руку. Старикъ улыбнулся и сталъ играть.... Дни уходили за днями. Изъ Геллигаузена присылали два раза за юстицъ-чиновникомъ, но онъ отговаривался болѣзнію и сидѣлъ въ Нидекѣ. Утро проводилъ онъ съ Діаной въ важныхъ бесѣдахъ: читалъ ей стихи, переводъ Илиады, даже писалъ свои къ Бойе и другимъ тогдашнимъ знаменитостямъ; но чаще толковалъ о Луизѣ, выхвалялъ ее таланты, которые должны составить неперемѣнное счастье ея мужа. Діана совѣтовала ему жениться на Луизѣ; но онъ качалъ головой и говорилъ утвердительно: никогда ее за меня не выдадутъ! Никогда! Всѣ-равно я буду любить ее до гроба....

— А меня?...

— И тебя, Діана, приговаривалъ онъ съ улыбкой: ты мнѣ другъ....

— И не ошиблся!

И, правду сказать, примѣръ непонятной любви представила Діана. Ночью, когда послѣ ужина, Бюргеръ садился писать, Діана исчезала и передавала всѣ рѣчи, всѣ мысли своего друга—старому комиссару.... Естественно, комиссаръ радовался, Луиза утопала въ блаженствѣ.... Діанѣ было обѣщано честное и постоянное мѣсто въ новомъ хозяйствѣ.... Смѣшно, а было такъ; Діана хлопотала о счастьи своей соперницы....

Однажды утромъ принесли комиссару письмо съ почты и вслѣдъ за тѣмъ записочку отъ пріятеля. Комиссаръ одѣлся, пошелъ и засталъ Бюргера одного....

— Гдѣ же ваша Діана! спросилъ онъ.

— Понесла мою просьбу въ Геллигаузенъ....

— О чемъ?

— О увольненіи. Я не могъ переносить долге грубыхъ писемъ Куно.

- И хорошо сдѣлали....
- Какъ знать?
- Нѣтъ, право хорошо! Во-первыхъ, вы уже опредѣлены, по моей просьбѣ, въ Вѣльмерсгаузенъ....
- Что вы говорите!
- Во-вторыхъ, я получилъ отъ вашего дѣдушки отвѣтъ на мое письмо.
- Онъ согласенъ?
- Согласенъ и на перемѣну мѣста и на бракъ вашъ....
- Съ кѣмъ?...
- Разумѣется, съ Луизой!

II.

ПОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

НОЧИ

НА КЛАДБИЩЪ ЛАШЕЗА.

=

РОМАНЪ ЛЕОНА ГОЗЛАНА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Вы познакомились съ Дымкою въ Лондонѣ, продолжалъ кавалеръ де-Профундисъ рассказывать маркизу де-Сенъ-Люку: вы примѣтили ее въ Виль-д'Авреѣ, когда она сидѣла одна въ своей коляскѣ. Не угодно ли теперь навѣстить ее дома, въ Парижѣ. Я уже говорилъ вамъ, кажется, что не должно искать ни какого подобія между сословіемъ женщинъ, къ которому принадлежитъ Дымка, и Аспазіями, Манонъ Леско и Машеньками Делормъ: вѣкъ

Т. LXXII. — Отд. II.

Людовика Четырнадцатаго, вѣкъ «большихъ баръ», одинъ только имѣлъ своихъ прелестницъ-расточительницъ, которыя кидали за окно горстями золото, брильянты, свой умъ, свою молодость, свое сердце, а подъ-часъ и сами бросались, просто по безумію любви. Вѣкъ, подобный нашему, можетъ произвести только такого рода женщинъ, какъ Дымка. Но зачѣмъ пускаться въ разсужденія. Посмотрите на нее и вы сами выведете заключеніе.

Представьте себѣ, что мы теперь входимъ къ ней. Она еще не спитъ, хотя уже второй часъ. Пройдемте по этимъ тремъ гостинымъ. Онѣ убраны въ разныхъ вкусахъ, но всѣ — великолѣпно, роскошно. Дорогіе цѣльные ковры, съ королевской мануфактуры, покрываютъ полы совершенно; бронзовые столовые часы стоятъ по четыре тысячи франковъ штука; мебель — знаменитѣйшихъ мастеровъ; на золотыхъ рамахъ картинъ — имена Тербурга и Вувермана; саксонскій и севрскій фарфоръ — такой, что лучшаго не найдете и въ Тюильри. Дымка знаетъ толкъ во всѣхъ этихъ вещахъ, но не подумайте, чтобы она къ полотнамъ временъ Карла Смѣлаго и къ египетской бронзѣ питала страсть художника: она держитъ все это у себя, во-первыхъ, потому что это придаетъ ей видъ богачихи и женщины модной; во-вторыхъ, потому что она можетъ съ барышомъ продать все это завтра же, если представится случай или нужда. Завѣтнаго тутъ ничего нѣтъ: все — или деньги или товаръ.

Но всѣхъ роскошнѣе и великолѣпнѣе будоарь: тутъ собрано все, что нравится самому разборчивому вкусу и что нѣжитъ и ласкаетъ чувства. Войдемте. Дымка сидитъ на розовомъ атласномъ диванѣ, одѣтая въ душистую кисею и кружева. Разсуждая, что она недавно возвратилась изъ оперы, вы полагаете, что застанете ее читающую нѣжныя записочки или пишущую отвѣты. Нѣтъ; этотъ будоарь — контора. Противъ хозяйки, за письменнымъ столомъ, сидитъ мосье Кракленъ, ея бухгалтеръ и ревизоръ въ дѣлахъ. Онъ ведетъ правильный счетъ ея входу и расходу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, если вы захотите, взгляните на раскрытую передъ нимъ книгу. На одной страницѣ крупными буквами написано *Приходъ*.

другой — *Расходъ*. Слушайте, что Дымка серебристыми своимъ голосомъ диктуетъ бухгалтеру.

• Получено, въ продолженіи послѣдней трети отъ графа Д... 3,000 франковъ и платье въ 1,500 франковъ, итого	4,500 фр.
• Въ то же время получено отъ банкира Леонара 6,000 фр. акціями руанской желѣзной дороги.....	6,000.
• За ту же треть не заплачено за квартиру и принята отъ козакскаго сына, москѣ Магюсака расписка въ полученіи.....	1,575.
• Двѣ сѣрыя лошади, стоящія не менѣе двухъ тысячъ франковъ, и коляска такой же цѣны, отъ господина, который не хочетъ быть названъ, итого.....	4,000.

Взгляните теперь на *Расходъ*. Вы увидите тотъ же порядокъ: Дымка ничего не упускаетъ изъ виду.

• Данъ обѣдъ г. Офенгозу, кромѣ вина.....	200 фр.
• Дано въ счетъ г. Трабуку (повару).....	300.
• Дано Эридикѣ (горничной).....	50.
• Куплено двѣ пары шелковыхъ панталоновъ Феликсу (груму).	70.

Вы видите, что балансъ за треть представляетъ хорошіе барыши. Дымка совѣтуется съ повѣреннымъ насчетъ помѣщенія капиталовъ для оборота. Она хочетъ взять акцій Четырехъ Каналовъ и акцій сенъ-жерменской желѣзной дороги. Она и на биржѣ каждый мѣсяцъ пускаетъ въ оборотъ по шести тысячъ франковъ и не всегда платитъ убытки, потому что въ этомъ дѣлѣ повѣренный у нея — сынъ домового хозяина, москѣ Магюсакъ.... Но вы теперь уже достаточно знаете порядокъ въ богатствѣ Дымки и вамъ, конечно, желательно знать его источники.....

— Какъ! вскричалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ: да источникъ, само собою разумѣется, — великодушіе, которое Дымка внушаетъ своимъ обогателямъ.

— Да, это, конечно, одинъ изъ главныхъ источниковъ, но это не единственный. Вотъ, москѣ Кракленъ ушелъ. Посмотрите, что теперь дѣлаетъ Дымка. Она прилежно разбираетъ цѣлую груду записочекъ, писемъ, конвертовъ и бумагъ, всевозможныхъ почерковъ, со всевозможными печатями и безъ печатей. Эта груда, по-видимому, негод-

ной бумаги, для Дымки дороже баниновых билетовъ. Посмотрите, съ какою жадностью она читаетъ и перечитываетъ эти письма. Вы не знаете, какое сокровище заключается для нея въ этихъ бумагахъ и бумажкахъ. Съ ними она не боится старости, не боится обветшанія своихъ прелестей. Пусть всѣ поклонники оставятъ ее сегодня же; пусть она состарѣется въ одну ночь. Обладая этими бумагами, она не утратитъ своего могущества. Нѣкоторые важные по должностямъ своимъ люди, чиновники и дипломаты, научили ее, что она можетъ сдѣлать посредствомъ такихъ бумагъ и она, конечно, не задумается воспользоваться даннымъ оружіемъ противъ нихъ самихъ, лишь-только представится случай. Я послѣ объясню вамъ, какія это были бумаги. Теперь позвольте напередъ рассказать вамъ о маіорѣ Моргенѣ и его отношеніяхъ къ Дымкѣ. Это нисколько не удалитъ насъ отъ дѣли нашей исторіи, напротивъ, приблизитъ.

Повинуясь стариннымъ аристократическимъ обычаямъ, старый баронъ Моргенъ послалъ своего молодого маіора Моргена, для усовершенствованія воспитанія, провести нѣсколько времени въ четырехъ столицахъ Европы, въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Маіоръ съ торжествомъ выдержалъ три испытанія: Вѣна — свою спѣсь, свою гордость; Берлинъ — свою осторожность; Лондонъ — осанку. Оставалось только въ Парижѣ получить изящную ловкость и послѣдній лоскъ. Послѣ этого окончательнаго усовершенствованія маіору надлежало воротиться домой, чтобы занять должность дипломата или чиновника и ожидать отъ смерти отца четырехъ сотъ тысячъ дохода.

Старый баронъ былъ человекъ добрый, чувствительный, честный; вѣрилъ въ силу родительскихъ благословеній и наставленій и въ дѣйствительность рекомендательныхъ писемъ. Занимался онъ или разборомъ гербовъ, или поливкой цвѣтовъ на могилѣ жены, или игрою на флейтѣ. Онъ игралъ очень дурно, но съ чувствомъ. Когда маіоръ воротился изъ путешествія въ Вѣну, добрый старикъ сказалъ:

— Маіоръ!

И маіоръ отвѣчалъ: — Папа!

— Научился ты хорошему обращенію въ Вѣнѣ?

— Научился, папа.

— Видѣлъ ты императора?

— Видѣлъ, папа.

— Спрашивалъ онъ обо мнѣ?

— Нѣтъ, папа.

— Продолжалъ ты уроки на флейтѣ?

— Продолжалъ, папа.

— Ну, Богъ тебя благослови. Ступай на могилу къ матери.

По возвращеніи маіора изъ Берлина баронъ опять сказалъ своему сыну:

— Маіоръ! научился ты хорошему обращенію въ Берлинѣ?

— Научился, папа.

— Видѣлъ ты короля?

— Видѣлъ, папа.

— Спрашивалъ онъ обо мнѣ?

— Нѣтъ, папа.

— Продолжалъ ты уроки на флейтѣ?

— Продолжалъ, папа.

По этимъ разговорамъ, вы, можетъ-быть, заключите, что баронъ Моргенъ очень простъ, а его сынъ болванъ. Вы ошибаетесь. Баронъ былъ совсѣмъ не глупъ и помнилъ достоинство своего званія. Вѣнскія и берлинскія манеры необходимы нѣмецкому дворянину: безъ нихъ нигдѣ нельзя показаться, нигдѣ нельзя имѣть успѣху, ни при дворѣ, ни въ обществѣ знатныхъ дамъ. Это для стараго барона была вторая религія, которую и сынъ необходимо долженъ былъ исповѣдывать неизмѣнно. А маіоръ всегда былъ очень правдивъ: если онъ говорилъ, что научился вѣнскимъ и берлинскимъ способамъ обращенія, то можно вѣрить ему на слово. Если же старикъ спрашивалъ сына, видѣлъ ли онъ императора и короля, и потомъ прибавлялъ: «спрашивалъ ли онъ обо мнѣ», то это потому, что, во-первыхъ, вопросу занимательнѣе этого онъ, истинный патриотъ и аристократъ, не зналъ, и, во-вторыхъ, ничего не цѣнилъ выше надежды хоть на мгновеніе занять мѣсто въ воспо-

минаніи государей. Впрочемъ, онъ очень охотно извинялъ ихъ равнодушіе и забывчивость: онъ зналъ, что у нихъ есть дѣла по-важнѣе. Если же, наконецъ, баронъ спрашивалъ объ урокахъ на флейтѣ, то это потому что онъ страстно любилъ этотъ инструментъ и зналъ, что ни что такъ не смягчаетъ нраву и не прогоняетъ дурныхъ мыслей какъ музыка.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Лондона, молодой майоръ Моргенъ отправился въ четвертую столицу, въ Парижъ, гдѣ ему назначено было провести цѣлый годъ или два. Отецъ благословилъ его, снабдилъ достаточнымъ количествомъ рекомендательныхъ писемъ и банковыхъ билетовъ.

Пріѣхавши въ Парижъ, майоръ Моргенъ началъ съ того, что разнесъ рекомендательныя письма по принадлежности, по самымъ стариннымъ и извѣстнѣйшимъ домамъ сень-жерменскаго предмѣстья. Благодаря своему имени и титулу, онъ вездѣ былъ принятъ съ почестью. Но тѣмъ и ограничилась вся польза титула и рекомендательныхъ писемъ. Знатные господа принимаютъ подобныхъ посетителей такъ величественно, что они, испуганные церемоніаломъ, уже не считаютъ себя достойными явиться во второй разъ. Дружеское радушіе, на которое пріѣзжіи надѣются, бываетъ убито съ перваго удара, при первомъ соприкосновеніи того, который представляется, съ тѣмъ, которому представляются. Но майоръ не очень беспокоился о бесплодности своихъ походовъ. Главное для него было отдать письма по адресамъ въ приличное время и въ приличномъ нарядѣ, чтобы папѣ остался доволенъ. Знакомство онъ надѣялся найти самъ, въ Парижѣ точно такъ же какъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Лондонѣ, — пользуясь случаемъ.

Всѣ письма уже были розданы. Оставалось одно, которое майоръ не зналъ, какъ сбыть съ рукъ, потому что на конвертѣ не было адресу. Написано было только: *Madame, madame la Marquise*, а имя, фамилія и мѣсто жительства маркизы забыто, вѣроятно, въ-торопяхъ. Для всякаго другаго несчастіе было бы не велико: спряталъ бы письмо въ чемоданъ и конецъ. Но не такъ поступалъ майоръ. Отецъ, конечно, спросилъ бы его, по возвраще-

ни, какое дѣйствіе это письмо произвело на маркизу. Что тогда сказать? Что оно было безъ адресу? Но это онъ, этотъ аккуратный молодой человекъ обязанъ былъ примѣтить раньше, до отъѣзду. Сверхъ-того, что скажетъ особа, которая сдѣлала его отцу угожденіе и написала это рекомендательное письмо, если оно будетъ не отдано? Майоръ Морганъ въ безпокойномъ раздумьѣ, съ письмомъ въ карманѣ, отправился въ Парижскій-Кафѣ, гдѣ ему советовали обѣдать, потому что тамъ всегда собираются люди лучшаго тона. Онъ уже познакомился тамъ съ нѣсколькими молодыми людьми. Послѣ обѣда онъ отвелъ одного изъ нихъ всторону и сказалъ:

— Я хочу повпросить васъ объ одолженіи, графъ.

— Къ какимъ услугамъ, майоръ, отвѣчалъ графъ, нѣсколько смущенный важнымъ тономъ Пѣмца: дуэль что ли?

— Нѣтъ, по-важнѣе.

— Что же такое?

— Да вотъ, я не знаю, какъ отдать это письмо. Адресъ не полный.

Графъ посмотрѣлъ на майора съ удивленіемъ, потомъ взглянулъ на поданное письмо и захохоталъ.

— Помилуйте, майоръ! вскричалъ онъ: да чего вамъ еще? Адресъ совершенно удовлетворителенъ..

— Какъ такъ?

— Да такъ, совершенно удовлетворителенъ.

— А имя и фамилія?

— Начтò имя и фамилія? Особа, къ которой адресовано это письмо, слишкомъ извѣстна въ Парижѣ. Это — Маркиза. У нея нѣтъ другаго имени. Ее зовутъ просто Маркизой, какъ нѣкогда старшаго сына Кондэ звали просто Князь. Весь Парижъ знаетъ Маркизу.

— И вы знаете, гдѣ она живетъ?

— Въ улицѣ Лафитъ, въ двухъ шагахъ отсюда. Выглядите изъ окна. Вотъ, посмотрите. Видите вы эти два фонаря?

— Вижу.

— Ну, послѣ втораго-то фонаря первый подѣздъ. Это квартира Маркизы.

— Покорно, вась благодарю, графъ.

— Не на чѣмъ, маіоръ, отвѣчалъ тотъ съ улыбкою.

Маіоръ Моргенъ положилъ письмо въ карманъ и прекратилъ разспросы, тѣмъ болѣе что графъ уже торопился въ театръ, а самъ онъ еще располагалъ посидѣть въ кофейной.

На другой день маіоръ собрался сдѣлать визитъ Маркизѣ. Пробыло два часа, когда онъ явился въ ея передней, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ, богатомъ жилетѣ, лакированныхъ сапогахъ и съ головою прямо изъ-подъ гребенки парикмахера.

Грумъ проводилъ его въ залу и просилъ обождать, а самъ съ письмомъ исчезъ за другою дверью.

Въ ожиданіи появленія хозяйки, маіоръ Моргенъ сталъ разсматривать картины и обон, на которыхъ они висѣли. Увидѣвъ нѣсколько историческихъ знаменитостей и прочитавъ на рамкахъ имена Дюгеклена, Гиза, Вильроа, онъ убѣдился что находится именно у той, кого ему нужно и которая, вѣроятно, происходитъ отъ одной изъ этихъ древнихъ фамилій.

Между тѣмъ Маркиза лежала на постелѣ въ альковѣ устроенномъ наподобіе греческаго храма, на задней стѣнѣ котораго висѣли два очень выразительные эстампа съ картинъ Дюбуффа. Подлѣ Маркизы нѣжилась Дымка. Будучи утомлена ночью, проведенною за картами, она осталась ночевать у своей гостепріимной подруги. Мѣлъ и карты еще валялись на коммодахъ, стульяхъ и даже на ночномъ столкѣ. Пріятельницы легли очень поздно и бдѣніе ихъ было несчастливо: это можно было прочесть на ихъ лицахъ, на которыхъ не совсѣмъ еще изгладилась слѣды удовольствія и усталости. Обѣ были въ раздражительномъ расположеніи духа. Въ сердцахъ у нихъ оказывалась такая же пустота какъ и въ карманахъ. Карты, на которыя онѣ положились слишкомъ довѣрчиво, карты измѣнили имъ такъ же какъ и поклонники. Онѣ посреди всей этой роскошной мебели были безъ гроша и разсудили, что въ такомъ положеніи лучше всего — спать. Ихъ разбудилъ приходъ грума.

— Чтò ты? спросила Маркиза.

— Письмо, сударыня.

— Еще какой-нибудь кредиторъ, проворчала Дымка потягиваясь: не читай этихъ пустяковъ.

— Ждутъ отвѣту, замѣтила грумъ.

— Кто же принесъ?

— Какой-то иностранецъ, бѣлокурый, очень хорошо одѣтый.

— Молодой?

— Молодой, сударыня.

— Похожъ онъ на человѣка, который пришелъ за деньгами?

— Нѣтъ, кажется.

— Хорошо. Я позвоню. Ступай.

Грумъ вышелъ.

— Прочешь, Дымка?

— Читай, Маркиза.

Маркиза развернула письмо и стала читать съ трудомъ разбирая почеркъ.

«Милостивая государыня, почтенная маркиза фонъ-Брюкенбахъ....»

— Какъ! какъ ты говоришь?

— Фонъ-Брюкенбахъ.

— Вотъ глупая шутка!

— Конечно. Какая я фонъ-Брюкенбахъ! Я урожденная Миролё. Впрочемъ, это, вѣроятно, ошибка.

— Огромная, великолѣпная ошибка. Но продолжай. Полно хохотать, Маркиза.

— Читаю. «Милостивая государыня, почтеннѣйшая маркиза фонъ-Брюкенбахъ, сынъ моего друга, молодой баронъ Моргенъ, ѣдетъ въ Парижъ, чтобы довершить свое нравственное, литературное и политическое образование....»

Объ дѣвушки разомъ, быстро скользнули подъ одѣяло, чтобы баронъ Моргенъ не услышалъ взрыву ихъ хохоту. Потомъ, еще взволнованные этимъ задушеннымъ смѣхомъ, онѣ продолжали разбирать письмо. Маркиза читала вполголоса:

«Кому лучше поручить его какъ не вамъ, маркиза? Ваши добродѣтели, вашъ умъ, ваши правила и знаніе свѣ-

та будутъ служить ему самымъ вѣрнымъ щитомъ отъ опасныхъ связей, въ которыя такъ легко можетъ попасть подобный ему молодой человекъ...»

— Да полно же смѣяться, сумасшедшая: вѣдь онъ услышитъ! Читай.

«Онъ благороденъ, великодушенъ, богатъ. Чтобы сдѣлаться совершеннымъ дворяниномъ, ему остается только приобрести изящный лоскъ Парижанна, который онъ, на-вѣрное, скоро приобрететъ съ вашею помощью, почтеннѣйшая маркиза, если вы, какъ я надѣюсь, примете участіе въ сынѣ моего лучшаго друга, барона Моргена. Говорить вамъ болѣе объ этомъ, значило бы усомниться въ вашей старинной дружбѣ ко мнѣ, а этого вы, конечно, не дозволите. Вашъ преданный и покорный слуга, князь *Мюльницъ.*»

— Ну, что скажешь, Дымка?

— Я скажу то, что ты думаешь, Маркиза. Надобно воспользоваться ошибкою.

— Такъ ты думаешь, что тутъ есть ошибка?

— Ахъ, ты плутовка! Неужели же нѣтъ? Прочитай адресъ.

— Только и стоять: А madame, madame la Marquise. Остальное, вѣроятно, забыто. Но какъ можно забыть такое.... впрочемъ какая намъ надобность!

— Такъ рѣшено. Мы принимаемъ Нѣмца.... и не выпустимъ его.... Велимъ запереть всѣ парижскія воставы. Онъ Нѣмецъ, онъ бѣлокуръ, онъ баронъ, следовательно онъ богатъ.

— Я тоже такъ полагаю, сказала Маркиза положивъ письмо подъ подушку: но займѣть, Дымочка, что онъ ко мнѣ адресованъ.... ко мнѣ одной....

— А! вотъ, что ты замѣчаешь! вскричала Дымка приподнявшись, и волосы ея разметались какъ змѣи Фуриі: хорошо!.. Благодарю, милый другъ мой! Это значить, что ты одна хочешь поглотить его, одна высосать до капли....

— Нѣтъ.... но, ты понимаешь....

— Понимаю, понимаю, добренькое сердечко! Я понимаю тебя. Что твое, то мое; что мое, до того тебѣ дѣла

нѣтъ. Не такъ ли?... Но я не стану разбирать твое поведеніе, Маркиза!

— Тебѣ хочется оскорбить меня, Дымка?... Ты оскорбляешь меня!

— Нѣтъ, но я тебѣ отплатю по-своему!

— Выслушай меня, Дымка.

— Говори, Маркиза.

— Уступить тебѣ этого Нѣмца безусловно, значило бы оскорбить твое самолюбіе....

— Какъ!... куда ты клонишь, Маркиза?

— Пусть карты рѣшаютъ дѣло. Я проиграю тебѣ Нѣмца на червонную даму.

— Хорошо! вскричала Дымка, мигомъ поднялась и, потнувшись поперегъ постели своимъ полуприкрытымъ торсомъ сирены, полною, бѣло-розовою рукой достала съ ночного столика колоду картъ: если же я выиграю?

— Если ты выиграешь, отвѣчала Маркиза, я покорюсь судьбѣ. Нѣмецъ будетъ твой. Ты можешь дѣлать съ нами, что хочешь.

Заклучивъ этотъ договоръ, Маркиза проворно стасовала карты. Наступило глубокое, торжественное безмолвіе. Соверяницы усѣлись другъ противъ друга и крѣпко сплелись ногами какъ древніе борцы-гладіаторы. Полныя, курчуровыя губы и прозрачныя ноздри трепетали; глаза, черныя у Дымки и голубыя у Маркизы, горѣли однимъ огнемъ и, казалось, приняли одинъ цвѣтъ. Это сраженіе было вѣдѣе предшествовавшаго. Въ альковѣ не слышно было ничего кромѣ шороху картъ.

Между-тѣмъ маіоръ Моргенъ всё ждалъ отвѣту.

Маркиза тихонько называла одну карту, Дымка также называла другую.

— Семерка пикъ! говорила Маркиза.

— Осьмерка трефъ! отвѣчала Дымка.

— Валетъ пикъ!

— Девятка бубень!

— Король червей!

— Дама червей! вскричала Дымка: я выиграла!... Онъ мой!

Маркиза позвонила. Вошелъ грумъ.

— Скажи гостю, что я очень извиняюсь и покорно прошу его подождать еще полчаса. Попроси его въ гостиную.

Такимъ образомъ молодой маіоръ Моргенъ, по поводу ошибки въ адресѣ, познакомился въ Парижѣ съ знаменитою Дымкой.... въ то время, конечно, еще не столь знаменитою какъ теперь: тогда она еще только-что начинала. Но съ-тѣхъ-поръ и до встрѣчи съ графомъ Мѣдлокомъ, до поѣздки въ Лондонъ, она совершила двадцать другихъ поѣздокъ и видѣла у себя нѣсколько десятковъ поклонниковъ и покровителей.

Прошло больше мѣсяцу прежде нежели молодой маіоръ примѣтилъ ошибку, привлекательную, чудесную ошибку, говорилъ онъ, ошибку, которая доставила ему знакомство съ женщиною, какой онъ не встрѣчалъ въ трехъ столицахъ. Дымка, правда, съ самаго начала показалась ему не очень способною усовершенствовать его воспитаніе въ нравственномъ, литературномъ и политическомъ отношеніяхъ, но зато въ ней было столько остроумія, столько живости, столько обворожительной красоты, что ей стоило только захотѣть и она свела бы съ ума любаго философа и дипломата. Маіоръ Моргенъ разсудилъ, что эта наука лучше. У Дымки онъ научился какъ въ Парижѣ надобно жить, если хочешь представлять что-нибудь примѣтное. Онъ нанялъ великолѣпную квартиру и меблировалъ ее сообразно современной потребности. Пріемная была въ готическомъ стилѣ; столовая — въ стилѣ Людовика Тринадцатаго; гостиная — времянъ Людовика Четырнадцатаго; библіотека напоминала вычурны осымнадцатаго вѣка; кабинетъ, подъ лакъ и золото, совершенно соотвѣтствовалъ вкусу Дюбарри. Сообразно съ этимъ заведено и все остальное. Маіоръ Моргенъ зажилъ на славу и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе успѣшно пользовался уроками своей наставницы, которая съ своей стороны употребила всѣ мѣры къ усовершенствованію воспитанника.

Скоро назначенныхъ отцомъ денегъ не стало хватать. Требовались подмоги за подмогами. Что шло не на Дымку, то проигрывалось, потому что богатому барону нельзя было не играть по большой. Выигрышь какъ-то всегда

переходилъ въ руки Дымки, а за проигрышъ отвѣчалъ отецъ. Деньги уходили какъ дымъ въ трубу. Пошли векселя в долги подъ росписки. Маіоръ полюбилъ игру столько же сколько любилъ Дымку, сколько морякъ любить море именно потому, что на немъ есть бури.

— Навиши къ отцу, безпрестанно твердила Дымка: на что же онъ твой отецъ, если не на то, чтобы присылать тебѣ денегъ?

И маіоръ писалъ, хотя отъ времени до времени чувствовалъ на совѣсти, какъ недостойно его поведеніе въ отношеніи къ отцу. Но когда же въ Парижѣ думать о будущихъ слѣдствіяхъ дурнаго поступка? Едва-едва примѣчаешь, что перемѣнаешь общество, что изъ круга молодыхъ повѣсь и вѣтрениковъ переходишь въ кругъ плутовъ и шулеровъ, изъ круга шулеровъ, въ компанію кагоржниковъ.

Маіоръ не прошелъ еще по всѣмъ ступенямъ этой лѣстницы, однако онъ уже стоялъ на ней. Однажды, на пятидесятью или сотую просьбу о деньгахъ, онъ получилъ въ отвѣтъ: «Ты огорчаешь отца». Эти слова очень просты, однако маіоръ Моргенъ не такъ еще очерствѣлъ, чтобы не понять всей страшной ихъ важности: будучи произнесены человѣкомъ такого характера, какого былъ старый баронъ, они значили то же, что: *я прокливаю тебя*.

Съ этой минуты переписка между отцомъ и сыномъ прервалась. Для удовлетворенія потребностей Дымки маіоръ принужденъ былъ жить на кредитъ, который въ Парижѣ находить всякій, кто много прожилъ. Дымка очень хорошо знала по опыту непостоянство судебъ человѣческихъ и не сомнѣвалась въ близкомъ паденіи маіора. Но она была такъ великодушна, что не покидала его. «У него нѣтъ денегъ, это правда, думала она: но зато онъ еще можетъ дѣлать долги. Отецъ принужденъ же будетъ заплатить когда-нибудь.» И она сдѣлала изъ маіора машину для подписыванія векселей. Наконецъ однако жъ настала такая пора, что маіоръ принужденъ былъ скрываться, чтобы не попасть въ тюрьму. Дымка стала холоднеѣе. Она мало-по-малу стала сводить другія дружбы, которыя при-

водили маіора въ отчаяніе, потому что страсть его къ этой женщинѣ возрастала вмѣстѣ съ нищетой. Онъ сталъ дѣлать ей замѣчанія, потомъ упреки, потомъ сталъ горячиться. Но избѣгая грозящей тюрьмы, онъ принужденъ былъ также избѣгать слишкомъ частыхъ свиданій съ Дымкомъ. Она пользовалась этимъ обстоятельствомъ и нѣкоторое время уже считала, что совершенно отдѣлалась отъ дукучнаго. Два мѣсяца онъ ни разу не приходилъ дѣлать ей сцены. Она думала, что ея романъ съ маіоромъ Моргенемъ конченъ.

Но маіоръ Моргенъ любилъ Дымку больше чѣмъ когда-нибудь. Онъ любилъ ее столько же за ея блестящіе порки и мотовство, сколько за красоту, въ самомъ дѣлѣ пріятельскую. Онъ уже не могъ жить безъ нея: онъ влачилъ ея цѣпи повсюду. Видѣть ее! видѣть ее! кричалъ онъ въ продолженіи дней утомительнаго уединенія и втеченія безконечныхъ безсонныхъ ночей. Я хочу видѣть ее! хотя бы по выходѣ отъ нея меня заковали въ цѣпи! хотя бы повели на эшафотъ!

Онъ не могъ болѣе выдержать сопротивленія пламенному желанію и отправился. Онъ звонитъ и входитъ въ переднюю. Слуга проситъ подождать. Маіоръ съ трудомъ покоряется этому условію. Онъ, маіоръ фонъ-Моргенъ! долженъ ждать въ передней у Дымки!... Слуга возвращается и говоритъ, что барыня не принимаетъ.

— Не принимаетъ! вскричалъ маіоръ такъ громко, чтобы слышно было въ будоарѣ: *барыня* не можетъ не принять того, кому принадлежитъ мебель въ ея квартирѣ!

Онъ оттолкнулъ слугу и прошелъ въ столовую; оттуда въ гостиную и откинулъ занавѣсъ, спущенный перелъ дверью будоара. Тутъ его встрѣтилъ молодой человекъ, изящно одѣтый, небольшого, но стройнаго роста, съ красивымъ лицомъ и маленькими усиками.

— Маіоръ, сказалъ онъ: на меня возложена обязанность защищать этотъ входъ.

— Какъ!... вы, маркизь Перо?

— Точно такъ, маіоръ Моргенъ.

— Кто же возложилъ на васъ эту обязанность?

— Хозяйка дому, отвѣчалъ маркизь указывая на Дымку, которая сидѣла на диванѣ.

— И вы намѣрены защищать этотъ входъ до конца?

— Сомнѣваться въ этомъ значить уже оскорблять меня.

— Хорошо же, вскричалъ маіоръ, прислонясь къ косяку двери: хорошо! Увидимъ, кто кому уступитъ крѣпость.

— Увидимъ, отвѣчалъ маркизь: я надѣюсь однако жъ, что мы не заставимъ даму быть также свидѣтельницею?

— О, нѣтъ! конечно, нѣтъ, маркизь! Мы выступимъ въ поле, чтобы рѣшить это дѣло.

— Гдѣ же вамъ угодно?

— Въ висенскомъ лѣсу. Правда, это не поле, а лѣсъ, но всё-равно.

— Совершенно всё-равно. Въ какое время?

— Въ одиннадцатомъ часу я завтракаю...: Въ полдень, если вамъ угодно....

— Не заставляю ждать.

— Мое почтеніе, маркизь.

— До свиданія, маіоръ.

Соперники вѣжливо раскланялись и маіоръ пошелъ. Дымка звонко захохотала. Маіоръ у дверей оборотился и тоже захохоталъ, но такимъ голосомъ, что хозяйка и ея покровитель уже не стали вторить. Маіоръ вышелъ.

Дымкинъ новый рыцарь, маркизь Перо, былъ одинъ изъ тѣхъ очень молодыхъ людей, которые воспитываются для откармливанія минотавра, именуемаго Парижемъ, и которыхъ этотъ минотавръ пожираетъ десятка по два и по три въ годъ. Они наѣзжаютъ изъ провинцій, съ наследствомъ или двумя, иногда даже съ потомственнымъ именемъ, и всегда съ большими претензіями на изящный тонъ. Тотчасъ по пріѣздѣ они являютсѣна крыльцѣ Парижскаго-Кафѣ, съ лорнетомъ въ глазу, съ зубочисткою во рту и съ лыстикомъ въ рукѣ. И мимоидущій зѣвака убѣжденъ, что это львы, члены Клуба Жокеевъ; что они пускаютъ лошадей на скачку, играютъ въ адскую игру и что они—покровители первыхъ актрисъ. Но царствованіе ихъ коротко: черезъ два года объ нихъ и помину нѣтъ: Парижъ сварилъ ихъ въ своемъ бронзовомъ и огненномъ желудкѣ. Не ищи-

те ихъ нигдѣ. Иные однако, при большой благосклонности судьбы, достигаютъ до апогеоза дуэли или до славы насильственной смерти. Большая часть просто разоряется долгами, сходитъ со сцены въ-тихомолку и поселяется въ квартиру, отведенной кредиторомъ, или просто уѣзжаетъ въ провинцію пскать жены съ приданнымъ и мѣста съ доходомъ.

Въ полдень новый покровитель Дымки и маіоръ Моргенъ, съ четырьмя законными свидѣтелями, сошлись на назначенномъ мѣстѣ. Дѣло было слишкомъ просто, такъ, что о мировой и думать нельзя. Когда поссорились изъ ничего и вызвали другъ друга изъ ничего, то ужъ, конечно, было бы смѣшно не драться. Зарядили пистолеты; противники стали на разстояніи пятидесяти шаговъ, съ правомъ выступить по десяти. Маркизь Перо выстрѣлилъ первый и промахнулся. Маіоръ Моргенъ былъ искуснѣе: онъ такъ вложилъ врагу пулю въ грудь, что тотъ повалился и уже не сказалъ ни слова. Маіоръ ушелъ довольный. Честь была удовлетворена. Чья, какая честь? объ этомъ не спрашивается.

Тѣло несчастнаго молодого человѣка покинули на жертву воронамъ и собакамъ, потому что законные свидѣтели не могли же компрометировать себя отправленіемъ его домой. Черезъ нѣсколько дней его нашла полиція.

Разоренный, мрачный, больной, въ отчаяніи, съ совѣстью обремененною смертию молодого человѣка, который не сдѣлалъ ему ни какого зла, кромѣ-того что занялъ послѣ него мѣсто у Дымки, маіоръ Моргенъ уѣхалъ изъ Парижа, покинулъ прекрасную столицу, которую посѣтилъ затѣмъ чтобы усовершенствовать свое нравственное, литературное и политическое образованіе, и гдѣ промоталъ триста тысячъ франковъ, оставилъ четыреста тысячъ долгу, оставилъ свою молодость, свое доброе сердце, свое простодушіе, свой разсудокъ и почти свою честь.

На пути домой у него была одна только утѣшительная мысль: «Отецъ богатъ, очень богатъ, а я единственный сынъ, слѣдовательно, и единственный наследникъ.» Оставалось только знать, когда эта мысль осуществится. Дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ было нечего боль-

ше какъ сложить руки и ждать. На прощеніе и слѣдствія его маіоръ мало надѣялся: отцу черезъ добрыхъ и служивыхъ людей парижская жизнь сына уже была извѣстна въ подробности, а старикъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ въ жизни только двѣ или три воли, но зато желѣзныя. Маіоръ зналъ навѣрно, что ему до смерти отца придется вести жизнь самую скучную и однообразную; что о возвращеніи въ Парижъ, до приобрѣтенія наслѣдства, нечего и думать и что ему надобно будетъ даже поискать средствъ загладить свою вину. Онъ началъ составлять планы будущаго своего поведенія и занятій; рѣшилъ, что нужно исправиться и забыть о прошедшемъ, если возможно. Но всѣ эти планы, и безъ того нетвердые, поколебались, когда онъ вступилъ на порогъ родительскаго дому. Въмѣсто ожидаемой бури, грозы, его встрѣтили холодъ и спокойствіе, страшное спокойствіе. Маіоръ понялъ, что отецъ отрекся отъ него и, можетъ-быть, даже намѣренъ лишить наслѣдства. Эта мысль разомъ пробудила всѣ едва заглушенныя страсти, всѣ усыпленныя и отложенныя желанія и привычки. Маіоръ сознался, что ему теперь уже невозможно жить безъ денегъ и не жить въ Парижѣ. Онъ приходилъ въ отчаяніе и ярость, которыхъ ни кому не смѣлъ показать, а старикъ молчалъ.

Къ старику безпрестанно являлись нотариусы и разные законники, съ которыми онъ совѣщался по цѣлымъ днямъ. Родственники уже навѣщали его гораздо чаще прежняго и пользовались у старика чрезвычайно радушнымъ и ласковымъ пріемомъ, тогда какъ сыну онъ говорилъ уже не иначе какъ *сы* и *маіоръ*. Намѣренія его съ каждымъ днемъ обнаруживались яснѣе. Никто, конечно, не можетъ равнодушно смотрѣть на подобное, хотя бы и законное, лишеніе состоянія. Маіоръ Моргенъ приходилъ въ бѣшенство, охотно вызвалъ бы на дуэль и убилъ бы всѣхъ своихъ любезныхъ двоюродныхъ братцевъ, если бѣ было возможно и если бѣ не оставались еще двоюродныя и троюродныя сестрицы. Онъ съ отчаяніемъ видѣлъ, что нѣтъ ни какого средства отвѣсть громъ, который собирался надъ головой. А здоровье старика между-тѣмъ съ каждымъ днемъ замѣтнѣе клонилось къ упадку.

Съ другой стороны, привыкнувъ къ конвульсивной парижской жизни, маіоръ съ величайшимъ отрицательнымъ сносіемъ спокойное и однообразное существованіе, въ которое погрузился противъ воли: оно наводило на него скуку, тоску; оно раздражало его, сводило съ ума. Не разъ уже онъ хотѣлъ повѣситься или застрѣлиться. Раздражительность его достигла такой степени, что при малѣйшемъ поводѣ, при малѣйшемъ словѣ онъ сталъ предаваться страшному гнѣву. Бывали дни, когда это состояніе доходило у него до сумасшествія и когда онъ для собственнаго спокойствія принужденъ былъ избѣгать всякой встрѣчи съ людьми.

Въ одинъ изъ такихъ дней отецъ призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. Маіоръ съ усиленіемъ укротилъ свое нервическое раздраженіе, составилъ себѣ спокойное лицо и явился.

Старикъ принялъ его холодно и строго, но отвѣчалъ даже на почтительный поклонъ.

— Садитесь, сказалъ онъ отрывисто, указывая на стулъ противъ своего кресла.

Маіоръ молча сѣлъ.

— Это свиданіе у насъ съ вами—последнее, спокойно продолжалъ отецъ: поэтому прошу васъ не забыть объ немъ.

Маіоръ молча поклонился.

— Свидѣтели Богъ и покойная ваша мать, что я сѣлъ для васъ все, что долженъ сдѣлать добрый и честный отецъ. Отглянитесь на вашу жизнь. Чѣмъ вы отплатили мнѣ за мои попеченія, за мои благодѣянія? Вы были не только неблагодарны, нѣтъ! вы были несправедливы, злы, жестоки, безчеловѣчны ко мнѣ. Я много разъ уже прощаль, но снисходительность моя порождала только новое и новое зло.

Барокъ остановился на минутку.

— Зачѣмъ же, продолжалъ онъ, зачѣмъ мнѣ отецъ считать васъ своимъ сыномъ?... Смените сами, зачѣмъ!.. Я рѣшился и рѣшился непоколебимо.....

— На что же вы рѣшились? спросилъ маіоръ, когда старикъ опять остановился.

— Погодите, уважьте. Мои племянники и племянницы окружают меня истинно дѣтскою любовью, питаютъ ко мнѣ искреннюю привязанность, уважаютъ мою старость, тогда какъ вы позираете ногами внизъ долгъ, ваши священнѣйшія обязанности.... Я долженъ лишить васъ моей любви. Кому же, судите сами, кому же я отдамъ ее, если не имъ? Кому, если не имъ, долженъ я отдать и мое имѣніе, изъ котораго вы можете сдѣлать только дурное употребленіе? Такъ я и сдѣлаю. Этого требуетъ моя совѣсть, этого требуетъ справедливость....

— Подумайте, папенька!... подумайте! вскричалъ маіоръ: подумайте, что вы хотите дѣлать.

— Я ничего не дѣлаю не подумавши, маіоръ. Я знаю, что я дѣлаю.

— Вы не лишите меня наслѣдства!... нѣтъ, нѣтъ!....

— Я долженъ отрѣчься отъ васъ и дѣлаю это безболванно, безъ укору совѣсти.

— Батюшка! дрожащимъ голосомъ вскричалъ маіоръ, вскочивъ и вставъ спиною окну, которое выходило въ паркъ: батюшка! вы не сдѣлаете этого, потому что ваше имѣніе принадлежитъ моей матери и мнѣ!...

— Ваша мать поступила бы согласно съ моимъ имѣніемъ, спокойно отвѣчалъ старикъ....

— Оно принадлежитъ мнѣ по праву крови....

— Я не признаю моей крови у васъ....

Вдругъ старый баронъ зашатался, оперся рукою на столъ и безъ чувствъ опустился въ кресла. Холодный потъ и мертвенная блѣдность покрывшія его лицо, скоро замѣнились багровыми пятнами, и, казалось, рука смерти уже простерлась надъ старцемъ.

Маіоръ Моргейъ вышелъ, чтобы отправиться за докторомъ, хотя былъ убѣжденъ, что это бесполезно.

Докторъ въ самомъ дѣлѣ объявлялъ, что уже нѣтъ никакой надежды. Баронъ, по свидѣтельству его, умеръ отъ сильнаго апоплексическаго удара, котораго слѣды были очевидны на лицѣ. По сложению старый баронъ былъ расположенъ къ апоплексіи и его смерть никого не удивляла. Маіоръ занялся распоряженіями для похоронъ.

Всѣ родственники сбѣжались и съѣхались въ замокъ. Всѣхъ жестоко поразила неожиданная потеря добраго старика. Многіе жалѣли о погибшихъ надеждахъ на наследство. Всѣ одѣлись въ трауръ, и маіоръ тоже.

Скорбь маіора была довольно правдоподобна, однако ужасу онъ не могъ совершенно одолѣть: руки его безпрерывно дрожали, точно въ лихорадкѣ, и онъ ни какъ не могъ унять эту дрожь. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и самъ не зная, зачѣмъ. Единственною мыслію, единственнымъ желаніемъ его было — поскорѣй похоронить покойника и уѣхать въ Парижъ. Оттуда онъ поручить повѣреннымъ продажу имѣнія. Съ золотомъ, съ деньгами, онъ будетъ жить въ Парижѣ; разсѣется, развлечется. Онъ окружитъ себя прежними удовольствіями; будетъ играть, пировать съ Дымкою, съ ея подругами, съ своими пріятелями..... Но напередъ нужно отдать землѣ этотъ трупъ.

Германскій похоронный цермоніалъ довольно сложенъ и уклониться отъ него невозможно, въ-особенности человѣку богатому. Къ числу непремѣнныхъ обычаевъ принадлежатъ и то, что покойника на послѣднія сутки передъ погребеніемъ ставятъ на кладбищѣ въ особенную, нарочно для этого устроенную каморку, которая называется «камерою мнимо-умершихъ.» Тамъ къ рукѣ покойника прицѣпляютъ снурокъ отъ колокольчика, проведеннаго въ сосѣдную комнату, для того чтобы мнимо-умершій, если такой случится, при первомъ движеніи, тотчасъ подалъ знать о себѣ своему сторожевому. Должность сторожеваго въ той комнатѣ, гдѣ виситъ колокольчикъ, обыкновенно занимаетъ самый ближній родственникъ покойнаго: онъ проводитъ тамъ назначенную ночь въ молитвѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, прежде всѣхъ прибѣжать на помощь. Такой радости, такого рѣдкаго счастья никто не можетъ и не долженъ уступить другому.

У покойнаго барона Моргена быть сторожевымъ, конечно, никто не имѣлъ права кромѣ его сына и наследника. Когда покойника поставили и все устроили какъ должно, родственники простились съ нимъ и разошлись. Маіоръ отправился въ сосѣдную комнату, гдѣ долженъ

былъ провести ночь въ молитвѣ и наблюдать за колокольчикомъ.

Онъ прислушивался къ послѣднимъ шагамъ расходившихся родственниковъ; смотрѣлъ, какъ блѣднѣлъ день за тусклыми оконницами уединенной и мрачной каморки. Вотомъ засвѣтилъ свѣчу и затопилъ каминъ. На столѣ, подлѣ чернильницы и бумагъ, лежалъ молитвенникъ.

Подобная ночь многимъ можетъ показаться неприятною. Многие не выдержатъ ея вовсе. Маіору она необходимо была ночью ужасу. Но маіоръ Моргенъ схоронилъ весь ужасъ въ глубинѣ своей души: всѣ благородныя чувства какъ-бы пчезли, забытыя имъ впродолженіи парижской разгульной жизни. Оставался страхъ. Но военному человѣку, маіору, нельзя было поддаться такому ребяческому чувству. И страхъ побѣдеспъ.

Время шло подъ конецъ осени. Погода стояла бурная, — вѣтры и дождь. Но въ тотъ день, до одиннадцати часовъ вечера, небо оставалось довольно чисто. Луна, пронизывавая серебрястыми лучами густую зелень тополей и ивъ, проникала въ окно и бросала на полъ трепетный, мерцающій свѣтъ. Но въ двѣнадцатомъ часу набѣжала туча; поднялся понемножку вѣтеръ и капли дождя застучали по листьямъ.

Маіоръ не привѣтилъ этого: онъ былъ далеко. Сквозь дымъ сигары ему мерещился Парижъ, бульвары, проспекты, богатые экипажи и тотъ экипажъ, въ которомъ онъ самъ скоро поѣдетъ лѣциво кататься съ Дымкой.

— Не написать ли ей?... отсюда! Это было бы ново и довольно оригинально. Какъ посмѣялись бы въ Фраскати, узнавъ о письмѣ, отправленномъ съ кладбища, задуманномъ и написанномъ подлѣ сторожевымъ покойничьимъ колокольчикомъ!..... Дѣло. Пишемъ. По-крайней-мѣрѣ ночь скорѣе пройдетъ.

Все нужное для письма было подъ рукою, хотя, конечно, не для такого употребленія.

Маіоръ писалъ это странное письмо, когда оконницы начинали дребезжать подлѣ ударами дождя. Но онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ писать, курить и хохотать со свои-

ми мыслями. Ровно въ полночь отблески молніи казѣ, блуждающіе огни, пробѣжали по его бумагахъ. Въ отдаленіи прокатился громъ и смѣшался съ шумомъ бунующей рѣки. Впродолженіи получасу такъ оставалось: гроза не повторилась и не усиливалась, но тучи скопачились и спускались все ниже и ниже. Въ комнатѣ стало душно; каминъ дымился. Маіоръ принужденъ отворить окно. Картина кладбища была занимательна. Дождь шелъ порѣзисто, отрывками. Луна и тучи, мракъ и молнія, какъ будто борясь надъ широкою рощею, попеременно покрывали ее зелеными, желтыми, огненными, серебряными отблесками и скользящими тѣнями. Въ часъ гроза стала уже несомнѣнна. Порывистый вѣтеръ усилился. Кудрявые нѣвы плашмя ложились на-земь и снова подымались, страхали градъ брызговъ. Громъ опять прокатился ближе и вдругъ ударилъ оглушительно надъ самой головой.

— Ого! сказалъ маіоръ: надобно затворить окно.

Вѣтеръ безпрестанно усиливался и трепалъ разбиваемыя дождемъ деревья, которыя въ смятеніи клонились все ниже и ниже, лѣпились къ стѣнѣ и лѣзли въ окно, какъ будто сами хотѣли укрыться. Комната между-тѣмъ наполнилась дымомъ отъ камина; огонь потухъ. Вдали бурлила рѣка; надъ головой громъ; каждую секунду сверкала молнія. Вдругъ сквозной вѣтеръ завылъ въ трубу, перебралъ листы молитвенника, сорвалъ со стола письмо и задулъ свѣчу.

Въ эту самую минуту зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Звонить! прошепталъ маіоръ: звонить!...

И онъ отпятился до противоположной стѣны. Судорожная дрожь его рукъ сообщилась и челюстямъ.

— Звонить!.... звонить! повторилъ онъ стуча зубами.

Потомъ вдругъ лицо его озарилось зловѣщею радостью, которая однако жъ мало чѣмъ отличалась отъ ужасу.

— Какой я дуракъ! вскричалъ онъ: вѣдь это вѣтеръ!... Это вѣтеръ раскачалъ колокольчикъ..... вѣтеръ снесъ бумагу со стола и задулъ свѣчу..... Конечно, вѣтеръ..... разумѣется вѣтеръ..... Какъ можно испугаться такого вздору!

Маюръ оступилъ добрався до стола и отънималъ свѣчу, чтобы засвѣтить ее. Колокольчикъ всё звенѣлъ. Маюръ шёлъ тѣмъ же треношъ въ жилахъ пытался добыть огня послѣ нѣсколькихъ неудачъ засвѣтить.

— Всѣ звонятъ!.... Посмотримъ что это такое, отчего звонятъ.....

Онъ всталъ на стулъ, чтобы ближе рассмотреть колокольчикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ.... можно подумать.... можно подумать, что это не отъ вѣтру качается.... Проволока движется, какъ-будто ее кто тянетъ.... Но нѣтъ.... нѣтъ, это отъ вѣтру!

Но въ эту минуту вѣтру вовсе не было: онъ затихъ, какъ-будто припалъ подъ тяжестью проливнаго дождя. Маюръ безпрестанно повторялъ «это отъ вѣтру, это отъ вѣтру!» и не спускалъ глазъ съ звенящаго колокольчика.

— Но проволока тянется шибче и шибче!... Вѣтеръ не можетъ такъ натянуть.... это дергаетъ кто-нибудь.... это дергаетъ.....

Голосъ засохъ у него въ горлѣ. Маюръ не посмѣлъ выговорить «мой отецъ». Но онъ дрожащею рукой схватилъ свѣчу и пошелъ къ двери. Онъ думалъ по-крайней-мѣрѣ, что идетъ къ двери, но въ сматеніи сбился, подошелъ къ окну и уже занесъ ногу. Онъ не помнилъ, что дѣлалъ. Вдругъ качаемая вѣтромъ ива ударила его вѣтвями по лицу такъ сильно, что онъ отскочилъ на середину комнаты. Изъ глазъ брызнули искры. Грудь обильно водою.

Неумолимый колокольчикъ всё звенѣлъ.

Маюръ опять засвѣтилъ потушенную свѣчу и вышелъ въ темный корридоръ, черезъ который стороженская сообщалась съ камерою мнимо-умершихъ. Его обдало холодомъ погребя. И колокольчикъ всё звенѣлъ. Маюръ ступитъ два шага и остановится; ступитъ и опять остановится. Наконецъ онъ въ двухъ шагахъ отъ стеклянной двери, черезъ которую можетъ видѣть отца, лежащаго на одрѣ. Маюръ упирается дрожащею рукой въ косякъ роковой двери, отводитъ свою свѣчу, задыхаясь вглядывается въ камеру, тускло освѣщенную лампадой. Онъ вглядывается

пристальнѣе.... и въ самомъ дѣлѣ, рука покойника движется!... Мертвецъ приподнялся.... сидитъ.... зоветъ его. Майоръ вскрикнувъ, уронилъ свѣчу, въ-торопяхъ почти сломалъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ отцомъ, который уставилъ на него глаза.

Старый баронъ озирается; долго съ изумленіемъ и ужасомъ чего-то ищетъ и боится найти, боится ошмануться и догадаться. Вѣки его поднимаются всё больше и больше надъ блуждающими глазами.... Наконецъ онъ понялъ все и молча подаетъ сыну знакъ, чтобы подошелъ. Тотъ не трогается съ мѣста. По цвѣту лица, по неподвижности тѣла, онъ былъ бронзовый.

— Меня сочли мертвымъ, сказалъ наконецъ старый баронъ.

— Да... да, батюшка.... васъ сочли....

Майоръ невольно ступилъ шагъ къ одру отца и зашатался, чуть не упалъ.

— Батюшка!...

— Не подходь!...

— Онъ помнитъ все прошедшее, прошепталъ майоръ сквозь зубы, которые стучали отъ ужасу.

— Прочь!... прочь отъ меня!... Не дотрогивайся! Я самъ встану!... говорилъ онъ стараясь выпутаться изъ савану: сейчасъ... сейчасъ пойду къ судѣ, и объявлю, что ты лишенъ наслѣдства.

— Умплосердитесь!... батюшка!... простите! о, простите!... Если бы вы знали, какъ печально, какъ неожиданно я упалъ въ бездну, которая поглотила мою молодость.... Если бы вы знали, какое опьяненіе овладѣло мной, моими чувствами, моимъ разумомъ въ этомъ городѣ, гдѣ съ каждымъ ударомъ пульса вдыхаешь неодолимое обаяніе.... гдѣ всякаго, у кого есть деньги, преслѣдуютъ, окружаютъ, зовутъ, толкаютъ и тянутъ тысячи невидимыхъ рукъ и гдѣ тысячи голосовъ кричатъ ему: «Пойди сюда! пойдя сюда! я — мудрость! я — удовольствие! я — счастье!... пойдя ко мнѣ!» Послушаешь и погибнешь; войдешь и упадешь; улыбнешься и теряешь честь; хочешь бѣжать и не можешь.... О! простите, простите, ба-

пушка!... Простите мнѣ теперь и вся жизнь моя будетъ вѣчнымъ раскаяніемъ!...

— Прочь! прочь!... не подходи! Прочь!

— Никогда! никогда, батюшка! Теперь я не оставляю васъ. Дайте, я сниму съ васъ эту ужасную пелену.... Потому вы можете убить меня, если хотите, но я не уйду....

Маіоръ Моргенъ упалъ на колѣни, передъ одромъ, схватилъ руку отца, осыпалъ ее поцѣлуями, обливалъ слезами и говорилъ беспослѣдовательныя, но жаркія мольбы, расточалъ торопливыя, судорожныя ласки.

Вдругъ онъ съ трепетомъ примѣтилъ, что у отца рука становится холоднѣе и тверже, и лицо, начиная со лба, задеваетъ; посинѣвшія губы въ послѣдній разъ пошевелились.

— Прощаю! тихо проговорилъ старикъ и губы его сомкнулись навсегда. Онъ умеръ.

— Но я!... я!... я не прошу себѣ! вскричалъ маіоръ, снова упавъ на колѣни.

Онъ пролежалъ на колѣняхъ до утра. Когда онъ приводилъ отажелѣвшую голову, пробужденныя птицы чиркая порхали по вѣтвямъ и на мокрыхъ листьяхъ играли теплые лучи солнца.

Въ тотъ же день маіоръ Моргенъ покинулъ Германію, въ которую уже не возвращался.....

— Какая ужасная исторія! вскричалъ маркизь де-Сенъ-Люкъ.

— Она еще не кончена, отвѣчалъ съ улыбкою кавалеръ де-Профундистъ.

Въ Парижѣ скоро узнали, что маіоръ Моргенъ воротился богатѣй, богаче чѣмъ прежде. Старинные пріатели ташой сбѣжались поздравлять. Прекрасная Дымка, какъ вы можете вообразить, не послѣднею являлась. Мироваго не большаго стоила труда. Маіоръ опять зажилъ по-прежнему и еще въ нѣсколько разъ роскошнѣе, расточительнѣе. Онъ сорилъ деньгами до невѣроятности и мотовствомъ своимъ приводилъ въ ужасъ самыхъ отъявленныхъ кутилъ и вгроковъ. Онъ игралъ въ адскую игру и проигрывался страшно. Въ короткое время расходъ его превзошелъ доходы и онъ съ алчностью схватился за ка-

пнталы. Онъ, очевидно, хотѣлъ насильно разориться. Въ это самое время и вамъ, маркизь де-Севъ-Лукаъ, досталась сотня тысячъ франковъ, которые вы сочли выигранными....

— Какъ! развѣ вы сомнѣваетесь, что я выигралъ эти деньги? вскричалъ съ досадою маркизь де-Севъ-Лукаъ.

— Помилуйте, возразилъ кавалеръ де-Профундись: развѣ вы не понимаете теперь, что маіоръ Мортонъ велъ эту распутную жизнь единственно затѣмъ, чтобы исполнить клятву, данную надъ тѣломъ отца? Онъ хотѣлъ исполнѣть наказаніе себя за прошедшую жизнь, пеналъ своей погребели. Всякій поступокъ его клонился къ этой цѣли. Онъ помирился съ своею любовницею, повелъ жизнь разгульнѣе прежняго и страшно моталъ единственно съ тѣмъ, чтобы погубить себя совершенно. Проигрывая десятки и сотни тысячъ, бросая деньги горстями, онъ, однакожь никогда не давалъ копѣйки нищему: это было бы доброе дѣло. Маіоръ старался дѣлать зло. Онъ уже не любилъ Дымку: онъ ненавидѣлъ эту женщину, причину всѣхъ его несчастій, однакожь не покидалъ ея; онъ чувствовалъ отвращеніе къ игрѣ и пьянству, а между-тѣмъ игралъ и пьянствовалъ какъ-будто предаваясь неодолимои страсти. Онъ игралъ только затѣмъ, чтобы проигрывать и для этого употреблялъ тѣ же самыя непозволительныя средства, которыми научили его подлые обманщики и которыми онъ прежде старался выигрывать. Онъ употреблялъ мошенническія, мѣченныя, карты единственно въ пользу своихъ противниковъ.

— Боже мой! вскричалъ маркизь де-Севъ-Лукаъ: стало-быть и я не выигралъ у него тѣ сто тысячъ франковъ?

— Очень можетъ быть, продолжалъ кавалеръ де-Профундись.

Однажды кто-то держалъ закладъ противъ графа Бернаи, замѣтивъ, что карты были мѣченныя, сталъ обвинять играющихъ въ безчестномъ плутовствѣ. Поднялся шумъ. Разсмотрѣли карты и нашли, что онѣ въ самомъ дѣлѣ мѣченныя. Графъ Берни не могъ снести такого подозрѣнія, вышелъ изъ себя и ударилъ маіора Мортонъ въ лицо. Принуждены были стрѣлаться и стрѣлялись въ

давати шагать. Маіоръ далъ промахъ. Пуля противни-
ка раздробила ему черепъ. Въ карманѣ у него нашли за-
писку, въ которой онъ завѣщалъ, чтобы на его могилѣ
поставили колокольчикъ, приготовленный у него дома, въ
которой. Воля его исполнена.

Маіоръ хотѣлъ, чтобы этотъ таинственный звонокъ на
могилѣ остался какъ-бы въ воспоминаніе того звону, кото-
рый онъ слышалъ въ сторожевской, подлѣ своего отца.
Кончивъ преступную жизнь, онъ хотѣлъ еще, чтобы и на
землѣ осталась объ немъ таинственная, зловѣщая па-
мять, которая бы ужасала людей и тревожила сонъ мерт-
выхъ.....

— Потрудитесь разобратъ, маркизъ, помолчавъ ска-
залъ вдругъ кавалеръ де-Профундистъ: потрудитесь ра-
зобрать, отчего умеръ этотъ молодой человекъ, у котора-
го были самыя прекрасныя наклонности, доброе сердце,
благородная, прямая душа и свѣтлый умъ? Сравните, от-
чего умерли и всѣ другіе, уже сошедшіе со сцены этого
рассказу, и скажите тогда, еще ли вы сомнѣваетесь въ
истинѣ моего мнѣнія, что люди по бѣльшей части сами
себя губятъ.

Маркизъ де-Сенъ-Люкъ молчалъ.

— Правъ ли я? Согласны ли вы, что и маіоръ Моргенъ
и его отецъ могли бы жить до-сихъ-поръ....

— Можетъ-быть... можетъ-быть. Но продолжайте вашъ
рассказъ. Чтѣ случилось съ Дымкой? чтѣ случилось съ леди
Гленморъ?

— Извольте. Для этого намъ надобно воротиться на да-
чу лорда Гленмора, которую мы оставили послѣ скачки и
паденія несчастнаго Танкредъ.

Танкредъ, побѣжденный графомъ Мэддокомъ, не со-
всѣмъ убился. Онъ былъ еще живъ. За страшнымъ уда-
ромъ послѣдовалъ только продолжительный мертвенный
обморекъ. Танкредъ очнулся, но надежды на выздоровленіе
было мало. Докторъ Патрикъ не былъ увѣренъ, что спа-
сетъ его. Леди Гленморъ ежеминутно приступала съ раз-
сирсани, будетъ ли живъ, скоро ли выздоровѣетъ? У док-
тора Патрика былъ одинъ отвѣтъ:

— Богъ знаетъ!

Наконецъ однако жъ и докторъ Патрикъ рѣшительно подтверждалъ надежду, что Танкредъ спасенъ на радость тѣмъ, кто любятъ его, а его въ виль-д'аврейскомъ замкѣ любили всѣ. Всѣ искренно желали его выздоровленія. Леди Гленморъ по нѣскольку часовъ просиживала у постели больного, который былъ еще въ такомъ затѣмнѣнн, что не могъ даже примѣтить эту доброту и выразить свою признательность.

Когда опасность миновала, леди Гленморъ опять стала ѣздить въ Парижъ и заботиться о мебелировкѣ своей квартиры въ городѣ, потому что зима приближалась. Мѣсто Танкреда въ качествѣ провожатаго очень естественно и просто заступилъ сэръ Архибальдъ Каскиль. И сэръ Архибальдъ Каскиль былъ такой пріятный провожатый, что лучше требовать нельзя. Только его все какъ-то пресѣдовали приключенія. Во вторую же поѣздку въ городъ, на дорогѣ между Сѣвромъ и Отѣлемъ, у коляски сломалась ось. Къ счастью, тѣмъ и кончилось. Никто не пострадалъ. Погода притомъ была прекрасная. Леди Гленморъ и ея провожатому ничего больше не оставалось дѣлать, какъ оставить экипажъ на рукахъ кучера и идти пѣшкомъ, чтобы по дорогѣ сѣсть въ какой-нибудь проѣзжій экипажъ. Но, на бѣду, въ тотъ день пассажировъ было столько, что ни въ одномъ экипажѣ не оказывалось мѣста. Надобно было продолжать идти пѣшкомъ и искать другаго способу избавленія. И вотъ изгнѣженная леди Гленморъ, бывшая фрейлина англійской королевы, въ первый разъ въ жизни принуждена идти пѣшкомъ по пыльной большой дорогѣ. Это несчастіе очень забавляло ее: она хохотала, когда сэръ Архибальдъ Каскиль кричалъ какому-нибудь проѣзжему возницѣ: «Кучеръ! нѣтъ ли мѣста?» и когда тотъ въ отвѣтъ моталъ головой или предлагалъ сѣсть на имперіалъ, гдѣ есть мѣсто, да только для одного.

Отъ Отѣля странники направляли путь въ Пасси, все пѣшкомъ. Въ Пасси они наконецъ нашли порожній фіакръ и сѣли. Леди Гленморъ, покрытая пылью, раскраснѣвшаяся отъ зною и усталости, была въ восхищеніи. Она никогда не полагала, что прогулка пѣшкомъ, по большой дорогѣ, на солнечномъ приискѣ, можетъ доставить столько удо-

вольствія, и впередъ радовалась тому, какъ позабавить доктора Патрика разсказомъ о своемъ приключеніи. Разсказъ и въ самомъ дѣлѣ былъ очень забавенъ, гораздо забавнѣе нежели самое приключеніе. Леди Гленморъ хохотала какъ ребенокъ. Сэръ Архибальдъ Каскиль тоже хохоталъ.

Для черезъ два потомъ, она, чтобы уйти отъ посѣщенія какой-то докучливой гостьи, принуждена была выѣхать не позавтракавши.

Въ Сенъ-Клудѣ сэръ Архибальдъ Каскиль началъ говорить:

— Посмотрите, миледи, на эти хижины, на берегу рѣки.

— Бѣдные люди! отвѣчала леди Гленморъ, которая думала, что сэръ Каскиль хочетъ возбудить ея участіе.

— Видите вы этихъ мужиковъ?

— Да, сэръ Каскиль..... какъ жаль, что не всѣ люди богаты!

— А видите этихъ загорѣлыхъ женщинъ, съ обнаженными по плечо руками? Вотъ, что стоятъ у дверей?

— Вижу. Хотите, чтобы я проѣздомъ бросила имъ какую-нибудь монету?

— Нѣтъ, вы не поняли меня, миледи. Эти люди вовсе не нищіе. Это искусные рыбаки, а жены ихъ еще искуснѣе готовятъ рыбу, которую мужья ловятъ. Въ этихъ хижинахъ угощаютъ, кого угодно, правда, очень просто, но всегда очень чисто, очень вкусною и самую свѣжею рыбой.

— Неужели?

— Не правда ли, что я всю вашу поэзію превращаю въ прозу?.... Тамъ, гдѣ вы видѣли трогательную простоту и меланхолію нищеты, я показываю вамъ промышленниковъ и стряпухъ, торгующихъ вареною и жареною рыбой, которую они готовятъ для такихъ оригиналовъ какъ я..... и готовятъ прекрасно!.... съ лимонами, съ масломъ, съ мускатомъ, съ перцемъ, съ лимономъ, съ лавровымъ листомъ.....

— Въ самомъ дѣлѣ?.... А, право, сэръ Каскиль, мнѣ кушать хочется. Вѣдь я не завтракала.

— И я тоже, миледи. Не позавтракать ли намъ здѣсь? Дурнаго тутъ, кажется, ничего нѣтъ.

— Кажется, нѣтъ, сэръ Каскиль..... Лишь бы не оченъ на виду.

— А если и увидятъ?

— Въ самомъ дѣлѣ..... что жъ, если и увидятъ?

— Развѣ это преступленіе, если мы позавтракаемъ съ аппетитомъ, который Богъ намъ далъ?

— Кучеръ! вскричала леди Гленморъ: остановись передъ этою рыбацьею хижиной.

— Да это не рыбацья хижина, это — *Царь Пискарей*.

— Всѣ-равно; остановись.

Сельская ресторація подъ фирмою Царь Пискарей, какъ и бѣольшая часть подобныхъ ей въ Сень-Клу, Сѣврѣ и Булони, имѣетъ два выхода, одинъ на дорогу, другой на Сену. Съ порѣчной стороны входитъ рыба, а съ педорожной тѣ, которые ее ѣдятъ. Пейзажи въ этихъ мѣстахъ несравненны. Они придаютъ свою прелесть даже шаткимъ хижинамъ. Тутъ подъ тѣнью тополей и ивъ, подлѣ зеленого тростника, у самой воды, очень часто лѣтомъ и весною и осенью, приходятъ и садятся извѣстнаго полу и возрасту люди, влюбленные въ природу, въ свѣжую рыбу и другъ въ друга.

Леди Гленморъ и сэръ Каскиль вошли въ низенькую комнату, которая выходила окнами на рѣку. На берегу, въ виноградной бесѣдкѣ, уже сѣдѣла пара молодыхъ людей за завтракомъ. Передъ ними стояло блюдо рыбы, достойное Нептунова стола. Гризетка кушала съ наслажденіемъ и хохотала и безопасно выказывала свои мышьи зубки, свои кошачьи глазки, свои разметанныя бѣлокурыя пучки, свою веселость, свои алые ленты и свои двадцать лѣтъ. Молодой челевѣкъ, товарищъ ея въ виноградной бесѣдкѣ, былъ не менѣе веселъ, не менѣе счастливъ. Эта картина совершенной свободы и счастливой безсѣтности поразила леди Гленморъ своею новизной, возмужавала ее какъ неожиданное призваніе и положило слои огня на щекахъ.

Нѣсколько минутъ она простояла у окна и смотрѣла на эту сцену, хотя подавала видъ, будто смотритъ на про-

дальние берега Сены у Севра и Булоня. Сэръ Каскиля она ничего не сказала о своемъ открытіи, а онъ подавалъ знать, что ничего не примѣчаетъ. Потомъ съѣли завтракать. Леди Гленморъ кушала свѣжую рыбу съ такимъ же апетитомъ какъ гризетта въ виноградной бесѣдкѣ и даже вышла двѣ или три рюмки вина. Завтракъ на берегу рѣки, въ простой хвѣщѣ, на трехъ-ногомъ столѣ, едва припрятанъ салфеткою вмѣсто скатерти и на оловянныхъ тарелкахъ—былъ прекусень. Сэръ Архивальдъ Каскиль припрятывалъ его остроуміемъ, глупостями, враньемъ, шутками; онъ декламировалъ псалмы и эклоги; самъ говорилъ стихами, бредилъ двенадцати, блялъ, ржалъ отъ счастья и между-тѣмъ воѣ пилъ, пилъ за здравіе своего лучшаго друга, лорда Гленмора; за здравіе его супруги, леди Гленморъ; за здравіе ихъ друзей и за здравіе друзей ихъ друзей. Леди Гленморъ смотрѣла на сэръ Каскиля, слушала и хохотала такъ же простодушно, такъ же безопасно, какъ остроглавая дѣвушка въ виноградной бесѣдкѣ.

Послѣ завтраку у сэръ Каскиля мало-по-малу стали обнаруживаться признаки отягченія головы. Онъ не былъ пьянъ, но глаза его стали смыкаться и онъ, не вставая со стула, вадреннулъ. Видя это, леди Гленморъ вынула изъ ридикюля послѣдній номеръ англійской газеты, который взяла съ собой, чтобы прочитать, и сѣла къ окну, откуда могла видѣть молодыхъ людей въ бесѣдкѣ. Они уже не завтракали..... Леди Гленморъ развернула газету отъ окна и сэръ Архивальдъ Каскиль прищурившись слѣдилъ за всѣми ея движеніями и хралъ.

— Ахъ, Боже мой! воскричала вдругъ леди Гленморъ: сэръ Каскиль!

— Чтò, миледи? отвѣчалъ сэръ Каскиль.

— Вы читали сегодняшнюю газету?

— Ничъ еще, но читалъ, миледи.

— Тутъ есть статья... странная статья....

— Вѣрно, любопытная? Вы такъ удивлены....

— Да, любопытная... очень любопытная.... для меня.

— Для васъ?

— Да, сэръ Каскиль.... для меня, потому что лично меня касается. Я не названа въ этой статьѣ. Но только это-

го и недостаетъ. Впрочемъ, узнать и безъ того очень легко.

— Однако жъ это не тайна, когда напечатано въ газетахъ?

— Вотъ, я вамъ прочту эту статью.... Но.... конечно она для васъ очень мало любопытна.... Нужно знать въ которыхъ обстоятельства, надобно знать нѣкоторое общество и его обычаи, отношенія. Вы ихъ не знаете... Но.. въ самомъ дѣлѣ... это и смѣшно и досадно!

— Какое общество, миледи? о чемъ вы говорите? спросилъ сэръ Каскиль съ нетерпѣнiемъ и нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Это — общество неслыханное, нелѣпое, безстыдное.. Однако жъ оно существуетъ въ Лондонѣ. Это — Общество Опасныхъ.

— Да, конечно, я не знаю этого общества, миледи. Но что же съ нимъ?

— Оно состоитъ изъ избранныхъ оболъстителей, людей опасныхъ, — какъ они величаютъ себя, — изъ людей....

— Но какое отношенiе можетъ быть между этимъ обществомъ и вами, миледи?

— Мой мужъ, говорятъ, принадлежалъ къ нему такъ же какъ и нѣкоторый графъ Мэддокъ.... знаменитый графъ Мэддокъ...

— Чѣмъ же онъ знаменитъ, миледи, этотъ графъ Мэддокъ? спокойно спросилъ сэръ Каскиль, хотя самъ горѣлъ нетерпѣнiемъ узнать содержанiе газетной статьи.

— Чѣмъ знаменитъ?... Многимъ, говорятъ, продолжала леди Гленморъ: мужественною красотой, изящными манерами, умомъ, образованностью, вкусомъ, богатствомъ, храбростью и даже силой и въ особенности искусствомъ въ оболъщенiи, которое онъ, говорятъ, довелъ до невѣроятной степени совершенства въ своемъ родѣ....

— Сколько преимуществъ! вскричалъ сэръ Каскиль съ удивленiемъ: невѣроятно даже, чтобы одинъ человекъ могъ вмѣщать въ себя все это.

— Однако жъ это правда, сэръ Каскиль.

— Такъ вы знали его, миледи?

— Нѣтъ, я никогда не видала его.... но, позвольте, я вамъ прочту эту статью.

— Сдѣлайте одолженіе, миледи.

Леди Гленморъ стала читать.

«Изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что графа Мѣддока уже нѣтъ въ Венеціи, гдѣ наконецъ тоже узнали объ его смѣшномъ приключеніи и несловкомъ положеніи....»

— Но что съ вами, сэръ Каскиль!

— Ничего, миледи.... я.... опрокинулъ свою рюмку нечаянно, когда хотѣлъ спросить васъ, выполнѣ ли прописано имя графа Мѣддока.

— Выполнѣ. Вотъ, посмотрите: *графъ Мѣддокъ*.

— Продолжайте, продолжайте, сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ сэръ Каскиль удерживая свой гнѣвъ.

Черезъ минуту онъ однако жъ уже смѣлся въ душѣ: если оскорбленіе было тутъ, такъ и мщеніе было тутъ же, близко. Онъ могъ успокоиться и потерпѣть. Леди Гленморъ продолжала читать.

«И тамъ узнали, что знаменитый графъ Мѣддокъ и лордъ «Гленморъ, оба — члены Общества Опасныхъ, встрѣтившись соперниками у одной очень знатной дѣвицы и у одной извѣстной французской актрисы.....»

— Знатная дѣвица, это — я! вскричала прерывая себя леди Гленморъ.

— Французская актриса—Дымка, а графъ Мѣддокъ—я! подумалъ сэръ Каскиль.

— У меня и у актрисы! съ презрѣніемъ и негодованіемъ повторила леди Гленморъ, снявъ газету: этого я не знала!... Этого мнѣ не сказали.... Но кто же, впрочемъ, и могъ сказать мнѣ объ этомъ?....»

— Продолжайте, продолжайте, миледи.

«Довкому лорду Гленмору посчастливилось жениться на знатной дѣвицѣ, тогда какъ графъ Мѣддокъ, знаменитый графъ Мѣддокъ, принужденъ былъ удовольствоваться любовью актрисы.....»

— Согласитесь, сэръ Каскиль, что это поразеніе въ самомъ дѣлѣ — довольно постыдное, тѣмъ болѣе постыдное, что оно очень смѣшно.

— Конечно..... конечно, очень смѣшно, отвѣчалъ сэръ Каскиль стараясь поставить судорожное сокращеніе своихъ лицевыхъ мускуловъ на счетъ смѣху.

«Обезчещенный, продолжала читать леди Гленморъ, «опозоренный этимъ оскорбленіемъ, которое недавно надѣлало много шума въ Англіи и особенно въ Лондонѣ, «графъ Мэддокъ бѣжалъ изъ города въ городъ, чтобы «укрыть свой стыдъ. Онъ, вѣроятно, надѣялся, что не «будетъ примѣченъ въ Венеціи. Онъ ошибся. Его исторія «уже извѣстна во всей Европѣ. Въ Венеціи его осмѣяли, «освистали, осыпали эниграммами въ стихахъ и въ про- «зѣ, точно такъ же какъ въ Лондонѣ. Онъ дрался и ре- «шилъ нѣсколькихъ противниковъ, потому что онъ очень «храбръ и очень искусно владѣетъ всякимъ оружіемъ. Но «что станешь дѣлать противъ общаго мнѣнія и противъ «насмѣшки? Графъ Мэддокъ уѣхалъ изъ Венеціи и, вѣ- «роятно, отправился искать убѣжища по-безопаснѣе гдѣ- «нибудь на греческомъ архипелагѣ.

«И такъ, мужья могутъ успокоиться: опаснѣйшій изъ «опасныхъ, знаменитый графъ Мэддокъ, также нанесъ «свое Ватерлоо.»

— О! да вѣдь это сущій герой, нашъ любезный Гленморъ! вскричалъ сэръ Архивальдъ Каскиль съ принужденнымъ хохотомъ: впрочемъ.... и этимъ тоже доказы- вается, что *хорошо то, что хорошо оканчивается*, или говорить нашъ не менѣе знаменитый мистеръ Шекспиръ.... Ну, поздравляю любезнаго Гленмора!... Такъ вы, миледи, были трофеемъ и добычею его блистательной во- бѣды надъ графомъ Мэддокомъ?

— Это блистательная побѣда безъ сраженія, сэръ Каскиль, возразила леди Гленморъ, съ гордостью водернувъ губы.

— Какъ такъ, миледи?

— Я никогда въ глаза не видывала этого знаменитаго графа Мэддока.

— А! это въ самомъ дѣлѣ нѣсколько уменьшаетъ славу значеніе побѣды нашего любезнаго лорда Гленмора.

— Я вовсе не знала, что они соперники.....

— Однако жъ.... будете справедливы, миледи....

ны во всякомъ случаѣ предпочли бы лорда Гленмора? Со-
знайтесь: вѣдь графа Мѣддока здѣсь нѣтъ.

— Почему знать, кого бы я предпочла. По-крайней-мѣ-
рѣ я желала бы, чтобы они дождались моего предпочте-
нія, если ужъ дѣло шло на соревнованіе....—Теперь я по-
нимаю, подумала вслѣдъ за тѣмъ леди Гленморъ: теперь
я понимаю его холодность, его равнодушіе, его пышную
предупредительность.... Нѣтъ, онъ не любитъ меня! Онъ
только отдастъ мнѣ должное почтеніе.... Онъ женился на
мнѣ по расчету мщенія.... изъ гордости, изъ самолю-
бія..... единственно для того чтобы пристыдить своего со-
верника....—Но, сказала она вслухъ, вы правы, сэръ Ка-
скиль: хорошо то, что хорошо оканчивается.

— Конечно, миледи. Вѣдь истинно счастливы могутъ
быть.....

И сэръ Каскиль, казалось, искалъ на небѣ и на землѣ
истинно счастливыхъ. Потомъ, какъ-будто случайно,
глаза его обратились на окно.

—.....Только такіе люди! прибавилъ онъ указывая въ
виноградную бесѣдку, на молодыхъ людей, которые въ эту
минуту спали сладкимъ сномъ, держась за руки и поля-
живъ одинъ другому голову на услужливое плечо: но.....
не пора ли намъ ѣхать, миледи?

Они вышли изъ рестораціи Царя Пискарей и сѣли въ
коляску, чтобы ѣхать въ Парижъ. Проѣзжая черезъ Бу-
лонь, леди Гленморъ примѣтила одного изъ своихъ слугъ,
который выходилъ изъ аптеки съ стклянкою въ рукахъ и,
казалось, очень сѣѣшилъ.

— Жакъ! вскричала она: откуда ты?.... Что случилось?
Что недоровъ?

— Ахъ, миледи.... мистеръ Танкредъ.....

— Что съ нимъ?... говори! что случилось?

— Съ четверть часа мы думали, что онъ умеръ.....

— Боже мой!....

— Потомъ онъ опять оцувствовался.... Докторъ Пат-
рикъ послалъ меня за лекарствомъ и велѣлъ посиѣшить.

— Давай сюда лекарство!.... Домой! вскричала она ку-
чери: давай, скорѣе!

Кучеръ поворотилъ лошадей и коляска вихремъ пошла въ Виль-д'Аврей.

— Надобно замѣтить, сказалъ тутъ кавалеръ де-Профундись прерывая свой рассказъ: надобно замѣтить, что скучный визитъ, который побудилъ леди Гленморъ уѣхать изъ дому безъ завтраку, и завтракъ въ Сень-Клу, въ Царь-Пискарей, и картина молодыхъ людей за завтракомъ въ виноградной бесѣдкѣ, все были заранѣе обдуманныя и приготовленныя Мѣддокомъ средства къ достиженію его цѣлей.

— Да! теперь это понятно! вскричалъ маркизъ де-Сень-Люкъ: графъ Мѣддокъ, провѣдалъ, что леди Гленморъ — женщина, которой все прискучило и надобно до-смерти, которая сама, такъ-сказать, умерла уже для всѣхъ обыкновенныхъ удовольствій своего круга и состоянія, и рассчиталъ, что пробудить въ ней жизнь можно только очень сильными средствами, рѣзко противоположными тѣмъ, къ которымъ она привыкла, простыми, даже грубыми.... Не достигнуть этого и заставить полюбить, это большая задача. До любви тутъ еще очень далеко. Сверхъ-того, кажется, графъ Мѣддокъ встрѣтитъ значительное препятствіе въ лицѣ Танкреда, который сталъ и для леди Гленморъ гораздо интереснѣе со времени приключенія скачекъ.

— Конечно, отвѣчалъ кавалеръ де-Профундись: но мы станемъ забѣгать впередъ. Вернемся къ Танкреду.

Последній припадокъ его былъ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ при поврежденіи головы и мозга, этого важнаго вѣстияща чувства, ума и жизни. Кризисъ шивалъ счастливо и настала пора выздоровленія, которая обрадовала весь домъ. И самъ Танкредъ былъ счастливъ. Это счастье можно было прочесть сквозь блѣдность его щекъ и въ мерцающихъ лучахъ глазъ, когда леди Гленморъ сидѣла подлѣ него съ книгою или съ шитьемъ въ рукахъ. Онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ прислушивался къ дыханію этого генія-хранителя и собственное его дыханіе, казалось, становилось тогда свободнѣе, легче, и больше почерпало жизни. Въ присутствіи же она находилъ такое счастье, такое блаженство, что часто бы-

лся слишкомъ скоро выздоровѣть. Иногда онъ вдругъ закрывалъ глаза и долго лежалъ совершенно неподвижно, нарочно длатаго чтобы возбудить безпокойство и привлечь вниманіе леди Гленморъ. Онъ зналъ, что она тогда тихонько наклонится къ нему и надолго остановитъ на немъ свой взоръ. Изъ этого можно заключить, что больному было уже полегче.

Въ одинъ вечеръ однако жъ, снова поднялась тревога. Усѣнное дотолѣ выздоровленіе вдругъ какъ-будто поворотило назадъ. Въ лицѣ у больнаго показался сильный жаръ; голова опять отяжелѣла, въ ужасу доктора Патрика, который между-тѣмъ не могъ открыть ни какой перемены въ біеніи пульса. Докторъ потребовалъ, чтобы у больнаго дежурили такъ же постоянно, какъ при самомъ началѣ болѣзни. Онъ зналъ, какъ опасны подобныя возвращенія. Леди Гленморъ тоже перепугалась. Она положила сидѣть у Танкреда каждый вечеръ до полуночи. Съ полуночи и до утра ее смѣняла Пакеретта.

Съ осьми часовъ вечера леди Гленморъ уже вступила на дежурство. Танкредъ нѣсколько успокоился и, казалось, спалъ. Докторъ Патрикъ сидѣлъ тутъ же.

— Не страшно ли, докторъ, что лордъ Гленморъ не пишетъ? сказала она тихо, чтобы не потревожить больнаго: вотъ, уже два мѣсяца, нѣтъ ни строки!

— Да, признаться, миледи, я тоже не знаю, что подумать, отвѣчалъ докторъ Патрикъ.

— А я такъ знаю, что подумать.

— Что же вы думаете, миледи?... Вы получали извѣстіе какое-нибудь?

— Да! отвѣчала она, в это слово брызнуло съ ея губъ какъ искра изъ-подъ молотка.

— Ужь не боленъ ли онъ? съ безпокойствомъ спросилъ докторъ.

— Ни чуть. Здоровье его милости совершенно благополучно. Моя подруга, которую я просила освѣдомиться, пишетъ мнѣ, что милордъ пробывъ въ Лондонѣ не больше двухъ дней и тотчасъ уѣхалъ въ провинціи. Онъ скакалъ изъ города въ городъ съ оглушительною всеобщностью челоуѣка, который ищетъ развлеченія. Вѣроятно,

онъ теперь нашелъ это развлеченіе и доволенъ тѣмъ, что забыть объ насъ.

— Миледи!

— Конечно! Чѣмъ же другимъ вы объясните его молчаніе втеченіи двухъ мѣсяцевъ?

— Подождите, миледи; подождите, покуда онъ вернется и тогда вы увидите, что несправедливо было бы осудить человѣка безъ допросу и улики.

— О!... уликъ довольно. Я знаю много вещей, о которыхъ вы не знаете докторъ.... я знаю, что я была принесена въ жертву.... Но это кончено. Къ-счастью, у меня еще остается мое собственное имя, мое имѣніе и покровительство королевы.....

Изумленный и встревоженный докторъ Патрикъ хотѣлъ что-то сказать, но отворилась дверь и вошелъ сэръ Арчибальдъ Каскиль, который не пропускалъ ни одного дня, чтобы не освѣдомиться о состояніи больного.

— Любезные друзья мои, сказалъ онъ весело: милые мои, прощайте! Я ѣду, я уѣзжаю; я ѣду сегодня, сейчасъ.

— Но обыкновенію, прогуляться въ Сентъ-Клу? спросила леди Гленморъ.

— Нѣтъ, по-дальше, миледи; немножко по-дальше на этотъ разъ.

— Однако жъ вы воротитесь къ полуночи?

— Не думаю, миледи..... потому что я поѣду сараи, встрѣчусь на бульварѣ съ нѣсколькими пріятелями, потомъ сяду въ почтовую карету.....

— Въ почтовую карету..... полноте!.....

— Право, миледи, въ почтовую карету.... и поѣду въ Марсель.

— Въ Марсель, вы говорите?

— Да; а оттуда въ Китай.

— Въ Ки.....

Леди Гленморъ не договорила.

— Въ Китай, въ Китай, миледи. Я долженъ извѣстить Кантона втеченіи ста сорока четырехъ тысячъ миль, или втеченіи двухъ тысячъ четырехъ сотъ часовъ или если вѣкъ угодно, втеченіи ста дней.

Леди Гленморъ всё-еще не могла прійти въ себя отъ изумленія.

— Это я держу пари, продолжалъ сэръ Каскиль: я выиграю пять сотъ тысячъ франковъ, если совершу это путешествіе въ назначенное время и во столько же минутъ вернусь назадъ. Словомъ, въ шесть мѣсяцевъ я долженъ съѣздить въ Китай и воротиться. Этого никогда не было нѣдамо, но это увидать. Чтò прикажете привезти вамъ, шведи, изъ Китая?... У васъ нѣтъ ли какой комиссіи въ Кантонъ, докторъ Патрикъ?... А вамъ, любезный Танкредъ, я привезу птичьихъ гнѣздъ изъ Самаранга, самыхъ отличныхъ птичьихъ гнѣздъ. Мы съ вами будемъ думать ихъ не далѣе какъ черезъ шесть мѣсяцевъ, за это я ручаюсь.

Танкредъ улыбался. Онъ обрадовался..... не птичьимъ гнѣздамъ, а тому что сэръ Архибальдъ Каскиль убирается въ Китай.

Леди Гленморъ была такъ смущена и такъ блѣдна, что встала и намѣривалась выйти, однако, разсудила и осталась.

— Вы ѣдете въ Китай!.... такъ..... вдругъ? сказала она наконецъ, стараясь скрыть свое волненіе: вы уѣзжаете.... въ шесть мѣсяцевъ!.... Въ Китай!.... Какой странный пари!.... Да это невозможно..... это невѣроятно.....

— Отчего же невѣроятно? спросилъ Танкредъ, у котораго, какъ вообще у больныхъ, воспріимчивые органы отгадывали подъ скрытымъ выраженіемъ самыхъ малѣйшія движенія души: отчего же такой пари невѣроятенъ? повторилъ онъ.

— Танкредъ правъ, сказалъ сэръ Каскиль: чѣмъ пари невѣроятнѣе, тѣмъ онъ возможнѣе. Всѣ знаменитые пари таковы. Я держалъ свой вчера въ такую минуту, когда вовсе еще не думалъ оставить васъ.

— Вотъ! вскричалъ смѣясь докторъ Патрикъ: скажите послѣ этого, чтò значать сердечныя привязанности? Сколько разъ сэръ Каскиль клялся намъ, что любить насъ больше всего на свѣтѣ, и вдругъ, въ одну минуту, покидаетъ безъ всякаго сожалѣнія!

— Докторъ! съ жаромъ возразилъ сэръ Архибальдъ

Каскиль: я не измѣню своей привязанности: я уйду съ собою.

— Покорно благодарю за всѣхъ, сэръ Каскиль, насмѣливо сказалъ докторъ.

— Кстати, продолжалъ сэръ Каскиль: если я не возвращусь..... это очень можетъ случиться: путешествіе въ Китай многимъ стѣитъ жизни. Я тоже могу умереть, хотя располагаю оставаться тамъ не болѣе двадцати четырехъ часовъ. Если я не ворочусь, скажите лорду Гленмору, какъ душевно я сожалею, что не могъ дожидаться его, и раздайте слугамъ все, что я оставляю здѣсь.

— Послушайте, сэръ Каскиль, это очень забавная, но ужъ слишкомъ колоссальная шутка, ваше путешествіе въ Китай! сказалъ докторъ Патрикъ, который былъ какъ нельзя болѣе радъ отъѣзду сэръ Каскиля, почиталъ его счастіемъ, но еще сомнѣвался въ этомъ счастіи и поворачивалъ его во всѣ стороны какъ подозрительную монету.

— Если лордъ Блекъ, съ которымъ я держу пари, захочетъ, чтобы это была шутка, то онъ заплатитъ мнѣ двѣсти тысячъ неустойки.

— Но въ такое короткое время съѣздить въ Китай!....

— Правда, время короткое, докторъ, такое короткое, что мнѣ стѣитъ промедлить только двѣнадцать часовъ и я проиграю закладъ.

— И проиграете непременно, сказала леди Гленморъ: я увѣрена, что проиграете.

— Вотъ, что вы говорите! А я еще надѣялся на ваше ободреніе, миледи.

— Кто же ободряетъ невозможное?

— Невозможное-то и должно ободрять: возможное не нуждается въ ободреніи.

Твердый и проникательный взглядъ мишиаго сэръ Каскиля никогда не бывалъ такъ страстенъ какъ въ эту минуту. Леди Гленморъ принуждена была блуждать глазами по комнатѣ.

— Хорошо, мы будемъ думать, вспоминать объ всѣхъ... неправда ли, Танкредъ? сказала она обративъ взоръ на больнаго.

Танкредъ не отвѣчалъ.

— Мы будемъ молиться за васъ, сэръ Каскиль, прибавила она.

— Вы великодушны, миледи; но и слишкомъ большое великодушіе безвредно съ тѣмъ, кого, быть-можетъ, уже никогда не увидишь.

— Я думаю, никогда, сэръ Каскиль! съ живостью сказала леди Гленморъ и раскалалась.

Конечно, лучше бы было, если бъ она смолчала.

— Все, что дается такому человѣку, дается однажды навсегда. О, да! продолжалъ сэръ Каскиль патетическимъ тономъ, который былъ тѣмъ эффектиѣе, что рѣдко употреблялся: мнѣ нужны ваши молитвы, миледи. Судите сами, какъ я дорожу ими! Время, которое я теперь провожу здѣсь, на счету въ закладъ. Оно считается съ шести часовъ. Всего сроку мнѣ дано двѣ тысячи четыреста часовъ, а мнѣ стѣитъ потерять только двѣнадцать, какъ я вамъ говорилъ.....

— Боже мой! а вы уже потеряли три!... Поѣзжайте, поѣзжайте, сэръ Каскиль! оставьте насъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, да по-скорѣе! думалъ про себя докторъ Патрикъ.

— Нѣтъ, миледи, отвѣчалъ сэръ Каскиль медленно, — и это было отиѣнно эффектно послѣ того, что онъ сейчасъ сказалъ: нѣтъ, миледи, я не потороплюсь оставить васъ, хотя бы за это пришлось проиграть закладъ. У меня еще есть просьба до васъ, прибавилъ онъ безъ смущенія, но какъ-будто глубоко тронутый.

— Чего еще онъ попросить? подумалъ докторъ Патрикъ.

— Просьба, сэръ Каскиль? Чего же вы желаете. Говорите. Вѣдь вы другъ лорда Гленмора.

— Просьба, миледи, и, быть-можетъ, очень смѣлая.

— Я увѣрена, что смѣлость, со стороны такого благороднаго человѣка какъ вы, не исключаетъ приличія и возможности. Говорите.

— Миледи, я желаю увезти васъ съ собою въ Китай. Докторъ Патрикъ захохоталъ во все горло. Просьба въ самомъ дѣлѣ казалась немножко смѣлою.

Такрედъ вскочилъ на постелѣ и сѣлъ.

— То есть, не васъ ~~снимать~~, ~~вынимать~~, ~~привыкать~~ сэръ Каскиль, а только вашъ образъ, вашъ портретъ, ваше злорее я, которое теперь виситъ у васъ на шеѣ. Вы, продолжалъ онъ съ простодушіемъ, которое удивительно шло къ колонисту Мыса-Доброй-Надежды: вы — жена моего друга, лорда Гленмора. Въ дорогѣ мнѣ пріятно и отраднo было бы взглянуть иногда на черты подруги чело-вѣка, котораго я душевно люблю и котораго, конечно, также любить меня. По возвращеніи я опять отдамъ вамъ этотъ портретъ, если вы потребуе-те.

— Возьмите, сказала леди Гленморъ, и голосъ и руки ея дрожали, когда она снимала и подавала портретъ: возьмите, я даю вамъ его отъ имени общаго нашего друга, отъ имени моего мужа....

— Которому я васъ прошу, взаимно, отдать вотъ этотъ мой портретъ, сказала сэръ Каскиль, подавая ивнатору въ золотой оправѣ, съ алмазами.

Танкредъ, безпокойными, сверкающими глазами слѣдилъ за этою мѣною портретомъ. Докторъ страдалъ и сэръ Каскиль, который теряетъ драгоценное время.

— Теперь! вскричалъ сэръ Каскиль съ обыкновенною своею веселостью: теперь прощайте, добрый и любезнѣйшій докторъ Патрикъ! прощайте, храбрый Танкредъ! прощайте, миледи! Не поминайте лихомъ бѣднаго преступленника. Прощайте, миледи!...

И, совершенно противъ своего обыкновенія, онъ не обнялъ леди Гленморъ, а только почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Я ворочусь черезъ шесть мѣсяцевъ съ двѣнадцатьюстами тысячь въ карманѣ, или ворочусь сегодня же съ двумястами тысячь, или.... никогда не ворочусь. Прощайте.

— Прощайте! прощайте! прощайте!

— Прощай.... Богъ съ тобой! прибавилъ докторъ Патрикъ про себя.

Всѣ думали, что сэръ Каскиль уже сошелъ съ ума, какъ-вдругъ онъ воротился и прямо подошелъ въ утангу Мараканбо, который лежалъ безрешившимъ леди Гленморъ. Сэръ Каскиль толкнулъ его ногою.

ибо поднялъ голову и съ досадою устремилъ сонные глаза на докучнаго.

— Мистеръ Мараканбо! сказала сэръ Каскиль: извините, я совсѣмъ забылъ проститься съ вами. Но благовопитанный человекъ непремѣнно обязанъ поправить свою ошибку. Вашу руку, мистеръ Мараканбо. Я надѣюсь, что вы не сердитесь и великодушно забудете, если я васъ огорчилъ. Я часто насмѣхался и тѣшилъ надъ вами, мистеръ Мараканбо, но будьте увѣрены, что въ душѣ я всегда питалъ къ вамъ уваженіе даже тогда, когда во долгу совѣсти отдавалъ вамъ заслуженные поборъ. Прощайте, мистеръ Мараканбо!

Мистеръ Мараканбо посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и опять свернулся въ клубокъ. Леди Гленморъ, докторъ и Танкредъ хохотали.

Такимъ образомъ сэръ Каскиль, вѣрный до конца характеру своей роли, ознаменовалъ свой отъѣздъ, такъ же какъ и пріѣздъ, шутловствомъ и глупостями. Потомъ, простившись въ двадцатый разъ со всѣми, онъ наконецъ отправился совершенно. По уходѣ его, въ комнатѣ съ полчася длилось молчаніе. Никто не находилъ предмета для разговору. Танкредъ, казалось, уснулъ. Примѣтивъ это, докторъ Патрикъ тихонько всталъ и простился съ леди Гленморъ. Онъ увѣрилъ ее, что считаетъ больнаго въ совершенной безопасности, если только не возвратится бредъ. Если же возвратится, то больнаго можетъ спасти только счастливый случай, уроденный президентъ всѣхъ медицинскихъ факультетовъ. Но докторъ Патрикъ надѣялся, что этого опаснаго бреда не будетъ: спокойный сонъ больнаго предвѣщалъ очень доброе. Докторъ ушелъ. Леди Гленморъ осталась одна.

Онадохнула свободнѣе, но смутная, неопредѣленная, смѣшанная душа не оставляла ее. Она думала о мужѣ, о холодномъ, равнодушномъ лордѣ Гленморѣ, который покинулъ ее и втеченіи двухъ мѣсяцевъ ни разу не позаботился подать или спросить вѣсть; она думала о сэрѣ Каскилѣ, объ этомъ чудацкѣ, который, несмотря на шутовскія выходы, обладалъ многими прекрасными и привлекательными качествами, — который уже сдѣлался для нея почти

необходимымъ, — къ которому она въ нѣсколько дней привыкла гораздо больше нежели къ мужу въ нѣсколько мѣсяцевъ и который тоже оставилъ ее. Но этотъ по-крайней-мѣрѣ хотѣлъ взять ее съ собою, хотѣлъ помнитъ объ ней.... Флавинъ стало грустно, грустно болѣе чѣмъ когда-нибудь: она вполне почувствовала всю тяжесть одиночества и безотрадная, холодная пустота сердца приводила ее въ отчаяніе: она жалѣла о немъ за что брошенномъ прошедшемъ и страшилась за будущее.

Посреди этого раздумья она вдругъ услышала рыданіе и поспѣшно откинула занавѣсъ Танкредовой постели. Свѣтъ лампы упалъ на лицо больного. Оно было обито слезами.

— Вы не спите, Танкредъ?... Вы плачете?... о чемъ вы плачете?

Танкредъ отвѣчалъ хохотомъ, отъ котораго ее бросило въ дрожь.

— Боже мой, онъ въ бреду! вскричала леди Гленморъ: онъ погибъ!... онъ умретъ!...

— Милордъ!... милордъ!... подите сюда говорилъ Танкредъ въ лихорадочномъ волненіи: подите сюда.... нѣтъ нужно поговорить съ вами.... по-тихоньку.... такъ тихо, чтобы я самъ не слышалъ....

Потомъ онъ схватилъ себя за голову и опять захохоталъ.

— Другъ мой, говорите со мной, но оставьте этотъ хохотъ.

— Знайте, милордъ, продолжалъ Танкредъ слабымъ, глухимъ голосомъ, и сѣлъ на постель, но не открывалъ глазъ: знайте, я человѣкъ живыи, безчестный, недостойный вашихъ благодѣяній, и вашего довѣрія....

— О! зачѣмъ вы это говорите, Танкредъ? Опомнитесь. Вы говорите не съ лордомъ Гленморомъ: его нѣтъ здѣсь... Притомъ, вы не сдѣлали ему ни какого зла.... Опомнитесь.

— Да, я сдѣлалъ, я сдѣлалъ вамъ зло, милордъ.... много зла.... Прикажите казнить меня.... разстрѣлять. Развѣ вы не знаете моего преступленія? Я люблю вашу жену! да! вашу жену!

— Ст!... тише!... молчите! вскричала Флавія, оглядываясь, и потому задержала за собою занавѣсъ, чтобы голосъ Танкредъ не слышался далѣе алькова.

— Я люблю ее, милордъ.... съ той самой минуты какъ увидѣлъ.

— Онъ любить меня! подумала Флавія. — Танкредъ! Танкредъ! вѣдь это я съ вами говорю, а не лордъ Гленморъ.... Но онъ не видитъ и не понимаетъ меня.... Онъ любить меня!

— Когда вы уѣхали, милордъ, я не жалѣлъ, продолжалъ Танкредъ: напротивъ, я радовался.... Какая неблагодарность!... И въ ваше отсутствіе, вмѣсто-того чтобы охранять, беречь неоцѣненное сокровище, которое вы поручили мнѣ, я самъ всѣми силами души желалъ обладать имъ! Убейте меня, милордъ.... я заслужилъ смерть... прикажите бросить меня въ море, утопить.

Танкредъ остановился на минуту, чтобы дать свободу слезамъ. Флавія отирала ему эти слезы своимъ платкомъ и не примѣчала, что изъ собственныхъ ея глазъ капля за каплей падаетъ на изголовье больного.

— Ваша жена прекрасна, милордъ, продолжалъ Танкредъ: такъ прекрасна, что я теряю разсудокъ, проклиная свою судьбу, забываю обязанности и признательность къ вамъ..... Да, милордъ! я преступникъ!.... Теперь вы все знаете, милордъ. Дѣлайте свое дѣло: я свое сдѣлалъ.

Можно себѣ представить, что чувствовала леди Гленморъ выслушивая признаніе, которое бросало страшный свѣтъ въ ея собственное сердце. Танкредъ обвинялъ себя передъ лордомъ Гленморомъ въ преступленіи, въ любви къ женѣ своего покровителя. Что же будетъ съ нею? Она почувствовала, что современемъ должна будетъ созвѣстаться себѣ въ подобномъ же преступленіи. Это привело ее въ ужась. Тутъ она твердо взялась за мысль, которая давно уже была у нея неразлучна почти со всякою мыслью о мужѣ. Она рѣшилась написать королеву, которая, выдавая ее замужъ, обѣщала материнское покровительство, помощь и всегдашній пріютъ, какъ-скоро она почувствуетъ себя несчастною у мужа. Леди Гленморъ рѣшилась

развеселюсь, чтобы не заставить краснѣть того, который далъ ей свою руку безъ сердца, свое имя безъ любви.

— Завтра же пошлю письмо къ королеви, думала она: и черезъ недѣлю получу отвѣтъ, черезъ недѣлю я буду свободна.

— Но успокойтесь, милордъ, продолжалъ Танкредъ тихимъ, дрожащимъ, отчаяннымъ голосомъ: эта любовь убиваетъ меня.... она убиваетъ меня гораздо скорѣе чѣмъ страшное паденіе на скачкѣ, которому я подвергся для вашей жены, для того чтобы она хоть на минуту примѣтила меня!... Вамъ уже не нужно мстить: случай уже отомстилъ за васъ.... я умираю....

— Танкредъ! Танкредъ!... полноте! вскричала леди Гленморъ, испуганная продолжительностью припадка: вы раздражаете себя до того, что въ самомъ дѣлѣ умрете.... Это ваше раздраженіе убиваетъ васъ.... Лорда Гленмора нѣтъ здѣсь.... О! къ счастью, прибавила она шопотомъ, къ счастью, это я.... я, жена его.... слушаю васъ.... я, которую вы любите.... которую никто не долженъ, не имѣетъ права любить.... слышите ли вы? прибавила она обнявъ больного руками и трепеща отъ страха, стыда, негодованія и тайнаго сладостнаго чувства.

— Я вамъ сказалъ, милордъ....

— Неужели не кончится этотъ ужасный бредъ? вскричала она съ отчаяніемъ.

— Вы отпущены вдвойнѣ, потому что я умираю, а ваша жена не любитъ меня.

— Но.... что я скажу ему? Онъ не понимаетъ меня! вскричала еще болѣе тронутая леди Гленморъ.

— Она любитъ другаго! продолжалъ Танкредъ съ раздражающимъ хохотомъ.

— Молчите! молчите! вскричала она громко и съ усердіемъ: опомнитесь, Танкредъ!... Но.... что мнѣ дѣлать? Онъ не понимаетъ меня!

— Она любитъ другаго, однако.... не васъ....

Леди Гленморъ, внявъ себя отъ смятенія, зажала Танкреду ротъ платкомъ, но такъ же быстро поняла опасность этой шутки и отвела руни. Танкредъ кончилъ страшную сцену:

— Она любитъ сэръ Архивальда Касквилла.

— Танкредъ! Танкредъ!.. о! нѣтъ! не говорите этого!.. не говорите!

— Она любитъ сэръ Архибальда Каспила, вашего друга... ложнаго друга, такого же какъ я....

Утомленный Танкредъ повалился на подушку. Леди Гленморъ, обвиняя рукой шею, поддержала его и тогда ея разгорѣвшееся лицо такъ приблизилось къ лицу больного, что они почти касались лбами. Онъ замирающимъ голосомъ продолжалъ шептать.

— Съ того часу какъ этотъ человекъ ступилъ на порогъ вашего дому, я воененавидѣлъ его.... за себя и за васъ. А леди Гленморъ полюбила его!..

— Нѣтъ, нѣтъ! неправда, Танкредъ! неправда, говорю я вамъ!

— Она весела и разговорчива только съ нимъ..... онъ составляетъ счастье ея уединенія.....

— Но его уже нѣтъ здѣсь!... его нѣтъ здѣсь! онъ уѣхалъ.... вы знаете, Танкредъ, что онъ уѣхалъ! говорила леди Гленморъ на губы Танкреду, такъ, чтобы онъ могъ чувствовать, если не слышалъ.

— Они всегда вмѣстѣ ѣздили въ Парижъ....

— Ревность!... ревность терзаетъ его..... вотъ отчего я бреду!

— Да, милордъ! этого человека, вашего врага, она любитъ болѣе чѣмъ меня, болѣе чѣмъ васъ.....

— О! нѣтъ, нѣтъ!... неправда! вскричала леди Гленморъ и выплянула за занавѣсъ, не подслушиваетъ ли кто-нибудь.

— И вотъ, отчего я умираю, милордъ! Меня убиваетъ ревность.....

— Танкредъ! не умирайте! Я не его люблю.... увѣряю васъ, клянусь вамъ.....

И какъ было не повѣрить? Леди Гленморъ плакала на шеѣ у Танкреда.

— Да! вотъ, отчего я умираю.....

— Нѣтъ, вы не умрете!... Другъ мой! я не хочу, чтобы вы умерли.....

Танкредъ опустилъ утомленную голову на плечо Флавія

— Нѣтъ, вы не умрете.... потому что я люблю васъ, васъ.... слышите? я люблю васъ, а не Каскиля....

Танкредъ былъ недвижимъ.

— Боже мой! онъ умретъ!

— Меня.... она меня любитъ! шепталъ онъ такъ тихо, что и леди Гленморъ едва-едва разслышала, хотя уже касалась губами его щеки.

— Да! я тебя люблю! Живи же, Танкредъ, живи! Не думай больше о сэрѣ Каскилѣ. Его уже нѣтъ здѣсь: онъ увѣхалъ... навсегда. Я люблю тебя, Танкредъ; живи, живи!

Танкредъ совершенно ослабѣлъ.

Леди Гленморъ робко поцѣловала его въ лобъ, потомъ съ жаромъ цѣлуя въ щеки и глаза торопливо твердила:

— Да, да, я люблю тебя! бѣдный, милый другъ мой, я люблю тебя!

Тутъ Танкредъ тихонько открылъ глаза.

— Это былъ сонъ! вскричала леди Гленморъ: о, счастье!

— Чтò вы, миледи? черезъ минуту тихо спросилъ съ удивленіемъ Танкредъ.

— Я.... я поправляла вашу подушку.... Вашъ сонъ былъ такъ тревоженъ.... Я боялась.... мнѣ показалось....

— Благодарю, благодарю васъ, миледи.... Ахъ, какой страшный сонъ я видѣлъ! Меня хотѣли разстрѣлать, утопить....

— Я спасена! съ радостью подумала леди Гленморъ: бредъ его прошелъ. Онъ ничего не помнитъ.... ничего.

— Но теперь мнѣ лучше, миледи.... теперь мнѣ очень хорошо, прибавилъ Танкредъ медленно взявъ слабыми руками обѣ руки леди Гленморъ: о, какъ много я обязанъ вамъ, миледи!

— За чтò, Танкредъ?

— За то что вы стережете меня и охраняете!... Вы ищѣете меня!

— Дай Богъ.

Леди Гленморъ поспѣшно отняла свои руки. Пакеретта пришла смѣнять ее. Въ сосѣдней комнатѣ, на большихъ часахъ пробило двѣнадцать.

— Онъ ничего не помнитъ, думала леди Гленморъ уходя въ свои покои.

Тутъ кавалеръ де-Профундисъ остановился и опустилъ голову на грудь.

— Какая комедія! вскричалъ онъ потомъ съ горькою усмѣшкой.

— Какъ такъ! возразилъ маркизъ де-Сенъ-Люк: гдѣ же вы тутъ видите комедію?

— Вотъ гдѣ. У Танкреда ни на одну минуту не было лихорадочнаго бреда. Въ эту ночь, въ продолженіи этого страстнаго признанія, онъ, просто, притворился бредящимъ, чтобы смѣлѣе открыть, что было на душѣ. Это было не что иное какъ ловкое средство высказать леди Гленморъ свою любовь и свою ревность, и узнать, любитъ ли она его. И онъ нашелъ, что она любитъ его.

Леди Гленморъ, съ своей стороны, тронутая, испуганная этою страстью, которая могла погубить ее и умертвить Танкреда, если будетъ слишкомъ сурово отвергнута, не находила другаго спасенія какъ сказать ему, что любитъ его. Она, впрочемъ, и въ самую минуту этого признанія была убѣждена, надѣялась, что Танкредъ въ бреду и не запомнитъ ея рѣчей. На минуту ей и самой показалось, что она въ самомъ дѣлѣ любитъ его. Но потомъ она только яснѣе поняла, что сердце ея стремится вслѣдъ за сэръ Каскилемъ. Она всю остальную часть ночи не смыкала глазъ.

Танкредъ между-тѣмъ былъ въ невыразимомъ, почти сумасбродномъ восторгѣ, въ упоеніи. Выслушанное признаніе дѣйствовало на его слабыя, раздраженные нервы физически возбуждительно, какъ хмѣль шампанскаго. Когда Пакеретта сѣла подлѣ него, на мѣсто леди Гленморъ, онъ съ жаромъ схватилъ ее за руки и вскричалъ:

— Пакеретта! сказать тебѣ, что такое — счастье? истинное и единственное счастье?

— Скажите, мистеръ Танкредъ.

— Это не буря на индѣйскомъ океанѣ.

— Вѣрю.

— Это не сраженіе корабля съ кораблемъ, не рукопашный бой борть о борть.

Т. LXXII. — Отд. II.

— Согласна.

— Это не пожалованіе адмиральскою шпагой, отъ имени англійской королевы, при ста двадцати пушечныхъ выстрѣлахъ.

— Можетъ-быть.

— Нѣтъ! не въ этомъ счастье, Пакеретта! Истинное счастье для молодого человѣка—любить и быть любимымъ.

— Если же кто не молодой человѣкъ, а дѣвушка, то въ чемъ же тогда будетъ заключаться счастье?

— Да! вотъ этого я не знаю, Пакеретта.

— А я знаю.... въ томъ, чтобы любить и умереть.

Танкредъ такъ сильно любилъ, что не могъ не быть эгонистомъ. Онъ не обратилъ вниманія ни на смыслъ Пакереттиной рѣчи ни на выраженіе ея лица при этой мысли. Но онъ, можетъ-быть, не нашелъ бы перемѣны, хотя бы и взглянулъ. А между-тѣмъ Пакеретта измѣнялась съ часу на часъ. Она медленно догорала. Тѣло ея какъ-будто уходило вслѣдъ за душой, которая всё влекла и влекла ее за собой, каждую минуту готовясь отлетѣть и оставивъ жетошенное на краю могилы. Глаза, пріятельныя ротъ и прекрасная грудь Пакеретты постепенно исчезали, не теряя однако жъ своей дѣвственной прелести и чистоты. Они исчезали, но не удавали. По временамъ она становилась удивительною красавицею. Спѣвавшая ея горла ка иногда вдругъ озаряла ея глаза огнемъ вдохновенія; щекахи разливался жаркій румянецъ; всѣ черты оживлялись. Тогда она становилась восхитительною. Но только на минуту. Жизнь логѣла у нея съ изумительною быстротою. Въ одну минуту все въ ней горѣло; пламя пожара просвѣчивалось сквозь прозрачную кожу и сквозь зрачки глазъ. Черезъ часъ потомъ все внутри превращалось въ пепель, покрытый снаружи блѣдностью.

Не странно ли?... И смѣшно и вмѣстѣ прискорбно: а любовью, которая жаждала жизни, ухаживала любовь, которая желала только смерти! Кто изъ нихъ болѣе достоинъ сожалѣнія?

Около десяти часовъ утра докторъ Патрикъ послѣднимъ вошелъ въ Танкредову комнату, куда только-что пришла леди Гленморъ, чтобы отпустить Пакеретту.

портъ была блѣдна и изнурена, какъ—будто провела трое сутокъ къ-раду въ безсонницѣ. Письмо къ королевѣ было уже отправлено.

— Добрыя вѣсти! добрыя вѣсти! кричалъ докторъ Патрикъ, показывая письмо.

— Отъ лорда Гленмора! вскричали въ одинъ голосъ Ташкраль, леди Гленморъ и Пакеретта, — всѣ трое съ удивленіемъ, но каждый съ инымъ выраженіемъ.

Леди Гленморъ распечатала письмо и прочитала вслухъ. Гленморъ извинялся передъ женой въ долговременномъ отсутствіи и молчаніи и писалъ съ гораздо большимъ жаромъ нежели какъ обыкновенно говорилъ съ нею. Причиною отлучки его было то, что онъ, по приѣздѣ въ Лондонъ, вмѣсто отсрочки отпуска, получилъ отъ адмиралтейства порученіе, которое надобно было немедленно исполнить и ѣхать для этого въ Плаймоуть. Оттуда его обѣщали отпустить во Францію, но вмѣсто-того дали еще порученіе въ другую провинцію, потомъ въ третью, въ четвертую, въ десятую, и гоняли такъ, что онъ не успѣвалъ освоиться. Онъ каждый день хотѣлъ писать, но каждый день думалъ ѣхать самъ, и каждый день ошибался въ расчетѣ. Онъ подозрѣвалъ уже, что кто-нибудь тѣшитса надъ нимъ и по просякамъ, вслѣдствіе какой-нибудь интриги, возить его на почтовыхъ изъ графства въ графство во всей Англіи. Но онъ не могъ понять, кому и для чего это было бы нужно. Теперь досадная мистифкація или стеченіе обстоятельствъ, кончилось. Теперь онъ свободенъ. Онъ воротился въ Лондонъ и получилъ письма доктора Патрика. Черезъ двѣ недѣли онъ непремѣнно приѣдетъ самъ, а покуда посылаетъ женѣ тысячъ на пятьдесятъ нарядовъ, купленныхъ у королевской модистки. Въ заключеніе онъ говорилъ о сэрѣ Каскилѣ, котораго совершенно узналъ по странностямъ и шутовскимъ выходкамъ, котораго дѣйствительно считаетъ лучшимъ своимъ другомъ и спасителемъ жизни и котораго просилъ, заклиналъ беречь, уважать, любить и, главное, не отпускать до его приѣзду. «Я умру съ отчаянія, писалъ онъ, если не застаю сэра Архибалда Каскиля.»

— Кто это пишетъ?... любезнѣйшіи нашъ лордъ Глен-

жорь?... Не умрешь, не умрешь, любезный друг! вскричалъ сэръ Каскиль, который въ эту минуту вошелъ въ комнату и слышалъ послѣднія слова письма.

— Такъ вы не уѣхали въ Китай? вскричалъ докторъ Патрикъ съ изумленіемъ, позабывъ даже скрыть неприятное впечатлѣніе.

Танкредъ готовъ былъ ударить сэръ Архивальда Каскиля.

Леди Гленморъ тоже вскрикнула съ радостнымъ удивленіемъ. Но вслѣдъ за тѣмъ она сказала себѣ: «Онъ воротился.... и Гленморъ воротится, зато я уѣду.»

— Миледи, отвѣчалъ сэръ Каскиль обращаясь къ ней: я говорилъ вамъ вчера, что тотъ изъ насъ, кто откажется отъ закладу, долженъ заплатить двѣсти тысячъ неустойки.

— Неужели лордъ Блекъ отказался отъ закладу, который могъ выиграть навѣрно? спросила леди Гленморъ.

— Нѣтъ, не лордъ Блекъ, а я отказался, миледи.

— Вы, сэръ Каскиль?

— Да; сталъ садиться въ почтовую карету и раскаялся. Я предпочелъ заплатить неустойку и остаться съ вами. Однако жъ жить у васъ я больше не буду, продолжалъ онъ обращаясь къ доктору и Танкреду, которыхъ неприятное расположеніе духа не укрылось отъ него: я не хочу долѣе во зло употреблять гостепріимство миледи. Я уже приказалъ моему повѣренному нанять для меня квартиру въ Парижѣ и сегодня же намѣренъ перебраться.

— Но это невозможно, сэръ Каскиль! возразила леди Гленморъ: мой мужъ хочетъ, чтобы вы непремѣнно остались у насъ до его пріѣзду.

— Всѣ-равно, миледи; я буду жить въ Парижѣ: это то же, что у васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; лордъ Гленморъ требуетъ, чтобы вы непремѣнно жили у него въ домѣ.

— Ну, это другое дѣло. Я повинуюсь.

И жизнь сэръ Каскиля и леди Гленморъ пошла прежнимъ порядкомъ.

Съ этимъ неожиданнымъ возвращеніемъ померкло счастье Танкреда. Онъ съ досады готовъ былъ умереть. Но

докторъ Патрикъ, тотчасъ по уходѣ леди Гленморъ и сэръ Каскиля, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Танкредъ, вы здоровы.... Вы можете, вы должны встать сегодня.

— Почему же долженъ, докторъ?

— Почему?... потому что вы здоровы, вы совсѣмъ здоровы.

И Танкредъ всталъ.

Дѣло въ томъ, что доктору нужны были Танкредовы семнадцати-лѣтніе глаза, влюбленные глаза, для наблюденія за всякимъ шагомъ и поступкомъ сэръ Каскиля, который всё-еще казался ему очень подозрительнымъ, несмотря на свидѣтельство лорда Гленмора. Разсужденіемъ докторъ доказывалъ себѣ, что сэръ Каскиль могъ теперь быть вовсе не тѣмъ сэръ Каскилемъ, какого нѣсколько лѣтъ назадъ зналъ лордъ Гленморъ. Съ годами характеръ человѣка можетъ измѣниться, точно такъ же какъ наружность. На всякій случай докторъ рѣшился принять свои предосторожности, тѣмъ болѣе что это мнимое путешествіе въ Китай и неожиданное возвращеніе очень походили на хитрость, придуманную только затѣмъ, чтобы выманить у леди Гленморъ портретъ, и вообще, чтобы запутать ее въ сѣти оболъщенія. Но, къ несчастію, докторъ Патрикъ былъ слѣпъ и мало могъ дѣйствовать самъ, а Танкреду не могъ ввѣрять всѣхъ своихъ подозрѣній, потому что пылкій молодой человѣкъ былъ неспособенъ къ умѣренности и осторожности.

Сэръ Каскиль со времени проиграннаго закладу сталъ гораздо чаще ѣздить въ Парижъ уже не съ леди Гленморъ, а олимпъ, и часто возвращался домой очень поздно. На вопросы объ этомъ, онъ съ комическимъ отчаяніемъ отвѣчалъ, что его задерживаютъ утомительныя торговля дѣла.

Состояніе леди Гленморъ, съ того же времени, стало странно, почти непостижимо. Въ-мѣсто-того чтобы въ уединеніи дожидаться отвѣту на свое письмо къ королеви, свидѣніемъ котораго непременно долженъ быть разводъ, и въ-мѣсто-того чтобъ сдѣлаться осторожною съ-тѣхъ-поръ какъ созналась себѣ въ любви къ сэръ Каскилю, она, на-

противъ, совершенно предалась шумному его вращенію. Она стала обходиться съ нимъ вдвое свободнѣе прежняго. Будучи дома, онъ не отходилъ отъ нея ни на минуту. Онъ курилъ разговаривая съ нею.... дѣло неслыханное въ Англіи! Мало этого, леди Гленморъ сама искусно завертывала табакъ въ тонкую бумажку и тоже курила. Они смѣшивали свой дымъ и свой смѣхъ. Со времени прибытія сэръ Каскиля леди Гленморъ выучилась играть на бильярдѣ. Она играла съ нимъ по нѣскольку часовъ сряду. И все это дѣлалось несмотря на явное неудовольствіе, четко написанное на лицѣ доктора Патрика.

— Трудная обязанность! утомительная и бесполезная обязанность наблюдать за чужими женами! твердилъ про себя докторъ Патрикъ: возвращайся поскорѣе, лордъ Гленморъ, поскорѣе!... или ужъ вовсе не возвращайся.

Между-тѣмъ поведеніе леди Гленморъ не удивило бы того, кто зналъ бы тайну ея мысли. Она готовилась вернуться въ свое семейство, самое мрачное изъ пуританскихъ семействъ въ Англіи. Это значить, она готовилась къ пожизненному трауру. Поэтому она хотѣла пожить хоть нѣсколько минутъ, забыться хоть на нѣсколько дней съ человѣкомъ, котораго нестошимаая веселость и свободное, непринужденное обращеніе вырвало ее изъ состоянія, близкаго къ смерти. Въ немъ она находила избавленіе, друга, непрерывное развлеченіе, забаву, однимъ словомъ жизнь. Она очень хорошо знала, что ей не придется владѣть этимъ воздушнымъ замкомъ, который воздвигался передъ ея глазами и воображеніемъ. Но она играла своей страстью въ полной увѣренности, что желѣзная рука ея стоятельствъ въ свое время уничтожитъ эту игру. Самая она не хотѣла уничтожать. Она хотѣла пожить, хоть и шажко. и потомъ умереть.

Танкредъ хотя и страдалъ отъ ухаживанья сэръ Каскиля за леди Гленморъ, однако жъ ревность уже не делала его до такого бѣшенства какъ прежде. Онъ теперь уже зналъ, что онъ любимъ, а свободное обращеніе леди Гленморъ своего сердца съ заморскимъ колонистомъ объяснилъ ее желаніемъ скрыть такимъ образомъ настоящую свою любовь.

Однажды сэръ Арчибалдъ Каскиль воротился домой въ третьемъ часу ночи, хотя съ вечера сказалъ, что останется ночевать въ Парижѣ. Пробравшись въ свою комнату, те естъ, въ кабинетъ лорда Гленмора, безъ малѣйшаго шума, онъ отослалъ лакея и заверся на ключъ. Вокругъ царствовало глубокое безмолвіе. Весь домъ спалъ, отъ погребя до чердака. Пробыло три часа, но графъ Мэддокъ, какъ видно, не располагалъ лечь спать. Онъ вынулъ изъ кармана два маленькихъ ключа, съ улыбкою, осмотрѣлъ ихъ и положилъ на столъ, потомъ надѣлъ свои мягкія кашмировыя туфли плотнѣе на пятки, подпоясалъ черный бархатный халатъ, откинулъ бѣлый воротничекъ рубашки, взглянулъ въ зеркало и опять улыбнулся. Онъ видѣлъ, что ничего не теряетъ въ костюмѣ, который обыкновенно портить мужчине. Онъ былъ хорошъ какъ картина Мурильо, хорошъ какъ демонъ. Огненный взглядъ его черныхъ глазъ, при этой черной бархатной одеждѣ съ простымъ бѣлымъ воротничкомъ, легко могъ наполнить романическое воображеніе ужасомъ и любовью. Графу Мэддоку нужно было увѣриться въ этомъ: онъ готовился на важный подвигъ.

— Пора! сказалъ онъ, взялъ ключи и подошелъ къ потаенной двери, искусно скрытой обоями въ углу кабинета.

Мэддокъ отперъ эту дверь однимъ изъ приготовленныхъ ключей. Она отворилась безъ малѣйшаго шороху. Онъ ушелъ на темную спиральную лѣстницу и, сосчитавъ осьмнадцать ступеней, очутился передъ другою дверью. Второй ключъ повернулся въ замкѣ такъ тихо какъ въ водѣ. Дверь отворилась, показался матовый свѣтъ отъ ночной лампы и вѣствъ съ тѣмъ графа обдало благоуханіемъ жизни и сладострастія, которое составляетъ какъ-будто дыханіе жилища хорошенькой женщины. Онъ вошелъ, тихонько заворилъ дверь и остановился, чтобы прислушаться. Въ шести шагахъ отъ него стояла постель леди Гленморъ, обращенная ногами къ потаенному входу и закрытая великолѣпнымъ шатромъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ шелковыхъ занавѣсовъ. Не нужно и говорить, что графъ Мэддокъ, этотъ опасный изъ Опасныхъ, исполнялъ свое дерзкое

предпріятіе безъ малѣйшаго волненія, кромѣ развѣ опасенія неудачи. Онъ подошелъ по мягкому ковру, еще разъ прислушался и поворотилъ за уголъ къ лицевой сторонѣ постели. Тутъ онъ уже протянулъ руку, чтобы отвести пологъ и взглянуть на спящую, какъ—вдругъ увидѣлъ прямо передъ собою пистолетное дуло, на окраинахъ котораго отражался слабый свѣтъ ночной лампы. Этотъ пистолетъ былъ въ рукахъ Танкреда.

Молодые люди уставили другъ на друга глаза и долго не трогались съ мѣста. Ихъ раздѣляло только пространство въ длину постели. Одинъ стоялъ у изголовья, другой въ ногахъ.

Танкредовъ взглядъ говорилъ:

— Если ты подвинешься хоть на волосъ, я убью тебя!

Взглядъ графа Мѣддока, не менѣе смѣлый, отвѣчалъ:

— Я не сойду съ мѣста, будь увѣренъ, несмотря на твою пулю, которую вижу въ дулѣ пистолета.

Положеніе молодыхъ людей было щекотливое и страшное. Середины рѣшительно ни какой: или одному быть убійцей или другому — трусомъ. Если одинъ шагнетъ впередъ, другой выстрѣлитъ: кто уступитъ, будетъ осмѣлять.

Танкредъ, какъ и всѣ молодые люди, любилъ преувеличивать свою важность, если представлялся случай, и оттого сознаніе силы превращалъ въ тщеславіе. Онъ сталъ усмѣхаться очень несносно.

Графъ Мѣддокъ отдалъ ему улыбку назадъ съ презрѣніемъ.

Танкредъ удвоилъ насмѣшку.

Графъ Мѣддокъ удвоилъ презрѣніе. Но ни тотъ ни другой не трогался съ мѣста. И пистолетъ торчалъ неподвижно.

Черезъ нѣсколько времени Танкредъ лѣвою рукой указалъ сэръ Каскилю на дверь, давая знать, что пощадить его. Графъ Мѣддокъ, раздосадованный этимъ оскорбительнымъ состраданіемъ, быстро пошелъ къ изголовью постели. Танкредъ взвелъ курокъ. Стальная пружина два раза щелкнула. Остается еще тронуть и гранеть выстрѣлъ.

Мѣддокъ остановился и тоже выставилъ пистолетъ. Онъ

тоже былъ вооруженъ. Оба почти касались другъ друга концами стволовъ. Оба убьютъ другъ друга и шелковая постель леди Гленморъ обольется кровью.... Какое пробужденіе для нея!....

Но въ ту же минуту залаяла болонка, которую разбудило шелканье пистолетныхъ курковъ. Занавѣсъ постели зашевелился. Танкредъ задулъ лампу. Всѣ остались въ глубокомъ мракѣ.

— Кто тутъ? спросила леди Гленморъ.

— Но.... кто же тутъ? повторила она съ ужасомъ: кто тутъ? Говорите!

Никто не отвѣчалъ.

Она позвонила.

— Пакеретта! Пакеретта!... поскорѣй!

Пакеретта прибѣжала со свѣчей.

— Что вамъ угодно, миледи?

— Я слышала шумъ здѣсь, подлѣ меня.... Собака лаяла. Миѣ страшно.... Посмотри хорошенько.... поищи, нѣтъ ли кого....

— Никого нѣтъ. Я ничего не вижу, миледи, сказала Пакеретта обошедши всѣ углы спальни: собака спитъ у васъ въ ногахъ.

— Такъ это я, вѣрно, во снѣ видѣла. Ступай спать, Пакеретта.... Но отчего лампа погасла? Засвѣти.

Пакеретта засвѣтила лампу и ушла.

Поутру сэръ Архибальдъ Каскиль и Танкредъ, какъ обыкновенно, встрѣтились въ столовой, за нѣсколько минутъ до завтрака. Одинъ улыбался, другой съ яростью сверкалъ глазами.

— Я убью его сейчасъ же! разсуждалъ про себя Танкредъ: этимъ я убавлю свою вину въ-отношеніи къ лорду Гленмору. Если же онъ меня убьетъ, вина будетъ заглажена.....

— Сэръ Каскиль, миѣ нужно поговорить съ вами, сказалъ онъ задыхаясь.

— И миѣ тоже, любезный мистеръ Танкредъ, съ улыбкою отвѣчалъ сэръ Каскиль.

— Но сейчасъ же.

— Сейчасъ, мой другъ.

— Выйдите.

— Выйдите, любезнѣйшій.

На крыльцѣ сэръ Архивальдъ Каскиль закурилъ сигару и сказалъ:

— Вы позволите мнѣ говорить впередъ, мистеръ Такредъ?

— Говорите, сэръ Каскиль.

— Вы, любезный другъ, вѣрно, очень любите ночныя приключенія. Я засталъ васъ сегодня ночью въ спальнѣ у леди Гленморъ.... Ст!... хорошо, хорошо!...

— Милостивый государь!...

— Я не стану требовать объясненія, зачѣмъ вы тамъ были.... сохрани Богъ!...

— Милостивый государь! ваши шутки не у мѣста!...

— Я человекъ скромный, любезный другъ... Но, по чести! вы ужасно отважны....

— Сэръ Каскиль! я вамъ говорю....

— Впрочемъ, я извиняю васъ.... Я надѣюсь, что вы въ другой разъ этого не сдѣлаете....

— Но наконецъ.....

— Вчера ночью, спокойно продолжалъ сэръ Каскиль, услышавъ шумъ у себя надъ головою, я подумалъ, что къ леди Гленморъ забрались воры, и взошелъ по круглой лѣстницѣ, въ кабинета....

— Стало-быть, у васъ былъ ключъ отъ этого ходу!....

— Да, ключъ, конечно, былъ въ кабинетѣ. А вамъ и этого не нужно было.... Какъ же вы забрались? Прямо черезъ будоаръ или въ окошко?... Но какое мнѣ дѣло!... Полагая, что поймаю вора, я вошелъ и вижу васъ. Тутъ, конечно, я перемѣнилъ намѣреніе. Я не хотѣлъ поднимать тревоги: хотѣлъ только посмотрѣть, спитъ ли леди Гленморъ.

— Но.... напротивъ.... вы хотѣли....

— Чтѣ? Обокрасть леди Гленморъ?

— Нѣтъ.... но....

— Чтѣ же?... Полноте! Развѣ не я васъ засталъ въ спальнѣ? О чемъ же тутъ толковать? Оставимъ дѣло, какъ оно есть. Вы влюблены въ леди Гленморъ. Вы цѣлый день смотрите ей въ глаза, а вчера ночью задумали полюбовать-

ся на нее во время сна. Ну, что жъ такое? Вѣдь вы дитя, любезный Танкредъ. Полно объ этомъ!

— Но, сэръ Каскиль, я вамъ повторяю....

— Любезный Танкредъ, вы напрасно защищаетесь. Развѣ не вы первый вошли въ спальню и прятались тамъ за постелью? Разсудите, кто изъ насъ кого засталъ? Впрочемъ, леди Гленморъ завтракаетъ. Не угодно ли? Предложимъ ей этотъ простой вопросъ. Пусть она рѣшитъ.

Танкредъ былъ слишкомъ увѣренъ въ любви леди Гленморъ, чтобы принять предложеніе, которое могло привести ее въ замѣшательство.

— Вы видите, что я знаю вашу тайну, продолжалъ сэръ Архибальдъ Каскиль: вы страстно любите леди Гленморъ. Это я зналъ уже два мѣсяца назадъ, а въ эту ночь убѣдился ослзательно. Но вы можете положиться на мою скромность. Я ни слова не скажу....

Гибъ Танкреда буквально задохся подъ смущеніемъ и стыдомъ.

— Но пожалуйста же завтракать, господа! кричала леди Гленморъ изъ столовой: я вамъ расскажу, какой я видѣла сонъ.... ужасный сонъ!... пожалуйста.

Сонъ, какъ извѣстно, состоялъ изъ двухъ призраковъ, съ пистолетами въ рукахъ, изъ залаявшей собаки и потушенной лампы. Сэръ Каскиль хохоталъ. Танкредъ горѣлъ какъ на угольяхъ. Докторъ Патрикъ встревожился, однако жъ не показалъ виду.

Нашедши потомъ случай поговорить съ леди Гленморъ наединѣ, докторъ Патрикъ сказалъ:

— Миледи, вы видѣли во снѣ, что кто-то входилъ въ вашу спальню?

— Да, докторъ. Но я уже не думаю объ этомъ.

— Вамъ казалось, что это былъ воръ, вошедшій посредствомъ поддѣланныхъ ключей?

— Да; но это прошло.

— И что воръ этотъ былъ уже подлѣ вашей постели, что онъ погасилъ лампу?

— Да; но к чему повторять? Оставимъ это.

— Вы не сонъ видѣли, миледи.

— Непотомъ, докторъ.... Вы хотите испугать меня.....

— Нѣтъ, миледи; но.....

— Кто же бы посмѣлъ войти въ мою спальню?

— Кто-нибудь изъ живущихъ въ домѣ.

— Полноте! Это невозможно, докторъ!

— Вы сами видѣли, миледи, какъ возможно....

— Кто же, вы думаете, хотѣлъ обокрасть меня?

— Нѣтъ, не обокрасть, миледи.

— Ахъ!.... что вы?.... съ чего вы взяли?.... Кто же? вскричала леди Гленморъ вспыхнувъ.

— Я подожду, куда вы сами назовете его, отвѣчалъ докторъ.

— Неужели Танкредъ осмѣлился? вскричала леди Гленморъ, затянувъ шаль вокругъ плечъ: но это — смерть его, если лордъ Гленморъ узнаетъ!.. Я въ жизнь мою на глаза не пушу его....

— Это не Танкредъ, миледи, входилъ въ вашу спальню.

— Боже мой! кто же? Говорите же, докторъ. Ваши загадки терзаютъ меня.

— Это сэръ Архибальдъ Каскиль!

— Ха, ха, ха!.... онъ? Вотъ забавно! Полноте, докторъ! Это вамъ теперь мерещится во снѣ.

— Миледи, я васъ увѣряю, что это сэръ Каскиль былъ у васъ въ спальнѣ.

— Послушайте, докторъ, я на всѣ ваши догадки сдѣлаю только одно замѣчаніе. Разсуждайте сами. Миѣ снилось во снѣ, или не снилось. Если это былъ сонъ, такъ я говорю нечего; если же, напротивъ, дѣйствительность, то въ моей спальнѣ, очевидно, было двое, потому что я видѣла двоихъ. Кто же тогда былъ другой?

Леди Гленморъ ушла и оставила доктора Патрика въ величайшемъ замѣшательствѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! говорилъ онъ про себя: кто же тогда былъ другой?... Танкредъ? Но неужели Танкредъ осмѣлится?... Богъ знаетъ, что это такое!.... Хотѣ прѣхать бы поскорѣе лордъ Гленморъ... я совсѣмъ голову потеряю.

Черезъ часъ послѣ разговору съ леди Гленморъ и за нѣсколько минутъ до переѣзду со всѣмъ домомъ въ Парижъ, докторъ Патрикъ получилъ письмо отъ лорда Глен-

мера, который узналъ и друга своего извѣщалъ о прѣздѣ графа Мэддока въ Парижъ. Это, какъ видно было изъ письма, очень беспокоило его. Во множествѣ различныхъ догадокъ насчетъ цѣли этого прѣзду и въ мѣрахъ, которыя онъ наказывалъ принять, поручая жену охраненію доктора и Танкреда и сэръ Каскиля, и которыя потомъ опять отвергалъ, ясно высказывались его ревнивыя опасенія. Онъ писалъ доктору это письмо тайно отъ Флавіи, следовательно, могъ говорить совершенно откровенно о своихъ чувствахъ, о своей ревности и любви. И онъ говорилъ страстно, пламенно, сильно, бѣшено.

Пакеретта читала это письмо доктору Патрику и напрасно, съ надеждою и страхомъ, съ трепещущимъ сердцемъ, искала чего-нибудь о себѣ, хоть гнѣву, хоть строгаго отказа отъ мѣста, и не нашла ни слова! Между-тѣмъ страстная рѣчь лорда о женѣ и справедливость, законность этой рѣчи невѣроятнo терзали несчастную дѣвушку: въ каждой строкѣ она видѣла отраженіе своего сердца и вмѣстѣ укоръ своей преступной страсти. У нея едва достало силъ дочитать письмо. Машинально повиновалась она зову людей, которые приглашали ее садиться въ экипажъ.

Переѣзжали въ Парижъ.

Едва вступивъ въ свою комнату, въ новой квартирѣ, Пакеретта упала въ обморокъ. Ее съ трудомъ привели въ чувство и уложили въ постель. Болѣзнь вдругъ развилась съ чрезвычайною силой.

Въ тотъ же день, часу въ шестомъ, графъ Мэддокъ прѣхалъ къ Дымкѣ обѣдать и сказалъ, что леди Гленноръ въ Парижѣ.

— Наконецъ! вскричала Дымка съ дикою радостью пирата, который видитъ на горизонтѣ бѣлѣющій парусъ.

Глаза ея сверкали тѣмъ же огнемъ какъ въ тотъ день, когда она, на скачкѣ въ Виль-д'Авреѣ, сказала: «Еще добродѣтель въ мѣшкѣ!» слова, которыя вполне очерчиваютъ характеръ не только ея, но цѣлой ея породы. Всѣ подобныя ей необходимо — смертельныя непріятельницы всѣхъ тѣхъ, кого онѣ съ презрѣніемъ называютъ честными женщинами. Это слово производитъ у нихъ скрежетъ зубовъ. Корсиканецъ не столько ненавидитъ Генуэзца,

Португалецъ не столько ненавидитъ Испанца, сколько погибшая женщина ненавидитъ честную. И озлобленіе это доходитъ почти до людоедства. По-крайней-мѣрѣ Даша готова была съѣсть леди Гленморъ и всякую женщину, которую въ душѣ принуждена была признавать лучше себя. Мысленно она уже пожирала ее.

— Ну, что же? сказала она: миледи здѣсь и я здѣсь. Что жъ мы становимъ теперь дѣлать, графъ?

— Теперь обѣдать, а потомъ поѣдемъ въ оперу.

— И она тамъ будетъ?

— Нѣтъ, она поѣдетъ послѣ завтра: я тебѣ скажу въ какомъ она будетъ нарядѣ, чтобы ты сегодня одѣлась точно такъ же. Видь у тебя есть всѣ тѣ платья, какія у нея? Ничего не пропущено?

— Ничего; все есть. Ну, въ чемъ же она будетъ? Нарядъ головной уборъ.

— Главное — горсады изъ жемчугу и на вискахъ широкія мелко заплетенныя косы, далеко откинутыя на затылокъ.

— Потомъ?

— Лиловое шелковое платье съ большими воланами изъ черныхъ кружевъ.

— Потомъ?

— Черная кружевная мантилья.

— А ожерелья?

— Изумруды.

— А букетъ?

— Камелліи и фіалки.

— Все есть. Только за цвѣтами надо послать. Въ часъ времени принесутъ. Но что же я должна дѣлать въ театрѣ?

— Во-первыхъ, показать себя.

— Это не трудно.

— Привлечь какъ можно больше вниманія.

— Безъ скандалу однако жъ?

— Немножко скандалу не мѣшаетъ.

— Хорошо; вы скажете мнѣ, когда будетъ довольно. Все теперь?

— Нѣтъ еще. Ты должна показать, что говоришь со мною, и громко называть меня по имени.

— Еще что?

— Еще ты должна быть удивительно хорошею.

— Это уже готово, сказала Дымка.

По полученіи письма отъ лорда Гленмора, докторъ Патрикъ относительно разсудительности былъ въ такомъ состояніи, въ какомъ оказался бы, вѣроятно, всякій на его мѣстѣ. Видя двѣ опасности онъ занялся преимущественно самою большою и почти упустилъ изъ виду меньшую. У него были только боаѣ или менѣе основательныя подозрѣнія насчетъ намѣреній молодого негоціанта съ Мыса-Доброй-Надежды и вдругъ ему сообщаютъ положительное извѣстіе о графѣ Мѣддокѣ, котораго одно присутствіе въ Парижѣ въ нѣсколько разъ опаснѣе попытокъ цѣлаго десятка такихъ чудаковъ какъ сэръ Архибальдъ Каскиль. Естественно, что все вниманіе надобно было обратить на графа Мѣддока. На сопротивленіе такому гиганту требовалась цѣлая масса силъ. Раздѣленіе могло быть гибельно и, навѣрное, было бесполезно. Патрикъ счелъ за лучшее буквально послѣдовать наказу лорда Гленмора касательно мѣръ къ огражденію Флавіи отъ нападеній графа Мѣддока, и надѣялся устроить такъ, чтобы мисседи никогда не выѣзжала въ общество безъ Танкреда и сэръ Каскиля. И тому и другому, опять-таки по словамъ лорда Гленмора, Патрикъ тайкомъ сообщилъ извѣстіе о Мѣддокѣ и далъ нужныя наставленія. Сэръ Архибальдъ Каскиль, разумѣется, обѣщаль употребить въ пользу любезнаго друга, Гленмора, всю свою проникательность. Ревность Танкреда, получивъ вдругъ неожиданный толчекъ, тоже устремилась по другому направленію. Онъ сталъ гораздо снисходительнѣе къ сэръ Каскилю, на котораго уже смотрѣлъ какъ на союзника и помощника. Леди Гленморъ обо всемъ этомъ ничего не знала и не должна была знать. Она въ ожиданіи рѣшенія своей участи хотѣла только еще нѣсколько дней пожить весело, еще нѣсколько минутъ провести съ нимъ. Она очень охотно приняла предложеніе съѣздить въ италіянскую оперу, единственно для того чтобы сдѣлать удовольствіе сэръ Архибальду Каскилю. Колонистъ Мыса-Доброй-Надежды никогда не бы-

валъ еще въ Парижѣ въ итальянской оперѣ. Ему очень хотѣлось побывать. Поѣхали.

Когда леди Гленморъ съ двумя своими кавалерами вошла въ ложу, спектакль уже былъ начатъ. Едва кончился первый актъ, обычные посѣтители всѣ оборотились въ ту сторону, гдѣ сидѣла дама, которая пріѣхала съ графомъ Мэддокомъ. Ее узнали. Это та самая, которая была третьяго-дня. Ошибиться было невозможно: лицо удивительно похоже, и притомъ тотъ же нарядъ, та же прическа. Со всѣхъ сторонъ направились лорнеты. Ждали, что она пустится въ тѣ же вольности какъ въ прошедшій разъ, потому что Дымка, какъ вы можете вообразить, исполнила инструкцію графа Мэддока болѣе нежели удовлетворительно. Она высовывалась изъ ложи такъ, что страшно было смотрѣть; поднимала голову надъ бартеромъ съ такою дерзостью, что, казалось, презрительно вызывала всю толпу на бой; разговаривала громче всѣхъ въ залѣ; уронила букетъ на аристократическія лысины въ креслахъ; одна посреди общаго безмолвія потребовала повторенія весьма незначительнаго пассажа и разъ двадцать кликала графа Мэддока, который сидѣлъ подлѣ нея. Въ залѣ не было ни одного человѣка, который бы не примѣтилъ ея. И съ этою-то женщиной черезъ два дня та же же публика смѣшивала жену лорда Гленмора.

Но ни она ни Танкредъ сначала не примѣчали, что были предметомъ общаго любопытства. Одинъ графъ Мэддокъ примѣчалъ все. Онъ сидѣлъ подлѣ леди Гленморъ. Танкредъ занималъ второй рядъ, позади ея, и могъ видѣть ее, такъ же какъ она сего, въ одномъ изъ двухъ боковыхъ зеркаловъ.

Въ залѣ уже леди Гленморъ и Танкредъ примѣтили чрезвычайно изящный нарядъ сэръ Архибальда Каскиля и довольно удивительную перемѣну въ осанкѣ и манерахъ, которыми графъ Мэддокъ очаровывалъ въ самыхъ блестящихъ обществахъ. Въ этотъ вечеръ онъ нашелъ тайну, какъ сдѣлаться еще болѣе привлекательнымъ: онъ отбросилъ нѣсколько своей обыкновенной британской холодной надменности, которая не столько нравилась Парижанкамъ, сколько англійскимъ дамамъ, и вѣстѣ съ тѣмъ

сохранялъ въ глазахъ леди Гленморъ и Танкреда подобіе характера сэръ Каскля. Уклоненія можно было приписать осторожности передъ большимъ собраніемъ. Впрочемъ, леди Гленморъ была очень занята оперою: давали Пуританъ. А Танкредъ не спускалъ глазъ съ зеркала, въ которомъ видѣлъ образъ обожаемой царицы своего сердца, не смотря на сэръ Каскля, сидѣвшаго между ею и зеркаломъ. При каждомъ сильномъ, выразительномъ или нѣжномъ пассажѣ прекрасной оперы, очень богатой страстными музыкальными выраженіями, леди Гленморъ невольно обращалась къ первому своему кавалеру, а тотъ отвѣчалъ ей улыбкой, которая много походила на простодушную дружескую улыбку сэръ Архибальда Каскля, но еще больше отзывалась графомъ Мѣддокомъ. Леди Гленморъ полагала, что раздѣляетъ съ понимающимъ человѣкомъ только художественное наслажденіе, и не примѣчала, какъ увлекалась собственнымъ чувствомъ, утроеннымъ подъ вліяніемъ самаго этого художественнаго впечатлѣнія и всей окружающей атмосферы свѣту и благоуханія. А Танкредъ относилъ эти робкіе, влажные и нѣжные взгляды къ себѣ. Онъ слѣдовалъ за ними, ловилъ ихъ и отвѣчалъ имъ вонзая свой взоръ въ стекло. Онъ таялъ въ восторгѣ. «Какъ она любитъ меня! какъ она горитъ тѣмъ же пламенемъ которымъ я пылаю, при звукахъ этой божественной музыки! Да! это ея душа встрѣчается съ моею въ сіяющей глубинѣ зеркала, гдѣ отражаются три тысячи людей и гдѣ она видитъ только меня, а я только ея!» Такъ думалъ Танкредъ и наклонялся всё ближе и ближе къ обожаемой тѣни. Въ это время трогательная музыка Беллини, выражая прощаніе, становилась страстиѣе и страстиѣе. Правая рука леди Гленморъ, съ букетомъ скользила по краю ложи, а лѣвая въ то же время, слѣпо, невѣдомо, упала на руку и на колѣно графа Мѣддока.

Танкредъ, который видѣлъ въ зеркалѣ только руку съ букетомъ, впалъ въ странное и вмѣстѣ очень естественное заблужденіе: онъ вообразилъ, что букетъ камелій и фіалокъ, нѣсколько разъ впродолженіи вечера прикасавшійся къ губамъ леди Гленморъ, приближался въ зеркалѣ, къ нему, затѣмъ чтобы онъ видѣлъ и нашелъ въ немъ

направленіе того, что чувствовала ее владѣтельница въ эту минуту восторгу. Очарованіе Танкреда было какъ-то больше совершенно. Ослѣпленный, страстный, обуреваемый до слезъ отъ этого доказательства любви въ томъ мѣстѣ, гдѣ все окружающее напоминаетъ необходимость осторожности, Танкредъ тихонько преломилъ одно колѣно и поцѣловалъ зеркало на томъ мѣстѣ гдѣ отражался будеть. Въ то же самое время графъ Мэддокъ всталъ и поцѣловалъ лѣвую руку леди Гленморъ. Истинная любовь ловила призракъ въ стеклѣ, живая владѣтельница действительностью. Горькая истина! прекрасная аллегорія!

Если Танкредъ по своему положенію не могъ видѣть, что дѣлаетъ сэръ Архibaldi Каскиль, зато публика, и не влюбленная и не столь разсѣянная, очень хорошо примѣтила неможко открытое любезничанье графа Мэддока съ своею дамой. Улыбки, говоръ, насмѣшки мало-помалу умножились, росли. Леди Гленморъ примѣтила, что рѣчь въ залѣ идетъ объ ней.

— Боже мой, я забылась! говорила она себѣ съ трепетомъ отъ стыда и смущенія: на меня смотрять, на нас указываютъ!....

Танкредъ ничего не видѣлъ и не примѣчалъ.

— Хорошо идетъ! думалъ про себя графъ Мэддокъ.

И, вѣроятно, для того чтобы пошло еще лучше, еще спустя минутъ пять, когда говоръ въ залѣ сталъ утихать, сказалъ:

— Не выйти ли намъ, миледи?... Вы, кажется, сидите?

Уйти значило возбудить еще больше вниманія.

Тутъ только Танкредъ пробудился отъ своей летаргіи и увидѣлъ, что леди Гленморъ измѣнилась въ лицѣ.

— Да, да! пойдете.... жаръ душить меня.... и въ воздухѣ.

— Это я причиной! съ отчаяніемъ подумалъ Танкредъ: я поступилъ слишкомъ смѣло, слишкомъ смело судно.... о! какой безумецъ!

Они уѣжали. Дома леди Гленморъ тотчасъ ушла въ покой.

Танкреда терзало раскаяніе.

Оставшись наединѣ, сэръ Архибальдъ Каскиль сказалъ ему:

— Вамъ, конечно, извѣстна причина того говору, который заставилъ васъ уѣхать изъ театру не дождавшись конца?

— Не знаю, пробормоталъ Танкредъ.

— Вы не знаете?

— Нѣтъ.... Неужели и онъ видѣлъ?

— Такъ послушайте же, любезный Танкредъ. Вы любите леди Гленморъ, любите страстно, безумно, и эта безрассудная страсть не оставляетъ васъ нигдѣ. Я видѣлъ, что вы дѣлали сегодня въ театръ.

Танкредъ поблѣднѣлъ.

— Я самъ не люблю уроковъ нравственности, любезный Танкредъ: но уроки физики нравятся мнѣ болѣе, тѣмъ болѣе, что они тверже удерживаются въ памяти. Не хотите ли вы взять у меня урокъ физики? Онъ заключается вотъ въ чемъ. Да будетъ вамъ и всѣмъ подобнымъ вамъ молодымъ людямъ и дѣвушкамъ извѣстно, что всегда, когда вы видите кого-нибудь въ зеркалѣ, васъ тоже видятъ. Въ зеркалѣ нашей ложи вы видѣли половину залы и, по той же самой причинѣ половина залы видѣла васъ. Сотни людей видѣли, какъ вы цоцѣловали букетъ въ зеркалѣ....

— О! какъ мнѣ вымолить прощеніе леди Гленморъ? вскричалъ Танкредъ, уничтоженный улыкою, которая не позволяла сомнѣваться въ гласности его неосторожнаго поступка.

— Какъ вымолить? Ребенокъ. Такъ, просто, попросить прощенія и любить какъ-можно больше..... Но ступайте спать, Танкредъ, успокойтесь..... Во снѣ воротится счастье.....

— Ахъ, сэръ Каскиль..... я..... составилъ себѣ ложное понятіе объ васъ..... вы прекраснѣйшій человекъ!

— Я думаю. Но ступайте спать, мой другъ.

— Одно слово, сэръ Каскиль: вы думаете, что она будетъ еще любить меня, послѣ того что я такъ ославилъ ее?

— Чѣмъ больше женщину ославилъ, тѣмъ больше она

любить тебя. Это аксіома, любезный Танкредъ..... Разумѣется, если уже любила, прибавилъ графъ Мѣддокъ про себя.

Всѣ въ домѣ кромѣ доктора Патрика забыли о Пакереттѣ. Она быстро догорала. Она уже не жила тѣломъ: она жила еще только воображеніемъ и сердцемъ, которыя быстро истощали послѣдній остатокъ физическихъ средствъ существованія. Но и этой жизни уже нельзя назвать жизнью: для Пакеретты не было не только ни настоящаго, ни будущаго, для нея и въ прошедшемъ было только одно разочарованіе. Хрустальный сосудъ разбился и содержаніе его, радужно разцвѣченная вода, утекло у нея между пальцевъ. Пакеретта находила наслажденіе и счастье въ своей тайной и безотвѣтной любви только до-тѣхъ-поръ покуда полагала, что лордъ Гленморъ равнодушенъ ко всѣмъ, никого не любитъ, не любитъ и жены своей. Страстное его письмо о женѣ къ доктору Патрику открыло бѣдной дѣвушкѣ жестоку ошибку. Лордъ Гленморъ вдругъ оказался вовсе не тѣмъ, за что она принимала его: это былъ обманъ, призракъ. Она, какъ странникъ въ Аравіи, послѣ долгаго утомительнаго пути, вдругъ очутилась посреди безплодной знойной пустыни: она только въ-дали видѣла призракъ, подошла и призракъ исчезъ; зеленый, благоуханный оазисъ былъ только у нея въ сердцѣ. За это заблужденіе Пакеретта должна была заплатить жизнью и она умирала, умирала въ безвѣстности, какъ странникъ, который заблудился въ пустынѣ.

Для себя Пакеретта уже отрекалась отъ всего, но сердце ея еще не утратило своего ясновидѣнія. Впродолженіи скучнаго дня и безсонной ночи она не могла не думать по-крайней-мѣрѣ объ окружающихъ. Припоминая подробности Гленморова письма, которое нанесло ей послѣдній смертельный ударъ, соображая извѣстія его и опасенія насчетъ графа Мѣддока, она предчувствовала и, руководимая необъяснимымъ инстинктомъ, ясновидѣніемъ, — какъ хотите, — добралась до твердаго убѣжденія, что открыла тайну графа Мѣддока. Тогда эта смертельно увлеченная, но чистая, благородная душа, уже чуждая всякаго

эгоизма, рѣшилась употребить остатокъ своихъ силъ на пользу женщины, которую, конечно, безъ преступленія могла не любить и не жалѣть. Она послала за Танкредомъ.

Это было на другой день утромъ, послѣ того какъ Танкредъ поцѣловалъ зеркало въ театрѣ. Успокоенный сэръ Каскилемъ, онъ еще плавалъ на розовыхъ облакахъ, когда слуга пришелъ сказать, что Пакеретта проситъ его къ себѣ. Онъ тотчасъ побѣжалъ и молодые люди еще разъ встрѣтились, такъ же какъ въ Виль-д'Аврѣ, только наоборотъ: Пакеретта лежала въ постелѣ, блѣдная, умирающая, а Танкредъ сіялъ здоровьемъ и счастьемъ.

— Ахъ, какъ я виновата передъ вами, милая Пакеретта! Я до-сихъ-поръ еще не подумалъ навѣстить васъ!... Простите.... но мнѣ было нѣкогда.... я былъ занятъ.... леди Гленморъ.....

— Объ ней-то я и хочу поговорить съ вами, мистеръ Танкредъ.

— Чтò такос?... говорите....

Магнитическій токъ опаснѣе, психоптвншій отъ Пакеретты, сообщился нервамъ Танкреда. Онъ затрепеталъ.

— Напередъ дайте мнѣ честное слово, что вы никому не откроете того, чтò я вамъ скажу, сказала Пакеретта.

— Честное слово, отвѣчалъ Танкредъ.

— Покляннитесь.

— Клянусь.

— Хорошо. Знайте же, что сэръ Архибальдъ Каскиль и графъ Мѣддокъ — одно лицо.

— Графъ Мѣддокъ? вскричалъ Танкредъ подскочивъ и уставивъ глаза въ глаза Пакеретты, чтобы удостовѣриться, то ли она думаетъ, чтò говорить: полно, Пакеретта!

— Я вамъ говорю, что это — графъ Мѣддокъ.

— Опъ!... графъ Мѣддокъ!... О!... а я вчера еще пожималъ ему руку! Онъ у лорда Гленмора.... п у миледи!... и затѣмъ чтебы!... но это невозможно!... Вотъ задача! И никто не подозрѣвалъ.... Два мѣсяца я вижу его каждый день.... мы видимъ его каждый день.... графа Мѣддока!... Какъ онъ обманулъ.... о! какъ онъ обманулъ меня... какъ обманываетъ всѣхъ.... доктора.... леди Гленморъ.... Но чего онъ хочетъ?... Какое ужасное открытіе!... если бы

лордъ Гленморъ зналъ.... Какой человекъ!... Но какъ же онъ явился такимъ простякомъ, такимъ оригиналомъ?... онъ?... графъ Меддокъ!... Но нужно, чтобы всѣ знали, что онъ графъ Меддокъ.... нужно сорвать съ него маску...

— А ваше слово, ваша клятва? перебила Пакеретта.

— Клятва?... да! правда.... но....

— Вы ни кому не должны открывать, что я вамъ сказала. Вы должны только стеречь леди Гленморъ.

— Но.... если нельзя будетъ безъ того чтобы не сказать....

— Какъ хотите, вы клялись.

— И вы не разрешите мнѣ этой клятвы?

— Нѣтъ.

— Ну, хорошо, я сдержу ее; будьте спокойны.... Я убью его не говоря ни слова.... даже ему самому, прибавилъ Танкредъ про себя: тогда тайна будетъ схоронена какъ-нельзя лучше.... Но, Пакеретта, вы не сказали мнѣ, какимъ образомъ вы узнали, что сэръ Каскиль — графъ Меддокъ.

— Я знаю.

— Но доказательство?... вѣдь нужно же доказательство.

Пакеретта взяла со стола Библию, поцѣловала и сказала:

— Клянусь этимъ священнымъ писаніемъ, что сэръ Архibaldi Каскиль — не кто иной какъ графъ Меддокъ.

— Довольно, благодарю, сказалъ Танкредъ и вышелъ.

— Погоди же сэръ Каскиль и графъ Меддокъ! говорилъ онъ уходя, въ пылу гнѣва: или ты или я.... кто-нибудь изъ двухъ.... Но.... впрочемъ.... все это можно сдѣлать удивительно просто.... До возвращенія лорда Гленмора, я не отоиду отъ его жены ни на шагъ. Днемъ я буду подлѣ нея; ночью буду стеречь ее дверь. Я буду второю ее глѣнью; я буду ступать по ее слѣдамъ... и безпрестанно, безъ отдыха, безъ всякой пощады къ приличіямъ, безъ пощады къ ней.... безъ пощады! прибавилъ отворивъ свою конторку и вынувъ два заряженные пистолета: безъ пощады къ Меддоку! тайно я его не убью, нѣтъ! Но если онъ хоть разъ посмѣется надъ тѣмъ что я преслѣдую леди Гленморъ, я отвѣчу ему пощечиной и суну въ руку одинъ изъ этихъ пистолетовъ.... гдѣ бы то ни было, на

удивъ, въ каретѣ, въ гостиной, всё равно. Пусть выберетъ: или мы выстрѣлимъ вѣстѣ или я ему одному раздобью щеречь. Онъ не откажется драться со мной.

Въ этомъ миролюбивомъ расположеніи Танкредъ пришелъ въ гостиную. Леди Гленморъ и сэръ Каскиль уже сидѣли за завтракомъ. Сэръ Каскиль былъ, по обыкновенію, веселъ. У Леди Гленморъ всякій, кромѣ Танкреда, примѣтилъ бы нѣкоторое смущеніе, слѣдствіе сознанія, что провинилась въ неосторожномъ поступкѣ. Но Танкреду нѣкогда было наблюдать: ему довольно труда стоило сдержать собственныя нервическія судороги при приближеніи къ графу Мэддоку, на которомъ и онъ теперь примѣтилъ наску.

Шло совѣщаніе о нарядѣ, какой леди Гленморъ выберетъ на вечеръ къ графинѣ де-Булакъ, одной изъ тѣхъ двухъ старыхъ графинь, которыхъ вы видѣли на скачкѣ въ Виль-д'Авреѣ. Пригласивъ леди Гленморъ, графиня де-Булакъ не забыла ни Танкреда ни сэръ Каскиля. Леди Гленморъ ѣхала, затѣмъ что не могла отказаться отъ этого скучнаго вечера, а сэръ Каскиль рѣшился великодушнѣе раздѣлить съ нею эту скуку. Танкредъ или ничего не говорилъ или отвѣчалъ односложно, отрывисто, почти грубо, такъ, что едва не разсердилъ леди Гленморъ.

— Право, я удивляюсь, я не понимаю васъ, тихо сказала сэръ Каскиль Танкреду послѣ завтраку: чѣмъ бы взглянуть свой проступокъ, вы же дуетесь! вы, который вновать въ томъ, что я миледи не въ духѣ сегодня.

Танкредъ съ трудомъ удержался.

— Благодарю васъ.... сэръ Каскиль.... благодарю! сказалъ онъ съ горькою усмѣшкой: впередъ буду помнить ваши наставленія.

Когда графъ Мэддокъ вышелъ, Танкредъ подошелъ къ леди Гленморъ и, смѣло взявъ ее за руку, сказалъ:

— Миледи, не ѣзьте на этотъ вечеръ.

— Это отчего? спросила она съ удивленіемъ.

— Оттого.... оттого что это будетъ не хорошо.

— Не хорошо? Вотъ новость! Отчего же не хорошо?... Какъ не нравится?

— Не нравится.

— Въ такомъ случаѣ вы ужъ лучше прикажете, чѣмъ совѣтовать.

— Миледи, я не приказываю и не совѣтую. Я предупреждаю.

— Ваше предупрежденіе опоздало.

— Миледи, повторяю....

— Вы повторяете?

— Да, миледи.

Леди Гленморъ посмотрѣла на него и потомъ сказала:

— Я вижу, вамъ не хочется ѣхать. Ну, я освобождаю васъ отъ обязанности провожать меня сегодняшній вечеръ.

— Я не воспользуюсь этою свободой, миледи, отвѣчалъ Танкредъ.

— Но я совѣтую вамъ воспользоваться.

— Нѣтъ, миледи....

— Но я приказываю, мистеръ Танкредъ! сказала леди Гленморъ и встала, чтобы идти.

— Хорошо, миледи, я повинуюсь.... я не поѣду съ вами, сказалъ Танкредъ въ изнеможеніи, опускаясь въ кресло: но.... нѣтъ! это невозможно! это невозможно! вскричалъ онъ опять вскочивъ: вы не поѣдете, вы не должны ѣхать на этотъ вечеръ.... или и я поѣду съ вами!

Изумленная этою неслыханною настойчивостью Танкреда, леди Гленморъ остановилась въ дверяхъ и посмотрѣла на него.... какъ въ подобныхъ случаяхъ молодая женщина смотритъ на молодого человѣка.

Танкредъ закрылъ лицо руками.

— Вотъ, чѣмъ она платитъ мнѣ, за то что я стараюсь спасти ея! вскричалъ онъ потомъ, въ отчаяніи: но я всё-таки спасу ея!... Она запрещаетъ мнѣ быть на этомъ вечерѣ, но я буду.... я буду вездѣ, гдѣ она будетъ.... я глазъ не спущу съ нея.... ни съ этого обманщика.... О! если бы я могъ сказать ей, что узналъ отъ Пакеретты!... Но я скажу ей все, что можно сказать не нарушая данной клятвы, и она пойметъ меня.... вѣдь она меня любитъ.... о! она любитъ меня!... Пусть она только удалитъ отъ себя этого человѣка.... тогда.... тогда и я удалюсь.... потому что, если лордъ Гленморъ узнаетъ....

но развѣ нужно, чтобы онъ узналъ? Развѣ я безъ того не знаю своей вины? Пусть онъ ничего не знаетъ. Я тайно провинился, тайно и искуплю вину. Я отомщу за него графу Мэддоку прежде нежели онъ самъ узнаетъ объ опасности.

Нѣсколько часовъ Танкредъ блуждалъ по этому дремучему лѣсу похвальныхъ, дурныхъ и страстныхъ мыслей, въ который, какъ въ заколдованное царство, попадаютъ всѣ влюбленные по поводу ссоры, недоразумѣнія или извѣстны. Прошелъ день. Пробыло шесть часовъ. Слуга пришелъ звать къ обѣду и сказалъ, что сэръ Каскиль не будетъ дома обѣдать, а прійдетъ позже, чтобы проводить миледи на вечеръ. Танкредъ то же велѣлъ сказать, что не прійдетъ къ столу, что ему нездоровится. Такимъ образомъ за обѣдомъ въ этотъ день сидѣли только леди Гленморъ и докторъ Патрикъ. Обѣдъ былъ не веселъ: оба молчали.

— Чтò вы такъ мрачны, докторъ? спросила наконецъ леди Гленморъ, которая сама была гораздо мрачнѣе.

— Я былъ сейчасъ у нашей больной, отвѣчалъ докторъ: ея состоянiе беспокоитъ меня....

— Въ самомъ дѣлѣ? Пакеретта такъ серьезно больна? спросила леди Гленморъ.

— Она погибла! съ трупью отвѣчалъ докторъ.

— Боже мой!... Неужели?... И нѣтъ ни какого средства?

— Я ни какого не знаю, миледи.

— И такъ быстро болѣзнь развилась?

— Она давно уже развивается, но теперь только обнаружилась. Я давно говорилъ Пакереттѣ, но она пренебрегла всѣми совѣтами.

— Чтò же это значитъ.

— Жизнь прискучила.

— Какъ! такой молоденькой дѣвушкѣ? Чтò жъ за причина?... отчего такое отвращенiе отъ жизни?

— Причиною такихъ болѣзней обыкновенно бываютъ тайныя страданiя.

— Да, правда, докторъ.... Но и они всцѣляются.... времени.... случай иногда.... Я сама....

Леди Гленморъ остановилась.

— Да, когда причина извѣстна, подхватить докторъ, тогда искусство можетъ помочь.... но не всегда.... особенно, если уже поздно.

— Такъ вы думаете, что какая-нибудь страсть....

— Я этого не говорилъ, миледи.

— Пакеретта такая скромная дѣвушка....

— Если бы она и любила, то была бы не менѣе скромна, я увѣренъ....

— Безъ-сомнѣнiя, безъ-сомнѣнiя, докторъ!

— Въ такомъ случаѣ болѣзнь ея можно было бы объяснить борьбою между страстью и долгомъ.

— Вы думаете, докторъ?

— И такая борьба, конечно, убьетъ ее.

— Боже мой! вскричала леди Гленморъ, которая съ самаго начала этого, съ виду, равнодушнаго разговору задыхалась, потому что онъ шагъ за шагомъ велъ ее по самой опасной и самой каменной тропинкѣ собственной ея жизни: когда вы пообѣдаете, докторъ, подите еще разъ, навѣстите ее.... Скажите отъ меня, что я назначаю ей десять тысячъ на приданое..... Можетъ-быть это обрадуетъ ее. Сходите, докторъ, непременно сходите.

— Схожу, миледи.

Леди Гленморъ была задумчива и грустна, когда потомъ одѣвалась на вечеръ. Въ десять часовъ ей сказали, что ее ждетъ сэръ Каскиль, и она пришла въ гостиную.

— Великолѣпно! очаровательно! божественно! вскричалъ сэръ Каскиль, увидѣвъ входящую.

— Вы будете смѣяться, сэръ Каскиль, отвѣчала леди Гленморъ, по.... я не ѣду на этотъ вечеръ.

— Не ѣдете?... какъ не ѣдете?

— Такъ; я остаюсь дома.

— И вы говорите, что я буду смѣяться? Но я вовсе не смѣюсь. Какъ можно, когда все готово.... когда карета уже заложена....

Леди Гленморъ протянула руку за шнуркомъ отъ колокольчика.

— А я велю, подавать! вскричалъ сэръ Каскиль, схвативъ другой шнурокъ.

- Нѣтъ, сэръ Каскиль, я вѣсъ прошу....
- Но, миледи... какъ же это возможно?
- Но сэръ Каскиль, не насильно же вы меня потащите?
- Не прогнѣвайтесь, миледи, потащу.
- Неужели? вскричала леди Гленморъ вполголосу со сѣною, вноловану съ досадей: не совѣтую попытаться.
- Такъ вы рѣшительно не хотите ѣхать, миледи?
- Рѣшительно, не хочу, сэръ Каскиль.
- Въ такомъ случаѣ да рѣшить право сильнаго! вскричалъ сэръ Каскиль, схватилъ леди Гленморъ, поднялъ на руки и понесъ къ двери.
- Сэръ Каскиль!... что вы?... Стойте!... пустите же!
- Нѣтъ, миледи. Развѣ только вы согласитесь добровольно ѣхать.

Леди Гленморъ продолжала отбиваться, но успѣла только болѣе стѣснить узы, въ которыя попала.

Послышались шаги. Вошелъ Танкредъ.

Крикъ изумленнаго былъ остановленъ словами сэръ Каскиля.

— Миледи сдѣлалось дурно. Я несъ ее на свѣжій воздухъ. Какъ вы чувствуете себя, миледи? прибавилъ онъ, ставъ ее на ноги.

— Ничего, ничего, отвѣчала леди Гленморъ: карету.... на улицѣ.... воздухъ освѣжитъ меня. Поѣденте.

— Вы не поѣдете съ нами? спросилъ сэръ Каскиль Танкреда, который непремѣнно отвѣчалъ бы какою-нибудь грубостью, если бъ леди Гленморъ не остановила его сказать:

— Конечно, поѣдетъ.... Я требую! прибавила она шопотомъ, но очень выразительно.

Этотъ вечеръ былъ очень важенъ: онъ рѣшалъ многое между графомъ Мэддокомъ, леди Гленморъ и Танкредомъ; онъ же положительно опредѣлялъ основанную въ театрѣ сцену леди Гленморъ, которая, отправляясь на вечеръ къ графинѣ де-Булакъ, не знала, что въ то же время будетъ и въ другомъ мѣстѣ.

Праздникъ былъ восхитителенъ, удивителенъ. Все, казалось, было создано и существовало единственно для того чтобы доставить удовольствіе леди Гленморъ: она была

царицею бала; она была тѣмъ бѣицею, вокругъ котораго обращались всѣ другія планеты и сферы. О музыкѣ, блескѣ, роскоши, благоуханіи говорить нечего. Многимъ казалось удивительно, по какому поводу графиня де-Булакъ вдругъ вздумала дать такой балъ, несообразный съ ея привычками и вовсе несообразный съ ея состояніемъ. Придумывали разныя объясненія, но настоящаго, разумѣется, не нашли. Впрочемъ, бѣльшая часть гостей не входила въ разбирательство этого вопросу, а наслаждалась и веселилась, потому что представлялся случай насладиться и повеселиться.

Танкредъ относилъ къ леди Гленморъ всѣ чувствованія, вызванныя въ его молодой, страстной душѣ всѣмъ окружающимъ вліяніемъ свѣту, звуковъ, цвѣтовъ и вереницами красавицъ. Во всемъ этомъ онъ видѣлъ и любилъ только се. Онъ глазъ не спускалъ съ нея, танцевалъ непремѣнно въ той кадрили, гдѣ она танцуетъ, или стоялъ позади ея. Но графъ Мѣддокъ въ этотъ вечеръ не преслѣдовалъ леди Гленморъ, напротивъ, онъ рѣдко подходилъ къ ней, еще рѣже танцевалъ, а когда подходилъ, то обращался просто, коротко, очень коротко, короче нежели домашній другъ, почти короче нежели мужъ, но все еще такъ, чтобы миледи не могла прогнѣваться на престоля сэръ Каскиля, который, по званію оригинала, какъ извѣстно, пренебрегалъ всѣми правилами этикета. Само собою разумѣется, что въ этотъ вечеръ онъ былъ Каскилемъ только для леди Гленморъ: всякій другой точно такъ же могъ бы видѣть и графа Мѣддока, если бы сказали, что это графъ Мѣддокъ.

— Какая толпа! говорилъ Танкредъ, когда леди Гленморъ взяла его подъ-руку, чтобы пройти послѣ танца.

— Да, жарко ужасно! Если бы сюда пустить немножко воздуха изъ нашего виль-д'аврейскаго парку!

— О, миледи! и безъ этого, можно освѣжиться. Я напелъ, вотъ за этою комнатою, премиленькій кабинетъ, прохладный, спокойный.

— Ну, проведите меня.

Они прошли черезъ указанную комнату, которая лежала всторонѣ отъ главной афилады и которая оставалась

пустою, несмотря на то, что въ ней стояли приготовленные карточные столы. Оттуда маленькій корридоръ, уставленный цвѣтами и почти скрытый за ними, велъ въ роскошный будоаръ, съ мягкими коврами, эластическими диванами, и съ температурою и свѣтомъ, которыя удивительно льстятъ чувствамъ во всякое время, послѣ всякихъ впечатлѣній, доставляютъ отраду и располагаютъ къ нѣгѣ. Будоаръ этотъ, конечно, тоже очень противорѣчилъ лѣтамъ и тогдашнему образу жизни старой графини де-Булакъ и сверхъ-того, по положенію своему, казалось, вовсе не принадлежалъ къ ея квартирѣ, такъ, что трудно было рѣшить, для кого и для чего онъ тутъ устроенъ. Танкредъ нашелъ это очаровательное убѣжище, когда, слѣдя за Мѣддокомъ точно такъ же какъ и за леди Гленморъ, прошелъ послѣ него въ пустую комнату, гдѣ стояли игорные столы. Полагая, что едва повернувшись въ этой комнатѣ Мѣддокъ не примѣтилъ корридорчика, скрытаго за цвѣтами, Танкредъ смѣло счелъ открытіе будоара за свое собственное. Онъ и не догадывался, что Мѣддокъ указалъ ему дорогу въ Дымкинъ будоаръ, именно затѣмъ чтобы онъ проводилъ туда леди Гленморъ. Этотъ будоаръ принадлежалъ Дымкѣ, которая жила въ смежномъ домѣ. Мѣддоку стоило пробить только двойную стѣну, чтобы соединить двѣ квартиры корридорчикомъ. Ему нужно было завлечь леди Гленморъ въ квартиру Дымки, но онъ не хотѣлъ сдѣлать этого самъ. Онъ хотѣлъ, чтобы сперва провелъ ее Танкредъ.

Леди Гленморъ съѣла и предалась сладостной нѣгѣ отдохновенія, свѣжаго благоуханія и безмолвія, и ею овладѣли нѣжныя и грустныя мысли. Каждую минуту могло прійти изъ Лондона письмо и возвратить ей свободу и скучную, уединенную, однообразную жизнь, въ которой она искала спасенія по-необходимости, противъ воли. Тотъ, котораго она хотѣла бы любить, насильно отрывался отъ нея, забывалъ, оставилъ ее; тотъ, котораго она страшилась полюбить, уже овладѣвалъ ея волею. Она искала опоры между этими двумя безднами и ухватилась за Танкреда какъ за узкій перешеекъ земли между двумя бурными морями. Она думала найти хоть сколько-нибудь утѣшенія въ

мысли, что это молодое и невинное сердце питаетъ къ ней искреннюю и чистую привязанность и будетъ питать не смотря на разлуку.

— Вы всегда будете помнить обо мнѣ, Танкредъ? спросила она вдругъ послѣ долгаго молчанія.

— О! миледи! вскричалъ Танкредъ: я.... я мечтаю только вымолить ваше прощенье, а вы позволяете мнѣ....

— Чтò жь?... я позволяю вамъ помнить обо мнѣ. Это естественно.....

— О, нѣтъ!... теперь.... теперь, я думаю, вы позволите мнѣ и больше.... вы позволите мнѣ надѣяться.... да, я хочу, я долженъ надѣяться.... я хочу умереть или хочу, чтобы вы любили меня.... чтобы вы любили меня такъ какъ въ ту ночь, когда я былъ въ отчаяніи.... когда ваши уста....

— Онъ не въ бреду былъ! подумала леди Гленморъ: стараясь спасти, я погубила его... Танкредъ! вы ошибаетесь.... никогда.... О какой ночи вы говорите!

— Ошибаюсь? О, нѣтъ! нѣтъ! такія слова, такія ласки не забываются!... Скорѣе можно забыть свою мать... все забыть.... но это — никогда!...

— Ваша болѣзнь.... вы были въ бреду....

— О! такъ отдайте же мнѣ мою болѣзнь, мой бредъ! Я хочу, чтобы вы любили меня такъ, какъ тогда, когда ваши слезы, ваши пламенные мольбы....

— Танкредъ!

— Знайте все, миледи. Я тогда обманулъ васъ. Мой бредъ былъ притворный.... Я хотѣлъ черезъ ваше состраданіе узнать вашу любовь... и я узналъ ее. Теперь я останусь у вашихъ ногъ, покуда вы не подтвердите мнѣ этого признанія.... Мало слышать это одинъ разъ.... чтобы повѣрить, нужно слышать сто тысячъ разъ....

— Такъ вы хотите, чтобы я сказала вамъ правду.... Но идутъ, идутъ!... встаньте!

— Нѣтъ, я останусь на этомъ мѣстѣ.

— Встаньте же, встаньте!... Ну, я люблю васъ.... люблю!... встаньте!

Танкредъ вскочилъ. Вошелъ слуга и подалъ ему шапку.

— Что это такое?

— Не знаю-съ. Приказали вамъ отъехать.

Слуга ушелъ. Танкредъ дрожащими руками распечаталъ конвертъ. Это было повелѣніе отъ адмиралтейства капитану Танкреду явиться на корабль, который, тринадцатаго октября, въ восемь часовъ утра, отправляется къ юльеу.

— Тринадцатаго! въ отчаяніи сказалъ Танкредъ: а сегодня одиннадцатое! Мнѣ остается только тридцать два часа на проѣздъ въ Лондонъ.... и если я не поѣду, я—дезертеръ! Меня отдадутъ подъ судъ, разжалуютъ!... который час?.. Половина двѣнадцатаго!.. половина двѣнадцатаго! повторилъ онъ, и голосъ его дрожалъ, лицо страшно поблѣднѣло, слезы катились градомъ: половина двѣнадцатаго!... А булонская почта отправляется почти въ двѣнадцать! Я долженъ сію минуту ѣхать.... О, Боже мой!... миледи! ваше признаніе осчастливило меня.... но я умру! Я ѣду.... на шесть лѣтъ.... съ капитаномъ Гоггомъ!... Это путешествіе — смерть моя, я знаю.... Шестъ лѣтъ.... шесть лѣтъ я не увижу васъ.... И теперь я долженъ оставить васъ... миледи! прибавилъ онъ въ сильномъ волненіи: берегитесь! ради Бога, берегитесь!... Вы не знаете, съ кѣмъ вы остаетесь здѣсь?..

— Съ кѣмъ же?... говорите.... Боже мой, вы пугаете меня.

— Съ человѣкомъ, который.... но, Боже мой! что мнѣ дѣлать?... клятва связываетъ меня.... я не могу.... я не смѣю....

— Какая клятва?... о чемъ вы говорите?

— Миледи! подите къ Пакереттѣ.... упадите къ ея ногамъ, если нужно.... умолите ее, чтобы она сказала вамъ то, что открыла мнѣ.... или....

— Или.... что?

— Вы погибли, миледи!

Танкредъ выбѣжалъ, бросился въ наемный фіакръ и приказалъ скакать на почтовый дворъ, куда прибылъ за пять минутъ до отправленія почтовой кареты.

Последнее препятствіе устранено. Графъ Мэддокъ остался одинъ ночью леди Гленморъ. Онъ, конечно, не да-

ромъ подготовлялъ обстоятельства, когда препровождалъ къ Танкреду повелѣніе адмиралтейства, которое уже три дня носилъ въ карманѣ и отдалъ въ самую рѣшительную минуту. Но онъ ошибся въ расчетѣ. Вслѣдъ за Танкредомъ и леди Гленморъ, побужденная тайнымъ страхомъ, тихонько, по черной лѣстницѣ, вышла и уѣхала домой. Потомъ послала сказать сэръ Касклю, чтобы онъ извинился за нее передъ хозяйкой дому: она уѣхала, потому что почувствовала себя нездоровою.

Дома она тотчасъ позвала доктора Патрика и сказала ему о неожиданномъ отъѣздѣ Танкреда.

— Я хочу видѣть Пакеретту, прибавила леди Гленморъ, прежде нежели докторъ Патрикъ успѣлъ удивиться первому извѣстію: мнѣ нужно поговорить съ нею тотчасъ же... и... к чему скрывать?.. Разставаясь, Танкредъ сказалъ мнѣ... и, право, я до-сихъ-поръ еще взволнована.... онъ сказалъ мнѣ, что я погибла, если Пакеретта не откроетъ мнѣ какую-то тайну.

— Пакеретта слишкомъ больна, миледи. Вы не можете говорить съ нею. Кому жъ, я тоже знаю эту тайну.

— Вы? Такъ скажите же....

— Это бесполезно.

— Какъ бесполезно? Тайна, которую знаетъ моя горничная и которой я не знаю.... Разсудите, докторъ!

— Это очень просто. Я слѣпъ. Пакеретта и Танкредъ читали мнѣ письма отъ лорда Гленмора. Пакеретта читала послѣднее....

— А! дѣло идетъ о лордѣ Гленморѣ! Но это еще удивительнѣе. Письма лорда Гленмора извѣстны всѣмъ въ домѣ кромѣ меня!

— Это одно письмо только и было тайное, миледи. Лордъ Гленморъ не хотѣлъ.... боялся потревожить васъ. Дѣло въ томъ, что онъ узналъ о пребываніи графа Мэддока въ Парижѣ.

— Графа Мэддока?

— Да. Вамъ извѣстно, кажется.... милордъ говорилъ вамъ....

— Извѣстно. Такъ графъ Мэддокъ въ Парижѣ?... Но какая же связь между Гленморомъ, графомъ Мэддокомъ и тайною, которую вы скрываете отъ меня?

— Лордъ Гленморъ опасался, чтобы графъ Мэддокъ не издумалъ искать встрѣчи съ вами....

— Что же, если бы онъ нашелъ?

— Онъ, можетъ-быть, задумалъ бы сблизиться.

— Ну, и что жъ тогда?

— Миледи, я не защищаю лорда Гленмора: я говорю вамъ только объ его мысляхъ, его опасеніяхъ.... Оцѣните ихъ сами.

— Его опасенія! Стало-быть, ко мнѣ нужно только подойти, чтобы понравиться мнѣ?

— Миледи, вы несправедливы къ доброму Гленмору. Онъ много опасается, потому что много любитъ....

— О, сдѣлайте одолженіе, докторъ! вы слишкомъ высоко оцѣниваете капризъ его милости.... Но что же Танкредъ разумѣлъ, говоря что я погибла, если Пакеретта не откроетъ мнѣ тайну?

— Это конецъ тайны, миледи. Встревоженный присутствіемъ графа Мэддока въ Парижѣ, лордъ Гленморъ писалъ мнѣ, чтобы я берегъ и просилъ Танкреда и сэръ Каскиля беречь васъ....

— Отъ графа Мэддока?

— Да, миледи. Будучи принужденъ уѣхать, Танкредъ съ ужасомъ вспомнилъ, что при васъ останется только одинъ безпечный сэръ Каскиль, и увидѣлъ въ этомъ большую опасность. Пакеретта, вообще очень скромная по вѣрренная, вѣроятно, сообщила ему подробности письма о Мэддокѣ только подъ условіемъ сохраненія тайны. Онъ далъ честное слово. Сообщая ему только самое необходимое, я тоже просилъ его ничего не говорить вамъ, хотя и не требовалъ клятвы. Однако жъ онъ и мнѣ поклонился и считаетъ себя связаннымъ. Вотъ и вся тайна.

— Право, трудно рѣшить, кто тутъ всѣхъ смѣшнѣе или всѣхъ безумнѣе! вскричала леди Гленморъ: милордъ и супругъ мой, испуганный однимъ прїездомъ Мэддока или сумасшедшій Танкредъ, или, наконецъ, графъ Мэддокъ, когда онъ думаетъ... если только онъ думаетъ увеличить свою славу. Опаснаго побѣдою надо мной!... Но, впрочемъ, у меня вѣдь еще остаются вѣрные охранители, вы, докторъ, и сэръ Каскиль. И я знаю еще третьяго.

— Кто же это, миледи?

— Я сама! гордо отвѣчала леди Гленморъ и ушла.

Докторъ Патрикъ остался въ тѣгостномъ раздумьѣ и въ борьбѣ съ тревожными опасеніями.

Прошло три дня со времени отъѣзду Танкреда. Три дня леди Гленморъ не отходила отъ окна въ ожиданіи курьера, который долженъ принести письмо изъ Лондона, отъ королевы. Три дня сэръ Каскиль не являлся. Наконецъ онъ пришелъ. Онъ ни однимъ словомъ не объяснилъ своего необыкновеннаго отсутствія: это было бы слишкомъ самоуверенно, слишкомъ тщеславно. Онъ не хотѣлъ показать, что знаетъ, какъ его ждуть. И леди Гленморъ была благодарна ему за эту скромность. Она предпочла молчаніе всякому объясненію объ отсутствіи, отъ котораго жестоко страдала. Она и сама не упоминала о тайномъ своемъ побѣгѣ изъ дому графини де-Булакъ. Сэръ Каскиль былъ веселъ и разговорчивъ.

— Миледи, сказалъ онъ, сегодня въ оперѣ большое и великолѣпное представленіе. Бенефисъ. Знаменитая тандовщица навсегда уѣзжаетъ. Весь Парижъ будетъ прощаться съ нею. Я разсчелъ, что вамъ тоже пріятно будетъ, и взялъ ложу....

— Сегодня?

— Да, сегодня, миледи.... Вы отозваны куда-нибудь?

— Нѣтъ, никуда.

— Такъ вы согласны?

— Поздно.... уже четыре часа.... покуда обѣдъ....

— Помните! успѣемъ. До половины осьмага шестого времени.

— Право, не знаю....

— На этотъ разъ, миледи, я не употреблю силы. Если сердце не повлечетъ васъ, останьтесь....

Леди Гленморъ хотѣла сказать, да, я остаюсь, какъ вошелъ слуга съ письмомъ.

— Изъ Лондона? спросила леди Гленморъ.

— Точно такъ, миледи.

— Отъ кого?... А! это отъ лорда Гленмора.... Омятъ какая-нибудь тайна.... Отнеси къ доктору Патрику.... ъдемъ, сэръ Каскиль.... я поѣду къ оперу.

Через несколько минут потомъ пришелъ докторъ Патрикъ, просить добраго сэръ Каскиля прочитатъ письмо отъ лорда Гленмора.

— А вы, миледи.... развѣ не хотите послушать?

— Нѣтъ, докторъ.... можетъ-быть, опять есть тайна....

— Миледи....

— Нѣтъ.... читайте. Миѣ нужно одѣваться. Я ѣду въ театръ.

Она ушла.

— Ну, такъ мы съ вами одни читаемъ, любезный докторъ, сказалъ сэръ Архивальдъ Каскиль: посмотримъ, что пишетъ дорогой нашъ Гленморъ.... да что онъ такъ долго не ѣдетъ.

Графъ Мѣддокъ распечаталъ и сталъ читать письмо лорда Гленмора.

«Убить! убить васъ обоихъ на мѣстѣ! писалъ лордъ Гленморъ: васъ, докторъ, и Танкред! потому что это просто ужасъ, позоръ самый неслыханный! низость самая черная!... Вы срамите меня, вы позволете срамить меня!... О! я рыдаю, я страдаю.... но я отомщу! Я отомстилъ бы, я думаю, и тогда, если бы уже двадцать лѣтъ лежалъ въ могилѣ!...»

— Боже мой! что же это такое? вскричалъ сэръ Каскиль: понимаете вы что-нибудь, докторъ? Что значить это бѣшенство?

— Не постигаю, отвѣчалъ докторъ: что мы сдѣлали ему?

— Посмотримъ, посмотримъ, что такое.

«Какъ возможно! о! какъ возможно, Патрикъ!... Я пишу вамъ подробно и длинно, я предупреждаю васъ, что главный врагъ мой, графъ Мѣддокъ, въ Парижѣ; я говорю, я кричу вамъ, что онъ только того и ищетъ, какъ бы опозорить меня въ лицѣ моей жены.... а сего, графа Мѣддока, четыре дня тому назадъ, видѣли въ открытой ложѣ, въ италіанской оперѣ, съ моею женой.... слышите вы, почтенный, истинный другъ мой: въ италіанской оперѣ! Скажите, что это неправда. О, друзья, друзья! «Последній изъ шпіоновъ стѣять лучшаго изъ друзей!»

— Но вѣдь это чистая нелѣпость! замѣтилъ сэръ Архи-

балль Каскиль: вѣдь леди Гленморъ была въ театрѣ со мною и съ Танкредомъ.

— Совершенная нелѣпость, прибавилъ докторъ Патрикъ: но кто же это такъ потѣшается надъ довѣрчивостью, споконствіемъ и разсудкомъ лорда Гленмора? Видано ли такое странное и такое упорное заблужденіе!...

— И такое смѣшное! сказала сэръ Архибальдъ Каскиль и продолжалъ читать. «Хотите знать больше? Графъ Мѣддокъ имѣлъ невѣроятную дерзость поцѣловать руку леди «Гленморъ въ виду всего театра, всей публики, которая «осмѣяла ихъ, указывала пальцами на мою жену.... на «мою жену! леди Гленморъ! графиню Уисби! Такой позоръ! Я не знаю ничего хуже этого человѣка, если не «ключать ея и Танкрета, который тоже былъ съ ними въ «ложѣ»....»

— Это ужъ слишкомъ сумасбродно, дражайшій Гленморъ! вскричалъ сэръ Каскиль: онъ допускаетъ, что Танкредъ былъ въ ложѣ, и всё-таки говорить, что графъ Мѣддокъ могъ поцѣловать руку миледи!

— Да, это въ самомъ дѣлѣ слишкомъ неразумительно, прибавилъ докторъ Патрикъ.

— Посмотримъ, дочего онъ наконецъ дойдетъ.

«Съ чего и съ кого мнѣ начать ищеніе, Патрикъ? Вы «не знаете? Вы ничего не знаете объ этой ложѣ, объ этомъ «поцѣлуѣ? Вы ничего не знаете? Или и вы за Мѣддока? «Онъ подкупилъ васъ всѣхъ, какъ подкупилъ монаха ла-«кеевъ? и Танкрета и васъ подкупилъ?...

— Стало-быть, онъ подкупилъ и меня! вскричалъ сэръ Каскиль съ хохотомъ.

«Но всё-равно: я одинъ управлюсь, я одинъ отомщу. Я «всю жизнь мою посвящу этому ищенію, всю жизнь, весь разсудокъ. Я сейчасъ былъ у одного изъ лордовъ адмиралтейства, чтобы предупредить, что я не стану дожидаться четырехъ дней, на которые мнѣ еще назначали «оставаться въ Лондонѣ. Онъ говорилъ, что нельзя, не «можетъ позволить. Мнѣ дѣла пѣтъ! Я сказалъ, что не «жду. Это долженъ быть одинъ изъ пріятелей графа Мѣддока.....»

— Не ошибся, подумалъ графъ Мѣддокъ.

«Это долженъ быть одинъ изъ тѣхъ, которые насмѣлялись надо мною, интриговали меня, прокатали меня по всей Англии, чтобы дать Мэддоку время. Но я все это смую, все.

— Какое сумасшествіе! вскричалъ докторъ.

— Да, совсѣмъ помѣшался, прибавилъ сэръ Каскиль.

«Патрикъ! несмотря на все, что, по-видимому, обвиняетъ васъ, я не думаю, чтобы вы были сообщникомъ этого подлаго дѣла. Но не извиняйтесь теперь. Я не могу ничего слышать. Я не думаю также, чтобы и Танкредъ измѣнилъ мнѣ. Вѣдь онъ не видалъ отъ меня ничего, кромѣ добра. Но я приѣду, я увижу самъ. Смотрите только, чтобы все осталось, какъ было, чтобы Мэддокъ не узналъ отъ меня. Онъ мой. Мнѣ нужна его кровь. Сегодня, вечеромъ или ночью, я приѣду, во что бы то ни стало. Смотрите, чтобы леди Гленморъ ничего не знала. Молчите. И я буду молчать. Я молча покрою ее позоръ струпомъ. *Гленморъ.*»

— Если бы Гленморъ былъ не другъ намъ, сказалъ графъ Мэддокъ, сложивъ письмо: мы могли бы позабыться падъ его страннымъ заблужденіемъ. Его жена, конечно, такъ хороша, что его ревность понятна. Притомъ, онъ самъ одерживалъ столько блестящихъ побѣдъ, что очень естественно опасается, чтобы кто-нибудь не завоевалъ у него такую привлекательную и драгоценную добычу. Но онъ напрасно забываетъ, что леди Гленморъ, по уму и по правиламъ своимъ, гораздо по-выше всѣхъ тѣхъ, кого онъ влачилъ за своею триумфальною колесницей. Онъ, вѣроятно, самъ не понимаетъ своего счастья, не знаетъ всей цѣны своей женѣ. Бѣдный Гленморъ! Если бы онъ не писалъ, что такъ скоро приѣдетъ, я сейчасъ же самъ отправился бы въ Лондонъ, чтобы успокоить его, разсвѣять его странное заблужденіе....

— Вамъ уфхать! вскричалъ Патрикъ, испугавшись своего убѣчья и одиночества при такихъ опасныхъ обстоятельствахъ: вамъ уфхать, сэръ Каскиль!... Но это невозможно! Кто жъ останется при леди Гленморъ? Нѣтъ, вамъ нельзя фхать.... Напротивъ, вы не должны отлучаться отъ миледи до приѣзду лорда Гленмора. Онъ приѣдетъ се-

годня же.... или не позже завтрашняго дня. Въ нѣскольکو часовъ графъ Мѣддокъ, который до-сихъ-поръ не являлся, конечно, ничего не успѣетъ сдѣлать во вредъ лорду Гленмору и его супругѣ и на зло усердію ихъ друзей. Вы никуда не отлучитесь, сэръ Каскиль?

Говоря это докторъ Патрикъ схватилъ графа Мѣддока за руку.

— Конечно, нѣтъ! отвѣчалъ тотъ, однако жъ отдернулъ руку.

Докторъ Патрикъ замѣтилъ это движеніе и инстинктивно старался опять схватить руку сэръ Каскиля. Но въ эту минуту вошелъ слуга и перервалъ электрическую нить откровенія, которое, можетъ-быть, предупредило бы большое несчастіе.

Слуга пришелъ звать доктора къ Пакереттѣ, которая кончалась.

— Сейчасъ иду... сейчасъ!.. Сэръ Каскиль, одно слово...

— Сэръ Каскиль ушелъ, отвѣчалъ слуга.

— Ушелъ?... Такъ скажи миледи, что я прошу ее не уѣзжать въ театръ не повидавшись со жной.... очень прошу, слышишь?

— Слушаю-сь.

Докторъ Патрикъ пришелъ къ Пакереттѣ. Несчастная дѣвушка уже томилась въ послѣднемъ издыханіи. Ни какое человѣческое искусство уже не могло спасти ее. Послѣ приему лекарства, которое ей влили въ ротъ почти насильно, она пришла въ себя, успокоилась и черезъ нѣсколько часовъ почувствовала себя лучше, но только на нѣсколько минутъ. Она хотѣла говорить, но уже не могла. Отъ успій, страданія и томленія опять возобновилась. Докторъ Патрикъ съ грустнымъ сознаніемъ своего безсилія и съ прискорбіемъ добраго человѣка, молча сидѣлъ и прислушивался, по-временамъ только старался нѣжнымъ дружескимъ словомъ утѣшить страдальцу, которой уже не могли помочь ни какія цѣлебныя травы. Умиравшая съ непомовѣрными успіями наконецъ заговорила, но не могла прознести ничего кромѣ имени.

— Миледи..... лордъ Гленморъ..... Мѣддокъ..... лордъ Гленморъ.....

Она сороковала вше слова звачами, всторыть докторъ однако жь не могъ понять. Послѣднее ея слово было «лордъ Гленморъ!» Она произнесла его съ какимъ-то испугомъ и какъ-будто прислушиваясь. Потомъ губы ея еще пошевелились, она вздохнула и скончалась. Докторъ Патрикъ закрылъ ей глаза и сталъ молиться.

Черезъ пять минутъ, внизу, на лѣстницѣ, раздался вѣтъ:

— Патрикъ! Танкредъ! Танкредъ!

Люди, воспользовавшисъ отсутствіемъ госпожи и отъѣдомъ Танкреда, всѣ разошлись, кто со двора, кто къ сосѣдямъ, кто завалился спать, такъ, что лордъ Гленморъ пробѣжалъ всѣ покои никого не встрѣтивъ.

— Патрикъ! кричалъ онъ бросившись въ корридоръ, въ котораго лѣстница вела къ комнатамъ доктора, Танкреда и Накеретты.

— Здѣсь! отвѣчалъ докторъ отворивъ дверь.

Лордъ Гленморъ вбѣжалъ.

— А Флавія? спросилъ онъ съ перваго слова.

— Другъ мой, посмотрите.....

— Это она?... Нѣтъ....

— Она умерла.

— Кто?

— Накеретта.

— Хорошо.... Но Флавія, леди Гленморъ гдѣ, я васъ спрашиваю?

— Леди Гленморъ, кажется, поѣхала въ театръ, въ оперу.... Я по долгу врача и христіанина былъ здѣсь, подлѣ умиравшей.....

— Но съ кѣмъ же она въ театрѣ?... Съ Танкредомъ?

— Нѣтъ; Танкредъ уѣхалъ въ Лондонъ.

— Уѣхалъ? Зачѣмъ? Кто велѣлъ?

— По повелѣнію адмиралтейства.

— Съ кѣмъ же леди Гленморъ въ театрѣ?

— Съ сэръ Архивальдомъ Каскилемъ.

— Съ сэръ Архивальдомъ Каскилемъ?... Всѣ сэръ Архивальды Каскиль!... Вѣдь это ложь, это обманъ! это измѣна!

— Полноте, мой другъ, успокойтесь: вы такъ раздражены и совершенно напрасно. Вы увидите, что вы ошиб-

лись. Вы подозрѣвали напрасно. Миледи поѣхала въ оперу съ сэръ Каскилемъ.....

— Опять сэръ Каскиль! Я вамъ говорю, тысячу разъ говорю, это обманъ! Сэръ Архибальдъ Каскиль у себя дома, на Мысѣ-Доброй-Надежды! Онъ втеченіи пяти лѣтъ никуда не уѣзжалъ. Я вчера получилъ письмо отъ него.

— Возможно ли?... Но тогда....

— Докторъ! васъ самымъ глупымъ образомъ три нѣсца водили за носъ.

— Какъ! неужели сэръ Каскиль....

— Сэръ Каскиль — чортъ знаетъ, кто.... можетъ-быть самъ Мѣддокъ! вскричалъ лордъ Гленморъ и выбѣжалъ.

Докторъ Патрикъ остался въ смятеніи.

Лордъ Гленморъ поѣхалъ прямо въ театръ. Спектакль уже оканчивался. Театръ былъ полнѣхонекъ: ни одного мѣста и касса давно заперта. Гленморъ бросилъ капелъднеру золотую монету, чтобы тотъ впустилъ его въ партеръ, постоять у двери. Когда онъ вошелъ, занавѣсъ уже опускался. Вызывали бенефициантку, хлопали, кричали. Гленморъ быстро окидывалъ взглядомъ огромный колодець, наполненный головами, свѣтомъ, цвѣтами, жаромъ, шумомъ. Въ креслахъ и ложахъ уже подыались итти. Много народу, много знакомыхъ лицъ, а тѣхъ нѣтъ, кого ему нужно. Онъ протѣснился на середину залы и вдругъ увидѣлъ въ той самой ложѣ, подъ которою прежде стоялъ.... видитъ свою жену и графа Мѣддока и Дымку. Онъ вскрикнулъ отъ ярости и бросился вонъ изъ залы, на лѣстницу, къ лошамъ. Но изъ всѣхъ дверей, изъ всѣхъ выходовъ плотными, непроницаемыми толпами валить народъ, медленно, спокойно, осторожно. Навстрѣчу продраться нѣтъ ни какой возможности. Покуда протѣснишься, тѣ, кого нужно, могутъ уйти по другой лѣстницѣ. Гленморъ бросается на большой подъѣздъ, толкаетъ, обдираетъ, мнетъ, опрокидываетъ все и всѣхъ не оглядываясь, съ такою быстротой, что никто не успѣваетъ остановить его, и выбѣгаетъ на улицу. Шумъ, крикъ, стукотня. Кареты подъѣзжаютъ, дверцы хлопаютъ. Много лицъ, но всё не тѣ. Гленморъ бросается отъ одной кареты къ другой; въ каждой дамъ видитъ свою жену и ошибается. Вдругъ онъ смѣ-

шить знакомый голосъ и бѣжить по этому направленію. Это они! Вотъ Мѣддокъ послѣдній садится въ карету. Гленморъ едва-едва не схватилъ его за воротникъ легкой шинели. Но дверцы захлопнулись и карета покатила.

Всторонѣ, за чертою привилегированныхъ экипажей, стоялъ извозчичій фіакръ, который ожидалъ какого-нибудь сѣдока.

— Извозчикъ! пять сотъ франковъ тебѣ, если догонишь эту карету!

— Садитесь.

По чуду, достойному отиѣтки въ извозчичьихъ лѣтописяхъ, лошади въ фіакрѣ были хорошія. Извозчикъ стегалъ ихъ усердно, они мчались съ быстротою вихря и скоро попали въ колею указанной кареты. Черезъ десять минутъ карета остановилась. Гленморовъ извозчикъ смекнулъ, что дѣло идетъ не на открытую, проѣхалъ мимо, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ у другаго подъѣзду и сошелъ съ козелъ.

— Хорошо ли, сударь?

— Очень хорошо. Вотъ твои деньги.

— Забѣйте мой номеръ, сударь.... если въ другой разъ случится....

— Они вошли? спросилъ Гленморъ.

— Вошли.... вотъ, сюда вошли.

Гленморъ подошелъ къ подъѣзду, осмотрѣлъ домъ, сталъ припоминать и вспомнилъ, что тутъ жила графиня де-Булакъ. Но какимъ же образомъ Мѣддокъ, Дымка и жидъ Гленморъ могли находиться у нея? Вѣроятно, здѣсь живетъ Дымка. Онъ позвонилъ, сталъ спрашивать и ни какого толку не добился. Дворникъ сказалъ, что Дымка живетъ въ сосѣднемъ домѣ, ходъ съ другой улицы, и сталъ уже гнать неотвязнаго господина со двора. Тогда Гленморъ спросилъ о графинѣ де-Булакъ и на утвердительный отвѣтъ побѣжалъ вверхъ по темной лѣстницѣ. Добравшись до двери, онъ принялся звонить по-хозяйски. Нѣтъ отвѣту. Онъ еще. Черезъ комнату или двѣ залаяла ошанившая собака. Въ третій разъ онъ позвонилъ такъ, что не оставалось ни какого сомнѣнія насчетъ его намѣреній.

Сонный, полуодѣтый слуга встрѣтилъ его въ передней.

- Графиня де-Булакъ?...
- Изволятъ почивать.
- Проводи меня въ ея комнату.
- Да онѣ изволятъ почивать—съ!
- Ты знаешь меня, ты бывалъ въ моемъ домѣ.
- Знаю, милордъ. Но....
- Доложи!

Это было сказано такъ, что слуга вдругъ сталъ расторопенъ, засвѣтилъ другую свѣчу, поставилъ на каминъ во второй комнатѣ и поспѣшно пошелъ докладывать.

— Какъ все здѣсь спокойно! думалъ Гленморъ: ни вѣлѣйшаго шороху, ни говору.... Неужели я ошибся?... Но это невозможно! Они вошли сюда, они должны здѣсь быть...

Слуга воротился.

— Пожалуйте, милордъ. Графиня еще не спитъ. Она читала.

Гленморъ, не слушая объясненій, прошелъ въ спальню старой графини, которая въ ту минуту закрывала книгу и снимала золотые очки.

— Такъ поздно, милордъ Гленморъ! вскричала она навстрѣчу входящему: хорошо, что я не молода, а то бы...

— Извиненіе мое, графиня, заключается въ причинѣ, которая привела меня къ вамъ.

— Какая же это причина?

— Если глаза и разумокъ не обманываютъ меня, то леди Гленморъ сейчасъ вошла къ вамъ.

— Чтò вы? помилуйте! Позвольте вамъ сказать....

— Вы хотите сказать, что глаза и разумокъ обманули меня. Можетъ-быть, но мнѣ такъ показалось, продолжалъ Гленморъ осматривая комнату и соображая ея положеніе съ длиною и положеніемъ дому: мнѣ показалось, что съ нею была еще другая женщина.... такая женщина, ну, женщина, наконецъ!

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, милордъ.

— А! вы не знаете? Мнѣ показалось также, что съ этими двумя дамами былъ мужчина.

— Любезный лордъ, вамъ, какъ видно, очень много показалось въ эту ночь. Но гдѣ же я могла помѣстить столько гостей? Объясните мою квартиру....

— Если вы позволите, посмотрю.

Онъ взявъ свѣчу, медленно, внимательно обошелъ всѣ комнаты и, воротившись поставилъ свѣчу на мѣсто.

— Вы забыли погреба и чердаки, милордъ, сказала графиня де-Булакъ у которой подъ ироніей скрывался страхъ, подъ румянами блѣдность: убѣдились ли вы?

— Убѣдился, что жена моя не здѣсь....

— Слава Богу!...

— Но она, пять минутъ назадъ, вошла сюда.

— Милордъ, позвольте вамъ замѣтить, что я лежу въ постелѣ и что мнѣ уже пора спать.

— Она вошла сюда, повторяю я вамъ! вскричалъ Гленморъ устремивъ пронзительный взоръ на старуху.

— Это зачѣмъ? спросила она.

— Зачѣмъ? повторилъ Гленморъ слѣдя за блуждающими глазами старухи, которые нѣсколько разъ уже съ виднымъ безпокойствомъ останавливались на противоположной стѣнѣ, гдѣ висѣла большая картина: зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы пройти въ другое мѣсто, вѣроятно.

— Милордъ! это наконецъ надоѣдаетъ мнѣ.... я кликну людей....

— Не нужно кликать людей. Я и самъ сниму эту картину, выломаю дверь и войду въ это грязное мѣсто, которому ваша квартира служитъ передней, а вы — сторожкой.

Гленморъ уже исполнялъ, что говорилъ, и съ послѣднимъ словомъ вошелъ въ узкій темный корридочикъ, въ которомъ увидѣлъ лучъ свѣту, пробивавшійся сквозь замочную скважину другой двери.

— Ужъ я опасалась, что онъ не примѣтитъ моихъ взглядовъ на этотъ ходъ, сказала графиня де-Булакъ, когда Гленморъ ушелъ: наконецъ-то догадался! Ну, порадуетса завтра мадамъ Мартиниѣ, когда узнаетъ объ этой исторіи. Зесирниъ и Боремй отомщены. И намъ съ Мартиниѣ тоже не досадно, что мы исключены изъ субботнихъ гостей ея милости, миледи Гленморъ. Мы старухи!... Куда же намъ! мы старухи!...

Проникнувъ въ корридоръ, лордъ Гленморъ остановился, разсудивъ, что съ громомъ вбѣжать не годится, и

сталъ подкрадываться тихонько, какъ тигръ къ добычѣ. Замочная скважина была довольно, даже слишкомъ велика для взору Гленмора.

Леди Гленморъ сидѣла въ будоарѣ, въ креслахъ, полумертвая отъ испугу. Мѣддокъ держалъ ее за одну руку, Дымка за другую. Словъ ихъ разслышать нельзя было за отдаленіемъ и потому что у Гленмора безъ того въ ушахъ звенѣло. Черезъ минуту Дымка отошла къ камину, чтобы достать или поставить флаконъ. Въ это время Мѣддокъ наклонился къ леди Гленморъ и взялъ ее за голову.

Лордъ Гленморъ вошелъ.

Никто не вскрикнулъ.

Послѣ этого ужаснаго, смертоноснаго, безмолвія, лордъ Гленморъ сказалъ женѣ:

— Миледи, этотъ господинъ — графъ Мѣддокъ, а эта женщина — презрѣнная Дымка.

Леди Гленморъ упала съ кресель на полъ какъ глыба свинцу. Дымка исчезла.

— Милордъ, я отмстилъ вамъ, холодно сказалъ графъ Мѣддокъ лорду Гленмору.

— Да, отмстили, графъ.

— Чего вы теперь хотите?

— Это вы сами должны знать.

— Знаю. Ваше оружіе?

— Карабинъ, заряженный двумя жеванными пулями.

— Разстояніе?

— Пять шаговъ. Стрѣлять вѣстѣ.

— Гдѣ свиданіе?

— Завтра я дамъ знать.

— Хорошо.

Лордъ Гленморъ позвонилъ.

— Найми извозчика! сказалъ онъ вошедшему слугѣ.

— Извозчикъ есть у воротъ, отвѣчалъ тотъ.

— Такъ снеси вотъ это, сказалъ лордъ Гленморъ уезжая на безчувственную жену.

Слуга съ трепетомъ повиновался. Гленморъ пошелъ слѣдомъ. Мѣддокъ остановилъ его.

— Одно слово, милордъ. А свидѣтели?

— Не нужно свидѣтелей.

Леди Гленморъ была еще въ обморокѣ, когда фіакръ прѣхалъ въ улицу Риволи. Слуги подняли ее, снесли въ будоаръ и положили на диванъ. Лордъ Гленморъ заперся съ нею, потребовавъ напередъ всего, что нужно для письма.

Въ нѣсколько часовъ онъ привелъ въ порядокъ свои дѣла, написалъ письмо друзьямъ и составилъ завѣщаніе. По временамъ онъ подходилъ къ женѣ и смотрѣлъ на нее ломяя руки съ отчаянія, скорби и бѣшенства. Вотъ, что оставилъ ему графъ Мэддокъ!... Какъ ужасно этотъ человекъ отомстить за свое самолюбіе!... Гленморъ оканчивалъ завѣщаніе, когда Флавія наконецъ пробудилась отъ продолжительнаго обмороку; медленно открыла она глаза, приподнялась, приложила руку ко лбу и стала озираться. Она была блѣдна какъ смерть. Длинные черные волосы, разметанные и перепутанные съ цвѣтами и брилліантами, въ беспорядкѣ ниспадали на бѣлое шелковое платье. Она походила на Офелію.

— Да, да, это вы, миледи, а это — я! сказалъ лордъ Гленморъ.

— Вижу, милордъ.

Наступило молчаніе. Лордъ Гленморъ сложа руки смотрѣлъ на нее и потомъ, дико улыбнувшись, сказалъ:

— Вамъ страшно?... Вы дрожите?

— Мнѣ холодно, милордъ.

— Храбрость!... Въ такую минуту?... Но это безстыдство.... это....

— Нѣтъ, милордъ.

— Что же это такое?

— Что хотите, только не безстыдство.

Опять нѣсколько минутъ продлилось молчаніе.

— Я рѣшила, что мнѣ дѣлать. А вы, миледи?

— Я давно рѣшила, милордъ.

— Такъ ваша измѣна — расчетъ?

— Измѣны нѣтъ ни какой.

— А то, что я видѣлъ? А графъ Мэддокъ?

— Милоръ, вы не любите меня — и....

Гленморъ ударомъ кулака разбилъ дорогой малахитовый столъ.

— Продолжайте! продолжайте! вскричалъ оцъ, когда жена остановилась.

— Я кончила, сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Гленморъ съ адскимъ смѣхомъ: что говорить больше! Что вы можете сказать мнѣ? Развѣ мнѣ не извѣстно все, что нужно?... Вы кончили. Теперь моя очередь. Я начинаю. Я вамъ скажу, что вы, вы никогда не любили меня, вы отвѣчали мнѣ только холодною на....

— На холодность, перебила леди Гленморъ.

— Но вы не знаете, сколько задержанной пылкости, сколько подавленной вѣжности, сколько заглушенной страсти было въ душѣ, которая покрывалась снѣгомъ, чтобы поровняться съ вашею. Съ такою дамой какъ вы я говорилъ на вашемъ языкѣ; къ каменному сердцу я прикасался мраморными устами. А подъ этимъ мучительнымъ и тягостнымъ притворствомъ томилась душа, по природѣ прямая и благородная; бунтовала сила и свобода чловѣка и моряка. Я унижался, ползалъ и переламывалъ всѣ мыщцы моей воли; я сдѣлалъ изъ своихъ нервовъ шелковыя нитки, а изъ крови—воду, чтобы понравиться вамъ, чтобы привлечь ваше вниманіе, чтобы походить на тѣхъ движущихся куколъ, къ которымъ вы привыкли.... И вы говорите, что я не любилъ васъ!...

Говоря это Гленморъ подошелъ къ женѣ, которая облокотилась на подушку и смотрѣла на него со страхомъ и любопытствомъ.

— Какъ же иначе мнѣ было поступать съ вами?

Съ тѣми, которыхъ я любилъ прежде васъ, я обращался съ грубою вольностью моряка. А что бы сказали вы, миледи, если бы я, вмѣсто сладенькой и раздушенной рѣчи, вмѣсто низкопоклоннаго угодничества, и обезьянства, которое однако жъ очень должно нравиться вамъ.... если бы я вмѣсто всего этого сталъ обходиться съ вами, какъ съ моими дорожными и гарнизонными красавицами?...

Говоря это лордъ Гленморъ въ какомъ-то дикомъ разсѣяніи срывалъ съ женниной головы брилліанты и дѣлалъ вмѣстѣ съ попадавшими волосами, потомъ запустилъ руку въ густую косу и сталъ наматывать на руку.

— Если бы, продолжалъ онъ, я заговорилъ съ вами какъ командиръ,—съ бранью на губахъ, съ угрозой въ глазахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ... потому что такъ обращается вы, меряки, съ красавицами... и если бы я этимъ хлыстомъ поласкалъ ваши плечи и ваше лицо, такое прекрасное, такое молодое и такое холодное и живое?...

Гленморъ такъ намоталъ женину косу на руку, что уже втиснулъ кожу на лбу и загнулъ голову. Онъ уже не помнилъ себя. Онъ обрисовывалъ свой характеръ съ такою преувеличенной силой, что воспламенился и въ самомъ дѣлѣ увлекся жестокостью.

— Чтò бы вы сказали тогда?... отвѣчайте! вскричалъ онъ потащивъ ее по дивану какъ—будто хотѣлъ задушить, какъ Отелло Дездемону, потомъ, всё за косу, круто вдернулъ, посадилъ и поворотилъ ее блѣднымъ лицомъ къ себѣ, къ своему лицу, распаленному гнѣвомъ: когда я былъ кротокъ, нѣженъ, угодливъ, вы были холодны, вы обманули, опозорили меня.... Чтò жъ бы вы сдѣлали тогда?

— Я любила бы тебя! отвѣчала леди Гленморъ.

— Ты любила бы меня!

Этотъ крикъ любви, живьемъ вырвавшійся изъ растерзаннаго сердца, былъ такъ истинъ и горячъ, такъ естественъ, могучъ и выразителенъ, что отразился на лбу лорда Гленмора какъ вдохновенное открытiе. Онъ остановился; воротился въ прошедшее; вспомнилъ совѣты Патрика; вспомнилъ письмо, въ которомъ докторъ, очерчивая характеръ мнимаго сэръ Каскиля, сравнивалъ его съ нимъ и говорилъ, что вольность, невннужденность и даже грубость этого человѣка нравятся Флавию. Гленморъ отвернулъ косу одинъ разъ.

— Этотъ человѣкъ, думалъ онъ, былъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ бы слѣдовало быть: тѣмъ-то онъ и понравился моей женѣ.... Онъ принялъ мой характеръ, и сталъ опасенъ, а я скрылъ свой и не нашелъ любви у жены.

— Флавию! вскричалъ онъ посмотрѣвъ на жену: свидѣтели—души вашей и моей матери: двѣ благородныя души.... скажите мнѣ, этотъ человѣкъ....

Леди Гленморъ не дала ему кончить.

— Нѣтъ, милордъ!

— Всё-равно.... онъ всё-таки опозорилъ меня!... Ему только это и нужно было....

Онъ распустилъ коду и впалъ въ глубокое раздумье.

— Отважны вы? спросилъ онъ потомъ рѣшительно и торжественно.

— Отважна, милордъ.

— Очень?

— Я думаю.

— Болѣе чѣмъ когда-либо была женщина въ вашемъ положеніи?

— Попытаюсь....

— Болѣе чѣмъ всякій мужчина?

Леди Гленморъ не рѣшалась.

— Вы колеблетесь?

— Нѣтъ, милордъ; приказывайте.

— Ложитесь въ постель.

— Потомъ?

— Потомъ ждите меня. Я приѣду черезъ пять минутъ.

Лордъ Гленморъ ушелъ на верхъ, въ комнату горничной.

Пакеретта была одна. Она уже испытывала временное забвеніе, за которымъ скоро должно было послѣдовать совершенное. Подлѣ нея горѣла лампа, которая въ послѣдній разъ освѣтила ея глаза на землѣ. Гленморъ поднялъ мертвую и поспѣшно, никѣмъ не замѣченный, понесъ въ женнину комнату. Тамъ онъ положилъ тѣло на диванъ, гдѣ за минуту лежала его жена, потомъ подошелъ къ алькову и отдернулъ драпировку.

— Боже мой! вскричала леди Гленморъ: что это значить?... Это блѣдное лицо....

— Тихе, миледи. Вы обѣщали, что будете отважны. Это — ваша горничная.

— Пакеретта!

— Она умерла нынче ночью.

— Умерла! но зачѣмъ же она здѣсь?...

— Увидите. Объяснять нѣкогда. Время дорого. Встаньте теперь и помогите мнѣ одѣть это тѣло въ ваши платья, убрать вашими цвѣтами и брильянтами.

— Но, милордъ.... такая странность по-крайней-мѣрѣ

требуетъ объясненія... Играть такимъ образомъ смертию...

— Повинуетесь вы, или нѣтъ?

Леди Гленморъ вскочила, и съ отвращеніемъ и ужасомъ стала наряжать покойницу въ свое платье. Трудная была работа. Употребили цѣлый часъ времени, чтобы одѣть, причесать, убрать голову, и напялить перчатки на мертвую Пакеретту.

— Боже мой, какая ужасная шутка!...

— Это еще не послѣдняя... Но я вамъ сказалъ, что время дорого. Откиньте поскорѣе одѣяло, да, пожалуйста, безъ замѣчаній.

Флавія дрожащими руками исполнила приказаніе. Гленморъ вторично поднялъ мертвую и положилъ на постель.

— Неужели и я должна лечь? съ ужасомъ спросила леди Гленморъ и попятилась къ двери.

— Нѣтъ, вы ляжете на диванъ.

— Зачѣмъ же?

— Нужно. Ложитесь и лежите неподвижно, такъ неподвижно какъ эта дѣвушка. Вы должны обмануть доктора Патрика. Это не трудно: онъ слѣпъ. Если вы не пошевели-тесь, онъ прійметъ васъ за Пакеретту. Но надѣньте сперва на голову этотъ шелковый платокъ, что у нея было, и возьмите въ руки ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

— Милордъ.... одно слово.... Вы хотите умертвить меня?

Вмѣсто отвѣту лордъ Гленморъ лѣвою рукою зажалъ ей ротъ, а правою изъ всей силы принялся звонить. Слуги сбѣжались.

— Доктора Патрика! вскричалъ лордъ: зовите доктора Патрика! Скорѣе, скорѣе! Скажите, что леди Гленморъ больна.... очень больна!... опасно! Скорѣе!

Слуги засуетились и побѣжали исполнять приказаніе. Черезъ минуту вошелъ Патрикъ.

— Ахъ, другъ мой.... жена моя.... въ такомъ положеніи, что требуетъ всего вашего искусства.

— Чтò такое, чтò случилось?

— Вы знаете, что я поѣхалъ за нею въ театръ.... я нашелъ ее.... Страшная была сцена.... Я видѣлъ Мэддока!...

— Какая ночь! вскричалъ Патрикъ: какая ночь!

— Ужасная, мой другъ. Мое появленіе.... необходимые мои поступки съ нею и съ Меддокомъ... Однимъ словомъ. леди Гленморъ упала въ обморокъ и до-сихъ-поръ не приходила въ себя!

— Гдѣ же она? гдѣ же она?

— Въ постелѣ.

Докторъ Патрикъ подошелъ къ постелѣ, взялъ Пакереттину руку, одѣтую въ длинную перчатку леди Гленморъ.

— Она еще не раздѣта! вскричалъ Патрикъ: надобно раздѣть! Эти платья задушатъ ее.

Патрикъ разорвалъ перчатку, чтобы поскорѣе добраться до пульса, и пощупалъ.

— Боже мой!... ничего.... ничего! Пульсъ не бьется!... Выше.... тоже не бьется!...

Патрикъ вскрикнулъ.

— Что вы Патрикъ?

— Гленморъ! вскричалъ докторъ раздирающимъ голосомъ: въ вашемъ домѣ двѣ покойницы!

— Двѣ покойницы!.... повторилъ Гленморъ.

— Ваша жена умерла! Это не обморокъ, это смерть.

— Моя жена умерла!

— Да.... да.... умерла, умерла!

Докторъ Патрикъ заплакалъ.

Леди Гленморъ приподнялась и съ ужасомъ стала смотрѣть на эту лицемѣрную и вѣстѣ страшную сцену, въ которой все для нея было тайно и темно.

— Патрикъ! продолжалъ лордъ Гленморъ, разыгрывая мрачное отчаяніе: я никогда еще не имѣлъ такой нужды въ вашей дружбѣ, въ вашихъ услугахъ....

— Развѣ нужно условливаться въ этомъ, Гленморъ?

— Такъ.... я совершенно полагаюсь на васъ....

— Говорите.

— Наймите почтовую карету, которая бы дождалась меня завтра вечеромъ отъ одиннадцати часовъ до другаго утра, у Ольнейской заставы, въ концѣ улицы Рокетъ. Записать вамъ это?

— Нѣтъ, не нужно.

— Но прежде всего отправьте это письмо къ графу М...

доку, на Вандомской Площади. Людямъ скажите, чтобъ никто не тревожилъ меня. Я не хочу и не могу никого видѣть.

— Хорошо. Будетъ исполнено.

— Да! еще.... Зайдите къ гробовщику.... Два гроба.... Сегодня все нужно кончить.... Пусть суда принесутъ. Я хочу похоронить Пакеретту рядомъ съ женой. Она заслужила....

— Благодарю васъ за нее, Гленморъ. Это справедливо. Вы должны такъ поступить, потому что....

— Потому что она была болѣе нежели служанка....

— Да. Но притомъ.... если бы вы знали....

— О! я знаю какъ она была привязана къ намъ.... И умерла почти вмѣстѣ съ моей женой.... Вотъ онѣ теперь обѣ здѣсь, въ одной комнатѣ, и скоро будутъ лежать въ одной могилѣ....

— Какъ въ одной комнатѣ? Развѣ Пакеретта здѣсь? Зачѣмъ она здѣсь?

Такого вопросу лордъ Гленморъ не ожидалъ и не предвидѣлъ, когда готовился обмануть доктора Патрика. Онъ смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Боже мой!... какъ это?... Я и самъ не знаю, отвѣчалъ онъ съ замѣшательствомъ: ахъ, да!.. Когда хотѣлъ подать помощь Флавию, я побѣждалъ за Пакереттой.... нашелъ ее мертвою.... и, самъ не знаю зачѣмъ, принесъ. Но пусть... пусть онѣ обѣ здѣсь лежатъ, я буду одинъ стеречь обѣихъ.

— Гдѣ же Пакеретта? спросилъ докторъ, который легко дался въ обманъ и приписалъ этотъ поступокъ Гленмора его разсѣянности въ первомъ испугѣ: гдѣ она? Дайте мнѣ еще разъ положить руку на ея голову.

Леди Гленморъ посмотрѣла на мужа и взглядомъ этимъ спрашивала:

— Теперь что дѣлать?

Гленморъ взялъ доктора за руку и повелъ ее, далъ ему прикоснуться къ платку на головѣ мнимоумершей.

— Вотъ она, докторъ, вотъ она..... вотъ и вѣнокъ въ ея рукахъ.... но поспѣшите, мой другъ.... Уже скоро семь часовъ.... Гробовщику нужно время.

Онъ почти вытолкалъ доктора и опять заперся на ключъ. Леди Гленморъ сѣла и ждала объясненія этой странной и ужасной драмы, которая наполняла ея душу мрачными предчувствіями. Лордъ Гленморъ ничего не говоря сѣлъ къ столу и въ нѣсколько минутъ написалъ что-то.

— Вы обѣщали отважиться на все, чтобы спасти обломки вашей и моей чести, сказалъ онъ потомъ: все, значить жизнь. Если вы готовы были пожертвовать жизнью, такъ ничто уже не должно устрашать васъ....

— Смерть мнѣ не страшна. Только неизвѣстность....

— Тутъ мнѣ извѣстно столько же, сколько вамъ. Я только начинаю. Кончить судьба.

— Такъ еще не кончено?

— Нѣтъ еще. Прочитайте это. Читайте вслухъ.

Леди Гленморъ взяла листокъ и прочла.

«Здѣсь поконится тѣло

ЛЕДИ ФЛАВІИ ГЛЕНМОРЪ,

ГРАФИНЯ УИСБИ, ЦЕНМОРЪ И ГЛЕНДАЛУ.

Какъ дѣвушка, она была прекрасна и добродѣтельна; какъ женщина, она была достойна имени своего мужа, лорда Гленмора.

Если прелесть ея красоты была несравненна на землѣ, если по други прозвали ее Жемчужиною Озера и если эти переходящія достоинства исчезли какъ утренній туманъ передъ лучами солнца, то ея кротость, ея челолюбіе и доброта не исчезнутъ, доколѣ въ мирѣ существуетъ уваженіе къ благороднымъ и прекраснымъ душамъ.

Скончалась осьмнадцати лѣтъ! Господи, помилуй!

Флавія! Флавія! половина твоего сердца, твой мужъ, говорить тебѣ прости на землѣ, до свиданія въ вѣчности.

Прости! Прости! Прости!

— Что же это значитъ?... Моя эпитафія! Вы хотите чтобы я помѣшалась?

— Я хочу.... чтобы мнѣ можно было любить тебя вскричалъ лордъ Гленморъ съ такимъ сильнымъ порывомъ, что слезы полились у него изъ глазъ и оросили блѣдное лицо жены, которую онъ схватилъ за голову и прижалъ къ волнующейся груди: да! я хочу любить тебя я надѣюсь любить тебя!.... И за эту надежду я отдаю все,—

мое званіе, мою молодость, мое честолюбіе, мою и твою жизнь.

— Хорошо. Я готова на все, на все..... Слышите? Но теперь, не мучьте меня долге неизвѣстностью. Скажите, что вы намѣрены дѣлать. Скажите все.

Она рѣшительно выпрямилась, устремила глаза на мужа и схватила его за руку. Онъ молчалъ. Онъ былъ такъ же блѣденъ какъ и она. Глаза горѣли мрачнымъ огнемъ.

— Говорите же! вскричала Флавія и невольный трепеть пробѣжалъ по ея жиламъ.

— Хорошо, слушайте, сказалъ онъ глухо: черезъ нѣсколько часовъ принесутъ два гроба. Въ одинъ положить это тѣло; въ другой я положу васъ.

Леди Гленморъ содрогнулась.

— Вы бонтесь? вы....

— Продолжайте, продолжайте! Что потомъ?

— Потомъ гробы накроютъ чернымъ покрываломъ и вечеромъ отвезутъ на кладбище Лашеза. Тамъ опустятъ въ могильный склепъ, надъ которымъ послѣ поставятъ памятникъ съ этою надписью. Когда вашъ гробъ будетъ поставленъ на мѣсто, склепъ запрутъ и отдадутъ нѣтъ ключъ.... Всѣ разойдутся....

— И я останусь въ склепѣ.... въ могилѣ!.. О, Боже мой, какой ужасъ!

— Вы не хотите?... Вы хотите остаться въ ряду тѣхъ женщинъ, куда поставилъ васъ Мэддокъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжайте.

— Настанетъ ночь....

— Ночь?....

— Въ одиннадцать часовъ вы услышите шумъ....

— Въ одиннадцать часовъ!...

— Это прійдемъ мы съ Мэддокомъ.

— Боже мой!... Тамъ вы будете стрѣляться?

— Да. И если я буду убитъ, вы навсегда останетесь въ могилѣ. Если же я убью его, я освобожу васъ.... мы уйдемъ въ Гавръ.... потомъ въ Индію.... Въ Индію я женюсь на васъ, какъ на другой.... Леди Гленморъ не существуетъ.... Ее похоронили въ Парижѣ.... Всѣ видѣли.... Я вдовець, а вы—дочь лондонскаго негоціанта...

— Гленморъ! я ложусь завтра въ могилку! вскричала Флавія.

Лордъ Гленморъ посадилъ жену къ себѣ на колѣни, вѣжливо поцѣловагь и сказалъ:

— Если ты боишься, что не выдержишь страху, прими вотъ этихъ сонныхъ капель.

— Нѣтъ, не хочу такой помощи, это будетъ слабость.

— Такъ ты вовсе не боишься?

— Нѣтъ, мнѣ будетъ очень страшно, но я одолѣю страхъ.

Гленморъ еще разъ обнягь жену, потомъ заперъ ея замѣкъ, а самъ пошелъ оканчивать распоряженія для похоронъ.

Похороны были, какъ обыкновенно бываютъ похороны, и отличались отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что никто не спрашивалъ, отчего умерла леди Гленморъ. Все му городу извѣстно было позорище въ театрѣ и трагическая сцена у Дымки; всѣ знали, что еще должна послѣдовать кровавая развязка, и никто не удивлялся, что леди Гленморъ не дожила до нея. Всѣ превозносили благородное и великодушное поведеніе лорда Гленмора, который открыто свидѣтельствовалъ свое прощеніе, когда шелъ позадн женниного гроба съ непокрытою головой.

На колокольнѣ Святой Маргариты пробило одиннадцать. Ночь была холодная, темная. Шумъ Парижа, его радости и скорби умолкли на время или, по-крайней-мѣрѣ, казались умолкающими. Улицы въ предмѣстьяхъ опустѣли. Только въ концѣ улицы Рокетъ, неподалеку отъ ольнейской заставы стояла почтовая карета, запряженная въ четверку. Ямщикъ отъ скуки насвистывалъ заунывную пѣсню.

Въ двухъ стахъ шагахъ оттуда, въ темнотѣ, встрѣтились два человекъ въ плащахъ. Они остановились, взглянулись другъ въ друга и молча пошли вѣдѣть. Черезъ нѣсколько минутъ они опять приостановились, потому что одинъ хотѣлъ своротить всторону.

— Сюда? спросилъ другой.

— Сюда.

— Да вѣдь это кладбище Лашеза!

— Такъ.

Они пошли къ ветхому забору, который въ томъ мѣстѣ почти совершенно развалился, перелѣзли и продолжали путь по извилистымъ тропинкамъ между могилъ.

— Странное же вы мѣсто выбрали, милордъ!

— Вамъ не нравится, графъ?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ графъ Мѣддокъ.

— Ну, въ другой разъ я надѣюсь выбрать по-лучше, сказалъ лордъ Гленморъ.

— К чему такъ далеко ходить.... Можно было кончить дѣло по-ближе къ дорогѣ.

Лордъ Гленморъ не отвѣчалъ. Проведши еще нѣсколько шаговъ, онъ остановился, вынулъ изъ-подъ плаща потайной фонарь, поставилъ на могилу и сказалъ:

— Здѣсь, графъ, если вамъ угодно.

— Почему же именно здѣсь? Чтò это за мѣсто?

— Вотъ это могила леди Гленморъ.

Графъ Мѣддокъ невольно, съ почтеніемъ снялъ шляпу.

— Не угодно ли зарядить? сказалъ Гленморъ.

Они сбросили плащи, подошли къ фонарю и стали заряжать карабины двойными зарядами. Они молчали. Но эхо повторило каждый звонкій ударъ шомпола по нѣскольку разъ, такъ, что посреди глубокой ночной тишины на кладбищѣ казалось, будто цѣлое войско готовится къ тайному и грозному дѣлу. Зарядили. Стали считать шагъ.

— Милордъ! вскричалъ вдругъ Мѣддокъ оглянувшись: чтò это такое?

— Чтò?

— Я слышу стоны.... здѣсь близко.... какъ-будто рыданіе.

— Это, вѣроятно, ваше воображеніе, графъ....

— Нѣтъ, увѣряю васъ, милордъ, это не воображеніе!

— Ну, такъ страхъ! холодно отвѣчалъ Гленморъ.

— Страхъ?...

И графъ Мѣддокъ захохоталъ такъ дико, злобно, насмѣшливо, презрительно; эхо повторило и раздробило этотъ хохотъ, такъ, что, казалось, все населеніе гробовъ присоединилось и составило зловѣщій адскій хоръ.

— Пора кончить! вскричалъ онъ потомъ схвативъ карабинъ въ обѣ руки.

— Пора, отвѣчалъ Гленморъ : теперь безъ трехъ минутъ половина двѣнадцатаго. Вотъ наши мѣста. Съ послѣднимъ ударомъ половины—палить.

Они прицѣлились и ждали, когда часы стануть бить половину двѣнадцатаго.

— Вы не слышите..... какъ плачетъ? спросилъ опять Мэддокъ не перемѣняя положенія.

— Ничего не слышу.

Часы на башнѣ Святой Маргариты начали бить половину двѣнадцатаго. Съ послѣднимъ ударомъ этого перезвону грануль страшный залпъ и сто разъ повторился среди безмолвія ночи.

Оба упали.

Но лордъ Гленморъ всталъ. Его спихъ только сильный толчокъ собственнаго карабина отъ двойнаго заряда.

Онъ поспѣшно обшарилъ свои карманы, досталъ ключъ, отперъ желѣзную дверь склепа.... Жена его стояла на лѣстницѣ, прислонясь къ стѣнѣ. Она рыдала и упала почти безъ чувствъ въ объятія мужа.

Вытащить ея, запереть желѣзную дверь, поднять на руки, пробѣжать до забора кладбища, вышибить двѣ доски и поставить ношу на улицу, было для Гленмора дѣломъ одной минуты.

— Если можешь, иди.... у меня больше нѣтъ силъ встать, сказалъ тутъ Гленморъ.

Флавія молча схватила его за руку и они поспѣшно пошли далѣе.

Караульные на заставѣ подняли тревогу. Они думали, что выстрѣлы даны по контрабандистамъ, и готовились подать помощь объѣзчикамъ.

Гленморъ отворилъ дверцы кареты.

— Гленморъ! вскричалъ докторъ Патрикъ.

— Я.... Невредимъ.

— Да васъ двое!.... Кто жъ другой?

— Моя невѣста.

Карета помчалась.

ГРАФЪ МОНТЕ-КРИСТО.

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Двадцать-осьмого февраля 1815, караульные въ марсельской гавани возвѣстили, что идетъ трехъ-мачтовый, *Фараонъ*, который возвращался изъ Смирны черезъ Триестъ и Неаполь. Лоцманъ, по обыкновенію, отправился встрѣтить подходящее судно у острова Ріона и провести мимо опасныхъ скалъ, между-тѣмъ какъ платформа укрѣпленія Сень-Жанъ, также по обыкновенію, покрывалась толпами любопытныхъ. Въ Марселѣ, прибытіе корабля — дѣло важное, особенно если корабль, такой какъ «Фараонъ», то есть, построенъ, оснащенъ, нагруженъ въ городъ Марселѣ и принадлежитъ гражданину города Марселя.

Фараонъ приближался, но такъ медленно, съ такимъ печальнымъ выраженіемъ движеній, что любопытные, съ инстинктивнымъ предчувствіемъ спрашивали другъ друга, какое это несчастье могло случиться съ Фараономъ? Однако жъ опытные въ мореходствѣ тотчасъ замѣтили, что несчастье случилось не съ самимъ кораблемъ: онъ шелъ медленно, но совершенно правильно, какъ слѣдуетъ хорошо управляемому судну.

Возбужденное въ толпѣ неопредѣленное безпокойство особенно сильно овладѣло однимъ изъ зрителей, такъ, что онъ не могъ дожидаться, когда судно войдетъ въ гавань; вскочилъ въ лодку и поѣхалъ на встрѣчу. Увидѣвъ его, капитанъ подошелъ къ борту и снялъ шляпу. Капитанъ былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати; высокаго, строй-

Г

его росту; черноволосяй, черноглазый. Во всей его наружности отражались спокойствие и рѣшительность, свойственные людямъ, которые съ дѣтства привыкли къ борьбѣ съ опасностями.

— Заравствуйте, Дантѣсъ! вскричалъ подлѣхавшій въ лодкѣ: что у васъ случилось? Отчего Фараонъ такъ печаленъ?

— Большое несчастіе, мосьё Морель, отвѣчалъ молодой человекъ: на высотѣ Чивита-Веккии мы потеряли нашего добраго капитана Леклерка.

— А грузъ? съ живостью спросилъ Морель.

— Цѣль, и Фараонъ въ исправности. Только капитанъ Леклеркъ....

— Ну, что же капитанъ Леклеркъ? спросилъ Морель, видимо успокоенный.

— Умеръ отъ воспаленія въ мозгу.

— Какъ же это случилось?

— Совершенно неожиданно. Капитанъ захворалъ въ Неаполѣ. Тамъ, онъ былъ у комманданта. Тотчасъ послѣ этого свиданія болѣзнь обнаружилась. Капитанъ былъ сильно раздраженъ. Пришедши на корабль, онъ слегъ и черезъ три дня умеръ. Мы веземъ вдовѣ его шпагу и крестъ почетнаго легіона. Могла въ морѣ, на высотѣ острова Дель-Джильо.... Стояло для этого жить! продолжалъ молодой человекъ съ грустною улыбкой: стояло десять лѣтъ сражаться съ Англичанами, затѣмъ чтобы потомъ умереть въ постелѣ и погрузиться на дно моря въ мѣшкѣ, съ двумя ядрами!

— Что жъ дѣлать, Дантѣсъ! Мы все подъ Богомъ. Смерть въ порядкѣ вещей. Нужно же, чтобы старые сторонились для молодыхъ: иначе не было бы вакансій. И лишь бы я зналъ, что грузъ....

— Совершенно цѣль, мосьё Морель. Я вамъ отвѣчаю. Не угодно ли вамъ взойти? Вотъ мосьё Дангларъ. Онъ засвидѣтельствуетъ и сообщитъ все, что вамъ угодно знать, а мнѣ теперь нужно присмотрѣть за якоремъ да корабль одѣть въ трауръ.

Негоціантъ Морель, при помощи поданнаго каната, взобрался по трапу съ ловкостью, которая сдѣлала бы честь

настоящему моряку, и пошелъ на встрѣчу къ своему при-
казнику, Данглару, между-тѣмъ какъ исправляющій дол-
жность капитана, Дантесъ, опять занялъ свое мѣсто и про-
должалъ команду, которую небольшой экипажъ исполнялъ
почти съ такою же точностью и расторопностью какъ на
военномъ кораблѣ. Паруса подбирались. Фараонъ медлен-
но подвигался черезъ узкій проходъ въ гавань.

Дангларъ, выходя изъ каюты, увидѣлъ хозяина и по-
спѣшно подошелъ.

— Вы уже слышали о нашемъ несчастіи, мосьё Морель?
сказалъ онъ.

— Да, да. Бѣдный капитанъ Леклеркъ! Хорошій и чест-
ный былъ человѣкъ.

— И какой мореходъ!... Состарѣлся между небомъ и
водой, какъ слѣдуетъ человѣку, которому поручаются поль-
зы такого значительнаго торговаго дому, каковъ домъ Мо-
реля съ сыномъ, отвѣчалъ Дангларъ.

— Да; но мнѣ кажется, чтобы хорошо знать свое ре-
село, вовсе не нужно быть такимъ старымъ морякомъ,
какъ вы говорите, отвѣчалъ Морель, взглянувъ на Дан-
теса: вотъ, нашъ Эдмонъ, напримѣръ, дѣлаетъ дѣло
такъ, что, кажется, не нуждается ни въ чьихъ совѣтахъ.

— Конечно! возразилъ Дангларъ, бросивъ туда же кос-
венный взглядъ, въ которомъ сверкнула молнія ненави-
сти: конечно, это — молодо, зелено и отважно. Едва капи-
танъ умеръ, мосьё Дантесъ принялъ команду, не спросивши
ни чьего совѣту, и заставилъ насъ потерять полтора дня,
на Эльбѣ, вмѣсто того чтобы воротиться прямо въ Марсель.

— Что касается до принятія команды, то это была его
обязанность, такъ какъ онъ штурманъ и второй по капита-
нѣ. Но на Эльбѣ останавливался напрасно. Полтора дня —
много времени.... если только корабль не требовалъ какой-
нибудь поправки....

— Корабль былъ въ совершенной исправности, мосьё
Морель. Мы полтора дня потеряли единственно для удо-
вольствія мосьё Дантеса, которому угодно было побывать
на берегу.

— Дантесъ! вскричалъ негоціантъ, обращаясь къ мо-
лодому человѣку: пожалуйте сюда на минуту.

— Сейчас, мосье Морель. Одну минуту подождите.

Молодой капитанъ отдалъ еще нѣсколько приказаній, обождалъ исполненіе и тогда уже подошелъ къ хозяину.

— Смотрите, говорилъ между-тѣмъ Дангларъ: онъ уже и вправду считаетъ себя капитаномъ, кажется!

— Что жъ? Онъ исполняетъ свою обязанность. И почему жъ ему не остаться при этой должности. Онъ молодъ, но онъ свѣдуецъ и уже опытенъ.

По лицу Данглара прошло облако.

— Извините, мосье Морель, сказалъ Дантесъ подходи: теперь, когда судно на якорѣ, теперь я весь къ вашимъ услугамъ. Вы звали меня?

Дангларъ отошелъ.

— Я хотѣлъ спросить, зачѣмъ вы останавливались на Эльбѣ? сказалъ Морель.

— Не знаю, мосье Морель. Я исполнялъ послѣднюю волю капитана Леклерка, который умирая поручилъ мнѣ пакетъ къ маршалу Бертрану.

— Такъ вы видѣли маршала Бертрана?

— Видѣлъ.

Морель оглянулся вокругъ и отвелъ Дантеса всторону.

— А каково живетъ императоръ? спросилъ онъ съ живостью.

— Съ виду, кажется, хорошо.

— Такъ вы видѣли и императора?

— Онъ при мнѣ приходилъ къ маршалу.

— И вы говорили съ нимъ?

— Да.... то есть, онъ говорилъ со мною, отвѣчалъ Дантесъ съ улыбкой.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Разспрашивалъ о моемъ кораблѣ, о времени его отправления изъ Марсея, о пути и о грузѣ. Я думаю, если бъ корабль былъ пустъ и принадлежалъ мнѣ, императоръ купилъ бы его. Но я сказалъ, что я простой штурманъ, и назвалъ хозяина. «А, Морель! вскричалъ онъ: знаю. Одинъ Морель служилъ въ одномъ полку со мной, когда я стоялъ въ Валенсѣ».

— Да, сѣ Богу, такъ! вскричалъ негоціантъ въ восхищеніи: то былъ мой дядя, Поликарпъ Морель. Дантесъ,

вы скажете ему, что императоръ вспомнилъ объ немъ. Увидите, какъ онъ, старый воркунъ, заплачетъ. Хорошо! хорошо сдѣлали, Дантѣсъ, что исполнили послѣднюю волю капитана Леклерка, продолжалъ Морель дружески потрепавъ молодаго человѣка по плечу: однако жъ, если узнаютъ, что вы передавали маршалу бумаги и разговаривали съ императоромъ, это можетъ повредить вамъ.

— Чѣмъ же повредить, мосьё Морель? Вѣдь я вовсе не знаю, что я передавалъ, и императоръ спрашивалъ меня только о такихъ вещахъ, о которыхъ спросилъ бы всякаго встрѣчнаго. Но, извините, вотъ дожиловали карантинные и таможенные. Мнѣ нужно быть при осмотрѣ.

— Ступайте, ступайте, любезный Дантѣсъ.

Молодой человѣкъ ушелъ и, по мѣрѣ его удаленія, Дангларъ приблизился.

— Ну, что? хорошую мосьё Дантѣсъ нашелъ отговорку? спросилъ онъ.

— Прекрасную, мосьё Дангларъ.

— Ну, тѣмъ лучше, потому что и мнѣ непріятно было бы видѣть, что товарищъ мой не исполняетъ своихъ обязанностей.

— Дантѣсъ свои исполнилъ какъ нельзя лучше. Остановиться ему приказалъ капитанъ Леклеркъ.

— Кстати, о капитанѣ. Дантѣсъ отдалъ вамъ письмо отъ него?

— Мнѣ? нѣтъ. Развѣ есть письмо?

— Нѣтъ? А я думалъ, что кромѣ пакета было еще письмо къ вамъ.

— О какомъ пакетѣ вы говорите, Дангларъ?

— Да о томъ, который Дантѣсъ отдалъ въ Порто-Феррайо.

— Почему вы знаете, что онъ отдалъ пакетъ въ Порто-Феррайо?

Дангларъ покраснѣлъ.

— Я случайно проходилъ мимо капитанской каюты.... дверь была не затворена.... и видѣлъ какъ капитанъ отдавалъ ему пакетъ и письмо.

— Онъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ. Но если есть письмо ко мнѣ, такъ онъ, конечно, отдастъ.

— Во всякомъ случаѣ однако жъ, сказалъ Дангларъ, не молча: я васъ прошу, не говорите ему ничего объ этомъ. Можетъ-быть, я ошибся.

Тутъ подошелъ Дантесъ. Дангларъ отошелъ.

— Ну, что? свободны вы теперь, любезный Дантесъ? спросилъ негоціантъ.

— Свободенъ, мосьё Морель, отвѣчалъ молодой человѣкъ и оглянулся вокругъ: теперь все въ порядкѣ.

— Стало-быть, вы теперь можете пожаловать ко мнѣ обѣдать?

— Извините, мосьё Морель, пожалуйста, извините. Я долженъ прежде всего навѣстить отца.

— Это справедливо, Дантесъ, это справедливо. Я знаю, что вы добрый сынъ.

— А вы знаете, здоровъ онъ... здоровъ мой отецъ?

— Я думаю, хотя я давно уже не видалъ его.

— Да, онъ не любитъ выходить изъ своей каморки.

— Это доказываетъ по-крайней-мѣрѣ, что онъ ни въ чемъ не нуждался въ ваше отсутствіе.

Дантесъ улыбнулся.

— Мой отецъ гордъ, мосьё Морель. Я думаю, онъ будетъ нуждаться во всемъ, но и тогда не пойдетъ просить никого, кромѣ Бога.

— Ну, такъ послѣ этого свиданія вы прійдете ко мнѣ?

— Я опять долженъ просить извиненія, отвѣчалъ Дантесъ съ замѣшательствомъ: отъ отца я пойду на другое свиданіе, которое....

— Тоже близко къ сердцу? Понимаю, понимаю. Я и забылъ, что у Каталонцевъ есть одна особа, которая ждетъ этого свиданія можетъ-быть еще нетерпѣливѣе отца.

Дантесъ покраснѣлъ.

— Да, да! продолжалъ негоціантъ: прекрасная Мерседесъ не даромъ три раза приходила спрашивать, скоро ли прибудетъ Фараонъ. Ступайте, ступайте; я васъ не держу.... Ахъ, постойте. Капитанъ Леклеркъ не далъ вамъ письма ко мнѣ?

— Нѣтъ, мосьё Морель. Онъ уже не могъ писать. Но вы напомнили, что мнѣ нужно попросить у васъ отпуску на нѣсколько дней.

— Чтобы жениться?

— Да. А потомъ съѣздить въ Парижъ.

— Хорошо, хорошо. Употребите столько времени, сколько вамъ нужно. Покуда разгрузимъ да опять нагрузимъ, пройдетъ мѣсяца три. Но къ тому времени вы должны явиться. Фараону нельзя же идти въ море безъ капитана.

— Безъ капитана! вскричалъ Дантесъ, и глаза его засверкали отъ радости: подумали ли вы, что вы сказали, мосьё Морель?... Вѣдь это отвѣтъ на самую тайную надежду моего сердца! Вы въ самомъ дѣлѣ сдѣлаете меня капитаномъ Фараона?

— Если бы я былъ одинъ, я подалъ бы вамъ руку, любезный Дантесъ, и сказалъ бы — дѣло кончено. Но вы знаете, что я въ компаніи, а she а contraino а ragione, «у кого товарищъ, у того и хозяинъ», говорятъ италіянская пословица. Впрочемъ, половина дѣла всё-таки кончена: изъ двухъ голосовъ одинъ уже на вашей сторонѣ. Ну, и другою будетъ. Положитесь на меня.

— О! мосьё Морель! вскричалъ Дантесъ со слезами на глазахъ и схвативъ руки негоціанта: мосьё Морель! благодарю васъ отъ имени моего отца и моей Мерседесъ!

— Хорошо, хорошо, Эдмонъ. Ступайте, повѣдайтесь съ ними, потомъ прійдите ко мнѣ.

— Не отвезти ли васъ на берегъ?

— Нѣтъ, я приму отчетъ отъ Данглара. Кстати, довольны ли вы были имъ впродолженіи путешествія?

— Смотря потому, въ какомъ отношеніи вы разумѣете вопросъ. Какъ товарищи, мы не ладимъ. Онъ, кажется, не любитъ меня съ-тѣхъ-поръ какъ я, по поводу одной ссоры, имѣлъ глупость предложить ему сойти на берегъ на островъ Монте-Кристо и тамъ раздѣлаться... Онъ, какъ человѣкъ разсудительный, отказался.... Но въ качествѣ вашего приказчика онъ таковъ, какимъ быть долженъ, и, я думаю, вы останетесь довольны.

— Но, скажите откровенно, Дантесъ.... Положимъ, что вы будете капитаномъ Фараона.... охотно ли вы оставите при себѣ Данглара?

— Будь я капитанъ, будь я штурманъ, всё-равно, мосьё

Морель: я всегда съумѣю уважать тѣхъ, кто пользуется довѣренностью моихъ хозяевъ.

— Хорошо, хорошо, Дантѣсъ. Я вижу, что вы во всѣхъ отношеніяхъ добрый малый. Ступайте же теперь: я вижу также, что вы ужъ на пголкахъ стоите.

Молодой человекъ поклонился и вскочилъ въ шляпку, два матроса за нимъ, и шляпка стрѣлой понеслась къ пристани. Черезъ нѣсколько минутъ Эдмонъ Дантѣсъ уже былъ въ объятіяхъ престарѣлаго отца.

Вѣсть о прибытіи Фараона, — какъ это очень часто бываетъ съ вѣстями, — распространилась какъ слѣдуетъ, но не достигла еще до тѣхъ, до кого всего ближе касалась. Дантѣсъ отца засталъ врасплохъ и Мерседесъ еще ничего не знала о его возвращеніи. Последнее обстоятельство, впрочемъ не удивительно, потому что деревня Каталонцевъ, гдѣ она жила, лежитъ довольно далеко отъ гавани. Кстати, не худо сказать, что такое деревня Каталонцевъ. Лѣтъ четыреста назадъ, нѣсколько каталонскихъ семействъ, не извѣстно, по какимъ причинамъ, оставили Испанію, переплыли заливъ, и, подобно древнимъ мореходамъ, вытащили свои лодки на берегъ на обнаженномъ песчаномъ мысѣ. Одинъ изъ нихъ, который умѣлъ объясняться по-провансальски, пришелъ въ ратушу города Марселя и просилъ позволенія поселиться съ товарищами на этомъ ненужномъ клочкѣ земли. Ратуша позволила и мѣсяца въ три около лодокъ возникла деревня, которая донынѣ сохранила свой самобытный, полу-мавританскій, полу-испанскій характеръ постройки, точно такъ же какъ потомки этихъ каталонскихъ колонистовъ до-сихъ-поръ остались вѣрны привезеннымъ нравамъ, обычаямъ и языку. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы кто-нибудь изъ нихъ женился на Французкѣ или выдалъ дочь за ино-племенника.

Въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ хижинъ этой деревни, хорошенькая, черноглазая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, стояла прислонясь къ стѣнѣ и тонкими пальчиками трепала невинную вѣтку каприфолиа, обрывала и бросала на полъ цвѣты и листья. Немножко загорѣлымъ, обнаженнымъ до плечъ, прекраснымъ рукамъ ея, по временамъ вздрагивали

отъ нетерпѣнія. Въ трехъ шагахъ отъ нея сидѣлъ, покачиваясь на стулѣ, рослый парень, лѣтъ двадцати-двухъ, и, не спуская глазъ, смотрѣлъ на красавицу то нѣжно то съ досадою.

— Что же, Мерседесъ, говорилъ онъ: вотъ Пасха скоро настанетъ, будетъ свадебная пора. Дай же мнѣ отвѣтъ.

— Я уже сто разъ отвѣчала тебѣ, Фернандъ. Право, ты, должно-быть, самъ себѣ врагъ, что опять-таки заговариваешь объ этомъ!

— Ну, что жъ! чего тебѣ стѣдить? Повтори, сдѣлай милость, повтори мнѣ въ сто первый разъ, что ты отвергаешь мою любовь, которую одобряла твоя мать. Растолкуй мнѣ хорошенько, что ты смѣешься надъ моею счастіемъ, что тебѣ и жизнь и смерть моя ни почемъ. Боже мой, Боже мой! за что же я пять лѣтъ питалъ и лелѣялъ эту надежду? Зачѣмъ же эта надежда сдѣлалась цѣлью всей моей жизни?

— Я по-крайней-мѣрѣ никогда не поощряла этой надежды, Фернандъ, отвѣчала Мерседесъ: ты не можешь упрекнуть меня въ обманѣ. Я всегда говорила тебѣ, что я люблю тебя какъ брата, но больше этого не требую: сердце мое принадлежитъ другому. Я всегда говорила тебѣ это, Фернандъ.

— О! да, да! я знаю, Мерседесъ, я знаю! Ты всегда была откровенна со мною, и за такую откровенность еще требуешь благодарности. Но вспомни по-крайней-мѣрѣ, что у Каталонцевъ священное правило, законъ, — жениться между свомни.

— Ты ошибаешься, Фернандъ, это не правило и не законъ, а простъ обычай. Но, пожалуйста, не ссылайся на него. Ты рекрутъ, Фернандъ. Не сегодня, такъ завтра, тебя потребуютъ въ полкъ, ты будешь солдатомъ. Что ты тогда станешь дѣлать со мною, то есть, съ бѣдною сиротой, у которой всего за душой эта ветхая хижина, да два-три старыхъ невода, — все, что отецъ оставилъ матери, а мать мнѣ. Подумай, Фернандъ, вотъ уже годъ, — съ-тѣхъ-поръ какъ мать умерла, — я живу почти подавнѣемъ. Иногда ты притворяешься, будто я полезна тебѣ, — для того, чтобы раздѣлять со мною ловъ, и я принимаю, Фернандъ, по-

тому что ты племянник моего отца, потому что мы вместе выросли, а главное, потому что отказъ мой слишкомъ огорчилъ бы тебя. Но всё-таки я очень хорошо знаю, что рыба, которую продаю, чтобы купить себѣ льна, — не что иное какъ милостыня.

— Какая жъ надобность, Мерседесъ? Будь ты еще бѣднѣе, я всё-таки предпочту тебя дочери самаго гордаго негодянта и самаго богатаго банкира въ Марсель. Что вашему брату нужно? Добрая жена, да хорошая хозяйка. А гдѣ я найду лучше тебя въ этомъ отношеніи.

— Если любишь не мужа, а другаго, такъ не будешь ли доброю женой, ни хорошею хозяйкой, Фернандъ. Удовольствуйся моею дружбой, потому что, повторяю тебѣ, больше обѣщать не могу. Я обѣщаю только то, что могу выполнить.

— А! понимаю. Ты легко согласишься свою бѣдность, но боишься моей! Но полюби меня, Мерседесъ, и я попытаюсь счастья.... ты принесешь мнѣ счастья.... я разбогачу. Я могу распространить свой рыбный промыселъ, я могу идти на купеческую контору, я могу самъ сдѣлаться купцомъ.

— Ты ничего этого не можешь сдѣлать, Фернандъ: ты солдатъ. Ты теперь дома потому только, что нѣтъ войны; но война можетъ случиться завтра и ты завтра пойдешь въ походъ. Такъ ужъ лучше не предавайся мечтаніямъ: хуже будетъ потомъ опомниться.

— Да, да, конечно..... конечно, ты права, Мерседесъ. Впрочемъ.... что жъ такое, что я солдатъ? Я могу служить во флотѣ, и тогда, вмѣсто этой одежды, — вмѣсто одежды нашихъ дѣдовъ, которую ты презираешь, — на мнѣ будетъ лакированная шляпа, полосатая рубашка и жилетъ съ якорями на пуговицахъ..... Вѣдь такъ надо одѣваться чтобы понравиться тебѣ?

— Что ты хочешь сказать? спросила Мерседесъ, бросивъ гордый повелительный взглядъ: что ты хочешь сказать? Я не понимаю тебя.

— Я хочу сказать, что ты крута и жестока со мною потому только, что ждешь другаго, который такъ одѣтъ. Но этотъ другой, можетъ-быть, ужъ взвѣсилъ тебѣ, а шѣтъ, такъ, можетъ-быть, море измѣнило ему.

— Фернандъ! вскричала Мерседесъ: я всегда думала, что ты добрый человѣкъ, но теперь я вижу, что ты золь. Какъ тебѣ не стыдно призывать гнѣвъ Божій на помощь свой ревности? И к чему дѣлать язвительные намѣтки? Ты знаешь, я не-разъ говорила, кого жду и кого люблю, а я знаю, что онъ хоть и умретъ, всё-таки будетъ любить меня.

Каталонецъ съ бѣшенствомъ привскочилъ на стулъ.

— Я понимаю, Фернандъ, ты сердисься на него, зато, что я не люблю тебя. Ты думаешь схватиться за свой каталонскій ножъ, но, во-первыхъ, вѣдь и у него есть матрозскій ножъ, а во-вторыхъ, к чему это поведеть?... Если ты будешь побѣжденъ, простиись съ моею дружбой; если побѣдишь, дружба моя превратится въ ненависть. Повѣрь мнѣ, Фернандъ, если хочешь нравиться женщинѣ, не нападай на того, кого она любитъ: это плохое средство. Нѣтъ, Фернандъ, не поддавайся дурной мысли. Женой твоей я быть не могу, такъ удовольствуйся любовью сестры и друга и не накликай бѣды. Погоди немножко, прибавила она дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ: погоди немножко, можетъ-быть бѣда сама прійдетъ.... Море непостоянно, измѣнчиво..... Въ эти четыре мѣсяца я ужъ много насчитала бурь.

Фернандъ молчалъ. Онъ не старался осушить слезы бѣдной дѣвушки, хотя за каждую слезинку готовъ былъ отдать стаканъ своей крови. Но эти слезы проливались за другаго. Фернандъ всталъ, прошелся взадъ и впередъ, потомъ остановился передъ Мерседесъ и, задыхаясь, проговорилъ:

— Мерседесъ..... еще разъ..... скажи..... Рѣшительно нѣтъ?

— Я люблю Эдмона Дантеса, холодно отвѣчала дѣвушка, и никто кромѣ Дантеса не будетъ моимъ мужемъ.

— И ты всегда будешь любить его?

— Пока жива.

Фернандъ вздохнулъ или почти застоналъ и опустилъ голову, но потомъ вдругъ стиснулъ зубы и кулаки и, выпрямившись, спросилъ:

— Если же онъ умретъ?

— Если онъ умретъ, и я умру.

— А если онъ забудетъ тебя?

— Мерседесъ! кликнулъ веселый голосъ на дворъ: Мерседесъ!

— А! видишь? вскричала дѣвушка, вспыхнувъ отъ радости, и побѣжала отворить дверь: здѣсь, Эдмонъ! здѣсь!

Фернандъ отскочилъ, какъ-будто увидѣлъ змѣю, и опустился на стулъ. Эдмонъ и Мерседесъ крѣпко сжали другъ друга въ объятіяхъ. Знойное марсельское солнце, проливая въ отворенную дверь, обливало ихъ яркимъ свѣтомъ. Сначала они не примѣчали ничего окружающаго: великое счастье отлучило ихъ отъ міра. Они говорили только отрывистыми словами восторгу, котораго выраженія такъ близко подходятъ къ выраженію скорби.

Вдругъ Дантесъ примѣтилъ мрачную фигуру Фернандъ, который сидѣлъ въ тѣни, блѣдный и грозный, и, можетъ-быть, самъ того не зная, держался за рукоять своего каталонскаго ножа, заткнутаго за поясъ.

— Ахъ, извините, сказалъ Дантесъ, тоже нахмурилъ брови: я не примѣтилъ, что насъ здѣсь трое.

Потомъ онъ взглядомъ спросилъ Мерседесъ.

— Это будетъ лучший твой другъ, Дантесъ, потому что онъ лучший мой другъ, мой ближній родственникъ, мой братъ; это Фернандъ, то есть человекъ, котораго я люблю тебя, Эдмонъ, люблю больше всего на свѣтѣ.

Дантесъ, не выпуская руки Мерседесъ изъ лѣвой, съ искренно-дружескимъ движеніемъ подалъ правую Каталонцу. Тотъ остался неподвиженъ и нѣмъ какъ статуя. Дантесъ съ удивленіемъ взглянулъ на трепещущую Мерседесъ и опять на мрачнаго, грознаго Фернандъ, и понялъ все. Лобъ его озарился гнѣвомъ.

— Я не сталъ бы такъ спѣшить къ вамъ, Мерседесъ, если бы зналъ, что найду здѣсь врага.

— Врага! вскричала Мерседесъ, сердито взглянувъ на своего двоюроднаго брата: у меня врага, Эдмонъ? Если бы я предполагала это, я взяла бы тебя подъ руку и сказала бы: пойдѣмъ въ Марсель. Я не хочу долѣе оставаться въ этомъ домѣ, не хочу никогда видѣть этой деревни.

Въ глазахъ Фернандъ сверкнула молнія.

— И если съ тобой, мой Эдмонъ, случится несчастіе отъ враговъ, продолжала дѣвушка проникая самыя тайныя мысли Каталонца, если съ тобой случится несчастіе, я взойду на мысъ Моргью и сброшусь головой на прибрежныя скалы. Но ты ошибаешься, Эдмонъ, продолжала она: здѣсь нѣтъ враговъ. Здѣсь только Фернандъ, мой братъ, который подаетъ тебѣ руку какъ преданный другъ.

Взглядъ ея прожогъ Каталонца насквозь. И ненависть и гнѣвъ его сокрушились о могущество этого взгляду. Онъ машинально подошелъ и подавъ Дантесу руку. Но больше этого онъ уже не могъ сдѣлать. Онъ опрометью бросился за дверь.

Фернандъ бѣжалъ по улицѣ какъ сумасшедшій, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ псевзвѣстныя рѣчи.

— Эй! Каталонецъ!... Эй, эй! Фернандъ! куда ты бѣжишь?

Молодой человѣкъ остановился, оглянулся вокругъ и увидѣлъ, что въ бесѣдкѣ у дяди Панфила сидитъ Дангларъ и портной Кадрусъ, пріятель Эдмона и сосѣдъ старика Дантеса.

Дядя Панфиль содержалъ нѣчто въ родѣ рестораціи на выходѣ изъ деревни Каталонцевъ.

— Эй! что жъ ты не идешь? Или спѣсивъ, что не хочешь и поздороваться съ пріятелями?

— И тогда еще, когда передъ ними стоитъ почти полная бутылка! прибавилъ Дангларъ.

Фернандъ посмотрѣлъ на пріятелей и ничего не отвѣчалъ.

— Онъ, кажется, совсѣмъ оторопѣлъ, шепнулъ Дангларъ, толкнувъ Кадруса колѣнкой: неужели Мерседесъ такъ крѣпко держится за Дантеса, что едва пріѣхалъ и соперникъ ужъ готовъ повѣстаться. Видишь вѣдь, какой счастливецъ! Такимъ образомъ того и смотри, что и капитаномъ будетъ!

— А что жъ? отчего жъ ему не быть капитаномъ?... Да вотъ, узнаемъ сперва, что у сеньора Мерседесъ случилось. Этотъ людоѣдъ вѣдь прямо оттуда бѣжить.... Эй! что жъ ты, пріятель, рѣшаешься, что ли?

Фернандъ отеръ потъ со лба и медленно вошелъ въ бесѣдку.

— Здравствуйте, сказалъ онъ и почти упалъ на спящую.

— Куда это ты такъ бѣжалъ, какъ угорѣлый? сказалъ Кадрусъ смѣясь: ужъ я думалъ, что ты прямо въ воду отправляешься. Кой чортъ! неужто ужъ свѣтъ кланокъ сошелся? Развѣ у тебя нѣтъ друзей, которые не только покнесутъ стаканъ вина, но и не дадутъ лишней воды выпить?

Фернандъ простоналъ что-то и повалился головой и руками на столъ.

— Что съ тобой, Фернандъ? продолжалъ Кадрусъ безъ всякихъ политическихъ тонкостей, думая только объ удовлетвореніи своего любопытства: ты, право, точно съ носомъ отъ чужой невѣсты ушелъ!

— Полно! шутить, Кадрусъ, возразилъ Дангларъ: Фернандъ не таковъ парень, чтобъ быть несчастнымъ любовникомъ.

— Да видишь вѣдъ, какъ вздыхаетъ!... Ну, полно же, Фернандъ, посмотри на насъ, отвѣчай, когда друзья спрашиваютъ. Здоровъ ли ты?

— Здоровъ, отвѣчалъ Фернандъ, выпрямившись, и отворотился.

— А! вотъ оно что, Дангларъ! сказалъ Кадрусъ помингивая: вотъ, въ чемъ дѣло. Фернандъ, котораго ты видишь, и который, какъ тебѣ извѣстно, добрый малый и одинъ изъ искуснѣйшихъ рыболововъ въ Марсель, влюбленъ въ хорошенькую дѣвушку, по имени Мерседесъ. Но къ несчастію, кажется, дѣвушка-то, съ своей стороны, влюблена въ штурмана, что на Фараонъ, а какъ Фараонъ сегодня пришелъ, то.... ты понимаешь....

— Нѣтъ, не понимаю, отвѣчалъ Дангларъ.

— Какъ не понимаешь? Бѣдному Фернанду дали отставку.

— Ну, что жъ? потомъ что? спросилъ Каталонецъ съ видомъ человѣка, который ищетъ, на кого бы взлѣть свои гнѣвъ: развѣ Мерседесъ не вольна любить, кого ей угодно?

— А! если ты такъ принимаешь, то это другое дѣло! Я думалъ, что Каталонцы иначе разсуждаютъ.... Я думалъ, что Каталонецъ не уступитъ сопернику.... что Каталонцы люди страшные, мстительные.

Фернандъ горько улыбнулся.

— Бѣдный Фернандъ! сказалъ Дангларъ съ состраданіемъ: что жъ дѣлать! Вѣрно, ужъ такая доля. Онъ, конечно, не ожидалъ, чтобъ Дантѣсъ такъ скоро воротился. При томъ, вѣдь это такое несчастіе, которое тѣмъ чувствительнѣе чѣмъ неожиданнѣе постигаетъ тебя.

— Конечно, конечно! прибавилъ Кадрусъ, на котораго вино уже начинало дѣйствовать: впрочемъ, счастливое возвращеніе Дантѣса досадно не одному Фернанду, неправда ли, Дангларъ?

— Да, и я думаю даже, что ему не слобровать.

— А всё-таки, продолжалъ Кадрусъ подавая Фернанду вина и наливая свой стаканъ въ десятый разъ, тогда какъ Дангларъ едва прихлебнулъ изъ втораго: а всё-таки Дантѣсъ между-тѣмъ женится на Мерседесъ, на прекрасной Мерседесъ. Вѣдь онъ затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы жениться на ней.

— А когда свадьба? спросилъ Дангларъ наблюдая за Фернандомъ, которому всякое слово пріятелей теплымъ свинцомъ падало на сердце.

— О! до свадьбы-то еще далеко! проворчалъ Фернандъ.

— Далекое было, а теперь ужъ не далеко, если Дантѣсъ будетъ капитаномъ Фараона. А онъ и теперь ужъ почти что капитанъ. Неправда ли, Дангларъ?

Дангларъ вздрогнулъ и подозрительно посмотрѣлъ на Кадруса, чтобы проникнуть его намѣреніе. Но на раскрывшемся лицѣ портнаго ничего не нашлось кромѣ совершенно пьяной откровенности.

— Будете пить за здоровье капитана Дантѣса, супруга прекрасной Каталонки! кричалъ онъ наливая стаканы.

Кадрусъ проглотилъ вино чуть не вмѣстѣ съ стаканомъ, Дангларъ медленно прихлебнулъ, Фернандъ схватилъ стаканъ и ударилъ объ полъ.

— Э-ге-ге! что я тамъ вижу! вскричалъ Кадрусъ, выглядывая на улицу: посмотри-ка, Фернандъ, посмотри: у тебя глаза лучше моихъ.... Видишь? Неправда ли, точно женихъ и невеста пдутъ рука объ руку... и не думаютъ, что мы ихъ видимъ! Посмотри, какъ они воркуютъ, какъ нѣжно заглядываютъ другъ другу въ глаза.... того и гляди поцѣлуются на улицѣ!

Дангларъ не спускалъ глазъ съ Фернанда, который то багровѣлъ то блѣднѣлъ.

— Что это, Дантесъ и Мерседесъ? спросилъ Дангларъ.

— Да; это Дантесъ и Мерседесъ, отвѣчалъ Фернандъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ съ гримасой Кадрусъ: а я и не узналъ ихъ! Эй! послушайте! Дантесъ! эй! красавица! пожалуйте-ка сюда, скажите намъ, когда свадьба. Вотъ, мосьё Фернандъ такъ упрямъ, что не хочетъ сказать.

— Полно, молчи, говорилъ Дангларъ подавая видъ, будто удерживаетъ Кадруса, который съ упорствомъ пьянаго вывѣшивался за окно: оставь, какое тебѣ дѣло! Пусть себѣ спокойно любятся. Вотъ, возьми примѣръ съ Фернанда. Видишь, какой онъ разсудительный.

Фернандъ, раздраженный до крайности, уже готовъ былъ прямо черезъ окно броситься на соперника съ вожомъ, но подошла Мерседесъ, съ блестящимъ, свѣтлымъ своимъ взглядомъ. Фернандъ вспомнилъ, что она грозилась умереть, если Эдмонъ умретъ и съ изнеможеніемъ опустил руки.

— Здравствуйте, мадамъ Дантесъ! сказалъ Кадрусъ.

Мерседесъ важно поклонилась.

— Прошу не величать раньше времени, возразила она: у насъ говорятъ, что бѣду накличешь, если станешь называть невесту жениховымъ пиенемъ. Теперь я еще, куда, просто Мерседесъ.

— Надо простить добраго сосѣда Кадруса, милая, сказала Дантесъ: вѣдь онъ не многимъ и ошибся.

— Такъ свадьба скоро, мосьё Дантесъ? спросилъ Дангларъ.

— Поторопимся, сколько будетъ можно, мосьё Дангларъ. Сегодня обо всемъ договоримся у моего отца, а завтра или послѣ завтра дадимъ обѣдъ, здѣсь, у дяди Панфила. Я надѣюсь, что друзья мои все будутъ. Это значитъ, что вы приглашены, мосьё Дангларъ, и ты тоже, Кадрусъ.

— А Фернандъ? вскричалъ Кадрусъ съ нелѣпнымъ хохотомъ: Фернандъ тоже?

— Братъ моей жены—мой братъ, отвѣчалъ Дантесъ: и мнѣ и ей будетъ жаль, если онъ въ такую минуту отстанетъ отъ насъ.

Фернандъ раскрылъ ротъ, но голосу не стало. Онъ не могъ проговорить ни слова.

— Сегодня сговоръ, завтра свадьба! Чортъ возьми, какъ вы спѣшите, капитанъ! вскричатъ Дангларъ.

— Дангларъ, возразилъ Эдмонъ улыбаясь: я попрошу васъ, такъ же какъ Мерседесъ просила Кадруса, не величайте меня раньше времени, чтобы не накликать бѣды.

— Извините. Такъ я просто скажу: чортъ возьми, какъ вы спѣшите, мосье Дантесъ! Вѣдь времени впереди еще довольно: Фараонъ раньше трехъ мѣсяцевъ въ море не поидеть.

— Какъ же не торопиться быть счастливымъ, любезный другъ? Кто долго терпѣлъ и страдалъ, тому плохо вѣрится въ счастье. Нужно, чтобы по-скорѣе доказано было. Ктому же, мнѣ послѣ свадьбы еще нужно съѣздить въ Парижъ.

— А! въ самомъ дѣлѣ?... въ Парижъ? Вы, кажется, въ первый разъ ѣдете въ Парижъ?

— Въ первый.

— По дѣламъ?

— Не по своимъ. Последнее порученіе нашего добраго капитана Леклерка.

— А! вотъ что! Ну, счастливый путь.

— Благодарю, отвѣчалъ Дантесъ съ дружескимъ поклономъ.

Мерседесъ тоже мило кивнула и молодые люди весело продолжали путь.

— Въ Парижъ? говорилъ про себя Дангларъ, провожая ихъ глазами: въ Парижъ.... по порученію капитана Леклерка.... вѣроятно, затѣмъ чтобы отдать письмо, которое далъ капитанъ.... а можетъ-быть и другія письма.... можетъ-быть съ Эльбы.... Га! чудо!... неподобная мысль! клянусь честью, чудесная мысль! погоди, капитанъ Дантесъ, погоди, дружокъ!... еще будешь, либо нѣтъ, стоять на спискѣ Фараона подъ номеромъ первымъ!

Фернандъ, блѣдный какъ смерть, дико смотрѣлъ въ землю. Кадрусъ безсвязно мурлыкалъ застольную пѣсню.

— Эта свадьба кажется, не всѣхъ радуешь, мосье Фернандъ! сказалъ Дангларъ.

— Она приводитъ меня въ отчаяніе, отвѣчалъ Каталонецъ.

— Такъ вы любите Мерседесъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ знаю ее.

— И вы здѣсь рвете на себѣ волосы, вмѣсто-того чтобы помскать, чѣмъ горю помочь? Кой чортъ! Я не думалъ чтобы Каталонцы были такъ смиренны.

— Что же мнѣ дѣлать? вскричалъ Фернандъ съ отчаяніемъ.

— Почему мнѣ знать? Да и какое мнѣ дѣло? Вѣдь не я влюбленъ въ Мерседесъ, а вы. Что дѣлать! Ищите и найдете.

— У меня ужъ было найдено.

— Что?

— Да я хотѣлъ убить его, но она сказала, что сбросится съ Моргью, если съ женихомъ случится несчастіе.

— Ба! эти вещи говорятся, но не дѣлаются.

— Вы не знаете Мерседесъ, мосьё Дангларъ: если она что сказала, такъ будетъ и сдѣлано. Но прежде чѣмъ она умретъ, я лучше самъ умру.

— Вотъ любовь, такъ ужъ любовь! вскричалъ Кадрусъ хриплымъ голосомъ: право, любовь.... или я никогда не видывалъ любви.

— Послушайте, Фернандъ, сказалъ Дангларъ, вы, мнѣ кажется, добрый малый и я желалъ бы помочь вашему горю, но....

— Ну-ка, посмотримъ! вскричалъ Кадрусъ: какъ ты поможешь.... посмотримъ....

— Любезный, ты подупьянь. Доканчивай бутылку, сейчасъ уляжешься. Пей и не мѣшайся не въ свое дѣло.

Кадрусъ, по обычаю хмѣльныхъ, пустился доказывать свою трезвость и потребовалъ еще вина.

— Такъ вы сказали? спросилъ Фернандъ, съ жадностью выжидаая конца прерванной рѣчи.

— Что я сказалъ? Я ужъ и не помню. Этотъ пьяница, Кадрусъ, сбилъ меня съ толку.

— Вы сказали, что желали бы помочь мнѣ, но, прибавилъ вы....

— Да; но, прибавилъ я, для этого довольно будетъ и

того, если Дантесъ не женится на Мерседесъ. Убийство тутъ вовсе не нужно.

— Только смерть разлучитъ ихъ, возразилъ Фернандъ.

— Ты, дружище, рассуждаешь какъ устрица! вскричалъ Кадрусъ: вотъ, спроси Данглара: онъ малый тонкій, плутъ, разбойникъ. Онъ тебѣ докажетъ, что ты врешь. Доказывай, Дангларъ! Я поручился за тебя. Доказывай, что Дантесу не нужно умирать. Оно и жаль было бы. Дантесъ добрый малый.... я люблю Дантеса.... Дантесъ! за твое здоровье, Дантесъ!

Фернандъ съ нетерпѣніемъ вскочилъ.

— Пусть его болтаетъ, сказалъ Дангларъ удерживая молодого человѣка: впрочемъ, какъ онъ ни пьянъ, а правду говоритъ. Дантесу не нужно умирать. Разлука отчуждаетъ не хуже смерти. Предположите только, что Дантеса и Мерседесъ разлучитъ стѣна темницы, и могильнаго камня не нужно.

— Да, но изъ темницы можно выйти со-временемъ, перебилъ Кадрусъ, который съ остатками своего смысла старался уцѣпиться за разговоръ: а когда кто выйдетъ изъ темницы, да еще называется Дантесомъ, такъ можетъ и отомстить.

— Пусть отомстить! проворчалъ Фернандъ.

— А позвольте, продолжалъ Кадрусъ: за что же Дантеса посадятъ въ темницу? Вѣдь онъ не воръ, не мошенникъ, не убійца!

— Молчи, Кадрусъ!

— Я не хочу молчать! Я хочу знать, за что Дантеса посадятъ въ темницу. Я люблю Дантеса.... за твое здоровье, Дантесъ!

И онъ опять проглотилъ стаканъ вина. Дангларъ слѣдилъ за успѣхами его опьяненія и потомъ опять обратился къ Каталонцу.

— Ну, что? понимаете вы, что смерти не нужно? спросилъ онъ.

— Понимаю, но какимъ же образомъ засадить его?

— Какимъ образомъ! Понскавши, можно найти. Но.... кой чортъ, я мѣшаюсь въ ваше дѣло? Что мнѣ за надобность?

— Не знаю, есть ли вамъ надобность, возразилъ Фернандъ, схвативъ его за руку: но я вижу и знаю, что вы имѣете причину ненавидѣть Дантеса. Кто самъ ненавидитъ, тотъ не обманется насчетъ чувствованій другаго.

— Я? имѣю причину ненавидѣть Дантеса? Никакой! клянусь честью! Я увидѣлъ только, что вы несчастны; ваше горе возбудило во мнѣ участіе, вотъ и все. Но если вы думаете, что я дѣйствую до собственному побужденію и для себя, такъ прощайте, любезнѣйшій. Выпустывайтесь сами, какъ знаете.

Дангларъ всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте! вскричалъ Фернандъ удерживая его: какое мнѣ дѣло, ненавидите вы Дантеса или нѣтъ. Я ненавижу его, я... и я не таю этого. Найдите мнѣ средство и я исполню.... лишь бы не было убійства, вотому что, если убить Дантеса, Мерседесъ тоже лишитъ себя жизни.

— Убить Дантеса? вскричалъ Кадрусъ, поднявъ голову и посматривая мутными глазами то на Данглара, то на Каталонца: кто говоритъ, убить Дантеса!... Я не хочу.... я не позволю! Дантесъ сегодня предлагалъ мнѣ денегъ въ долгъ, такъ же какъ я ему одоужалъ прежде.... Я не хочу чтобы убили Дантеса!

— Кто же говоритъ объ убійствѣ, сумасшедшій! возразилъ Дангларъ: дѣло идетъ просто о шуткѣ. Пей за его здоровье и оставь насъ въ покоѣ.

— Да, да!.... за здоровье Дантеса! говорилъ Кадрусъ опоражнивая и опрокидывая стаканъ: за здоровье.... за... за....

— Какое же средство.... средство? спросилъ Фернандъ.

— А сами вы не нашли еще?

— Нѣтъ. Вы взялись.

— Правда. Французы пользуются этимъ преимуществомъ передъ Испанцами. Испанцы только обдумываютъ; изобрѣтаютъ Французы.

— Такъ изобрѣтайте же! вскричалъ Фернандъ съ терпѣніемъ.

— Мальчикъ! кликнулъ Дангларъ: перо, чернилъ и бумага!

— Это на что? спросилъ Фернандъ между-тѣмъ какъ мальчикъ исполнялъ приказаніе.

— А вотъ увидимъ, отвѣчалъ Дангларъ.

— Увидимъ! прибавилъ Кадрусъ, ударивъ кулакомъ по принесенному листу бумаги: когда помотришь.... да подумаешь... перо, чернила, да листъ бумаги!... Этими скорѣе убьешь чловѣка чѣмъ тогда, когда подстережешь его въ лѣсу или на большой дорогѣ. Я всегда боялся пера и чернилицы, больше нежели ножа или пистолета.

— Вишь, какъ пьяный-то разсуждаетъ! сказалъ Дангларъ: налейте ему еще, Фернандъ.

Фернандъ налилъ и Кадрусъ потянулся за стаканомъ.

— Ну, что же? спросилъ Каталонецъ, видя, какъ послѣдній разсудокъ портнаго тонетъ въ винѣ.

— Ну, вотъ, продолжалъ Дангларъ, положимъ напри- мѣръ, что Дантесъ воротился изъ путешествія, въ которомъ приставалъ сначала въ Неаполь, а потомъ на островѣ Эльбѣ, какъ оно и было, и положимъ, что на него до- несутъ королевскому прокурору какъ на бонапартиста.....

— Я донесу! вскричалъ молодой чловѣкъ.

— Да! но тогда васъ заставятъ подписать доносъ, васъ поставятъ на очую съ обвиненнымъ. Я, правда, могу снабдить васъ всѣми нужными доказательствами, однако жъ Дантесъ не вѣчно же останется въ темницѣ. Когда-нибудь его освободятъ и тогда—горе доносчику.

— О! мнѣ только и нужно! Пусть онъ схватится со мной!

— А Мерседесъ?

— Да.... правда.

— Нѣтъ, ужь если рѣшится на это, такъ лучше просто взять вотъ такое перо, обмакнуть въ чернила да и написать лѣвою рукой вотъ такой доносъ.

И Дангларъ, сопровождая правило примѣромъ, написалъ лѣвою рукой слѣдующія строки, которыя передалъ Фернанду, а тотъ вполголоса прочиталъ:

«Господинъ королевскій прокуроръ, черезъ преданнаго престолу и церкви друга, симъ извѣщается, что нѣкто Эдмонъ Дантесъ, штурманъ на купеческомъ кораблѣ Фа- раонѣ, прибывшемъ сегодня утромъ изъ Смирны черезъ Неаполь и Порто-Феррайю, имѣлъ порученіе отъ Мюрата

къ хищнику престола, а отъ того везетъ письмо къ обществу бонапартистовъ въ Парижѣ. Доказательства его преступленія можно найти при немъ или въ квартирѣ его отца или въ его каютѣ, на Фараонѣ».

— Вотъ такъ мщеніе будетъ имѣть какой-нибудь смыслъ и вы въ безопасности, сказалъ Дангларъ: дѣло пойдетъ само собою. Стоитъ только сложить это письмо, вотъ такъ, и надписать адресъ: «Господину королевскому прокурору» и дѣло кончено.

И Дангларъ шутя написалъ адресъ.

— Да, дѣло кончено! вскричалъ Кадрусъ всё-еще побѣждая свое опьяненіе: кончено!.... Только вѣдь это будетъ подлость.

Онъ потянулся за письмомъ, Дангларъ отодвинулъ.

— И, полно! сказала онъ: кто же говорить, что и сдѣлаютъ. Вѣдь я только пошутилъ! Я только говорю, что можно было бы сдѣлать, если бы Дантѣсъ былъ бонапартистъ. Но и въ такомъ случаѣ мнѣ первому было бы жалъ Дантѣса.... Онъ добрый, хорошій человѣкъ... Зато вотъ... видишь?.....

Онъ взялъ письмо, смялъ и бросилъ въ уголъ.

— Да, вотъ такъ-то!.... конечно.... Вѣдь Дантѣсъ мнѣ другъ. Я не хочу, чтобы ему сдѣлали зло.

— Помилуй! кто же дѣластъ ему зло? Ужъ, конечно, не я и ни Фернандъ, сказалъ Дангларъ, взглянувъ на молодого человѣка, котораго глаза были устремлены въ уголъ, на смятое письмо.

Потомъ Дангларъ не безъ труда уговорилъ Кадруса идти домой. Они пошли. Каталонецъ остался.

На другой день погода была прекрасная. Солнце взошло яено, великолѣпно. Свадебный пиръ Эдмона и Мерселесть готовился въ той же сельской рестораціи, гдѣ мы уже видѣли бесѣдку. Столъ былъ накрытъ въ большой обѣдальной комнатѣ, въ пять или шесть оконъ. Обѣдъ назначенъ былъ въ полдень, но съ одиннадцати часовъ передъ крыльцомъ уже прохаживалась толпа нетерпѣливыхъ и любовытныхъ. Это были матросы съ Фараона и вѣроятно солдатовъ, товарищей Дантѣса. Всѣ щеголяли въ лучшихъ своихъ праздничныхъ нарядахъ. Носился слухъ, что и

хозяйка Фараона будутъ на свадьбѣ у штурмана. Это такая честь, что никто почти не хотѣлъ вѣрить. Однако пришелъ Дангларъ съ Кадрусомъ и подтвердилъ извѣстіе. Вскорѣ потомъ прибылъ и самъ Морель. Это въ свою очередь подтвердило уже и слухъ, что Дантесъ будетъ капитаномъ Фараона. Матросы душевно обрадовались, потому что любили и уважали Дантеса. Они встрѣтили Мореля съ громкимъ ура. Потомъ прибыли женихъ и невѣста, и ея подруги, и старикъ Дантесъ, и другіе гости. Съ ними и Фернадъ. Встрѣтились, поздоровались и усѣлись за столъ. Все шло какъ слѣдуетъ, — сначала тихо, потомъ погромче, погромче и, наконецъ, очень громко, очень шумно. Говоръ, шутки, остроты и смѣхъ перекрещались съ поздравленіями и торжественными тостами. Дантесъ примѣтилъ, что исправляющіе должность распорядителей не очень исправны и надежны, и, какъ добрый хозяинъ, самъ помогалъ, гдѣ нужно. Мерседесъ видѣла только его, своего Эдмона, да еще повременамъ поглядывала на стѣнные часы съ кукушкой, потому что въ два часа назначено было идти къ меру горда Марсея для заключенія брачнаго договора, а оттуда въ церковь. Справляя все это въ одинъ день, Дантесъ грѣшилъ противъ обычая. Но ему нужно было на другой же день отправиться въ Парижъ и онъ спѣшилъ только упрочить за собою свое счастье. Насчетъ сокращенія пировъ онъ успокоилъ Кадруса и другихъ товарищей, которые рассчитывали, что приглашены на створъ или дѣвичникъ, а попали на свадьбу. Дантесъ обѣщаль задать другую пирушку по возвращеніи изъ Парижа. Кадрусъ былъ въ восхищеніи. Дангларъ наблюдалъ за Фернадомъ, который, несмотря на свое званіе дружки, вовсе не занимался своими обязанностями. Онъ то блѣднѣлъ, то багровѣлъ, поминутно поглядывалъ на дверь и при малѣйшемъ неожиданномъ шорохѣ вздрагивалъ. Морель бесѣдовалъ со старикомъ Дантесомъ.

— Пора, кажется, сказала наконецъ Мерседесъ, держа въ Эдмона за руку: вотъ уже безъ десяти минутъ два.

— Пора, пора! отвѣчалъ Дантесъ и съ живостью всталъ.

— Пора, пора! повторила вставая нѣкоторые гости.

Другіе еще не могли оторваться отъ своихъ стакановъ

или отъ бесѣды, въ которой слушали больше собственныхъ чѣмъ чужія рѣчи. Въ то же самое время послышался глухой шумъ подъ окнами. Дангларъ взглянулъ на Фернанда, тотъ вздрогнулъ и вскочилъ. Шумъ приблизился. На крыльцѣ зазвенѣли ружья. Пирующие вдругъ съ изумленіемъ притихли. Они не успѣли еще спросить себя, почему и на что обратили вниманіе, какъ послышались три удара въ дверь.

— Именемъ закона! вскричалъ громкій голосъ.

Никто не отвѣчалъ.

Дверь отворилась. Вошелъ комиссаръ. За нимъ сержантъ и четыре солдата съ ружьями. Изумленіе и безпокойство гостей превратились въ ужасъ.

— Что такое? что случилось? спросилъ негоціантъ Морель подходя къ комиссару, котораго зналъ лично: это, конечно, какое-нибудь недоразумѣніе?

— Если тутъ есть недоразумѣніе, такъ оно, конечно, скоро и объяснится, мосьё Морель, отвѣчалъ комиссаръ: между-тѣмъ я долженъ исполнить данный мнѣ приказъ. Кто изъ васъ, господа, Эдмонъ Дантѣсъ?

Всѣ глаза обратились на молодаго человѣка, который вздрогнулъ, однако жъ сохранилъ достоинство, выступилъ и сказалъ:

— Я, господиңъ комиссаръ: что вамъ угодно?

— Эдмонъ Дантѣсъ, продолжалъ тотъ, отъ имени закона, я арестую васъ.

— Арестуете? повторилъ Дантѣсъ, слегка поблѣднѣвъ: но за что же вы арестуете меня?

— Не знаю. На допросѣ, вѣроятно, вамъ скажутъ.

Морель понялъ, что въ такомъ положеніи дѣлать нечего. Комиссаръ на службѣ не человѣкъ: это — статуя закона, холодная, глухая, иѣмая. Но старикъ Дантѣсъ бросился къ чиновнику: Есть вещи, которыхъ матери и отцы ни какъ не могутъ понять. Старикъ просилъ, умолялъ, плакалъ: все напрасно. Однако жъ отчаяніе его тронуло комиссара.

— Успокойтесь, сказалъ онъ: можетъ-быть, вашъ сынъ забылъ исполнить какія-нибудь предписанія, таможенныя или карантинныя. Въ такомъ случаѣ бѣда не велика. Онъ отдастъ нужныя показанія и будетъ освобожденъ.

— Что это значить? грозно спросилъ Кадрусъ Дангларъ, который разъигрывалъ удивленнаго.

— Почему я знаю? отвѣчалъ Дангларъ: я такъ же какъ ты, вижу, что дѣлается, не понимаю и удивляюсь.

Кадрусъ искалъ глазами Фернанда. Его уже не было. Тогда вся сцена, происходившая наканунѣ, въ бесѣдкѣ, съ ужасающею ясностью обновилась въ памяти портнаго.

— О! о! вскричалъ онъ хриплымъ, глухимъ голосомъ: это ужъ не та ли шутка, о которой ты вчера говорилъ, Дангларъ? Но, горе шутникамъ! Это плохая шутка!

— То была шутка и осталась шуткой, возразилъ Дангларъ: вѣдь ты знаешь, что я разорвалъ бумагу....

— Нѣтъ, ты не разорвалъ! ты просто смалъ и бросилъ въ уголь.

— Молчи, ты ничего не знаешь.... ты былъ пьянъ.

— Гдѣ Фернандъ? спросилъ Кадрусъ.

— Не знаю. Вышелъ, вѣрно.

Между-тѣмъ Дантесъ пожалъ руки друзьямъ, успокоивъ поцѣловалъ въ лобъ невѣсту и вышелъ окруженный дождемъ. Передъ крыльцомъ стояла карета. Дантеса посадили. Потомъ сѣлъ комиссаръ и двое солдатъ. Дверцы заперлись и карета покатила въ Марсель.

— До свиданія, Мерседесъ! кликнулъ еще разъ Дантесъ, махнувъ рукой въ окошко.

Но Мерседесъ уже не слышала. Она сидѣла въ углу и плакала.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ Морель: я съѣзжу въ городъ, узнаю, что это такое, и привезу вамъ вѣсть.

— Побѣжайте! побѣжайте! вскричали всѣ въ одинъ голосъ: да возвращайтесь по-скорѣе.

Когда Морель уѣхалъ, между оставшимися воцарилось время мертвое молчаніе оцѣпенѣнія. Старикъ Дантесъ и Мерседесъ уединились каждый въ свое собственное горло. Но наконецъ глаза ихъ встрѣтились. Они узнали другъ друга, какъ двѣ жертвы, пораженные однимъ ударомъ, и упали въ объятія. Потомъ вошелъ Фернандъ. Онъ взялъ себѣ стаканъ вина, выпилъ и сѣлъ. По случаю упалъ на стулъ, который стоялъ подлѣ Мерседесъ. Стулъ вздрогнулъ и отодвинулся.

И. КХИ. — Огл. И.

— Это онъ! сказалъ Данглару Кадрусъ, который не спускалъ глазъ съ Каталонца.

— Не думаю, отвѣчалъ Дангляръ: онъ слишкомъ глупъ. А можетъ-быть и онъ. Во всякомъ случаѣ грѣхъ падаетъ на того, кто его совершилъ.

— Ты не говоришь о томъ, кто присовѣтовалъ? спросилъ Кадрусъ.

— И! Боже мой! если отвѣчать за все, что скажешь на вѣтеръ....

— Да! и что съ вѣтру упадаетъ остреемъ внизъ!

Между-тѣмъ гости раздѣлялись на группы и старались объяснить происшествіе.

— А вы, Дангляръ, какъ думаете? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Я? я думаю, онъ, бѣдняжка, провезъ какую-нибудь контрабанду.

— Но въ такомъ случаѣ и вы должны знать, Дангляръ. Вѣдь вы приказчикъ и были на томъ же кораблѣ.

— Я на кораблѣ знаю только свое дѣло. Мое дѣло принять товары и беречь до сдачи. Я знаю, что мы нагружались хлопчатой бумагой; въ Александріи приняли товаръ отъ Пастрета, въ Смирнѣ отъ Паскаля. Больше я ничего не знаю.

Прошло часа два.

— Ёдетъ! ёдетъ! Морель ёдетъ! вскричалъ вдругъ кто-то.

Мерседесъ и старикъ Дантесъ пошли встрѣчать негоціанта на крыльцѣ. Морель былъ очень блѣдень.

— Ну, что? вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Ничего не могъ сдѣлать, друзья мои, отвѣчалъ Морель, печально опустивъ голову: дѣло опаснѣе нежели мы думали.

— О! мосьё Морель, вѣдь онъ невиненъ! вскричала Мерседесъ.

— И я думаю, но его обвиняютъ.

— Въ чемъ же, въ чемъ?

— Въ томъ, будто онъ агентъ бонапартистовъ.

Мерседесъ вскрикнула, окружающіе попятились.

Въ то время, во Франціи, быть бонапартистомъ значило

быть величайшимъ политическимъ преступникомъ, которому грозила смерть или вѣчное заточеніе.

— Ты обманулъ меня, Дангларъ, шепталъ Кадрусъ, отвѣдая пріятеля всторону: шутка твоя сыграна вполне. Но я не хочу, чтобы этотъ почтенный старикъ и бѣдная дѣвушка умерли съ горя. Я сейчасъ все открою.

— Молчи, несчастный! вскричалъ Дангларъ, схвативъ Кадруса за руку: молчи! или я не поручусь я за тебя. Почему ты знаешь, что Дантѣсъ не въ самомъ дѣлѣ бонапартистъ? Онъ приставалъ на Эльбѣ и цѣлый день пробылъ въ Порто-Феррайо. Если у него найдутъ какія-нибудь бумаги, если его уличатъ, то всякій, кто за него вступится, будетъ обвиненъ какъ сообщникъ.

Эгонъ тотчасъ раскрылъ Кадрусу всю основательность этого разсужденія. Онъ посмотрѣлъ на Данглара глазами, блуждающими отъ ужасу и страданія, и вмѣсто одного шагу впередъ ступилъ два назадъ.

— Такъ подождемъ, что будетъ, проговорилъ онъ съ трудомъ.

— Подождемъ, прибавилъ Дангларъ: если Дантѣсъ виновенъ, его освободятъ; если виновенъ, такъ бесполезно вступаться за бунтовщика.

— Выйдемъ отсюда.... я не могу долѣе оставаться.

— Пойдемъ. Намъ здѣсь нечего дѣлать.

Они ушли. Фернандъ сдѣлавшись опять единственною опорой бѣдной Мерседесъ, ввѣлъ ее подъ руку и повелъ домой. Эдмоновы друзья проводили старика Дантѣса, который едва держался на ногахъ. Скоро молва о задержаніи молодого штурмана разнеслась по всему Марселю.

Между-тѣмъ Дантѣсъ уже былъ въ кабинетѣ королевскаго прокурора.

— Кто вы? какъ васъ зовутъ? спросилъ исправляющій должность королевскаго прокурора, Жераръ де-Вильфоръ, когда привели къ нему обвиненнаго въ сообществѣ съ бонапартистами.

— Имя мое — Эдмонъ Дантѣсъ, отвѣчалъ молодой чело-вѣкъ спокойно глядя на мрачное и грозное лицо судьи: я штурманъ на купеческомъ кораблѣ Фараонѣ, который принадлежит негодіанту Морелю съ сыномъ.

*

— Вашъ возрастъ?

— Двадцать лѣтъ.

— Что вы дѣлали въ ту минуту, когда васъ задержали?

— Я былъ на дѣвичникѣ у моей невѣсты, отвѣчалъ Дантесъ слегка задрожавшимъ голосомъ.

Противоположность той минуты радости и грозной сцены суда была слишкомъ рѣзка, такъ рѣзка какъ противоположность мрачнаго, холоднаго лица королевскаго прокурора и свѣтлаго, счастливаго лица невѣсты.

— На дѣвичникѣ у своей невѣсты? повторилъ прокуроръ и сердце его невольно вздрогнуло.

— Да, я женюсь на дѣвушкѣ, которую уже три года люблю.

Хотя Вильфоръ былъ человѣкъ, что называется безстрастный, — если не называть страстью чрезмѣрное честолюбие, — однако жъ его поразило сходство положенія подсудимаго съ его собственнымъ положеніемъ. Задрожавшій голосъ Дантеса, захваченнаго посреди счастья, напелъ отголосокъ въ его душѣ. И онъ тоже собирался жениться, онъ тоже былъ счастливъ, и его счастье нарушили, затѣмъ чтобы содѣйствовать къ уничтоженію радости человѣка, который подобно ему уже достигалъ цѣли сердечныхъ желаній. Его самого отозвали для допросу въ ту самую минуту, когда сидѣлъ за столомъ, на дѣвичникѣ у своей невѣсты. «Это философическое сближеніе, думалъ онъ, будетъ очень эффектно, когда я ворочусь въ гостиницу маркиза де-Сенъ-Мерана». И онъ сталъ обдумывать планъ ораторской рѣчи, съ антитезами, риторическими фигурами и звучными фразами, которыми надѣялся собрать дань рукоплесканій. Вильфоръ былъ краснорѣчивъ и любилъ торжествовать своимъ краснорѣчіемъ. Тщеславная мысль его о новомъ случаѣ показать себя, произвела нѣкоторую остановку въ допросѣ.

— Продолжайте! сказалъ онъ спохватившись.

— Что прикажете продолжать? простодушно спросилъ Дантесъ.

— Правосудіе требуетъ отчетливаго показанія.

— Потрудитесь объяснить мнѣ, о чемъ я долженъ дать правосудію показаніе и я скажу все, что знаю. Только, при-

бавляя оны съ улыбкой, предупреждаю васъ, я не много знаю.

— Вы служили у похитителя?

— Меня записали-было въ военную морскую службу въ ту самую минуту, когда оны палъ.

— Говорять, ваши политическія мнѣнія неумѣренны.

— Мои политическія мнѣнія? Ахъ, Боже мой!... я.... стыдно сказать.... я до-сихъ-поръ еще вовсе не имѣлъ ни какого политическаго мнѣнія. Мнѣ едва минуло двадцать лѣтъ; я ничего не значу; мнѣ не предстоитъ играть никакой роли; всѣ планы моего честолюбія ограничиваются мѣстомъ на купеческомъ кораблѣ у Мореля, которому я обязанъ всѣмъ, что имѣю въ настоящемъ и будущемъ. Такимъ образомъ всѣ мои мнѣнія, не политическія, а частныя, заключаются въ трехъ чувствахъ: я люблю моего отца, уважаю мосьё Мореля и обожаю Мерседесъ. Вотъ все, что я могу показать правосудію. Вы видите, что это очень мало интересно для него.

По мѣрѣ того какъ Дантесъ говорилъ, Вильфоръ, глядя на его открытое, благородное и кроткое лицо, вспоминая о словахъ Ренаты де-Сенъ-Меранъ, своей невѣсты, которая, отпуская его на допросъ неизвѣстнаго еще преступника, ради любви своей, ради торжественнаго дня, молила быть снисходительнымъ, милосерднымъ. Оны вспоминалъ, что прощаясь съ невѣстою далъ себѣ слово на этотъ разъ, для любви, пожертвовать даже самымъ рѣдкимъ средствомъ употребить свое побѣдительное краснорѣчіе и удовлетворить самолюбіе. Впрочемъ, сдержать это слово и исполнить просьбу было не трудно. По привычкѣ видѣть преступленія и преступниковъ, Вильфоръ, въ каждомъ словѣ Дантеса открывалъ доказательство невинности. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ молодой человекъ, почти мальчикъ, простодушный, откровенный, краснорѣчивый, — тѣмъ краснорѣчіемъ сердца, котораго никогда не найдешь, если станешь искать, — исполненный любви ко всѣмъ, потому что былъ счастливъ, распространялъ нѣжныя чувства своего сердца даже на своего судью. Несмотря на суровую строгость Вильфора, Эмонъ говорилъ безъ робости, а веселу-тѣмъ кротко и съ какою-то нѣжною лаской въ каж-

дошъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи и въ каждомъ звукѣ голоса.

— Вы знаете, у васъ есть враги? спросялъ прекуроръ.

— Враги? съ удивленіемъ возразилъ Давтѣсъ: мое положеніе такъ незначительно, что, я думаю, у меня не можетъ быть враговъ-завистниковъ. Чтò жъ касается до моего праву, можетъ-быть, немножко горячаго, то я всегда старался смягчать его въ сношеніяхъ съ подчиненными. У меня подѣ командою двѣнадцать человѣкъ матросовъ. Не угодно ли спросить у нихъ: они вамъ скажутъ, что любятъ и уважаютъ меня, не какъ отца, — на это я слишкомъ молодъ, — а какъ старшаго брата.

— Но, можетъ-быть, завистники всё-таки есть. Вы назначены въ капитаны. Это—мѣсто довольно значительное въ вашемъ состояніи и особенно въ ваши лѣта. Вы женитесь на хорошенькой дѣвушкѣ, которая любитъ васъ, это—счастіе довольно рѣдкое во всѣхъ состояніяхъ. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ довольно поводовъ къ зависти.

— Да, вы правду говорите, и вы, конечно, лучше меня знаете людей. Но эти завистники у меня должны быть въ числѣ моихъ пріятелей и я признаюсь вамъ, что лучше желаю не знать ихъ, чтобы не быть вынужденнымъ ненавидѣть.

— Напрасно! Человѣкъ долженъ по возможности стараться видѣть ясно вокругъ себя. Вы, какъ мнѣ кажется, достойный молодой человѣкъ. Чтобы помочь вамъ найти объясненіе, я готовъ даже уклониться отъ обыкновенныхъ правилъ судебного слѣдствія. Я сообщу вамъ доносъ, по которому вы приведены сюда. Вотъ онъ. Узнаете вы этотъ почеркъ?

Давтѣсъ прочелъ поданную записку и лицо его омрачилось.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: я не знаю этой руки. Это какая-то необыкновенная. Видно стараніе скрыть настоящій почеркъ. Однако жъ рука бойкая. Я очень счастливъ, прибавилъ онъ, съ признательностью взглянувъ на Вилфора: я очень счастливъ, что имѣю дѣло съ такимъ добрымъ человѣкомъ какъ вы, господинъ прекуроръ, потому что мой завистникъ—настоящій и злой врагъ.

Но молнія, которая сверкнула въ глазахъ молодаго человека, Вильеръ увидѣлъ всю пылкость и всю могучесть, которые срывались подъ первымъ протестомъ.

— Теперь, продолжалъ прокуроръ, отвѣчайте мнѣ откровенно, не какъ подсудимый своему суду, а какъ человѣкъ поставленный въ затруднительное положеніе отвѣчать человеку, который принимаетъ въ немъ участіе. Что тутъ справедливо, въ этомъ безымянномъ доносѣ?

Вильеръ съ отвращеніемъ бросилъ записку на столъ.

— Все и ничего, господинъ прокуроръ, отвѣчалъ Дантесъ: клянусь честью моряка, клянусь моею любовью къ Мерседесъ и жизнью моего отца, я скажу вамъ всю правду.

— Говорите.

— По отъѣздѣ изъ Неаполя капитанъ Леклеркъ вдругъ заболѣлъ. У него сдѣлалось воспаленіе въ мозгу. Лекарей на купеческихъ корабляхъ не бываетъ, а останавливаться капитанъ нигдѣ не хотѣлъ, потому что спѣшилъ на Эльбу. Однако болѣзнь его такъ усилилась, что на третій день онъ призывалъ меня и сказалъ: «Любезный Дантесъ, поклонитесь мнѣ честью исполнить все, что я вамъ накажу. Дѣло очень важное.»—Клянусь, капитанъ, отвѣчалъ я. — «Слушайте же, продолжалъ онъ: по смерти моей, начальство надъ судномъ естественно перейдетъ къ вамъ, какъ къ штурману и старшему послѣ меня. Идите на островъ Эльбу, пристаньте въ Порто-Феррайо, спросите великаго маршала и отдайте ему этотъ пакетъ. Можетъ-быть вамъ дадутъ тамъ другое порученіе. Исполните его свято, Дантесъ. Мнѣ слѣдовало, но, вы видите, я умираю. Вотъ перстень, который вамъ стѣбитъ только показать и вѣсь нустать къ маршалу.» Съ этими словами онъ вручилъ мнѣ золотой перстень съ какимъ-то камнемъ. Черезъ два часа онъ уже былъ безъ памяти, а на другой день умеръ.

— Что жъ вы сдѣлали потомъ?

— Что сдѣлалъ бы всякій на моемъ мѣстѣ. Просьба умирающаго всегда священна, а умирающій капитанъ Леклеркъ былъ сверхъ-того мой начальникъ. Я продолжалъ путь на Эльбу, куда прибылъ на другой же день; приказалъ всему экипажу оставаться на кораблѣ и одинъ со-

шелъ на берегъ. Маршалъ тотчасъ принялъ меня, разспрашивалъ объ обстоятельствахъ смерти капитана Леклерка, потомъ далъ письмо, которое наказалъ лично отдать по адресу, въ Парижѣ. Я взялся, потому что такова была послѣдняя воля моего капитана. Вчера я воротился въ Марсель, на-скоро справилъ всѣ дѣла и приготовился сыграть свадьбу, чтобы потомъ съѣздить въ Парижъ. Тутъ меня арестовали.

— Да, да, все это, кажется, истина, сказалъ Вильфортъ: и если вы виновны, такъ виновны только въ неосторожности, но и въ неосторожности этой васъ оправдываетъ приказаніе умирающаго капитана. Дайте мнѣ слово, что являетесь по первому требованію и ступайте къ вашимъ друзьямъ, къ вашей невѣстѣ.

«Если бы меня теперь видѣла Рената! прибавилъ прокуроръ мысленно: она была бы въ восторгѣ.»

— Такъ я свободенъ! вскричалъ Дантесъ.

— Да; только отдайте мнѣ письмо.

— Оно должно быть у васъ здѣсь, господинъ прокуроръ: вотъ, кажется, мои бумаги, забранныя въ каютѣ. Тутъ и письмо должно находиться.

Дантесъ поклонился и хотѣлъ идти.

— Погодите, сказалъ прокуроръ, погодите; кому было адресовано письмо?

— Господину Ноартіе, въ улицѣ Кокгеронъ, номеръ 13. Громъ не поразилъ бы Вильфора сильнѣе и неожиданнѣе этихъ словъ. Онъ опрокинулся на стулъ, потому что свалилъ связку бумагъ, поспѣшно перерылъ ихъ и досталъ роковое письмо.

— Господину Ноартіе, въ улицѣ Кокгеронъ, номеръ 13! повторялъ онъ блѣднѣе болѣе и болѣе.

— Точно такъ, отвѣчалъ взумленный Дантесъ: вы знаете его!

— Нѣтъ, съ живостью возразилъ Вильфортъ: вѣрный государевъ слуга не знается съ заговорщиками.

— Развѣ тутъ дѣло идетъ о заговорѣ? спросилъ Дантесъ, который послѣ радости, что освободился, начиналъ приходить въ настоящій ужасъ, больше прежняго: но.... во всякомъ случаѣ, господинъ прокуроръ.... я вамъ уже

сказалъ, что мнѣ вовсе не извѣстно содержаніе бумагъ, которыя мнѣ поручали.

— Да, возразилъ Вильфоръ глухимъ голосомъ, однако вы знаете имя того, кому адресовано это письмо.

— Оно написано на конвертѣ. Иначе я не зналъ бы, кому отдать.

— И вы никому не показывали этого письма? спросилъ прокуроръ читая и безпрестанно измѣняясь въ лицѣ.

— Никому; увѣряю васъ честью.

— Никто, кромѣ васъ не знаетъ, что у васъ было письмо къ господину Ноартиѣ?

— Никто; я одинъ.

— И этого..... в этого уже слишкомъ много, прошепталъ Вильфоръ.

Лицо его болѣе и болѣе омрачалось, по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ концу письма. Губы побѣлѣли, руки дрожали, разгорѣвшіеся глаза пугали Дантеса. Дочитавъ письмо, Вильфоръ опустилъ голову на руки и нѣсколько времени оставался неподвиженъ.

— Боже мой! что съ вами? робко спросилъ Дантесъ.

Вильфоръ не отвѣчалъ, но черезъ минуту поднялъ блѣдное лицо и еще разъ прочиталъ письмо.

— Вы говорите, что вы не знаете содержанія этого письма? продолжалъ прокуроръ.

— Клянусь честью, не знаю! отвѣчалъ Дантесъ: но что съ вами? вамъ, кажется, дурно? Не позвонить ли? не позвать ли людей?

— Нѣтъ, сударь, вскричалъ Вильфоръ, съ живостью вскочивъ: не трогайтесь съ мѣста, не говорите ни слова. Здѣсь я даю приказанія, а не вы.

— Извините, сказалъ Дантесъ, оскорбленный: я для васъ хотѣлъ позвать на помощь. Извините.

— Мнѣ ничего не нужно. Это минутная дурнота. Думайте о себѣ, а не обо мнѣ. Отвѣчайте.

Дантесъ ждалъ вопросу, на который бы можно было отвѣчать, но напрасно. Вильфоръ опять опрокинулся на стулъ, провелъ холодною рукой по лбу, на которомъ потъ выступилъ градомъ, и въ третій разъ принялся читать письмо.

— О! если онъ знаетъ, что заключается въ этомъ пись-

мѣ! думалъ онъ: и если онъ современемъ узнаеть, что Нортіе—отець Вильфора, я погибъ, погибъ навсегда!

— И онъ отъ времени до времени взглядывалъ на Дантеса, какъ-будто хотѣлъ врасплохъ проникнуть въ тайники его души.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ вдругъ: нечего колебаться: другого средства нѣтъ!

— Но.... ради Бога, господинъ прокуроръ! вскричалъ несчастный молодой человѣкъ: если вы сомнѣваетесь во мнѣ, допросите меня, я готовъ отвѣчать.

Вильфоръ сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы казаться твердымъ, и продолжалъ:

— Дѣло ваше, мосьё Дантесъ, гораздо важнѣе нежели я сначала полагалъ. Я вижу, что не имѣю права освободить васъ теперь же, какъ хотѣлъ-было. Я долженъ напередъ посоветоваться съ товарищами и повести дѣло установленнымъ порядкомъ. Между-тѣмъ, вы видѣли, какъ я поступалъ съ вами.

— О! да, да! благодарю васъ! Вы были для меня болѣе отцомъ нежели судьей, вскричалъ Дантесъ.

— Вотъ видите! продолжалъ прокуроръ: теперь я долженъ задержать васъ еще на нѣсколько времени.... остаюсь недолго.... Главная улика противъ васъ это письмо, и.... смотрите.....

Вильфоръ подошелъ къ камину, бросилъ письмо въ огонь и подождалъ, пока оно превратилось въ пепель.

— Смотрите, я уничтожаю его.

— О! вскричалъ Дантесъ: вы болѣе нежели милосердный и справедливый судья: вы великодушный другъ и благодѣтель мой.

— Но, выслушайте, продолжалъ Вильфоръ: послѣ такого поступка вы, конечно, можете положиться на меня!

— О, безъ-сомнѣнія! Приказывайте, я повинуюсь вамъ во всемъ безусловно.

— Нѣтъ, возразилъ Вильфоръ подошедши къ молодому человѣку: я не приказывать хочу, я хочу дать вамъ только совѣтъ.

— Говорите и я исполню вашъ совѣтъ какъ приказаніе.

— Вы до вечера присидите здѣсь, въ нашей арестант-

ской. Можетъ-быть, другой кто-нибудь придетъ допрашивать васъ. Скажите все, что сказали мнѣ, но ни слова объ этомъ письмѣ.

— Назовьте, я ни слова не скажу.

— Вы понимаете, продолжалъ прокуроръ, взглянувъ на бумажный пепелъ, который еще леталъ около пламени: вы понимаете, что теперь, когда это письмо уничтожено, ни я не могу, ни вы уже не должны вспоминать объ немъ. Такъ молчите же; смѣло закройте, что знали объ немъ, и вы спасены.

— Я не видалъ и ничего не знаю о письмѣ, будьте спокойны.

— Хорошо, сказалъ Вильфоръ и протянулъ руку къ колокольчику, потомъ остановился и прибавилъ: у васъ только одно это письмо было?

— Только одно это.

— Покланитесь.

— Клянусь Богомъ! сказалъ Дантесъ поднявъ руку.

Колокольчикъ зазвенѣлъ. Вошелъ полицейскій комиссаръ. Вильфоръ сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо. Тотъ кивнулъ головой.

— Ступайте, сказалъ Вильфоръ Дантесу.

Молодой человекъ поклонился, бросилъ еще признательный взглядъ на судью и вышелъ съ комиссаромъ. Едва дверь затворилась за ними, какъ силы оставили Вильфора: онъ почти безъ чувствъ упалъ на стулъ.

— Боже мой! сказалъ онъ потомъ: отчего зависить жизнь и счастье. Если бы самъ прокуроръ былъ въ Марсели или если бы вмѣсто меня, исправляющаго должность прокурора, призвали слѣдственнаго пристава, я погибъ бы: это письмо..... это проклятое письмо низвергло бы меня въ бездну! Отецъ! отецъ мой! неужели ты всегда будешь помѣхою моему счастью? неужели я вѣчно долженъ бороться съ твоимъ прошедшимъ?

Потомъ вдругъ неожиданный свѣтъ, казалось, мелькнулъ въ его умѣ и озарилъ лицо. На искривленныхъ губахъ обрисовалась улыбка; блуждающіе глаза остановились на опредѣленной мысли.

Да! да! вскричалъ онъ: это письмо не погубить меня, но

еще, можетъ-быть, составить мое счастье. За дѣло, Вильфоръ! за дѣло! Не дремли.

Прокуроръ внимательно и скоро перебралъ Дантесовы бумаги и, убѣдившись, что въ нихъ нѣтъ ничего важнаго, взялъ шляпу и уѣхалъ въ домъ своей невѣсты.

Между-тѣмъ полицейскій комиссаръ и двое жандармовъ вели Дантеса по длиннымъ темнымъ корридорамъ, въ которыхъ дрожь беретъ даже тѣхъ, кто не имѣетъ ни какой причины содрогаться. Посредствомъ этихъ корридоровъ марсельскія судебныя палаты сообщаются съ городскою тюрьмой. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы и многихъ изворотовъ, арестантъ съ конвоемъ остановился передъ желѣзною дверью. Комиссаръ три раза стукнулъ и этотъ стукъ прозвучалъ для Дантеса такъ, какъ-будто колотили по его сердцу. Дверь отворилась. Жандармы тихонько втокнули арестанта, который не рѣшался войти. Но вотъ онъ переступилъ за ужасный порогъ и дверь съ звономъ затворилась за нимъ. Онъ уже дышалъ другимъ воздухомъ, затхлымъ, душнымъ воздухомъ темницы.

Его ввели въ комнату съ желѣзными затворами и рѣшетками, но довольно чистую. Изъ этого послѣдовало, что видъ комнаты не испугалъ его. Притомъ слова исправляющаго должность королевскаго прокурора, произнесенныя съ участіемъ и состраданіемъ, звучали для Дантеса сладкимъ обѣщаніемъ надежды. Было уже четыре часа в первое число марта. День склонялся быстро. Потемнѣло. Тогда органъ слуху у арестанта усилился насчетъ органа зрѣнія, оставленнаго въ бездѣйствіи. При малѣйшемъ звукѣ или шорохѣ въ корридорѣ, Дантесъ съ живостью вскакивалъ и подбѣгалъ къ двери въ увѣренности, что идутъ освободить его. Но дверь не отворялась и несчастный опять падалъ на свою скамью.

Наконецъ, около десяти часовъ вечера, когда Дантесъ уже начиналъ терять надежду, послышался новый шумъ, раздались въ корридорѣ шаги, которые приближались къ его двери. Ключъ загремѣлъ въ большомъ замкѣ, тяжелая дверь отворилась и мрачная комната озарилась багровымъ свѣтомъ двухъ факеловъ. Передъ Дантесомъ заблестѣли сабли и мушкетоны четырехъ жандармовъ. Онъ оторопѣлъ.

— Вы за мною пришли? спросилъ онъ.

— Да.

— Прокуроръ прислалъ?

— Вѣроятно.

— Хорошо. Къ нему я готовъ идти.

Убѣжденіе, что его ведутъ къ Вильфору, уничтожило всякій страхъ у несчастнаго молодого человѣка. Онъ шелъ спокойно, твердо и самъ занялъ свое мѣсто между жандармами. Его вывели на дворъ и посадилъ въ карету. Онъ всё-еще думалъ, что его везутъ къ Вильфору. Ночь была темная и сквозь узкое рѣшетчатое окно трудно было разсмотрѣть улицы. Однако жъ черезъ нѣсколько минутъ Дантесъ примѣтилъ, что приближается къ гавани. Наконецъ карета остановилась у гауптвахты. Сидѣвшій съ Дантесомъ въ каретѣ полицейскій чиновникъ вышелъ, сказалъ нѣсколько словъ дежурному, потомъ воротился и приказалъ вести арестанта. Когда Дантеса съ надлежащими предосторожностями выпроводили изъ кареты, онъ увидѣлъ что весь гаванскій караулъ, человѣкъ двѣнадцать, выстроился въ двѣ шеренги отъ кареты до нижней ступени пристани. Онъ изумился, что противъ него выставляютъ столько вооруженной силы. Солдаты въ свою очередь смотрѣли на него съ любопытствомъ и осторожностью. Въ одну минуту его усадили въ лодку, всё съ тѣми же четырьмя жандармами и полицейскимъ комиссаромъ. Лодка отвалила и четверо сильныхъ гребцовъ принялись подвигать ее къ устью гавани. На условный сигналъ съ лодки, цѣпь, запирающая гавань, опустилась и лодка выплыла въ открытый заливъ. Почувствовавъ это, арестантъ обрадовался. Воздухъ—почти свобода. Дантесъ полною грудью вдыхалъ живительныя эфирныя волны, напитанныя неопредѣлимымъ и невѣдомымъ запахомъ ночи и моря. Скоро однако жъ онъ вздохнулъ. Онъ плылъ мимо подгородныхъ дачъ, на которыхъ во многихъ мѣстахъ свѣтились огоньки. А на одной яркій свѣтъ лился изъ цѣлаго ряда оконъ и гремѣла бальная музыка. Лодка между-тѣмъ продолжала путь. Гребцы работали неутомимо; жандармы не спускали глазъ съ арестанта. Вотъ поровнилась съ маякомъ и стала огибать его.

— Но куда же вы везете меня? съ удивленіемъ спросилъ Дантесъ.

Нѣтъ отвѣту. Несчастный повторилъ вопросъ разьдесять.

— Узнаешь самъ, погоди, отвѣчалъ наконецъ одинъ жандармъ.

— Но скажите же!

— Не приказано говорить.

Дантесъ былъ полусолдатъ. Разспрашивать людей, которымъ начальство запретило отвѣчать, показалось ему безразсуднымъ. Онъ замолчалъ.

Но зато въ умѣ его замелькали самыя странныя и тревожныя мысли. Далеко плыть въ такой лодкѣ было нельзя; кораблей въ той сторонѣ, куда ѣхали, не было. Дантесъ подумалъ, что его хотятъ высадить гдѣ-нибудь подальше на берегъ и сказать ему, что онъ свободенъ. Его не связали, не сковали. Это былъ уже добрый знакъ. Притомъ Вильфоръ былъ такъ добръ и ласковъ къ нему: вѣдь онъ сказалъ, что стѣнитъ только не называть имени Ноартиё, такъ и опасаться нечего. Вѣдь онъ собственноручно уничтожилъ опасное письмо, единственную улику. Дантесъ ждалъ и молчалъ и только опытнымъ глазомъ моряка старался проникнуть пространство и мракъ ночи. Вотъ миновали островъ Ратондъ и другой маякъ. Вотъ поравнялись съ Каталонскою Губой. Тутъ арестантъ напрягъ всѣ силы своего зрѣнія. Тутъ жила Мерседесъ и ему поминутно казалось, будто на темномъ берегу мелькаетъ неопредѣленная тѣнь женщины. Вотъ проѣхали мимо рестораціи дяди Панфила, гдѣ Дантесъ нѣсколько часовъ назадъ былъ счастливъ. Теперь и тамъ темно. Во всей каталонской деревнѣ свѣтился только одинъ огонёкъ. По положенію его Дантесъ опредѣлилъ, что это въ хижинѣ его невѣсты. Мерседесъ одна не спала. Крикнувъ по-громче, онъ могъ бы подать вѣсть о себѣ. Мерседесъ узнала бы его голосъ. Но стыдъ остановилъ. Что скажутъ люди, которые везутъ его, если онъ закричитъ какъ безумный. Онъ только вздохнулъ и молча продолжалъ смотрѣть на огонёкъ. Скоро и огонёкъ исчезъ. Дантесъ оглянулся и примѣтилъ, что шлюбка идетъ въ открытое море. Гребцы замѣнили весла парусомъ и шли по вѣтру. Дантесъ не

могъ долѣе выдержать неизвѣстности. Онъ схватилъ одного жандарма за руку, увѣрялъ въ своей невинности и заклиналъ всѣмъ на свѣтѣ, чтобы сказали только, куда везутъ. Отвѣтъ былъ всё тотъ же: «Не приказано говорить.»

Дантѣсъ съ отчаяніемъ оглянулся и устремилъ глаза по тому направленію, куда плыла шлюпка. И вотъ передъ нимъ возникла изъ темныхъ волнъ черная крутая скала, а на ней, какъ-будто продолженіе остроугольнаго кремня, мрачный неприступный замокъ Ифъ. Дикій видъ темницы, вокругъ которой царствуетъ ужасъ и которая втеченіи трехъ сотъ лѣтъ распространяетъ по Марселю страшныя преданія, неожиданно явившись, произвелъ на Дантѣса такое же впечатлѣніе, какое плаха и топоръ могутъ произвести на осужденнаго.

— Боже мой!.... замокъ Ифъ! вскричалъ онъ: зачѣмъ же мы туда ѣдемъ? Неужели меня посадятъ въ замокъ Ифъ? Но вѣдь тутъ содержатся важные государственные преступники! Я не сдѣлалъ никакого преступленія. Зачѣмъ же меня хотятъ посадить въ эту ужасную темницу?... И безъ всякаго суда!.... безъ слѣдствія!.... и несмотря на обѣщаніе прокурора! Скажите, ради Бога! продолжалъ онъ обращаясь къ жандармамъ: что сказалъ мосье де-Вильфоръ? По чьему приказанію вы везете меня?

Отвѣту не было.

Дантѣсъ опустилъ руки и голову.

— Стой! что ты дѣлаешь? вскричали вдругъ жандармы и схватили арестанта въ ту самую минуту, когда онъ, немовѣрно быстро вскочивши, стоялъ уже одной ногой на борту.

Его опрокинули. Онъ упалъ на дно лодки и застоналъ отъ бѣшенства.

— Видишь, какой ловкій! вскричалъ одинъ изъ жандармовъ, приставивъ ему дуло карабина къ виску, между тѣмъ какъ другіе держали за руки и за ноги: если ты, любезнѣйшій, вздумаешь еще пошевелинуться, только пошевелишься! я застрѣлю тебя какъ собаку. Вѣдь мы отъѣчаемъ за живаго, а убить, такъ и чортъ съ нимъ, скажутъ.

На мнунту Дантёсу хотѣлось сдѣлать это запрещенное движеніе, чтобы разомъ копчить и жизнь и неожиданное несчастіе, которое вдругъ захватило его коршуновыми когтями. Но несчастіе было слишкомъ неожиданно и потому именно Дантёсъ думалъ, что оно не можетъ продолжиться. Потомъ онъ вспомнилъ обѣщанія Вильфора. Потомъ и смерть во мракѣ, отъ руки жандарма, показалась ему гадкою. Онъ заплакалъ и сталъ грызть кулаки отъ ярости. Въ ту же самую мнунту шляпка дрогнула отъ сильнаго толчка. Гребцы засуетились. Дантёсъ понялъ, что причаливаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, жандармы принудили его встать, выгнали на берегъ и повели по лѣстницѣ, къ воротамъ крѣпости. Онъ уже не сопротивлялся. Руки и ноги его ослабѣли. Въ глазахъ помутилось. Онъ машинально передвигалъ ноги по ступенямъ, потомъ подъ мрачнымъ длиннымъ сводомъ, подъ которымъ тускло горѣлъ одинъ фонарь и глухо отдавались тяжелые шаги жандармовъ и звонъ оружія. Потомъ остановились на небольшомъ четверугольномъ дворѣ. Кругомъ все безмолвно и мрачно. Только отдаются мѣрные шаги часовыхъ, да отъ времени до времени брякнетъ ружье. Прождали минутъ десять. Потомъ кто-то подошелъ и спросилъ:

— Гдѣ арестантъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ жандармъ и подалъ спросившему бумагу.

Подошли другіе солдаты, окружили Дантёса, толкнули, и онъ опять машинально пошелъ по темнымъ переходамъ, которыхъ сырыя стѣны пахли подземельемъ и, казалось, были увлажнены паромъ слезъ.

— Вотъ ваша квартира на эту ночь, сказалъ вдругъ, остановившись, человекъ, который шелъ впереди съ фонаремъ: теперь поздно. Коммендантъ спитъ. Завтра, узнавъ объ васъ подробнѣе изъ приказа, онъ можетъ-быть переведетъ васъ въ другую. А покуда вотъ хлѣбъ, вотъ кружка съ водой, а тамъ, въ углу, есть солома. Спокойной ночи.

И прежде чѣмъ Дантёсъ подумалъ отвѣчать, дверь затворилась. Онъ остался одинъ во мракѣ, въ могильномъ безмолвіи темницы.

ГРАФЪ МОНТЕ-КРИСТО.

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Когда первыя лучи дневнаго свѣту проникли въ мрачную темницу Эдмона Дантеса, пришелъ сторожъ. Узникъ не трогался съ мѣста: желѣзная рука, казалось, пригвоздила его къ той половницѣ, на которой онъ остановился наканунѣ. Только черные глаза его ушли дальше подъ вѣки, опухшія отъ слезъ. Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ въ землю. Онъ такъ простоялъ всю ночь. Сторожъ вышелъ; обошелъ вокругъ. Дантесъ ничего не принималъ. Сторожъ ударилъ его по плечу. Онъ вздрогнулъ и качнулъ голову.

— Вы не спали? спросилъ сторожъ.

— Не знаю.

Сторожъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Хотите покушать? продолжалъ онъ.

— Не знаю.

— Чего же вы хотите?

Т. LXXII. — Отд. II.

— Поговорить съ комендантомъ.

Сторожъ пожалъ плечами и вышелъ. Дантесъ проводилъ его глазами, ступилъ шагъ и протянулъ руки къ двери, но дверь затворилась. Тогда у узника вырвался первый стонъ, такой, что, казалось, разодралъ стѣсненную грудь его. Слезы съ новою силою брызнули въ два ручья. Несчастный упалъ лицомъ въ землю и долго молился, перебиралъ въ умѣ всю свою прошедшую жизнь и спрашивалъ себя, что сдѣлалъ въ этой молодой жизни преступнаго, что заслужилъ такое жестокое наказаніе? Такъ прошелъ цѣлый день. Дантесъ проглотилъ только нѣсколько капель воды изъ глиняной кружки, которая стояла на грубо сколоченномъ столѣ, а до чернаго черстваго хлѣба и не дотрогивался. Онъ то сидѣлъ и тонулъ въ смутной, нестройной думѣ, то ходилъ вокругъ по своей темницѣ какъ дикій звѣрь въ желѣзной клеткѣ.

Особенно одна мысль взрывала его. Онъ съ отчаяніемъ упрекалъ себя, зачѣмъ въ продолженіи переѣзду сидѣлъ въ лодкѣ такъ смиренно, такъ спокойно: онъ десять разъ могъ бы броситься въ море и, благодаря своему искусству, въ которомъ съ нимъ не сравнивался ни одинъ водолазъ и пловецъ въ Марселѣ, могъ бы подъ водою уйти отъ стражи, добраться до берегу, скрыться, подождать какого-нибудь генуэзскаго или каталонскаго судна, уѣхать въ Италію или Испанію и оттуда написать къ Мерседесъ и къ отцу. О пропитаніи онъ не заботился: пропитаніе онъ вышолъ бы вездѣ, потому что хорошіе мореходы всегда рѣдки. Дантесъ говорилъ по-италіянски какъ Тосканецъ, по-испански какъ сынъ Старой-Кастиліи. Онъ могъ бы жить свободно и счастливо съ Мерседесъ и съ отцомъ, а теперь сидѣлъ въ неарестуаномъ замкѣ Невъ, въ темной и сырой лѣткѣ, и не зналъ, что случилось съ отцомъ, что случилось съ невѣстой, и все это потому что повѣрилъ слову Вильфора. Не мудро было сойти съ ума. Дантесъ какъ изступленный катался по полу. На другой день, въ тотъ же часъ, сторожъ опять пришелъ.

— Ну, что? рассудителинѣ стали сегодня? спросилъ онъ.

Дантесъ не отвѣчалъ.

— Ободритесь же менножно!... Не хотите ли чего, что отъ меня зависитъ? Говорите.

— Я хочу поговорить съ комендантомъ.

— Это невозможно.

— Отчего невозможно?

— На то уставъ. Не позволяется.

— Что же здѣсь позволяется?

— Пища по-лучше.... за деньги; прогулка по двору и книги.

— Миѣ не нужно книгъ. Я не хочу гулять по вашему двору: я хочу видѣться съ комендантомъ.

— Если вы будете повторять миѣ все одно и то же, я не приѣду больше и хлѣба не принесу, отвѣчалъ сторожъ съ нетерпѣніемъ.

— Такъ что жъ? Не принесешь хлѣба, я умру съ-голоду, вотъ и все.

Выраженіе, съ какимъ Дантесъ произнесъ эти слова, доказало сторожу, что его узникъ радъ смерти. А какъ каждый арестантъ приносилъ сторожу около полу-франка доходу въ день, то всякое выбывающее лицо причиняло его карману чувствительный убытокъ. Онъ смягчилъ тонъ.

— Послушайте, сказалъ онъ ласково: вы желаете невозможнаго. Лучше ужъ и не просите. Примѣру не было, чтобы комендантъ приходилъ къ заключенному по такой просьбѣ. Будьте только скромны, такъ вамъ позволятъ гулять по двору, тамъ, можетъ случиться, коменданта увидите, тогда и попросите его самого. Захочетъ отвѣчать, такъ его дѣло.

— Но сколько времени я могу прождать такого случая? спросилъ Дантесъ.

— Сколько времени? Гмъ!... мѣсяць, два, три.... полгода; можетъ-быть, годъ.

— Это слишкомъ долго. Я хочу видѣть его сейчасъ.

— Послушайте, бросьте это. Не предавайтесь такъ одному невозможному желанію, или меньше чѣмъ въ двѣ недѣли вы сойдете съ ума.

— Ты думаешь? вскричалъ Дантесъ.

— Да, право, сойдете съ ума. Съумасшествіе всегда такъ

начинается. У насъ здѣсь примѣръ недалеко. Въ этой самой комнатѣ жилъ аббатъ, который безпрестанно предлагалъ коменданту милліонъ за свою свободу, и до того твердилъ всё одно и то же, что наконецъ помышлялся со-всѣмъ.

— А давно онъ оставилъ эту комнату?

— Два года будетъ.

— Его освободили?

— Нѣтъ, засадили по-дальше, въ подвалъ.

— Послушай, сказалъ Дантесъ, я не аббатъ; я не съумасшедшій.... можетъ-быть, я сойду съ ума, но теперь я, къ несчастію, еще въ полномъ разумѣ. Я сдѣлаю тебѣ другое предложеніе.

— Какое же это предложеніе?...

— Я не стану предлагать тебѣ милліона, котораго у меня нѣтъ, но я дамъ тебѣ триста франковъ, если ты согласишься въ каталонскую деревню, отыщешь тамъ дѣвушку, которую зовутъ Мерседесъ, и отдашь письмо.... и не письмо, а только двѣ строчки.

— Если я понесу эти двѣ строчки и попадусь, я потеряю мѣсто, которое даетъ мнѣ тысячу франковъ въ годъ,—не считая доходу съ харчей заключенныхъ. Вы понимаете, что я былъ бы огромный оселъ, если бы рѣшился потерять даже просто тысячу франковъ взъ-за трехъ сотъ.

— А! ну, хорошо. Такъ слушай же, что я тебѣ скажу. Если ты не согласишься увѣдомить коменданта, что я желаю говорить съ нимъ, и не отнесешь мою записку къ Мерседесъ или по-крайней-мѣрѣ не скажешь ей, что я здѣсь, такъ я когда-нибудь подстерегу тебя вотъ здѣсь, у двери, и, когда войдешь, разможу тебѣ голову вотъ этою скамейкой.

— Угрозы! вскричалъ сторожъ, отскочивъ къ двери и ставъ въ оборонительное положеніе: вы въ самомъ дѣлѣ съ ума сходите!.... Точно какъ аббатъ! Но, къ-счастію, у насъ есть мѣсто, гдѣ можно усмирить.

Дантесъ махалъ скамейкою надъ головой.

— Хорошо, хорошо! продолжалъ сторожъ: хорошо! ко-

ли вы ужъ непремѣнно такъ хотите, пожалуй, уведомигъ коменданта.

— А! Давно бы такъ! сказалъ Дантесъ и бросилъ скамейку.

Сторожъ вышелъ и черезъ полчаса воротился съ четырьмя солдатами и унтеръ-офицеромъ.

— По приказанію коменданта, сказалъ онъ, отведите этого арестанта въ другой этажъ.

— Въ подвалъ, стало-быть?

— Да, въ подвалъ. Съумасшедшему мѣсто подлѣ съумасшедшихъ.

Солдаты взяли Дантеса и повели. Онъ не сопротивлялся. Его провели по корридору, потомъ по лѣстницѣ, ступеней на пятнадцать внизъ, и втокнули въ совершенно темную каморку, похожую на погребъ. Желѣзная дверь заворчалась. Узникъ, протянувъ руки, шелъ впередъ пока не наткнулся на стѣну. Тутъ онъ сѣлъ или, лучше сказать, повалился на полъ. Сторожъ правду говорилъ: немногого не доставало Дантесу, чтобы сойти съ ума.

Между-тѣмъ исправляющій должность королевскаго прокурора, Жераръ де-Вильфоръ, тотчасъ послѣ допросу отправился къ маркизѣ де-Сентъ-Меранъ, гдѣ гости только-что встали изъ-за стола и пили кофе въ гостиной. Рената ждала жениха съ нетерпѣніемъ, которое раздѣляли почти всѣ, потому что всѣ желали узнать, по какому случаю мосье де-Вильфору номѣшали обѣдать. Зато его и приняли съ восклицаніями.

— Ну, что? грозный судія! укротитель мятежниковъ, опора государства. Брутъ-роялистъ! кричалъ одинъ: что случилось? Рассказывайте.

— Опять намъ угрожаетъ новое правленіе ужасу, что ли? спросилъ другой.

— Или «корсиканскій лѣшій» вышелъ изъ своей берлоги? прибавилъ третій.

Вильфоръ извинился передъ хозяйкою, что не можетъ остаться въ гостиной и сказалъ маркизу, что желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ.

— О! да это въ самомъ дѣлѣ важно? сказала маркиза, примѣтивъ мрачное выраженіе на лицѣ будущаго зятя,

— Такъ важно, что я принужденъ расстаться съ вами на нѣсколько дней, отвѣчалъ Вильфоръ.

— Вы убѣждаете? вскричала Рената съ волненіемъ, котораго не въ состояніи была скрыть.

— Къ сожалѣнію, да, отвѣчалъ Вильфоръ: необходимо.

— Куда же вы ѣдете? спросила маркиза.

— Это государственная тайна, маркиза. Впрочемъ, если у васъ есть какая-нибудь коммиссія въ Парижъ, такъ пожалуйста. Одинъ мой пріятель отправляется туда нынче вечеромъ и съ удовольствіемъ исполнитъ все, что вамъ угодно.

Присутствующіе переглянулись.

— Вы желали поговорить со мной? сказалъ маркизъ.

— Да. Пожалуйте въ вашъ кабинетъ.

Маркизъ предложилъ ему руку и они пошли.

— Ну, что же, что случилось? Говорите.

— Вещи такіа важныя, что я непременно долженъ сейчасъ же ѣхать въ Парижъ. Есть у васъ..... извините, если мой вопросъ нескромнень..... есть у васъ билеты государственнаго займа?

— Все мое состояніе въ нихъ, отвѣчалъ маркизъ: около семи сотъ тысячъ.

— Такъ продайте ихъ, маркизъ, продайте тотчасъ, или вы разорены.

— Что вы? Но какъ же я продамъ здѣсь?

— У васъ есть повѣренный маклеръ въ Парижѣ?

— Есть.

— Дайте мнѣ письмо къ нему. Пусть онъ продаетъ не медля ни минуты; пусть продаетъ, во что бы то ни стало. Можетъ-быть даже, что я уже опоздалъ.

Маркизъ бросился къ столу и написалъ письмо.

— Теперь, сказалъ Вильфоръ, положишь письмо въ бу-
мажникъ: мнѣ нужно еще другое.

— Къ кому?

— Къ королю.

— Къ королю?

— Да.

— Но какъ же я напишу? Я не смѣю писать прямо къ его величеству.

— Попросите господина де-Сервиё. Пусть онъ напишетъ письмо, съ которымъ бы я могъ дойти до короля безъ формальностей и. испрошенія аудіенціи, которая погубитъ драгоценное время.

— Но вѣдь у васъ есть канцлеръ, черезъ котораго вы еще лучше можете пройти!

— Да, конечно. Но я не хочу раздѣлять съ другимъ тайну, которую беру. Вы помните меня? Канцлеръ, naturalmente, отдастъ меня на второй планъ и я даромъ потрачу надежды на дорогу. Между-тѣмъ, если я вернусь домой въ Тюильри, карьера моя открыта, потому что я оказываю такую услугу, которой король не можетъ забыть.

— Въ такомъ случаѣ, мой другъ, ступайте укладывать чемоданы. Я позвоу Сервиё и заставлю написать письмо, которое будетъ служить вамъ пропускомъ.

— Хорошо. Не теряйте времени, потому что черезъ полчаса я долженъ быть въ дорогѣ.

Маркизь позвонилъ.

Вильфоръ, не заходя въ гостиную, поспѣшилъ домой, чтобы совсѣмъ собраться въ дорогу и тогда уже проститься съ маркизой и съ мадамозель де-Севъ-Меранъ. Онъ бѣгомъ бѣжалъ по корридору и по лѣстницѣ, но въ дверяхъ подъѣзду вспомнилъ, что если помощникъ и исправляющій должность королевскаго прокурора пробѣжитъ по улицѣ, хотя бы только нѣсколько шаговъ, то это можетъ нарушить спокойствіе цѣлаго города. Вильфоръ приосанился и принялъ обыкновенную свою важную судейскую походку. У своего подъѣзду онъ примѣтилъ женщину, которая, какъ видно, ожидала его и стояла въ тѣни, бѣлая, неподвижная, точно привидѣніе. Это Мерседесъ пришла узнать о причинѣ задержанія своего жениха. Когда Вильфоръ вступилъ на подъездъ, она загородила ему дорогу. Онъ вспомнилъ рѣчи арестанта о невѣстѣ и съ перваго взгляду догадался, что это она. Красота и достоинство этой дѣвушки поразили его и когда она стала спрашивать, что случилось съ Дантесомъ, ему показалось, что не онъ судья, а она.

— Человѣкъ, о которомъ вы говорите, важный пре-

слушавшъ, отрывисто отвѣчалъ Вильфортъ: я ничего не могу сдѣлать въ его пользу.

Мерседесъ вскрикнула и схватила Вильфорта за руку, когда онъ хотѣлъ пройти мимо.

— По-крайней-мѣрѣ скажите, гдѣ онъ. Живъ онъ или мертвъ? вскричала несчастная съ отчаяніемъ.

— Не знаю. Онъ уже не въ моихъ рукахъ.

И, смущаемый проищательнымъ взглядомъ и утѣшительнымъ положеніемъ дѣвушки, Вильфортъ вырвался, носившано ушелъ и захлопнулъ за собою дверь. Въ гостиной ноги у него подкосились; онъ упалъ въ кресло съ тяжелымъ вздохомъ, который походилъ на стонъ глубокаго страданія. Едва высказанная въ одномъ звукѣ скорбь несчастной дѣвушки, уже забросила въ ослѣпленную и ожесточенную душу честолюбца первый зародышъ смертельной язвы. Человѣкъ, котораго онъ приносилъ въ жертву своему эгоизму, невинный, котораго онъ заставлялъ платить за чужое преступленіе, — за преступленіе Ноартіе де-Вильфорта, — явился ему блѣдный и грозный, рука объ руку съ блѣдною невѣстой и окруженный страшными призраками угрызений совѣсти. Онъ уже слышалъ въ сердцѣ глухіе стоны и острую боль, которая будетъ тайно, но неумолчно, непрестанно, карать его за этотъ поступокъ до самой смерти. Настала еще разъ минута нерѣшимости. Не разъ уже Вильфортъ, въ борьбѣ судій съ преступниками, силою своего всепоражающаго краснорѣчія увлекалъ судей и присяжныхъ и опредѣлялъ смертные приговоры безъ малѣйшаго содроганія и смущенія, потому что осужденные и казенные были преступны или по-крайней-мѣрѣ казались ему преступными: онъ могъ сказать себѣ, что, торжествуя, исполняетъ свой долгъ. Но теперь иное было дѣло: теперь онъ тайно, самовольно осудилъ на вѣчное заточеніе невиннаго. Теперь онъ былъ уже не судія, и даже не палачъ, а убійца! Эта мысль прожигала глубокую, неизлечимую рану въ сердцѣ, дотолѣ спокойномъ; рану, которая, какъ онъ предвидѣлъ, никогда уже не закроется, которая съ каждымъ днемъ будетъ углубляться и отравлять каждый часъ жизни. Ему стало страшно. Если бы въ эту минуту вѣжнѣйшій голосъ Ренаты повторилъ просьбу о снисходительности и милосер-

днѣ, или если бы Мерседесъ вошла и именемъ Бога, суднѣ сильныхъ и слабыхъ, потребовала бы освобожденія своего жениха, Вильфоръ освободилъ бы его. Но ни чей голосъ не раздавался въ безмолвіи полуосвѣщенной комнаты. Черезъ минуту вошелъ лакей и доложилъ, что дорожная карета готова. Вильфоръ вскочилъ какъ человѣкъ, котораго неожиданно избавили отъ страшной, неровной борьбы, поспѣшно открылъ бюро, положилъ въ карманъ всѣ деньги, какія нашель, потомъ, не зная самъ, что дѣлаетъ, обшарилъ углы кабинета и хватался за голову. Наконецъ, почувствовавъ, что лакей надѣлъ ему шинель, вышелъ, сѣлъ въ карету и приказалъ захватить къ маркизу Сень-Меранъ.

Несчастный Дантесъ былъ осужденъ.

У маркиза Вильфоръ получилъ письмо господина де-Сервіе къ графу де-Блакѣ, поспѣшно простился съ невестой и будущею тещей и уѣхалъ въ Парижъ. Благодаря тройнымъ на-водкамъ, дорога подъ нимъ горѣла.

Король Людовикъ Осмнадцатый сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и прилежно писалъ карандашомъ замѣчанія на поляхъ Грѣфусова изданія Горація, когда графъ де-Блакѣ пришелъ просить объ аудіенціи помощнику марсельскаго прокурора. Графъ былъ дотога преданъ государю, что нерѣдко даже наскучалъ ему своими заботливыми предостереженіями. Услышавъ, что рѣчь идетъ опять объ открытіи заговора бонапартистовъ, Людовикъ, совершенно увѣренный въ безопасности, шутилъ и медлилъ, хотя уже обѣщалъ принять прѣзжаго. Притомъ ему не хотѣлось прерывать своего литературно-философскаго занятія. Горацій былъ для него въ эту минуту гораздо важнѣе бонапартистовъ, за которыми смотрѣтъ онъ поручилъ министру полиціи. Графъ де-Блакѣ такъ долго ждалъ рѣшительнаго отвѣту, что наконецъ потерялъ терпѣніе.

— Помилуйте, ваше величество, сказалъ онъ, неужели не стѣитъ ни какого вниманія человѣкъ, который скакалъ день и ночь, безъ сна и безъ отдыха, для того чтобы какъ-можно скорѣе доставить своему государю полезное извѣстіе? Умоляю васъ, примите этого молодого человѣка, хоть ради де-Сервіе.

— Де-Сервіе? камергеръ моего брата?

— Точно такъ, ваше величество.

— Ахъ, да! вѣдь онъ въ Марсельѣ.

— Онъ оттуда и пишетъ мнѣ.

— И онъ тоже говоритъ объ этомъ заговорѣ?

— Нѣтъ; но онъ рекомендуетъ мнѣ де-Вильфора, котораго просить представить вашему величеству.

— Де-Вильфора! вскричалъ король: но зачѣмъ же вы раньше не сказали, что это Вильфоръ?

— Я полагалъ, что это имя неизвѣстно вашему величеству.

— Напротивъ, любезный Блака: я знаю его. Это голова дѣльная, умная и въ особенности очень честолюбивая. Да вы знаете его отца, Ноартіе?

— Ноартіе?.... жирондиста, который потомъ былъ сенаторомъ?

— Именно.

— И сынъ такого человѣка служить у вашего величества?

— Любезный графъ, я вамъ сказалъ, что Вильфоръ честолюбецъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, онъ пожертвуетъ всѣмъ, даже своимъ отцомъ. Позовите его.

Графъ поклонился, поспѣшно вышелъ и черезъ минуту воротился съ помощникомъ марсельскаго королевскаго прокурора.

— Войдите, Вильфоръ; сказалъ король: войдите.

Вильфоръ ступилъ нѣсколько шаговъ и остановился въ ожиданіи вопросу.

— Вотъ, графъ де-Блака говоритъ, что вы имѣете сообщить намъ нѣчто очень важное, продолжалъ король: говорите, я слушаю. Но прежде всего скажите, въ самомъ ли дѣлѣ это такъ важно и опасно?

— Я полагаю, ваше величество, что дѣло не терпитъ отлагательства, и потому спѣшилъ сколько могъ..... чтобы предупредить..... Я буду имѣть честь представить вашему величеству вѣрное донесеніе, но между-тѣмъ..... Прошу милостиво извинить, если рассказъ мой будетъ неясенъ..... я такъ встревоженъ.

— Говорите, говорите безъ околичностей. Говорите, какъ знаете.

Вальсортъ бросилъ робкій взглядъ на короля и, убѣдившись въ благосклонности высокаго слушателя, продолжалъ говорить:

— Слѣдуя донести вашему величеству, что будучи у дѣлъ по службѣ я открылъ заговоръ..... не изъ тѣхъ ничтожныхъ, какіе ежедневно составляются и открываются въ послѣднихъ рядахъ черни и арміи, но настоящій заговоръ, опасную грозу, которая поднимается противъ престола вашего величества. Похититель вооружаетъ три корабля. Онъ задумалъ какое-то предпріятіе, безумное, можетъ-быть, однако жъ можетъ-быть и страшное. Въ эту минуту его уже нѣтъ на Эльбѣ. Куда онъ ушелъ, не знаю. Вѣроятно, онъ намѣренъ сдѣлать высадку или въ Неаполь, или въ Тоскану..... можетъ-быть даже во Франціи. Вашему величеству, конечно, извѣстно, что владѣтель Эльбы постоянно находился въ сношеніяхъ съ Италією и съ Франціей.

— Да, знаю, отвѣчалъ король, встревоженный неожиданно важнымъ извѣстіемъ: недавно еще мнѣ доносили о собраніяхъ бонапартистовъ въ улицѣ Сень-Жакъ. Но продолжайте. Какъ вы узнали объ этомъ вооруженіи и отъѣздѣ съ Эльбы?

— Изъ слѣдственнаго допросу, ваше величество. Я допрашивалъ одного Марсельца, за которымъ съ давнихъ поръ присматриваю и котораго нынче принужденъ былъ арестовать. Этотъ человѣкъ..... отъявленный бонапартистъ и вообще подозрительнаго поведенія.... тайно былъ на Эльбѣ и видѣлся съ маршаломъ, который далъ ему словесное порученіе къ какому-то бонапартисту въ Парижъ. Имени я никакъ не могъ узнать. Арестантъ рѣшительно не хочетъ указать сообщниковъ. Признался однако жъ, что ему поручено извѣстить заговорщиковъ о скоромъ прибытіи Наполеона.

— Гдѣ же этотъ человѣкъ?

— Въ крѣпости, ваше величество.

— Въ этомъ только и состояло его показаніе?

— Только въ этомъ, ваше величество.... и я считалъ это столь важнымъ, что не медля ни минуты, во время семейнаго праздника..... въ день сговору, оставилъ невесту и

друзей и успѣвшия повергнуть къ стопамъ вашего величества мои опасенія и увѣреніе въ вѣрноподданническія чувствахъ.....

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ! вы, кажется, женитесь на мадамъ-де-Сенъ-Меранъ? Маркизъ просилъ моего позволенія. Повторяю вамъ, что я согласенъ и очень радъ. Поздравляю васъ. Чтò же касается до заговору, продолжалъ Людовикъ Осмнадцатый съ улыбкой: то это легче задумать и заговорить нежели исполнить, потому именно, что нынче, только-что взшедши на престолъ нашихъ предковъ, мы бдительнò смотримъ вмѣстѣ и на прошедшее и на настоящее и на будущее. Впрочемъ десяти мѣсяцевъ мои министры неутомимò надзираютъ за безопасностью прибережьевъ Средиземнаго Моря. Если Буонапарте выйдетъ на берегъ въ Неаполѣ, весь союзъ подымется прежде нежели онъ дойдетъ до Піомбино; если жъ въ Тосканѣ, такъ попадетъ прямо въ непріятельскія руки, а вздумаетъ пожаловать во Францію, съ какою-нибудь горстью приверженцевъ, такъ не трудно будетъ одолѣть его, котораго масса народу ненавидитъ. На этотъ счетъ будьте спокойны, Вильфоръ, однако жъ тѣмъ не менѣе положитесь на нашу признательность.

Въ эту минуту успѣшно вошелъ министръ полиціи, блѣдный, трепещущій, съ блуждающими, какъ-будто ослѣпленными глазами.

— Чтò съ вами, баронъ? вскричалъ король, оттолкнувъ столикъ, передъ которымъ сидѣлъ: чтò значитъ ваша тревога, ваше смущеніе? Часъ назадъ, вы мнѣ докладывали, что все благополучно. Чтò жъ теперь случилось?

— Ваше величество..... дрожащимъ голосомъ проговорилъ министръ полиціи.

— Чтò же такое, говорите!

— Бѣда, ваше величество..... о! какъ я несчастливъ, что самъ принужденъ принести такое извѣстіе!... Я никогда не утѣшусь.....

— Господинъ министръ! я приказываю вамъ говорить, вскричалъ Людовикъ Осмнадцатый съ нетерпѣніемъ.

— Позититель, двадцать-шестаго февраля, оставилъ

Забуду, ваше величество, и первого марта сдѣлалъ высадку.

— Гдѣ же? въ Италиі? съ живостью спросилъ король.

— Нѣтъ, во Франціи, въ небольшой гавани близъ Антверпена, въ Жуанскомъ Заливѣ.

— Буонапарте сдѣлалъ высадку во Франціи! въ двухстахъ-пятидесяти льѣ отъ Парижа, первого марта! и вы узнаете эту новость только сегодня, четвертаго марта!.... вы министръ полиціи! Помилуйте! это невозможно. Вамъ ложно донесли.

— Къ несчастію, ваше величество, донесеніе не ложное.

Людвигъ Осмнадцатый вскричалъ. На лицѣ его отражался гнѣвъ и ужасъ.

— Во Франціи! вскричалъ онъ: похититель во Франціи! Но, стало-быть, вы не смотрѣли за этимъ человѣкомъ! Или.... кто знаетъ?... можетъ-быть, дѣйствовали съ нимъ за-одно!

— Ваше величество! вскричалъ графъ де-Блакъ умоляющимъ тономъ: развѣ баронъ такой человѣкъ, котораго можно обвинять въ измѣнѣ? Мы всѣ были ослѣплены и баронъ раздѣлялъ общее ослѣпленіе, вотъ и все.

— Но.... сказалъ Вильфоръ и вдругъ остановился, потому съ поклономъ прибавилъ: ахъ! извините, ваше величество.... усердіе увлекло меня.... простите.

— Говорите, Вильфоръ, говорите смѣло, сказалъ король: вы имѣете право говорить безъ спросу. Вы одни предвидѣли зло. Помогите намъ найти спасеніе.

— Я хотѣлъ замѣтить, ваше величество, что похититель ненавидитъ на Югѣ, продолжалъ Вильфоръ: мнѣ кажется, что если онъ отважится явиться тамъ, легко можно будетъ поднять противъ него в Провансѣ и Лангдокѣ.

— Безъ сомнѣнія, возразилъ министръ: но онъ идетъ черезъ Гапъ и Систеронъ.

— Идетъ? Идетъ! вскричалъ Людвигъ Осмнадцатый: такъ, стало-быть, онъ приближается къ Парижу?

Министръ полиціи хранилъ молчаніе, которое служило слишкомъ достаточнымъ отвѣтомъ.

— А Дюеннѣ? продолжалъ король, обращаясь къ Виль-

Фору: какъ вы думаете, можно ли поднять Дюеннѣ такъ же какъ Провансъ?

— Въ-сожалѣнію, я принужденъ сказать вашему величеству жестокою истину. Духъ въ Дюеннѣ далеко не такъ какъ въ Провансъ и Лангдокъ. Горцы — бонапартисты, ваше величество.

— А-га! онъ лучше насъ знаетъ обстоятельства, а сколько у него войска?

— Не знаю, ваше величество, отвѣчалъ министръ полиціи.

— Какъ! вы не знаете! вы забыли освѣдомиться объ этомъ? Правда, что это подробности не важныя, прибавилъ король съ невыразимою улыбкой.

— Въ депешѣ значится только извѣстіе о высадкѣ и направленіи, какое принялъ похититель.

— А какимъ образомъ вы получили эту депешу?

— Черезъ телеграфъ, ваше величество.

— Черезъ телеграфъ! вскричалъ король, скрестивъ руки на груди: черезъ телеграфъ, посредствомъ котораго вы ежедневно докладываете мнѣ о благополучномъ состояніи государства, о всеобщемъ спокойствіи и благоденствіи... черезъ телеграфъ! Я долженъ пасть.... пасть! и узнать о своемъ паденіи черезъ вашъ телеграфъ!

— Ваше величество!... ради Бога..... вскричалъ министръ.

— Подите сюда, Вильфортъ! продолжалъ король: скажите господину министру, что можно было знать все, чего онъ не знаетъ.

— Ваше величество, возразилъ министръ, эта высадка приготовлена до такой степени тайно, что проникнуть было матеріально невозможно.

— Матеріально невозможно! Да! вотъ это — настоящее слово и великое слово. Матеріально невозможно министру, у котораго цѣлый полкъ чиновниковъ и агентовъ, который получаетъ пятьсотъ тысячъ франковъ на непредвидѣнные расходы.... матеріально невозможно знать, что происходитъ въ шестидесяти миллахъ отъ береговъ Франціи! Но вотъ, господинъ Вильфортъ, у котораго нѣтъ ни единой матеріальной средствъ, который однако жъ знаетъ

больше нежели вы со всею вашею полиціей и который спастъ бы мою корону, если бы онъ, подобно вамъ, шёлъ въ своемъ распоряженіи телеграфъ.

Министръ полиціи съ глубокою досадою посмотрѣлъ на молодаго человѣка, а тотъ скромно опустилъ глаза въ землю. Другой увлекся бы торжествомъ и сладостью похвалъ, но Вильфоръ не терялъ присутствія духа и тотчасъ понялъ, что можетъ нажить себѣ смертельнаго врага въ министрѣ полиціи, который не проникъ тайны Наполеона, но зато легко могъ проникнуть тайну помощника королевскаго прокурора. Для этого стоило только допросить Дантеса. Вильфоръ поспѣшилъ на выручку министра.

— Ваше величество, сказалъ онъ: необыкновенная быстрота событія доказываетъ, что только Богъ одинъ могъ бы воспрепятствовать ему. Открытіемъ, которое вашему величеству угодно приписывать моей провинительности, я обязанъ просто счастливому и совершенно неожиданному случаю. Я только воспользовался этимъ случаемъ, какъ прилично преданному слугѣ и вѣрному подданному.

Министръ полиціи поблагодарилъ молодаго человѣка краснорѣчивымъ взглядомъ и Вильфоръ понялъ, что достигъ своей цѣли, то есть, нисколько не лишаясь признательности короля приобрѣлъ расположеніе человѣка, который при случаѣ могъ пригодиться.

— Хорошо, хорошо, сказалъ король: теперь вы можете идти, господа. Чтò теперь остается дѣлать, то касается до военнаго министра.

— Къ счастью, мы можемъ положиться на армію, замѣтилъ Блака, готѣтъ идти: вашему величеству извѣстно, по рапортамъ.....

— Не говорите мнѣ теперь о рапортахъ, графъ! Вы сами видите, чего они стоютъ..... особенно телеграфическіе. Но, кстати о рапортахъ, баронъ.... Чтò вы узнали новаго по дѣлу въ улицѣ Сенъ-Жакъ? Теперь, кажется, ясно, что непонятная смерть генерала д'Эппинѣ въ связи съ этими новыми извѣстіями.

При имени генерала д'Эппинѣ Вильфоръ внутренно вздрогнулъ.

— Точно, ваше величество, отвѣчалъ министръ поли-

ция: по всему, что намъ удалось изслѣдовать, надобно полагать, что генераль д'Эпиннѣ не самъ лишилъ себя жизни, какъ сначала полагали. Онъ, какъ кажется, передъ смертью былъ въ клубѣ бонапартистовъ. Утромъ того дня какой-то незнакомецъ приходилъ за нимъ и назначилъ ему свиданіе въ улицѣ Сенъ-Жакъ. Камердинеръ генерала показалъ примѣты этого человѣка и его теперь ищутъ. Это человѣкъ лѣтъ пятидесяти-двухъ, черноволосый, черноглазый, съ густыми бровями и съ усами. На немъ былъ синій сюртукъ, до-верху застегнутый, и лента почетнаго легіона въ петлицѣ. Вчера полиція напала на его слѣдъ. Видѣли человѣка, котораго примѣты совершенно соотвѣтствуютъ показаннымъ, но онъ вѣроятно догадался, что за нимъ слѣдуютъ, и скрылся. Его потеряли изъ виду на перекресткѣ улицъ Жюсъенъ и Кокгеронъ.

Пока министръ говорилъ, Вильфоръ держался за спинку кресель, чтобы не упасть, но вздохнулъ свободнѣе, когда услышалъ, что преслѣдуемый скрылся.

— Непремѣнно отыщите этого человѣка, сказалъ король министру полиціи, потому что если генераль д'Эпиннѣ убитъ, я хочу чтобы убійцы его, кто бы они ни были, бонапартисты или не бонапартисты, были жестоко наказаны.

Вильфоръ долженъ былъ собрать все свое хладнокровіе, чтобы не обнаружить ужаса при этихъ словахъ короля.

— Теперь вы можете идти, и вы тоже, мосье Вильфоръ. Дорога, конечно, утомила васъ. Ступайте отдыхать. Вы остановились у вашего отца?

У Вильфора помутилось въ глазахъ.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ: я остановился въ гостинницѣ Мадритъ.

— Однако жъ вы видѣлись съ господиномъ Ноартиѣ?

— Я поспѣшилъ прямо къ графу де-Блакъ, ваше величество.

— Такъ вы теперь отправитесь къ вашему отцу?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Ахъ, да! вскричалъ король съ улыбкою, которая доказывала, что настойчивые разспросы были сдѣланы не даромъ: я и забылъ, что вы въ ссорѣ съ господиномъ

Воартіс. И это тоже — жертва, которую вы приносите королю и за которую имѣете права на вознаграженіе.

— Милости вашего величества далеко превосходятъ мои ожиданія. Я не смѣю желать ничего больше.

— Не забудемъ, не забудемъ васъ; будьте спокойны. А покуда.... примите этотъ крестъ.

Людовикъ Осмнадцатый снялъ съ своей груди крестъ почетнаго легіона и подалъ Вильфору.

— Ваше величество.... вѣдь это.... большой крестъ, сказалъ Вильфоръ, нервѣнительно принимая.

— Всѣ-равно, возьмите, какой есть. Мнѣ теперь нѣкогда посылать за другимъ. Блака, вы, позаботьтесь, чтобы мосье де-Вильфору былъ выданъ дипломъ.

Глаза Вильфора овлажились слезою горделивой радости. Онъ принялъ крестъ и поцѣловалъ его.

Черезъ десять минутъ потомъ Вильфоръ былъ въ своей комнатѣ, въ гостинницѣ. Онъ приказалъ приготовить лошадей, чтобы черезъ два часа ѣхать обратно въ Марсель, и въ сладкихъ мечтахъ честолюбія сядя за завтракъ, когда колокольчикъ въ передней зазвенѣлъ въ бойкой и твердой рукѣ. Лакей пошелъ отворить и Вильфоръ услышалъ, какъ кто-то произнесъ его имя.

— Кто это знаетъ уже, что я здѣсь? подумалъ онъ.

Лакей воротился.

— Кто тамъ? спросилъ Вильфоръ.

— Какой-то господинъ.... Не хочетъ сказать имени.

— Какой же господинъ? Какого виду?

— Да такъ-съ, высокій лѣтъ сорока или пятидесяти.

— Высокій?

— Немножко по-выше васъ будетъ. Смуглый, очень смуглый. Черные волосы, черные усы. Съ крестомъ.

— Такъ и есть! онъ! прошепталъ Вильфоръ блѣднѣя.

— Ну, признаюсь! церемонія! сказалъ описанный посетитель явившись на порогъ: что это, у васъ въ Марселѣ такъ водится, что сыновья заставляютъ отцовъ дожидаться въ передней?

— Батюшка! вскричалъ Вильфоръ: такъ я не ошибся.... я такъ и думалъ, что это вы!

— Если ты думалъ, что я, продолжалъ гость поставивъ

палку въ уголъ, а шляпу на стулъ: такъ позволю сказать тебѣ, любезный Жераръ, это вовсе не любезно съ твоей стороны, что ты заставляешь меня ждать такимъ образомъ.

Вильфоръ подавъ удивленному лакею знакъ, чтобы вышелъ.

Ноартиё проводилъ лакея глазами, потому самъ заперъ за нимъ дверь на замокъ. Вильфоръ съ безпокойствомъ слѣдовалъ за всѣми движеніями отца.

— Ну, что, Жераръ? сказалъ старикъ, воротившись: ты, какъ кажется, не очень восхищенъ, что видишь меня!

— Напротивъ, батюшка, отвѣчалъ Вильфоръ: мнѣ очень пріятно.... Только, признаюсь, я не ожидалъ вашего посѣщенія и потому немножко удивился.

— Да, любезный другъ, возразилъ Ноартиё садясь: и я могу сказать тебѣ точно то же. Что это значитъ? Ты извѣщаешь, что двадцать-осьмого февраля твой сговоръ, въ Марсель, а четвертаго марта ты въ Парижъ!

— Я здѣсь по вашей милости и собственно для васъ, батюшка. Это путешествіе можетъ-быть спасетъ васъ.

— О! въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Ноартиё, небрежно вытянувшись въ креслахъ: какъ же это? Разскажите, господинъ судья. Это должно быть любопытно.

— Извольте. Вы, конечно, слышали о нѣкоторомъ клубѣ бонапартистовъ, который собирается въ улицѣ Сентъ-Жакъ?

— Номеръ пятьдесятъ третій? Да, я тамъ вице-президентъ.

— Батюшка, ваше хладнокровіе удивляетъ меня въ содроганіе!

— Какъ же быть, любезный другъ! Кто былъ изгнанъ горцами; кто выѣхалъ изъ Парижа въ возу сына; за кѣмъ по бордоскимъ полямъ гонялись ищейки москѣ Робеспіера, тотъ нехотя закалится. Продолжай же. Что случилось въ клубѣ, въ улицѣ Сентъ-Жакъ?

— Тамъ случилось, что туда завлекли генерала д'Эпиннѣ, котораго тѣло на другой день нашли въ рѣкѣ.

— Кто же разсказалъ тебѣ такую исторію.

— Самъ король.

— Хорошо. А я, взами́нь, расскажу тебѣ другую исторію, по-новѣе.

— Я думаю, батюшка, я уже знаю, что вы хотите сказать мнѣ.

— А! ты знаешь, что императоръ воротился?

— Тихе, батюшка! умоляю!.... Да, я зналъ это, и зналъ прежде васъ, потому что три дня скакалъ изъ Марсеа въ Парижъ и бѣсновался, что не могъ на двѣсти лѣй впередъ бросить мысль, которая жгла мнѣ голову.

— Три дня? ты съума сошелъ! Три дня назадъ императоръ еще не высаживался.

— Да, но я зналъ о его намѣреніи.

— Это какимъ образомъ?

— Черезъ письмо, которое было писано къ вамъ, съ острова Эльбы, и которое я перехватилъ. Если бы это письмо попало въ руки не мнѣ, а кому-нибудь другому, вы, батюшка, теперь уже были бы разстрѣляны.

Ноартіе захохоталъ.

— Разстрѣляны!.... вскричалъ онъ: какъ ты проводишь!... Но гдѣ же это письмо?

— Я сжегъ его, чтобы не оставалось слѣда, потому что это письмо могло обратиться для васъ въ смертный приговоръ.

— И въ рогадку для будущей твоей карріеры, холодно прибавилъ Ноартіе: да, я понимаю это. Но боюсь для нечего, когда ты покровительствуешь мнѣ.

— Не только покровительствую: я спасаю васъ.

— Въ самомъ [] расскажи же, какъ это?

— Я напому [] только клубъ въ улицѣ Сень-Жакъ.

— Видно этотъ клубъ у васъ бѣльмо на глазу. Зачѣмъ вы не поискали хорошенько: нашли бы.

— Если не найденъ клубъ, такъ найдены слѣды.

— Слѣды еще скорѣе теряются нежели находятся.

— Нашли такъ же трупъ генерала д'Эпипе, который погибъ отъ рукъ убійць.

— Убійць, говоришь ты? Полно! Чѣмъ ты докажешь, что генералъ далъ жертвою убійства? Въ Сенѣ каждый день [] трупы людей, которые утопились съ отчаяніемъ [] по неумѣнью плавать.

— Нѣтъ, вы очень хорошо знаете, что генералъ не утонулъ съ отчаянія и что въ январѣ мѣсяцѣ не купаются въ рѣкѣ. Вы знаете также, что смерть его въ общемъ мнѣніи приписана убійству.

— Кто же это говоритъ?

— Всѣ.

— Полно! ты такой философъ, что, конечно, понимаешь политику. Въ политикѣ, ты знаешь, любезный другъ, людей нѣтъ: есть только идеи; чувствъ нѣтъ, есть только интересы. Въ политикѣ только устраняютъ препятствіе, вотъ и все. Хочешь знать, какъ это было? Я тебѣ расскажу.

— Нѣтъ, нѣтъ! я ничего не хочу знать! вскричалъ Вильфортъ.

— А! ты боишься сдѣлаться нашимъ сообщникомъ! насмѣшливо возразилъ Ноартіе.

— Да.... можетъ-быть. Я и вамъ совѣтовалъ бы остерегаться. Вы рассчитываете на возвращеніе похитителя....

— На возвращеніе императора, да, конечно.

— Вы ошибаетесь въ расчетѣ. Онъ десяти миль не успѣетъ сдѣлать во Франціи, его окружатъ, разобьютъ и схватятъ какъ хищнаго звѣря.

— Любезный другъ, императоръ въ эту минуту на гренобльской дорогѣ. Десятаго или двѣнадцатаго онъ будетъ въ Ліонѣ; двадцатаго или двадцать-пятаго въ Парижѣ.

— Народъ возстанетъ....

— Да, возстанетъ, чтобы встрѣтить его.

— Съ нимъ горсть людей, а противъ него выставятъ цѣлую армію....

— Которая проводитъ его въ столицу. Право, любезный Жераръ, ты еще ребенокъ. Ты думаешь, что много знаешь, если телеграфъ, черезъ три дня послѣ высадки, сказалъ тебѣ: «Похититель сдѣлалъ высадку въ Каннѣ, съ горстью людей. Его преслѣдуютъ.» Но гдѣ онъ теперь? что онъ дѣлаетъ! Этого всѣ вы не знаете. Его преслѣдуютъ! Вотъ все, что вы знаете. И я тебѣ скажу, что его будутъ преслѣдовать до самаго Парижа.

— Гренобль и Ліонъ вѣрны королю. Они поставятъ похитителю неодолимые преграды.

— Гренобль съ восхищеніемъ отворитъ ему ворота; Лі-

онъ весь выйдетъ къ нему на встрѣчу. Повѣрь, что мы не хуже васъ знаемъ, что дѣлается, и что наша полиція стѣбитъ вашей. Хочешь доказательства? Ты думалъ что я не узнаю о твоей поѣздкѣ, а между-тѣмъ черезъ полчаса послѣ того какъ ты проѣхалъ заставу, я уже зналъ гдѣ ты остановился, и ты видишь, что я во-время поспѣлъ къ завтраку. Прикажи-ка подать еще приборъ.

Видя, что сынъ не хочетъ звонить, Ноартіе самъ протянулъ руку къ колокольчику, но Вильфоръ остановилъ его.

— Погодите, батюшка, еще одно слово.

— Что такое?

— Какъ ни плоха роялистская полиція, однако жъ она знаетъ одну ужасную вещь.

— Какую?

— Ей извѣстны примѣты человѣка, который приходилъ за генераломъ д'Эпинё, за нѣсколько часовъ до его смерти.

— Какія же это примѣты?

— Лицо смуглое, волосы, усы и глаза черные; синій до-верху застегнутый сюртукъ; лента почетнаго легіона въ петлицѣ; шляпа съ широкими полями и толстая камыше-вая трость.

— А! все это извѣстно ей? вскричалъ Ноартіе: но отче-го же она, въ такомъ случаѣ, не схватила этого человѣка?

— Оттого, что она вчера или третьяго дня потеряла его на углу улицы Кокгеронъ.

— Видишь! Я тебѣ сказалъ, что ваша полиція ничего не стѣбитъ.

— Не спорю. Но перерянное вчера, она сегодня можетъ найти.

— Правда, отвѣчалъ Ноартіе, спокойно осмотрѣвшись вокругъ: но этотъ человѣкъ уже извѣщенъ объ опасности и сдумаетъ перемѣнить примѣты.

Сказавъ это съ веселымъ смѣхомъ, Ноартіе сбросилъ сюртукъ и галстухъ, подошелъ къ уборному столу, на которомъ еще стоялъ Вильфоровъ бритвенный приборъ, намылилъ себѣ лицо и въ одну минуту сбрилъ опасные усы; потомъ далъ своей прическѣ другой видъ, повязалъ вмѣсто своего, чернаго галстуха, цвѣтной, который на-шелъ въ открытомъ чемоданѣ; надѣлъ вмѣсто синяго сюр-

тука коричневый дорожный сюртукъ своего сына, а въ-сто широкополой шляпы—другую, съ поднятыми полями; наконецъ взялъ Вильфорову тоненькую бамбуковую тросточку и сталъ осматриваться въ зеркалъ.

— Ну, что ты думаешь? сказалъ онъ обращаясь къ изумленному сыну: узнаешь меня теперь ваша полиція?

— Я думаю, что не вѣтъ! пробормоталъ Вильфоръ.

— Теперь, продолжалъ Ноартіе, я полагаюсь на твое благоразуміе касательно устраненія всѣхъ слѣдовъ, которые я оставилъ здѣсь, у тебя.

— Будьте спокойны, батюшка, отвѣчалъ Вильфоръ.

— Въ такомъ случаѣ, ты и вправду можешь сказать, что, можетъ-быть, спасъ мнѣ жизнь. Но будь увѣренъ, что я современемъ отплачу тебѣ тѣмъ же.

Вильфоръ пожалъ плечами.

— Ты не вѣришь?

— Я надѣюсь по-крайней-мѣрѣ, что вы ошибаетесь.

— Ты еще увидишь короля?

— Можетъ-быть.

— Хочешь показаться ему предвѣстителемъ?

— Кто пророчитъ несчастье, того не ласково принимаютъ.

— Правда; но не сегодня такъ завтра тебѣ отгадуть справедливость. Предположи только вторичное возстановленіе и ты можешь сдѣлаться великимъ человекомъ, гораздо больше нежели Таллейранъ.

— Что же вы хотите, чтобы я сказалъ королю?

— Скажи ему вотъ что: «Ваше величество, васъ обманываютъ насчетъ расположенія Франціи, насчетъ мнѣшнихъ городовъ и духа арміи. Тотъ, котораго вы называете Корсиканскимъ Лѣшимъ и Похитителемъ, въ Ліонѣ уже называется Бонапартомъ, а въ Греноблѣ императоромъ. Вы думаете, что его гнѣшать, преслѣдуютъ, что онъ бѣжитъ, а онъ идетъ быстро впередъ, быстро какъ орелъ, который съ нимъ возвращается. Его войско, которое вы считаете разсѣяннимъ, умирающимъ отъ утомленія и голоду, возрастаетъ какъ катящаяся снѣжная глыба. Ваше величество, уходите; оставьте Францію тому, который завоевалъ ее; уходите, не потому чтобы вамъ лично грозила опасность,

—но потому что правнуку Людовика-Святаго тяжело будетъ за жизнь благодарить героя Арколы, Маренго и Аустерлицъ. Скажи ему это, Жераръ или, лучше ничего не говори, оцрей причину своей поѣздки; не хвались тѣмъ, что ты теперь слѣдалъ въ Парижѣ; отправляйся домой какъ-можно по-скорѣе; проберись въ Марсель ночью, войди въ свой домъ черезъ заднюю калитку и сиди смврно, тихонько, и въ-особенности не тронь бонапартистовъ, потому что на этотъ разъ, клянусь тебѣ, мы дѣйствуемъ какъ люди сильные и знающіе своихъ враговъ. Ступай, мой сынъ; ступай, мой милый Жераръ, и за это повиновеніе отеческому призыванію или, если угодно, за послѣдованіе совѣту друга, мы оставимъ тебя на твоимъ мѣстѣ прокурорскаго помещика. Это, прибавилъ Ноартіе съ улыбкою, подастъ тебѣ возможность спасти отца во второй разъ, въ случаѣ, если политическіе вѣсы опять поднимутъ тебя и погрузятъ подо мною. Прощай, Жераръ. Въ слѣдующую поѣздку ты остановишься у меня.

Ноартіе вышелъ. Вильфоръ, блѣдный, разстроенный, подбѣжалъ къ окну и, приподнявъ уголь сторы, подсмотрѣлъ, какъ старикъ спокойно прошелъ мимо двухъ или трехъ очень подозрительныхъ людей, которые кого-то поджидали неподалеку отъ подѣзду. Можетъ-быть они поджидали человѣка съ черными усами и въ синемъ сюртукѣ.

Вильфоръ, задыхаясь, простоялъ у окна, покуда отецъ не исчезъ на поворотѣ въ другую улицу; потомъ поспѣшно уложилъ въ самый низъ своего чемодана всѣ оставленныя старикомъ вещи, призвалъ слугу, и однимъ взглядомъ перебилъ всѣ вопросы изумленнаго, поспѣшно собрался и уѣхалъ въ Марсель. Страхъ его возрасталъ по-мѣрѣ приближенія къ цѣли по дорогѣ черезъ взволнованный уже край. Въ Ліонѣ онъ узналъ, что Бонапартъ дѣйствительно уже въ Греноблѣ.

Ноартіе предсказалъ безошибочно. Всѣмъ извѣстно возвращеніе съ Эльбы, странное, дивное возвращеніе, которому не было примѣру въ прошедшемъ и, конечно, не найдется въ будущемъ. Людовикъ Осемнадцатый лишь слабо пытался отразить жестокой ударъ. Едва возстановленная

монархія его рушилась отъ одного шагу Наполеона на французской землѣ. И такъ Вильфору досталась отъ короля награда не только бесполезная, но и опасная. Онъ спряталъ свой крестъ вмѣстѣ съ патентомъ по-дальше въ коммодъ. Онъ лишился бы, конечно, и мѣста, безъ покровительства Ноартиѣ, который сталъ могущественъ при новомъ дворѣ. Смѣнили только королевскаго прокурора. Исправляющій должность остался, и, всё-таки принужденъ былъ употребить всѣ усилія для сохраненія тайны Дантеса.

Съ установленіемъ новаго порядка и Морель, прежде подозрительный, какъ темный бонапартистъ, въ свою очередь поднялся и сталъ, если не могущественъ, такъ крайней-мѣрѣ столько отваженъ и свободенъ, что могъ требовать возвращенія своего капитана. Онъ отправился къ Вильфору, который на ту пору былъ первымъ лицомъ въ марсельской юстиціи.

Доложили.

Другой на мѣстѣ Вильфора поспѣшилъ бы на встрѣчу къ негоціанту и тѣмъ обнаружилъ бы свою слабость. Но Вильфоръ былъ человекъ твердый. Онъ заставилъ Мореля прождать въ передней точно такъ же, какъ во время Людовика Осемнадцатаго.

Морель ожидалъ, что найдетъ прокурора въ уныніи, а нашелъ такого же, какъ за шесть недѣль до того, то есть, спокойнаго, твердаго и холодно-учтиваго. Входя въ кабинетъ онъ думалъ, что Вильфоръ затрепещетъ, когда увидитъ его, а напротивъ, самъ затрепета, когда сталъ лицомъ къ лицу передъ важнымъ, осмысленнымъ судьей, который устремилъ на него спокойный, восторженный взглядъ. Негоціантъ остановился у порогу и повертывалъ свою шляпу. Судья какъ-будто не узнавалъ его.

— Мосье Морель, кажется? спросилъ Вильфоръ, поочаивъ довольно долго.

— Точно такъ, отвѣчалъ Морель съ поклономъ.

— Пожалуйте, продолжалъ судья, сдѣлавъ рукою пригласительный знакъ съ видомъ покровителя: чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ?

— Вы не догадываетесь, мосье Вильфоръ? спросилъ Морель перѣшительно.

— Нѣтъ. Но это не помѣшаетъ мнѣ служить вамъ въ чемъ могу. Что вамъ угодно?

— Дѣло совершенно зависитъ отъ васъ, мосье Вильфоръ.

— Въ чемъ же оно состоитъ? Объяснитесь.

Морель объяснилъ. Вильфоръ выслушалъ совершенно хладнокровно.

— Какъ зовутъ этого человѣка? спросилъ онъ потомъ.

— Эдмонъ Дантесъ, отвѣчалъ Морель.

Вильфоръ, конечно, лучше согласился бы выдержать выстрѣлъ какого-нибудь противника въ дуэли, чѣмъ слышать и, такъ сказать, смотрѣть на произношеніе этого имени. Однако жъ не моргнулъ.

— Дантесъ? повторилъ онъ: Эдмонъ Дантесъ, говорите вы?

— Точно такъ.

Вильфоръ взялъ съ ближайшей полки большую книгу, развернулъ, поискалъ, потомъ поискалъ точно такъ же въ другой книгѣ и наконецъ обратился опять къ Морелю.

— Точно ли вы не ошибаетесь? спросилъ онъ совершенно натурально.

— Мнѣ невозможно ошибиться. Я знаю этого бѣднаго молодого человѣка уже десять лѣтъ. Четыре года онъ уже прослужилъ у меня. Вы сами, я думаю, помните, шесть недѣль тому, я приходилъ просить васъ о снисхожденности, точно такъ какъ теперь прошу о справедливости. Вы тогда приняли меня очень дурно; вы были недовольны.... Ахъ, тогда.... тогда роялисты были очень суровы къ бонапартистамъ!

— Милостивый государь, отвѣчалъ Вильфоръ, нисколько не теряя хладнокровія: тогда я былъ роялистомъ и считалъ Бурбоновъ не только законными владѣтелями престола, но и избранниками націй. Но чудесное возвращеніе, котораго мы были свидѣтелями, доказало мнѣ, что я ошибался. Геній Наполеона одержалъ побѣду.

— Вотъ, это хорошо! вотъ, это дѣло! вскричалъ Мо-

рель съ простодушною, откровенною радостью: мнѣ очень пріятно слышать отъ васъ такія рѣчи и я изъ нихъ выхожу выгодное предвѣщаніе для моего бѣднаго Дантеса.

— Ахъ, погодите теперь я вспомнилъ, продолжалъ Вильфоръ, развернувъ третью книгу: это былъ морякъ, кажется?.... Его еще арестовали на свадьбѣ или что-то въ этомъ родѣ?.... Да, да! теперь я помню..... О! это дѣло было важное.

— Что же такое?.... Что съ нимъ случилось?

— Вы знаете, что по порядку дѣлопроизводства, послѣ перваго допросу, его отвели въ арестантскую судебную палату?

— Да.... а потомъ?

— Потомъ я отнесся раппортомъ въ Парижъ и препроводилъ бумаги, которыя найдены при подсудимомъ. Это была моя обязанность. Я не могъ поступить иначе..... а черезъ недѣлю потомъ его перемѣстили.

— Перемѣстили! Но куда же?... куда могли засадить его? Что съ нимъ сдѣлали?

— Успокойтесь. Его вѣроятно, перевезли въ Феш-стрель или въ Пиньероль или на Севтъ-Маргеритскіе Острова. Подождите, и онъ воротится и опять приметъ начальство надъ вашимъ кораблемъ.

— Когда бы онъ ни воротился, мѣсто его за нимъ. Не ему уже теперь слѣдовало быть у меня. Отчего онъ до сихъ-поръ не возвращенъ? Мнѣ кажется, что первое зѣботой императорской юстиціи должно быть возвращеніе тѣхъ, которые заключены и сосланы за императора!

— Не торопитесь обвинять юстицію, мосье Морель, возразилъ Вильфоръ: во всякомъ дѣлѣ нуженъ порядокъ. Дантесъ заключенъ въ темницу по повелѣнію высшихъ властей. Нужно чтобы и освободила его высшая власть. Едва двѣ недѣли, что Наполеонъ возвратился. Приказъ на счетъ освобожденія заключенныхъ бонапартистовъ, вѣроятно, только-что отданъ.

— Но нельзя ли какъ-нибудь обойти эти формальности? Теперь, когда мы торжествуемъ, я пользуюсь нѣкоторымъ вліяніемъ. Нужно только знать, гдѣ заключенный.

— Это-то и неизвѣстно.

— Какъ неизвѣстно? А по спискамъ?

— Въ спискахъ его нѣтъ. Вы сами знаете, что въ политикѣ иногда нужно бываетъ, чтобы преступникъ исчезъ, не оставивъ послѣ себя ни какихъ слѣдовъ. Имя въ списокѣ оставило бы слѣдъ.

— Такъ и въ спискахъ нѣтъ! Но что же мнѣ дѣлать теперь? скажите, ради Бога!

— Подайте просьбу министру юстиціи.

— Просьбу! Знаемъ мы, что значать просьбы! Министръ каждый день получаетъ ихъ сотни, а читаетъ едва-ли десятокъ.

— Да, но онъ прочтетъ просьбу, которую я пришлю и къ которой я прибавлю замѣчаніе.

— Вы это сдѣлаете, мосье Вильфоръ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Дантесъ могъ быть преступецъ тогда, но онъ невиненъ теперь и я обязанъ освободить его, точно такъ какъ былъ обязанъ арестовать.

— Но какъ же писать къ министру!

— Садитесь здѣсь, я вамъ продиктую.

Морель сѣлъ на указанное мѣсто и Вильфоръ продиктовалъ ему прошеніе, въ которомъ какъ-можно лучше изукрасилъ патріотизмъ Дантеса и преувеличенно расписалъ нинимыя его услуги бонапартистамъ, такъ, что въ этой просьбѣ Дантесъ оказывался самымъ дѣятельнымъ агентомъ Наполеона предпріятіи къ возвращенію. Очевидно было, что прочитавъ такую просьбу, министръ тотчасъ же отдалъ бы приказъ къ освобожденію. Когда она была кончена, Вильфоръ прибавилъ свою скрѣпу и подтвержденіе показаній просителя.

— Что же теперь дѣлать? спросилъ Морель.

— Ждать, отвѣчалъ Вильфоръ: я самъ отправлю вашу просьбу и за все отвѣчаю вамъ.

Морель съ восхищеніемъ и надеждой, прямо отъ прокурора, отправился обрадовать и успокоить старика Дантеса, а Вильфоръ, вѣсто-того чтобы отправить прошеніе, спряталъ его. Эта бумага, сколько могла спасти несчастнаго Дантеса при Наполеонѣ, столько же вѣрно могла по-

губить его совершенно, если, какъ многие тогда уже предвидѣли, послѣдуетъ вторичное возстановленіе Бурбоновъ. Состояніе Европы и ходъ дѣлъ очень позволяли Вильфору надѣяться на это и онъ надѣялся. Дантесъ, въ глубинѣ своей темницы, не слышалъ какъ рухнулъ тронъ Людовика Осмнадцатаго, не слышалъ и новаго страшнаго паденія имперіи. Впродолженіи Ста Дней Морель нѣсколько разъ приходилъ къ прокурору справляться о слѣдствіяхъ своей просьбы. Вильфоръ всё успокоивалъ и общалъ. Насталъ день ватерлооской битвы и Морель уже не являлся къ прокурору. Добрый негодянтъ сдѣлалъ для своего молодого друга все, что могъ. Покушаться на новое при Бурбонахъ было опасно. Людовикъ Осмнадцатый снова вступилъ на престолъ. Вильфоръ, котораго въ Марселѣ тревожили неприятыя воспоминанія, попросилъ и получилъ упраздненное мѣсто королевскаго прокурора въ Тулузѣ. О Дантесѣ люди забыли.

Черезъ годъ потомъ, господинъ де-Бовиль, главный инспекторъ темницъ, по должности, дѣлалъ смотръ и пріѣхалъ также въ замокъ Ифъ.

Дантесъ въ глубинѣ своей темницы слышалъ стукъ желѣзныхъ дверей и звонъ затворовъ, которые наверху производили много шума, но вънизу были бы непримѣтны всякому кромѣ узника, привыкшаго подслушивать, какъ паукъ ткеть свою сѣть и какъ періодически падаетъ капля, которой нуженъ цѣлый часъ времени, чтобы образоваться на темномъ каменномъ сводѣ тюрьмы. Дантесъ догадался, что у живыхъ происходитъ нѣчто важное, но мало заботился объ этомъ. Онъ уже такъ давно обиталъ въ могилѣ, что могъ почитать себя умершимъ.

Инспекторъ ходилъ отъ арестанта къ арестанту и, въ точности исполняя свою инструкцію, каждого разспрашивалъ о содержаніи и требованіяхъ и выслушивалъ жалобы. На вопросъ о содержаніи всякій отвѣчалъ, что пеща прескверная; требованіе и желаніе у всѣхъ было одно, всѣ желали только свободы.

— Не понимаю, къ чему насъ-посылаютъ въ это безвозлезное странствіе, сказалъ де-Бовиль съ улыбочкою обращаясь къ коменданту: кто видѣлъ одну темницу, видѣлъ сто;

кто говорилъ съ однимъ арестантомъ, знаетъ тысячу. Все одно и то же: худо кормятъ и неввинны. Нѣтъ ли у васъ другихъ?

— Есть у насъ одинъ очень опасный арестантъ и одинъ сумасшедшій. Мы держимъ ихъ въ подземельѣ.

— Посмотримъ, небрежно сказалъ инспекторъ: надо же исполнять обязанности до конца. Пойдемте въ подземелье.

— Погодите, сказалъ комендантъ: нужно взять съ собою по-крайней-мѣрѣ двухъ солдатовъ. Арестанты иногда совершаютъ бесполезныя преступленія, съ отчаянія или изъ ненависти къ жизни и въ надеждѣ на смертную казнь. Чтобы изъ насъ кому-нибудь не сдѣлаться жертвою такого отчаянія.

— Такъ примите ваши предосторожности, сказалъ инспекторъ.

Послали нѣсколькихъ солдатовъ впередъ и начали спускаться по темной лѣстницѣ въ сырое, душное подземелье.

— О! вскричалъ инспекторъ, остановившись на половинѣ дороги и отдуваясь: какая гадость! Кто это у васъ можетъ жить въ такомъ мѣстѣ?

— Одинъ очень опасный бунтовщикъ, котораго начальство предписало стеречь какъ-можно строже, какъ человѣка способнаго на все.

— Пожилой?

— Нѣтъ, молодой еще человѣкъ.

— Онъ одинъ сидитъ?

— Разумѣется.

— Давно здѣсь?

— Съ годъ будетъ.

— И съ перваго разу его тотчасъ посадили въ это подземелье?

— Нѣтъ; онъ содержался сначала въ среднемъ этажѣ, но перевели сюда, потому что покушался убить сторожа..... вотъ этого самаго, что свѣтитъ намъ. Неправда ли, Антонъ?

— Точно такъ, ваша милость. Просто хотѣлъ убить.

— Э! да онъ сумасшедшій, что ли?

— Хуже! просто дьяволъ! отбивчалъ сторожъ.

— Вы хотите, чтобы я донесъ объ этомъ? спросилъ инспекторъ обращаясь къ коменданту.

— Нѣтъ, не нужно. Арестантъ уже довольно наказанъ перемѣщеніемъ въ это подземелье. Ктому же онъ теперь ужъ близокъ къ помѣшательству и можно поручиться, что въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно сойдетъ съ ума. Мы видѣли примѣры.

— Ну, тѣмъ лучше для него, сказалъ человѣколюбивый инспекторъ: сойдетъ съ ума, такъ меньше будетъ страдать.

— Конечно, подтвердилъ комендантъ: тамъ, подальше, у насъ есть уже одинъ помѣшанный старикъ, аббатъ, бывшій предводитель какой-то партіи въ Италіи. Онъ у насъ съ 1811 года, а около 1813 сошелъ съ ума. И съ той минуты его узнать нельзя: онъ плакалъ, теперь смѣется; худѣлъ, теперь жирѣетъ. Хотите напередъ на него посмотреть? Его сумасшествіе очень забавно.

— Посмотримъ на того и на другаго. Нужно совѣстливо исполнять обязанности: пойдемте сперва къ молодому.

По знаку коменданта сторожъ отворилъ дверь.

Дантесъ сидѣлъ въ томъ углу, куда падалъ единственный, едва пробивавшійся, переломленный лучъ свѣту. Когда затворы загремѣли, онъ поднялъ голову. При видѣ стражи, двохъ сторожей съ факелами и незнакомца, съ которымъ комендантъ говорилъ держа шляпу въ рукѣ, Дантесъ догадался, кто его посетитель, обрадовался случаю высказать наконецъ свою просьбу какой-нибудь высшей власти и, сложивъ руки, бросился впередъ. Солдаты скрестили штыки. Они думали, что арестантъ бросается къ инспектору съ злымъ умысломъ. Де-Бовиль попался.

Дантесъ понялъ, что его описали какъ человѣка опаснаго. Чтобы побѣдить это предубѣжденіе, онъ соединилъ въ своемъ взглядѣ все, что можетъ быть въ человѣческой душѣ кротости и покорности, и стараясь тронуть посетителя, только удивилъ присутствующихъ своимъ скромнымъ, но пламеннымъ краснорѣчіемъ. Инспекторъ выслу-

велъ его до конца, потомъ обратился къ коменданту и шепнулъ:

— Онъ, очевидно, уже помѣшался. Бѣшеные характеры въ сумасшествіи обыкновенно бываютъ кротки, а кроткіе бѣшены. Я сдѣлалъ на этотъ счетъ нѣсколько любознательныхъ наблюденій, въ Шарантонѣ.

Потомъ онъ обратился къ узнику.

— Однимъ словомъ, чего вы требуете?

— Я прошу, чтобы мнѣ объяснили, какое преступленіе я совершилъ! Я прошу, чтобы меня разстрѣляли, казнили, если я виновенъ, или чтобы мнѣ возвратили свободу, если я невиненъ.

— Хорошо васъ кормятъ? спросилъ инспекторъ.

— Да, я думаю.... я не знаю.... но что до этого! Важное, не только для меня, несчастнаго узника, но и для всѣхъ судей и для короля, который правитъ нами.... важное для всѣхъ заключается въ томъ, чтобы невинный не оставался жертвою нивкаго и ложнаго доносу и не умиралъ бы въ темницѣ съ отчаянія.

— Вы очень скромны сегодня, замѣтилъ комендантъ: вы не всегда были таковы. Вы, небойсь, не то говорили въ тотъ день, когда хотѣли убить сторожа!

— Правда, сударь, отвѣчалъ Дантѣсъ: и я винюсь передъ нимъ, прошу прощенія.... я былъ въ отчаяніи, я былъ взбѣшонъ.... я сходилъ съ ума!

— А теперь?

— Теперь.... темница сломала, уничтожила меня.... Я уже такъ давно томлюсь!...

— Давно? А когда васъ заключили?

— Двадцать-осьмого февраля 1815, въ два часа пополуночи.

Инспекторъ сосчиталъ.

— Сегодня тридцатое іюля 1816. Что же вы говорите, давно? Всего семнадцать мѣсяцевъ, что вы въ темницѣ!

— Всего семнадцать мѣсяцевъ! повторилъ Дантѣсъ: о! вы не знаете, что значатъ семнадцать мѣсяцевъ въ темницѣ. Это—семнадцать лѣтъ.... семнадцать столѣтій!... особенно для человѣка, который уже достигалъ счастья, который уже почти женился на любимой женщинѣ, передъ ко-

торымъ открывалась почетная дорога и который вдругъ всего этого лишился; который изъ середины свѣтлаго, прекраснаго дня упалъ въ глубокую почву; который видитъ, что вся будущность его погублена; который не знаетъ, любить ли, помнить ли его та, кого онъ любилъ, и не знаетъ даже, живъ ли его престарѣлый отецъ! Семнадцать мѣсяцевъ заключенія въ темницѣ для человѣка, который привыкъ къ морскому воздуху, къ независимости моряка, къ широкому пространству, къ безпредѣльности, къ безконечному! Умилосердитесь же надо мною, выпросите мнѣ.... не милости, а строгости, не прощенія, а справедливаго, законнаго приговору! Дайте мнѣ судей! Я ничего больше не прошу: дай мнѣ судей! Неужели въ этомъ можно отказать обвиненному?

— Хорошо, подождите.... увидимъ. Въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ инспекторъ обращаясь къ коменданту: этотъ бѣднякъ возбуждаетъ сожалѣнiе. Ужо вы покажете мнѣ колодничей списокъ.... Надобно посмотреть.

— Да, но вы найдете объ немъ ужасныя отмѣтки, шопотомъ отвѣчалъ комендантъ.

— Я знаю, продолжалъ Дантѣсъ, я знаю, что вы не можете выпустить меня отсюда по собственному вашему рѣшенію, но вы можете передать мою просьбу высшему начальству; вы можете заставить произвести слѣдствіе и нарядить судъ надо мною. Я больше ничего не требую только суда! Я хочу знать, какое преступленіе я совершилъ. Вѣдь я ничего не знаю, ничего! а между-тѣмъ тожюсь здѣсь уже семнадцать мѣсяцевъ!

— Пойдемте, сказалъ инспекторъ коменданту.

— О! погодите! вскричалъ Дантѣсъ: я слышу по вашему голосу, что вы тронуты. Скажите же мнѣ, чего я могу надѣяться!

— Этого я не могу вамъ сказать, отвѣчалъ инспекторъ: я могу только обѣщать, что справлюсь объ васъ въ спискахъ.....

— О! въ такомъ случаѣ я свободенъ! я спасенъ!

— Кто арестовалъ васъ? спросилъ инспекторъ.

— Господинъ де-Вильфоръ. Повидайтесь съ нимъ, спросите его.

— Вильфора уже нѣтъ въ Марселѣ: онъ въ Тулузѣ.

— А! такъ и не удивительно, вскричалъ Дантесъ: мой покровитель далеко и оттого обо мнѣ забыли.

— Что, Вильфоръ имѣлъ какую-нибудь причину ненавидѣть васъ? спросилъ инспекторъ.

— Ни какой. Напротивъ, онъ былъ очень благосклоненъ ко мнѣ.

— Такъ я могу совершенно положиться на его мнѣніе объ васъ?

— Совершенно можете.

— Хорошо; потерпите.

Дантесъ упалъ на колѣни, поднялъ руки и пламенно молился, благодарилъ Бога за посѣтителя, который подобно ангелу пришелъ вывести его изъ страшной темницы.

Дверь затворилась, но надежда, приходшая съ де-Бовильемъ, осталась въ темницѣ у Дантеса.

— А вотъ, здѣсь, другой! говорилъ между-тѣмъ комендантъ, провожая инспектора къ другой двери.

— Это съумасшедшій?

— Да.

— А какого роду его съумасшествіе? на чемъ онъ помѣшался?

— Онъ считаетъ себя обладателемъ огромнаго сокровища. Въ первый годъ своего пребыванія здѣсь онъ предлагалъ правительству милліонъ за свою свободу; во второй годъ предлагалъ два милліона, въ третій три. Теперь онъ у насъ пятый годъ сидитъ и, посмотрите, онъ захочетъ поговорить съ вами наединѣ и предложить вамъ пять милліоновъ.

— О! да это въ самомъ дѣлѣ любопытно! А какъ зовутъ вашего милліонера?

— Аббатъ Фарія.

— Номеръ двадцать-седьмой? спросилъ инспекторъ, прочтавъ цифру надъ дверьми.

— Да. Отвори, Антонъ.

Сторожъ отворилъ и де-Бовиль, съ любопытствомъ всматриваясь, вошелъ въ темницу съумасшедшаго аббата. Оборванный, почти нагой старикъ лежалъ посреди келліи, на каменномъ помостѣ, и кускомъ оторванной отъ стѣ-

ны известки чертилъ геометрическія фигуры. Онъ былъ такъ занятъ своею задачею, что не примѣтилъ, какъ отворилась дверь, и тогда только поднялъ голову, когда факелы необыкновеннымъ свѣтомъ озарили влажныя плиты, на которыхъ онъ работалъ. Протеревъ глаза, онъ съ изумленіемъ всматривался въ многочисленныхъ гостей, потомъ поспѣшно всталъ и накинулъ на себя старое шерстяное одѣяло, чтобы закрыть свою наготу.

— Довольны ли вы? спросилъ инспекторъ.

— Я?... Чѣмъ? съ изумленіемъ спросилъ аббатъ Фарія.

— Вы не понимаете меня, продолжалъ инспекторъ: я посланъ отъ правительства съ порученіемъ осмотрѣть темницы и выслушать жалобы арестантовъ, если которые имѣютъ причину жаловаться на что-нибудь.

— А! это другое дѣло. Жаловаться мнѣ не на что, однако жъ у меня есть просьба или, лучше сказать, предложеніе, на которое вы, надѣюсь, согласитесь, если выслушаете меня.

— Слышите? шепнулъ комендантъ: тотчасъ, съ перваго слова начинается.

— Вы, какъ видно, инспекторъ темницъ, продолжалъ арестантъ: такъ выслушайте меня, господинъ инспекторъ. Я аббатъ Фарія. Я родился въ Римѣ, въ 1768 году; былъ въ продолженіи двадцати лѣтъ секретаремъ у графа Спалы, послѣдняго изъ графовъ этой фамиліи. Въ 1808 году меня арестовали, я самъ корошенько не знаю, за что я, съ тѣхъ-поръ я напрасно прошу освобожденія и у итальянскихъ и у французскихъ властей.

— Отчего же у итальянскихъ? спросилъ инспекторъ.

— Оттого что меня арестовали въ Пиомбино и я возмѣгаю, что Пиомбино, такъ же какъ Миланъ и Флоренція превратился въ главный городъ какого-нибудь французскаго департамента.

Инспекторъ и комендантъ переглянулись и расхохотались.

— Не свѣжи же ваши итальянскія новости! вскричалъ инспекторъ.

— Они числятся съ того дня, когда меня перевели изъ Фенестрелы сюда, отвѣчалъ аббатъ: это было въ 1811.

Такъ какъ его величество императоръ создалъ римское королевство для сына, котораго Богъ даровалъ ему, то я предполагаю, что, продолжая путь своихъ побѣдъ, онъ довершилъ и осуществилъ мечту Макиавеля и Цезаря Борджини, которые думали сдѣлать изъ Италіи одно цѣлое государство.

— Да; но судьба кое-что измѣнила въ этомъ гигантскомъ планѣ..... котораго вы, почтеннѣйшій, кажется, очень пламенный партизанъ?

— Это — единственное средство сдѣлать Италію страшною могущественною, независимою и счастливою, отвѣчалъ аббатъ.

— Можетъ-быть, возразилъ инспекторъ: но я пришелъ сюда не за тѣмъ чтобы разсуждать о политикѣ, а чтобы спросить васъ, не имѣете ли вы чего сказать на счетъ качества вашей пищи и вашего помѣщенія здѣсь?

— Пища здѣсь, такая же какъ и во всѣхъ темницахъ, то есть, скверная. Что касается до квартиры.... извольте посмотрѣть: сырая, нездоровая, но всё-таки еще довольно приличная для колодника. Но это меня не тревожитъ. У меня есть дѣло по-важнѣе. Я сдѣлалъ чрезвычайно важное открытіе.... чрезвычайно важное, говорю я вамъ... и намѣренъ сообщить его правительству.

— Слышите? шепнулъ комендантъ де-Бовилю.

— Вотъ, почему я за счастье почитаю, что вижу васъ, продолжалъ аббатъ: хотя вы помѣшали мнѣ въ то самое время, когда я дѣлалъ очень важную выкладку, которая, если удастся, можетъ измѣнить Ньютонovu планетную систему. Можете вы удостоить меня минутнаго разговору воедино?

— А? что я вамъ говорилъ? шепнулъ опять комендантъ инспектору.

— Вы знаете вашихъ жильцовъ, отвѣчалъ тотъ съ улыбкою. — Вы требуете невозможнаго, продолжалъ онъ обращаясь къ арестанту.

— Однако жъ, если дѣло идетъ о доставленіи правительству огромной выгоды, милліоновъ ияп, на примѣръ?

— Такъ и есть! сказалъ инспекторъ обращаясь къ коменданту: вы предсказали даже сумму!

— Погодите! продолжалъ аббать, примѣтивъ, что инспекторъ собирается уйти: не нужно, чтобы вы остались совершенно одни со мною: господниъ комендантъ можетъ присутствовать.

— Любезный другъ, возразилъ комендантъ, мы, къ несчастію, уже знаемъ наизусть все, что вы намѣрены сказать намъ. Дѣло идетъ о вашихъ сокровищахъ, не правда ли?

Фарія посмотрѣлъ на насмѣшника съ укоризною и сожалѣніемъ.

— Безъ-сомнѣнія, сказалъ онъ: о чемъ же мнѣ говорить?

— Я могу рассказать вамъ эту исторію точно такъ же хорошо, какъ аббать, продолжалъ комендантъ обращаясь къ инспектору: я уже четыре года слушаю ее.

— Это доказываетъ только то, господниъ комендантъ, возразилъ аббать: что вы изъ тѣхъ людей, о которыхъ въ писаніи сказано: имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ.

— Любезный другъ, возразилъ инспекторъ: правительство богато и, слава Богу, не нуждается въ вашихъ деньгахъ. Поберегите ихъ для себя; подождите вашего освобожденія.

— Но когда же меня освободятъ? вскричалъ аббать: зачѣмъ меня не освобождаютъ? За что меня противъ всякаго закона и справедливости держать въ этой темницѣ? Если я умру здѣсь, не завѣщавъ никому сокровища, оно пропадетъ понапрасну! Не лучше ли же будетъ, когда мнѣ воспользуется правительство и я воспользуюсь? Я предлагаю шесть милліоновъ.... да! я согласенъ уступить шесть милліоновъ и удовольствоваться остальнымъ, если мнѣ возвратятъ свободу.

— Право, если бы не было извѣстно, что этотъ чело-вѣкъ съумасшедшій, можно было бы повѣрить ему, шепотомъ, сказалъ инспекторъ коменданту: онъ говоритъ съ такимъ неподдѣльнымъ выраженіемъ убѣжденія!

— Я не съумасшедшій, господниъ инспекторъ: я говорю правду, возразилъ Фарія, который, по свойственной узникамъ чуткости, не проронилъ ни одного слова инспектора,

несмотря на тихій шепотъ: сокровище, о которомъ я вамъ говорю, дѣйствительно существуетъ. Я готовъ заключить съ вами условіе, по которому вы проводите меня на мѣсто, которое я укажу. Тамъ при вашихъ глазахъ разроютъ землю и, если я солгалъ, если ничего не найдутъ, если я съумасшедшій..... ну! тогда опять посадите меня въ эту темницу на вѣкъ, навсегда: тогда я умру здѣсь и ни о чемъ уже не стану просить.

Комендантъ захохоталъ.

— Далеко отсюда лежитъ ваше сокровище? спросилъ онъ.

— Миль сто будетъ, отвѣчалъ Фаріа.

— Штука-то не худо придумана! продолжалъ комендантъ: если бы всѣхъ арестантовъ возить такимъ образомъ прогуливаться на сто миль, многихъ бы не досчиталось на обратномъ пути! Впродолженіи такой прогулки мало ли что можетъ случиться! Мало ли можетъ представиться случаевъ къ побѣгу!

— Къ-несчастью, это средство уже извѣстное и почтеннѣйшій аббатъ даже не можетъ похвалиться изобрѣтеніемъ, сказалъ инспекторъ и, обращаясь къ арестанту, прибавилъ: я спрашиваю васъ, довольны ли вы пищею?

— Поклонитесь мнѣ Богомъ, что освободите меня, если я скажу правду, и я укажу вамъ мѣсто, гдѣ лежитъ сокровище.

— Довольны ли вы пищею? повторилъ инспекторъ.

— Вѣдь вы такимъ образомъ ни на что не отваживаетесь: вы видите, что я вовсе не намѣренъ бѣжать: я вамъ являю мѣсто и самъ останусь здѣсь, куда отыщутъ кладъ.

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ! съ нетерпѣніемъ возразилъ инспекторъ.

— А вы не отвѣчаете на мое предложеніе! вскричалъ аббатъ: будьте же прокляты всѣ вы, безумцы, если не хотите вѣрить мнѣ! Вы не хотите моего золота, я сберегу его; вы не хотите возвратитъ мнѣ свободу, Богъ возвратитъ. Ступайте, я все сказалъ.

Аббатъ снова утѣлся на полу, взявъ свой кусокъ извест-

ки и продолжалъ чертить. Инспекторъ и комендантъ ушли удивляясь странной идеѣ съумасшедшаго.

Дантѣсу инспекторъ сдержалъ слово. Воротившись въ квартиру коменданта, онъ потребовалъ колодезчій списокъ и нашелъ противъ имени Эдмона Дантѣса слѣдующую отмѣтку: «Бѣшеный бонапартистъ. Принималъ дѣятельное участіе въ возвращеніи Похитителя съ острова Эльбы. Держать подъ величайшею тайной и строжайшимъ надзоромъ». Отмѣтка эта была написана другою рукой нежели самый списокъ и позже, какъ доказывалъ другой цвѣтъ чернилъ. Инспекторъ прибавилъ: «По соображенію съ этою отмѣткой, ничего нельзя сдѣлать».

Между-тѣмъ посѣщеніе инспектора оживило Дантѣса. Современн заключенія онъ забылъ счетъ днямъ. Теперь онъ узналъ число и, чтобы опять не забыть, написалъ кускомъ извѣстки на стѣнѣ: 30 іюля 1816, и потомъ каждый день отмѣчалъ чертою.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы: Дантѣсъ всё ждалъ и со дня на день утѣшался въ обманутой надеждѣ новыми вычисленіями вѣроятностей. Но прошелъ годъ, а въ состояніи его ничего не измѣнилось: онъ не получалъ никакой утѣшительной вѣсти, сторожъ былъ такъ же нѣтъ и безотвѣтенъ какъ прежде. Тогда Дантѣсъ началъ сомнѣваться въ своихъ органахъ чувства: ему казалось, что зрѣніе и слухъ обманули его или что онъ принимаетъ за воспоминаніе простой бредъ воображенія, сновидѣніе.

Впродолженіи этого году комендантъ получилъ другое мѣсто и перемѣстилъ съ собою нѣсколько низшихъ своихъ служителей и между прочимъ перваго Дантѣсова сторожа. Новому коменданту слишкомъ много стоило бы труда запомнить имена арестантовъ: онъ потребовалъ только номера. Страшная эта гостинница состояла изъ пятидесяти комнатъ и обитатели ея вмѣсто именъ носили каждый — номеръ своей комнаты. Несчастный молодой человекъ тоже пересталъ называться Эдмономъ Дантѣсомъ: имя ему было номеръ *тридцать-четвертый*.

Дантѣсъ прошелъ всѣ степени бѣдствія узника, забытого въ темницѣ. Сначала онъ былъ гордъ, онъ надвѣлся, онъ чувствовалъ свою невинность. Потомъ онъ сталъ со-

нѣваться въ этой невинности, смирился, сталъ умолять людей и, не получивъ ни какого отвѣту, ни какой надежды, обратился къ Богу, молился усердно, пламенно, и опять сталъ надѣяться. Но время уходило, а свобода не возвращалась. Давтѣсь опять потерялъ счетъ днямъ и впасть въ мрачное отчаяніе, въ ярость на своихъ враговъ, въ наступленіе, близкое въ помѣщательству. Вѣчное однообразіе утомило его до смерти. Онъ умолялъ, заклиналъ сторожа всѣмъ что есть святаго о какой-нибудь перемиѣнѣ, о переводѣ въ другую темницу, — хотя бы въ худшую, — просилъ помѣщенія съ какимъ-нибудь товарищемъ, просилъ книгъ, бумаги, — все напрасно: сторожъ не отвѣчалъ на такіе вопросы и просьбы. Несчастный позавидовалъ низкимъ, презрѣннымъ преступникамъ, каторжникамъ, которые влачили цѣпи на галерахъ: они были не одни, они пользовались свѣтомъ солнца; они могли говорить съ подобными себѣ. Потомъ онъ позавидовалъ мертвымъ и въ утомленномъ умѣ его родилась страшная мысль о самоубійствѣ. Четыре года онъ томился и невѣдалъ, что всякая смерть, какъ-бы ужасна она ни была, — успокоеніе, отрада въ сравненіи съ страданіями, какія возможны въ жизни. Онъ былъ молодъ, силенъ, могъ прожить еще долго, могъ дожить до старости. Впереди ему представлялся цѣлый рядъ годовъ, наполненныхъ безконечными страданіями и отчаяніемъ. Онъ ужаснулся и положилъ самовольно покончить расчетъ съ жизнью. Когда эта роковая мысль созрѣла, несчастный даже нѣкоторымъ образомъ успокоился. Онъ почувствовалъ, что у него еще осталась одна воля, одна власть: онъ могъ истребить себя. И онъ началъ это истребленіе. Онъ рѣшился умереть съ голоду и пересталъ ѣсть. Два раза въ день онъ подставлялъ свою скамью подъ узкое рѣшетчатое окно и выбрасывалъ скудную пищу, которую правильно, въ извѣстные часы, приносилъ сторожъ. Сначала онъ дѣлалъ это смѣло, почти весело; потомъ съ сожалѣніемъ: иногда по цѣлому часу стоялъ и съ жадностью смотрѣлъ на яства, которыя прежде казались ему отвратительными. На мгновеніе мелькала опять надежда, что судьба все-таки еще можетъ какъ-нибудь измѣниться, и ему опять хотѣлось ухватиться за

жизнь, поддержать исчезающія силы. Это послѣдніе остатки животнаго инстинкту боролись съ непреклонною волей, которая однако жъ всегда побѣждала. Дантесъ уже считалъ долгомъ умереть: ему становилось стыдно отступить отъ принятаго намѣренія, отъ своего слова, но онъ хладнокровно продолжалъ умерщвлять себя. Наконецъ насталъ такой день, когда онъ уже не могъ встать съ кровати, чтобы подойти къ окну и выбросить пищу. На другой день сторожъ замѣтилъ, что арестантъ боленъ, а Дантесъ уже надѣялся на близкую смерть. Онъ уже пересталъ страдать: жгучая жажда уже не мучила его и судороги въ животѣ прекратились. Несчастнѣйшій сталъ впадать въ смутное усыпленіе: это были сумерки, за которыми должна была послѣдовать ночь смерти.

Вдругъ, подѣ вечеръ, онъ услышалъ глухой шумъ въ стѣнѣ, подлѣ которой лежалъ. Въ этой темницѣ уже такъ часто разнородные гады обнаруживали свое сосѣдство различными звуками и шорохомъ, что Эдмонъ, по привычкѣ, нисколько оттого не беспокоился. Но на этотъ разъ, — потому ли что органы его были болѣе обыкновеннаго раздражены или потому что въ предсмертную минуту всякое ничтожное обстоятельство становилось важнымъ, — онъ поднялъ голову и сталъ внимательно прислушиваться. Шорохъ уподоблялся царапанію большою когтистою лапой, или грызенію крѣпкими зубами, или долбленію какимъ-нибудь желѣзнымъ инструментомъ.

Несмотря на то, что мозгъ молодого человѣка уже былъ разслабленъ, его вдругъ опять поразила неотлучная у узниковъ мысль: свобода. Шумъ этотъ достигъ до него въ ту самую минуту, когда уже всякій звукъ переставалъ существовать для него, и ему показалось, что судьба наконецъ умилосердилась надъ его страданіями и посылаетъ ему въ этомъ шумѣ повелѣніе остановиться на краю гроба, на которомъ у него уже подламывались ноги. Ему показалось, что это, можетъ-быть, другъ, одно изъ тѣхъ существъ, которыхъ онъ такъ любилъ, думаетъ объ его избавленіи въ эту минуту и старается проникнуть сквозь каменную стѣну темницы. Потомъ онъ опять разсуждалъ, что это обманъ воображенія и снова впадалъ въ забытѣе.

Между-тѣмъ шумъ все продолжался: все что-то грызло и скребло. Потомъ какъ-будто что рухнуло и наконецъ все затихло.

Черезъ нѣсколько часовъ шумъ послышался снова, сильнѣе и уже гораздо ближе. При мысли, что это, можетъ-быть, такой же узникъ какъ онъ, но только предприимчивѣе, прокладываетъ себѣ дорогу къ свободѣ, Дантесъ пришелъ въ восторгъ и вмѣстѣ устыдился своей слабости, своего отчаянія. Душа его рвалась на встрѣчу къ таинственному работнику; онъ желалъ помочь ему всѣми силами и вмѣстѣ съ нимъ снастись. Но потомъ ему опять представлялось, что это просто каменщикъ или штукатуръ поправляетъ или передѣлываетъ что-нибудь по приказанію коменданта. Это снова навело на узника уныніе. Но настала ночь, а шумъ всё продолжался. Дантесъ съ жадностью ловилъ каждый звукъ и въ каждомъ хотѣлъ найти разрѣшеніе своего сомнѣнія. Любопытство его было возбуждено до крайности. Онъ придумывалъ средство рѣшить вопросъ и не находилъ; хотѣлъ закричать, но рассудилъ, что это будетъ напрасно; что крикъ скорѣе будетъ слышанъ въ корридорѣ, гдѣ ходятъ часовые, нежели за толстою каменною стѣной. Наконецъ въ напряженномъ умѣ его блеснула счастливая мысль. Онъ вздумалъ постучать. Если работаетъ каменщикъ, думалъ онъ, то ни какой стукъ не остановитъ работы; если же узникъ, то всякій неожиданный звукъ испугаетъ и произведетъ остановку. Дантесъ собралъ весь остатокъ своихъ силъ, взялъ скамью и ножкою постучалъ по тому мѣсту стѣны, гдѣ, ему казалось, происходитъ шумъ.

Съ перваго удара шумъ прекратился. Эдмонъ слушалъ всею душой. Прошелъ часъ, два часа. Ни какого звуку. Исполненный надежды, Эдмонъ съѣлъ кусочекъ хлѣба, проглотилъ воды и, благодаря своему здоровому сложенію, безъ опасности успѣлъ подкрѣпить силы. Продолжая прислушиваться онъ уснулъ крѣпкимъ благодѣтельнымъ сномъ и проснулся уже тогда, когда сторожъ принесъ хлѣбъ и воду на завтракъ. Съ этимъ днемъ воротилась жизнь. Голова узника воспламенилась. Ему захотѣлось по-скорѣе воротить насильно истребленныя силы. Онъ сталъ ходить

изъ угла въ уголь по своей темницѣ и по цѣлымъ часамъ покачивался ухватясь руками за желѣзную рѣшетку своего окна, чтобы движеніемъ и напряженіемъ укрѣпить мѣшцы, и между-тѣмъ всё прислушивался, не возобновится ли шумъ за стѣною. Прошло три дня. Дантѣсъ въ нетерпѣніи досадовалъ на слишкомъ осторожнаго сосѣда, который не догадывался, что за стѣною у него есть такой же несчастный, пламенно жаждущій свободы. Наконецъ, на четвертый день, ему показалось, что шумъ опять начинается, но уже не такъ внятно и притомъ по другому направленію. Таинственный работникъ, вѣроятно, устранился непріятной встрѣчи и перемѣнилъ свой планъ. Эдмонъ рѣшился послѣпить на помощь къ неутомимому работнику. Онъ началъ съ того, что отодвинулъ кровать, за которою, какъ ему казалось, производилась работа, и сталъ искать, чѣмъ бы отбить штукатурку и вынуть кирпичъ. Но у него ничего не было, ни ножа и никакого остраго орудія. Желѣзныя перекладины въ окнѣ такъ прочно вставлены, что нечего и думать объ нихъ. Вся утварь его жилища состояла изъ кровати, стола, скамьи, ведра и глинянаго кувшина. Кровать свинчена желѣзными болтами, но эти болты такъ глубоко врѣзаны и крѣпко затянуты гайками, что безъ отвертки ничего нельзя было сдѣлать. Потерянная желѣзная дужка у ведра давно уже была замѣнена веревкой. Единственнымъ средствомъ добыть какое-нибудь острое орудіе оставалось разбить кувшинъ и употребить черепки. Дантѣсъ такъ и сдѣлалъ, уронилъ кувшинъ на полъ и изъ разлетѣвшихся черепковъ выбралъ штуки три, а остальные оставилъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія сторожа.

Съ трепещущимъ сердцемъ принялся Дантѣсъ за работу и съ неописанною радостью увидѣлъ, что отсырѣвшая известка и цементъ подъ острымъ черепкомъ отдѣляются вокругъ песчанаго камня, изъ котораго была сложена стѣна. Въ полчаса времени ему удалось выковырять цѣлую горсть этой известки. Математикъ могъ бы вычислить, что въ два года такой работы можно прорыть проходъ фута два въ поперечникъ и футовъ въ двадцать пять длины. Дантѣсъ горько раскаялся, что убилъ такъ

много драгоценнаго времени на бесполезное отчаяніе: ка-кую бы работу онъ могъ совершить, если бы трудился втеченіи шести лѣтъ, которыя провелъ въ темницѣ!

Въ три дня онъ успѣлъ обогреть и очистить одинъ изъ плитныхъ камней, которыми для прочности перемежались песчаные. Оставалось расшатать этотъ камень и вынуть. Дантесъ попробовалъ ногтями, но не удавалось. Черепки, употребленные въ видѣ рычаговъ, обламывались. Всѣ попытки оставались напрасными. Потъ выступилъ на лбу у Дантеса. Неужели остановиться въ самомъ началѣ? или въ бездѣйствіи ждать, покуда сосѣдъ докончитъ свою работу? Вдругъ мелькнула новая счастливая мысль. Дантесъ выпрямился и потъ самъ собою высохъ на просіявшемъ лицѣ. Сторожъ ежедневно приносилъ мясную или рыбную пищу въ желѣзной кострюлѣ и каждый разъ выливалъ изъ нее, все что было, въ тарелку, которая вмѣстѣ съ деревянною ложкой оставалась у арестанта. Кострюля была съ длинною желѣзною ручкой. Объ этой-то ручкѣ вспомнилъ Дантесъ. Дождавшись обѣденнаго времени, онъ поставилъ свою тарелку на полъ, на половникъ дороги отъ двери къ столу, и сталъ ожидать сторожа. Сторожъ вошелъ, наступилъ на тарелку и раздавилъ въ дребезги. На этотъ разъ виноваты были оба: арестантъ, потому что поставилъ тарелку не на мѣсто, а сторожъ, потому что не смотрѣлъ подъ ноги.

— Во что же я теперь налью вамъ супъ? сказалъ сторожъ поглядывая вокругъ.

— Оставь кострюлю, отвѣчалъ Дантесъ равнодушно: завтра возьмешь, когда принесешь завтракъ.

Этотъ совѣтъ польстилъ лѣности сторожа, который избавлялся такимъ образомъ отъ труда воротиться за другою тарелкой. Онъ оставилъ кострюлю.

Дантесъ затрепеталъ отъ радости. Едва сторожъ вышелъ, онъ проворно съѣлъ супъ и принялся снова за работу. Кострюлевая ручка послужила какъ-нельзя лучше: въ часъ времени плитный камень былъ вынутъ. Мазетка и песчаный камень тоже подавались подъ желѣзную скорѣе нежели подъ хрупкимъ черепкомъ. Радость и оптимистическая надежда утравляли силы узника: онъ былъ

неутомимъ и проработалъ всю ночь. На зарѣ онъ вставилъ вынутый камень на мѣсто, придвинулъ кровать и легъ спать.

Черезъ нѣсколько времени потомъ пришелъ сторожъ и принесъ завтракъ.

— Что же ты не принесъ другую тарелку? спросилъ Дантесъ.

— Нѣтъ, вы разрушитель. Вы всю посуду перебьете: кувшинъ разбили и тарелку тоже..... вѣдь вы виноваты: зачѣмъ поставили подъ ноги..... Вѣдь этакъ на васъ не напасешься! Пусть кастрюля останется у васъ вмѣсто тарелки: эту не разобьете.

Дантесъ закрылъ глаза и сложилъ руки подъ одеяломъ. Никогда еще не молился онъ такъ пламенно и благодарно какъ въ эту минуту. Кастрюля казалась ему величайшимъ сокровищемъ и истиннымъ даромъ неба. Съ того дня работа пошла очень успѣшно. Только Дантесъ примѣтилъ, что съ того же времени сосѣдъ пересталъ работать. Это нѣсколько встревожило его, однако жъ онъ не видѣлъ поводу покидать свое дѣло и надѣялся на успѣхъ. Усердіе его возрастало съ каждою горстью извести и песчаной пыли которую ему удавалось выскрести изъ стѣны. Онъ успѣлъ вынуть еще одинъ камень, но тутъ встрѣтилъ препятствіе котораго онъ не ожидалъ. Поперегъ всего углубленія, которое ему удалось выдолбить, проходила толстая желѣзная балка. Вся работа оказалась напрасною: нужно было ломать снова, или ниже или выше балки. Эта неудача въ минуту надежды такъ поразила несчастнаго, что онъ сразу впалъ въ отчаяніе.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ онъ: я столько молился, я такъ надѣялся, что Ты услышишь меня! Боже мой! за какой же тяжкій грѣхъ Ты караешь меня? Боже мой! умилосердись, не дай мнѣ погибнуть въ отчаяніи!

— Кто говоритъ о Богѣ и объ отчаяніи вмѣстѣ? сказалъ голосъ, который, казалось, выходилъ изъ-подъ земли и звучалъ глухо, какъ-будто въ гробу.

У Эдмона волосы поднялись дыбомъ. Онъ, какъ стоялъ на колѣняхъ, такъ и отпрянулъ.

— Говорить!.... человекъ говорить! прошепталъ онъ.

Несчастный уже лѣтъ пять не слышалъ ничьего голоса, никого не видѣлъ кромѣ сторожа. Но сторожъ для узника не человѣкъ: это живой замѣкъ, живой затворъ, прибавленный къ желѣзнымъ.

— Ради неба! вскричалъ Дантесъ: говори еще! говори, хотя твой голосъ и пугаетъ меня.... говори, кто ты?

— Кто ты самъ? возразилъ голосъ.

— Несчастный узникъ, отвѣчалъ Дантесъ.

— Какой нація?

— Французъ.

— Имя?

— Эдмонъ Дантесъ.

— Званіе?

— Морякъ.

— Съ которыхъ поръ здѣсь?

— Съ двадцать-осьмага февраля 1815.

— Какое твое преступленіе?

— Я невпненъ.

— Но въ чемъ тебя обвиняютъ?

— Въ заговорѣ для возвращенія императора.

— Какъ, для возвращенія императора? Развѣ не императоръ царствуетъ?

— Онъ въ 1814 отрекся отъ престола и удалился на островъ Эльбу. Но съ которыхъ же поръ ты здѣсь, что не знаешь этого?

— Здѣсь?... съ тысяча-осемь-сотъ-одиннадцатаго.

Дантесъ затрепеталъ. Этотъ человѣкъ томился гораздо долѣе его.

— Оставьте вашу работу, съ живостью продолжалъ голосъ: скажите мнѣ только, на какой высотѣ находится дыра, которую вы продѣлали?

— Въ уровень съ поломъ.

— Чѣмъ она у васъ скрывается?

— Кроватью.

— А кровать никогда не переставлявали у васъ?

— Никогда.

— Куда выходитъ ваша дверь?

— На корридоръ.

— А корридоръ?

— На большой дворъ, кажется.

Голосъ не отвѣчалъ. Но Дантесу показалось, что онъ стонетъ.

— Чтò такое?... Боже мой! чтò у васъ? вскричалъ Дантесъ съ испугомъ.

— Тò, что я ошибся! Вмѣсто-того чтобы проламывать внѣшнюю стѣну крѣпости, я добрался до вашей.

— Но внѣшняя стѣна выходитъ на море!

— Мнѣ тò и нужно.

— Чтò жъ, если бы удалось?

— Я бросился бы вплавь, достигъ бы котораго-нибудь изъ окрестныхъ острововъ и былъ бы спасенъ.

— Развѣ вы могли бы проплыть такъ далеко?

— Можетъ-быть.... но теперь все погибло.

— Все?

— Все. Заложите ваше отверзтiе и бросьте работу.... ничего не дѣлайте. Ждите, пока я подамъ знакъ.

— Кто же вы? Скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ, кто вы?

— Я?... я номеръ двадцать-седьмой.

— Вы недовѣряете мнѣ?

Отвѣту не было. Дантесу послышался только злобно-насмѣшливый хохотъ.

— О! вскричалъ онъ, догадавшись, что сосѣдъ думаетъ оставить его: клянусь вамъ Богомъ, что я пытку выдержу, но не открою общимъ нашимъ палачамъ ни тѣни истины. Но, ради неба, не покидайте меня! дайте мнѣ слышать вашъ голосъ.... соединитесь со мною, или, клянусь, я рѣзобью себѣ черепъ объ эту стѣну и моя смерть ляжетъ на вашей совѣсти.

— Какихъ вы лѣтъ? спросилъ неизвѣстный.

— Навѣрно не знаю. Я потерялъ счетъ времени. Въ 1815 мнѣ было двадцать.

— Стало-быть теперь двадцать-седьмой. Ну, въ эти лѣта человѣкъ рѣдко бываетъ измѣнникомъ.

— О! клянусь, я не измѣнникъ! вскричалъ Дантесъ: я сказалъ и повторю вамъ, что скорѣе позволю изрѣзаться съ-бѣ въ куски нежели измѣню товарищу.

— Хорошо. Вы хорошо сдѣлали, что попросили меня. Я хотѣлъ-было оставить васъ и приняться за другой планъ.

Но ваша молодость упокоиваетъ меня. Подождите, я прииду къ вамъ.

— Когда же?

— Подождите. Нужно разсчитать. Я подамъ вамъ знакъ.

— Но вы не покинете меня? Не оставите меня одного? Вы придете ко мнѣ или позволите мнѣ прийти къ вамъ? Мы вмѣстѣ спасемся или, если намъ не удастся спастись, будемъ по-крайней-мѣрѣ вмѣстѣ.... мы будемъ говорить, я о своихъ, а вы о своихъ близкихъ и родныхъ. Вѣдь вы любите же кого-нибудь?

— У меня никого нѣтъ. Я одинъ на свѣтѣ.

— Ну, такъ вы будете любить меня. Если вы молоды, я буду вашимъ товарищемъ и братомъ; если вы стары, я буду вашимъ сыномъ.... У меня есть отецъ, которому должно быть лѣтъ семьдесятъ, если онъ не умеръ. Я буду любить васъ, какъ любилъ отца.

— Хорошо, сказалъ сосѣдъ: до завтра.

Эти слова была сказаны такъ рѣшительно, что Дантесъ удовольствовался. Онъ былъ счастливъ: онъ былъ уже не одинъ и даже могъ надѣяться на освобожденіе. Остатокъ дня и вся ночь прошла въ лихорадочномъ нетерпѣливомъ ожиданіи. Дантесъ почти не смыкалъ глазъ и все прислушивался. Наконецъ, на другой день, послѣ обѣда, послышался стукъ въ стѣну. Дантесъ проворно отодвинулъ кровать, вынулъ камень пріимикъ къ отверстію и спросилъ:

— Это вы?

— Я. Давно ли у васъ былъ сторожъ?

— Сейчасъ только. Мы имѣемъ по-крайней-мѣрѣ часовъ шестнадцать времени. До утра никто насъ на потревожить.

— Такъ я могу дѣйствовать?

— О, да, да! скорѣе, скорѣе! вскричалъ Дантесъ.

И вслѣдъ за тѣмъ земля подъ руками у него подалась. Онъ отодвинулся, между-тѣмъ, какъ масса земли и камней провалилась въ дыру, которая образовалась подъ тѣмъ углубленіемъ въ стѣнѣ, которое самъ онъ выдолбилъ. По-

томъ въ этой темной дѣрѣ показалась голова, плечи и, наконецъ, весь человѣкъ выльзъ довольно ловко.

Дантесъ съ восторгомъ принялъ гостя въ объятія и потащилъ къ окну, чтобы разглядѣть его. Это былъ невысокаго росту старикъ, посѣдѣвшій болѣе отъ трудовъ ума нежели отъ лѣтъ. Подъ густыми сѣдоватыми бровями сверкали пронизательные глаза. Черная густая борода закрывала половину груди. Черты блѣднаго лица были правильны, выразительны и пріятны, несмотря, на худобу. Покрой одежды невозможно было опредѣлить, потому что она вся висѣла лохмотьями.

Старикъ, казалось, съ удовольствіемъ принималъ восторженные привѣтствія молодаго человѣка, хотя онъ и нашелъ вторую темницу вмѣсто желанной свободы. Одеждавшая душа его, на минуту оттаяла въ соприкосновеніи съ молодою пламенною душой.

Старикъ сѣлъ на Дантесову кровать, чтобы отдохнуть.

— Скажите, чѣмъ вы проложили себѣ дорогу, чѣмъ вы работали? спросилъ Дантесъ, который давно уже былъ увѣренъ, что сосѣдъ располагаетъ гораздо болѣе значительными средствами.

— У меня есть инструменты, отвѣчалъ старикъ.

— Инструменты! Но гдѣ же вы взяли?

— Самъ сдѣлалъ. Вотъ это желѣзо служило мнѣ и ломомъ и зубиломъ.

Онъ показалъ большой гвоздь, вставленный въ кусокъ дерева и заостренный.

— Какъ вы это достали?

— Это былъ винтъ, въ кровати. Я расшаталъ его и отвернулъ. Этою штукой я сдѣлалъ весь прокопъ. Футовъ пятьдесятъ будетъ.

— Пятьдесятъ футовъ! вскричалъ Дантесъ почти съ ужасомъ.

— Да, около этого будетъ отъ моей комнаты до вѣнъ. За недостаткомъ компаса и геометрическихъ инструментовъ, я ошибся въ направленіи и дурно рассчиталъ дугу. Вмѣсто-того чтобы идти поперекъ корридора я пошелъ вдоль и думая что подвигаюсь къ вѣнѣ стѣны

очутился здѣсь. Вся моя работа пропала, потому что этотъ корридоръ выходитъ на дворъ, наполненный стражею.

— Но если бы вы и не ошиблись, если бы вы достигли до вѣшной стѣны.... до этой.... что жъ тогда? Вы видите, она состоитъ изъ цѣльной гранитной скалы. Ее пробить невозможно!

— Правда! сказалъ старикъ удостовѣрившись, что стѣна въ самомъ дѣлѣ несокрушима: я не думалъ, чтобы она была гранитная.

— Что жъ теперь дѣлать?

— Кажется, ровно нечего.

— Такъ мы должны остаться здѣсь?

— Да будетъ воля Божія! спокойно отвѣчалъ старикъ.

Дантесъ съ удивленіемъ и невольнымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на человѣка, который такъ смиренно отказывался отъ надежды, ледянной втеченіи многихъ лѣтъ.

— Скажите же мнѣ, кто вы? спросилъ онъ.

— На что вамъ? Если бы я еще могъ принести вамъ какую-нибудь пользу....

— Вы можете принести мнѣ много пользы: вы можете поддержать меня и научить примѣромъ, потому что вы опытни.

Старикъ горько улыбнулся.

— Я аббатъ Фарія, сказалъ онъ: я нахожусь въ этой темницѣ съ 1811 года. Но до того я еще содержался три года въ Фенестрелѣ. Когда меня перевозили сюда, я узналъ, что у Наполеона родился сынъ, въ колыбели названный королемъ римскимъ.... Тогда я не полагалъ, что этотъ колоссъ не далѣе какъ черезъ четыре года будетъ сверженъ.... Кто же теперь царствуетъ во Франціи? Наполеонъ Второй?

— Нѣтъ, Людовикъ Осмнадцатый.

— Людовикъ Осмнадцатый! братъ Людовика Шестнадцатаго!.. Какъ дивны и непостижимы пути Провидѣнія!..

— Но скажите, перебилъ Дантесъ, за что же вы заключены?

— Я! за то что я въ 1807 году мечталъ о планѣ, который Наполеонъ хотѣлъ осуществить въ 1811; зато что, подобно Макиавелю, вмѣсто всѣхъ этихъ княжествъ, на ко-

горыя дѣлится Италия, я хотѣлъ видѣть ее подъ свѣтломъ одного крѣпкаго и могучаго властелина; за то что я думалъ найти своего Цезаря Борджіо въ челоуѣкѣ, который, какъ мнѣ казалось, понималъ меня, который однако жъ устранился Наполеона и пожертвовалъ мною. Это все тотъ же планъ, который обдумывали и Александръ Шестой и Климентъ Седьмой. Онъ никогда не удавался. И Наполеонъ не могъ осуществить его: значить, на Италия тягѣть какое-нибудь проклятіе.

Старикъ опустилъ голову на грудь.

Дантесъ не понималъ, какъ челоуѣкъ можетъ жертвовать жизнью и свободой за такіа дѣла, и огорчаться за нихъ послѣ девяти или десяти-лѣтняго заключенія въ темницѣ. Онъ зналъ Наполеона, потому что видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, но вовсе не зналъ, кто таковы были Климентъ Седьмой и Александръ Шестой, о которыхъ упоминалъ аббатъ. Онъ началъ раздѣлять мнѣніе сторожа, отъ котораго какъ-то, случайно, слышалъ о сумасшедшемъ аббатѣ.

— Вы не тотъ ли аббатъ, котораго считаютъ.... болынымъ? спросилъ онъ.

— Котораго считаютъ сумасшедшимъ, хотите вы сказать?

— Я не смѣлъ такъ выразиться, отвѣчалъ Дантесъ улыбаясь.

— Да, да! продолжалъ Фарія съ горькою усмѣшкой: да меня считаютъ сумасшедшимъ; надо мной потѣшались сторожа этого замка. Надо мной потѣшались бы и дѣти если бы здѣсь они были.

Дантесъ смутился. Онъ почувствовалъ, что слыжалъ глупый вопросъ. Но ему хотѣлось говорить: онъ такъ давно не говорилъ, а старикъ всё болѣе и болѣе погружался въ свою думу о судьбахъ народовъ.

— Что же, вы теперь отказываетесь отъ побѣгу? спросилъ Дантесъ, помолчавъ.

— Я вижу, что онъ невозможенъ. Дѣлать тутъ нечего. Нужно подождать какаго-нибудь случая. Я уже довольно долго ждалъ. Положму еще.

— Подождать случая! Но когда случай представится

А между-тѣмъ жить десятка лѣтъ одною надеждою на случай! Это ужасно! Какъ можно такъ долго заниматься одною мыслью?

— Я не одною этою мыслью занимался. Я работалъ.

— Хорошо; но теперь, когда вы видите, что работа ни къ чему не ведетъ?

— Я разумно не одну эту землекопную работу. Я занимался науками или писалъ.

— Такъ вамъ дадутъ бумагу, перья, чернила?

— Нѣтъ; мнѣ въ особенности запретили давать все подобное. Но я самъ сдѣлалъ себѣ все, что нужно.

— Вы сдѣлали себѣ бумагу, перья и чернила?

— Да.

Дантесъ съ удивленіемъ и сомнѣніемъ посмотрѣлъ на страннаго старика.

— Приходите ко мнѣ, продолжалъ аббатъ: я покажу вамъ цѣлое сочиненіе, плодъ размышленій и изысканій всей моей жизни, все то, что я задумывалъ подъ тѣнью римскаго коллизея, у подножія колонны Святаго Марка въ Венеціи и на берегахъ Арно во Флоренціи, и что написалъ въ четырехъ стѣнахъ этой душной темницы. Это — трактатъ о возможности единой монархіи въ Италіи, трактатъ, который составитъ порядочный томъ въ-четвертку.

— На чемъ же вы написали?

— На двухъ рубашкахъ. Я изобрѣлъ составъ, посредствомъ котораго сдѣлалъ полотно твердымъ и непроницаемымъ какъ пергамень.

— Стало-быть, вы химикъ.

— Немножко. Я зналъ Лавоазіе и былъ друженъ съ Кабанисомъ.

— Но для такого сочиненія вамъ нужны были историческія пособія. У васъ есть книги?

— Въ Римѣ у меня, въ библиотекѣ, было пять тысячъ томовъ. Читая и перечитывая ихъ я нашелъ, что сдѣлавши хорошій выборъ, можно въ сотнѣ томовъ имѣть собраніе всего человѣческаго знанія. Эту сотню томовъ я перечитывалъ столько разъ, что почти все зналъ наизусть въ то время, когда меня арестовали. Въ темницѣ мнѣ нужно было только нѣкоторое усиліе и я припоминалъ все, въ

чемъ имѣлъ нужду. Я знаю наизусть Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Ливія, Тацита, Страду, Спинолу, Макиавелла, Монтеня, Боссюэта и даже Данта и Шекспира, если хотите.

— Такъ вы знаете много языковъ?

— Я говорю на пяти живыхъ языкахъ, на итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ. Помощію древне-греческаго, я понимаю ново-греческій, только говорю дурно. Я теперь только изучаю его.

— Изучаете? Какъ же вы изучаете?

— Я составилъ себѣ словарь изъ тѣхъ словъ, которые знаю, и теперь всячески разбираю, связываю и изворачиваю эти слова, такъ, что могу уже достаточно выражать ими мою мысль. Я буду не краснорѣчивъ, но объясниться, въ случаѣ нужды, съумѣю.

— Но какими же перьями вы пишете? спросилъ Дантесъ, болѣе и болѣе удивляясь необычному уму и способностямъ стараго аббата.

— Перья я дѣлаю превосходныя изъ рыбныхъ головныхъ хрящей, отвѣчалъ Фарія: вы знаете, что каждую среду и пятницу у насъ бываетъ къ обѣду рыба, и потому запасъ монахъ перьевъ никогда не истощается. И, признаюсь вамъ, историческіе труды самое отрадное мое занятіе: уносясь въ прошлое я не помню настоящаго; странствуя свободно и независимо по исторіи, я забываю что я уликъ.

— Но чернила? откуда вы берете чернила?

— Въ моей комнатѣ есть печь, которая до моего прибытія была уже закладена, но которую прежде топили, вѣроятно, впродолженіи многихъ лѣтъ: внутренность ея покрыта толстымъ слоемъ сажи. Эту сажу я развожу на винѣ, которое мнѣ давали, когда я былъ боленъ, и теперь даютъ каждое воскресенье. Это единственная выгода, какую доставляетъ мнѣ званіе сумасшедшаго.... Но пойдите ко мнѣ: я вамъ покажу и бумагу мою и перья.

Дантесъ съ радостью воспользовался приглашеніемъ и полѣзъ вслѣдъ за аббатомъ въ подземный ходъ.

Пробравшись по этому новому корридолу ползкомъ, ол-

нако жъ довольно свободно, они вышли въ комнаты аббата, гдѣ отверстіе закрывалось одною изъ плитъ пола. Лишь-только всталъ на ноги, Дантесъ принялся осматривать всѣ углы въ комнатахъ. Съ перваго взгляду она не представляла ничего особеннаго.

— Четверть втораго! сказалъ аббатъ: вы можете прогостить у меня довольно долго, если хотите.

Дантесъ съ удивленіемъ сталъ искать глазами часовъ, по которымъ старикъ съ такою точностью опредѣлялъ время. Фарія показалъ ему лучъ свѣту въ окнѣ и нѣсколько линій на стѣнѣ; потомъ разложилъ передъ нимъ свое сочиненіе, написанное на полотняныхъ полоскахъ или лентахъ, свернутыхъ въ трубки наподобіе древнихъ папирусовыхъ рукописей. Потомъ онъ показалъ гостю свои перья, чернила, перочинный ножикъ, сдѣланный изъ куска старой жести и острый какъ бритва; лампаду въ черепкѣ съ саломъ, собраннымъ отъ мяса, которое давалось на обѣдъ; огниво состоящее изъ двухъ камней, жезла полотна и сѣры, которую онъ выпросилъ себѣ подъ предлогомъ наскожной болѣзни, и, наконецъ, длинную веревочную лѣстницу, чрезвычайно искусно и прочно сдѣланную изъ обрывковъ и остатковъ бѣлья, которые не годились на бумагу. Дантесъ разсматривалъ всѣ эти вещи съ такимъ же удивленіемъ, какъ, бывало, произведенія дикарей, привозимыя путешественниками съ острововъ Тихаго Океана. Каждый новый предметъ болѣе и болѣе возмущалъ его уваженіе къ проникательному, обширному и изобрѣтательному уму аббата. Ему казалось, что этотъ человекъ, можетъ-быть, ясное увидитъ что-нибудь и въ его судьбѣ, которая для него самого всегда оставалась темною и непонятною.

— О чемъ вы думаете? спросилъ Фарія, увидѣвъ, что Дантесъ неподвижно уставилъ глаза на перочинный ножикъ, который держалъ въ рукѣ, между-тѣмъ какъ мысль, очевидно, была далеко.

— Во-первыхъ, отвѣчалъ молодой человекъ, о множествѣ ума, которое вы истратили на все это.... Что же бы вы сдѣлали, если бы пользовались свободой?

— Можетъ-быть, ничего. Можетъ-быть, умъ мой испа-

рѣлся бы на пустяки. Вѣдь и это все дрянь: это важно только относительно мѣста и средствъ. Но я и этого не сдѣлалъ бы и не придумалъ бы, если бъ не былъ принужденъ обстоятельствами. Чтобы открыть нѣкоторые таинственные родники человѣческаго ума, нужно несчастіе; чтобы произвести взрывъ, нужно давленіе. Заключеніе въ темницѣ сосредоточило всѣ мои блуждающія способности. Они сталкивались въ тѣсномъ пространствѣ, а вы знаете, что отъ столкновенія тучъ рождается электричество, отъ электричества молнія, отъ молніи свѣтъ.

— Нѣтъ, я не знаю.... я ничего не знаю! отвѣчалъ Дантѣсь въ уныніи отъ своего невѣжества: большая часть вѣстныхъ словъ для меня непонятна и темна.... Какъ вы счастливы, что вы такъ учены!

Аббатъ улыбнулся.

— О чемъ же вы думали во-вторыхъ? спросилъ онъ.

— Во-вторыхъ.... о томъ, что вы рассказывали мнѣ свою исторію, а я вамъ своей еще не рассказалъ.

— Вы еще такъ молоды, любезный другъ, что въ вашей жизни не можетъ заключаться много любопытнаго.

— Конечно, однако въ ней заключается большое несчастіе, возразилъ Дантѣсь: несчастіе, котораго я не заслужилъ.

— Такъ вы не виноваты въ томъ, за что терпите наказаніе?

— Совершенно невиненъ, клянусь Богомъ!

И Дантѣсь рассказалъ какимъ образомъ попалъ въ темницу. Выслушавъ его, аббатъ задумался.

— Въ правовѣдѣніи извѣстно одно важное правило, основанное на глубокомъ знаніи человѣческаго сердца, сказалъ онъ потомъ: это правило—если хочешь отыскать преступника, отыщи сперва того, кому совершенное преступленіе могло быть полезно. Кому исчезновеніе ваше было необходимо.

— Никому! Боже мой, вѣдь я ничего не значу!

— Не говорите этого, потому что въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ ни логики, ни философій. На свѣтѣ все относительно, любезный другъ. Всякій человѣкъ значитъ много или мало,

смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ; вслѣдствіе, гдѣ бы онъ ни стоялъ, ни высшей или на низшей ступени общественной лѣстницы, образуетъ звѣно безконечной цѣпи отношеній. Вы говорите, что васъ назначали капитаномъ Фараона?

— Да.

— И что вы собирались жениться на хорошенькой дѣвушкѣ?

— Да.

— Не искалъ ли другой кто-нибудь руки вашей Мерседесъ? Не искалъ ли другой кто-нибудь мѣста капитана на Фараонѣ или по-крайней-мѣрѣ не страдалъ ли кто-нибудь черезъ это.

— Нѣтъ. Меня на Фараонѣ очень любили. Если бы матросамъ самимъ пришлось выбрать капитана, я увѣренъ, они выбрали бы меня. Только одинъ человѣкъ, можетъ-быть, не желалъ этого, потому что вообще былъ нерасположенъ ко мнѣ и потому что мы незадолго до того поссорились, такъ, что я хотѣлъ стрѣляться, но онъ отказался.

— О!... А какъ звали этого человѣка?

— Дангларъ.

— Чѣмъ онъ былъ на кораблѣ?

— Прикащикомъ при товарахъ.

— Сдѣлавшійся капитаномъ, вы, конечно, имѣли бы вліяніе на него. Оставили ли вы его на мѣстѣ?

— Вѣроятно, не надолго. У него всегда были плутни съ козаческихъ дѣлахъ.

— Хорошо. Теперь скажите, былъ кто-нибудь при вашемъ последнемъ разговорѣ съ капитаномъ Леклеркомъ?

— Нѣтъ, мы были одни.

— Но, можетъ-быть, кто-нибудь зналъ объ этомъ, слышалъ изъ-дали.

— Да, это можетъ быть. Дверь была неплотно затворена, и, выходя, я встрѣтился съ Дангларомъ.

— Хорошо. Слѣдъ есть. Брали ли вы кого-нибудь съ собой, когда выходили на берегъ на островъ Эльбѣ?

— Никого.

— Кто вамъ вручилъ письмо?

— Маршалъ.

— Куда вы дѣвали это письмо? Видѣлъ его кто-нибудь?

— Нѣтъ; я былъ одинъ въ каютѣ, когда изъ кармана переложилъ его въ портфель и заперъ.

— А не встрѣтили ли вы опять Данглара, когда выходилъ изъ каюты?

— Нѣтъ, кажется.

— Ну, такъ могли встрѣтить. Это всё-равно. Теперь слушайте; соберите хорошенько ваши воспоминанія: помните ли вы, какъ и что было сказано въ доносѣ?

— О, да! я перечиталъ его три раза и каждое слово вѣдалось у меня.

— Повторите.

Дантѣсъ подумалъ и слово въ слово повторилъ доносъ, который ему давалъ читать помощникъ прокурора. Аббать пожалъ плечами.

— Это ясно, какъ солнце! сказалъ онъ: и вы, должно быть, очень добродушны и простодушны, когда не догадывались тотчасъ же.

— Вы думаете? вскричалъ Дантѣсъ: о, это было бы ужасно подло!

— Каковъ у Данглара былъ обыкновенный почеркъ?

— Очень четкій, красивый, курсивный.

— А какимъ почеркомъ былъ написанъ доносъ?

— Опрокинутымъ и круглымъ.

Аббать улыбнулся, взялъ свое перо и клочокъ полотна, приготовленнаго для рукописи, и написалъ первыя двѣ строки доноса. Дантѣсъ отскочилъ и почти съ ужасомъ посмотрѣлъ на старика.

— Удивительно какъ похоже! вскричалъ онъ.

— Оттого что доносъ былъ написанъ лѣвою рукой, сказалъ аббать: я давно примѣтилъ, что почерки лѣвой руки всё схожи между собою. Но.... далѣе, второй вопросъ: нужно было кому-нибудь, чтобы вы не женились на Мерседесъ?

— Можетъ-быть.... одинъ молодой человекъ былъ влюбленъ въ нее.

— Имя?

— Фернандъ.

— Испанецъ?

— Да, Каталонецъ.

— Думаете вы, что онъ способенъ былъ написать доносъ?

— Нѣтъ, онъ скорѣе способенъ былъ пырнуть въ меня ножомъ.

— Такъ! это испанская натура: на убійство скорѣе покусится нежели на низость.

— Ктому же, продолжалъ Дантесъ, Фернандъ ни какъ не могъ знать того, о чемъ говорится въ доносѣ.

— Вы никому не сказывали о порученіи, которе было вамъ дано?

— Никому.

— Ни даже вашей невѣстѣ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ это Дангларъ!

— О! теперь я увѣренъ!

— Погодите.... Дангларъ зналъ Фернанда?

— Нѣтъ... или да, зналъ!.... теперь я вспомнилъ....

— Чтò?

— Наканунѣ моего обрученія съ Мерседесъ я видѣлъ Данглара и Фернанда вмѣстѣ, за однимъ столомъ, въ гостиной дяди-Панфила.

— Одни они были?

— Нѣтъ, съ третьимъ товарищемъ, съ портнымъ, котораго я зналъ, потому что онъ жилъ въ одномъ домѣ съ моимъ отцомъ. Но этотъ былъ совершенно пьянъ.... Ахъ, погодите, погодите!....

— Чтò?

— Какъ я не вспомнилъ этого раньше?.... Подлѣ стола, на которомъ они пили, на другомъ столѣ, стояла чернильница съ перомъ.... (Дантесъ приложилъ руку ко лбу). О! это тутъ, тутъ написанъ доносъ!.... О! подлецы!

— Хотите вы еще знать чтò-нибудь? съ улыбкою спросилъ аббатъ.

— Да, да! хочу. Вы знаете все, вы во всемъ видите ясно причины и начала. Скажите же мнѣ, зачѣмъ меня допрашивали только одинъ разъ? зачѣмъ меня не судили,

какъ судить другихъ обвиненныхъ, зачѣмъ меня заключили въ темницу безъ приговору суда?

— О! это немножко по-вашимъ! сказалъ аббатъ: то, что мы сдѣлали доселѣ, открывая вашихъ первыхъ непосредственныхъ враговъ, — играшка въ сравненіи съ этимъ вопросомъ. Однако жъ попытаемся. Отвѣчайте мнѣ подробно и съ точностью на каждый вопросъ; говорите все, что знаете.

— Спрашивайте, спрашивайте. Вы яснѣ видите мое дѣло нежели я, вскричалъ Дантесъ.

— Кто допрашивалъ васъ? продолжалъ аббатъ: прокуроръ, помощникъ прокурора или слѣдственный приставъ?

— Помощникъ прокурора.

— Наединѣ или въ чьемъ-нибудь присутствіи?

— Наединѣ, въ кабинетѣ.

— Молодъ или старъ былъ этотъ помощникъ?

— Лѣтъ двадцати-семи или двадцати-осьми.

— Какъ онъ обращался съ вами.

— Больше ласково нежели строго.

— Вы все рассказали ему?

— Все.

— Переѣнилось его обращеніе, когда онъ все узналъ?

— Нѣтъ; на минуту только, по прочтеніи письма, которое я везъ, онъ казался пораженнымъ моимъ несчастіемъ.

— Вашимъ несчастіемъ?

— Да.

— И вы увѣрены, что онъ сострадалъ къ вамъ?

— Онъ по-крайней-мѣрѣ доказалъ мнѣ свое участіе.

— Чѣмъ же?

— Онъ сжегъ единственное доказательство моей вины.

— Которое же? доносъ?

— Нѣтъ, письмо.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— При моихъ глазахъ письмо сгорѣло въ кинигѣ.

— Это другое дѣло. Слѣдовательно, этотъ человекъ могъ быть гораздо болѣе глубокимъ перзаидемъ нежели я сначала полагалъ.

— Что вы? вскричалъ Дантесъ: помилуйте! какъ это

возможно? Неужели же свѣтъ наполненъ тиграми и крокодилами?

— Почти. Только двуногіе тигры и крокодилы немножко омыслили четвероногихъ. Такъ вы говорите, что онъ сжегъ письмо?

— Да, и сказалъ: «Вы видите, я уничтожаю единственную улику противъ васъ.»

— Такой поступокъ слишкомъ ненатурально великодушень.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ. Кому было адресовано письмо?

— Господину Ноартіе, въ улицѣ Кокгеронъ, номеръ 13, въ Парижѣ.

— Не было ли нужно самому помощнику прокурора, чтобы письмо это уничтожилось?

— Можетъ-быть, потому что онъ два или три раза заставлялъ меня давать слово, что я никому не скажу объ этомъ письмѣ, — для личной моей пользы, какъ онъ говорилъ. Онъ даже взялъ съ меня клятву, что я никогда не произнесу имени, которое было написано на адресѣ.

— Ноартіе! вскричалъ вдругъ аббатъ: Ноартіе! Я зналъ одного Ноартіе, который былъ жирондистомъ. А какъ звали помощника прокурора?

— Де-Вильеферъ.

Аббатъ захохоталъ. Дантесъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и ужасомъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Посмотрите, отвѣчалъ аббатъ: видите вы этотъ лучъ лезвѣнаго свѣту?

— Вижу.

— Ну, ваше дѣло гораздо яснѣе этого луча. Бѣдный молодой человекъ! И этотъ судья былъ добръ и ласковъ до васъ? Онъ сжегъ письмо, которое служило уликою противъ васъ? Онъ заставилъ васъ поклясться, что никогда не произнесете имени Ноартіе?

— Да.

— Ну, этотъ Ноартіе..... близорукій вы, бѣдняжка!.....

Знаете ли вы, кто этот Ноартид? Это — Ноартид де-Вильфоръ, отецъ Вильфора!

Упал громъ и вырой подъ ногами пропасть, въ глубинѣ которой зялъ бы адъ, онъ произвелъ бы на Дантеса не такое ужасное дѣйствіе какъ эти неожиданныя слова. Онъ поднялся и схватилъ себя обѣими руками за голову, какъ-будто опасаясь, чтобы она не лопнула.

— Его отецъ! его отецъ! вскричалъ онъ.

— Да, его отецъ, Ноартид де-Вильфоръ.

Въ одну минуту все прошедшее воскресло и прояснилось въ умѣ несчастнаго узника: ему живо представились всѣ малѣйшія подробности допросу, всѣ движенія, всѣ слова и выраженія голоса судьи. Онъ вскрикнулъ, зашатался и потомъ бросился въ подземный проходъ.

— О! вскричалъ онъ: мнѣ нужно быть одному, чтобы подумать обо всемъ этомъ.

Пришедши въ свою комнату онъ упалъ на кровать, гдѣ сторожъ, вечеромъ, нашелъ его сидящаго неподвижно, съ вытаращенными глазами, съ искаженными чертами лица и безмолвнаго какъ истуканъ. Въ эти часы раздумья онъ далъ себѣ страшную клятву. Но чтобы сдержать ее, нужно было выйти изъ темницы.

Изъ этой думы извлекъ его голосъ аббата Фарин, который звалъ его къ себѣ, обѣдать. Въ качествѣ забавнаго съумасшедшаго, старикъ пользовался нѣкоторыми преимуществами передъ другими арестантами: обѣдъ его былъ по-лучше, хлѣбъ бѣлѣе, а по воскресеньямъ ему отпускалось даже вино. День случился воскресный и аббатъ пригласилъ молодаго товарища отвѣдать вина. Дантесъ отправился. Мускулы его лица опять уложились по мѣстамъ, однако въ выраженіи осталась суровость и неподвижность, которыя обнаруживали твердую рѣшимость. Аббатъ пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Мнѣ досадно, зачѣмъ я помогъ вамъ отыскать вашихъ враговъ.

— Отчего такъ?

— Оттого что черезъ это я влилъ въ ваше сердце такое чувство, котораго въ немъ не было, — мщение.

Дантесъ улыбнулся.

— Поговоримъ о другомъ, сказалъ онъ.

Аббатъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка, печально покачалъ головой и потомъ разговоръ обратился на другіе предметы. Бесѣда Фарин, какъ вообще бесѣда людей, которые много страдали, заключала въ себѣ множество уроковъ и была постоянно занимательна. Но Фария былъ не эгоистъ: онъ никогда не говорилъ о своихъ собственныхъ несчастіяхъ.

Дантесъ съ удивленіемъ вслушивался въ каждое его слово и въ каждомъ видѣлъ какъ-бы зарю новаго познанія, котораго жаждалъ его молодой и здоровый умъ.

— Вы такъ много знаете! сказалъ онъ наконецъ съ жаромъ: сообщите мнѣ хоть часть вашихъ познаній; научите меня чему-нибудь. Случай къ побѣгу намъ, можетъ-быть, еще не скоро представится, а эти уроки доставятъ вамъ развлеченіе на долго. Самимъ вамъ теперь, кажется, уже нечему учиться здѣсь. Я буду усерднымъ ученикомъ и надѣюсь, что вы не соскучитесь со мною.

— На долго, говорите вы, другъ мой! возразилъ старикъ съ улыбкой: увы! человѣческое знаніе ограничено. Когда я преподамъ вамъ математику, физику, исторію и три или четыре языка, вы будете знать все, что я знаю, а все это вы можете узнать въ два года.

— Въ два года! вскричалъ Дантесъ: неужели вы думаете, что я могу все это узнать въ два года?

— Конечно, не въ приложеніи, однако етъ способы, которыми вы можете знать. Впрочемъ, научиться не значитъ знать. Есть люди, которые многому учились и есть ученые: одни — не что иное какъ олицетворенная память, другіе обладаютъ истиннымъ знаніемъ, философіей.

— Но развѣ нельзя научиться философіи?

— Философіи не научаются. Философія есть собраніе наукъ, усвоенныхъ умомъ, который умѣетъ употребить ихъ въ приложеніи.

— Такъ научите меня тому, чему можно научить, возразилъ Дантесъ: я хочу знать все, что вы знаете.

И въ тотъ же вечеръ узники составили планъ воспитанія, который на другой день начали исполнять. У Дантеса была прекрасная память и необыкновенная понятливость.

Къ математикѣ онъ былъ расположенъ отъ природы и, и какъ моряка, практически уже много зналъ. Языки онъ также учился легко. Онъ уже говорилъ хорошо по италіански и немножко по-ромайски, потому что нѣсколь-ко разъ бывалъ на востокѣ. Съ помощію этихъ двухъ языковъ онъ скоро понялъ механизмъ всѣхъ остальныхъ. Въ этихъ занятіяхъ дни текли быстро и занимательно. Втеченіи двухъ лѣтъ Дантесъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ. Онъ усвоилъ себѣ не только всѣ науки и языки, но и ловкое свѣтское обращеніе аббата, который всегда жилъ въ высшемъ италіанскомъ обществѣ. Старикъ былъ въ восхищеніи отъ переимчивости и проныцательнаго, гибкаго, свѣтлаго ума своего воспитанника.

Между-тѣмъ самъ Фарія страдалъ тѣлесно. Здоровье его съ каждымъ днемъ видимо ослабѣвало. Однажды Дантесъ засталъ его лежащаго на кровати и совершенно изурнаго. Молодой человѣкъ съ участіемъ бросился къ своему наставнику и осыпалъ распросами.

— Сегодня ночью, отвѣчалъ Фарія, у меня былъ жестокой припадокъ болѣзни, которою я страдалъ до моего заключенія въ темницу и которой возвращеніе предвѣщаетъ скорую смерть. Мнѣ уже не долго осталось жить, другъ мой. Прощай. Еще одинъ такой припадокъ и я уже не встану. Всѣ средства.... если бы для насъ, узниковъ, существовали средства.... были бы бесполезны. Я хорошо знаю свою болѣзнь: мой отецъ и дѣдъ умерли отъ ней. Я тоже умру.

Напрасно Дантесъ старался ободрить и утѣшить старика, котораго любилъ какъ втораго отца.

— Нѣтъ, мой другъ, я знаю, что я скоро умру, отвѣчалъ Фарія: и потому мнѣ нужно подумать о завѣщаніи... мнѣ нужно поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ.

Онъ приподнялся, сѣлъ на кровати, досталъ изъ-подъ изголовья небольшой свертокъ пожелтѣвшей бумаги и передалъ Дантесу.

— Что это такое? спросилъ молодой человѣкъ.

— Разсмотрите, отвѣчалъ Фарія.

— Я смотрю во всѣ глаза, но вижу только клочокъ бумаги съ обожженнымъ краемъ и съ нѣсколькими словами

ми строками, въ которыхъ нѣтъ смыслу.... Письмена старинныя и чернида очень блѣдны.

— Эта бумага, другъ мой, продолжалъ аббать: это — мое сокровище. Я умираю и не хочу унести тайну въ могилу. Я довольно знаю васъ; я изучилъ ваше сердце и люблю былъ.... Я усыновляю тебя, Эдмонъ, и завѣщаю тебѣ все мое имѣнiе.

Холодный потъ выступилъ на лбу у Дантеса. Нѣсколько лѣтъ уже Фарія жилъ съ нимъ и никогда не говорилъ объ этомъ кладѣ, за который слылъ сумасшедшимъ. Дантесъ не хотѣлъ огорчать своего благодѣтеля и тоже никогда не спрашивалъ: онъ думалъ, что Фарія прежде въ самомъ дѣлѣ былъ помѣшанъ на этой идее и что болѣзнь прошла: Теперь онъ ужаснулся при мысли, что помѣшательство возвращается.

— Ваше сокровище? пробормоталъ Дантесъ.

Фарія улыбнулся.

— Да, сказалъ онъ: ты благородная душа, Эдмонъ. Я вижу твою блѣдность: я знаю, что въ эту минуту происходитъ въ тебѣ. Но успокойся, я не сумасшедшій. Это сокровище существуетъ. Мнѣ не суждено было обладать имъ, но ты современемъ будешь обладать, я увѣренъ. Никто не хотѣлъ согласиться на мое предложенiе, никто не хотѣлъ выслушать меня: всѣ считали меня сумасшедшимъ. Но ты знаешь, что я не помѣшанъ, ты выслушай.

— Этому несчастiя еще недоставало мнѣ! подумалъ Дантесъ и сердце его сжалось: — Почтенный другъ мой, продолжалъ онъ обращаясь къ Фарiи: припадокъ изнурилъ васъ; вамъ нужно отдохнуть. Завтра, пожалуй, я буду слушать все, что вы хотите, но только сегодня поберегите себя. К чему такъ торопиться дѣлать завѣщанiе....

— Нужно поторопиться, другъ мой. Кто знаетъ? можетъ-быть завтра припадокъ повторится и я умру не прощаясь съ тобой.... и тогда все погибнетъ. Да, правда! прежде я съ горькимъ наслѣдствiемъ помышлялъ объ этихъ богатствахъ, которыя могли бы составить счастье десяти семействъ и которыя пропадутъ ни за что, потому что я гибну, потому что безумные палачи мои не хотѣли

вѣрить мнѣ. Эта мысль служила мнѣ какъ-бы мщениемъ: она утѣшала меня въ отчаяніи и помогала сносить узы. Но теперь, когда я помирился съ свѣтомъ и людьми за твою любовь; теперь, когда я вижу тебя, молодого, крѣпкаго и еще доступнаго надеждѣ.... теперь я думаю о томъ, какое счастье можетъ родиться для тебя отъ этого открытія, и я спѣшу упрочить за тобою все мое достояніе. Ты достоинъ его.

Эдмонъ отворотился и вздохнулъ.

— Ты не вѣришь мнѣ, сынъ мой? Ты не вѣришь, что я въ своемъ умѣ? вскричалъ Фарія.

— Вѣрю, вѣрю! отвѣчалъ Дантесъ: но успокойтесь, не напрягайте своихъ силъ.... Оставимъ это до завтра.

— Нѣтъ. Напряженіе это ничего не значитъ. Я могу говорить свободно и непременно хочу воспользоваться тѣми силами, какія теперь имѣю. Завтра, можетъ-быть, будетъ ужъ поздно. Прочти эту бумагу.

— Нечего дѣлать; надо повиноваться, чтобы не раздражать его, подумалъ Дантесъ и развернулъ бумагу: но я не нахожу ни какой связи въ этихъ полусожженныхъ строкахъ, прибавилъ онъ взглянувъ на письмо.

— Можетъ-быть.... Я вѣрю, что ты не находишь тутъ ни какого смысла: ты читаешь эту бумагу въ первый разъ, но я.... я, который просидѣлъ надъ нею нѣсколько лѣтъ, изучилъ каждое слово, возстановиваю и позволяю догадкамъ каждую фразу.... я нашелъ смыслъ.... великій смыслъ! Выслушай меня. Ты знаешь, что я былъ домашнимъ секретаремъ и другомъ графа Спады, послѣдняго изъ потомковъ этой фамиліи. Этому достойному человѣку я обязанъ всѣмъ добрымъ и отраднымъ, что я испыталъ въ жизни. Онъ былъ небогатъ, хотя богатства его фамиліи слыли баснословными и вошли въ пословицу. Не разъ случалось мнѣ въ Италіи слышать поговорку: богатъ какъ Спада. Впрочемъ, графъ жилъ довольно хорошо. Я пользовался у него всѣми удобствами, какихъ только могъ желать. Я былъ наставникомъ у его племянниковъ и когда они умерли, когда графъ остался одинъ на свѣтѣ, я божескою своею преданностью старался отблагодарить ему за все, что онъ сдѣлалъ для меня втеченіи десяти лѣтъ.

У него не было ни какой тайны отъ меня. Съ самаго начала моего пребыванія въ домѣ я примѣтилъ, что графъ часто роется въ своемъ архивѣ, разбираетъ и перечитываетъ пыльные хартии, рукописи и старыя книги. Впоследствии, именно во время его сираго одиночества, я узналъ, что онъ отыскиваетъ затерянный документъ, завѣщаніе своего предка, Чезаре Спады, который при папѣ Александрѣ Шестомъ былъ произведенъ въ кардиналы и умеръ, какъ подозрѣвали, отъ яду. Кардинальское достоинство, какъ извѣстно, въ это время продавалось или, что всё-равно, производимый въ кардиналы долженъ былъ жертвовать значительную сумму. Богатому и знатному Чезаре Спадѣ пожаловали кардинальскую шапку именно въ такое время, когда деньги въ Италіи были очень дороги. Вскорѣ потомъ онъ и племянникъ его умерли скоропостижно, послѣ объѣда, у Цезаря Борджіа, сына папы Александра Шестаго. Смерть Чезаре Спады могла быть полезною папѣ, какъ прямому наслѣднику всякаго кардинала. Цезарь Борджіа и Александръ Шестой съ жадностью бросились на имѣніе, перерыли всѣ бумаги, но нашли только одинъ клочокъ съ слѣдующими словами: «Оставляю и завѣщаю любезному племяннику моему и дѣтямъ его всѣ мои сундуки, книги и въ особенности молитвенникъ, который прошу беречь на память обо мнѣ». Наслѣдники не мало изумились, когда увидѣли, что Спада, сльвишій такимъ богачомъ, въ сущности оказался самымъ нищимъ людей, какой когда-либо имѣлъ наслѣдниковъ. Рылись, рылись, такъ и бросили. Оставались только двѣ виллы, да вѣскольکو участковъ земли, которая въ то время не много стоила. Папа не разсудилъ взять такую дрянь. Виллы достались внучатымъ племянникамъ покойнаго. Состояніе ихъ тогда почти равнялось бѣдности. Они и потомки ихъ пошли разными дорогами: кто служилъ въ военной службѣ, кто сталъ дипломатомъ, кто духовнымъ, кто банкиромъ: одни обогатились, другіе въ конецъ разорились. Между-тѣмъ преданіе о нѣкогда существовавшемъ огромномъ богатствѣ всегда жило въ этой фамиліи и въ-особенности послѣдній графъ, у котораго я былъ секретаремъ, старался открыть какой-нибудь слѣдъ завѣщанія или ука-

занія на спрятанныя сокровища. Я помогалъ ему въ этихъ разысканіяхъ. Мы пересмотрѣли каждый листокъ въ огромномъ фамильномъ архивѣ, но ничего не нашли. Знаменитый молитвенникъ также сохранился въ семействѣ и передавался отъ поколѣнія поколѣнію. Графъ умеръ и, за неимѣніемъ другихъ наслѣдниковъ, мнѣ завѣщалъ свою бібліотеку, молитвенникъ и около тысячи римскихъ ефимковъ, а остальное пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ.... Вотъ, теперь, слушай, другъ мой: я приближаюсь къ заключенію. Въ 1807 году, за мѣсяць до моего заключенія въ темницу, черезъ двѣ недѣли по смерти графа Спады, я убиралъ и укладывалъ книги въ бібліотекѣ, съ тѣмъ чтобы выгнать изъ проданнаго замка и отправиться, съ мнѣмъ скорбомъ во Флоренцію. Утомившись надъ этою уборкою, послѣ обѣда, я сѣлъ въ кресла и уснулъ. Когда же проснулся, въ бібліотекѣ было совершенно темно. Я позвонилъ; люди не слышали. Соскучившись ожиданіемъ, я самъ пошелъ засвѣтить свѣчу и сталъ искать клочка бумаги, чтобы достать огня изъ камня. Чтобы въ потьмахъ не захватить какую-нибудь дѣльную бумагу, я искалъ осторожно и наконецъ вспомнилъ, что въ молитвенникѣ, который лежалъ передо мною на столѣ, торчалъ листокъ простой бумаги, совершенно пожелтѣвшій, потому что въ продолженіи вѣковъ никому не приходило на мысль выкинуть его изъ этой книги. Я ошупью досталъ эту бумажку, свернулъ и зажегъ на потухавшемъ огнѣ въ каминѣ. Но, по-мѣрѣ-того какъ бумага загоралась, на ней какъ-будто отъ волшебства стали обнаруживаться темно-желтыя письмена, которыя какъ-будто бѣжали и вливались мнѣ въ руку. Я съ ужасомъ смялъ бумагу и затушилъ огонь, потомъ, засвѣтивъ свѣчу прямо на угольяхъ, съ невыразимымъ волненіемъ развернулъ роковую бумагу и увидѣлъ, что она исписана секретными химическими чернилами, которыя обнаруживались отъ прикосновенія къ жару. Это та самая бумага, которую ты держишь въ рукахъ, Эдмонъ. Прочти ее снова и тогда я тебѣ до- полно слова, которыхъ тутъ не достаетъ.

На этотъ разъ Дантесъ съ любопытствомъ прочелъ по-

любгорѣвшія строки, написанныя какъ-будто желѣзною ржавчиной.

«Сегодня, 25 апрѣля 1498 года, буд....
 «на обѣдъ къ его святѣйшеству Александру VI и....
 «участи кардиналовъ Капрары и Бендивольо, я объявл....
 «Гвидо Спадѣ, главному моему наслѣднику, что я....
 «состоящее въ золотѣ и каменьяхъ....
 «Монте-Кристо, именно во второй....
 «немъ углу, по правой сторонѣ отъ входу. Въ этомъ....
 «закрываются всѣ наши фамилныя....
 «деньги, какія я, сдѣлавшись кардиналомъ, выручилъ....
 «мыхъ имѣній. Все это завѣщаю и....
 «единственному моему наслѣднику.

• 25 Апрѣля 1498.

«Чез....

— Теперь прочитайте это, сказалъ аббатъ, подавая Дантѣсу другой клочокъ бумаги, съ такими же оборванными строками: или, лучше, приставьте обѣ бумаги, край къ краю, и читайте.

Дантѣсъ исполнилъ и прочелъ:

«Сегодня, 25 февраля 1498 года, буд... учи пригла-
 «шенъ.... на обѣдъ къ его святѣйшеству Александру VI
 «и.... давно уже опасаясь.... участи кардиналовъ Капра-
 «ры и Бендивольо, я объявл....ю моему племяннику....
 «Гвидо Спадѣ, главному моему наслѣднику, что я.... все
 «мое имѣние.... состоящее въ золотѣ и каменьяхъ.... схо-
 «ропилъ въ пещерахъ на островѣ.... Монте-Кристо, имен-
 «но во второй.... пещерѣ, въ самомъ зад....немъ углу, по
 «правой сторонѣ отъ входу. Въ этомъ.... сокровищѣ.... за-
 «крываются всѣ наши фамилныя... драгоценности и всѣ...
 «деньги, какія я, сдѣлавшись кардиналомъ, выручилъ....
 «съ продажи недвижи....мыхъ имѣній. Все это завѣщаю
 «и.... оставляю моему племяннику и.... единственному мое-
 «му наслѣднику.

• 25 апрѣля, 1498.

«Чез....аре Спада».

— Ну, понимаешь ты теперь? спросилъ Фарія.

— Это завѣщаніе кардинала Спады? спросилъ Дантѣсъ

еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: то самое завѣщаніе, котораго существованіе подозрѣвали и котораго такъ долго не могли найти?

— Да, да! тысячу разъ да!

— Кто же такъ возстановилъ его?

— Я. По ширинѣ бумаги, которая въ книгѣ была сложена вдвос, я нашелъ длину строкъ и, вникая въ смыслъ уцѣлѣвшихъ словъ, до-тѣхъ-поръ соображалъ и подобралъ недостававшія пока наконецъ подобралъ.

— И вы думаете, что это точно было написано?

— Несомнѣнно.

— Что же вы сдѣлали, когда такимъ образомъ возстановили записку?

— Что я могъ сдѣлать? Я тогда уже былъ въ Фенестрельской темницѣ. На всѣ мои предложенія мнѣ отвѣчали насмѣшками. Меня объявили сумасшедшимъ. Но, вѣрно, такъ Богу угодно. Моя жизнь кончена. Мнѣ уже ничего не нужно. А ты, мой другъ, будешь свободенъ: я это чувствую. Прими же этотъ ключъ отъ клада и будь счастливъ.

— Но развѣ нѣтъ болѣе законныхъ наслѣдниковъ графа Спады? спросилъ Дантесъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; успокойся, мой другъ. Фамилія Спады вымерла совершенно. Ктому же послѣдній графъ законнымъ порядкомъ сдѣлалъ меня наслѣдникомъ и завѣщалъ мнѣ свой молитвенникъ, завѣщалъ все то, что въ немъ содержалось. Я завѣщаю это содержаніе тебѣ и теперь законный наслѣдникъ ты.

— И вы говорите, что это богатство огромно?

— Непремѣнно огромно. Богъ знаетъ сколько... можетъ быть десятки милліоновъ.

— Десятки милліоновъ! вскричалъ Дантесъ съ ужасомъ.

— Да. Фамилія Спады была одною изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ фамилій пятнадцатаго вѣка. Богатство ея было баснословно. Оно вошло въ пословицу, говорю я вамъ, слѣдовательно, сокровище должно быть огромно и, конечно, болѣею частью состоитъ въ брилліантахъ и дорогихъ камняхъ. Эти накопленія драгоценностей у знатныхъ фамилій были не рѣдки въ то время,

когда духъ промышленности еще не развивался такъ, какъ нынче. Но даже и теперь есть римскія фамплин, почти умирающія съ голоду, а между-тѣмъ влаждующія на милліоны брилліантами, которые достались по майоратству и которыхъ они не смѣютъ продать.

Дантесу казалось, что онъ видитъ сонъ.

— Чтò же, Эдмонъ, ты не благодарить?

— Почтенный другъ и отецъ мой, отвѣчалъ молодой человѣкъ: это сокровище... вамъ однимъ принадлежитъ. Вы не умрете, вы будете жить. Притомъ, я не имѣю никакого права: я вамъ не родня.

— Ну, положимъ, что я не умру теперь. Положимъ, даже, что я освобожусь вмѣстѣ съ тобою изъ этой темницы. Всѣ-таки ты во всякомъ случаѣ мой наследникъ, потому что ты мой сынъ. По званію моему я не могу имѣть дѣтей. Богъ послалъ мнѣ тебя, чтобы утѣшить вмѣстѣ и человѣка, который не могъ быть отцомъ, и узника, которому не суждено дожидаться свободы.

Фарія протянулъ руки и молодой человѣкъ со слезами упалъ къ нему на грудь.

Теперь, когда это сокровище, предметъ многолѣтнихъ лумъ, могло упрочить счастье человѣка, котораго Фарія истинно любилъ какъ сына, оно въ глазахъ его удвоилось въ цѣнѣ: онъ каждый день, каждый часъ говорилъ объ немъ и объяснялъ Дантесу, сколько посредствомъ десятка милліоновъ можно сдѣлать добра ближнимъ и друзьямъ. Но лицо молодаго человѣка омрачалось: въ умѣ его возникала клятва мести и онъ обдумывалъ, сколько человѣкъ посредствомъ такого богатства можетъ сдѣлать зла своимъ врагамъ.

Аббатъ не зналъ острова Монте-Кристо, но Дантесу онъ былъ хорошо знакомъ. Дантесъ часто ходилъ мимо этого острова, лежащаго въ двадцати пяти миляхъ отъ Піаносы, между Корсикой и Эльбой, и однажды даже пристаивалъ къ нему. Этотъ островъ всегда былъ совершенно необитаемъ. Это—почти конусообразная скала, какъ будто выдвинутая вулканическимъ взрывомъ изъ бездны на поверхность моря. Дантесъ чертилъ планъ острова, а Фарія подавалъ совѣты, какъ отыскать кладъ. Это занятіе

чрезвычайно оживляло послѣдніе часы умирающаго старика, такъ, что Эдмонъ былъ совершенно увѣренъ въ его выздоровленіи. Въ существованіе клада онъ не совсѣмъ вѣрилъ: если несомнѣнно было, что кладъ нѣкогда существовалъ, то могло также быть, что его давно уже открыли и увезли. Однако жъ не мечтать объ этомъ было невозможно даже узнику, на вѣкъ заключенному въ темницу. Надежда, какъ мохъ, растетъ на самой бесплодной почвѣ.

Однажды, рано утромъ, бродя мысленно по острову Монте-Кристо, Дантесъ вдругъ услышалъ какъ-будто стоны, какъ-будто умирающій, слабый голосъ называлъ его по имени. Онъ, въ страхѣ, поспѣшно отодвинулъ кровать вынулъ камень и бросился въ подземный ходъ. Плита, скрывавшая другой выходъ въ комнату аббата, была сдвинута. Старикъ лежалъ на полу и силлся взобраться на кровать. Блѣдное лицо его было искажено страданіемъ. Дантесъ подскочилъ, чтобы поднять его и закричалъ:

— Помогите! помогите!

— Молчи! безумный, чтѣ ты дѣлаешь? вскричалъ Фарія, схвативъ его за руку: вѣдь человѣческая помощь теперь мнѣ не поможетъ, а только тебя погубить. Если тебя застанутъ здѣсь, если найдутъ нашъ корридоръ, тебя засадятъ еще куда-нибудь по-дальше и будутъ стеречь еще строже. Будь благоразуменъ. Этотъ ходъ еще пригодится тебѣ, когда и меня не станетъ. Тебѣ, вѣроятно, скоро дадутъ новаго сосѣда, которому ты тогда можешь явиться ангеломъ-утѣшителемъ. Можетъ-быть, это будетъ человѣкъ молодой, крѣпкій и терпѣливый какъ ты. Можетъ-быть, онъ поможетъ тебѣ въ побѣгѣ, тогда какъ я, старій и дряхлый, могу только помѣшкать....

— О! другъ, отецъ мой, не говорите этого! вскричалъ Дантесъ, сложивъ руки: живите, вы будете.... вы должны жить!

— Нѣтъ! отвѣчалъ старикъ покачавъ головой: я уже чувствую, какъ ноги мои леденѣютъ, кровь приливаетъ въ голову, кости какъ-будто растягиваются и выступаютъ изъ своихъ мѣстъ. Черезъ четверть часа меня не станетъ.

Дантесъ зарыдалъ.

— Я призвалъ тебя, чтобы проститься, другъ мой, продолжалъ Фарія: ты единственное утѣшеніе моей жалкой жизни, ты, за котораго я благодарю Бога какъ за лучший даръ.... будь счастливъ, будь свободенъ.... прими мое благословеніе.

Молодой человекъ упалъ на колѣни и принявъ головою къ кровати старика.

— Слушай, сынъ мой, что я говорю тебѣ въ торжественный часъ мой. Сокровище Спады существуетъ: я вижу его. Богъ открываетъ мнѣ глаза и уничтожаетъ передъ ними и пространство и преграды: я вижу несмѣтное богатство, схороненное въ глубинѣ пещеры... много, много золота и каменьевъ... Когда ты освободишься, помни, что бѣдный аббатъ, котораго называли съумасшедшимъ, не былъ съумасшедшимъ... помни, что Фарія любилъ тебя. Поспѣши на Монте-Кристо, воспользуйся нашимъ богатствомъ; воспользуйся.... ты довольно страдалъ.

Судороги остановили старика. Глаза его наливались кровью, грудь сильно вздымалась.

— Прощай!... прощай! шепталъ онъ.

— О, нѣтъ еще! нѣтъ! вскричалъ Дантесъ пожимая его руки: не оставь насъ, Господи!... Нѣтъ, отецъ мой, ты не умрешь!... Ты, кажется, меньше страдаешь нежели при первомъ припадкѣ....

— Не обманывай себя, другъ мой, возразилъ Фарія: я меньше страдаю, потому что у меня уже меньше силъ и жизни... Вотъ.... вотъ.... это послѣднее.... прощай! конечно.... я уже ничего не вижу.... Дай руку, Эдмонъ.... прощай.... прощай.... помни.... Монте-Кристо!....

Черезъ минуту на одрѣ уже лежалъ блѣдный посинѣлый трупъ.

Дантесъ часа два или три простоялъ и думалъ только о своемъ сиротствѣ. Но наконецъ онъ вспомнилъ, что приближается часъ обѣда и сторожъ можетъ застать его. Онъ пустился въ подземный ходъ, и осторожно задвину надъ собою плиту. Черезъ полчаса потомъ къ нему вошелъ сторожъ.

Едва сторожъ вышелъ, Дантесъ опять спустился въ подземный ходъ, чтобы подслушать, что дѣлается у покойника,

и подползъ къ подвижной плитѣ въ то самое время, когда испуганный сторожъ созвалъ своихъ товарищей. Эти люди хохотали и издѣвались надъ мертвецомъ.

— Съумасшедшій отправился за своимъ сокровищемъ! говорилъ одинъ: туда и дорога!

— Милліоновъ-то онъ много сулилъ, а небойсь намъ и на водку не оставилъ! прибавилъ другой.

— Да и за саванъ-то заплатитъ нечѣмъ! подхватилъ третій: хорошо еще, что саваны у насъ не дороги.

Вдругъ сторожа притихли. Вошелъ комендантъ съ докторомъ и нѣсколькими служителями. Настала минута тишины. Докторъ свидѣтельствовалъ покойника, опредѣлилъ болѣзнь и объявилъ, что арестантъ дѣйствительно умеръ. Вопросы и отвѣты давались съ такимъ равнодушіемъ, которое приводило Дантеса въ негодованіе. Ему казалось, что всѣ должны чувствовать къ аббату хоть часть той привязанности, какую онъ чувствовалъ.

— Нужно совершенно удостовѣриться, что арестантъ умеръ, сказалъ комендантъ, когда докторъ объявилъ, что свидѣтельство кончено.

— Можете быть спокойны, отвѣчалъ докторъ: онъ мертвъ; я вамъ ручаюсь за это.

— Вѣрю, возразилъ комендантъ: но вы знаете, что мы не можемъ удовольствоваться однимъ словеснымъ показаніемъ. Нужно исполнять предписанія закона.

— Такъ прикажите раскалить желѣзо, сказалъ докторъ: но, право, эта предосторожность совершенно лишняя.

Приказаніе раскалить желѣзо обдало Дантеса холодомъ. Послышались торопливые шаги, скрипъ двери и смѣшанные голоса хлопотавшихъ служителей. Черезъ нѣсколько минутъ сторожа принесли жаровню.

— Вотъ, теперь довольно накалилось, сказалъ одинъ.

Опять наступило безмолвіе. Потомъ послышалось шипѣніе горящаго мяса и острый, удушливый запахъ проникъ даже въ подземелье, гдѣ таился Дантесъ. Потъ выступилъ на лбу у молодого человѣка. Онъ ждалъ, что упадетъ въ обморокъ.

— Видите, что онъ несомнѣнно мертвъ! сказалъ докторъ: ступня прожжена до кости. Этого живой не вы-

держитъ. Бѣднѣйшій стѣмасшедшій избавился отъ помѣшательства и освободился изъ темницы.

— Прикажете надѣть мѣшокъ? спросилъ потомъ сторожъ.

— Конечно, отвѣчалъ комендантъ: да по-скорѣе. Я не могу оставаться здѣсь цѣлый день.

Сторожа опять засуетились. Покойника сняли съ кровати и потомъ опять положили.

— Когда прикажете похоронить? спросилъ кто-то.

— Разумѣется, вечеромъ, въ десять часовъ! отвѣчалъ комендантъ.

— Отпѣвать будутъ?

— Нѣтъ. Некому. Капелланъ вчера уѣхалъ на недѣлю въ Марсель. Посылать за нимъ некогда. Всѣ-равно, и такъ можно.

— А стеречь прикажете?

— Не нужно. Не уйдетъ, когда живой не ушелъ. Впрочемъ, запереть, какъ живаго заперли, вотъ и все.

Всѣ вышли. Дверь заскрыпѣла, затворы застучали. Потомъ наступило безмолвіе, глуше нежели въ пустынь, — безмолвіе смерти, безмолвіе, которое налегло на все, даже на оледѣнѣвшее сердце молодаго человѣка. Подождавъ еще нѣсколько минутъ, онъ головою приподнялъ плиту и пытливымъ взоромъ окинулъ комнату. Въ ней не было никого живаго. Дантесъ вышелъ изъ подземелья.

Вечерній свѣтъ едва пробивался въ узкое окно и наполнялъ темницу какъ-будто туманомъ. На кровати лежалъ грубый парусинный мѣшокъ, подъ широкими складками котораго неопредѣленно рисовалось что-то длинное и твердое. Это Фарія, въ саванѣ, который вмѣстѣ будетъ служить и гробомъ. И такъ все кончено: разлука уже совершенна: между Дантесомъ и его другомъ уже возникла и матеріальная преграда; онъ уже не видитъ глазъ, изъ которыхъ вычитывалъ бывало столько раскрытыхъ тайнъ наукъ; онъ уже не можетъ пожать благодѣтельной руки, которая указала ему новые пути и новыя средства къ жизни болѣе достойной и благородной. Фарія, полезный и добрый товарищъ, существуетъ уже только въ воспомина-

ніи. Дантесъ съль у изголовья страшнаго одра и погрузился въ мрачную думу.

Одинъ! онъ остался одинъ! и душная темница оказалась ему безмолвною пустыней. Онъ уже не услышитъ человѣческаго голосу; онъ уже не услышитъ голосу единаго существа, которое еще привязывало его къ жизни и питало надежды. Мысль о самоубійствѣ, проговлема старымъ другомъ и устраняемая его присутствіемъ, опять поднялась и встала какъ привидѣніе подлѣ труна Фарія.

— Если бы я могъ умереть! думалъ Дантесъ: я, конечно, опять нашелъ бы его..... я нашелъ бы и моего отца! Но какъ умереть?.... О! нѣтъ ничего легче! вскричалъ онъ съ хохотомъ: стоить только остаться здѣсь, броситься на перваго, кто войдетъ и задушить. Тогда меня казнятъ на гильотинѣ.

Но въ великихъ скорбяхъ, какъ и въ великихъ буряхъ, прѣнасть разверзается всегда между двумя вершинами волнъ. Дантесъ ужаснулся при одной мысли о такой позорной смерти и изъ этого отчаянія вдругъ поднялся съ жгучею жаждою жизни и свободы.

— Умереть! вскричалъ онъ: о, нѣтъ, нѣтъ! Стоило ли жить, до-сихъ-поръ, длятого чтобы теперь умереть? Нѣтъ, я хочу жить, хочу бороться до конца. Можетъ-быть я еще и одержу побѣду и тогда..... Но если я всю жизнь останусь здѣсь..... если я выйду отсюда не иначе какъ теперь Фарія?....

При этомъ словѣ Эдмонъ остановился неподвижно, какъ человѣкъ пораженный новою мыслью, но мыслью ужасною. Вдругъ онъ всталъ, приложилъ руку ко лбу, прошелся нѣсколько разъ по темницѣ и опять остановился перелѣ одромъ.

— О! кто посылаетъ мнѣ эту мысль? сказалъ онъ: ты ли, Господи? Отсюда выходятъ только мертвые, такъ займу же я мѣсто мертваго!

И, какъ-будто страшась одуматься. Дантесъ посрѣшно прорѣзалъ мѣшокъ аббатовымъ перочиннымъ ножомъ, вынулъ мертвеца, перетащилъ въ свою темницу, уложилъ на кровать, повернулъ лицомъ къ стѣнѣ, накрылъ одеяломъ.

поцѣловалъ въ послѣдній разъ остывшій лобъ друга, спустился опять въ подземелье, притянулъ кровать къ стѣнѣ, воротился на мѣсто покойника, влѣвъ въ мѣшокъ, зашилъ прорѣху изнутри иголкою, которая также находилась въ числѣ произведеній Фарин, и улегся. Если бъ, къ несчастію, въ эту минуту кто-нибудь вошелъ, Дантѣсу измѣнило бы собственное сердце: такъ громко оно стучало въ ребра.

Дантѣсу долго доставалось пролежать такимъ образомъ. Онъ могъ бы, правда, повременить исполненіемъ своего предпріятія, но опасался, что комендантъ перемѣнитъ приказъ и велитъ похоронить покойника раньше. Тогда его могли бы застать и вся надежда погибла бы навсегда. Надеялся потерпѣть часа четыре. Планъ у него былъ готовъ. Если могильщиковъ будетъ не больше двухъ, онъ, по дорогѣ или прибывъ на кладбище сильнымъ взмахомъ прорѣжетъ мѣшокъ сверху до-низу, выскочитъ, испугаетъ ихъ и убѣжитъ. Если же это будетъ невозможно, обождетъ пока опустятъ въ могилу, зароютъ и уйдутъ. Онъ надѣялся, что рыхлая земля будетъ не такъ тяжела, чтобы невозможно было выдержать и поднять ее. Если жѣ, наконецъ, и это будетъ невозможно, если земля задушитъ, такъ по-крайней-мѣрѣ будетъ конецъ мученію.

Дантѣсъ не ѣлъ во весь тотъ день, но ѣда и на умъ ему не приходила. Положеніе его не допускало ни какой другой мысли, кромѣ опасенія быть открытымъ. То ему представлялось, что покойника вздумаютъ переложить въ другое мѣсто; то онъ думалъ, что сторожъ можетъ прійти въ бывшую его темницу и открыть обманъ, хотя такого посѣщенія вечеромъ прежде никогда не случалось. Но въ ту минуту все невѣроятное казалось Дантѣсу возможнымъ. Потъ лилъ съ него градомъ, а сердце застывало. По временамъ онъ вздрагивалъ какъ подлѣ гальваническимъ ударомъ. Часы тянулись съ убійственною медленностію. Дантѣсу казалось, что они продолжительнѣе всего того времени, которое онъ прожилъ въ темницѣ.

Наконецъ желѣзные затворы загремѣли. Дверь отворилась. По шагамъ вошедшихъ Дантѣсъ узналъ, что ихъ было двое. Багровый свѣтъ отъ факела проникъ сквозь парусину въ глаза мнимого покойника и онъ увидѣлъ, что

къ нему приближаются двѣ тѣни. Третья, съ факеломъ, стояла въ дверяхъ. Дантесъ собралъ все свое присутствіе духа, вытянулся и сдержалъ дыханіе, но не могъ сдержать сильнаго біенія артерій.

Его подняли, одинъ за голову, другой за ноги, и положили на носилки.

— Вишь, какой грузный, старыи хрыч! сказалъ тотъ, что держалъ за голову.

— Да, говорятъ, что съ каждымъ годомъ въ костяхъ полфунта вѣсу прибываетъ, отвѣчалъ другой.

— Ну, что, привязалъ? спросилъ черезъ минуту первый.

— Вотъ еще! возразилъ второй: на что прибавлять грузу здѣсь. И тамъ успѣемъ привязать.

— Правда.

— Что они хотятъ привязать? подумалъ Дантесъ.

Повесели. Тяжелые шаги глухо отдавались въ длинномъ корридорѣ. Вдругъ Дантеса обдало свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ. Это впечатлѣніе было такъ живо, сильно и неожиданно, что произвело вмѣстѣ и восторгъ и страданіе. Носильщики сдѣлали еще шаговъ двадцать и поставили свою ношу на землю. Одинъ отошелъ куда-то, а другой пыхтѣлъ и бранился на тяжелаго покойника. Дантесъ хотѣлъ-было воспользоваться этою минутой, чтобы выскочить изъ мѣшка, но, къ счастью, одумался, когда вспомнилъ, что его отнесли еще слишкомъ недалеко отъ темницы.

— Посвѣти же, болванъ! вскричалъ тотъ, который отошелъ отъ носилокъ: въ потьмахъ вѣдь не найдешь и до завтра.

Факельщикъ повиновался, хотя просьба была не очень учтивая.

— Вѣрно, они ищутъ заступа, подумалъ Дантесъ.

— А! вотъ оно, проклятое! вскричалъ искавшій и подошедши положилъ подлѣ Дантеса что-то тяжелое и твердое.

Въ то же время около ногъ захлеснулась веревка. Минимый покойникъ чуть не вскрикнулъ отъ боли.

— Ну, привязалъ? спросилъ одинъ.

— Привязалъ, не оборвется, отвѣчалъ другой.

Они опять подняли носилки и понесли. Шаговъ черезъ пятьдесятъ остановились, чтобы отворить какую-то дверь и опять понесли далѣе. Дантесъ услышалъ, какъ морскія волны, шума, разбивались о скалы.

— Ну, погодушка! сказалъ одинъ носильщикъ: не люблю, я думаю, тому, кто теперь по морю ходитъ.

— Да! и аббатъ, того и гляди, крушеніе потерпитъ.... отвѣчалъ другой.

И оба захохотали.

Дантесъ не совсѣмъ понялъ эту шутку, однако волосы у него поднялись дыбомъ.

— Довольно, стой! сказалъ первый.

— Нѣтъ, нѣтъ, пошелъ далѣе. Вѣдь ты помнишь, что послѣдній не долетѣлъ, разбился на скалахъ и пролежалъ до утра, и что за это достался нагоняй отъ коменданта.

Они прошли еще нѣсколько шаговъ поднимаясь вверхъ. Наконецъ остановились, взяли опять мнимаго покойника за голову и за ноги и стали раскачивать.

— Разъ! сказали могильщики: два!.... три!

И Дантесъ почувствовалъ, что летитъ въ безпредѣльномъ пространствѣ, разсѣкая воздухъ какъ раненая птица, и ужасъ леденилъ его сердце. Привѣшенное къ ногамъ тридцати-шести фунтовое ядро увлекало его быстро, но всё-таки ему казалось, что полету не будетъ конца. Вдругъ онъ съ страшнымъ шумомъ ударился въ холодную всплывшую воду, вскрикнулъ и немножко по-медленнѣе пошелъ на дно моря.

Паденіе оглушило Дантеса, однако онъ сохранилъ столько присутствія духа, что сдержалъ дыханіе и, поспѣшно прорѣзавъ мѣшокъ, согнулся, чтобы достать въ ногахъ веревку. Только отчаяніе могло дать ему столько силы и ловкости, что онъ наконецъ успѣлъ перерѣзать веревку въ ту самую минуту, когда уже задыхался. Онъ оттолкнулся и, свободный, выплылъ на поверхность моря, между-тѣмъ какъ ядро увлекало его саванъ въ невѣдомыя глубины пучины.

Дантесъ только перевелъ духъ и опять нырнулъ, чтобы носильщики не примѣтили его. Выплывши вторично, онъ

уже находился по-крайней-мѣрѣ въ пятидесяти шагахъ отъ мѣста паденія. Надъ головою простиралось темное небо, по которому вѣтеръ гналъ разорванныя тучи, открывая по временамъ уголокъ синевы съ одинокою звѣздой; впереди — обширное, мрачное и ревущее море, всколыханное бурей, которая только-что начинала вздымать и напѣивать волны; позади, — чернѣе моря, чернѣе тучь, — торчалъ подобно грозному привидѣнiю гранитный замокъ, котораго верхняя башня казалась протянутою рукой, готовою схватить уходящую жертву. По-ниже на краю скалы, тусклый багровый огонь факела освѣщаль три головы и, бросая подвижныя тѣни, еще увеличивалъ окружающій мракъ. Дантесу показалось, что его могильщики наклоняются къ морю и съ безпокойствомъ прислушиваются. Они въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, слышали, какъ онъ вскрикнулъ падая въ воду. Онъ снова вырнулъ и проплылъ подъ водою довольно далеко, такъ, что могъ уже безопасно продолжать плаваніе на поверхности. Факелъ исчезъ. Нужно было осмотрѣться, чтобы принять направленіе.

Изъ острововъ, окружающихъ замокъ Ифъ, ближе всѣхъ лежатъ Ратондъ, Помегъ и Домъ. Но всѣ они обитаемы. Безопаснѣе всѣхъ для Дантеса были острова Тибуленъ и Лемёръ. Они отстоятъ отъ замка Ифъ по-крайней-мѣрѣ на милю, однако жъ Дантесъ рѣшился плыть туда. Будучи искуснѣйшимъ пловцомъ въ Марселѣ, онъ не-разъ для забавы проводилъ на водѣ часа по два и больше. Теперь ему трудно было только найти эти острова посреди ночи, которая съ минуты на минуту становилась чернѣй. Вдругъ передъ нимъ словно звѣзда замерцалъ планіерскій маякъ. Направивъ путь прямо на маякъ, онъ оставилъ бы Тибуленъ влѣвѣ; взявши лѣвѣе, могъ достигнуть этого острова.

Дантесъ поплылъ туда. Онъ съ радостью чувствовалъ, что влажная стихія, съ которою игралъ съ самаго дѣтства, всё-еще повинуется ему. Ктому же страхъ почти удваивалъ его силы. Повременамъ онъ прикладывался ухомъ къ поверхности воды и прислушивался, нѣтъ ли какой тревоги. Каждый разъ, когда волна поднимала его на

своёмъ хребтѣ, онъ окидывалъ взоромъ горизонтъ и старался проникнуть въ мракъ ночи, и каждая волна казалась ему лодкой, которая стремится за нимъ въ погоню. Онъ удивлялся силы и плылъ всё далѣе и далѣе.

Вотъ страшный замокъ уже исчезъ въ ночной мглѣ. Дантѣсъ уже не видѣлъ его, но еще ощущалъ. Прошелъ часть. Бѣглець всё плылъ, но уже медленнѣе. Если онъ не ошибся въ направленіи и если волны не отнесли его, онъ скоро долженъ достигнуть острова Тибулѣна.

— Но, что, если я ошибся? подумалъ Дантѣсъ и дрожь пробѣжала по всѣмъ его жиламъ.

Дантѣсъ попытался лечь на спину, но напрасно. Это возможно только на спокойной водѣ. Онъ долженъ былъ отказаться отъ единственнаго средства къ отдыху, на которое рассчитывалъ. Буря разыгрывалась сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, будь, что будетъ! сказалъ онъ: проплыву, сколько силъ хватить, — покуда руки не утомятся, покуда ноги не окаменѣютъ и покуда судороги не свели мои члены..... Потомъ.... потону.

И онъ снова съ отчаяніемъ принялся разсѣкать волны. Вдругъ ему показалось, будто небо, и безъ того мрачное, еще болѣе омрачилось; будто тяжелая, черная, плотная туча спускается ему на голову. Вслѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ острую боль въ колѣннѣхъ. Воображеніе съ непостижимою быстротой своей сказало ему, что это должна быть пуля и что онъ сейчасъ услышитъ звукъ ружейнаго выстрѣла. Но выстрѣла не послѣдовало. Дантѣсъ протянулъ руку и встрѣтилъ препятствіе. Это былъ камень, это былъ берегъ. Тутъ только Дантѣсъ разсмотрѣлъ предметъ, который принялъ—было за тучу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него возвышалась масса крутыхъ, странно и дико обточеннымъ скалъ. Это былъ островъ Тибулѣнъ,

Дантѣсъ всталъ, прошелъ нѣсколько шаговъ и, благодаря Бога за избавленіе, распростерся на гранитъ, и гранитъ казался ему мягче пуховика. Потомъ, несмотря на вѣтеръ и холодъ, не смотря на дождь, который начиналъ накрапывать, Дантѣсъ, измученный, утомленный, уснулъ сладкимъ сномъ счастливца. Черезъ часъ времени его раз-

будилъ сильный ударъ грому. Буря разразилась совершенно. Море кипѣло и отъ времени до времени молніи раздирали черныя тучи, которыя крутились одна черезъ другую какъ волны несобъятнаго хаоса.

Дантѣсъ взобрался по-выше на островъ, пріютился подъ нависшею скалою и рѣшилъ подождать, пока буря прекратится, и потомъ переплыть на островъ Лемёръ, также не обитаемый, но покрытый лѣсомъ и, слѣдовательно, болѣе пріютный. Между-тѣмъ гроза усиливалась. Эдмонъ чувствовалъ, что скала, подъ которою онъ укрылся, дрожить отъ грому и отъ ударовъ волнъ въ гранитное основаніе острова. Посреди этого страшнаго реву и мраку, мгновенно озаряемому молніей, у него кружилась голова: онъ каждую минуту ожидалъ, что вмѣстѣ съ островомъ опрокинется въ море.

Вдругъ, при свѣтѣ молніи, Дантѣсъ увидѣлъ на разстояніи четверти мили, прямо передъ собою, небольшую рыбачью лодку, которая, низвергаясь съ вершины огромной волны въ пропасть, мелькнула какъ привидѣніе. Черезъ минуту опять сверкнула молнія и лодка опять явилась. Она неслась съ необыкновенною быстротою, гонимая вѣтромъ и волнами. На ней четыре человѣка со страхомъ держались, кто за мачту, кто за борты. Отчаянные ихъ крики смѣшивались съ ревомъ бури и перекатами грому. Лодка неслась къ острову. На мачтѣ развѣвался клочокъ паруса. Вѣтеръ трепалъ его; наконецъ, оторвалъ совсѣтъ. Парусъ подобно бѣлой чайкѣ перевернулся и улетѣлъ въ мракъ ночи. Въ то же время послышался страшный трескъ и крикъ, пронзительнѣе, ужаснѣе всѣхъ прежнихъ. Опять сверкнула молнія и Дантѣсъ увидѣлъ между обломками разбитаго судна отчаянныя лица и поднятыя къ небу руки. Потомъ все исчезло во мглѣ.

Дантѣсъ подползъ по скользкому камню до краю скалы и, съ опасностью свалиться въ море, наклонился, прислушался, но ничего уже не видѣлъ и не слышалъ: только буря и море продолжали реветъ и стонать. Такъ прошелъ еще часъ. Потомъ вѣтеръ мало-по-малу сталъ стихать, тучи разрядились и, сѣрыя, понеслись на западъ; небо очистилось и звѣзды заблестѣли. Скоро потомъ на востокѣ

показалась длинная багровая черта и отдѣлила небо отъ темной синевы воды; потомъ черта расширилась и свѣтъ отъ нея, мгновенно скользя по пѣнстымъ гривамъ плывущихъ волнъ, обилъ ихъ золотомъ. Солнце начинало вставать.

Дантѣсъ сидѣлъ передъ этимъ зрѣлищемъ безмолвно и неподвижно, какъ-будто видѣлъ его въ первый разъ. Онъ такъ давно уже не видалъ его, что почти позабылъ. Онъ обратился къ сторонѣ замка и окинулъ взоромъ весь горизонтъ. Мрачное зданіе вышло среди волнъ съ поразительнымъ величіемъ неподвижныхъ громадъ, которыя вмѣстѣ, кажется, и стерегутъ и повелѣваютъ. Было около пяти часовъ утра. Море продолжало успокоиваться.

— Черезъ два или три часа, думалъ Эдмонъ, сторожъ войдетъ въ мою темницу, найдетъ трупъ моего бѣднаго друга, узнаетъ его и подниметъ тревогу. Лодки наполненные солдатами, пойдутъ искать меня по морю; марсельская полиція и стража пойдутъ розыскомъ по берегамъ. Пущенный выстрѣлъ извѣститъ жителей всей окрестности, чтобы никто не далъ укрыться бѣжавшему арестанту..... Чтò я тогда стану дѣлать? Я голоденъ и нагъ. Первый мужикъ, которому захочется получить двадцать франковъ, можетъ схватить меня и предать въ руки палачей. У меня уже нѣтъ ни силы, ни мысли, ни рѣшимости.... О! Боже мой, Боже мой!... кажется, я довольно страдалъ.... избавь меня! Я самъ уже ничего не могу сдѣлать....

И въ ту минуту, какъ-будто въ отвѣтъ на молитву отчаяннаго, изъ-за острова Помѣга выплыла лодка съ тругольнымъ парусомъ. Только опытный глазъ моряка могъ на такомъ разстояніи и въ утреннемъ туманѣ разглядѣть, что то была гонуэзская тартана. Она выплыла изъ марсельской гавани и направлялась въ открытое море, слѣдовательно, должна была пройти въ нѣкоторомъ разстояніи мимо Дантѣса. Довѣриться экипажу этого судна было опасно, но и ждать на пустынной, обнаженной скалѣ, казалось, бесполезно. Онъ рѣшился искать помощи на тартанѣ. Затрудненіе состояло только въ томъ, чтò отвѣчать на разспросы? Раздумывая объ этомъ Дантѣсъ оглянулся во-

кругъ, какъ-будто искалъ совѣта, и затрепеталъ. Позади его у берегу плавалъ красный шерстяной колпакъ и нѣсколько обломковъ разбитой лодки, которые колыхались на волнахъ и стучались въ прибрежныя скалы. Дантесъ бросился въ море, досталъ и надѣлъ колпакъ, потомъ положилъ подъ грудь доску и поплылъ, такъ, чтобы перерѣзать дорогу тартанѣ. Сблизившись съ нею на разстояніи четверти мили, онъ оперся на доску, вскрикнулъ и захватилъ колпакомъ, но никто на суднѣ не примѣтилъ этого. Дантесъ собралъ остатокъ изнуренныхъ силъ и продолжалъ плыть далѣе. Черезъ нѣсколько времени, измучившись, онъ опять принялся кричать и махать. На этотъ разъ его примѣтили. Тартана перемѣнила направленіе и пошла прямо навстрѣчу къ утопающему. Въ то же время съ борту спустился челнъ, который на двухъ веслахъ подвигался быстрѣе судна. Тогда Дантесъ покинулъ доску, которая поддерживала его, но и замедляла движенія, и принялся поспѣшнѣе работать руками. Но онъ полагался на силы, которыхъ уже не было, и тогда только понялъ, какъ важна была для него эта доска, когда она, далеко отъ него, одна закачалась на волнахъ моря. Руки его начинали коченѣть, ноги погружались, грудь стѣснялась. Онъ вскрикнулъ. Гребцы удвоили усилія и одинъ изъ нихъ закричалъ по-италіянски: «Не робѣй!» Это слово долетѣло до Дантеса въ ту самую минуту, когда волна хлынула ему черезъ голову.

Онъ появился снова и уже билъ воду неровными, отчаянными ударами утопающаго; опять вскрикнулъ и опять погрузился. Потомъ ему показалось, что его схватили за волосы; потомъ онъ уже ничего не чувствовалъ: онъ былъ въ обморокъ. Очнувшись, онъ увидѣлъ себя на палубѣ тартаны, которая продолжала свой путь, удаляясь отъ замка Ифъ.

Дантесъ былъ такъ изнуренъ, что радостное восклицаніе его походило на стонъ страданія. Онъ лежалъ на палубѣ. Одинъ сострадательный матросъ оттиралъ ему тѣло суконкою, другой далъ хлебнуть рому и силы молодого человѣка оживились. Потомъ ему дали шерстяную рубашку и матрозскіе шаравары. Онъ одѣлся.

— Кто ты? спросилъ хозяинъ судна, съ дурнымъ выговоромъ по-французски.

— Я мальтійскій матросъ, отвѣчалъ Дантесъ, нарочно дурно выговаривая по-италіянски: мы шли изъ Сиракузъ, съ виномъ. Буря въ эту ночь захватила насъ у мыса Моргью и мы разбились. Хозяинъ и товарищи мои всѣ потонули. Мнѣ одному удалось выбраться на берегъ на томъ островѣ. Завидѣвши васъ, я пустился опять въ море на доскѣ и навѣрное утонулъ бы, если бы вы не подошли. Благодарю васъ, братцы.

— Это я тебя схватилъ за волосы! сказалъ матросъ съ открытымъ смѣлымъ лицомъ и большими черными усами.

— Благодарю, другъ, благодарю! сказалъ Дантесъ пожмая ему руку.

— Да ужъ есть за что и ухватить! сказалъ матросъ: такіе волосы! Съ двѣ плдени будетъ. И борода какая страшная!

Дантесъ вспомнилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть страшень: со времени своего заключенія въ темниду онъ ни разу не брился и не стригся.

— Да, сказалъ онъ, это я въ минуту опасности далъ обѣтъ десять лѣтъ не стричь ни головы ни бороды. Сегодня срокъ обѣту и именно сегодня я чуть не утонулъ.

— Но что же намъ теперь дѣлать съ тобой? спросилъ хозяинъ.

— Да что хотите, отвѣчалъ Дантесъ: феллука наша погибла, капитанъ утонулъ, я остался нагишомъ, какъ видите. Къ-счастію, я довольно хорошій матросъ. Высадите меня въ первомъ портѣ, гдѣ пристанете, и я найду себѣ мѣсто на какомъ-нибудь купеческомъ суднѣ.

— Ты знаешь Средиземное?

— Какъ же? Съ дѣтства хожу.

— Знаешь хорошія якорныя мѣста?

— Не много есть такихъ гаваней, въ которыя бы я не вошелъ зажмурившись.

— Въ такомъ случаѣ ты, пожалуй, можешь остаться и у меня.

— Согласенъ. А куда вы теперь идете?

— Въ Ливорно.

— Такъ зачѣмъ же вы лавируете? Трата времени. Надо просто держать крѣпче къ вѣтру.

— Да тогда вѣдь прямо пойдешь на островъ Ріонъ.

— Такъ чтò жь? И минуешь его въ двадцати узлахъ.

— Ну, такъ ступай же на руль: мы посмотримъ на твою рысь.

Дантѣсъ принялся управлять судномъ и удивилъ весь экипажъ своею ловкостью и знаніемъ дѣла.

Хозяинъ сталъ завтракать и очень кстати предложилъ новому кормчему подкрѣпить силы еще глоткомъ рома.

— Чтò это? чтò случилось въ замкѣ Ифъ? вскричалъ хозяинъ въ ту самую минуту, когда Дантѣсъ подносилъ фляжку ко рту.

Всѣ глаза обратились на замокъ, надъ южнымъ бастиономъ котораго взвилось бѣлое облачко дыму. Вслѣдъ за тѣмъ раздался гулъ отдаленнаго пушечнаго выстрѣла. Матросы переглянулись.

— Чтò это значитъ? повторилъ хозяинъ.

— Вѣрно, какой-нибудь арестантъ ушелъ, отвѣчалъ Дантѣсъ: тревогу поднимаютъ.

Хозяинъ пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка, но увидѣлъ, что онъ совершенно спокойно глотаетъ ромъ изъ узкаго горлышка фляжки, и подозрѣніе, не успѣвъ родиться, тотчасъ же умерло.

— Ухъ! какой чертовски крѣпкій ромъ! сказалъ Дантѣсъ отдавая фляжку и отирая рукавомъ потъ со лба.

Тартана быстро шла впередъ. Дантѣсъ стоялъ у руля. Матросъ, который вытащилъ утопавшаго и котораго звали Джакомо, усѣлся подлѣ.

— Которое сегодня число? спросилъ Дантѣсъ, когда замокъ Ифъ совершенно исчезъ изъ виду.

— Двадцать осьмое февраля, отвѣчалъ Джакомо.

— А котораго году?

— Какъ котораго году?

— Да, именно, я спрашиваю котораго году? повторилъ Дантѣсъ.

— Неужели ты забылъ, который нынче годъ? съ удивленіемъ возразилъ матросъ.

— Что жъ дѣлать! отвѣчалъ Дантѣсъ съ улыбкою: я нынче ночью такъ натрусился, что чуть съ ума не сошелъ; такъ не мудрено, что забылъ и число и годъ.

— Да нынче тысяча-осемь-сотъ-двадцать-девятый, сказалъ Джакобо.

Дантѣсъ ровно четырнадцать лѣтъ, изо дня въ день, просидѣлъ въ темницѣ. Двадцати лѣтъ онъ былъ посаженъ, а тридцати-четырехъ освободился. Онъ горько улыбнулся и спросилъ себя, что въ это время случилось съ Мерседесъ, которая, вѣроятно, считала его умершимъ. Потомъ молнія ненависти и мщенія сверкнула въ глазахъ, когда вспомнилъ о трехъ человѣкахъ, которымъ былъ обязанъ такимъ продолжительнымъ и жестокимъ томленіемъ въ неволѣ. Онъ возобновилъ клятву, данную уже въ темницѣ, клятву отомстить Вильфору, Фернанду и Данглару, и эта клятва была уже не тщетною угрозою, потому что въ ту минуту самое ходкое судно изъ Марселя уже не догнало бы легкой тарганы, которая на всѣхъ парусахъ неслась къ Ливорно.

Дантѣсъ скоро и безъ труда узналъ, что новый хозяинъ и товарищи — контрабандисты, и тогда совершенно успокоился на счетъ своей безопасности. Эти люди, сошедшій почти со всѣхъ концовъ свѣта и, пытаясь не весьма позволительнымъ ремесломъ, сами не всегда смѣли вдаваться въ чистосердечіе и потому не могли быть слѣшкомъ взыскательными къ происхожденію и званію другихъ. А Дантѣсъ сверхъ-того оказался еще человѣкомъ такимъ полезнымъ, что хозяинъ «Амалии» рѣшился удержать его при себѣ, во что бы то не стало. Онъ началъ съ того, что выдалъ новому матросу жалованья за мѣсяцъ впередъ. На три мѣсяца заключили условіе. Болѣе Дантѣсъ не хотѣлъ.

Прибыли въ Ливорно. Вышедши на берегъ Дантѣсъ прежде всего отправился въ цирюльню, чтобы обрить бороду и подстричь волосы. Когда эта операція кончилась, онъ подошелъ къ зеркалу. Четырнадцать лѣтъ онъ не выдалъ себя. Онъ вошелъ въ замокъ Ифъ съ круглымъ, свѣтлымъ, румянымъ лицомъ счастливаго молодого человѣка, который первые шаги въ жизни ступилъ легко, ве-

село и на будущее рассчитывалъ, какъ на необходимое слѣдствіе прошедшаго. Все это, натурально, очень измѣнилось. Круглое лицо вытянулось въ продолговатый овалъ; умбавшійся ротъ принялъ твердыя, рѣзкія линіи, которыя означаютъ рѣшимость; брови лишились своей круглоты и опустились; надъ ними легла морщина думы; въ глазахъ покоилась глубокая печаль, изъ-подъ которой отъ времени до времени сверкали молніи ненависти и презрѣнія къ людямъ; цвѣтъ кожи, столько времени лишенной воздуха и солнца, сталъ блѣдно-матовый, что при густыхъ черныхъ волосахъ могло дать ему право на званіе образца аристократической красоты. Сверхъ-того глубокое званіе, приобрѣтенное отъ ученаго Фарин, положило на его лицѣ печать ума и спокойной увѣренности. Высокому росту и правильному, крѣпкому и прекрасному сложенію его нуженъ былъ только воздухъ, чтобы въ скоромъ времени приобрѣсть необходимую полноту мужественныхъ мускуловъ. Голосъ, упражнявшійся попеременно то въ мольбахъ, то въ крикахъ отчаянія, звучалъ то удивительно нѣжно, то рѣзко и страшно. Глаза, пробывшіе такъ долго въ полумракѣ и въ совершенной тмѣ, подобно глазамъ гіены и волка, усвоили себѣ способность различать предметы въ самую глухую ночь. Поглядѣвшись въ зеркало, Эдмонъ улыбнулся: лучшій другъ, — если бы у него и остался другъ, — ни какъ не узналъ бы его: онъ самъ себя не узнавалъ.

Потомъ онъ отправился на рынокъ, купилъ себѣ новое матрозское платье, чтобы отдать занатое, и воротился на тартану, гдѣ въ щеголеватомъ красивомъ молодцѣ наслу узнали дико обросшаго волосами и промоченнаго морскою водою Мальтійца.

Хозяинъ «Амаліи» былъ человекъ очень дѣятельный. Въ нѣсколько дней небольшое судно выгрузили, опять нагрузили и отправился въ Корсику. Дантесъ опять поплылъ по лазоревому Средиземному Морю, этому первому поприщу своей юности, морю, которое онъ такъ часто видѣлъ въ сновидѣніяхъ въ темницѣ. На другой день по выходѣ изъ ливорнской гавани, «Амалія» проходила въ трехъ четвертяхъ мили мимо груды гранитныхъ утесовъ. Это

былъ островъ Монте-Кристо. Узнавъ его, Дантесъ чуть-чуть не вскрикнулъ. Ему стоило только броситься съ борту въ море и черезъ полчаса онъ былъ бы уже на этой обтраванной землѣ. Но тамъ что онъ станетъ дѣлать безъ орудій къ отысканію клада, безъ оружія къ защитѣ его? Кому же, что подумаютъ матросы? что скажетъ хозяинъ? Надо было подождать. Къ-счастію, Дантесъ выучился ждать: онъ четырнадцать лѣтъ ждалъ своей свободы. Послѣ этого можно было нѣсколько мѣсяцевъ, полгода и даже годъ подождать богатства. Вѣдь будучи въ темницѣ онъ охотно отдалъ бы всякое богатство за одну свободу. Притомъ, это богатство, это сокровище могло быть только мечтою большого воображенія аббата Фарин. Правда, письмо кардинала Спады заслуживало нѣкоторой вѣры и было удивительно точно. Дантесъ зналъ его наизусть и мысленно повторилъ слово въ слово.

Благополучно окончивъ экспедицію въ Корсику, «Амалия» тотчасъ же отправилась въ Сардинію, а потомъ, съ хересомъ, малагою и гаванскими сигарами въ герцогство Лукское. Тамъ случилось маленькое несчастье: имѣли стычку съ придирчивою пограничною стражей, такъ, изъ-за пустяго, изъ-за пошляины. Одинъ объѣздчикъ остался на мѣстѣ, да двоимъ матросамъ досталось по ранѣ. Въ числѣ этихъ матросовъ былъ Дантесъ. Пуля прошла у него сквозь лѣваго плеча. Онъ былъ очень доволенъ стычкой и почти радъ своей ранѣ. Онъ при этомъ случаѣ успѣлъ самъ удостовѣриться, какими глазами смотритъ на опасность и съ какимъ чувствомъ можетъ перенести страданіе. Кроме-того, онъ вглядывался въ убитаго объѣздчика и это зрѣлище произвело на него только слабое впечатлѣніе.

Втеченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ Эдмонъ познакомился со всѣми контрабандистами береговъ Средиземнаго моря и научился масонскимъ знакамъ, посредствомъ которыхъ эти полу-пираты узнаютъ другъ друга. Двадцать разъ проходилъ онъ въ это время мимо острова Монте-Кристо, но ни разу не нашелъ случая сойти на берегъ. Чтобы не возбудить ни чьего любопытства, ему надлежало отправиться туда одному. Но это было невозможно, не на чемъ.

Онъ рѣшился обождать, когда кончится срокъ его найма на «Амалинъ» и тогда нанять какое-нибудь маленькое судно на свой счетъ и съѣздить. Это онъ могъ сдѣлать, потому что получая вмѣстѣ со всѣми матросами доли изъ прибылей за всякую поѣздку, уже скопилъ около сотни пиастровъ. Но ему пришлось отправиться на желанный островъ раньше нежели онъ полагалъ.

Однажды хозяинъ «Амалинъ», питавшій къ молодому Мальтийцу неограниченную довѣренность, взялъ его вольно и повелъ въ таверну Виа-дель-Ольо, гдѣ обыкновенно собиралась вся знать ливорнскихъ контрабандистовъ. Тутъ у нихъ была биржа; тутъ рѣшались важнѣйшія дѣла и обсуживались вольно-торговля предпріятія. На этотъ разъ рѣчь шла о весьма важной экспедиціи. Надлежало препроводить большой грузъ турецкихъ ковровъ, левантскихъ тканей и кашмирскихъ шалей. Для этого нужно было найти сперва складочное мѣсто на какой-нибудь нейтральной землѣ, а потомъ перебросить товары на берегъ Франціи.

Хозяинъ «Амалинъ» предложилъ Монте-Кристо, какъ островъ совершенно необитаемый, гдѣ нѣтъ ни таможи ни пограничной стражи. Дантесъ затрепеталъ отъ радости, и, чтобы скрыть свое волненіе, прошелся нѣсколько разъ по наполненной дымомъ тавернѣ, въ которой всѣ извѣстные въ мірѣ нарѣчія сливались въ франкскомъ. Когда онъ опять подошелъ къ своему хозяину, дѣло было порѣшено. Въ слѣдующую ночь положили отправиться.

Такимъ образомъ Дантесъ, по удивительному счастью, которое достается иногда людямъ много пострадавшимъ, достигъ своей цѣли простымъ и естественнымъ средствомъ, не возбуждая ни подозрѣнія ни любопытства. Ему только стояло не малаго труда скрывать свою радость и нетерпѣніе. Ночь передъ отъѣздомъ онъ провелъ въ настоящей горячкѣ. Черезъ голову у него прошли одни за другими всѣ возможныя счастливыя и неудачныя обстоятельства: то онъ видѣлъ завѣщаніе кардинала Спады, огненными письменами начертанное на стѣнѣ; то самыя странныя и чудесныя сны кипѣли и толпились въ воображеніи: онъ сходилъ въ пещеры, вымощенныя изумрудами,

выложенныя по стѣнамъ и сводамъ разноцвѣтными яхонтами, съ алмазными сталактитами и крупнымъ жемчугомъ, который крупными каплями падалъ на полъ какъ просачивающаяся вода. Восхищенный, изумленный, онъ наполнял карманы драгоценностями, выходилъ на свѣтъ и яхонты и алмазы превращались въ кремни и песокъ. Потомъ онъ видѣлъ чудесныя волшебныя гроты, но не могъ проникнуть туда по безконечной дорогѣ, не могъ одолѣть волшебныхъ преградъ и напрасно искалъ въ памяти затеряннаго магическаго слова, которымъ арабскій рыбакъ отворялъ подземелья Али-Бабы.

Наконецъ насталъ день и Дантесъ могъ по-хладнокровнѣе обдумать свой планъ. Насталъ вечеръ и экспедиція отправилась. Островъ Монте-Кристо былъ знакомъ всему экипажу: на немъ не разъ уже останавливались какъ на общей пристани контрабандистовъ.

Экипажи «Амалия» и другаго *союзнаго* судна провели на островѣ двое сутокъ. Въ свободныя часы Дантесъ, подъ предлогомъ охоты за дикими козами, неутомимо лазилъ по скаламъ, но къ изумленію и прискорбію своему не находилъ ни какихъ пещеръ. Но вдали отъ давно желаннаго острова онъ могъ еще сомнѣваться въ существованіи сокровища и въ словахъ Фарія, а теперь, когда ходилъ по скаламъ, ему казалось, что они звенятъ: онъ былъ убѣжденъ, что ученый Фарія не могъ ошибиться, что сокровище тутъ и что пещеры необходимо существуютъ. Дантесъ предположилъ, что они или завалились обрушенными временемъ скалами или парочно закладены кардиналомъ, который схоронилъ здѣсь свой кладъ. Эту мысль у Дантеса подтвердили нѣкоторыя однообразныя знаки, найденныя на утесахъ почти въ равныхъ разстояніяхъ въ одномъ узкомъ ущельѣ, въ которое онъ съ трудомъ пробрался по высохшему руслу горнаго потока. Однако жъ и эти сомнительные указатели, частію скрытые подъ вересками и мхомъ, а иногда походившія просто на случайныя трещины, привели его черезъ лабиринтъ утесовъ къ крутой стѣнѣ. Мѣсто это, впрочемъ, казалось какъ-нельзя болѣе благопріятнымъ человѣку, который бы вздумалъ совершить какое-нибудь тайное дѣло: ущелье было такъ узко

и извѣстно, что само почти совершенно скрывалось отъ взоровъ. Дантѣсу казалось, что, если пещера существуетъ, она непременно должна быть здѣсь, хотя никакого отвертія, никакой щели не было примѣтно. Только одна скала въ углу ущелья, немножко походила на то, какъ-будто оборвалась съ верху. Но она, вмѣстѣ съ другими гранитными глыбами, по-видимому прислонилась къ цѣльной крутой стѣнѣ, а внизу глубоко вросла въ землю. Полая по этимъ скаламъ, Дантестъ услышалъ сигналъ и поспѣшилъ вылѣзть изъ ущелья. Черезъ минуту контрабандисты увидѣли его прыгающаго высоко на горѣ съ утеса на утесъ. На половинѣ горы онъ вдругъ зашатался вскрикнулъ и исчезъ. Матросы бросились отыскивать несчастнаго товарища и нашли его упавшаго между скалами съ высоты двѣнадцати или четырнадцати футовъ.

Дантестъ лежалъ неподвижно и жаловался на страшную боль въ ногахъ и бедрахъ. Его пытались поднять, но при малѣйшемъ прикосновеніи онъ пронзительно вскрикивалъ отъ боли и, наконецъ, рѣшительно объявилъ, что лучше умереть чѣмъ тронется съ мѣста. Хозяинъ, которому необходимо было отправиться въ тотъ день для складки своего груза на границахъ Пиемонта и Франціи, настаивалъ чтобы Мальтіецъ всталъ или позволилъ перенести себя на судно. Мальтіецъ не соглашался. Онъ просилъ только, чтобы ему дали запасъ пороху и хлѣба, съ тѣмъ чтобы могъ недѣлю прождать возвращенія «Амалин.» На это послѣ продолжительныхъ совѣщаній согласились. Мальтійца весь экипажъ любилъ и не хотѣлъ оставить разбитаго на произволъ судьбы, на необитаемомъ островѣ. Но Дантестъ увѣрялъ, что ему нужно только отдохнуть, что онъ потомъ самъ встанетъ, а съ ружьемъ въ рукахъ съ голоду не умретъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дичи множество. Джакомо, который въ особенности былъ привязанъ къ новому товарищу, хотѣлъ остаться при немъ, жертвуя даже своею долей отъ выгодной экспедиціи. Но и на это Мальтіецъ не согласился: онъ хотѣлъ остаться одинъ, увѣрялъ, что проживетъ безопасно и только въ крайнемъ случаѣ просилъ для черезъ два три прислать за нимъ рыбацью лодку, за которую самъ готовъ былъ заплатить.

Странная улыбка рисовалась на губахъ Дантеса, когда матросы, прощаясь, дружески пожимали ему руку, изъявляли непритворное участіе и наперерывъ заботились, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался во время ихъ отлучки.

— Неужели, думалъ онъ, между этими людьми надобно искать безкорыстной дружбы и преданности?

«Амалия» отправилась.

Дантесъ осторожно всползъ на верхъ скалы, съ которой можно было обозрѣть море, и видѣлъ, какъ легкая тартана, всплывшая голубыя струи, словно чайка полетѣла по морю. Черезъ часъ, она совершенно исчезла изъ виду. Тогда Дантесъ всталъ, взялъ въ одну руку ружье, въ другую оставленный ему на случай заступъ, проворнѣе и ловчѣе дикухой козы перебѣжалъ по утесамъ и опять спустился въ отъищенное ущелье.

— Теперь, Сезамъ, отворись! вскричалъ онъ добравшись до конца ущелья.

Солнце достигло около трехъ четвертей своего пути. Теплыя майскіе лучи его согрѣвали и оживляли даже гранитныя скалы. Тысячи невидимыхъ насѣкомыхъ стрекотали въ травѣ и ползучихъ растеніяхъ. Листья миртовъ и маслянъ, перебираемые легкимъ вѣтеркомъ, издавали почти металлическій звукъ. На каждомъ шагу по нагрѣтому граниту Дантесъ видѣлъ быстро разбѣгавшихся ящерицъ, а вдали, на вершинахъ утесовъ и въ ложбинахъ по временамъ показывались дыкія козы. Словомъ, островъ былъ обитаемъ, наполненъ жизнью. Дантесъ чувствовалъ волнение, очень похожее на страхъ. Онъ какъ-будто боялся дня, при свѣтѣ котораго даже въ пустынѣ можно предпологать тысячи глазъ, слѣдящихъ за поступками человека.

Это чувство было такъ сильно, что ирготовившись встать за дѣло, Эдмонъ вдругъ остановился, взялъ ружье, еще разъ взобрался на самый высокій утесъ острова и оглянулся вокругъ. На островъ, конечно, ничего не было кромѣ птицъ, козъ и насѣкомыхъ. Даже все море было чисто вокругъ. Ни одного паруса на горизонтѣ. Только легкія прозрачныя волны бились въ гранитные берега острова и убирала ихъ серебряною бахромой. Дантесъ опять

спустился въ ущелье и въ этотъ разъ примѣтилъ, что на берегу моря, куда выходило древнее русло изсыхающаго потока, находилась маленькая, очень удобная и почти совершенно скрытая бухточка, въ которой могло помѣститься одно небольшое судно. Прощедши всю дорогу до бухты назадъ и впередъ онъ убѣдился, что замѣченные на скалахъ знаки проложены прямо оттуда и до конца ущелья. Пещера должна быть тутъ. Лучшаго мѣста кардиналъ Спада не могъ найти. Однако всѣ догадки и надежды Дантеса опрокидывала задача, какимъ образомъ загороженъ входъ, если и предположить, что скала, которую онъ уже примѣтилъ, прислонена? Наконецъ онъ и это объяснилъ себѣ: скала могла быть свергнута сверху. Ему даже казалось, что онъ видитъ мѣсто, гдѣ она лежала первоначально. Онъ отрылъ заступомъ мелкіе каменья, землю и мохъ, которыми были набиты окружающія щели и увидѣлъ, что скала эта въ самомъ дѣлѣ отдѣляется отъ стѣны и что она стоитъ на другой, вросшей въ землю, какъ на искусственномъ фундаментѣ.

Обрубивъ и выдравъ мирты, которыми заросла щель между скалою и крутою камешною стѣпной горы, Дантесъ успѣлъ очистить такое отверзтіе, что могъ всунуть руку. Оставалось ввести рычагъ и отвалить камень. Но въ немъ было нѣсколько тысячъ фунтовъ вѣсу. Руками невозможно было тронуть съ мѣста. Подумавъ, что дѣлать, Дантесъ рѣшился взорвать скалу. Пороху у него былъ полный рогъ. Онъ выбралъ мѣсто, гдѣ, вырывъ землю и мелкіе обломки камня, можно было подрывъ подъ основаніе скалы, провѣлъ подкопъ, начинилъ его порохомъ, свернулъ свой платокъ жгутомъ вмѣсто фитиля, зажегъ и ушелъ.

Взрывъ не замедлилъ послѣдовать. Воротившись, Дантесъ увидѣлъ, что скала раскололась на-трое и свалилась всторону. На мѣстѣ оставался только небольшой обломокъ, который не трудно казалось отвалить и черезъ который уже можно было проникнуть въ пещеру. Дантесъ вскрикнулъ отъ радости. Отверзтіе по отлогому скату вело въ темную и, какъ видно, пространную пустоту. Оставалось только войти. Дантесъ стоялъ неподвижно, блѣдный. Онъ

боролся съ сомнѣніемъ и старался укрѣпиться противъ возможнаго разочарованія. Чтобы успѣть въ этомъ, чтобы съ твердостью перенести неудачу и возвращеніе отъ роскошной мечты къ бѣдной дѣйствительности, онъ перенесъ въ умѣ всѣ вѣроятности, по которымъ можно было судить, что кладъ никогда не существовалъ, и, наконецъ, увѣрилъ себя, что предпринимаетъ этотъ поискъ просто изъ любопытства. Но въ заключеніе всего этого онъ всё-таки думалъ:

— Можетъ-быть!....

И спустился въ пещеру.

Вмѣсто ожидаемаго мраку и душнаго сыраго воздуха, Дантесъ нашелъ въ пещерѣ даже свѣтъ, который проникалъ сквозь значительныя щели въ сводѣ. Мѣстами даже видно было небо, просвѣчивавшее сквозь подвижныя вѣтви миртовъ. Въ нѣсколько секундъ Дантесъ обошелъ всю пещеру. Нигдѣ не было примѣтно второй. Между-тѣмъ въ завѣщаніи кардинала было ясно сказано «въ самомъ заднемъ углу второй пещеры.» Эта вторая пещера необходимо должна была простираться глубже, внутрь острова. Дантесъ принялся стучать заступомъ въ стѣну и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, стоившихъ много страху и поту, нашелъ наконецъ мѣсто, которое подъ ударами производило глухой и болѣе продолжительный звукъ, нежели сплошная гранитная масса. Онъ удвоилъ удары и скоро открылъ, что подозрѣваемая часть стѣны дѣйствительно искусственная, сложенная изъ небольшихъ камней, заштукатуренная и затертая краскою подъ цвѣтъ гранита.

Съ возрастающею надеждою и страхомъ, Дантесъ принялся разламывать эту стѣну. Камни были не скрѣплены, а только положены одинъ на другой и замазаны снаружи. Менѣе чѣмъ въ полчаса Дантесъ отбилъ штукатурку и вынулъ столько камней, что могъ свободно пролѣзть въ другую пещеру. Она была пониже и гораздо темнѣе первой и воздухъ проникалъ въ нее только черезъ продѣланное отверстіе. Дантесъ обождалъ немножко, чтобы успокоить бѣненіе своего сердца и дать выйти затхлому воздуху, котораго онъ съ удивленіемъ не нашелъ въ пер-

вой пещерѣ. Чтобы промедлить еще немножко, онъ разобралъ остальную часть искусственной стѣны и совершенно возстановилъ естественное отверстіе пещеры. Потомъ вошелъ, отыскалъ указанный задній уголъ и остановился. Сокровище, если оно существуетъ, должно быть тутъ.

Настала великая минута: Дантѣсу оставалось футовъ на два раскопать землю, чтобы достигнуть или неописанной радости или глубокаго отчаянія. Подождавъ съ минуту, онъ бросилъ заступъ и выбѣжалъ изъ пещеры, подъ предлогомъ посмотреть, одинъ ли онъ, но въ сущности только для того чтобы освѣжить вкруженную голову. Наконецъ, подышавъ свѣжимъ воздухомъ и подкрѣпивъ силы глоткомъ рому и кускомъ хлѣба, Дантѣсъ воротился въ пещеру и съ твердою рѣшимостью принялся разрывать землю въ темномъ углу. При пятомъ или шестомъ ударѣ желѣзо зазвенѣло о желѣзо.

Никогда погребальный звонъ, никогда внезапный испугъ не производилъ въ жилахъ Дантѣса такого трепета, какъ этотъ звукъ. Онъ не столько ослабѣлъ бы, если бы ничего на нашель. Ему нужно было пріостановиться и выпрямиться, чтобы отдохнуть. Потомъ принялся рыть далѣе. Препятствіе, встрѣченное заступомъ, опять издаю звукъ, но уже не желѣзный, а глухой, мягкій.

— Это деревянный сундукъ, обитый желѣзомъ, подумалъ Дантѣсъ.

Въ эту минуту въ передней пещерѣ мелькнула тѣнь. Дантѣсъ уронилъ заступъ, схватилъ ружье и выбѣжалъ.

Надъ отверстиемъ первой пещеры бродила дикая коза. Это былъ прекрасный случай застаться на ужинъ, но Дантѣсъ не думалъ объ ужинѣ. Успокоившись, онъ отрубилъ сухой сукъ смолистаго дерева, зажегъ его и воротился въ съ этимъ факеломъ въ пещеру. Онъ не хотѣлъ уступить изъ виду ни малѣйшей подробности своего открытія.

Воткнувъ факель въ землю, Дантѣсъ принялся за работу и въ нѣсколько минутъ совершенно отрылъ и разломалъ крышку большаго сундука. Заступъ снова выпалъ изъ рукъ. Дантѣсъ схватилъ ружье, взвелъ курокъ и положилъ подлѣ себя. Потомъ закрылъ глаза и

опять открылъ. Чары и ослѣпленіе не исчезали. Сундукъ раздѣлялся перегородками на-трое. Въ одномъ отдѣленіи лежали золотыя слитки; другое было наполнено золотою монетою времени папы Александра Шестаго; третье, поменьше, брилліантами, жемчугомъ и цвѣтными дорогими каменьями, которые будучи пересыпаемы, стучали какъ градъ по оконницамъ. Ощувавъ все это, порывшись дрожащими руками въ золотѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, Дантесъ, какъ безумный, выскочилъ изъ пещеры и пустился бѣгать по острову, напугалъ нѣсколько дикихъ козъ и поднялъ стаю морскихъ птицъ. Когда первое волненіе утихло, онъ взлѣзъ на вершину скалы, чтобы обозрѣть море. Никого не видно было въ окрестности. Онъ былъ одинъ, совершенно одинъ со своимъ несмѣтнымъ, баснословнымъ богатствомъ. Оставалось только убѣдиться, что онъ видитъ не сонъ, что онъ тѣломъ къ тѣлу схватился съ дѣйствительностью. Ему нужно было еще разъ посмотрѣть на свое золото, но онъ чувствовалъ, что еще не можетъ вынести этого зрѣлища. Съ минуту онъ простоялъ держась за голову, какъ-будто опасался, чтобы разумокъ не испарился. Потомъ упалъ на колѣни и пламенно помолился Богу. Тогда только спокойствіе проникло въ взволнованную душу; тогда только Дантесъ началъ въ самомъ дѣлѣ вѣрить своему счастью. Тогда онъ съ радостью пошелъ снова посмотрѣть на свое сокровище и принялся считать, но это оказалось невозможнымъ: слитки золота нужно было бы свѣсить, а огромной массѣ дорогихъ каменьевъ онъ вовсе не умѣлъ опредѣлять цѣны.

Начало смеркаться. Дантесъ опасался, чтобы его не застали въ пещерѣ, и вышелъ съ ружьемъ въ рукахъ. Поужинавъ незатѣйливо, хлѣбомъ и виномъ, онъ завалилъ отверстіе пещеры камнемъ и легъ сверху загоразивая входъ своимъ тѣломъ. Эта ночь была страшна и безпокойна, — подобна двумъ-тремъ ночамъ, какія онъ уже провелъ въ своей жизни.

Взошло солнце. Дантесъ давно уже поджидалъ его. Съ первыми лучами онъ всталъ, взобрался на вершину острова и обозрѣлъ окрестность. Все было пусто, какъ наканунѣ.

Эдмонъ спустился внизъ, сходилъ въ пещеру, положилъ въ карманъ горсть алмазовъ, потомъ закрылъ и засыпалъ сундукъ, уничтожилъ свои слѣды, завалилъ входъ вѣскими камнями, какіе могъ тронуть съ мѣста, засыпалъ землю, заткнулъ мохомъ щели, насадилъ миртовъ и полилъ ихъ, чтобы казались тутъ выросшими, потомъ уничтожилъ свои слѣды около этого мѣста и пошелъ съ нетерпѣніемъ дожидаться возвращенія товарищей.

Контрабандисты воротились на шестой день. Они рассказали Дантэсу о своей экспедиціи и о томъ сколько пистровъ досталось на брата; сожалѣли притомъ, что онъ лишился своей доли по несчастному случаю, а онъ рассказалъ о томъ какъ мало-по-малу оправился отъ ушиба и даже не улыбнулся слушая исчисленія выгодъ, какими попользовался бы если бъ участвовалъ въ экспедиціи. Прибывъ въ Ливорно, Дантэсъ отыскалъ жида, которому продалъ четыре брилліанта, и выручилъ сто тысячъ франковъ; потомъ простился съ товарищами, задавъ имъ пиръ, и съ хозяиномъ, сказавъ ему, что когда-нибудь подастъ вѣсть о себѣ. Онъ рассказалъ имъ, что служилъ въ матросахъ только потому, что, будучи въ разладѣ съ родственниками, не имѣлъ другаго средства къ пропитанію, а теперь, прибывъ въ Ливорно, получилъ наследство послѣ богатаго дяди. Умъ, образованность и вообще нравственное превосходство Мальтійца не позволяли сомнѣваться въ его рассказѣ. Хозяинъ съ сожалѣніемъ отпустилъ его. Дантэсъ уѣхалъ, сказавъ, что отправляется въ Геную.

Черезъ нѣсколько недѣль потомъ въ марсельскую гавань важно вошла небольшая, но великолѣпная яхта генуэзской постройки. Яхта, какъ значилось по таможенной пропискѣ, принадлежала Англичанину, лорду Вильмору. Англичанинъ былъ Эдмонъ Дантэсъ.

—

На половинѣ дороги между деревней Бельгардъ и городомъ Бокеромъ, на берегу Роны, есть старая плохая гостиница, которая потеряла все свое значеніе съ-тѣхъ-поръ какъ изъ Бокера въ Эгморть проведенъ каналъ и

по большой, но пустынной дорогѣ, стали ѣздить очень мало. Хозяинъ этой гостинницы былъ человекъ лѣтъ сорока-двухъ, высокаго росту, сухощавый, но жилистый и широкоплечій, съ глубоко впавшими, но блестящими глазами, съ орлинымъ носомъ и бѣлыми острыми зубами какъ у хищнаго звѣря. Волосы его, несмотря на лѣта, были густы, черны какъ смоль, курчавы и едва кое-гдѣ усѣяны просѣдью. Лицо, и безъ того смуглое, загорѣло до мѣдно-краснаго цвѣту, оттого что бѣднякъ цѣлый день сидѣлъ на крыльцѣ и поджидалъ, не покажется ли на дорогѣ какой-нибудь проѣзжій или прохожій, которому бы можно было напомнить, чтобы завернулъ въ гостинницу. На головѣ у трактирщика вмѣсто шляпы былъ надѣтъ красный клѣтчатый платокъ, завязанный на затылкѣ. Это старый нашъ знакомецъ, Гаспаръ Кадрусъ, которому портняжество не повезло или надоѣло и который съ женою, хворою и брюзгливою женщиной, уже лѣтъ семь содержалъ гостинницу и почти столько же времени вздыхалъ и жаловался на невыгоды трактирнаго ремесла на пустынной дорогѣ.

День былъ знойный. Кадрусъ, сидя на крыльцѣ, заснулъ отъ скуки. Но вдругъ пробужденный громкимъ лаемъ собаки, увидѣлъ передъ собой аббата, въ черной долгополой одеждѣ и въ треугольной шляпѣ. Аббатъ слѣзъ съ лошади. Кадрусъ унялъ собаку, предупредительно ввелъ гостя въ комнату и, стараясь угадать его желанія, предлагалъ по-переменно все, что имѣлъ и чего не имѣлъ въ запасѣ.

Аббатъ долго, внимательно смотрѣлъ на трактирщика и потомъ съ сильнымъ италіанскимъ произношеніемъ спросилъ:

— Вы — мосье Кадрусъ?

— Точно такъ, Гаспаръ Кадрусъ, къ вашимъ услугамъ, почтеннѣйшій аббатъ, отвѣчалъ трактирщикъ.

— Гаспаръ Кадрусъ?... Да, именно такъ.... Вы нѣкогда жили въ улицѣ Мельянъ, неправда ли?

— Точно такъ.

— И занимались портняжествомъ?

— Да, но дѣла худо шли. Въ этомъ негодномъ Марсе-

лѣ такъ жарко, что скоро, я думаю, люди совсѣмъ перестанутъ одѣваться..... Кстати, о жарѣ..... не угодно ли вамъ освѣжиться чѣмъ-нибудь, почтеннѣйшій аббать?

— Да, конечно. Дайте мнѣ бутылку лучшаго вашего вина и будете продолжать разговоръ, если вамъ угодно.

— Какъ вамъ угодно, почтеннѣйшій аббать.

Кадрусъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился съ виномъ.

— Вы одни? спросилъ аббать, видя что трактирщикъ самъ справляетъ должность слуги.

— Да, отвѣчалъ Кадрусъ плачевно: одинъ, или почти одинъ, потому что жена моя постоянно больна и ни чѣмъ не можетъ помочь мнѣ.

— Такъ вы женаты? спросилъ аббать съ участіемъ и окинулъ взглядомъ бѣдную утварь въ комнатѣ.

— Вы находите, что я не богатъ, неправда ли? сказалъ улыбувшись трактирщикъ: да! что дѣлать! прибавилъ онъ со вздохомъ: чтобъ быть счастливымъ на свѣтѣ, недостаточно быть честнымъ человѣкомъ.

Аббать устремилъ на него проникательный взглядъ.

— Да, честнымъ человѣкомъ! повторилъ трактирщикъ выдерживая взглядъ аббата и положивъ руку на грудь: этимъ я могу похвалиться.... Не всякій это можетъ выче.

— Тѣмъ лучше для васъ, если вы можете; возразилъ аббать: потому что, рано или поздно, я увѣренъ, честный получаетъ награду, а безчестный наказаніе.

— Вы это по долгу званія говорите, почтеннѣйшій аббать; но намъ можно вѣрить, можно и не вѣрить вашимъ словамъ.

— Напрасно вы такъ думаете. Можетъ-быть я самъ буду служить вамъ доказательствомъ того, что говорю.

— Какъ такъ?

— Это я объясню вамъ, когда удостовѣрюсь, что вы точно тотъ, кого мнѣ нужно.

— Какого же вы требуете доказательства?

— Знали вы, въ 1814 или 1815 году, моряна, по имени Дантеса?

— Дантеса? зналъ ли я бѣднаго Эдмона Дантеса? Да

какъ мнѣ не знать Дантеса! Да онъ былъ лучшимъ моимъ другомъ!... А что съ нимъ случилось? Знали вы его?... живъ онъ?... здоровъ?... счастливъ?

— Онъ умеръ колодникомъ, въ отчаяніи и страдавѣхъ, хуже чѣмъ каторжный на тулонскихъ галерахъ! отвѣчалъ аббатъ, пристально глядя на трактирщика.

Кадрусъ поблѣднѣлъ, потомъ отворотился и концомъ рукава отеръ слезу.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ: вотъ еще доказательство того, что я вамъ говорилъ, почтеннѣйшій аббатъ: свѣтъ со дня на день становится хуже. Хорошему человѣку ровное мѣста нѣтъ.

— Вы, какъ видно, любили Дантеса?

— О, конечно, я любилъ его и очень жалѣлъ объ его несчастной участи. А вы знали его?

— Я былъ призванъ къ нему, когда онъ умиралъ.

— Отъ чего онъ умеръ? спросилъ Кадрусъ задыхаясь.

— Отъ чего умираетъ человѣкъ въ темницѣ, тридцати лѣтъ отъ-роду?

Кадрусъ отеръ потъ со лба.

— Странно тутъ только то, продолжалъ аббатъ, что несчастный умирая всё продолжалъ увѣрять, будто не знаетъ настоящей причины своего заключенія въ темницу.

— Правда, правда!... онъ не могъ знать.... не могъ.

— Поэтому-то онъ поручилъ мнѣ разъяснить дѣло и возстановить чистоту его безвинно запятнаннаго имени, сказалъ аббатъ продолжая взглядомъ испытывать Кадрусово лицо, которое вдругъ приняло мрачное выраженіе: одинъ богатый Англичанинъ, бывший нѣскольکو времени товарищемъ Дантеса въ несчастіи, за дружескія услуги во время болѣзни, выходя изъ темницы подарилъ ему на память большой брилліантъ. Дантесъ берегъ этотъ подарокъ на случай своего освобожденія, потому что тогда состояніе его было бы обезпечено....

— О! стало-быть, это очень дорогой брилліантъ? вскричалъ Кадрусъ, и глаза его засверкали.

— Конечно, дорогой для Дантеса: этотъ брилліантъ стоитъ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— Пятьдесят тысячъ франковъ! Да это, стало-быть, величиною съ орѣхъ будетъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ... Да вы сами можете посмотреть. Аббать вынулъ изъ карману маленькую сафьянную коробочку и, открывъ, сталъ повертывать дорогóй перстень передъ разгорѣвшимися глазами Кадруса.

— Это стоить пятьдесятъ тысячъ франковъ? спросилъ Кадрусъ.

— Кромѣ золота и работы, которыя тоже чего-нибудь стоятъ, отвѣчалъ аббать и, закрывъ коробочку, положилъ въ карманъ.

— Но какъ же этотъ перстень достался вамъ? Эдмонъ, стало-быть, отказалъ его вамъ въ наслѣдство?

— Нѣтъ, онъ только назначилъ меня душеприказчикомъ. «У меня было трое добрыхъ друзей и невѣста, говорилъ онъ: всѣ четверо, я увѣренъ, горюють обо мнѣ. Одинъ изъ этихъ друзей назывался Кадрусомъ.

Кадрусъ вздрогнулъ.

— «Другой, продолжалъ аббать: назывался Дангларомъ. Третій, прибавилъ Дантесъ, хотя былъ моимъ соперникомъ, однако тоже любилъ меня.

Кадрусъ злобно улыбнулся и хотѣлъ-было прервать аббата.

— Погодите, сказалъ тотъ: дайте мнѣ кончить. «Третій назывался Фернандомъ, а невѣста..... невѣста называлась.....»

— Мерседесъ! подхватилъ Кадрусъ.

— Да, кажется.... Мерседесъ.

— Ну?... что же? спросилъ Кадрусъ.

— Дайте мнѣ стаканъ воды, отвѣчалъ аббать: мнѣ жарко.

Кадрусъ поспѣшно подаль.

— На чемъ же мы остановились? спросилъ аббать, напившись: да! назвавъ своихъ друзей, Дантесъ сказалъ: Поѣзжайте въ Марсель, продайте этотъ брилліантовый перстень, раздѣлите деньги на пять частей и раздайте тѣмъ, которые любили меня.

— Какъ на пять частей? возразилъ Кадрусъ: вы говорили только о четвертыхъ.

— Да, потому что пятый умеръ, какъ я теперь узналъ. Пятый былъ отецъ Дантеса.

— Ахъ, да! бѣдный! онъ умеръ! вскричалъ Кадрусъ, изнуренный противорѣчащими чувствами, которыя ставились у него въ душѣ.

— Я узналъ объ этомъ въ Марселѣ, продолжалъ аббатъ, стараясь казаться равнодушнымъ: но я только и узналъ, что старикъ умеръ.... подробностей ни какихъ.... Вы ничего не знаете о послѣднихъ дняхъ его жизни?

— Какъ же! какъ мнѣ не знать? Вѣдь я жилъ съ нимъ дверь объ дверь.... Бѣдный старикъ!... Онъ умеръ скоро, лишь-только сынъ пропалъ.

— Отъ какой болѣзни онъ умеръ?

— Доктора называли болѣзнь.... Какое-то воспаленіе, что ли. Но тѣ, кто зналъ его, говорили, что онъ умеръ отъ скорби, а я, который видѣлъ, какъ онъ умиралъ, я говорю, что онъ умеръ.... съ-голоду.

— Съ-голоду! вскричадъ аббатъ вскочивъ: съ-голоду! Самыя презрѣнныя животныя не умираютъ съ-голоду. Собаки бродящія по улицамъ, находятъ сострадательныхъ, которые бросаютъ имъ кусокъ хлѣба, а человѣкъ, христiанинъ, умираетъ съ-голоду посреди другихъ людей, которые называютъ себя христiянами! Это невозможно! о, это невозможно!

— Я передалъ что знаю, сказалъ Кадрусъ.

— Ты лжешь, ты ничего не знаешь! сказалъ хриплый взгляивый голосъ съ антресолей: к чему ты не въ свое дѣло мѣшаешься?

Аббатъ поднялъ глаза и увидѣлъ болѣзненное, худое, блѣдное лицо трактирщицы, которая свѣсивъ голову черезъ загородку антресолей, подслушивала разговоръ.

— Сама ты не въ свое дѣло мѣшаешься, Карконта! возразилъ трактирщикъ: господишу аббату нужны свѣдѣнія такъ какъ же мнѣ не говорить, что знаю? Учтивость велеть....

— Иное дѣло учтивость, иное благоразуміе, которое ве-

лечь молчать. Почему ты знаешь, съ какими намѣреніемъ тебя разспрашиваютъ, болванъ?

— Съ добрымъ, мадамъ Кадрусъ, съ добрымъ намѣреніемъ, будьте увѣрены, возразилъ аббатъ: вашему мужу нечего опасаться, пусть только онъ скажетъ всю правду.

— Нѣчего опасаться.... да! знаемъ мы! Начнется съ того, что насулятъ разной разности, потомъ, узнавши, что нужно, скажутъ: не бойся, тебѣ нечего опасаться, а пойдутъ и ни слова не сдержутъ.... а тамъ, глядяшъ, откуда ни возьмись, бѣда нагрянетъ на бѣдныхъ людей и уврляйся, какъ знаешь!

— Будьте спокойны: отъ меня вамъ бѣды ни какой не будетъ, увѣряю васъ.

Карконта ворча про себя скрылась за загородкою и закашлялась. Аббатъ между-тѣмъ выпилъ стаканъ воды и оправился.

— Неужели же, продолжалъ онъ, этотъ несчастный старикъ былъ до такой степени оставленъ всѣми, что долженъ былъ умереть съ-голоду?

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы всѣ оставили: господинъ Морель и Мерседесъ не оставляли его, и даже Фернандъ иногда приходилъ, но Фернанда старикъ не любилъ.... хотя Эмонъ и называетъ его своимъ другомъ, прибавилъ Кадрусъ съ злобно-насмѣшливою улыбкой.

— Что жъ? развѣ онъ не другъ ему?

— Гаспаръ, Гаспаръ! вскричала жена: подумай о чемъ ты хочешь говорить!

— Можно ли быть другомъ того, за чьею невѣстой уживаешь? отвѣчалъ Кадрусъ не обращая вниманія на увѣщаніе жены: Дантесъ былъ добрая душа: онъ называлъ всѣхъ этихъ людей своими друзьями.... Бѣдный Эмонъ!.. Да впрочемъ, оно и лучше, что онъ ничего не зналъ: ему трудно было бы простить имъ въ часъ смерти.... А что ни говори, мнѣ кажется, проклятіе умирающаго страшнѣе ненависти живаго.

— Глупецъ! проворчала Карконта.

— А вы знаете, въ чемъ Фернандъ виновать передъ Дантесомъ? спросилъ аббатъ.

— Знаю ли я?... разумѣется, знаю!...

— Гаспарь! дѣлай, что хочешь: ты мужъ. Но если бы ты послушался меня, я бы совѣтовала тебѣ молчать.

— Да пожалуй—что на этотъ разъ ты правду говоришь, жена.

— Такъ вы не хотите говорить? спросилъ аббатъ.

— К чему? возразилъ Кадрусъ: если бы Дантесъ самъ пришелъ и захотѣлъ однажды навсегда узнать своихъ друзей и недруговъ, тогда, пожалуй. Но Дантесъ уже въ могилѣ. У него теперь не можетъ быть ни любви ни ненависти, такъ что ужъ тутъ говорить?

— Поэтому вы хотите, чтобы я отдалъ недостойнымъ и ложнымъ друзьямъ награду, назначенную вѣрнымъ?

— Правда, что оно бы не слѣдовало.... конечно, правда.... но, впрочемъ, что этимъ людямъ теперь значитъ бѣдное завѣщаніе Дантеса? Капля въ морѣ.

— Не считая того, что они могутъ однимъ словомъ уничтожить тебя! замѣтила Карконта.

— Какъ такъ? Стало-быть, они богаты и сильны?

— Такъ вы не знаете ихъ исторію?

— Нѣтъ; расскажите.

Кадрусъ подумалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ: долго слишкомъ будетъ.

— Ну, какъ хотите, любезный другъ, сказалъ аббатъ совершенно равнодушно: я нахожу даже, что ваше молчаніе похвально и безкорыстно. Миѣ дано простое порученіе и я исполню его, продамъ этотъ брилліантъ.

Онъ вынулъ коробочку и съ полминуты повертѣлъ дорогой перстень передъ алчными глазами трактирщика.

— Поди же сюда жена, посмотри! сказалъ Кадрусъ задыхаясь.

— Брилліантовый перстень! вскричала Карконта, довольно поспѣшно сошедши съ антресолей: что же такое съ этимъ перстнемъ?...

— Развѣ ты не слыхала? Это Эдмонъ завѣщалъ намъ, то есть, своему отцу, тремъ друзьямъ,—Данглару, Фер-

нанду и мнѣ, — и своей невѣстѣ, Мерседесъ. Этотъ бриллиантъ стоитъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, и пятая часть принадлежитъ намъ. Такъ ли, почтеннѣйшій аббатъ.

— Да, и сверхъ-того четверть изъ доли старика Дантеса.

— Отчего же четверть? спросила Карконта.

— Оттого что васъ четверо, друзей Дантеса.

— Друзей!... Тѣ не друзья, которые могли быть предателями, проворчала Карконта въ свою очередь.

— Да, да! вѣдь и я то же говорю! подхватилъ Кадрусъ: вѣдь это почти злоупотребленіе, почти святотатство будетъ..... награждать предательство и даже преступленіе, можетъ-быть.

— На то ваша воля, спокойно сказалъ аббатъ, положивъ перстень въ карманъ: скажите жъ мнѣ, гдѣ живутъ эти друзья Дантеса, чтобы я могъ исполнить послѣднюю его волю.

На лбу у Кадруса выступилъ потъ. Аббатъ всталъ и подошелъ къ двери, чтобы взглянуть на свою лошадь. Кадрусъ и жена его глядѣли другъ на друга.

— Бриллиантъ этотъ могъ бы весь достаться намъ! шепнулъ онъ.

— Ты думаешь? возразила она.

— Конечно! Изъ-за чего бы аббатъ сталъ обманывать.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь. Я ни во что не мѣшаюсь, сказала Карконта и поспѣшно ушла въ другую комнату.

— Ну, что, рѣшились ли? спросилъ аббатъ возвращаясь.

— Рѣшился. Все расскажу, отвѣчалъ Кадрусъ.

— Я думаю, что это будетъ лучше.... не потому чтобы мнѣ очень хотѣлось знать вашу тайну, но потому что черезъ это я, можетъ-быть, лучше могу выполнить волю умершаго.

— Конечно, конечно, но.... не подслушали бы насъ, сказалъ Кадрусъ и пошелъ затворить двери.

Аббатъ между-тѣмъ приготовляясь слушать, усѣлся по-дальше въ уголъ, такъ, чтобы свѣтъ изъ окна оставилъ его въ тѣни, падалъ только на лицо рассказчика.

— Прежде всего, сказалъ Кадрусъ усаживаясь противъ аббата, я долженъ просить васъ объ одномъ....

— О чемъ же?

— Если вы намѣрены сдѣлать какое-нибудь употребленіе изъ пзвѣстій, которыя я вамъ сообщу, то, прошу васъ, не говорите, что вы получили ихъ отъ меня, потому что люди, о которыхъ я буду говорить, богаты и сильны. Имъ стѣитъ только слово сказать и я погибъ.

— Не бойтесь, любезный другъ, я васъ не выдамъ. Будьте спокойны и помните, что единственная наша цѣль — достойнымъ образомъ исполнить послѣднюю волю завѣщателя. Говорите безъ утайки и безъ ненависти; говорите правду, чистую правду. Я не знаю и, конечно, никогда не буду знать людей, о которыхъ вы говорите: я не Французъ, я Италіянецъ и, лишь-только исполню возложенное на меня порученіе, тотчасъ же отправлюсь домой, въ Италію.

— Ну, въ такомъ случаѣ я вамъ все расскажу.... я вамъ расскажу, каковы Дантесовы друзья.

— Расскажите мнѣ сперва объ его отцѣ.

— О! это не длинная, но печальная исторія. Начало, вы, конечно, знаете?

— Да, Дантесъ рассказалъ мнѣ всю свою исторію до той минуты, когда его арестовали.

— Ну, такъ вотъ.... когда его арестовали, Морель тотчасъ поѣхалъ узнавать, въ чемъ дѣло, и воротился печальнѣе чѣмъ былъ. Старикъ Дантесъ отправился [домой со слезами. Всю ночь онъ не спалъ, всё ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ.... Я тоже не могъ уснуть, все слышалъ, какъ онъ ходитъ, и горе старика давило мнѣ сердце. Мерседесъ тоже ходила къ господину Вильфору, тогдашнему помощнику королевскаго прокурора, просить за Дантеса, но ничего не выпросила. Утромъ она пришла къ старику и, увидѣвши, что онъ такъ тоскуетъ, что не спалъ ночь и не ѣлъ цѣлыя сутки, хотѣла увести его къ себѣ, чтобы присмотрѣть за нимъ, но напрасно упрашивала: старикъ не согласился. Потомъ пришелъ Морель и старался утѣшить обоихъ, потому что бѣдная дѣвушка

сама была въ отчаяніи. На другой день они опять пришли, но старикъ не впустилъ ихъ, хотя былъ дома.... Я слышалъ, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Мерседесъ и Морель почти каждый день приходили, но дверь оставалась запертою. Однажды, черезъ нѣсколько дней, впустивъ Мерседесъ, старикъ сказалъ ей: «Повѣрь мнѣ, дочь моя, онъ умеръ. Не намъ его дожидаться: онъ насъ дожидается. Я счастливѣе тебя, потому что старше, я, слѣдовательно, скорѣй увижу его». Послѣ того онъ опять не сталъ пускать къ себѣ никого. Ну, потомъ, конечно, коли не пускаетъ, такъ и ходить перестали. Старикъ остался совершенно одинъ. Чѣмъ ему было жить?... Онъ сталъ продавать свои пожитки, вещь за вещью. Потомъ задолжалъ за квартиру, за три мѣсяца. Хозяинъ дому сталъ требовать, сталъ гнать. Старикъ выпросилъ недѣлю сроку. Дали. Впродолженіи первыхъ трехъ дней этой недѣли я слышалъ, какъ онъ, по обыкновенію, прохаживался. На четвертый я уже ничего не слышалъ и потому пошелъ посмотреть. Дверь была заперта, но въ замочную скважину я увидѣлъ, что старикъ лежитъ на кровати, блѣдный, слабый, больной. Я увѣдомилъ объ этомъ Мореля и побѣжалъ къ Мерседесъ. Оба тотчасъ же пришли. Морель привелъ съ собою доктора, который осмотрѣлъ больнаго, далъ лекарства и предписалъ діету. Я былъ при этомъ и никогда не забуду улыбки старика, когда онъ услышалъ это предписаніе. Съ той минуты дверь его осталась отворенною: онъ имѣлъ поводъ не ѣсть: докторъ предписалъ ему діету.

У аббата вырвался стонъ.

Эта исторія занимаетъ васъ, неправда ли? спросилъ Кадрусъ.

— Да, она печальна, отвѣчалъ аббатъ.

— Мерседесъ съ той поры не отходила отъ одра умирающаго. Морель оставилъ на каминѣ кошелекъ съ деньгами и предупредилъ дѣвушку. Но всѣ заботы ихъ остались тщетными. Старикъ ничего не хотѣлъ принять. Черезъ пять дней онъ умеръ проклиная неизвѣстныхъ виновниковъ своего несчастія и сказавъ Мерседесъ: «Если ты, можешь»

быть, увидишь Эдмона, скажи ему, что я умеръ благословляя его».

Аббатъ всталъ, схватилъ себя за горло и прошелся два раза по комнатѣ.

— Такъ вы думаете, что онъ умеръ съ-голоду? спросилъ онъ потомъ.

— Да съ чего же больше? отвѣчалъ Кадрусъ: разумѣется, съ-голоду.

Аббатъ выпилъ стаканъ воды, и сѣлъ. Глаза его налились кровью, щеки поблѣднѣли.

— Продолжайте, сказалъ онъ: продолжайте. Говорите мнѣ о друзьяхъ.... говорите мнѣ о тѣхъ людяхъ, которые заставили сына умереть съ отчаянія, а отца — съ-голоду!

— Эти люди — Фернандъ и Дангларъ.

— Что же они сдѣлали?

— Они подали на Дантеса доносъ, какъ на бонапартиста.

— Но который же изъ нихъ подалъ?

— Оба. Одинъ написалъ письмо, а другой отдалъ на почту.

— Гдѣ же это письмо написано?

— Въ той самой рестораціи, гдѣ справляли свадебный пиръ.... и именно наканунѣ пира.

— Такъ, такъ! О, Фарія, Фарія! какъ ты зналъ людей! вскричалъ аббатъ.

— Какъ вы позволили сказать? спросилъ Кадрусъ.

— Нѣтъ.... ничего. Продолжайте.

— Дангларъ написалъ доносъ лѣвою рукой, чтобы не узнали по почерку, а Фернандъ отдалъ на почту.

— Но вы, вы тоже были при этомъ! вдругъ вскричалъ аббатъ.

— Я? Кто вамъ сказалъ, что я былъ? возразилъ Кадрусъ съ изумленіемъ.

Аббатъ увидѣлъ, что слишкомъ далеко зашелъ.

— Никто, отвѣчалъ онъ: но чтобы знать дѣло такъ подробно, нужно быть очнымъ свидѣтелемъ.

— Правда, сказалъ Кадрусъ со вздохомъ: я былъ тамъ.

— И вы не воспротивились этому злодѣйству? Слѣдовательно, вы ихъ сообщникъ?

— Помилуйте! Они наполни меня, дотога что я почти совсѣмъ лишился разсудку: мнѣ все видѣлось, какъ-будто въ туманѣ. Я говорилъ все, что можетъ сказать человѣкъ въ подобномъ состояніи, но они отвѣчали мнѣ, что затѣваютъ просто шутку, которая не будетъ имѣть ни какихъ послѣдствій.

— А потомъ? потомъ вы видѣли послѣдствія.

— Да, тогда я хотѣлъ говорить, хотѣлъ все открыть, но Дангларъ остановилъ меня. «А что, если Дантесъ въ самомъ дѣлѣ преступникъ? говорилъ онъ: вѣдь онъ дѣйствительно останавливался на Эльбѣ.... Что, если ему въ самомъ дѣлѣ было поручено письмо къ мятежникамъ? Вѣдь тогда всякій, кто за него заступится, будетъ сочтенъ сообщникомъ!» Я побоялся этого и, признаюсь, смолчалъ. Это трусость, малодушіе, согласенъ; но это не преступленіе.

— Я понимаю. Вы своротили все дѣло на судьбу и только.

— Да! и за это меня денно и ночью укоряетъ совѣсть. Клянусь вамъ, я часто молю Бога, чтобы простилъ мнѣ этотъ грѣхъ, потому что мнѣ кажется, за него-то мнѣ ничто уже и не удастся въ жизни. Зато я и говорю всегда женѣ, когда она начнетъ жаловаться: молчи, жена! видно, такъ Богу угодно.

И Кадрусъ склонилъ голову съ непритворнымъ выраженіемъ раскаянія.

— Хорошо; я вижу, что вы откровенны, сказалъ аббать: обвиняющій себя такимъ образомъ заслуживаетъ прощенія.

— Къ-несчастію, возразилъ Кадрусъ со вздохомъ: Эдмонъ умеръ и не простилъ мнѣ.

— Онъ не зналъ вины, замѣтилъ аббать.

— Всѣ-равно? онъ теперь знаетъ, можетъ-быть. Говорятъ, мертвые все знаютъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Аббать въ раздумьѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы нѣсколько разъ поминали о какомъ-то Морель, сказалъ онъ сѣвъ на мѣсто: что это за человѣкъ?

— Это владѣлецъ «Фараона», хозяинъ Дантеса.

— Какую роль онъ игралъ во всей этой плачевной исторіи?

— Роль человѣка честнаго, мужественнаго и великодушнаго. Двадцать разъ онъ просилъ за Дантеса. При императорѣ онъ столько писалъ, просилъ, грозилъ, что потомъ, по вторичномъ восстановленіи, подвергся притѣсненіямъ какъ бонапартистъ. Для старика Дантеса онъ тоже готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ, если бы старикъ согласился принять. Живой онъ ничего не хотѣлъ принять. Но по-крайней-мѣрѣ его похоронили на счетъ Мореля. У меня до-сихъ-поръ хранится кошелекъ, въ которомъ были деньги, оставенныя Морелемъ на каминѣ.... Большой красный шелковый кошелекъ.

— И этотъ Морель живъ еще?

— Живъ.

— Онъ долженъ быть человѣкъ благословенный небомъ.... онъ долженъ быть богатъ, счастливъ! сказалъ аббатъ.

Кадрусъ горько улыбнулся.

— Да, счастливъ!.... какъ я! сказалъ онъ.

— Какъ! Морель несчастенъ? вскричалъ аббатъ.

— Онъ близокъ къ бѣдности.... хуже, онъ близокъ къ позору.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Послѣ двадцати-пяти лѣтнихъ трудовъ, послѣ-того что приобрѣлъ себѣ почетное мѣсто въ марсельскомъ купечествѣ, Морель разорился въ-конецъ. Онъ въ два года потерялъ пять кораблей и потерпѣлъ отъ трехъ страшныхъ банкротовъ. Теперь у него единственная надежда на «Фараона», которымъ командовалъ Дантесъ и который долженъ воротиться изъ Индіи съ товарами. Если этотъ корабль погибнетъ такъ же какъ другіе, Морель тоже погибъ.

— У него есть жена, дѣти?

— Есть. Жена его сущій ангелъ. Дочь была уже не-

вѣстой, да теперь жениху родители не позволяютъ жениться на бѣдной. Сынъ служитъ поручикомъ въ арміи. Но жена и дѣти не облегчаютъ горя: будь Морель одинъ, ему, конечно, было бы легче.

— Это ужасно! прошепталъ аббатъ.

— Да! вотъ вамъ и добрый и честный человѣкъ, а стоять на краю нищеты, между-тѣмъ какъ Фернандъ и Дангларъ утопаютъ въ довольствѣ.

— Какимъ же образомъ они нажились?

— Дангларъ черезъ Мореля получилъ мѣсто у какого-то испанскаго банкира и уѣхалъ въ Испанію. Во время войны онъ принималъ участіе въ подрядахъ и нажился; потомъ пустился въ обороты и утронилъ свой капиталъ; потомъ женился на дочери банкира, овдовѣлъ и опять женился уже во Франціи, на вдовѣ,—на мадамъ де-Наргонъ, дочери господина де-Сервиё, камергера нынѣшняго короля. Дангларъ сдѣлался миллионеромъ, его сдѣлали барономъ, такъ, что онъ теперь баронъ Дангларъ, имѣетъ великолѣпный домъ въ улицѣ Монъ-Бланъ, держитъ десять лошадей на конюшнѣ и шестерыхъ лакеевъ въ передвои.

— Такъ онъ счастливъ! вскричалъ аббатъ съ непонятнымъ для Кадруса выраженіемъ: ну, а Фернандъ? Какъ онъ могъ разбогатѣть, бѣдный рыбакъ, человѣкъ безъ всякаго образованія, безъ всякихъ познаній! Это непонятно.

— Конечно. Я тоже не понимаю. Никто не понимаетъ. Въ жизни его должна быть какая-нибудь страшная тайна. Извѣстно только то, что будучи рекрутомъ еще до пріѣзду Дантеса, Фернандъ по возвращеніи Наполеона поступилъ въ полкъ, отправился въ императорскую армію и былъ въ сраженіи при Линьѣ. Въ ночь послѣ этого сраженія онъ стоялъ на часахъ у палатки одного генерала, который находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Въ ту же ночь генералъ предполагалъ перейти къ Англичанамъ и предложилъ Фернанду то же. Фернандъ согласился, оставилъ свой постъ и послѣдовалъ за генераломъ. За чтò у Наполеона грозилъ ему военный судъ, то у Бурбоновъ заслужило награду. Фернандъ воротился во

Францію подпоручикомъ. Въ 1823 его произвели въ капитаны, а въ испанскую войну онъ такъ отличился, что произведенъ въ полковники, получилъ большой крестъ почетнаго легіона и титулъ графа.

— О, судьба, судьба! прошепталъ аббатъ.

— Это еще не все, продолжалъ Кадрустъ: по окончаніи испанской войны, Фернандъ или графъ де-Морсерфъ, — какъ онъ называется, — выпросилъ позволеніе отправиться въ Грецію и черезъ нѣсколько времени узнали, что онъ вступилъ въ службу Али-Паши генераломъ. Али Паша убить, какъ вамъ извѣстно, но передъ смертью онъ награждалъ заслуги Морсерфа значительною суммою денегъ, съ которою тотъ и воротился во Францію. Вотъ какимъ образомъ Фернандъ теперь графъ, депутатъ, богатъ и живетъ въ собственномъ домѣ, въ улицѣ Гельдеръ, подъ номеромъ двадцать седьмымъ.

— Подъ номеромъ двадцать-седьмымъ! вскричалъ аббатъ, какъ-будто съ удивленіемъ, но потомъ спокойно прибавилъ: а Мерседесъ? Мнѣ говорили, что она исчезла.

— Да, исчезла, какъ исчезаетъ солнце, длятого чтобы на утро взойти еще великолѣпнѣе.

— Такъ я она разбогатѣла? спросилъ аббатъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Мерседесъ нынче одна изъ знатнѣйшихъ дамъ въ Парижѣ, отвѣчалъ Кадрустъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ аббатъ: мнѣ кажется, что я слушаю рассказъ о сновидѣніи, но я не удивляюсь, потому что самъ видѣлъ много чудесъ.

— Мерседесъ, лишившись жениха, сначала, разумѣется, была въ отчаяніи. Я вамъ говорилъ, какъ она ходила упрашивать Вильфора, какъ ухаживала за старикомъ Дантесомъ. Три мѣсяца она проплакала совершенно одна, потому что в Фернандъ, котораго она любила какъ брата, принужденъ былъ оставить ее. Потомъ онъ воротился подпоручикомъ. Но память о Дантесѣ, вѣрно, еще была слишкомъ свѣжа. Фернандъ оиять уѣхалъ. Черезъ двадцать мѣсяцевъ онъ вторично пріѣхалъ и тогда уже Мерседесъ рѣшилась выйти за него.

— Стало-быть, она теперь графиня де-Морсерезъ?

— Да, и притомъ славится красотою и умомъ, такъ, что ея гостиная, говорятъ, почитается одною изъ самыхъ избранныхъ въ Парижѣ.

— А Вильфоръ? Чтò вы знаете о Вильфорѣ?

— О Вильфорѣ? Ничего, кромѣ-того развѣ, что онъ тоже богатъ и счастливъ, какъ Дангларъ и какъ Фервандъ.... Я одинъ, какъ видите, остался бѣденъ и забытъ судьбою.

— Вы ошибаетесь, любезный другъ: судьба справедлива и не забываетъ ни кого. А вотъ вамъ и доказательство. Возьмите этотъ брилліантъ: онъ вашъ.

— Какъ! мой? вскричалъ Кадрусъ: о! пожалуйста, не шутите!

— Я не шучу. Брилліантъ этотъ слѣдовало раздѣлить между друзьями Эдмона. У Эдмона остался только одинъ другъ, слѣдовательно и дѣлить нечего. Возьмите.

Кадрусъ робко протянулъ одну руку, а другою отиралъ потъ со лба.

— Не шутите, почтеннѣйшій аббатъ, сказалъ онъ: умоляю васъ, не шутите счастьемъ и отчаяніемъ человѣка!

— Я знаю, чтò такое счастье, и знаю, чтò такое отчаяніе, и никогда не шучу ими, отвѣчалъ аббатъ. Возьмите во взамѣнъ....

Кадрусъ отдернулъ руку. Аббатъ улыбнулся.

— Взамѣнъ отдайте мнѣ тотъ кошелекъ, который Морель оставилъ у старика Дантеса и который хранится у васъ, какъ вы говорите.

— Кошелекъ? Извольте, сказалъ Кадрусъ и, поспѣшно вынувъ изъ комода старый шелковый кошелекъ съ двумя бронзовыми кольцами, отдалъ аббату, а отъ него получилъ коробочку съ перстнемъ.

— О! вы рѣдкій, вы удивительный человѣкъ! вскричалъ Кадрусъ, раскрывъ коробочку и посмотрѣвъ на перстень: вѣдь никто не зналъ, что Эдмонъ поручилъ вамъ этотъ брилліантъ! Вы могли удержать его у себя....

— Ага! подумалъ аббатъ, ты, конечно, удержалъ бы!

Онъ всталъ и, взявъ шляпу, сказалъ:

— Все ли правда, чтò вы сказали мнѣ, хозяинъ?

— Клянусь, все правда, сушая правда! Богъ свидѣтель! вскричалъ Кадрусъ съ жаромъ: стану ли я лгать? На что мнѣ лгать? Клянусь, правда!

— Ну, хорошо, прощайте.

Аббатъ насилу освободился отъ восторженныхъ благодареній Кадруса и уѣхалъ. Кадрусъ проводилъ его за ворота и воротившись встрѣтился съ женою.

— Правда ли? такъ ли я разслышала? спросила она.

— Что? что онъ намъ однимъ отдалъ брилліантъ? вскричалъ Кадрусъ внѣ себя отъ радости.

— Да.

— Конечно, правда, потому что вотъ онъ!

Женщина посмотрѣла на брилліантъ съ минуту и сказала глухимъ голосомъ:

— А если онъ поддѣльный?

Кадрусъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— Поддѣльный! прошепталъ онъ: поддѣльный! Но зачѣмъ же аббатъ далъ бы мнѣ поддѣльный?

— За тѣмъ чтобы по-дешевлѣ купить твой языкъ, дуралей!

Это предположеніе совершенно оглушило Кадруса.

— О! это я сейчасъ узнаю! вскричалъ онъ потомъ, схватившись за шляпу: теперь въ Бокерѣ ярмарка. Тамъ есть парижскіе брилліантчики. Я имъ покажу. Присмотри за домою. Я черезъ два часа ворочусь.

И Кадрусъ пустился бѣжать на ярмарку въ Бокерѣ.

На другой день послѣ этой сцены къ главному инспектору темницъ, мосье де-Бовилю, пришелъ господинъ въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ нанковыхъ панталонахъ, съ британскимъ выговоромъ и британскими манерами.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, я старшій конторщикъ купческаго дому Томсона и Френча, въ Римѣ. Мы около десяти лѣтъ имѣемъ сношенія съ домою Морель съ сыномъ, въ Марселѣ. У насъ и теперь есть въ оборотѣ съ нимъ около сотни тысячъ франковъ и мы нѣсколько безпокоимся насчетъ состоянія его дѣлъ, потому что объ этомъ носятя невыгодные слухи. Узнавши, что вы

также ищите за нимъ значительныя суммы, мы жемъ освѣдомиться у васъ, какъ у человѣка, который на ищетъ дѣйствія ясные можетъ видѣть обстоятельства. Какъ вы думаете о состояніи мосьё Мореля?

— Да! да! ваши опасенія, къ-несчастію, совершенно основательны! вскричалъ встревоженный де-Бовиль, глядя во всѣ глаза на Англичанина: я самъ въ отчаяніи! У меня двѣсти тысячъ франковъ въ оборотахъ Мореля. Эти двѣсти тысячъ франковъ составляютъ приданое моей дочери, которую я хотѣлъ выдать на будущей недѣлѣ.... Эти двѣсти тысячъ мнѣ слѣдовало получить, одну сотню пятнадцатаго, нынѣшняго мѣсяца, а другую пятнадцатаго, будущаго. И вотъ, не далѣе какъ сегодня, Морель былъ у меня и сказалъ, что не можетъ выплатить, если его Феронъ не воротится къ пятнадцатому числу.

— О! да это очень похоже на разсрочку!

— Скажите лучше, что это похоже на банкротство! вскричалъ де-Бовиль съ отчаяніемъ.

Англичанинъ подумалъ немножко и потомъ сказалъ:

— Такъ вы опасаетесь потерять вашъ капиталъ?

— Разумѣется, опасуюсь! Я думаю даже, что уже все пропало!

— Не бойтесь. Пожалуйте, я куплю ваши векселя.

— Вы?

— Да, я.

— Но съ ужасною уступкой, разумѣется?

— Нѣтъ, за двѣсти тысячъ франковъ. Нашъ домъ, прѣбавилъ Англичанинъ съ улыбкой: не занимается подобными оборотами.

— И вы заплатите?...

— Наличными.

Англичанинъ вынулъ изъ кармана пукъ банковыхъ билетовъ, вдвое или втрое больше суммы, которую де-Бовиль опасался потерять. Лицо инспектора пресіяло, однако жъ онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сказалъ:

— Но, позвольте, я долженъ предупредить васъ.... По всей вѣроятности, вы получите не больше шести за сто.

— Это ужъ наше дѣло, возразилъ Англичанинъ: это

дѣло дому Томсона и Френча, отъ имени котораго я дѣйствую. Потрудитесь сдѣлать транспортъ, я выплачу вамъ деньги сполна. Я только попрошу позволенія воспользо-ваться правомъ куртажа.

— О, помилуйте! разумѣется, это справедливо! вскричалъ де-Бовиль: обыкновенно за комиссію берутъ полтора процента. Угодно вамъ два?... угодно вамъ три?... угодно вамъ пять? Говорите.

— Милостивый государь, отвѣчалъ Англичанинъ улыбаясь, я, также какъ и домъ Томсона и Френча, не занимаюсь подобными мелочами. Мои притязанія на куртажъ совсѣмъ другаго рода.

— Такъ говорите, я слушаю.

— Вы главный инспекторъ темницъ?

— Да, уже пятнадцатый годъ.

— Колодничій списокъ у васъ хранится?

— У меня.

— При этихъ спискахъ должны быть замѣчанія насчетъ колодниковъ.

— Какъ же, у каждаго свое дѣло.

— Такъ вотъ, видите, что. Я воспитывался въ Римѣ у одного бѣднаго аббата, который вдругъ исчезъ, невѣдомо куда. Недавно я узналъ, что онъ содержался въ замкѣ Ифъ и мнѣ хотѣлось бы узнать подробности касательно его смерти.

— А какъ его звали?

— Аббатъ Фарія.

— А! помню, помню! вскричалъ де-Бовиль: онъ былъ сумасшедшій?

— Да, говорятъ. Что, онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ?

— Умеръ, умеръ: мѣсяцевъ пять или шесть будетъ. Въ февралѣ, кажется. Я помню объ этой смерти, потому что она сопровождалась очень странными обстоятельствами.

— Можно знать, какими?

— Почему же! Извольте. Въ томъ же замкѣ содержался одинъ агентъ бонапартистовъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и отважныхъ; человекъ, который больше всѣхъ содѣйствовалъ возвращенію Бонапарта; человекъ очень

опасный.... Я видѣлъ его, посѣщая темницы въ 1816 году. Онъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе, такъ, что я никогда не забуду его лица.

Англичанинъ чуть примѣтно улыбнулся.

— Чтò же этотъ человѣкъ? Какъ его звали?

— Эдмонъ Дантèsъ. Да! вообразите, этотъ человѣкъ однимъ гвоздемъ пробилъ двѣ каменные стѣны и прорылъ подъ землю ходъ въ пятьдесятъ футовъ длины, до темницы аббата Фарія.

— Вѣроятно, съ намѣреніемъ убѣжать?

— Разумѣется. Но, къ-несчастью, аббатъ Фарія умеръ.

— И это разрушило планъ побѣгу?

— Для мертваго, конечно, но не для живаго. Дантèsъ, напротивъ, видѣлъ въ этомъ средство ускорить побѣгу. Онъ, конечно, думалъ, что колодниковъ въ замкѣ Ифъ хоронятъ на обыкновенномъ кладбищѣ и легъ на мѣсто покойника.

— О! это отважное средство! замѣтилъ Англичанинъ.

— Я вамъ говорю, что это былъ ужасный человѣкъ. Къ-счастью, онъ самъ избавилъ насъ отъ хлопотъ и опасностей за него.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Въ замкѣ Ифъ нѣтъ кладбища. Мертвыхъ просто бросаютъ въ море, привязавши къ ногамъ тридцатишести фунтовое ядро.

— Ну, и чтò жъ?

— Ну, ему привязали тридцати-шести-фунтовикъ къ ногамъ и бросили въ море.

— Неужелп?

— Да. Вы понимаете, что онъ долженъ былъ очень удивиться, совершая такой полетъ съ высокой скалы. Желалъ бы я посмотреть на его лицо въ эту минуту!

— Это было бы трудно.

— Всѣ-равно, я воображаю! сказалъ де-Бовиль и захохоталъ.

Увѣренность въ полученіи своихъ денегъ произвела у инспектора очень веселое расположеніе духа. Англичанинъ тоже захохоталъ.

— И такъ, продолжалъ онъ, бѣглець утонулъ?

— Разумѣется! Если его наслѣдники вздумаютъ спра-
вляться, мнѣ выдадутъ формальное свидѣтельство.

— Кстати, возразилъ Англичанинъ: вы обѣщали мнѣ
показать дѣла о колодникахъ?

— Правда. Эта исторія задержала насъ. Извините.

— За что? за исторію? Помилуйте, она очень заняла ме-
ня. Но позвольте мнѣ также узнать подробности насчетъ
смерти Фарін.

— Извольте, извольте. Пожалуйста.

И де-Бовиль повелъ Англичанина въ архивъ. Тамъ все
было въ лучшемъ порядкѣ, книги и дѣла. На каждомъ дѣ-
лѣ находился ярлычокъ. Инспекторъ вынулъ изъ шкафа
дѣла о заключенныхъ въ замкѣ Ифъ и разложилъ передъ
Англичаниномъ, а самъ ушелъ въ другой уголъ и при-
нялся читать газету.

Англичанинъ легко нашелъ дѣло объ аббатѣ Фарін, по
рассказанная инспекторомъ исторія, казалось, очень заин-
тересовала его, потому что онъ сталъ отъискивать также дѣ-
ло о Дантесѣ и съ любопытствомъ пересмотрѣлъ его. Про-
челъ допросъ, и доносъ, и просьбу Мореля, и приписку
Вильфора. Доносъ онъ тихонько вынулъ и положилъ въ
карманъ, потомъ еще разъ посмотрѣлъ въ списокъ, гдѣ
была сдѣлана отмѣтка на счетъ Дантеса, бѣшенаго бона-
партиста, и убѣдился, что она сдѣлана рукою самого
Вильфора.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ онъ потомъ, за-
хлопнувъ книгу и обращаясь къ инспектору: я узналъ
все, что мнѣ было нужно. Теперь не угодно ли вамъ полу-
чить ваши деньги?

Де-Бовиль отдалъ векселя и получилъ свои двѣ сотни
тысячъ. Простившись съ инспекторомъ, Англичанинъ
отправился прямо къ Морелю.

Кто бывалъ у Мореля нѣсколько лѣтъ назадъ, тотъ на-
шелъ бы въ его домѣ большую пережѣну. вмѣсто жизни,
довольства и счастья, которыя, такъ сказать, выдыхаетъ
домъ, когда дѣла хозяина идутъ хорошо; вмѣсто весе-
лыхъ лицъ и дѣятельно суетящихся людей; вмѣсто шуму

и движенія, вездѣ было тихо, печально, мертво. Изъ множества писцовъ, населявшихъ обширную контору, остались только двое, Эммануэль Ремонъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-шести, и старикъ Коклессъ, кассиръ. Одинъ оставался, потому что его удерживали черные глаза мажель Юли Морель, другой — по твердому убѣжденію, что домъ Морелей не можетъ обанкротиться. Платежи въ самомъ дѣлѣ покуда еще производились исправно, однако жъ на это требовались усилія и въ концѣ каждаго мѣсяца касса пустѣла совершенно. Наставала послѣдняя критическая минута. Морель не могъ выплатить ста тысячъ де-Бовиллю и долженъ былъ дожидаться возвращенія своего Фараона, который значительно запоздалъ и на котораго возлагались всѣ надежды. Въ такомъ состояніи засталъ Мореля Англичанинъ, который выдавалъ себя за повѣреннаго дому Томсона и Френча.

— Вы желали говорить со мною? спросилъ Мерель, котораго уже начиналъ беспокоить пристальный взглядъ и молчаніе Англичанина.

— Точно такъ. Вамъ извѣстно отъ кого я присланъ?

— Отъ дому Томсона и Френча, какъ говорить мой кассиръ?

— Точно такъ. Домъ Томсона и Френча втеченіи нынѣшняго и будущаго мѣсяца имѣетъ уплатить во Франціи около четырехъ сотъ тысячъ франковъ и поэтому, зная вашу строгую точность, собралъ всѣ векселя за вашею подписью, какіе могъ найти, и поручилъ мнѣ по мѣрѣ истеченія сроковъ принять эти суммы и употребить на уплату.

Морель вздохнулъ и отеръ лобъ.

— Такъ у васъ есть мои векселя? спросилъ онъ потонъ.

— Точно такъ. На сумму довольно значительную.

— На сколько? спросилъ Мерель голосомъ, который старался сдѣлать твердымъ.

— Да вотъ, во-первыхъ, вексель на двѣсти тысячъ, по транспорту отъ господина де-Бовилля.

— Отъ де-Бовилля!... Онъ передалъ?

— Точно такъ. А вотъ тридцать-двѣ-тысячи пять-сотъ франковъ, также изъ третьихъ рукъ. Ваша это подпись?

— Да, да, я знаю, отвѣчалъ Морель, краснѣя при мысли, что впервые не въ состояніи будетъ отвѣчать за свое имя.

— А вотъ еще, срокомъ до конца будущаго мѣсяца, векселя, переданные намъ домою Паскаля и домою Вильда и Турнера, въ Марсели, около пятидесяти-пяти тысячъ. Всего двѣсти осемьдесятъ семь тысячъ пять сотъ франковъ.

Что чувствовалъ Морель при этомъ исчисленіи, описать невозможно.

— Двѣсти осемьдесятъ семь тысячъ пять сотъ франковъ! повторилъ онъ машинально.

— Точно такъ, отвѣчалъ Англичанинъ и, помолчавъ, продолжалъ: я не скрою отъ васъ, мосьё Морель, что, несмотря на неукоризненную вашу исправность до-сихъ-поръ, во Марселе ходитъ слухъ, будто бы вы не въ состояніи продолжать ваши дѣла.

Это была такая грубость, что Морель страшно поблѣдѣлъ.

— Милостивый государь! возразилъ онъ: я уже двадцать четыре года управляю домою, въ главѣ котораго мой отецъ стоялъ тридцать пять лѣтъ, и до-сихъ-поръ еще ни одинъ доскутъ бумаги подписанный Морелемъ, не былъ представленъ въ кассу безъ того чтобы его не вырвали уплатою.

— Я это знаю, отвѣчалъ Англичанинъ: но говорите откровенно, мосьё Морель, какъ честный человѣкъ честному человѣку. Уплатите вы по этимъ векселямъ съ такою же точностью?

Морель задрогнулъ, посмотрѣлъ на говорящаго и потомъ сказалъ:

— На такой откровенный вопросъ должно отвѣчать откровенно. Да, сударь, уплачу, если, какъ надѣюсь, судно мое придетъ во-время въ гавань, потому что его прибытіе возвратитъ мнѣ кредитъ, который уже колебался отъ нѣсколькихъ въ короткое время испытан-

ныхъ потерь. Но если, къ-несчастію, и Фараонъ, послѣдняя моя надежда, обманетъ меня....

На глазахъ старика навернулись слезы.

— Тогда? спросилъ Англичанинъ.

— Тогда..... это жестоко.... это ужасно выговорить.... но я уже привыкъ къ несчастію. Нужно привыкать и къ стыду..... Тогда я принужденъ буду объявить себя несостоятельнымъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей, которые бы могли помочь вамъ въ этихъ обстоятельствахъ? спросилъ Англичанинъ.

Морель горько улыбнулся.

— Въ дѣлахъ, вы сами знаете, нѣтъ друзей: есть только корреспонденты.

— Правда, проворчалъ Англичанинъ: и такъ у васъ нѣтъ ни какой надежды?

— Ни какой, кромѣ Фараона.

— Съ полчаса назадъ, кажется, пришло какое-то судно. Не ваше ли?

— Я знаю. Нѣтъ, это не мое: это Жиронда. Но она тоже изъ Индіи.

— Можетъ-быть, она знаетъ что-нибудь о Фараонѣ....

— Ахъ, я опасуюсь даже справиться. Неизвѣстность почти лучше; потому что въ неизвѣстности еще есть надежда. Просрочка Фараона почти неестественна. Онъ вышелъ изъ Калькутты пятого февраля и мѣсяцъ назадъ уже долженъ бы быть здѣсь....

— Что это такое? перебилъ Англичанинъ прислушиваясь: шумъ!

— Боже мой! что это? вскричалъ Морель, поглядывая какъ смерть.

На лѣстницѣ и въ корридорѣ въ самомъ дѣлѣ слышался глухой шумъ, говоръ, бѣготня и даже вопль скорби. Морель хотѣлъ встать, чтобы итти посмотрѣть, но у него не стало силъ: онъ въ изнеможеніи упалъ назадъ въ кресла. Англичанинъ смотрѣлъ на него съ глубокимъ состраданіемъ. Шумъ утихъ, но Морель всё-еще ждалъ чего-то. Этотъ шумъ для него не могъ остаться безъ послѣдствій.

Кто-то тихонько подошелъ къ двери. Она отворилась. Вошла дѣвушка, блѣдная, въ слезахъ. Морель приподнялся, хотѣлъ спросить ее, но голосу не было.

— Батюшка! вскричала дѣвушка: простите вашей дочери, что она несетъ вамъ дурную вѣсть.

Морель протянулъ руки. Дѣвушка упала къ нему на грудь.

— Батюшка! батюшка! вскричала она: мужайтесь!

— Такъ Фараонъ погибъ? спросилъ Морель задыхаясь.

Дѣвушка не отвѣчала, а только сдѣлала утвердительный знакъ головой.

— А экипажъ? спросилъ Морель.

— Спасенъ, тѣмъ судномъ, которое сегодня пришло.

Морель возвелъ глаза къ нему и съ покорностью и признательностью сказалъ:

— Благодарю, Господи, что меня одного наказуешь!

Англичанинъ отворотился и, кажется, отеръ слезу.

— Войдите! сказалъ Морель: войдите! Вы, конечно, всѣ здѣсь.

Едва онъ выговорилъ это, дверь снова отворилась. Вошла мадамъ Морель, рыдающая; за нею Эммануэль и Коклесь; а за ними человекъ семь или восемь матросовъ, оборванныхъ, печальныхъ, съ поникшими головами. Капитанъ не явился, потому что заболѣлъ на дорогѣ и не доѣхалъ до Марсея. На вопросъ хозяина, старый штурманъ, Пенелонъ, выступилъ и рассказалъ, какъ случилось несчастіе, котораго ни какія человѣческія силы не въ состояніи были отвратить. Судно разбилось у Бѣлаго Мыса. Экипажъ полтора дня носился по морю на шлюбкѣ и погибъ бы тоже, если бъ не подоспѣла Жиронда. Кончивъ рассказъ, Пенелонъ обратился къ товарищамъ и тѣ подтвердили истину его словъ.

— Хорошо, хорошо, друзья, сказалъ Морель: я знаю, что вы честные люди, и знаю также, что въ несчастіи моемъ никто не виноватъ, кромѣ моей судьбы. Такъ Богу было угодно. Покоримся же волѣ Божьей. Теперь скажите, сколько вамъ слѣдуетъ жалованья?

— Помилуйте, мосьё Морель! что объ этомъ толковать! возразилъ Пенелонъ.

— Напротивъ, это необходимо.

— Ну, какъ вамъ угодно.... Намъ за три мѣсяца не дано.

— Коклесь, выдайте имъ по двѣсти франковъ. Въ другое время, друзья мои, я велѣлъ бы прибавить вамъ по двѣсти франковъ награды, но теперь пора тяжелая. Деньги, которые еще остаются у меня, принадлежатъ не мнѣ. Такъ не прогнѣвайтесь же.

Пенелонъ подошелъ къ товарищамъ, тихонько переговорилъ и, опять выступивъ, сказалъ:

— Вотъ что, хозяинъ. Ребята говорятъ, что имъ теперь довольно будетъ по пятидесяти франковъ на брата, а остальнаго они подождутъ.

— Благодарю, друзья мои, благодарю, отвѣчалъ тронутый Морель: возьмите ваши деньги сполна и поищите себѣ хорошаго мѣста. Вы свободны.

Пенелонъ остолбенѣлъ. Другіе матросы еще не поняли, въ чемъ дѣло.

— Какъ, хозяинъ! вскричалъ штурманъ: вы гоните насъ! Значить, вы недовольны нами?

— Напротивъ, друзья мои, напротивъ! Я знаю, что вы честно исполнили свой долгъ, и не гоню васъ. Но что же мнѣ дѣлать? У меня уже нѣтъ корабля, такъ и экипажъ мнѣ не нуженъ.

— Нѣтъ корабля! Ну, такъ что жъ? Построите новый, а мы покуда на мели посидимъ, ничего!

— У меня нѣтъ денегъ, чтобы строить корабли. Я не могу принять вашего предложенія.

— А коли нѣтъ денегъ, такъ зачѣмъ же платить намъ! Вѣдь мы можетъ-быть и оплошали... Фараонъ-то можетъ-быть....

— Довольно! довольно, друзья мои! вскричалъ Морель задыхаясь отъ волненія: довольно, прошу васъ. Мы умремся, можетъ-быть, въ лучшую пору. Коклесь, водите.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ до свиданія, хозяинъ? сказалъ Пенелонъ.

— Да, да.... я надѣюсь. Ступайте.

Коклессъ почти вытолкалъ матросовъ и ушелъ съ ними. Потомъ Морель выслалъ жену и дочь и остался вслѣдѣ съ Англичаниномъ, который во все продолженіе предвѣдущей сцены былъ безмолвнымъ зрителемъ.

— Ну, сказалъ Морель, вы сами видѣли. Мнѣ нечего сказать вамъ.

— Да, я видѣлъ, что васъ постигло новое несчастіе, такое же незаслуженное какъ и прежнія, и это утвердило меня въ желаніи быть вамъ полезнымъ.

— О, помилуйте!...

— Позвольте. Я одинъ изъ главнѣйшихъ вашихъ кредиторовъ, не такъ ли?

— Да; по-крайней-мѣрѣ у васъ тѣ векселя, которымъ наступаютъ ближайшіе сроки.

— Угодно вамъ отсрочку?

— Отсрочка могла бы спасти мнѣ честь, а слѣдовательно и жизнь.

— Сколько вамъ угодно?

Морель замался.

— Два мѣсяца, если можно, сказалъ онъ.

— Извольте, я даю вамъ три, сказалъ Англичанинъ.

— Но.... вы думаете, что домъ Томсона и Френча....

— Будьте спокойны. Я все беру на себя.... У насъ сегодня пятое іюня?

— Да.

— Ну, хорошо; перепишите мнѣ всѣ эти векселя на пятое сентября и, пятого сентября, въ одиннадцать часовъ утра, какъ теперь, я приду.

— Я жду васъ, отвѣчалъ Морель: вы получите ваши деньги.... или меня не будетъ въ-живыхъ, прибавилъ онъ такъ тихо, что Англичанинъ не слыжалъ.

Векселя переписали, старые разорвали и бѣдный негодякъ выигралъ по-крайней-мѣрѣ три мѣсяца времени, чтобы собраться съ силами. Повѣренный дому Томсона и Френча принялъ его изъявленія благодарности съ настоящею англійскою флегмой и ушелъ. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Юлію, которая подавала видъ, будто идетъ

вверхъ, а въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, подслушала у дверей, потому что на глазахъ у нея слезы скорби превратились въ слезы радости.

— Мадмоазель, сказалъ ей Англичанинъ: вы въ непродолжительномъ времени получите записку, за подписью *Синдбада Морехода*. Исполните съ буквальною точностью все, что будетъ сказано въ этой запискѣ, какъ бы странно ни было требованіе. Вы исполните?

— Исполню.

— Дайте слово.

— Кляпуться вамъ.

— Хорошо; прощайте. Оставайтесь всегда доброю и невинною дѣвушкой, какъ теперь, и, я надѣюсь, Богъ наградитъ васъ.... Дастъ вамъ въ мужья мосьё Эммануэля.

Юлія вспыхнула и ухватилась за перья, чтобы не упасть. Иностранецъ поклонился и пошелъ далѣе. На дворѣ онъ увидѣлъ Пенелона, который держалъ въ обѣихъ рукахъ по сто-франковому свертку и, казалось, не рѣшался унести ихъ.

— Пойдемте со мной, любезный другъ, мнѣ нужно поговорить съ вами! сказалъ Англичанинъ и они ушли.

Полученная отсрочка показалась Морелю однимъ изъ тѣхъ возвращеній счастья, которыя возвѣщаютъ человеку, что судьба наконецъ утомилась преслѣдовать его. Въ семействѣ водворилась надежда. Но, къ-несчастью, Морель имѣлъ дѣло не съ однимъ повѣреннымъ дому Томсона и Френча, который, вѣроятно, рассуждалъ, что лучше подождать три мѣсяца и получить весь свой капиталъ, чѣмъ требовать въ срокъ, погубить должника и получить по осьми или семи за сто. Другіе, по ненависти или по ослѣпленію, рассуждали иначе и представляли долговые обязательства съ неумолимою строгостью, а между-тѣмъ распустили слухи о неминуемомъ паденіи своего должника. Видя, что Морель платилъ исправно въ іюнѣ, они опредѣлили, что онъ объявитъ себя несостоятельнымъ въ іюль. Прошелъ іюль, отложили до августа; прошелъ августъ, отложили до сентября, потому что упорно стояли на достовѣрности своихъ расчетовъ и предвѣщаній. Вте-

ченіи этихъ мѣсяцевъ Морель получилъ такъ же вѣкоторыя суммы. Оборотъ поддерживался, но кредитъ, по милости предвѣщателей, не возвращался. На все требовались чистыя деньги. Торговля операциі замедлялись. Тридцать-перваго августа Коклесъ спокойно стоялъ у открытой кассы и, внимательно повѣряя подаваемые бумаги, къ удивленію подозрительныхъ, выплачивалъ все сполна. Но Морель между-тѣмъ уже видѣлъ, что гибель его неизбежна: срокъ векселямъ, даннымъ Томсону и Френчу приближался, а уплатить по нимъ оказывалось нечѣмъ. Ему нуженъ былъ кредитъ. Въ этой крайности онъ вспомнилъ о Дангларѣ, который былъ обязанъ ему многимъ и, между прочимъ, своимъ мѣстомъ у испанскаго банкира, откуда пошло все его благосостояніе. Дангларъ имѣетъ теперь семь или восемь милліоновъ своихъ и неограниченный кредитъ; Данглару не будетъ стоить ни копѣйки спасти меня, думалъ Морель: ему стоить только поручиться. Морель откладывалъ сколько могъ; наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ этому послѣднему средству и поѣхалъ въ Парижъ. Перваго сентября онъ воротился униженный отказомъ.

Но посреди семьи своей Морель не произнесъ ни одной жалобы, ни одного упрека. Онъ молча обнялъ жену и дочь, пожалъ руку Эммануилу и заперся съ кассиромъ въ кабинетъ.

— Теперь мы погибли! вскричали мать и дочь въ одинъ голосъ. Потомъ, послѣ короткаго совѣщанія, онѣ рѣшились написать къ Максимилиану Морелю, брату Юліи, чтобы онъ тотчасъ же пріѣхалъ. Бѣдныя женщины чувствовали, что имъ одинѣмъ не перенести угрожающаго удара. Притомъ, Максимилианъ хотя былъ молодой человекъ, двадцати-четырекъ лѣтъ, однако жъ имѣлъ значительное вліяніе на отца. Онъ былъ тогда поручикомъ и находился въ линейномъ полку, въ Нимѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ какъ отличный офицеръ и благородный товарищъ.

Морель цѣлый день проработалъ съ кассиромъ въ своемъ кабинетѣ. Къ обѣду онъ выходилъ и казался спокоенъ, но это спокойствіе никого не утѣшало. Послѣ обѣда онъ опять ушелъ въ кабинетъ. Настала ночь. Мадамъ Мо-

рель и Юлія напрасно ждали его весь вечеръ и печально разошлись по своимъ спальнямъ. Потомъ, черезъ часъ, мать опять вышла безъ башмаковъ, прокралась по корридору, къ двери кабинета, чтобы въ замочную скважину посмотреть, что дѣлаетъ мужъ. Передъ нею мелькнула тѣнь. Это была Юлія. Она предупредила свою мать.

— Онъ пишетъ! шепнула Юлія, угадавъ намѣреніе матери.

Мадамъ Морель однако жъ тоже посмотрѣла. Морель дѣйствительно писалъ. Но жена примѣтила еще то, чего не примѣтила дочь: онъ писалъ на гербовой бумагѣ. Ей пришла ужасная мысль, что это—завѣщаніе, и она затрещала, однако жъ ничего не сказала.

Прошло еще три дня. Морель казался спокоенъ и все такъ же проводилъ время въ кабинетъ, но уже болѣею частію одинъ. Четвертаго числа онъ отъ обѣда до десяти часовъ вечера просидѣлъ у жены и дочери, былъ ласковѣе, нѣжнѣе чѣмъ когда-либо и не могъ насмотрѣться на свою Юлію. Въ десять часовъ онъ ушелъ. Юлія, тревожная тяжелымъ предчувствіемъ, хотѣла послѣдовать за нимъ, но онъ запретилъ ей это такъ рѣшительно и вѣстѣ такъ отечески-нѣжно, что она не посмѣла послушаться. Мадамъ Морель и Юлія всю ночь не спали и съ нетерпѣніемъ и тоской ждали Максимилиана. Въ десятомъ часу утра онъ пріѣхалъ. Мать и сестра обрадовались ему какъ избавителю, хотя сами не знали, какимъ образомъ онъ можетъ помочь имъ.

— Маменька! что у васъ? что такое случилось? говоритъ молодой человѣкъ обнимая мать и сестру: ваше письмо ужаснуло меня.

Мадамъ Морель стала рассказывать, а Юлія побѣдилъ сказать отцу о пріѣздѣ Максимилиана, но на лѣстницѣ ее остановилъ человѣкъ съ письмомъ.

— Не вы ли мизель Юлія Морель? спросилъ онъ.

— Я.

— Прочитайте это письмо.

Юлія не рѣшалась.

— Дѣло идетъ о благополучіи вашего отца.

Дѣвушка схватила записку, съ живостью развернула и прочтала:

«Отправьтесь сейчасъ въ улицу Мельянъ, войдите въ домъ номеръ пятнадцатый, спросите у дворника ключъ отъ квартиры въ пятомъ этажѣ, возьмите въ этой квартирѣ, на углу камина красный шелковый кошелекъ и отдайте вашему отцу. Нужно, чтобы онъ получилъ его до одиннадцати часовъ. Вы клялись, что исполните все, что велѣть

«Синдвадъ Мореходъ».

Дѣвушка вскрикнула отъ радости и удивленія, подняла глаза, чтобы спросить посланнаго, но его уже не было. Тогда она опять взглянула на записку, чтобы прочитать вторично, и примѣтила приписку.

«Нужно, чтобы вы пришли сами и одни. Если придетъ другой кто-нибудь, дворникъ не впуститъ».

Эта приписка немножко испугала ее. Мелькнула мысль, не обманъ ли это, не коварство ли какое. Юлія съ минуту простояла въ нерѣшимости, хотѣла посоветоваться съ матерью, но на объясненія ушло бы слишкомъ много времени, а на то чтобы сходить въ улицу Мельянъ и назадъ, нуженъ былъ по-крайней-мѣрѣ часъ. Она побѣжала въ свою комнату, надѣла шаль и шляпку и отправилась.

Видя, что отецъ не идетъ, Максимиліанъ самъ пошелъ къ нему въ кабинетъ и встрѣтилъ его въ корридорѣ идущаго туда же. Морель вскрикнулъ отъ изумленія. Онъ не зналъ о пріѣздѣ сына. Максимиліанъ обнялъ отца и вдругъ съ ужасомъ отскочилъ, оставивъ только руку на его груди.

— Батюшка! зачѣмъ у васъ пистолеты за пазухой!

Старикъ молчалъ.

— Батюшка!... ради Бога, говорите!

— Максимиліанъ, отвѣчалъ Морель: ты мужчина, ты человекъ честный. Пойдемъ, я тебѣ скажу, на что это.

Они вошли въ кабинетъ. Морель заперъ дверь на ключъ, подошелъ къ конторкѣ и указалъ сыну на раскрытую свуровую книгу, гдѣ было выставлено все состояніе дѣлъ торговаго дому Мореля съ сыновъ. Черезъ часъ слѣдова-

ло заплатить двѣсти осемдесятъ семь тысячъ пятьсотъ франковъ, а на лицо состояло всего пятнадцать тысячъ двѣсти.

— Читай! сказалъ Морель.

Молодой человѣкъ прочиталъ и затрепеталъ.

— И вы все сдѣлали для отвращенія этого несчастія? спросилъ онъ помолчавъ.

— Все.

— Вы не рассчитываете на получку?

— Теперь никакой нѣтъ.

— Вы истощили всѣ средства?

— Всѣ. Черезъ часъ, прибавилъ онъ глухо, имя мое будетъ обезчещено.... но я не допущу до этого. Кровь смоетъ безчестіе.

— Правда, батюшка. Я понимаю васъ. Хорошо, что я пріѣхалъ. Тутъ два пистолета. Одинъ вамъ, другой мнѣ.

Онъ протянулъ руку къ пистолету. Морель остановилъ его.

— А твоя мать..... твоя сестра? Кто будетъ кормить ихъ?

Молодой человѣкъ затрепеталъ.

— Ты обязанъ жить, Максиміліанъ, продолжалъ отецъ: ты человѣкъ умный и твердый, сынъ мой. Я ничего не стану предписывать тебѣ. Посмотри самъ, и рѣши, что тебѣ нужно дѣлать.

Молодой человѣкъ подумалъ съ минутой, потомъ съ выраженіемъ твердой рѣшимости снялъ свои эполеты.

— Хорошо, сказалъ онъ, умирайте въ мирѣ. Я буду жить.

Морель упалъ на грудь сына, крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ въ лобъ.

— Ты знаешь, что я не виноватъ, сказалъ черезъ минуту Морель.

— Я знаю, батюшка, что вы честнѣйшій человѣкъ, какого я когда-либо видѣлъ. Благословите меня, прибавилъ онъ преклонивъ колѣно.

Морель схватилъ голову сына обѣими руками и осы-

налъ воцѣлуяни. Потомъ онъ поднялъ глаза къ небу и наступило глубокое, торжественное молчаніе.

— Теперь оставь меня, сынъ мой, сказалъ черезъ минуту Морель, и постарайся удалить женщинъ.

— Вы не хотите еще разъ увидѣть Юлію?

— Нѣтъ, я видѣлъ ее вчера вечеромъ и благословилъ.

— Вы не имѣете ничего поручить мнѣ? спросилъ Максимилианъ дрожащимъ голосомъ.

— Воля моя написана.... въ этомъ конвертѣ. Но еще повторяю тебѣ, устроивая остатки дѣлъ и поправляя ихъ, если будетъ можно, помни, что домъ Томсона и Френча, или его повѣренный, одинъ поступилъ со мною великодушно. Его нужно удовлетворить прежде всѣхъ. Да будетъ тебѣ священна особа этого человѣка.

— Слушаю, батюшка.

— Теперь еще разъ, прости, сынъ мой! прости, Максимилианъ! Ступай. Мнѣ нужно побыть одному.

Молодой человѣкъ не могъ тронуться съ мѣста.

— Слушай, Максимилианъ, продолжалъ отецъ: ты солдатъ. Вообрази же себѣ, что я тоже солдатъ и получилъ приказъ взять батарею и ты знаешь, что я возьму, но это положу голову. Развѣ ты не скажешь то же самое, что сейчасъ сказалъ: «Ступай, отецъ. Если останешься, тебѣ будетъ стыдно. Лучше смерть чѣмъ стыдъ.»

— Да, да! правда, батюшка! вскричалъ молодой человѣкъ сжимая старика въ объятіяхъ: ступайте!

И онъ выбѣжалъ изъ кабинета.

Черезъ полчаса потомъ Морель позвонилъ. Вошелъ Коклесь. Онъ на себя не походилъ, такъ въ послѣдніе три дня его убивала мысль, что домъ Мореля долженъ рушиться.

— Добрый мой Коклесь, сказалъ Морель, оставайтесь теперь въ передней. Когда прійдетъ Англичанинъ, дайте мнѣ знать.

Коклесь ничего не говоря утвердительно кивнулъ головой и вышелъ въ переднюю. Морель сѣлъ въ кресло, придвинулъ къ себѣ пистолеты и устремилъ глаза на часы. Была половина одиннадцатаго. Что происходило тогда въ

душѣ его, описать невозможно. Часовая стрѣлка подвигалась въ глазахъ его съ неимоверною быстротой. Вотъ, осталось три минуты. Онъ взялъ пистолетъ, взвелъ курокъ и ждалъ что Коклесь скажетъ за дверьми: «Повѣренный Томсона и Френча»!

Вдругъ дверь въ передней съ шумомъ отворилась; вслѣдъ за тѣмъ и дверь кабинета. Юлія съ крикомъ вбѣжала. Морель уронилъ пистолетъ.

— Батюшка! кричала она задыхаясь, почти умирая отъ радости: батюшка! вы спасены!

Она бросилась къ отцу на грудь и высоко держала въ рукѣ красный шелковый кошелекъ.

— Спасенъ, дитя мое? Чтò ты говоришь?

— Да, да! спасенъ! Посмотрите!

Морель взялъ кошелекъ и вздрогнулъ. Смутное воспоминаніе мелькнуло у него въ умѣ о томъ, что этотъ кошелекъ когда-то принадлежалъ ему. Въ одномъ концѣ кошелечка находились векселя, данные повѣренному Томсона и Френча, съ роспискою въ полученіи; въ другомъ, большой брилліантъ въ бумажкѣ съ надписью «Приданое Юліи».

Морель взялся за лобъ и думалъ, что видитъ сонъ. Въ эту минуту часы стали бить одиннадцать, но Морель уже не слышалъ. Онъ спрашивалъ Юлію и она объяснила, какимъ образомъ получила записку и достала кошелекъ. Она не успѣла кончить, какъ прибѣжалъ Эммануэль, тоже запыхавшись.

— Мосё Морель! мосё Морель! кричалъ онъ еще въ корридорѣ: Фараонъ! Фараонъ!

— Ну, чтò Фараонъ? Съума, вы сошли, Эммануэль? Вы знаете, что Фараона давно нѣтъ....

— Фараонъ, говорю я вамъ, Фараонъ входитъ въ гавань, Фараонъ!

Морель упалъ въ кресла; силы оставили его; умъ отказывался понять этотъ рядъ непостижимыхъ, неслыханныхъ происшествій. Но тутъ пришли и жена его и Максимилианъ. Они тоже слышали. Коклесь уже побѣжалъ въ гавань.

— Друзья мои, дѣти мои! что вы? Это невозможно! сказалъ вдругъ Морель вставая: к чему вы подняли такую тревогу. Вы знаете, что мой Фараонъ не существуетъ. Это, вѣроятно, кто-нибудь другой назвалъ свое судно также Фараономъ.

Эта мысль мгновенно остановила всѣ восклицанія.

— Что жъ вы приуныли, дѣти мои? продолжалъ Морель: развѣ мало Богъ милостивъ ко мнѣ, развѣ мало Онъ послалъ мнѣ счастья. Жизнь и честь моя спасены. Помолитесь и пойдите посмотрѣть, какой это и чей Фараонъ. Но не станемте завидовать чужому.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ были уже на набережной гавани, гдѣ собралась густая толпа.

— Фараонъ! Фараонъ! кричали всѣ голоса.

И въ самомъ дѣлѣ, противъ башни Сенъ-Жанъ стояло новое судно съ надписью на бокахъ носа: «Фараонъ; Морель съ сыномъ; Марсель.» Судно было совершенно такое же и точно такъ же нагружено кошенилью и индиго. Матросы убрали паруса и тянулись въ гавань? Капитанъ Гомаръ, котораго, по словамъ Пенелона, оставили на пути, больного, командовалъ и принималъ таможенныхъ досмотрщиковъ; самъ Пенелонъ, снявъ колпакъ, весело кивалъ Морелю. Сомнѣваться было уже невозможно. Удивленіе цѣлой толпы свидѣтелей подтверждало, что Фараонъ не призракъ. Морель сложилъ руки и возвелъ глаза къ небу, какъ-будто тамъ ища своего невидимаго благодѣтеля.

Въ это время за будкою таможенного часового, на пристани, стоялъ человекъ, котораго лицо было почти совсѣмъ закрыто густою черною бородой. Онъ съ участіемъ смотрѣлъ на семейство негоціанта, и радостно улыбался, потомъ сбѣжалъ съ лѣстницы и кликнулъ:

— Джакобо!

Вскочилъ въ поданную шлюпку и переѣхалъ на красную яхту, которая стояла въ гавани на якорѣ. Оттуда незнакомецъ еще разъ посмотрѣлъ на Мореля, который съ радостью пожавъ руки окружающимъ, также сѣдлся въ лодку, чтобы переѣхать на свой корабль.

— Теперь, сказалъ незнакомецъ; простите, доброта, чело-
вѣколюбіе и признательность!... простите, всѣ чувстви-
ванія, услаждающія сердце! Я отблагодарилъ добрыхъ и
добро, теперь буду мстить злымъ за зло.

Съ этимъ словомъ онъ подалъ знакъ и лхта, сплывшя,
пошла въ море.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЛАФАТЕРЪ и ГАЛЛЬ.

=

Всѣмъ и давно уже извѣстно, что часто при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, при первомъ бѣгломъ взглядѣ на него, мы уже получаемъ пріятное или непріятное впечатлѣніе; всякой также знаетъ, изъ опытности своей каждодневной жизни, что ему встрѣчалось множество и такого рода людей, которые не только что не производили въ немъ ни какого особеннаго впечатлѣнія, но которыхъ онъ даже не былъ въ состояніи замѣтить, никогда не могъ отличать одного отъ другаго; это люди, которые для насъ составляютъ просто толпу, безъ счету и безъ личностей. Мы часто узнаемъ знакомыхъ своихъ по походкѣ, различаемъ ихъ поступъ по слуху, и у всѣхъ народовъ лицо называется зеркаломъ души. Однимъ словомъ, всякому ясно, что по наружности можно узнать человѣка каковъ онъ, и несмотря на то, обыкновенно воздерживаются отъ заключенія по наружности, припоминая всесвѣтную поговорку: *наружность обманчива!*

Это противорѣчіе въ насъ самихъ, это разногласіе понятій, нами же составляемыхъ, происходитъ единственно отъ того, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ дру-

гихъ нашей жизни, мы руководствуемся только однимъ поверхностнымъ взглядомъ, одною, такъ сказать, инстинктивною опытностью, а потому приобретаемъ понятія неполныя, неточныя и неясныя; въ параллель къ нимъ, также инстинктивная опытность доставляетъ намъ новыя понятія, совершенно противорѣчащія первымъ, и мы остаемся на распутіи при томъ же, при чемъ были и безъ этой обманчивой руководительницы.

Для вѣрнаго сужденія о человѣкѣ по его наружности, необходимо надобно изучать его основательно науковымъ образомъ; необходимо прибѣгнуть къ помощи науки естествознанія. Надобно систематически, шагъ за шагомъ, изслѣдывать соотношенія наружныхъ и внутреннихъ органовъ человѣка съ его способностями умственными и нравственными.

Исторія естественныхъ наукъ показывасть намъ только двухъ мужей, всю жизнь трудившихся исключительно надъ этимъ предметомъ, заслужившихъ удивленіе современниковъ, и чрезвычайно различно понимаемыхъ въ наше время. Эти знаменитые ученые — Лафатеръ и Галль.

Иоганнъ-Гаспаръ Лафатеръ родился въ Цюрихѣ, 15 ноября 1741 года. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ немъ замѣтна была склонность къ чудесному; его занимало всякое трудно-изъяснимое, загадочное явленіе въ природѣ, всякое темное чувство, раждавшееся въ немъ самомъ. Онъ любилъ смотрѣть на людей странной, необыкновенной наружности, и съ особеннымъ наслажденіемъ вмѣшивался въ шумныя толпы ярмарокъ и въ кружки веселыхъ собесѣдниковъ, гдѣ полная чаша вина переходила изъ рукъ въ руки. Пылкое, неопытное воображеніе его превращало эти шумныя сцены въ образы чисто фантастическіе и обрисовывало ихъ яркими цвѣтами поэзіи.

Когда разсудокъ его достигъ нѣкоторой зрѣлости, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ изученію богословія, и занялся имъ со всѣмъ жаромъ, свойственнымъ пылкому юношѣ. По окончаніи курса наукъ, въ 1763 году, онъ отправился съ извѣстнымъ богословомъ Фюсли путешествовать по сѣверной Германіи; посѣтилъ Лейпцигъ, Берлинъ, нѣкоторые города Помераніи, и обогатилъ

пять познаніемъ Философін, процвѣтавшей тогда въ Берлинѣ, изучивъ разнообразныхъ людей, онъ возвратился къ Цюрихъ въ 1764 году, и написалъ нѣсколько пѣсенъ и стихотвореній духовнаго содержанія. Въ 1775 году онъ получилъ мѣсто пастора въ одномъ протестантскомъ приходѣ. Проповѣди его, отличавшіяся нѣжною задумчивостію, смиреніемъ, любовью къ ближнимъ и познаніемъ сердца человѣческаго, привлекали къ его кафедрѣ многочисленныхъ слушателей, любившихъ его безгранично, искавшихъ у него манны духовной и совѣта въ превратностяхъ и затрудненіяхъ жизни. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался въ полномъ значеніи *мужемъ народа*, и это-то внушило ему мысль изучить внутренняго и внѣшняго человѣка и искать ключа къ разгадкѣ его внутреннихъ пружинъ, по его облику и по наружнымъ поступкамъ. Успѣхи сдѣланные Лафатеромъ въ этомъ искусствѣ, были такъ разительны, что имъ не только удивлялись его сограждане, но слава объ нихъ распространилась по всей Европѣ, и въ Цюрихъ, впродолженіи двадцати пяти лѣтъ, отовсюду стекались любопытные, одни чтобъ взглянуть на знаменитаго ученаго, другіе—чтобъ спросить его мнѣнія о своей будущности; многіе почитали его даже колдуномъ. Вотъ нѣсколько достовѣрныхъ и наиболѣе характерныхъ анекдотовъ. Одинъ эльзасскій аббатъ, едва тридцати лѣтъ, одинъ изъ красивыхъ молодыхъ людей во всей Европѣ, съ пріятными чертами лица, пріѣхалъ въ Цюрихъ чтобъ узнать отъ великаго оракула о своей будущности. Лафатеръ часто встрѣчался съ нимъ въ обществахъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали какое мнѣніе скажетъ онъ о красавцѣ, который занялъ собою всѣхъ женщинъ и мужчинъ. Лафатеръ, казалось, избѣгалъ даже разговору объ немъ. Наконецъ всѣ знакомые приступили къ нему съ просьбою, сказать о немъ свое мнѣніе. «Мнѣ очень жаль его, сказалъ Лафатеръ: въ лицѣ я замѣтилъ нѣсколько линій, означающихъ необыкновенную вспыльчивость и раздражительность, и я боюсь, чтобъ онъ не окончилъ своей жизни плачевнымъ образомъ». Вскорѣ молодой человѣкъ сѣлъ въ почтовую коляску и отправился въ обратный путь въ своему аббатству. На дорогѣ почтальонъ

сказалъ ему какую-то грубость; это такъ взволновало его, что онъ выхватилъ изъ-за пояса заряженный пистолетъ, и выстрѣломъ раздробилъ грубіану черепъ. Аббатъ былъ арестованъ и приговоренъ къ висѣлицѣ.

Графъ Мирабо, явившись къ Лафатеру, сказалъ ему довольно грубымъ тономъ: «Господинъ колдунъ, я нарочно пріѣхалъ сюда изъ Парижа, чтобъ узнать ваше мнѣніе о моей фizioноміи. Прошу васъ покорно разсмотрѣть меня по-внимательнѣе и сказать мнѣніе по-основательнѣе, иначе я почту васъ шарлатаномъ». Лафатеръ, сдѣлавъ ему нѣсколько легкихъ замѣчаній на неприличность этихъ словъ, отступилъ отъ него на два шага, и сказалъ: «Я готовъ удовлетворить вашему желанію. Ваша фizioномія показываетъ мнѣ, что вы рождены со всѣми возможными пороками, и что вы ни сколько не старались обуздывать ихъ». Мирабо былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ тѣмъ болѣе, что не ожидалъ его отъ скромнаго и всегда привѣтливаго Лафатера. Онъ съ досадою отвернулся всторону и сказалъ бывшимъ при этомъ свидѣтелямъ: «Я долженъ сознаться, что онъ сказалъ сущую правду».

Одна знатная дама пріѣхала изъ Парижа съ единственною дочерью своею, дѣвицей пятнадцати лѣтъ, и неотступно просила Лафатера произнести свое мнѣніе объ ея любимомъ дитяти. Лафатеръ согласился только на то, чтобъ сообщить ей мнѣніе письменно, съ тѣмъ однако жъ, чтобъ она распечатала его не ранѣе какъ по прошествіи шести мѣсяцевъ. Дама предприняла путешествіе въ Германію и чрезъ пять мѣсяцевъ, дочь ея скончалась. Она вскрыла письмо Лафатера и прочитала въ немъ слѣдующія строки: «Когда вы вскроете это письмо, я буду вмѣстѣ съ вами оплакивать слишкомъ раннюю кончину вашей дочери. Я мало видѣлъ такихъ совершенныхъ и правильныхъ фizioномій; но въ ней я нахожу черты, которыя показываютъ мнѣ, что черезъ шесть мѣсяцевъ ея не будетъ болѣе въ этомъ мірѣ».

Незадолго передъ революціею, графъ Н^{...} пріѣхалъ нарочно въ Цюрихъ и явился къ Лафатеру съ своею супругою, считавшеюся изъ первыхъ красавицъ Парижа. Лафатеръ просилъ графа побывать у него безъ супруги, и

сказалъ ему, что несмотря на красоту и обворожитель-
ность рѣчи и пріемовъ его супруга, онъ открылъ на лицѣ
ея черты, которыя ужасаютъ его; онѣ показываютъ на-
клонности самыя неблагопріятныя, нравственныя качества
такого рода, которымъ необходимо противопоставить ско-
рыя, но благородныя мѣры добродѣтели и воспитанія.
Разсерженный графъ оставилъ Лафатера, не сказавъ ему
ни слова. Съ началомъ революціи молодая чета принужде-
на была оставить Францію и странствовать изъ одного го-
сударства въ другое. Разнообразіа жизни заставили граф-
ню полюбить сначала разнообразіе развлеченій обществен-
ныхъ, полнота жизни, ея красота и всеобщее къ ней вни-
маніе, заронили въ ея пылкій темпераментъ желаніе пра-
виться, страсть къ разнообразію въ привязанности и люб-
ви, потокъ страстей уносилъ ее всё далѣе и далѣе, такъ,
что, наконецъ, про нее много даже было бы сказать и то,
что сказалъ объ этихъ существахъ Пушкинъ:

«Хотя и падшее, но милое созданье!»

Таковы были почти всѣ предсказанія Лафатера, и легко
себѣ представить какое впечатлѣніе производили они на
современниковъ его, тѣмъ болѣе, что природа надѣлила
швейцарскаго оракула самою счастливою наружностью.
Вотъ какъ описываютъ ее знавшіе его близко: «Физиономія
его была весьма пріятна и оживлена, въ ней выражались
благосклонность и предупредительность, доставлявшія ему
необыкновенную власть особенно надъ женщинами. Ставъ
его, выше средняго, гибкій, походка особенная и здоровье
весьма счастливое. Сквозь желчный темпераментъ и об-
щее грустное выраженіе, въ чертахъ лица его всегда игра-
ла улыбка веселости и непринужденности. Широкія и от-
крытыя ноздри его предвѣщали гнѣвъ, и при всемъ томъ
онъ былъ посланникомъ истины, и едва-ли кто болѣе его
цѣнилъ достоинство человѣка. Онъ никогда и ничего не
употреблялъ во зло, и въ послѣдніе мѣсяцы своихъ стра-
даній показалъ мужество и самоотверженіе. Его каштано-
вые волосы виспадали легкими волнами по сторонамъ воз-
вышеннаго, округленнаго лба, и усиливали еще болѣе вы-
раженіе глазъ его, слегка прикрытыхъ большими вѣками,

оживленныхъ зрачкомъ чистымъ, прозрачнымъ, свѣтло-коричневымъ. На его широкомъ ртѣ, съ тонкими губами, выражались твердость и рѣшительность. Наконецъ его стройный и пріятный голосъ, становился раздрающимъ при настроеніи грустномъ и набожномъ, и возвышался до величественнаго въ тѣ минуты, когда душа его объята была небесными истинами благочестія.

Совершенно инымъ является Лафатеръ въ своемъ сочиненіи, котораго первое изданіе вышло въ Лейпцигѣ, отъ 1775 до 1778 года, въ четырехъ частяхъ, съ множествомъ рисунковъ, подъ скромнымъ заглавіемъ: *Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis* (Физиономическіе отрывки, для распространенія любви къ людямъ и познанія ихъ). Все оно состоитъ изъ множества отдѣльныхъ статей, не имѣющихъ между собою никакой связи; здѣсь есть и описанія портретовъ, положеній челоуѣка въ разнообразныхъ занятіяхъ ума и страстей, и многоразличные, болѣе или мѣнѣе, общіе трактаты о физиономикѣ. Каждая отдѣльная статья, кромѣ нѣкоторыхъ удачныхъ описаній портретовъ, представляетъ хаосъ истиннаго, безъ доказательствъ и объясненій, съ выраженіями общими, загадочными, мистическими, и даже вовсе ложными. Понадобилось бы неслыханное терпѣніе тому, кто вздумалъ бы прочесть ихъ; не говорю уже о вниманіи, потому что оно здѣсь вовсе ничего не поможетъ, и самый гибкій, находчивый умъ, не упадетъ на Ариаднину нить, которая могла бы его вывести изъ лабиринта несвязныхъ идей. Чтò касается до приложенныхъ рисунковъ, то многіе изъ нихъ очень удачны, потому что Лафатеръ превосходно рисовалъ, въ-особенности же характерныя лица и приемы людей.

Представляемъ короткій очеркъ главнѣйшихъ трактатовъ этого обширнаго сочиненія.

Лафатеръ очень любитъ сравнивать между собою различные портреты. Означимъ шесть различныхъ портретовъ буквами *A, B, C, D, E*: вотъ его сужденія объ нихъ слово въ слово:

У *A* душа болѣе возвышенная и свободная чѣмъ у другихъ, память обширнѣйшая, глазъ его устроенъ такъ, что

ему легко скватывать предметы и удерживать ихъ впечатлѣнія. *Б* не съ такою легкостью принимаетъ мнѣнія какъ *А*, и не прилѣпляется къ нимъ такъ отчаянно какъ *В*; впрочемъ *В* замѣчательнъ по своей холодности. *Б* способенъ быть пѣжымъ только въ набожномъ настроеніи, но онъ вовсе не способенъ къ лживости. У *Г* проявляется склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ; ему вовсе не свойственны ни вычисленія, ни метода, ни искусство отвѣчать идеи; онъ любитъ болѣе чѣмъ *А*, *Б*, *В*, и способенъ ко всѣмъ степенямъ любви, начиная отъ духовной возвышенной, до самой грубой плотской, и очень вѣроятно, что онъ остановится между этими двумя противоположностями. *Д* останется безъ-сомнѣнія въ средней сферѣ дѣятельности, онъ можетъ низойти отъ благоразумія до трусости, но никогда не возвысится до героизму. Лицо *Е* талантливое, оно видитъ предметы ясно, но не углубляется въ нихъ, высшая метафизика ему недоступна.

Всѣ эти сужденія вовсе безъ доказательствъ, даже безъ поясненія; многія изъ поставленныхъ вѣстѣй, вовсе не влѣются одно къ другому. Отчего, напримѣръ, *В*, прилѣпляющійся къ мнѣніямъ съ отчаянностью, замѣчательнъ впрочемъ по своей холодности? — *Б* способенъ быть пѣжымъ только въ набожномъ настроеніи, но вовсе не способенъ къ лживости.... Зачѣмъ здѣсь это *но*? развѣ пѣжая набожность обыкновенно предполагаетъ лживость?

Значенія, которыя Лафатеръ приписываетъ различнымъ частямъ лица, вообще справедливы, но выражены слишкомъ общими словами. *Лобъ*, говоритъ онъ, означаетъ жизнь умственную; *глаза* умственную и нравственную; *пространство отъ глазъ до нижней губы*—нравственную, и, наконецъ, *отъ нижней губы до подбородка* включительно, соотвѣтствуетъ жизни физической.

Черты, по его опытамъ и наблюденіямъ, означающія умственную слабость и различныя степени глупости и безумія, суть слѣдующія:

- а) Лобъ почти перпендикулярный.
- б) Лобъ чрезвычайно длинный.
- в) Та же часть сверху очень выдававшаяся впередъ.

г) Лбы закинутае сверху назадъ, съ бровями выдвигаются впередъ.

д) Носъ быстро загнутый внизъ ниже середины своей длины.

е) Развительное разстояніе между носомъ и ртомъ.

ж) Отвислая нижняя губа.

з) Отвислая и съ многими складками кожа челюстей и подбородка.

и) Очень малые глаза, въ которыхъ едва замѣтны бѣлокъ, особенно же если къ этому присоединяется большой носъ, вся нижняя часть лица массивна и въ складкахъ.

і) Косвенная улыбка, появляющаяся безъ сознанія и всякій разъ когда человекъ хочетъ что-нибудь сказать или задумаетъ что-либо, обозначаетъ или превратный умъ, или глупость, или по-крайней-мѣрѣ глупую злость.

к) Очертанія слишкомъ круглыя и гладкія даютъ лицу выраженіе глупости.

л) Носъ тупой, съ чрезвычайно узкимъ или очень широкими ноздрями; также носъ слишкомъ длинный противъ другихъ частей лица, обыкновенно предполагаютъ слабый умъ.

м) Судорожныя сокращенія рта, невольное дрожаніе лицевыхъ мускуловъ, слишкомъ большая твердость или слабость ихъ, плоскія и слишкомъ рѣзко выраженыя, излишнее напряженіе или ослабленіе, чудовищное смѣшеніе вѣжности и грубости, однимъ словомъ, разногласіе различныхъ родовъ, представляютъ разнообразныя примѣры несовершенства; онѣ въ то же время и приняты и значенія.

н) Странныя черты рта или нижней части лица называютъ обыкновенно глупость въ такомъ человекѣ, который прежде владѣлъ умомъ своимъ, но слишкомъ слабо.

о) Носы вдавленные, очень мало выступающіеся изъ прочихъ частей лица, носы слишкомъ выдающіеся, очень плоскіе, вогнутые, отличаютъ глупость или иное какое-нибудь разстройство.

п) То же значить большой, открытый и выдающійся

впередъ ротъ, и подбородокъ крючкомъ загнутый впередъ къ верху, или слишкомъ оттиснутый назадъ.

р) Наконецъ прическа и одежда также указываютъ на глуща, если все у него на изворотъ.

Въ этомъ перечнѣ, между замѣчаніями дѣльными, мы встрѣчаемъ и такія, которыя или вовсе несправедливы, или слишкомъ рѣзки, или выражены общими словами.

Напримѣръ *а* рѣшительно не вѣрно, потому что у бѣлшей части счастливыхъ физіономій лобъ почти перпендикулярный. *Н*, рѣшительно непонятно! Какъ можно узнать, что этотъ человекъ владѣлъ нѣкогда разсудкомъ и именно *слабо*! Всякая несообразность странна, слѣдовательно, всѣ прочіе отдѣлы должны означать то же самое что и *н*.

Людей средней руки Лафатеръ описываетъ слѣдующими словами: въ нихъ нѣтъ ничего поразительнаго, ничего привлекательнаго или отталкивающаго; они ни дочего не домогаются, ничего не измѣняютъ, потому что они бѣдны и, слѣдовательно, не могутъ ничего дать; у нихъ нѣтъ силы, и потому они не въ состояніи ничего отнять; они не въ состояніи ни усвоить себѣ произведенія другихъ, ни производить своими собственными силами; ихъ физіономія не представляетъ ничего особеннаго, въ ней нѣтъ ни большаго напряженія, ни ослабленія, ни избытка вѣжности, ни грубости; ихъ лобъ ни костлявый, ни выдающійся; брови ни густыя, ни навислыя надъ глазами; глаза ни живые, ни проникательные; носъ не представляетъ ни правильной отдѣлки, ни достаточно выразителенъ; ихъ ротъ ни пріятный, ни пріятно образованный; однимъ словомъ, въ нихъ все обыкновенно и незамѣтно для наблюдателя.

Признаками хорошей памяти Лафатеръ считаетъ возвышенный и продолговатый лобъ, спереди кажущійся четырехугольнымъ, каковы напримѣръ: у Казобона, Скалигера и Юста Липса; также лобъ обширный, высокій, гладкій и склоненный нѣсколько назадъ, покрытый кожей бѣлою, мягкою, мясистою и со складками.

Вотъ еще примѣръ признаковъ счастливой физіономіи:

а) Разительная соразмерность трех главных частей лица: лба, носа и подбородка.

б) Лобъ покоящийся почти на горизонтальномъ основаніи; брови почти прямыя, густыя и рѣзко обрисованыя.

в) Глаза или свѣтло-голубые или свѣтло-каріе, на большомъ разстояніи кажутся черными; ихъ нижнее гѣчко закрывается не болѣе четверти или пятой части зрачка.

г) Носъ съ широкимъ ребромъ, со сторжами почти параллельными, и слегка загнутый.

д) Ротъ горизонтально разрѣзанный, середина верхней губы слегка опущена; нижняя губа не толще верхней.

е) Подбородокъ круглый, выдающийся.

ж) Короткіе, темно-каштановые волосы, завивающіеся въ мелкія кудри.

Вотъ еще наставленія Лафатера какъ надобно изучать анзіомію вообще:

Эта наука, говоритъ онъ, состоитъ въ упражненіи взгляда и способности разсуждать, и въ отысканіи, и опредѣленіи классификаціи наружныхъ признаковъ, относящихся къ внутреннимъ способностямъ. Чтобы достигнуть этого, наблюдайте внимательно чѣмъ отличаются всѣ люди отъ другихъ животныхъ и растений. Изучайте отдѣльно каждую часть, каждый органъ, связь, соотношенія и пропорціи частей; отличайте въ-особенности *пропорціи линій прямыхъ отъ пропорцій линій кривыхъ*; за этимъ перейдите къ изученію особенностей, начавъ съ такихъ лицъ, въ которыхъ есть что-либо особенное и замѣчательное; сравнивайте глубокомысленнаго съ слабоумнымъ, чувствительнаго съ грубымъ, воспримчиваго съ упрямымъ. Изучайте каждый характеръ отдѣльно, такъ какъ-будто бы другихъ не существовало. Сначала наблюдайте *общую форму и видимыя пропорціи, относя ихъ къ линіямъ прямымъ, перпендикулярнымъ или горизонтальнымъ*; опредѣлите постепенно лобъ, носъ, ротъ, подбородокъ, въ-особенности же глазъ, его форму, цвѣтъ, положеніе, величину, глубину. Въ лицѣ разсмотрите форму его, круглую, овальную, четырехугольную, треугольную; за этимъ отыщите *фор-*

ну профиля; за этнигь опредѣлите перпендикулярную длину трехъ обыкновенныхъ частей: лба, носа, подбородка. Преимущественно замѣтьте различіе и отношеніе ихъ положенія. Это дѣлается весьма легко, стоитъ только протянуть линію отъ наиболее вдавшейся точки корня носа, до наиболее выдающейся точки верхней губы; посредствомъ этого мы соединяемъ эти отношенія въ три главныхъ класса: одинъ для формъ перпендикулярныхъ, другой для тѣхъ, которыя выдаются сверху, и третій для формъ сходящихся. Опредѣливъ эти точки, пробѣжите взоромъ вашия лобъ, брови, промежутокъ обонхъ глазъ и переходъ отъ лба къ носу. Особенное вниманіе ваше обращайте на уголъ весьма характеристическій, образуемый концомъ носа и верхнею губою, прямой ли онъ, тупой или острый, и замѣчайте которая сторона длиннѣе.

Едва-ли можно извлечь что-либо изъ этихъ наставленій! Особенно строки курсивныя, гдѣ Лафатеръ хочетъ быть точнымъ, даже геометрическимъ, вовсе непонятны. Далѣе онъ продолжаетъ:

Ротъ, будучи разсматриваешь въ профилѣ, можетъ представить только три главныхъ формы: или верхняя губа выставляется надъ нижнею или наоборотъ, или онѣ равны между собою. Точно также и подбородокъ, можетъ быть перпендикулярнымъ, выдающимся, или вдавленнымъ. Разсмотрите съ возможнымъ вниманіемъ изгибъ нижней челюсти. *Ощупывая эту кость, я часто открывалъ такіе характеры, которые скрывались отъ всѣхъ другихъ разсматриваній; она доставляла мнѣ черты гораздо важнѣшія, чѣмъ прочія части лица.*

Такия выходки у Лафатера очень обыкновенны; безъ всякой причины вдругъ какъ-бы полюбить напримѣръ нижнюю челюсть, да и полюбить вовсе безотчетно, и начесть выхвалять ее безъ мѣры, и безъ доказательства; ему одному извѣстно, что за важные характеры находилъ онъ въ этой простой и, въ сравненіи съ другими частями лица, очень малозначительной кости. Вотъ еще образчикъ подобной безотчетной любви.

Если у васъ мало времени, то займитесь разсматриваніемъ двухъ существенныхъ линій, которыя тотчасъ да-

думъ самъ ключъ къ цѣлому характеру изучаемаго лица: это линія, составленная отверзтіемъ рта и линія, описываемая верхнимъ вѣкомъ на глазномъ яблокѣ; являютъ себя дѣль линіи, значитъ тоже, что изучать все лицо. Помощію этихъ двухъ линій легко постигнуть всѣ умственныя и нравственныя способности разсматриваемаго лица. Наши лучшіе портретныя живописцы мало обращаютъ на нихъ вниманіе; все сходство портретовъ заключается въ этихъ линіяхъ.

Наговоривъ множество вещей о силуэтахъ вообще и объ ихъ значеніи и важности, Лафатеръ вычисляетъ въ нихъ девять сѣченій горизонтальныхъ: 1) дуга отъ макушки до начала волосъ; 2) очертаніе лба до бровей; 3) пространство между бровью и корнемъ носа; 4) носъ до начала верхней губы; 5) верхняя губа; 6) обѣ губы, вѣсть взятыя, или собственно ротъ; 7) верхняя часть; 8) нижняя часть подбородка; 9) шея. Каждая изъ этихъ частей, отдѣльно взятая, есть звукъ, слово, часто сужденіе, даже цѣлая рѣчь природы, всегда правдивой, неизмѣнчивой. Профиль, состоящій только изъ линій одного роду, то есть такой, котораго всѣ части представляютъ линіи одинаково выпуклыя или выпуклыя, есть карриатура, уродливость, потому что счастливыя фізіономіи предполагаютъ совокупность различныхъ линій, соединенныхъ въ красивыхъ пропорціяхъ..... Впрочемъ, силуэтъ выражаетъ болѣе естественныя свойства, нежели настоящее состояніе характера. Такимъ образомъ въ макушкѣ головы не столько можно узнать силу какъ богатство идей. Лобъ находится въ соотношеніи со способностями умственными; переходъ отъ лба къ носу означаетъ извѣстныя способности ума, человѣка мыслящаго, отважнаго; носъ указываетъ на вкусъ и чувства; верхняя губа находится въ связи съ нравами, она означаетъ грубость или общественность; на ртѣ изображается вѣжность, любовь, ненависть.....

Расхваливъ искусство портретнаго живописца, Лафатеръ даетъ слѣдующія наставленія какъ судить о достоинствѣ портретовъ:

а) Этотъ портретъ вовсе несохъ.

б) Его можно узнать тогда только, когда скажешь я ни лица: сходство почти ничтожно.

в) Кажется, что это такой-то, но онъ замаскированъ чуждымъ выраженіемъ.

г) Это онъ! но всё слишкомъ изукрашено, облагорожено.

с) Части вѣрны, но совокупность ихъ ложна.

ж) Въ цѣломъ много истины, но частности не вѣрны, не отдѣланы.

з) Этотъ портретъ похожъ, хорошо написанъ, но въ немъ замѣтна рука не твердая, перѣшительность, недостатокъ гибкости.

и) Положеніе принужденное, недостаетъ граціи, легкости.

і) Тутъ есть сходство, но нѣтъ этого особеннаго выраженія легкой меланхоліи, нѣжности....

к) Такая-то часть очень мала..... очень велика, слишкомъ рѣзка, слаба.....

л) Превосходно вдали, а вблизи ужасно.

м) Несмотря на сходство, онъ безъ характера, безъ дѣйствія, безъ момента для котораго онъ существуетъ.

н) Портретъ хорошъ, но страсть живописца въ немъ слишкомъ замѣтна; онъ болѣе картина чѣмъ портретъ.

о) Онъ какъ живой, кажется будто-бы дышетъ, это самъ оригиналь, какъ-будто бы видишь живое лицо въ зеркаль.

Этихъ выписокъ достаточно для понятія о существенныхъ чертахъ Лафатеровой науки о физиономіи, достаточно и для убѣжденія, что въ ней нѣтъ ни плана, ни точныхъ наблюденій; всѣ истины и положенія шатки и безпрестанно измѣняются и опровергаются одно другимъ; вниманіе ни на чемъ не можетъ остановиться и принуждено блуждать вѣсть съ живымъ воображеніемъ Лафатера. Откуда жъ такая противоположность съ его изустными предсказаніями? Отвѣтъ легокъ. Лафатеръ надѣленъ былъ отъ природы рѣдкимъ даромъ наблюденія, острою ума и чрезмѣрно живымъ воображеніемъ; но онъ вовсе не зналъ ни анатоміи, ни физиологіи челоуѣка, а потому судилъ о физиономіяхъ по одной наглядкѣ, не отдавая себѣ

никакого отчета, или, какъ обыкновенно говорятъ, инстинктивно. Все что онъ ни говорилъ, все что ни писалъ было бесчетно, безъ систематическаго выраженія его индивидуальности, его собственнаго темнаго чувства. Предсказанія его производили сильное впечатлѣніе только конечнымъ результатомъ своимъ; но ежели разберешь способъ ихъ выраженія, то увидимъ, что и самъ оркулъ не имѣлъ о нихъ яснаго представленія. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ выраженіе—«я замѣчаю черту, по которой».... что это за черта?—или—«ваша физіономія показываетъ мнѣ, что.....» почему? какая это физіономія?

Вотъ причина, почему иногда Лафатеръ въ пылу своего воображенія давалъ сужденія совершенно противоположныя, рѣшительно ошибочныя. Однажды онъ съ дня на день съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго ему портрета Гердера; вдругъ приносятъ портретъ и письмо отъ его друга, Циммермана; въ письмѣ ничего болѣе не было сказано, кромѣ общихъ выраженій о томъ, что портретъ безъ сомнѣнія займетъ собою вниманіе его; чей это портретъ, объ этомъ ни слова. Лафатеръ принялъ его за портретъ своего обожаемаго Гердера, и въ восторгѣ показывалъ его всѣмъ, объясняя особенность линій лица гениальнаго философа-историка. Въ слѣдующемъ письмѣ Циммерманъ увѣдомляетъ, что этотъ портретъ снятъ съ одного глупаго преступника, недавно казненнаго.

Первое изданіе сочиненія Лафатера, на нѣмецкомъ языкѣ, раскуплено было быстро: скоро явился переводъ на французскій языкъ и множество извлеченій на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ.

Французское правительство, имѣвшее тогда сильное вліяніе на Швейцарію, подозрѣвало Лафатера въ политическихъ заговорахъ противъ выгодъ Франціи, и потому онъ былъ перевезенъ въ Базель, но вскорѣ ему снова позволено возвратиться въ Цюрихъ, гдѣ по взятіи города Французами, въ 1799, одинъ французскій солдатъ выстрѣлилъ по немъ, пуля прошла сквозь животъ, и Лафатеръ, послѣ ужасныхъ страданій, умеръ въ 1801 году.

Иоаннъ-Иосифъ Галль родился 1758 года, въ Тисен-бруннѣ, въ вюртембергскомъ королевствѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ былъ посланъ отцомъ на воспитаніе къ одному изъ дядей, въ баденское великое герцогство; потомъ учился медициной въ страсбургскомъ университетѣ и окончательно въ вѣнскомъ, гдѣ получилъ степень доктора. Въ вѣнѣ занимался онъ и медицинскою практикою до 1805 года. Уже четыре года прошло со дня смерти Лафатера, его ученіе сдѣлалось извѣстнымъ во всей Европѣ; естествоиспытатели, философы и вообще всѣ образованные люди читали его сочиненіе о физиономикѣ, и во всѣхъ обществахъ, въ каждомъ кружкѣ пріятелей, за вводнымъ разговоромъ о погодѣ, тотчасъ начинали толковать о Лафатерѣ, его предсказаніяхъ и о его наукѣ, доставляющей самое легкое средство, по носамъ, губамъ, бровямъ и губамъ, узнавать внутреннее значеніе челоуѣка. Множество неопровержимыхъ истинъ, открытыхъ инстинктивною наблюдательностью Лафатера, внушало каждому читателю его горячую мысль, что онъ уже ясно понимаетъ теперь всѣ физиономіи и можетъ вѣрно судить объ нихъ по правиламъ новой науки. Исторія медицины указываетъ на множество всеобщихъ лекарственныхъ снадобій, которыя въ началѣ своего открытія врачевали всѣ болѣзни скоро, вѣрно и безъ возврата; но чѣмъ извѣстнѣе становились они, чѣмъ чаще ихъ употребляли, тѣмъ ограниченнѣе являлась ихъ универсальность, и они съ каждымъ годомъ какъ-будто теряли болѣе и болѣе свою силу и, наконецъ, дѣлались пригодными только къ одному чему-либо. То же самое сталося и съ наукою Лафатера. Слѣпая увѣренность въ ея буквальную непогрѣшимость, исчезла вмѣстѣ съ умножившеюся опытностью, когда увидѣли, что по ея началамъ нельзя такъ легко и безошибочно судить о людяхъ, какъ легко и вѣрно мы выкладываемъ на счетахъ; однако жъ, несмотря на то, основная истина, которую проявилъ собою Лафатеръ, осталась непреложною и сдѣлалась общимъ достояніемъ мыслящихъ умовъ, то есть, что обликъ челоуѣка и вся его наружность должны выражать внутреннее значеніе его.

Въ каждую эпоху развитія челоуѣческаго ума являются

люди, которыхъ Провидѣніе надѣляетъ рѣдкими и драгоценными даромъ, постигать вполне самую главную, основную идею какой-либо отрасли познаній человѣческихъ. Сознать, зачавъ эту идею въ самихъ себѣ, они проясняютъ ее болѣе и болѣе, обрисовываютъ точнѣе ея области, и вникаютъ въ изгибы, дотогѣ неизвѣстные. Къ числу такихъ даровитыхъ людей принадлежитъ Галль; на его долю досталась задача, выразить точнѣе общую идею, принесенную въ міръ Лафатеромъ. Въ немъ, какъ въ медвѣдѣ, естественнспытателѣ, должна была созрѣть эта идея и явиться въ образѣ болѣе основанномъ на началахъ науки.

Еще въ молодости своей его чрезвычайно занимало, что одни изъ его товарищей отличались памятью, другіе хорошо понимали, третьи были какъ-бы отъ колыбеля живописцами и такъ далѣе. Изученіе фیزیологій и анатоміи, и опытность его, какъ врача, проясняли ему эту идею болѣе и болѣе, и онъ выразилъ ее наконецъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Для всѣхъ умственныхъ способностей и нравственныхъ склонностей, непременно должны быть въ тѣлѣ нашемъ особые органы, посредствомъ которыхъ онѣ проявляются и дѣйствуютъ.

2) Эти способности и ихъ органы заключаются въ головномъ мозгѣ.

3) Человѣкъ рождается съ извѣстными способностями и склонностями и, слѣдовательно, съ органами ихъ, и послѣ ни какими усиліями приобрѣсть ихъ не можетъ.

4) Различныя способности и склонности существуютъ отдѣльно, независимо одна отъ другой, поэтому для каждой изъ нихъ долженъ быть особый органъ въ мозгу. ¶

5) Какъ головной мозгъ—вмѣститель всѣхъ органовъ, и какъ органы эти приносимъ мы съ самымъ рожденіемъ, то изъ этого непременно слѣдуетъ, что мозгъ различныхъ людей долженъ представлять отъ рожденія различную форму.

6) Сила и развитіе способностей находится въ прямой отношеніи къ степени развитія органовъ.

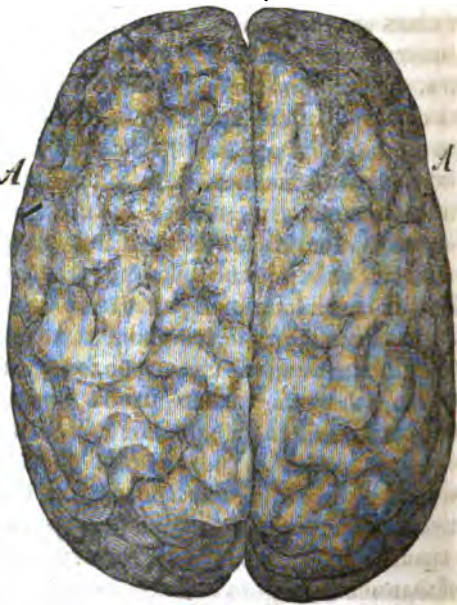
7) Костяной черепъ, въ которомъ заключается головной мозгъ, развивается въ совершенномъ согласіи и о-

неприменно съ этимъ послѣднимъ, поэтому особенности формы мозга должны непременно выразиться, такъ сказать, отпечататься какъ на внутренней, такъ и на наружной поверхности черепа, то есть, другими словами, о присутствіи и особенномъ развитіи мозговыхъ органовъ способностей мы можемъ судить также и по черепу.

Изъ этихъ положеній уже видно, что существенная разница между ходомъ наблюденій Лафатера и Галля заключается въ томъ, что первый не зналъ на чемъ остановиться; глазъ его блуждалъ безъ опредѣленной цѣли по всей вышности человѣка, между-тѣмъ какъ Галль тотчасъ постигъ, что надобно избрать исходный пунктъ наблюденій, такъ сказать, ключъ ко всему организму человѣка, и выборъ его палъ на органъ чрезвычайно важный, на центръ всѣхъ операций нашего мышленія—головной мозгъ, объ назначеніи котораго до него были странныя, одно другому противорѣчащія мнѣнія. Такъ по мнѣнію Гиппократъ мозгъ есть ничто иное какъ родъ губки, стягивающей къ себѣ жидкости тѣла; по Аристотелю онъ былъ мокрая масса, умѣрявшая жаръ всего тѣла; даже знаменитый анатомъ Бишъ рассматривалъ какъ оболочку, которой назначеніе состояло въ томъ только чтобъ покрывать и защищать части, находящіяся на ея основаніи. Бюфонъ утверждалъ, что между мозгомъ человѣка и обезьянъ нѣтъ никакой разности. Анатомія мозга извѣстна была только относительно къ формѣ и положенію большихъ его частей, и Галлю принадлежитъ заслуга въ томъ, что онъ первый увидѣлъ необходимость изучать *ткань самой мозговой массы*. Онъ занялся этимъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ, передавъ съ 1804 года часть труда своему, Шпурцгейму. Разсѣкая головной мозгъ въ здоровомъ состояніи, онъ убѣдился, что *блѣое вещество* его состоитъ изъ *блѣлыхъ волоконъ или нитей*, непосредственно продолжающихся въ нити тѣхъ нервовъ, которые изъ него выходятъ и въ становой или хребетный мозгъ. Разсѣкая однажды мозгъ одной женщины, которую онъ лечилъ отъ головной водяной, и которая предоставила ему свой черепъ въ случаѣ смерти, онъ совершенно убѣдился въ этомъ открытіи, потому что растянута и размягченная масса этого мозга,

представила ему какъ-бы готовый препаратъ, съ желтесными, почти разединенными обрѣзи. Это открытіе было такъ рано, преждевременно, что его никто не возмилъ и не принялъ; такъ шарпшѣръ и самъ Кювие, гениальный естествоиспытатель, во введении къ своему сочиненію о животныхъ, *le règne animal*, вышедшему десятью годами позже, сравниваетъ мозгъ съ книшкою, состоящею изъ отдѣльныхъ шариковъ.

Разсмотримъ теперь какія приложения сдѣлалъ Галль къ этому открытію ткани мозга. Для болѣе ясности замѣтимъ мимоходомъ, что головной мозгъ состоитъ изъ трехъ частей, находящихся между собою въ связи посредствомъ своихъ тканей, то есть, своею собственною массою; эти три части называются, *большимъ моз-*

гомъ, малымъ и удлинненнымъ. Если смотрѣть сверху, то виденъ только большой мозгъ, который долевою глубиною впадиною раздѣляется на правую и лѣвую половинки, такъ называемыя *полушарія* (А, А), которыхъ вся поверхность сверху, снизу, со сторонъ и такъ даже, неровна, и представляетъ возвышенныя изгибы въ родѣ того, какъ-будто бы на немъ положена изогнутыми изгибами нѣсколько надутая длинная кинька; эти изгибы, *извилины мозга*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выше, въ другихъ ниже. Если смотрѣть на головной мозгъ снизу, увидимъ,

что подъ задними концами обѣихъ полушарій большого мозга [лежитъ почти шарообразный малый мозгъ (Б, Б), очень легкою, едва замѣтною бороздкою также раздѣленный на правую и лѣвую половинки. Прямо подъ этимъ малымъ мозгомъ лежитъ удлинненный мозгъ (В, В), видомъ похожій на усѣченный конусъ; этотъ послѣдній продолжается непосредственно въ хребетный мозгъ, лежащій въ позвонкахъ хребта. Замѣтимъ еще, что изъ нижней части головного мозга происходятъ двѣнадцать паръ нервовъ, изъ которыхъ многіе, вышедъ изъ черепа, идутъ къ органамъ чувствъ, къ глазу (б, б), въ носъ (а, а), къ внутреннему уху, къ языку.

Галльговоритъ:

мозгъ нашъ состоитъ изъ столькихъ органовъ, сколько у насъ отдѣльныхъ способностей и наклонностей и эти способности обнаруживаются, дѣйствуютъ тѣмъ съ болѣею силою чѣмъ сильнѣе развиты соответствующіе имъ органы, и такъ какъ развитіе мозга идетъ отъ центра къ окружности, такъ какъ у новорож-

денныхъ на поверхности мозга очень мало извиленъ, и по той мѣрѣ какъ увеличивается объемъ ихъ мозга, увеличивается также и число извиленъ на немъ, что всегда идетъ вровень съ развитіемъ умственнымъ, то изъ всего этого и слѣдуетъ, что извилены поверхности мозга, оканчивающіяся возвышеніемъ, представляютъ именно орга-

ны способностей умственныхъ и нравственныхъ. Далѣ Галль дѣлаетъ слѣдующее сравненіе между нервами и ихъ распредѣленіемъ въ органахъ, и между строеніемъ и отправленіемъ головного мозга. Каждый нервъ, вышедъ изъ своего центра, идетъ къ органу, для котораго онъ назначенъ, развѣтвляется въ немъ на множество вѣтокъ и тогда только производитъ свойственное ему дѣйствіе; такимъ образомъ нервы осязанія развѣтвляются и расшрвряются въ кожѣ, нервы произвольнаго движенія въ мускулахъ, другіе въ органахъ чувствъ, которые суть не что иное какъ наружные инструменты своихъ нервовъ. Точно въ такомъ же положеніи, по мнѣнію Галля, находятся органы головного мозга, и этотъ послѣдній есть не что иное какъ толстый нервъ, выходящій изъ верхняго конца хребтаго мозга, и въ мѣстѣ своего назначенія, тамъ гдѣ ему предназначено дѣйствовать, въ черепѣ развѣтвляющійся на многія вѣтки; эти вѣтки его суть органы способностей или извилины обѣихъ полушарій, утолщающіяся отъ центра къ окружности и, подобно нервамъ, состояща изъ множества тонкихъ вѣтокъ. Къ этому надобно еще замѣтить, что извилины ни когда не бываютъ равномерно развиты, такъ что поверхность мозга представляетъ плоскости и возвышенности или бугорки, извилины; кромѣ-того бугорки эти бываютъ разнообразной формы и различнаго направленія, такъ что пучокъ нервныхъ фибръ одного какого-либо органа способностей, образуетъ только одну извилину, между-тѣмъ какъ въ другомъ органѣ онъ дѣлаетъ нѣсколько извилинъ; наконецъ, извилины эти, за немногими исключеніями, одинаковы на мозгѣ всѣхъ людей, и извилины одного полушарія совершенно равны извилинамъ другаго.

Изъ всего этого (продолжаетъ Галль) слѣдуетъ заключить, что природа имѣла цѣлю увеличить по-возможности поверхности мозга, и что извилины его суть какъ-бы свитки пергамена, на которомъ древніе писали свои мысли, и весь мозгъ, очень естественно, можетъ быть сравненъ съ книгою, которой листы суть извилины, содержащія различныя главы и отдѣлы познаній нашихъ способностей, съ тою разностью, что они не ограничиваются

этимъ страдательнымъ отправленіемъ,* но въ то же время служить вмѣстѣлищемъ опредѣленныхъ дѣятельныхъ силъ, заставляющихъ насъ дѣйствовать такъ или иначе, дѣлающихъ насъ способными мыслить и разсуждать объ одномъ извѣстномъ опредѣленномъ кругѣ предметовъ.

Костяной черепъ нашъ состоитъ изъ костей двухъ родовъ, однѣ называются собственно черепными и составляютъ собою вмѣстѣлище мозга; другія примыкаютъ къ нимъ спереди, не имѣютъ прямаго отношенія къ мозгу и называются личными; эти послѣднія суть: носовыя, верхне-челюстные, скуловые и ниже-челюстные *. Выше было сказано, что, по мнѣнію Галля, черепъ развивается въ совершенномъ согласіи съ мозгомъ, слѣдовательно, если въ этомъ послѣднемъ какіе-нибудь органы развиты съ особенною силою, то есть, особенно выпуклы, то и на черепѣ будутъ находиться соотвѣтствующія имъ выпуклости, если гдѣ на мозгу есть плоскость или впадина, то есть, или слабій органъ или совершенное отсутствіе его, то и на черепѣ будетъ или плоскость или впадина. У людей совершенно обыкновенныхъ всѣ извилины одинаковой, незначительной высоты, поэтому и мозгъ и черепъ—гладкій. Рѣдко представляется случай разсматривать мозгъ у труповъ, а у живыхъ людей рѣшительно невозможно, поэтому Галль дѣлалъ свои наблюденія преимущественно на черепѣ, отъ этого и наука его получила названіе *краниологии* (черепословія).

Эта идея о мозгѣ и черепѣ, впрочемъ, не совершенно нова; исторія показываетъ намъ слабыя попытки ея проявленія. Такимъ образомъ Арабы полагали, что здравый смыслъ заключенъ, въ средней передней полости мозга, воображеніе во второмъ, способность мышленія въ третьемъ, и память въ четвертомъ желудочкѣ. Отъ XIII столѣтія сохранился черепъ, разрисованный Альбертомъ Великимъ, сходно съ способомъ арабскихъ мыслителей.

Для полноты сужденія о способностяхъ людей, Галль требуетъ, кромѣ изученія черепа, еще и точнаго познанія *миимики*, то есть, естественнаго и опредѣленнаго положенія головы и различныхъ частей лица, положенія,

* О черепныхъ костяхъ будетъ далѣе, при перечтѣ органовъ.

сопровождающаго всегда дѣйствіе опредѣленныхъ органовъ способностей. Такимъ образомъ, человѣкъ смиренный ходитъ согнувъ спину, съ наклоненною головою и потупивъ глаза; гордый, напротивъ того, держитъ спину прямо, голову подымаетъ высоко и глаза кверху. Органы способностей дѣйствуютъ разными образомъ на голову, и сообщаютъ ей движенія прямо зависящія отъ относительнаго положенія этихъ органовъ на мозгу, и отъ отдаленія ихъ отъ оси его, то есть, голова движется всегда въ ту сторону, на которой лежитъ дѣйствующій въ эту минуту органъ; такимъ образомъ, органы лежащіе подъ затылочною костью, забрасываютъ голову назадъ, лежащіе подъ лобною костью—наклоняютъ голову впередъ, расположенные по сторонамъ склоняютъ ее попеременно то къ правому, то къ лѣвому плечу, и, наконецъ, органы размѣщенные подъ срединною темянными костями, поднимаютъ голову къ верху, къ небу. При этомъ должно замѣтить, что органы не парные, лежащіе подъ срединною линіею черепа, дѣйствуютъ только по направленію этой линіи, между-тѣмъ какъ парные попеременно, то на одну, то на другую сторону. Поэтому-то всѣ животныя, во время любовнаго забвенія, забрасываютъ голову назадъ, потому что въ это время дѣйствуетъ органъ плотской любви, лежащій въ маломъ мозгѣ, подъ затылочною костью. Напротивъ того, при изъявленіи благосклонности, голова и все тѣло наклоняются впередъ, и привѣтствія выражаются попеременнымъ наклоненіемъ и поднятіемъ головы, потому что органъ добродушія находится по средней линіи черепа, почти подъ срединною лобной кости. Органъ высокоумія, славолюбія и тщеславія лежитъ, по обѣимъ сторонамъ средней линіи, въ которой соединяются обѣ темянныя кости, поэтому-то такіе люди, во время дѣйствія этого органа, поднимаютъ голову къ верху и ворочаютъ ее нѣсколько направо и налѣво.

Основываясь на этихъ началахъ, Галль дѣлалъ наблюденія слѣдующимъ образомъ: прежде всего онъ старался отыскать человѣка, отличающагося какими-нибудь особенными способностями, наблюдалъ его мимоку въ то время, когда умъ и рѣчь его заняты были тѣмъ кругомъ идей, которы-

ни онъ особенно отличался; за этикъ онъ опредѣлять положеніе органа его на головѣ, и нестрѣль это опредѣленіе наблюденіями другихъ такого же рода талантовъ. Такимъ образомъ постепенно онъ опредѣлять положеніе слѣдующихъ органовъ:

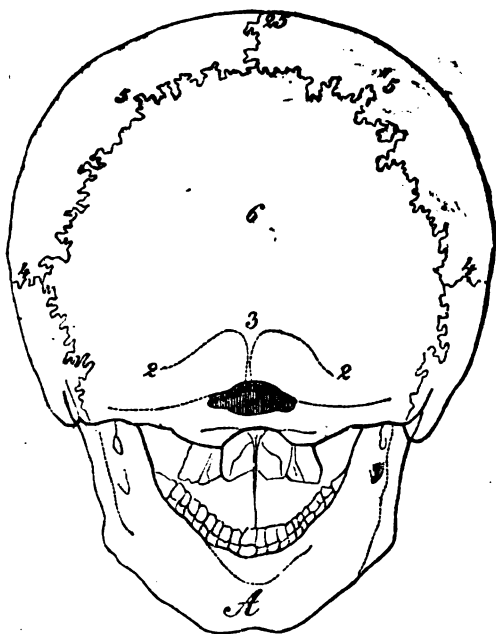
Въ этомъ рисункѣ черепъ разсматривается сзади, съ затылочной кости; внизу видна нижняя челюсть А и полость рта.

1) Большое, заднее отверстіе черепа въ затылочной кости, сквозь которое выходятъ къ хребетному мозгу удлиненный мозгъ, органъ жизненной силы. Сила этого органа опредѣляется величиною отверстія и толщиною затылка.

2) Органъ плотской любви, соотвѣтствующій нижней части малаго мозга. Этотъ органъ, закрытъ затылочными мускулами, а потому объ его присутствіи узнается по толстотѣ этихъ мускуловъ, вообще по толстотѣ и крѣпости затылка.

3) Органъ раздражительности. У всѣхъ раздражительныхъ людей на этомъ мѣстѣ затылочной кости находится выпуклость, съ которою не должно смѣшивать такъ называемаго бугорка затылочной кости, лежащаго нѣсколько выше и ровно по средней линіи. Этотъ органъ преимущественно развитъ у женщинъ и въ-особенности у такихъ, у которыхъ есть врожденное расположеніе къ истерикѣ.

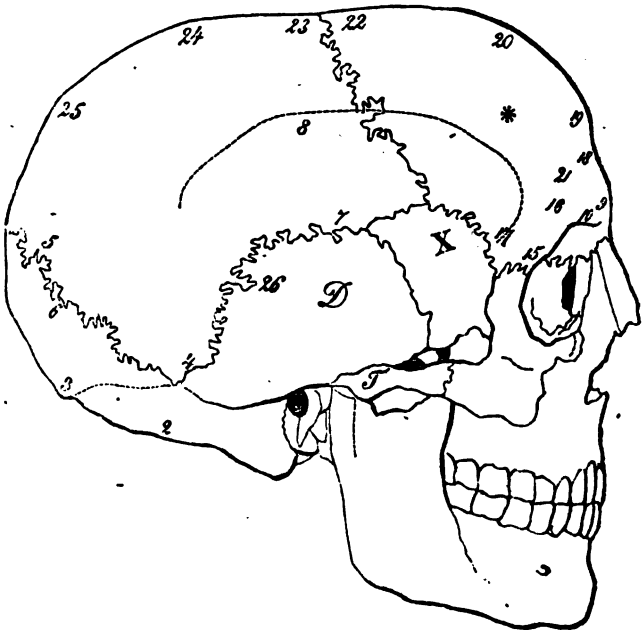
4) Органъ мужества лежитъ почти на вершокѣ сзади

и надъ ухомъ, подъ тою частью черепа, гдѣ задній нижній уголъ теменной кости вставляется между затылочною и височною костью. Не только у храбрыхъ людей, но и добрыхъ животныхъ на этомъ мѣстѣ находится бугорокъ, а у трусливыхъ плоскость. Онъ особенно развитъ у злыхъ собакъ и дикихъ свиней. У бодрыхъ лошадей задняя часть головы широка и уши широко отстоятъ одно отъ другаго; у зайцевъ все на оборотъ.

5) *Органъ дружбы, общности, вѣрности, и высшей любви:* подъ швомъ теменныхъ костей, почти тамъ, гдѣ эти послѣднія соединяются съ затылочною костью выше пары органовъ мужества.

6) *Органъ дѣтлолюбія, не парный, выше органовъ плотской любви и органа раздражительности.*

Черепъ со стороны; на немъ видны слѣдующіе органы: (Г скуловая кость, Д височная).

7) *Органъ хитрости, возвышенность на $1\frac{1}{2}$ вершка надъ ухомъ, подъ швомъ, посредствомъ котораго височная*

кость *Д*, соединяется съ темяною своей стороны. Хитрые люди, лисицы.

Если этотъ органъ слишкомъ сильно развивается, то выпуклость переходитъ въ сторону впередъ до *Х* и образуется наклонность къ воровству, какъ на примѣръ у воронъ, сорокъ и нѣкоторыхъ собакъ.

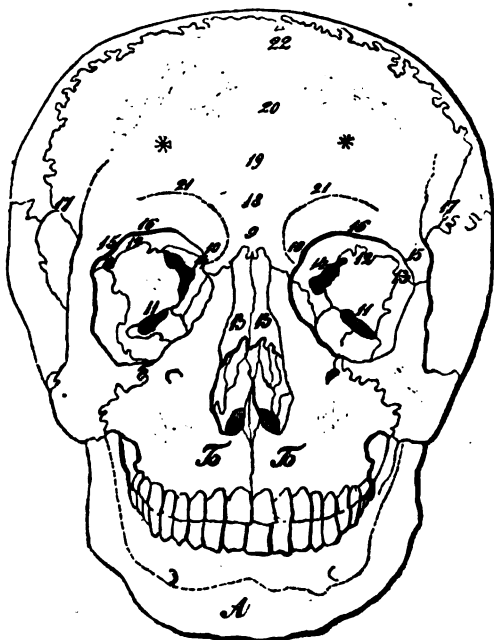
8) Органъ осторожности, предусмотрительности, лежитъ тотчасъ надъ предъидущимъ, нѣсколько дагѣе внутрь отъ нижняго передняго угла темяной кости. При сильномъ развитіи его, голова сверху кажется четырехугольною. Недостатокъ этого органа производитъ легкомысліе.

9) Органъ памяти на предметы, обозначается снаружы выпуклостью лобной кости, тотчасъ надъ корнемъ носа. Между животными—словъ.

10) Органъ памяти мѣстности, также на лобной кости, подъ внутреннимъ концомъ каждой брови, развитъ у всѣхъ перелетныхъ птицъ, и у собакъ.

Черепъ спереди; *А* нижняя, *Б* верхняя челюсть, *В* носовыя кости, по обѣимъ сторонамъ которыхъ очерчены почти кругомъ, глазныя впадины, въ глубинѣ которыхъ отгнены натуральныя прорѣзы.

11) Органъ памяти словъ и именъ, лежитъ въ глубинѣ глазныхъ впадинъ, при нижнемъ разрѣзѣ. Выпуклость имъ соотвѣтствующая, за-

крыта глазнымъ яблокомъ, но узнается тѣмъ, что глазъ выпячивается этимъ органомъ прямо впередъ, глаза вытаращенные; о человѣкѣ говоримъ, что онъ таращитъ глаза, глазѣтъ.

12) *Органъ способности къ изученію языковъ*, спереди предъидущаго, подъ переднею и верхнею стѣвкою глазной впадины; этими выпуклостями глаза отодвигаются внизъ.

13) *Органъ численности*, также въ глазной впадинѣ, болѣе къ наружи, и потому глазъ придвигается имъ внутрь къ носу, и оба глаза глядятъ къ срединѣ и впередъ.

14) *Органъ памяти лицъ*, въ глазной же впадинѣ, въ противоположную сторону отъ предъидущаго, отъ чего глаза раздвигаются въ стороны.

15) *Органъ музыки*, подъ наружнымъ концомъ каждой брови, особенно развитъ у пѣвчихъ птицъ.

16) *Органъ живописи*, между 10-мъ и предъидущимъ; имъ середина брови приподнимается неровною дугою къ верху.

17) *Органъ искусствъ*, лежитъ подъ стороннимъ краемъ лобной кости, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта послѣдняя соединяется съ большимъ крыломъ основной кости:

18) *Талантъ наблюдательности*, представляетъ бугорокъ, лежащій тотчасъ надъ органомъ памяти предметовъ; развитъ у великихъ врачей и естествоиспытателей.

19) *Органъ остроумія*, непосредственно надъ предъидущимъ.

20) *Органъ добродушія*, еще выше, по срединѣ лобной кости, почти тамъ гдѣ начинаются волосы.

21) *Органъ тароватости, расточительности, мотовства*, надъ бугоркомъ органа живописи.

22) *Органъ набожности*. Тамъ, гдѣ лобная кость соединяется съ обѣими темянными, этому органу соответствуетъ удлиненная, спереди къзади идущая, преимущественно сверху выдающаяся, выпуклость черепа, отъ чего у людей расположенныхъ къ набожности, волосы сами по себѣ разбираются направо и налево отъ этой выпуклости.

Если этотъ органъ развивается особенно въ нижней своей части, ниже по лбу, то происходитъ *органъ живаго воображенія*, характеризующій поэтовъ. Если же, напротивъ, на верхнемъ концѣ лобной кости развивается

возвышенность полушаровъ, нисходящая далеко по обѣимъ сторонамъ органа набожности, то таковая обозначаетъ талантъ къ *представленіямъ*, отличнаго актера.

Черезъ сверху, видны обѣ темныя кости в снизу лобная. Здѣсь органы:

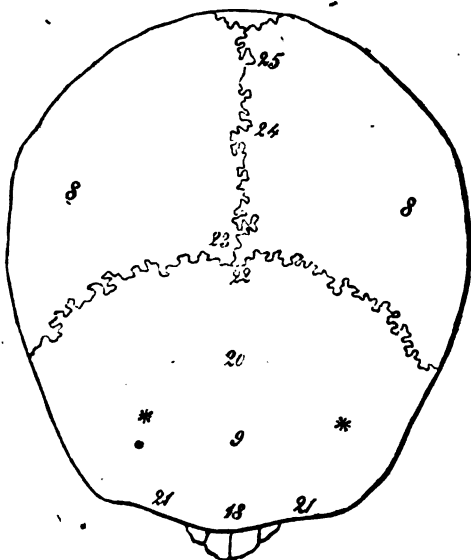
23) Органъ *настойчивости*, на переднемъ концѣ шва, соединяющаго обѣ лобныя кости между собою.

24) Органы *высокомерія, гордости*, посрединѣ этого шва. Если эта возвышенность вытягивается поперегъ, переходитъ на обѣ стороны, то становятся органомъ *тщеславія*.

25) Органъ *правдолюбія, правдивости, прямоты*.

26) Органъ *страсти къ убійствамъ*, на срединѣ шва темной и височной кости (смотри второй черепъ, со стороны).

Галль началъ излагать свои идеи еще въ бытность свою въ Вѣнѣ, но тамъ нашли ее вредною: боялись чтобъ она не испортила чистой нравственности невинныхъ гражданъ центральной Имперіи, поэтому въ 1805 году онъ отправился въ сѣверную Германію и читалъ публичныя лекціи въ разныхъ городахъ, но и здѣсь для него лавры не цвѣли. Въ 1808 году онъ переселился навсегда въ Парижъ и въ продолженіи двадцати лѣтъ постоянно читалъ публичныя лекціи и занимался наблюденіями, для которыхъ столица образованнаго міра представляла неисчерпаемый источникъ. Здѣсь приобрѣлъ онъ громкую славу, и множество приверженцевъ, разнесшихъ идеи его во всѣ концы земли. Аудиторіи его всегда были полны слушателей, которыхъ восторженное вниманіе часто переходило въ могильный ужасъ, когда Галль, говоря о положеніи какого-

либо органа и объ его мнимическихъ явленіяхъ, для подтвержденія своихъ словъ вынималъ черепъ и, показывая его, прибавлялъ какъ-бы мимоходомъ: «Всѣмъ извѣстны отличныя дарованія за нѣсколько дней предъ этимъ скончавшагося NN., вотъ его черепъ, и вотъ на немъ органъ, о которомъ теперь шла рѣчь.» Такимъ образомъ Галль составилъ большое собраніе череповъ и гипсовыхъ слѣпковъ мозга, которое теперь хранится въ музеяхъ Ботаническаго сада. Съ другомъ своимъ, Шпурцгеймомъ, онъ издалъ сочиненіе: *Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier etc.*, 4 части, въ Парижѣ, 1810—20, съ атласомъ во 100 таблицъ въ листъ.

Онъ умеръ 1828 году, на 70-мъ году своей жизни, въ окрестностяхъ Парижа, въ Montrouge.

Шпурцгеймъ ѣздилъ въ Англию, въ Сѣверную Америку, гдѣ училъ краниоскопю, и умеръ въ 1832 году. Онъ значительно умножилъ первоначальное число органовъ Галля, изложенное выше; это умноженіе впрочемъ представляеть по бѣльшей части только раздробленіе органовъ установленныхъ Галлемъ.

Бросивъ критическій взглядъ на науку Галля, мы найдемъ въ ней много несообразностей и восторженности, переходящую за границы положительныхъ наблюденій. Такимъ образомъ, самое основное положеніе на которомъ покоятся все зданіе, именно, сравненіе головного мозга съ нервами, совершенно произвольно, не вѣрно. Изъ одного того, что бѣлое вещество мозга состоитъ изъ волоконъ, еще не слѣдуетъ его называть толстымъ нервомъ, выходящимъ изъ верхняго конца хребетнаго мозга. Мускулы также волокнистаго строенія, поэтому и ихъ онъ также легко могъ бы назвать нервами, и могъ бы провести свои сравненія и употребленія такъ далеко какъ ему угодно. Путь сравненій опасенъ и заманчивъ. Галль видѣлъ только волокна, но ни какъ не могъ преслѣдовать ихъ непрерывности отъ хребетнаго мозга до цѣплинъ, когда даже и теперь, при средствахъ несравненно бѣльшихъ, анатомы не знаютъ этой непрерывности; даже фибры нервовъ, выходящихъ изъ мозга, могутъ быть преслѣдуемы отъ корня въ мозгъ, на пространствѣ очень незначительномъ. Нервы органовъ чувствъ, съ которыми Галль сравниваетъ мозгъ,

производить свое отправленіе не иначе какъ при помощи другихъ, часто очень разнообразныхъ частей, составляющихъ эти органы, такъ напримѣръ одинъ оптический нервъ ничего не значить безъ оболочекъ глаза, безъ прозрачныхъ влагъ его, безъ помощи мускуловъ и ихъ нервовъ, и такъ далѣе; между-тѣмъ какъ мозгъ съ своими извилинами ничего подобнаго не представляетъ.

Опираясь на такое выбкое основаніе, на это сравненіе, Галль возвышаетъ извилины мозга до значенія отдѣльныхъ органовъ, способностей, такъ что поверхность мозга пріобрѣтаетъ значеніе чрезвычайно важное; между-тѣмъ какъ по точнымъ, неопровержимымъ позднѣйшимъ опытамъ, надъ живыми животными и людьми, оказывается, что эта поверхность до значительной глубины можетъ быть снята безъ опасности жизни, даже безъ замѣтныхъ измѣненій отправленій умственныхъ; важность возрастаетъ съ приближеніемъ къ нижнимъ среднимъ частямъ мозга, откуда выходятъ упомянутые выше двѣнадцать паръ нервовъ. Остается только одна общая мысль справедливою, что большее число извилинъ показываетъ болѣе значительное развитіе мозга, и это очень естественно, потому что эти извилины суть ни болѣе ни менѣе какъ просто складка поверхности мозга, принужденнаго помѣщаться въ тѣсномъ костяномъ черепѣ.

Послѣ всего этого, покажется непонятнымъ, какъ могъ Галль, принявъ ложное основаніе, превосходно узнавать способности и назначать имъ органы, и эти органы всегда приходились на одномъ и томъ же мѣстѣ мозга и имъ соотвѣтствовали одинакіе бугорки на черепѣ. Дѣло объяснится само собою, если выйдемъ въ его науку и увидимъ, что она состоитъ изъ двухъ частей, изъ основаній, взятыхъ отъ невѣрныхъ сравненій, и изъ живыхъ, вообще вѣрныхъ наблюденій даровитыхъ людей и ихъ череповъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, Галль замѣтилъ, что всѣ животныя и люди, во время занятія наслажденіями плотской любви, забрасываютъ голову назадъ, что у всѣхъ похотливыхъ людей и животныхъ—толстый затылокъ, и примѣняя эти явленія къ основнымъ своимъ насильно объ извилинахъ мозга, онъ сдѣлалъ заключеніе, что у этихъ людей малый мозгъ, покоющійся надъ тою

частью затылочной кости, гдѣ снаружи прикрѣпляются затылочные мускулы, долженъ быть особенно развитъ, и что этотъ-то малый мозгъ и есть органъ заставляющій людей приносить жертвы нафосской богинѣ. По новѣртію выходитъ, что животныя во время этихъ заматій нуждаются въ силахъ, дыханіе ихъ опирается, и чтобъ сдѣлать его свободнѣе и тѣмъ увеличить силы своихъ мускуловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство удовольствія, онѣ расширяютъ грудь всѣми грудными мускулами; но этого недостаточно, а потому тѣ изъ переднихъ шейныхъ мускуловъ, которыхъ нижніе концы прикрѣпляются къ верху груди, а верхніе къ головѣ, также подтягиваютъ грудь къ верху, и такъ какъ этого они сдѣлать иначе не могутъ какъ тогда, когда голова укрѣплена неподвижно, поэтому затылочные мускулы сильно сокращаются и даже забрасываютъ голову назадъ. Здѣсь мы видимъ, что наблюденіе явленія вѣрно, но объясненіе его причины у Галла ложно, и такъ какъ это явленіе всегда повторяется на одномъ мѣстѣ, то и выходитъ, что органъ плотской любви останется постояннымъ и опредѣленнымъ; но не менѣе того онъ подложный. Всякому извѣстно, что когда идетъ дождь, то трава бываетъ всегда мокрою: но слѣдуетъ ли изъ этого, что дождь идетъ оттого что трава мокра? Добрые люди не совѣтуютъ становить палки въ передней уголъ, потому что, по ихъ примѣтамъ, непременно пойдетъ дождь.

Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ Галлевыхъ органовъ. Множество важныхъ органовъ разставлены имъ въ глазныхъ впадинахъ и на верхней окружности глаза, отъ корня носа, по брови, до наружнаго конца оной. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти части у людей съ извѣстными талантами развиты особеннымъ, часто даже опредѣленнымъ образомъ, но всё же не потому, чтобъ бугорки или органы переднихъ концовъ большого мозга выдавливали эти части, и именно верхній край глазной впадины устроенъ всегда такъ, что наружная пластинка лобной кости здѣсь очень далека отъ внутренней, и изгибы и формы ихъ обрѣихъ совершенно различны. Конечная причина этихъ особенностей развитія заключается собственно въ томъ, что глазъ есть именно тотъ органъ, который перелагаетъ на образы перспективные и цвѣта, и притомъ не всякій глазъ

передаетъ ихъ одинакимъ образомъ и не съ одинаковою отчетливостію; живописецъ, скульпторъ, архитекторъ, должны имѣть глазъ совершеннѣйшій, наиболѣе развитый, образованный отличіемъ отъ глазъ обыкновенныхъ людей, поэтому и всѣ окружающія его части, находящіяся съ нимъ въ тѣсной связи по положенію и отправленію, должны представлять большую степень развитія; поэтому напримѣръ, у большей части даровитыхъ живописцевъ бровь бываетъ большая, густая, приподнятая посерединѣ къ верху, и все это единственно потому, что бровь, движущаяся особымъ лежащимъ подъ нею мускуломъ, есть необходимая принадлежность, вѣрная помощница глаза въ отправленіи его должности.

На лицѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, носъ: черезъ него мы проводимъ воздухъ въ легкія; а отъ строенія этихъ послѣднихъ органовъ зависитъ настроеніе всего тѣла; всѣ такъ называемыя ощущенія, пріятныя и непріятныя, всегда относятся къ легкимъ и къ сердцу. Въ полости носа открываются двѣ полости или пазухи лобной кости, которыя выдвигаютъ наружную пластинку лобной кости и производятъ надъ корнемъ носа болѣе или менѣе замѣтную выпуклость, которая тѣмъ замѣтнѣе чемъ больше лобныя пазухи, то есть, чѣмъ обширнѣе дыханіе вообще; и такъ какъ у даровитыхъ людей необходимо полное, обширное дыханіе, то и естественно, что у нихъ надъ корнемъ носа на лобной кости будетъ выпуклость. Галль тотчасъ вообразилъ, что противъ этого мѣста на мозгу есть особый бугорокъ, который выдавилъ эту выпуклость наружу; а анатомія говоритъ, что если бы на мозгу и былъ такой бугорокъ, то онъ могъ бы выдавить только внутреннюю пластинку лобной кости, потому что отъ внутренней до наружной есть большое пустое пространство, лобная пазуха. Галль назвалъ эту выпуклость органомъ памяти предметовъ, и это произошло отъ того, что необходимая принадлежность большей части талантливыхъ людей состоитъ по-необходимости въ способности быстро распознавать формы и соотношенія предметовъ, подлежащихъ ихъ мышленію.

Галль на лекціяхъ своихъ иногда показывалъ и выпуклость на черепѣ и органъ соответствующій ей на моз-

гу, — это кажется говорить въ его пользу; но мы увидимъ, что и тутъ его теорія заводила его въ обманъ, если вспомнимъ, что вся поверхность большаго мозга покрыта столькими извилинами или выпуклостями, что трудно съяснить на черепѣ мѣста, противъ котораго не лежала бы подобная выпуклость; но выше ли эта выпуклость другихъ, этого ни какой циркуль не рѣшитъ, развѣ только глазъ Галля, которому инья казались выше другихъ.

Изъ этого короткаго обзора, кажется, понятно, отчего ученіе Галля, при всей неосновательности своей, имѣло такой огромный успѣхъ, что многіе и теперь занимаются имъ, и образуютъ цѣлыя краниоскопическія общества, изъ Франціи и Англіи разсылающія членовъ своихъ, ко всѣмъ языкамъ земли, чтобъ изучать органы ихъ способностей. Въ наше время, когда всѣ естественныя науки и, слѣдовательно, анатомія и физиологія, сдѣлали открытія, о которыхъ и сниться не могло Галлю, въ наше время ни одинъ дѣльный натуралистъ не возьмется отыскивать Галлевыхъ органовъ, ни на черепѣ, ни на мозгу. Для аматѣровъ, это легко, и даже просто: ихъ самолюбію льститъ увѣренность, что они знаютъ науку, посредствомъ которой такъ же легко отыскать органы способностей, какъ посредствомъ химіи легко научиться дѣлать фосфорныя спички.

При всемъ томъ, ученіе Галля принесло человечеству большую пользу. Оно глубоко заронило мысль, что мозгъ есть матеріальный органъ процесса нашего мышленія, что таланты свои приносимъ мы въ міръ вмѣстѣ съ зачатіемъ и рожденіемъ нашимъ, и что отъ насъ, и отъ общества, въ которомъ мы живемъ, зависятъ только — дать ли этимъ природнымъ талантамъ матеріалъ для упражненія или нѣтъ. Это развило еще одну важную истину: что воспитывать дѣтей надобно сообразно съ ихъ врожденными способностями; всѣ увѣрились, что изъ дитяти нельзя сдѣлать всего что угодно. Наблюдательный русскій умъ справедливо говоритъ: «каковъ изъ колыбели, таковъ и въ могилу.» Наконецъ, эти идеи, незамѣтно, но глубоко, посѣяли семена разборчивости и въ то же время терпимости и уваженія.

С. КУТОРГА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ

ЛЮДОВИКА ЧЕТЫРНАДЦАТАГО.

Людовикъ Четырнадцатый справедливо оставилъ своимъ названіемъ своему вѣку. Исторія едва-ли представляеть другой примѣръ монарха, который до такой степени сосредоточилъ бы въ себѣ одномъ всѣ силы могущественнаго государства, придалъ свою личность всѣмъ событіямъ, всѣмъ людямъ не только своего времени, но и слѣдующихъ поколѣній. Мало этого: Людовикъ сдѣлался образцомъ для многихъ другихъ государей, а дворъ его, со своими нравами и обычаями, долго служилъ примѣромъ почти для всей Европы. Къ довершенію блеску своего царствованія, Людовикъ Четырнадцатый принялъ бразды правленія въ одну изъ несчастнѣйшихъ эпохъ Франціи, когда она была терзаема всѣми возможными неустройствами, и, послѣ борьбы съ вооруженною противъ него Европою, оставилъ монархію свою въ силѣ и могуществѣ, которыя, несмотря на слабости и недостатки его преемниковъ, продержали жизнь ея до страшныхъ ударовъ революціи.

Между-тѣмъ разсматривая характеръ, жизнь и дѣйствія Людовика Четырнадцатаго, исторія открываетъ въ немъ больше слабостей, нежели тѣхъ могущественныхъ признаковъ гевія, которые увѣковѣчиваютъ имя великихъ монарховъ.

Онъ не былъ ни полководцемъ, ни пронципательнымъ администраторомъ, ни даже великодушнымъ повелителемъ. Онъ никого не любилъ въ мирѣ, кромѣ самого себя, и даже показывалъ это при всякомъ случаѣ: слѣдовательно, не могъ имѣть ревностныхъ друзей, которые бы помогали ему безкорыстно. Это заставляло его равнодушно смотрѣть на слабости своихъ приближенныхъ, терпѣть ингиа злоупотребления и ограждать ихъ безнаказанностью.

Но при такомъ соединеніи элементовъ силы и слабости, Людовикъ Четырнадцатый былъ могущественъ непоколебимо, и вся сила, все могущество его заключалось въ личности его, непостижимо согласной съ той политикой, какою заставили его избрать обстоятельства.

Людовикъ Четырнадцатый не могъ помнить себя иначе какъ королемъ Франціи. Пяти лѣтъ онъ уже наследовалъ престоломъ, и юношескія лѣта его прошли посреди самыхъ странныхъ отношеній. Воспитаніе его было пренебрежено, да и некогда было заниматься имъ ни регентшѣ, матери его, ни могущественному министру ея, Мазарини. Они едва могли удерживать буйныя движенія фронды, и часто уступали имъ. Людовикъ, назывался королемъ, пользовался всѣми почестями своего высокаго сана, не имѣлъ ни власти, ни силы показать свое могущество. Эти впечатлѣнія сильно дѣйствовали на юнаго короля, властолюбивый характеръ котораго образовался въ междоусобныхъ войнахъ раздиравшихъ тогда Францію. Не участвуя въ борьбѣ съ фрондою, онъ оставался только свидѣтелемъ унженія своей власти, и потому могъ сохранить независимость своего деспотическаго характера. Одинъ разъ только, при Мазарини, явился Людовикъ посреди непреклоннаго парижскаго парламента съ бичомъ въ рукѣ. Это было лучшимъ предзнаменованіемъ его политики.

Еще не прекратился колокольный звонъ, извѣщавшій о смерти бывшаго министра-кардинала, когда Людовикъ немедленно созвалъ кабинетный совѣтъ и объявилъ, что съ этой минуты нѣтъ перваго министра, и что онъ самъ будетъ заниматься всѣми дѣлами. Въ числѣ министровъ его не было ни одного замѣчательнаго человѣка, потому

что при Мазарини всѣ они были только орудіями перваго министра. Но изъ нихъ уже былъ одинъ, подозрительный для Людовика, и онъ вскорѣ испыталъ силу гнѣва юнаго государя.

Людовикъ находился тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Онъ былъ строенъ, но не высокъ ростомъ, и чтобы казаться выше, носилъ высокіе каблуки. Наружность его была благородна, а разговоръ вполне выражалъ характеръ, который пріобрѣлъ онъ и усвоилъ себѣ однажды принявъ его за неизмѣнное правило. Одаренный умомъ дивнымъ и пылкимъ, онъ до такой степени пріучилъ себя къ важности, къ размѣренности во всѣхъ словахъ, что говорилъ всегда медленно и какъ-бы размышляя надъ каждымъ словомъ. При самыхъ быстрыхъ, многосложныхъ и важныхъ рѣшеніяхъ онъ удивительно владелъ собою; поража или возвышая, онъ сохранялъ спокойный видъ, и разъ изъявивши свою волю уже никогда не перемѣнялъ ея. Въ самыхъ слабостяхъ своихъ онъ находилъ средство къ упроченію своей силы, и дѣлалъ ихъ закономъ для своихъ приближенныхъ. Начало единовластія его было ознаменовано однимъ изъ такихъ случаевъ.

Онъ былъ женатъ на племянницѣ своей матери, Инчантъ Маріи-Терезіи, и окружалъ ее не любовью своею, а блескомъ двора. Рожденіе дофина (въ 1662 году), казалось, можно было соединить ихъ новыми узами; но вскорѣ Людовикъ избралъ себѣ иную подругу сердца. Въ числѣ Фрейзинъ герцогини Орлеанской была одна, невысокая, стройная, но немного хромая дѣвушка, съ глазами живыми, но съ лицомъ испорченнымъ оспою, худощавая, нѣжная, слабая: то была знаменитая дѣвица и вскорѣ герцогиня Лавальеръ. Она говорила вслухъ, что любитъ короля и жалѣетъ, что онъ такъ высоко поставленъ судьбою. Это польстило самолюбію короля: онъ гордился своею личною любовью, и вскорѣ торжественно объявилъ о своей привязанности. Лавальеръ была осыпана богатствами и почестями, и, что гораздо важнѣе, пріобрѣла большую власть надъ королемъ. Противъ нее составились тысячи козней. Члены королевской фамиліи и большая часть придворныхъ изъявили негодованіе. Людовикъ поразилъ изгнавіемъ и

немилостью многихъ изъ нихъ, и объявилъ супругѣ своей, что не хочетъ быть стѣсненъ въ своей жизни. Это было сказано такъ выразительно, что добрая и благородная королева умолкла, а придворные съ тѣхъ поръ почитали величайшимъ счастьемъ угождать слабостямъ короля. Такъ употребилъ Людовикъ первую изъ явныхъ своихъ слабостей къ утверженію своей власти.

Вскорѣ онъ, съ вѣрною своей цѣли мыслью, уничтожилъ самаго могущественнаго изъ своихъ министровъ, Фуке. Этотъ вскормленникъ Мазарини завѣдывалъ министерствомъ финансовъ, и казался необходимымъ на своемъ мѣстѣ, потому что умѣлъ удовлетворять неизбѣримымъ требованіямъ государства во время войнъ. Онъ умѣлъ также составить себѣ многочисленную партію, щедро награждая своихъ приверженцевъ и великолѣпно покровительствуя искусствамъ и всему что жило умомъ. Обладая самъ большими богатствами, онъ давалъ царскія празднества въ пышномъ замкѣ Во, гдѣ сады были устроены Ленотромъ, галереи расписаны Лебрѣномъ, статуи произведены рѣзцомъ Пюже, и гдѣ всѣ художники способствовали украшенію жилища великодушнаго министра. Тамъ Буало писалъ свои сатиры и посланія къ королю, Лафонтенъ рассказывалъ свои неподражаемыя басни и сказки, тамъ собирались всѣ литераторы и остроумцы. Но во Франціи, гдѣ доходы государственные сопровождались неизбѣжными насиліями и притѣсненіями, министры финансовъ всегда были ненавистны народу, и Фуке могъ поддерживать себя только своими друзьями. Король вѣрно рассчиталъ, что поразивъ человѣка ненавидимаго народомъ, онъ пріобрѣтетъ любовь подданныхъ и покажетъ непреклонную волю придворнымъ. Послѣ великолѣпнаго праздника, даннаго ему министромъ, король, съ неизбѣжнымъ хладнокровіемъ, приказалъ взять подъ стражу Фуке и всѣхъ его родственниковъ. Министръ былъ отвезенъ въ Анжеръ, оттуда въ Венсеннъ и, наконецъ, въ Бастилію. Въ лицѣ его была поражена вся старая партія фронды, съ которою находился онъ въ сношеніяхъ, и въ литературная и художественная толпа. Процессъ Фуке котораго обвинили въ разныхъ преступныхъ намѣреніяхъ

сдѣлался общимъ дѣломъ его партіи: всѣ писатели взды-хали и заступались за него, и въ письмахъ госпожи Севиньи можно видѣть отчетъ почти за каждый день этого громкаго событія. Даже лѣнивый Лафонтенъ и въ стихахъ и прозѣ молилъ оказать снисхожденіе своему благодѣтелю. Людовикъ остался непреклоненъ и даже удалилъ изъ столицы тѣхъ, кто слишкомъ заступался за обвиненнаго. Онъ хотѣлъ показать, что самый могущественный министръ зависитъ отъ *манія ея бровей*, и что впередъ никто не можетъ льстить себя надеждой быть Мазарини или Ришліе. Фуке погибъ въ неизвѣстности: къ нему примѣнили даже темный рассказъ о Желѣзной Маскѣ.

Уничтоживъ одного изъ главныхъ министровъ, король началъ возвышать двухъ новыхъ, потому что хотѣлъ образовать и какъ-бы создать ихъ самъ. Первый изъ нихъ былъ сынъ канцлера Летеліе, старика отжившаго свои годы и уже не опаснаго. Онъ представилъ Людовику своего сына, маркиза Лувоа, говоря: «Государь, пусть онъ будетъ воспитанникомъ и отблескомъ вашей мудрости». Король назначилъ Лувоа для министерства военнаго. Другой былъ Кольбѣръ, занимавшій при Фуке отдѣленіе торговли. Неутомимое трудолюбіе его обратило на себя вниманіе короля, и онъ вскорѣ увидѣлъ, что этотъ молодой человекъ, происходившій изъ купеческаго званія, имѣлъ необыкновенныя познанія въ искусствахъ и мануфактурахъ: онъ самъ умѣлъ готовить сукно, зналъ секретъ венеціанскихъ кружевъ, турецкихъ ковровъ, восточныхъ сафьяновъ и кожъ — такой человекъ могъ быть и сдѣлался великимъ орудіемъ въ рукахъ всевластнаго короля. Налоги и подати постепенно увеличивались во все царствованіе Людовика Четырнадцатаго, а Кольбѣръ всё оставался любимцемъ народа, потому что покровительствовалъ промышленности и устраивалъ нѣсколько блестящихъ мануфактуръ.

Людовикъ владѣлъ умѣньемъ ослѣплять дворъ и вельможъ, въ которыхъ волновался безпокойный духъ фронды. Не ставя себя въ число обыкновенныхъ королей, Людовикъ имѣлъ увѣренность глубокую и, можно сказать, пророческую, что онъ земной богъ, не въ метафорическомъ

смыслъ этого слова, а просто въ буквальномъ. Чтò могло породить въ немъ такую увѣренность кромѣ высокаго убѣжденія въ своемъ личномъ превосходствѣ? И мы видимъ подтвержденіе этого въ сознаниіи непогрѣзительности, которую онъ приписывалъ себѣ, относя всѣ неудачи своего царствованія къ тому, что въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ не по собственному побужденію, а полагался на другихъ. Онъ никогда и не въ чемъ не упрекалъ себя и ни въ чемъ не раскаивался, логически рассуждая, что онъ не можетъ ошибаться. Вотъ чувство, которое внушилъ онъ, наконецъ, своимъ придворнымъ, и они видѣли въ немъ своего полубога. Въ такомъ смыслѣ принимали всѣ его повелѣнія и всѣ распоряженія. Никто не удивлялся, что Людовикъ вздумалъ построить себѣ Версаль, для которой были употреблены неисчислимыя суммы и усилія сверхъестественныя. Цѣлые лѣса были перенесены туда; вода проведена черезъ горы; громады мрамору употреблены для лѣстницъ, галерей и бесѣдокъ. Версаль сдѣлалась однимъ изъ бѣдствій для Франціи, потому что поглощала страшныя богатства; но придворные преклонялись передъ волею Людовика, и почитали за величайшее счастье приближаться къ нему. Самые древніе аристократическіе дома смиривъ свою гордость, и какъ величайшей почести искали какой-нибудь изъ тѣхъ безчисленныхъ должностей, которыя Людовикъ учредилъ при своемъ дворѣ. Одно храненіе гардероба его занимало сотни чиновниковъ, и Роганы, Тремули, Моноранси добивались почести быть хранителями чулковъ и башмаковъ Людовика Четырнадцатаго!

Смиривъ вокругъ себя гордую аристократію, Людовикъ истребилъ непреклонныхъ приверженцевъ Фронды, которые еще таились въ его государствѣ. Онъ показалъ всю жестокость свою къ нимъ въ дѣлѣ несчастнаго Фарга. Однажды въ Сенъ-Жерменѣ была охота, которая продолжалась до ночи, такъ что нѣкоторые изъ придворныхъ, возвращаясь уже въ темнотѣ, сблѣлись съ дороги и долго блуждали въ окрестныхъ лѣсахъ и паркахъ. Наконецъ они видятъ сквозь деревья огонѣкъ; направляются на него, и подходятъ къ воротамъ какого-то замка, обнесеннаго высокими стѣнами. Уже было часовъ одиннадцать, и

въ глубокую осень, гостепріимство оказанное имъ, усталымъ и вродрогшимъ, было истиннымъ благодѣніемъ. Прекрасный ужинъ, дорогія вина, привѣтливость хозяина, который казался человѣкомъ лучшаго тона, все было какъ нельзя больше кстати. Они узнали только, что хозяинъ ихъ назывался Фаргъ, а загородный домъ его Курсонъ. На-утро, отдохнувши, освѣжившись, позавтракавши прекрасно, они съ искреннею благодарностью разстались съ своимъ хозяиномъ и возвратившись въ Сень-Жермень съ восторгомъ рассказывали о его гостепріимствѣ. Король также выслушалъ ихъ рассказъ и спросилъ объ имени того, у кого они вочевали. Когда произнесено было имя его: «Какъ! скажешь онъ: Фаргъ такъ близко отсюда?» При новыхъ похвалахъ Фаргу, король промолчалъ, и посѣтивши королевунитъ пересказалъ ей приключеніе своихъ придворныхъ. Оба они удивлялись, что человѣкъ, который принималъ сильное участіе въ парижскихъ возмущеніяхъ, и долженъ бы быть повѣшенъ, живетъ спокойно невдалекѣ отъ Парижа. Но Фаргъ жилъ спокойно потому, что имя его было включено во всепрощеніе, дарованное всѣмъ участникамъ фронды, и удалился изъ Парижа, потому что хотѣлъ быть забытымъ и умереть вдали отъ тревогъ. Король призвалъ министра Ламуаньона и велѣлъ ему сыискать причину иъ гибели Фарга. Несчастнаго схватили, бросили въ тюрьму и начали обвинять въ какихъ-то злоупотребленіяхъ по поствавкѣ хлѣба, послѣ которой прошло уже гдѣтъ двадцать. Фаргъ защищался очень умно, не вѣрилъ, чтобы его не шутя обвиняли въ забавныхъ сплетняхъ, но дѣло кончилось совсѣмъ не шуткою: кровожадные угодники короля приговорили обвиняемаго иъ смерти, и король отдалъ имъ вѣнчаніе, конфискованное послѣ его казни.

При такихъ урокахъ, фронда умолкла навсегда; многіе изъ самыхъ жаркихъ ея приверженцевъ стали усердными защитниками короля, и доказали это проливая свою кровь въ войнахъ, почти безпрерывныхъ во все его царствованіе.

Направляя всѣ дѣйствія свои къ одной цѣли, Людовикъ обратилъ вниманіе на многочисленный уже и тогда въ Франціи классъ литераторовъ, которые могли способст-

говать отдаленнымъ его намѣреніямъ. Надобно замѣтить, что онъ никогда не былъ покровителемъ литературы, и во все продолжительное время властвованія его не назовете ни одного писателя, который былъ бы взысканъ и одушевленъ имъ. Людовикъ смотрѣлъ на литераторовъ по-свѣдому, раздѣляя ихъ на полезныхъ и бесполезныхъ или, проще, на приверженцевъ и противниковъ своихъ. Но что дѣлалъ онъ и съ тѣми, кому оказывалъ благосклонность! Превосходнѣйшій геній Франціи, Молиѣръ, писалъ балеты и миеологическія представленія для Версальскаго Театра, и былъ на ряду съ лакеями! Боало, больше всѣхъ получившій милостей и награды, истощалъ всю напыщенную лестъ въ въ своихъ одахъ, гдѣ просто называлъ Людовика божествомъ или сравнивалъ съ миеологическими богами. Даже возвышенный Боссюэтъ, честь и слава Римской Церкви, писалъ цѣлыя книги, гдѣ разсыпалъ лестъ королю. За ними влеклась цѣлая толпа писакъ въ стихахъ и прозѣ, которые возносили Людовика превыше всего земнаго. Умѣренныя въ похвалахъ оставались въ забытьи, и тѣ, но когда было надобно, также курили овиамъ. Наконецъ вся литература сдѣлалась придворною угодницею, и забыла прекрасныхъ геніевъ стараго времени: это было началомъ упадка, въ какой пришла Французская литература, потерявшая всю естественность, всю жизненность. Дѣйствуя такимъ образомъ, Людовикъ достигъ своей цѣли. Чтобы еще ближе управлять всѣми литературными движеніями, онъ основалъ нѣсколько Академій, которыя также сдѣлались приманкою для честолюбивыхъ, средоточіемъ интригъ, а не истинными хранилищами науки и искусства. Въ концѣ царствованія Людовика Четырнадцатаго, литература была одною изъ пружинъ, посредствомъ которыхъ онъ приводилъ въ исполненіе свои планы.

Таковы были дѣйствія Людовика Четырнадцатаго, въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя можно назвать подробностями передъ великими государственными соображеніями. Заслуживъ любовь народа первыми своими дѣйствіями, онъ былъ увѣренъ въ его усердіи и вѣрности, которая и оправдалась во все продолжительное его царствованіе, при всѣхъ бѣдствіяхъ и стѣсненіяхъ, какими часто сопровож-

далось оно. Людовикъ усмирилъ буйное дворянство; но еще надобно было дать ему занятіе: онъ не могъ всѣхъ помѣстить къ своему двору, — и потому-то открылъ имъ обширное поприще въ своихъ арміяхъ, которыя въ нѣскольکو лѣтъ были доведены имъ до неслыханной прежде числительной силы. Онъ послалъ въ отдаленныя экспедиціи многихъ, которые и должны были погибнуть тамъ, вмѣстѣ съ солдатами фрнды, испорченными въ междоусобныхъ войнахъ. Самая бѣльшая часть дворянъ поступила въ арміи, вновь сформированныя изъ молодыхъ солдатъ, молодыхъ до такой степени, что одинъ острякъ сказалъ, посмотрѣвши на нихъ: «Армія будетъ очень хороша, когда прійдетъ въ совершенный возрастъ!» Въ самомъ дѣлѣ, тамъ не было солдатъ старше осмнадцати лѣтъ. Эти юноши скорѣе и лучше могли привыкнуть къ новой дисциплинѣ и строгой субординаціи, которыя были введены въ арміи французскія. Въ этомъ отношеніи Лувоя оказалъ Людовику величайшую услугу. До него французскіе солдаты, кромѣ нѣсколькихъ полковъ, не имѣли даже однообразной одежды и отличались отъ простаго народа только перевязью съ лиліями и своимъ оружіемъ. Повповеніе, душа всякаго войска, было очень слабо, и солдаты очень часто буйствовали и своевольничали. При Людовикѣ, всѣ войска получили мундиры, и каждый полкъ можно было узнать по нѣкоторымъ подробностямъ мундира. Солдаты научили ходить разиѣренными шагами, *маршемъ*, однообразно, стройно, и это сдѣлалось эпохою въ военномъ искусствѣ, потому что при стройности и однообразіи массъ, они могли производить маневры, о какихъ прежде нельзя было и помыслить. Всѣ части военнаго дѣла подверглись преобразованіямъ и улучшеніямъ, которыя и были одною изъ главныхъ причинъ успѣху въ первыхъ войнахъ Людовика Четырнадцатаго.

Не менѣе важны были преобразованія начатія Людовикомъ Четырнадцатымъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Торговля и мануфактуры, при цѣломъ, просвѣщенномъ министрѣ Кольберѣ, быстро подвинулись къ цвѣтущему состоянію; но и въ нихъ видно было то же направленіе, какое придавалъ король всѣмъ

другимъ частямъ. Дѣлали пособія, даже употребляли огромныя суммы на заведеніе фабрикъ для великолѣпныхъ тканей, дорогаго фарфору, тончайшихъ кружевъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, а между-тѣмъ разстроивали и уничтожали общественныя, древнія сословія цеховъ. Король хотѣлъ чтобы все исходило отъ него и черезъ него. Потому-то устроилось при немъ множество огромныхъ фабрикъ, но ручная промышленность обѣднѣла и стѣснилась. Кольберъ заботился по-крайней-мѣрѣ объ улучшеніи дорогъ, приводилъ въ исполненіе великій проектъ облегчить сообщенія устройствомъ каналовъ во всѣхъ направленіяхъ государства, принявши центромъ его Парижъ; но и этому часто препятствовалъ недостатокъ въ деньгахъ, особенно съ того времени, когда Людовикъ началъ вести безпрерывныя войны.

Война не была страстнымъ или любимымъ занятіемъ Людовика, потому что онъ вовсе не имѣлъ военнаго гения; но онъ велъ войны по разнымъ причинамъ, которыя почти всѣ имѣли начало въ его характерѣ. Ему надобно было блеску; надобно было безпрестанно доказывать, что онъ и его Франція выше и могущественнѣе всѣхъ. Къ такому убѣжденію присоединялись всегда какія-нибудь постороннія и частныя причины. Первая начатая имъ война, за испанское наслѣдство, на которое объявилъ онъ права своей суруги, явно была только рыцарскою попыткой; но эта попытка кончилась такъ счастливо, что Франція приобрѣла большую часть Фландріи. Нельзя сомнѣваться однако жъ, что Людовикъ Четырнадцатый не въ этомъ полагалъ свою главную выгоду. Гораздо важнѣе было для него, что онъ успѣлъ дать занятіе своему блестящему, но буйному дворянству, которое безъ этого завело бы интриги. Счастливо оконченная война возвысила блескъ его оружія, утвердила великія дарованія Кондэ и Тюренна, и положила начала той славы непобѣдимости, которою такъ долго пользовался Людовикъ.

Вторая война его, начатая въ 1672 году и продолжавшаяся шесть лѣтъ, всего лучше показываетъ характеръ Людовика Четырнадцатаго. Онъ, при своей увѣренности что Франція должна первенствовать въ Европѣ, а всѣ дру-

гіе народы быть какъ-бы вассалами ея, не могъ терпѣть подлѣ себя маленькаго государства, которое процвѣтало подлѣ именемъ Соединенныхъ Штатовъ и не оказывало должнаго уваженія великому королю Франціи. Простые мужики, безъ чиновъ, безъ титуловъ, купцы, которыхъ могущество основывалось на мѣшкахъ съ золотомъ и на обширной промышленности, осмѣливались принимать къ себѣ изгнанниковъ изъ Франціи, и позволяли имъ писать противъ короля, даже критиковать его и осмѣивать. Кальвинисты, раздраженные гоненіями, въ самомъ дѣлѣ не щадили Людовика, а онъ не могъ понять, что въ голландской республикѣ не имѣли средствъ заставить ихъ молчать, и даже не почитали преступленіемъ критикъ, направленныхъ противъ короля. Но онъ очень понималъ, что за Голландію могутъ вступиться многія сосѣднія державы, и потому, обезопасивъ себя переговорами и трактатами съ ними, двинулся въ Голландію со ста десяти тысячнымъ войскомъ. Черезъ два мѣсяца республика была на краю гибели, и предлагала большія уступки и вознагражденія, если король заключитъ съ нею миръ; но онъ хотѣлъ стереть ее съ лица земли, уничтожить окончательно, и черезъ это вооружилъ противъ себя императора и Испанію, и принужденъ былъ отступить. Потомъ явился могущественный соперникъ, Вильгельмъ Оранскій, признанный прочими державами королемъ англійскимъ, и это заставило Людовика оказывать покровительство изгнанному королю Джемсу. Война противъ Франціи сдѣлалась почти всеобщою, истощила ее, но упорство Людовика оправдалось, и онъ заключилъ довольно выгодный нимвегенскій миръ. Такимъ образомъ сила и слабость его, успѣхи и неудачи, происходили отъ одной главной причины: убѣжденія въ превосходствѣ Франціи надъ всѣми другими государствами, и увѣренности въ своей непогрѣшительности. Что ни предпринималъ Людовикъ, онъ былъ увѣренъ, что это должно быть непреложно, и сила воли его была такъ могущественна, что дѣйствительно побѣждала величайшія препятствія. Онъ, наконецъ, не только придавалъ эту увѣренность въ своей силѣ ближайшимъ исполнителямъ своей воли и сво-

ему народу, но убѣдилъ въ ней своихъ соперниковъ. Франція заняла въ нихъ первостепенное мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, а общество ея сдѣлалось образцомъ другихъ европейскихъ обществъ. Но всякая мысль, которой не полагаютъ границъ, приводитъ наконецъ къ злоупотребленіямъ, и Людовикъ впадалъ въ ошибки отъ самой причины своихъ успѣховъ. Воля его, избалованная безпрекословнымъ повиновеніемъ и даже одобреніемъ всѣхъ его слабостей, умножила придворныя козни, интриги, и возвысила власть любимцевъ его, изъ которыхъ, послѣ Лавалиєръ самую могущественною была госпожа Монтеспань, оставившая Людовику множество дѣтей. Воспитательница ихъ, госпожа Ментенонъ, употребила много лѣтъ на изученіе характера Людовика Четырнадцатаго, и сдѣлавшись наконецъ главною, единственною любимцею и тайною женою его, приобрѣла такую власть надъ королемъ, уже устарѣвшимъ и ослабленнымъ болѣзнями, что, можно сказать, она царствовала подъ его именемъ. Какимъ же волшебствомъ умѣла она приобрести такую власть? Потворствомъ всѣмъ слабостямъ, угожденіемъ ему и почти обожаніемъ гордаго короля, который, при всей своей опытности и природной провицательности, не видалъ, что очень обыкновенная, хитрая, женщина владѣетъ имъ совершенно.

Повторяемъ, что въ этомъ удивительномъ челоувѣкѣ, слабости были нераздѣльны съ силою. Слабости его умерли вмѣстѣ съ нимъ, а элементы силы и славы, приданные имъ своему народу, остались для потомства. Людовикъ показалъ, что никакія перемѣны счастья не могутъ поколебать не только его могущества, но и обыкновеннаго, заведеннаго имъ порядка. Роскошь, невѣдомая при другихъ западныхъ дворахъ, повсюду возвѣщала его присутствіе. Великолѣпныя сады, дворцы, дворъ его, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ челоувѣкъ, самыхъ богатыхъ и знатныхъ; другой дворъ, гдѣ безмолвными слугами являлись знаменитые полководцы и всѣ высшіе чины арміи; соединеніе силы и блеску, вкусу и богатства, все поражало и удивляло тѣхъ, кто приближался къ Людовику. Назовемъ ли слабостію, что онъ не пзмѣнялъ, не сокращалъ расхо-

довъ своего двора во все пятьдесятъ-четырехъ-лѣтнее свое царствованіе, даже при величайшемъ истощеніи государства? Въ 1712 году, когда недоставало средствъ на государственные расходы, младшій изъ побочныхъ его дѣтей выѣлъ въ конюшняхъ двѣсти пятьдесятъ лошадей: по этому можно судить объ остальномъ. Но когда шло дѣло о поддержаніи чести французскаго оружія, Людовикъ велѣлъ продать собственное свое серебро и золото для военныхъ издержекъ (въ 1689 году). Не было пожертвованія, котораго не сдѣлалъ бы онъ для славы и блеску Франціи. Неправильно осуждаютъ знаменитое изрѣченіе его: *L'Etat, c'est moi* (государство—я). Если бы не былъ онъ убѣжденъ въ этомъ основаніи всѣхъ своихъ дѣйствій, онъ не съ такою страстію, не съ такою силою стремился бы къ своей цѣли, и Франція разъединилась бы еще болѣе отъ непрерывныхъ междоусобій, терзавшихъ ее много лѣтъ, покуда королевская власть была не столько истинною силою, сколько признакомъ силы.

Его упрекаютъ за третью войну, продолжавшуюся четырнадцать лѣтъ (1683 — 1697) и кончившуюся ризвикскимъ миромъ. Говорятъ, что для нея не было никакой политической или, даже, какой-нибудь причины, что она разорила Францію, не доставила ей ни одного вершка земли, была ознаменована множествомъ ошибокъ, поражений истребила много очарованій, которыми поддерживалась Франція, и привела къ тому, что надобно было признать Вильгельма Оранскаго королемъ Англіи. Всѣ такія разсужденія были бы основательны, если бы дѣло шло о другомъ, обыкновенномъ королѣ. Но Людовикъ Четырнадцатый, поставивши себя внѣ обыкновенныхъ отношеній, не могъ и дѣйствовать по обыкновеннымъ правиламъ благоразумія. Могъ ли онъ произвольно признать Вильгельма королемъ англійскимъ, когда у него въ Севъ-Жерменѣ жилъ Джемсъ Второй, изгнанникъ, всликодушво защищаемый и признаваемый имъ за короля? Людовика могли принудить силою оружія, но не убѣдить логическими доводами, и онъ только тогда призналъ Вильгельма, когда уже не могъ противиться вооруженной Европѣ.

Еще больше обвиняютъ его за послѣднюю войну, ко-

торая была слѣдствіемъ завѣщанія, такъ искусно исторгнутаго у Карла Испанскаго въ пользу внука Людовика Четырнадцатаго. Тутъ была неизбежна война со всею Европою, и она продолжалась опять четырнадцать лѣтъ, привела Францію на край гибели, и могла кончиться изгнаніемъ Бурбоновъ изъ ихъ наслѣдственныхъ владѣній, если бы счастливая, но непредвидѣнная перемѣна министерства англійскаго не дала другаго оборота всѣмъ дѣламъ Европы, и Людовикъ не только заключилъ миръ безъ уменьшенія своего государства, но и утвердилъ за своимъ внукомъ неизмѣримое наслѣдство испанскаго престола. Обвинители необыкновеннаго человѣка не хотятъ сообразить, что если бы онъ не предупредилъ дипломатовъ нѣмецкаго императора, и, такъ сказать, не вырвалъ у нихъ испанскаго наслѣдства, то Австрія пріобрѣла бы во всѣхъ дѣлахъ Европы такой перевѣсъ, какого не могъ допустить Людовикъ Четырнадцатый, убѣжденный въ томъ, что Франція *должна* первенствовать между европейскими державами. Ктому же, ризвикскій миръ можно было скорѣе назвать перемиріемъ, если принять въ соображеніе характеръ Людовика Четырнадцатаго. Такъ въ слѣдующемъ столѣтїи, при Наполеонѣ, всѣ войны оканчивались отдыхомъ или отсрочкою до слѣдующей войны. Людовикъ также стремился къ общему господству, и не могъ долго переносить тягостныхъ условій ризвикскаго договора. Онъ даже снова сталъ защищать законность наслѣдства сына Джемса Второго на англійскій престолъ, хотя незадолго утвердилъ своимъ согласіемъ законность Вильгельма Оранскаго. Но это согласіе было вынужденное, противное его убѣжденію. Точно такъ и Наполеонъ, отрекшись отъ престола Франціи въ 1814 году, возвратился во Францію въ 1815 году, до самой смерти своей оставшись въ убѣжденїи, что его личныя пользы нераздѣльны съ пользами Франціи. Въ такомъ смыслѣ принималъ Людовикъ Четырнадцатый, свое знаменитое изрѣченіе (*L'Etat, c'est moi!*), и оно не только не было неумѣстно въ устахъ его, но составляло всю силу его. Конечно, надобна была великая душа, чтобы перенести всю тяжесть испытаній, какія налагалъ на себя мо-

вархъ при такомъ убѣжденіи; но Людовикъ имѣлъ великую душу, и остался неизмѣненъ въ своихъ правилахъ. Послушайте, какъ судить о немъ одинъ изъ новѣйшихъ его историковъ: «Въ первый періодъ своего царствованія, Людовикъ Четырнадцатый только слѣдовалъ за счастіемъ: легко было ему, окруженному льстецами и поэтами, которые превозносили его, сравнивали съ богами Олимпа! Тамъ онъ является намъ въ блестящемъ вѣнокъ легкаго величія. Но истинно великъ онъ когда начинаются жестокія испытанія: съ началомъ осмнадцатаго столѣтія судьба обращается противъ него. Не знаю, чья душа была такъ жестоко потрясаема во всемъ: въ могуществовѣ, въ семействѣ, въ политической мысли. Посмотрите на него, на старца: меньше нежели въ три года онъ лишился своего сына, уже зрѣлаго возрастомъ; лишился герцога Бургонскаго, любимаго народомъ; прелестной герцогини Бургонской, легкой, вѣтренной, утѣшенія утомленнаго короля; наконецъ герцога Беррійскаго, двадцати-осьми-лѣтняго, добраго человѣка! Все это поколѣніе, расцвѣтавшее подъ крыломъ славы Людовика Четырнадцатаго, погибло неожиданно. Какъ монархъ, Людовикъ Четырнадцатый подвергался другимъ испытаніямъ. Онъ началъ свое поприще предписывая законы Европѣ; арміи его разливались за границами; онъ объявлялъ свою волю въ Гагѣ, въ Туринѣ, господствовалъ въ Имперіи, побѣждалъ Испанцевъ. Послѣ такой славы, какое униженіе! Противъ французскаго короля составляется грозный союзъ; Вильгельмъ Третій сосредоточиваетъ вокругъ себя движеніе, котораго цѣль — унижить врага революціи 1688 года. Коалиція идетъ противъ него и побѣждаетъ всюду, при Гохштетѣ, при Мальплакѣ, распространяется по равнинамъ Пикардіи, устрашаетъ самую Версаль. Голландскіе купцы, съ которыми такъ высокомѣрно поступалъ Людовикъ Четырнадцатый, идутъ предписывать ему законы; на конгрессахъ въ Гертрюйдембергѣ и Гагѣ объявляютъ ультиматумъ, назначающій Франціи границы, какія имѣла она за полстолѣтія, при трактатахъ минстерскомъ и пренейскомъ. Внутри государства, положеніе было не меньше пагубно: возмущеніе севеннское

угрожаетъ страшнымъ бѣдствіемъ для южныхъ областей; Франція истощена непрерывными наборами и налогами; очарованіе исчезло: партія составляетъ противъ короля при самомъ дворѣ его. Парламентъ, народъ, все ропщетъ; памфлеты размножаются, и Людовикъ, привыкшій къ обаянію похвалъ, слышать только сатиры и эпиграммы, нападающія на его имя, на его храбрость, на его судьбу. Когда Торси читаетъ ему голландскія и англійскія газеты, онъ видитъ тамъ отчаянныя клеветы на себя; угрожаютъ его жизни, его престолу, и уже не скрываютъ своихъ намѣреній. Между-тѣмъ какъ приближается нашествіе со всѣми своими ужасами, партіи волнуются противъ той сильной руки, которая одна хочетъ защитить единство монархіи и народности Франціи.

Величіе Людовика Четырнадцатаго было именно въ той силѣ души, которая дала ему средства выйти могущественнымъ изъ положенія гибельнаго. Онъ пораженъ въ сердце потерями близкихъ ему, но подымаетъ свою одряхлѣвшую голову, говоря, что онъ долженъ думать не объ одномъ своемъ царственномъ семействѣ. Нашествіе вторгается въ среднюю Францію, и, при побѣдныхъ кликахъ его, у короля просятъ миру во что бы то ни стало. Непріятель требуетъ Эльзаса, отреченія Филиппа Пятаго, границы Фландріи до Пикардій, уничтоженія крѣпостей на Рейнѣ, словомъ, Франціи шестнадцатаго вѣка. Мало этого: коалиція хочетъ, чтобы Людовикъ Четырнадцатый самъ изгналъ своего внука изъ Испаніи; силы монархіи истощены до такой степени, что версальскій совѣтъ готовъ согласиться и на такой миръ, котораго требуетъ онъ съ ропотомъ. Одинъ король остается твердъ, не унываетъ, надѣется на свою страну, возвышаетъ характеръ своихъ подданныхъ, и вскорѣ дипломатическое искусство и рѣшимость его доставляютъ утрехтскій трактатъ. Какая разница въ положеніи! Филиппъ Пятый утвержденъ на испанскомъ престолѣ, и своимъ союзомъ обезпечиваетъ южныя границы Франціи, которая не отдаетъ Эльзаса, сохраняетъ широкую границу во Фландріи, и остается въ естественныхъ своихъ предѣлахъ. Вотъ когда Людовикъ является истинно великимъ!

Чему обязанъ былъ онъ такимъ окончаніемъ своихъ продолжительныхъ войнъ? Своему личному характеру. У него уже не было великихъ помощниковъ, не было ни Кольбера, ни Лувоа, ни Тюрення, ни Кондэ; не было ни прежняго блеску, окружавшаго его въ юные годы, ни средствъ поддерживать свое величіе. Но опершись на великую мысль единовластія, онъ, къ счастью Франціи, прожилъ такъ долго, что могъ утвердить свою систему и, наследникамъ его оставалось только поддерживать установленный имъ порядокъ. Провидѣніе опредѣлило иначе!...

Недальновидные историки говорятъ, что Вольтеръ, своею *Исторіею вѣка Людовика Четырнадцатаго*, больше всѣхъ способствовалъ его славы, которая была въ большомъ упадкѣ послѣ смерти великаго короля. Но можетъ ли историкъ, каковъ бы онъ ни былъ, возвысить или унижить славу своего героя? Развѣ не говорятъ сами событія, особливо когда они еще въ памяти народа? Вольтеръ ошибался, придавъ ложную славу Людовику Четырнадцатому, больше всего прославляя его какъ полководца и покровителя литературы, когда Людовикъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. И война, и литература, и блескъ двора, все было у него средствомъ къ исполненію мысли объ утвержденіи своего величія, въ которомъ онъ справедливо полагалъ величіе Франціи; но онъ съ равнодушіемъ сильныхъ характеровъ глядѣлъ на все, и ничего не любилъ, ни чему не покровительствовалъ исключительно. Тому же надобно приписать многія рѣшительныя и жестокия мѣры, за которыя подвергся онъ осужденію современниковъ и потомства. Больше всего обвиняютъ его за гоненіе на протестантовъ, уничтоженіе свободы Галликанской Церкви и отмѣненіе нантскаго эдикта, слѣдствіемъ чего были притѣсненія подданныхъ, гибель, изгнаніе многихъ тысячъ семействъ, драгоннады, и роботь цѣлаго государства. Здѣсь надобно сообразить только одинъ вопросъ: долженъ ли былъ Людовикъ допустить усиленіе протестантизма и тѣмъ ослабить католичество? Нѣтъ, потому что протестанты были противники Франціи и друзья враговъ ея, Голландцевъ и Англичанъ, которые давали имъ пріютъ, оказывали всякое покровительство, и поощряли къ изданію тысячи пам-

флетовъ, подрывавшихъ власть французскаго короля. Людовикъ хотѣлъ въ самомъ началѣ истребить зародышъ междоусобій за религію, междоусобій самыхъ пагубныхъ, какія только могутъ колебать государство. Передъ нимъ былъ страшный примѣръ реформаціи Лютеровой и революціи англійской, и онъ, своими строгими мѣрами, предупредилъ эти несчастія во Франціи. Послѣ этого что значили драгонады въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, отъ котораго онъ предохранилъ Францію? Вѣроятно, Людовикъ былъ также очень радъ, что буйные протестанты бѣжали въ Англію, въ Голландію, въ Швейцарію: онъ отворялъ имъ широкія двери во всѣ стороны, чтобы избавить себя отъ новыхъ хлопотъ съ ними. Говорятъ, что они унесли съ собою въ другія страны великія богатства, и водворили въ Англіи мануфактурную промышленность, которая сдѣлалась основаніемъ ея могущества. Взглядъ слишкомъ тѣсный: нѣсколько человекъ не могутъ утвердить промышленности, когда нѣтъ для нея готовности въ народѣ: на камнѣ не вырастутъ ни какія плодотворныя семена. И неужели, въ самомъ дѣлѣ, для переселенія въ Англію собрались всѣ тѣ, кто былъ способенъ къ мануфактурной промышленности, а во Франціи не осталось такихъ людей? Совсѣмъ другія, историческія и мѣстныя причины способствовали развитію промышленности въ Англіи, и удерживали распространеніе ея во Франціи до нашихъ временъ.

Вообще, кажется, что въ Людовикѣ Четырнадцатомъ не различаютъ человекъ отъ государя и не прощаютъ королю личныхъ слабостей человекъ. Людовикъ Четырнадцатый можетъ быть названъ славнѣйшимъ изъ королей французскихъ, какъ основатель величія своего народа и новой системы государственной. Отдавая всю справедливость умнымъ его предшественникамъ, Людовику Одиннадцатому, Людовику Двѣнадцатому, и еще болѣе министрамъ Ришліе и Мазарини, нельзя однако жъ не видѣть, что Франція была государствомъ слабымъ, безнадѣжнымъ для будущаго, покуда Людовикъ Четырнадцатый не укрѣпилъ всѣхъ частей ея государственнаго состава. Онъ первый отвергнулъ мысль ввѣрять управленіе государству

одному министру; онъ умѣлъ избрать многихъ умныхъ министровъ и подчинилъ ихъ непосредственно своей волѣ; онъ не только заставилъ повиноваться себѣ безпрекословно, — заставилъ обожать себя, и проникъ своею волею во всѣ части государственнаго дѣла, такъ что Франція и король ея сдѣлались нераздѣльны. Послѣ этого оставалось только дѣйствовать, потому что уже ни что не останавливало хода государственной машины. Здѣсь, какъ человѣкъ, и даже не гениальный, подверженный многимъ слабостямъ, испорченный воспитаніемъ и жизнью, Людовикъ Четырнадцатый подвергается многимъ упрекамъ; но основная мысль его царствованія — сосредоточеніе власти, была такъ могущественна, что и при обыкновенномъ умѣ короля государство утвердилось, окрѣпло въ самыхъ бѣдствіяхъ своихъ и осталось непоколебимымъ послѣ всѣхъ испытаній.

Наконецъ, соображаютъ ли порицатели Людовика Четырнадцатаго современное ему состояніе Франціи и другихъ государствъ Европы? Вѣкъ былъ ужасный! Силы государственныя оставались въ борьбѣ, и королевская власть должна была бороться прежде всего съ вассалами, парламентами, общинами, и не имѣя хорошо устроенныхъ войскъ, часто по-необходимости уступала имъ. При такомъ положеніи дѣлъ внутри государства, могла ли Франція быть могущественною противъ другихъ народовъ? И такъ, прежде всего надобно было укрѣпиться внутри, чтобы поставить себя въ зависимое состояніе противъ сосѣдей. Предшественники Людовика уже приводили въ исполненіе эту мысль, но слабо, частно, и онъ наслѣдовалъ отъ нихъ тысячи затрудненій. Онъ принялъ иную систему, сдѣлалъ себя не только всевластнымъ повелителемъ, но какимъ-то мифологическимъ божествомъ, и самыми первыми дѣйствіями своими заставилъ убѣдиться въ непреклонности и неумолчности своей воли. Все склонилось, умолкло, и тогда обратилъ онъ особенное вниманіе на вѣшніа дѣла. Это былъ самый естественный и самый умный образъ дѣйствій, какой только можно было избрать въ его обстоятельствахъ.

Личный характеръ короля много способствовалъ его

уси́хамъ. Мы уже сказали, что онъ нечиталъ себя непогрѣшительнымъ, и оттого всякое противорѣчіе было для него несносно. Въ Запискахъ Сенъ-Симона есть тысяча доказательствъ этого, и самъ злоязычный авторъ этихъ Записокъ, столь гордый своею знатностью, едва не подвергся немилости, когда король услышалъ, что онъ осмѣливается судить о его поступкахъ. Онъ испросилъ наконецъ аудиенцію у короля, желая представить ему свои оправданія. — «Но вы, сударь, говорите обо мнѣ, порицаете!» сказалъ король. Сенъ-Симонъ сталъ извиняться, что какъ онъ ни остерегается, но иногда невольно вырвется какое-нибудь слово! — «Но, стало быть, вы говорите, судите о монахъ дѣлахъ!» возразилъ король и тѣмъ окончилъ аудиенцію, потому что никогда не могъ понять, чтобы его поступки могли подвергаться чьему-нибудь суду. Расинъ умеръ оттого, что король изъявилъ негодованіе, когда знаменитый трагикъ вздумалъ подать записку госпожѣ Ментенонъ о состояніи государства. Фенелонъ двадцать лѣтъ былъ въ изгнаніи не столько за свой кіетвизмъ, сколько за *Телемака*. Маршалъ Вобанъ, незабвенный основатель искусства защиты крѣпостей, осѣпанный почестями за свои великія услуги Франціи, подвергся немилости, когда написалъ книгу о налогѣ, и умеръ въ неутѣшной скорби, не могши перенести своего личнаго несчастія. Такими средствами долженъ былъ король убѣждать своихъ приближенныхъ, что они вполне зависятъ отъ него. Въ наше время это кажется даже непонятно; но оттого-то и ошибаются, что о прошедшемъ времени судятъ по настоящему. Когда Наполеонъ сдѣлался единовластителемъ Франціи, тогда никто не думалъ противорѣчить ему, потому что всѣ были убѣждены, что это нарушило бы общественный порядокъ. Но при началѣ царствованія Людовика, всякій маленькій маркизъ думалъ, что онъ можетъ подавать свои близорукіе совѣты, можетъ критиковать поступки правительства; нѣкоторыя сословія даже почитали это своею обязанностью, и надобна была громоносная воля Людовика Четырнадцатаго, чтобы заставить ихъ молчать. Какъ удивительно сообразенъ былъ съ обстоятельствами характеръ его, когда онъ самъ былъ глубоко убѣ-

ждень въ непреклонности своей воли. Кто убѣдилъ его въ томъ, какъ не собственный его геній? И, право, нельзя не удивляться, что умный историкъ, баронъ Барантъ, подсмѣивается надъ словами Людовика Четырнадцатаго, который говорилъ: «Я благосклонно приму истину, когда мнѣ представляютъ ее съ почтеніемъ».—Что жъ, видно онъ и истину почиталъ своею подданною и подвергалъ этикету? спрашиваетъ Барантъ. И развѣ можно наказывать истину, и за то, что она не довольно почтительно представлялась?—Какое ребячество! Людовикъ не отвергалъ истины, а хотѣлъ только сохраненія правилъ, установленныхъ имъ. Въ его положеніи, при его характерѣ и нельзя было поступать иначе, потому что соединивши въ себѣ одною всю власть, уничтоживши власть даже перваго министра, могъ ли онъ допустить, чтобы къ нему толпились со всѣмъ, что каждый почиталъ истинною? Если мы въ мелкихъ своихъ сношеніяхъ, слѣдуемъ правилу: *Le ton fait la musique*, то до какой степени долженъ былъ увеличить это правило Людовикъ Четырнадцатый, который почиталъ себя мифологическимъ божествомъ, избралъ девицомъ своимъ солнце, и довелъ этикетъ до такой степени, что, передъ своею смертію, въ постелѣ, занимаясь дѣлами, скрывалъ свои страданія, и говорилъ: «Короли не бываютъ больны». Онъ не хотѣлъ нзмѣнить своего величія и передъ всеильною смертію.

Намъ кажется, что никто не оцѣнилъ всей заслуги Людовика Четырнадцатаго лучше Шатобріана, выразившагося въ слѣдующихъ словахъ: «Людовикъ Четырнадцатый открылъ Франціи тайну ея силы; онъ доказалъ, что она можетъ смѣяться надъ вооруженіями противъ нея завидующей Европы. Одинъ разъ было у него осемь сотъ тысячъ челоуѣкъ подъ ружьемъ, одиннадцать тысячъ морскихъ солдатъ, сто шестьдесятъ тысячъ матросовъ, тысяча гардемариновъ (*élève de la marine*), сто девяносто осемь кораблей шестидесяти пушечныхъ и тридцать вооруженныхъ галеръ. Иностранцы, желавшіе унижить Францію, ей же были обязаны тѣмъ что они были. Въ Англии, въ Германіи, въ Италиі, въ Испаніи, вездѣ видите, что тамъ подражали указамъ Людовика Четырнадцатаго о судопроиз-

водствѣ, его уставамъ морскому и торговому, его приказамъ по арміи, его учрежденіямъ о благоустройствѣ городовъ и дорогъ; все, даже французскіе обычаи и нравы, все служило образцомъ для рабскаго подражанія. Иная страна хвастала своими общественными заведеніями, а идея для нихъ была взята изъ Франціи! У иностранцевъ недѣля было сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на что-нибудь заимствованное у Франціи».

Въ этихъ немногихъ строкахъ много правды. Особенно обычаи и образъ жизни, такъ же какъ и языкъ Французовъ, сдѣлались со времени Людовика Четырнадцатаго господствующими въ Европѣ. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, латинскій языкъ былъ замѣненъ французскимъ въ первый разъ во время многочисленныхъ переговоровъ, какіе происходили непрерывно въ царствованіе Людовика Четырнадцатаго. Собирался конгрессъ въ Раштадтѣ, въ Утрехтѣ, и—переговоры начинались на французскомъ, проекты, возраженія, ноты, все писалось на французскомъ языкѣ. Съ самыхъ первыхъ войнъ своихъ, Людовикъ ввелъ необычайную роскошь въ лагерную жизнь свою, и всѣ спутники его — а ими было почти все дворянство французское, составлявшее его военный дворъ — принуждены были подражать великому королю, разорялись отъ военной жизни, еще больше нежели отъ столичной, входили въ долги, но зато ослѣпляли чужеземцевъ своею роскошью, своими рыцарскими манерами и вѣжливостью, свойственною Французамъ. Въ дипломатическихъ сборищахъ являлось то же великолѣпіе. Во время нимвегенскаго конгресса, Людовикъ приказалъ своему уполномоченному истощить всю возможную роскошь и превзойти ея посланниковъ испанскихъ и нѣмецкихъ. Триста дорогихъ лошадей, раззолоченныя кареты съ венеціанскими стеклами, сотни кавалеровъ посольства, вотъ что отличало французскихъ уполномоченныхъ, которые на одни лѣвые расходы истрачивали по тридцати тысячъ экю въ недѣлю, кромѣ расходовъ тайныхъ. Мы уже упоминали о собственной роскоши короля и всего двора французскаго. Но это была роскошь не китайскаго императора, неимѣющая никакой цѣли, кромѣ удовлетворенія самолюбиваго чуж-

ства: Людовикъ покорилъ ея общественное мнѣніе, изумилъ иностранцевъ, и заставилъ ихъ подражать себѣ. Съ его времени французскій дворъ и всѣ его обычаи сдѣлались образцами для всѣхъ европейскихъ дворцовъ, а жизнь французскаго общества образцомъ для всего міра. Это составило новую силу Франціи, потому что она оправдывала свое неслыханное прежде великолѣпіе и на полѣ битвы, и въ дипломатическихъ сношеніяхъ, и во всемъ, гдѣ выражались государственныя силы ея. При дворѣ жалкаго потомка Моголовъ и теперь, каждый день по нѣскольکو разъ восклицаютъ придворные герольды, что «господинъ Моголь — величайшій и могущественнѣйшій изъ всѣхъ государей, что всѣ на землѣ повинуются ему!» а между-тѣмъ онъ на жаловань и почти подъ стражею у Англичанъ! Нѣтъ, Людовикъ Четырнадцатый имѣлъ много случаевъ доказать, что онъ дѣйствительно былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ въ Европѣ. При этомъ великолѣпіе, гордость его и всѣ прихоти первенства были необходимы въ его время, и онъ много выигралъ ими. Принявъ основаніемъ всѣхъ своихъ дѣйствій мысль, что въ немъ одномъ сосредоточена цѣлая Франція, онъ былъ великолѣпенъ и ослѣпительнъ уже не для себя, а для Франціи, и самое убѣжденіе его, искреннее и простодушное, что онъ выше другихъ смертныхъ не по положенію своему, а потому что онъ Людовикъ Четырнадцатый, король французскій, было естественнымъ слѣдствіемъ, логическимъ выводомъ его системы. Какъ же? Развѣ Франція не больше, не могущественнѣе, не выше всего, что могутъ представить частности ея, какъ бы ни были онѣ велики? А Людовикъ Четырнадцатый былъ олицетворенная Франція — *L'etat c'est moi*, говорилъ онъ безъ всякой гордости, безъ хвастовства, потому что говорилъ правду. Другіе государи приняли его систему и болѣе или менѣе подражали ему во всѣхъ подробностяхъ управленія, именно потому, что во всемъ этомъ была истина. Ложная система не могла бы выдержать такого развитія, какое придалъ ей Людовикъ Четырнадцатый.

При такомъ взглядѣ на Людовика, какъ смѣшны ка-

жуются воздыханія и сожалѣнія тѣхъ жалкихъ историковъ, которые исчисляють, что онъ не пощадилъ того-то, истратилъ много денегъ на то-то, былъ равнодушенъ при такомъ-то чувствительномъ случаѣ. Имъ хотѣлось бы, чтобы могущественный король французскій разыгрывалъ идиллію! Имъ жаль, что у большого отрѣзали руку, которая была поражена антоновымъ огнемъ! Жаль, что въ сраженіи угощали солдатъ картечью, а не конфетами и мороженымъ! Да, точно такого роду ихъ сожалѣнія. Имъ жаль бѣднаго Фарга! Но онъ былъ приверженецъ фронды, а фронда была зараженнымъ членъ Франціи. По-скорѣй отрѣжьте его, чтобы онъ не заразилъ цѣлаго организма. Людовикъ погубилъ много солдатъ; но онъ давалъ сраженія не для забавы, а для утвержденія своей идеи, а это идея упрочивала могущество и славу Франціи, и тутъ ужъ нельзя было экономничать ни людьми, ни деньгами. Противъ него выставили десятки, а онъ выставилъ сотни тысячъ человекъ, и замѣтите, онъ первый изъ европейскихъ государей довелъ армію до такой числительной силы, что Франція въ самомъ дѣлѣ стала грозною даже для цѣлой Европы. А этого-то, и хотѣлъ онъ! Что за бѣда, если были при томъ и неудачи?... Онъ пройдетъ, а идея могущества и неистощимости Франціи останется. Вотъ какъ разсуждалъ Людовикъ, и послѣ этого жалѣйте, что онъ тратилъ тысячи людей и бросалъ десятки милліоновъ франковъ для величія своей Франціи или, что было всё-равно, для собственнаго своего величія.

Не изъ частныхъ событій, не изъ отдѣльныхъ случаевъ выводятся заключенія историческія. Можно порицать въ Людовикѣ Четырнадцатомъ многое, какъ въ частномъ лицѣ; но какъ государь, какъ утвердитель единоначестія во Франціи, онъ достоинъ быть на ряду съ величайшими государями всѣхъ временъ. Общій выводъ его царствованія, продолжительнаго, богатаго событіями разнообразными, былъ — утвержденіе величія Франціи, шагъ на чреду первостепеннаго государства, развитіе могущества политическаго и еще больше нравственнаго. Если при этомъ упали и даже исчезли нѣкоторые элементы

прежней Франціи, то конечно потому, что въ нихъ не было жизни, или они уже не могли существовать приномомъ порядкомъ вещей. Если не-разъ Людовикъ подвергалъ и себя и Францію гибели, то это явленіе встрѣчается при утверженіи всѣхъ великихъ государствъ, съ тою разницею, что когда основная мысль, дѣйствующая при томъ, сообразна съ основными силами государственными, то всѣ испытанія и опасности еще больше способствуютъ утверженію ея, и государство выходитъ побѣдоноснымъ изъ всѣхъ испытаній и угрожавшихъ ему опасностей. Напротивъ, ни какой умъ, ни какой геній и ни какое могущество государства не спасутъ его отъ гибели, если приводится въ исполненіе мысль несообразная съ вѣкомъ и положеніемъ вещей. Петръ Великій не погибъ послѣ нарвской битвы, вышелъ счастливо изъ тяжкаго положенія своего при Прутѣ; Фридрихъ Великій утвердилъ могущество своего государства послѣ всѣхъ бѣдствій Семилѣтней Войны; напротивъ, Наполеонъ, при самомъ страшномъ развитіи своихъ силъ, безпрестанно больше и больше приближался къ неизбѣжной своей гибели. Объясненіе этихъ разительныхъ явленій совершенно примѣняется и къ Людовику Четырнадцатому: онъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ тяжелыхъ испытаній своихъ, потому что основная мысль всѣхъ дѣйствій его была истинна и выведена инстинктомъ генія изъ современнаго состоянія Франціи.

Любопытнѣе и забавнѣе всего, что историки прославили Людовика за то, чего онъ не сдѣлалъ, или чего не было въ немъ, и порицали именно за то, что было въ немъ великаго и къ чему направлены были всѣ другія его дѣйствія. Его почитали какимъ-то исключительнымъ покровителемъ учености и литературы, когда онъ почти убилъ во Франціи всякую ученость и если приближалъ кого изъ литераторовъ къ своему Двору то смотрѣлъ на него просто какъ на средство къ достиженію какой-либо цѣли. Малѣйшая самобытность навлекла на себя гнѣвъ его, то есть совершенное уничтоженіе того дерзкаго, который осмѣливался мыслить и чувствовать иначе нежели ему приказывали! Въ общей системѣ Людовика это было прекрасно и не могло

быть иначе, потому что при началѣ его царствованія почти все литераторы принадлежали къ партіи Фронды, а ему прежде всего надобно было задуть эту гадю. Но иди въ немъ покровителя наукъ и литературы, заблужденіе, которое могъ допустить только Вольтеръ, лежавшій у ногъ госпожи Помпадуръ!.... Только съ такимъ же основаніемъ удивляются Людовику Четырнадцатому какъ полководцу, когда онъ не имѣлъ даже склонности къ военнымъ занятіямъ и смотрѣлъ на войну какъ на необходимое зло, предоставляя дѣйствовать своимъ генераламъ. Онъ велъ много войнъ, полководцы его брали много городовъ, областей, и, наконецъ, Буало жаловался, что онъ завоевываетъ такіе города, которыхъ имѣть не можетъ и выговорить господинъ придворный поэтъ. На такихъ-то вздорныхъ похвалахъ была основана военная слава Людовика Четырнадцатаго!.... Зато его порицали, что онъ былъ нечувствителенъ, роскошенъ, неумолимъ и непоколебимъ въ исполненіи принятыхъ намѣреній, словомъ, что онъ сдѣлалъ девизомъ своимъ солнце и выражалъ всю систему свою немногими словами: *L'état c'est moi!*... Но въ этихъ словахъ выражалось все могущество его системы, вся сила, которую развила онъ съ такою твердостью и поддерживалъ съ такимъ постоянствомъ. Въ несчастіяхъ и гибельныхъ положеніяхъ онъ показывалъ величіе своего характера, и, вышедши побѣдоноснымъ изъ всѣхъ опасностей, заслужилъ имя великаго государя.

Ж. П.

=

О ПРЕКРАСНОМЪ

И ОБЪ ИСКУССТВЪ.

=

СТАТЬЯ ВИКТОГА КУЗНА.

=

Часто случается, что мы, при обстоятельствахъ очень разнообразныхъ, смотря на какой-нибудь предметъ, произносимъ слѣдующее сужденіе: это прекрасно. Такое утвержденіе не всегда бываетъ выражаемо ясно. Иногда мы обнаруживаемъ его крикомъ удивленія; иногда оно безмолвно возстаетъ въ нашемъ умѣ, который едва имѣетъ объ немъ сознаніе. Формы этого феномена разнообразны до безконечности, но существованіе самаго явленія доказывается наблюденіемъ самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ образомъ; всѣ языки свидѣтельствуютъ это.

Хотя у бѣльшей части людей чувственные предметы чаще всего вызываютъ сужденіе о прекрасномъ, однако жъ не одни они имѣютъ это преимущество; область прекраснаго гораздо обширнѣе, нежели міръ физическій, представляющійся нашему взору; границы его — дѣлая при-

рода, душа и гений челоуѣка. Чувство прекраснаго возна-
касть въ насъ при воззрѣнн на благородный поступокъ,
при воспоминанн о геройскомъ самопожертвованн, даже
при мысли о самыхъ отвлеченныхъ истинахъ, которы
соединяются между собою въ системѣ, поражающей своею
простотою и плодотворностю. Мы понимаемъ ясно, что
всѣ эти предметы, какъ они ни разнообразны, имѣютъ
одно общее свойство, о которомъ мы судимъ, и это-то
свойство мы называемъ — прекраснымъ.

Напрасно старались доказать, что прекрасное не что
иное какъ прнятное. Безъ-сомнѣнн, красота прнятна для
чувствъ, по-крайней-мѣрѣ она не должна оскорблять ихъ.
Большую часть нашихъ понятнй о прекрасномъ мы полу-
чаемъ посредствомъ зрѣнн и слуху, и во всѣхъ искуствъ,
безъ исключенн, эти понятня доходятъ до души черезъ
тѣло. Какова бы ни была красота предмета, если онъ произ-
водитъ въ насъ ощущение страданн, рѣдко кажется намъ
прекраснымъ. Красота не дѣйствуетъ на душу, занятую
горемъ.

Но изъ того только, что прнятное ощущение часто со-
провождаетъ идею о прекрасномъ не должно заключать
чтобы одно составляло другое.

Опытъ показываетъ, что прнятные предметы не всегда
кажутся намъ прекрасными, и что между прнятными пред-
метами именно самые прнятные вовсе не бываютъ самы-
ми прекрасными: доказательство, что прекрасное — не
то же, что прнятное; потому что если то и другое — одно,
въ такомъ случаѣ они должны быть пропорціональны
другъ другу, и не могутъ быть отдѣлены одинъ отъ
другаго.

Между-тѣмъ какъ всѣ наши чувства доставляютъ намъ
ощущенн прнятнаго, только два изъ нихъ способны про-
буждать въ насъ идею о красотѣ. Скажетъ ли кто-нибудь:
сколько красоты во вкусѣ этого предмета; сколько красо-
ты въ этомъ запахѣ? Однакожъ мы могли бы сказать это,
если бъ прекрасное было не что иное, какъ прнятное. Съ
другой стороны, ощущенн, производимыя въ насъ обоня-
ннемъ и вкусомъ, часто потрясаютъ нашу чувственность
несравненно сильнѣе, нежели самыя высокня красоты въ

природѣ или искусствахъ. Сверхъ-того, въ ощущеніи, доставляемыхъ зрѣніемъ и слухомъ, самыя сильныя не всегда возбуждаютъ въ насъ идею о прекрасномъ. Картины очевъ посредственнаго колориту, напримѣръ, картины Лессюера, не трогаютъ ли насъ глубже чѣмъ созданія болѣе поразительныя, болѣе привлекательныя для глазъ, но менѣе трогающія сердце? Скажемъ болѣе: пріятное ощущение не только не производитъ въ насъ идею красоты, напротивъ, иногда убиваетъ ее. Артистъ, который находитъ удовольствіе воспроизводить сладострастныя формы, можетъ понравиться чувствамъ; но онъ тревожитъ, смущаетъ въ насъ цѣломудренную, чистую идею о прекрасномъ. Пріятное, слѣдовательно, не можетъ служить мѣриломъ красоты; потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно уничтожаетъ ее, заставляетъ забывать ее; по этому пріятное не прекрасное, потому что находится и, въ высшей степени, тамъ, гдѣ нѣтъ прекраснаго.

Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе о существенной разницѣ между идеею о прекрасномъ и ощущеніемъ пріятнаго, или лучше, о разницѣ между чувственностью и разумомъ.

Когда вамъ нравится какой-нибудь предметъ, и у васъ спрашиваютъ причину этому, вы можете отвѣчать только, что таково ощущеніе, которое существуетъ въ васъ въ эту минуту. Если вамъ скажутъ, что тотъ же самый предметъ производитъ на другихъ противное впечатлѣніе, вы этому нисколько не удивляетесь: вы знаете, что чувствительность различна, и что о вкусахъ не должно спорить. То ли происходитъ, если предметъ не только вамъ нравится, но еще кажется вамъ прекраснымъ? Когда, напримѣръ, вы говорите: эта фигура прекрасна и благородна, это восхождение или захождение солнца прекрасно, это самопожертвованіе, это самоотверженіе—прекрасны, что доблесть прекрасна, и другіе стануть опровергать ваше мнѣніе, тогда вы перестаете быть уступчивымъ, какъ были нѣсколько минутъ тому назадъ; разницу во мнѣніяхъ вы не признаете уже за неизбѣжное слѣдствіе разницы чувствительности; вы не обращаетесь уже къ суду вашей собственной чувствительности, естественнымъ образомъ о-

граничивающейся самымъ вами, но отдается на судъ того, что составляетъ принадлежность и вашу и другихъ,—на судъ разума. Вы считаете себя въ правѣ обвинять вашего противника въ заблужденіи; потому что въ этомъ случаѣ ваше сужденіе не опирается на вещи измѣнчивой или видуальной, какъ ощущеніе пріятнаго или непріятнаго. Пріятное заключено въ границы нашей собственной организаціи, гдѣ оно каждую минуту подвергается различнымъ измѣненіямъ, сообразно непрерывнымъ переѣнамъ, которыя совершаются въ организмѣ, сообразно здоровью или болѣзни, состоянію атмосферы, нашихъ нервовъ и тому подобнаго. Относительно прекраснаго это бываетъ иначе.

Прекрасное, какъ истина, не принадлежитъ никому изъ насъ исключительно: это общее благо, общее достояніе человѣчества; никто не имѣетъ права располагать имъ по своему произволу; и когда мы говоримъ: это истинно, это прекрасно, мы выражаемъ уже не частное и измѣнчивое ощущеніе нашей чувствительности, а рѣшительный приговоръ, который разумъ внушаетъ всѣмъ людямъ.

Допустите, что разумъ и чувствительность одно и то же; согласитесь, что идея красоты то же, что ощущеніе пріятнаго,—для вкуса перестаютъ существовать законы, разница между хорошимъ и дурнымъ вкусомъ уничтожается. Если мнѣ не нравится Аполлонъ Бельведерскій, вы говорите, что у меня нѣтъ вкуса. Что это значитъ? развѣ у меня не такія же чувства, какъ у васъ? развѣ предметъ вашего удивленія не дѣйствуетъ на васъ такъ же какъ и на меня? развѣ впечатлѣніе, которое я ощущаю, не такъ же дѣйствительно, какъ то, которое ощущаете вы? Почему жъ вы, которые выражаете только ваше ощущеніе,—правы, а не правъ я, который дѣлаю то же самое? Развѣ число тѣхъ, которые думаютъ одинаково съ вами, больше числа раздѣляющихъ мое мнѣніе? Но число голосовъ тутъ ничего не значитъ. Допуская, что прекрасное — то, что производитъ на чувства пріятное впечатлѣніе, мы должны допустить также, что данная вещь, если она нравится хоть одному человеку, несмотря что казалась бы отвратительною всему

человѣчеству, имѣеть неоспоримое, законное право быть названа прекрасною тѣмъ, на кого она производитъ пріятное впечатлѣніе, потому что относительно его, она удовлетворяеть опредѣленію. Послѣ этого истинная, неоспоримая красота не существуетъ; — мы должны довольствоваться относительными и измѣнчивыми, красотами случайными, зависящими отъ привычекъ, моды и тому подобнаго; и всѣ эти роды красоты, какъ бы они ни были различны, будутъ имѣть полное право на это названіе, если найдется хоть одно чувствительное лицо, которому онѣ понравятся. А какъ въ этомъ мірѣ, при безковечномъ разнообразіи нашихъ наклонностей, нѣтъ такой вещи, которая не могла бы кому-нибудь не понравиться, то не будетъ уже ничего непрекраснаго или, лучше сказать, мы не будемъ имѣть ни прекраснаго, ни некрасиваго, и Венера готтентотская сравнится въ красотѣ съ Веперою Медицейскою. Нелѣпность слѣдствія доказываетъ нелѣпность начала. Единственное средство не прійти къ такому нелѣпному заключенію, — отказаться отъ основанія, и, признать, что чувство прекраснаго — чувство независимое, и, слѣдовательно, кореннымъ образомъ отличное отъ чувствованія.

Наконецъ вотъ послѣдній камень преткновенія, о который разбивается философія, признающая чувства основнымъ началомъ всѣхъ нашихъ идей: — развѣ мы не ощущаемъ ясно, что на шандея о прекрасномъ, — не совершенная и не полная, и что въ то время, когда стоимъ въ восторгѣ передъ истинными красотами, представляющимися намъ въ природѣ, развѣ мы не возвышаемся до идеи о красотѣ высшей, которую Платонъ называетъ идеею о красотѣ по преимуществу, и которую, какъ онъ думаетъ, всѣ люди со вкусомъ, всѣ художники — называютъ красою идеальною. Мы допускаемъ въ вещахъ степени красоты, потому что сравниваемъ ихъ, часто сами того не зная, съ этимъ идеаломъ, который для нашихъ сужденій о красотахъ частныхъ составляетъ мѣрило и правило. Какъ можно допустить, чтобы чувствительность, способность измѣнчивая и относительная, подобно предметамъ, которые на нее дѣйствуютъ, могла сообщить намъ идею о красотѣ безу-

словной, кроющейся во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ о прекрасномъ, о той идеальной красотѣ, которую мы не можемъ осуществить, но существованія которой мы не можемъ не признавать внутренно.

Объявивъ такимъ образомъ существенную разницу между прекраснымъ и пріятнымъ, мы можемъ обратиться къ явленію другаго рода, соединенному съ идеею красоты такими тѣсными узами, что самыя лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ часто принимали ихъ одно за другое.

Вы вѣрно согласитесь, что въ то время, когда вы говорите, что такой-то предметъ прекрасенъ, вы чувствуете его красоту, то есть, при видѣ его, ощущаете очаровательное душевное движеніе, и увлекаетесь къ этому предмету чувствомъ симпатіи и любви. Въ противномъ случаѣ, вы судите иначе и ощущаете противоположное ощущеніе. Отвращеніе сопровождается сужденіемъ о безобразномъ, какъ любовь—сужденіемъ о прекрасномъ.

Чѣмъ красивѣе предметъ, тѣмъ живѣе наслажденіе, доставляемое имъ душѣ, и тѣмъ глубже любовь, которая однако жъ не становится страстною. Въ удивленіи всегда господствуетъ сужденіе, но одушевляемое чувствомъ. Когда удивленіе доходитъ до такой степени, что приводитъ душу въ движеніе, даетъ ей такую живость, которая, кажется, выходитъ изъ границъ человѣческой природы, тогда эта высшая степень удивленія и любви становится энтузіазмомъ.

Чувственная философія не можетъ объяснить чувства, какъ идея прекраснаго, иначе, какъ искажая его: она свѣшиваетъ его съ ощущеніемъ пріятнаго, и, слѣдовательно, для нея любовь къ прекрасному не что иное, какъ желаніе. Нѣтъ теоріи, которой бы противорѣчило такое множество фактовъ.

Во-первыхъ, глубокое душевное движеніе, соединенное съ понятіемъ красоты, отличается отъ ощущенія пріятнаго тѣмъ уже, что это движеніе слѣдуетъ за сужденіемъ о красотѣ, между-тѣмъ, какъ ощущеніе ему предшествуетъ.

Во-вторыхъ, что такое желаніе? Движеніе души, котораго цѣль, прямая или скрытая,—обладаніе своимъ пред-

нотомъ. Не въ чувствѣ прекраснаго нѣтъ ни малѣйшаго слѣда стремленія къ обладанію. Удивленіе, по своей сущности нечуждительно; главная цѣль желанія — осквернить предметъ свой.

Желаніе — дѣла нужды. Въ томъ, кто желаетъ, необходимо должно предполагать какой-нибудь недостатокъ, какое-нибудь несовершенство, даже въ нѣкоторой степени страданіе. Чувство прекраснаго находитъ удовлетвореніе въ самомъ себѣ.

Желаніе — чувство пылкое, горячее, болѣзненное. Чувство прекраснаго, свободное отъ всякаго желанія и въ то же время не тревожимое ни какимъ страхомъ, возвышаетъ и согрѣваетъ душу и можетъ довести ее до энтузіазма, не сообщая ей даже понятія о тревоженіяхъ страсти. Артистъ видитъ прекрасное тамъ, гдѣ человѣкъ чувственный замѣчаетъ только привлекательное или ужасное. На кораблѣ, вздымаемомъ бурей, когда путники трепещутъ при видѣ яростныхъ волнъ, и когда громъ гремитъ надъ ихъ головою, художникъ остается спокойнымъ, погруженный въ созерцаніе величественной картины. Вернѣ приказалъ привязать себя къ мачтѣ, чтобъ имѣть возможность болѣе созерцать бурю въ ея величественной и грозной красотѣ. Артистъ исчезаетъ, лишь-только въ немъ появляются первые признаки страха, лишь-только онъ начинаетъ раздѣлять общее волненіе: остается человѣкъ.

Между чувствомъ прекраснаго и желаніемъ такъ мало общаго, что одно исключаетъ другое.

Возьмите простой примѣръ. Передъ столомъ, уставленнымъ лакомыми блюдами и вкусными винами, пробуждается желаніе наслажденія, но не чувство прекраснаго. Предположимъ теперь, что вмѣсто-того чтобы думать объ удовольствіи, которое мнѣ обѣщаютъ предметы, разставленные передъ моими глазами, я стану смотрѣть только на разстановку блюдъ на столѣ и на устройство пира: во мнѣ можетъ родиться въ нѣкоторой степени чувство прекраснаго; но въ такомъ случаѣ — это не будетъ ни нужда, ни желаніе присвоить себѣ эту симметрію, это устройство.

Существенное качество красоты состоитъ не въ томъ, чтобъ воспламенять и раздражать желаніе, а очищать и

облагороживать его. Чѣмъ больше женщина отличается красотой, но не тою обыкновенною, грубою красотою, которую Рубенсъ напрасно хотѣлъ одушевить своимъ блистательнымъ колоритомъ, а красотою идеальною, которую знали только древніе в двѣ школы римская и флорентинская, тѣмъ болѣе, при видѣ этого благороднаго созданія, желаніе умѣряется чувствомъ изящнымъ и скромнымъ. Если Венера Капитолійская возбуждаетъ въ васъ чувственныя желанія, значитъ, что вы не созданы для того чтобъ понимать прекрасное.

Слѣдовательно, чувство прекраснаго — чувство отдѣльное, какъ идея красоты, идея простая. Спрашивается однако жъ, это чувство, единое само по себѣ, неужели обнаруживается только подъ одною формою, и можетъ относиться только къ одному роду красоты? Для разрѣшенія этого вопросу, обратимся къ опыту.

Когда вы смотрите на какой-нибудь предметъ, котораго частности обозначены совершенно ясно, и цѣлое можетъ легко быть обнято взоромъ, наприкладъ, прекрасный цвѣтокъ, прекрасная статуя, древній храмъ умѣренной величины, тогда каждая изъ вашихъ способностей устремляется на этотъ предметъ и наслаждается имъ съ чистымъ удовольствіемъ; ваши чувства легко схватываютъ всѣ подробности; вашъ умъ постигаетъ счастливую гармонію всѣхъ частей. Предметъ этотъ исчезаетъ, но вы ясно представляете его себѣ въ цѣломъ, такъ формы его отчетливы и правильны. Смотря на него, душа радуется тихо и безмятежно; вы находитесь въ нѣкотораго рода веселомъ расположеніи духа.

Смотрите, напротивъ, на предметъ, котораго формы не ясно обозначены и неопредѣленны, но который однако жъ прекрасенъ; впечатлѣніе, производимое имъ, будетъ тоже удовольствіе, по удовольствію совсѣмъ другаго рода. Ваши чувства не могутъ обнять этого предмету; умъ понимаетъ его, но чувства и воображеніе напрасно стараются достигнуть послѣднихъ его предѣловъ: ваши способности увеличиваются, раздуваются, такъ сказать, по онъ ускользаетъ отъ нихъ и остается безконечно болѣе. Удовольствіе, кото-

рое вы ощущаете, зависитъ отъ громадности самого предмета; но эта громадность поражаетъ въ васъ какое-то меланхолическое ощущеніе, потому что она несоразмѣрна съ вами. При видѣ неба, усѣяннаго мириадами звѣздъ, безконечнаго пространства океана, гигантскихъ горъ,—къ изумленію присоединяется грусть. И это потому что эти предметы въ сущности ограниченные, какъ самъ мѣръ, кажутся безконечными намъ, которые не можемъ постигнуть ихъ безконечности. Подобные тому, что въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ границъ, они поражаютъ въ насъ идею о безконечномъ, идею, которая возвышаетъ нашъ разумъ, и въ то же время смущаетъ его. Чувство, рождающееся въ насъ въ это время есть удовольствіе строгое.

Вотъ два чувства совершенно различныя. Поэтому-то и дали имъ различныя названія; первое названо чувствомъ прекраснаго, второе чувствомъ высокаго.

Для постиженія прекраснаго, кромѣ сужденія и чувства, необходима еще одна способность, которая одушевляетъ и животворитъ ихъ, — воображеніе.

Ощущеніе, сужденіе и чувства возбужденныя во мнѣ однажды какимъ-нибудь внѣшнимъ предметомъ, могутъ возобновиться во мнѣ и во время отсутствія этого предмета; это — память.

Память—двоякая: я, припоминая себѣ не только то, что я находился передъ такимъ-то предметомъ, что возбуждаетъ во мнѣ идею о прошедшемъ; но еще представляю себѣ этотъ отсутствующій предметъ, какимъ онъ былъ, какимъ я его видѣлъ, какое онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, какъ я объ немъ судилъ: воспоминаніе становится уже образомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, память называется памятью образовъ. Это уже составляетъ основу воображенія; но воображеніе — нѣчто болѣе.

Умъ, обращаясь на образы, доставляемые памятью, разлагаетъ ихъ, находитъ въ нихъ различныя черты, составляетъ изъ нихъ новыя сочетанія и новые образы. Безъ этой новой способности, воображеніе осталось бы на вѣки во власти памяти, между-тѣмъ какъ оно должно по своему произволу располагать прошедшимъ и будущимъ, дѣйствительно существующимъ и возможнымъ.

Даръ живо ощущать предметы, воспроизводить ихъ нечелювчїе образы и сила измѣнять ихъ для составленїя изъ нихъ новыхъ образовъ, источаютъ ли то, что мы называемъ воображенїемъ? Нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, если они дѣйствительно основныя начала воображенїя, то необходимо чтобы къ нимъ присоединилось еще что-нибудь, которое бы ихъ оплодотворило, именно чувство прекраснаго во всѣхъ родахъ. Въ этомъ-то горнилѣ зажигается и поддерживается воображеніе высшаго рода. Чтобъ написать Горация, достаточно ли было Корнелю прочитать Тита-Ливїа, живо представить себѣ нѣсколько сценъ, схватить главнѣйшія черты, и счастливо сочетать ихъ? Нѣтъ! Кромя чувства, любви къ прекрасному, и прекрасному нравственному, ему нужно было имѣть еще и высокую душу, изъ глубины которой вылились слова старика Горация.

Теперь понятно, почему нельзя ограничить воображенїя собственно такъ называемыми образами и идеями, относящимися къ предметамъ вещественнымъ, чего бы по-видимому требовало самое слово. Припоминать себѣ звуки, дѣлать изъ нихъ выборъ, составлять изъ нихъ сочетанїя для произведенїя новыхъ характеровъ, развѣ это не воображенїе? Между-тѣмъ звуки не образы. У истиннаго музыканта нисколько не менѣе воображенїя, чѣмъ и у живописца. Допуская въ поэтѣ воображенїе, когда онъ списываетъ образы природы, неужели мы откажемъ ему въ этой способности, когда онъ описываетъ намъ чувства? Но кромя образовъ и чувствъ, поэтъ развѣ не дѣлаетъ употребленїя изъ высокыхъ идей о справедливости, истинѣ, добродѣтели, однимъ словомъ, изъ всѣхъ нравственныхъ идей? Неужели кто-нибудь рѣшится сказать, что въ этихъ нравственныхъ картинахъ, исполненныхъ жизни, души, граціи и энергїи, нѣтъ воображенїя!

Вы видите, какъ обширна область воображенїя; ему нѣтъ границъ. Отличительный характеръ воображенїя сильно потрясать душу, въ присутствїи прекраснаго предмета, и потрясать ее еще сильнѣе при одномъ воспоминанїи, или даже при идеѣ о предметѣ воображаемомъ. Воображенїе узнается потому, что оно производитъ свои представленїя такое же впечатлѣніе, и даже впечатлѣніе

болѣе сильное, нежели природа посредствомъ предметовъ вещественныхъ. Если красота отсутствующая, или порождаемая вашею мечтою, не дѣйствуетъ столько же, и даже болѣе, какъ красота предстоящая, — вы можете имѣть тысячу другихъ даровъ, но не имѣете воображенія.

Въ глазахъ воображенія, міръ дѣйствительный не имѣетъ прелестей его вымысловъ. Мы чувствуемъ, что воображеніе становится нашимъ владыкою, но скучъ, которую производятъ въ насъ предметы вещественные и предстоящіе. Призраки воображенія имѣютъ нѣчто неопредѣленное, какую-то недоконченность формъ, которыя тревожатъ душу въ тысячу разъ сильнѣе нежели отчетливость и ясность впечатлѣній дѣйствительныхъ. Сверхъ-того, если только мы не сумасшедшіе, а страсть рѣдко оказываетъ намъ эту услугу, трудно видѣть природу иною, нежели какова она есть, те есть, совершенною. Изъ образа, напротивъ, вы дѣлаете что угодно, украшаете его безъ сознанія, преобразуете его по своему произволу. Въ глубинѣ человѣческой души есть безконечная сила чувствовать и любить, сила, на призывы которой не можетъ отвѣчать цѣлый міръ, не только одно изъ его созданій, какъ-бы прекрасно оно ни было. Ни какая смертная красота не достаточна для этой силы, которую она раздражаетъ, не удовлетворяя ей; но вдали недостатки исчезаютъ, или слабѣютъ; оттѣнки смѣшиваются и уничтожаются въ полу-свѣтъ воспоминанія и мечтаній; предметы правятся больше потому что ихъ очерки становятся менѣе опредѣлительны. Отличительный признакъ людей съ воображеніемъ тотъ, что они представляютъ себя людей и вещи иначе нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ, и тотъ что они страстно привязываются къ образамъ фантастическимъ. Такъ называемые, положительными, люди, — люди безъ воображенія, понимающіе только то, что видятъ, и довольствующіеся вещественною природою, въ томъ видѣ въ какомъ она есть, нисколько не измѣняя ея. У нихъ вообще больше разсудка, чѣмъ чувствительности; больше разсчетливости нежели увлеченія. Они могутъ быть истинно честными людьми; но никогда не будутъ ни художниками, ни поэтами. Чтобъ быть артистомъ или поэтомъ, нужно, кромѣ здраваго смысла и разсудка, безъ ко-

торыхъ все ничтожно, имѣть—чувствительное и даже раздражительное сердце, но въ-особенности живое, могучее воображеніе.

Если чувство дѣйствуетъ на воображеніе, то воображеніе въ свою очередь не остается у него въ долгу и платитъ съ лихвою.

Эту частую и пламенную страсть къ прекрасному, это обожаніе красоты, безъ чего нѣтъ артиста, мы встрѣчаемъ только у людей съ воображеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ изъ насъ можетъ пробудиться чувство прекраснаго въ то время, когда передъ нами находится какой-нибудь прекрасный предметъ; но если этотъ предметъ исчезнетъ изъ нашихъ глазъ, не оставивъ въ насъ рѣзко очерченнаго образа, чувство, возбужденное имъ на мгновеніе, мало по малу уничтожится: оно можетъ пробудиться снова при видѣ другаго предмета, но, чтобъ угаснуть вновь, чтобъ умереть для новаго случайнаго возрожденія. Не находя себѣ пищи, и возбужденія въ непрерывномъ, живомъ и постоянномъ воспроизведеніи своего предмета въ воображеніи, чувство изящнаго теряетъ ту силу вдохновенія, безъ которой не можетъ быть ни артиста, ни поэта.

Еще слово объ одной способности, но способности не простой, а составленной изъ смѣшенія способностей, о которыхъ мы сейчасъ говорили, именно о вкусѣ, о вкусѣ, на который такъ нападаютъ, и который всѣ теоріи, безъ всякихъ основаній, заключаютъ въ чрезвычайно тѣсныя границы.

Если, выслушавъ какое-нибудь поэтическое или музыкальное произведеніе, налюбовавшись на какую-нибудь статую или картину, вы можете еще живо представить себѣ, то, что ощутили ваши чувства, увидѣть отсутствующую картину, услышать звуки, которые уже не раздаются, однимъ словомъ, если у васъ есть воображеніе, то вы облада естественными условіями, безъ которыхъ не можетъ быть истиннаго вкуса. Чтобъ постигать красоту созданную воображеніемъ, не нужно ли самимъ имѣть его? Можно ли понимать автора, если вы на него сколько-нибудь не похожи. Человѣкъ умный, но сухой и строгій, каковъ былъ

ле Батте или Кондильякъ, останется нечувствительнымъ къ самымъ сильнымъ порывамъ генія, въ его критикѣ вы всегда замѣтите неумѣстную строгость, и недостатокъ основательности, потому что онъ не понимаетъ всѣхъ сторонъ человѣческой природы, и неизвинительную нетерпимость, которая уродуетъ и лишаетъ жизни искусство, думая, что очищаетъ его.

Если вы не живо представляете себѣ прекрасные предметы, — вы никогда не будете правильно судить объ нихъ; но, съ другой стороны, чтобъ судить — недовольно обладать этою способностью представленія. Сверхъ-того живость воображенія, столь драгоценная для вкусу, пока вы удерживаете се въ границахъ умѣренности, можетъ сдѣлать вкусъ неправильнымъ, потому что не имѣя въ основаніи разсудка, онъ не отдаетъ себѣ отчету въ томъ, что ему нравится, и подвергается опасности дурно понять красоту самую высокую, красоту правильную. Онъ никогда не пойметъ вполнѣ единства мысли въ положеніяхъ, гармоніи въ частяхъ, правильной пропорціи въ подробностяхъ, искуснаго сочетанія эффектовъ, выбору, воздержности, умѣренности. Воображеніе составляетъ важное условіе въ созданіяхъ воображенія, но всё-таки оно еще не все. Что дѣлаетъ «Аталію», «Мизантропа» безподобными; неужели одно воображеніе? Развѣ въ чрезвычайной простотѣ плану, въ обдуманной постепенности съ которою развито дѣйствіе, въ выдержанной истинѣ знаменитыхъ характеровъ вы не видите высокаго ума, совершенно отличнаго отъ воображенія, которое доставало краски, и изъ чувствительности, которая дала страсть?

Кромѣ воображенія и ума, человѣкъ со вкусомъ долженъ еще обладать чувствительностью и любовью къ прекрасному. Надобно чтобъ онъ находилъ наслажденіе встрѣчать его, искалъ его, призывалъ его. Понимать и доказывать что вещь не хороша — удовольствіе жалкое, занятіе благодарное; но умѣть отличать прекрасное, проникаться имъ, выставить его на видъ, поселять къ нему такое же чувство въ другихъ — наслажденіе высокое, и благородное. Удивленіе, для того кто ощущаетъ его, — честь и благополучіе. Чувствовать глубоко прекрасное — счастье; умѣть отличать

его—честь. Удивленіе—признакъ ума возвышеннаго, дѣствующаго за-одно съ благороднымъ сердцемъ. Оно выше мелочной, спелтической, безсильной критики, но оно—лучша критики высокой, критики плодотворной; оно—лучшая сторона вкуса.

Изучивъ такимъ образомъ прекрасное въ насъ самихъ и въ способностяхъ которыя ощущаютъ его и дѣлаютъ ему оцѣнку, то есть, въ разумъ, чувствъ, воображеніи и вкусъ, мы можемъ перейти ко второму вопросу: Что же такое прекрасное въ предметахъ внѣшнихъ? Наши изслѣдованія прекраснаго были бы неполны, если бъ мы не анализировали прекрасное въ немъ самомъ, въ его характерахъ, его видахъ, его началъ.

Исторія философіи представляетъ намъ множество теорій о сущности прекраснаго; излишне было бы исчислять ихъ всѣ, мы укажемъ на самыя важныя *.

Самая грубая теорія та, которая считаетъ прекраснымъ то, что нравится чувствамъ, что доставляетъ имъ пріятное впечатлѣніе. Мы не станемъ разсматривать этого мнѣнія; мы достаточно опровергли его, доказавъ, что идею прекраснаго невозможно привести къ ощущенію пріятнаго.

Болѣе утонченный эмпиризмъ замѣняетъ пріятное полезнымъ, то есть, основному началу даетъ другую форму. По этой теоріи прекрасное не то, что доставляетъ намъ въ настоящую минуту пріятное впечатлѣніе; это предметъ, который можетъ доставлять часто или это же самое ощущеніе, или ощущенія подобныя. Для убѣжденія себя въ томъ, что между полезнымъ и прекраснымъ нѣтъ ничего общаго, нѣтъ нужды въ излишнемъ напряженіи разсудка и наблюдательности. Полезное не всегда прекрасно; прекрасное не всегда полезно; то, что въ одно и то же

(*) Кому угодно познакомиться съ простымъ и остроумнымъ опроверженіемъ ложныхъ теорій о красотѣ, написанныхъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, тотъ можетъ прочесть *близкася Платона*. Федръ заключаетъ въ себѣ нѣсколько темное изложеніе теорій Платона; но развитіе платонической мысли въ самомъ превосходномъ ея развитіи, облеченной всею прасотою человеческого слова, должно искать въ *Пиромъ* и особенно въ разговорѣ Диотимія.

время полезно и прекрасно, прекрасно совѣшь по своей причинѣ, нежели по своей полезности. Посмотрите на рычагъ, на вѣроть. Что можетъ быть ихъ полезнѣе. Между тѣмъ вы вѣрно не скажете чтобъ это были прекрасные предметы. Но вы отрываете изъ земли древнюю вазу, чудесной работы, и говорите, что она прекрасна, не забываясь отыскивать къ чему она можетъ быть вамъ полезна. Наконецъ, симметрия и порядокъ — вещи прекрасныя, въ то же время они полезны, потому что съ одной стороны сберегаютъ мѣсто, а съ другой, что между предметами, расположенными симметрически легче отыскать тотъ, который нуженъ; но не въ этомъ состоитъ красота симметрии, потому что мы съ перваго взгляду схватываемъ этотъ родъ красоты, и часто, очень долго спустя, понимаемъ пользу, которую она приноситъ. Иногда даже налюбовавшись на красоту предмета, мы не можемъ понять его назначенія, хотя онъ, вѣроятно, имѣетъ его. Полезное, слѣдовательно, совершенно отлично отъ прекраснаго, и во все не есть его основаніе.

Одна знаменитая и древняя теорія поставляетъ красоту въ совершенной соотвѣтственности способу своей цѣли. Здѣсь прекрасное перестаетъ быть полезнымъ: оно становится приличнымъ. Но между двумя этими идеями большая разница: машина даетъ превосходные результаты, экономію во времени, въ работѣ и прочее; она, слѣдовательно, полезна. Но если, кромѣ-того, разсматривая ея устройство, я нахожу, что каждая часть на своемъ мѣстѣ, что эти части расположены искусно, что достигаютъ результата, котораго машина должна достигнуть; даже не заботясь о томъ, полезенъ ли этотъ результатъ, если только средства соотвѣтствуютъ цѣли, я говорю, что эта машина прилична. Мы уже приближаемся къ идею прекраснаго, потому что не смотримъ уже на пользу, а на то что прилично. Но всё-таки мы не дошли еще до настоящаго характера красоты: въ самомъ дѣлѣ, множество вещей соотвѣтствуютъ своему назначенію, но мы не называемъ ихъ прекрасными. Обыкновенный, простой стулъ, безъ всякихъ украшеній, если онъ крѣпокъ, если всѣ его части плотно соединены между собою, если на него можно смѣло

сѣсть, и сидѣть спокойно, даже съ удовольствіемъ, такой стулъ можетъ служить примѣромъ соотвѣтственности свободовъ цѣли; но кто же рѣшится сказать, что этотъ стулъ прекрасенъ. Вотъ однако жъ въ чемъ разница между приличнымъ и полезнымъ: прекрасный предметъ не имѣетъ нужды быть полезнымъ; но онъ не прекрасенъ, если не соотвѣтствуетъ своей цѣли, если цѣль не въ ладу со средствами.

Думали, будто прекрасное заключается въ пропорціи, и дѣйствительно, пропорція—одно изъ условій красоты; но это не одно и то же. Предметъ, въ которомъ необходима пропорція, не можетъ быть прекрасенъ, это такъ. Въ предметахъ прекрасныхъ, какъ бы они ни были далеки отъ формы геометрической, всегда есть живая геометрія. Но я васъ спрашиваю, какая пропорція въ высокоомъ деревѣ, съ гибкими красивыми вѣтвями, усѣянномъ густою, яркою зеленью? Въ чемъ состоитъ ужасающая красота буря, отдѣльнато стиха, величественной оды? Знаю, что красота въ этомъ случаѣ не состоитъ въ отсутствіи правилъ и законовъ, но знаю также, что красота не состоитъ въ простомъ соблюденіи правилъ и законовъ; напротивъ, въ прекрасномъ насъ всего чаще поражаетъ кажущаяся беспорядочность. Смѣшно думать чтобы тутъ насъ поражаело то же самое качество, которое удивляетъ насъ въ геометрической фигурѣ, то есть, правильная соотвѣтственность частей.

То же, что мы сказали о пропорціи, можно сказать и о порядкѣ, въ которомъ нѣсколько менѣе математическаго нежелан въ пропорціи, но который всё-таки не можетъ объяснить почему находимъ прекрасными такіе предметы, гдѣ очевидно господствуетъ свобода, разнообразіе, небрежность.

Всѣ эти теоріи, приводящія красоту къ порядку, гармоніи, пропорціи—въ сущности составляютъ одну и ту же теорію, которая видитъ красоту въ единствѣ. Безъ сомнѣнія, единство прекрасно, оно составляетъ бѣольшую часть красоты, но оно—красота не полная.

Истинная теорія прекраснаго та, которая составляетъ красоту изъ двухъ противоположныхъ, но необходимыхъ

элементовъ: единства и разнообразія. Взгляните на прекрасный цвѣтокъ: въ немъ вы находите и единство, и порядокъ, и даже симметрію; но въ то же время какое разнообразіе! сколько оттѣнковъ въ краскахъ! какая роскошь въ подробностяхъ! Даже въ математикѣ, прекрасно, не отмеченное начало, а то, что это начало поражаетъ длинную цѣпь слѣдствій. Безъ жизни нѣтъ красоты, а жизнь—движеніе, разнообразіе.

Единство и разнообразіе свойственны всѣмъ родамъ красоты. Осмотримъ бѣгло эти различные роды прекраснаго.

Во-первыхъ, должно замѣтить, что есть предметы, собственно говоря, прекрасные и предметы высокіе. Прекрасный предметъ, какъ мы видѣли, — нѣчто оконченное, ограниченное, опредѣленное, нѣчто легко объемлемое нашими чувствами, потому что различныя части его подчинены правильной мѣрѣ. Высокое то, что своими формами, совершенно пропорціональными въ отношеніи къ цѣлому, но не совершенно очерченными и съ трудомъ объемлемыми чувствомъ, возбуждаетъ въ насъ мысль о безконечности.

Вотъ два различные рода красоты; но существенность неисчерпаема, и въ каждой степени существенности мы встрѣчаемъ красоты.

Въ предметахъ, подлежащихъ чувствамъ цвѣта, звуки, фигуры и движенія способны производить идею и чувство прекраснаго. Всѣ эти красоты относятся къ одному роду красоты, которую, Богъ знаетъ почему, называютъ красотою физическою.

Если отъ міра чувственнаго мы перейдемъ къ міру ума, истины, знанія, то найдемъ въ немъ красоты болѣе строгія, но менѣе вещественныя, которыя получили названіе красотъ духовныхъ.

Наконецъ, если мы обратимся къ міру нравственному и его законамъ, къ идеѣ добродѣтели, самопожертвованія, къ строгой справедливости Аристиды, къ героизму Леонида, къ чудесамъ человѣколюбія или патріотизма, то найдемъ въ нихъ красоты третьяго рода, превосходящія два первые рода, именно красоты моральныя.

Не забудемъ однако жъ, во всѣхъ этихъ родахъ красоты отличать прекрасное отъ высокаго. Поэтому прекрасное и высокое находится въ природѣ, и въ идеяхъ, и въ чувствахъ и въ поступкахъ. Какое безконечное разнообразіе красоты!

Исчисливъ такимъ образомъ различные роды прекраснаго, посмотримъ нельзя ли привести ихъ къ меньшему числу. Въ этомъ разнообразіи нѣтъ ли единства? Нѣтъ ли такой красоты, которой бы всѣ эти частныя красоты составляли отблескъ, оттѣнки, степени, и даже униженіе? Нужно разрѣшить этотъ вопросъ: иначе теорія прекраснаго—лабиринтъ безъ выхода. Слово красота употребляють для означенія самыхъ разнообразныхъ вещей, не зная существеннаго единства, которое давало бы право употреблять единство названія.

Эти разнообразія въ прекрасномъ, на которыя мы сейчасъ указали, или таковы, что между ними невозможно открыть ни какой связи, или разнообразія эти только кажущіяся, и между ними есть скрытое гармоническое соотношеніе, единство.

Если вы станете утверждать, что это единство—химера, то я скажу, что въ такомъ случаѣ, красота физическая, красота умственная, и красота нравственная—совершенно чужды другъ другу. Чтò жъ будетъ дѣлать художникъ? Онъ окруженъ различными другъ отъ друга красотами, а долженъ произвести твореніе единое; потому что таковъ признанный законъ искусства. Если же это единство, котораго отъ него требуютъ—единство истинное, если въ природѣ находятся только красоты существенно отличныя другъ отъ друга, въ такомъ случаѣ искусство вѣсь обманываетъ и лжетъ. Прошу объяснить мнѣ послѣ этого, какимъ образомъ ложь—законъ искусства.

Мы не отказываемся отъ приведеннаго нами выше различія между прекраснымъ и высокимъ, ни отъ другихъ отличій въ прекрасномъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, но то, чтò мы раздѣлили сначала, мы хотимъ соединить. Такое дѣленіе и соединеніе не противорѣчатъ другъ другу: законъ всего истиннаго и прекраснаго—единство и разнообразіе. Все едино и разнообразно. Мы раздѣ-

или красоту физическую, умственную и моральную. Попробуемъ же отъяснить единство между этими тремя родами красоты. По нашему мнѣнію, всё они сливаются въ одну и ту же красоту, красоту нравственную, разумѣя подъ этимъ именемъ, вслѣду духовную красоту.

Повѣримъ это мнѣніе фактами.

Смотрите на Аполлона Бельведерскаго, и замѣчайте внимательно, что поражаетъ васъ въ этомъ превосходномъ произведеніи ваянія. Винкельманнъ, который былъ не метафизикъ, а просто ученый антикварій, человекъ со вкусомъ, безъ системы, написалъ знаменитый анализъ Аполлона. Любопытно изучить этотъ анализъ. Первое, на что Винкельманнъ обращаетъ вниманіе, это на характеръ отпечатанный на этомъ прекрасномъ, вѣчно юномъ тѣлѣ; въ станѣ, который нѣсколько выше средняго роста человѣческаго, въ величественномъ положеніи тѣла, въ порывистомъ движеніи, въ цѣломъ и во всѣхъ его частностяхъ. На челѣ его лежитъ печать вѣчнаго спокойствія. Нѣсколько ниже проявляется чисто человѣческое, и это было необходимо, чтобъ привлечь вниманіе людей на произведеніе искусства. Въ этомъ лицѣ, сіяющемъ довольствомъ, въ раздутыхъ ноздряхъ, въ нѣсколько приподнятой нижней губѣ, ясно отпечатывается гнѣвъ, смѣшанный съ презрѣніемъ, и самодовольствіе побѣдителя, которому побѣда ничего не стоила. Взвѣсьте каждое слово Винкельманна. Каждое изъ нихъ выражаетъ моральное впечатлѣніе. Тонъ ученаго антикварія, постепенно возвышаясь, доходитъ до энтузіазма; анализъ его превращается въ гимнъ красотѣ духовной, а заключеніе, несмотря на то что авторъ не заботился извлечь его систематически, вытекаетъ само собою, именно, что истинная красота этой чудной статуи заключается преимущественно въ выраженіи красоты нравственной.

Вмѣсто статуи, наблюдайте человека живаго. Посмотрите на него, когда побуждаемый могущественными причинами вожертвовать своими обязанностями — своими выгодами, онъ, наконецъ, послѣ героической борьбы, торжествуетъ надъ интересомъ и свои выгоды приносить въ

жертву добродѣтели; взгляните на него въ то мгновеніе, когда онъ принимаетъ эту великодушную рѣшимость: его лицо покажется вамъ прекраснымъ, потому что въ немъ выражается красота души. Быть можетъ лицо этого чело-вѣка, во всякое другое время, — обыкновенно, даже по-шло; но здѣсь, озаренное и преображенное душою, оно облагороживается, и принимаетъ важный характеръ красо-ты; Лицо Сократа, кому это не извѣстно, составляетъ странную противоположность съ типомъ греческой красо-ты, но на картинѣ Давида, умирающій Сократъ, когда этотъ мученикъ древности, готовясь уже выпить ядъ, раз-говариваетъ съ своими учениками о безсмертіи души — лицо его кажется вамъ величественнымъ.

Достигнувъ высшаго предѣла нравственнаго величія, Со-кратъ умираетъ: передъ глазами вашими — остается только трупъ. Мертвое лицо сохраняетъ свою красоту, доколѣ въ немъ остаются еще слѣды ума, который одушевлялъ его; но мало-по-малу выраженіе угасаетъ или уничтожается, и лицо дѣлается обыкновеннымъ и даже некрасивымъ. Вы-раженіе смерти — или отвратительно или величественно; от-вратительно если въ немъ мы видимъ разрушеніе веще-ства; высоко, если оно пробуждаетъ въ насъ идею о вѣч-ности.

Смотрите на лицо чело-вѣка котораго не тревожитъ ника-кая страсть, — оно гораздо прекраснѣе нежели лицо живот-наго; лицо животнаго красивѣе нежели форма всякаго не-одушевленнаго предмета. Это потому, что въ чело-вѣче-скомъ образѣ, даже когда его не одушевляетъ ни добродѣ-тель, ни гений, всё-таки отражается природа умственная и нравственная. Въ лицѣ животнаго отражается по-крайней-мѣрѣ чувство, нѣчто подобное душѣ. Перейдемъ теперь отъ чело-вѣка и животныхъ къ природѣ чисто физической, мы до-тѣхъ-поръ будемъ находить въ ней красоту, пока-да будемъ находить тамъ хоть тѣнь разума, что-то, возбужда-ющее въ насъ какую-нибудь мысль, какое-нибудь чувство. Кусокъ вещества ничего не выражающій, ничего не озна-чающій, не можетъ возбудить идеи красоты. Но все что существуетъ — одушевлено. Матерія приводится въ движе-ніе силами, которыя не вещественны, и существуетъ по

законамъ, которые доказываютъ присутствіе вездѣсущаго разума. Самый тонкій химическій анализъ не достигаетъ до природы мертвой, безжизненной: онъ открываетъ бытіе организованное своимъ образомъ, которое имѣетъ свои силы, свои законы. Въ глубинѣ морей, и въ высотахъ небесъ, въ песчинкѣ и въ громадной горѣ, всюду, сквозь грубую оболочку, блещетъ безсмертный разумъ. Взгляните на міръ глазами тѣла, но въ то же время и глазами души, — вездѣ васъ поражаетъ выраженіе нравственности и даже форма дѣйствуетъ на васъ какъ символъ мысли. Мы сказали, что въ человѣкѣ и животныхъ лицо прекрасно своимъ выраженіемъ. Но когда вы присутствуете при восхожденіи или закатѣ солнца, развѣ эти величественныя картины не производятъ на васъ моральнаго эффекта? Неужели эти прекрасныя зрѣлища являются только для того, чтобъ явиться. Не видимъ ли мы въ нихъ проявленія какой то чудной силы, какого-то разума, какой-то мудрости. Лицо природы развѣ менѣе выразительно, нежели лицо человѣка?

Форма не можетъ быть просто формою; она должна быть формою чего-нибудь. Красота физическая, слѣдовательно, есть признакъ красоты внутренней, которая есть красота духовная и нравственная, и она-то есть начало, основаніе, единство прекраснаго.

Всѣ красоты, которыя мы перечислили, составляютъ, что называется, красоту вещественную; но умъ понимаетъ, что выше этой красоты должна быть красота другаго рода, красота идеальная. Красота идеальная не заключается ни въ одномъ предметѣ, ни въ массѣ предметовъ. Правда, природа и опытъ даютъ намъ случаи подмѣчать ее, но она отъ нихъ существенно различна. Для того кто однажды понялъ эту красоту, всѣ единственные предметы, какъ бы они ни были прекрасны, — только подобіе красоты высшей, которую они никогда не могутъ осуществить. Представьте мнѣ какой-нибудь прекрасный поступокъ, я выдумаю еще прекраснѣйшій. Идеальнъ отдалается по-мѣрѣ-того какъ мы къ нему приближаемся. Послѣдній предѣлъ его — въ безконечности, то есть, въ Богѣ, или, лучше сказать,

истинная и безусловная красота не что иное, как самъ Богъ.

Будучи первою причиною всѣхъ вещей, Богъ, по этому самому — начало совершеннѣйшей красоты и всѣхъ естественныхъ красотъ, которыя выражаютъ Его болѣе или менѣе несовершенно; Онъ начало красоты, и какъ Творецъ міра физическаго и какъ Отецъ міра умственнаго и міра нравственнаго.

Надобно быть совершеннымъ работъ чувствъ и увлечься наружностію, чтобъ останавливать свое вниманіе на движеніяхъ, формахъ, звукахъ, краскахъ, которыхъ гармоническія сочетанія составляютъ красоту видимаго міра, и не понимать, что за этою величественною сценою, столь благоустроенною, находится высокій распорядитель, геометръ и художникъ.

Красота физическая служитъ оболочкою красотъ умственной и красотъ нравственной.

Красота нравственная, — блистательный покровъ истиннаго. Что же составляетъ основное ея начало, если не необходимое начало всякой истины?

Красота нравственная объемлетъ собою два отличные другъ отъ друга элемента, — равно прекрасные, но прекрасные по совершенно различнымъ причинамъ: справедливость и челоуѣколюбіе, уваженіе къ людямъ и любовь къ людямъ. Тотъ кто обнаруживаетъ въ своихъ поступкахъ справедливость и челоуѣколюбіе, совершаетъ прекраснѣйшее изъ дѣлъ. Челоуѣкъ истинно благодѣтельный — высочайшій изъ художниковъ, своего роду. Что же скажемъ мы о томъ, что есть сущность справедливости и неисчерпаемый источникъ любви? Если наша нравственная природа — прекрасна, какая же должна быть красота Творца этой нравственной природы! Его справедливость и благость — всюду, внутри насъ и внѣ насъ. Его справедливость — нравственный порядокъ, котораго не создалъ ни какой челоуѣческій законъ, который сохраняетъ и продолжаетъ себя своими собственными силами. Взгляните внутрь самихъ себя, и совѣсть покажетъ намъ существованіе божественной справедливости въ спокойствіи и удовольствіи, сопровождающихъ добродѣтель и въ безпощад-

стать и волненіи, неизбежныхъ наказаній порока и преступленія. Сколько разъ и съ какимъ краснорѣчіемъ прославляли неутомимую заботливость Провидѣнія; его благодѣянія, видимыя всюду, въ самыхъ малыхъ, и въ самыхъ великихъ явленіяхъ природы, которымъ мы забываемъ, потому что они сдѣлались для насъ обыкновенныя, но которыя смущаютъ наше удивленіе и признательность и доказываютъ существованіе Бога, исполненнаго любви къ своимъ твореніямъ.

Поэтому Богъ — начало трехъ родовъ прекраснаго: красоты физической, красоты умственной и красоты нравственной!

Въ немъ также сосредоточиваются двѣ великія формы красоты — прекрасное и высокое. Богъ — красота превосходѣйшая; какой предметъ удовлетворяетъ лучше нашимъ способностямъ, уму, воображенію, сердцу? Уму онъ представляетъ идею самую высокую, выше которой не остается отыскивать ничего; воображенію — созерцаніе самое обворожительное; сердцу — предметъ неограниченно привлекательный. Поэтому Богъ — совершенная красота. Но не высокъ ли Онъ еще другими своими качествами? Онъ расширяетъ горизонтъ мысли, чтобы поглотить ее въ безднѣ Своего величія. Душа, приводимая въ восторгъ, при созерцаніи Его благости, не должна ли исполниться страхомъ, при мысли объ Его справедливости? Будучи жизнію, свѣтомъ, движеніемъ, началомъ красоты природы, видимой и опредѣленной, Онъ въ то же время безконеченъ, вѣченъ, неиздѣлимъ, необъятенъ, безусловное единство и сущность всего существующаго. Эти высокія принадлежности, столь же вѣрныя, какъ и предшествовавшія, развѣ, не производятъ въ воображеніи и въ душѣ меланхолическаго ощущенія, возбуждаемаго высокимъ? Да, существо безконечное — для насъ типъ и источникъ двухъ великихъ формъ красоты, потому что онъ для насъ неразрѣшимая загадка, и въ то же время самое ясное разрѣшеніе всего загадочнаго. Существа ограниченныя, мы не понимаемъ того что безгранично, но между-тѣмъ самая ограниченность наша — для насъ единственное средство объяснить

себѣ безконечность. Наше собственное существованіе даетъ намъ понятіе о безконечности Бога; своимъ ничтожествомъ мы теряемъ въ сущности Божіей, и принужденные такимъ образомъ прибѣгать къ Богу для объясненія всякой вещи, мы попеременно, или лучше, въ одно время ощущаемъ къ Богу, который возвышаетъ и уничтожаетъ насъ, чувство неотразимаго влеченія и удивленія, чтобы не сказать непобѣдимаго ужасу, чувство, которое одинъ Онъ можетъ породить или утишить, потому что Онъ одинъ есть единство высокаго и прекраснаго.

Слѣдственно, существо безусловное, которое въ одно время—и безусловное единство и безконечное разнообразіе, то есть, Богъ, необходимо есть крайняя причина, первое основаніе и полный идеалъ всякой красоты.

Вотъ какъ объ ней говоритъ Діотимій Сократу.

«Красота вѣчная, нерукотворная и негибнущая, неспособная ни къ увеличенію, ни къ умаленію; которая не можетъ быть хороша въ одной части и дурна въ другой; которая не можетъ быть въ одно время въ такомъ смыслѣ, въ такомъ отношеніи, хороша для этого, дурна для другаго, красота, неизмѣющаяся формы ощутительной для чувствъ, неизмѣющаяся ни лица, ни рукъ, ничего тѣлеснаго, не составляющая ни особенной мысли, ни особеннаго знанія, которая не заключена ни въ какомъ существѣ, отличномъ отъ нея самой, какъ животное, или земля, или небо, или какой-нибудь другой предметъ, которая совершенно неизмѣнима сама по себѣ, отъ которой происходятъ всѣ другія красоты, но такъ что ихъ рожденіе или уничтоженіе, не уменьшаютъ, не увеличиваютъ ее, не производятъ въ ней ни какой перемѣны.

«Чтобъ хотя нѣсколько приблизиться къ этой совершенной красотѣ, надобно начать съ красотъ этого міра, и съ ся къ ней устремленными на высочайшую красоту, стремиться глазами безпрерывно, переходя по всѣмъ степенямъ лѣстницы, отъ одного прекраснаго тѣла къ другому, отъ прекрасныхъ тѣлъ, къ прекраснымъ чувствамъ, отъ прекрасныхъ чувствъ къ прекраснымъ знаніямъ, доколѣ переходя отъ знанія къ знанію, не достигнемъ до высочайшаго понятія о прекрасномъ въ томъ-самомъ видѣ, въ ка-

комъ оно есть. Только зрѣлище вѣчной красоты можетъ дать цѣну этой жизни.»

Человѣкъ способенъ не только познавать и любить прекрасное, которое является ему въ созданіяхъ, не имъ произведенныхъ, но онъ способенъ также и воспроизводить прекрасное. При видѣ красоты естественной, какаѣ бы она ни была, физическая или нравственная, первое стремленіе его чувствовать ее и восхищаться ею: онъ весь проникнутъ, увлеченъ, и какъ бы подавленъ чувствомъ красоты; но если это чувство сильно, то оно не остается бесплоднымъ. Человѣкъ хочетъ увидѣть, почувствовать вновь то, что—доставляло ему такое живое наслажденіе, и потому старается возсоздать красоту, которая очаровала его, но уже не такую, какъ она была, а какою ему представляетъ воображеніе; и онъ производитъ созданіе, уже не въ точности природное, а созданіе человѣческое, созданіе искусства. Искусство есть добровольное воспроизведеніе красоты; и сила, которая дѣлаетъ насъ способными возсоздавать ее, называется *тениемъ*.

Какія же способности служатъ для свободнаго воспроизведенія красоты? Тѣ же, которыми мы познаемъ и чувствуемъ ее. Вкусъ, доведенный до высшаго развитія—геній, если къ нему присоединяется еще одна способность. Какая же эта способность?

Мы сказали, что въ составъ сложной способности, называемой вкусомъ, входятъ три способности: воображеніе, чувство и умъ.

Эти три способности, безъ-сомнѣнія, необходимы для генія, но ихъ еще недостаточно. То, чѣмъ геній существенно отличается отъ вкуса, это творческая сила. Вкусъ, чувствуетъ, судитъ, разбираетъ, анализируетъ, но не изобрѣтаетъ; отличительная принадлежность генія—изобрѣтательность и творчество. Геніальный человѣкъ не господинъ силы, которая живетъ внутри его: человѣкъ геніаленъ потому что въ немъ кипитъ пламенное, неукротимое стремленіе выразить то что онъ чувствуетъ. Онъ страдаетъ, если долженъ удерживать въ себѣ чувства, образы или мысли, которыя волнуютъ грудь его. Это-то побуж-

нiя и есть божественная частица разума. Эту тайную силу Сократъ называлъ своимъ демономъ. Назовите ее какъ угодно, но знайте, что есть какой-то духъ, который вдохновляетъ генiя, который мучаетъ его, до-тѣхъ-поръ пока онъ не изольетъ того, что его сжигаетъ, пока онъ не выразитъ всѣхъ своихъ горестей, своихъ радостей, душевныхъ тревогъ, идеiй, и пока мечтанiя его не сдѣлаются живыми созданiями. Изъ этого видно, что двѣ вещи знаменуютъ генiя: во-первыхъ, необходимость творить, а во-вторыхъ, творческая сила, потому что стремленiе творить безъ силы—болѣзнь, видомъ только похожая на генiй. Генiй, это сила, которая дѣлаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ. Для вкуса довольно наблюдать и удивляться. Ложный генiй, воображенiе пламенное, но безсильное, губитъ самого себя въ бесплодныхъ мечтанiяхъ и не производитъ ничего, или ничего великаго.

Безъ-сомнѣнiя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, искусство—подражанiе, потому что творчество, въ безусловномъ значенiи этого слова,—принадлежность одного Бога. Гдѣ генiй беретъ матерiалы для своихъ созданiй, если не въ природѣ, которыхъ онъ самъ составляетъ частицу? Однако жъ онъ не ограничивается воспроизведенiемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ ему представляетъ ихъ природа. Онъ не простой подражатель дѣйствительности, иначе все его достоинство заключалось бы въ вѣрности подражанiя. Но какая работа можетъ быть бесплоднѣе, какъ списывать то что существенно неподражаемо, и составлять самое посредственное подобiе. Если искусство рабъ ученыхъ, то оно осуждено оставаться вѣчно узникомъ безсильнымъ.

Истинный художникъ глубоко чувствуетъ и восхищается природою, но не все въ природѣ равно возбуждаетъ его увлеченiе. Всякой предметъ въ природѣ, какъ бы прекрасенъ онъ ни былъ, имѣетъ въ себѣ какой-нибудь недостатокъ. Все вещественное — несовершенно. Ужасное иногда смѣшано съ высокимъ; изящество и грация разлучены съ величiемъ и силою. Черты красоты разсѣяны и разъединены. Соединить ихъ по своему произволу: занять у одного лица ротъ, у другаго — глаза, безъ правилъ, которыми управляли бы выборомъ — значить, производить урокъ

но допуская правило, мы должны допустить идеалъ отличныхъ отъ всѣхъ индивидуальностей. Этотъ-то идеалъ создаетъ себѣ художникъ, изучая природу. Безъ нея онъ никогда бы не создалъ себѣ идеала.

Идеалъ — предметъ страстнаго созерцанія для артиста. Обдуманнѣй въ тиши и съ постоянствомъ, очищенный размышленіемъ и оживленный чувствомъ, идеалъ согреваетъ генія и порождаетъ въ немъ непреодолимое побужденіе осуществить его. Для этого геній беретъ въ природѣ нужные матеріалы, и извлекаетъ изъ нихъ созданія, которыя изображаютъ задуманный идеалъ, проникнутыя его умственной и нравственною красотою.

Нравственная красота—основаніе всякой истинной красоты. Въ природѣ это основаніе нѣсколько скрыто; но искусство открываетъ, придаетъ нравственной красотѣ формы болѣе свѣтлыя и прозрачныя. Въ этой-то точкѣ искусство, когда оно хорошо понимаетъ свою силу и свои средства, сталкивается съ природою.

Истинный предѣлъ искусства именно въ томъ, гдѣ его могущество. *Цель искусства—изображеніе красоты нравственной посредствомъ красоты физической.* Красота физическая—только символъ красоты умственной.

Въ искусствѣ или вы копируете образецъ, и тогда въ твореніи вашемъ нѣтъ истинной красоты; или вы работаете головою, и впадаете въ идеализмъ безъ опредѣленнаго характера. Геній есть быстрое и вѣрное постигновеніе активной пропорціи, въ которой должны быть соединены идеальное и естественное, форма и мысль. Это соединеніе — высшая степень совершенства въ искусствѣ: безъ этого условія нѣтъ мастерскихъ произведеній.

По нашему мнѣнію, этого правила должно держаться при преподаваніи искусствъ. Спрашивается, съ чего долженъ начинать ученикъ: съ идеальнаго или естественнаго? Мы отвѣчаемъ: съ того и другаго. Въ природѣ всегда общее неразлучно съ индивидуальнымъ, и индивидуальное — съ общимъ. Каждое лицо составлено изъ частныхъ чертъ, которыя отличаютъ его отъ прочихъ лицъ, и составляютъ его собственную фізіономію и въ то же время оно

имѣеть общія черты, которыя составляютъ то что называется человѣческимъ лицомъ. Обыкновенно ученика заставляютъ изучать или списывать эти черты. Мы думаемъ, что если вы хотите предохранить воспитанника отъ сухости и отвлеченности, то было бы гораздо полезнѣе заставлять его списывать какіе-нибудь естественные предметы, а лучше всего лицо живаго человѣка. Этимъ способомъ вы помѣщаете его прямо въ школу природы; онъ съ этого возраста приучится никогда не жертвовать ни однимъ изъ существенныхъ элементовъ прекраснаго, ни однимъ изъ неизбѣжныхъ условій искусства.

Но соединяя эти два элемента, эти два условія, надобно умѣть различить ихъ, ставить каждое на свое мѣсто. Нѣтъ истиннаго идеала безъ опредѣленной формы, нѣтъ единства безъ разнообразія, роду безъ видовъ; но всё-таки основаніе красоты — идея; искусство — осуществленіе идеи, и подражаніе той или другой частной формѣ.

Въ началѣ нашего вѣка, Французская Академія предложила задачу: *Quelles ont été les causes de la perfection de la sculpture antique, et quels seraient les moyens d'y atteindre?* (Что было причиною совершенства древней скульптуры, и какія могутъ быть средства къ достиженію его въ наше время?) Эмерикъ Давидъ, получивши премію, поддерживалъ господствовавшее тогда мнѣніе, будто только постоянное изученіе природы довело древнее искусство до совершенства, и что единственный путь для достиженія такого же совершенства есть подражаніе природѣ. Будущій авторъ «Юпитера Олимпійскаго», Катрмеръ де-Кенсі, остроумно опровергъ тогда же мнѣніе Эмерика Давида и доказалъ, что основаніе прекраснаго — идеаль. Невозможно доказать убѣдительно, и цѣлою исторіею греческаго искусства и текстами изъ великихъ критиковъ древности, что у Грековъ, искусство никогда не прибѣгало къ подражанію природѣ, ни въ частномъ какомъ-нибудь образцѣ ни во многихъ, потому что образецъ самый прекраснѣй всегда очень несовершенъ, а многіе образцы не могутъ составлять единаго прекраснаго. Истинное искусство Грековъ состояло въ изображеніи красоты идеальной. Эмерикъ Давидъ очень ошибался, предполагая будто-

бы выраженіе прекраснѣйшій идеалъ, если только оно было извѣстно древнимъ Грекамъ, значило *видимая красота*, потому только, что слово *идеалъ* происходитъ отъ греческаго слова *eidos* или *idos*, которое по мнѣнію его значить *видимое глазомъ*. Такой переводъ слова *eidos* чрезвычайно удивлялъ бы Платона. Катривере-де-Кинси уничтожаетъ своего противника двумя убѣдительными текстами, однимъ изъ «Тимея». гдѣ Платонъ указываетъ на положительную разницу между художникомъ высокимъ и художникомъ простымъ, и другимъ изъ начала «Оратора», гдѣ Цицеронъ описываетъ какимъ образомъ работали великіе художники, ссылаясь на Фидіаса, царя художниковъ въ эпоху совершеннѣйшаго процвѣтанія искусствъ. «Художникъ, который созерцаетъ значеніе предметовъ въ природѣ и, придерживаясь самъ великаго образца, воспроизводитъ ихъ идею, ихъ сущность, ихъ внутреннюю добродѣтель (*virtus*), навѣрно создастъ цѣлое красоты превосходной; между-тѣмъ какъ тотъ, чей взоръ слѣдитъ за наружнымъ, за тѣльнымъ, не слѣдуетъ ничего прекраснаго. Фидіасъ, величайшій художникъ, дѣлая статую Юпитера или Минервы, никогда не имѣлъ передъ глазами моделей, образцовъ для копирования или подражанія: въ глубинѣ души его таился, добровольно создавшійся типъ совершеннѣйшей красоты, на который онъ взиралъ, и который руководилъ его искусствомъ и рѣзцомъ».

Этотъ способъ Фидіаса — не тотъ же ли самый, который и Рафаэль описалъ въ знаменитомъ письмѣ къ Кастильоне, и которому онъ слѣдовалъ рисуя Галатею? «Уменьшѣть прекрасныхъ образцовъ; я замѣню ихъ идеаломъ, который я самъ создалъ».

Есть одна теорія, которая не прямо ведетъ къ теоріи подражанія; это теорія, которая увѣрляетъ, что цѣль искусства — иллюзія. Судя такимъ образомъ, идеалъ живописи — обманъ зрѣнія, и мастерское произведеніе — картина Зевксиса, къ которой слетались птицы, клевать написанный на ней виноградъ. Высшая степень совершенства театральной пьесы состояло бы въ томъ, чтобы увѣрить васъ, что передъ вами дѣйствительно совершается происшествіе. Въ этомъ мнѣніи справедливо только то, что произведе-

не искусства тогда только прекрасно, если оно исполнено жизни; законъ драматическаго искусства не въ томъ чтобъ вывести на сцену блѣдые призраки прошедшаго, но лица созданныя воображеніемъ, или заимствованныя изъ исторіи, которыя были бы одушевлены страстями, говорили и дѣйствовали бы какъ должно людямъ, а не какъ тѣни. Надобно изобразить природу человѣка, но въ такомъ магическомъ свѣтѣ, который бы не уродовалъ ее, а дѣлалъ ее возвышеннѣе. Эта магія и составляетъ гений искусства. Она-то отрываетъ насъ отъ мелочностей, которыя окружаютъ насъ, и переносятъ васъ туда, гдѣ мы еще узнаемъ себя, но въ лучшей формѣ, гдѣ всѣ несовершенства дѣйствительности уступаютъ мѣсто относительному совершенству, гдѣ рѣчь дѣлается глаже, ровнѣе, возвышеннѣе, гдѣ дѣйствующія лица—прекраснѣе, гдѣ даже допускается безобразіе, словомъ, гдѣ находится все это, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ уважена исторія, и гдѣ соблюдены всѣ условія человѣческой природы. Если искусство забываетъ о человѣческой природѣ, оно переходитъ за границы своей цѣли, не достигаетъ ея; оно создаетъ химеры, безъ интересу для нашей души. Если оно слишкомъ строго держится условія человечества, если оно слишкомъ дѣйствительно, слишкомъ голо, оно опять не достигаетъ цѣли.

Доказательство, что иллюзія не цѣль искусства, то, что она можетъ быть совершенна и не имѣть ни какой прелести. Въ послѣднее время на театрахъ стали обращать большое вниманіе на историческую вѣрность костюмовъ. Это не дурно, но еще не имѣетъ большой важности. Надвѣте на актера, играющаго Брута, то самое платье, которое носилъ этотъ герой древности, это не тронетъ истиннаго знатока. Скажемъ болѣе: если иллюзія идетъ слишкомъ далеко, чувство и искусство исчезаютъ, и уступаютъ мѣсто чувству чисто натуральному, иногда нестерпимому. Если бѣ я зналъ, что въ двадцати шагахъ отъ меня Ионгенія должна быть дѣйствительно принесена въ жертву своимъ отцомъ, я вышелъ бы изъ залы съ ужасомъ. Если бы Ариадна, которую я вижу и слышу, была истинная Ариадна, которой измѣняетъ собственная ея сестра, при той трогательной сценѣ, когда эта бѣдная женщина, чувствующая

уже что она менѣе любима, спрашиваетъ: кто похищаетъ у ней сердце Тезея, я бы поступилъ точно такъ какъ одинъ молодой Англичанинъ, который, рыдая, закричалъ: «это Федра, это Федра!»

Но скажутъ намъ, цѣль поэта—возбудить сожалѣніе и ужасъ. Да, но только въ нѣкоторой степени; кромѣ-того онъ долженъ присоединить чувство, которое смягчало бы ихъ и дало бы имъ направленіе къ другой цѣли. Если бы драматическое искусство имѣло цѣлью единственно возбужденіе сожалѣнія и ужасу, оно было бы безсильнымъ соперникомъ природы. Несчастія которыя представляютъ намъ на сценѣ далеко не такъ сильны, какъ тѣ, которыя мы можемъ каждый день видѣть въ дѣйствительной жизни. Въ первомъ госпиталѣ, въ первой больницѣ, мы нашли бы гораздо болѣе предметовъ для сожалѣнія и ужасу, нежели сколько могутъ намъ представить всѣ театры на свѣтѣ. Что остается поэту дѣлать, если эта теорія справедлива? Вывести на сцену самую возможную дѣйствительность, и трогать насъ, потрясая наши чувства зрѣлищемъ ужаснѣйшихъ страданій. Высшая степень трогательнаго было бы изображеніе смерти, особенно смертной казни. Напротивъ, искусство гибнетъ, если чувствительность слишкомъ раздражена. Возьмемъ примѣръ, приведенный выше: что поражаетъ насъ въ красотѣ бури и кораблекрушенія? безсомнѣнія не жалость и не ужасъ; эти раздирающія душу чувства скорѣе заставили бы насъ удалиться отъ такого зрѣлища. Какое-нибудь другое чувство удерживаетъ насъ на берегу; именно, чувство красоты, возбуждаемое и поддерживаемое величественностью зрѣлища, безконечнымъ пространствомъ моря, ревомъ пѣнистыхъ волпъ, трескомъ грома. Но намъ стоить только подумать о несчастныхъ жореплавателяхъ, готовыхъ погибнуть, и это зрѣлище становится невыносимымъ. То же самое и въ искусствѣ. Какія бы чувства оно ни старалось возбудить въ насъ, они всегда должны быть умѣряемы чувствомъ прекраснаго. Сожалѣніе и ужасъ, перешедшіе за извѣстные предѣлы, особенно сожалѣніе и ужасъ физическіе, возбуждаютъ отвращеніе, а не прельщаютъ.

Истинная красота—красота идеальная; красота идеальная

—отраженіе безконечности; безконечное есть основаніе прекраснаго, истиннаго и добраго. Поэтому искусство можетъ быть само по себѣ существенно нравственнымъ, потому что во всѣхъ своихъ созданіяхъ, оно выражаетъ вѣчную красоту. Связанная съ матерією неразрывными узами, работая надъ бездушнымъ камнемъ, надъ неопредѣленнымъ, преходящими звуками, надъ словами ограниченнаго значенія, искусство сообщаетъ имъ самую опредѣленную форму, которая обращается къ тому или другому чувству, даетъ имъ таинственный характеръ, говорящій воображенію и душѣ; отторгаетъ ихъ отъ дѣйствительности и постепенно или вдругъ переноситъ ихъ въ невѣдомыя области. Всякое произведеніе искусства, какое бы ни было, его форма, большая или меньшая, выраженная въ камнѣ, въ звукахъ или въ словѣ, если оно дѣйствительно прекрасно или высоко, повергаетъ душу въ сладкую, вострогую задумчивость, которая возвышаетъ ее къ безконечности. Безконечность—цѣль куда стремится душа и на крыльяхъ воображенія, и мѣрнымъ шагомъ разума, путемъ высокаго и прекраснаго, истиннаго и добраго. Ощущеніе, производимое прекраснымъ, всегда обращаетъ душу въ эту сторону; и это-то благодѣтельное ощущеніе, искусство доставляетъ человѣчеству.

Предметъ искусства, слѣдовательно, производитъ созданія, которыя бы, подобно созданіямъ природы, и даже еще въ высшей степени, заключали въ себѣ прелесть безконечнаго. Вотъ въ чемъ заключается трудность искусства, и въ то же время его слава. Что въ естественной красотѣ возбуждаетъ въ насъ идею о безконечномъ? Идеальная сторона этой красоты. Идеаль есть лѣстница, по которой душа восходитъ отъ конечнаго до безконечнаго. Поэтому все стараніе художника должно состоять въ изображеніи идеала. Все въ мірѣ имѣетъ свой идеаль. Главная забота артиста должна, слѣдовательно, состоять въ томъ, чтобъ отыскать скрытый идеаль даннаго предмета, который непремѣнно имѣетъ его, и потомъ сдѣлать его болѣе или менѣе доступнымъ для чувствъ и для души, смотря по условіямъ употребляемаго матеріала, камня, красокъ, звуковъ или словъ.

Поэтому законъ искусства выразить идеаль и безконечное тѣмъ или другимъ образомъ. Искусство потому только и искусство, что оно находится въ соотношеніи съ прекраснымъ и безконечнымъ, возбуждаемымъ имъ въ душѣ посредствомъ высшаго качества каждаго художественнаго произведенія, называемаго «выраженіемъ», экспрессіей.

Выраженіе существенно идеально. Выраженіе дѣлаетъ доступнымъ для чувства то, чего глазъ не можетъ видѣть, рука—осязать, ухо—слышать, слѣдственно, выраженіе есть что-то невидимое, неосязаемое.

Задача искусства достигнуть до души, черезъ тѣло. Искусство представляетъ чувствамъ формы, краски, звуки, слова, размѣщенные въ такомъ порядкѣ, что возбуждаютъ въ душѣ, кроющейся за чувствами, невыразимо-приятное ощущеніе прекраснаго.

Выраженіе трогаетъ душу, какъ форма дѣйствуетъ на чувства. Форма—затрудняетъ выраженіе, но въ то же время она есть необходимос, неизбѣжное, единственное средство для выраженія. Поэтому, только выработывая форму, покоряя ее своей волѣ, стараніемъ, терпѣніемъ и гвнїемъ, искусство можетъ превратить препятствіе въ средство.

По своему предмету, всѣ искусства равны, потому что всѣ они выражаютъ невидимое. Выраженіе—основное качество искусства. Вы всегда выражаете одно и то же: идею, духъ, душу, невидимое, безконечное. Но какъ дѣло въ томъ, чтобъ выразить одно и то же дѣйствуя на различныя чувства, то по этой причинѣ искусство раздѣляется на различныя виды.

Мы видѣли, что изъ пяти чувствъ данныхъ человѣку, вкусъ, обоняніе и осязаніе не способны производить въ насъ ощущенія прекраснаго. Въ соединеніи съ двумя остальными, они могутъ въ нѣкоторой степени способствовать развитію этого ощущенія, но сами по себѣ не способны возбуждать его. Вкусъ судить о приятномъ, но не о прекрасномъ. Ни одно чувство такъ мало не говоритъ душѣ, и не доставляетъ такъ много наслажденій тѣлу, какъ это; оно льститъ, служитъ самому грубому господину, же-

лудку. Если обоняніе принимаетъ иногда участіе въ образованіи чувства прекраснаго, это потому что запахъ отдѣляется отъ предмета прекраснаго уже по себѣ самомъ; прекрасномъ по иной причинѣ. Роза, прекрасна своими граціозными формами, блескомъ красокъ; запахъ ея пріятенъ, но не прекрасенъ. Наконецъ одно ослзаніе не можетъ судить о правильности формъ, но только соединенное, просвѣщенное зрѣніемъ.

Поэтому остаются два чувства, которымъ дано преимущество возбуждать въ насъ идею и чувство прекраснаго. Ощущенія, производимыя ими имѣютъ въ себѣ нѣчто болѣе чистое, болѣе разумное. Они менѣе необходимы для матеріальнаго сохраненія человѣка. Они служатъ больше къ украшенію, чѣмъ къ поддержанію жизни. Поэтому искусство должно преимущественно обращаться къ этимъ двумъ чувствамъ, если желаетъ тронуть душу. Вотъ причина раздѣленія искусства на два класса: искусство слуха и искусство зрѣнія. Съ одной стороны мы имѣемъ музыку и поэзію, съ другой живопись, гравюру, валяніе, архитектуру и украшеніе садовъ.

Многихъ удивитъ, можетъ-быть, то, что мы не причисляемъ къ искусствамъ ни краснорѣчія, ни исторіи, ни философіи.

Искусства называются изящными, потому что единственный предметъ ихъ—произвестъ въ душѣ ощущеніе прекраснаго, независимо отъ пользы для артиста или зрителя. Они еще называются свободными художествами, потому что они не подчиняются ни какому вліянію внѣшней цѣли: достоинство ихъ въ ихъ независимости. Въ этомъ заключается смыслъ и значеніе выраженія древности, *artes liberales*, *artes ingenuae*. Есть искусства безъ благородства, это тѣ, которыхъ цѣль—практическая и матеріальная польза; ихъ называютъ ремеслами. Истинное искусство можетъ присоединиться къ нимъ, блистать въ нихъ, но только въ принадлежностяхъ, въ подробностяхъ, а не въ главномъ предметѣ.

Краснорѣчіе, исторія, философія, имѣютъ свое достоинство, свое высокое значеніе, но, собственно говоря, это не искусства.

Цѣль краснорѣчія не есть—возбудить въ душѣ слушателей безкорыстное чувство красоты. Оно можетъ пронести даже и это чувство, но не искавъ его. Прямая цѣль его—увѣрить, убѣдить. У краснорѣчія есть клиентъ, котораго оно должно спасти, заставить торжествовать. Кто бы ни былъ этотъ клиентъ, человѣкъ, народъ, идея, всё—равно. Счастливъ ораторъ, о которомъ скажутъ: онъ прекрасенъ; несчастенъ если объ немъ только и можно сказать это. Два типа краснорѣчія, политическаго и религіознаго, Демосѣенъ у древнихъ и Боссюэтъ у новѣйшихъ, думаютъ только объ интересѣ дѣла, вѣрннаго ихъ генію, о священныхъ правахъ отечества и религіи; Фидіасъ и Рафаэль думаютъ только о томъ, чтобъ создать прекрасное. Скажемъ болѣе, истинное краснорѣчіе пренебрегаетъ нѣкоторыми средствами успѣха: оно хочетъ нравиться, но не приноситъ жертвъ недостойныхъ его; всякое постороннее украшеніе, малѣйшій тѣнь лести, унижаютъ его. Характеръ краснорѣчія—простота, степенность, слѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія. Вотъ какъ Сократъ понималъ истинное краснорѣчіе.

То же самое должно сказать и объ исторіи и о философіи. Философъ говоритъ и пишетъ. Дай Богъ, чтобы онъ, подобно оратору, могъ найти звуки, которые бы заставили истину проныкнуть въ сердце; краски и образы, чтобъ сдѣлать ее явною въ глазахъ ума! Пренебрегать средствами, которыя могутъ служить дѣлу, значитъ добровольно хотѣть проиграть его; но здѣсь самое глубокое искусство—только средство; цѣль философіи иная, поэтому философія не искусство. Безъ-сомнѣнія, Платонъ художникъ великій, онъ равенъ Софоклу и Фидіасу, какъ Паскаль часто соперничаетъ съ Демосѣеномъ и Боссюэтомъ; но и тотъ и другой покраснѣли бы отъ стыда, если бъ замѣтили въ глубинѣ души своей другое намѣреніе, другую цѣль, а не служеніе истинѣ и добродѣтели.

Исторія не рассказываетъ, для того только чтобъ рассказывать; она рассказываетъ и живописуетъ прошедшее для наставленія настоящаго и будущаго. Цѣль ея—наставить новыя поколѣнія, посредствомъ опытности поколѣній предшествовавшихъ, показывая имъ вѣрныя

картины всѣхъ естественныхъ и важныхъ происшествій съ ихъ причинами и слѣдствіями, съ общими намѣреніями и частными страстями, съ ошибками, доблестями, преступленіями, виѣшивающимъ во всѣ дѣянія людей. Она научаеъ осторожности, мужеству; указываетъ великія намѣренія, глубоко обдуманная, и исполненныя съ умѣренностію и силою. Она умѣеъ выставить на видъ тщету неумѣренныхъ притязаній, могущество мудрости и добродѣтели; безсиліе глупости и преступленія. Это нравственная и политическая школа. Намѣренія Фукидида, Полибія, Тацита, вовсе не тѣ, чтобъ пустому любопытству или истощенному воображенію доставить новыя ощущенія; цѣль ихъ, — заинтересовать, привлечь, научить; они смѣло становятся паставниками властителей и учителями человѣческаго роду.

Единственный предметъ искусства — красота. Искусство губитъ себя, если удаляется отъ этой цѣли. Часто оно бываетъ вынуждено дѣлать уступки обстоятельствамъ, но необходимо, чтобъ оно оставалось въ строгихъ границахъ свободы. Архитектура и украшеніе садовъ наименѣе свободныя художества; ихъ безирерывно стѣсняють мнѣнія условія; дѣло генія покорить себѣ эти обстоятельства и даже извлечь изъ нихъ счастливые эффекты, подобно тому какъ поэтъ въ тиранническихъ условіяхъ ритма и рѣзмы, находитъ источникъ для неожиданныхъ красотъ. Неумѣренная свобода можетъ довести искусство до капризу, который его унижаетъ, точно такъ же какъ слишкомъ тяжелыя цѣпи подавляютъ его. Удобство, комфортъ, убиваютъ архитектуру. Архитекторъ обзывается подчинить общую мысль и частности своего зданія, тому или другому требованію покоя: онъ обращается къ подробностямъ, фронтонамъ, фризамъ, которые не имѣютъ существенной пользы, и тамъ спова дѣлается художникомъ. Ваеніе и живопись, но особенно музыка и поэзія, гораздо свободнѣе. Имъ можно тоже поставить препятствія, но они легко отъ нихъ освобождаются.

Сходныя по общей цѣли, искусства отличаются другъ отъ друга различными эффектами, которые они производятъ, и средствами, которыя они употребляютъ. Они ви-

чего не выигрываютъ мѣняясь средствами и переступая границы ихъ раздѣляющія. Мы преклоняемся передъ авторитетомъ древности, но, по привычкамъ или по неспоренному еще предразсудку, мы не съ бѣльшимъ удовольствіемъ представляемъ себѣ статую, составленную изъ нѣсколькихъ металловъ, а еще болѣе статую расписанную красками. Вовсе не требуя, чтобы статуя не имѣла въ нѣкоторой степени свойственнаго ей колориту, на примѣръ цвѣту вещества изъ котораго она сдѣлана, въ-особенности оттѣнка, которой напечатлѣвается на нее рука времени, несмотря на обольстительныя дарованія современнаго намъ таланту *, мы не находимъ особенной прелести въ усилахъ художника сообщить мраморной статуѣ побѣды живописной картины. Муза скульптуры, — муза строгая; она имѣетъ свои прелести, но эти прелести не свойственны ни какому другому искусству. Жизнь; сообщаемая колоритомъ, должна оставаться для нея постороннею: иначе что помѣшало бы намъ требовать отъ нея движеніе поэзіи и неопредѣленности музыки! Что сдѣлалось бы съ музыкой, если бъ она старалась быть живописною, когда назначеніе ея — трогательное. Заставьте самаго ученаго композитора передать въ звукахъ бурю. Нѣтъ ничего легче какъ подражать въ звукахъ свисту вѣтра или ударамъ грома; но, какими гармоническими сочетаніями изобразить симфонію блескъ молніи, раздрающей вдругъ черную завѣсу ночи, и, что всего ужаснѣе въ бурѣ, движеніе волнъ, которыя то воздымаясь подобно горамъ, то опускаясь, кажется, готовы ринуться въ бездонныя пропасти? Если вы предварительно не расскажете слушателю содержанія симфоніи, онъ никогда не отгадаетъ его; мы готовы держать пари, что онъ не отличитъ баталіи отъ бури. Вопреки усилій науки и генія, звуки никогда не будутъ способны изображать формъ. Умный музыкантъ не рѣшится бороться противъ невозможнаго; онъ не станетъ употреблять напрасныя усилія, чтобъ изображать подниманіе и паденіе волнъ и другихъ подобныхъ явленій; но онъ сдѣлаетъ болѣе. — посредствомъ звуковъ онъ постарается поселить въ душѣ вашей тѣ ощущенія, которыя

* Магдалена Кановы.

внутри насъ смѣняются одно другимъ во время равнообразныхъ сценъ бури. Гайднъ сталъ соперникомъ, даже побѣдителемъ живописца, тѣмъ, что онъ нашелъ средство посредствомъ звуковъ потрясать и трогать душу гораздо глубже нежели живопись.

Послѣ Лессингова Лаокоона, мы съ величайшею осторожностію должны повторять знаменитую аксіому: *visâ pictura poesis*; по-крайней-мѣрѣ живопись не можетъ много чтò можетъ поэзія. Портретъ Славы, написанный Виргилемъ—вещь удивительная; но пусть какой-нибудь живописецъ рѣшится изобразить эту символическую фигуру, пусть онъ напишетъ огромное чудовище съ сотнею глазъ, сотнею ртовъ и сотнею ушей, котораго ноги касаются земли, а голова теряется въ небесахъ: эффектъ подобной картины былъ бы чрезвычайно смѣшонъ.

И такъ, цѣль искусствъ—одна; а средства различны. Поэтому есть общія правила для всѣхъ ихъ, и частныя для каждаго особенно. У насъ нѣтъ мѣста входить въ разсмотрѣніе ихъ въ подробности. Замѣтимъ только, что главный законъ всякаго искусства—выраженіе. Всякое произведеніе искусства, если оно не выражаетъ какой-нибудь идеи, ничего не значить; необходимо, чтобъ оно, обращаясь къ тому или другому чувству, проникало до разума, до души, и вносило туда мысль или чувство способное тронуть или возвысить ее. Изъ этого основнаго закона вытекаютъ и всѣ прочіе, наиримѣръ, законъ композиціи. Къ этому-то закону всего болѣе относится правило объ единствѣ и разнообразіи. Но говорить объ этомъ мы можемъ тогда только, когда опредѣлимъ свойство единства, о которомъ идетъ дѣло. Истинное, настоящее единство, есть единство выраженія, разнообразіе назначено для того только чтобъ разлить въ цѣломъ созданіи единственную идею, или чувство, которое это созданіе должно выражать. Наирасно и говорить, что между композиціею, въ этомъ смыслѣ и между композиціею въ обыкновенномъ ея значеніи, то есть, между симметриею, расположеніемъ частей по извѣстнымъ искусственнымъ законамъ, — цѣлая бездна. Настоящая композиція не чтò иное, какъ самое высшее средство выраженія.

Выраженіе даетъ не только общія правила искусству, но еще и основаніе для классификаціи.

Всякая классификація предполагаетъ какое-нибудь начало, служащее общимъ мѣриломъ.

Думали, будто это начало—удовольствіе, и что, слѣдовательно, высшее искусство то, которое доставляетъ наибольшее наслажденіе; мы уже видѣли, что предметъ красоты не есть удовольствіе: большая или меньшая степень удовольствія, доставляемаго искусствомъ, не можетъ, слѣдовательно, служить мѣрою его достоинства.

Это мѣрило—не что иное какъ выраженіе. Какъ верховною цѣлью искусства—выраженіе, то искусство наиболее подходящее къ нему, будетъ первымъ изъ искусствъ.

Всѣ искусства выразительны, но выразительны различнымъ образомъ. Возьмите музыку; это искусство—самое поразительное, самое глубокое, наиболее трогательное сердце. Между звукомъ и душою есть какое-то чудное физическое и нравственное отношеніе. Душа, какъ-будто—ахъ, гдѣ звукъ пріобрѣтаетъ большую силу. О музыкѣ древнихъ рассказываютъ чудеса, которымъ не трудно вѣрять, видя какое дѣйствіе производитъ наша музыка на насъ, которые совсѣмъ не такъ чувствительны къ прекрасному, какъ были древніе. Не должно думать, чтобы величіе эффектовъ требовало очень сложныхъ средствъ. Нѣтъ, чѣмъ менѣе въ музыкѣ шуму, тѣмъ она болѣе трогаетъ. Дайте Перголезе нѣсколько нотъ, дайте ему кромѣ-того нѣсколько голосовъ чистыхъ и сладкихъ, онъ восхититъ васъ до небесъ, онъ увлечетъ васъ въ области безконечнаго, онъ погрузитъ васъ въ невыразимо-чудныя мечтанія. Сила, свойственная только музыкѣ, состоитъ въ томъ, что она открываетъ вашему воображенію безконечное поприще, она съ изумительною способностію можетъ поддѣлываться къ расположенію каждаго, самыми простыми звуками раздражать и успокаивать наши привычныя чувства, наши любимыя привычки. Въ этомъ отношеніи, музыка искусство, не имѣющее соперника; но она всё-таки не первое изъ искусствъ.

Музыка платитъ дань за необъятную силу данную ей природою; она сильнѣе другихъ искусствъ возбуждаетъ

чувство безконечнаго, потому что эффекты ея неопредѣленны, темны, неочерчены. Музыка—искусство диаметрально противоположное ваянію, которое меньше увлекаетъ насъ въ безконечность, потому что въ немъ все определено съ величайшею точностію. Такова сила и, вмѣстѣ, слабость музыки: она выражаетъ все и ничего не выражаетъ въ—особенности Ваяніе, наиротивъ, не располагаетъ насъ къ мечтательности; оно ясно изображаетъ одну вещь, а не другую. Музыка не рисуетъ, а трогаетъ; она приводитъ въ движеніе воображеніе, но не воображеніе образовъ, но то, которое заставляетъ биться сердце. Однажды тронутое сердце, потрясаетъ все остальное; вотъ какимъ образомъ музыка, не прямо, но въ нѣкоторой степени, возбуждаетъ въ насъ образы и идею; ея прямое назначеніе однако жъ состоитъ не въ томъ чтобъ дѣйствовать на воображеніе и умъ, а трогать сердце, преимущество высокое.

Область музыки—чувство; но и здѣсь въ ея власти болѣе глубины, нежели обширности; если она выражаетъ нѣкоторыя чувства съ несравненною силою, то число этихъ чувствованій очень ограничено. Посредствомъ связи существующей между различными чувствованіями, она можетъ возбудить ихъ всѣ; но прямо она производитъ только два, самыя простыя, самыя элементарныя: печаль и радость, съ тысячами ихъ оттѣнковъ. Потребуйте отъ музыки, чтобъ она выразила вамъ героизмъ, благородную рѣшимость, и тысячу другихъ чувствъ, въ которыхъ печаль или радость принимаютъ очень небольшое участіе: она беспильна исполнить это, точно такъ же какъ нарисовать гору, или озеро. Она берется за дѣло какъ можетъ, она употребляетъ широкое, быстрое, сильное, нѣжное, и предоставляетъ воображенію довершать остальное, а воображенію дѣлать то, что ему нравится. Въ одномъ и томъ же тактѣ одинъ видитъ гору, другой океанъ, вопль почерпаетъ героическіе помыслы, отшельникъ религиозное вдохновеніе. Безъ—сомнѣнія, слова могутъ дать опредѣлительность музыкальному выраженію, но тогда вся честь принадлежитъ словамъ, а не музыкѣ; но часто случается, что слова придаютъ музыкѣ такую

опредѣлительность, которая ее губить и отнимаетъ у ней сродные ей эффекты: неопредѣленное, темное, монотонное, и виѣсть съ тѣмъ величественность, глубину, безконечность. Мы рѣшительно отвергасмъ опредѣленія пѣнія: нотированная декламація. Простая декламація, хорошо произнесенная, въ тысячу разъ предпочтительнѣе оглушающихъ аккомпаниментовъ; надобно предоставить музыкѣ ея собственный характеръ. не отнимая у нея ни ея достоинствъ, ни ея недостатковъ. Не должно никогда отвращать ее отъ ея цѣли, и требовать того чего она не можетъ дать. Она не назначена для того, чтобъ выразить чувства сложныя и поддѣльныя, земныя и обыкновенныя. Главная цѣль ея въ томъ, что она возвышаетъ душу до безконечнаго. Она естественнымъ образомъ находится въ союзѣ съ религіею, особенно съ тою, которая есть религія безконечнаго, и въ то же время религія сердца: она переводитъ къ престолу вѣчнаго милосердія трепетную душу грѣшника, на крыльяхъ раскаянія, надежды и любви. Счастливы тотъ, кому удалось услышать въ Римѣ, въ Ватиканѣ, мелодіи Лео, Дуранте, Перголезе. Для него на мгновѣніе открылось небо; душа его поднялась туда, по ступенямъ избираемымъ ею самою, но ступенямъ невидимымъ и таинственнымъ, составленнымъ, такъ сказать, изъ всѣхъ чувствъ, простыхъ, естественныхъ, міровыхъ, которыя, на всѣхъ точкахъ земнаго шару, вырываютъ изъ глубины человѣческихъ сердецъ вздохъ къ другому міру.

Между ваяніемъ и музыкою, этими противоположными крайностями находится живопись, столь же отчетливая какъ первое, и столь же трогательная, какъ вторая. Подобно ваянію, она рисуетъ видимыя формы предметовъ, внося въ нихъ жизнь; подобно музыкѣ, она выражаетъ самыя глубокія чувствованія души, и выражаетъ ихъ всѣ. Скажите какого чувства нѣтъ на палитрѣ живописца? У него въ распоряженіи вся природа: міръ физическій и міръ моральный, кладбище, сельскій видъ, захожденіе солнца, океанъ, всѣ великія сцены изъ жизни гражданской и жизни духовной, всѣ существа, творенія и особенно лицо человѣка, и его взоръ, это живое зеркало всего что совершается въ душѣ. Болѣе трогательная нежели

скульптура, болѣе ясная, чѣмъ музыка, живопись, по нашему мнѣнію, выше ихъ обонхъ, потому что вѣрнѣе выражаетъ красоту, во всѣхъ ея формахъ и человѣческую душу во всей роскоши и разнообразіи ея чувствованій.

Но самое высшее искусство, которое превосходить всѣ прочія, потому что несравненно выразительнѣе ихъ, это—поэзія.

Слово—инструментъ поэзіи; поэзія вырабатываетъ его для выраженія красоты идеальной; она сообщаетъ ему прелесть и могущество размѣра; она составляетъ изъ него среднее между обыкновеннымъ голосомъ и музыкою, нѣчто въ одно и то же время вещественное и не матеріальное, оконченное, ясное, точное, подобно очеркамъ или формамъ, живое, одушевленное, трогательное и безконечное подобно звукамъ. Слово, простое само по себѣ, будучи избрано и преобразено поэзіею, становится символомъ самымъ энергическимъ и самымъ всемірнымъ. Вооруженная этимъ талисманомъ, созданнымъ ею, самою поэзія отражаетъ всѣ образы чувственнаго міра, какъ ваяніе и живопись; она отражаетъ чувства какъ живопись и музыка, со всѣми видоизмѣненіями ихъ, чего не дѣлаетъ музыка, и съ ихъ быстрою послѣдовательностью, чего не удастся живописи, опредѣленной и неподвижной, какъ скульптура. Не одно это выражаетъ поэзія: она изображаетъ то, что недоступно никакому другому искусству—мысль, совершенно отдѣленную отъ чувствъ, неизмѣняющую формы, красокъ, мысль неиздающую звуковъ, которая не обнаруживается ни въ какомъ взглядѣ, мысль въ ея самомъ возвышенномъ полетѣ, въ ея самой утонченной отвлеченности.

Подумайте! Какой безконечный міръ образовъ, чувствъ, мыслей, въ одно и то же время ясныхъ и темныхъ, возбуждаетъ въ васъ одно слово: отечество! и еще другое слово, безграничное Богъ. Чтò можетъ быть яснѣе, глубже, обширнѣе.

Скажите архитектору, скульптору, живописцу, музыканту, чтобъ они однимъ словомъ вызвали всѣ силы природы и души. Они не могутъ этого, и этимъ признаютъ превосходство силы поэзіи.

Они сами провозглашаютъ это, потому что сами же берутъ поэзію мѣриломъ достоинства своихъ произведеній; она требуютъ чтобъ произведенія ихъ цѣнились по большому или меньшему приближенію ихъ къ идеалу поэтическому. Люди дѣлаютъ то же самое. Какая поэзія! восклицаютъ они смотря на картину, слушая благородную комедію, любясь живою, выразительною статуею. И это сравненіе произвольное, естественное; сужденіе дѣлаетъ поэзію типомъ совершенства всѣхъ искусствъ, потому что она заключаетъ въ себѣ всѣ прочія искусства, которыя тщетно стараются сравняться съ нею.

Если прочія искусства стараются подражать произведеніямъ поэзій, то большею частію они заблуждаются, теряютъ свой собственный геній, не похитивъ генія поэзій. Поэзія по своему произволу создаетъ дворцы и храмы, какъ архитекторъ; ей повинуются всѣ ордены архитектуры, такъ же какъ всѣ системы; она не дѣлаетъ различія между различными эпохами искусства; она создаетъ то, что ей нравится и классическое и готическое; прекрасное и высокочное; мѣрное и безконечное. Лессингъ имѣлъ полное право назвать Гомера совершеннѣйшимъ скульпторомъ: до такой степени точно отдѣланы формы, которыя рѣзецъ этого поэта далъ всѣмъ своимъ созданіямъ. Какой живописецъ въ то же время Гомеръ! а Данте—въ другомъ родѣ! Одна музыка имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе проницательное нежели поэзія, но она неопредѣленна, ограничена, переходяща. Кромѣ своей отчетливости, разнообразія, продолжительности, поэзія имѣетъ еще трогательные звуки. Вспомните слова Пріама, падающаго къ ногамъ Ахилла, чтобъ выпросить трупъ своего сына; какой-нибудь стихъ Виргилія, цѣлыя сцены изъ Свда и Полиакта; молитву Эсфира, хоры изъ Эсфира и Аталія. Въ знаменитомъ произведеніи: *Pergolese*, *Stabat Mater*, что трогаетъ больше—музыка или слова? Человѣческое слово, идеализированное поэзіею, получаетъ глубину и блескъ музыкальной ноты, но оно столько же блистательно, сколько и трогательно; оно говоритъ и уму и сердцу; оно неподражаемо и недостижимо тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ всѣ крайности и всѣ противоположности, въ гармониче-

скомъ видѣ, который удваиваетъ ихъ взаимные эффекты, и гдѣ появляются одно за другимъ, всѣ образы, всѣ чувствованія, всѣ идеи, всѣ способности человека, всѣ сгибы сердца, всѣ стороны вещей, міръ физическій и міръ умственный!

Довольно. Остережемся, не станемъ переходить въ область метафизики. Довольно, если мы узнали начала, и начертили раму картины. Мы предоставляемъ другимъ наполнить картину, повѣрить наши начала и приложить ихъ къ дѣлу. Наука прекраснаго стѣбитъ того, чтобы великіе умы посвятили ей свои труды и присоединили къ ней свое имя.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

**О ВРЕДѢ ОТЪ СОБАКЪ, ПРИ НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.**

=

Въ полудикомъ состояніи обществъ, собака получила, съ вѣкоторою основательностью, пышный титулъ—*друга чловѣка*. Но въ обществѣ просвѣщенномъ, благоустроенномъ, дѣятельномъ—она не можетъ исправлять этой должности: здѣсь она скорѣе врагъ, чѣмъ другъ ему, потому что стѣитъ ему дорого, не оказываетъ ни какой вѣрной услуги, и нерѣдко бываетъ причиною такихъ несчастій, по которымъ присутствіе ея не можетъ быть терпимо. Въ каждомъ городѣ, почти въ каждой деревнѣ, видны или слышны примѣры укушенія бѣшенными собаками, потому что собака, особливо въ лѣтнее время, чрезвычайно легко и скоро приходитъ въ болѣзненное состояніе, называемое бѣшенствомъ, а въ этомъ состояніи кидается на всѣхъ встрѣчныхъ, кусаетъ ихъ, и за укушеніемъ ея слѣдуетъ неизбежная, мучительная, ужасная смерть. Медицина почти бессильна пособить укушенному: онъ—вѣрная жер-

тва самой мучительной смерти. И таких-то ужасных случаев бываетъ каждый годъ тысячи, не говоря уже о томъ, сколько бѣшенныя собаки перекусаютъ коровъ, овецъ, лошадей и другихъ животныхъ, которыя также неминуемо погибаютъ. Считаю, весьма умѣренно, на шесть человѣкъ по одной собакѣ, у насъ, въ Россіи должно находиться до десяти милліоновъ этихъ животныхъ: можно себѣ представить, сколько онѣ стоятъ, въ политико-экономическомъ отношеніи, если положить только по три рубля серебромъ въ годъ на каждую собаку. Но прискорбнѣ всего видѣть человѣка жертвою безмысленнаго животнаго, звѣря, котораго только по остатку варварства держать подлѣ себя, и еще называютъ, въ противность образованному чувству, своимъ *другомъ*! Но этотъ мнимый другъ всегда грозитъ намъ смертью, и кромѣ-того причиняетъ множество неудобствъ въ общественной жизни, не принося ни малѣйшей пользы, какъ будетъ доказано ниже.

Если бы даже находили какую-нибудь пользу или удовольствіе держать подлѣ себя собакъ, то одна возможность ихъ бѣшенства должна была бы побудить къ освобожденію себя отъ нихъ. Предположимъ даже, по самому умѣренному соображенію, что въ Россіи погибаетъ отъ укушенія бѣшенными собаками *сто* человѣкъ въ годъ — неужели можно допустить такое страшное зло? Положимъ, что погибаетъ меньше: пятьдесятъ, двадцать, десять человѣкъ — неужели можно предавать ихъ гибели? Можно ли обречь и *одного* невиннаго человѣка на страшную смерть? Нѣтъ! общественная образованность, здравый разумъ, все велитъ намъ пещись объ *одномъ* человѣкѣ такъ же какъ о тысячахъ. Послѣ этого не нужно было бы никакаго доказательства, что подобное зло не можетъ быть допущаемо.

Но, къ удивленію, есть множество защитниковъ, любителей, покровителей собакъ, которые не только равнодушно разсуждаютъ о такомъ злѣ, но даже не хотятъ видѣть его. «Во-первыхъ, говорятъ намъ, случай укушенія бѣшенными собаками чрезвычайнаго рѣдка...» Рѣдка! Если изъ милліона *одного* человѣка погибнетъ отъ собакъ ужаснѣйшею смертью, то вы почитаете это рѣдкимъ

случившись? это уже ничто?... А если такой жребій выпаде-
детъ для вашего брата, отца, вашего сына, вашей жены,
дочери?... Станете ли вы разсуждать такъ хладнокровно,
когда передъ вами будетъ умирать въ ужаснѣйшихъ муче-
ннхъ драгоцѣнное для васъ дитя ваше, или милая супру-
га, составляющая ваше счастье?... Вы равнодушно читае-
те въ статистическихъ отчетахъ страшную для человѣче-
ства строчку: *Умерло отъ укушенія бѣшенными собаками*
пятьдесятъ человекъ, но не переживите ли вы тона,
когда въ числѣ этихъ *пятидесяти* будутъ вашъ другъ,
вашъ сынъ, ваша жена? Развѣ они не могутъ быть въ чи-
слѣ ихъ? И развѣ у несчастныхъ *пятидесяти* ежегод-
ныхъ жертвъ не было родныхъ, друзей, которыхъ сча-
стие и вся жизнь разорваны навсегда страшною потерей?
Но если въ васъ нѣтъ этого христіанскаго чувства къ
ближнему, то вообразите себя, да, *самого себя* на мѣстѣ
другаго! Сохраните ли вы свое философское безстрастіе,
когда васъ самихъ постигнетъ страшное несчастье быть
укушеннымъ бѣшеною собакою, и неизбежная, мучитель-
ная смерть со всѣми своими ужасами, будетъ приближать-
ся къ вамъ?

Но мы увѣрены, что если встрѣчаются люди, которые
находятъ, что *слишкомъ велико* число жертвъ отъ уку-
шенія бѣшенными собаками, то они говорятъ это не сообра-
жая силы своихъ словъ. Такія слова можетъ внушить раз-
вѣ нехристіанское, нечеловѣческое чувство. Неужели толь-
ко отъ тысячей жертвъ природа человѣческая приходитъ
въ содроганіе?

Гораздо больше число людей, которые говорятъ, что
собаки приносятъ пользу. «Иначе мы и не держали бы
ихъ. Въдѣ они оберегаютъ наши дома, онѣ помогаютъ на
охотѣ, онѣ защищаютъ насъ отъ многого.»

Если бы и дѣйствительно было такъ, то можетъ ли это
вознаградить зло, причиняемое ими и уже описанное на-
ми? Не лучше ли пусть обокрадутъ насъ, пусть останемся
мы безъ дичины и зайцовъ, чѣмъ допустимъ хоть одного
нечестнаго человѣка погибнуть страшною смертию? Но и
милая польза, приносимая собаками, есть только мечта,
предразсудокъ, непростительное для человѣка обольщеніе

себя, и если собаки оказываютъ какія-нибудь услуги, то ихъ можно замѣнить, съ пользою гораздо больше существенною для человѣка и для общества. Много ли встрѣчается случаевъ, чтобы собаки предохраняли кого-нибудь отъ воровъ? Едва-ли одинъ противъ одного случая смерти, причиняемой ими!.... Сравненіе ужасное! Цѣна слишкомъ дорогая!.... Сообразите только, что если собаки были бы такими хорошими оберегателями, какъ говорятъ многие неразсуждающіе люди, то не было бы такого множества покражъ и похищеній всякаго роду; а между-тѣмъ всѣ двory и улицы наполнены собаками!.... Скажемъ лучше, что едва-ли гдѣ-нибудь и что-нибудь оберегаютъ онѣ, и развѣ немногія удивительныя случайности въ прежнемъ состояніи общества могли утвердить этотъ нолудкій предразсудокъ. Согласимся, что въ какихъ-нибудь пустынныхъ, уединенныхъ мѣстахъ, въ лѣсу, въ темную ночь, собака можетъ оберегать человѣка или дать ему знать о приближеніи опасности; но эти толпы собакъ, которыя наполняютъ двory и улицы многолюдныхъ городовъ — к чему онѣ? Только кусать людей, или пугать безъ всякой пользы! Можно держать при себѣ оружіе, когда оно нужно для защиты; но кто же станетъ и кто дозволить ходить по городу съ заряженными ружьями и острыми кинжалами? Городъ не пустыня и не вертепъ разбойниковъ, и мы говоримъ не объ исключительныхъ случаяхъ и предосторожностяхъ, съ которыми можетъ быть допущено существованіе собакъ, и даже представимъ даже возможность извлечь изъ нихъ пользу; говоримъ о томъ злоупотребленіи и тѣхъ несчастіяхъ, какимъ подвергается общество человѣческое отъ собакъ при нынѣшнемъ невниманіи къ этому злу. Короче, въ городахъ собаки не предохраняютъ ни кого и ни отъ чего, а, напротивъ, всегда грозятъ страшнымъ несчастіемъ.

«Но въ деревняхъ!» скажутъ намъ: какъ быть тамъ безъ собакъ?» Точно такъ же какъ и въ городахъ. Слова Богу, мы живемъ не въ такомъ государствѣ, гдѣ разбойники нападаютъ на деревни; да если бы и были они у насъ, то разбойники, то есть, люди вооруженные, насильственно нападающіе на дома и даже на деревни, побоятся ли

собакъ? Нѣтъ, собака еще можетъ дать знать о приближеніи какого-нибудь робкаго ворышки; но въ деревняхъ нашихъ воровство почти не существуетъ. Подламывать амбары, уводить коней, скотъ, могутъ и при собакахъ, и отъ этого надобно принимать другія мѣры; но въ деревняхъ нѣтъ вещей, за которыми приходятъ воры.

Какія еще пользы отъ собакъ выставятъ намъ защитники и любители ихъ? Охоту?... Можно допустить охоту съ собакою за дикими птицами; но благодаря повсемѣстному истребленію лѣсовъ и оттого рѣдкости птицъ, эта охота почти не стоитъ труда; и не въ населенныхъ мѣстахъ занимаются ею; да для нея надобны и собаки не тѣ, которыя шатаются по улицамъ и наполняютъ обывательскіе дома. Своры гончихъ и борзыхъ собакъ, также, по милости просвѣщенія и привычкѣ человѣка къ другимъ, благороднѣйшимъ увеселеніямъ, почти истребились сами собою, и развѣ немногіе богатые люди еще держатъ ихъ, находя какое-то непостижимое удовольствіе показывать свою храбрость—надъ зайцами! Въ самомъ дѣлѣ, охота за зайцами, за козами и оленями, а иногда—какое мужество!—и за кабанями, больше достойна смѣху чѣмъ запрещенія. Этотъ остатокъ феодальныхъ нравовъ еще понятенъ былъ во Франціи при Людовикѣ Пятнадцатомъ, который съ госпожею Помпадуръ показывалъ свою храбрость надъ зайцами въ версальскихъ лѣсахъ; понятно и то, что какъ Французамъ подражали тогда во всемъ, то и охота съ гончими собаками перенята была у насъ, и многіе помѣщики, отънимая хлѣбъ у своей дворни, держали своры собакъ, но въ наше время—это всё-равно что фижмы, пудра, красные каблукки! Этой охоты, смѣшной и вмѣстѣ разорительной и варварской, не знали наши предки, и она, какъ заносный соръ модныхъ нравовъ XVIII-го столѣтія, почти выброшена изъ образованнаго общества. Остаются еще люди или, лучше сказать, охотники, которые находятъ удивительную поэзію въ гоньбѣ собакъ за трусливыми зайцами; но вмѣстѣ съ этими остатками стараго злоупотребленія умрутъ и всѣ своры гончихъ и борзыхъ собакъ.

Наконецъ, защитниками псовъ являются — дамы!... Мы

готовы уступить имъ законы вкуса въ жардахъ, въ частностяхъ общественной жизни, во всемъ что касается тѣхъ безчасленныхъ отношеній, гдѣ женщины могутъ быть законодательницами; но, въ то же время, мы готовы пожертвовать всѣми рыцарскими чувствами нашими къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, для спасенія хоть одного человѣка отъ смерти, и даже для облегченія судьбы нѣсколькихъ бѣдняковъ. Впрочемъ, жертвъ не нужно будетъ ни отъ насъ, ни отъ нѣжныхъ защитницъ собакъ; можно устроить все очень миролюбиво: надобно только объясниться.

Точно, женщины любятъ собакъ, особливо въ тѣ годы, когда *сърность, привязанность*, дѣлаются любимыми ихъ словами, которыхъ осуществленіе встрѣчается довольно рѣдко. Онѣ видятъ въ собакахъ такую привязанность, вѣрность, даже страсть, ревность, что, наконецъ, находятъ въ нихъ и смѣтливость, и понятливость, и чуть ли не красоту въ самыхъ гадкихъ мопсахъ и брыланахъ! Что за житее этимъ отвратительнымъ лѣвтямъ у какой-нибудь старой дѣвы! Кормятъ ихъ цыплятами, сахаромъ, бѣлымъ хлѣбомъ, молокомъ; особая служанка моетъ и расчесываетъ ихъ шерсть; лакей несетъ ихъ на рукахъ когда устаютъ они на прогулкѣ; для нихъ стелютъ постель, угождаютъ имъ, гувернантки и компаньонки ухаживаютъ за ними какъ за любимымъ дитятей!.... Не одинъ разъ служанки и лакеи проклинаютъ свою жизнь изъ-за жирныхъ мопсовъ, плачутъ отъ брани и побоевъ за нихъ и закладываютъ ихъ судьбѣ. И правда, что не на всякаго человѣка употребить въ годъ столько попеченій, вниманія, денегъ, сколько растратятъ ихъ для какой-нибудь косматой Фиделки. Если бы сосчитать что сожретъ она, что стоитъ прислуга для нея, постели, подушки, ошейники, право, не одно семейство можно было бы содержать на эти деньги, спасти отъ тяжелой нужды и даже отъ голоду или, изъ крайности, отъ попытки на преступленіе. А еще иногда *сърное* животное, повинувшись своей дикой природѣ, сбѣжитъ со двора, прожидаетъ нѣсколько дней, и его ищутъ, объявляютъ о томъ въ газетахъ, обѣщаютъ награду благодѣтелю, который приведетъ его, платятъ сто, двѣсти рублей!... Такъ во-

отушаютъ тѣ, которые гонятъ протлвизающаго къ намъ руку бѣдника, забывая святой заветъ Спасителя: «Прощеню дай!» и не научившись въ жизни, что только бѣдствіе или униженное человѣчество просить милостыни.... Какое имъ дѣло! Они въ восторгѣ, что нашли пропадавшаго своего любимца, ласкаютъ его, щѣлуютъ въ отвратительную морду, плачутъ отъ умиленія, и нѣсколько дней рассказываютъ о прошедшемъ своемъ несчастіи и настоящемъ благополучіи. Такихъ картинъ можно было бы представить множество. Мы сами были свидѣтелями, какъ одна дама, ѣздивши изъ Петербурга въ Москву, наняла мѣсто для себя и для своего толстаго пса въ дилижансѣ, а для служанки своей въ кабриолетѣ, назадъ, и какъ время было осеннее, а собака принадлежала къ какой-то безшерстной породѣ и дрожала отъ холоду, то она окутывала ее шалами и устроила для нея настоящую постель подлѣ себя; тогда какъ служанка мерзла, взятая, по видимому, для того только, чтобы ухаживать за гнусною собакою. Да, трудно вообразить что-нибудь гаже этихъ безшерстныхъ собакъ, и еще труднѣе представить себѣ попеченія дамы, которая везла такую тварь съ собой въ каретѣ. Почти на каждой станціи пса выносили, гладили, перекутывали шалами, кормили, заставляли побѣгать, и опять уносили на постель. Во всю дорогу служанка не получила ни одного изъ тѣхъ привѣтливыхъ выраженій и взглядовъ, какими ѣлиши безсмысленное животное!...

Такая привязанность не рѣдкость въ нашемъ образованномъ обществѣ. Но не есть ли она сама по себѣ уже зло? Можно ли допустить ее въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ множество средствъ для наслажденій жизнью, множество такихъ благородныхъ побужденій сердца, такихъ обязанностей, что любовь къ безсмысленному животному, къ звѣрю, должна казаться имъ униженіемъ собственнаго достоинства, и — осмѣлимся сказать — даже нѣкоторымъ преступленіемъ?... Вы не назовете жѣсткихъ выраженій, употребленнаго нами, если хоть слегка сообразите свои христіанскія обязанности и подумаете, исполнены ли онѣ всѣ съ тою отчетливостью, какую обязаны христіане Богу и даже самимъ себѣ. Такъ ли радушны, добры, жало-

стлывы, щедры вы къ окружающимъ васъ людямъ, какъ къ своимъ комнатнымъ собаченкамъ? Любите ли вы своихъ слугъ, и вообще *меминглъ брагій*, какъ любите этихъ тварей?... По совѣсти, не каждый можетъ отвѣчать на это: да! Безсознательность человѣческая, незаботливость о спокойствіи своей души, можетъ отдѣлаться отъ такого вопроса общими фразами, отвѣчать, что она любитъ людей иначе нежели собакъ, что одно не мѣшаетъ другому, и много тому подобнаго; но эти слабыя оправданія, усилія виновнаго передъ судомъ собственной совѣсти, то же что оправданія ребенка, сдѣлавшаго шалость.... Нѣтъ! вы любите своихъ собакъ больше нежели людей; вы доказываете это не только нѣжными попеченіями о нихъ, но и самымъ существеннымъ доказательствомъ, употребляя на нихъ *деньги*, это вѣрное мѣрило человѣческихъ дѣйствій. Вы платите за какого-нибудь «Азора» десятки, сотни рублей, кормите его лакомыми блюдами, дѣлитесь съ нимъ собственнымъ кушаньемъ, не жалѣете для него издержекъ; а приходитъ ли вамъ на мысль въ то же время, что въ одномъ городѣ съ вами есть множество людей, которые не имѣютъ *куска черстватаго хлѣба*, которые протягиваютъ къ вамъ руку, и вы гоните ихъ отъ себя, какъ докучливыхъ нищихъ, говоря, что для бѣдныхъ учреждены человѣколюбивыя общества и богадѣльни!... Но гдѣ же ваша личная любовь къ человѣку? Не лучше ли утопить дожилину мопсовъ, косматыхъ, вонючихъ болонокъ, и помочь хоть одному бѣдному, изувѣченному, часто безприютному ребенку? Неужели вы не знаете, что человѣколюбивыя общества не имѣютъ средствъ призирать всѣхъ бѣдныхъ, и что въ каждомъ городѣ есть сотни безпомощныхъ? Вы знаете это, но, именно, какъ зашалавившійся мальчикъ, хотите оправдать себя тѣмъ, чему и сами не вѣрите. Собака—предметъ вашей любви, а человѣкъ,—чужой вамъ. Если не предполагать этого, то, истинно, не понимаемъ, какъ можетъ образованный человѣкъ держать подлѣ себя звѣря! Да! что же, окончательно, собака какъ не звѣрь? Такой же звѣрь какъ медвѣдь, волкъ, кабанъ! Если опъ не такъ часто кусаетъ васъ какъ другіе звѣри, то этимъ обязаны вы безпрерывнымъ о немъ попеченіямъ

вѣковыми успіямъ привязать къ себѣ его, и если собаки еще и теперь грызутъ и кусаютъ людей, то по-крайней-мѣрѣ люди сдѣлали все для пріобрѣтенія ихъ дружбы. Можно предполагать, что если бы такъ же и столько же вѣковъ заботились они пріучать къ себѣ волковъ, медвѣдей, даже львовъ, то и эти свирѣпыя звѣри сдѣлались бы ручными, и хотя терзали бы всѣхъ встрѣчныхъ, но были бы очень милы съ своими хозяевами. Вѣдь есть же примѣры, что содержатели звѣринцевъ обнимаютъ, цѣлуютъ львовъ и кладутъ имъ въ пасть свою голову! Вся разница, что собаки не такъ сильны, и потому кусаются меньше, и только приходя въ бѣшенство наносятъ вѣрную смерть. Но зло остается зломъ, и держать подлѣ себя звѣря, который наноситъ смерть — варварство, недостойное просвѣщеннаго вѣка, непостижимое для ума безъ предразсудковъ, и объясняемое только тѣмъ, что есть много и другихъ золъ, терпимыхъ въ человѣческомъ обществѣ. Конечно скажутъ, что комнатныя собаки составляютъ исключеніе, что онѣ доставляютъ перезрѣлымъ дѣвкамъ, удовольствіе, отраду въ горькой долѣ; что онѣ не кусаются, не причиняютъ смерти! Напротивъ, онѣ такъ же кусаются какъ дворняжки, и нѣсколько лѣтъ назадъ былъ примѣръ въ Москвѣ, что почти цѣлое семейство погибло отъ любимой собаченки. И для такихъ-то тварей вы расточаете любовь, привязанность, деньги, которыя могли бы служить облегченіемъ судьбы многихъ вашихъ ближнихъ!... Не есть ли послѣ этого зло самая любовь къ собакамъ? Не заглушаетъ ли она хоть искры любви къ человѣку? Не развлекаетъ ли она отъ благодѣяній и безъ того равнодушное къ страданіямъ человѣка общество?... Сообразите только одно: если бы вы взяли къ себѣ въ домъ бѣднаго, больнаго, или безпомощнаго дитя, и не больше какъ о любимой своей собакѣ заботились бы о немъ, вы, по слабости человѣческой, гордились бы добрымъ дѣломъ, воображали бы что оказываете благодѣяніе, и даже съ нѣкоторымъ принужденіемъ переносили бы разные его недостатки и безпокойство отъ него; но теперь всю эту любовь, всѣ попеченія, всѣ издержки истрачиваете вы на бессмысленное, часто гнусное животное, и не вздумаете пожаловаться на разныя его ша-

дрости, чистоту, храбрость, поспешный лай, и множество хлопотъ и безпорядковъ отъ него!... Для болошки вы забываете обязанности человѣка!

Съ какихъ сторонъ ни станемъ разсматривать любовь и дружбу къ собакамъ, вездѣ найдемъ въ ней только собственное уваженіе, вредъ, препятствіе хоть къ немногимъ добрымъ поступкамъ. Но нигдѣ не бываетъ такъ протына и унижительно любовь къ собакамъ, какъ въ великолѣпной гостини, въ кругу людей образованныхъ! Это жесточайшее обличеніе въ варварствѣ, какое еще остается въ нашихъ нравахъ!... При всемъ уваженіи нашимъ къ уточненнымъ правамъ и обычаямъ, мы не можемъ скрыть изумленія нашего, что этотъ остатокъ темныхъ вѣковъ, понятный въ грубыхъ нравахъ простолюдиновъ, существуетъ и тамъ, гдѣ люди почитаютъ себя уже на высшей точкѣ просвѣщенія. Не удивительно, что простолюдины находятъ необходимымъ или пріятнымъ многое, отчего уже давно отказались люди образованные; но если человѣкъ, разсуждающій о высшихъ успѣхахъ ума и просвѣщенія, держитъ подлѣ себя еобаченокъ и любитъ ихъ, пусть не удивляется онъ, что крестьянинъ живетъ въ одной комнатѣ съ телятами и почитаетъ необходимою для здоровья и спокойствія курную избу. На сторонѣ крестьянина больше основательности.

Кажется, довольно убѣдительныхъ доказательствъ, что собаки не могутъ приносить никакой пользы въ общественной жизни человѣка..... Удовольствіе, польза отъ собакъ!... Эти слова, при сближеніи своемъ, даютъ одно на другое, какъ незнакомыя собаки, встрѣтившіяся случайно!... Напротивъ, мы уже показали какія страшныя несчастія происходятъ отъ нихъ, и напомнили о нравственномъ вредѣ, какой необходимо вносятъ онѣ съ собою въ человеческое общество. Говорить ли послѣ этого о нежестяхъ другихъ невыгодъ и неудобствъ, которыя неизбежны отъ нихъ въ общественной жизни? Число собакъ размножилось до такой степени, что прокормленіе миллионовъ ихъ можно почесть одною изъ общественныхъ негостей. Безочетно, безъ всякаго вниманія даютъ имъ распложаться, и оттого почти въ каждомъ дворѣ есть не

сколку собакъ; но никто не подумаетъ, что всѣ онѣ пожираютъ множество хлѣба, мяса, костей, которые можно было бы употребить гораздо полезнѣе. Собаки питаются не воздухомъ, а тѣмъ же самымъ чѣмъ питается человѣкъ, и не всегда какими-нибудь остатками, а хоть въ нѣкоторой части здоровою, сочною пищею. Сколько же отнимаютъ онѣ пропитанія у людей! Если положимъ, что въ Россіи есть десять милліоновъ собакъ; и что на каждую изъ нихъ выходитъ въ годъ только по два фунта чистаго хлѣба и по два фунта чистаго мяса, то найдемъ, что содержаніе ихъ стѣитъ намъ каждый годъ *пятьсотъ тысячъ пудовъ хлѣба и пятьсотъ тысячъ пудовъ мяса*.... А, вѣроятно, выходитъ вдесятеро болѣе и это огромное количество жизненныхъ припасовъ приносится въ жертву холодному вреду, варварскому предрасудку и поддержанію множества неудобствъ въ общественной жизни! Но, — скажутъ собаколюбцы, — собакѣ отдають остатки пищи, объѣдки, кости, вещи никуда не годныя, которыя пришлось бы выкинуть вонъ бесполезно. Они ошибаются: велите сливать и складывать эти никуда негодные остатки, объѣдки и кости въ нарочно устроенное мѣсто, — получите изъ него превосходнѣйшій навозъ въ свѣтъ, и не станете жаловаться на неурожайные годы. Это—золото. Вы только—цѣны ему не знаете.

Къ числу самыхъ непріятныхъ неудобствъ принадлежитъ то, что нельзя войти почти ни въ одинъ дворъ, нельзя иногда пройти по улицѣ безъ того, чтобы васъ не атаковали собаки. Необходимо защищаться отъ нихъ, потому что если онѣ не укусятъ васъ, то изорвутъ платье и не дадутъ пройти. Онѣ особенно храбры тамъ, гдѣ вовсе не нужна ихъ храбрость. Въ номѣ домѣ, днемъ, онѣ дѣтѣхъ-поръ не отстаютъ отъ васъ, покуда хозяинъ или дворникъ не выбѣжитъ съ дубиной и не разгонитъ своихъ милыхъ оберегателей. И пусть бы это было гдѣ-нибудь въ отдаленной деревнѣ; нѣтъ, въ городѣ улицы наполнены собаками, такъ что по ночамъ, когда прекращается движеніе, толпы ихъ выбѣгаютъ на улицы, и тогда очень часто нѣтъ возможности пройти какому-нибудь запоздалому пѣшеходу. Дай одной собаке привласкаетъ десятки ихъ изъ всѣхъ о-

крестныхъ дворовъ, и тутъ позвольте обороняться!..... Обившись отъ одной своры, черезъ двадцать шаговъ вы окружены другою, и счастье если воротитесь домой незкусаннымъ или безъ разодраннаго платья! Это напоминаетъ какое-то варварское состояніе общества. Только въ Константинополѣ собаки живутъ на улицахъ, въ христіанскомъ городѣ не должно быть ихъ ни одной тамъ, гдѣ проходятъ люди. Видишь и не вѣришь глазамъ своимъ!... Если вы такъ счастливы, что вамъ не встрѣчается надобности, иногда измученному, усталому, возвращаться домой въ темную, глухую ночь, пѣшкомъ, то подумайте о ближнихъ вашихъ, которые не всѣ могутъ лстать по улицамъ въ спокойныхъ каретахъ или легкихъ колясочкахъ. Вы уже примчались домой и отдыхаете послѣ дневныхъ трудовъ и заботъ; а слышите ли между-тѣмъ лай на улицѣ: это милыя собаки съ вашего двора напали на усталого прохожаго (такого-же чловѣка какъ вы), не дасть ему идти, рвутъ бѣдную его одежду и, можетъ-быть, изкусактъ его самого! Но такова сила привычки, что по ночамъ мы безпрестанно слышимъ лай и вой собакъ, и равнодушно разсуждаемъ о филантропіи, объ успѣхахъ просвѣщенія и общественной жизни. Ближняго нашего грызутъ перемъ нашими окнами звѣри, а мы восхищаемся удобствами цивилизации, которая изъ Гаванны приноситъ къ намъ въ кабинетъ ароматную сигару! Правду сказать, удивительная цивилизація!

Не шутя: можно ли намъ называть себя просвѣщенными людьми, когда мы держимъ подлѣ себя звѣрей, безъ всякой пользы, безъ надобности, подвергаемъ себя величайшей опасности отъ нихъ, истрачиваемъ на нихъ огромныя суммы, и всегда терпимъ отъ нихъ самыя неприятныя неудобства? Для чего? для какихъ благъ? Единственно слѣдуя предрасудку, что они кому-то и на что-то полезны, и по какой-то непостижимой привязанности къ нимъ! Еще можно понять предрасудокъ, еще можно объяснить себѣ, что простолюдины боятся истреблять черныхъ таракановъ, думая будто выѣсть съ тараканами истребится и довольство въ домѣ; но любить таракановъ, любить собакъ — вотъ что совершенно противорѣчитъ

всѣмъ нашимъ понятіямъ о здоровомъ разсудкѣ, вкусѣ и образованныхъ ощущеніяхъ!....

Можетъ-быть, нѣкоторые изъ читателей подумаютъ, что мы объявляемъ рѣшительную войну собакамъ и желаемъ совершеннаго ихъ истребленія. Нѣтъ, мы знаемъ, что предрасудки и укоренившіеся тысячелѣтними злоупотребленія уничтожаются не такъ-то скоро. Надобно чтобы любовь къ собакамъ и предрасудокъ о пользѣ ихъ сдѣлались смѣшны въ глазахъ всѣхъ, какъ смѣшны и странны они кажутся намъ, когда началась бы истребительная для собакъ и полезная для человѣческаго общества война. Мы не ожидаемъ этого теперь; потому что довольно знаемъ сердце человѣческое, которое надобно приготовить постепенно ко всякому произвольному пожертвованію любимымъ предрасудкомъ. Мысли наши и даже очевидныя доказательства покажутся многимъ такою новостью, что изъ одной гордости они не согласятся признать ихъ истинными, и, по всегдашней привычкѣ человѣческаго ума, иногда лѣниваго, иногда упрямаго, иногда самолюбиваго, будутъ отвѣчать намъ извѣстнымъ возраженіемъ:

.....хоть вижу, да не вѣрю!

Останемся же каждый при своемъ убѣжденіи: пусть для васъ, благоразумные покровители и нѣжныя защитницы собакъ, псы будутъ столько же милыми друзьями, добрыми оберегателями и даже красивыми животными, безъ которыхъ нѣтъ ни радости, ни спокойствія, сколько намъ кажутся онѣ врагами человѣка, вредными дармоедами, гадкими тварями, которыя часто лишаютъ спокойствія, если и не всегда отнимаютъ жизнь. Но вы видите, что жизнь ваша и cadaго изъ насъ всегда въ опасности отъ собакъ, и что любовь къ собакамъ доводитъ до такихъ злоупотребленій, которыя не могутъ быть терпимы въ образованномъ обществѣ. Позвольте же намъ заступиться только за жизнь человѣческую, предохранить, можетъ-быть, васъ самихъ отъ страшной смерти, а потомъ, на досугѣ, мы можемъ спокойно разсуждать о прекрасныхъ качествахъ собакъ. Желаніе очень умеренное и скромное!... По крайней-мѣрѣ никто не мѣшаетъ намъ строить воздушныя замки, и мы, пользуясь этою привилегіею всякой доброй

мысли, предлагаетъ здѣсь главное идиомъ намъ, какъ оно бы быть устранено описанное нами зло. Подробности ищутся бы сообразно мѣстности и всякимъ другимъ отношеніямъ, но существенное состояло бы вотъ въ чемъ:

1. Всякъ можетъ держать собакъ, столько кто можетъ; но, для предохраненія общественнаго спокойствія и жизни обывателей, не иначе какъ на утвержденныхъ для того правилахъ, и вѣрнѣе:

2. Каждый хозяинъ дома обязанъ въ назначенное время объявить мѣстному начальству, сколько держитъ онъ дворовыхъ собакъ, и заплатить, въ пользу своего города или своей волости, по одному рублю серебромъ съ каждой, при чемъ выдаются ему для всѣхъ его собакъ ошейники, съ номерами и означеніемъ имени и фамиліи хозяина, который и обязанъ имѣть каждую собаку въ установленномъ ошейникѣ и держать непремѣнно на цѣпяхъ, подвергая себя за нарушеніе такого правила назначенному штрафу.

3. Кто желаетъ имѣть собаку для охоты, или для собственного своего удовольствія, въ комнатѣ, обязанъ въ назначенное время объявить о томъ мѣстному начальству, и платить ежегодно по пяти рублей серебромъ за каждую собаку, съ полученіемъ для нея номера и ошейника, при чемъ берется отъ него подписка, что такая собака не будетъ выпускаема ни на дворъ, ни на улицу, и въ случаѣ необходимыхъ переходовъ или переѣздовъ съ нею, будетъ находиться подъ надзоромъ его самого или назначеннаго отъ него человѣка.

4. Кто будетъ держать собакъ не внося установленной за нихъ пошлины, тотъ подвергается двойному платежу.

5. Если чья-либо собака будетъ поймана внѣ дома, или окажется во дворѣ не на цѣпяхъ, то съ хозяина берется три рубля серебромъ. Тотъ, кто приведетъ или убьетъ собаку, пойманную имъ на улицѣ, или замѣченную имъ не на цѣпяхъ, получаетъ изъ штрафу рубль серебромъ.

6. Изъ денегъ, собираемыхъ за собакъ, содержимыхъ въ домахъ, и изъ штрафныхъ денегъ за нарушеніе правилъ о содержаніи собакъ, можетъ составиться капиталъ, который и послужитъ къ устройству ночныхъ сторожей, если не на всѣхъ улацахъ, то по крайней-мѣрѣ въ отдаленныхъ

человекъ, каждый города. Эти сторожа наименѣе возбудимы, но честныя обыватели, по одобренію своихъ согражданъ, будутъ имѣть обязанность, съ наступленіемъ ночи до утра ходить по назначенному пространству, оберегая дома и обывателей и каждого прохожаго отъ ночныхъ воровъ, и сдѣлаются блюстителями безопасности на улицахъ въ ночное время. Такимъ образомъ будетъ съ пользою занято много людей остающихся часто безъ занятія, и въ городахъ безопасность ночная утвердится помыблемо. Число сторожей, смотря по средствамъ, можетъ быть увеличено до того, чтобы они могли, каждый оберегая назначенное ему пространство, переключаться другъ съ другомъ.

Тогда собаки останутся по-крайней-мѣрѣ безвредными, а любовь къ нимъ можетъ приносить общественную пользу, платя деньги для истиннаго сохраненія общественнаго спокойствія. Лай и вой собакъ не станутъ нарушать сна обывателей, и запоздалые пѣшеходы будутъ безопасно проходить до своихъ жилищъ. Если бы — чего нельзя предполагать — благоразуміе и разсудительность распространились до того, что никто не сталъ бы держать собакъ, или держали бы ихъ такъ мало, что на сумму, собираемую за нихъ, было бы невозможно нанять ночныхъ сторожей, то не лучше ли каждому обывателю ежегодно дѣлать ничтожное пожертвованіе для этого полезнаго учрежденія, и быть совершенно безопаснымъ отъ воровъ, уличныхъ безпорядковъ, а частію даже отъ пожаровъ, нежели держать при себѣ звѣрей, которые никого и ничего не оберегаютъ, и, напротивъ, наносятъ ужасную смерть многимъ людямъ, кусаютъ прохожихъ и рвутъ у нихъ платье, не даютъ покою ни днемъ ни ночью, пожираютъ сотни тысячъ пудовъ хлѣба и мяса, и, наконецъ, служатъ облиціемъ въ остаткѣ варварскихъ нравовъ?

Мирное и добросовѣстное предложеніе наше, конечно, мирить насъ со всѣми защитниками и любительницами собакъ. Мы ни сколько не мѣшаемъ имъ держать драгоценныхъ для нихъ животныхъ: держите ихъ, любите, ласкайте, обнимайте, цѣлуйте сколько угодно; находите въ нихъ и вѣрность, и привязанность, и смѣтливость, и красоту, и

все что только можете открыть прекраснаго! Но необходимое условіе—пусть не будетъ все это, хотя бы для одного человѣка, причиною гибели и даже опасности. Съ такою цѣлью обрѣзываютъ когти у медвѣдя, а мы желаемъ чтобы держали собакъ на цѣпи, или удерживали въ нѣжныхъ объятіяхъ тѣхъ, кто дышетъ ими. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допускать звѣрей вредить людямъ. А что же дѣлаете вы, безъ всякихъ предосторожностей выпускаете собаку на улицу, или даже во дворъ, гдѣ вы уже не хозяинъ, не повелитель ея, потому что она имѣетъ свою дикую волю, свой звѣрскій инстинктъ, кусать и терзать всякаго встрѣчнаго.

Неужели думаете вы, о читатели! что мы вѣрнимъ возможности исполнить нашу мысль? Нѣтъ! Иные улыбнутся, иные станутъ оспаривать насъ, иные даже согласятся съ нами—и только! Еще долго, долго, собаки станутъ, какъ всегда, рыскать по улицамъ, по дворамъ, кусать людей, живыхъ умерщвлять, на всѣхъ лаять въ комнатахъ чуть гость пошевелинется, кусать его, всѣмъ надоѣдать, и только въ преданіи останется, что былъ какой-то оригиналъ, который вооружился—всею діалектикою своею—противъ собакъ, невинныхъ, прекрасныхъ, милыхъ четырехъ-лапныхъ созданій!... Какой жестокосердый человѣкъ! И что за важный предметъ нашелъ порицать? Нѣтъ, мы будемъ жить съ собаками! Кто живетъ безъ нихъ?....

Отъ такихъ умствованій зависятъ иногда рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ.

К. И.

=

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТОРОНА ЮЖНОГО БЕРЕГУ КРЫМА.

Съ нѣкотораго времени стало замѣтно уменьшаться стремленіе русскихъ помѣщиковъ къ приобрѣтенію земли на южномъ берегу Крыма. Послѣ-того какъ, еще лѣтъ за десять, богатые владѣльцы, наперерывъ другъ передъ другомъ старались приобрѣтать здѣсь хотя небольшіе участки и возвысили до чрезмѣрности цѣны на землю, теперь не только вновь не покупаютъ, но даже нѣкоторые, купивши, оставили свои имѣнія безъ вниманія. Какія этому причины? Основательны ли онѣ или нѣтъ? Постараемся изслѣдовать.

Еще съ двадцатыхъ годовъ русскіе помѣщики начали приобрѣтать здѣсь земли, основываясь болѣе на расчетахъ дохода отъ виноградныхъ садовъ, въ то время пѣ-скоро составленныхъ нѣкоторыми безъ повѣрки опытомъ, по одному умозрѣнію, а ргіогі. Вслѣдствіе этихъ расчетовъ полагали, что изъ десяти кустовъ винограднику можно получить ведро вина, слѣдовательно, съ десяти тысячъ тысячу ведеръ; а какъ на десятину садили по десяти тысячъ кустовъ, то съ одной десятины думали получать по тысячу ведеръ вина. Тысяча ведеръ съ десятины! Какой обольстительный доходъ! Какъ не покупать земли! И платили по три тысячи рублей за десятину земли; не щадили издержекъ

на перекопки или разгрунтовок, лишь бы по-скорѣе и побольше кустовъ посадить; занимали иностранныхъ винодѣловъ и насчетъ будущаго доходу, дѣлали издержки непопѣрныя.

Самъ я вибю на южномъ берегу Крыма, въ урочищѣ Кастрополись, виноградникъ, заведенный мною въ 1831 году, именно, въ то самое время, когда думали, что достаточно только купить землю, перегрунтовать и посадить лозы, чтобы получать богатый и вѣрный доходъ. Сортавъ винограду было уже много разведено, лозъ достать не было труда, но достать чистыхъ сортовъ — ни какой возможности; ктому жъ, какіе сорта даютъ лучшее вино и въ бѣльшемъ количествѣ, еще никѣмъ и никакъ не было опредѣлено. Когда же дошло дѣло до доходу, то какъ я такъ и всѣ другіе увидѣли, что не только изъ десяти кустовъ не получается ведра вина, да и шестидесяти кустовъ мало; а были и такіе сорта, что вовсе не давали плода, такъ, что ихъ по справедливости можно назвать безплодными. Такихъ у одного меня было болѣе пяти тысячъ кустовъ. Теперь, вѣроятно, уже многіе рачительные хозяева замѣнили ихъ лучшими; но у нѣкоторыхъ, особенно у богатыхъ, они и теперь еще есть: въ томъ числѣ у одного изъ моихъ сосѣдей — до тридцати тысячъ кустовъ, которые не даютъ и сотни ведеръ вина.

Въ этомъ обстоятельствѣ, ни климатъ ни почва земли нисколько не участвуютъ; всё-равно — если бы кто-нибудь на хорошей землѣ и въ хорошемъ климатѣ насадилъ фруктовый садъ изъ дикихъ деревьевъ: онъ получилъ бы одни кислые и горькіе плоды, и самое количество плодовъ зависѣло бы отъ свойства сортовъ. Кромѣ этой, важнѣйшей причины неполученія доходу, была еще другая, очень важная: вина южнаго берега не могли войти скоро въ общее употребленіе, потому что они были молоды, но не мѣнѣе того крѣпки, хмѣльны, головоломны. Это оттого, что учителями нашими въ винодѣліи были иностранцы, преимущественно изъ средней Франціи, которые, руководствуясь одной рутинной, обрабатывали наши вина на-манеръ своей стороны, не соображаясь съ тѣмъ, что у насъ на юж-

номъ берегу, климатъ гораздо сушѣ и средняя температура теплѣе, выше: слѣдственно, виноградъ приобретаетъ здѣсь болѣе сладости, и, собранный въ ноябрѣ мѣсяцѣ, особенно въ хорошій годъ, даетъ вино крѣпкое, густое, безъ букету, по причинѣ большаго присутствія алкоголя: достоинства же вина не составляетъ алкоголь, но особаго роду кислота, названная въ новѣйшей химіи *энатовою*, то есть, по-просту, *виною*; красное же вино бываетъ такого густаго цвѣту, что трудно разливать его въ бокалъ; словомъ сказать, получались вина, которыя нисколько не уподоблялись французскимъ, хотя и вырабатывались изъ лозъ, полученныхъ изъ Франціи, носили ихъ названія и были приготовлены французскими винодѣлами. Практика важна, но нельзя пренебрегать и теорію, потому что теорія наводитъ ее на путь прямой, смотря по мѣсту и времени. Во всякомъ фабричномъ дѣлѣ недостатокъ въ познаніи теоріи составляетъ камень преткновенія для дальнѣйшаго развитія предпріятія. Въ доказательство, приведу примѣръ изъ области нашего же царства растительнаго. Известно, что свекло-сахарныя заводы въ южной Франціи всѣ упали, потому что фабриканты не обратили вниманія на климатъ, собирая свекловицу въ одно время какъ и въ сѣверной Франціи; между-тѣмъ, какъ въ жаркомъ климатѣ сахарныя части вырабатываются скорѣе, быстрѣе, и если корень долѣе находится въ землѣ, эти уже выработавшіяся сахарныя части превращаются въ слизистыя вещества, негодныя для выдѣлки сахара. Это, конечно, не можетъ служить прямымъ примѣненіемъ къ винодѣлію; но, рѣшительно, если владѣльцы южнаго берега желаютъ получать хорошія вина, они должны, изучивъ практически методу винодѣлія отъ французскихъ винодѣловъ, приложить, подъ руководствомъ теоріи, способъ выдѣлыванія винъ къ кореннымъ свойствамъ страны.

Въ нынѣшнее время химія такъ много пролила свѣту на всѣ части промышленности, что сдѣлать хорошее вино можно изъ всякаго винограду, а тѣмъ болѣе изъ хорошаго; и если бы владѣльцы занялись улучшеніемъ сортовъ винограду и ученымъ винодѣліемъ какъ должно, то зна-

чительно поддержали бы эту важную вѣтвь промышленности, по преимуществу составляющую принадлежность южнаго берегу, который, безспорно, единственная въ европейской Россіи область виноградная.

Примѣромъ того, какъ соединенныя въ одно слабыя силы могутъ много сдѣлать, служить Магарачъ, дача на южномъ берегу, прежде принадлежавшая казнѣ. Въ 1831 году эта дача была разбита на участки, въ нѣсколько десятинъ каждый: участки розданы желающимъ, съ условіемъ посадить на десятинѣ по извѣстному количеству лозъ. Условія были выполнены и, прежде пустой, Магарачъ красуется нынче своими виноградниками и разбросанными по нимъ домиками владѣльцевъ, вмѣщая въ себя количество лозъ, превышающее всякое другое мѣсто на южномъ берегу, а именно до милліона кустовъ.

Все это произвелъ трудъ людей не богатыхъ, но которые бѣльшую частію сами прилагали присмотры за обработкою своихъ участковъ; между-тѣмъ какъ многіе изъ богачей, потерявъ бездну денегъ черезъ управителей, и, пожалѣвъ на дѣло своего хозяйскаго глаза и своего барскаго ума, нынче вопіютъ на *обманутыя надежды*. Всего лучше бы было, если бѣ такіе люди не вдавались въ спекуляціи и заводили себѣ одиѣ увеселительныя дачи: нигдѣ въ европейской Россіи нельзя найти восхитительнѣйшихъ мѣсть для того. Разумѣется, что и между богатыми владѣльцами есть исключенія: небо даровало здѣшней сторонѣ сельскаго хозяина, который, несмотря на высшее свое мѣсто и важность занятій, умѣетъ подать примѣръ и земледѣльцу и виноградарю. Имя его такъ тѣсно связано съ благомъ стороны, что и упоминать объ немъ нѣтъ надобности: смѣло можно сказать, что безъ него не былъ бы южный берегъ такимъ, каковъ онъ теперь.

Займемся расчетомъ, какія выгоды дастъ виноградникъ, заведенный прежде. Для этого я приведу, что стоитъ мнѣ собственный виноградникъ.

Первыя издержки для заведенія винограднику состоятъ въ покупкѣ земли: это исходная точка, отъ которой зависить весь дальнѣйшій расчетъ. Вообще при покупкѣ зем-

ли, покупается большее количество земли, нежели сколько нужно собственно для винограднику, отчего впоследствии расчетъ издержкамъ значительно увеличивается, потому что кромѣ винограднику прибавляются въ одинъ же счетъ издержки на постройки, сады и тому подобное и по большей части оканчивается тѣмъ, что виноградникъ не только не приноситъ доходу, но еще въ убытокъ хозяину.

У меня—земли до тридцати десятинъ; изъ нихъ только четыре подъ виноградниками, на которыхъ получено тридцать восемь тысячъ четыреста кустовъ; прочіе двадцать четыре десятины обращены въ искусственные луга, фруктовые сады и, частью, заняты лѣсомъ.

Если бы я раздѣлялъ доходъ, получаемый съ четырехъ десятинъ на всю сумму, употребленную на покупку земли, и на постройки, не принадлежащія къ выдѣлю, какъ то, господскій домъ со службами, на обдѣлку садовъ и луговъ, то, какъ вообще издержки простираются до пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, за вычетомъ годового расхода, я имѣлъ бы неболѣе какъ четыре процента съ капитала; потому что въ десяти-лѣтней сложности съ четырехъ десятинъ получено по шести-сотъ ведеръ въ годъ, которое продано въ сложности по пяти рублей ассигнаціями ведро. Слѣдственно, за исключеніемъ тысячи рублей для обратнаго расхода, ежегодно остается по двѣ тысячи рублей.

Но нужно опредѣлить, что собственно даетъ виноградный садъ: для этого надобно изъ всей издержанной суммы отчислить только то, что собственно на него употреблено.

За 30 десятинъ земли заплачено 15,000 рублей ассигна-
ми: поэтому за четыре десятины придется..... 2,000 руб.

Обработка, то есть, перегрунтовка, съ квадратней сажени по 50 копѣекъ, 1200 рублей, на 4 десятины..... 4,800

Инструменты: кирки, лопатки, ломы, рогульки, кладка оградъ около винограднику изъ камня, доставка виноградныхъ лозъ, посадка еще стоитъ по 500 рублей на десятину, а на 4 десятины. 2,000

Дубовыхъ колевъ 40,000 штукъ по семи копѣекъ каждая..... 2,800

Двѣ избы для людей..... 950

Обработка виноградника: перекопка, пересыпка, обрѣзка по 200 рублей въ годъ, въ четыре года.....	800
Содержаніе экономическихъ людей, собственно для одного надзора за виноградниками въ 4 года.....	1,000
Погребъ въ землѣ вырытый съ каменными стѣнами, съ накатникомъ наверху, усыпаннымъ землею и съ черепичной кровлей.....	2,000
Прессъ: желѣзный винтъ съ станомъ.....	330
Четыре чапа для броженія вина.....	600
Процентовъ на капиталъ въ четыре года.....	2,608
<hr/>	
Итого.....	19,908 руб.

Такъ какъ по этому разсчету въ десяти-лѣтней сложности ежедневнаго чистаго дохода оставалось въ пользу хозяина 2,000 рублей, то на капиталъ, отдѣльно взятый для виноградника, приходится по 10%; что составляетъ неважный доходъ, при всѣхъ ошибкахъ, слѣданныхъ при заведеніи виноградника, съ котораго по разсчету кустовъ приходится шестьдесятъ слишкомъ кустовъ на ведро!

Послѣ этого весьма легко можно видѣть, почему тѣ владельцы, которые, купивъ земли по три тысячи рублей за десятину и употребивъ изъ нее только небольшую часть подъ виноградники, насадивъ безъ всякаго разбору сортовъ, нанявъ дорогую цѣною виноградарей, винодѣловъ и управляющихъ, устроивъ великолѣпные погреба, не получаютъ на употребленный ими капиталъ процентовъ, да еще ежегодно издерживаютъ наличныя деньги, для поддержанія своей экономіи.

Показавъ, что дастъ виноградникъ въ настоящее время, будучи заведенъ не съ полнымъ еще знаніемъ дѣла и въ неблагоприятное время, я представлю теперь разсчетъ, что можетъ принести виноградный садъ, тому кто захотѣлъ бы помѣстить свой капиталъ, имѣя единственно въ виду доходъ, то есть, ограничиться покушкою такого количества земли, какое нужно для виноградника и небольшой усадьбы.

Возьмемъ для примѣра, что желаютъ завести виноградникъ въ четыре десятины:

4 десятины и $\frac{1}{2}$ дес. подъ усадьбу и огородъ по 500 рублей.....	2,250.
Разгрунтовка и посадка лозъ по прежнему расчету, хотя она въ настоящее время обойдется дешевле.....	6,800.
40,000 тысячъ дубовыхъ кольевъ, по 7 к. за штуку.....	2,800.
Обрѣзка, перекопка, и проч. работы по винограднику въ четыре года по 200 руб. всякій годъ.....	800.
Домикъ для хозяина съ семействомъ.....	3,000.
Изба для людей.....	800.
Подвалъ въ землю съ каменными стѣнами и съ черепичной кровлей.....	3,000.
Прессъ винтовый со станкомъ.....	350.
4 чана для винодѣлія и прочая мелкая посуда.....	600.
Боцекъ въ счетъ не полагаю, потому что за нихъ при покупкѣ вина, покупатели платятъ особенно. Содержаніе семейства людей, состоящаго изъ 2-хъ душъ мужскаго и 2-хъ душъ женскаго пола, по 600 руб. въ годъ, а въ четыре года.....	2,400.
Самому хозяину, если онъ замѣнитъ собою управляющаго, по 1000 руб. въ годъ, въ четыре года.....	4,000.
Хотя капиталъ не весь потребуетъ разомъ, но я полагаю съ перваго года проценты на 25,800 руб., по четыре, на четыре года.....	4,144.
Итого.....	29,944 руб.

Въ предъидущемъ расчетѣ мы видѣли, что ведро вина получается съ 60 кустовъ; это произошло отъ посадки дурныхъ сортовъ, мало приносящихъ плода. Новый хозяинъ, воспользуясь ошибками другихъ, конечно, этого не сдѣлаетъ и если онъ посадитъ Oporto blanc, Pineau blanc, Chasella blanc de Bordeaux, Cisuta * Weldellon de Madera, Albillo de Nuelba и особенно Pedros Ximenes изъ бѣлыхъ сортовъ, для чего я совѣтовалъ бы употребить $\frac{4}{5}$ всей земли и только $\frac{1}{5}$ опредѣлить для красныхъ сор-

* *Примѣчаніе:* Если нѣтъ своихъ собственныхъ, то 500 рублей въ годъ, можно легко нять и наемныхъ одно хорошее семейство.

** Изъ первыхъ (Oporto, Pineau, Chasella и Cisuta) получается вино, тонкое, въ родѣ сотерны; изъ 3-хъ послѣднихъ (Weldellon, Albillo, Pedros) вино крѣпкое, въ родѣ хересу, особенно, если провялывать виноградъ.

товъ; а именно: крупнаго Bordeaux и Pineau Fleugi или Мурведъ *, то утвердительно можно сказать, что съ 20 кустовъ можно получить ведро вина; а съ десятины, то есть, 9,600 кустовъ 480 ведеръ, изъ числа конихъ $\frac{1}{10}$ должно вычесть на убыль при спусканіи съ чановъ и послѣ при переливкѣ съ бочекъ, затѣмъ 432 ведра чистаго вина, а съ четырехъ десятинъ, то есть, 38,000 тысячъ кустовъ получится 1,728 ведеръ. Какъ эти сорта даютъ лучшее вино, то вѣрно можно назначить по 4 рубля ассигнаціями за ведро. Ниже этой цѣны нельзя ожидать, потому что она равняется акцизу, взимаемому съ бѣломорскихъ винъ, тогда какъ вина южнаго берега и особенно выше приведенныхъ сортовъ могутъ быть по добротѣ ихъ помѣщены въ рядъ винъ французскихъ. Принявъ въ расчетъ самую меньшую цѣну (minimum) 4 рубля за ведро, за 1,728 ведеръ получится 6,912 рублей. Выключивъ изъ этого на годоваго расхода на содержаніе саду 300 рублей ассигнаціями и два семейства людей, 600 рублей, всего 900 рублей, остается чистой прибылн 6,012 рублей или по 20% на употребленный капиталъ. Еще получится воды изъ виноградныхъ выжимокъ и дрожжей до 100 ведеръ я ее не полагаю въ счетъ, она послужитъ хозяйну, какъ прибавочное средство для обработки огорода и фруктоваго саду.

Кажется трудно въ нынѣшнее время найти лучшее помѣщеніе для капитала, состоящаго изъ 25,000 рублей; потому что кредитныя заведенія дадутъ только 1000 рублей процентовъ въ годъ, частные люди 1,500 рублей, наконецъ коммерческіе проценты 2,500 рублей, и то съ рискомъ.

Этимъ трудно и почти невозможно, особенно семейному человѣку, содержать себя цѣлый годъ, предполагая, что онъ живетъ въ городѣ, гдѣ не имѣя ни квартиры собственной, ни отопленія, ни огорода для зелени и овощей.

*. Изъ 2-хъ красныхъ (Bordeau и Pineau) получается вино въ родѣ лафита.

ни какой живности, на все долженъ издерживать наличныя деньги; здѣсь же, напротивъ, всѣ эти средства овъ можетъ имѣть сходно: хорошій домикъ для помѣщенія себя съ семействомъ, огородъ для зелени, которую будетъ имѣть круглый годъ, перемѣняя посѣвы, разные плоды съ сада, топливо отъ виноградныхъ лозъ или чубуковъ, также цыплятъ, масло и молоко отъ содержащихся при экономіи птицъ и коровъ и сверхъ-того необходимую прислугу и еще получая 6,000 рублей въ годъ можно жить весьма пристойно, отдѣлять часть дохода для воспитанія дѣтей и даже для будущаго ихъ устройства. Между-тѣмъ вести жизнь дѣятельную, ежедневно быть на чистомъ воздухѣ, что поведетъ къ счастливой старости.

Испытавъ на опытѣ, какъ пагубны бываютъ иногда замеченія, не хочу принимать на свою совѣсть пагубы какого-нибудь добраго отца семейства и какъ ни совѣстливо представленъ мною отчетъ выгодъ отъ винодѣлія, но если, кто-либо пожелаетъ имъ воспользоваться, долженъ прежде повѣрить себя, если онъ способенъ побѣдить свою волю привычку къ городской жизни и удалиться отъ друзей, большею частію мнимыхъ, чтобы сдѣлаться другомъ природы, такой найдетъ здѣсь выгоды и утѣшеніе.

Если съ выгодами могутъ помѣстить здѣсь свои капиталы люди небогатыя, то для богатыхъ есть еще болѣе причинъ употреблять свои капиталы для устройства дачъ по ихъ вкусу.

Южный берегъ Крыма, омываемый съ одной стороны моремъ, съ другой защищаемый горами, находясь подъ одною широтою съ Флоренціей, по справедливости называется русскою Италією. Неоставляя своего отечества, непокидая ни имѣній своихъ на произволь, ни знакомыхъ и близкихъ сердцу, богатый человекъ, заведя здѣсь дачу, можетъ проводить тутъ три четверти года наслаждаясь воздухомъ, наполненнымъ ароматическими испареніями цвѣтовъ.

Кромѣ роскошныхъ туземныхъ растений, къ которымъ можно присоединить лавры и кипарисы, здѣсь теперь совершенно аклиматированы *Magnolia grandiflora* и другія

ея разновидности. *Camellia japonica*, *Azulea indica*, *Rhododendron arboreum* etc. Розы бенгальскія. *Rosa Noisettiana* въ тысячи различныхъ своихъ видовъизмѣненіяхъ. *Olea fragrans*. *Pittosporum Tobeices*, *Glycine sinensis et frutescens*. *Lagaerstraenia indica*. *Jasminum* нѣсколько видовъ, красивая. *Erythrina Crux galli*, *Passiflora* нѣсколько видовъ, множество новозеландскихъ растений; словомъ сказать, все что требуетъ въ остальной части Россіи содержанія оранжерейнаго.

И потому земля, имѣющая такое благотворное свойство для нѣжныхъ растений, должна быть цѣннѣе во столько разъ, во сколько въ другомъ мѣстѣ стѣитъ постройка оранжерей и содержаніе ихъ, но съ тою разницею, что въ закрытомъ воздухѣ содержащіяся растения никогда не достигаютъ той красоты и той полноты жизни, какъ тѣ, которыя посажены въ грунтъ и питаются всѣми атмосферными вліяніями.

Чтобы удостовѣриться въ словахъ моихъ, пріѣзжайте на южный берегъ и въ-особенности посѣтите Алушку князя Воронцова. Безъ преувеличенія можно сказать, что это имѣніе одинъ изъ первыхъ садовъ въ Европѣ. Здѣсь цѣлый лѣсъ магнолій удивитъ васъ своею роскошною зеленью и великолѣпными цвѣтами; ряды апельсиновыхъ и померанцовыхъ деревьевъ восхитятъ васъ своими цвѣтами и золотыми плодами.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ царская Оріанда, по своему очаровательному мѣстоположенію и великолѣпному дворцу.

Хороши также дачи графа Потоцкаго и госпожи Исленьвой.

Также особеннаго вниманія заслуживаетъ казенный Никитскій Садъ, какъ питомникъ, доставляющій за весьма умѣренную цѣну всѣ растенія, возможные для здѣшняго грунта. Здѣсь особенно занимательна коллекція, разнаго роду сосенъ, которыя бывъ современемъ разсажены по дачамъ помѣщиковъ, произведутъ совершенно новый эффектъ. И для разведенія дачъ не было лучшаго времени какъ настоящее: проведена общая дорога

для сообщенія южнаго берега съ другими частями полуострова; камни сглажены, земли сдѣлались гораздо дешевле *. Доставка матеріаловъ и прочихъ потребностей для жизни облегчена. Никитскій садъ продаетъ растенія и отсадки очень дешево. Даже самыя работы стали дешевле.

Къ числу лучшихъ удовольствій жителей южнаго берегу Крыма, принадлежитъ купанье въ морѣ.

Пріятно лазурный цвѣтъ воды, сливающейся съ горизонтомъ; суда плывущія по морю; живописныя горы, легкія облака въ самыхъ фантастическихъ формахъ; мѣрный шумъ разбивающихся валовъ и необыкновенная прозрачность воды, все это вмѣстѣ дѣйствуя на тѣло и душу, производитъ какое-то невыразимо-пріятное впечатлѣніе на купающихся и доставляетъ, вмѣстѣ съ пріятностію, облегченіе отъ недуга. А теперь, когда съ нѣкотораго времени начали употреблять виноградную діету, принимая притомъ морскія ванны, рѣдкія изъ хроническихъ болѣзней могутъ противиться противъ такого роду леченія.

Признаюсь, ужъ если судьба судила кому испытать недуги, то, безъ сомнѣнія, лучше всего прибѣгать къ пріятнымъ морскимъ купаньямъ. Здѣсь дѣйствуетъ природа и всегда съ видимою пользою.

Въ отношеніи медицинскомъ или гигиеническомъ, для людей страдающихъ, южный берегъ — настоящій источникъ здравія. Всякій убѣдится въ томъ, что теплый климатъ и благоприветный воздухъ — лучшее лекарство для больного человѣка.

Неповѣтно послѣ этого, для чего богатые люди ѣдутъ пользоваться за границу, когда у насъ есть въ Россіи есть много цѣлебныхъ минеральныхъ источниковъ. А между-тѣмъ сколько удовольствія доставляетъ нашъ край посѣтителамъ! Какія торжественныя, упоительныя ночи въ Крыму! Какими цвѣтами даже, въ декабрѣ

* Теперь земли весьма хорошей можно купить по 500 руб. ассиг. за десятину. Въ особенности есть хорошія площади у Г. Ревеліотъ въ Форорѣ.

мѣсяцѣ, красуются сады, поля и дачи южныхъ жителей Крыма! Плоды, прямо съ дерева, сочные, душистые, и ароматическій медъ, настоящій медъ варбоннскій, услаждаютъ вашъ вкусъ.

Заключая статью эту, скажемъ, что для людей небогатыхъ, южный берегъ Крыма служитъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они съ выгодною могутъ употребить свои капиталы, и приобрѣтеніе въ здѣшнемъ краю земли, они должны считать счастіемъ, какое судьба можетъ доставить человѣку въ жизни.

Г. МАЗУРЕВСКІЙ.

=

V.

КРИТИКА.

=

ИСТОРИЯ ГОРОДА УГЛЕЦА, сочиненная улическою уездною училища учителемъ историческимъ наукамъ Федоромъ Киселемъ. Дрессель, 1814.

Каждому любителю исторіи понятна огромная польза для науки отъ книгъ, рассматривающихъ въ частности историческія событія отдѣльныхъ областей и городовъ, особливо когда онѣ составляются на-мѣстѣ не туземнымъ памятникамъ, документамъ и преданіямъ. Такіе труды всегда заслуживаютъ уваженія и поощренія. Хотя, обыкновенно, уездный патриотизмъ преувеличиваетъ въ нихъ важность происшествій и пред-

ветовъ, окуренныхъ сладкимъ дымомъ роднаго крова, однако жъ изслѣдователь общей исторіи государства, среди этихъ преувеличеній, находитъ множество драгоценныхъ данныхъ, которыя могутъ прояснить его взглядъ на эпоху и рѣшить разныя сомнѣнія. Весьма желательно, чтобы каждый изъ русскихъ городовъ, каждая изъ нашихъ провинцій, имѣли свои частныя и, притомъ; хорошія, исторіи. На этомъ основаніи мы считаемъ долгомъ полезной критики отдать почѣсть похвальному усилію, или посильному опыту, господинна Федора *Киссель*, который, умоляя ее о благосклонномъ прощеніи недостатковъ, самъ, какъ кажется, вовсе не склоняется. Конечно, господинна Федора *Кисселя* нельзя вдругъ провозгласить Барантомъ *кладъ углицкихъ*, но тѣмъ не менѣе книга его или, по крайней-мѣрѣ, цѣль его книги заслуживаетъ вниманія. Обзоръ ея содержанія можетъ доставить уже ту пользу, что въ немъ представляется случай опредѣлить отчасти и способъ, какъ собственно должны быть писаны областныя исторіи.

Историкъ Углича покорнѣйше проситъ критику простить, что онъ писалъ свою исторію не довольно важнымъ слогомъ, не тѣмъ высокимъ слогомъ, какого достоинъ предметъ, само на себя возвышенный и великій. Разумѣется, что это — только риторическая оборота авторской скромности: напротивъ, «Исторія Углича» писана удивительно высокимъ слогомъ и перо историка часто забархатъ на чинъ высоты красноречія, съ которыхъ видъ словосу терзается совершенно. Онъ безпрестанно сравниваетъ судьбу Углича съ судьбою *Византии, Каролинга, Адела и Рима*; угличане ересь сличаются у него *Николомани*; или предвещаютъ скорое разрушеніе *мечъ*, а возмущающій *мечъ* поспѣваемъ *своими* *мечъ*; и все это на *Бреславо* *хрустальной* *Валовъ*, *сирду* *тѣмъ* какъ *идеъ* *главнѣе* *лр*

мастныхъ Угличанъ собираются новыя тучи: «какъ тогда жалко смотрѣть на играющихъ дѣтей въ счастливой ихъ безпечности, видя, что скала висящая надъ ними обрушится и раздавитъ всѣхъ ихъ своею ужасною тяжестью: и когда же!... въ самую минуту ихъ счастья!» Помилуйте, развѣ это еще не довольно высоко, не довольно важно для исторіи?... Слогъ выше этого быть не можетъ, по риторикѣ: еще на одну волосъ выше, и тамъ начинается слогъ горячекъ и магнитическихъ видѣній.

Если трудъ господина Федора Кисселя въ чемъ-либо подлежитъ упреку, такъ именно по случаю того несчастнаго обстоятельства, что авторъ, какъ правотѣрный поклонникъ риторики, счелъ себя обязаннымъ, по уваженію къ важности историческаго предмета, быть краснорѣчивымъ и говорить высоко. На каждыя трихъ или четырехъ страницахъ найдете у него полное собраніе всѣхъ искусственныхъ фигуръ риторики, хитро притянутыхъ къ случаю, тщательно обдѣланныхъ, затѣйливо приготовленныхъ. Авторъ называетъ это—*разнообразіемъ*— для того чтобы умножить охоту къ чтенію и вѣру въ пользу наукъ. Къ сожалѣнію, весьма многіе изъ преподающаго сословія до-сихъ-поръ такъ думаютъ: имъ кажется, что такими средствами они непременно очаруютъ читателя и дадутъ ему высокое понятіе о своей наукѣ, о пользѣ риторики и о очарованіи людей. Между-тѣмъ, именно эти риторическія средства прелющившія отстраняютъ нынѣшняго читателя отъ книгъ, въ сущности полезныхъ, но неспособныхъ по изложенію, педантскихъ, утомительныхъ, въ видѣ лица наперстанныхъ по точнымъ формуламъ шпіальнаго краснорѣчія. Во все время, хуже всѣхъ наскакали тѣ, которые, по званію своему, учатъ хорошо писать: поэтому мы не станемъ удивляться, почему у насъ много, издаваемыхъ въ свѣтъ член-

ни преподающаго сословія, сословія ученика, священнаго и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго, отличаются вообще, съ немногими изъятіями, жесткостью русскаго языка и совершенно противнымъ нынѣшнему времени слогомъ. Это прискорбно, но — увы! — такъ должно быть! Сущность преподаванія другимъ правилъ языка или слогу — отставать отъ языка и отъ слогу, переноситься къ прошедшему, и выпускать изъ виду перевероты и успѣхи настоящаго. Учить тому и другому можно — только указывая на существующіе уже образцы: изъ этого естественно возникаетъ риторика, искусство подражать предшествующимъ образцамъ, наука, родившаяся нѣкогда въ эпоху всеобщаго подражанія и совершеннаго отсутствія творчества, и сохраняющаяся донынѣ въ училищахъ всего образованнаго міра наперекоръ общественному мнѣнію, которое отвергаетъ подражанія. Для публики, время подражаній прошло: она дотога просвѣтилась, что теперь уже совершенно убѣждена, что подражая нельзя ничего создать. Для преподающаго сословія, напротивъ, подражаніе вѣчно продолжается: его дѣло — изучать образцы и предлагать ихъ слушателямъ въ руководство. Понятно, что при этомъ весьма легко усвоить и себѣ послѣдованіе образцамъ и сдѣлаться страстнымъ подражателемъ. Вотъ почему языкъ, вкусъ, слогъ, искусство, всегда отвергають тѣхъ, которые должны руководствовать въ ихъ ювоня поколѣнія; почему книги ихъ, при самомъ рѣшеніи, имѣють уже видъ устарѣвшихъ книгъ, писанныхъ обветшалымъ языкомъ и слогомъ въ давно прошедшемъ родѣ. Мы всегда — почти всегда — имѣемъ быть взыскательными относительно къ твореніямъ этого разряду писателей, зная, что ни какія усилія критики не могутъ измѣнить сущности дѣла, и, следовательно, не станемъ упрекать, и господина О-

дора Кисселя за то, что онъ удивительный ораторъ, витія первой руки, риторъ, великій *штилистъ*, *разпространяетъ* тезисы, *умѣющій разкообразить* предметъ *фигурами*, *разсыпать цвѣты краснорѣчія* въ торжественныхъ случаяхъ, дать *пинка русскому языку* и *блеснуть славянскимъ словечкомъ*. Конечно, намъ, и всемъ читателямъ господина Федора Кисселя было бы несравненно пріятнѣе, если бы онъ говорилъ просто, безъ затѣй, находя для каждой вещи настоящее слово и, притомъ, настоящее русское: но писать просто—очень трудно. Простота—верхъ искусства во всякомъ художественномъ дѣлѣ. До нея достигаютъ только великіе писатели. Умъ человѣческій такъ исковерканъ, такъ ложенъ, или такъ безсиленъ въ обыкновенномъ своемъ состояніи, что вычурность—для него первый праздничный кафтанъ для пожаловавшей въ голову мысли, и того, кто умѣетъ высказать ее красиво самымъ простымъ образомъ, онъ провозглашаетъ гениемъ.

Высокій слогъ—бездѣлица—такіе пустяки, о которыхъ говорить не стоить: критика можетъ безъ зазрѣнія совѣсти простить ихъ питомцу училищной мудрости. Но едва-ли она будетъ столько же снисходительна по другому пункту, для котораго авторъ также ходатайствуетъ у нея о великодушномъ прощеніи; а именно: онъ почтительнѣйше извиняется, что *редко* указываетъ на свои авторитеты при описаніи фактовъ. Между-тѣмъ часто упоминаетъ онъ о мѣстныхъ углицкихъ лѣтописяхъ, изъ числа которыхъ извѣстно ему до пяти. Если бы господинъ Федоръ Киссель оцѣнилъ настоящимъ образомъ *важность* историческихъ трудовъ, о которой столько хлопочетъ, то онъ оставилъ бы всторонѣ все цвѣты слогу, все риторическія украшенія рѣчи, а занялся бы исключительно сводомъ и разборомъ этихъ лѣтописей: онъ показалъ бы намъ ихъ происхожденіе, ихъ достоинство, и степень довѣрія, которой они заслужи-

взять; онъ подвелъ бы непрерывную справку изъ согласію или разногласію въ различныхъ случаяхъ; онъ познакомилъ бы насъ съ ихъ содержаніемъ и, при надобности, разсказываемою происшествіемъ, представляя имъ ихъ подлинный текстъ или по крайней мѣрѣ вѣрный переводъ ихъ выразеній. Главная и, можетъ быть, единственная польза отъ частныхъ областныхъ исторій для общей исторіи государства состоитъ именно въ такого рода свѣдахъ мѣстныхъ лѣтописей, справкахъ съ известными памятниками и преданіями, и извлеченіе изъ известныхъ текстовъ. Господинъ Федоръ Киссель, вынужденъ это изъ виду, писалъ только риторическую книгу объ исторіи Углича, а отнюдь не исторію. Ни критикъ ни читатель не видятъ, на чемъ онъ основывался, изъ какихъ текстовъ почерпалъ свои свѣдѣнія, и какъ понималъ эти тексты. Какъ нѣтъ ни извлеченій изъ известныхъ рукописей, ни опредѣлительныхъ ссылокъ на другіе авторитеты, ни выносокъ, то часто и нельзя различить, что фактъ засвидѣтельствованный угличскими лѣтописцами, а что риторическая прикраса господина Федора Кисселя. Онъ захотѣлъ быть прямо Титомъ Ливіемъ Углича: но что скажутъ нынѣшніе Нибура, историки Титамъ Ливіямъ ни въ чемъ не вѣрять?

Господинъ Федоръ Киссель имѣлъ прекрасный случай придать своему любезному городу большую важность въ глазахъ будущихъ историковъ Россіи: для этого нужно было только разложить передъ ними всѣ рукописныя богатства. Они не могли бы помыкать Угличемъ, у котораго было такое множество лѣтописей. Угличъ представлялся бы Аѳинами старинной Русіи. Они благоговѣли бы передъ такимъ просвѣщеннымъ городомъ, или, какъ говоритъ господинъ Федоръ Киссель, градомъ. Теперь они будутъ помнить объ Угличѣ только какъ о градѣ, гдѣ много ораторствовали, а мало говорили дѣла.

Авторъ прежде всего старался отыскать корень Углича. Въ до нынѣ предложенныя этимологін этого собственнаго имени ему не нравятся. Онъ рѣшаетъ вопросъ совершенно новымъ образомъ, съ замысловатостью удивительной простоты. По его словамъ, «жители сосѣднихъ Угличу деревень, спрашивая и отвѣчая на вопросы другихъ, обыкновенно говорили: откуда? — изъ угла! — куда идешь! — въ уголь! — что тамъ за люди? — Угличи, то есть Угличане», то есть, люди, сидящіе въ углу. А уголь тотъ образуетъ рѣка Волга. И отсюда, разумѣется, произошло имя города, Угличъ; только неизвѣстно какимъ образомъ: авторъ не постарался устранить маленькое логическое затрудненіе, которое встрѣчается въ этомъ остроумномъ словопроизводствѣ. Если людей, сидящихъ въ углу, когда-либо называли угличами, то угличъ будетъ одинъ изъ этихъ людей, а не селеніе, въ которомъ они живутъ. Но господинъ Федоръ Киссель можетъ возразить, что Угличъ—слово сокращенное, вмѣсто Угличи. Въ такомъ случаѣ, Угличи будетъ значить—сыновья Уаля: другаго смыслу это слово не можетъ имѣть въ русскомъ языкѣ. Всѣ вообще славянскія названія мѣстъ, оканчивающіяся на *ичи*, означаютъ мѣста, заселенныя потомками, приверженцами или подвластными какого-нибудь родоначальника или предводителя, оставившаго имъ свое имя. Здѣсь не нужно предполагать, что въ этомъ мѣстѣ жили уголь; еще меньше — опровергать это предположеніе доказательствами въ родѣ того, что будто бы угля никто не могъ жечь, потому что въ тѣ времена на сѣверѣ не умѣли даже подковать лошади: господинъ Федоръ Киссель ошибается; въ глубочайшей древности сѣверъ славился своими рудниками и искусствомъ въ обдѣлкѣ металловъ. Но, повторяемъ, предположеніе о *жженіи угля* вовсе не нужно. Первый владѣлецъ мѣста могъ просто называться Уголь, это-

го уже совершенно достаточно чтобы его потомки ихъ подвластные получили названіе *Угличей*. Но для такой этимологіи необходимо опять другое предположеніе, а именно, что это мѣсто было первоначально заселено славянскимъ племенемъ. Авторъ, который *Угличей* или *Угличанъ* производитъ изъ *угла*, въ самомъ дѣлѣ и принимаетъ первыхъ жителей этого *угла* за Славянъ: авторитетомъ служить ему одно неясное выраженіе одной изъ сомнительныхъ лѣтописей. Трудъ этотъ былъ напрасенъ. Угличи не могли быть Славянами: во-первыхъ, въ противномъ случаѣ, Несторъ не забылъ бы ихъ въ своемъ исчисленіи славянскихъ поколѣній; во-вторыхъ, известно, что въ этихъ мѣстахъ жили Угры. Вѣроятно все же, что слово *Угличи* — не что иное какъ протонародное произношеніе слова *Угрочи*. Замявъ буквы *р* буквою *л* въ этомъ случаѣ есть и другіе примѣры: имена *Возулы* или *Узуды*, *Возуличи* или *Узуличи*, какъ доказалъ одинъ изъ знаменитыхъ ориенталистовъ, произошли также отъ *Угры* и *Угрочи*. Можно, поэтому, принять съ большимъ правдоподобіемъ, что названіе города *Угличъ* или *Угличи* означаетъ, собственно, потомковъ жившихъ тамъ некогда Угровъ, съ остатками которыхъ, послѣ выхода главныхъ силъ въ Паннонію, смѣшались Славяне. Мѣстныхъ лѣтописъ, сколько можно понять изъ краснорѣчиваго творенія господина Федора Киселя, даютъ еще другую этимологію: онъ производитъ названіе *Угличи* отъ имени рѣки *Углы* или *Урлы* (Орѣлы), впадающей въ Днѣпръ въ екатеринославской губерніи. По ихъ толкованію, Свенельдъ или *Svenhjeid*, полководецъ Игоря, покорялъ славянское племя, жившее по берегамъ *Углы* и переселилъ его въ ростовскую область, на Волгу, гдѣ впоследствии возникъ городъ *Угличъ*. Господинъ Федоръ Кисель напрягаетъ всѣ силы своей діалектики, чтобы доказать невозможность такого переселенія въ тѣ времена:

а между-тѣмъ это было именно время переселеній. Цѣлыя народы переселялись; поколѣнія безпрерывно были передвигаемы побѣдителями изъ одного мѣста въ другое. Переводъ жителей береговъ Углы на берега Водги не представлялъ бы ничего неправдоподобнаго въ хорошей исторической критикѣ, если бы на льтописцевъ, которые выдаютъ его за фактъ, не падало подозрѣнiе въ страсти къ корнесловію и славяноманiю: чтобы не происходить отъ Угровъ и найти легкую этимологию названiю Углича, они произвольно предположили, что жители города Углича обитали нѣкогда по рѣкѣ Угль, на югѣ, были всегда коренные Славяне, и переведены на сѣверъ при Игорьѣ, послѣ покоренiя Норманнами южныхъ городовъ и поколѣній. Ложность этого словопроизводства доказывается однимъ уже окончанiемъ *ичи*: Углича значило бы—потомки рѣки Углы! Къ именамъ рѣкъ и мѣстъ такіа окончанiя никогда, сколько намъ извѣстно, не были присоединяемы: *ичи*, всегда предполагаетъ предварительное существованiе родоначальника или родоначальниковъ, одного человека, или цѣлаго народа, а иногда какого-нибудь бога: примѣръ этого послѣдняго родопроизводства сохранился въ имени *Кривичи*, происходящемъ отъ *Кривъ* или *Кривой*, названiя одноглазаго божества, Одина, скинскаго Геркулеса: въ землѣ Кривичей исландскiя саги дѣйствительно помѣщаютъ Новый Асгардъ, новый городъ-боговъ, и *Vite-bo*, «божье мѣсто», вѣроятно рѣку Витебу и городъ Витебскъ, и кажется, что Кривичи почитали себя или были почитаемы за священное племя Крива, за сыновъ Одина. Окончанiе *ичи* и въ этомъ случаѣ не измѣняетъ своему коренному назначенiю — служить признакомъ родословія и указывать на родоначальника.

Какъ бы то ни было, существованiе Углича, какъ города, относится еще къ временамъ язычества. Углич-

ѣи лѣтописи сохранили преданіе, что привеликой князѣ гни Ольгѣ, братѣ или родственникѣ, Псковичѣ Янѣ: то есть, Іоаннѣ,—неизвѣстно какъ его звали по-нормански въ лѣтописѣхъ: это имя принялъ онъ при святомъ крещеніи,—присланъ былъ изъ Кіева для сбора дани съ Угличанъ и для водворенія порядку въ нѣхъ городѣ, который, по-видимому, былъ довольно важенъ и производилъ значительную торговлю. Янъ такъ нѣнился мѣстоположеніемъ Углича, что выпросилъ у великой княгини позволеніе основать здѣсь свое мѣстопребываніе. Онъ построилъ себѣ дворецъ на Угличьемъ *Полѣ*, которое отъ него приняло названіе *Янова Поля*. Съ того времени Угличъ сталъ увеличиваться и украшаться, такъ, что по словамъ мѣстныхъ историковъ въ скоромъ времени *создася градъ велий и мѣптою изрядный*. Извѣстно, что въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ это былъ одинъ изъ первостатейныхъ городовъ Россіи, въ которомъ считалось до ста тридцати церквей и до сорока тысячъ жителей. Долго однако жъ Угличъ не достигалъ чести быть столицей особеннаго удѣлу, и со времени Владиміра Великаго числился только однимъ изъ городовъ удѣльнаго княжества ростовскаго. Князь Святой Борнъ, по угличскимъ исторіографамъ, особенно покровительствовалъ его. Не прежде какъ въ 1212 году онъ получилъ себѣ князя. При раздѣленіи суздальскаго великаго княжества на два владѣнія, старшій братъ Георгій получилъ Владиміръ и Суздаль съ званіемъ великаго князя, а младшій, Константинъ, Ростовъ, Угличъ и Ярославль. Константинъ впоследствии отдалъ Угличъ второму сыну своему Всеволоду.

Преемники Всеволода Константиновича болѣе или менѣе мирно княжили въ Угличѣ до 1222 года: въ это время неожиданно нагрянула на него страшная гроза свирѣпыхъ полчищъ Батыя; сопровождаемая—что все-

го хуже — молнии и громами оглушительнаго красноречія господина Федора Кисселя. Нельзя представить себе ничего ужаснѣе. Тогдашній углицкій князь, заткнувъ уши, бежалъ въ Новгородъ. Но Угличъ благополучно избежалъ истребленія: онъ откупился отъ Батия, прислалъ его баскаковъ, обвинилъ неправна платитъ дань, и лютый Монголь удалился: только молніи и громы господина Федора Кисселя долге еще слышны были по направлению дороги, по которой ушелъ влукъ Чингисхана; но они ни коге не убили. Въ пылу этой жестокой схватки между злоквенціей и Татарами, углицкій историографъ не зная какъ назвать изверговъ, называетъ ихъ *бусурманами*, то есть, мусульманами. Известно, что слово *бусурманъ* не что иное какъ простонародное превращеніе слова *мусульманъ*; и известно также, что Татары Батия и первыхъ его преемниковъ, не только не исповѣдывали вѣры Магомета, но даже были злѣйшими врагами мусульманъ и всего мусульманскаго. За что же господинъ Федоръ Киссель называетъ ихъ *бусурманами*? Такой анахронизмъ едва ли простителенъ даже и въ риторикѣ, не говоря ужъ объ исторіи. Но впрочемъ господинъ Федоръ Киссель душевно убѣжденъ, что уже самые первые Татары Золотой Орды были мусульманами. Говоря о повелѣніи Батия являться въ Орду всемъ русскимъ князьямъ, желающимъ управлять своими удѣлами, для полученія ханскихъ ерлыковъ или грамматъ, онъ присовокупляетъ: «многіе не хотѣли ѣхать, будучи увѣрены, что Батій вызываетъ русскихъ князей на поклоненіе «своимъ идоламъ, которыхъ спрочемъ магометане совсемъ не имѣютъ.» Мы надеемся, что, излагая Угличанамъ «историческія науки», господинъ Федоръ Киссель не присовокупляетъ имъ этой послѣдней ересь.

Подъ итогомъ татарскимъ, которое сначала приостановило на-время междоусобныя войны удѣльныхъ кня-

здѣ, Угличъ блаженствовала болѣе шестидесяти лѣтъ господить Федоръ Киссель герландани изъ самыхъ недличныхъ цвѣтковъ риторикѣ увѣщивающъ неисчислимое счастье Угличанъ при князьяхъ Андрѣ Владиміровичѣ, Романѣ Владиміровичѣ и Дмитріи Борисовичѣ. Но вдругъ Городецкому князю Андрею Александровичу вздумалось отнять Угличъ у князя Дмитрія Борисовича, перешедшаго на великокняжескій престолъ въ Владиміръ, и еще купить себѣ въ Ордѣ орлыкъ на велико-княжество. Князь Андрей Александровичъ прислалъ ко Владиміру съ огромнымъ вспомогательнымъ войскомъ изъ Татаръ. Осада этой столицы была трудна и неудачна. Татары требовали условленной платы. У князя Андрея денегъ не было, и они, взбунтовавшись, бросились на Угличъ, съ намѣреніемъ ограбить его въ счетъ жалованья. Гдѣ мнѣ, плохому оратору, всегда смѣявшемуся надъ риторикой, — впрочемъ можетъ-быть потому, что она мнѣ не давалась, — гдѣ мнѣ достойно, «важнымъ» карамзинскимъ слогомъ, изобразить всѣ ужасы, которые происходили въ Угличѣ, когда на него внезапно напали Татары! Я долженъ предоставить рѣчь самому историографу Углича.

«О несчастные Угличане! восклицаетъ онъ: вангъ Угличъ, безъ князя и защиты, ограбленный прежде захватившимъ его княземъ Андреемъ Александровичемъ, а теперь освоенъ имъ въ добычу мстительной злобѣ Татаръ! Ибо князь Андрей бѣжалъ отъ взбунтовавшихся Татаръ; бѣжалъ; и такъ постыдно, отъ стѣнъ Владиміра, гдѣ онъ такъ мало хотѣлъ властвовать. А Татары, мстя обманушему ихъ князю Андрею, устремились на Угличъ. Бѣдные Угличане, преданные княземъ ихъ собственной судьбѣ и заступитѣе Татарамъ нечаянно, не знали что дѣлать въ столь несчастномъ положеніи, и потому многіе изъ нихъ разбѣжались при первомъ появленіи Татаръ, многіе хотѣли оружіемъ и силою отразить грабителей, многіе не могли

не силу, прятались, кто на чердакъ, кто въ подвалъ, кто въ погребъ, словомъ, кто куда могъ. Но когда Татары вернулись въ городъ и началась сеча, то многіе, въ отчаяніи и бѣшенствѣ, бросались на Татаръ съ ножами, съ посохи, съ топорами и всякаго рода оружіемъ; бились въ дворахъ, на улицахъ, въ переулкахъ, и падали отъ силы намирающихъ Татаръ. Когда же Угличане увидѣли невозможность побѣдить неистовыхъ грабителей, (ибо толпы Татаръ безпрестанно увеличивались вновь приходившими толпами), то и остальные защитники Углича, или пали мертвые отъ оружія татарскаго, или разбѣжались, какъ ошцы безъ пастыря. Иные падали передъ убійцами на колѣни и умоляли ихъ о пощадѣ, и были пронзаны копьями Татаръ. Крикъ, стонъ, вопль и отчаяніе только ошесточали зѣвроподобныхъ убійцъ. Они бѣгали изъ дома въ домъ, ломали двери, срывали заноры, грабили имущество, убивали мужчинъ, мучили старцевъ и рѣзали дѣтей, спрашивая, гдѣ скрыты сокровища; терзали отчаянныхъ матерей, вырывали дѣвицъ изъ материнскихъ объятій и зѣвски ругались надъ беззащитными. Наконецъ, упившись кровію, насытившись грабежемъ и убійствомъ, зажгли несчастный Угличъ со всѣхъ сторонъ, и пламя погирало все то, чего не могло поглотить татарское корыстолюбіе. Такъ смерть пировала на развалинахъ Углича въ честь властолюбивому князю Андрею Александровичу. Татары ушли обогранные кровію Угличанъ и заревомъ опустошеннаго города.

О счастливые Угличане!.....

Теперь непременно идетъ — *О счастливые Угличане!* — для антитезы съ предъидущимъ. Вы помните, что въ предъидущей картинѣ грабежа Углича, наполненная такими трогательными подробностями, картина, которую господинъ Федоръ Киссель, схвативъ кисть Карамзина, при помощи риторики соорудилъ все изъ ничего изъ двухъ строчекъ лѣтописца, который говоритъ такъ — *и нападоша внезапно Татарове на Угличъ и похитиша зорити его огнемъ и мечомъ, и обогатишася,*

— вы помните, что эта картина, начиналась восклицанием: *О несчастные Угличане!*.... Раздразнив ересь шипящей тавро раздразнительно амплонской, дерзкий оратор долженъ править на штык жалованья Балканъ угличскія каменья-шубу протриволющихъ трепещеть. И въ самомъ дѣлѣ, едва номеръ Углича кончился, едва Татары ушли съ пепелища града несчастныхъ Угличанъ, какъ искусный исторіографъ сто восклицаетъ:—*О счастливые Угличане!* теперь вы..... и прочая. Чѣмъ же теперь Угличане такъ счастливы! спросите вы. Какъ же! теперь у нихъ есть пожарныя команда, есть отличныя трубы, такъ что если бы Татары и зажгли городъ, то можно было бы потушить пламя въ одно мгновение. Развѣ это не угличское!... Славная фигура. Вотъ что значитъ риторика!

Мы съ умысломъ избрали это мѣсто, для представленія его читателямъ, какъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ образчиковъ поддѣлки подъ карикатурскій способъ писать исторію, который точно такъ состоялъ изъ риторическаго распространенія короткихъ и сухихъ показаній летописцевъ, съ обильною примѣсью болѣе или менѣе соответственныхъ случаевъ подробностей, пропущенныхъ источниками, но неизбежныхъ при каждомъ подобномъ обстоятельстве и, следовательно, легко угадываемой поэтическия воображенія писателя и, потому, въ сущности, обманчивость. Мы чрезвычайно далеки отъ всякой мысли сравнить талантъ великаго исторіографа Государства Россійскаго съ талантомъ почтеннѣйшаго угличскаго исторіографа: поддѣлка эта подъ манеру и слогъ Карамзина, безспорно, доведена господиномъ Федоромъ Бесселемъ до карикатуры, черезъ преувеличеніе истинныя; но въ карикатурѣ лучше всего можно видѣть недостатки образца, и, если бы въ 1845 году еще можно было доказывать то, что всякой уже чувствуетъ самъ

добом, эта карикатурно-карамзинская картина грабежа и пожара Углича могла бы послужить самымъ лучшимъ доказательствомъ, что, въ наше время, уже не должно, и нельзя, писать исторію такъ, какъ писалъ Карамзинъ. Исторіографъ Государства Россійскаго будетъ всегда безсмертенъ множествомъ драгоцѣнныхъ достоинствъ, которыми блещитъ его великое твореніе, и въ историческомъ, и въ изыскательномъ, и въ критическихъ отношеніяхъ, но его способъ писать исторію или, такъ-называемый карамзинскій историческій слогъ—самая сомнительная сторона этого творенія. Когда, въ очевидномъ подражаніи ему, эти достоинства отсутствуютъ и на сцену является одинъ только способъ, одна манера, мы видимъ что выводитъ... школьная ампліфикація на заданную тему — грабежъ и пожаръ Углича.

О! зачѣмъ господинъ Федоръ Киссель не подражалъ лучше, вмѣсто текста, «Примѣчаніямъ» Карамзина! Здѣсь-то подлинная исторія, здѣсь истинно полезный, незабвенный трудъ. Всѣхъ кто захочетъ писать областныя исторіи, мы усердно приглашаемъ подражать «Примѣчаніямъ къ Исторіи Государства Россійскаго»: какъ-можно менѣе тексту въ карамзинскомъ родѣ и какъ-можно болѣе цитать, — выписокъ изъ лѣтнихъ и актовъ, сравненій источниковъ разбору авторитетовъ, ученой оценки памятниковъ, всего что Карамзинъ сбросилъ въ свои богатые «Примѣчанія», въ этотъ кладъ негоддѣльныхъ сокровищъ, которымъ все дѣло было обильно пользовались, въ томъ числѣ и самъ господинъ Федоръ Киссель, и долго еще будутъ пользоваться.

Въ той же соразмѣрности какъ возрастало могущество московскихъ великихъ князей, значеніе углицкихъ князей должно было уменьшаться. Пришло наконецъ время, что углицкихъ князей стали бросать на Москву

въ *сырмя темницы*, къ великому огорченію господина Федора Кисселя. Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ слѣдовать съ почтеннѣйшимъ углицкимъ исторіографомъ за этими горестными перипетіями: тутъ-то краснорѣчіе его блеснётъ всѣми своими лучами, особенно когда Шемяку, *в.поблннаго, страстнаго Шемяку*, которому авторъ посвятилъ цѣлую четверть своей исторіи и своей риторики, Шемяку, уже обручившагося на дочери князя Бѣлозерскаго, уже *думавшаго обладать прелестнѣйшею изъ князей*, уже *пьющаго мысленно свое блаженство*, вдругъ посадили въ тюрьму, когда онъ прѣѣхалъ въ Москву пригласить великаго князя Василія Васильевича къ себѣ на свадьбу. Послѣ Шемяки званіе князей углицкихъ было уже только почетнымъ титуломъ: московскіе намѣстники, здѣсь какъ и въ другихъ удѣлахъ, значили болѣе чѣмъ сами князья и всѣмъ распоряжались. Последнимъ изъ этихъ князей, подъ надзоромъ намѣстника Битяговскаго, былъ несчастный царскій отрокъ, Дмитрій Іоанновичъ Святой, и мученическая его кончина, придавшая Угличу такую пречистую славу въ исторіи Россіи, служитъ автору поводомъ къ нескончаемымъ разглагольствіямъ объ узетіи Бориса Годунова въ злодѣяніи. Углицкій исторіографъ рѣшительно обвиняетъ Годунова въ убійствѣ Святаго Дмитрія. «*Дальновидный Годуновъ, начал издалека и непримѣтно для современнхъ*». Мы не будемъ входить въ его доказательства: они не могутъ выдержать логическаго разбору. Народъ? особенно Нагіе, личные враги Годунова, и приверженцы Нагіихъ въ Угличѣ, могли въ первую минуту вскрикнуть, что убійцы подсланы были Годуновымъ: но позволительно ли тѣмъ, которые вдаются въ исторію, повторять донинѣ такіа предположенія? Царь Федоръ Іоанновичъ былъ молодъ и могъ еще пережить Годунова; отъ царя могли еще родиться прямые на-

слѣдники престола; царевичъ Дмитрій могъ еще природною смертию скончаться прежде своего брата; положеніе самаго боярина при дворѣ могло со дня на день измѣниться: съ какой же стати было Годунову, котораго провозглашаютъ *дальновиднымъ и хитрецомъ*, умерщвлять Дмитрія? Вотъ это ужъ было бы не хитро и не дальновидно. Посягать на жизнь невиннаго ребенка, котораго права на царство могли ранѣе или позднѣе уничтожиться сами собою, вѣрять тайну такого злодѣянія кому бы то ни было, зная по опыту, что въ политикѣ нѣтъ ни одной долговременной тайны, добровольно подвергаться подозрѣніямъ враговъ и завистниковъ, а можетъ-быть и самаго царя, все это при самой посредственной дальновидности скорѣе значило бы загоразживать чѣмъ издалека очищать себѣ путь къ престолу. Приверженцы и клеветы Годунова могли, тайно между собою, упрочить его на царство и предвидѣть его возвышеніе; они сами отъ себя могли рассчитывать, что существованіе царевича Дмитрія, въ случаѣ скорой кончины царя, помѣшаетъ ихъ замыслы и, вѣроятно, сокровенной надеждѣ самаго ихъ патрона; въ пылу усердія своего къ его будущимъ выгодамъ они могли безразсудно рѣшить необходимость смертоубійства и еще безразсуднѣе, безъ всякихъ предосторожностей, поднять преступную руку на царскаго отрока; думая сослужить отличную службу Годунову, они могли неожиданно сдѣлать для него болѣе, нежели сколько онъ ожидалъ отъ ихъ преданности, дерзко совершить то, о чемъ онъ не смѣлъ бы и подумать не оглянувшись во всѣ стороны и чего ужъ навѣрное не захотѣлъ поручать ни одной живой душѣ, это — дѣло другое; это, вѣроятно, и согласно съ обстоятельствами. Исторія и не имѣетъ права предполагать болѣе. Судить умершихъ ей позволяется: но кто позволилъ исторіи клеветы.

тать? Передъ гнуснымъ названіемъ клеветницы она должна остановиться вдругъ съ честнымъ ужасомъ, какъ-скоро итъ неоспоримыхъ данныхъ. Что Нагихъ казнили и сослали въ заточеніе, что многимъ изъ Угличанъ отрезывали языки, это совершенно понятно и безъ участія Годунова въ преступленіи: они, въ злобъ на царскаго любимца, обвиняли его одного въ погибели царевича, они называли его цареубійцей, и Годуновъ мстилъ имъ за себя. Что нянька предательски убитаго мученика, подозреваемая въ согласіи съ Битяговскимъ, была богато награждена, это также естественно: она своими показаніями оправдывала Годунова. Запоздалое сознаніе Василя Шуйскаго ровно ничего не значить: человекъ, который утверждаетъ, что прежде онъ показывалъ несправедливо (для своей пользы), а теперь показываетъ правду (опять для своей пользы), такой человекъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія передъ судомъ въ исторіи.

Бѣдствія, претерпѣнныя Угличемъ въ смутное время Самозванцевъ, заключаютъ собою краснорѣчивую исторію господина Федора Кисселя. За нею слѣдуетъ еще статистика Углича, тоже исполненная дивной элоквенціи. Въ статьѣ объ его торговлѣ, господинъ Федоръ Киссель трижды сравниваетъ Угличанъ съ Финикійцами, — я ошибаюсь: Финикійцевъ съ Угличанами, — и кромѣ-того онъ очень искусно нашелъ средство прилечь къ этой невинной торговлѣ Аттылу. Мы должны что-нибудь выписать изъ статистики господина Федора Кисселя, чтобы дать читателямъ понятіе о знаменитомъ городѣ Угличѣ, въ которомъ еще и теперь семнадцать церквей, болѣе полторы тысячи домовъ и до десяти тысячъ жителей.

«Въ Угличѣ центральная площадь вымощена дикимъ камнемъ, и потому, при всемъ многолюдствѣ и троекрат-

номъ въ недѣлю торгѣ, на грязь и нечистоту нельзя жаловаться. Угличъ прорѣзанъ четырьмя оврагами, на двѣ конхъ текутъ ручьи; эти глубокие овраги весною наполняются водою изъ Волги при разлитіи ея; вода вымываетъ овраги и освѣжаетъ городъ. Черезъ сіи овраги построены пять каменныхъ и четыре деревянныхъ мостовъ. Центральная торговая площадь окружена съ четырехъ сторонъ двозтажными рядами лавокъ, а съ пятой городскимъ садомъ; крутой и глубокий оврагъ отдѣляетъ садъ съ трехъ сторонъ отъ города, а соединяется съ нимъ четырьмя мостами. На площади двѣ церкви прекрасной архитектуры, Успенская, прежде-бывшій соборъ, и Казанская; между церквами построены квадратомъ лавки, или ряды. Ряды прорѣзаны насквозь покрытыми улочками, а снаружи окружены со всѣхъ четырехъ сторонъ прекрасными арками; всѣ лавки окружающія площадь украшены такими же арками. Отъ главной площади плутъ, какъ радиусы отъ центра, пять главныхъ улицъ, Ярославская, Новая-Ростовская, Старая-Ростовская, Московская и Спаская. Всѣ эти улицы перерѣзаны многими поперечными улицами, подобно ткани паука. Кромѣ сей главной площади, есть въ Угличѣ еще пять площадей, украшенныхъ церквами.

«Священное для Угличанъ мѣсто, составлявшее прежде княжеское жилище и называвшееся Крѣпостью, теперь площадь, съ тремя церквами, двумя колокольнями и городскими присутственными мѣстами; другую половину занимаетъ городской общественный садъ. Главную историческую достопримѣчательность представляетъ здѣсь дворецъ царевича Дмитрія.

«Дворецъ царевича Дмитрія Иоанновича есть древнѣйшее зданіе во всемъ Угличѣ; онъ построенъ княземъ Андреемъ Василевичемъ, слѣдовательно, еще около 1462 года. Впрочемъ трудно повѣрить, чтобы осталось что-нибудь отъ Андреевой постройки; ибо дворецъ часто перестраивали и перестраивали послѣдующіе угличскіе князья, и особенно Шемяка. Въ нынѣшнемъ состояніи этотъ дво-

рець, столь древній и столь обширный прежде, весь состоитъ теперь въ одной только комнатѣ въ верху, другой внизу, и подъ ними находятся два темные подвала. Эта квадратная фигура увѣнчана гербомъ русскихъ царей. Каменные стѣны со всѣхъ четырехъ сторонъ сведены треугольниками въ верху вышиною въ шесть сажень. Стѣны украшены разными фигурами XV вѣка. Это самое и доказываетъ, что съ той высоты, гдѣ оканчиваются украшенія, были пристроены другія комнаты обширнаго дворца. Слѣдовательно, треугольники стѣнъ, восходящіе до самаго герба и украшенные разными изразцами, возвышались и господствовали надъ другими зданіями дворца, какъ главный куполь.

«Этотъ дворецъ называется дворцомъ царевича Дмитрія, потому только, что онъ послѣдній изъ угличскихъ князей жилъ въ немъ. Отъ смерти святаго царевича пролетѣло надъ его дворцомъ уже триста лѣтъ; и потому много уже нѣтъ, что составляло при немъ дворецъ и крѣпость; одна только комната осталась отъ всего, что было въ крѣпости; эту комнату называютъ Спальною царевича. Объ обширности дворца угличскихъ князей можно судить по фундаментамъ, которые прорѣзываютъ крѣпость на каждомъ шагу и по всѣмъ направленіямъ.

«Первый угличскій князь занималъ, можетъ-быть, не болѣе трехъ четырехъ комнатъ; но во всякомъ случаѣ, и у каждаго князя дворецъ долженъ имѣть сѣни, или прихожую комнату, вторую княжескую тронную, или гостиную, третью спальню, четвертую для книгачи, пятую для дѣтей, и шестую для взрослыхъ дочерей, называемую теремомъ. Такъ жили въ Угличѣ первые князья еще въ деревянномъ дворцѣ. Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ тѣса была уже и вся крѣпость; онъ жилъ пышно и роскошно; во дворцѣ его должны были помѣщаться, кромѣ собственнаго семейства, родственниковъ-жильцовъ двора и огромной прислуги, еще много другихъ князей и бояръ съ ихъ прислугами; у него всегда много было пріѣзжихъ, какъ гостей такъ же и по дѣламъ. Нынѣшній дворецъ

два раза, если не три уже, подновленъ: первый послѣ раззоренія Углича Поляками, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, когда строили церковь «Царевича на Крови» на его иждивеніе; а другой разъ недавно, лѣтъ за двадцать до нашего времени. Слѣдовательно, въ теперешнемъ дворцѣ столь же трудно узнать дворецъ Андрея, или Шемяки, какъ въ теперешнемъ угличскомъ гражданствѣ современника сихъ князей. Драгоцѣнный для Угличанъ и всѣхъ Россіянъ дворецъ покрытъ желѣзною крышею, огражденъ желѣзною рѣшеткою, обложенъ древними пушками и пищалами, которыми Угличане разили въ 1611 году Поляковъ, осаждавшихъ Угличъ. Ко второму этажу придѣлано недавно крыльцо и лѣстница къ царевичевой комнатѣ. Эта комната внутри росписана, съ великимъ усердіемъ, но съ худымъ знаніемъ и вкусомъ: на одной стѣнѣ написана Царица съ младенцемъ, на другой убійеніе царевича, а на передней — его святыя Мощи. Подъ потолкомъ вмѣсто карниза написаны: всѣ русскіе князья, цари и императоры, отъ Рюрика до Александра Благословеннаго. Итакъ внутри ничего нѣтъ древняго, кромѣ слюдяныхъ узенькихъ окошекъ.

«Подъ царевичевою комнатою въ тѣхъ же четырехъ стѣнахъ другая квадратная комната, или нижній этажъ. Теперь въ ней одна только дверь; а другая дверь и окошки задѣланы, поды уничтожены, и потому видны только своды находящихся подъ нею подваловъ. Одинъ подвалъ недавно провалился, а другой еще стоитъ до времени, но кажется не на долго; ибо правая нижняя часть стѣны уже обрушилась, и другая ея половина откололась, и потому сводъ угрожаетъ ежеминутно своимъ паденіемъ. Провалившійся погребъ всякому видѣнъ, но правый по темнотѣ своей недоступенъ для робкихъ. Внутри его ведетъ узенькая лѣсенка въ правомъ углу. Это — простые подвалы или погреба, которые во всякомъ домѣ должны быть. Я ихъ осматривалъ и всякій можетъ посмотреть, слышать на дѣлѣ всѣ сказки и удостовѣриться, что двѣ маленькія отдушныя или окошка не могутъ быть дверьми подъ Волгу, и заперты пудовыми замками, а засыпаны мусоромъ. Можетъ-быть

эти подвалы служили некогда тайною тюрьмою; может-быть, Василий Темный, и послѣ Андрей Васильевичъ сидѣли въ нихъ какъ государственные узники; может-быть, и много историческихъ событій погребено подъ сводами этихъ двухъ подваловъ; но я пишу не подземную исторію, а только то, что совершилось передъ глазами очевидцевъ, записавшихъ все видѣнное ими. Вѣрнѣе всего, что въ сихъ подвалахъ хранилась казна угличскихъ князей и вообще дворцовыя сокровища. Между прочимъ отдадимъ Угличанамъ полную честь и глубокую благодарность, что они берегутъ дворецъ царевича Дмитрія какъ драгоценность, какъ святыню, какъ памятникъ величія, славы, счастья и ужаснаго бѣдствія для Углича и жившихъ въ семь дворцѣ. При взглядѣ на стѣны царевичевой комнаты, много, очень много пробуждается мыслей; воспоминанія толпятся въ душу; но чтобъ вполне наслаждаться ими, надобно прежде знать, что въ семь дворцѣ совершилось за три, за пять столѣтій, надобно знать исторію Углича.

«Отъ Царевичева дворца, саженьхъ въ пятнадцать, на самомъ берегу Волги, на высокой крутизнѣ, въ сѣверномъ уголку крѣпости построена *Церковь Царевича Дмитрія на крови*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ убитъ Царевичъ и мѣсто обогрето его святою кровію.

«Въ царствованіе Годунова Угличъ былъ опустошенъ; некому было поклоняться Стратотерпцу; боялись даже имя Царевича вслухъ произносить: однако при появленіи Самозванцевъ уже существовала часовенка надъ мѣстомъ крови; въ царствованіе Шуйскаго построена была маленькая деревянная церковь, послѣ того какъ мощи царевича перенесены въ Москву.....

«Какія опять думы тѣснятся въ душѣ, когда проходишь бывшею крѣпостію!? Здѣсь каждый шагъ земли облить кровію нашихъ предковъ; здѣсь каждый шагъ освещенъ словами святыхъ, князя Романа и Царевича Дмитрія; здѣсь на каждомъ шагу некогда сражались и умирали за вѣру и вѣрность; здѣсь всѣ угличскіе князья оставили свою память: тотъ копалъ крѣпостный ровъ и насыпалъ

огромный валъ; другой созидалъ церковь; третій воздвигалъ стѣны и башни; четвертый и даже всякій изъ нихъ перестроивалъ дворецъ своего предшественника; одинъ пиროвалъ во дворцѣ съ Татарами, другой вымаливалъ и покупалъ ханскую милость у его посланниковъ; тутъ жилъ Василій Темный, тутъ сидѣлъ Андрей Василіевичъ, а здѣсь горевалъ шведскій принцъ; вотъ здѣсь зарѣзали злодѣи Царевича Димитрія; тутъ Годуновъ рѣзалъ языки и головы Угличанамъ; вокругъ и вездѣ Угличане рѣзались съ Поляками. И такъ можно ли быть равнодушнымъ, ходя по бывшей крѣпости, между княжескимъ дворцомъ, церквами и цвѣтущимъ садомъ, выросшимъ на землѣ утучненной кровью Угличанъ? Здѣсь также молилась въ келліи Дѣвичья Монастыря царица инокиня Марѳа; она, убитая горестью, кровавыми слезами оплакивала въ отчаяніи сына своего Царевича Димитрія; здѣсь молились угличскіе князья и всероссійскіе цари, Іоаннъ Грозный, Алексѣй Михайловичъ и Екатерина Великая.....

«О! если бы вы, древніе князья и владыки Углича, возстали изъ гробовъ своихъ и посмотрѣли на Угличъ, свою столицу, и сравнили свое счастье съ нашимъ! вы изумились бы, видя на мѣстѣ вашихъ рововъ, валовъ, стѣнъ и башенъ, наши прелестныя аллеи, прекрасныя мостки, узорчатыя рѣшетки, разнообразныя деревья, душистые цвѣтники и цвѣтущую радость на лицахъ гуляющихъ Угличанъ. Тамъ, гдѣ ни одинъ князь не княжилъ спокойно, ни одинъ владыка не властвовалъ свободно, гдѣ каждую минуту страшился Татаръ или сосѣднего князя, или великаго князя, или откупщика и сборщика татарскихъ пошлинъ; тамъ, гдѣ вы трепетали за жизнь подданныхъ и собственную свою, нынѣ воспѣвается Богъ, прославляется Царь, цвѣтетъ садъ, цвѣтетъ радость и свобода на лицѣ и въ душѣ каждаго Угличанина. Вы княжили въ крѣпостяхъ и въ страхѣ, мы же царствуемъ въ покоѣ, радости и на свободѣ; вы боялись враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ, а мы боимся одной неблагодарности Богу и Монарху; васъ страшилъ татарскій мечъ и стыдъ рабства, а насъ одна совѣсть и одинъ стыдъ, если мы не умѣемъ наслаждаться

нашимъ счастиемъ. Угличане! видя предъ собою остатки дворца и крѣпости, и чувствуя подъ ногами прахъ, сипавшій съ кровью и прахомъ нашихъ предковъ.....»

И прочая, и прочая. Остальное, вы, какъ хороше ораторы, знаете сами. Таковы исторія и статистика Углича!... О! краснорѣчье, гибель книгъ и людей! Но, когда нѣтъ лучше, безъ краснорѣчья, то и этъ надо принять учтиво, съ тѣмъ по-крайней-мѣрѣ уваженіемъ, которое всегда слѣдуетъ доброму намѣренію.

=

Библиотека для воспитанія. Изданіе А. Семена Москва, 1844
и 1845 г.

Основною мыслью изданія этой книги было доброе намѣреніе, составить библиотечку избранныхъ сочиненій для втораго дѣтскаго возраста, и вмѣстѣ научить или надоумить самихъ наставниковъ, какъ они должны учить дѣтей. И такъ, вмѣсто одной, мы имѣемъ въ этой книгѣ двѣ библиотечки: одну для учениковъ, другую для учителей. Но что значитъ *воспитаніе*? Какъ воспитывать людей, когда они уже сами учителя? Какъ убѣдить человѣка, что онъ не хорошо учитъ, не хорошо воспитываетъ, когда онъ уже почти состарѣлся занимаясь воспитаніемъ дѣтей. Только человѣкъ неопытный, неуверенный въ самомъ себѣ, принимаетъ наставленія и уроки; а такимъ нельзя представить себѣ ни одного учителя. Да какой же это учитель? Конечно, «Библиотека для Воспитанія», желая приготовить не плохихъ, а хорошихъ учителей, рискуетъ услышать: «Мы сами учителя: не угодно ли вамъ взять у насъ нѣсколько уроковъ?» Въ качествѣ наставницы, она должна знать и страсти и сердце человѣческое и не удивляться подобнымъ предложеніямъ.

Желая составить Библиотеку для однихъ дѣтей: и учительская часть ея также для дѣтей; это только новыя методы, новыя взгляды на ученіе и вмѣстѣ на воспитаніе. Какіе взгляды, какія методы могутъ быть въ отрывочныхъ статьяхъ многихъ лицъ? Гдѣ же будетъ единство системы воспитанія? Можно ли составить методу ученія изъ умствованій разныхъ лицъ? Можно ли примѣнить ее къ цѣлой системѣ воспитанія? Предположимъ, что вы излагаете методу Жакобъ; послѣ нея методу доктора Ястребцева; затѣмъ методу господина Язвинскаго; потомъ еще десять новыхъ методъ. Которой же прикажете слѣдовать? Всѣ онѣ могутъ быть хороши; но какъ прикажете учителю или наставнику примѣнять ихъ къ дѣлу? По которой методѣ прикажете ему переучиваться? Еще больше: почти каждый учитель имѣетъ свою методу или по крайней-мѣрѣ свой способъ преподаванія, примѣняемый къ его собственнымъ средствамъ и способностямъ, и примѣняемый имъ къ средствамъ и способностямъ почти каждаго ученика. Неужели каждый долженъ предлагать его въ образецъ другимъ? Да это рѣшительно невозможно! Наши способы и методы прочтаютъ и забудутъ.

Надобно согласиться, что не давъ себѣ отчета въ великомъ словѣ воспитаніе, одного «добраго намѣренія» къ изданію Библиотеки для воспитанія—недостаточно. Оно, просто, издаетъ книжки для чтенія; изъ трехъ книжекъ одну могутъ читать учителя и прятать ее отъ учениковъ, потому что они ничего не поймутъ въ ней, а двѣ остальные отдавать имъ для ихъ наученія. Это и будетъ воспитаніе?

Не совсѣмъ такъ! Воспитывать дѣтей чтеніемъ можно и даже необходимо; но едва-ли не труднѣе всякаго другаго выборъ чтенія для дѣтей. Знаете ли, что за народъ это дѣти? Умный, смѣтливый, пылкій гораздо

больше своихъ учителей, и вмѣстѣ нетерпѣливый, откровенный, увлекающійся только живыми впечатлѣніями. Въ чтеніи требуетъ онъ непрерывной занимательности, картинъ, живыхъ впечатлѣній; безъ этого, онъ броситъ книгу и уже никогда не возьмется за нее. «Скучно!» говоритъ онъ, и никакая философія ваша не разувѣритъ его. Слѣдовательно, прежде всего надобно, чтобы онъ охотно, съ увлеченіемъ, читалъ хоть что-нибудь. Дайте ему книгу, которую онъ могъ бы читать, не только безъ принужденія, но самъ предпочиталъ бы чтеніе ея всякому другому занятію. Разумѣется, если она можетъ принести ему пользу, а не вредъ.—Вотъ первая тайна для выбора дѣтскаго чтенія. Отъ чего дѣти такъ охотно читаютъ сказки, слушаютъ страшные рассказы, любятъ описаніями чудесъ природы и исторіи? Отъ того, что умственные силы ихъ бываютъ развиты не дальше воображенія. Только образы поражаютъ ихъ, и потому давайте имъ картинъ, живыхъ образовъ, свѣтлыхъ, сильныхъ впечатлѣній. Второе необходимое условіе. Надобно чтобы чтеніе для дѣтей было не продолжительно и не однообразно: у нихъ еще нѣтъ терпѣнія бороться съ книгою и побѣждать ее. Человѣкъ съ зрѣлымъ умомъ, вездѣ преслѣдуя мысль, мало обращаетъ вниманія на трудность и продолжительность своего занятія; дитя утомляется самымъ вниманіемъ своимъ, и бросаетъ книгу для новыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній. Худо, если ему надобно даже занимательнымъ для него рассказомъ: онъ можетъ вовсе потерять охоту къ чтенію.

И такъ, главное, надобно умѣть заставить дитя читать охотно и, наконецъ, полюбить чтеніе. Нужно ли прибавлять, что не должно давать ему книгъ, неприличныхъ его возрасту, вредныхъ для его нравственности? На это достанетъ смыслу и добраго чувства въ самомъ простомъ руководителѣ. Гораздо труднѣе пони-

мають составители дѣтскихъ книгъ другія отрицательныя качества, которыя портятъ ихъ книги. Увлекаясь своими пристрастіями и духомъ системы, они предлагаютъ иногда дѣтямъ самыя посредственныя статьи и сочиненія вмѣсто образцовъ, и выдаютъ свои исключительныя мнѣнія за общепринятыя истины; такъ что молодому человѣку надобно послѣ *разъучиваться* тому, что внушали ему за истину въ дѣтскіе его годы. Вообразимъ, напримѣръ, что если бы покойный Венелинъ, человѣкъ впрочемъ умный и образованный, составлялъ книгу для дѣтей; онъ, вѣрно, вмѣстилъ бы туда какія-нибудь статьи свои, гдѣ доказывалъ бы, что Болгары первобытный народъ на землѣ, и что Аттила былъ Славянинъ. Новая московская школа славянофиловъ не чужда такой односторонности, и вотъ въ «Библіотекѣ для Воспитанія» встрѣчаются мнѣнія и взгляды, противорѣчащіе общему убѣжденію. Можно ли дѣтямъ говорить, напримѣръ, что Царь Феодоръ Іоанновичъ забытъ въ нашей Исторіи, что «объ его жизнеописаніи никто не подумалъ?» (Часть I, стр. 217.) Во-первыхъ, это несправедливо, потому что онъ занимаетъ въ нашей Исторіи то мѣсто, которое пріобрѣлъ своею жизнію, и никто, никогда не позабывалъ этого добраго Царя. Но зачѣмъ внушать дѣтямъ неуваженіе къ историческимъ трудамъ русскихъ писателей, и съ первыхъ годовъ ихъ воспитанія сбивать съ толку молодые умы? Оставьте по-крайней-мѣрѣ дѣтей въ благородномъ безпристрастіи ума, и дайте имъ развиваться естественнымъ образомъ на истинной точкѣ просвѣщенія.

Когда рѣчь зашла о «Библіотекѣ для Воспитанія» скажемъ еще, что большая часть статей ея не представляетъ той занимательности, которая должна быть первымъ условіемъ всякой дѣтской книги. Безконечная *Троянская Война*, которая тянется въ «Библіотекѣ для Воспитанія»,

почти такъ же какъ сама осада Трои, грѣшить противъ всѣхъ правилъ, указываемыхъ опытомъ для дѣтской книги: она слишкомъ длинна, написана какимъ-то *древле-россейскимъ* языкомъ, и скучна до того, что не всякой взрослый одолѣетъ ее. И кчему это миеологическое преданіе для дѣтей? Чтобы наполнить ихъ память чуждыми именами? Они не поймутъ тутъ больше ничего, если бы и прочитали весь рассказъ.... Нельзя не удивляться, какъ у самого составителя этого рассказа хватило терпѣнія написать его, и еще болѣе-понять въ немъ что-нибудь!

Надобно также думать о чистотѣ языка—не говоримъ уже о слогѣ. «Библіотека для Воспитанія» испещрена опечатками и ошибками противъ языка. Выраженія ея во многихъ мѣстахъ такъ небрежны, что въ нихъ не видно смысла. Напримѣръ: «Такъ подружился онъ съ славнымъ живописцемъ Фра-Бартоломео ди Санъ-Марко, и перенялъ у него величавыя складки одеждъ, широкую накидку красокъ, живой тѣлесный цвѣтъ» фигуръ, а его научилъ правиламъ перспективы, которыя самъ перенялъ отъ своего Перуджинскаго мастера, Петра. (Часть II, стр. 229.) Какой смыслъ представляютъ: «величавыя складки одеждъ», которыя можно перенимать? А широкая накидка красокъ? Ни то, ни другое не выражаетъ ровно ничего. Довольно странно и то, что Фра-Бартоломео былъ выше Рафаэля не зная правилъ перспективы, которыя и этотъ только перенялъ у Петра, названнаго мастеромъ Рафаэля, а не учителемъ, какъ должно было бы сказать по-русски. Вотъ еще примѣръ, «Къ этому времени относится его Мадонна подъ балдахиномъ, которая написана дотога *похожею на кисть Фра-Бартоломео*, что можно бѣ было приписать ее *этому живописцу* а не Рафаэлю». Объясни-

те, какъ можетъ быть Мадонна *похожа на кисть*, или хотъ бы на манеръ какого-нибудь живописца?

Разумется, это небрежности которыхъ очень могъ бы избѣгнуть господинъ Шевыревъ, составитель статьи о Рафаэлѣ. Но въ дѣтской книгѣ не должна быть допущена никакая небрежность. Чтеніе развиваетъ въ дѣтяхъ знаніе языка, а этой цели нельзя достигнуть «Библіотекою для Воспитанія.» Чтò если дитя, который учится русскому языку, будетъ вамъ рассказывать или писать, что «картинка похожа на кисть?» Вы поставите ему пять нулей! А за чтò? За то, что онъ употребилъ такую фразу занавъ ее изъ «Библіотеки для Воспитанія.»

Мимоходомъ замѣтимъ, что въ этой же книгѣ, въ отдѣлѣ для учителей, есть статья: «О воспитаніи въ начальномъ обученіи родному языку.» Сочинитель ея, Г. Буслаевъ, очень недоволенъ всѣми русскими грамматиками. Онъ говоритъ: «Правильное употребленіе роднаго языка есть не положительная, а отрицательная сторона обученія; и только эта послѣдняя занимаетъ мѣсто во всѣхъ существующихъ теперь руководствахъ. Наши грамматки русскаго языка можно назвать *уголовнымъ сводомъ законовъ, полицейскимъ исчисленіемъ правилъ*, за неисполненіе *коихъ* виновный подвергается наказанію. Но не наказаніе воспитываетъ, и не строгое правило ведетъ къ сознательному дѣйствию, а постоянное *обращеніе въ законномъ дѣйствованіи*, постоянный примѣръ и постоянное упражненіе. Слѣдовательно (?), чтеніемъ и письмомъ совершенно *заслоняются* такіе учебники. Какъ ошибки на родномъ языкѣ составляетъ исключеніе въ рѣчи дитяти, такъ и эти грамматки терпимы какъ исключенія.» (Отд. 2-е, Ч. 1-я, стр. 26-я.)

Не въ правъ ли мы сказать, что учительскій отдѣлъ «Библіотеки для Воспитанія» надобно прятать

отъ дѣтей? Если такія разсужденія попадутся въ руки дѣтямъ и они почитаютъ ихъ! Хорошо будетъ вниманіе ихъ объ ученіи!... Мы ни сколько не оспариваемъ методы автора; но онъ самъ опровергаетъ ее тѣмъ языкомъ, какимъ написалъ свое осужденіе всѣхъ прежнихъ методъ изученія русскаго языка. Если до такого совершенства доводить его метода — пусть она останется въ его «добромъ намѣреніи». Въ рѣчахъ методы, какъ вы видите, нѣтъ истиннаго понятія о силѣ словъ, нѣтъ даже грамматическаго соглашенія, и развѣ только по новой методѣ можно писать: «Не строгое правило ведетъ къ сознательному дѣйствию, а постоянное обращеніе!» Хорошо еще, что такія методы отдаются на судъ учителей, а не прямо падаютъ грозою на учениковъ. Люди опытные оценятъ ихъ по достоинству.

Пора выйти намъ изъ хаоса всѣхъ этихъ методъ, нововведеній и умствованій. Нѣтъ, не изъ нихъ надобно составлять Библіотеки для Воспитанія дѣтей! Ошибка важная, воспитывать дѣтей сборными статейками, писанными на-скоро, небрежно, даже безъ достаточной опытности въ авторскомъ дѣлѣ. Еще хуже прибавлять къ этому какія-то исключительныя, будто бы новыя методы, и руководствоваться духомъ литературныхъ партій. Для дѣтей надобны избранныя сочиненія лучшихъ отечественныхъ писателей, и извѣстные переводы нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ нравственное содержаніе. Хотите ли приучить дѣтей къ чтенію и незамѣтно передать имъ множество идей, образовъ, даже свѣдѣній, и, главное, ознакомить ихъ съ настоящимъ, живымъ русскимъ языкомъ? Издайте для нихъ строгій выборъ изъ сочиненій Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и другихъ образцовыхъ русскихъ писателей; переведите на чистый русскій языкъ избранныя восточныя сказ-

ки, нѣмецкія, народныя легенды, повѣсти, даже историческіе романы, драмы, и если выборъ и исполненіе будутъ такъ удачны, что дѣти станутъ съ жадностію читать ваши книги, поздравьте себя съ великою службою образованности: вы подготовите образованное поколѣніе талантливаго, умнаго народа!

Но этимъ ли должно ограничиваться *воспитаніе*? Одно ли ученіе образуетъ человѣка, дѣлаетъ его полезнымъ для общества и счастливымъ для самого себя? Сколько встрѣчаемъ мы людей умныхъ, образованныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бесполезныхъ страдальцевъ, несчастныхъ мучениковъ жизни и свѣта! Отъ чего это происходитъ? Отъ недостатку воспитанія нравственнаго, или, что еще хуже, отъ воспитанія превратнаго. Чѣмъ обыкновенно ограничивается воспитаніе у такъ называемыхъ образованныхъ людей? Ребенка начинаютъ учить, по новымъ или по старымъ методамъ; но если у него есть умъ, онъ выучивается всему, что только захотятъ воспитатели его, исключая изящныхъ искусствъ, для которыхъ надобно родиться съ особенною склонностію. Воспитаніе кончено, говорятъ, когда онъ получилъ похвальное свидѣтельство о своемъ ученіи. Нѣтъ, оно еще и не начиналось! Вашъ молодой ученый не имѣетъ никакого понятія о жизни, о своемъ назначеніи; онъ еще ни разу не подумалъ о борьбѣ, которая только-что начинается для него. Ученость, неуправляемая нравственнымъ самосознаніемъ, только испортила его сердце, потому что придала ему гордую увѣренность въ своихъ силахъ. Человѣкъ, который разсуждаетъ о судьбахъ древнихъ и новыхъ государствъ, разбираетъ тонкости греческой философіи, умствуетъ о Шеллингѣ, Гегелѣ, нео-католицизмѣ, и, гордо смотритъ на людей какъ на единицы, посреди которыхъ онъ существо высшее, — такой человѣкъ не дѣлаетъ счастливымъ ни себя, ни другихъ,

если не созналъ своего назначенія на землѣ. Онъ даже презрительно улыбнется, если бы кто-нибудь напомнилъ ему о томъ. «Да какое жъ мое назначеніе? спроситъ онъ насмѣшливо: — Быть человѣкомъ!» На языкъ молодыхъ философовъ это значитъ быть выше всѣхъ другихъ людей; потому что эти люди почитаютъ себя еще на школьной скамейкѣ выше всѣхъ, а пустившись въ свѣтъ, прежде всего заботятся получить видное, выгодное мѣсто, опередить прочихъ на выпавшемъ для нихъ поприщѣ, и, главное, быть человѣкомъ богатымъ, удовлетворять своей гордости, чванству, всѣмъ страстямъ, если можно; а послѣ того они готовы быть *человѣкомъ*. Защищаетъ ли ихъ отъ такихъ эгоистическихъ стремленій вся возможная ученость и премудрость? Ни мало! Она только разжигаетъ страсти, потому что они почитаютъ себя какъ-будто въ правѣ получить больше другаго всякихъ возможныхъ преимуществъ въ жизни. Неужели вы, молодой философъ, не сознаетесь въ томъ внутренно? Неужели вы не выше презрѣнной толпы, не умѣе людей простыхъ, обыкновенныхъ, рядовыхъ работниковъ на томъ же поприщѣ, гдѣ и вы торжественно шествуете. Если въ васъ есть гордость не солгать передъ самимъ собою, вы скажете: «Да! я, и точно, выше другихъ, и зато могу требовать больше ихъ!»... Но здѣсь начинаются, *разочарованія!*... По службѣ, глупцы, какъ вы называете ихъ, перебиваютъ у васъ дорогу усидчивостью; въ литературѣ, въ ученыхъ трудахъ вашихъ, вы осмѣяны, *разруганы*. Женщины предпочитаютъ вамъ свѣтскихъ искателей. Спекуляціи не удаются, имѣніе разстроено, наконецъ настаетъ безденежье, это экваторъ бѣдняковъ! Послѣ этого вы принимаетесь проклинать жизнь, называть людей безсмысленною толпою, презирать ихъ, наказывать звѣрскимъ чувствомъ къ нимъ! Но это смѣшно, да и ни къ чему

не ведеть. Сколько ни проклинайте свѣтъ и людей, отъ этого не поправятся ни дѣла ваши, ни отношенія, ни карманъ. И вотъ, великолѣпный философъ нашъ, гордый ученый и безсознательный филантропъ, начинаетъ смиряться по-немногу: начинаетъ угождать тѣмъ, кого проклиналъ и ненавидѣлъ; пускается даже польстить иногда, и поподличать. Незамѣтно и сохранивъ всю гордую наружность, онъ начинаетъ наконецъ брать взятки, тѣснить, выжимать всякаго, кто мѣшаетъ ему на пути, и униженно склоняется передъ всякимъ, кто можетъ оказать ему милость. Проходятъ годы, и, вмѣсто ученаго, пылкаго, образованнаго и даже ученаго челоуька, вы видите негодая-старика, котораго каждое слово — обманъ, каждая улыбка — предательство; онъ самъ не вѣритъ никому и ничему, и всякой имѣеть право, въ свою очередь, не вѣрить ему ни въ чемъ. Каковъ выводъ изъ цѣлой жизни! Но вспомните, что это еще челоуькъ образованный, ученый, философъ! Другіе дѣлають тоже по грубому, животному инстинкту эгоизма, и вотъ отъ чего челоуьческое общество нуждается въ уголовныхъ и полицейскихъ законахъ, потому что—смѣшно выговорить!—безъ нихъ и философы вытаскивали бы кошельки изъ кармановъ и грабли бы на большихъ дорогахъ. Теперь, они сохраняють по-крайней-мѣрѣ приличія; довольствуются мелкими кознями, позволенными обманами и шарлатанствомъ, и находятъ невидимыя средства удовлетворять свои страсти.

Картина, представленная нами, прискорбна, и тѣмъ прискорбнѣе, что она справедлива. У насъ въ Россіи, слава Богу, еще сохраняется патріархальная простота нравовъ, основанная на религіозномъ чувствѣ, на преданности къ закону и любви къ Высшей Власти.

Не ученость и образованность ведеть къ добру и сча-

стію, а воспитаніе нравственное, основанное на истинной вѣрѣ и любви къ ближнему.

Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе понятною, мы должны войти въ нѣкоторыя объясненія.

Человѣкъ всегда былъ хвастливъ и самонадѣянъ. Видя не много дальше своего носу, онъ воображалъ, что видитъ всю вселенную; понимая самого себя кое-какъ, сообразно своимъ впечатлѣніямъ и страстямъ, онъ увѣрялъ себя и другихъ, что понимаетъ всѣ таинства своей природы. Его самоувѣренность, гордость, породили множество философскихъ системъ, теорій, открытій, которыя съ каждымъ поколѣніемъ разлетались въ прахъ, и онъ принужденъ былъ сознаваться, что только обманывалъ себя и другихъ. Не любопытно ли на примѣръ, что именно въ тѣхъ предметахъ, которые невозможно было узнать ему, онъ всего больше настроилъ системъ и теорій; а въ предметахъ близкихъ, и, такъ сказать, осязаемыхъ, довольствовался грубою наглядностью, преданіемъ, оставляя *чернорабочихъ* науки заниматься ими. Зато, эти почтенные люди превосходно выяснили математическія и физическія науки, а великолѣпные философы до-сихъ-поръ не могутъ ни въ чемъ согласиться другъ съ другомъ, и окончательнo слѣдуютъ всегда правилу Сократа: «Мы знаемъ только то, что ничего не знаемъ».

Кажется, такой примѣръ, повторяющійся съ каждымъ поколѣніемъ тысячи лѣтъ, могъ бы образумить людей; пора было бы прекратиться хвастливому роду умниковъ, называемыхъ философами. Цѣлые ряды собственныхъ именъ составляютъ исторію философіи, и чѣмъ оканчивается каждая изъ громкихъ системъ ея? Вчера еще вѣрили Шеллингу, а теперь посмотрите, какъ смѣются надъ нимъ всѣ школьники, да и самъ онъ отрекся отъ своей системы. Такъ въ давнія времена было съ Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ,

въ ближайшія къ нимъ съ Бэкономъ, Локкомъ, Лейбницемъ, съ энциклопедистами, и, наконецъ, съ современными намъ именами, которыя еще у всѣхъ на языкѣ. Но нѣтъ! люди не видятъ въ этомъ своего безсилія, и всё-еще хотятъ мудрствовать и строить новыя системы. Можно было бы предоставить имъ эту работу Данаидъ, если бы она не была причиною всѣхъ несчастій человѣческаго общества. Философія пораждаеть въ человѣкѣ самонадѣянность, увѣренность въ собственныхъ силахъ, и бываетъ причиною тѣхъ печальныхъ явленій, о которыхъ мы говорили выше. Какъ-скоро человѣкъ получить гордую увѣренность, что онъ нравственно выше другихъ на общественной лѣстницѣ, онъ непременно будетъ разыгрывать роль жалкаго Фауста, и, наконецъ, недовольной міромъ и людьми, отдастъ душу свою Мефистофелю. Чтò ему остается дѣлать? Онъ думалъ властвовать и наслаждаться, а его сбиваютъ съ ногъ на всякомъ шагу. Онъ думалъ, что можетъ покорять себя обстоятельства, и, червякъ ничтожный, радъ, что можетъ укрыться отъ ступни, которая готова была раздавить его. Если онъ только воспитанникъ философовъ, то непременно лепить себя жизни, или сдѣлается мертвецомъ, то есть, погубить себя инымъ образомъ. Конецъ комедіи, но поучительный примѣръ, что не это путь добра и счастья!

Какъ высокъ и твердъ, напротивъ того, истинный христіанинъ, воспитанный въ смиреніи и свѣтлой сѣрѣ истинной Вѣры! Прежде всего онъ знаетъ, что здѣшняя жизнь есть только переходъ къ другой, лучшей жизни, и что всѣ блага ея ничтожны передъ тѣми, какія ожидаютъ насъ за гробомъ. Одна эта утѣшительная мысль никогда не допуститъ его привязаться къ земнымъ выгодамъ и удобствамъ, временнымъ, слишкомъ краткимъ и мимолетнымъ. Какой безумецъ согласится промѣнять на нихъ миръ и благо души своей? Можно ли для одного дня пожертвовать безконечнымъ блаженст-

вомъ!.. Но христіанинъ увѣренъ и въ томъ, что еще на землѣ, въ этой *юдоли плача*, все счастье его зависить отъ исполненія обязанностей, предписываемыхъ намъ религіею. Послѣ любви къ Богу, любовь ко всемъ людямъ есть первая его обязанность. Если бы каждый изъ насъ давалъ себѣ отчетъ въ исполненіи этой обязанности, онъ непременно былъ бы счастливъ самъ, и содѣйствовалъ бы счастью всѣхъ, съ кѣмъ жизнь заставляетъ его встрѣчаться. Каждый увѣренъ, что счастье не въ насъ, а въ душѣ нашей, и что никакія блага земныя не замѣнятъ внутренняго блаженства. Зачѣмъ же продавать это за кусокъ золота, за благосклонную улыбку, за лакомое блюдо? Истинный христіанинъ, исполняя свои обязанности къ Богу и людямъ, будетъ имѣть внутреннее блаженство, и послѣ того много ли значить для него потеря временныхъ удобствъ жизни? Даже неотвратимые удары судьбы, потеря милыхъ сердцу, несправедливое гоненіе, всевозможныя бѣдствія, будутъ только сближать его съ утѣшительною мыслью, что это, — особенная милость Бога, который хочетъ показать ему непрочность земныхъ благъ, обратить его къ Себѣ и тѣмъ доставить ему блаженство вѣчное.

Предположимъ, что все люди были бы исполнены такими чувствами, исполняли бы свято свои обязанности другъ къ другу, не вредили, не препятствовали, а съ любовью способствовали бы одинъ другому къ достиженію всѣхъ добрыхъ и благородныхъ цѣлей—неужели человеческое общество не представляло бы тогда одной счастливой семьи? — Нельзя, говорите вы: это утопія, несбыточное желаніе. — Но такъ можетъ говорить лишь воспитанникъ философовъ, который надѣется только на собственныя свои силы. Утопія—мечта, сказка, ни на чемъ не основанная. Желаніе наше не несбыточно, потому что мы надѣемся не на собственныя свои силы, а на волю Провидѣнія,

которое ведетъ насъ къ счастью таинственными путями. Паденіе всѣхъ философскихъ системъ и отчаяніе Фаустовъ и Манфредовъ не есть ли доказательство, что гордость человѣческая смиряется передъ тяжкимъ опытомъ, который Провидѣніе явило намъ въ Исторіи? Самыя страданія, слѣдствія страстей и пороковъ, не должны ли наконецъ образумить человѣка, и показать ему въ чемъ состоитъ истинное его счастье? Нѣтъ, не мечта то, на что есть явная воля Бога. Но еще не всѣ понимаютъ эту волю, которая велитъ намъ быть братьями. Но мы будемъ братьями, будемъ чисты одинъ передъ другимъ, и тогда настанетъ вѣкъ счастья на землѣ.

Вотъ какъ различны слѣдствія, къ которымъ ведутъ философія и вѣра. Одна есть начало всѣхъ бѣдствій человѣческихъ, зерно вражды и злобы между людьми; другая умирительница страстей, завѣтъ счастья и высокой внутренней жизни. Только съ нею возможны успѣхи всѣхъ наукъ, потому что тогда будутъ побуждать къ ученымъ трудамъ не эгоизмъ, не корыстные виды, а желаніе узнать истину, стремленіе образовать, просвѣтить свой умъ, и сдѣлаться достойнымъ своего призванія на землѣ. Тогда наука и дарованіе не будутъ страшнымъ орудіемъ, а станутъ только способствовать общему счастью.

Воспитанію предстоитъ великій подвигъ внушить нравственно-религіозныя идеи юнымъ поколѣніямъ, и сдѣлать ихъ нераздѣльными съ умомъ и душою каждаго юноши. Надобно убѣдить, что счастье его самого, его родныхъ и всего человѣчества, заключено въ исполненіи христіанскихъ обязанностей. Съ такимъ направленіемъ должны быть писаны всѣ книги, назначаемыя для дѣтскаго чтенія. Надобно не возвышать, а смирять гордость человѣка, потому что если вы не приготовите его къ тому въ дѣтскіе годы, то міръ приметъ на себя эту обязанность, и тогда бе-

регитесь, чтобы неприготовленный къ борьбѣ съ міромъ не сдѣлался Фаустомъ или просто негодаемъ, Онь не выдержитъ испытанія, если не будетъ христіаниномъ.

Наше просвѣщенное правительство, дѣйствуя съ истинно-возвышенною цѣлю, положило однимъ изъ основаній воспитанія — религію. Во всѣхъ училищахъ нашихъ, краеугольный камень всякаго образованія — религія. Но правительство и учрежденныя имъ училища, при всей заботливости своей о нравственномъ образованіи молодыхъ поколѣній, не могутъ непрерывно наблюдать за тѣми изъ нихъ, которые только приходятъ въ школы или воспитываются дома. Чрезвычайно важна обязанность родителей и наставниковъ способствовать высокой цѣли правительства своими наставленіями и примѣромъ. Тщетны всѣ усилія, если и каждый изъ насъ не будетъ участвовать въ этомъ великомъ подвигѣ. Дитя, возвращаясь изъ школы, или выходя изъ своей комнаты, долженъ видѣть только примѣры любви къ соближнему, кроткое христіанское обхожденіе между бою всѣхъ окружающихъ его, и слышать идеи и сужденія здравыя, одушевленныя любовью и жаромъ къ добру. Никакіе пересуды, злословіе, насмѣшки, изъ которыхъ болѣею частію вяжется свѣтскій разговоръ, не должны касаться его слуху. Порицайте передъ нимъ, дѣлайте для него противнымъ и даже безумнымъ все злое, нечистое, несправедливое, несогласное съ искренностью и правотою души; но въ самыхъ порицаніяхъ, хотя бы и рѣзко высказанныхъ, надобно преслѣдовать не столько самое дѣйствіе, сколько породившее его намѣреніе, и чаще всего прощать слабости и заблужденія, вспоминая дивныя слова Спасителя: «Кто броситъ камень на нее...» Человекъ можетъ ошибаться, дѣлать дурачества, даже вредъ, безъ всякаго злаго намѣренія: научите вашего воспитанника про-

щать такихъ людей, и несправдѣть только самое зло и начало его,—дурное намѣреніе:

Находясь всегда въ сферѣ добра и любви къ ближнему, воспитанникъ вашъ долженъ однако жъ быть въ непрерывной дѣятельности, которая въ дѣтскіе годы и посвящается ученію и чтенію. Не говоря объ ученіи, которое всегда должно соотносѣваться съ назначеніемъ челоуѣка, повторимъ, что очень трудно избирать для дѣтей чтеніе, которое, какъ уже говорено прежде, должно быть занимательно, даже увлекательно для нихъ. Но нѣтъ сомнѣній, что дѣтямъ надобно давать лучшія произведенія литературы, во-первыхъ, потому что всѣ превосходные писатели нравственны, и во-вторыхъ, потому что они могутъ служить образцами изложенія мыслей и умнаго изящнаго слогу и языка. Напротивъ, нѣтъ ничего бесполезнѣе полуграмотныхъ книжонекъ, которыя издаются хотя и добрыми людьми, но пусты, скучны, безобразно написаны, и скорѣе могутъ служить образцами того, какъ не должно писать и говорить. Онѣ поражаютъ толпу тѣхъ жалкихъ писакъ, которые по нимъ учились мыслить и писать, и потомъ наводняютъ литературу и осаждаютъ журналы произведеніями своихъ восторговъ. Челоуѣкъ образованный только превосходными произведеніями литературы, никогда не будетъ играть такой унизительной роли.

«... отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ свѣжихъ чувствъ заимлетъ силу гений!»

Не думаете ли вы, что дѣтямъ не будутъ занимательны превосходныя произведенія литературы, въ какомъ бы то ни было родѣ? Развѣ вы станете выбирать именно тѣ, которыя выше ихъ понятія, и потому-то необходимъ выборъ, сообразный съ возрастомъ воспитанника. Но сочиненія Карамзина, Жуковскаго, Пушкина Батюшкова, Крылова, и многихъ другихъ писателей

русскихъ , которые достойны служить образцами во всѣхъ отношеніяхъ, могутъ быть даны дѣтямъ, и они не встрѣтятъ въ нихъ ничего непонятнаго. Самый трудный для нихъ писатель—Крыловъ, потому что главное достоинство его въ намекахъ и остротѣ мысли и слова, не всегда понятныхъ для дѣтскаго ума; но какъ-нарочно, именно этого писателя даютъ у насъ всѣмъ дѣтямъ, тогда какъ ясный, свѣтлый, увлекательный Карамзинъ оставленъ въ сторонѣ, забытъ. Каждый кто читалъ Карамзина въ десятилѣтнемъ возрастѣ своемъ, можетъ припомнить, какъ онъ былъ и тогда увлекателенъ для него! Почти у каждаго изъ нашихъ читающихъ людей, «Письма русскаго путешественника» были любимой книгою въ дѣтскіе годы. Мы увѣрены даже, что самая «Исторія Государства Россійскаго» можетъ служить чтеніемъ для дѣтей: они не встрѣтятъ въ ней ничего непонятнаго, а, напротивъ, занимательность описываемыхъ въ ней событій и блестящій рассказъ Карамзина непременно привяжутъ къ себѣ самый молодой умъ. Это знаемъ мы по собственному опыту. Вообще смѣло можно давать дѣтямъ многое, что не даютъ имъ читать по какому-то безотчетному предразсудку. Почему лишать ихъ, напримѣръ, чтенія многихъ сочиненій Шиллера, Гольсмита, Вальтеръ-Скотта, когда произведенія ихъ вошли въ область классики?... Не поймутъ? Не безпокойтесь: поймутъ очень хорошо, только дѣтскимъ умомъ: пропускать невнимательно нѣкоторыя мѣста, особенно привлекательныя для взрослыхъ, но оставлять въ умѣ и сердцѣ своемъ много прекрасныхъ, благородныхъ впечатлѣній. Напрасно почитаютъ дѣтей какими-то глупцами, невѣждами, которымъ надобны только сказки «объ утицѣ съ золотыми лицами», или «объ умномъ мальчикѣ». Образованное дитя, послѣ десяти лѣтъ жизни, понимаетъ все, и, доказательство, можетъ пересказать вамъ все что чи-

тасть онъ охотно; можетъ даже судить обо всемъ этомъ по-своему.

И такъ, умѣйте только заставить дитя полюбить чтеніе, а книгъ найдется для него довольно въ одной русской литературѣ, не говоря уже объ иностранныхъ. Если надобно вновь издавать для дѣтей особыя книги, то самымъ занимательнымъ и полезнымъ родомъ могли бы быть для нихъ историческіе рассказы и описанія достопамятныхъ путешествій. Какой романъ или вымышленная повѣсть сравнится занимательностью съ исторіею Аннибала, многими періодами римской исторіи, съ подвигами Петра Великаго, Фридриха Великаго, Наполеона, съ жизнеописаніями великихъ мужей и святителей Церкви? Но такія книги не пишутся на заказъ, и для нихъ надобно имѣть особенное дарованіе, такъ же какъ и для занимательнаго описанія путешествій. Для дѣтей долженъ родиться и образоваться свой Плутархъ и свой Даніэль Дефоз. Что жъ слѣдуетъ изъ этого? именно то, что для дѣтей, какъ и для взрослыхъ, надобны только произведенія отличныхъ, превосходныхъ, а не рядовыхъ и, тѣмъ менѣе, не плохихъ писателей.

Во всякомъ случаѣ, чтеніе можетъ служить только однимъ изъ средствъ при воспитаніи, и кто понимаетъ все значеніе этого великаго слова, тотъ, конечно, убѣжденъ, что при чтеніи необходимо пояснять дѣтямъ многое съ христіанской точки зрѣнія. Правда, въ самыхъ книгахъ есть уже выводы излагаемаго предмета, но они не всегда понятны дѣтямъ, не всегда обращаютъ на себя ихъ вниманіе, и часто бываютъ ложны. Дайте, напримѣръ, ребенку исторію какого-нибудь великаго человека, гдѣ только удивляются герою и забываютъ въ немъ человека: эта книга принесетъ маленькому читателю больше вреда нежели пользы. Читая Исторію Фридриха Великаго, онъ будетъ только удивляться чудеснымъ его битвамъ, завоева-

ніямъ, повелительнымъ дѣйствіямъ, и какъ всякій читатель ставитъ себя на мѣсто, или переселяется въ каждое положеніе описываемаго героя, то и мальчикъ оставитъ въ душѣ своей только идею силы, храбрости, завоеваній, и заровитъ въ душу свою искру гордости и самонадѣянности. Но покажите ему какимъ тяжкимъ путемъ Фридрихъ достигъ своего величія, какъ онъ изъ самаго избѣженнаго юноши преобразилъ себя въ неутомимаго труженика, сбросилъ съ себя всю нѣгу и всѣ привычки лѣности, какъ неутомимо посвящалъ онъ всѣ дни свои работѣ и подчинялъ всѣ занятія свои строжайшему порядку; наконецъ, какъ Провидѣніе испытывало его на самомъ поприщѣ славы, и какъ этотъ величайшій изъ героевъ зависѣлъ отъ столкновенія малѣйшихъ обстоятельствъ, — вы покажете своему читателю человѣка великаго, но человѣка, всегда и во всемъ зависящаго отъ Всемогущей Воли. Пусть всегда и во всемъ воспитанникъ вашъ видитъ слабость, ничтожность человѣка, какъ-скоро Богъ хочетъ испытывать его. А Наполеонъ? Его громоносная исторія осталась въ человѣчествѣ для указанія, что значать всевозможная слава, власть, могущество, гений, передъ обстоятельствами противопоставленными неисповѣдимою волею Провидѣнія!

Если при чтеніи, самомъ избранномъ, не просвѣщаютъ человѣка христіанскими внушеніями, изъ него выйдетъ — ученый звѣрь, который возвратится ко всѣмъ страстямъ и склонностямъ своей животной природы, когда вступивши въ свѣтъ увидитъ, что тамъ дѣлается все иначе нежели пишутъ о томъ въ книгахъ. Такой человѣкъ будетъ восхищаться съ вами Геснеровыми идилліями, и бить своего стараго слугу, *старого Гаврилу!* Онъ будетъ анализировать всѣ тонкости философіи, и обманывать, подличать, брать взятки! Таковы были всѣ воспитанники Вольтера и энциклопедистовъ, и таковы, къ несчастію, всѣ получившіе только лоскъ обра-

зованности и даже просвѣщенія. Правды, правоты души нѣтъ въ сердцахъ этихъ людей, и потому-то наружность ихъ всегда въ противорѣчїи съ ихъ дѣйствіями.

Воспитаніе должно сопровождать человѣка до того возраста, когда умъ его утвердится въ добръ и когда онъ узнаетъ свѣтъ и людей собственнымъ опытомъ. Истинный другъ, и всякій имѣющій на него вліяніе, долженъ тогда спасать его отъ гибельныхъ увлеченій, поддерживать въ немъ христіанскія ощущенія, и приучить его къ размышленію надъ великими истолкователями священныхъ истинъ. Вступивши въ этотъ новый, благородный, свѣтлый міръ, юноша безопасенъ отъ всѣхъ увлеченій порока и неправды, въ какихъ ни представлялись бы они формахъ. Тогда, не только безъ вреда, но даже съ пользою будетъ онъ читать самыя обольстительныя лжеумствованія; потому что съ негодованіемъ станетъ обличать неправду ихъ передъ самимъ собою и передъ всѣми, кто еще не искусился въ борьбѣ съ ними. Такъ поступило и такъ продолжаетъ дѣйствовать все истинно-просвѣщенное поколѣніе нашего времени съ лжеумствователями XVIII-го столѣтія, которые теперь ничтожны, и — что почти больше — смѣшны передъ всякимъ не отстаршимъ отъ вѣка юношей.

Вотъ какую обширную и возвышенную цѣль можетъ имѣть чтеніе, которое въ дѣтскіе годы должно только развивать умственныя и нравственныя способности. Но безъ системы, безъ одушевляющей мысли, оно ограничивается сборниками, или на-обумъ избираемыми книжками. Удивительно ли, что оно не производитъ всей желательной и ожидаемой отъ него пользы?

К. П.

==

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЪТОЩИЦА.

=

АВГУСТЪ, 1845.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Языкова, *въ тип. Университетской, 1845, въ-8., стр. 352.*

Въ винѣ издревле пребывала правда: слѣдовательно, тамъ никогда не могло быть поэзіи. Правда и поэзія не уживаются вмѣстѣ. Многіе въ винѣ — пуншъ то жъ — почерпали вдохновенія: къ содѣйствію его, говорятъ, часто прибѣгалъ и великій Шиллеръ; но вино служило здѣсь только возбуждательнымъ средствомъ для воображенія. Напившись виномъ или пуншемъ, Шиллеръ не воспѣвалъ ни вина ни пуншу: онъ писалъ «Разбойниковъ» или «Орлеанскую Дѣву». Въ самомъ дѣлѣ, какую поэтическую картину, какой высокій помыслъ, какую новую истину можно создать изъ стакана крѣпкаго напитку? — положимъ даже, изъ десяти стакановъ? Нѣтъ подъ солнцемъ ничего болѣе прозаическаго какъ бутылка, и ея содержаніе, и его дѣйствіе. Я нахожу, что въ страсбургскомъ пирогѣ гораздо

богѣ поэзіи чѣмъ въ самомъ лучшемъ шампанскомъ. Кулебяка и вино принадлежатъ къ одному разряду предметовъ въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ: то отнюдь не благороднѣе и не болѣе художественно другаго. Кулебяка имѣетъ еще то преимущество, что не производитъ, какъ вино, кратковременнаго сумасшествія въ потребителя и отвращенія въ зрителяхъ. Зачѣмъ же никто изъ нашихъ поэтовъ не воспѣваетъ кулебяки? Зачѣмъ такъ многіе поютъ одно только вино? Потому ли, что оно ихъ веселитъ? Но когда они веселы виномъ, то всѣмъ другимъ это очень скучно; всѣ другіе ихъ бѣгаютъ; всѣ объ нихъ сожалѣютъ. Въ пьяной или, учтивѣе сказать, *разумной* жизни,—да, да, *въ разумной*: это техническій терминъ, принятый въ нашемъ стихотворствѣ,—въ разумной жизни кромѣ отсутствія разума, нравственности и приличія, не примѣчается ничего особеннаго: это — не поэтическое, не восторженное, но патологическое состояніе души, душевная болѣзнь, которую часто приходится лечить тѣмъ же средствомъ какъ и другія душевныя болѣзни, ведромъ холодной воды. Въ помѣшательствѣ, какой бы степени оно ни было, рѣшительно ничего нѣтъ для искусства: въ этомъ отношеніи многіе изъ нашихъ поэтовъ находятся въ полномъ и страшномъ заблужденіи. Обыкновенная жизнь—проза: я согласенъ; но *разумная* жизнь еще хуже: это—дурная проза, скверная, грязная проза. Какъ же можно перелагать ее въ стихи?... Выйдетъ ли когда-нибудь изъ этого настоящая поэзія? Разумѣется, нѣтъ. Воспѣвая вино и разумную жизнь, вы не произведете никогда ничего другаго кромѣ скуки. Еще Сократъ доказывалъ своимъ современникамъ, поэтамъ, живописцамъ и прочимъ художникамъ, что искусство можетъ съ успѣхомъ заниматься однимъ только Прекраснымъ, а Прекрасное въ природѣ — одно только Добропорядочное, *homestam*. Всѣ последующіе вѣка подтвердили эту коренную аксіому.

Я не хочу, чтобы стихотворствующіе народы принимали меня за угрюмаго ригориста, требующаго отъ нихъ непремѣнно пить одну воду. Всѣмъ я киндшу, сколько отъ меня это зависитъ, я, въ качествѣ артиста, позволю нарваться одинъ разъ въ мѣсяцъ. Несказаннымъ счастьемъ

лительность моя въ этомъ случаѣ простирается еще дальѣ: я позволяю даже, одинъ разъ въ годъ сочинить застольную пѣсню въ честь вина и *разгульной жизни*. Но избрать себѣ бутылку музою, разгульную жизнь постояннымъ идоломъ, и терпѣніе трезвыхъ читателей жертвою, вотъ противъ этого я торжественно протестую отъ имени всей изящной словесности. Я въ правѣ не принимать такихъ стихотвореній на разбирательство. Винный погребъ не принадлежитъ ни къ камоу литературѣ.

Авторъ этихъ «Новыхъ стихотвореній», безспорно, имѣетъ право на званіе начальника стихотворной школы, вѣчно воспѣвающей бокалъ и разгулье. Не подумайте, чтобы члены этой школы были какіе гуляки: напротивъ, всѣ, почти всѣ, они — молодые люди благонравные, пресмирные, поутру пьютъ ромашку, за обѣдомъ одну воду; но — что прикажете дѣлать!... натура человѣческая неразгадаема, — чѣмъ больше пьютъ ромашки и воды, тѣмъ жарче воспѣваютъ *шипучую славу* Бакха, чѣмъ примѣрнѣе занимаются полезнымъ трудомъ, тѣмъ сильнѣе шумятъ про разгулье и кутѣжъ. Предводитель ихъ, господинъ Языковъ, преданный давнымъ-давно, какъ самъ говоритъ, строжайшей діетѣ, сочиняетъ «Новыя стихотворенія» передъ кувшиномъ маріенбадской воды и, между-тѣмъ, не знаетъ другаго предмета для своихъ умственныхъ упражненій кромѣ «разгульной жизни»: на каждой рѣшительно страницѣ онъ такъ много толкуетъ о попойкахъ и разныхъ *добрыхъ* винахъ, что — не бойся я оклеветать порядочнаго человѣка — такъ право бы подумалъ, что вѣрно у него въ погребу нѣтъ даже и простаго ротвейну. Странная страсть! Но это дѣйствительно — страсть, и страсть всей школы. Эти господа гуляютъ въ стихахъ напропалую, не по внутреннему влеченію къ предмету, но потому что вообразили, будто «разгульная жизнь», шампанское, бокалъ — поэзія. Какое заблужденіе.

Раскрываю книгу на-удачу. Страница девятая.

«Не умреть твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
И воцѣвство-летучій
И *разгульно-удалой*....»

Теперь опять закроем книгу. Я хочу еще раскрыть ее на-удачу. Страница семнадцатая.

«А я, студенческому миру
Сказавъ задумчиво — прощай,
Я перенесъ *разумну* миру
На Русь, въ отечественный край».

Перекинемъ одинъ листокъ. Страница восемнадцатая.

• Уста и очи дѣвъ красавицъ,
Привѣты гордыхъ молодницъ,
И пѣсни пламенныхъ пѣвицъ,
И пляски пламенныхъ плясавицъ!
Поклонъ вамъ, прежнія мои.....
Пляшите, пойте, процвѣтайте,
Великолѣпно оживляйте
Пиръ и шалости любви!
Довольно чувствъ и вдохновеній
Я прогулялъ, и мнѣ пора
Познать себя, вкусить добра,
Не буйныхъ, *трезвыхъ* наслажденій!»

Перекинемъ два листка. Страница двадцать-пятая.

• Потѣхи жизни той шумливой, беззаботной,
Удалой, вѣтренной, хмельной и быстролетной.....»

Перекинемъ три листка. Стихотвореніе «Малага».

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой,
Вино шипучее я пилъ,
И вкусъ, и блескъ его, и хмель его игривый,
Друзья, не мало я хвалилъ;
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ разеивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое.....»

Вино, *разеивавшее насъ!*... Хорошо *разеивте*. Загнемъ на слѣдующую страницу.

• Остепеняютъ насъ и учатъ насъ замѣтно
Лѣта и бремя бытія:
Такъ мнѣ буйный хмель струи золотоцвѣтной
Не веселитъ меня, друзья,

Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенной;
 Такъ нынѣ мнѣ уже мнѣя
 Намитокъ смиренный и безынный,
 Вино густое, какъ смей.
 И черное, какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
 И млеко-сладкое, какъ медъ.....»

Каково *остепененье!*... послѣ дѣтскаго шампанскаго старая и крѣпкая малага! *C'est du progrès.* Перейдемъ на слѣдующій листокъ.

• Когда остатки вдохновеній
 Я дописалъ въ кругу друзей,
 Въ Москвѣ, и полночь пѣснопѣній,
 Стихомъ блистая удалымъ,
 Восторженъ, выше всякой прозы (?),
 Гулялъ у васъ — и дѣвы-розы
 Любили хмель мой: слава нить!»

Все—то же! Перейдемъ опять—на слѣдующій.

• И много здѣсь гостей съ семьями
 Сюда изъ дальнихъ странъ стоиаетъ аквмонъ.
 Здѣсь и россійскій князь, здѣсь и нѣмецкій фонтъ.....»

Эти стихи... я гдѣ-то читалъ: кажется, въ твореніяхъ покойнаго графа Хвостова?... Но можетъ быть я ошибаюсь.

• Здѣсь и россійскій князь, здѣсь и нѣмецкій фонтъ,
 И англійскій милордъ, ихъ жены, дѣти, слуги
 Проводятъ мирные приморскіе досуги
 На тепломъ берегу, на ясномъ свѣтѣ дня;
 Житье здѣсь хоть куда, для самаго меня!
 Здѣсь есть и для меня три сладостныя блага:
 Уединенный садъ, видъ моря и малага.»

Нѣтъ, это скучно: малага да малага! Не хочу болѣе слѣдовать за страницами по порядку. Лучше, сложу книгу, и опять раскрою на-удачу. Разъ! два! три!... страница сто-десятая. *Югансбергъ.* А! по-крайней-мѣрѣ, это — дѣло.... то есть вино, другое.

• Вино первѣйшее! Предъ тѣмъ виномъ блѣднѣетъ
 Краса всѣхъ прочихъ винъ, какъ звѣзды предъ луной!
 О! дивное вино! Струею золотой

Оно бѣжитъ въ стаканъ, не пью, не играю;
 Но важно, весело, величественно, живо,
 И охмеляетъ насъ и мѣжитъ, какъ скакать,
 Глубокомысленно. Такая благодать,
 Что старецъ, о дѣлахъ минувшихъ разсуждая,
 Воспламеняется, какъ радость молодая,
 Припомнивъ день и часъ, когда онъ пилъ его,
 Въ кругу друзей, порой *разула* своего.....»

Что это здѣсь слѣдуетъ? Какая-то большая поэма. Какой-то разговоръ въ стихахъ. Драма, что ли: Скачковъ, Власьевъ, Хворовъ, Дрянской, Пронской, *всѣ на-веселье съ разными радугами*. Поэма начинается стихомъ:

«Ужъ пить, такъ пить.....»

О! какая благодать: здѣсь что строчка то новое вино. И это продолжается страницъ сорокъ. Посмотримъ, чѣмъ оканчивается эта *разульная* драма. Ого! собесѣдники уже перестали говорить: они поютъ во все горло —

Gaudeamus igitur
 Juvencs dum vitus.... (Всѣ подтягиваютъ.)

Гдѣ же это писано?... За границею, на минеральныхъ водахъ.

Опять закроемъ книгу. Разъ! два! три.... страница двѣсти-тридцать-девятая.

..... И слушаю поэта.

До ночи слушать я готовъ
 Тебя; въ созданіяхъ души твоей прекрасной
 Въ картинахъ гѣрныхъ и живыхъ,
 Въ гармоніи стиха съ игрою мысли ясной
 И вдохновеніяхъ твоихъ
 Легко, восторженно забуду я съ тобою....
 Часы летятъ, давно погасъ
 Каминъ, давно мой плутикъ простылъ передо мною,
 Давно доншца занялась!.....

Это писано въ Ниццѣ, когда поэтъ лечился и передъ нимъ вмѣсто пушту стояла аптечная стекляшка съ микстурой. Охота же настойку ревню превращать въ мушкетъ: Будто это — поэзія!

Закроемъ еще разъ книгу: но это уже послѣдній. Рас-

прываю, по-прежнему, на-удачу. Страница двѣсти-сорокъ-пята. «Странный случай. Комната въ трактирѣ.» Опять какой-то стихотворный разговоръ. Скачковъ, Власьевъ, Кворовъ.... Ну, ужъ мы знаемъ, о чемъ эти господа разговариваютъ. Поэма опять пербольшая. Посмотримъ, что въ концѣ.

Даздравствуетъ Москва!

Это можно было предвидѣть. Въ концѣ первой драмы только *подтягивали*: въ концѣ второй уже *пьютъ* полнымъ ртомъ. Тоже прогрессъ!

Съ позволенія вашего, я еще желаю полюбопытствовать чѣмъ оканчивается самая книга: *пьютъ* ли тамъ также?... или только *подтягиваютъ*?... Чтò это?... О удивленіе!... тутъ совсѣмъ другое!... тутъ говорятъ —

• И медицинскій факультетъ

Пилую горькую мнѣ задавъ:

Пить воды за моремъ! И пилъ я ихъ пять лѣтъ!

Но, вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!

Уже не робко я гляжу

И на парнасскую дорогу,

Пора, за дѣло мнѣ! Вилу и кутежу

Уже не стану, какъ бывало,

Питьь сольдодумную авалу:

Потѣхи юности удалой

Не кстати были бѣ мнѣ: не-юному челу

Не кстати рѣзвый плюцъ и роза....

Пора за дѣло!»

Давно пора! Такой прекрасный стихъ расточать на такую безсмысленную прозу какова «разумная жизнь», на такую чепуху какъ вино, право, совѣстно.

Въ виду безсмертныхъ памятниковъ итальянскаго искусства воспѣвать цѣлыя пять лѣтъ малагу и «счастливое время» дерптскихъ пооекъ, даже болѣе чѣмъ совѣстно: непростительно!.... Поэзія, самая высокая поэзія окружала поэта на каждомъ шагу: а онъ ея не видѣлъ!... онъ искалъ поэзіи въ нечистой гущѣ бутылокъ и кутежа!... искалъ не по нуждѣ, не для компаніи, а такъ—потѣхи ради—полагая, что для читателей стиховъ очень интересно слушать о томъ, какъ другіе пьютъ или пили, что—это отлич-

ныя поэтическія картины. Книга какъ-то раскрылась сама собою, и я вижу на страницѣ двадцать-осьмой описаніе примѣрно умѣренного и воздержнаго образа жизни автора: онъ говоритъ, что обѣдъ его *коротокъ*; что столъ его *устроенъ здоровой прелестью сельскихъ произведеній*, что на столѣ у него *вины* ни какихъ нѣтъ. Такъ значитъ я сказалъ правду, что воспѣваніе разгулья вина—только система, школа, только слѣдствіе ложнаго понятія о поэзіи. Виновать, конечно, не господинъ Языковъ, что у насъ пошло въ моду прославлять въ стихахъ разгулье и бутылку, до того что риемованная часть изящной нашей словесности похожа на собраніе счетовъ изъ виннаго погреба: другіе, еще прежде его, подали несчастный примѣръ. Но онъ, при помощи своего несомнѣннаго таланта, болѣе всѣхъ впослѣдствіи отличился на этомъ неблагодарномъ поприщѣ, и нынче онъ—глава школы, запѣвала цѣлаго хора. Критика обязана всѣмъ своимъ арсеналомъ вооружиться противъ дурнаго вкуса и дурнаго тону, распространяемыхъ въ русской поэзіи этими новаго рода Анакреонтами, и мы надѣемся, что они, примѣтивъ наконецъ скуку, которую наводятъ, не заставятъ критики еще разъ повторять имъ вполне заслуженный упрекъ.

Что касается до «Новыхъ стихотвореній» господина Языкова, то мы думаемъ, что автору не слѣдовало печатать ихъ ни въ какомъ случаѣ. Хорошихъ стиховъ—тутъ много: но кто же нынче не пишетъ хорошихъ стиховъ!... поэзіи же нигдѣ ни слѣда нѣтъ. Самою счастливою страницою всего тома показалась намъ первая половина посланія къ графу В. А. Соллогубу, и мы приведемъ ее, съ условіемъ остановиться на томъ мѣстѣ, съ котораго хорошій вкусъ читателей даже одобрить не можетъ.

Тебя, ты мнѣ родня по мѣсту воспитанья
 Моихъ стиховъ, моей судьбы,
 По лѣтамъ юности, години процвѣтанья
 Работъ ученыхъ и гульбы,
 Студентскихъ праздниковъ, студентскихъ пѣснопѣвій
 И романтическихъ одеждъ.
 Годины свѣтлыхъ думъ, веселыхъ вдохновеній,
 Желаній гордыхъ и надеждъ,

Ты добрый молодецъ, себя не погубившій
 Въ столицѣ, на бою суетъ,
 Свободною душой, почтено сохранившій
 И жаръ, и доблесть юныхъ лѣтъ,
 И крѣпкую любовь къ отеческому краю,
 И громозвучный нашъ языкъ,
 Тебя привѣтствую, тебя благословляю,
 Тебя, счастливый ученикъ
 Той жизни сладостной, которую стихами
 Я горячо провозглашалъ,
 Пальнявшійся ея блестящими дарами
 И лестью дружескихъ похвалъ;
 Привѣтствую тебя, подъ знаменемъ Камены,
 На много, много славныхъ дѣлъ!
 Люби ее всегда, не жди отъ ней измѣны,
 Ея любовью твердь и смѣль!
 Обманчивой волной молвы не увлекайся,
 Не вѣрь ни бравадѣ, ни хваламъ
 Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся
 Въ ихъ непристойный крикъ и гамъ,
 Но чувствуй себя, судьбы своей высокою
 Не забывая никогда,
 Не тихъ и величавъ, превикнутый глубоко
 Святиней чистаго труда,
 Будь самъ себѣ судьей, суди себя сурово....
 И паче всякаго грѣха,
 Бѣги ты лѣни: въ ней слабѣютъ умъ и слово,
 Полетъ мечты и звонъ стиха,
 Ты будь неутомимъ! Когда на Русь святую,
 Когда въ чужбинѣ я свою
 Неутомонную тоску перетѣскую
 И чашу горькую допью,
 Въ Симбирскъ, я возвращусь, въ мое удѣленье,
 Въ покой родимаго гнѣзда,
 На благодатное, привольное снѣжье,
 Здоровъ и радостенъ; тогда
 Меня ты посѣтишь, въ моемъ пріютѣ миломъ;
 Тогда камень, домашній другъ
 Моихъ парнасскихъ дѣлъ, янтарнымъ, яркимъ пыломъ
 Осѣтитъ мирный нашъ досугъ.

Есть тутъ еще русскія сказки въ стихахъ. Къ чести ихъ должно сказать, что дѣйствующія лица не занимаютъ

ся ни бражничаніемъ, ни гульбою: но онѣ не умножаютъ поэтической славы автора ни своимъ содержаніемъ ни стилемъ.

оцѣненный любовникъ. Романъ *Поль-де-Кока*. Москва, въ тип. Степанова, въ-12.

Подъ этимъ названіемъ переведенъ *Поль-де-Коконъ* «L'Amour en transit». Переводъ въ родѣ тѣхъ, которые вѣкогда въ Москвѣ называли *слошными*.

Бесѣды петербургскаго жителя въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ, составленныя Борисомъ Волжнѣвымъ. Сп.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1845, въ-12.

Авторъ незабвеннаго «Терминологическаго словаря по части сельскаго хозяйства и фабричности» изобрѣлъ теперь другую методу для составленія хозяйственныхъ книжекъ: онъ уже самъ не сочиняетъ, и это—большой impromptu, великое усовершенствованіе; книга сочиняетъ сама посредствомъ ѣзды на дрожкахъ. Господинъ Волжнѣ, петербургскій житель, сталъ ѣздить за городъ, въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, превосходное заведеніе, управляемое однимъ изъ искуснѣйшихъ нашихъ агрономовъ, М. А. Байковымъ и бесѣдовать тамъ съ практическими производителями о гусяхъ, уткахъ, индѣйкахъ, курицахъ, пчелахъ и прочая: что отъ нихъ онъ услышитъ, то, пріѣхавши въ городъ, и тискаетъ. Метода хороша. Но, полно, бесѣды ли это петербургскаго жителя въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ? Мы полагаемъ, что петербургскій житель, просто, привозитъ оттуда тетрадки, по которымъ разныя части сельскаго хозяйства преподаются воспитанникамъ заведенія, и печатаетъ ихъ цѣлкомъ. Эти бесѣды слишкомъ дѣльны для бесѣды петербургскаго жителя. И можно ли за бесѣду выдавать полный «Курсъ хозяйственной ариметики Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища», составляющій пятый пріятельскій разговоръ петербургскаго жителя въ третьемъ выпускѣ его творенія? Мы вовсе не думаемъ упрекать спо-

торбургскаго жителя», что онъ не только не сочиняетъ своихъ «Бесѣдъ», но даже и не бесѣдуетъ ихъ: напротивъ!..... изъ этого выходитъ очень хорошая книга, которую всѣ сельскіе хозяева будутъ читать съ пользою и наслажденіемъ.

Н О В Ы Я Б Р О Ш Ю Р Ы .

О существѣ, характерѣ и необходимости религій. *Сочиненіе Вольфа. Переводъ съ нѣмецкаго Моисея Лихтенштейна. Киевъ, 1845.* — Очень хорошее философское разсужденіе о предметѣ, чрезвычайно важномъ для общества и для частной жизни. Молодые люди могутъ читать эту книжку съ великою для себя пользою. Переводъ примѣчательнъ тѣмъ, что это — трудъ одного бердичевского жителя, послѣдователя Моисеевой вѣры, который, безъ наставниковъ и пособій, въ нелитературномъ городѣ, самъ собою столько усовершенствовался въ русскомъ языкѣ, что исполнилъ предпріятіе съ успѣхомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Нѣсколько книгъ вышли въ свѣтъ въ Петербургѣ въ теченіи августа мѣсяца, вторыми и третьими изданіями. Изъ числа ихъ выразоводы: «*De seine erldung*», сочиненіе графа А. В. Соллогуба, часть вторая (второе изданіе); «*Руководство къ всеобщей исторіи*», сочиненіе профессора Лоренца, часть первая (второе изданіе); и «*Новый карманный французско-русскій и русско-французскій словарь*», Е. И. Ольдекопа, двѣ части (третье изданіе).

— Господинъ де-Риффё, одинъ изъ известнѣйшихъ въ Петербургѣ преподавателей французскаго языка, издалъ, въ одномъ томѣ «*Théâtre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoï*», собраніе французскихъ театральныхъ пьесъ, сочиненныхъ или арранжированныхъ на разные случаи для благородныхъ дѣвицъ меньшаго возраста, воспитывающихся въ Смольномъ Монастырѣ. Книга господина де-Риффё будетъ особенно занимательна для семействъ, въ которыхъ есть маленькія дѣвушки съ драматическими дарованіями.

=

СЕНТЯБРЬ, 1845.

НОВЫЯ КНИГИ.

ОЧЕРКИ КАРТИЦЪ изъ Русской Исторіи и народнаго преданія. Стихотвореніе Е. Трегубова. Въ трехъ отдѣленіяхъ. Москва, въ тип. Н. Степакова, 1844, въ 8., стр. 60.

Очерковъ тутъ три, народныхъ преданій ни одного, а поэзіи, съ огнемъ, дымомъ, пальбой или, говоря поэтически, съ перунами, съ адскими тучами мраку, съ гронами ревущими, кипящими, грохочущими, — бездна! Вы знаете, а если не знаете, такъ и знать не стоить труда, по въ поэзіи такъ положено, что все въ ней становится на ходули — поэтъ взлѣзаетъ на стихъ, стихъ карабкается на риему, риема лѣзетъ на прилагательное, прилагательное громоздится на безсмыслицу. Когда всѣ такія подмостки готовы, поэзія двигается въ путь, и шагаетъ черезъ кочки и пни обыкновенной рѣчи, и тутъ все уже не такъ выходитъ, какъ бываетъ и какъ быть слѣдуетъ! Тутъ міръ дѣвъ, чашъ, фіаловъ, перуновъ, мечтаній; тутъ не говорятъ, а глаголятъ, не кричатъ, а восклицаютъ, и..... Да, вотъ какъ тутъ бываетъ:

Огнемъ и кровію кипѣла

Лютеція въ своихъ стѣнахъ,

И въ бунтѣ пламенемъ горѣла,

И смерть летала на крылахъ.

Ужасна, страшная картина,

Хаосъ и разрушеніе въ ней,

Т. LXXII. — Отд. VI.

И смертоносная машина
 Тамъ замѣняла палатей!
 Изъ бездны бунта изверженный,
 Ничтожный атомъ взлетѣлъ,
 Случайной силою надмѣнный,
 Звѣздой губительной горѣлъ,
 Горѣлъ и долу ниспустился,
 Упалъ на праздный царскій тронъ,
 Какъ громъ ужасный разразился...

Если вы не привыкли къ поэзіи, то, конечно, не поймете, что *Лютеція* значитъ *Парижъ*, а картина съ хаосомъ и разрушеньемъ, съ горящимъ пламенемъ, съ кипящими огнемъ и кровью, эта ужасна картина — революція, и изверженный изъ бездны, надмѣнный случайной силой, горѣвшій губительной звѣздой, ниспустившійся долу, разразившійся, какъ громъ ужасный, словомъ, этотъ ничтожный атомъ, — Наполеонъ. И вотъ поэзія заставляетъ Наполеона говорить такую безсмыслицу:

Кто равенъ мнѣ? Себя прославлю!
 Огонь, и кровь, и звукъ мечей,
 Я ими цѣль свою достигну,
 Я съ небомъ землю раздѣлю,
 Съ собой я миллионы двигну,
 Пятой Русію раздавлю!

Поэзія утверждаетъ послѣ того, будто Россія, или Русскіе, ему отвѣчали:

*Мы отъ Славянъ пріяли славу,
 Въ насъ кровь славянская течетъ!*

И вотъ — Наполеонъ повѣрилъ, думалъ, что будетъ имѣть дѣло съ Славянами, которые... Словомъ, онъ повѣрилъ, и

Европы всей почти народы
 Въ пол-милліонъ собрались,
 И къ ужасу самой природы,
 Всѣ на Россію поднялись...
 И смертоносные драконы
 Тянулись тысячу во слѣдъ...
 Чудовище изъ мрака ада,
 Расправя крылья полетѣлъ...

Ужасенъ онъ, какъ преступленье,
 Юрешазмувъ за Рубиконъ,
 И разлился, какъ наводнение,
 Нагда не встрѣтивши препонъ...
 Базратиона и Барклая,
 Настигнувши, развѣдинилъ....

Разумѣется, Наполеона встрѣтили порядкомъ, не по славянски, а по-русски, хоть поэзія и утверждаетъ, что тогда

*Дрались, дрались, и не сражались,
 И трунъ на труны клали,
 Внизу, застынувъ, кровъ столла,
 Шипѣли ядры, бомбы въ ней,
 И смерть разить не уставала
 Въ ужасной ярости своей...
 Оттрянулъ громъ, и тишина настала,
 Картина ужаса предстала....*

Ужасно, ужасно, ужасно! Боясь оглохнуть отъ стуку, шуму, грому, убѣжимъ скорѣе, и выслушаемъ, что намъ скажетъ другой поэтъ. Можетъ-быть... Мы не надѣемся большаго толку, но — опять не знаю, дошло ли до вашего свѣдѣнія, что поэзія бываетъ разнообразна, какъ разнообразенъ умъ человѣческій; что не всегда она, безтолково трубитъ въ эпическую трубу. — Нѣтъ! иногда поэзія ищетъ вдохновенія въ бутылкахъ и стаканахъ, то есть, говоря поэтически, въ фіалахъ и чашахъ. Тогда она не надуваетъ трубы, а просто, прикладываетъ руку къ правой ланитѣ, и несетъ-себѣ гиль, отъ которой уши вянуть. Въ старину бывали еще разные роды поэтовъ и поэзій. Иные одѣвались пастушками, выгоняли въ Парголовѣ и въ Муриновѣ овецъ и барашковъ, и пѣли красоты природы чухонской. Другіе дѣлали печальныя гримасы, и рыдали отъ нечего дѣлать надъ измѣнами и могилами Хлои, Темиръ и Нинъ. Иные, наконецъ, сердпились на людей, на ихъ пороки, на то, что у нихъ нечего было ѣсть, когда другимъ не хочется ѣсть, что подьячіе брали взятки, а дворники просили на водку — все это *поражалось бычомъ*

сатиры, какъ тогда говаривалось, то есть, просто, ругалось на-поваль, во имя Горація, Персія и Ювенала, ни чуть невинноватыхъ, потому что наши добрые поэты никогда ихъ не читывали. Такіе роды поэзіи теперь прошли, и остались только *бутылочный*, да еще поэзія о *дъвахъ*, и еще...

МОСКВА И КАВКАЗЪ, повѣствовательный рассказъ. Стихотвореніе Е. Гончаровскаго. *Москва съ тип. Н. Степанова, 1844, въ 8., стр. 19.*

Угасли пламенны желанья,
Прочтавшись съ жизнью молодой...

Послѣ такого начала, вы готовы бросить *Москву и Кавказъ, повѣствовательный рассказъ*, потому что напередъ знаете его содержаніе и достоинство. Видите, какъ по наружности можно ошибаться! Вы думали, что вы попали на приторный родъ поэзіи съ *увядшими былыми, и отцвѣтшими мечтами*? Ошибка! Правда, что герой господина Е. Гончаровскаго *рано жизнью утомился*, потому что къ наслажденію стремился, носился въ радостяхъ земныхъ, и исчезло все, какъ привидѣнье, прошедшему возврата нѣтъ, и у него *отцвѣтъ*, кажется, *жизни цвѣтъ* — но это мистификація! Онъ не то, чѣмъ кажется. Онъ такъ хорошо описываетъ, какъ онъ кутилъ въ Москвѣ, что тотчасъ узнаете стараго грѣшника, который если и пересталъ, такъ еще не закалялся пошалить. Иначе съ чего же онъ такъ хорошо описываетъ, какъ онъ

Пустился жить, блистать по модѣ,
Роскошно въ радостной свободѣ,
Съ утра до вечера скакать?

Впрочемъ, въ разочарованіи героя господина Гончаровскаго всего менѣе участвовала поэзія. Онъ ѣлъ и пилъ, пилъ и ѣлъ, любилъ въ *рестораціяхъ* обѣды, съ которыхъ пускался

Скорѣй летѣлъ на знаный балъ,
Съ Пльнирой въ вальсъ онъ леталъ,
Рукой станъ гибкій обвивалъ....

За Пльнирой онъ приволакивался не много, но ему нѣшало мужъ Пльниры, старый, сѣдой хрычъ:

Подъ тягостью несносна бремя,
 Шестидесяти слишкомъ лѣтъ,
Увѣль, увѣль въ нелѣ жизни цвѣтъ!
 Не такъ назначила природа
Плѣнницу, чтобъ Весталкой быть,
Напрасно къ мужу оны хранить....

Старый мужъ былъ богатъ,
 И ласки дорогой цѣною
 Плѣнницы милой покупалъ;
 Плѣнница красотой блистала,
 Плѣнница въ свѣтѣ жить желала,

но особеннаго тутъ ничего не вышло. Не безъ грамматической ошибки герой простился съ Плѣнницей, увѣряя, будто

....воображеніе ужъ устало
Милъ васъ Плѣнницей занимать
 Пора, почти ужъ разсвѣтало —
 Пустился съ бала я скакать.....

Потомъ, героиня ложится спать, а потомъ «въ роскошной нѣгѣ утопаетъ». Утопать въ роскошной нѣгѣ значило у героя—пить кофе съ сухарями, и курить, потому что у него

Чубукъ съ берлинскимъ ентаремъ,
 Табакъ подъ чернымъ кораблемъ.

Видите, героиня не доросъ еще до гаванской сигары! Филъ онъ курить трубку и жуковскій табакъ! Потомъ онъ ѣдетъ на именины, гдѣ

Красавицы за столъ садятся,
Вкругъ нихъ пріятности томятся,

а на столѣ

Стоять арбузы пудовые,
 На блюдахъ группы фунтовыхъ,
 Французскихъ кухнъ изобрѣтеніе
 Разнообразить вкусъ и видъ,
И нашей рыбы пресыщеніе,
 Осетръ огромностью двинуть.
 На блюдѣ стерлядь золотая,
Вокругъ вся жиромъ залит а!

Отъ сытнаго обѣда герсю понездоровилось, и онъ

Разстройся тѣломъ и душой,
Проститься долженъ былъ съ Москвой,
Послушать дружеска совѣта,
Чтобъ не ударилъ громами честь,

то есть, чтобы не умереть объѣвшися.

· Большой пустился на Кавказъ,
И тамъ цѣлебную водею
Здоровье юноши обрѣлъ.

Но изъ огня, онъ попадается въ поломя, забываетъ ядовитыя арбузы и фунтовыя груши, мечтаетъ, смотритъ на луну, и, къ довершенію бѣды, когда онъ однажды бродилъ, и смотрѣлъ на Эльбрусъ, и на то, какъ

Окрестъ долины зеленили,
Весенней жизнью молодили,

съ нимъ встрѣчается дѣва!—да, дѣва, какія встрѣчаются во всѣхъ поэмахъ, съ тѣхъ поръ какъ стали писать поэмы, дѣва не-земная, и еще со старцомъ....

Тутъ старецъ встрѣтился со мною,
Вѣдомый дѣвой молодой.
Онъ былъ покрытъ ужъ сѣдиною,
Она цвѣла своей весной.
Прошедъ излучистой тропею,
Они сокрылись за горой.

Довольно было для воспламененія въ сердцѣ стараго кутялы самой поэтической страсти. Онъ, какъ-будто одурѣлъ, за дѣвой слѣдовать не смѣлъ, на слѣдъ ея смотрѣлъ; а потомъ, когда опомнился, искалъ ее во всѣхъ мѣстахъ, въ долинахъ и на высотахъ, уныло день и ночь скитался, у всѣхъ объ ней онъ вопрошалъ. Къ счастью, нашелся Кавказа житель и отвѣчалъ влюбленному:

Ты дѣву ищешь въ сей пустыни?
Ее ужъ болѣ нѣтъ у насъ.
Она, съ восходомъ солнца, нынѣ
Уже оставила Кавказъ.

Потомъ «Кавказа житель» рассказалъ влюбленному, что Отецъ и дочь изъ дальнихъ странъ,
Онъ на груди страдалъ отъ ранъ...

Говоря просто, старецъ — старій служака, который лечился кавказскими водами, а дѣва — дочь его.

О старинны! если бы ты зналъ,
 Бѣдѣ старца какъ страдалъ...
 Разказъ его былъ прерванъ мной:
 «Я съ нетерпѣньемъ знать желаю —
 Скажи, скажи, Кавказа житель,
 Гдѣ ихъ искать? Гдѣ ихъ обитать?»

«Житель Кавказа» все разказалъ подробно. Давши на водку «жителю Кавказа», влюбленный герой пустился скакать. Отыскавъ обитель *Старца* и *Дѣвы*, посватался и — женился. Дѣва превратилась въ *Глафиру*, надѣла шлафрокъ и чепецъ, и герой поэмы растолстѣлъ, ходитъ на гумно, пьетъ настойку, и счастливъ, какъ только можно быть счастливымъ въ стихахъ! Поэма, какъ видите, не затѣйлива. Всю ее можно бы разказать въ трехъ словахъ, но таково свойство поэзіи: она, какъ губка, напитывается поэтическою водою, и разбухаетъ на 19 страницъ. Подавите ее, и смыслу въ ней остается не много, такъ что и въ микроскопъ его не замѣтите.

избранныя мѣста изъ поэмы: *Владиміръ Великій*, соч. *Станислауса*, и *Фриттиофъ*, съ шведскою *И. Ш—ій*. Москва, въ тиз. *Н. Степанова*, 1845, въ 8., стр. 61.

Господинъ *И. Ш—ій* любитъ систему, любитъ порядокъ. Сперва онъ уведомляетъ читателей, что въ Швеціи сначала не было литературы народной. «Новая литература «вышла изъ древней, но религіозныя и поэтическія формы, свойственныя югу, будучи перенесены на скандинавскій сѣверъ, воспретили противорѣчіе въ чувстваваніяхъ и понятіяхъ народовъ. Изъ этого противорѣчія сначала произошло пораженіе, потомъ борьба, наконецъ освобожденіе, которое лучше назвать независимостью». У Швецовъ были славные поэты: *Бельманъ*, «соединившій идею съ вакхическимъ безпорядкомъ и жаромъ», но «безусловно господствовалъ въ Швеціи достопочтенный *Леопольдъ*, противъ котораго вдругъ возстала сильная оппозиція. Являлись одинъ за другимъ журналы, конхъ правленіе было болѣе метафизическое (?), чѣмъ историческое. «Поэтъ-мыслитель *Торальдъ*, одаренный высокою степенью отвлеченія, и *Гоеръ*, заимствовавъ свои умозрѣнія у гер-

«манскихъ философовъ Канта и Фихта, сообщилъ умагъ новое движеніе. Полное оживленіе шведской литературы и сообщеніе ей всей индивидуальности довершено возвращеніемъ къ скандинавскимъ древнимъ преданіямъ, и проч. и проч.

По образчикамъ, точно такъ, какъ по началамъ, никогда не должно судить о цѣломъ, и по избраннымъ мѣстамъ и образцовымъ сочиненіямъ о литературѣ. Если судить о «Владимірѣ Великомъ» Стагнеліуса, по избраннымъ отрывкамъ господина И. Ш — ій, великое твореніе шведскаго поэта нѣчто въ родѣ нашихъ поэмъ Хераскова, который также написалъ «Владимира», преогромную поэму. Фритгіофъ, «произведеніе совершенно языческое», говорятъ господинъ И. Ш — ій, «но Тегнеръ за него былъ награжденъ епископствомъ». Если бы мы не знали Фритгіофа, то изъ переводовъ русскаго переводчика почли бы его чѣмъ-то довольно безтолковымъ, но Тегнеръ тутъ ни сколько не виноватъ.

наши, или Какихъ чудесъ не бываетъ въ провинціи. Оригинальный водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Д. Самойлова. С П.-бургъ, въ тип. К. Крайя, 1845, въ 8., стр. 44.

Не нужно было увѣдомлять, что водевилъ этотъ оригинальный. Такая великая галиматья дважды не повторится. Природа отливаеъ ее въ особенный сосудъ, и разбиваеъ его. Хотите ли видѣть до какой высокой степени можетъ достигать уродливость.

Гдѣ-то, въ провинціи, какъ увѣряетъ авторъ, живутъ мужъ и жена Фомины, съ дочерью Надиною. Они гостятъ у сосѣда Грипева, у котораго есть дочь Параша, слуги Данилка и Панкрашка, садовникъ Игнашка, и горничная Агашка. Къ Гриневу пріѣхали еще: вдова Лунина, вдова Зуѣва, мѣсничій Амуровъ, и гусарскій юнкеръ Леонинъ. Лунина страшная кокетка, которая увлекаетъ Амурова и Леонина, а они влюблены—Леонинъ въ Парашу, а Амуровъ, не только влюбленъ, но даже и помолвленъ съ Надиной. Несмотря на то, начинается объясненіемъ Амурова съ Луниной. Онъ дастъ слово жениться на ней, за что требуетъ въ задатокъ часы и коверъ. Они уходятъ. Приходитъ Лео-

нинъ, который все подслушалъ. «Хороша парочка: лѣсничій плутъ и сладострастная вдовушка! Впрочемъ, это не феноменъ въ нашемъ образованномъ вѣкѣ.» Является Параша. Она получила письмо отъ Амурова, и думаетъ, что оно отъ юнкера. «Милѣи! говоритъ она: я давно чувствовала къ вамъ особенное расположеніе, но боялась открыть вамъ мои чувства». Пока они дѣлуются, приходитъ Надина. «Ты здѣсь, машеръ? Миѣ нужно сказать тебѣ два слова по секрету!» Леонинъ уходитъ, а Надина открываетъ секретъ, что влюблена въ Амурова. Подруги уходятъ. Приходятъ Фоминъ и Гриневъ. Гриневъ проситъ денегъ въ займы, Фоминъ даетъ ему, и оба уходятъ. Приходятъ Дениска, Панкрашка, Агашка, и начинаютъ плясать. Приходитъ Зувва, бьетъ ихъ палкой, и всѣ убѣгаютъ. Первое дѣйствіе оканчивается.

Садъ Гринсва. Игнашка поетъ, а Зувва приходитъ, ругаетъ его, хочетъ бить, и оба убѣгаютъ. Приходятъ Надина и Параша. Надина рассказываетъ, что она подсмотрѣла въ саду свиданіе Лунной съ Леонинымъ, такое свиданіе, что она, «чтобы не быть свидѣтельницей этого *шуснаго* свиданія—скорѣе ушла». Приходятъ Леонинъ и Лунница, и уходятъ пить чай, за нимъ уходитъ Параша. Приходитъ Амуровъ, и не видя Надины, бранитъ ее. Надина сердится, платитъ ему тѣмъ же, и уходитъ. «Ну, *адье*, мои *трезоръ!* говоритъ Амуровъ: А приданое чудесное! Не удалось выманить и одной тысячи!» Но тутъ приходитъ глухой Фоминъ. Амуровъ проситъ у него въ заемъ, и тотъ отсчитываетъ 5,000 рублей. Амуровъ уходитъ. Данилка и Агашка приносятъ самоваръ и чашки. Фоминъ паливаетъ чай. Вдругъ выстрѣлъ; онъ роняетъ чайникъ. Прибѣгаютъ Фомина, Надина, Параша, Гриневъ и Леонинъ. Онъ извѣщается, что выстрѣлилъ въ саду. Фоминъ объявляетъ о помолвкѣ дочери съ Амуровымъ. Надина не хочетъ. Отецъ сердится, мать съ нимъ бранится. Приходитъ Ершъ, сосѣдъ Гринева, и объявляетъ, что Амуровъ мошенникъ, что онъ давно былъ женатъ на его сестрѣ, которая теперь умерла. Всѣ уходятъ. Является Амуровъ. Открывается, что Леонинъ выстрѣломъ своимъ попалъ въ него, и ранилъ его въ ногу. Ершъ объявляетъ ему о смерти жены, и о

томъ что она отказала ему, Ершу, все свое имѣніе. «Увидитъ, а Амуровъ стоитъ, какъ громама пораженный». Занавѣсъ опускается—нѣтъ! галиматья прекращается, потому что водовля этого не стануть играть.... А впрочемъ, если приставить къ нему польку, почему не играть въ какой-нибудь беневоизъ—разумѣется, не въ Петербургѣ, и не въ Москвѣ а гдѣ-нибудь, въ заштатномъ городѣ, или въ армарочномъ, балаганѣ!

РЕЦЕТАЦІЯ НА СТАНЦІИ, или Доброму служить сердце лежитъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, представленный въ 1827 году, 29-го октября, въ селѣ Рождественъ, имѣніи князя Д. В. Голицына. Москва, въ тип. А. Семена, 1845, въ-8., стр. 59, съ рисункомъ села Рождествена и нотами куплетовъ.

Москва любила князя Дмитрія Владиміровича Голицына, и каждый годъ весело проводила у него день его рожденія и день именинъ. Въ 1827 году посѣтители князя Дмитрія Владиміровича согласились съиграть ему сюрпризомъ водевиль, приготовленный къ празднику. М. Н. Загоскинъ написалъ слова, А. И. Писаревъ куплеты, А. Н. Верстовскій положилъ на музыку. Сюрпризъ былъ принятъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и добрый хозяинъ благодарилъ добрыхъ гостей. Теперь водевиль напечатали, припоминая людямъ, любившимъ покойнаго князя Голицына, веселье полчаса, проведенныя за осемнадцать лѣтъ. Такія произведенія, имѣющія все достоинство по отношеніямъ, не подлежатъ суду критики. Выручка денегъ за экземпляры назначена въ пользу бѣдныхъ. Москва любитъ соединять забаву съ пользою.

МАГИЧЕСКІЯ ОЧКИ. Сочиненіе И. Штевена. Часть I. С. П.-бургъ, въ тип. А. Югансона, 1845, въ-12., стр. 214.

«Въ небольшой комнатѣ, убранной весьма просто, горѣвшая лампада изливала слабый свѣтъ, удобный возбудить въ меланхолію, усилить воображеніе и память крѣпости жизни. Порывистый осенній вѣтеръ дулъ въ ветхія раны; дождь съ крупнымъ градомъ и трескомъ

стучалъ въ стекла. Все въ компатѣ означало тоску и уныніе; огонѣкъ въ каминѣ мелькалъ, переливаясь въ догорающихъ угольяхъ, постепенно уменьшался и угасалъ. «Подобно этимъ угольямъ угаснетъ и жизнь моя!» произнесъ уныло молодой человекъ, прекрасной наружности. Онъ сидѣлъ въ креслахъ противъ каминна, и послѣ восклицанія продолжалъ....»

Предчувствуемъ удивленіе ваше, и даже вопросъ: «Что зывамъ пересказываемъ?»—Начало «Магическихъ очковъ» новаго романа...—«Не можетъ быть! Какъ? Авторъ, который писалъ такіа ужасты, который задолго до Евгенія Сю изображалъ намъ тайны, по страшнѣе парижскихъ, книгу котораго берешь бывало со страхомъ и трепетомъ, онъ пишетъ что-то романическое, романтическое—«камелькъ, угольки, жизнь, какъ они угасающая»....—Позвольте, милостивые государи и сдѣлайте милость, по началу не судите о цѣломъ! Не угодно ли вамъ прочитать еще нѣскольکو строкъ? И такъ—«продолжалъ»—

«Кчему служить просвѣщеніе, честность, доброта души въ нашъ вѣкъ? Какое имѣютъ назначеніе? *Пустые звуки голоса въ воздухѣ!* И кто произноситъ ихъ? Лъстецы, искатели, и вообще счастливыя, довольныя всѣмъ. Они окружены пріятелями, вездѣ извѣстны, приняты; ихъ никто не спроситъ: какимъ случаемъ отъискаана нима фортуна? Да, и зачѣмъ не всѣхъ обременяютъ подобными вопросами, а только пользуются избыткомъ ихъ, не спрашивая о средствахъ пріобрѣтенія? Притомъ, не всякой можетъ рассказать, если еще *имѣетъ частицу краски на лицѣ*: «это имѣніе досталось мнѣ въ наслѣдство», или «пріобрѣтено трудами многихъ лѣтъ». Такъ, эти люди живутъ въ довольствѣ, благоденствуютъ, а я! «продолжалъ Розальмъ (нмя хозяина дома). «Весьма жаль, что исчезли баснословныя времена, когда гевин, добрые и злые духи, имѣли вліяніе на судьбу людей! Тогда я попросилъ бы какого-нибудь *совѣстнаго дьявола* помочь мнѣ, а при невозможности, задушить тѣхъ негодяевъ, которые на счетъ мой сооружили мнѣ мое счастье свое. Но лампада моя *тухнетъ*, огонь въ каминѣ догораетъ. Многіе смѣются надъ тѣми, которыхъ заставили плакать.... *чертей нѣтъ!*»

Понимаете ли теперь, куда пришли вы съ лампадою, удобно погрузить въ меланхолю и съ частицами краски на лицо? Просто къ чорту или къ черту, какъ надобно писать, что весьма остроумно доказываютъ многіе. Чортъ или чертъ большой негодяй. Только того и ждетъ онъ, чтобы объ немъ вспомнили—онъ тутъ, какъ тутъ, и тотчасъ попадешься къ нему въ лапы. Чуть Розальмъ назвалъ его, онъ явился самъ своею чертовскою особою, отрекомендовался, и подарилъ своему хозяину очки, не простые, но свои чертовскія очки, въ которыя люди и жизнь человѣческая представляются не такъ какъ они есть, но такъ какъ представляются они чорту. Розальмъ надѣлъ очки на носъ, и пошелъ наблюдать людей въ винномъ погребкѣ, хозяинъ котораго, Рюмкинъ, праздновалъ именины жены своей въ трактирѣ «Европа», потому что онъ былъ его содержателемъ. Въ трактирѣ собрались люди благородные, а въ погребкѣ черный народъ. Одинъ изъ посѣтителей, «сидя на бочкѣ, и запивая сивухой», читаетъ свою исторію. Этотъ погребной литераторъ былъ «человѣкъ дѣтъ шестидесяти, плотный собою, краснощекій, съ багровымъ носомъ», и произведеніе его было такъ занимательно, что Розальмъ забылъ свою меланхолю, заслушался, и просидѣлъ въ погребкѣ до конца первой части «Магическихъ очковъ». Въ самомъ дѣлѣ, повѣсть литератора съ багровымъ носомъ была удивительная повѣсть. Она начинается тѣмъ, что багровый носъ когда-то былъ приглашенъ на особенный разговоръ какою-то госпожею Сенанжъ; но онъ явился, когда къ госпожѣ Сенанжъ является другой пріятель, господинъ Тумаковъ. Багровый носъ убѣждалъ къ служанкѣ. Госпожа Сенанжъ разсердилась, прибѣжала, «вцѣпилась въ растрепанные волосы Сашы (имя служанки), и начала таскать ее по полу». Багровый носъ принялся за госпожу Сенанжъ; на крикъ прибѣжалъ Тумаковъ, и «ударилъ багровый носъ кулакомъ въ голову, такъ, что искры посыпались изъ глазъ, и кровь хлынула изъ носу»; онъ «повторилъ ударъ, и чуть не выворотилъ челюстей». Потомъ багровый носъ и Сашу водитъ на Съѣзжую, и прочее и прочее, что рассказывать не нужно.

Согласитесь, что такіе рассказы стоятъ мистерій, не только парижскихъ, лондонскихъ, берлинскихъ, элевзинскихъ, но и всякихъ — да, чему жъ тутъ и дивиться? Мистеріи «магическихъ очковъ» выдумалъ такой авторъ, что за нимъ не утягаться ни какому Евгенію Сю.

УЧЕБНАЯ КНИГА ИТАЛІЙСКАГО ЯЗЫКА для Русскихъ составленная по новѣйшимъ методамъ, по которой легко можно научиться италіянскому языку, безъ помощи учителя. СПб. въ тип. К. П. Жернакова, 1845, въ 8., стр. IV—120.

Вотъ книга кстати! Въ самомъ дѣлѣ, третій годъ поютъ у насъ италіянскіе соловьи, а мы не переучились еще всѣ по-италіянски. Скорѣе за «учебную книгу» которая составлена по новѣйшимъ методамъ, и учитъ безъ помощи учителя.» Только поторопитесь купить, а нето всю раскупятъ! Бѣда учителямъ италіянскаго языка! Чтò имъ теперь дѣлать? Какъ намъ жалъ ихъ, бѣдняжекъ!

РУССКАЯ АЗБУКА А. Вороновой, съ 34 раскрашенными рисунками, на 10 листахъ. СПб. въ тип. Французской, 1845 въ 12., стр. 160.

По этой азбукѣ и не учась выучитесь читать: — стоятъ глядѣть на картички — прекрасныя, и прелестрыя!

ХОЗЯИНЪ СЕБѢ НА УМѢ, опытный экономъ и скопидомъ, или 260 секретовъ изъ домашней экономи, съ указаніемъ какъ самому готовить все необходимое въ домашнемъ быту. Съ четвертаго нѣмецкаго изданія. СПб. въ тип. К. Жернакова, 1845, въ 16., стр. 108.

Чуть-ли не поклепъ на бѣдныхъ Нѣмцовъ! Чтò за привычка у нашихъ составителейъ подписывать на экономическихъ книжонкахъ будто ихъ выдумываютъ Нѣмцы! Развѣ читатели требуютъ, чтобы на ихъ издѣльѣ было нѣмецкое клеймо, какъ иные франты въ провинціи не закажутъ себѣ платья, если на вывѣскѣ портнаго не выставлено: *Федоръ Чушкинъ, нѣмецкій портъ—ной?* Почему Русскому не выдумать, напримѣръ; такого безцѣннаго сокровища, какое напечатано въ «хозяинѣ себѣ на умѣ»?

Затрудняемся въ выборѣ, желая указать на что-нибудь! Позвольте: не хотите ли окрасивать безоредно волосы и черный цвѣтъ? «Растворомъ пшеничной муки въ теплой водѣ очистивши волосы отъ жира, и высушивъ ихъ, вой голову отваромъ чернильныхъ орѣшковъ, а потомъ растворомъ желѣзнаго купоросу.» Ближе бы къ дѣлу, просто вымыть голову чернилами,—оно было бы и дешево, и хорошо! «Хозяинъ себѣ на умѣ» учить весьма многими-добными штукамъ. *Какъ съдые волосы обращать въ сѣдлорусые?* «Отчистивши волосы, какъ сказано (растворомъ пшеничной муки съ водою) мой ихъ известковою сѣжею водою неоднократно.» — *Какъ гасить огонь на заорѣвшемся платьѣ?* Лучшее средство броситься на полъ и скататься, а голову и голое тѣло стараться укутать въ теплое шерстяное одѣяло». — *Какъ выращивать огрожную спаржу?* Весною, только-что спаржа выйдетъ изъ земли, отыскавши крѣпкій ростокъ, поставь на него бутылку зеленого стекла; спаржа будетъ расти, и наполнить всю бутылку, которую разбей. Такая спаржа вѣситъ до двухъ фунтовъ, вѣжна, вкусна и сочна». — *Какъ сообщать хрусталу брилльянтовую игру?* Круто замѣсь ячменную муку на горномъ маслѣ, положи въ нее хрусталь, окружи хорошею смазкою, и положи на четыре часа въ огонь, и получишь *черный брилльянтъ!* Не надобно ли вамъ: *«Сберечь руки и ноги отъ мороза?»* «На полфунта льнянаго масла, всыпь двѣ горсти крапивы, прибавь драхму гвоздичнаго масла, и полфунта спирту: получишь роль желтой мази—мажь руки, ноги, лицо и всѣ мѣста не терпящія холода; послѣ этой операціи морозъ уже не будетъ дѣйствовать.» Все это прекрасно, и весьма полезно, но почему «Хозяинъ себѣ на умѣ» называется еще: *скопидомъ?* Если бы онъ сберегъ всѣ секреты для себя, пользовався ими, не открывая никому—красилъ чернилами волосы въ черный цвѣтъ, известковою водою въ русый, выращивалъ подъ бутылками двухъ-фунтовую спаржу, превращалъ стекло въ черные брилльянты, и дѣлалъ другія чудеса, которыми онъ знаетъ 260, скоро скопилъ бы себѣ домъ, скорѣе чѣмъ продавая свои секреты по гривеннику за всѣ. За одинъ секретъ лить пули, иной далъ бы ему дороге, а

секретъ самый простой: «Накали полосу желѣза до-бѣла, положи на нее конгъ сѣры, и желѣзо растопится въ одну шпунту, а эту жидкую массу лей въ воду, и выльются пу-«ля.» Есть, правда, и еще способъ, легчайшій, но видно хранишь себя на умѣ!

Руководство къ устройенію и содержанію теплицъ, оранжерей, парниковъ и садовъ, сочиненіе Неймана, главнаго садовника и управляющаго теплицами, и проч. Переводъ съ французскаго, съ многими планами, фасадами и чертежами. СПб., въ тип. К. Жернакова, 1845, стр. 84.

Господинъ Нейманъ тоже въ мирѣ садоводства, что «хозяинъ себя на умѣ и скопидомъ» — большой мастеръ своего дѣла! Многие рисунки при книгѣ его — ваши старые знакомые, а какъ какъ они сюда попали — секретъ!

Н О В Ы Я В Р О Ш Ю Р Ы .

Остроты и анекдоты, знаменитаго юмориста, М. Г. Сафира. Переводъ съ Нѣмецкаго. СПб. въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1845. — О слава, слава! Ты, воздушное привидѣніе, подобное тѣни человѣческой, которая бѣжитъ отъ насъ когда мы за нею гонимся, и гонится за нами когда мы отъ нея бѣжимъ! Сафиръ никогда не думалъ о славѣ, говорилъ свои остроты, потому что они говорились, и вотъ — онъ является юмористомъ! именуется знаменитымъ! А сколько людей добиваются этого титула и не могутъ добиться, и чего бы не дали за такое названіе! У добрыхъ Нѣмцовъ есть свои добродѣтели и свои недостатки, и къ числу недостатковъ принадлежитъ страсть ихъ къ *витцамъ*, *шпитцамъ* и *спассамъ* (Witz, spitz, sprass). Въ чемъ другомъ, а ужъ въ дарѣ остроумія и шутки природы отказала Нѣмцамъ! «Посмотрите какъ Нѣмцы собираются штурмовать шутку!» говорилъ Ривароль, и онъ былъ правъ. Я не знаю ничего забавнѣе нѣмецкаго *витца* и именно потому что онъ считаетъ себя забавнымъ, когда нѣтъ въ мирѣ вещи менѣе забавной. Забѣчено, что именно чего недостаетъ человѣку, это-то самое онъ и любитъ. Плохіе тавцоры бываютъ самыми неутомимыми пласуна-

ми, и Нѣмцы всего болѣе любятъ шутить. У нихъ есть даже цѣлые томы шутокъ, и Сафиръ прославился у нихъ шутками, Сафира зовутъ шутить, Сафиръ поставщикъ на нѣмецкую шутку, и я не знаю ничего пошлѣе Сафировыхъ шутокъ! Извѣстно, что шутокъ говоренныхъ въ обществѣ, почти нельзя набросать на бумагу, какъ нельзя заставить не писать плохого рѣмача. Но Сафировы шутки записываются, печатаются. Теперь еще неслѣпѣ переводить шутки. Кто-то ничего этого не побоялся и *перевелъ* печатныя нѣмецкія шутки Сафира на русскій языкъ, по-крайней-мѣрѣ, на *русскія слова*. Вышла суцая гиль. «Остроуміе и умъ выѣютъ не многіе, и многіе не выѣютъ ихъ.» Чтò это такое?... *Острота!* горько рѣчь переводчикъ. «Одинъ молодой человекъ спорилъ, что слова: *кушать* и *кормить* выражаютъ одно и то же. «Если, по вашему мнѣнію, эти слова однозначущи, ска-
«заль Сафиръ: то прошу завтра приходить ко мнѣ: я *хочу васъ кушать*». — Актеръ получилъ отъ директора въ подарокъ табакерку. «Онъ вамъ дастъ въ подарокъ табакерку, потому что васъ считаетъ за хорошій *призъ*.» О смыслѣ этихъ обѣихъ острогъ можете справиться въ нѣмецкомъ словарѣ. Не знаемъ, нѣмецкій ли пол-
ливникъ или русскій переводъ дарить Сафиру острогъ, въ которыхъ онъ вовсе не виноватъ. Слова объ «Одѣ къ потомству» были прежде Сафира сказаны Вольтеромъ; о Шекспирѣ, уваживающемъ поле Вольтера, давно также сказали Французы. Анекдотъ о человекѣ, который совѣ-
стился своего лекаря, потому что давно не былъ боленъ, и отвѣтъ о красотѣ нарумяненной красавицы, можете найти даже въ письмовникѣ Курганова. Въ одной острогѣ упоминается *сивуха*, въ другой Сафиръ ѣдетъ на *дрожкахъ*. Неужели Сафиръ ѣздитъ на дрожкахъ, и пьетъ нашу сивуху? Видно это острота какая-нибудь!

Уставъ Елисаветинской клинической больницы для *малолѣтнихъ дѣтей*. С Пб., въ тип. К. Крайя, 1845 г. —

Уставъ одного изъ благотворительныхъ заведеній, котораго не доставало въ Петербургѣ. Вспомните, что изъ *пятнадцати тысячъ*, ежегодно умирающихъ въ Петербургѣ, умираетъ *треть дѣтей* нижепяти лѣтъ. Благотвореніе давно

должно было объ этомъ подумать, а наука пособить. Теперь они исполняютъ свое дѣло, при благотворномъ пособіи правительства.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Вышла четвертая книжка Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, за 1845 годъ. Въ ней особенно замѣчательны статьи: *О товариществѣ для распространенія въ Россіи простой и выдочнои обдѣлки прядильныхъ растений*; продолженіе *Практическихъ замѣчаній о сельскомъ хозяйствѣ въ Костромской губерніи*, и *Письмо пензенскаго помѣщика къ Н. А. Ж.* Желательно, чтобы такихъ статей являлось болѣе, и чтобы они доходили до свѣдѣнія тѣхъ, кому объ нихъ вѣдать надлежитъ.

— Въ Москвѣ изданъ второй выпускъ третьей части Руководства къ патологической анатоміи Рокитанскаго — болѣзни пищеварительныхъ органовъ.

— Въ Петербургъ пріѣхалъ представитель русской пѣсни, — *Варламовъ*. Онъ рѣшился передать бумагъ летучіе звуки своихъ русскихъ пѣсенъ, и въ будущемъ году будетъ издавать ихъ подъ именемъ Русскаго пѣвца, *Выйдетъ сто нумеровъ*, и всѣ выѣсты будутъ стоить *пятнадцать рублей серебромъ*. Подписка принимается у М. Д. Ольхина.

— Подъ названіемъ стихотворенія *Александра Струговщикова*, вышла прелестно напечатанная первая книжка переводовъ господина Струговщикова изъ Гёте и Шиллера. Обѣщаютъ еще часть стиховъ, а потомъ переводы въ прозѣ того же поэта. Просимъ не замедлить. Такія явленія отрадны душѣ.

— Брошюрка: домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С. Петербургѣ, господина Е. Аладова, напечатана вторымъ изданіемъ. Благотворительныя особы раскупили все первое изданіе, и за него выручено нѣсколько тысячъ въ пользу Дома призрѣнія. Второе напечаталъ на свое иждивеніе М. Д. Ольхинъ, украсивъ прекрасными рисунками, и также пожертвовалъ, все изданіе его въ пользу Дома призрѣнія.

— Книгопродавецъ Д. П. Штуквинъ напечаталъ новое изданіе Сочиненій Державина, компактное, красивое, въ одномъ томѣ, самое полное, изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ. Оно стѣитъ всего *три рубля серебромъ*, и не смотря на то, при немъ приложены: портретъ Державина, и видъ могилы его на заглавномъ листѣ, прекрасно гравированные въ Лондонѣ, на стали; видъ памятника Державину въ Казани, и красивая виньетка политипажная. Внутреннее расположеніе книги отдано было въ распоряженіе Н. А. Полеваго. Онъ дополнялъ прежнія изданія Державина прозою его, и помѣстивъ знаменитыя *Четаламарскія Оды*, предметъ скорби библиографовъ, которые считали ихъ навсегда потерянными.

— Описаніе военной галереи Зимняго Дворца, подъ названіемъ: *Императоръ Александръ I-й и его сподвижники*, составленное А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, съ портретами, продолжается. Вышелъ *двадцать пятый выпускъ*, гдѣ помѣщено жизнеописаніе генерала отъ инфантерій *графа П. П. Коновницына*. Въ прежнихъ помѣщеныхъ, кромѣ жизнеописанія Императора Александра, біографіи: *Торماسова, Строгонова, Сектѣ-При, Гаврилова, Дорохова, Корнилова, Олсуфьева, Кульнева, Гамма, Бестрома, Потемкина, Мишо, Гогелл, Невъровскаго, Бибилова, Мадатова, Сиверса, Орлова-Денисова, Костенецкую, Лихачева, Сангерса и Кутайсова.*

=

VII.

QMVCQV.

ТЪКЕРНО. *Фантазія. Последнее сочиненіе Жоржа-Санда. Часть первая.* Эта повѣсть окончилась въ парижскихъ оедьетонахъ третьяго сентября. Свѣжѣ ничего быть не можетъ. Мы помѣщаемъ ее здѣсь цѣлкомъ, безъ сокращеній.

I.

Вдѣм!

Намѣреваясь исправно явиться на мѣсто свиданія, Леонтій до разсвѣту отправился изъ трактира degli Stranieri и прибылъ на выгн. Тонкія колеса его прелестнаго экипажа и легкія копытки породистыхъ лошадей оставили едва примѣтный слѣдъ на мелкомъ пескѣ извилистой, гѣзистой аллеи и почти не производили ни какого звука. Моводой человекъ опасался, не слишкомъ ли рано прѣбжалъ: впереди, на размеченныхъ дорожкахъ, вовсе не было ни какихъ слѣдовъ и въ жилищѣ изыщной леди царствовала еще глубокая тишина.

Леонтій остановился у крыльца, убраннаго цвѣтами; при-

казалъ жокею поставить экипажъ на дворъ; удостовѣрившись, что сторы въ нижнемъ этажѣ еще опущены; подошелъ подъ окно Сабинны и сталъ вполголоса напѣвать арию изъ Севильскаго Цирюльника:

Ecco ridente il cielo,
Già spunta la bella aurora.....
.... E puoi dormir così?

Минуту спустя, окно отворилось. Сабина, закутанная въ бѣлый кашмировый бурнусъ, приподняла одинъ уголок сторы и сказала съ ласковою небрежностью:

— Я вижу, мой другъ, что вы не получили моей вчерашней, вечерней записки и что вы не знаете нашего приключенія. У герцогини спазмы, а обожателямъ своимъ она не позволяетъ гулять безъ нея. У маркизы, вѣроятно, была домашняя ссора, потому что она сказывается больною. Графъ въ самомъ дѣлѣ боленъ. Доктору некогда. Такимъ образомъ всѣ измѣнили слову и просятъ меня отложить прогулку до будущей недѣли.

— Стало-быть, я, не получившій вашей записки, пришелъ очень не кстати и нарушилъ вашъ сонъ? Мнѣ стыдно за мою неловкость. Я никогда не прощу себѣ этого....

— Можете простить, потому что я вамъ прощаю. Я уже давно не сплю. Кавризы этихъ дамъ такъ раздосадовали меня вчера вечеромъ, что бросивши ихъ глупыя записки въ огонь, я очень рано легла и уснула съ отчаяннiя. Я очень рада, что вижу васъ. Мнѣ нуженъ кто-нибудь, съ кѣмъ бы я могла бранить проекты увеселенiй, загородныхъ прогулокъ, свѣтскихъ людей и хорошенъкихъ женщинъ.

— Въ такомъ случаѣ вы одинъ будете проклинать, потому что я въ эту минуту благословляю ихъ отъ всего сердца.

И Леонтiй, наклонившись къ полоконнику, на который облокачивалась Сабина, хотѣлъ-было взять прекрасную бѣлую руку, но спокойная насмѣшливая улыбка остервененно вела его. Онъ ограничился долгимъ выразительнымъ взглядомъ, проведеннымъ отъ тонкихъ пальчиковъ до лица, незакрытаго бурнусомъ.

— Леонтiй! отвѣчала Сабина съ кокетливою досадою.

плотнѣе скануть бурнусъ: если вы станете говорить мнѣ
ношлости, я затворю окно передъ вашимъ носомъ и пой-
ду спать. Ни отъ чего такъ не спится какъ отъ скуки. Я
испытываю это съ нѣкоторыхъ поръ. И если такъ про-
длится, мнѣ ничего больше не останется, какъ, подобно
герцогинѣ, посвятить всю жизнь заботѣ о сохраненіи ма-
ей свѣжести и полноты. Но, слушайте, будьте такъ лю-
безны и займитесь съ вашей стороны сохраненіемъ ваше-
го остроумія и вкусу, которые я привыкла находить у
васъ. Если вы обѣщаете наблюдать нашъ уговоръ, мы
можемъ провести утро гораздо пріятнѣе нежели въ бле-
стящемъ обществѣ, которое намъ измѣнило.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Выходите изъ вашего непри-
ступнаго убѣжища и пойдите въ паркъ, смотрите на вос-
ходъ солнца.

— О! паркъ! паркъ хорошъ, согласна. Но это — вы-
ручка, которую я берегу на такіе дни, когда принуждена
принимать скучныхъ гостей. Я вожу ихъ гулять и насла-
ждаюсь красотой моей виллы, вмѣсто-того чтобы слушать
глупую болтовню, на которую отвѣчаю тояно такъ же без-
смысленно. Вотъ почему я не хочу слишкомъ присмо-
трѣться къ красотамъ парка. Я вамъ скажу, что я очень
сожалѣю, зачѣмъ наняла эту виллу на три мѣсяца. Вотъ
недѣля, что я живу здѣсь, и мнѣ уже до-смерти надоѣли
весь край и все сосѣдство.

— Покорно благодаримъ!

— И, полнота! К чему такая притворная щекотливость?
Вы знаете, что я всегда исключая васъ, когда негодую
на человечество. Мы старинные друзья и всегда останем-
ся друзьями, если у насъ достанетъ мудрости всегда лю-
бить другъ друга умеренно, какъ вы обѣщали.

— Да, «любите по-немножку, чтобы любить долго», го-
ворить какая-то пословица, кажется. Но вы обѣщаете мнѣ
прекрасное утро и грозите затворить окно при первомъ
словѣ, которое вамъ не понравится. Я нахожу, что поло-
женіе мое сомнительно и объявляю вамъ, что только то-
гдадохну свободно, когда вы выйдете изъ вашей крѣпо-
сти.

— Хорошо. Вы дадите мнѣ часъ времени, одѣться. Ме-

жду-тъмъ вамъ подадутъ завтракъ въ бесѣдкѣ. Я буду пить съ вами чай и потомъ мы придумаемъ что-нибудь, чтобы пріятно провести утро.

— Послушайте меня, Сабина, позвольте мнѣ одному придумать это, потому что, если вы выѣздаете, мы проведемъ все утро въ томъ, что я буду изобрѣтать всякаго рода увеселенія, а вы доказывать, что онѣ всѣ одно другаго глупѣе и скучнѣе. Лучше, одѣньтесь вы въ полчася, не завтракайте совсѣмъ и позвольте везти васъ, куда я захочу.

— А! вы трогаете волшебную струну, неизвѣстность! Я вижу, Леонтій, что вы одни понимаете меня. Хорошо; я согласна. Похищайте меня и ѣдемъ.

Леди Г^{***} произнесла послѣднія слова съ улыбкою и взглядомъ, отъ которыхъ Леонтій затрепеталъ.

— О, ледовитая женщина! вскричалъ онъ съ восторгомъ и горечью: я точно очень хорошо знаю васъ: я знаю что единственная ваша страсть — избѣгать человѣческихъ страстей. Ну, пусть! Ваша холодность заражаетъ и меня. Я забуду все, что могло бы отвлечь меня отъ единственной цѣли, которую мы теперь поставляемъ себѣ. Я буду думать только о пище для вашей фантазіи.

— Такъ вы ручаетесь, что мнѣ сегодня не будетъ скучно? О! вы — прекраснѣйшій изъ людей! Я уже чувствую дѣйствіе вашего обѣщанія, какъ больной чувствуетъ приближеніе здоровья при видѣ врача, на котораго надѣется. Я повинуюсь вамъ, докторъ.... мудрый, удивительный докторъ! Сейчас я одѣнусь и мы не завтракая поѣдемъ... куда вамъ угодно. Какой экипажъ велѣтъ запрягать?

— Ни какого. Не мѣшайтесь ни во что. Это мое дѣло. Я всѣмъ распоряжаю, потому что я изобрѣтаю.

— О, да это прелесть! вскричала Сабина и затворила окно.

Она позвонила. Горничныя тотчасъ опустили передъ окномъ тяжелый синій камковый занавѣсъ. Леонтій пошелъ отдать нѣсколько приказаній, потомъ воротился, сѣлъ противъ мраморной статуи, неподалеку отъ окна Сабинны, и предался мечтамъ.

— Ну, что? вскричала полчася спустя леди Г^{***}, ле-

гонько ударивъ его по плечу: такъ-то вы занимаетесь нашимъ предпріятіемъ? Вы общаете мнѣ удивительныя изобрѣтенія, неслыханныя удовольствія, а сами сидите и совершаете это пугало какъ человѣкъ, который не нашелъ ничего лучшаго.

— Все готово, отвѣчалъ Леонтій, вставъ и подавая Сабинѣ руку: мой экипажъ давно дожидается и я уже придумалъ самую удивительную вещь.

— Мы такъ и поѣдемъ, вдвоемъ? замѣтила леди Г***.

— Вотъ кокетство, къ которому я не считалъ ее способною, подумалъ Леонтій: хорошо же, я этимъ не стану пользоваться.—Мы возьмемъ съ собой вашу негритянку, отвѣчалъ онъ.

— Отчего негритянку?

— Оттого что она нравится моему жокею. Нужно, чтобы и путевые товарищи наши не скучали, иначе они намъ наскучатъ.

Потомъ жокей получилъ отъ своего барина еще нѣкоторыя приказанія, но такъ, что Сабина ничего не слышала. Собрались. Негритянка, вооруженная широкимъ бѣлымъ зонтикомъ, усѣлась подлѣ жокея на широкихъ козлахъ, а Леонтій противъ леди Г***. Лошади помчались вихремъ.

Сабина впервые рѣшилась на такое уединеніе съ Леонтіемъ, уединеніе, которое могло сдѣлаться совершеннѣе нежели она сначала вообразила. Хотя предполагалась простая прогулка и хотя тутъ было двое слугъ, которые впрочемъ такъ весело бесѣдовали, что ничего не слышали и не видѣли, однако жъ Сабина почувствовала, что положеніе ея очень могло походить на безразсудный поступокъ. Это пришло ей въ голову за послѣдними воротами парка.

Но Леонтій, казалось, былъ такъ мало расположенъ пользоваться выгодами своей роли и такъ важенъ, такъ занятъ восходомъ солнца, которое начинало выказывать первую свою пышность, что леди Г*** не посмѣла обнаружить своего смущенія и старалась казаться совершенно спокойною.

Они ѣхали по высокому краю оврага, откуда откры-

вался видъ на широкую цвѣтущую долину, на быстрые потоки и горы, увѣчанные вѣчными снѣгами и позолоченныя первыми лучами солнца.

— Божественно! вскричала Сабина отвѣчая на восклицаніе Леонтія: а знаете ли что, это солнце напоминаетъ мнѣ мужа.

— Кстати.... а гдѣ онъ?

— На вылѣ; спитъ.

— Рано онъ встанетъ?

— Какъ случится: смотря по тому, каковъ былъ у- живнѣ.

— Но средняя вѣроятность?

— Двѣнадцать часовъ. Вѣдь мы воротимся къ тому времени?

— Не знаю, миледи. Это не отъ вашей воли зависитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы очень мило шутите. Это льститъ моей жадѣ неизвѣстнаго. Но серьезно, Леонтій?...

— Очень серьезно, Сабина, я не знаю, въ которомъ часу мы воротимся. Вы уполномочили меня распорядиться вашимъ днемъ.

— Не днемъ, а утромъ только.

— Извините! Вы не ограничили продолженія вашей прогулки и, въ предпріятіи нашемъ, я не лишю права изобрѣтать по мѣрѣ того какъ на меня будетъ находить вдохновеніе. Какъ-скоро вы надѣнете узду на моего генія, то я уже ни за что не отвѣчаю.

— Что это значитъ?

— То, что я возвращаю васъ вашему смертельному врагу, — скукѣ.

— Какое безчеловѣчіе!

— Миледи, если вы теперь уже начнете сопротивляться мнѣ, который сегодня печется о вашей судьбѣ, то минута настоящаго уйдетъ, а съ нею и все мое могущество.

— Вы правы, Леонтій. Эту минуту не должно портить воспоминаніями о скучной дѣйствительности. Пусть лордъ встанетъ, когда ему угодно; пусть не найдетъ меня; пусть узнаетъ, что я гуляю съ вами по полямъ.... какая намъ надобность!

— Ктому же, онъ вѣдь не ревнуетъ васъ ко мнѣ.

— Онъ ни къ кому не ревнуетъ, однако жъ смотритъ на приличія.

— А что онъ сдѣлаетъ въ самомъ крайнемъ случаѣ?

— Онъ?... Проклянетъ тотъ день, когда ему пришлось въ голову жениться на Француженкѣ.

— Только?

— Развѣ этого мало?

— Ну, ничего. Будьте спокойны. Онъ проспитъ до вечера и не проклянетъ никого.

— Вы ручаетесь?

— Я такъ хочу.

— Въ такомъ случаѣ — вивать! Да поконтся духъ его въ мирѣ и да будетъ ему легко нести узы брака. А знаете, эти узы — претяжкое ярмо.

— Да! есть мужья, которые увѣчаютъ своихъ женъ.

— Это что еще! Есть такіе, которые морятъ своихъ скукою.

— Такъ въ этомъ вся причина вашего сплину, миледи?... Вы не отвѣчаете на мой вопросъ, Сабина?

— Что я могу отвѣчать вамъ? Развѣ я знаю причину моей болѣзни?

— Сказать вамъ?

— Вы уже сто разъ говорили. Полно объ этомъ.

— Нѣтъ, извините, миледи. Вы назвали меня мудрымъ, удивительнымъ докторомъ и облекли властію вылечить васъ, хотя бы только на одинъ день.

— Да, вылечить забавляя; а то, что вы хотите сказать, хуже скуку наведетъ, я знаю.

— Безполезное жеманство! Нѣжному вздыхателю оно, можетъ-быть показалось бы очень милымъ, но вашъ мудрый и важный докторъ находитъ его до крайности пустымъ.

— О! какъ-скоро вы становитесь рѣзкимъ, грубымъ, я нахожу васъ лучше. Продолжайте.

— Васъ раздражаетъ отсутствіе любви. Ваша скука — нетерпѣніе, а не пресыщеніе жизнью. Ваша преувеличенная гордость доказываетъ неимовѣрную слабость. Нужно любить, Сабина.

— Вы говорите, нужно любить, точно какъ-будто — ну-

живо выпить стаканъ воды! Виновата ли я, что мнѣ никто не нравится?

— Конечно, вы виноваты. Вашъ умъ принялъ дурное направленіе; вашъ характеръ испортился; вы дотога заскали свое самолюбіе и дотога высоко оцѣнили себя, что уже вамъ кажется, никто не достоинъ подойти къ вамъ. Вы находите, что я говорю вамъ горькія вещи, не правда ли? Вамъ лучше угодно сладенькихъ?

— Напротивъ, я нахожу, что вы сегодня очаровательны! воскричала леди Г^{***} со смѣхомъ, хотя по прекрасному лицу ея и промелькнула тѣнь неудовольствія: но невольте же мнѣ и защищаться. Укажите мнѣ кого-нибудь, кто бы служилъ доказательствомъ, что я не права. Я нахожу всѣхъ мужчинъ, которыми этотъ большой свѣтъ окружаетъ меня, или суетными и глупыми, или умными и холодными. Однихъ мнѣ жаль, другихъ страшно.

— Вы не совсѣмъ неправы. Но зачѣмъ вы не поищите виѣ свѣта?

— Развѣ женщина можетъ искать? Фр!

— Но иногда можно прогуляться, встрѣтить и не слишкомъ убѣгать.

— Нѣтъ, прогуляться виѣ свѣта невозможно, когда принадлежишь къ свѣту: онъ всюду за тобой слѣдуетъ. Ктому же, что есть виѣ свѣта? Мѣщане, племя низкое и дерзкое; чернь, племя черное, неопрятное; артисты, племя тщеславное и глубоко себялюбивое. Все это не лучше насъ, Леонтіи. Ктому жъ, если уже вы требуете отъ ней исповѣди, я скажу вамъ, что я немножко вѣрю въ превосходство нашей патриціевской крови. Если въ человечествѣ еще не все выродилось и испортилось, такъ тутъ только можно еще надѣяться найти избранныя души и возвышенные типы. Я не отвергаю возможности будущихъ перерожденій, и, пока мѣсть уважаю всѣхъ и всякаго, кто на своемъ мѣствѣ. Но любовь моя такой нѣжный цвѣтокъ, который не можетъ расти въ первой попавшейся почвѣ. У меня—нервы маркизы. Я не способна измѣняться и поддѣлываться. Вотъ вся моя теорія, Леонтіи. Вы видите, что не имѣете причины проповѣдовать мнѣ.

— Я ничего не проповѣдую вамъ, Сабина. Я не лучше

вась. Но только я думаю, что я горячѣе, пламеннѣе чувствую и яснѣе понимаю достоинство человѣка. И это чувство оказалось во мнѣ съ той минуты, какъ я почувствовалъ себя художникомъ. Съ той минуты родъ человѣчскій представляется мнѣ не раздѣленнымъ на различныя касты, а усѣяннымъ тинами, которые высоки, каждый самъ по себѣ. Поэтому я не вѣрю, чтобы прошедшее могло имѣть такое сильное вліаніе, какъ вы предполагаете. Когда судьбѣ угодно, чтобы Форнарина была прекрасна и чтобы у Рафаэля былъ геній, они любятъ другъ друга не спрашивая объ именахъ предковъ. Красота души и тѣла, вотъ, что благородно и достойно уваженія. Цвѣтъ шивонника не менѣе прекрасенъ и душистъ, оттого что растетъ посреди дикихъ, колючихъ терніевъ.

— Да, но когда захочешь насладиться его красотой и благоуханіемъ, обдерешься объ эти терніа. Ктому же, Леонтій, мы съ вами не можемъ одинаково смотрѣть на идеальную красоту: вы мужчина и художникъ, то есть, у васъ чувство болѣе пластическое, восхищенное формою. Ваше искусство — матеріялисть. Это несравненный Рафаэль, влюбленный въ толстую Форнариу. Любовница Тиціана мнѣ тоже кажется прекрасною дородною женщиною, но чувственною, а не идеальною. Мы, патриціанки, не постигаемъ.... Ахъ, Боже мой! посмотрите..... вотъ экипажъ ѣдетъ къ намъ на встрѣчу..... точно маркиза!

— Она и есть, и съ молодымъ докторомъ.

— Ну, вотъ, Леонтій, вотъ женщина, которая не такъ взыскательна какъ я. Вотъ, мы и на интригу попали! Маркиза сказалась больною, а между-тѣмъ прогуливается съ....

— Съ своимъ докторомъ, какъ вы со своимъ, миледи. Она ищетъ развлечения по рецепту.

— Да, но вы—докторъ моего ума.

— Вы жестоки, Сабина. Почему вы знаете, что этотъ молодой человѣкъ обращается къ сердцу, а не къ уму? Не была ли бы и она несправедлива, если бы подумала о васъ такъ же какъ вы объ ней?....

— Ахъ, Леонтій! въ самомъ дѣлѣ..... вѣдь она зла. Ей

нужно оправданіе пришлѣромъ другихъ.... Она пройдетъ мимо насъ. Она отважна. Вмѣсто-того чтобы скрываться, она станетъ наблюдать за нами..... Она узнаетъ меня.... можетъ-быть, уже узнала.

— Нѣтъ, вашъ воаль опущенъ и они еще далеко. Впроче-мъ.... Налѣво! по дорогѣ въ Сант'Аполлинарио! закричалъ онъ жокею, который искусно исполнялъ должность кучера.

Коляска Леонтія скрылась въ узкую тѣнистую аллею, а ландо маркизы черезъ нѣсколько минутъ потомъ уже выѣхалъ на большую дорогу.

— Видите, миледи, что сама судьба въ моемъ лицѣ покровительствуетъ вамъ сегодня, сказалъ Леонтій: надобно очень долго странствовать по этимъ горамъ, чтобы найти проѣзжую дорогу для коляски въ такомъ мѣстѣ, и вотъ дорога открылась, лишь-только вы пожелали.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ чудесно, отвѣчала леди Г улыбаясь: я вижу, что вы проложили эту дорогу ударомъ волшебнаго жезла. Да, это волшебство! Какая цвѣтущая ѣзгородъ! какая прохладная тѣнь! Вы подумали обо всемъ, даже о тѣни и цвѣтахъ, которыхъ намъ не доставало, когда мы пробирались по краю оврага. Эти столѣтніе каштаны, которые вы насадили здѣсь, великолѣпны. Видно, Леонтій, что вы великій художникъ и не умѣете творить половину.

— Вы говорите очень милыя вещи, Сабина, но вы блѣдны какъ смерть. Какъ вы боптаете мнѣнія людей! Какъ вы ужаснулись опасности возбудить подозрѣніе! Я никогда бы не подумалъ, что женщина такая твердая и гордая могла такъ трусить!

— Узнать другъ друга вполне можно только въ деревнѣ, говорятъ свѣтскіе люди. Это значить, что легче всего знакомиться одинъ на одинъ. Вотъ и мы съ вами сегодня открываемъ другъ въ другѣ множество достоинствъ и недостатковъ, которыхъ прежде не подозрѣвали. Я не знаю, что такое моя трусость, достоинство или недостатокъ.

— Недостатокъ.

— И вы презираете его?

— Порочно, можетъ-быть. По-крайней-мѣрѣ я нахожу въ немъ объясненіе того утонченія склонностей, той привычки къ презрѣнію, о которыхъ вы сейчасъ говорили мнѣ. Вы, можетъ-быть, приписываете вашей утонченной аристократической разборчивости то, что въ сущности происходитъ только отъ страху порицанія и насмѣшекъ вашего общества.

— Мое общество вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше, Леонтій. Развѣ вы не заботитесь объ его мнѣніи? Неужели вы хотите, чтобы я избрала себѣ предметъ, за который должна бы была краснѣть? Это странно!

— Конечно, это было бы странно и я вовсе не думаю хотѣть этого. Но мнѣ кажется, что болѣе независимая смѣлость была бы полезна вамъ, а я вижу, что вы ея не имѣете. Дѣло не въ томъ, чтобы выбрать предметъ любви въ той или иной сферѣ. Я только вообще говорю, что, каковъ бы ни былъ вашъ выборъ, вы всегда будете болѣе заниматься мнѣніемъ окружающихъ васъ нежели наслажденіемъ, которое можете найти для себя собственно.

— Не думаю. Притомъ, это уже переходитъ за границу горькихъ истинъ, Леонтій: это—злые выходки, неблагонамѣренныя клеветы.

— Ну, вотъ и поссорились! Хорошо. Если мнѣ удастся раздражить васъ противъ меня, такъ по-крайней-мѣрѣ сучка будетъ устранена.

— Если бы маркиза подслушала нашъ разговоръ, вдругъ вскричала Сабина съ прежнею веселостью, то она, кажется, не нашла бы ничего, къ чему можно придаться.

— Но такъ какъ она не подслушиваетъ и какъ мы можемъ встрѣтить другихъ, то намъ нужно подумать о причинахъ и взять еще кого-нибудь въ товарищи.

— Что, теперь вы начинаете дуться, Леонтій?

— Вовсе нѣтъ. Это входитъ въ мой планъ. Вамъ нуженъ кавалеръ нѣсколько почтеннѣе меня. И я уже вижу его. Сама судьба, если не мое волшебное могущество, ведетъ его къ намъ...

— По знаку своего барина, жокей остановилъ лошадей. Леонтій выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ навстрѣчу

къ санг'анодинарійскому приходскому священнику, который шелъ въ свою деревню.

II.

Буде, что будетъ.

— Почтеннѣйшій аббатъ, сказалъ Леонтій, извините если я не кстати перебиваю вамъ дорогу, но у меня есть важная просьба до васъ.

Аббатъ остановился, поправилъ очки, вопросительно посмотрѣлъ на молодаго человѣка и ждалъ продолженія рѣчи.

— Я надѣюсь, что вы исполните мою покорнѣйшую просьбу, продолжалъ Леонтій.

— Съ кѣмъ я имѣю имѣю честь говорить? спросилъ аббатъ.

— Съ простодушнымъ и откровеннымъ молодымъ человѣкомъ, который предлагаетъ вамъ на разсмотрѣнiе очень деликатное дѣло, съ важностью отвѣчалъ Леонтій: сегодня утромъ я очень невиннымъ образомъ склонилъ молодую даму,—которую вы видите тамъ въ коляскѣ,—прогуляться со мною въ вашихъ прекрасныхъ горахъ. Мы оба иностранцы, чуждые обычаямъ вашего края. Другъ къ другу мы питаемъ братскую дружбу. Дама моя заслуживаетъ всякаго уваженiя. Но дорогою на нее нашло сомнѣнiе и я принужденъ повиноваться ея желанiю. Она говоритъ, что окрестные жители, видя ее, разъѣзжающую одну, съ молодымъ человѣкомъ, могутъ сдѣлать заключенiе на ея счетъ, и опасенiе стыда такъ тревожитъ ее, что она на встрѣчу съ вами смотритъ какъ на истинное счастье, посланное небомъ. Поэтому я рѣшился просить васъ раздѣлить съ нами прогулку на часъ или на два, или по-крайней-мѣрѣ хоть на столько времени, чтобы отвезти мою даму обратно домой. Вы, конечно, такъ добры, что не захотите лишитъ любезную женщину удовольствiя спойной насладиться великолепною картиною природы.

— Но, возражалъ аббатъ, пристально глядя на ежившихся въѣдъ вы не одинъ.

— Это наши слуги, которыхъ мы по чувству приличія взяли съ собой.

— Въ такомъ случаѣ я не вижу отчего вамъ опасаться злыхъ языковъ.

— Въ глазахъ свѣта присутствіе слугъ ничего не значитъ. Притомъ, вы согласитесь, что сидя такъ, какъ они сидятъ, люди ничего не могутъ видѣть и встрѣчные могутъ предположить, что я Богъ вѣсть какія вещи говорю своей дамѣ и можетъ-быть даже украдкою цѣлюю.... руку.

— Въ такомъ случаѣ, пусть черная-то сидеть между вами, въ коляску.

— Тоже нельзя. Это будетъ казаться слишкомъ принужденнымъ. Стало-быть, опасность велика, — скажутъ злые, — если ужъ они принуждены посадить подлѣ себя гадкую негритянку! Присутствіе почтеннаго аббата, напротивъ, будетъ совершенно вѣрною защитой и никто не удивится, встрѣтивъ насъ въ такомъ достойномъ обществѣ.

— Вы очень любезны, сынъ мой, и я готовъ услужить вамъ, отвѣчалъ мало-по-малу обольщенный и увлеченный аббатъ: но я иду на службу. Дайте мнѣ двадцать минутъ сроку..... или, лучше, отслушайте обѣдню. Сегодня день будній. Скоро кончится. Потомъ вы позволите мнѣ позавтракать и тогда мы поѣдемъ гулять, если вамъ угодно.

— Обѣдню мы выслушаемъ, но потомъ тотчасъ же увеземъ васъ. Вы позавтракаете съ нами.

— Вы хотите завтракать въ деревнѣ? Очень дурно намормятъ.

— Нѣтъ, у насъ съ собою есть хорошее вино и довольно порядочныя блюда. Намъ много условилось на эту прогулку, съ завтракомъ въ полѣ, и каждый долженъ былъ привезти свою долю угощенія. Но какъ всѣ измѣнили слову, кромѣ меня, то мы остались одни. Впрочемъ, запасъ у меня такой, что съ насъ будетъ достаточно.

Аббатъ совершенно согласился и поспѣвшигъ въ церковь. Леонтій воротился къ Сабинѣ, которая въ ожиданіи вынула изъ кармана экипажа вилку и перелистывала. Это была «Вальгельмъ Мейстеръ».

— Ужъ я думала, что вы забыли обо мнѣ, и вотъ утѣшаюсь этою очаровательною сказкой, сказала она.

— Это для васъ приготовлено было, миледи. Я знаю, что вамъ теперь нужна именно такая книга.

— Вы удивительно внимательны. Но что мы станемъ дѣлать?

— Пойдемъ къ обѣднѣ.

— Вотъ странно! Теперь! Неужели вы думаете позабавить меня заботою о спасеніи моей души?

— Вамъ запрещается стараніе проникнуть мои мысли и угадывать намѣренія. Съ той минуты, какъ неизвѣстное сдѣлается извѣстнымъ, вы не дадите мнѣ ничего кончить и труды мои погибли.

— Правда. Такъ пойдемте же къ обѣднѣ. Но что вы намѣрены дѣлать съ этимъ аббатомъ?

— Опять вопросы, когда извѣстно, что оракулъ долженъ быть нѣмъ?

— Ваши странности начинаютъ занимать меня. А что, мнѣ не позволено даже стараться понять ихъ?

— Можете, сколько вамъ угодно. Я не боюсь, что вы угадаете.

Коляска въѣхала въ деревню и остановилась близъ маленькой старинной церкви. Вскорѣ вокругъ великолѣпнаго экипажа собралась толпа женщинъ и ребятишекъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на чужихъ господъ, восхищались лошадьми, щупали коляску и особенно глазѣли на негрятянку, которая возбуждала у нихъ удивленіе со смѣхомъ и ужасомъ.

Обѣдня кончилась. Сабина сѣла на камень, на кладбищѣ, которымъ была окружена сельская церковь, и принялась опять читать «Вильгельма Мейстера». Леонтій подошелъ къ ней и шепнулъ:

— А вы всё-еще читаете эту книгу?

Сабина не отвѣчала. Она только указала на слово *ледантъ*, нѣсколько разъ попадавшееся на страницѣ, которую она читала.

— Вы комѣщали мнѣ кончить очень интересную главу, сказала она потомъ, вставая: *важъ аббатъ не идетъ. Пой-*

денге посмотри́ть на при́дѣлы въ церквѣ. Вы любите ита-
ліанскія церкви?...

— Я художникъ, отвѣчалъ Леонтій.

— Такъ, послушайте, художникъ, посмотрите! сказала
Сабина, указывая ему на женскую фигуру, которая стояла
на колѣняхъ въ темномъ углу одного при́дѣла.

Это была очень молоденькая дѣвушка, бѣдно, хотя чи-
сто одѣтая, не хорошая лицомъ, однако привлекательная
по выраженію и по рѣдкому благородству осязки. Одинъ
лучъ солнца, заблудившійся въ темную сырую храмину,
падалъ прямо на розовый затылокъ и на великолѣпную бѣ-
локурую косу, свитую и перевязанную алою бархатною
лентой. Освѣщеніе было совершенно художественное и
придавало картинѣ великолѣпный теплѣй колоритъ.

— Ну, полно же! Ужъ вы и всмотрѣлись! сказала Са-
бина Леонтію: вы сегодня должны заниматься только
мною одной, иначе я погибла: я соскучусь.

— Глядя на эту дѣвушку я думаю только объ васъ.
Смотрите и вы. Вы должны понимать это.

— Это?.... Это не мыто. Это любопытно для художни-
ка, а я поэтъ: мнѣ мало страннаго: я требую прекрасна-
го. Эта дѣвочка дурна.

— Значитъ, вы ничего не понимаете. Она прекрасна по
типу, къ которому принадлежитъ.

— То есть, по типу Альбиносовъ.

— Нѣтъ, это колоритъ Рубенса, съ строгимъ выраже-
ніемъ фламандскимъ. А положеніе?

— Жестко какъ рисунки древнѣйшихъ мастеровъ. И вы
это любите?

— Въ этомъ есть прелесть, потому что это простодушно
и непредвидѣнно. Магдалина Кановы выказываетъ свою
позицію и знаетъ, что она красавица. Но въ древнихъ об-
разахъ этого нѣтъ: они вылиты цѣлкомъ, вдругъ, изъ
одного куска, какъ мысль, которая ихъ произвела....

— И окаменила, прибавила Сабина. Вотъ, она кончила
молитву. Поговорите съ нею: увидите, какъ она глупа,
несмотря на выраженіе.

— Милая, ты очень набожна, сказалъ Леонтій, подо-
шедши къ дѣвушкѣ: есть какая-нибудь особенная причи-

на, что ты молишься въ самомъ темномъ углу церкви?

— Я молюсь здѣсь, для того чтобы аббатъ не увидѣлъ меня?

— Отчего же ты боишься аббата?

— Онъ не велитъ мнѣ стоять въ церкви вмѣстѣ съ другими. Онъ говоритъ, что я за тяжкіе грѣхи свои недостойна этого.

— Что же это, правда? спросила Сабина съ любопытствомъ.

Дѣвушка посмотрѣла на нее съ укоромъ за подозрительное и холодное любопытство и потомъ сказала:

— Я думаю, что аббатъ ошибается и что Богъ лучше его видитъ мое сердце.

Она поклонилась и поспѣшно ушла, потому что аббатъ вышелъ изъ ризничей, гдѣ снималъ съ себя церковное одѣяніе, и подошелъ къ путешественникамъ. На вопросъ ихъ о дѣвущкѣ онъ взглянулъ на уходившую, пожалъ плечами и сказалъ съ досадою:

— Не обращайтесь вниманія на нее: это погибшая душа.

— Это странно! вскричала Сабина: по лицу ея не видно ничего такого.

— Ну, теперь я готовъ къ вашимъ услугамъ, господа, сказалъ аббатъ.

Они сѣли въ коляску. Черезъ нѣсколько минутъ общаго, ничего незначащаго разговора аббатъ попросилъ позволенія заняться чтеніемъ. Чтобы не мѣшать ему, Леонтій и Сабина заговорили на англійскомъ языкѣ, котораго аббатъ не понималъ.

— Этотъ строгій монахъ, кажется, не много удовольствія обѣщаетъ доставить намъ, сказала Сабина: кажется, вы завербовали его, зная чтобы наказать меня за мое онасеніе при встрѣчѣ съ маркизой.

— Можетъ-быть я имѣлъ причину по-важнѣе, отвѣчалъ Леонтій: вы не догадываетесь?

— Нисколько.

— Такъ я вамъ скажу. Но съ условіемъ, чтобы вы выслушали очень внимательно.

— Вы пугаете меня!

— И то дѣло. Знайте же, что я посадилъ здѣсь это третье лицо, затѣмъ чтобы самого себя оградить.

— Отъ чего это, скажите, пожалуйста?

— Отъ опасности, которая кроется во всѣхъ разговорахъ молодыхъ людей о чувствахъ.

— Говорите за себя, Леонтій. Я съ своей стороны не примѣчала ни какой опасности. Вы обѣщали мнѣ отгнать отъ меня скуку. Я положила на ваше слово и была спокойна.

— А вы обѣщали мнѣ быть степенною.

— Хорошо, хорошо. Я степенна какъ аббатъ. Что же вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что наединѣ съ вами я могъ бы расчувствоваться и утратить спокойствіе, отъ котораго зависитъ сегодня моя власть надъ вами. А вы знаете, что первое условіе магнитическаго могущества — совершенная флегма, исключительное направленіе воли къ идеѣ нематеріальнаго владычества и отсутствіе всякаго чувства, чуждаго этому таинственному вліянію. Я могъ бы взволноваться, подвергнуться вліянію вашего взору, вашего голоса, однимъ словомъ, вашему магнетическому току, и тогда мы помѣнялись бы ролями.

— Что это, любовное объясненіе, Леонтій? спросила Сабина съ насмѣшливою надменностью.

— Нѣтъ, миледи, напротивъ, спокойно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Такъ грубость?

— Вовсе нѣтъ. Я вашъ другъ съ давнихъ поръ и другъ степенный, вы это знаете, хотя вы женщина странная и подчасъ несправедливая. Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства. Наша привязанность всегда была искренна и шйна. Вы пытали ее откровенно, а съ преданностью. Между мужчинами я не имѣлъ такого друга какъ вы и ничье общество не имѣетъ для меня такой привлекательности какъ ваше. Между-тѣмъ, вы иногда причиняете мнѣ неизъяснимыя страданія. Теперь не время развѣскивать тому причину. Это задача, которой я еще не старался рѣшить. Но вѣрно то, что я не влюбленъ и никогда не былъ влюбленъ въ васъ. Не входя въ объясненія, кото-

рыя можетъ-быть показались бы слишкомъ большими послѣ этого объявленія, вы поймете, я думаю, отчего я не долженъ расчувствоваться въ присутствіи такой хорошенькой женщины какъ вы, и почему мнѣ теперь необходимо мирное и дебѣлое лице этого аббата.

— Ну, вѣтъ, кажется, довольно, Леонсъ! сказала Савва, поправляя свои манжетки, чтобы наклонить голову и срыть яркую краску: этого уже слишкомъ много. Въ вашихъ мысляхъ есть даже оскорбительное для меня.

— Извольте доказать.

— Нечего доказывать. Ваша совѣсть сама скажетъ вамъ.

— Вовсе нѣтъ. Я не могу дать вамъ болѣе полнаго доказательства почтенія, какъ прогнавъ всякую мысль о любви.

— Любви! Она довольно далека отъ вашего сердца. Ваши минимья опасенія очень мало льстятъ мнѣ: я не старая кокетка какая-нибудь, чтобы гордиться подобными вещами.

— А между-тѣмъ, если бы это была любовь, любовь сердца, какъ вы разумѣете, вы прогнѣвались бы еще болѣе.

— Я сожалѣла бы, можетъ-быть, потому что не могу отвѣчать.

— Нѣтъ, будьте откровенны, мой другъ: вы даже не пожалѣли бы: вы посмѣялись бы, и все тутъ.

— Вы обвиняете меня въ кокетствѣ? На это вы не имѣете права. Можете ли вы судить объ этомъ, когда вы никогда не любили меня и когда вы не видѣли, чтобы я любила кого-нибудь?

— Послушайте, Савва: вѣрно то, что я никогда не старался нравиться вамъ. Сколько другихъ пытался напрасно! Вы никого, кажется, не любили. Между-тѣмъ, вы однажды, въ минуту изліянія и грусти, говорили, что любите. Но, можетъ-быть, вы возвѣстали отъ восторженности. Если бы я вамъ показалъ, что и способенъ любить пламенно, можетъ-быть вы сознались бы, что я достоинъ болѣе нежели дружбы вашей. Но чтобы отереть вамъ это, нужно было или такъ любить васъ, — чего со мной не было, или притвориться и восторженно славить

отъ соблазнахъ увѣреній. Это было бы недостойно благородства моей привязанности къ вамъ. Я не хотѣлъ унижаться до такой хитрости. Или, наконецъ, нужно было рассказать вамъ тайны моей жизни, очертить подлинный мой характеръ и показаться вамъ хвастуномъ, остаться непонятымъ, быть осмѣленнымъ!.... Нѣтъ, не хочу такого стыда.

— Но въ чемъ же вы оправдываетесь, Леонтій? Развѣ я жалуясь, что вы питаете ко мнѣ только одну дружбу? Развѣ я когда-нибудь желала больше?

— Нѣтъ, но изъ того, что я такъ осторожно наблюдаю за собой, вы можете составить себѣ ложное понятіе обо мнѣ.

— Но къ чему же такъ осторожно наблюдать, когда нечего опасаться? Любовь самовольна. Она сама собою является и овладѣваетъ; она не разсуждаетъ; ей не нужно ни вывѣдывать себя, ни окружать себя предусмотрительными расчетами и планами атакъ и отступленій: она обнаруживается и побѣждаетъ.

«Вотъ хорошій урокъ! подумалъ Леонтій: и она же преподаетъ мнѣ его!» Онъ чувствовалъ, что пора укротить неудовольствіе Сабинны и, съ спокойною искренностью, взявъ ее за руку, сказалъ:

— И такъ вы видите, Сабина, что между нами не можетъ быть любви. У насъ въ сердцахъ у одного для другаго нѣтъ ничего ни новаго ни таинственнаго. Мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга.... какъ братъ и сестра.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала леди, гордо отнявъ руку: братья и сестры никогда не знаютъ другъ друга, потому что самыя живыя и самыя глубокія мѣста ихъ душъ никогда не приходятъ въ соприкосновеніе. Не думайте, будто мы слишкомъ хорошо знаемъ одинъ другаго: я утверждаю, напротивъ, что вы вовсе не знаете меня и никогда знать не будете. Вотъ отчего, вмѣсто того чтобы сердиться, я улыбалась на всѣ горькія вещи, которыя вы говорите мнѣ сегодня. Я вамъ скажу даже, что и сама не желаю знать васъ короче. Если вы хотите сохранить нашу магнитическую силу, такъ позвольте мнѣ думать, что въ вашемъ сердцѣ есть сокровище страсти и вѣжно-

сти, въ сравненіи съ которыми наша тихая дружба только слабая тѣнь.

— Если бы вы думали это, вы любили бы меня, Сабина! Слѣдовательно, достовѣрно, что вы не думаете.

— Я могла бы то же самое сказать вамъ. Стало-быть, должно заключить, что мы оттого не больше какъ друзья, что имѣемъ другъ о другѣ не слишкомъ высокое понятіе?

«Она раздражена! подумалъ Леонтіи: это значитъ, что мы на той точкѣ, на которой можемъ или возненавидѣть или полюбить другъ друга.»

— Миѣ кажется, сказалъ аббатъ, закрывъ книгу, что мы уже довольно далеко заѣхали и что пора что-нибудь на зубъ покусить.

— Правда отвѣчалъ Леонтіи: тѣнь болѣе, что вотъ, въ двухъ шагахъ надъ нами, прекрасная вершина, гдѣ есть тѣнь куда открывается восхитительный видъ.

— Куда? туда наверхъ? вскричалъ съ испугомъ аббатъ, котораго природа надѣлила нѣкоторымъ дородствомъ: вы хотите взлѣзть на Зеленую Скалу? Но вотъ здѣсь, въ тѣни пихтовой рощи, подлѣ дороги, было бы лучше, кажется.

— Но тутъ виду ни какого нѣтъ, весело сказала леди Г... , взявъ аббата подъ руку: а развѣ можно обойтись безъ виду на горы?

— Когда завтракаешь, очень можно, отвѣчалъ аббатъ.

Однако жъ и онъ, волей-неволей, взобрался на плоскую вершину горы. Жокей поставилъ экипажъ въ тѣни рощи и распрягъ лошадей. Въ одну минуту около путешественниковъ собралась толпа ребятишекъ, малолѣтнихъ пастуховъ и пастушекъ, которыхъ привлекло любопытство и которые наперерывъ предлагали свои услуги, нѣмощно жокеемъ и негритянкѣ, носили изъ экипажа подушки, посуду, кушанья и вино. Въ одну минуту былъ готовъ завтракъ, роскошный и обильный, такой, что можно было удѣлить не только своимъ слугамъ, но и толпѣ оборванныхъ пажей. Леонтіи какъ-будто предвидѣлъ всѣ эти обстоятельства и запасся такъ хорошо, что могъ угостить всѣхъ. Ребятишки, получивъ свою долю, тоже ушли неподалеку отъ путешественниковъ и принялись дѣре-

вать. Аббать былъ очень доволенъ и виномъ и паштетамъ. Сабина веселилась и увѣряла, что никогда еще не завтракала съ такимъ аппетитомъ. Вдругъ ребятшки занумили и, указывая въ долину, закричали:

— Птичница! Птичница!

III.

Похитимъ Гермюну.

— Молчите, вы, глупые! вскричалъ аббать: зачѣмъ вы зовете сюда эту бродягу? Намъ не нужно ея скоморошества.

Но ребятшки не переставали кликать и манить. Сабина тоже заглянула черезъ край скалы и увидѣла странное зрѣлище. По крутому склону, по которому пролегалъ тропинка на Зеленую-Скалу, взбиралась дѣвушка, буквально окруженная тучею птицъ. Одни летали около нея, другія щечбеча садились на плеча и на голову, третьи порхали слѣдомъ и всѣ, казалось, оспаривали другъ у друга удовольствіе прикоснуться къ ней, поласкать или попросить, всѣ наполняли воздухъ радостными, нетерпѣливыми криками. Когда дѣвушка подошла такъ близко, что можно было рассмотреть ее сквозь крутящуюся стаю спутницъ, Леонтій и Сабина узнали ту самую блондинку, которую видѣли въ церквѣ.

Примѣтивъ аббата, дѣвушка вдругъ остановилась и птицы перелетѣли на ближайшіе кусты и деревья. Аббать сдѣлалъ-было знакъ, чтобы птичница ушла, но леди Г... упростила его.

— Ну, ну, ладно! Ибди, Цыганка, поди! показывай свое шутовство.

Дѣвушка оборотилась назадъ и бросила горсть зеренъ такъ далеко и такъ искусно, что казалось будто она дѣлаетъ только повелительное указаніе птицамъ, которые снова начали-было преслѣдовать ее. Вся стая улетѣла въ указанные кусты и занялась отыскиваніемъ зеренъ и присмирѣла, какъ-будто повинувшись простому приказанію хозяйки. Потомъ, взошедши на площадку скалы и спросивъ дѣтей, чтобы сидѣли смирно, дѣвушка

вдѣла на другую небольшую скалу, которая была по-выше; сняла съ шеи красный платокъ и начала махать имъ у себя надъ головой. Въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ кустарниковъ поднялись и слетѣлись къ ней стаи разнородныхъ птицъ, воробьи, коноплянки, синири, дрозды, дикіе голуби и даже пугливыя ласточки. Она нѣсколько времени поиграла съ ними, махала платкомъ, пугала ихъ, ловила рукою на лету и опять подбрасывала на воздухъ, и птицы не отставали, но напротивъ, сами разыгрывались бойчѣе и бойчѣе. Доказавъ такимъ образомъ, до какой степени она—неограниченная и обожаемая владычица этого свободного народа, дѣвушка легла на землю, накрыла голову платкомъ и притворилась снающею. Тогда любопытно было видѣть, какъ всѣ птицы устылись на нее, старались укрыться въ складкахъ ея одежды и притихли, какъ-будто магнетизируемые ея сномъ. Наконецъ она встала и снова повелительнымъ движеніемъ съ горстью зеренъ послала всѣхъ своихъ подданныхъ въ кусты.

Во всей этой сценѣ было столько милаго и поэтическаго и власть дѣвушки надъ обитателями воздуха казалась такою волшебною, чудесною, что путешественники не могли удивиться.

— Вотъ истинно чародѣйка! вскричала Сабина, привлекая дѣвушку къ себѣ: теперь я согласна съ вами, Леонтіи, что она, если не красавица, такъ по-крайней-мѣрѣ очень хорошенькая. Скажи мнѣ, моя милая, какъ тебя зовутъ?

— Магдалина Мелезъ, по прозванію Птичница, къ вашимъ услугамъ, *altesse*.

— Вотъ, какія хорошенькія имена! И они домогаютъ тебя. Сяди здѣсь, подлѣ меня, и позавтракай, да смотри только, чтобы твои крылатые пріятели не нанали на насъ.

— О, не бойтесь, снѣора! Мои дѣтки не приближаются ко мнѣ, когда чужія слишкомъ близко.

— Въ такомъ случаѣ, если ты хочешь сохранить свое ремесло, скавалъ аббатъ, то я совѣтую тебѣ не слишкомъ часто прогуливаться въ сопровожденіи нѣкоторыхъ

встрѣчныхъ бродягъ и перелетныхъ соколовъ: иначе твои птицы скоро не будутъ узнавать тебя, Магдалина.

— Васъ, вѣрно, обманули, почтеннѣйшій отецъ, отвѣчала Птичница: у меня до-сихъ-поръ былъ только одинъ товарищъ-провожатый, и то не съ давняго времени. Мы всегда ходимъ только вдвоемъ. Кто говоритъ вамъ о нѣкоторыхъ и нѣсколькихъ, тотъ лжетъ.

Важность, съ которою былъ сказанъ этотъ отвѣтъ, разсѣяла Леонтія и раздосадовала аббата.

— Хорошъ отвѣтъ! вскричалъ онъ: можно ли представить себѣ что-нибудь безстыднѣе этого?

Птичница съ изумленіемъ устрѣмила на аббата свои большіе голубые глаза.

— Миѣ кажется, что вы ошибаетесь насчетъ этого ребенка, возразила Сабина: ея смѣлость и ея изумленіе — слѣдствія невинности, которую вы можете смутить вашими подозрѣніями. Позвольте миѣ сказать вамъ, почтеннѣйшій отецъ, что вы, безъ-сомнѣнія, съ добрымъ намѣреніемъ, однако жъ насильно навязываете ей дурныя мысли, которыхъ у нея нѣтъ.

— И это вы говорите, синьора: отвѣчалъ аббатъ вполголоса: вы, женщина которая по благоразумію и скромности не захотѣла остаться безъ третьяго лица съ этимъ благороднымъ синьоромъ, несмотря на сосѣдство вашихъ слугъ?

Сабина съ удивленіемъ посмотрѣла на аббата, потомъ съ упрекомъ и насмѣшкой на Леонтія и сказала съ благородною откровенностью:

— Если вы такимъ образомъ понимаете наше приглашеніе, аббатъ, то это же самое должно служить вамъ подтвержденіемъ моего мнѣнія объ этой дѣвушкѣ: я полагаю, что ея мысли должны быть чище нашихъ.

— Пожалуй, можетъ-быть и чище! отвѣчалъ аббатъ: но позвольте вамъ замѣтить, что у подобнаго роду дѣвушекъ, живущихъ какъ попало, насчетъ случая, крайность невинности опаснѣе пороку. Первый встрѣчный можетъ употребить во зло ихъ неувѣдчаніе, что съ этою, можетъ-быть, уже и случилось.

— Въ такомъ случаѣ ее смутили бы ваши подозрѣнія,

тогда какъ теперь она только испугана угрозами. Вы — аббатъ; вы ничего не понимаете въ женщинахъ и немилосердно треплете стыдливость молоденькой дѣвушки. Но полноте, перестанемъ спорить, прибавила Сабина наливая рюмку и поднося аббату съ восхищительною улыбкой: исполните лучше, о чемъ я васъ попрошу. Вы исполните?

— Какъ же нѣтъ, коли отказать вамъ нѣтъ ни какой возможности? отвѣчалъ аббатъ, осторожно принявъ рюмку и съ наслажденіемъ глотая душистое кипрское вино: что прикажете?

— Помиритесь съ бѣдною Птичницей, продолжала мнѣ Г...: я беру ее подъ мое покровительство и намѣрена осторожно вывѣдать. Потомъ, на основаніи того, что я вамъ перескажу, вы будете или строги или снисходительны къ ней, смотря потому, чего она заслуживаетъ.

— Извольте; согласенъ. Магдалина! сказалъ аббатъ, обращаясь къ Птичницѣ, которая разговаривала съ Леонтиемъ: я прощаю тебѣ твои заблужденія и позволяю прийти завтра на исповѣдь, съ условіемъ, чтобы ты съ этой минуты подчинилась всѣмъ требованіямъ этой благородной и добродѣтельной синьоры, которая такъ милостива, что принимаетъ участіе въ тебѣ..... Цыганка ты этакая.

Обрадованная неслыханно ласковымъ тономъ и прощеніемъ аббата, а въ-особенности благорасположеніемъ знатной барыни, дѣвушка отблагодарила одного поклономъ, а другую почтительнымъ поцѣлуемъ на руку. На разпросы Леонтія о средствахъ, какія употребляетъ къ подчиненію себѣ птицъ, она отвѣчала, что обладаетъ секретомъ и упорно отказывалась отъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Ну, вотъ! ужъ это и не хорошо, Магдалина! продолжалъ аббатъ: если хочешь, чтобы я простилъ тебѣ все, такъ ты должна начать съ отреченія отъ всякой лжи. Грѣшно поддерживать суевѣріе, особенно съ тѣмъ, чтобы извлекать изъ него выгоду. Впрочемъ, здѣсь это тебѣ ни къ чему не послужитъ. Въ деревняхъ и на ярмаркахъ, гдѣ ты показываешь свои штуки, тебѣ легко увѣрять простой народъ, будто ты обладаешь тайною силой, которою привлекаешь всякую птицу. Но здѣсь вотъ и эти ребята

знаютъ, что ты то и дѣло лазишь по горамъ, отъискиваешь гнѣзда, забираешь ихъ и принуждаешь матокъ кормить птенцовъ у тебя на колѣняхъ. Мы знаемъ, съ какимъ терпѣніемъ ты сидишь по цѣлымъ часамъ неподвижно какъ статуя, чтобы птицы приучились безъ страху смотрѣть на тебя, знаемъ, какъ они, приучившись, повсюду слѣдуютъ за тобою и твоимъ кормомъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ни какого колдовства. Есть только цыганское бродяжничество, за которое я тебя не разъ журилъ. Всякій изъ насъ можетъ сдѣлать то же самое, если захочетъ быть врагомъ порядочнаго занятія и полезнаго труда. Такъ ужъ, пожалуйста, не строй колдунью или вдохновенную: это грѣхъ. А что касается до этихъ господъ, то я не совѣтую тебѣ насмѣхаться надъ ними: они слишкомъ умны и благовоспитанны, чтобы вѣрить, будто такая дура какъ ты, можетъ обладать волшебною силой.

— Позвольте вамъ замѣтить, почтеннѣйшій аббатъ, что ваше сужденіе какъ-нельзя болѣе неумѣстно и что вы не могли сдѣлать мнѣ ничего непріятнаго этого. Ваше толкованіе враждебно повзвизгиваетъ, а я во сто разъ скорѣе желаю вѣрить, что Магдалина обладаетъ какимъ-нибудь таинственнымъ, волшебнымъ даромъ, чѣмъ охлаждать мое воображеніе скушною дѣйствительностью. Утѣшись, прибавила она, обращаясь къ Птичницѣ, которая плакала съ досады и смотрѣла на аббата съ забавнымъ негодованіемъ: утѣшись, Магдалина; мы вѣримъ, что ты волшебница и желаемъ подвергаться твоимъ чарамъ.

— При томъ же, объясненія почтеннѣйшаго аббата ничего не объясняютъ, сказалъ Леонтій: они утверждаютъ факты, но не открываютъ причинъ. Чтобы сдѣлать до такой степени ручными существа отъ природы дикія и пугливыя, нужно обладать особеннымъ знаніемъ, какимъ-нибудь магнитическимъ секретомъ. Почтеннѣйшій аббатъ, я и всѣ мы, конечно, напрасно стали бы покушаться на приобрѣтеніе власти, которую этой дѣвушкѣ открыла сама природа.

— Да, да! вскричала Магдалина, съ сверкающими глазами: пусть почтеннѣйшій аббатъ попробуетъ сдѣлать руч-

ною хотъ курицу на своемъ дворѣ. Не сбѣласть! А я, в горахъ повелѣваю орлами.

— Ты? орлами? вскричалъ аббать, раздраженный хохотомъ Сабинны: хвастаешь! Орелъ не воробей. Вотъ до чего доводитъ такое ремесло и нелѣпныя притязанія: долги и обмену!

— Извините, почтеннѣйшій аббать, возразилъ одинъ мальчикъ, выступивъ изъ толпы: съ нѣкотораго времени Магдалина и орловъ дѣлаютъ ручными. Я видѣлъ. Она становится всё сильнѣе и сильнѣе, и скоро, я думаю, приучитъ къ себѣ медвѣдей.

— Нѣтъ, нѣтъ! никогда! вскричала Птичница съ отращеніемъ и ужасомъ: духъ мой согласуется только съ тѣмъ, что летаетъ по воздуху.

— Почему? Что вамъ сказала? вскричалъ Леонтій, пораженный этимъ словомъ она чувствуетъ, хотя сама не умѣетъ отдать себѣ отчета, что какое-то неизъяснимое средство привлекаетъ къ ней извѣстныя породы существъ. Эти сношенія намъ непонятны, потому что мы не можемъ опредѣлить естественнаго ихъ закону. Между-тѣмъ физическій міръ наполненъ такими чудесами.

— Такъ, по-вашему, сказалъ аббать, между извѣстными различными организаціями существуютъ тайныя соотношенія? Магдалина, можетъ-быть, выдыхаетъ какой-нибудь птичій запахъ, доступный только тонкому обонянію ея пернатыхъ пріятелей?

— Вѣрно по-крайней-мѣрѣ то, что у нея просятъ птичья, замѣтила Сабина, разсмѣявшись: посмотрите на ея маленькій горбачій носъ, быстрые свѣтлыя глаза, блѣдныя подвижныя вѣки; на ея легкость; на руки, преворныя какъ крылья; на ноги, тонкія и твердыя какъ у птицы, и вы увидите что она совершенный орленокъ.

— Можетъ-быть, отвѣчала дѣвушка, краснѣя отъ удовольствія: но я не только умѣю внушить птицамъ притязанность, я умѣю заставить ихъ понимать меня. Въ этомъ заключается мое знаніе и я ручаюсь, что этого никто изъ васъ не знаетъ. Кто скажетъ, въ которомъ-мѣся можно требовать покорности отъ монахъ птицъ, въ которомъ нельзя? какой крикъ можно слышать на самомъ

дальшеиъ разстоянiи? какое влiянiе должно устранять? какое время благоприятно?

— Ну, хорошо, хорошо! возразилъ аббатъ: води же, призови намъ своихъ орловъ.

— Теперь нельзя. Они въ такомъ мѣстѣ, куда я не могу идти. Но если вы хотите отправиться со мною сегодня вечеромъ, послѣ заката солнца.... если вы не боитесь.... я вамъ покажу такіа вещи, что вы подивитесь.

Аббатъ покалъ плечами, но воображеніе Сабины воспламенилось.

— Я хочу, я пойду съ тобой! вскричала она: я хочу бояться; хочу изумляться.....

— Потише, потише! шепнулъ Леонтій: вы еще не получили моего позволенія, любезная пациентка.

— Я прошу, я вырву у васъ это позволеніе, милый докторъ.

— Хорошо, увидимъ.

— Я надѣюсь на ваше желаніе, на ваше обѣщаніе забавлять меня. А между-тѣмъ не воротится ли намъ на шиллу, чтобы освѣдомиться, какъ почивалъ милордъ Г***?

— Если у васъ есть непремѣнная воля, я подаю въ отставку.

— Сохрани Богъ! До-сихъ-поръ я еще не скучала ни минуты. Дѣлайте же, что считаете нужнымъ. Но, куда бы вы ни повезли меня, позвольте мнѣ взять Птичяицу съ собою.

— Я такъ и намѣренъ былъ. Неужели вы думаете, что она очутилась здѣсь случайно?

— Такъ вы знаете ее? Вы велѣли ей прийти?

— Не спрашивайте меня.

— Ахъ, я и забыла. Хорошо; храните ваши тайны. Я надѣюсь, что у васъ еще есть?

— Безъ-сомнѣнiя, и я объявляю вамъ, что день не пройдетъ, безъ того чтобы вы не испытали впечатлѣнiя, которыя потревожатъ вашъ сонъ въ будущую ночь.

— Впечатлѣнiя? о, какое счастье! И я долго буду помнить ихъ?

— Всю жизнь, отвѣчалъ Леонтій съ важностью, которая, казалось, выходила изъ предѣловъ шутки.

— Вы странный человекъ, продолжала Сабина: можно подумать, что вы вѣрите въ свое могущество надо мной, какъ Магдалина вѣритъ въ свое надъ птицами!

— Вы горды и дикы какъ эти царя воздуха, а я, можетъ-быть, обладаю тонкостью наблюденія, терпѣливостью и хитростью Птичницы.

— Хитростью? Вы пугаете меня!

— Того-то мнѣ и нужно. До-сихъ-поръ вы смѣялись надо мною, Сабина, именно потому что не знали меня.

— Я? возразила Сабина, нѣсколько встревоженная: я не знала моего друга дѣтства, моего преданнаго рыцаря? Это такъ же справедливо какъ обвиненіе, будто я смѣялась надъ вами.

— Однако жъ вы, миледи, сказали, что братья и сестры никогда не знаютъ другъ друга, потому что самыя сокровенныя и самыя чувствительныя струны ихъ сердець никогда не соприкасаются. Насъ раздѣляетъ тайна, глубокая какъ эти пропасти. Вы никогда не будете знать меня, сказали вы. Но я вамъ скажу, миледи, что я знаю васъ и останусь не узнанъ вами. Это значитъ, прибавилъ онъ, видя, какъ на лицѣ Сабинны выражается подозрѣніе и ужась: это значитъ, что я рѣшаюсь любить васъ больше нежели хотѣлъ и могъ бы требовать отъ васъ.

— Если мы останемся друзьями, Леонтій, то я согласна: продолжайте вашу болтовню, сказала леди Г^{...}, вдругъ ощутивъ страхъ, котораго не могла объяснить себѣ: если же нѣтъ, то я сію-минуту хочу воротиться на виллу и искать убѣжища подъ свинцовымъ колоколомъ супружеской любви.

— Если вы требуете, я повинуюсь. Я ворочусь въ состояніе свѣтскаго человека и покину чудесное леченіе, которое вы позволили мнѣ предпринять.

— И за которое вы между-тѣмъ ручаетесь! Этого было бы жаль.

— Я и теперь ручаюсь, если вы не станете сопротивляться. Въ вашей нравственной и духовной жизни сегодня можетъ совершиться совершенный, неслыханный переворотъ, если вы до вечера откажетесь отъ всякаго употребленія своей воли.

— Но до какой степени надобно довериться вашей честности, чтобы такъ повиноваться?

— Вы считаете меня способнымъ во зло употребить доверенность? Въ такомъ случаѣ аббатъ можетъ отвезти васъ домой, а я пойду въ горы, отыскивать орловъ, которые менѣе благоразумны и менѣе подозрительны.

— Съ Магдалиной, конечно?

— Отчего же нѣтъ?

— Такъ нѣтъ же? У дружбы такъ же есть своя ревность какъ и у любви Вы не пойдете безъ меня.

— Такъ ѣдемъ!

— Ёдемъ.

Леди Г^{***} съ порывомъ встала и схватила Птичнину подъ руку, какъ-будто опасаясь, чтобы у нея не отбили добычи. Ребятишки, подъ руководствомъ негританки, въ одну минуту снесли весь приборъ отъ завтраку въ коляску. Все вымыли, прибрали и уложили.

— Миѣ представляется, сказала Сабина глядя на суетящихся, какъ-будто я присутствую на фантастической свадьбѣ князя Милана и княжны Любуши, когда страстная княжна, въ лѣсу, открываетъ свой волшебный ларчикъ и выпускаетъ цѣлую армию крошечныхъ поваренковъ и всякаго роду слугъ, которые съ волшебною быстротой приготавливаютъ роскошный свадебный пиръ.

— Этотъ апологъ здѣсь болѣе кстати нежели вы полагаете, отвѣчалъ Леонтій: вспомните хорошенько содержаніе этой сказки, этой прелестной фантазіи, которой самъ Гоэманъ не превзошелъ. Тамъ есть минута, когда княжна Любуша, наказанная за свое беспокойное любопытство силою чаръ, которыхъ не можетъ покорить, видитъ, какъ весь волшебный народъ разбѣгается и исчезаетъ въ травѣ. Поваренки уносятъ свои дымящіеся вертела, музыканты — свои инструменты, молодой увлекаетъ молодую; родственники ворчатъ, гости хохочутъ, слуги бранятся, всѣ бѣгутъ и насмѣхаются надъ Любушей, которая напрасно старается своими хорошенькими ручками собрать и удержать разсѣянныхъ малютокъ. Они, какъ муравьи, используютъ промѣжъ пальцевъ, убѣгаютъ и скрываются въ травѣ и во мху, которые представляютъ имъ убѣ-

живше во куке царскаго лѣсу. Ларчикъ пусть. Испуганная княжна Любуша ждетъ, что снова поведетъ подъ власть злыхъ духовъ, какъ-вдругъ.....

— Какъ-вдругъ, любезный Леонтій..... то есть, я хочу сказать могущественный князь Миланъ, любимецъ благодѣтельныхъ волшебницъ, подосылаетъ къ ней на помощь и однимъ ударомъ волшебнаго жезла заставляетъ поверенковъ, родственниковъ, молодыхъ и гостей, вертела и скринки воротиться въ ларчикъ.

— Вотъ видите! продолжалъ Леонтій: такъ помните же, княжна Любуша, что вы не довольно сильны, чтобы управлять міромъ вашихъ фантазій: вы съете ихъ чуждыми руками по безплодной почвѣ сущности, и тамъ они, будучи неуловимы и тоньше васъ, убѣгаютъ и измѣняютъ вамъ. Безъ меня они скроются какъ насекомыя, которыхъ нашъ глазъ напрасно преслѣдуетъ въ таинственныхъ убѣжищахъ подъ траву и цвѣтами, и тогда вы, въ этомъ пустынномъ и разочарованномъ краю, останетесь одни съ своимъ страхомъ и сожалѣніемъ. Не станетъ прохладной тѣни, не станетъ журчащихъ ручьевъ, не станетъ благоухающихъ цвѣтовъ, не станетъ вѣсень, класки и смѣху на зеленѣющемъ коврѣ. Ничего не останется кромѣ шуму вѣтра въ деревьяхъ и отдаленнаго реву стада и туслаго краснаго мѣсяца на небѣ. Но, благодаря мнѣ, вы никогда не будете напрасно призывать помощь: всѣ ваши сокровища воротились въ волшебный ларчикъ и мы можемъ продолжать путь въ увѣренности, что всегда, лишь только захотимъ, снова найдемъ царство сновидѣній.

— Ахъ, какая миленькая сказка! вскричала Птичица: я непременно запомню ее и буду рассказывать.

— Князь Миланъ, вы мой добрый геній! Я совершенно предаюсь вашему покровительству! вскричала леди Г***, схвативъ Леонтія подъ руку и увлекая его такъ же какъ Магдалину къ коляскѣ.

IV.

Заблудились.

— Я надѣюсь, что мы теперь поѣдемъ въ Сант'Анжелларіо? сказала аббатъ садясь подлѣ леди Г*** вслѣдѣ

жолыски, между-тѣмъ какъ Леонтій и Магдалина заняли переднюю скамью: я увѣренъ, что въ паствѣ моей есть надобность до меня. Вѣдь у меня пропасть дѣла.

— Извольте, поѣдемъ, отвѣчалъ Леонтій и отдалъ приказаніе жокею.

— Какъ! вы воротитесь тою же дорогою и увидимъ тѣ же мѣста? вскричала Сабина.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ Леонтій, указывая ей на аббата, который въ три оборота колесъ заснулъ глубокимъ сномъ: мы поѣдемъ, куда намъ вздумается. Направо! прибавилъ онъ обращаясь къ жокею: куда я приказалъ, ты знаешь.

Жокей повиновааяся; аббатъ захрапѣлъ.

— Вотъ, это прелестно! вскричала Сабина съ хохотомъ: мы похищаемъ стараго брюзгливаго аббата: это ново! Я предвижу наконецъ наслажденіе, которое можетъ доставить намъ его присутствіе. Какъ онъ удивится и заворочить, когда проснется въ двухъ миляхъ отсюда!

— Почтеннѣйшій аббатъ еще далеко не видалъ конца своихъ путевыхъ впечатлѣній, точно такъ же какъ и вы, миледи, отвѣчалъ Леонтій.

— Послушай же, душевѣйка, расскажи мнѣ свою исторію, сказала Сабина, взявъ Птичницу съ очаровательною ласкою за руки: не подслушивайте, Леонтій. Это женскія тайны.

— О, сивьоръ можетъ слушать, сколько ему угодно, отвѣчала Магдалина съ увѣренностью: мой грѣхъ не такъ великъ и моя тайна не такъ скрыта, чтобы мнѣ нельзя было говорить объ нихъ вслухъ. Если бы аббатъ не имѣлъ привычки безпрестанно прерывать рассказъ и ворчать, вмѣсто-того чтобы выслушать, онъ не былъ бы такъ сердитъ на меня или, по-крайней-мѣрѣ, растолковалъ бы мнѣ, за что сердится. У меня есть добрый другъ, сивьора. Вотъ я вся бѣда.

— Я вижу, что вѣдалась не за легкое дѣло, сказала Сабина Леонтію: какъ станешь разспрашивать такую простодушную дѣвушку?

— Отчего же? Что жъ тутъ затруднительнаго? возвра-

звѣтъ Леонтію: скажи мнѣ, Магдалина, твой другъ очень любить тебя?

— Столько же сколько я его.

— А ты не слишкомъ ли много любишь его? спросила Сабина.

— Слишкомъ много? вскричала Магдалина: вотъ страшный вопросъ! Я люблю столько, сколько могу. Я не знаю, слишкомъ ли это много или слишкомъ мало.

— Какихъ онъ лѣтъ? спросилъ Леонтію.

— Не знаю. Онъ мнѣ говорилъ, да я забыла. Ему... постойте! Онъ десятью годами старше меня. Мнѣ четырнадцать, слѣдовательно ему двадцать четыре.

— Въ такомъ случаѣ опасность велика. Ты слишкомъ молода, чтобы выйти замужъ, Магдалина.

— Чтò жъ? Недостаетъ году или двухъ. Этотъ недостатокъ скоро пополнится.

— Но твой другъ не петербургливъ?

— Нѣтъ; онъ и не говоритъ объ этомъ.

— Тѣмъ хуже. А ты? ты тоже спокойна?

— Поневоля будешь спокойна. Я не могу приказывать времени, чтобы пролетѣло, какъ приказываю птицамъ.

— И вы надѣетесь жениться?

— Не знаю; мы ничего не говорили объ этомъ.

— Такъ ты вовсе не думаешь?

— Нѣтъ, потому что я еще слишкомъ молода.

— А если онъ не женится на тебѣ? спросила леди Г...

— О, это невозможно! Онъ вѣдь любитъ меня.

— Давно? продолжала Сабина.

— Да вотъ уже съ недѣлю будетъ.

— Оймѣ! вскричалъ Леонтію: и ты уже до такой степени увѣрена въ немъ?

— Безъ сомнѣнія. Вѣдь онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня.

— И ты такъ же будешь вѣрить всѣмъ, которые станутъ говорить тебѣ о любви?

— Мнѣ еще никто кромѣ его не говорилъ о любви и я во всю жизнь буду вѣрить только ему одному, потому что я люблю его.

— А! почтеннѣйшій аббатъ! вскричала Сабина, бросивъ

торжествующій взглядъ на спящаго: вотъ, чего вы никогда не поймете! Вотъ любви!

— Правда, синьора, продолжала Птичница: онъ этого никогда не пойметъ. Онъ говоритъ, что никто не знаетъ моего друга и что это долженъ быть негодяй. Это очень просто: мой другъ иностранецъ. У него нѣтъ здѣсь ни друзей, ни родственниковъ, которые бы могли поручиться за него. Онъ проходилъ черезъ нашъ край и остановился у насъ, потому что я ему понравилась. Поэтому я только одна знаю его и одна могу сказать: онъ честный человекъ. Аббатъ хочетъ, чтобы онъ ушелъ, и грозитъ прогнать его жандармами. А я его скрываю. Это тоже очень просто.

— Гдѣ же ты его скрываешь?

— Въ моей хижинѣ.

— У тебя есть родственники?

— Есть братъ, который..... контрабандистъ.... Но, пожалуйста, не говорите этого никому, ни даже аббату.

— Стало-быть, твой братъ проводитъ ночи въ горахъ, а днемъ спитъ?

— Да, почти такъ. Но онъ очень хорошо знаетъ, что мой другъ спитъ на его постелѣ, покуда самага его нѣтъ дома.

— И онъ не сердится на это?

— Нѣтъ; у него доброе сердце.

— И нисколько не беспокоится?

— О чемъ же ему беспокоиться?

— Твой братъ очень любитъ тебя?

— О! онъ очень добръ до меня. Мы сироты съ давнихъ поръ. Братъ замѣнялъ мнѣ отца и мать.

— Мнѣ кажется, что мы можемъ быть спокойны, Леонтій? сказала леди Г***.

— Да, до-сихъ-поръ, отвѣчалъ онъ: но что потомъ будетъ?... Я опасаюсь, Магдалина, что твой другъ когда-нибудь, волей или неволей, уйдетъ отъ тебя.

— Если онъ уйдетъ, и я съ нимъ.

— А твои птицы?

— И они за мною послѣдуютъ. Я иногда дѣлаю съ ними по десяти миль.

— Они и теперь за тобою слѣдуютъ?

— Видите, какъ они перелетаютъ съ дерева на дерево. Они не подлетаютъ близко, потому что я не один и потому что эквиважъ пугаетъ ихъ. Но я вижу ихъ и они ищутъ меня, бѣдненькія!

— Снѣтъ не десять миль. Если твой другъ увозитъ тебя дальше нежели за сто, что тогда?

— Куда бы я ни пошла, я всегда найду птицъ.

— Но тебѣ будетъ жалъ тѣхъ, которыхъ ты воспитала.

— О! безъ-сомнѣнія. Между ними есть особенно двѣ или три такія ушныя, такія ушныя..... Но повѣрьте, что мои птицы повсюду послѣдуютъ за мною какъ я за своимъ другомъ. Они начинаютъ знакомиться съ нимъ и уже не отлетаютъ, когда онъ со мною.

— А что, онъ очень хорошъ, твой другъ? спросила Сабина.

— Я думаю..... Я не знаю.

— Такъ ты не смѣешь смотрѣть на него? спросила Леонтиѣ.

— О, вѣтъ, я смотрю на него, когда онъ спитъ, и, я думаю, онъ хорошъ какъ солнце.... для меня. Но для другихъ я не знаю.... я не могу судить.

— Когда онъ спитъ! Такъ ты входишь въ его комнату?

— Что жъ мудренаго, когда я сама въ ней сплю? Мы не богаты, синьоръ: у насъ всего одна комната. Тутъ мы, тутъ моя коза, тутъ и братнина лошадь.

— Первобытная жизнь!... Но такимъ образомъ ты все не спишь, потому что проводишь ночи любуясь на своего друга!

— О! я только съ четверть часа, не больше, полюбуюсь. Онъ ложится и засыпаетъ, покуда я молюсь стоя къ нему спиною, въ другомъ углу хижины. Правда, что потомъ я иногда забываюсь и смотрю дольше нежели бы слѣдовало. Но зато всякій разъ, когда я посмотрю на него, мнѣ кажется, что мнѣ лучше спится.

— Изъ чего однако жъ слѣдуетъ, что онъ спитъ больше нежели ты?

— Отчего же ему не спать? Хижина у насъ очень свѣтлѣ.

ни, хотя и не богата; постель ему я всегда сама стелю.

— Но онъ не просыпается, чтобы посмотрѣть, какъ ты спишь?

— Не знаю; не думаю: я бы услышала. У меня сонъ чуткій какъ у птицы.

— Стало-быть, онъ любить тебя меньше нежели ты его?

— Можетъ-быть, споконейно отвѣчала Птичница, подумавши: да оно такъ и должно быть, потому что я еще слишкомъ молода, чтобы сдѣлаться его женой.

— Но, ты увѣрена, что онъ столько любитъ, что женится на тебѣ?

— Онъ ничего не обѣщалъ мнѣ, но онъ каждый день говоритъ: «Магдалина, ты добра какъ ангель, и я желалъ бы никогда не разставаться съ тобою. Я несчастенъ, когда подумаю, что скоро, можетъ-быть, принужденъ буду уйти отсюда.» Я ему на это ничего не отвѣчаю, но я непременно намѣрена пойти туда же, куда онъ пойдетъ, для того чтобы онъ не былъ несчастливъ. Коли онъ находить, что я добра, и не желаетъ разставаться со мною, значить онъ хочетъ жениться на мнѣ.

— Подивимся, Леонтій, сказала Сабина по-англійски: и не станемъ смущать нашими сомнѣніями чистую душу этого ребенка. Можетъ-быть, что ея другъ покинетъ ее; можетъ-быть, что скорбь сокрушитъ ее; но и въ несчастіи ея я найду ея жизнь завидною. Я отдала бы всю прошедшую мою жизнь и всѣ тѣ годы, которые мнѣ еще остается прожить, за одинъ день этой безграничной, безотчетной любви, за это дивное ослѣпленіе, въ которомъ чудная жизнь проникаетъ все существо человѣка.

— Конечно, она живетъ въ восторгѣ, отвѣчалъ Леонтій. Посмотрите какъ она прекрасна, когда говоритъ о томъ, котораго любитъ! Какъ она прекрасна несмотря что природа несколько не дала ей изъ того, что дѣлаетъ васъ прекраснѣйшею изъ женщинъ! Посмотрите на нее, Сабина: она теперь гораздо прекраснѣе васъ. Неправда ли?

— У васъ есть способъ говорить грубости, который никакъ не можетъ оскорбить меня сегодня, хотя вы употребляете всевозможныя старанія. Между-тѣмъ, въ вашей дружбѣ, Леонтій, есть что-то жестокое. Я, кажется,

уже довольно несчастна, когда не могу испытать этой восторженной любви. Зачѣмъ же вы укоряете меня въ этомъ въ ту самую минуту, когда я сама измѣряю всю глубину своей нищеты? Если бы я хотѣла мстить я могла бы сказать вамъ, что вы точно такъ же бѣдны какъ я, такъ же неспособны слѣпо вѣрить и безотчетно любить; что, наконецъ, одни и тѣ же пропасти знанія и опыта отдѣляютъ обонхъ насъ отъ состоянія души этого ребенка.

— Этого вы не знаете и не можете знать! отвѣчалъ Леонтій съ силою, но такъ, что невозможно было растолковать выраженія голоса. Глаза его блуждали по окрестности.

— По какому гадкому мѣсту мы ѣдемъ, сказала леди Г... послѣ довольно продолжительнаго молчанія: эти обнаженные утесы, эти постоянно бурные потоки, это тѣсно обрамленное небо и душный зной.... все наводитъ тоску и пугаетъ.

— Потерпите немножко, отвѣчалъ Леонтій: мы скоро будемъ вознаграждены.

Въ самомъ дѣлѣ тѣсное, дикое ущелье вдругъ расширилось и прелестная долина, какъ заброшенный въ пустынѣ оазисъ, вдругъ предстала очарованнымъ глазамъ Сабина. Другія узкія и глубокія горныя тѣсинны также выходили на эту цвѣтущую котловину и посылали успокоенные, сглаженные свои потоки соединиться съ главной рѣчкой. Прозрачныя какъ хрусталь, зеленеватыя струи тихо обмывали прибрежные цвѣты; безмолвіе долины нарушалось только отдаленнымъ гудѣніемъ бубенчиковъ на коровахъ, которыя скрывались на склонѣ холма за богатою рощей; гранитныя ущелья отворяли свои свѣтлыя улицы съ серебристыми помостами изъ извилистыхъ потоковъ. Это было такое мѣсто, гдѣ все приглашаетъ къ наслажденію и къ покою и гдѣ между-тѣмъ воображеніе еще могло уноситься въ царство таинственной мечты.

— Вотъ восхитительный сюрпризъ! вскричала Сабина, выходя изъ коляски на мелкій береговой песокъ: это — чудесное убѣжище отъ полуденнаго зноя, который становится нестерпимымъ. Ахъ, Леонтій! оставимте экидажъ даѣсь и пройдемтесь пѣшкомъ. Вотъ ровная тропинка;

вотъ дерево вмѣсто мосту перекинута черезъ потокъ; тамъ цвѣты, а тамъ прелестная роща, которая сулитъ прохладную тѣнь и благоуханіе. Что мнѣ нравится здѣсь, такъ это—отсутствіе жилищъ и слѣдовъ рукъ человѣческихъ.

— Это оттого что вы здѣсь въ самой серединѣ горъ, отвѣчалъ Леонтій: здѣсь начинается область кочующихъ пастуховъ, которые живутъ подобно первобытнымъ народамъ; гоняютъ стада съ одного пастбища на другое; располагаются въ пустыняхъ, которыя принадлежать тому, кто ихъ откроетъ; обитаютъ въ шатрахъ, которые возятъ съ собою и раскидываютъ гдѣ попало. Вы можете видѣть нѣсколько такихъ шатровъ.... вонъ, тамъ, подъ облаками. Внизу ихъ не ставятъ, потому что, случись буря, потоки разольются и все унесутъ. Теперь часъ отдыха. Пастухи спятъ подъ своими зелеными кровлями. Вы тоже можете выбрать мѣсто, гдѣ повраится, и уснуть часа два, потому что надобно дать отдыхъ лошадямъ. Вотъ, здѣсь, въ этой рощицѣ, вамъ хорошо будетъ. Лейла сейчасъ повѣсятъ вамъ вашу койку.

— Мою койку? Какъ! вы и объ этомъ подумали?

— Вѣдь я долженъ думать обо всемъ.

Негритянка Лейла уже несла койку,—тонкую, крѣпкую пальмовую сѣть, украшенную бахромами, кистями и разноцвѣтными перьями. Магдалина, восхищенная этою индійскою работою, слѣдовала за негритянкою, закидывала ее вопросами о чудесныхъ птицахъ, съ которыхъ взяты блестящіе перья, и, по темнымъ описаніямъ, изложеннымъ ломаннымъ языкомъ Лейлы, старалась составить себѣ понятіе о понугахъ и колибри.

Про аббата совсѣмъ забыли. Онъ проснулся наконецъ и очень изумился, когда увидѣлъ что коляска стоитъ неподвижно и лошади отпряжены.

— *Согро ді Вассо!* вскричалъ онъ, протирая глаза: гдѣ же мы? Что это за глупая шутка?

— Увы! почтениѣйшій аббатъ, мы заблудились въ горахъ и сами не знаемъ, куда попали! отвѣчалъ жокей: мои лошади начали падать отъ усталости. Мы принуждены были остановиться здѣсь.

— Но не можетъ быть, чтобы мы были далеко отъ Сант'Аволиннаріо. Я только минутку вздремнулъ.

— Извините, почтеннѣйшій аббатъ, вы проспали по крайней-мѣрѣ часа четыре.

— Какъ часа четыре, когда солнце стоитъ прямо надъ голодой? Теперь не больше двѣнадцати часовъ.... Но мы, вѣроятно, скакали въ догонку съ вихремъ, потому что отъѣхали болѣе нежели на четыре мили отъ Зеленой-Скалы. Я знаю это мѣсто: вотъ Форкетское Ущелье, вотъ крестъ Сантъ-Базиліо. Въ двухъ шагахъ отсюда граница. Вотъ, по ту сторону этой горы, Италия.... *Согро ді Вассо!* если твои лошади теперь только начали отдыхать, такъ я до ночи не ворочусь домой! Но гдѣ же твои господа?

— Тамъ, на той сторонѣ. Развѣ вы не видите?

— Чтò это имъ вздумалось перебраться по такому бревну? Ни на чемъ не держится!... Я ни за чтò не пойду.... Если бы у меня по-крайней-мѣрѣ была съ собою удочка! Поудилъ бы форелей. Здѣшнія форели славятся.

И аббатъ принялся шарить въ карманъ, гдѣ, къ великому удовольствію своему, нашелъ волосяную лесу и нѣсколько крючковъ. Жокей помогъ ему вырѣзать жердь, накопалъ прикорму и потомъ съ коварною улыбкой предложилъ книгу для услажденія скуки ожиданія, покуда *кльонетъ*. Аббатъ, сколько изъ любопытства и желанія угадать склонности своихъ новыхъ пріятелей по любимому ихъ чтенію, столько и для собственнаго развлеченія, взялъ «Вильгельма Мейстера» и приютился между скалъ, на берегу потока. Онъ начиналъ читать исторію о башмачкахъ, когда удочка дрогнула въ первый разъ. Исторія не говорить, книгу ли аббатъ закрылъ или форель упустилъ.

Между-тѣмъ черная Лейла и бѣлокурая Птичница крѣпко прицѣпили койку къ вѣтвямъ развѣсистой лиственницы. Сабина граціозно расположилась на воздушномъ ложѣ. Широкіе шелковые рукава ея откинулись до локтей; кончикъ маленькой ножки, выглядывая изъ-подъ платья, висѣлъ между нѣжными бахромами и цвѣтистыми перьями.

Леонтій разостлалъ свой плащъ на травѣ, расположился

на шѣмъ, у ногъ прекрасной леди, и помощію шелкового свурка покачивая у себя надъ головою легкую войку. Лейла тоже отдыхала, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, а Магдалена ушла далѣе въ рощу, куда стая щебечущихъ птицъ сопровождала ее, какъ шумная блестящая свита сопровождаетъ торжественное шествіе царицы.

И такъ, Сабина и Леонтіи опять остались наединѣ. Наступило глубокое безмолвіе. Леонтіи устремлялъ на Сабину пронзительный взглядъ, въ которомъ не было ничего страстнаго, но который между-тѣмъ скоро встревожилъ ее.

— Отчего же вы мнѣ не отвѣчаете? спросила Сабина послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ завести мелочной разговоръ: вы вѣдь слышите, что я говорю, Леонтіи, потому что вы смотрите мнѣ въ глаза съ надобательнымъ уворствомъ.

— Я? возразилъ Леонтіи: я не въ ваши глаза смотрю. Я смотрю на неподвижныя звѣзды, которыя блестятъ, для того чтобы блестѣть, и нисколько не сообщаютъ своего огня и своей теплоты глазамъ смертныхъ. Я смотрю на вашу руку и на складки платья, которыя вѣтеръ перебираетъ.

— Да! рукава и драпировки! вотъ идеаль у васъ, художниковъ.

— Развѣ вамъ не нравится быть хорошею моделью?

— Лишь бы я была для васъ не больше этого, такъ я уже и довольна, отвѣчала Сабина съ надменностью, потому что глаза Леонтіа выражали уже не одно холодное созерцаніе скульптора.

Послѣ этого отвѣту глаза его однако жъ опять приняли равнодушный видъ.

— Вы были бы прекрасною Сивиллой, продолжалъ Леонтіи, притворившись, будто не разслышалъ.

— Нѣтъ, я не растрепанная, не пышущая натура.

— Сивиллы эпохи возрожденія важны и строги. Развѣ вы не видѣли Рафаэлевой Сивиллы? Это — величіе и важность древности, съ движеніемъ и мыслію новаго вѣка.

— Увы! я не видала Италіи. Мы такъ близко отъ нея, а по чудовищному капризу лорда Г*** я сгораю въ лихо-

радкѣ и не могу броситься въ этотъ блаженный край. Мужъ останавливаетъ меня на границѣ подь предлогомъ, будто для меня климатъ тамъ слишкомъ жаркій.

— Для васъ, напротивъ, вездѣ будетъ слишкомъ холодно. Вашъ мужъ знаетъ васъ меньше нежели кто-нибудь.

— Это въ порядкѣ вещей.

— Вы должны обожать вашего мужа: онъ неутомимый ласкатель вашего притязанія на неразгадаемую таинственность.

— А вы, вы имѣете притязаніе, совершенно противоположное притязанію моего мужа. Это вы сказали мнѣ, но не доказываете.

— А если докажу сейчасъ же? вскричалъ Леонтій вскочивъ и остановивъ койку такъ круто, что леди Г... вскрикнула отъ ужасу: если я вамъ скажу, что нечего разгадывать тамъ, гдѣ ничего нѣтъ? и что эта мраморная грудь скрываетъ мраморное сердце?

— О! вотъ ужасная рѣчь! вскричала она спустивъ ноги на землю, какъ-будто хотѣла бѣжать: я проклинаю васъ, Леонтій, зато что вы привезли меня сюда. Это коварно и жестоко! И какая утонченная жестокость! Похитили меня изъ моей грустной безпечности, окружили вѣчными попеченіями, провели въ прогулкѣ посреди красоты природы и поэзіи вашихъ мыслей, ласкали мое жалкое воображеніе, и все это для того, чтобы послѣ пятнадцатилѣтней ничѣмъ не возмущенной дружбы, сказать мнѣ, что вы ненавидите и не уважаете меня!

— На что вы жалуетесь, миледи? Вы женщина свѣтская и прежде всего требуете почтенія, котораго требуютъ всѣ добродѣтельныя свѣтскія женщины. Ну, что же! я объявляю, что вы непобѣдимы, я, который знаю васъ пятнадцать лѣтъ, и ваше самолюбіе всё-еще не удовлетворено!

— Быть добродѣтельною по безчувственности, добродѣтельною по отсутствію сердца..... странная похвала, странное дестванство! Есть чѣмъ гордиться!

— Конечно, продолжалъ Леонтій съ возрастающимъ раздраженіемъ: между-тѣмъ вы соединили огромную гордость съ огромнымъ тщеславіемъ. Вы хотите, чтобы всѣмъ какъ-нельзя лучше извѣстно было, что вы безпо-

рочны и что чистѣйшій кристаллъ грязенъ подлѣ вашей славы. Но этого вамъ еще не довольно. Вы еще хотите, чтобы люди думали, что у васъ нѣжное и пламенное сердце и что нѣтъ ничего могущественнѣе вашей любви, развѣ только ваша твердость. Если люди смиренны и скромны въ присутствіи вашей мудрости, вы безпокойны и недовольны. Вы хотите, чтобы мы мучились разгадывая тайну любви, которая будто бы заключается въ вашей груди. Вы хотите, чтобы мы увѣрили, что у васъ есть ключъ отъ эдема дивныхъ чувствъ и неисчерпаемой нѣжности, но что никто никогда не проникнетъ въ этотъ эдемъ. Вы хотите, чтобы люди желали, сожались, трепетали, страдали передъ вами! Признайтесь же, и вы откроете всю тайну вашей скуки, потому что нѣтъ роли болѣе утомительной и болѣе горькой чѣмъ та, для которой вы пожертвовали всѣми надеждами вашей молодости и всѣми выгодами вашей красоты!

— Я не стану унижаться до оправданій, отъвѣчала Сабина, блѣдная и похолодѣвшая отъ негодованія: но вы дали мнѣ право, въ мою очередь, судить васъ и сказать вамъ, кто вы. Портретъ, который вы нарисовали съ меня, вашъ портретъ: стѣбитъ только примѣнить его къ мужскимъ формамъ, и это я сейчасъ сдѣлаю.

— Говорите, мнелди. Мнѣ пріятно будетъ видѣть мой портретъ въ вашихъ глазахъ.

— Не будетъ пріятно: за это я вамъ ручаюсь, возразила Сабина раздражительно, однако жъ стараясь притвориться спокойною: мужчина и художникъ, умный и красивый, богатый и знатный, вы — существо привилегированное, и вы это знаете. Природа и общество дали вамъ много и вы сами съ жаромъ поддержали данное, потому что съ самаго дѣтства горѣли желаніемъ сдѣлаться чело-вѣкомъ совершеннымъ. Вы такъ хорошо развили ваши блестящія дарованія и такъ благородно управляли вашимъ инстинктомъ, что стали самымъ щедрымъ богачомъ и самымъ отличнымъ художникомъ. Если бы вы родились въ бѣдности и безвѣстности, вамъ труднѣе, но и почетнѣе было бы достигнуть славы. У васъ было бы больше страданій и больше огня, меньше знанія и больше гениально-

сти. Выбсто таланта пераго порядку, всегда правннмнго и чате холонднго, у васъ было бы вдохновенне ирреално, но пламенное....

— Ахъ, миледи, какъ набо у васъ изобрѣтательности вскрнчалъ Леонтнй: вы только цвѣтерете то, что я самъ сто разъ говорнлъ вамъ. Но въ то же время вы соглашаетесь со мною въ другомъ отношеннн, то есть, въ томъ, что «черный» можетъ стоять и красосходнть «блнго» во многнхъ отношенннхъ.

— Вы думаете, что доказываете великое сердце и великнй умъ говоря эти вещи? Это мода, и мода изъисканная, которую не многнмъ дается носить со вкусомъ. Вы въ этомъ никогда не дойдете до крайности, потому что въ душѣ вы столько же аристократъ, сколько я. Я ручаюсь, что вы не можете не шути влюбнться въ Пнтчнну, несмотря на ваши теорнн. Но дайте мнѣ кончнть мою параллель, и вы увидите, что вы не сумѣли сохранить передо мной ваше напыщенное мнкоимнто. Желдн возбуждать удивленне, вы не истратнли вашей молодостн и вы очень хорошо поняли, что нѣтъ идеала для умной женщнны, которая знаетъ мужчнну и обладаетъ ннъ всакнй часъ жнзни. Поэтому вы никогда не любнли и всегда дѣнствовали такимъ образомъ, чтобы поразнть воображенне нашего любовнтнаго пола, никогда не позволяя ему овладѣвать вашей волей. Вы производнли страстн, я знаю, но никогда самн не испытывали ихъ. Все отличне наше другъ отъ друга и то, почему моя гордостъ достоиннѣе вашей, заключается въ правахъ, присвоенныхъ вашему полу. Достнгая вашей нравственной цѣли вы не жертвовали грубыми удовольствнями. Ваши модели были модели избранннн, дѣвушкн въ превосходной степени прекрасннн и довольно молоды. Вы увѣряли себя, что любите этихъ чудныхъ дѣвъ чернн и, чтобы раздражнть самлюбне свѣтскихъ женщнн, старались утверждать, что физическая красота приводитъ съ собою красоту нравственную; что простота этихъ неопытныхъ душъ — первобытннй храмъ истннннн любви, что можетъ быть правда, но чему вы самн проповѣдуя никогда не вѣрнли, потому что, кажется, нн одна изъ этихъ слабейшихъ бе-

гнѣнь не приковала васъ къ себѣ вполне и надолго. Вы скульпторъ и видѣли въ нихъ только статую. А между женщинами вашей касты вы никогда чистосердечно не искали женщинъ съ умомъ. Съ ними-то именно вы и играли роль, которую приписываете мнѣ; передъ ними вы искусно щеголяли удивительною поэзіей и байроновскими страстями, не подпуская однако жъ ни кого къ вашему сердцу такъ близко, чтобы можно было ухватить червя тщеславія, который его точить.

Сабина кончила и Леонтій долго молчалъ. Онъ казался глубоко пораженнымъ и эта печаль, которая не защищалась подъ бичомъ строгой оцѣнки, ставила его въ эту минуту несравненно выше бичевавшей его мстительной женщины. Сабина примѣтила это и поняла достоинство мужскаго духа,—ту склонность или ту неодолимую подчиненность правдѣ, подчиненность, которую воспитаніе и обычай слишкомъ побѣдительно уничтожаютъ въ женщинѣ. Она раскаялась въ своей запальчивости, потому что видѣла, какъ Леонтій раскаявался въ своей и съ ужасомъ извѣдывалъ собственное свое сердце. Ей хотѣлось утѣшить его за зло, которое причинила; потомъ она устрашилась, не скрываетъ ли его дума какую-нибудь мысль глубокой ненависти или утонченнаго мщенія. Этотъ страхъ поразилъ Сабину въ сердце, потому что она, такъ же какъ и Леонтій, была лучше своего портрета и источникъ привязанности еще не изсякали въ ней. Она напрасно старалась удержать слезы: Леонтій услышалъ рыданіе.

— О чемъ вы плачете, Сабина? спросилъ онъ, ставъ на колѣни у ногъ красавицы и взявъ ее за руки.

— О нашей погибшей дружбѣ, отвѣчала она, склонивъ голову и уронивъ нѣсколько слезинокъ на прекрасные его волосы: мы смертельно уязвили одинъ другаго, Леонтій. Мы уже не любимъ другъ друга. Но какъ это уже сдѣлано и какъ намъ нечего опасаться, что любовь помрачитъ наше прошедшее, то дайте же мнѣ плакать объ этомъ прошедшемъ, которое было такъ чисто и такъ прекрасно! Дайте мнѣ сказать вамъ, чего вы, конечно, не понимали, когда могли съ веселымъ духомъ начать эту убійственную борьбу. Я любила васъ нѣжною и исти-

ною дружбой; я опиралась на ваше сердце какъ на сердце брата; я надѣялась находить у васъ покровительство и со-вѣтъ въ продолженіи всей моей жизни. Ваши недостатки ка-зались мнѣ ничтожными, ваши достоинства великими. Те-перь простите, Леонтій. Везите меня къ мужу. Вы правду сказали, что я испытаю сегодня неожиданныя впечатлѣ-нія, страшныя, такія, что я никогда не забуду ихъ. Я не предвидѣла, что они будутъ такія горькія, и не понимаю, за что вы дали мнѣ ихъ. Однако жъ, въ минуту, когда я чувствую, что они разорвали все между нами, я чувствую также, что скорбь превосходитъ гнѣвъ, и не хочу, чтобы послѣднимъ прощаніемъ нашимъ было проклятiе.

Сабина легонько коснулась Леонтіева лба. Этотъ цѣл-мудренный и грустный, первый ея поцѣлуй снова свя-залъ узы, которыя она уже считала разорванными.

— Нѣтъ, моя милая Сабина! вскричалъ Леонтій, осыпая ея руки страстными поцѣлуями: это не прощаніе! Между нами ничто не разорвано. Вы мнѣ дороже чѣмъ когда-ли-будь и я съумѣю снова приобрѣсть, чего едва не лишился сегодня. Я употребляю всѣ старанія и вы будете тронуты, даже если станете сопротивляться. Успокойтесь же, бла-городный другъ мой. Ваши слезы падаютъ на мое сердце и обновляютъ его какъ благодѣтельная роса полумертвое растеніе. Въ томъ, что мы другъ другу сказали, есть прав-да, много правды. Но все это истины относительныя, а не дѣйствительныя. Поймите хорошенько это различіе. Мы оба художники и не можемъ живо заниматься пред-метомъ, безъ того чтобы лѣгкая, пластика, — если хоте-те, — не увлекала насъ отъ слѣдствія къ слѣдствію и до удивительнаго цѣлаго. Но это цѣлое — призракъ: я убѣ-жденъ въ этомъ за васъ и за себя. У насъ есть недостат-ки, въ которыхъ мы упрекали другъ друга. Но это до-полненія нашихъ характеровъ и случайности жизни. Изучая съ жаромъ, мы *вдохновились* до того что преобразо-вали ихъ въ существенныя пороки нашей природы, въ безстыдныя привычки нашего поведенія. Между-тѣмъ ни-чего этого нѣтъ, потому что вотъ мы, сердце къ сердцу, плачемъ при мысли о разлукѣ, которая, мы чувствуемъ, невозможна!

— Да, вы правы, Леонтій, сказала леди Г***, осушивъ слезу и положивъ кончики пальцевъ ему на глаза, можетъ-быть изъ простодушной нѣжности, а можетъ-быть и для того чтобы убѣдиться, что блестящая въ нихъ влага была подлинная слеза: мы упражнялись въ искусствѣ, неправда ли? продолжала она: и намъ теперь остается только рѣшить, который изъ насъ былъ ловчѣе, то есть, который лучше лгалъ.

— Это я! потому что я началъ, и я требую награды.

— Какой же?

— Ваше прощеніе и долгій поцѣлуй на этотъ прекрасный локоть, на который я всегда смотрѣлъ съ ужасомъ.

— Вотъ, вы уже опять художникъ, Леонтій!

— Что же? почему жъ не быть?

— Не нужно поцѣлуевъ, Леонтій! Будетъ лучше этого. Мы проведемъ остатокъ дня вмѣстѣ и вы опять примете свою роль доктора, съ тѣмъ однако же, чтобы лечить меня не такими сильными приемами.

— Хорошо, мы употребимъ гомеопатію, сказалъ Леонтій, аллопатически цѣлуи локоть и руку, которую Сабина машинально предоставила ему, но потомъ вдругъ отдернула, когда ей показалось, что негрятянка шевелится: ложитесь опять въ вашу койку и усните въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Леонтій: я тихонько покачаю. Эти слезы утомили васъ и жаръ душитъ. Намъ надо подождать, пока солнце начнетъ садиться.

Странность и подвижность чувствованій Леонтія безпокоили Сабину. Во взглядѣ его было такое выраженіе, какого она прежде никогда не находила, и по неровной качкѣ койки она легко примѣчала, что снурокъ движется дрожащею рукой. Поэтому она обрадовалась возвращенію Магдалины, которая надосадивъ негрятянкѣ щекотаніемъ буминкою по губамъ и вѣкамъ, пришла любоваться на койку и смѣнить Леонтія въ должности, противъ его воли.

— Она слишкомъ вольничаетъ: вы уже избаловали ее, сказалъ Леонтій Сабинѣ по-англійски: я прогоню эту докучную птицу.

— О, вѣтъ, нѣтъ! отвѣчала леди Г*** съ виднымъ волненіемъ: пусть она качаетъ меня. Ея движенія гораздо

плавиле вашихъ. Притомъ же, у васъ слишкомъ много ума: мнѣ не уснуть при васъ. Вольности этого ребенка забавляютъ меня. Услуга на колѣняхъ мнѣ уже надобна.

Сабина уснула и притворилась спящею. Леонтій ушелъ, раздосадованный больше чѣмъ когда-либо.

V.

Фактъ.

Леонтій вышелъ изъ роши и бродилъ нѣсколько времени безъ цѣли. Скоро онъ примѣтилъ аббата, который удили рыбу, и жюкея, который составлялъ ему компанію, между-тѣмъ какъ лошади не въ дальнемъ разстояніи вольно паслись на роскошномъ лугу. Будучи увѣренъ, что найдеть ихъ, когда захочетъ, Леонтій скрылся въ дикое ущелье и пошелъ скорыми шагами, чтобы успокоить возбужденную и взволнованную душу.

Досада его скоро разсѣялась при видѣ красоть природы. Онъ обошелъ нѣсколько утесовъ и очутился передъ крошечнымъ озеромъ прозрачной воды, какъ-будто нарочно налитой въ гранитный чашъ. Эта глубокая вода, блестящая какъ небо, которое отражалось въ ней съ своею лазурью и золотистыми облаками, представляла образъ счастья въ покоѣ. Леонтій сѣлъ на берегу, на ступени природной гѣстницы, которая какъ-будто сама легла тутъ, приглашая путешественника спуститься къ краю спокойныхъ водъ. Онъ долго смотрѣлъ на насѣкомыхъ, одѣтыхъ въ ахонты и бирюзу, и на свѣжія, сочныя водныя растенія; потомъ увидѣлъ, какъ по зеркалу озера проскользнула вереница дикихъ голубей, которая пронеслась надъ облаками и какъ сонъ исчезла съ быстротою мысли. Леонтій сказалъ себѣ, что радости жизни проходить такъ же быстро, такъ же неуловимо, и что они — тѣни, подобно этому мимолетному отраженію. Потомъ онъ осмѣялъ себя, зато что вздумалъ сочинять нѣмецкія метафоры; потомъ позавидовалъ спокойствію души аббата, который въ этомъ предлестномъ озерѣ, конечно, увидѣлъ бы ни больше ни меньше какъ прекрасный садокъ форелей.

Надъ нимъ послышался легкій шумъ. На мгновеніе онъ

подумалъ, что Сабина идетъ, но трепеть сердца скорее прекратился, когда онъ разсмотрѣлъ лицо, которое спускалось по ступенямъ утесистой лѣстницы.

Это былъ дюжій дѣтина, менѣе вежели бѣдно одѣтый. На концы палки, за плечомъ, у него висѣлъ маленькій узелочикъ, связанный въ синій клѣтччатый платокъ. Рубище; длинные волосы, растрепанные по бѣдному, выразительному лицу; густая, черная какъ смола борода; вольная походка и отгвѣнокъ насмѣшки, которая отличаетъ взглядъ бродяги при встрѣчѣ одинъ на одинъ съ богатомъ, — все придавало незнакому видъ отборнаго неголая.

Леонтій сообразилъ, что находится въ мѣстѣ очень пустынномъ и что господствъ нѣкто имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды положенія: онъ стоялъ выше, а тропинка была очень узка. Не долго бы пришлось оспоривать ее в озеро приняло бы побѣжденнаго въ свои безмолвныя, таинственныя объятія.

Это обзорнѣе впрочемъ не очень смутило Леонтія. Онъ принялъ равнодушный видъ и поджидалъ незнакомца съ философскимъ спокойствіемъ. Между-тѣмъ онъ съ легкимъ нетерпѣніемъ могъ пересчитать шаги, которые отдавались на скалы, куда бродяга не остановился на послѣдней ступени, подлѣ него.

— Извините, сударь, если я небезвномю васъ, сказалъ тогда незнакомецъ звучнымъ голосомъ но съ выпыщеннымъ учтивствомъ: но если бы ваша милость едѣлали бы такую деликатность и благоволили бы немножко подвинуться, я нашлся бы водицы.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Леонтій и далъ ему пройти, ставъ одною ступеней выше.

Незнакомецъ спялъ проломленную соломенную шляпу, всталъ на краю утеса на колѣни, жадно окунулъ въ воду дикую бороду и половину лица и принялся хлебать какъ лошада. Леонтію припала сильная охота насвистывать, какъ дѣлають на водоѣѣ съ пугливыми и нетерпѣливыми животными, о которыхъ онъ вспомнилъ.

Но онъ удержался отъ этой шутки и повзвидовалъ чудесному спокойствію, съ какимъ нищій лежалъ у его ногъ, опутивъ голову въ воду, въ такомъ мѣстѣ, которое бы

могло быть гибельно одному изъ двухъ, въ случаѣ несогласія.

Напившись, бродяга выпрямился и сѣлъ на пятки.

— Теплая вода! сказалъ онъ: промывая поры она должна освѣжить лучше нежели выходя въ горло. Какъ вы думаете, сударь?

— Вы хотите купаться, здѣсь? отвѣчалъ Леонтій, не совсемъ увѣренный, что это не угроза.

— Да, я думаю, не худо будетъ, продолжалъ незнакомецъ и спокойно началъ раздѣваться, на что не много требовалось времени, потому что на немъ почти не было ни одной цѣльной пуговицы.

— Умѣете ли вы плавать, по-крайней-мѣрѣ? спросилъ Леонтій: тутъ, кажется, глубоко. На нашей сторонѣ берегъ опускается совершенно отвѣсно. Не опасно ли?

— Не безпокойтесь, сударь, я профессоръ плаванія, отвѣчалъ незнакомецъ сбрасывая послѣднюю свою оболочку, и скакнулъ въ воду съ самонадѣянностью морской птицы.

Леонтій съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ профессоръ плаванія нырялъ и опять выплывалъ, въ одинъ мигъ разсѣкалъ всю поверхность маленькаго озера, то ложился на спину, то становился прямо, какъ-будто доставалъ дно, брызгалъ, вспѣнивалъ около себя воду, шалилъ и все это съ удивительнымъ искусствомъ и ловкостью.

Скоро однако жъ пловецъ воротился къ утесистой лѣстницѣ и, какъ берегъ въ этомъ мѣстѣ въ самомъ дѣлѣ былъ очень крутъ, просилъ Леонтія помочь вылѣзть. Леонтій охотно подалъ ему руку, однако жъ остерегся, чтобы не податься въ случаѣ обмана. Потомъ, видя сидящаго на камнѣ, нагрѣтомъ солнцемъ, онъ не могъ налюбоваться на крѣпость и красоту тѣла, котораго бѣлизна рѣзко отличалась отъ загорѣлаго цвѣту лица и рукъ.

— Вода холоднѣе нежели я думалъ, сказалъ пловецъ: только на самой поверхности нагрѣта. Удовольствіе будетъ тогда только, когда во второй разъ брошусь. Между тѣмъ не худо немножко помыть голову.

Онъ вынулъ изъ узелка большую раковину, которая служила ему чашкой, и началъ поливать себѣ на голову;

старательно мылъ и теръ богатую, черную бороду и густые волосы, которые, вися длинными мокрыми космами, придавали ему видъ дикаго рѣчнаго дива. Солнце, падая отвѣсно ему на затылокъ, начало беспокоить его. Онъ нарвалъ пукъ водныхъ растений и сдѣлалъ себѣ шапку или, лучше сказать, вѣнокъ изъ свѣжей зелени и цвѣтовъ. По случаю или по природному вкусу пловца, этотъ головной уборъ пришелся такъ художественно, что совершенно дополнялъ мысль о греческомъ Нептунѣ, котораго онъ напоминалъ.

Онъ вторично бросился въ воду, вышелъ на другой берегъ, отлогій и богатый зеленью, нарвалъ вѣсколько прекрасныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ и прибавилъ къ своему вѣнку; потомъ, какъ-будто угадывая художественное удивленіе, которое возбуждалъ у зрителя, нарвалъ еще листьявъ и травы, сдѣлалъ себѣ родъ пояса и тогда, свободный, гордый и прекрасный какъ первый человекъ, величественно разлегся на мелкомъ прибрежномъ пескѣ, чтобы повѣжиться на солнцѣ или помечтать. Дикіе, мрачные утесы, яркая зелень, серебристый песокъ и зеркало озера съ отраженіемъ всего этого составляли удивительно принаровленную раму.

Леонтій, пораженный чудесною картиною, развернулъ альбомъ и пытался сдѣлать очеркъ съ этого страннаго существа, которое со своими образцовыми обнаженными формами и живописнымъ нарядомъ представляло прекраснѣйшій типъ, какой когда-либо удавалось художнику созерцать въ природѣ. Потoki свѣту, перемежаемые темными тѣнями утесовъ; отраженія отъ воды, придававшія влажному тѣлу тиціановскій колоритъ, — все соединилось, чтобы доставить Леонтію самое полное художественное наслажденіе и возбудить самое живое поэтическое чувство, какія онъ когда-либо испытывалъ.

Вдругъ онъ захлопнулъ альбомъ и бросилъ.

— Не хочу, сказалъ онъ себѣ, не хочу пытаться изобразить сцену, на которую Рафаэль и Веронезе, Джорджоне, Рубенсъ и Пуссенъ сами стали бы только дивоваться! Да, только великіе мастера достойны воспроизвести эту карти-

ну. Не хочу копировать. Съ меня довольно видѣть это, почувствовать и глубоко врѣзать въ памяти.

Бродяга, казалось, угадалъ мысль зрителя.

— Антично! неправда ли синьоръ? закричалъ онъ Леонтію по-италіянски: хотите теперь микель-анжеловскаго? Извольте.

И онъ принялъ положеніе болѣе принужденное, странное, но всё-еще прекрасное.

— А вотъ Рафаэль, продолжалъ онъ, опять перемѣнилъ позу: это и граціознѣе и натуральнѣе. Но, что ни говорите, мускуль всё-еще немножко играетъ свою роль.... и у Джуліо-Романо тоже. Однако жъ этимъ не должно пренебрегать.

Показавъ позу во вкусъ Джуліо-Романо, онъ снова принялъ первое свое положеніе и прибавилъ:

— Это всего лучше: это Фидій. Сколько ни ищи, лучше этого не найдешь.

— Такъ вы занимаетесь ремесломъ натурщика? спросилъ Леонтій, немножко разочарованный насчетъ того, что ему сначала казалось въ этомъ человѣкѣ природный и непредвидѣнный.

— Да, я занимаюсь этимъ ремесломъ и еще многими другими, отвѣчалъ пловецъ и, переплывъ, всталъ на небольшую скалу, которая образовала островокъ: если бы у меня былъ здѣсь старый кувшинъ, я представилъ бы вамъ группу въ версальскомъ вкусѣ, хотя я никогда не бывалъ въ Версали. Но у насъ, въ Неаполѣ, много вещей въ этомъ вкусѣ. А если бы у меня былъ бубень, я показалъ бы вамъ нѣскольکو неапольскихъ фигуръ, у которыхъ въ одномъ мизинцѣ больше прелести и ума нежели у всего вашего великаго вѣка въ его глыбахъ мрамору и бронзы. Но коли мнѣ уже нечѣмъ усладить ваши глаза, такъ потѣшу по крайней-мѣрѣ слухъ. Если вы Аполлонъ, не обойдитесь со мною какъ съ Марсіасомъ. Впрочемъ, будь вы даже великій маэстро, а должны будете согласиться, что голосъ хорошъ. Я чувствую, что эта холодная вода и сильныя движенія расширили мнѣ легкія. Смерть хочется нѣтъ.

— Пой, товарищъ, отвѣчалъ Леонтій: если голосокъ таковъ же какъ носокъ, то судъ мой не страшнѣе.

Тогда Итальянецъ, на гармоническомъ языкѣ своемъ, провѣлъ три стрѣфы, которыя мы предлагаемъ здѣсь въ вольномъ переводѣ. Онъ положилъ ихъ на одинъ изъ тѣхъ южно-итальянскихъ напѣвовъ, о которыхъ неизвѣстно, откуда они, — составляютъ ли мастерскія произведенія забытаго генія или мимолетное вдохновеніе народной музы. Онъ пѣлъ:

«Плышите, господа, въ разноцвѣтныхъ гондолахъ; спѣшите ударами весель, гребцы.... Напрасно! Я васъ обгоню: у меня руки гибче струи и пѣны бѣлѣй. Подъ рубищемъ я, можетъ-быть, послѣдній на землѣ, но вольный и нагой я — повелитель водъ.

«Скользите по водамъ морскія птицы; рѣжьте коралловыми ножками прозрачную волну. Съ моею грудью, твердою какъ грудь у корабля, съ руками, упругими какъ ваши блещущія шейки, я съ вами доплыву до гнѣздъ изъ раковинъ и тины. Подъ рубищемъ я устрашаю васъ, но вольный и нагой я — повелитель водъ и равный между вами».

Голосъ у пѣвца былъ превосходный. А въ свободѣ дикціи, въ простотѣ движеній, въ могуществѣ восторженнаго чувства ни какой знаменитый артистъ не превзошелъ бы его. Леонтій вообразилъ себя перенесеннымъ на заливъ Салернскій или Тарентскій, подъ небо вдохновенія и поэзіи.

— Ей Богу, вскричалъ онъ, ты великій поэтъ и великій пѣвецъ, благородный молодой человекъ! Я не знаю, какъ благодарить тебя за наслажденіе, которое ты доставилъ мнѣ. Что это за чудесная пѣснь? Чьи это слова?

— Напѣвъ происходитъ отъ какого-нибудь Олимпійца, который заблудился, можетъ-быть, между апеннинскими вершинами и ввѣрилъ свою пѣснь эху, а то прошептало на ухо рыбакамъ и пастухамъ. Слова — мои, синьоръ, потому что я, съ вашего позволенія, импровизаторъ, когда мнѣ вздумается. Нашъ пѣвучій языкъ доступенъ всякому: лишь бы была мысль, такъ выраженія намъ, дѣтямъ солнца, искать не долго.

— Повтори мнѣ эти слова: я хочу записать.

— Если я повторю, выйдетъ иначе. Эти пѣсни вылета-

ютъ у меня какъ пламя изъ-подъ тагана. Я могу возобновлять ихъ, но не повторять. Можетъ-быть вы находите, что въ этой пѣснѣ у меня есть хвастливыя выраженія, но вѣдь это привиллегія поэта: отнимите у него сіяніе, отнимете геній.

— Ты имѣешь право хвалиться, потому что ты не обыкновенный человѣкъ, отвѣчалъ Леонтій: ты восхитилъ меня. Поди сюда, Расскажи мнѣ свое горе: я хочу прекратить его.

VI.

Смѣлыми Боги владеютъ.

Незнакомецъ вышелъ на берегъ.

— Увы! сказалъ онъ: вы видѣли древняго Фавна во всей его силѣ, сына природы во всей его поэзіи. Теперь вы увидите нищаго во всей его гадкой, оборванной сбруѣ, потому я долженъ же носить эту прискорбную либреду, пока она не отвалится или пока я не найду средства замѣнить ее чѣмъ-нибудь по-лучше. Вы удивляетесь? Я очень хорошо примѣтилъ въ вашихъ глазахъ, когда, давеча, подошелъ къ вамъ, что видъ мой внушаетъ вамъ отвращеніе. Вы нашли меня гадкимъ, страшнымъ, можетъ-быть. Но когда я сбросилъ это нищенское рубище, когда эта свѣтлая вода избавила меня отъ грязи, когда вы увидѣли меня обмытаго и очищеннаго отъ дорожной пыли, тогда это тѣло, которое не-разъ служило моделью первымъ скульпторамъ моей родины; это лицо, которое не унижено развратомъ и у котораго утомленіе и лишенія еще не отняли молодости и красоты; это чувство прекраснаго, которое отражается на челѣ и въ привычкахъ всякаго умнаго человѣка,—все это поразило васъ и вы хотѣли прибрать меня къ мѣсту въ вашихъ художественныхъ впечатлѣніяхъ. Но вы не успѣли въ этомъ, я увѣренъ. Произведенія искусства ничего не значатъ, какъ-скоро они ничего не могутъ прибавить къ произведенію природы. Если вы живописецъ, вы будете иногда находить меня въ вашихъ воспоминаніяхъ, когда васъ посѣтитъ вдохновеніе. Сегодня вы не воспроизведете меня.... Тѣмъ болѣе, прибавилъ

онъ съ горькою улыбкой: тѣмъ болѣе, что піеса съиграна и моя красота должна исчезнуть подъ вывѣскою убожества.

Этотъ человѣкъ говорилъ удивительно изящно и съ выраженіемъ необыкновеннаго благородства. Лицо его, на время озаренное лучомъ энтузіасма и потомъ опять подернутое дымкою печали, было такъ прекрасно, что Леонтіи никогда не видывалъ ни болѣе изящныхъ очертаній, ни болѣе живаго и пронцающаго выраженія.

— Сеньоръ, возразилъ онъ съ невольнымъ почтеніемъ: вы, конечно, выше жалкаго состоянія, въ которомъ въ первый разъ явились мнѣ. Вы какой-нибудь художникъ, въ несчастіи. Позвольте мнѣ помочь вамъ и отблагодарить такимъ образомъ за повѣстическое наслажденіе, которое вы мнѣ доставили.

Незнакомецъ, по-видимому, не слышалъ словъ Леонтіи. Онъ, наклонившись къ землѣ, съ явнымъ отвращеніемъ развертывалъ гадкія тряпки, которыми принужденъ былъ закрыть свою наготу.

— Вотъ пытка, которую испытать я не желаю вамъ! сказалъ онъ выпрямившись и уронивъ лохмотья: Италіанецъ любить наряды; художникъ любитъ довольство, роскошь, благоуханіе, чистоту, всю эту изящную вѣгу, которая обновляетъ душу и тѣло послѣ мужественныхъ и здоровыхъ упражненій. Никто не пойметъ, чего мнѣ стѣбитъ показаться людямъ, особенно женщинамъ, въ этой грязной блузѣ, въ этихъ оборванныхъ панталонахъ!

— О, я понимаю и жалю васъ! вскричалъ Леонтіи: но я сегодня же, сейчасъ могу прекратить ваше страданіе. Теперь довольно тепло: вы можете посидѣть на солнцѣ и подождать меня съ четверть часа. Я принесу вамъ платья, въ которомъ вы можете безъ стыда показаться. Подождите.

И прежде нежели Италіанецъ успѣлъ отвѣчать, Леонтіи побѣжалъ и скрылся въ ущельѣ. Онъ пошелъ прямо къ своей колескѣ, взялъ легкій чемоданъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился. Италіанецъ опять сдѣлалъ въ водѣ и связывалъ пучокъ прекрасныхъ водяныхъ цвѣтовъ,

которыя съ простосердечнымъ торжествомъ и ласковою любезностью поднесъ новому знакомцу.

— Я ничего другаго не могу дать вамъ въ замѣнъ того, что вы мнѣ предлагаете, сказалъ онъ: у меня ничего нѣтъ. Но, благодаря моему искусству и моей отважности, я овладѣваю самыми рѣдкими сокровищами природы, самыми прекрасными цвѣтами, самыми дорогими образчиками минераловъ, кристалловъ, окаменѣлостей, и горныхъ растений. Всего этого я могу добыть вамъ, если вы хотите, чтобы я провожалъ васъ на прогулкѣ. Если у васъ есть ружье, я могу застрѣлить орла и дикую козу и положить къ ногамъ вашей любезной, потому что я не только первѣйшій пловецъ и водолазь, но и искуснѣйшій изъ стрѣлковъ, какнхъ вы видывали.

Несмотря на это итальянское самохвальство, Леонтию нравилась живость молодого человѣка. Его лицо, озаренное радостью и признательностью, было необыкновенно привлекательно. Въ десять минутъ нищій-бродяга преобразился въ изящнѣйшаго щеголя въ дорожномъ костюмѣ. Въ чемоданѣ у Леонтія нашлось довольно средствъ для составленія утренняго наряда на выборъ, по вкусу. Тутъ былъ довольно большой запасъ легкихъ щегольскихъ жилетовъ, свѣжихъ цвѣтныхъ галстуковъ, лѣтнихъ брюкъ, лакированныхъ сапоговъ, тонкаго бѣлья и два-три сюртука. Италіанецъ безъ церемоніи выбиралъ, что лучше шло къ лицу. Онъ былъ почти одинаковаго сложенія съ Леонтиемъ, такъ, что все пришлось впору. Онъ не забылъ и перчатокъ, которыхъ благоуханіе впадалъ съ наслажденіемъ. Увидѣвъ себя такимъ образомъ обновленнаго съ головы до ногъ, Италіанецъ бросился въ объятія къ новому другу и увѣрялъ, что обязанъ ему величайшею радостью въ своей жизни. Потомъ онъ кончикомъ ноги столкнулъ въ воду отвратительныя лохмотья такъ же какъ и узелокъ, изъ котораго напередъ, къ великому изумленію Леонтія, вынулъ довольно тяжелую золотую цѣпочку, женскій портретъ, осыпанный брилліантами, и два батистовыхъ платка.

— Вы удивляетесь, что нищій могъ сохранить такіе предметы роскоши? сказалъ онъ укладывая свою золотую

кѣпочку на бѣломъ жилетѣ: это—все, что осталось у меня отъ минувшаго блеску, и я продалъ бы эти вещи только въ самомъ крайнемъ случаѣ. *Che volete, signor mio? Razia!*

— Такъ вы были богаты? спросилъ Леонтій удивленный также и ловкостью, съ какою Италіинецъ держался въ новомъ костюмѣ.

— Я былъ сто разъ богать на недѣлю. Вы хотите знать мою исторію. Я вамъ расскажу.

— Хорошо, расскажите дорѣгой. Пойдемте, мы вдвоемъ отвесемъ этотъ чемоданъ въ коляску.

— Вы въ путешествіи, синьоръ?

— Нѣтъ, на прогулкѣ, на нѣскольکو дней, можетъ-быть. Хотите проводить меня?

— О, съ удовольствіемъ! Тѣмъ болѣе, что я могу быть вамъ не только пріятель, но и полезенъ. Я обладаю многими маленькими талантами и уже вдоль и поперекъ знаю эти горы, по которымъ брожу съ недѣлю. Я нигдѣ не могу оставаться долго. Моя голова безпрестанно увлекаетъ ноги, чтобы отомстить сердцу, которое каждую минуту увлекаетъ ее самое. Но чтобы дать вамъ понятіе о моемъ способѣ путешествіанія или, что все-равно, о моемъ образѣ жизни, я долженъ раскрыться передъ вами совершенно.

«Я не знаю ни мѣста моего рожденія, ни отца, ни матери. Жена одного рыбака нашла меня однажды, утромъ, въ Кампанья-ди-Рома, на берегу Тибра, и нарекла именемъ Твериано, иначе *Tiberinus*. Мнѣ было около двухъ лѣтъ. Я не умѣлъ сказать, откуда пришелъ и кто мои родители. Добрая женщина пріютила меня, несмотря на свою бѣдность. У нея не было дѣтей и она надѣялась, что я поддержу ее старость, когда буду въ состояніи работать. Къ несчастію, я родился безъ трудолюбія, но зато съ истинно княжескою лѣнностью, что всегда поддерживало у меня мысль, что въ жилахъ моихъ течетъ знатная кровь, хотя я по уму принадлежу къ черни. Въроятно, одинъ изъ двухъ виновниковъ моихъ дней былъ изъ той породы горемычныхъ, которымъ суждено самимъ обывать себя все нужное и ненужное. И я вамъ скажу,

что за эту сторону моего проблематическаго происхожденія я наименѣе красивю. Покуда былъ ребенкомъ, я любилъ рыбную ловлю, но болѣе какъ искусство нежели какъ промыселъ. Да! я уже чувствовалъ, что рожденъ для умственныхъ изобрѣтеній. Жадный до сильныхъ и опасныхъ упражненій, я не находилъ въ себѣ ни какого расположенія къ стяжанію. Я терялъ деньги или отдавалъ первому, кто попроситъ въ займы. Товарищамъ я ни въ чемъ не могъ отказать: я имъ помогалъ сбывать товаръ по-выгоднѣе, вмѣсто-того чтобы заботиться о своемъ. Однимъ словомъ, я приводилъ мою бѣдную воспитательницу въ отчаяніе мѣнимъ безкорыстіемъ и щедростію, которыя она называла, глупостію и нерадѣніемъ.

По-мѣрѣ-того какъ я прибрѣталъ силы, старуха терзала свои, такъ, что однажды, будучи уже не въ силахъ кололѣть меня и, стало-быть, лишившись единственной своей отрады со мною, она вышвырнула меня за дверь съ проклятіемъ и двумя карлинами, на дорогу.

Мнѣ было десять лѣтъ. Я былъ хорошъ какъ Кундонъ. Одинъ уважаемый живописецъ примѣтилъ меня на улицѣ, взялъ къ себѣ за натурщика, написалъ съ меня нѣсколько фигуръ и черезъ малое время отпустилъ съ двадцатію червонцами въ карманѣ и съ совѣтомъ одѣться по-чище, если я хочу лѣвиться къ людямъ, чтобы добыть пропитаніе. Я уже тогда чувствовалъ расположеніе къ роскоши, однако жъ понималъ, что еще не пришла пора. Я побѣждалъ къ своей старой воспитательницѣ и отдалъ ей всѣ прибрѣтенныя деньги. За это она, расчувствовавшись, хотѣла опять удержать меня у себя; но я объявилъ, что мнѣ полюбилась независимость и что я впередъ желаю быть вольнымъ избирателемъ своего ремесла.

Ремесло скоро нашлось, и не одно, а сто, но я ни къ одному не привязывался исключительно. У меня была страсть къ независимости и необузданное любопытство до всего, что мнѣ казалось благороднымъ и прекраснымъ. Голосъ мой былъ уже хорошъ; лицо и умъ рекомендовались сами собой. Увѣренный, что очарую всѣ глаза и уши, я ни о чемъ не заботился и думалъ только о воспитаніи природныхъ дарованій. Я былъ то натурщикомъ, то гробцомъ, то жо-

жесемъ, то хористомъ и фигурантомъ, то уличнымъ пѣвцомъ, то продавцомъ раковинъ, то мальчикомъ въ кофейнѣ, то чичероне..... Ахъ, снѣгоръ! это послѣднее ремесло выѣстъ съ ремесломъ натурщика больше всѣхъ другихъ принесло мнѣ пользы, если не въ карманъ, такъ по крайней-мѣрѣ въ голову. Бесѣда съ художниками и ежедневное изученіе мастерскихъ произведеній искусства до того развили мои понятія, что скоро я почувствовалъ себя выше многихъ скульпторовъ и живописцевъ, которые пытались копировать мой торсъ; выше многихъ путешественниковъ всѣхъ націй, которымъ я показывалъ чудеса Рима. Примѣчая невѣжество однихъ и ограниченность другихъ, я болѣе и болѣе стремился къ тому, чтобы стать выше. Чтенія я не любилъ. Ученье изъ книгъ — работа слишкомъ холодная и продолжительная для живости моего ума. Поэтому я старался какъ-можно больше сближаться съ людьми истинно знающими, подслушивалъ ихъ разговоры и почти всегда жертвовалъ денежными выгодами для возможности научиться чему-нибудь. Перехода по всѣмъ родамъ службъ и ремеслъ, я имѣлъ случай наблюдать людей во всѣхъ классахъ и знаю человѣческое сердце какъ свои пять пальцевъ. Будучи смѣтливъ и проницателенъ, отваженъ и скромнень, умѣя убѣждать и пренебрегая обманомъ, я вездѣ имѣлъ друзей, но не покровителей. Принять чье-нибудь покровительство, значить, поставить себя въ зависимость, а я этого не желалъ. Обладая безпримѣрнымъ даромъ подражанія и зная, что всегда могу позабавить, тронуть, изумить или увлечь, кого захочу, я ни на одинъ часъ въ жизни не отчаявался въ средствахъ къ существованію.

По-мѣрѣ-того какъ я мужалъ, эти средства не только не уменьшались, но увеличивались. Настала пора нравиться женщинамъ. Я нравился и умѣренно предавался торжествамъ побѣдъ. Я во всѣхъ наслажденіяхъ жизни былъ умѣренъ, просто изъ уваженія къ себѣ и по желанію сохранить свое могущество и право на гордость. Я хотѣлъ жить сердцемъ и жилъ. Мнѣ часто измѣняли, но никогда меня не обманывали. У меня было много связей и я умѣлъ развязывать ихъ безъ досады и безъ горечи. Вотъ, напри-

мѣрь, это у меня портретъ одной дамы, которая до такой степени терзала меня своей ревностью, что я принужденъ былъ разстаться съ нею. Но я берегу ея портретъ и никому не показываю. Я не продаю этихъ брилліантовъ, хотя уже цѣлую недѣлю питаюсь чернымъ хлѣбомъ и козьимъ молокомъ.

— Но что причиною теперешней вашей бѣдности? спросилъ Леонтій?

— Съ одной стороны любовь къ путешествію, съ другой — любовь, просто любовь, *signor mio!* Я исходилъ и изѣздилъ всю Италію; пользовался удобствами, когда могъ; подчинялся самымъ философскимъ лишеніямъ, когда въ карманѣ было пусто; иногда я даже съ нѣкоторымъ наслажденіемъ оставался въ этомъ состояніи обмеленія, въ которомъ лучше чувствовалъ цѣну даровъ судьбы, и съ гордостью ждалъ, когда жажда до того разгорится, что расшевелитъ восхитительную лѣнь. Часто я просто не хотѣлъ помогать своему горю: чувствуя, что художественное вдохновеніе еще не достигло своего апогея, я соглашался скорѣе терпѣть нужду чѣмъ дурно декламировать или плохо пѣть. Вотъ, я вамъ скажу, великое наслажденіе!... обуздывать свой геній уваженіемъ, которое питаешь къ нему! Иногда любовь одолевала. Я сыпалъ свое золото къ ногамъ своего идола, а потомъ, — тоже бывало иногда, — былъ счастливъ выше всякаго выраженія, когда видѣлъ, что любовь не оставляетъ меня въ нищетѣ, что меня любятъ несмотря на то что мнѣ уже нечего расточать. О, да! тогда я долго ждалъ прежде нежели пріймусь, бывало, за новую попытку встать на колесо фортуны, потому что я не знаю наслажденія выше того, какое доставляетъ зрѣлище безкорыстнаго, благороднаго сердца.

— Теверино, ваша рѣчь увлекаетъ меня, сказалъ Леонтій: если вы не хвастаете, такъ вы одно изъ благороднѣйшихъ сердецъ при самомъ оригинальномъ характерѣ, какихъ мнѣ когда-либо случалось встрѣчать. Когда вы начали вашу исторію, я вспомнилъ заглавіе одной статьи у Рабелэ, котораго вы, конечно, знаете....

— *О томъ какъ Пантакруэль встрѣтился съ Панурюмомъ?* спросилъ Италіянецъ смѣясь.

— Именно. А теперь, я думаю, я могу окончить фразу: *котораго любилъ во всю жизнь.*

— Мнѣ часто приводили эту статью, потому что всѣ, кто меня любилъ, находили меня у себя подъ ногами. Но я скоро возвышался до уровня ихъ сердець и часто выше головы нѣкоторыхъ. Но вообще я—Панургъ лучшей породы нежели тотъ, что у Рабелё: у меня нѣтъ ни его низости, ни его безстыдства, ни его прозорливости, ни его хвастовства, ни его эгоизму. У меня съ нимъ общаго только остроуміе, плутовство,—если хотите,—и случайности счастья. Если вы возьмете меня съ собою на нѣсколько дней, вы увидите, что раздѣляя ваше довольство, я ни на минуту не употреблю его во зло. Когда съ меня будетъ довольно.... и я, вѣроятно, соскучусь въ вашемъ обществѣ скорѣе нежели вы въ моемъ.... вы увидите, что будете жалѣть обо мнѣ и что вы будете обязаны мнѣ благодарностью.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ Леонтій смѣясь: хотя я и нахожу въ васъ такое сходство съ Панургомъ, въ которомъ вы не сознаётесь, то есть, хвастовство.

— Нѣтъ, *signo* *miu*, хвастунъ тотъ, кто обѣщаетъ и не сдерживаетъ. Не обижайтесь, когда я говорю, что мнѣ наша короткость прискучить скорѣе нежели вамъ. Не вы будете тому причиною, потому что я вижу въ васъ образованный умъ и возвышенную душу; но внѣшнія обстоятельства, люди, которые на минуту привлекаютъ меня и потомъ отталкиваютъ; принужденіе къ какому-нибудь обычаю, которому я въ состояніи подчиниться не болѣе какъ на нѣсколько часовъ; какое-нибудь лицо, которое очаруетъ васъ, и не понравится мнѣ; наконецъ капризь, чрезвычайная подвижность моего характера; который безпрестанно толкаетъ меня навстрѣчу къ новымъ предметамъ,—не то, такъ другое разлучить насъ. Но вамъ никогда не будетъ стыдно знакомства со мною; ния Тверино никогда не возбудитъ у васъ непріятнаго воспоминанія, клянусь вамъ.

— Я чувствую, что вы не обманываете меня, хотя ваше непостоянство пугаетъ, возразилъ Леонтій: но нечего дѣлать.... Такъ вы согласны прожить двадцать четыре

часа со мною и можете преобразиться въ свѣтскаго человека въ нравственномъ отношеніи, какъ уже преобразились въ матеріальномъ?

— Нѣтъ ничего легче. У меня будутъ такія же изящныя манеры, такое же ловкое обращеніе какъ у васъ самихъ, потому что въ этотъ часъ, покуда я съ вами, я уже подмѣтилъ васъ. Ктому жъ, развѣ я не жигъ въ обществѣ знатныхъ, когда ихъ привлекали мои таланты? Повѣрьте, что если бы я захотѣлъ принять какой-нибудь однообразный видъ и родъ жизни, отказаться отъ сильныхъ ощущеній, такъ же какъ отъ права разоряться въ одинъ день и убѣгать отъ маркизы, чтобы погнаться за Цыганкой, однимъ словомъ, если бы я хотѣлъ остепениться, какъ говорятъ, подчиниться условіямъ, отдаться подъ пытку честолюбія и тщеславія, сносить капризы покровителей и бороться съ сонскателями, чтобы упрочить свое состояніе и репутацію, повѣрьте, я достигъ бы этого: нѣтъ ничего легче. Но самая эта легкость и отталкиваетъ меня. Труда почти ни какого, а плодъ не стоитъ того, чтобы для него пожертвовать независимостью, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Положитесь же на мое чувство приличія. На двадцать четыре часа я вашъ.

— Въ такомъ случаѣ вы будете представлены одной прекрасной дамѣ, какъ мой пріятель, котораго я встрѣтилъ въ горахъ, заставъ на ботанической или философской прогулкѣ. Эту роль вы должны играть, покуда я самъ не избавлю васъ.

— На такое условіе я не могу согласиться: я совершенно зависѣлъ бы отъ васъ, а это заморозитъ мои дарованія. Я сказалъ, на двадцать четыре часа я вашъ. Но обязательство должно быть взаимное. Далѣе назначеннаго срока я въ своей роли не пойду безъ вашего согласія, но и вы должны дать мнѣ честное слово, что не снимете съ меня маски раньше двухъ часовъ завтра пополудни, потому что теперь, я по солнцу вижу, должно быть около этого. Съ моей стороны, я уполномочиваю васъ, — въ случаѣ, если я измѣню себѣ, раньше срока, — тотчасъ же раздѣть меня до нага и посадить въ озеро, гдѣ нашла.

— Такъ рѣшено, на честномъ словѣ, сказалъ Леонтій.

Обойдя рошу съ другой стороны, Леонтій и Тверино непримѣченные подошли къ экипажу и уложили чемоданъ на мѣсто. Потомъ Леонтій велѣлъ Италіянцу обождать, а самъ пошелъ впередъ, высмотрѣть, въ какомъ положеніи спутники. Скоро ему на встрѣчу приближала Магдалина, запыхавшаяся, съ койкою въ рукахъ.

— Сивьора ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ, вскричала дѣвушка: она послала меня искать васъ, сивьоръ, и велѣла сказать, что она значительно скучаетъ. Вотъ! смотрите, вотъ, она уже перебирается черезъ рѣчку!.... Я это положу въ коляску.

Леонтій побѣждалъ подать руку Сабинѣ, не безпокоясь о томъ, что Птичница встрѣтитъ Тверино, котораго, въ качествѣ бродяги, могла даже и прежде видѣть въ горахъ. Едва Леонтій успѣлъ предупредить Сабину о пріятель, котораго намѣренъ былъ представить ей, какъ Тверино тоже явился въ сопровожденіи Магдалины. Птичница смотрѣла на Италіянца съ любопытствомъ и, казалось, видѣла его въ первый разъ.

(Часть вторая и послѣдняя въ слѣдующей книжкѣ.)

ИСТОРИЯ АЛАНСОНОВСКИХЪ КРУЖЕКЪ. Двадцатаго августа 1665, на паперти церкви Свѣтъ-Сѣрень, въ Бордо, толпилось множество народу. Церковь была полна. Хоронили богатаго покойника, господина де-Моріака, который будучи дворяниномъ, но младшимъ въ родѣ, самъ составилъ себѣ состояніе въ торговлѣ. Когда обрядъ отпѣванія кончился, толпа потянулась за гробомъ на кладбище. Церковь опустѣла. Въ ней остались только двѣ женщины. Одна, вся въ черномъ, молодая, прекрасная, но блѣдная какъ смерть, стояла на колѣняхъ, у алтаря. Когда гробъ понесли, она, проливая горячія слезы, проводила его глазами и опять продолжала молитву сироты, у которой осталось только одно прибижище, на небесахъ. Это была Алиса д'Алансонъ, племянница и, какъ говорили, единственная наслѣдница покойнаго. Позади ея стояла пожилая деревенская женщина, въ живописномъ гасконскомъ нарядѣ, котораго яркая пестрота странно противорѣчила печальному лицу. Но полу-дружескому обращенію старухи съ сиротою видно

было, что она давнишняя служанка въ домѣ покойнаго и, слѣдовательно, пользовалась нѣкоторыми правами вѣдѣности. Она убѣждала плачущую идти домой и, не получивъ никакого отвѣту, наконецъ почти насильно водвала ее и повела подъ руку.

У воротъ небольшого, деревяннаго, но красиваго дому, подлѣ сѣрыхъ аркадъ галіенскаго дворца, ихъ встрѣтилъ мальчикъ, который на кухнѣ, подъ начальствомъ старухи Билатонны, управлялъ вертеломъ. Онъ былъ очень встревоженъ и изумленъ новостью, которую спѣшилъ сообщить.

— Ахъ! мамизель, мамизель! что это такое у насъ? вскричалъ онъ, всплеснувъ руками: ахъ, Господи! что это такое?

— Ну, что же случилось? говори, Кадивъ, сердито возразила Билатонна.

— Да полно же домъ народу разнате.... и старые и молодые, и мужчины и женщины... и все, говорятъ, Моріаки!... Вотъ сколько Моріаковъ нашлось вмѣсто одного, котораго не стало! Ахъ, Господи, Господи! вѣтъ, если бы баринъ воротился теперь!.... Онъ всё говорилъ, что у него всей родни на свѣтѣ одна мамизель Алиса.... какъ бы онъ удивился теперь! Цѣлая толпа!

— Чего же они хотятъ? спросила Алиса.

— Чего они хотятъ? Да всего, кажется.... все хотятъ забрать. Одинъ говоритъ, я это возьму; другой говоритъ, я это возьму; третій говоритъ, мнѣ это очень нравится....

Алиса пошла въ комнаты.

— Мадмозель Алиса, кажется? вскричали въ одинъ голосъ гости, окруживъ племяннику господина де-Моріака.

Алиса холодно поклонилась, потомъ, блѣдная, почти упала на стулъ, ее пугала нахальная толпа. Потомъ, мало-помалу, она начала различать присутствующих; сперва худощаваго, тонкаго, длиннаго старика, при шлагѣ и со шляпою съ перомъ подъ мышкой. Черты лица его нѣсколько нѣкоторое сходство съ чертами покойнаго, но въ выраженіи отражались дерзость и тщеславное самохвальство, которые леденили сердце дѣвушки. Около старика стояло человекъ семь или восемь молодыхъ людей, съ болѣе или менѣе важными и ловкими осанками и ничего незначащими

лицами. У камина, на бержерѣ, сидѣла небольшого роста, сухая, черная женщина, которая аристократически помахивая опахаломъ, съ невыразимою дерзостью оглядывала блѣдную Алису.

— Мадмоазель, сказалъ наконецъ длинный, худощавый старикъ, слегка кивнувъ головой: я — маркизь де-Моріакъ, братъ покойнаго.

— А я его сестра, виконтесса де-Савиньякъ, сказала дама съ опахаломъ.

— А мы его племянники, сказали хоромъ молодые люди. Алиса не отвѣчала.

— Я хозяинъ въ этомъ домѣ, продолжалъ маркизь.

— А я хозяйка, прибавила виконтесса.

— И на нашу долю тоже кое-что причтется, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей: мы съ братомъ представляемъ лицо нашей матери, сестры покойнаго.

— А мои братья и я, прибавилъ другой, мы явились отъ лица его брата.

— Право первородства.... заговорилъ-было маркизь, но голосъ его тотчасъ покрыли.

— Право первородства здѣсь ничего не значитъ! вскричали сестра и племянники: мы здѣсь наследуемъ не отъ отца, а отъ брата и дяди. Послать за полиціей и опечатать имущество, а потомъ увидимъ, что кому придется.

— Опечатать имущество? вскричала Алиса съ ужасомъ: имущество моего дяди!

— А почему жъ нѣтъ, голубушка? спросилъ маркизь съ дерзкою улыбкою.

— Да, почему.... я васъ хочу спросить, почему и кто имѣетъ право распоряжаться здѣсь такимъ образомъ?

— Кто имѣетъ право? Я! отвѣчалъ маркизь.

— Я! я! я! подхватили сестра и племянники.

— Но кто же вы и по какому праву?....

Маркизь нагло и надменно посмотрѣлъ на дѣвушку и пожалъ плечами.

— Это очень странно, голубушка, что ты спрашиваешь объ нашихъ правахъ, которыя очевидны и несомнѣнны, тогда какъ намъ приличнѣе спросить, почему и по какому праву ты пожаловала теперь въ этотъ домъ? Ты, можетъ-

быть, жила у моего брата, пока онъ былъ живъ, но теперь тебѣ здѣсь дѣлать нечего. Богъ знаетъ, кто ты такова.....

— Я? вскричала Алиса съ негодованіемъ, въ которомъ почерпнула новыя силы: я племянница и приемная дочь господина де-Мориака.

— А! племянница! то есть, двоюродная племянница.

— Дочь Аделаиды, которая во Фландріи вышла за какого-то д'Алансона, котораго мать содержала какую-то ма-стерскую! съ презрѣніемъ прибавила виконтесса.

— Въ такомъ случаѣ, ты, душенька, въ качествѣ дальней родственницы, конечно, тоже могла бы наследовать Веньямину де-Мориаку, если бы у него не было другихъ наследниковъ, продолжалъ маркизъ: но мы, слава Богу, еще живы.

— Но скажи, пожалуйста, продолжала виконтесса, принявъ тотъ же оскорбительный тонъ: неужели ты въ самомъ дѣлѣ не знаешь насъ.

— Не имѣю чести знать, сударыня, отвѣчала Алиса не скрывая своего отвращенія.

— Виконтесса де-Савиньякъ! съ важностью произнесла дама, ударяя на каждомъ слогѣ.

— Никогда не имѣла удовольствія слышать такое имя.

— Неужели? Неужели Веньяминъ никогда не говорилъ о своей младшей сестрѣ?

— Нѣтъ.

— Ни о старшемъ братѣ? спросилъ въ свою очередь маркизъ.

— Ни о племянникахъ, сыновьяхъ своей сестры, баронессы де-Субиранъ?

— Ни о дѣтяхъ своего брата, графа де-Мориака?

Алиса взглядывала на говорящихъ по очереди съ такимъ выраженіемъ, которое ясно показывало, что она въ первый разъ слышитъ эти имена.

— Это странно! это удивительно! вскричали наследники хоромъ.

— Правда, продолжалъ маркизъ: Веньяминъ унизился, опозорилъ себя, пустившись въ торговлю. За это никто изъ фамиліи де-Мориакъ не хотѣлъ видѣть его: никто не

принималъ его, не только не ходилъ къ нему. Всѣ отступились отъ торговца и промышленника.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Алиса, взглянуть на маркиза съ холоднымъ презрѣніемъ: что же тутъ удивительнаго, что онъ, отвергнутый всѣми вами, въ свою очередь отступился отъ васъ? Удивительно, зачѣмъ вы пришли.

— Мы? Мы, разумѣется, пришли за его имѣніемъ! отвѣчалъ маркизъ.

— За имѣніемъ, которое онъ нажилъ торговлей, для котораго онъ унижалъ честь вашей фамиліи? спросила Алиса съ притворнымъ удивленіемъ и ударяя на каждомъ словѣ: такъ ли я поняла, такъ ли я разслышала, господинъ маркизъ де-Моріакъ?

— Смотри, пожалуй! дѣвка-то не такъ глупа, какою кажется! вскричалъ со смѣхомъ маркизъ, стараясь скрыть непріятное впечатлѣніе: впрочемъ, здѣсь дѣло идетъ не о томъ, какимъ образомъ нажито имѣніе. Наше дѣло получить наследство. Скажите намъ, мадамозель Алиса.... если вы знаете.... сдѣлалъ мой братъ какое-нибудь завѣщаніе.

— А вотъ, спросите, отвѣчала Алиса указывая на новое лицо, которое вошло въ то время въ залу.

Это былъ человѣкъ лѣтъ поды шестьдесятъ, спокойный, важный, съ выраженіемъ законника, исполняющаго печальную обязанность. Онъ вовсе не удивился, что нашелъ такое большое собраніе въ домѣ покойника, и подошелъ прямо къ мадамозель д'Алансонъ, поклонился ей очень почтительно, потомъ отдалъ общій поклонъ всему собранію и вынулъ изъ кармана бумагу.

— Не угодно ли вамъ, мадамозель, и вамъ господа, выслушать завѣщаніе моего бѣднаго друга, Венъямина де-Моріака?

— Позвольте спросить, перебилъ маркизъ: на какомъ основаніи вы хранитель этого завѣщанія?

— Я нотаріусъ, отвѣчалъ старикъ съ поклономъ: имя мое — Кастера.

— Хорошо, мы слушаемъ, сказалъ маркизъ и сѣлъ.

Молодые люди тоже усѣлись. Нотаріусъ Кастера распечаталъ конвертъ и, вынувъ нѣсколько исписанныхъ листовъ, показалъ ихъ по-очередно всѣмъ присутствовавшимъ.

— Узнаете вы почеркъ Венълинина де-Морика?

Каждый холодно кивалъ головой. Алиса зашамала. Кастера старался ободрить ее взглядомъ и продолжалъ:

— Это завѣщаніе собственноручное: оно написано и подписано самимъ завѣщателемъ.

Онъ сталъ читать:

«Вотъ моя послѣдняя воля и желаніе. Я младшій сынъ знатной и богатой фамиліи и, слѣдовательно, въ качествѣ младшаго, былъ осужденъ на нищету и безбрачную жизнь. По смерти отца, мой братъ, маркизъ, наследовалъ все имѣніе, титулъ и преимущества; второй братъ, графъ, вступилъ въ военную службу, женился на богатой наследницѣ, которую, будучи убитъ, оставилъ во вдовствѣ съ нѣсколькими дѣтьми. Сестры мои также вышли замужъ за богатыхъ людей. А когда я, по выходѣ изъ училища, вступилъ въ свѣтъ, старшій братъ мой назначилъ мнѣ тысячу двѣсти ливровъ годоваго жалованья изъ своихъ доходовъ. Другой братъ и сестры сказали мнѣ, что у насъ «на столѣ готовъ для меня приборъ, какъ-скоро я вдуванъ спрійти къ нимъ обѣдать....»

— Извините, господинъ нотаріусъ, перебилъ маркизъ съ нетерпѣніемъ: это, кажется, не завѣщаніе, а биографія.

Видѣсто отвѣту нотаріусъ показалъ ему оборотъ конверта, на которомъ было написано: «Прочестъ по смерти моей, въ присутствіи моихъ родныхъ», и продолжалъ читать.

«Такъ прошло три мѣсяца, втеченіи которыхъ я получилъ свое годовое содержаніе, взятое впередъ. Тогда, будучи безъ гроша, я просилъ помощи у всѣхъ братьевъ и сестеръ. Мнѣ, правда, не отказали, однако жъ просили не вѣвторыть и совѣтовали избрать состояніе, приличное младшему въ родѣ, то есть, или въ военную службу или въ духовное званіе. Я не чувствовалъ расположенія ни къ одному, ни къ другому, и потому не захотѣлъ быть ни дурнымъ солдатомъ ни дурнымъ проповѣдникомъ. Я просилъ старшаго брата выдать капиталъ, съ котораго назначить мнѣ доходъ, съ тѣмъ чтобы я могъ заняться торговлей и суже никогда не беспокоить родныхъ. Маркизъ прислалъ мнѣ требуемыя деньги и приказалъ сказать, чтобы я, с-

«ли сдѣлаюсь купцомъ, никогда уже не думалъ входить въ «домъ ни къ кому изъ родныхъ.

«Мы всѣ сдержали другъ другу слово.

«Мнѣ, признаюсь, было больно. Но время, которое истреплетъ все, загладило и эту скорбь. Я сталъ вспоминать о родныхъ уже только такъ, какъ вспомнишь объ умершихъ, которыхъ любилъ и которыхъ уже никогда не сможешь встрѣтить.

«Такъ прошло сорокъ лѣтъ. Богъ благословилъ мой трудъ и далъ мнѣ состояніе. Онъ далъ мнѣ еще болѣе. «Моя кузина, на которой я прежде, по бѣдности, не могъ жениться, вышла во Фландріи замужъ, за нѣкотораго сд'Алансона, и, умирая во вдовствѣ, и бѣдности, завѣщала мнѣ единственную свою дочь Алису, ангела доброты и терпѣнія, Алису, которая познакомила меня со всѣми отеческими наслажденіями и радостями....»

— Что, вы и біографію мадамъ-азель Алисы заставите насъ выслушать? перебилъ маркизъ притворно вѣвая.

Кастера бросилъ на него строгій взглядъ и, возвысивъ голосъ, продолжалъ:

«И которой Алисѣ, дочери моей кузины, Антоанетты «Пшонъ и мужа ея, Петра д'Алансона, я, Веньяминъ де-«Моріакъ, завѣщаю и оставляю все мое благопріобрѣтенное имущество, движимое и недвижимое, все, что имѣю по часть моей смерти и что впредь могу имѣть, а также и деньги, которыя хранятся въ конторѣ друга моего, «нотариуса Генриха Кастеры, и которыя составляютъ триста тысячъ ливровъ. А брату моему Франциску, маркизу «де-Моріаку, оставляю только какъ знакъ памяти, тысячу «ливровъ, одновременно, и каждой сестрѣ по триста ливровъ, также одновременно.

«Душеприказчикомъ моимъ я назначаю моего друга, «нотариуса Генриха Кастеру, которому поручаю храненіе «этого завѣщанія и котораго прошу, въ знакъ памяти, «приснять мой загородный домъ съ принадлежностями, что «въ Бассенскомъ приходѣ. Алисѣ поручаю не забыть моихъ слугъ.

«Составлено по полной и совершенной волѣ моей, въ

«здравомъ состояніи тѣла и духа; написано и подписано моею рукой.

«Бордѣ, 1 февраля, 1662 года. Негоціантъ *Венъяминъ аде-Моріакъ.*»

Послѣдовало молчаніе, глубокое, грозное, подобное тому, какое предшествуетъ страшной бурѣ. Всѣ родственники переглядывались съ смущеніемъ, со стыдомъ, и потомъ обращались къ богатой наслѣдницѣ, которая плакала не занимаясь ни своимъ богатствомъ, ни окружающими и не примѣчала взглядовъ, сверкающихъ безсильною яростью и жаждою невозможнаго мщенія. Но скоро общій гнѣвъ взорвало какъ бомбу. Всѣ обиженные хоромъ закричали:

— Это ужасно! это неслыханно! это невѣроятно!

Измученная и испуганная Алиса невольно придвинула свой стулъ къ нотариусу.

— Что же это такое? Боже мой, что такое? спросила она у друга своего дяди.

— Что такое? заревѣлъ маркизъ, покрывая всѣ голоса: то, что я вижу здѣсь мерзкую западню, преступное похищеніе! Но, къ счастью, судъ недалеко, сударыня! Судъ заставитъ васъ возвратитъ все, что вы низкимъ образомъ похитили!

— Похитили! похищеніе! судъ! повторила Алиса не понимая ни этихъ словъ, ни гнѣву, который сверкалъ во всѣхъ устремленныхъ на нее глазахъ и который, однако жъ, пугалъ ее.

— Да! похищеніе, похищеніе! кричали прочіе.

Кастера съ гнѣвомъ всталъ.

— Господа! это слишкомъ.... вспомните, что вы говорите!....

— Да, похищеніе! я повторяю, похищеніе! кричалъ маркизъ громче и громче: кто здѣсь прямые наслѣдники? Мы. Единственная дальняя наслѣдница — мадамозель д'Алансонъ! и она получаетъ все наслѣдство! она одна!.... Полноте, полноте! Или братъ мой былъ не въ своемъ умѣ и тогда духовная недѣйствительна, или его склонили низкими хитростями и тогда она еще менѣе значить.

Алиса оторопѣла и не будучи въ состояніи говорить,

устремил на нотариуса вопросительный взгляд. Тот понял ее и, съ нѣжною, печальною осторожностью, съ которою предсказываютъ больному смерть, отвѣчалъ:

— Другъ мой, васъ обвиняютъ въ томъ, что ниже и чернѣ всего на свѣтѣ; что хуже грабежа вооруженною рукою, потому что въ такомъ грабежѣ иногда еще заключается отчаяніе нищеты и голоду и отвага на каторгу и казнь, тогда какъ въ томъ поступкѣ, который вамъ приписываютъ нѣтъ ни какой отваги, ни какой личной опасности. Васъ обвиняютъ въ томъ, будто вы въ мирномъ убѣжищѣ, у домашняго очага, подъ кровомъ отеческой любви плели самую низкую интригу; будто вы употребили во зло ваше положеніе, ваши дѣтскія угожденія старику, который заступалъ вамъ мѣсто родителя; будто вы заставили его въ мнуну слабости и увлеченія признательностью сдѣлать несправедливое завѣщаніе въ вашу пользу.

— Да, да! хорошо, хорошо! такъ, такъ! кричали родственники ободряя нотариусово объясненіе голосомъ и движеніями, между-тѣмъ какъ Алиса постепенно выпрямлялась, осушала слезы и гордо поднимала голову.

— Я!.... я!.... я употребила во зло мое положеніе?... Несправедливое завѣщаніе въ мою пользу? спросила она: но развѣ второй отецъ мой не имѣлъ права завѣщать мнѣ свое имѣніе?

— Конечно, онъ имѣлъ полное право, отвѣчалъ нотариусъ: онъ имѣлъ полное право ничего не удѣлать изъ своего благопріобрѣтеннаго имѣнія родственникамъ, которые отреклись отъ него, которые не только не входили къ нему въ домъ, но даже запретили являться къ нимъ на глаза. Онъ имѣлъ полное право все отдать вамъ, существу, которое составляло отраду его старости, которое пожертвовало для него своими дѣтскими играми и дѣвичьими удовольствіями.

— Разсчетъ былъ не дуренъ! замѣтила вконтесса де-Савиньякъ, обмахиваясь опахаломъ.

Сердце Алисы сжалось отъ этого разбойничьяго удара, но она не отвѣчала: она только устремила долгій, глубокий, пронизательный взглядъ на злобную обидчицу, та-

кой взглядъ, что опытная, пожилая свѣтская женщина смутилась. Алиса быстро обратилась къ нотаріусу.

— Вѣдь безъ этого завѣщанія я получу мою долю наравнѣ со всѣми? спросила она.

— Какая простенькая! вскричалъ одинъ изъ племянниковъ: и какъ къ ней идетъ эта простота! Она равняется съ нами..... прошу покорно! Мы — братья, сестры, и дѣти братьевъ и сестеръ, а она просто двоюродная или троюродная племянница, которая не имѣетъ ровно никакихъ правъ.

— Правда это, что они говорятъ? продолжала Алиса все обращаясь только къ нотаріусу.

— Правда, что безъ этого завѣщанія вы не имѣете ни какихъ правъ. Но завѣщаніе тутъ и это завѣщаніе ясно и справедливо.

— Справедливо или нѣтъ, это мы еще увидимъ! возразилъ маркизъ: а между-тѣмъ, въ качествѣ брата покойнаго, то есть, въ качествѣ прямаго наслѣдника я прикажу опечатать все имѣніе и буду искать суда на мадмозель д'Алансонъ.

— Искать суда! на меня? спросила Алиса съ выраженіемъ сожалѣнія и презрѣнія: чего же вы требуете, господинъ маркизъ?

— Уничтоженія этого завѣщанія и защиты нашихъ правъ, сухо отвѣчалъ маркизъ.

— Вашихъ правъ? повторила Алиса съ горькою улыбкой: вашихъ правъ? Вы имѣете или, лучше сказать, вы получите только такія права на это наслѣдство, какія мнѣ угодно будетъ дать вамъ. Что же касается до уничтоженія этого завѣщанія..... Дайте сюда, любезный другъ, прибавила она обращаясь къ нотаріусу, взяла у него бумаги и пошла къ камину, въ которомъ горѣлъ большой огонь.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ нотаріусъ, подбѣжавъ и стараясь вырвать бумаги.

— Исполняю мой долгъ, спокойно отвѣчала Алиса, бросивъ завѣщаніе въ огонь.

— Но это противно волѣ вашего дяди! Это значитъ оскорблять его память! вскричалъ нотаріусъ, снѣша выхватить бумаги изъ каминна.

— Ничь, это значить только исправить его ошибку, возразила дѣвушка, ставовясь между огнемъ и нотариусомъ и глядя на превращеніе бумаги въ тонкій черный уголь: вы сами сказали, что безъ этого завѣщанія, безъ чрезмѣрной вѣжности господина де-Моріака ко мнѣ, ничье должно было достаться ближайшимъ его родственникамъ..... Да! видно, въ дружбѣ и преданности также есть свое хищничество!.... Пусть же не говорятъ, что я съ цѣлью похищала любовь моего дяди, что я имѣла въ виду его деньги. Довольны ли вы, маркизъ? довольны ли вы, господа? продолжала она обращаясь къ наслѣдникамъ: вы видите, что я ухожу изъ этого дому съ тою же бѣдностью, съ которою пришла, и уношу съ собой только благословіе моего втораго отца, такой даръ, въ которомъ вы мнѣ, конечно, позавидуете.

— Несчастная! вскричалъ нотариусъ съ глубокимъ состраданіемъ: что вы сдѣлали и что остается вамъ теперь?

— Богъ! спокойно и твердо отвѣчала Алиса.

— Будьте увѣрены, сударыня, сказалъ маркизъ вдругъ перемѣнивъ тонъ и почтительно кланаясь: будьте увѣрены, что..... если вы когда-нибудь будете имѣть нужду.....

Холодный и гордый взглядъ Алисы остановилъ его рѣчь. Виконтесса и племянники тоже хотѣли-было заговорить, но тотъ же взглядъ отнималъ у нихъ голосъ. Они чувствовали себя слишкомъ мелкими въ присутствіи этой дѣвушки и досадовали, что уже не могли усомниться въ ея благородномъ безкорыстіи и великодушіи. Алиса взяла нотариуса подъ руку и вышла. Проходя черезъ садъ она сорвала только одну вѣтку розоваго гераніума, любимаго цвѣтка покойнаго дяди, и навсегда оставила домъ, который съ дѣтства привыкла считать своимъ.

Нотариусъ Кастера жилъ въ небольшомъ домицѣ, въ Сенъ-Сѣренской улицѣ, съ женою и двумя дочерьми, изъ которыхъ одна уже вдовѣла. Онъ былъ человекъ не богатый, однако жъ не думалъ требовать отъ жадныхъ наслѣдниковъ завѣщаннаго ему де-Моріакомъ загороднаго дома и не только не сердился на Алису, зато что она уничтоживъ духовную, лишила его этого подарка, но еще ее же пріютилъ и принялъ въ семью какъ родную.

Прошелъ мѣсяцъ по смерти де-Моріака. Тоска Алисы не уменьшалась. Ей хотѣлось хоть разъ взглянуть на мѣста, гдѣ провела дѣтство; пройтись по саду, гдѣ еще не исчезли слѣды дяди; проникнуть въ его комнату, гдѣ каждая вещь пробудила бы грустное воспоминаніе; гдѣ на каждомъ шагу встрѣтила бы тѣнь обожаемаго отца. Это желаніе съ каждымъ днемъ усиливалось и, наконецъ, стало неодолимымъ. Алиса знала, что никто изъ наследниковъ не живетъ въ этомъ домѣ и, что, слѣдовательно, она не встрѣтитъ тамъ никакого непріятнаго лица. Напротивъ, она надѣялась найти кого-нибудь изъ старыхъ слугъ, съ которыми могла поговорить о покойномъ.

Былъ какой-то праздникъ, когда Алиса рѣшилась исполнить свое намѣреніе. Она была дома одна съ старою женой нотаріуса. Другіе всѣ отправились куда-то въ гости. Алиса объявила свое желаніе. Старуха не могла понять его, однако жъ не противорѣчила и замѣтила только, что время не совсѣмъ удобное: клонилось къ сумеркамъ. Но пройти было недалеко и Алиса никакъ не хотѣла отложить. Отправилась.

Мы замѣтили уже, что домъ де-Моріака стоялъ подлѣ аркадъ Галіенскаго дворца. Прежде, бывало, этотъ чистенькій, бѣленькій домикъ, осѣненный высокими деревьями сада, какъ-будто улыбался прохожимъ и привлекательно сулилъ гостямъ радушный пріемъ у добраго хозяина. Теперь все вокругъ было безмолвно, грустно и мрачно. Самый домъ какъ-будто лишился своей души и превратился въ мертвый остовъ. Сирота съ трепетомъ подошла къ знакомымъ воротамъ, дрожащею рукою взялась за молотокъ и постучала въ мѣдную бляху. Отозвался лай собаки. Сердце дѣвушки вздрогнуло отъ радости.

— Бѣлка! Бѣлка! вскричала она, и ей показалось, что послѣ Бѣлки ее встрѣтитъ и привѣтливая улыбка дяди.

Старая собака узнала бывшую свою хозяйку и лай ея превратился въ нетерпѣливый радостный визгъ. Алиса повторила стукъ и съ трепещущимъ сердцемъ прислушивалась, идутъ ли отворить. Никто не шелъ: никого не было слышно въ домѣ, кромѣ Бѣлки. Прождавъ нѣсколько времени, Алиса опять принялась стучать съ удвоенною

силой, но ворота не отворялись. Собака продолжала визжать и, наконецъ, завывала, какъ-будто въ отчаяніи, что не можетъ сама впустить свою госпожу. Алиса въ изнеможеніи прислонилась къ холодной стѣнѣ, хотѣла еще разъ постучаться въ опустѣлый домъ, но силы совершенно оставили ее; она безъ чувствъ упала на землю.

Прошло больше часу. Наступила ночь и взошла луна. На улицѣ, такъ же какъ въ домѣ, все было пусто и безмолвно. Раздавался только унылый вой и визгъ собаки.

Вдругъ послышался мѣрный топотъ лошадей и медленный стукъ колесъ большого экипажа. Молодая знатная дама вѣхала въ великолѣпной каретѣ съ ливрейными лакеями и форрейторами, вѣроятно, прогуляться и, быть-можетъ, затѣмъ чтобы при лунномъ свѣтѣ полюбоваться на обширныя живописныя развалины древняго зданія. Вой собаки привлекъ вниманіе дамы къ маленькому домику и къ черному предмету, который лежалъ передъ воротами. Она приказала слугамъ посмотрѣть, что это такое, и на отвѣтъ, что это женщина, въ обморокѣ, сама вышла изъ кареты, сама принялась приводить несчастную въ чувство. Приказавъ постучать въ ворота и убѣдившись, что это бесполезно, дама велѣла отнести безчувственную въ свою карету и поѣхала домой, а у дому оставила челоуѣка, съ тѣмъ чтобы извѣстить тѣхъ, кто прійдетъ искать поднятую женщину, что ее увезла супруга министра Кольбера.

Едва Алиса почувствовалась въ гостиной у доброй министерши, вошелъ челоуѣкъ и доложилъ, что съ лакеемъ, оставленнымъ у домика подлѣ Галиенскаго дворца, явился нотаріусъ Кастера, который ищетъ Алису д'Алансонъ. Мадамъ Кольберъ приказала просить его и узнала всю исторію бѣдной сироты, которая такъ великодушно отказалась отъ богатаго наслѣдства. И благородный поступокъ, и грустное состояніе и красота сироты тронули мадамъ Кольберъ, которая сама была такъ прекрасна и добра, что умѣла оцѣнить все прекрасное и доброе.

— Отдайте ее мнѣ, сказала она съ такимъ выраженіемъ, какимъ сопровождается слово, идущее прямо отъ сердца къ сердцу: отдайте ее мнѣ. Я назову ее моею по-

другой, моею сестрой, и отъ нея самой будетъ зависѣть ея счастье.

Кастера не могъ не согласиться на это великодушное и прекрасное предложеніе, когда сама Алиса приняла его съ смущеніемъ, радостью и благодарностью. Черезъ нѣсколько дней она уѣхала съ своею новою покровительницей въ Парижъ.

Когда они пріѣхали, министра не было дома. Черезъ часъ потомъ онъ явился къ женѣ въ такомъ тревожномъ состояніи, что даже не освѣдомился объ ея здоровьи во время поѣздки.

— Милая Марія, я въ ужасномъ положеніи! сказалъ онъ съ перваго слова, бросившись въ кресла.

— Ахъ, Боже мой! что же случилось?

— Кроссин женился на дочери президента Лирѣ.

— Знаю. Но неужели отъ этого вы....

— Онъ подарилъ молодой женѣ на платье оборку изъ венеціанскихъ кружевъ! продолжалъ Кольбѣръ съ отчаяніемъ.

— Ну, такъ что жъ?

— И эта оборка стоила тридцать шесть тысячъ ливровъ... и имѣла безумный, чудовищный успѣхъ на послѣднемъ балѣ при дворѣ.

Министершъ показалось, что супругъ ея сошелъ съ ума. Ея улыбка исчезла: она посмотрѣла на него робко, сомнительно, съ изумленіемъ.

— Что вы такъ смотрите на меня? вскричалъ Кольбѣръ съ гнѣвомъ: развѣ вы не понимаете, что теперь всѣ наши придворныя дамы и вы прежде всѣхъ захотите носить венеціанскія кружева?

— Если это вамъ не нравится, такъ, вы сами знаете, я не захочу, отвѣчала Марія съ прелестною кротостью.

— Вы говорите за себя, сударыня, возразилъ Кольбѣръ съ нетерпѣніемъ: но другія, другія! Можете вы поручиться за другихъ?

— Да, конечно, я сомнѣваюсь, чтобы чужія жены въ угоду вашего превосходительства перестали наражаться! отвѣчала мадамъ Кольбѣръ съ веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ то-то и есть! Оттого-то я и говорю, что я въ

ужасномъ положеніи. А вы только шутите!... Теперь всѣ придворныя дамы, а за ними и не придворныя, и купчихи, и мѣщанки, чтобы не отстать отъ другихъ, пойдутъ покупать венеціянскія кружева на французскія деньги... Сколько опять капиталовъ ни за что будетъ брошено за границу! Франція недовольно богата, на то чтобы покупать свои наряды за границей. Нужно поощрять наши фабрики, а не иностранныя....

Тутъ Марія поняла раздраженіе мужа, который, какъ искусный министръ, въ этомъ ничтожномъ, по-видимому, обстоятельствѣ усмотрѣлъ важный государственный вопросъ. Но своимъ обѣщаніемъ не носить венеціянскихъ кружевъ она могла успокоить только мужа, а не министра.

Кольбѣръ ушелъ точно такъ же не въ духѣ какъ пришелъ. Марія стала грустна и задумчива: день ея былъ испорченъ.

— Нельзя ли увидѣть эти венеціянскія кружева, которыя такъ беспокоятъ господина министра? робко спросила Алиса.

— Можно. Герцогиня де-Кроасси — моя подруга и пріятельница. Она пришлетъ мнѣ образчикъ. Но къ чему это?

— Такъ.... посмотрѣть.

— Да, въ самомъ дѣлѣ это любопытно.

Мадамъ Кольбѣръ позвонила, а сама пошла написать записку.

Черезъ часъ желанный образчикъ уже лежалъ передъ нею на столѣ. Алиса разсматривала его со вниманіемъ, потомъ выпросила позволеніе взять себѣ и ушла въ свою комнату, изъ которой подъ предлогомъ нездоровья не выходила цѣлую недѣлю. На осьмой день она вошла къ мадамъ Кольбѣръ съ сіяющимъ лицомъ и съ коробкой въ рукахъ. Случилось, что и министръ сидѣлъ тутъ же. Алиса почти не могла говорить отъ радости и смущенія и, чтобы объясниться, принуждена была открыть коробку. Тамъ у нея было около аршина превосходныхъ кружевъ своей работы.

Супруги пришли въ восторгъ отъ изящества воздуш-

ной ткани, сравнивали ее съ дорогимъ образчикомъ и не находили ни какого различія.

Алиса, будучи родомъ Фламандка, научилась искусству отъ матери, которая вѣкогда содержала свою мастерскую для плетенія кружевъ. Когда она увидѣла огорченіе супруга своей благодѣтельницы, ей пришло въ голову завести такую же мастерскую и тѣмъ, можетъ-быть, принести вѣкоторую пользу и удовольствіе своимъ покровителямъ. Для этого она употребила все свое знаніе, приобретенное безъ всякаго расчета; для этого она впродолженіи недѣли почти не спала, все изучала образецъ и трудилась надъ подражаніемъ. Опытъ увѣнчался успѣхомъ. Кольбѣръ и его супруга осыпали ее похвалами и она объявила свое желаніе предпринять работу въ большемъ видѣ, если ей дадутъ помощницъ. Министръ съ радостью вызвался доставить все нужное, выписалъ изъ Фландріи и Венеціи работницъ, отвелъ помѣщеніе и отдалъ въ распоряженіе Алисъ.

Потомъ, чтобы ввести французское произведеніе въ моду, король Людовикъ Четырнадцатый подарилъ первыя алансоновскія кружева той же герцогинѣ де-Кроасси, которая щеголяла въ венеціанскихъ.

СРЕДСТВО СТРОИТЬ ПРЕКРАСНѢЙШИЯ ЗДАНІЯ. Редакція журнала получила по почтѣ такую удивительную и вмѣстѣ такую важную статью, подъ заглавіемъ «Предложеніе», что считаетъ долгомъ своимъ немедленно сообщить ее всему читающему міру. Авторъ статьи — русскій живописецъ, проживающій въ Варшавѣ, и читатели сами удостовѣрятся, что благонамѣренность и чистосердечіе его не подлежатъ сомнѣнію. Вотъ въ чемъ состоитъ его —

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

«Разсматривая русунки великолѣпнѣйшихъ зданій всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и видѣвъ многіе изъ нихъ въ натурѣ, нахожу, что почти каждое изъ этихъ зданій, нося въ себѣ вдохновенную идею архитектора, нзумляя иногда смѣлостью, иногда красотою, не исполнѣ удовлетворяетъ прихоти воображенія и требованія изящнаго вку-

са. Это происходитъ, или отъ односторонности идеи художника въ цѣломъ, или отъ недостатка во вкусѣ въ частяхъ, или наконецъ отъ чрезмѣрнаго подражанія предшественникамъ. Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ почти всегда присоединяется еще одинъ, — неумѣстность зданія, или несоотвѣтственность ему обрестныхъ предметовъ. Поставьте, напримѣръ, Лазенковскій дворецъ (въ Варшавѣ) на какос-нибудь другое мѣсто, и онъ будетъ обыкновеннымъ домомъ: тогда какъ онъ теперь — почти совершенство зодчества; онъ дышетъ нѣгою и прелестью; онъ такъ легокъ, что его какъ-будто держитъ на себѣ вода; окружающіе роскошные каштаны какъ-будто берегутъ его, вѣя на него прохладю. Окружите домъ Пашкова (въ Москвѣ), вмѣсто какихъ ни пошло стропилъ, густыми деревьями, которыя бы своими вершинами едва прикрывали его основаніе, или просто откройте, очистьте окрестность и онъ тогда осуществитъ идею архитектора; но поставьте Талиони въ самой граціозной позиціи между пьяными мужиками, и картина будетъ самая уродливая.

«Геній зодчества, кажется, оставилъ человечество. Въ послѣдніе вѣка не произведено ни одного первокласснаго зданія оригинальнаго: на всемъ видѣнъ отпечатокъ изысканности и бѣдности воображенія. Новѣйшіе архитекторы, тщательно изучая свою науку, потеряли изъ виду высокую идею руководившую вдохновеніе древнихъ ихъ наставниковъ при созиданіи. Напримѣръ: величественной красоты храма Юпитера Аѳинскаго, роскошно-царственной гармоніи храма Святаго Петра въ Римѣ, дикой и мрачной прелести Альямбры, не встрѣтите нигдѣ въ ихъ созиданіяхъ. Они запутались, и запутали общій вкусъ и понятіе о зодествѣ, перемѣшали золото съ мишурою, разноцвѣтныя стекла съ драгоценными камнями, оригиналы съ копіями, и показываютъ все это публикѣ по своему произволу.

«Не говоря о храмахъ и монументахъ, скажу, что царскій дворецъ, высшее присутственное мѣсто, театръ, словомъ каждое огромное общественное зданіе должно, изящною, оригинальною своею формою, возвышать душу, порождать восторгъ въ просвѣщенномъ зрителѣ, и заста-

вить самаго грубаго невѣжду чувствовать красоту взящаго; въ то же время оно должно оставаться для потомства типомъ высокой мысли, указателемъ степени ума к воина предковъ. Такія зданія, и въ особенности монументы, должны быть непременно оригинальныя, а не искаженныя въ копіяхъ произведенія Греціи и Рима. А въ просвѣщенной Европѣ скопировываютъ даже надпись на монументахъ, съ переменною только именъ. Бѣдность мыслядо нищенства!

«Ни къ одному изъ изящныхъ искусствъ, въ наши вѣка, люди такъ ни равнодушны какъ къ зодчеству. Обратите вниманіе на постройку домовъ и цѣлыхъ городовъ въ просвѣщенной Европѣ: это — варварство въ допотопномъ своемъ состояніи! Какъ можно, въ городахъ образованныхъ странъ, позволять каждому частному челоѣву, и купленномъ имъ мѣстѣ, гдѣ бы оно ни было, строить домъ какой ему угодно величины и формы, сохраняя только нѣкоторыя условія на одномъ лицевомъ фасадѣ, а боковыя оставляя безъ всякихъ признаковъ архитектуры, даже безъ оконъ, а часто и не оштукатуренными? Неужели жители городовъ осуждены навсегда, слушать проклятый трескъ экипажей, обонять заразительную вонь, глотать самую густую пыль? Какимъ образомъ просвѣщенный челоѣвъ ежедневно можетъ заботиться, съ удивительнымъ терпѣніемъ, о фасонѣ фрака, чепчика, о цвѣтѣ перчатокъ, о глянцѣ на сапогахъ, и быть равнодушнымъ къ архитектурѣ своего дома, строящагося на нѣсколькихъ столѣтіи?... Страшно подумать! Каждая бѣдная хозяйка заботится о томъ, чтобы въ ея комнатѣ столъ, стулъ, сундукъ, стояли въ приличныхъ и удобныхъ мѣстахъ: какъ же не имѣть этой заботливости о храмахъ, площадяхъ, улицахъ, садахъ и прочая? Какъ позволять чтобы подлѣ величественнаго зданія стоялъ кабакъ, къ прекрасному строенію примыкали безобразные грязные домишки? Что вы скажете о женщинѣ-красавицѣ, одѣтой съ изящнымъ вкусомъ, но у которой, съ боковъ или сзади, платье измято и засалено? Не то ли представляютъ намъ зданія многихъ академій и почти всѣ могущественныя зданія въ Европѣ! Лицевыя фасады — прелесть, а боковыя.... совѣство сла-

зять на что похожи! Какъ достаетъ духу у многаго архитектора, закрыть глухою оградю нижній этажъ исполнискаго зданія и уменьшить черезъ это его размѣры?...

«Но такихъ восклицаній и вопросовъ легко можно набрать на цѣлый томъ. Я отвлекся отъ своей цѣли, которая состоитъ вотъ въ чемъ:

«Можетъ-быть кто изъ богачей вздумаетъ соорудить какое-нибудь зданіе на славу и удивленіе: я предлагаю для этого мои услуги. Спекуляціи съ моей стороны быть не можетъ, потому что я не возьмусь строить, а только для зданія осмотрю мѣстность и сдѣлаю рисунокъ, если нужно, съ описаніемъ, какъ, гдѣ и что должно быть. Не страшусь возраженій и анализовъ извѣстныхъ архитекторовъ: ихъ—наука и опытность, а мои—вкусъ и воображеніе; ихъ—матеріальное, а мое—идеальное: этого ни кому не уступлю! Извините, художники. Если я васъ вызываю на бой, то не для полученія вашей славы, а по причинѣ безграничной моей страсти къ высокому зодчеству, въ упоеніи отъ которой я дерзаю осуществить чертоги фей и сады Арминды.

«Я не могу равнодушно смотрѣть на воздвигающіеся нынче большія зданія въ Европѣ; они часто прекрасны: но такіе ли должны быть они? Я бы жизнь мою отдалъ за то, чтобы они были сооружены по моимъ рисункамъ. Это были бы дворцы дворцовъ—на цѣломъ земномъ шарѣ!

«Послѣ столь отважнаго объявленія, мнѣ уже совѣстно огласить свое нѣмъ. Поэтому, кто заблагоразсудитъ обратиться ко мнѣ для сказанной причины, тотъ благоволятъ спросить въ Варшавѣ, въ улицѣ Налевки, въ домѣ подъ номеромъ 2253, во второмъ этажѣ, русскаго живописца А. Н.

«Вмѣстѣ съ этимъ безкорыстнымъ предложеніемъ предлагаю еще —

ЛЕКАРСТВО ОТЪ ХОЛЕРЫ.

«Въ 1837 году, когда Варшава была постигнута холерою, въ томъ домѣ гдѣ я квартировалъ, на одной недѣлѣ умерло отъ нея два человѣка; умирали и въ домахъ сосѣднихъ, но я это оставлялъ безъ вниманія, привыкнувъ

обращаться съ пораженными холерою еще въ 1831 году. Вдругъ однажды, часу въ десятомъ утра, я почувствовалъ боль въ груди, подъ ложечкой. Боль была не сильная, не жгучая, но какая-то холодная тяжесть, настоящая смерть, и заставила меня струсить. Я послалъ за знакомымъ мнѣ докторомъ на другой конецъ города, а между-тѣмъ, въ тоскѣ, не зная что дѣлать, взялъ любимую мною кошку и, приложивъ ее къ больному мѣсту, сѣлъ въ кресла. Черезъ полчаса боль исчезла. Человѣкъ, не заставши доктора дома, возвратился. На третій день опять со мною — та же страшная боль въ томъ же мѣстѣ, и я опять приложилъ къ больному мѣсту кошку и освободился отъ боли. Такимъ образомъ продолженіи двухъ недѣль избавлялся я осемь разъ отъ начальныхъ припадковъ холеры, и думалъ что уже отъ нея совсѣмъ отдѣлялся, какъ-вдругъ она напала на меня со всею свирѣпостью, въ десять часовъ вечера: боль въ груди, тоска, судороги, поносъ и рвота начали терзать меня почти въ одно время. Я послалъ за ближайшимъ докторомъ: его не было дома; за другимъ, за третьимъ: нѣтъ дома. Велѣвъ поставить самоваръ, пуншу ради, я легъ въ постель и положилъ на грудь кошку. Между-тѣмъ сердобольная женщина, занимавшая квартиру рядомъ со мною, предложила мнѣ прикладывать къ животу тарелки. Черезъ полчаса готовъ былъ пуншъ, котораго я выпилъ два стакана; тутъ я сбросилъ кошку и сталъ прикладывать тарелки, нагрѣтыя и обернутыя полотномъ, перемежая ихъ разъ шесть продолженіи часа. Наконецъ я ослабѣлъ и вспотѣлъ; боль и всѣ припадки уменьшились, я заснулъ. Въ два часа по полнучи я проснулся совсѣмъ здоровымъ.

«На другой день, съ утра, кошка сдѣлалась скучною, и потомъ начались съ нею корчи и рвота: при жалобномъ и тихомъ мяуканьи, несчастная, протрадавъ большую часть дня, издохла.

«Черезъ нѣсколько дней, въ сосѣднихъ домахъ заболѣли холерою женщина и четырнадцатилѣтній мальчикъ. Женщину лечилъ докторъ, и она умерла, а мальчика лечилъ я, и вылечилъ тѣми же способами какъ и себя, то есть, пуншемъ, тарелками и кошкою. Надъ этою кошкою

я не могъ слѣдить наблюдениа, потому что она въ тотъ же день пропала.

«Съ-гѣль-перъ у меня кошка часто служитъ лекарствомъ.

«Въ 1839 году у меня оказались признаки чахотки. Я сталъ мнѣнить кошку и спазъ съ нею: признаки пропала.

«Въ прошломъ 1844 году у меня заболѣли зубы жесточайшимъ образомъ; я сталъ прикладывать къ щекѣ кошку: боль утихла.

«Какъ хотите думайте объ этомъ обстоятельстве, господъ докторъ, а я увѣренъ, что кошка спасла меня отъ холеры. А. Н.»

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Paris et la Banlieue, мелодрама въ пяти актахъ и одиннадцати картинахъ, господъ Clairville'я и Dennery.

2. Le Français ne malin, прологъ, господъ Duponty и Jaime'a.

3. Fanfan le Bâtonniste, водевилъ въ двухъ актахъ, господъ Duponty и Gabriel'я.

4. Madame Pannache, водевилъ въ двухъ актахъ, господъ Deligny и Bourgeois.

5. Une histoire de Voleurs, водевилъ въ одномъ актѣ, господъ Straudin'a и Fontaine'a.

6. La Vie en partie double, водевилъ въ одномъ актѣ, господъ Anicet, Dennery и Brisebarge'a.

Вотъ все, что въ Парижѣ провзведено драматическимъ искусствомъ втеченіи прошедшаго мѣсяца, и это все, увы! такъ ничтожно, такъ безгѣлесно и бездушно, такъ неуволнимо и пусто, какъ совершенная пустота, какъ абсолютное ничто. Парижская театральная публика, отъ скуки, ходитъ звать или на возобновленія старыхъ пьесъ или на лѣтніе спектакли—на жонглеровъ, волтижеровъ и фокусниковъ, на карловъ, и великановъ, на подлинныя дикіе балеты красно-кожихъ дикарей и на каррикатуры олимпійскихъ игръ въ досчатомъ циркѣ. Водевилъ умираетъ; умираетъ съ-голоду, бѣдняжка! Если богатая всякими плодами и овощами осень не накормитъ его во-время, онъ

умреть совершенно. Онъ уже умеръ бы безъ мосьё Денері съ мосьё Клервилемъ и мосьё Бризбарромъ. Это — три столпа, на которыхъ шаткое зданіе театра еще кое-какъ, съ грѣхомъ по-поламъ, держится. Всѣ другіе... умы или уже исписались, или еще не дописались. Даже мосьё Деннегу немножко счастливъ только въ водевилѣ. Въ мелодрамѣ и ему рѣшительно не везетъ. Доказательствомъ служить *Paris et la Banlieue*, *Парижъ и Новая Мысль*. Это — масса картинъ, декораций, машинъ, иллюминацій, шуму, треску и блеску, которая могла бы очень хорошо обойтись безъ скучныхъ разговоровъ, только задерживающихъ и напрасно останавливающихъ перемѣны, точно такъ какъ во многихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ текстъ мѣшаетъ смотрѣть на картинки.

Прологъ господъ Duponty и Jaime'a — коллекція шутокъ и острогъ, имѣющихъ намѣреніе быть забавными и острыми, и служащая вступленіемъ новому порядку вещей на Театрѣ Водевилья который достался въ руки новой дирекціи.

Фанфанъ Палочникъ, того же мосьё Duponty съ компанією, — очень плачевная и очень темная исторія молодого матроса, который по завѣщанію своего отца и командира, помощію одного имени, отыскиваетъ неизвѣстно гдѣ обитающую, неизвѣстную дѣвушку, которая перемѣнила свое имя, и.... находитъ.

Мадамъ Панащъ или мадамъ *Плюмажъ*, если хотите, — исторія одного Гасконца, который, будучи за что-то выгнанъ изъ Франціи, отправился въ какое-то нѣмецкое герцогство и, за гостепримство, за добрую хлѣбъ-соль, обругалъ хозяйку. Онъ сравнилъ хозяйку съ мадамъ Панащъ. Хозяйка, желая узнать значеніе гасконскаго комплимента, написала въ Парижъ и узнала, что мадамъ Панащъ — настоящій тюкъ войлоку и одна изъ каррикатуръ версальской галереи. Остроумный Гасконецъ долженъ былъ ретироваться черезъ черный дворъ. Изъ этого стараго анекдота, новые остроумные авторы сдѣлали двухъ-актный водевилъ.

Исторія воровъ — тоже старая исторія вора, котораго

принимають за любовника, и любовника, котораго принимаютъ за вора.

Въ водевилѣ *Жизнь на-двое*, въ единственномъ, въ которомъ еще примѣтно кое-какое содержаніе, тоже довольно стараго. Во-первыхъ—сцена, раздѣленная на-двое перегородкой; во-вторыхъ — обстоятельство, что весь водевиль держится на одномъ лицѣ актера, для котораго написанъ. Содержаніе.... мы сказали, что въ этомъ водевилѣ есть содержаніе, но когда приходится рассказать.... и нѣтъ содержанія! Это такое содержаніе, которое надобно или видѣть или вообразить: пересказать почти нѣтъ ни какой возможности. Эссенція состоитъ въ томъ, что одинъ молодой человѣкъ является по-переменно то по одну сторону перегородки, — веселый, развязный, бойкій, счастливый, — у швен, которую любить; то по другую, — неуклюжий, смучный и неловкій, — у дочери богатаго печника, на которой отецъ хочетъ женить его. То невѣста застаётъ его у швен, то швен у невѣсты. Отъ первой онъ увертывается, натеревъ лицо мукой, но вторая проникательнѣе и узнаетъ невѣрнаго, несмотря на внезапно родившійся флюсъ. Наконецъ, самъ онъ, будучи у швен, слышитъ, какъ, за перегородкою, будущая его супруга поетъ ноктурны съ будущимъ его кузеномъ. Вслѣдствіе сего онъ уступаетъ печникову дочку рѣченному кузену и женится на швеѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ФРАНЦУЗСКІЯ.

CONFÉRENCES DE NOTRE DAME DE PARIS, par H. D. Lacordaire, 2 vol., 8. Paris. 1845 (2 r. 85 c.).

LE MARIAGE AU POINT DE VUE CHRÉTIEN, ouvrage spécialement adressé aux jeunes femmes du monde, par M-me la comtesse de Gasparin. 3 vol., 18. Paris. 1845 (2 r. 85 c.).

TRAITÉ GÉNÉRAL DU DROIT ADMINISTRATIF EXPLIQUÉ, ou Exposé de la doctrine et de la jurisprudence concernant l'exercice de l'autorité, etc., par Dufour. 4 forts vol. Paris. 1844—45 (9 r.).

- THEORIE DE L'EXPROPRIATION**, pour cause d'utilité publique, par Lalbeau. 4-me édition. 2 vol. 8. Paris. 1845 (4 r. 25 c.).
- SYSTEME PHYSIQUE ET MORAL** de la femme, par Roussel. Un vol., 12. Paris. 1845 (85 c.).
- MANUEL DES SALLES D'ASILE**, par Cochin. 3-me édit. Un vol., 8. Paris. 1845 (1 r. 70 c.).
- HISTOIRES DES INSECTES**, traitant de leurs moeurs et de leurs metamorphoses en général, par Blanchard. 2 vol., 12, avec planches. Paris. 1845 (2 r.).
- CHOIX DES PLUS BELLES ROSES**, publiées en livraisons in-4., de 4 planches coloriées avec soin. Livraisons 1 à 5. Paris. 1845. Prix de la livraison à 1 r. 40 c. L'ouvrage aura 25 livraisons.
- LA MAISON DE CAMPAGNE**, ouvrage qui peut aussi, en ce qui concerne l'économie domestique, être utile aux personnes qui habitent la ville, par Adanson. 5-me édit., 2 vol., 12. Paris. 1845 (2 r.).
- RECHERCHES SUR LA COMPOSITION DU SANG** dans l'état de santé et dans l'état de maladie, par Becquerel et Rodier. Un vol., in-8, Paris. 1845 (1 r.).
- TRAITÉ DE MÉDECINE PRATIQUE**, etc.; tome 4-me: Angidromies, sialadéries, hépatites; tome 5-me: Monographies ou spécialités; par Piorry. Paris. 1845. (Prix du volume à 2 r. 30 c.).
- CAUSES GÉNÉRALES DES MALADIES CHRONIQUES**, spécialement de la phthisie pulmonaire, et moyens de prevenir le développement de ces affections, etc., par Fourcault. Un vol., 8., Paris. 1845 (2 r.).
- TRAITÉ DE LIGNES DU SECOND ORDRE**, par Anger de la Loriais. Un vol., 8., et atlas grand folio. Paris. 1845 (4 r. 30 c.).
- DESCRIPTION GÉNÉRALES DES PHARES ET FANAUUX**, et remarques sur les plaies maritimes du Globe, par Coulier. Un vol., 12, Paris. 1845 (70 c.).
- DICTIONNAIRE D'HIPPIATRIQUE ET D'ÉQUITATION**, par Cardini. Un gros vol., gr. 8, Paris. 1845 (4 r. 30 c.).
- ESSAI SUR LA FORTIFICATION MODERNE**, ou Analyse comparée des systèmes modernes français et allemand, par Maurice. Un vol., 8, et atlas in-4, Paris. 1845 (3 r. 40 c.).
- DE L'ARMEMENT DES PLACES DE GUERRE**, par Marion. 8., Paris. 1845 (1 r. 15 c.).
- ROUTINE DE L'ÉTABLISSEMENT DES VOUTES**, au Recueil des formules pratiques et des tables déterminant a priori et d'une manière élémentaire et tracé, les dimensions d'équilibres et le metrage du voutes d'une espèce quelconque, par Dejardin. Un vol., 8., Paris. 1845 (1 r. 70 c.).
- LÉGISLATION DES CHEMINS DE FER en Allemagne**, par Reden. Un vol., 8., Paris. 1845 (2 r. 15 c.).
- LE DEUX JOURS**. Histoire du tems de François I., par Jacob. Un vol., illustrée, Paris, 1845 (2 r. 80 c.).

- L'ORLEANAIS.** Histoire des ducs et du duché d'Orléans, par Philippon de la Madelaine. Un vol., gr. 8. illustrée par Baron, etc. Paris, 1845 (3 r. 55 c.).
- LE MÉCANICIEN-CONSTRUCTEUR,** ou Atlas et description des organes des machines, par Leblanc. 25 planches avec le texte, in-4., Paris. 1845 (3 r.)
- RAPPORT ET MÉMOIRE SUR LE NOUVEAU SYSTÈME D'ECLUSE A FLOTTEUR** de M. D. Girard, par Poncelet. Un vol., 4., avec planches. Paris. 1845 (1 r. 70 c.).
- GALENERIE DE PORTRAITS** du XVIIIe siècle. — Dufresny. — Fontenelle. — Marivaux. — Piron. — Prevost. — Voltaire. — Florian. — Boufflers. — Rivaroli. — Grétry. — Diderot, etc., par A. Houssay. Un vol., 12, Paris. 1845 (85 c.).
- L'INDE ANGLAISE** en 1843—44, par le comte de Warren. Deuxième édition, considérablement augmentée. 3 vol., 8, Paris. 1845 (5 r. 15 c.).
- GRAMMAIRE SANSCRITE,** par Desgranges, tome I, in-4., Paris. 1845 (7 r. 15 c.).
- MÉLANGES POSTHUMES** d'histoire et de littérature orientales, par Rémusat. Un vol., 8, Paris (2 r. 15 c.).
- DICTIONNAIRE CLASSIQUE FRANÇAIS-ANGLAIS ET ANGLAIS-FRANÇAIS,** par Stone, 4-me édition, entièrement réfondue et augmentée de la prononciation des mots anglais figurée pour les Français, et des mots français pour les Anglais, par M. M. Shrubsole et Thiebaut. Un vol., gr. in-8., Paris. 1845 (1 r. 70 c.).
- ŒUVRES COMPLÈTES DE PLATON,** nouvelle édition (Panthéon littéraire) accompagnée de notes, d'arguments et de tables analytiques, précédée d'une esquisse de la philosophie de Platon, par Schwalbé. 2 vol., gr. in-8., à 2 colonnes. Paris. 1845 (5 r. 15 c.).
- COURS D'ÉTUDES HISTORIQUES,** par Daubou, tomes 1 à 8, in-8. Paris. 1844—45 (18 r. 23 c.).
- ÉTUDES SUR L'HISTOIRE** primitive des races océaniques et américaines, par Eichthal. Un vol., in-8. Paris, 1845.
- LE SAGARA ALGÉRIEN.** Etudes géographiques, statistiques et historiques sur la région au sud des établissemens français en Algérie. Un vol., gr. 8., Paris. 1845 (1 r. 70 c.). — Le même ouvrage avec une grande carte coloriée (7 r.).
- DICTIONNAIRE POLONAIS-FRANÇAIS.** 2 vol., in-18. Berlin, 1845 (6 r. 85 c.).
- ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ ТЕХНИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ,** употребляемыхъ въ артиллеріи и въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, до нея относящихся, составленный полковникомъ Ръзвымъ. Въ одной книгѣ. 1845. (2 р. 50 к.)
- Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ комиссіонера библіотекъ Гвардейскаго Корпуса Я. А. Ясакова въ Гостиномъ Дворѣ, № 22. Цѣны на серебро, и безъ пересылки.)

НОВЫЯ

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11. Цѣны на серебро).

Для фортепiano, съ дѣя руки.

ALKAN. Le desin, impromptu (60 c.).

BERNARD. Chant du malheureux, nocturne (50 c.).

— Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Petersburg. № 11.

Donizetti: Nocturne de Don Pasquale (30 c.). № 12. Quatuor de

Don Pasquale (30 c.). № 13. Sérénade de Don Pasquale (30 c.).

№ 14. Cavatine à la polacca de Linda di Chamounix (30 c.).

№ 15, Trio de la Lucrezia Borgia (75 c.).

BERTINI. Fantaisie sur la Fille du régiment, de Donizetti, op. 128 (1 r. 15 c.).

— Fantaisie sur les Martyrs, de Donizetti, op. 129 (1 r. 15 c.).

BEYER. Trois amusements sur Les Quatre fils Aymon, de Balfe, op. 77

№ 1 à 3 (chaque à 1 r.).

BRUNNER. Six rondos d'après des thèmes d'opéras nouveaux, op. 63, № 1 à 6 (chaque à 58 c.).

BURGMUELLER. Fantaisie et valse sur Lambert Simnel, de Monpou, op. 86, (1 r. 15 c.).

— Cagliostro, valse populaire, op. 87 (85 c.).

— Première mazurka, en forme de rondo (1 r.).

— Valse dramatique sur Richard en Palestine, opéra d'Adam (1 r.).

— Les Yeux bleus, grande valse brillante (1 r. 15 c.).

CAVALLO. Grand scherzo infernal, op. 13 (85 c.).

CHOPIN. Grande sonate, op. 58 (2 r. 85 c.). Berceuse, op. 57 (85 c.).

CHOTEK. Fantaisie brillante sur Les Quatre fils Aymon, de Balfe, op. 66 (1 r. 15 c.).

— Trois fantaisies brillantes sur Dom Sebastien, de Donizetti, op. 67 № 1 à 3 (chaque à 1 r. 15 c.).

COLLECTION d'opéras de Donizetti, contenant les airs favoris. Belisario, Don Pasquale, L'Elisire d'amore, Linda di Chamounix, Lucia di Lammermoor, Lucrezia Borgia, Marino Faliero, Maria di Rohan, Les Martyrs, Parisina (chaque à 1 r. 15 c.).

CZERNY. Musée de la jeunesse pianiste. Collection de huit morceaux faciles et brillantes, op. 750 № 1 à 8 (chaque à 58 c.).

— Nocturne nouveaux (40 c.).

— Allégo de salon, op. 762 (85 c.).

DAVID. Brises d'orient. Six cahiers de mélodies, № 1 à 6 (chaque à 1 r. 15 c.).

— Pensée, mélodie, (30 c.).

- BOHLER.** Andante sur une romance de Dom Sebastien, op. 54 (1 r. 43 c.).
 — Deuxième ballade, op. 55 (1 r. 15 c.).
 — Douze romances sans paroles, op. 57, cah. 1 (1 r. 43 c.), cah. 2 (1 r. 50 c.), cah. 3 (1 r. 50 c.), cah. 4 (1 r. 72 c.).
 — Deux polkas favorites: La Carlotta (50 c.); Elisa (60 c.).
- BRYSCHOCK.** Sonate en ré mineur, op. 30 (2 r. 58 c.).
 — Fantaisie, op. 31 (2 r.).
- FESCA.** Fantaisie sur l'opéra Mara, de Netzer, op. 41 (1 r.).
- HELLER.** Silvana, pastorale, op. 48 (85 c.).
 — Quatre arabesques, op. 49. Liv. 1 à 3 (chaque à 58 c.).
 — Scènes pastorales, op. 50. Liv. 1 (85 c.). Liv. 2 (1 r.).
- HENSELT.** Chanson de printemps, op. 15 (1 r.).
 — Das ferne Land. Romance transcrite (43 c.).
- HERB.** Fantaisie et variations sur la Sîrène, d'Auber, op. 141 (1 r. 72 c.).
 — Les ramiers. Deux valse de Lanner variées, op. 142 (75 c.).
 — Les Succès de salon, deuxième suite. Trois morceaux caractéristiques, op. 143. 1) Mazurka favorite (85 c.). 2) La Marguerite, mélodie (85 c.). 3) Tarantelle (1 r. 15 c.).
 — Les plaisirs de l'Allemagne. Valse de Strauss variées, op. 144 (1 r. 43 c.).
- HERBERG.** Six pièces caractéristiques en forme de romances, op. 4 (1 r. 43 c.).
- HUNTEN.** Trois morceaux favoris sur la Sîrène, d'Auber, op. 134, № 1 à 3 (chaque à 1 r. 15 c.).
 — Variations brillantes sur la polka nationale, op. 135 (1 r. 15 c.).
 — Fantaisie arabe sur l'air Kradoudja, op. 136 (1 r. 15 c.).
- KALKBRENNER.** Fantaisie de bravura sur Charles VI, de Halevy, op. 165 (1 r. 72 c.).
 — Souvenir de la Sîrène. Fantaisie sur cet opéra, op. 180 (1 r. 43 c.).
- KALLIWODA.** Scherzo, op. 141 (1 r.).
- KUFFERATH.** Pensées fugitives (70 c.).
- KULLAK.** Carnaval de Venise de Paganini et Ernst, avec 18 métamorphoses, op. 9, № 7, (1 r. 43 c.).
 — Grande fantaisie de caprice, op. 19 (2 r.).
 — Les Danaïdes, fantaisie de caprice, op. 28 (2r. 85 c.).
- LECARPENTIER.** Les Hirondelles de David variées, op. 101 (1 r.).
- LISÉ.** Marche funèbre de Dom Sébastien, variées (1 r. 43 c.).
 — Колобей, air russe de A. Alabieff, transcrite (85 c.).
- MARKS.** Quatre petites fantaisies sur des opéras de Mercadante, op. 111, № 1 à 4 (chaque à 58 c.).
 — Trois divertissements en forme de rondeaux sur des motifs de l'opéra Tzar und Zimmermann, op. 115, № 1 à 3 (chaque à 72 c.).

- MAYER.** Air italien varié, op. 76 (1 r. 15 c.).
 — La Gentille, valse favorite (50 c.).
- MAYER (Leopold de).** Machmudtch, air guerrier des Turcs, op. 22 (1 r. 15 c.).
 — Bajazeth, air national des Turcs, op. 23 (1 r. 15 c.).
 — Marche triomphale d'Joly, op. 30 (1 r. 29 c.).
 — Carnaval de Venise varié, op. 31 (1 r. 15 c.).
 — Fantaisie sur l'opéra: L'Elisire d'amore, op. 32 (1 r. 72 c.).
 — Fantaisie orientale sur deux thèmes arabes, op. 38 (1 r. 72 c.).
 — Fantaisie sur les Héroïdes, de David, op. 44 (1 r. 43 c.).
- PLACHY.** Six rondines sur des thèmes d'opéras nouveaux, op. 98, 98 I à 6 (chaque à 58 c.).
- PRUDENT.** Grande fantaisie sur les Huguenots, op. 18 (2 r.).
 — Scherzo, op. 19 (72 c.), Barcarolle (72 c.).
- ROSELLEN.** Fantaisie sur l'opéra: J Lombardi, de Verdi, op. 69 (1 r. 43 c.).
 — Fantaisie brillante sur la Juive, de F. Halevy, op. 71 (1 r. 43 c.).
 — Marche de la caravane de l'ode-symphonie de David. Rondo arabe, op. 72 (1 r. 72 c.).
 — Fantaisie élégante sur les Puritains, de Bellini, op. 73 (1 r. 43 c.).
- ROSENHAIN.** Romances sans paroles, op. 37 (1 r. 29 c.)
 — Divertissement facile et brillante sur la Sirène (1 r. 15 c.)
 — Souvenir d'Obéron, divertissement brillant (1 r. 15 c.).
- SCHAD.** Pensée, mélodie transcrite, op. 32 (58 c.).
 — Souvenir de Munich, valse, op. 33 (85 c.).
- THALBERG.** Décameron, op. 57 № 1. Fantaisie sur les Puritains, de Bellini (1 r. 43 c.).
 — Décameron, op. 57 № 2. Fantaisie sur l'opéra: Der Freischütz, de Weber (1 r. 43 c.).
 — Grand caprice sur la marche de l'Apothéose, de Berlioz, op. 58 (2 r.).
 — Barcarolle, op. 60 (1 r. 43 c.).
- WILLMERS.** Lucia et Lucrezia. Grande fantaisie sur ces deux opéras, op. 13 (2 r. 58 c.).
 — Tarentella giocosa, op. 35 (1 r. 15 c.).
 — Le Papillon, impromptu, op. 37 (1 r. 15 c.).
- WOLFF.** Deuxième ballade, op. 110 (85 c.).
 — Réminiscences de la Sirène, grande fantaisie, op. 104 (1 r. 45 c.).

Новыя пьесы для скрипки.

- ARTOT.** Grande fantaisie sur l'hymne: Боже Царя храни, pour violon avec piano, op. 11 (2 r.).
 — Concerto, avec accompagnement d'orchestre, op. 18 (6 r. 85 c.).
 — Le même concerto, avec accompagnement de piano, op. 18 (2 r. 85 c.).

BAZZINI. Le départ et le retour. deux morceaux de salon, avec piano, op. 12 (1 r. 72 c.).

— Grand allégo de concert, avec orchestre, op. 15 (5 r. 15 c.).

BANCLA. Cinquième air varié, avec piano, op. 31 (1 r. 72 c.).

DAVID. Andante et scherzo capricioso, avec orchestre, op. 16 (4 r.).

— Andante et scherzo capricioso, avec piano, op. 16 (1 r. 72 c.).

— Troisième concerto, avec accompagnement d'orchestre, op. 17 (6 r. 20 c.).

— Variations de concert sur un thème original, avec accompagnement d'orchestre, op. 18 (3 r. 85 c.).

— Les mêmes variations, avec accompagnement de piano, op. 18 (1 r. 72 c.).

GENKE. Premier concerto, avec accompagnement d'orchestre, op. 28 (6 r.).

le même concerto, avec piano, op. 28 (3 r. 43 c.).

GHYS. Sixième air varié, avec accompagnement de piano, op. 26 (1 r. 20 c.).

JANSA. Souvenir d'amitié. Adagio et rondo, avec accompagnement d'orchestre, op. 89 (3 r. 43 c.), avec piano (1 r. 43 c.).

LOUIS. L'Amitié, fantaisie brillante pour deux violons, avec accompagnement de piano, op. 140 (1 r. 72 c.).

MENDELSSOHN-BARTHOLOMY. Grand concerto, avec accompagnement d'orchestre, op. 64 (6 r. 85 c.); avec accompagnement de piano, op. 64 (3 r. 43 c.).

PANOFKA. Fantaisie de concert sur le Désert, de David, avec accompagnement de piano, op. 55 (1 r. 72 c.).

PRUME. Grande polonaise brillante, avec orchestre, op. 5 (5 r. 15 c.), avec accompagnement de piano (2 r. 29 c.).

— Air militaire varié, avec accompagnement de piano op. 6 (1 r. 72 c.).

SACHSE. Introduction et variation sur un thème de la Fille du régiment, de Donizetti, avec accompagnement d'orchestre, op. 5 (3 r. 43 c.), avec piano, op. 5 (1 r. 72 c.).

SEYVAIS et **GHYS.** Variations brillantes et concertantes pour violon et violoncelle, sur l'air: «God save the Queen», op. 38 (2 r.).

VIEUX-TEMPS. Six études de concert pour violon, avec accompagnement de piano, op. 16 (2 r. 58 c.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣ трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей серебромъ, кромѣ такой же уступки, еще ничего не прилагаютъ на пересылку. Такую выгодою пользуются только тѣ, которые обращаются съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ господина Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать изъ его магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издамы и въ какомъ бы каталогѣ ни были объявлены. Тутъ же вышла, перваго сентября, девятая тетрадь музыкальнаго журнала «НУ. Т. LXXII. — Отд. VII.

величествъ, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: Rosellen, fantaisie élégante sur l'opéra I Puritani, op. 73. — Mayer, Nocturne. — David, Marche de la caravane, de l'ode-symphonie Le Désert. — Mazurka à la polka. — Варламовъ, Звѣздочка ясная, романсъ (нигдѣ ненавѣстанный). — Maini, Douceur de sa raison, mélodie. — Музыкально-Литературное прибавленіе.

Годовая подписка: десять рублей серебромъ; съ пересылкою 11 руб. 50 к. сер.

У господина Вернера изданы и получены изъ Италіи превосходныя струны для скрипки, виолончели, гитары, и прочая.

=

М О Д Ы .

— Прелестная новая прическа дѣлается такимъ образомъ: надо расчесать передніе волосы въ двѣ стороны столько, чтобы проборъ отъ середины лба заходилъ даже ушей; изъ этихъ волосъ образуются съ каждой стороны три толстыя бубли en tirebouchois. Передний бубли короче средней, средняя короче задней, самой длинной изъ трехъ. Эти три бубли связываются у корня волосъ бантиками изъ атласныхъ лентъ, которыхъ концы, завитые спиралью, смѣшиваются съ бублими. Спираль самой верхней ленты должно положить на волосахъ поперегъ головы въ видѣ согнутой бубли, проходящей надъ бантиками; конецъ ея прикрѣпляется къ косѣ. Въмѣсто ленточной согнутой бубли, можно сдѣлать такую же бублию изъ волосъ. Косу для такой прически раадѣляютъ на пять частей и, заплетая ихъ по четыре вдругъ, пятую часть постепенно оставляютъ свободною. Заплетенная коса такимъ образомъ свертывается въ кольцо довольно низко на затылкѣ, и изъ оставленныхъ пятыхъ частей образуются коки вокругъ всего кольца, пряча концы ихъ подъ кольцомъ.

— На нѣкоторыхъ платьяхъ одинъ широкій воланъ начинается въ четырехъ верхкахъ отъ кушака и идетъ до земли. Корсажи въ платьяхъ для утреннихъ выѣздовъ вообще очень высоки. Что касается до вечернихъ нарядовъ, то въ эту минуту ничего новаго и быть не можетъ. Осеннихъ и зимнихъ костюмовъ еще вовсе не видно и, кажется, до-сихъ-поръ ничего еще не рѣшено въ Парижѣ.

=

ТИБЕРИНО. *Фантазія. Послѣднее сочиненіе Жоржа-Санда. Часть вторая и послѣдняя.* Эта повѣсть окончилась въ парижскихъ фельетонахъ третьяго Сентября. Свѣжѣе ничего быть не можетъ. Мы помѣщаемъ ее здѣсь цѣликомъ, безъ сокращеній.

УИ.

По доламъ по юрамъ.

— Это маркизъ Тиберино де-Монтефіоре: мой старинный другъ, сказалъ Леонтіи Сабинѣ: я зналъ, что встрѣчу его въ горахъ, гдѣ онъ собиралъ цвѣты для своего великолѣпнаго гербарія. Въ его лицѣ судьба посылаетъ намъ прекраснаго и любезнаго спутника. Надѣюсь, вы, миледи, удостоите его чести присоединиться къ вашей свитѣ.

Красивое лицо и пріятныя манеры маркиза Тиберино прогнали досаду, которая омрачала лицо леди Г***.

— Вѣдь я принуждена повиноваться вамъ во всемъ, отвѣчала она Леонтію вполголоса: вы докторъ и хозяинъ мой сегодня. Я должна исполнять ваши предписанія не входя въ слишкомъ подробныя разбирательства.

— На этотъ разъ повиновеніе ваше не составитъ большой заслуги: сами скоро увидите. Маркизъ, подай миледи руку. Я схожу за аббатомъ и его форелями.

Аббатъ надѣлалъ чудесъ рыболовства. Воспламененный многочисленною добычей, онъ совсѣмъ забылъ о своемъ домѣ и приходѣ и, глядя на трепещущія въ травѣ сере-

брисстыя рыбки, самъ прыгалъ какъ лягушка. Леонтій помогъ ему сдѣлать тростниковую корзинку, въ которой, до отъѣзду, поставили рыбу въ воду, чтобы она осталась жива. Чтобы корзинка не уплыла, ее пригрузили камнемъ.

— Приглашаю васъ ко мнѣ на ужинъ сегодня, вскричалъ аббать: форели будутъ восхитительны.... особенно, если у васъ еще осталось давешняго вина.

— Осталось, осталось. Но мало этого: мы найдемъ еще другую приправу. Вотъ здѣсь, въ рошѣ, я примѣтилъ, есть превосходные масляники, привлекательные березовики и огромные бѣлые боровики. Я пришелъ просить васъ, чтобы вы помогли мнѣ собирать.

— Ахъ, снѣгоръ! вскричалъ аббать въ восторгѣ: побѣжите по-скорѣе, покуда пастухи не пошли искать своихъ коровъ. Они, невѣжды, растопчутъ эти дивные грибы. Мы непременно должны предупредить такое несчастье. Вы хорошо сдѣлали, что подождали меня: я знаю всѣ роды съѣдобныхъ грибовъ. Для сбора березовиковъ въ-особенности нужна тонкая проницательность и опытное наблюденіе, потому что у нихъ много родни въ семействѣ лядовитыхъ.

— Пусть Панургъ выдержитъ испытаніе, какъ знаетъ! подумалъ Леонтій, видя Теверино свдѣщаго подлѣ лѣли Г^{***}: я не хочу раздѣлять съ нимъ стыда, если онъ скажетъ какую-нибудь глупость. Лучше разомъ узнаю, чѣмъ кончилось.

Леонтій увелъ аббата и Магдалину, которая однако шла неохотно и утверждала, что всѣ грибы — мухоморы.

— Это предразсудокъ бблшей части нашихъ поселенъ, сказалъ аббать: они пренебрегаютъ знаніемъ съѣдобныхъ породъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ грибы могли бы доставить имъ очень вкусную и здоровую пищу.

Леонтій прошелъ мимо Сабинны такъ близко, чтобы она могла позвать его, если бесѣда маркиза ей не нравилась. Она не позвала. Аббать ревностно занялся сборомъ грибовъ и скоро, разошедшись съ Леонтіемъ, исчезъ въ рошѣ, такъ, что только по временамъ слышались его восторженные восклицанія при новыхъ открытіяхъ рѣдкой величины или большаго количества грибовъ. Магдалига покор-

но пошла съ Леонтіемъ и держала для него свою большую соломенную шляпу въ видѣ корзины.. Но Леонтій клалъ туда только нѣтъ. Птичница была задумчива. Однажды Леонтій привѣтилъ даже блестящую слезинку на ея золотистыхъ рѣсницахъ.

— Что съ тобой, Магдалина? спросилъ онъ взявъ ее подъ руку: о чемъ ты тоскуешь?

— Ахъ, снѣдь!... Не обращайтесь вниманія... это такъ, ничего... глупость.

— Но что же такое? повторилъ онъ, крѣпче прижавъ ея руку.

— Да то, отвѣчала она простодушно, что мой добрый другъ отправился сегодня утромъ на границу.

— Онъ оставляетъ тебя?

— О, нѣтъ! сохрани Богъ.... я не думаю. Онъ пошелъ отыскать проходъ въ такомъ мѣстѣ, которое мой братъ считаетъ непроходимымъ, но гдѣ, по его увѣренію, очень легко можно пронести контрабанду. Чтобы не быть намъ въ тягость, онъ вызвался помогать брату и обѣщаль воротиться сегодня вечеромъ. Но я боюсь, что не воротится и потому тихонько молилась Богу. Отъ этого навернулись слезы.

— Проходъ этотъ, конечно, труденъ и ты боишься, чтобы твой другъ не подвергся опасности?

— О, нѣтъ! Проходъ, правда, опасенъ, когда братъ считаетъ его невозможнымъ, но мой другъ такъ ловокъ и уменъ, что пройдетъ.

— Чего жъ ты боишься?

— Не знаю. Не спрашивайте. Я не умѣю вамъ сказать.

— Такъ я тебѣ скажу. Ты боишься, что онъ разлюбитъ тебя. Куда же дѣвалась твоя твердая увѣренность?

— Такъ вы думаете, я напрасно опасуюсь?

— Не знаю. Но развѣ ты не можешь утѣшиться, бѣднjacka?

— Не знаю, отвѣчала Магдалина такимъ тономъ и съ такимъ взглядомъ на небо, которые выражали не сомнѣніе неустойчивости, а вснугъ неопытности передъ лицомъ новой смерти.

— Правда, что ты не знаешь, сказалъ Леонтій, наблю-

дая выраженіе ея лица: и ты чувствуешь, что это, если и возможно, такъ по-крайней-мѣрѣ очень трудно.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что это вовсе невозможно.....

— Но развѣ не^бможетъ случиться, что другой полюбитъ тебя и что ты полюбишь взаимно?

— Не знаю. Когда не хороша собой, да думаешь о другомъ, такъ едва-ли понравишься кому-нибудь.

— А если же такъ случится? Если твое лицо покажется прекраснымъ и иному, кромѣ невѣрнаго друга; если твоя любовь, твоя скорбь еще прибавятъ тебѣ красоты въ глазахъ этого много?

— Не знаю. У меня теперь такая тоска, что я не могу подумать объ этомъ. Я всё думаю, какъ я буду страдать, когда мой другъ разлюбитъ меня, п..... если бы не боя я пожелала бы лучше умереть.

— Подумай, если ты оттого умрешь и онъ узнаетъ, онъ лась грѣха, будетъ навѣкъ несчастенъ.

— И, можетъ-быть еще, Богъ накажетъ его за мою смерть! О! нѣтъ, въ такомъ случаѣ, я не хочу умирать!

— Ты добра и великодушна, Магдалина. Слушай же, я предвѣщаю тебѣ, что ты не будешь неутѣшно несчастна: Богъ не оставитъ такого сердца, какъ твое.

— Ваши рѣчи отрадны, сеньоръ. Я желала бы лучше къ вамъ приходиться за совѣтомъ нежели къ аббату. Я чувствую, что вы скорѣе нашли бы мнѣ утѣшеніе.

— Чтò же, за чѣмъ же дѣло стало, Магдалина? Возьми меня въ совѣтники и друзья. Если съ тобой случится несчастіе, довѣрься мнѣ, я, можетъ-быть, найду средство хоть не помочь, такъ утѣшить и ободрить.

— Конечно! Но вы изъ тѣхъ людей, которые только проѣзжаютъ черезъ нашъ край, но не остаются. Черезъ три дня вы, можетъ-статься, будете затысячу миль отсюда.

— Возьми этотъ бумажникъ, Магдалина, и не потеряй его. Ты умѣешь читать?

— Умѣю, и писать тоже немножко. Братъ научилъ меня, сколько самъ знаетъ.

— Хорошо. Такъ здѣсь ты найдешь мой адресъ в бумагахъ, посредствомъ которыхъ можешь призвать меня или пріѣхать ко мнѣ, въ случаѣ нужды,—гдѣ бы я ни находился.

— Благодарю васъ, синьоръ. Я никогда не забуду васъ. Я вижу, что у васъ доброе сердце, и знаю, что сдѣлаю. Если мой другъ окажется неблагодарнымъ, я пошлю его къ вамъ и вы скажете ему такихъ прекрасныхъ вещей, что онъ уже не захочетъ огорчать меня.

— Ты чувствуешь столько довѣрія и дружбы ко мнѣ?

— О, да! очень много! сказала Птичница, прижавъ его руку къ своей груди.

— Ого! вскричалъ аббатъ, выходя изъ чаши съ огромнымъ грузомъ грибовъ: прошу покорно! Рука объ руку! Товарищи и пріатели!... Берегись, Магдалина, берегись! Ты вѣтреная голова, душа моя. Худо будетъ!

— Не браните Магдалину, почтеннѣйшій, возразилъ Леонтій: у нея голова совсѣмъ не такая вѣтреная, какъ вы полагаете.

— Ну, хорошо, хорошо. Подите-ка, лучше, посмотрите на мою жатву.

— Пойдите; положимъ ее къ погамъ леди Г***.

— А гдѣ же ваши грибы? Какъ! вы набрали только цвѣтовъ, травы! Это на что годится?

— Это годится маркизу, въ гербарій..... Что-то мой маркизь? прибавилъ Леонтій про себя: не показатъ ли ушка изъ-подъ львиной кожи?

Опъ пошелъ Тверино и Сабину на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ. Негритянка и жокей были очень далеко. Маркизь сидѣлъ очень близко подлѣ леди Г***. Они оба, очевидно, были довольны встрѣчею: маркизь казался совершенно увѣреннымъ въ себѣ; у младаи глаза сіяли, на лицѣ играла живая краска.

— Что это такое? спросила леди Г***, когда аббатъ торжественно разложилъ передъ нею на травѣ плоды своихъ поисковъ: ахъ, это грибы! Какія странныя, однако жъ красивые растенія.

— Красивыя! странныя! вскричалъ пораженный въ сердце аббатъ: что вы, миледи? Скажите лучше, превосходныя, душистыя, свѣжія, превкусныя!

— Но, позвольте, почтеннѣйшій аббатъ, вотъ нѣскольکو мухоморовъ, сказалъ Тверино и, отобравъ, забросилъ нѣскольکو грибовъ.

— Можеть-быть, можеть-быть, отиѣчалъ аббать: вторыхъ не мудрено ошибиться.

— А вы во всемъ знаете толкъ, маркизъ! сказала Сабина съ дружескимъ взглядомъ: скажите, чего вы не знаете?

— Ну, что? каковъ мой маркизъ? спросилъ Леонтій отыкая ее всторону.

— Развѣ можно не находить его привлекательнымъ? Развѣ насчетъ его могутъ существовать два мнѣнія? Если онъ не то, чѣмъ кажется, то вы, любезный докторъ, поступили очень неосторожно, представивъ мнѣ человека, который обладаетъ такимъ множествомъ погуществныхъ чаръ.

Сабина говорила насмѣшливымъ тономъ, но сама, можеть-быть, не знала, что глаза ея были подернуты тонкою влагой, которая обнаруживала тайное восхищеніе.

— Боже мой! что я сдѣлалъ? подумалъ Леонтій въ отчаяніи.

Онъ уже готовъ былъ признаться въ неумѣстной шуткѣ и все открытъ, какъ встрѣтилъ пылливый взглядъ Тверрино, вспомнилъ клятву а смолчалъ.

— Но, нѣтъ, это невозможно! думалъ онъ: эта гордая и холодная женщина не можетъ такъ ошибиться. Она не можетъ влюбиться такимъ образомъ, съ перваго взгляду. Впрочемъ, прибавилъ онъ, всматриваясь въ Тверрино, который дошелъ тогда до самой блестящей точки своей роли: если посмотрѣть на рѣдкую красоту этого бродяги, на изящество его обращенія и невѣроятную ловкость; если послушать этого звучнаго голоса, этой рѣчи, блестящей остроуміемъ и поэзіей, то едва-ли согласишься, что есть люди привлекательнѣе его. Это такой маркизъ, что равнаго ему, пожалуй, и не найдешь во всей Италиі, и едва-ли есть женщина такая слѣпая, чтобы не привѣтить этого.

Леонтій надулся. Сабина принуждена была толкнуть его, чтобы вывести изъ задумчивости. Солнце садилось. Время было благопріятно для возвратнаго пути. Аббату хотѣлось по-скорѣй домой, чтобы форели не уснули и грибы не потеряли своей свѣжести. Магдалина сидѣла всто-

ронѣ, совершенно безмолвная, и, казалось, не принимала на какого участія въ окружающаго.

— Сеньоръ Леонтио, сказалъ Теверино, когда собирались сѣсть въ экипажъ: вы влюблены въ леди Сабину?

— Вы очень любопытны, signor marchese! отвѣчалъ Леонтио съ досадой.

— Нѣтъ, я вовсе не любопытенъ, но я вашъ другъ и мнѣ нужно знать ваши чувствованія, чтобы не поперечить имъ.

— Ого! какая самонадѣянность!

— Вы уже сердитесь? Вотъ, видите! Что я вамъ говорю? Долго мы не проживемъ вмѣстѣ. Но тайну вашу я уже знаю, нечего и спрашивать. Леонтио, вы сознаетесь, что Теверино честный человекъ.... Я буду править! вскричалъ онъ вскочивъ на козлы: ты, черный геній, садись съ жокеемъ на занятки. Это мое мѣсто. Я буду кучеромъ. Я страстный охотникъ до лошадей.

Негрятка Лейла повиновалась и сѣла на указанное мѣсто.

— Однако жъ это не очень любезно съ вашей стороны, замѣтила леди Г... маркизу: или наше общество такъ мало привлекаетъ васъ?

— Ктому же, вы, можетъ-быть, не знаете дорогъ, прибавилъ аббатъ: мы уже заблудились однажды. Будетъ съ насъ. Не заставляйте насъ кушать вечернюю росу на ужищъ и ночевать подъ звѣздами.

— Дайте маркизу волю, перебилъ Леонтио: и если ужъ мы заговорили о звѣздахъ, такъ довѣрьтесь его звѣздѣ: счастливая. Ты вѣдь умѣешь править, маркизь?

— Можетъ-быть! хотя я никогда не пробовалъ.

— Ну, спасибо! вскричалъ аббатъ: вы опрокинете насъ, переломаете нашъ кости! Здѣсь съ дорогами—то шутить нечего: что шагъ, то провасть. Оставьте-ка, сеньоръ. Пусть мальчикъ править: онъ знаетъ свое дѣло.

— Не сумасбродствуй, шепнулъ Леонтио Италиянцу: если ты кучеромъ не былъ, такъ не берись.

— Все можно импровизировать, возразилъ Теверино: я чувствую сегодня такое вдохновеніе, что берусь править конями солнца.

Онъ ударилъ по лошадямъ и помчался.

— Не туда! не туда! кричалъ аббатъ: рет Вассо! не туда! Сант'Аполлинаріо лежитъ лѣвѣе.

— Вы ошибаетесь, аббатъ; я лучше васъ знаю эти горы, возразилъ возница и, наклонившись къ Леонтію, спросилъ:

— Куда же ѣхать?

— Всюду, никуда..... куда хочешь! отвѣчалъ Леонтій также на-ухо.

— Въ такомъ случаѣ всего лучше куда глаза глядятъ! отвѣчалъ Теверино, и продолжалъ погонять лошадей съ такою запальчивостью, что аббатъ струсилъ, поблѣднѣлъ и пересталъ ворчать.

Ужась почтеннаго старика былъ довольно основателенъ. Теверино оказался болѣе ловкимъ нежели опытнымъ кучеромъ. Будучи отъ природы опрометчивъ и притомъ одаренъ присутвіемъ духа, необыкновенною ловкостью и силой, онъ презиралъ опасности и не зналъ ни нравственныхъ ни вещественныхъ препятствій, которыхъ бы не могъ миновать или одолѣть. Убѣжденный въ этомъ и восхищенный прекрасными лошадями Леонтія, онъ пускалъ ихъ во всю прыть по краямъ самыхъ ужасныхъ провастей, задѣвалъ за пни, за камни, взлеталъ на крутизны, стремительно спускался съ косогоровъ, такъ что оси дымилась. Сабина тоже сначала испугалась не на шутку, однако не показала ни этого страху ни досады. Она даже старалась шутить надъ трусостью аббата. Скоро страхъ ея совершенно уступилъ мѣсто раздраженной отважности, особенно, когда она примѣтила, что Леонтій завидуетъ невѣроятной ловкости маркиза, и когда сверхъ-того видѣла, что опасность каждую минуту минуетъ. Сабина во всемъ этомъ находила только новый случай подивиться Италіянцу, а онъ безпрестанно оборачивался къ ней, какъ будто для того чтобы въ ея одобреніи почерпнуть новую силу.

— Онъ гонитъ какъ сумасшедшій! сказалъ Леонтій, взглянувъ въ пропасть: мы ѣдемъ хорошо, если только долго проѣдемъ. Не страшно ли вамъ, миледи? Не остановить ли?

— Чего же мнѣ страшиться? спросила Сабина съ удивительнымъ хладнокровіемъ, взглянувъ такъ же въ пропасть: развѣ вашъ другъ не волшебникъ? Насъ несутъ чары и мы можемъ скакать по водамъ, если всѣ вы надѣетесь на него такъ какъ я.

— Ваша увѣренность въ маркизѣ похожа на фанатизмъ, миледи.

— А вы развѣ меньше полагаетесь на него? Вѣдь вы же довѣрили ему и свою судьбу и нашу.

— Да... признаюсь, онъ во всемъ уходитъ такъ далеко и скоро, какъ ни я ни онъ не предвидѣли. Зато онъ и бѣснуется: онъ въ упоеніи отъ своихъ успѣховъ.

— Это сильная натура, львиное мужество, сказала Сабина, уязвленная упрекомъ: опасности, въ которыя онъ мчится съ нами, восхищаютъ меня. Изъ всѣхъ сегодняшнихъ изобрѣтеній вашихъ это больше всего занимаетъ меня.

— Въ такомъ случаѣ удвоимъ приѣмъ. Пошелъ, маркизъ! живѣе! Ты дремлешь.

Теверино такъ погналъ, что аббатъ и негрятка вскрикнула; леди Г... захохотала. Одна Магдалина была истинно мужественна и совершенно равнодушна къ опасности: она смотрѣла на золотистыя облака заката, подъ которыми взадъ и впередъ пролетали коршуны, возбужденные приближеніемъ вечера.

УШ.

Италія! Италія!

Наконецъ лошади утомились и при подъемѣ на холмъ пошли медленнѣе. Аббатъдохнулъ свободнѣе. Пропастей не стало; коляска покатила по узкой насыпи, довольно дурно поддерживаемой, однако такой, гдѣ паденіе уже не могло имѣть такихъ послѣдствій какъ паденіе съ горной дороги, прилѣпленной къ крутой стѣпѣ надъ бездонною пропастью.

— Гдѣ же мы теперь! спросилъ старикъ: эти мѣста мнѣ вовсе не знакомы: видъ со всѣхъ сторонъ ограниченъ, но мнѣ кажется вѣрно только то, что я не домой ѣду.

— Будьте спокойны, аббатъ, возразилъ Теверино: всѣ

дороги ведутъ въ Римъ. Эта немножко ухабиستا, правда; зато мы минуемъ большой яркъ....

— Да, если можно переѣхать черезъ горный потокъ, замѣтила Магдалина.

— Кто говоритъ о горномъ потокѣ? вскричалъ маркизъ: это ты, мамзетка?

— Я, отвѣчала дѣвушка: если вода на убыли, мы переѣдемъ; если нѣтъ....

— Если нѣтъ, мы переѣдемъ по мосту.

— Мостъ пѣшеходный, съ ступенями.

— Переѣдемъ! вскричалъ Теверино.

— По-миѣ, пожалуй, спокойно отвѣчала Магдалина.

— А по-миѣ нѣтъ. Я не хочу ѣхать съ вами! вскричалъ аббатъ: я выйду изъ коляски и пойду пѣшкомъ, послѣ всѣхъ.

Потокъ казался на убыли и Теверино хотѣлъ уже погнать въ него лошадей, но Магдалина остановила его.

— Вода мутна, сказала она: видно, что не далѣе какъ два часа назадъ въ потокъ упала снѣжная лавина. Вы не переѣдете.

— Миледи, хотите вы довѣриться миѣ? спросилъ Теверино: мы переѣдемъ, я ручаюсь. Кому страшно, пусть выходитъ....

— Меня прошу высадить! вскричалъ аббатъ, и выскочилъ.

Негрятянка послѣдовала его примѣру. Жокей, колеблясь между двумя страхами, — показаться трусомъ или утонуть, — пошелъ, взялъ лошадей подъ уздцы и ждалъ, чѣмъ рѣшится.

— Сабина, выдѣте! сказалъ Леонтій почти повелительно.

— Нѣтъ, не выйду. Я въ первый разъ чувствую, какое удовольствіе можно находить въ опасности, и непремѣнно хочу испытать его вполнѣ.

— Я этого не позволю, возразилъ Леонтій: это сумасбродство.

— Вы, кажется, не выѣдете ни какихъ правъ на мою жизнь, Леонтій: кому жъ, маркизъ за нее ручается.

— Маркизъ дуракъ! вскричалъ Леонтій, выходя изъ себя при видѣ явной страсти леди Г... къ Итальянцу.

Маркизь обернулся и уставилъ на Леонтія сверкающіе глаза.

— Вы хотите сказать, что вы оба сумасшедшіе! съ живостью возразила Сабина, испуганная началомъ ссоры: я слѣдую вашему совѣту, Леонтіи. Маркизь, вы тоже сойдете. Нашъ жокей плаваетъ какъ рыба. Онъ одинъ можетъ перевести экипажъ.

— Я плаваю лучше всѣхъ жокеевъ и лучше всѣхъ рыбъ на свѣтѣ, отвѣчалъ Теверино: притомъ я не вижу причины, почему жизнь этого мальчика скорѣе можетъ быть подвергнута опасности нежели моя. Чтò стоятъ ваши лошади. Леонтіи? прибавилъ онъ съ мастерскимъ равнодушіемъ богача.

— Я дарю вамъ ихъ, отвѣчалъ Леонтіи: утопите, если хотите.—Но на томъ берегу я тебѣ скажу пару словъ, прибавилъ онъ шопотомъ.

— Вы мнѣ ничего не скажете на томъ берегу. Но завтра, въ два часа по полудни, я поговорю съ вами, отвѣчалъ Теверино: вы обидчикъ и я имѣю право выбрать время. Взаимнѣ, я предоставляю вамъ выбрать оружіе. А до той поры, изъ уваженія къ самимъ себѣ и изъ приличія передъ вашею дамой, прикидывайтесь такимъ хорошимъ моимъ другомъ, чтобы грубыя ваши слова были хоть сколько-нибудь извинительны.

— Дуэль? дуэль съ тобою? Ну, хорошо! такъ и быть, сказалъ Леонтіи, потомъ прибавилъ вслухъ: такъ какъ мы съ тобой не деремся, маркизь, послѣ нѣжностей, которыя говоримъ другъ другу, то, чтобы насъ не могли упрекнуть въ трусости, ѣдемъ вмѣстѣ черезъ потокъ.... Это чтò? Ты куда? вскричалъ онъ, увидѣвъ что Магдалина лѣзетъ на козлы, чтобы сѣсть подлѣ маркиза.

— Я не боюсь ни какой опасности! отвѣчала она: я укажу маркизу дорогу. Направо, маркизь! потомъ налѣво, вотъ такъ.... ну, теперь прямо!

Остальные пассажиры взошли на мостъ и не безъ ужасу смотрѣли на опасный переѣздъ. Посрединѣ потока стремительное теченіе подняло экипажъ и онъ закачался какъ челнокъ увлекая лошадей къ узкимъ аркамъ маленькаго каменнаго мосту.

— Пустите немного по теченію и потомъ поворотите! сказала Магдалина хладнокровно наблюдая за движеніемъ экипажа.

Лошади, потерявъ дно, поплыли и будучи еще довольно сильны, несмотря на гоньбу, вытащили легкій экипажъ изъ глыби, ступили опять на мель, захрапѣли, отрахнулись и подъ могучею рукою возницы благополучно вынесли экипажъ на берегъ.

— Видите, миледи, что и вы могли бы переѣхать! сказала Италіянцу леди Г***, прибѣжавъ поздравить его.

— Вовсе нѣтъ, возразилъ аббатъ, содрогаясь при одной мысли, что и онъ могъ подвергнуться такой опасности: совѣмъ нѣтъ! Если бы въ коляскѣ было богѣе народу, она потонула бы. Я, напримѣръ, будучи не тонокъ, погрузилъ бы и васъ и самъ бы погрузился. Я это предвидѣлъ.

Всѣ опять усѣлись въ экипажъ. Магдалина осталась на козлахъ, подлѣ Теверино, который во всю остальную дорогу разговаривалъ съ нею вполголоса и съ жаромъ. Сабина замѣтила Леонтію, что *добрый другъ* Птичницы легко, можетъ-быть, замѣнитса другимъ другомъ.

— Съ этой стороны нѣтъ ни какой опасности, возразила Магдалина, которая благодаря своему птичьему слуху не проронила ни одного слова: не я первая измѣню.

— И не онъ, клянусь честью! весело вскричалъ маркизь: ты такая добрая, такая любезная дѣвушка, что я не понимаю, какъ можно измѣнить тебѣ!

— Вотъ, какъ эти любезные господа кружатъ голову бѣдной дѣвочкѣ! вскричалъ аббатъ: одинъ прогуливается съ нею по рощѣ, рука объ руку, какъ съ важною дамой; другой напѣваетъ ей, что она добрая да любезная, а она, глупая, и не примѣчаетъ, что надъ нею смѣются.

— Такъ это, стало-быть, вы ходили съ нею подъ-ручку, Леонтію? насмѣшливо спросила Сабина.

— Отчего жъ нѣтъ? Развѣ вы сами не вели ее подъ руку? Съ той минуты, какъ мы похитили ее и приняли въ свое общество, мы, по справедливости, должны, кажется, обходиться съ нею, какъ съ равною. И неужели аббатъ станетъ возбранять намъ братское согласіе? Это одно изъ

невпипныхъ и романическихъ удовольствій нашихъ сегодня.

— Я не люблю романическихъ вещей, возразилъ аббатъ: они слишкомъ недолговѣчны и живутъ только въ мозгу. Вы, люди знатные и богатые, вы на минуту забываетесь простотою другихъ и потомъ, заплативши, забываете думать объ нихъ. Пусть-ка Магдалина послушаетъ васъ, увидимъ, что будетъ и къ кому она наконецъ обратится за совѣтомъ и утѣшеніемъ.

— Аббатъ пугаетъ меня, Леонтій, сказала Сабина: но я надѣюсь, мой другъ, что эта бѣдная дѣвушка не будетъ здѣсь поведена на путь къ гибели!

— Я могу отвѣчать только за себя, отвѣчалъ Леонтій.

— А за маркиза нѣтъ?

— Признаюсь вамъ, что я вовсе не отвѣчаю за маркиза, ни въ какомъ отношеніи. Онъ хорошъ, краснорѣчивъ, страстенъ. Всѣ женщины ему нравятся и онъ нравится всѣмъ женщинамъ. Кажется, это и ваше мнѣніе, абина?

— Почему я знаю? Не лучше ли взять Магдалину въ коляску?

— Конечно, замѣтилъ аббатъ: и тѣмъ болѣе, что дорога становится хуже, а дѣло идетъ къ ночи. Если маркизъ будетъ развлекаться, мы не въ безопасности. Посадимъ къ нему негрятку вмѣсто Птичницы.

— Я не ручаюсь, что у него не будетъ столько же развлеченія съ черною, сколько съ бѣлокурою, отвѣчалъ Леонтій: самое вѣрное средство — посадить къ нему васъ, аббатъ.

Это мнѣніе восторжествовало и Магдалина сѣла въ коляску, не обнаруживъ ни досады, ни стыда, ни сожалѣнія. Задумчивость ея совершенно разсѣялась. Отраженіе заката разливалось на ся румяныхъ щекахъ теплымъ зѣвиръ молодости и жизни.

— Посмотрите, какъ эта дурная дѣвочка похорошѣла! сказалъ Леонтій Сабинѣ по-англійски: знойное дыханіе маркиза распалило ее.

Сабина старалась шутить въ томъ же тонѣ, но въ глазахъ ея не исчезала смертная тоска. Ревность зашпигалась

въ ея сердцаѣ подѣ видомъ пренебреженія и все что Леонтій говорилъ о счастіи маркиза, причинило ей боль и стыдъ. Она старалась и себя самое увѣрить, что *экойное дыханіе* не дѣйствовало на нее такъ, какъ на Магдалену.

Прошло по-крайней-мѣрѣ полчаса прежде нежели Сабина успѣла прогнать угрызения своей совѣсти и воротить покойствіе гордости. Наконецъ, она почувствовала, что осдержала побѣду и что чары уже не дѣйствуютъ на нее. Тверино, чтобы отвлечь аббата отъ безирестанной мысли о Сант'Анолджаріо, завелъ съ нимъ какой-то богословскій споръ.

— Какъ аббатъ горачится! замѣтила Сабина Леонтію: что, вашъ другъ въ самомъ дѣлѣ ученый? Жаль, что я не могу хорошенько разслышать ихъ разговору.

— Маркизь знаетъ всего по-немножку, отвѣчалъ Леонтій.

— Только по-немножку? По самоувѣренности его, конечно, можно такъ полагать. Многіе Италиянцы таковы: это черта южнаго характера.

— Этотъ характеръ имѣетъ свои прелести и свои странности. Одни такъ ничтожны, что нельзя не смѣяться надъ ними, другіа такъ могущественны, что по-волю должно покоряться имъ.

— Любезный Леонтій, сказала Сабина, позавъ эинграмму, скрытую подъ грустнымъ выраженіемъ: примѣчать—значить видѣть, но отнюдь еще не покоряться. Позвольте мнѣ говорить о вашемъ другѣ какъ о совершенно чужомъ человѣкѣ и я вамъ скажу, что это глиняная статуя съ золотыми жилами.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Леонтій: но золото такая дорогая вещь, что ее стараются отрыть даже въ глазахъ.

— Вотъ слово, которое пугаетъ меня!

— Я этого не отношу къ маркизу, миледи, и вообще не сужу объ немъ. Рассмотрите его сами. Это замѣчательнѣйшій предметъ для наблюденій, какой только можно представить вамъ, и я представилъ его не безъ цѣли. Только не поддавайтесь ослѣпленію, если хотите видѣть ясно. Признаюсь вамъ, что я самъ, давно потерявши его изъ виду и даже зная подвижность его нраву, не узналъ

его, такъ, что долженъ снова изучить и могу отвѣчать за него только въ извѣстной степени. Вы предупреждены, Сабина; берегитесь.

— Чтѣ значитъ это послѣднее слово? Вы думаете, что я въ опасности отъ энтузіазму?

— Вы сами очень хорошо знаете, до какой степени подвергались этой опасности, когда хотѣли даже съ опасностью жизни переѣхать съ нимъ черезъ потокъ, чтобы доказать ему ваше довѣріе и покорность.

— Не употребляйте невѣрныхъ и оскорбительныхъ словъ. Можно подумать, что вы десадовали.

— Развѣ вы не видѣли, что я былъ разгнѣванъ, всего-лихо раздосадованъ?

— Вы въ самомъ дѣлѣ говорите какъ ревнивецъ!

— Дружба такъ же имѣетъ свою ревность, какъ и любовь. Это вы сказали сегодня утромъ.

— Хорошо; пусть. Это украшаетъ и оживляетъ дружбу, сказала Сабина съ недолимо привлекательнымъ конетствомъ.

Она была испугана мыслью, что едва не влюбилась въ Теверино, и усиливалась создать себѣ щитъ подстрекая предполагаемую любовь Леонтіа. Успѣть въ этомъ было не трудно. Онъ взялъ ея руку и держалъ въ своихъ, до того что Сабина наконецъ выдернула ее раскаленную. Магдалина, по-видимому дремавшая, встрепенулась при этомъ движеніи и леди Г^{***} смутилась отъ ея удивленнаго взгляду.

— Рег Вассо! гдѣ же мы? вдругъ вскричалъ аббатъ, озираясь во всѣ стороны.

Они достигли оконечности длинной тѣсновны, по которой цѣлый часъ съ трудомъ взбирались въ гору, и выѣхали на площадку. Тутъ, съ одной стороны, водъ ногами развернулась глубокая пропасть, съ другой высились громадные скалы, увѣнчанныя снѣгами. Природа была кругомъ бесплодная, странная и ужасно романтическая. Но впередъ дорога, извиваясь по краю горныхъ уступовъ, множествомъ живописныхъ изворотовъ быстро спускалась въ плодородную, богатую и улыбающуюся долину, на которой блестяла мѣстами небольшія свѣтлыя озера. Вдали, въ

туманной синевѣ горизонта небо сливалось съ землею. Сабина вскрикнула отъ удивленія.

— Ахъ, Леонтій! сказала: какъ я благодарна вамъ, что вы привезли меня сюда! Какой прекрасный видъ! Какой чудесный сегодня день!

— Я тоже очень благодаренъ вамъ, сказалъ аббатъ съ отчаяніемъ: по милости вашей наслажденія живою природою должны замѣнить намъ сегодня и ужинъ и ночлегъ. Мы удалились отъ Сант'Аполлинаріо, я думаю, больше нежели на десять миль и ѣдемъ прямо или въ Венецію или въ Миланъ, вмѣсто-того чтобы отыскивать свой домашній кровъ.

— Вмѣсто того чтобы ворчать и брюзжать такимъ образомъ, вы должны бы встать на колѣни и благодарить судьбу, что попали сюда! вскричалъ Теверино: такъ ли должно привѣтствовать землю Италіи и дорогу, которая ведетъ въ вѣчный городъ?

— Такъ это Италія, вскричала Сабина, выскочивъ изъ коляски: моя милая Италія, о которой я мечтаю съ дѣтства и которую мой варваръ-мужъ показывалъ мнѣ только на картинкахъ! Неужели, маркизъ, вы привезли насъ въ Италію?

— O cara patria! зашѣлъ Теверино звучнымъ своимъ голосомъ арію изъ Танкреда: terra degli avi miei, ti bascio!

— Заткните уши! сказалъ Леонтій: вотъ новыя чары, противъ которыхъ я васъ не предостерегъ. Маркизъ поетъ какъ Орфей.

— А! это голосъ Италіи! Какое мнѣ дѣло, изъ чьихъ устъ онъ излетаетъ? Мнѣ кажется, что эта земля и небо поютъ пѣснь любви. Италія! Боже мой! Такъ по-крайней-мѣрѣ я могу сказать, что поклонилась горизонту Италіи! Это вашей замысловатой затѣѣ и отважности нашего воиницы я обязана такимъ высокимъ наслажденіемъ. Дайте же мнѣ поблагодарить васъ обонхъ!

Говоря это Сабина подала тому и другому руки, потомъ побѣжала далеко впередъ, какъ рѣзвое дитя. Она была внѣ себя отъ радости.

— Остановитесь здѣсь, синьора, сказала потомъ Магдалина: я обѣщала вечеромъ показать вамъ чудесную вещь.

И аббатъ не уснетъ спокойно сегодня, если я ему не сдержу моего слова.

— Не бойся, усну, лишь бы было гдѣ отвѣчать аббатъ. Онъ пыхтѣлъ отъ усталости, оттого что вмѣстѣ съ другими догонялъ далеко убѣжавшую Сабину, и, повалившись на траву неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она сѣла по приглашенію Птичницы, сталъ обмахиваться своею широкою шляпою какъ опахаломъ. У него уже не ставало силъ ни на сопротивленіе, ни на жалобу.

— Вотъ теперь пора! сказала Птичница.

И она съ легкостью кошки стала взбираться съ утеса на утесъ до самой вершины горы. Тамъ, рисуясь рѣзко очерченнымъ силуэтомъ на тепломъ полѣ неба, она начала махать своимъ краснымъ плащикомъ. Въ то же время она дѣлала зрителямъ знаки, чтобы смотрѣли въ небо надъ нею, и очерчивала какъ-бы волшебный кругъ, въ которомъ видѣла парящихъ орловъ. Но Сабина напрасно вглядывалась въ синеву: орлы терялись въ такой безпредѣльности, что были доступны только чудесному зрѣнію Птичницы. Наконецъ зрители примѣтили нѣсколько темныхъ точекъ, которыя какъ-будто плавали въ облакахъ. Мало-по-малу точки становились чернѣе; число ихъ увеличилось и сами они стали постепенно выростать. Наконецъ возможно стало отличать широкія крылья и слышались дикіе крики, словно алскій концертъ въ области громовъ.

Долго орлы парили постепенно уменьшая круги и потомъ, собравшись въ кучу надъ головой Птичницы, стали покачиваться на широко распростертыхъ крыльяхъ; спустились и опять поднимались какъ воздушные шары и, очевидно, тревожились подозрѣніемъ. Тогда Магдалина накрыла голову плащомъ, спрятала руки и, подобравъ ноги подъ платье, присѣла. Въ ту же минуту вся стая хищныхъ птицъ стремительно спустились къ ней, чтобы растерзать какъ свою добычу.

— Однако эта потѣха очень опасна, сказалъ Теверино, взявъ изъ коляски Леонтіево ружье и бросился бѣжать на гору: можетъ-быть, Магдалина не видитъ, сколько наикала враговъ.

Между-тѣмъ Магдалина опять встала и замахала пла-

щомъ и опять присѣла. Орлы отлетѣли, но, принявъ это минутное движеніе за корчи издыхающаго животнаго, опять стали спускаться и наполняли воздухъ злобѣщими криками. Такимъ образомъ Птичница привлекала и пугала орловъ нѣсколько разъ, потомъ открыла голову и протянувъ руки, стоя неподвижно, ожидала ихъ. Тесерино подошелъ уже довольно близко и въ эту минуту прицѣлился, чтобы отразить нападающихъ, но Магдалина запретила знакомъ и, останавливая непріятеля огнемъ своего взору, начала медленно спускаться. На утесъ она оставила завернутую въ платокъ, мертвую птицу, которую снесла туда не сказавъ никому. Между-тѣмъ какъ она спускалась съ горы, орлы бросились на эту добычу и съ крикомъ растерзали.

— Посмотрите какъ они злятся на мой платокъ, который я забыла тамъ, сказала Магдалина воротившись къ зрителямъ: какъ они стали дерзки, когда я ушла! Ну, пусть ихъ поютъ побѣду. Это животныя злыя и малодушныя: они повинуются, но не любятъ. Я увѣрена, что мои бѣдныя маленькія птички, хотя далеко, однако слышать этотъ крикъ и умираютъ со страху. Если бы я часто стала такъ измѣнять имъ, я думаю, они оставили бы меня.

— Неужели твои птицы послѣдовали за тобою сюда? спросилъ Леонтій.

— Они послѣдовали бы, но я не захотѣла, отвѣчала Магдалина. Я указала имъ ночлегъ въ рощѣ, по ту сторону потока, черезъ который мы перѣехали.

— Гдѣ жъ ты ихъ найдешь завтра?

— Это не мое дѣло. Имъ приходится отъяснивать меня тамъ, гдѣ мнѣ угодно быть. Они видятъ издалека и съ высока и, покуда я пройду одну милю, они могутъ пролетѣть двадцать.

— Хорошо, если бы намъ не больше одной мили оставалось проѣхать до какого-нибудь приюта! проворчалъ аббатъ, который не обращалъ никакого вниманія на сцену съ орлами.

— За этимъ дѣло не станетъ, аббатъ, сказалъ Тесерино: я отвѣчаю вамъ за хорошій ужинъ и мягкую постель, если вы останетесь съ нами. Если же вы непремѣнно захотите

въ Сант'Аполлинаріо, то я ни за что не отвѣчаю. Тогда миледи, конечно, возвратитъ вамъ свободу и вы можете пѣшкомъ идти, куда вамъ угодно.

— Покорно благодарю за такую свободу! вскричалъ аббатъ: если ужъ я попался къ вамъ въ руки, такъ нечего насильственно вырываться, и если вы отвѣчаете за сносный ужинъ и порядочный ночлегъ, я, пожалуй, постараюсь забыть о домашнемъ кровѣ и своихъ обязанностяхъ.

— А я? сказала Сабина Леонтію съ испугомъ: мой мужъ, конечно, не могъ проспать до-сихъ-поръ!

— Говорите тише, чтобы аббатъ не услышалъ, отвѣчалъ Леонтій: ему одному здѣсь такое положеніе можетъ показаться неприличнымъ.

— Что жъ? неужели мы къ ночи не воротимся? Да вѣдь это будетъ баснею всего края!

— Нѣтъ, будьте увѣрены, что нѣтъ. Присутствіе аббата все прикрываетъ, а заблудиться въ горахъ мудрено ли? Нѣтъ ничего легче.

— Но если вашъ маркизъ, за котораго вы не ручаетесь, вздумаетъ рассказывать объ этой поѣздкѣ и наболтаетъ, Богъ знаетъ, чего?

— Я ручаюсь вамъ по-крайней-мѣрѣ за то, что заставлю его молчать. Полноте, Сабина! Неужели вы хотите опять погрузиться въ скучную дѣйствительность! Куда же дѣвался энтузіазмъ, которымъ наполнилъ васъ воздухъ Италіи? Повеія умираетъ отъ воспоминанія свѣтскихъ приличій и, если ваша довѣренность поколеблется, мое могущество тоже тотчасъ исчезнетъ.

— А! если такъ.... ѣдемъ! впередъ!

— Становится свѣжо. Позвольте надѣть на васъ мой плащъ, сказалъ Леонтій.

— Пожалуй. Да и малютку нашу не худо прикрыть хоть полою: она такъ тонко одѣта, сказала Сабина оглядываясь за Магдалиной.

— О! благодарю васъ, синьоръ, мнѣ не холодно, отвѣчала Птичница и опять усѣлась на козлы, подлѣ Теверино.

— Я боюсь, не правъ ли аббатъ, сказала Сабина по-англійски: эта дѣвушка, кажется, въ самомъ дѣлѣ вѣтрени-

ца. Видите, она уже слума сходитъ отъ вашего Италіянца.

— Такъ что же? Намъ какая надобность? отвѣчалъ Леонтіи.

Теверино погналъ лошадей внизъ по извилистой дорогѣ, мимо крутыхъ обрывовъ и глубокихъ пропастей. Магдалина не заботилась объ этомъ. Скоро настала ночь, такая темная, что путешественники почти совсѣмъ не могли видѣть другъ друга. Аббатъ дремалъ.

— Видите, синьоры! вскричалъ наконецъ Теверино указывая на огни въ темной глубинѣ пейзажа: это городъ, это италіянскій городъ!

IX.

На краю пропасти.

Не говорите мнѣ имени этого города! вскричала Сабина: успѣю узнать имя. Мнѣ достаточно знать, что это италіянскій городъ, и воображеніе мое уже увидитъ въ немъ чуда. Посмотрите, любезный аббатъ, не правда ли, это похоже на волшебный замокъ!

— Что?... гдѣ?... это? Это свѣчи горятъ въ столовыхъ и въ кухняхъ.

— Ахъ, подите!... Вотъ ужъ не поэтъ! Неужели вы не видите, что эти огни блестятъ свѣтлѣе чѣмъ гдѣ-либо, и что таинственное ихъ мерцаніе въ этомъ глубокомъ мракѣ сулитъ намъ что-то необыкновенное, какое-нибудь новое, неслышанное приключеніе?

— Съ меня довольно приключеній на сегодня; не хочу больше! отвѣчалъ аббатъ.

Огни свѣтились въ небольшомъ пограничномъ городѣ, котораго имени мы не назовемъ, чтобы не лишить его поэзіи въ глазахъ читателей, если они можетъ-быть проѣзжали черезъ него въ дождливый, ненастный день и въ мрачномъ расположеніи духа. Но каковъ бы ни былъ городъ, Сабину поразилъ его италіянскій характеръ и прекрасное мѣстоположеніе, въ видѣ амфитеатра на склонѣ горы, безпрестанно омываемомъ свѣтлыми потоками и украшенномъ богатою растительностью. Взошедшая луна освѣтила бѣлыя стѣны, террасы увѣчанныя виногра-

домъ, лѣстницы уставленныя вазами съ цвѣтущими алоями, маленькія башни съ круглыми кровлями и множество лавокъ, наполненныхъ цвѣтами и плодами в освѣщенныхъ раскрашенными бумажными фонарями. По сторонамъ улицъ, полъ грузными каменными аркадами сновали взадъ и впередъ гуляющіе, для которыхъ каждый хорошій лѣтній вечеръ—праздникъ. Они смѣхомъ и веселыми криками привѣтствовали богатый экипажъ. Толпа полу-нагихъ мальчишекъ и любопытныхъ дѣвочекъ побѣжала слѣдомъ и присутствовала при высадкѣ путешественниковъ передъ трактиромъ «Бѣлаго Льва».

Трактиръ былъ благоприсойный и видъ массивнаго жаркаго, которое шния поворачивалось на свѣтломъ очагѣ, прояснилъ нахмуренное чело аббата. Между-тѣмъ какъ готовились лучшія комнаты и накрывался столъ, аббатъ не забылъ своихъ форелей и грибовъ, которые до-сѣлѣ были единственнымъ его утѣшеніемъ и спасали его отъ отчаянія при мысли, что ужина, можетъ-быть, не найдется. Тверино отнялъ у поваренка бѣлый передникъ и колпакъ, надѣлъ и съ важностью принялся помогать аббату готовить рыбу и грибы, увѣряя, что обладаетъ рѣдкими тайнами въ этомъ искусствѣ. Магдалина помогала негритянкѣ убирать спальню Сабинны, а Сабина, стоя съ Леонтиемъ на балконѣ, любовалась на пляшущихъ и поющихъ на улицѣ ребятишекъ.

Когда засвѣтили свѣчи и подали простыя, но вкусныя кушанья, путешественники собрались и Леонтій пошелъ искать Птичницу, чтобы сдѣлать удовольствіе маркизу, какъ говорилъ. Сабинѣ это настойчивое уравниваніе состояній не очень нравилось. Трактирщикъ тоже удивился.

— Какъ! вскричалъ онъ: Птичница будетъ кушать съ вами, свѣтлѣйшая синьора и превосходительные господа? Да какъ это можно? Простая дѣвчонка! Я хорошо знаю ее: я неразъ даромъ кормилъ ее за фокусы, которые она показываетъ. Если ты всю свою скотину пригнала съ собой, Магдалина, такъ предупреждаю тебя, что у меня въ домѣ мѣста не хватитъ для помѣщенія такого множества гостей. Поди-ка, душа моя, въ кухню: покушаешь съ людьми ихъ свѣтлостей, а потомъ я найду тебѣ уголокъ на сновалѣ.

— Какъ! на сѣновалѣ! съ погонщиками муловъ и съ возчиками? спросилъ аббатъ: ну, Магдалина, если ты такую ведешь жизнь, такъ не правду ли я говорю, что ты съ своимъ бродяжничествомъ далеко уйдешь?

— Э! помилуйте синьоръ аббатъ! возразилъ трактирщикъ: она еще ребенокъ. Никто и вниманія на нее не обращаетъ.

— Любезный хозяинъ, прошу васъ, прикажите сдѣлать для нее постель въ комнатѣ моей негрятки, сказала Сабина: я взяла Магдалину съ собою для моего удовольствія и должна отвѣчать за ея безопасность.

— А! это иное дѣло! Когда ваше превосходительство позволите интересоваться, все будетъ сдѣлано по вашему приказу. Прикажете и приборъ поставить?

— Ну, поставьте, отвѣчала Сабина, любопытствуя при свѣтѣ и вблизи увидѣть, какіе успѣхи сдѣлала короткость Птичницы съ маркизомъ.

Но она обманулась въ ожиданіи. Теверино и Магдалина казались совершенно чуждыми другъ другу. Дѣвушка была скромно вольна и весела съ Леонтіемъ и почтительно спокойна передъ маркизомъ, который, исправляя за столомъ должность хозяина, занимался ею съ отеческою добротою покровителя, такъ, что это только выказывало ласковый его характеръ, но ни сколько не нарушало приличій. Сабина скоро разсудила, что ошиблась, и самъ аббатъ не находилъ ничего предосудительнаго въ поведеніи маркиза. Онъ больше склонялся къ возстанію противъ любезнаго вниманія, которое Леонтій оказывалъ *маленькой дурочкѣ*. Но аппетитъ у старика былъ такъ страшно раздраженъ, а наслажденія стола такъ могущественны, что Магдалина уже ушла отъ стола и уснула въ углу, на диванѣ, прежде нежели почтенный аббатъ нашелъ поводъ и время замѣтить что-нибудь. Отъ времени до времени Леонтій оглядывался и любовался на покой невинной дѣвушки, на непринужденное ея положеніе и кроткое выраженіе лица.

Подали десертъ. Маркизь, исключительно занятый Сабинною, говорилъ много и умно: по-крайней-мѣрѣ онъ выказывалъ такой родъ превосходства, который понимаютъ

женщины, — больше воображенія нежели знанія, поэтическую оригинальность и восторженную чувствительность. Сабина мало-по-малу опять подпала подъ очарованіе его слова и взгляду. Аббатъ исполнялъ должность спорщика такъ усердно, какъ-будто имѣлъ въ виду какъ-можно больше выказать краснорѣчіе молодого человѣка и снабжать его оружіемъ противъ своей догматической сухости и черствыхъ форменныхъ предрасудковъ свѣта. Леонтій съ досадою примѣтилъ живость леди Г***, взявъ альбомъ, началъ рисовать спящую Птичницу. Въ разговорѣ онъ не принималъ ни какого участія.

Всякая свѣтская женщина родится ревнивою и завистливою. Сабина по справедливости была такъ обожаема за свою несравненную красоту и блестящій умъ, что всякое вниманіе, обращенное на существо того же пола въ ея присутствіи, неизбежно должно было казаться ей оскорбленіемъ. Умѣя искусно скрывать свои чувстваванія, она выражала огорченіе только шутками, но тѣмъ не менѣе оно пробуждало въ ней жажду немедленнаго мщенія, а мщеніе кокетки въ такомъ случаѣ, конечно, состоитъ въ отысканіи по возможности полнаго вознагражденія за утраченное и за обиду. Сабина вдругъ совершенно предалась оболъщеніямъ Тверино и не могла удержаться, чтобы не выказать этого Леонтію. Она уже забыла стыдъ, который испытала, когда Италіянецъ, по-видимому, занимался Магдалиной.

Леонтій въ совершенствѣ понималъ эту игру, хотѣлъ пренебречь ею и даже вздумалъ самъ употребить то же оружіе: онъ притворился дотога занятымъ своимъ рисункомъ, что казался слѣпымъ и глухимъ для всего окружающаго.

— Леонтій, сказала Сабина, наклонясь къ нему: я увѣрена, вы произведете мастерскую картину. Я никогда еще не видывала васъ такимъ вдохновеннымъ,

— Это оттого, что я никогда не видывалъ ничего прекраснѣе этой спящей дѣвушки, отвѣчалъ Леонтій: чудесный возрастъ! Какая мягкость въ движеніяхъ! какая чистота въ неподвижности чертъ! Посмотрите и согласи-

тесъ, что ни одна признанная красавица, ни одна свѣтская женщина не можетъ быть такъ хороша во свѣ.

— Я совершенно согласна съ вами, отвѣчала Сабина съ удивительнымъ безпристрастіемъ въ тонѣ: и я увѣрена, что маркизъ тоже скажетъ.

— Сохрани меня Богъ! возразилъ Тевериво: я никогда не позволю себѣ сказать такое слово. Красота есть красота. Когда пустишься въ сравненія, такъ сдѣлаешь критику, то есть, нальешь холодной воды на пламенное впечатлѣніе. Это — болѣзнь всѣхъ художниковъ нашего времени: каждый поклоняется одному какому-нибудь типу и хочетъ назначить красоту граньцы, скованная въ его бѣдномъ мозгу. Они уже не находятъ красоты во вистинкту и все видятъ только сквозь призму своихъ произвольныхъ теорій. Одинъ хочетъ чтобы красота была могуча и цвѣтуща какъ у Рубенса; другой, — чтобы она была блѣдна и худа какъ призракъ въ нѣмецкихъ балладахъ; третій, — чтобы была скручена и мужественна какъ у Альберта Дюрера; четвертый, — чтобы была холодная и неподвижная какъ у старинныхъ мастеровъ. Между-тѣмъ никто не примѣчаетъ, что всѣ эти мастера, всѣ эти старинныя школы, слѣдовали вольному, благородному или простодушному вдохновенію, и что оттого-то именно ихъ произведенія оригинальны и нравятся, хотя не походятъ одно на другое. Истинный художникъ тотъ, который умѣетъ почувствовать жизнь, который наслаждается всѣмъ, повинуется вдохновенію безъ разсужденій и безъ разбору любить все, что прекрасно. Какая ему надобность до имени, до наряду, до привычекъ красоты, которая поражаетъ его? Красота можетъ явиться ему иногда и посреди грязной рамы; цвѣтъ невинности и простоты можетъ встрѣтиться на челѣ свѣтскаго кумира. Ему самому, художнику, его творческой силѣ, предстоить сдѣлать изъ своей красавицы или пастушку или царьцу, смотря по расположенію своей души и потребностямъ сердца. Вы, Леонтій, довольно великій художникъ на то, чтобы превратить эту савоярдку въ Елисавету Венгерскую, а я..... (Ed io anche son pittofe!) потому что я тоже чувствую, мыслю и люблю,

я хочу видѣть Дантову Беатриче подъ черными волосами миледи.

— Мнѣ кажется, Леонтій, что маркизь совершенно держится вашего мнѣнія объ искусствѣ, сказала Сабина, которой Тверинно заключенію очень повравилось: онъ только иначе выражается. Но какой это хорошенькій рисунокъ выглядываетъ изъ вашего альбома? Позвольте посмотреть.

— Извините, миледи.... предупреждаю васъ: это этюдъ съ нагой натуры. Впрочемъ, если хотите, можете посмотреть: мой Фавнъ довольно одѣтъ въ листья.

— О! да это превосходный эскизъ! сказала Сабина, глядя на рисунокъ, сдѣланный Леонтиемъ съ Тверинно, на берегу озера: вотъ милая фантазія, и какая благородная поза, какой восхитительный пейзажъ!

— Я нахожу, что это лицо какъ двѣ капли воды похоже на маркиза, замѣтилъ аббатъ: если бы онъ наряжался такимъ образомъ, можно было бы подумать, что это его портретъ. Но не въ одеждѣ дѣлю, а лицо—его.

— Прекрасное лицо маркиза де-Монтефіоре такъ глубоко врѣзано въ моей памяти, что натурально, очень часто является у меня подъ концомъ карандаша, когда я ищущу совершенства, отвѣчалъ Леонтій.

— И вы помѣстили его въ пейзажѣ нашего кантона, продолжалъ аббатъ: вотъ одно изъ нашихъ маленькихъ озеръ; вотъ наши крутыя горы, наши ели и утесы. Очень вѣрно.... Посмотрите, маркизь.

— Поза хороша! спокойно сказалъ Тверинно: сочиненію мило, но рисунокъ слабъ. Это не изъ лучшихъ произведеній нашего друга.

— Я нахожу, что это очень хорошо, сказала Сабина, которая не могла отвести глазъ отъ рисунка.

— Не угодно ли, я подарю вамъ, сказалъ Леонтій насмѣшливо: если вы найдете, что этотъ рисунокъ не стоитъ мѣста въ вашемъ альбомѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ онъ будетъ напоминать вамъ счастливый день и живыя, пріятныя впечатлѣнія

— Нѣтъ, лучше подарите мнѣ этотъ рисунокъ, который вы теперь дѣлаете, отвѣчала леди Г^{***}, испуганная

тономъ Леонтія: нѣтъ кажется, что вы надѣ этимъ третите больше старанія и любви.

— Нѣтъ, нѣтъ; этого я не отдамъ, сказалъ Леонтій, спрятавъ портретъ Магдалины въ альбомъ и отодвинувъ оставленный на столѣ очеркъ Фавна.

— Погода такая прекрасная, сказалъ маркизъ, подошедши къ окну: луна свѣтитъ какъ заря. Не сходите ли, посмотрѣть городъ? Завтра будетъ уже не то: онъ утратитъ свои очарованія.

— Ийдемте, отвѣчала Сабина вставая.

— Я попрошу позволенія посмотрѣть на мою постель, сказала аббатъ: я изломанъ усталостью.

— Устали? оттого что проѣхали семь или осемь миль въ спокойномъ экипажѣ? вскричала Сабина.

— Нѣтъ, не отъ этого, а оттого что сначала выносилъ жаръ, потомъ голодъ, потомъ холодъ, потомъ опять голодъ и, наконецъ, оттого что вѣлъ не въ свое опредѣленное время. Ктому жъ, уже девять часовъ. Я нахожу, что мое расположеніе ко сну очень естественно.

— Ну, такъ спокойной ночи, аббатъ. Вы идете, Леонтій.

— Нѣтъ еще. Я хочу сдѣлать очеркъ съ этой спящей красавицы.

— Надобно этой сонѣ указать другое мѣсто, сказалъ аббатъ строго: не валяться же ей здѣсь, на диванѣ, всю ночь. Эй! беззаботная головушка! вставай!

И онъ началъ вѣять ей въ лицо своею широкою шляпой. Магдалина махнула рукой, какъ-будто отгоняя неотвязную птицу, и опять заснула.

— Вы немилосерды, аббатъ! вскричалъ Леонтій, подавая видъ, что хочетъ сѣсть на диванъ, подлѣ спящей.

— Ей нельзя спать здѣсь, въ проходной комнатѣ, замѣтила Сабина.

— Извините, любезный Леонтій, подхватилъ Теверино: но нужно исполнить желаніе миледи и почтеннаго аббата.

Съ этимъ словомъ онъ взялъ дѣвушку на руки какъ ребенка и отнесъ въ комнату, гдѣ негрятка устроила свою спальню.

— Царица Тартара, сказалъ онъ, вотъ вамъ предметъ,

который ваша госпожа, блистательная Минерва, приказала беречь какъ зеницу ока.

Онъ положилъ Магдалину на постель и уходя, еще шепнуть негритянкѣ.

— Заприте дверь на ключъ. Миледи приказала.

Леонтій притворялся совершенно равнодушнымъ ко всему, что вокругъ него дѣлалось, и безопасно послѣдовалъ за Сабинной, которая напрасно прождавъ, что онъ предложитъ руку, пошла съ маркизомъ.

Маркизу городъ, по-видимому, былъ хорошо знакомъ, хотя его самого никто не узнавалъ, ни даже хозяинъ Бѣлаго-Льва. Онъ повелъ Сабину, ѣсть мороженое, въ кофейню, подлѣ старыхъ стѣнъ. Городъ былъ когда-то укрѣпленъ и еще носилъ слѣды разрушительной войны. Мороженое приказали подать на открытомъ воздухѣ, на платформѣ, откуда открывался видъ на рвы и на кучу старинныхъ массивныхъ зданій, покрытыхъ плющомъ и мхомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи возвышалась полуразрушенная, посеребренная луною башня, которая служила первымъ планомъ обширному пейзажу, подернутому блѣдною дымкой. Небо было вслѣдствіе. Леонтій удалился, бродилъ одинъ между развалинами, и погружался, по-видимому, въ созерцаніе очаровательной ночи и прекраснаго мѣста.

— Кажется, это зданіе римскаго происхожденія, сказалъ Теверино, стараясь переломить найденный подъ ногами кусокъ цемента.

— Я не хочу ничего знать, отвѣчала Сабина: я не хочу сомнѣваться ни въ чемъ: я хочу лучше мечтать здѣсь о величественной старинѣ чѣмъ дѣлать археологическія изысканія. Если станешь во всемъ удостовѣряться, такъ ни въ чемъ не найдешь наслажденія.

— Правда! правда! Вы понимаете истинную поэзію, несравненная Француженка! вскричалъ Теверино, садясь противъ нея: и я хочу заблудиться съ вами въ тотъ эдемъ фантазій, куда божественная Беатриче ввела божественнаго Алигіери.... Чудо! Дѣлая это сравненіе, я вовсе не отдавалъ себѣ отчету въ точности моего вдохновенія. Да! въ васъ соединенъ свѣтъ ума съ идеаломъ красоты. Иногда

я не встрѣчалъ такой необыкновенной женщины какъ вы. Я въ первый разъ только—что выѣхалъ изъ Италіи и не знавалъ еще Француженокъ, существенно отличныхъ отъ нашихъ женщинъ; не знавалъ такихъ какъ вы. У южныхъ женщинъ есть инстинктъ поэзіи и художества, но болѣе въ чувствѣ чѣмъ въ умѣ. Ктому же ихъ ограниченное образованіе, ихъ сладострастная и праздная жизнь не позволяютъ имъ отдавать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, такъ, какъ вы дѣлаете, миледи! И какъ вы выражаете ваши мысли даже на нашемъ языкѣ, которому придаете иногда странную, но всегда благородную и поразительную форму! Да, ваши чувствованія—идеи, и мнѣ кажется, что бесѣдуя съ вами, я уношусь въ области, невѣдомыя другимъ существамъ. Вы судите обо всѣхъ вещахъ; ничто не чуждо вамъ, а между-тѣмъ ваше знаніе не мѣшаетъ вамъ чувствовать и пристращаться точно такъ же какъ тѣ бѣдныя существа, которыя любятъ и удивляются безотчетно и безсознательно. Ваше воображеніе такъ богато, какъ-будто бы вы никогда не обладали знаніемъ тайнъ человечества и идеалы увлекаютъ васъ за предѣлы вашей изумительной мудрости, въ безконечное! Право, мой мозгъ воспламеняется въ горнилѣ вашего и, мнѣ кажется, что слушая васъ, я возношусь надъ самимъ собою!

Такимъ потокомъ пышныхъ фразъ Теверино наливалъ ядъ лестя въ душу гордой леди. Это безпредѣльное удивленіе, выраженное съ италіянскимъ жаромъ, который такъ много походитъ на чувство, далеко разнилось отъ флюсофскихъ придирокъ Леоптія. Рѣчи Теверино тѣмъ болѣе увлекали, что онъ и самъ былъ почти убѣжденъ въ томъ, что говорилъ. Онъ никогда не встрѣчалъ такихъ образованныхъ женщинъ и эта новость истинно очаровывала его жадный и неутомимый наблюдательный умъ. Онъ хотѣлъ привести эту рѣдкую женщину въ такое довольное расположеніе, чтобы она показала себя въ полномъ блескѣ, в. зная, что такія дарованія всегда сопровождаются соразмѣрною гордостью, ласкалъ ее замысловатымъ поклоненіемъ. Сабинѣ трудно, почти невозможно было отличить эту любознательность отъ любви. Она никогда не встрѣчала человѣка столько пресыщеннаго и въ то же время

столько простодушнаго какъ Тверицо. Леонтіи былъ гораздо болѣе алченъ до ума и гораздо менѣе спокоенъ сердцемъ подлѣ нея. Она видѣла только половину характера Италианца, истиннаго любителя душевныхъ наслажденій, который, не утрачивая спокойствія собственнаго сердца, сильно нападалъ на ея сердце, для того чтобы сдѣлать наблюденія надъ новымъ тиномъ.

Она долго говорила съ нимъ.... О чемъ? О чемъ говорятъ молодой человѣкъ и молодая прекрасная женщина, если не о любви? Нѣтъ предмета неисчерпаема въ бесѣдѣ глазъ на глазъ, при свѣтѣ луны. Женщина жалуется на жизнь, оплакиваетъ свои мечты, рисуетъ идеалъ любви и даетъ чувствовать, угадывать страстную пылкость, которую прикрываетъ прозрачною тайной недовѣрчивости и стыдливости. Мужчина приходитъ въ восторгъ, отрекается отъ предразсудковъ и осуждаетъ преступленія себѣ подобныхъ. Онъ хочетъ оправдать и очистить мужской полъ въ своемъ лицѣ. Тысячами искусныхъ внушеній предлагаетъ онъ себя на жертву искупленія первобытнаго грѣха, между-тѣмъ какъ она, тысячекратно болѣе искусныхъ изворотовъ, отвергаетъ приношенія и каждый разъ приводитъ его въ новый пылъ. Въ этомъ заключается сущность обыкновенныхъ бесѣдъ такого рода между образованными людьми. Въ этомъ сущность и того, что происходило утромъ между Сабинной и Леонтіемъ, только съ большимъ еще искусствомъ и притворствомъ. Но бесѣда съ Тверицо меньше пугала ее и болѣе доставляла наслажденія. Въмѣсто горькихъ упрековъ и обвиненій она выдыхала только благоуханія лести. Зато она подвергалась и гораздо болѣе опасности,—опасности отдать нѣжность тому, кто просилъ только воображенія.

Какъ маркизъ Тверицо, воспламененный своими днѣрами, говорилъ громко посреди звучной ночи, то Сабинна немножко испугалась, когда увидѣла что Леонтіи приближается.

— Вотъ и Леонтіи! сказала она, чтобы остановить потокъ краснорѣчія своего собесѣдника.

— Бѣдный Леонтіи! Онъ очень печаленъ и задумчивъ сегодня, шопотомъ отвѣчалъ Тверицо.

— Я никогда не видывала его въ такомъ ирачномъ расположеніи духа, продолжала Сабина: можно подумать, что онъ скучаетъ съ нами.

— Нѣтъ, миледи, онъ влюбленъ и ревнивъ.

— Въ кого же? Въ Птичницу, конечно!

— Нѣтъ, въ васъ. Вамъ это очень хорошо извѣстно.

— Вы ошибаетесь, маркизъ. Мы пятнадцать лѣтъ знакомы и онъ никогда не думалъ влюбляться въ меня.

— Такъ онъ влюбился сегодня; но клянусь вамъ, что онъ влюбленъ въ васъ.

— Оставьте эту шутку: она оскорбляетъ меня.

— Развѣ онъ не изящный молодой человекъ? Великій артистъ, любезенъ, хорошъ собой. Его любовь принадлежитъ вамъ по праву и вы не можете оскорбляться ею.

— Она до-смерти огорчила бы меня, потому что я не могу раздѣлать ее.

— Это ужасно, миледи. Если такъ, то я вижу, что никто въ мірѣ не можетъ быть любимъ вами, потому что никто не можетъ сравниться съ Леонтиемъ.

— Вы ошибаетесь, маркизъ. Леонтій обладаетъ многими преимуществами, безъ которыхъ бы можно было обойтись, если бы взаимнѣй нашлось одно маленькое, но совершенно необходимое качество, которое можно надѣяться найти у другихъ.

— Какое же?

— Способность любить простодушно, безъ гордости и безъ недоувѣрчивости.

Говоря это она встала, чтобы идти на встрѣчу къ Леонтію, и небрежно повисла на рукѣ Теверино.

— Побѣдять эту гордыню не такъ трудно, какъ я воображалъ! подумалъ онъ.

Сабина думала, что говорила очень тихо. Но схода внизъ по ступенямъ зеленого амфитеатра старинныхъ рвовъ, она не примѣтила, какъ звучно это мѣсто, и не полагала, что Леонтій все слышитъ. Между-тѣмъ ея послѣднія слова дотого оскорбили его, что онъ нашелъ довольно силы для притворства и возвращенія къ прежней спокойной роли. Онъ успѣлъ въ этомъ какъ-нельзя лучше: Теверино увидѣлъ, что ошибся и что леди Г*** права, когда приписывала

васть своему пріятелю необыкновенную холодность сердца.

Леонтій предложилъ взойти на верхъ башни, увѣряя, что съ этой высоты видъ еще великолѣпнѣе и что воздухъ тамъ еще чище нежели въ укрѣпленіяхъ. Онъ пошелъ впередъ, чтобы указать дорогу, которую уже открылъ одинъ, и чтобы предупредить леди Г***, гдѣ ступени спиральной лѣстницы засорены, поломаны или скользки. Несмотря на эти предосторожности, восхождение было довольно трудно и даже опасно для такой вѣжной женщины какова леди Г***. Но сила и ловкость маркиза внушали ей необыкновенное довѣріе. На что никогда не рѣшалась бы въ хладнокровномъ состояніи, то она исполнила въ энтузіазмѣ. Тверино помогалъ ей, — или подставлялъ плечо для опоры, или велъ за руки, или совершенно поднималъ.

На этомъ тревожномъ пути неразъ волосы ихъ соприкасались, неразъ дыханія смѣшивались, неразъ Тверино чувствовалъ на взволнованной усталостью груди какъ бьется сердце, трепещущее отъ стыдливости и вѣжности. Луна, проникая сквозь большія обломанныя арки башни, бросала на лѣстницу яркій свѣтъ, который мѣстами прерывался тѣнью отъ толстыхъ стѣнъ. Въ этихъ перемежкахъ свѣту и мраку Тверино и Сабина находились то близко, то далеко отъ Леонтія, который притворялся, будто ничего не видитъ, а между-тѣмъ внимательно наблюдалъ за возрастающею страстью своихъ товарищей. Наконецъ они достигли вершины зданія. Вѣнецъ башни состоялъ изъ круглой сплошной стѣны, въ осемь футовъ толщины, безъ перилъ. Леонтій спокойно обошелъ кругомъ по этому борту и глазомъ мѣрялъ гладкую стѣну, громадное основаніе которой, на сто футовъ подъ нимъ, терялось во рву. Сабина затрепетала отъ страха за него и за себя и за Тверино, который напрасно старался успокоить ее. Она съѣла на послѣднія ступени лѣстницы и тогда толькодохнула свободнѣе, когда маркизъ обвилъ ее руками, какъ спасительною оградой. Испуганныя совы поднялись съ башни съ отчаяннымъ крикомъ. Леонтій ушелъ въ нижніе ярусы башни, будто бы затѣмъ, чтобъ отъискать совиныя гнѣзда и отдать ихъ птенцовъ на воспитаніе Птичницѣ. Скоро шуму шаговъ вовсе не стало слышно.

Теверино уже не такъ владѣлъ собою, какъ за четверть часа назадъ, когда ѣлъ съ Сабиною мороженое въ менѣ совершенномъ уединеніи. Ктому же Леонтіи казался такимъ равнодушнымъ ко всѣмъ возможнымъ послѣдствіямъ приключенія, что Италиянецъ уже переставалъ считать этотъ вопросъ дѣломъ совѣсти. Между-тѣмъ необыкновенная честность этого страннаго человѣка еще боролась съ приманкою красоты и лестной побѣды. Онъ успѣлъ разсѣять страхъ Сабини и, для развлеченія, предложилъ выслушать гимнъ къ ночи, потому что ему хотѣлось пѣть и импровизировать. Онъ уже представилъ ей такой образчикъ своего голоса, который заставлялъ желать продолженія. Сабина согласилась, но объявила, что сердце ея не будетъ биться спокойно, если онъ не сойдетъ съ колоссальнаго пѣдестала, на который взобрался по примѣру Леонтія.

— Такъ что жъ? возразилъ онъ: по-крайней-мѣрѣ я буду увѣренъ, что меня слушаютъ не безчувственно. Многимъ пѣвцамъ по ремеслу не мѣшало бы имѣть такую сцену.

Легкость и оригинальность его лирической импровизаціи, счастливый выборъ напѣва, несравненная красота голоса и природное музыкальное дарованіе, которое замѣняло у него методу вкусомъ, скоро увлекли и очаровали Сабину совершенно. Слезы полились у нея ручьями и когда Теверино опять пришелъ и сѣлъ подлѣ, она была такъ раздражена и разнѣжена, что онъ самъ почувствовалъ себя какъ-бы побѣжденнымъ. Онъ обнялъ ее и спрашивалъ все ли еще она бонется. Она упала къ нему на грудь и прерывающимся отъ слезъ голосомъ сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь я не боюсь!

Теверино поцѣловалъ ее и въ ту же минуту подъ сводомъ лѣстницы, не въ дальнемъ разстояніи, послышались шаги Леонтія. Это образумило ихъ. Вдали раздались рукоплесканія многихъ людей, которые, прогуливаясь по валамъ, слышали, какъ дивная пѣснь импровизатора разносилась по воздуху, какъ-будто голосъ духа или волшебника, который поселился въ развалинахъ.

Отъ этихъ рукоплесканій Сабина затрепетала еще больше нежели отъ приближенія Леонтія. Ей казалось, что это насмѣшка надъ ея огромнымъ пораженіемъ. И, чтобы не сгорѣть отъ стыда за такую слабость, ей нужно было удостовѣриться, что она сидѣла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ любопытные не могли видѣть ея даже на большомъ разстояніи.

X.

Что значитъ одежда!

Путешественники обошли кругомъ по валамъ и, когда воротились въ трактиръ черезъ садовую калитку, увидѣли, что передъ главнымъ входомъ, на улицѣ собралась большая толпа, съ которою трактирщикъ жарко спорилъ.

— Да что прикажете дѣлать, ваше превосходительство! отвѣчалъ онъ на вопросы Леонтія и Тверино, хлопнувъ дверь на носу у осаждавшихъ: наши горожане утверждаютъ, что у меня въ домѣ живетъ великій пѣвецъ, то есть, по-крайней-мѣрѣ синьоръ Рубини, который будто бы при моемъ содѣйствіи коварно и несправедливо скрывается отъ здѣшнихъ любителей. Они требуютъ, чтобы Рубини вышелъ на балконъ и принялъ пріѣзжее публики, которая, полчаса назадъ, на валу, слышала его пѣніе. Другіе бѣгаютъ по всему городу, по всѣмъ кофейнямъ и кричатъ, что синьоръ Рубини здѣсь.... Я не знаю, что и дѣлать. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь видѣть въ своемъ домѣ синьора Рубини и знаю навѣрное, что теперь его здѣсь нѣтъ.

Этотъ случай подаль Тверино мысль пошутить и въ то же время испытать Сабину.

— Послушайте, сказалъ онъ трактирщику: я довольно хорошо пою.... Это я сейчасъ пѣлъ на валахъ. Я маркизь де-Монтефіоре. Развѣ вы не узнали меня?

— Какъ не узнать, свѣтлѣйшій синьоръ! Я сейчасъ узналъ, какъ-только изволили подѣлать, но только не осмѣлился назвать по имени, потому что боялся нарушить ин-

когнито, которое знатнымъ господамъ иногда угодно бываетъ соблюдать въ путешествіи.

— Хорошо, будьте всегда такъ скрѣпны, продолжалъ мнимый маркизь: и въ отношеніи ко мнѣ продолжайте хранить тайну, пока я не выѣхалъ изъ города. За это я общаю вамъ всегда проѣздомъ останавливаться непременно у васъ. Теперь же я желаю съиграть невинную шутку съ меломанами вашего благороднаго города. Достаньте мнѣ старыхъ платьевъ, — какъ можно по-хуже, — освѣтите галерею и объявите, что артистъ, котораго слышала на валахъ, готовъ исполнить желаніе благосклонной публики.

— Чтѣ ты хочешь, выдать себя за Рубини? спросилъ Леонтій, между-тѣмъ какъ трактирщикъ побѣждалъ исполнять приказаніе.

— Онъ можетъ! сказала Сабина съ жаромъ.

— Сяньора, отвѣчалъ Италіанецъ, поднося ея руку къ своимъ губамъ: такого притязанія у меня нѣтъ. Я хочу только дать маленькій урокъ тщеславнымъ диллетантамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключить вашъ день комедіей, которая, можетъ-быть, позабавитъ васъ. Всѣ ваши комнаты выходятъ на галерею, чтѣ тянется вдоль двора. Сидите въ вашей и смотрите въ отверзтіе двери, а вы, Леонтій, не измѣняйте мнѣ, не подавайте виду, что знаете меня.

Когда всѣ распоряженія Теверино были исполнены, Сабина, скрывшись съ Леонтіемъ за полуотворенную дверь, видѣла, какъ на освѣщенную галерею вышелъ человекъ, съ растрепанными волосами, съ включенною бородой, съ блуждающимъ взоромъ, одѣтый въ затасканное и слишкомъ короткое и узкое для него платье. Ей понадобилось нѣсколько минутъ, чтобы подъ этою жалкою фигурой узнать изящнаго маркиза Теверино де-Монтефіоре. Все въ немъ было измѣнено, изуродовано, обдѣлено. Жилетъ младшаго трактирщикова сына такъ стѣснялъ ему грудь, что она у него казалась впавшею; короткіе, узкіе панталоны едва покрывали половину икорь; отвислыя руки лѣниво болтались около угловатыхъ бедеръ; фуражка казалась поднятою въ мусорной ямѣ; черезъ плечо висѣла дрянная старая гитара; въ рукахъ большая дорожная палка.

Все это придавало ему видъ странствующаго шарманщика. Сабина хотѣла-было разсмѣяться, но сердце сжалось, — она сама не знала, отчего. Леонтій, удивленный смѣлостью бродяги, старался угадать, для чего онъ самъ какъ-будто вызываетъ его на нескромность.

При видѣ этого нищаго артиста, толпа, собравшаяся подъ галерею и уже начинавшая аплодировать, вдругъ превратила крики радости въ вопль насмѣшекъ, въ свистъ, и грозила ворваться въ домъ и отколотить содержателя Бѣлаго-Льва за дерзкую шутку надъ почтенными согражданами.

— Минуточку, минуточку потерпите, почтеннѣйшая публика! сказалъ Тверино, нѣсколько укротивъ волненіе то роблѣпными то нахальными движеніями: сжалѣтесь надъ бѣднымъ артистомъ, который воспользовался случаемъ явиться передъ вами съ маленькими своими талантами. Если ему не удастся позабавить васъ, онъ самъ подставитъ спину вашему справедливому гнѣву и съ покорностью приметъ кулачную монету, которою вамъ угодно будетъ осыпать его.

Всякая публика капризна и легко-подвижна. Шуточки шарлатана скоро укротили любопытную толпу и она согласилась, вмѣсто знаменитаго пѣвца, послушать уличнаго гаера. Тверино попросилъ предмета для импровизаціи и съ уморительною важною наболталъ нѣсколько сотъ трескучихъ стиховъ, потомъ принялся мяукать, лаять, ржать, поддѣлывать голоса разныхъ животныхъ, насвистывать уличныя пѣсни, подрывать визгу полишинеля, и все это съ удивительною легкостью и съ аккомпаниментомъ однообразнаго и нестройнаго царапанья на гитарѣ.

Когда онъ кончилъ, на галерею посыпался градъ мѣдныхъ денегъ и публика, награждая скомороха насмѣшливыми рукоплесканіями, всё-таки требовала появленія того удивительнаго пѣвца, котораго слышала на валахъ. Свистъ, хохотъ и крики ветерпѣнія смѣшивались въ одинъ гулъ. Нѣкоторые шутники требовали головы трактирщика.

— Извольте, господа, желаніе ваше будетъ исполнено! сказалъ Тверино: великій пѣвецъ общалъ мнѣ, что будетъ пѣть, если я успѣю занять васъ на нѣсколько минутъ.

Мое дѣло сдѣлано. Теперь я пойду, сообщу ваше желаніе отдать ему честь.

Теверино ушелъ въ свою комнату и черезъ минуту опять явился причесанный и одѣтый. Въ промежуткѣ времени онъ приказалъ потушить часть свѣчей на галереѣ, чтобы зрители не могли узнать его. Онъ съ рѣдкимъ искусствомъ сыгралъ на гитарѣ прелюдію и спѣлъ баркаролу такъ очаровательно, что публика невольно заревѣла bis' bis! Пѣвецъ повторилъ я, окончивъ, съ видомъ аристократическаго покровительства наклонился черезъ перила. Восторженные крики вмѣгъ уступили мѣсто глубокой тишинѣ.

— Друзья, сказалъ онъ съ важностью, въ которой уже не было и слѣда напыщенности гаера: я согласился пѣть передъ вами, хотя по своему званію и положенію я совершенно независимъ отъ капризовъ деревенской и вообще всякой публики. Вы надѣлали такого шума подъ мои окна, что мнѣ невозможно было уснуть и я принужденъ раздѣлаться съ вами полжбовно. Но чтобы наказать васъ за вашу нескромность, я вовсе не буду больше пѣть, и если вы тотчасъ же на уйдете отсюда, я прикажу васъ облить водою изъ пожарныхъ трубъ, которыя уже здѣсь и ждутъ только знаку.

Испуганная толпа вмѣгъ разбѣжалась, въ полной увѣренности, что обезпечила очень важное лицо. Вдали только, въ видѣ скромнаго приношенія удивленія, раздавались рукоплесканія уходящихъ.

Черезъ полчаса потомъ въ городѣ все было тихо и въ трактирѣ всѣ спали, исключая Сабини и Теверино, которые еще разговаривали облокотясь на перила галереи, разбирали послѣднее приключеніе и смѣялась, — потихоньку, чтобы не разбудить спутниковъ.

— Видите, что значитъ предразсудокъ! говорилъ бродяга: эта толпа глупцовъ и не подозреваетъ, что свистала и рукоплескала одному и тому же человѣку.

— Но.... признаться ли, маркизъ? отвѣчала Сабина: я сама первая обманулась бы, если бъ вы не предупредили меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же я счастливъ, что доставилъ вамъ маленькое развлеченіе, синьора.

— Я не знаю, благодарить ли мнѣ васъ за намѣреніе. Сцена была странна, забавна можетъ-быть, но она подѣйствовала на меня непріятно.

— А-га! попалась! подумалъ Тверино и попросилъ леди Г... объяснитьсь.

— Какъ! сказала она съ волненіемъ: неужели вы не понимаете, что непріятно видѣть благородство и красоту въ такомъ грязномъ превращеніи?

— Такъ я былъ очень гадокъ въ этихъ негодныхъ платьяхъ? спросилъ онъ, тронутый комплиментомъ гораздо менѣе нежели какъ могла ожидать Сабина, послѣ того, что между ними случилось.

— Этого я не говорю, возразила она уже не такъ вѣжливо: но все изящество вашего обращенія исчезло, все достоинство вашей осанки уступило мѣсто какому-то цинизму. Я страдала видя васъ въ этомъ образѣ и не могла увѣрить себя, что это вы.

— А между-тѣмъ это былъ я, я самъ!.....

— Нѣтъ, маркизъ; это было лицо, которое вы хотѣли представить, и въ этомъ лицѣ не было ничего вашего.

— Мое обращеніе и рѣчи были искусственны, согласенъ. Но, наконецъ, это все-таки было мое лицо, мой голосъ мой умъ, мое сердце, однимъ словомъ, мое существо подъ всѣми этими наружными признаками. Такъ я въ вашихъ глазахъ совершенно исчезъ? Это странно!

— Я нахожу страннымъ, что вы удивляетесь этому. Обращеніе и рѣчь составляютъ выраженіе ума и характера. Когда внѣшнее существо измѣняется, тогда и внутреннее, нравственное, тоже какъ-будто замѣняется другимъ.

— И одежда много значитъ! сказалъ Тверино съ философскою ироніей.

— Одежда, говорите вы? Я не думаю.

— О, конечно; подумайте хорошенько, синьора. Положимъ, что я явился бы передъ вами въ истасканной, плохой одеждѣ трактирщика сына.... Положимъ даже, что я самый этотъ сынъ.....

— К чему же вы это клоните?

— Выслушайте. Положимъ, что сохранивъ мое лицо, мое сердце, мой умъ въ томъ видѣ, какъ Богъ даровалъ мнѣ ихъ, я явился бы передъ вами въ первый разъ въ бѣдномъ рубищѣ и какъ человѣкъ принадлежащій къ весьма скромному состоянію.....

— Въ вашемъ предположеніи нѣтъ здраваго смысла. Развѣ въ этихъ темныхъ породахъ людей можно найти такую печать благородства и изящества, какая отличаетъ васъ?

— Можно иногда. Есть природныя дарованія, которыми судьба иногда надѣляетъ бѣдняковъ. ..

— Ну, вотъ вы впадаете на идеи Леонтія. Я не оспариваю ихъ, но могу отвѣчать вамъ, что такія дарованія имѣютъ сильное и быстрое вліяніе на существованіе и положеніе того, кто ими обладаетъ. Бѣднякъ, почувствовавъ, что снабженъ умомъ и красотой, дѣятельно преобразовываетъ непріятную середину, въ которую его бросила прихоть судьбы. Онъ пролагаетъ себѣ новую дорогу. Онъ безпрестанно стремится къ изящной жизни, къ благороднымъ занятіямъ, къ умственнымъ наслажденіямъ, къ преимуществамъ красоты и скоро становится на степенъ, которой достоинъ по праву.

— Справедливо, что онъ очень стремится, возразилъ Теврино: справедливо и то, что иногда достигаетъ. Но еще справедливѣе, что большею частію падаетъ не достигнувъ цѣли, потому что общество не поддерживаетъ его, потому что предразсудки отталкиваютъ и потому что, наконецъ, онъ съ-молоду не привыкъ находить удовольствіе въ принужденномъ состояніи, а первое воспитаніе безпрестанно увлекаетъ его къ безпечности, врагу борьбы и подчиненности.

— Такъ что же? все, что вы теперь сказали, противорѣчитъ только вашему первому разсужденію. Одежда стало быть, ничего не доказываетъ: все зависитъ отъ привычекъ, то есть, отъ рѣчей и обращенія.

— Одежда, рѣчи, обращеніе, все это части привычекъ жизни; все это—выраженіе ихъ и составляетъ важную

часть человѣка въ бѣдномъ и грубомъ состояніи. Но это привычки, такъ сказать внѣшнія, а нравственное существо отъ этого не менѣе имѣетъ цѣны передъ Богомъ.

— Я ничего не понимаю въ подобномъ различіи, маркизъ. Въ нашихъ устахъ это — разсужденіе благородное и безкорыстное; но въ устахъ лица, которое вамъ угодно было представить, это были бы дерзкія и лишнія притязанія. Человѣколюбіе вводитъ васъ въ заблужденіе. Нравственное существо не можетъ до такой степени отдѣлиться отъ внѣшняго. Гдѣ рѣчь смѣшна, привычки грубы, безпорядокъ обыкновененъ, миѣна дерзка и ремесло низко, тамъ можете ли вы надѣяться открыть великую душу и великій умъ?

— Можетъ случиться, синьора. Я остаюсь при этомъ убѣжденіи, несмотря на ваше презрѣніе къ бѣдности.

— Не клеветайте на меня, маркизъ. Есть бѣдность, о которой я жалѣю и которую уважаю: это бѣдность калѣки, невѣжды и слабаго; бѣдность всѣхъ тѣхъ существъ, которыхъ несчастная доля бросаетъ въ большое сраженіе жизни уже полумертвыхъ, нравственно или физически. Изнуренные тѣломъ и духомъ, прежде нежели успѣли развиться, эти несчастные становятся жертвами случая и мы должны жалѣть объ нихъ и помогать имъ. Но тотъ, кто *могъ и не хотѣлъ*, тотъ преступенъ и того общество не несправедливо отталкиваетъ и оставляетъ.

— Можетъ-быть! сказалъ Теверино съ смѣшаннымъ выраженіемъ надменности и доброты: но только Богъ можетъ читать въ сердцѣ такого оставленнаго и узнать, не находитъ ли онъ въ самомъ себѣ утѣшеній, которыя свѣту не извѣстны, и не устанавливается ли между нимъ и высочайшею благостью сообщенія, чище и сладостнѣе всѣхъ сочувствій человѣческихъ.... Но я не объ этомъ хотѣлъ говорить. Я только хотѣлъ показать вамъ, что умѣю сыграть комедію. Мнѣ всегда говорили, что я родился актеромъ, а между-тѣмъ сердце у меня откровенное: оно всегда увлекало меня, на зло правиламъ благоразумія.

— Вы изумительный мимикъ! сказала Сабина: и вы

сыиграли этотъ итальянскій фарсъ какъ шаловливый школьникъ. Я удивляюсь веселости и молодости вашего нраву, однако жъ, признаюсь, онъ неможно пугаетъ меня.

— Вы полагаете, что я легкомысленъ?

— Нѣтъ, но перемѣнчивы, безпечны, можетъ-быть.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ вы не скажете, что я коварный притворщикъ, несмотря на мою способность къ превращеніямъ.

— Нѣтъ! конечно, нѣтъ!

— Ну, пусть! Лучше же слыть перемѣнчивымъ и безпечнымъ нежели лицемеромъ.

— Неужели вы не заботитесь о томъ, что можете внушить другаго роду подозрѣнія.

— Я такъ легко могу побѣдить всякое, что ни одно не безпокоитъ меня. Но какъ меня испытанію подвергать не стануть, то мнѣ не приходится и оправдываться. Я былъ бы очень смѣшонъ, если бы вздумалъ здѣсь искать себѣ полной оцѣнки, не правда ли, прекрасная Сабина?

— Такъ вы не ищете уваженія и дружбы?

— Уваженіе и дружба! Французскія слова, которыхъ мы, Итальянцы, вовсе не понимаемъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Мы тонкіе и болѣе страстные, мы прямо схватываемъ сущность истиннаго чувства, какое можемъ ощущать и внушать. Я признаюсь вамъ, что ваше уваженіе и ваша дружба къ Леонтію, на примѣръ, такія вещи, которыхъ я вовсе не понимаю и не считаю достойными зависти и которымъ я предпочту презрѣніе и ненависть.

— Объясните это.

— Почему и отчего вы не любите Леонтія, этого прекраснаго и обворожительнаго человѣка, который страстно любитъ васъ?

— Онъ вовсе не любитъ меня. Вотъ и вся тайна моего равнодушія. А развѣ должно ненавидѣть и презирать тако-го прекраснаго человѣка, зато только что онъ не влюбленъ въ меня? Не должна ли я здѣсь отбросить мое женское тщеславіе и отдать справедливость его благородному ха-

рактору и обширному уму, посвятивъ ему привязанность спокойнѣе и прочнѣе любви?

— Судя по тому, какъ вы говорите о любви, синьора, можно думать, что вы никогда не знавали ея. У Италіянки не хватило бы столько деликатности и великодушія: она просто стала бы презирать и считать врагомъ человѣка, способнаго жить съ нею въ этой грубой и оскорбительной короткости, которую вы называете дружбой. Но послушайте, синьора! Какого бы племени женщина ни была, она всегда во-первыхъ — женщина. Истинякъ истинны дѣйствуетъ на нее силнѣе законовъ приличія и вкусу. Ваша дружба, то есть, ваше пренебреженіе къ моему другу основывается только на ошибкѣ. Вы не привѣчаете его любви и наказываете его за молчаніе вашимъ уваженіемъ. Если бы вы прочли въ его сердцѣ, вы отвѣтили бы на его чувство.

— Маркизь, я нахожу очень страннымъ, что вы берете на себя порученіе объясняться за Леонтія.

— Клянусь вамъ честью, синьора, что мнѣ ничего не поручено и что онъ со мною такъ же недовѣрчивъ, какъ съ вами.

— Стало-быть, вы ухаживаете за мною за него по собственному вашему побужденію? Это очень благородно и великодушно съ вашей стороны, маркизь: это напоминаетъ братство старинныхъ рыцарей. Позвольте вамъ сказать, что ни что не можетъ быть достоинѣе *уваженія* и что съ этой минуты вы можете быть совершенно увѣрены въ моей *дружбѣ*.

Сказавъ это съ горькою досадою, Сабина пожелала маркизу спокойной ночи и ушла къ своей комнатѣ.

Мы уже сказали, что всѣ комнаты для прїѣзжихъ выходили на деревянную галерею, прикрытую широкимъ навѣсомъ. Леонтій и Теверино занимали одну комнату. Леонтій еще не раздѣвался и въ волненіи ходилъ изъ угла въ уголъ, когда Италіянецъ вошелъ.

— Теверино! сказалъ Леонтій ступивъ на встрѣчу и подавая руку: у тебя благородная душа и ты достоинъ луч-

шей участи. Я грубо оскорбилъ тебя при переправѣ черезъ потокъ. Хочешь забыть?

— Я прощу вамъ охотно, Леонтій, если вы признаетесь, что причиною вашей невольной запальчивости была ревность, то есть, любовь.

— А иначе не хочешь забыть?

— Иначе я буду настаивать на раздѣлкѣ. Чѣмъ ниже вамъ кажется мое званіе, тѣмъ болѣе вы должны были щадить меня, когда уже привлекли въ свое общество. И если разность нашихъ состояній показалась бы вамъ помѣхою къ удовлетворенію меня за обиду, то я сказалъ бы вамъ въ успокоеніе, что я мастерски владѣю всякимъ оружіемъ и что это будетъ не первая моя дуэль.

— У меня нѣтъ предрасудковъ, которые бы остановили меня въ этомъ отношеніи, отвѣчалъ Леонтій: я также не мальчикъ и съ удовольствіемъ помѣрлся бы съ тобою, если бы дѣло мое было чистое. Но я чувствую, что я не правъ, и тѣмъ болѣе сожалею о нанесенномъ тебѣ оскорбленіи, что вижу въ тебѣ эту гордость честнаго человѣка.

— Вы извиняетесь тоже какъ честный человѣкъ и я принимаю ваше извиненіе, сказалъ Тверино съ мужественнымъ достоинствомъ пожимая ему руку: но, чтобы успокоить мою щекотливость, вы должны были признаться, что любовь и ревность единственные виновники вашей вспыльчивости.

— Ты требуешь, чтобы я высказалъ тебѣ мои тайны, Тверино? Изволь. Ревность, да, согласенъ, но не любовь была причиною.

— Вотъ еще французская тонкость! Женщина намъ нравится или не нравится. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ не можетъ быть и ревности.

— Это рѣчь прямодушія и простоты. Но положимъ, — я согласенъ, — что утонченность французскихъ нравовъ и идей порождаетъ это странное противорѣчіе. Развѣ ты не можешь понимать то, что можешь чувствовать? Ты, который видѣлъ столько вещей, изучилъ столько различныхъ существъ, развѣ ты не знаешь, что самолюбіе можетъ-быть точно такъ же ревниво какъ и истинная страсть?

Теврино сѣлъ на край своей кровати и нѣсколько минутъ хранилъ задумчивое молчаніе, потомъ всталъ и сказалъ:

— Да! это душевныя болѣзни, произведенныя пресыщеніемъ. Чтобы не знать ихъ, надобно быть навѣщаему бѣдностью, какъ я, то есть, не надобно имѣть возможности исполнять всѣ свои прихоти. Дорогая бѣдность! ты хорошая наставница сердецъ! Ты снова приводишь насъ къ первобытной простотѣ чувствованій и мыслей, когда злоупотребленіе наслажденій угрожаетъ намъ развращеніемъ. Ты даешь намъ столько простыхъ уроковъ, что мы по-неволѣ должны оставаться простодушными.

— Какое же отношеніе вы полагаете между вашою бѣдностью и вашимъ прамодушіемъ?

— Въ бѣдности заключается цѣлая философія, сеньоръ. Нигдѣ нѣтъ столько стѣнокъ какъ между бѣдняками. Пусть, напримѣръ, могущественный человѣкъ.... могущество нашего вѣка — богатство.... пусть могущественный человѣкъ отобьетъ у меня любовницу, я преклоню голову и гордость моя не пострадаетъ. Сердце, которому моего сердца было не достаточно, не покажется мнѣ достойнымъ сожалѣнія или гнѣву. Если бы я могъ выдержать борьбу и доставить невѣрной всѣ возможныя наслажденія жизни, тогда я могъ бы знать и ревность, могъ бы негодовать на пораженіе. Но гдѣ мой соперникъ располагаетъ обольщеніями недоступными моему состоянію, тамъ я могу сѣтовать только на мою судьбу.... Лица уже не представляются мнѣ виновными.

— Ты въ самомъ дѣлѣ великій философъ, Теврино. Но это не можетъ прилагаться къ движенію ревности, которое ты внушилъ мнѣ. У тебя ничего нѣтъ, а тебя предпочли мнѣ, богачу. Слѣдовательно, я имѣю поводъ вдвое сильнѣе чувствовать досаду.

— Да, и даже бѣсноваться, если вы влюблены. Если же нѣтъ, то это просто горячка тщеславія и я не понимаю, какъ человѣкъ съ вашимъ свѣтлымъ умомъ можетъ увлечься такимъ вздоромъ. Если бы сама судьба приучила васъ безпрестанно уступать мѣсто другимъ, вы не огорча-

лись бы подобными мелочами: вы знали бы, что женщина—самое воспримчивое существо въ мірѣ и, слѣдовательно, такое, которое можетъ дать намъ наиболѣе наслажденій и наименѣе правъ, наиболѣе восторговъ и наименѣе обезпеченія.

— Да это цыганская философія! вскричалъ Леонтіи: я не способенъ любить такимъ образомъ: ты удивительно нѣжливъ и удивительно терпѣливъ, Теверино; но въ любовь свою ты не переносишь того достоинства, которое обнаруживаешь, когда дѣло идетъ о чести.

— Я не ставлю чести туда, гдѣ ея нѣтъ, и вижу въ любви только любви.

— Зато тебя часто любятъ, а ты никогда не любишь: ты знаешь только наслажденіе.

— А между-тѣмъ я часто приношу удовольствіе въ жертву идеямъ чести. Не спѣшите выводить заключеніе обо мнѣ: вы не знаете, что теперь, въ эту минуту, происходитъ въ моей душѣ.

— Я знаю, другъ, вскричалъ Леонтіи съ жаромъ: ты побѣждаешь желанія, которыя могъ бы удовлетворить теперь же. Отъ этой комнаты недалеко до комнаты Сабинны, гордой и слабой болѣе чѣмъ кака-либо изъ женщинъ, и я знаю очень хорошо, что тебѣ достаточно будетъ пропѣть романсъ подъ ея окномъ и свернуть лестную похвалу, чтобы оживить этотъ мнимый мраморъ и распалить уста, привыкшія носить презрительную улыбку....

— Стой, Леонтіи! Этой увѣренности у меня нѣтъ и я не приписываю себѣ такого могущества.

— Что это? притворство, скромность или чистосердечіе? Перестань совѣститься: я все видѣлъ, все слышалъ. Я знаю, какъ ты былъ любопытецъ; какъ потомъ тебя увлекла приманка и какъ ты одержалъ побѣду надъ собою изъ великодушія ко мнѣ. Благодарю тебя, но уваженіе, которое ты внушаешь мнѣ, увеличиваетъ мое презрѣніе къ этой женщинѣ и я хочу, чтобы она понесла наказаніе за свою лицемѣрную холодность. Я хочу, чтобы ты предался увлеченію своей молодости. Ступай, дитя случая! Мнѣ ты окажешь большую слугу: ты забываешь меня

отъ смертельнаго томленія и роковаго влеченія, которое я долго напрасно старался побѣдить. Одно, что я требую отъ тебя, будь скромнѣе. Впрочемъ, твоя жизнь отвѣчаетъ мнѣ за твое молчаніе. Ты урешь.... если поговоришься.

— Дуэль на смерть была бы восхитительнымъ подстрекательнымъ средствомъ, если бы предметъ въ самомъ дѣлѣ манилъ меня, спокойно отвѣчалъ Теверино: но этого нѣтъ, потому что я вижу, ты влюбленъ до безумія, бѣдный Леонтій. Твое бѣшенство и твоя несправедливость, противъ воли, раскрываютъ глубину твоей души. Полно, успокойся. Прекрасная Сабина ни лицемерна, ни преступна. Она только недоумчива и нерѣшительна, и если она еще не любила тебя, Леонтій, такъ самъ ты виноватъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, она виновата! Развѣ она можетъ не знать, что я люблю ее и что моя почтительная дружба — только застѣнчивая игра?

— Ты признаешься, наконецъ!

— Я признаюсь, что люблю ее съ давнихъ поръ и что сегодня утромъ еще.... я былъ готовъ объясниться.... Да что! развѣ я не объяснялся сто разъ сегодня! Моя запальчивость, мои горькія насмѣшки, задумчивость, безпокойство, ревнивыя заботы, старанія казаться влюбленнымъ въ Магдалину, — все это признанія довольно простодушныя для свѣтскаго человѣка!

— Леонтій, Леонтій! васъ поняли!

— Да, и это-то всего хуже съ ея стороны и всего оскорбительнѣе для меня. Она притворяется, будто ничего не видитъ; она упрямо настояла на своемъ гордомъ безразсудствѣ; она искала всѣхъ средствъ, чтобы отбить у меня смѣлость, и, когда увидѣла, что я достаточно страдаю, бросилась въ объятія чужаго человѣка съ непонятнымъ безстыдствомъ!

— Стой! молчи, клеветникъ! вскричалъ Теверино: страсть ослѣпляетъ тебя, дотога что ты не видишь любви. Ты не видишь, что эта женщина любитъ тебя и мнѣ приходится учить тебя, какъ понимать ея сердце! Развѣ ты не видишь, что она съ досады слушаетъ меня и что ея душа, волнуе-

мая страстью, ищетъ убѣжища въ упоеніи какимъ нибудь роковымъ событіемъ. Чтобы добраться до нея, ты выбралъ путь, усыянный терніями, и каждая твоя сладость залита желчью: ты раздражаешь ее бурными желаніями и потомъ вдругъ уходишь, надменный, наполненный эппиграммами, оскорбленный тѣмъ, что не нашелъ въ ней предупредительности, которая, какъ извѣстно, вовсе не свойственна ея полу. Ты хочешь, чтобы она выражала тебѣ свою страсть, чтобы она успокоивала тебя насчетъ всякаго случая, чтобы она обѣщала тебѣ дни сотканые изъ золота и шелку, чтобы она извинялась въ прежней своей нечувствительности къ твоимъ обольщеніямъ, чтобы она, въ некоторомъ образѣ, просила у тебя извиненія за медленность въ покорности. наконецъ, ты хочешь, чтобы она, взявъ горькаго пошла истины, которымъ ты подчуешь ее, наливала бы тебѣ потоки амаросин и любовнаго восторгу. Твои требованія нелицы, Леонтіи, и ты не знаешь, что значитъ такая женщина. Ты думаешь, что увидишься, когда склонишься къ ея ногамъ, упадешь въ прахъ и станешь признаваться, что недостойнъ ея нѣжности: ты не примѣчаешь, что таково должно быть естественное выраженіе истинной любви, таково должна быть простодушная благодарность восторженнаго счастья.

— Италіанецъ! Италіанецъ! бурливый потокъ, не знающій береговъ! выраженія твои рождаются вмѣстѣ съ восторгомъ, а восторгъ опережаетъ счастье, породившее его! Ты знаешь всѣ хитрости обольщенія и ты говоришь о простодушіи!

— Да, я простодушенъ, когда тружусь для побѣды. Желанія и надежда дѣлаютъ меня краснорѣчивымъ и мнѣ не нужно быть увѣреннымъ, чтобы быть смѣлымъ. Развѣ неудача такого рода можетъ быть унижительною?

— Ты сомнѣваешься? Отказъ женщины хуже мужской пощечины.

— Предразсудокъ!

— Нѣтъ, не предразсудокъ. Женщина, которая отказываетъ, оскорблена просьбой.

— Ложная добродѣтель! Все это, я вижу, запутано и лукаво у васъ. О, да здравствуетъ огненная Италия!

— Ты однако жъ презиралъ своихъ старинныхъ идиологовъ, когда, давеча, на валахъ, говорилъ: «Наши женщины любятъ безотчетно, безсознательно, а ваши чувствованія — идеи!»

— Я полагалъ тогда, что открываю новое совершенство, но теперь съ прискорбіемъ вижу, что умъ заглушаетъ сердце, и съ раскаяніемъ и сокрушеніемъ возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

— Въ основаніи ты, можетъ-быть, правъ, сказалъ Леонтій помолчавъ: это отсутствіе деликатности происходитъ отъ роскоши вашего организма и я не удивляюсь, что леди Г... увлеклась вольнымъ движеніемъ плодovitой души, послѣ того что жила холодными топкостями. Мы можетъ-быть не знаемъ толку въ любви и я сознаюсь, что заслужилъ то, что испыталъ. Но пользоваться урокомъ уже поздно: очарованіе разрушено. Полагая услужить мнѣ, просвѣтить меня, ты все испортилъ, Теверино.

— Не говорите этого, Леонтій: вы ничего не знаете. Ночь приноситъ совѣтъ. Завтра вы будете спокойны. Завтра, въ два часа по полудни, между всѣми нами долженъ совершиться большой переворотъ. Подождите до-тѣхъ-поръ и увидите.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я спать хочу, сказалъ Теверино, погасивъ свѣчу: потрудитесь разбудить меня завтра, потому что самъ я не проснусь: я лѣнивъ какъ паша.

Теверино скоро, по-видимому, уснулъ. Леонтій, принужденный разсуждать съ самимъ собою, напрасно старался послѣдовать его примѣру. Кромѣ-того что постель трактирная казалась ему столько же гадкою, сколько его товарищъ находилъ ее прекрасною, онъ невольно подстерегалъ всякій вышній шорохъ. Его пожирало смутное безпокойство. Онъ все ждалъ, что на занавѣсѣ освѣщеннаго луною окна мелкнетъ тѣнь Сабинны. Ему казалось, что она выйдетъ на галерею, чтобы искать случая помириться съ Италианцемъ.

Леонтій началъ дремать, когда половницы галерею за-скрыпѣли подѣ легкими проворными шагами. Онъ остался неподвиженъ, напрягъ слухъ и уставилъ глаза на Теверино, котораго кровать стояла насупротивъ его кровати. И онъ увидѣлъ какъ Италіянецъ всталъ, осторожно отворилъ дверь, взглянулъ на галерею и потомъ пошелъ къ нему, посмотрѣть, спитъ ли. Леонтій притворился крѣпко спящимъ. Теверино тихонько одѣлся и вышелъ.

— Мерзавецъ! ты обманулъ меня! подумалъ Леонтій: но я раскрою твое коварство.

Онъ всталъ, также осторожно одѣлся и пошелъ слѣдомъ за маркизомъ. Луна закатывалась. Все вокругъ было безмолвно.

XI.

Отъиди, оналкный!

Леонтій очень хорошо зналъ номеръ Сабининой комнаты, но волненіе его было такъ сильно, что онъ уже не обращалъ вниманія на это и остановился передъ первою отворенною дверью. Въ комнатѣ, въ которую Леонтій заглянулъ, находились двѣ постели: одна была только-что оставлена негритянкою, таинственнымъ существомъ, которое пробѣжало по галереѣ; на другой, низенькой кушеткѣ, спокойно спала Магдалина. Комната была освѣщена лампадой. Теверино тихонько подошелъ и остановившись передъ Птичницей, долго смотрѣлъ на нее. Дѣвушка спала сномъ ангела. Лампа освѣщала ея спокойное лицо и подвижныя черты бродяги. Полу-затворенная дверь скрывала Леонтія, но онъ могъ все видѣть.

— Магдалина? подумалъ онъ, перемѣнивъ подозрѣніе: о, это было бы еще подлѣе! Я спасу ее....

Онъ хотѣлъ уже надѣлать шуму, когда увидѣлъ что Теверино станозится на колѣни передъ сіяющимъ лицомъ ребенка. И его лицо тоже перемѣнило выраженіе; беспокойство замѣнилось глубокимъ умилениемъ и почтениемъ.

Нѣсколько минутъ онъ оставался какъ-бы погруженный въ сладостную тайную думу. Видно было, что онъ молчался, и никогда красота его не являлась болѣе идеальной. Потомъ онъ наклонился, безмолвно напечатлѣлъ поцѣлуй на четкахъ, висѣвшихъ на краю постели, въ рукѣ дѣвушки. Она уснула надъ молитвой. Несмотря на осторожность Италіянца, Магдалина открыла глаза и, въ просоньѣ, вѣроятно, воображая себя дома, сказала съ нѣжностью:

— Ахъ, добрый другъ мой! развѣ ужъ день?... Братъ пришелъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Магдалина; спи еще, мой ангелъ, отвѣчалъ Теверино: я пойду встрѣчать Жозефа.

— Хорошо.... ступай.... а послѣ встану, сказала она снова засыпая.

Теверино вышелъ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Леонтиемъ, который и не старался избѣжать. Италіянецъ вдругъ, въ сильномъ волненіи, обернулся замкнулъ дверь спальни и положилъ ключъ въ карманъ, потомъ схватилъ пріятелиа подъ руку и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Этого развлеченія вы не будете имѣть, синьоръ!

— Если бы у меня была подобная мысль, мнѣ было бы стыдно передъ тобою, честный молодой человекъ! отвѣчалъ Леонтій съ спокойствіемъ и чистосердечіемъ, которыя мигомъ успоковли провинцательнаго Италіянца: я открылъ тайну твоего сердца, а тайну Магдалины уже прежде зналъ. Собственныя мои занятія до-сихъ-поръ мѣшали мнѣ узнать въ тебѣ добраго друга, о которомъ она говорила мнѣ, и я обвинялъ тебя въ преступномъ намѣреніи, тогда какъ ты былъ занятъ отеческимъ попеченіемъ.

— Отеческое попеченіе! да, вотъ слово, вотъ настоящее слово! сказалъ Теверино уходя отъ Магдалининой спальни: услышавъ шаги на галереѣ, я побоялся за беззащитнаго ребенка и пошелъ посмотреть. Я отвѣчаю за Магдалину человекъ, который ввѣрилъ мнѣ охрану своего дому и своей сестры. Вы удивляетесь такому союзу, однако этотъ честный союзъ, достойный золотаго вѣка, существуетъ въ полудикой пустынѣ, между бѣдняками. Ваша леди, конечно, не пойметъ этого. Гдѣ жъ ей понять

сѣрдце Магдалины! эту невинность, которая не знаетъ даже, что она сокровище, и эту дивную докѣрливость, которой не могла поколебать даже Сабина со всѣмъ могуществомъ своего ума и красоты! Не удивляетесь ли вы, Леонтій, спокойствію и скромности дѣвушки, которая удовольствовалась однимъ словомъ, когда увидѣла меня перереженнаго, и которая ни однимъ припадкомъ безумной ревности не нарушила моей роли лектатора при вашей дамѣ? Ахъ, если бы вы слышали ея простодушные вопросы, когда она сидѣла подлѣ меня, на козлахъ, и ея отвѣты, исполненные величія доброты, и когда я спрашивалъ ее, не подвергается ли она опасности находить васъ слишкомъ любезнымъ и привлекательнымъ! Наша любовь значительно разнится отъ вашей, другъ. Между нами нѣтъ подозрѣній: мы знаемъ, что не можемъ обмануть другъ друга. И, признаться ли вамъ? Птичница кажется мнѣ гораздо привлекательнѣе съ-тѣхъ-поръ какъ я узналъ жди Сабину.

Сабина спала не лучше своихъ кавалеровъ. Леонтіево предсказаніе сбылось полнѣе нежели онъ предвидѣлъ: онъ полагалъ только занять ее и нѣсколько возволновать ожиданіемъ какого-нибудь приключенія, которое бы вовсе не приключилось. Бѣдная женщина безпрестанно перебирала въ умѣ необыкновенныя происшествія того дня. Сначала странности Леонтія, его бурное и горькое объясненіе въ любви, посреди рожи, и внезапная нѣжность примиренія; потомъ его досада, когда она хотѣла придержаться старинной дружбы; его двухчасовое отсутствіе и возвращеніе изъ горъ съ этимъ незнакомцемъ, въ которомъ было столько обольстительнаго и столько страннаго, который являлся ей то самымъ благороднымъ и нѣжнымъ, то самымъ холоднымъ и легкомысленнымъ изъ людей; то влюбленнымъ въ нее до обожанія, то равнодушнымъ и безкорыстнымъ до хохлатства за другаго; то образцомъ и цвѣтомъ дворянства, то истиннымъ типомъ уличныхъ гаеровъ; переходилъ отъ сухаго ученаго спору съ аббатомъ къ дивнымъ музыкальнымъ вдохновеніямъ и отъ двусмысленнаго шептатанія съ Птичницей къ общему разговору, исполненному

высокой философіи и поэтическаго восторгу. Все это наконецъ смѣшало мысли и сокрушило сердце Сабинны. Всѣ эти сцены, всѣ эти разговоры представлялись ей вмѣстѣ съ быстрымъ движеніемъ коляски, которое она все-еще воображала ощущать, и вмѣстѣ съ переменными декораціей горной дороги, которыя мелькали передъ ея закрытыми глазами. Она уже не различала мечты отъ дѣйствительности, а когда начинала засыпать на минуту, то ощущала на губахъ поцѣлуй Теверино, на верху башни. Насмѣшливыя рукоплесканія и презрительный хохотъ поражали ея слухъ. Башня съ громомъ разваливалась подъ нею и она видѣла себя въ углу грязной улицы, въ объятіяхъ гаера, передъ Леонтіемъ, который бросалъ имъ милостыню и отворачивался.

Негритянка, пришедшая разбудить свою госпожу, нашла ее сидящую на постелѣ, съ мутнымъ взоромъ, съ стѣсненною грудью. Служанка подала бѣлый кашмировый бурнусъ, который на выдѣлѣ служилъ Сабинѣ халатомъ; подала свѣжаго раздушенаго бѣлья, богатый туалетный приборъ и почти всѣ изысканные предметы роскоши, къ которымъ богатая леди привыкла какъ къ необходимымъ потребностямъ. Сабина все это употребляла сначала машинально, потомъ, вспомнивъ, спросила у Лейлы, кто это такъ подробно заботился объ ея удобствахъ. Но на этотъ вопросъ почти не нужно было отвѣту. Сабина погруздась въ новую думу.

Судя по тому какъ Теверино велъ себя наканунѣ, очевидно было, что онъ не любитъ ея. Какъ онъ, послѣ страстныхъ ласкательствъ, послѣ роковаго поцѣлуя, вмѣсто-того чтобы во все продолженіе вечера быть задумчивымъ и взволнованнымъ, могъ сыграть шутовскую сцену? И, какъ, когда остался наединѣ съ полупобѣжденною женщиной, вмѣсто-того чтобы показать притворное раскаяніе, которое требуетъ больше и котораго гордая женщина ждетъ, чтобы защищаться или слдаться совершенно, онъ могъ пуститься съ нею въ философскій споръ и, наконецъ, говорить ей о любви Леонтія, а не о своей? Сабина была глубоко пристыжена. Она спѣшила показаться,

чтобы снова принять видъ насмѣшливой надменности и лживаго спокойствія своей мнимой непобѣдимости. Но тогда, если маркизъ будетъ дерзокъ и опасенъ, на какую опору она можетъ надѣяться кромѣ Леонтія?

И такъ сладостная и законная привычка возвращала ее къ естественному защитнику и, увѣренная въ великодушіи своего друга, она съ ужасомъ спрашивала себя, какъ могла быть столько несправедливою и легкомысленною, что наконецъ должна прибѣгнуть къ этому великодушію? Она сравнила этихъ двухъ людей, одного, исполненнаго обольщеній и загадокъ; другаго важнаго и надежнаго; незнакомца и испытаннаго друга; того, котораго поцѣлуй навсегда приковалъ бы къ ней, и того который принималъ этотъ поцѣлуй мимоходомъ, какъ обыкновенное, очень простое приключеніе, черезъ часъ забытое, — она сравнила ихъ и покраснѣла до глубины души.

Леонтію ожидалъ, что найдетъ ее раздраженную, а нашелъ блѣдную, печальную, обезоруженную. Подошедши, по обыкновенію, къ рукѣ, онъ примѣтилъ на краю черныхъ рѣсницъ слезу и, въ свою очередь, невольно встревожился.

— Вы страдаете? спросилъ онъ: вы дурно провели ночь?

— Это вы предсказали мнѣ, Леонтію, и я должна отдать вамъ отчетъ въ страшныхъ впечатлѣніяхъ, которыхъ никогда не забуду. Прошу васъ распорядиться такъ, чтобы я могла спокойно поговорить съ вами, и не покидайте меня сегодня такъ жестоко, какъ вчера дѣлали нѣсколько разъ.

У Леонтія не хватило духу отвѣчать, что дѣйствуя такимъ образомъ онъ думалъ угодить ей. Онъ очень хорошо видѣлъ, что Сабина не имѣла ни силъ ни охоты оправдываться. Онъ, въ свою очередь спросилъ себя, не самъ ли онъ единственный виновникъ, и, въ задумчивости и сомнѣніи, пошелъ распорядиться отъѣздомъ.

Къ-счастію аббатъ былъ очень веселъ за завтракомъ; маркизъ много острилъ; Леонтію былъ задумчивъ. Сабина была благодарна ему за это. Ей казалось, что Теверино выказываетъ самоувѣренную дерзость счастливаго любовник-

ка и она возненавидѣла его. Между-тѣмъ Италіянецъ во-все не помышлялъ объ этомъ: онъ придавалъ проступку леди Г... гораздо меньше важности нежели она сама. Онъ находилъ случай столь обыкновеннымъ и держался на этотъ счетъ такой снисходительной философіи, что очень мало располагалъ хвалиться своею побѣдой. Это происходило оттого, что онъ менѣе Леонтія уважалъ добродѣтели женщинъ и въ то же время больше довѣрялъ ихъ нравственному достоинству. За одну минуту слабости онъ не считалъ ихъ неспособными къ дѣйствительной и прочной привязанности. Его уставъ добродѣтели былъ менѣе возвышенъ, но болѣе человѣчественъ. Его идеалъ былъ не твердость, а, напротивъ, нѣжность и прощеніе.

Уже садясь въ экипажъ Сабина примѣтила отсутствіе Магдалины.

— Птичница на зарѣ отправилась въ свои горы, сказалъ Теверино: она боялась, чтобы братъ не беспокоился, когда воротится домой, и по своему обыкновенію полетѣла поперекъ долинъ и холмовъ, вмѣстѣ съ своими птицами, которыя встрѣтили ее за воротами города. Я проводилъ ее за заставу, потому что опасался, чтобы ее не остановили ребятнишки, которые очень любятъ ея волшебные фокусы.

— Маркизь лучше всѣхъ насъ, сказалъ Леонтій: мы всѣ забыли о нашей спутницѣ, а онъ нарочно всталъ рано, чтобы покровительствовать ея отступленію.

— Вы это называете покровительствомъ? съ горечью сказала Сабина по-англійски.

— Не клеветайте на Теверино, возразилъ Леонтій: вы еще не знаете его.

— А не вы ли мнѣ вчера говорили, что не узнаете его?

— Я опять узналъ и отнынѣ отвѣчаю вамъ за него, Сабина.

— Въ самомъ дѣлѣ? Онъ честный человѣкъ?

— Да, миледи, и человѣкъ съ сердцемъ, хотя состояніе его не блестящее.

— Его фамилія бѣдна или онъ разорился?

— То ли, другое ли, какая вамъ надобность?

— Большая. Я уважаю бѣдность благороднаго человѣка,

не дурно думаю о томъ, который прожилъ свое достоинствѣ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны дурно думать и обо мнѣ, потому что я тоже проживаю свое достоинствѣ.

— Вы имѣете право проживать его и я знаю, что вы это дѣлаете благородно и великодушно. Притомъ вы не рискуете подвергнуться униженіямъ бѣдности: вашъ талантъ художника въ всякомъ случаѣ обезпечиваетъ вашъ блестящую будущность.

— А если я художникъ прихотливый, непостоянный и тѣмъ болѣе склонный къ лѣни и безлечности, что мысль о трудѣ за деньги леденитъ мои вдохновенія? Не сами ли вы вчера попрекали мнѣ рожденіе въ состояніи, въ которомъ уснѣхъ слишкомъ легокъ и борьба не довольно славна?

— Не напоминайте мнѣ ничего вчерашняго, Леонтій! я хотѣла бы вырвать эту страницу изъ моей жизни.

Они скоро проѣхали плоскую возвышенность, на которой стоялъ городъ. Чтобы достигнуть границы, надо было улитковымъ шагомъ подниматься вверхъ по горной дорогѣ, по которой наканунѣ Теверино мчалъ ихъ съ такою быстротой и отважностью. Тутъ было на часъ пути. Всѣ вышли изъ экипажа исключая Сабина и Леонтія. Жокей велъ лошадей подъ уздцы. Негритянка по краямъ овраговъ гонялась за мотыльками. Аббатъ шелъ впереди съ Теверино, который намѣревался помирить его съ добрымъ другомъ Магдалины, на случай, когда придется снять маску маркиза, и выказывалъ себя съ лучшей стороны, чтобы приобрести благосклонность и довѣренность старика. Это небольшого стоило труда, потому что аббатъ былъ въ сущности добрейшій человекъ, когда ему только не перечили въ нѣкоторыхъ его идеяхъ и любимыхъ привычкахъ.

— Послушайте, Леонтій, сказала Сабина помолчавъ: я должна сдѣлать вамъ странное призваніе и если вы найдете меня преступною, мнѣ придется очищаться на вашъ счетъ, потому что вы причина всего зла, которое я перенесла: вы, кажется, предвидѣли мое страданіе. Слѣдова-

тельно, вы столько виноваты передо мною, что я могу признаться и въ своей винѣ.

— Избавить васъ отъ этого стыда? возразилъ Леонтій, взявъ ее за руку съ небрежнымъ состраданіемъ и вѣсть братскимъ участіемъ: да, это обязанность друга и вѣсть право его. Вы не могли безнаказанно видѣть моего паркиза; вы почувствовали его неодолимое могущество; вы отбавились отъ всѣхъ вашихъ тщеславныхъ теорій; вы любите наконецъ!

Яркая краска покрыла щеки Сабинь. Она слѣдила презрительное движеніе, но потомъ, съ усміемъ, сказала:

— Что жъ, если и такъ? Вы осудите меня? Говорите откровенно, Леонтій; не щадите меня.

— Я не осужу васъ, но постараюсь остеречь отъ этой рождающейся страсти. Теверино не достоинъ ея, яляюсь передъ Богомъ. Но между этимъ человекомъ и вами есть препятствія, которыхъ вы не можете и не захотите одолѣть. Жизнь, наполненная случайностями, переворотами, необъяснимыми странностями, приковываетъ Теверино къ сферѣ, въ которую вы не можете за нимъ послѣдовать. Связь между вами была бы бѣдственна для васъ обонхъ.

— Вы отвѣчаете на то, о чемъ я вовсе не спрашивала васъ. Что мнѣ за дѣло до будущности и до участи этого человѣка?

— Вотъ, до чего вы любите его! вскричалъ Леонтій съ горечью.

— Да! я въ самомъ дѣлѣ много люблю его! отвѣчала Сабина съ холоднымъ смѣхомъ! вы сумасшедшій, Леонтій. Я совершенно равнодушна къ этому человѣку.

— Такъ чего же вы требуете отъ меня? Вы шутите моею довѣрчивостью?

— Сохрани Богъ. Я только спрашиваю васъ, преступна ли покажется вамъ эта любовь, въ случаѣ, если она возможна.

— Нѣтъ, потому что я сознаюсь, виноватъ былъ бы я.

— И эта любовь не лишила бы меня вашей дружбы?

— Дружбы, нѣтъ; но уваженія....

— Говорите все. Отчего ваше уваженіе превратилось бы въ состраданіе?

— Оттого что вы были неоткровенны со мною въ прошломъ. Какі! столько гордости, холодности и презрѣнія къ слабымъ женщинамъ; столько насмѣшекъ надъ мгновенными паденіями, надъ слѣпымъ увлеченіемъ, и вдругъ.... сами вы являетесь самою слабою и самою осгивленною изъ всѣхъ! Такъ вы втеченіи многихъ лѣтъ ограждали себя отъ истинной и глубокой любви, чтобы въ одно мгновеніе поддаться мимолетному обольщенію? Вашъ характеръ потерялъ бы въ этомъ испытаніи всю свою оригинальность, все свое величіе.

— Какъ вы противорѣчите сами себѣ, Леонтіи! Вчера еще вы вели ожесточенную войну противъ этого дикаго и ненавистнаго характера: вы называли его эгоизмомъ и холоднымъ варварствомъ. Вы были готовы ненавидѣть меня, зато что я никогда не любила.

— А! такъ вы изъ самолюбія хотѣли показать, на что вы способны?

— Будьте спокойны и великодушны: не предполагайте во мнѣ недостойнаго разсчета и обдуманнаго намѣренія огорчить васъ.

— Огорчить меня? Но чему же мнѣ огорчаться?

— Потому что вы вчера любили меня, Леонтіи. Да, вы говорили мнѣ о любви, когда хотѣли доказать ненависть; вы умоляли меня, отталкивая. Я знаю, что вамъ за это стыдно сегодня; я знаю, что вы сегодня уже не любите меня.

— Вотъ! сказалъ Леонтіи печально: вотъ, что называется читать въ сердцѣ! Но, я полагаю, вы также равнодушно смотрите на сегодняшнее мое выздоровленіе какъ и на вчерашнюю болѣзнь.

— Узнайте же всю испорченность моего чувства: вчера я вовсе не была такъ равнодушна, какъ сегодня. Вчера, отталкивая, я почти принимала вашу любовь, а сегодня, хотя почти вымаливаю, сегодня я отказываюсь отъ нея.

— И хорошо дѣлаете, Сабина. Эта любовь была бы не-

счастіємъ для насъ обонхъ послѣ-того, что я видѣлъ и что я знаю.

— А между-тѣмъ вы еще не все видѣли и я хочу, чтобы вы знали все. Вчера, на верху башни, я была тронута до слезъ голосомъ этого Италіянца. Голова у меня закружилась; я чувствовала его губы на моихъ губахъ и, если бы не услышала, что вы идете, я можетъ-быть не отвернулась бы.

— Вамъ легко признаваться передъ тѣмъ, кто видѣлъ всѣ подробности этой живописной сцены. Мнѣ представилось, что я вижу: Франческу да-Римини, когда она получаетъ первый поцѣлуй отъ Ланчіотто. Вы были прекрасны, миледи!

— Ну, что же, Леонтій! отчего этотъ трепеть, этотъ гнѣвный взглядъ, этотъ дрожащій голосъ? Что же вамъ до этого сегодня, когда, за этотъ пропускъ, вы уже не любите меня; когда вы презираете меня, до того что хотите отнять даже заслугу довѣренности и раскаянія?

— Кто признается съ такою дерзостью, тотъ не раскаивается.

— Хорошо; пусть это будетъ дерзость, если хотите: я не спору: я нищу не прощенія любовника, а извиненія друга. Слушайте, Леонтій; вчерашній унижительный опытъ заставилъ меня переменить мнѣніе о любви и о самой себѣ. Я мечтала о чемъ-то неслыханномъ и давномъ; я считала васъ едва достойнымъ провожать меня на поискъ за этимъ идеаломъ. Теперь я узнала ничтожество моихъ сновидѣній и постыдную слабость человѣческой природы. Огненный взглядъ, льстивая рѣчь, пріятный голосъ, утомленіе и тревога однодневной поѣздки, обаяніе прекрасной ночи, прекраснаго мѣстоположенія и, сверхъ всего этого мелочная досада на васъ, сдѣлали меня въ одну минуту столько слабую, сколько я была тверда втеченіи многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ свѣтъ. Мною овладѣло неизъяснимое волненіе; глаза подернулись мракомъ, въ ушахъ зазвѣнѣло. Я почувствовала, что я тоже существо страдательное, подчиненное, увлекаемое, однимъ словомъ, женщина! И съ той минуты все зданіе моей гордости рухнуло.

Я ослыкала свою самоуверенность и, чувствуя себя такъ кривымъ образомъ упавшею и разочарованною на свой счетъ, я думаю, что могу по-крайней-мѣрѣ вытерпѣть Бога, за то что далъ мнѣ великодушнаго друга, который охранялъ меня отъ совершеннаго паденія, утѣшилъ меня въ моей скорби. Неужели я обманулась, Леонтій? Неужели вы не постараетесь затворить эту рану моего сердца? Неужели вы предадите меня на жертву отчаянію? Вы знаете, что кромѣ васъ у меня нѣтъ друга, которому бы я могла доверить свою тайну. Скажите, куда я двинусь, если этотъ единственный другъ холодно оттолкнетъ меня и скажетъ: «Сожагъте найдена, а уваженія — нѣтъ!»

Сабина еще долго говорила въ этомъ тонѣ и говорила съ жаромъ, а между-тѣмъ щеки ея были покрыты смертною блѣдностью; руки тремтала. Утренній вѣтерокъ разбивалъ беготыя кудри и придавалъ ей необычайный видъ беспорядку и сильнаго волненія. Леонтій находилъ ее болѣе прекрасною чѣмъ когда-либо. Онъ взялъ ее холодною, дрожащую руку и приложилъ къ своимъ губамъ, чтобы отогрѣть. Потокъ слезъ переломилъ грудь Сабинѣ; она склонилась на плечо друга; онъ прижалъ ее на руки.

Но онъ молчалъ. Онъ не въ состояніи былъ сказать слово. Предвзвудая гордости боролась въ немъ съ порывами сердца. Если бы рѣчь въ самомъ дѣлѣ шла только о прощеніи друга, онъ легко могъ бы расточать нѣжныя утѣшенія. Но Леонтій былъ влюбленъ, влюбленъ до безумія, можетъ-быть, и слишкомъ давно, такъ, что обязанности дружбы и въ умъ ему не могли прійти. Онъ боролся съ другою страстью, гораздо болѣе възыскательною и сильною, и выносилъ истинную пытку, когда вспоминалъ, что въ двухъ шагахъ отъ него находится человекъ, который въ одну минуту успѣлъ проникнуть въ сердце, для него втеченіи многихъ лѣтъ недоступное. Несмотря на эту внутреннюю борьбу, Леонтій былъ побужденъ, хотя самъ себя не сознавая.

— Не спрашивайте меня, сказалъ онъ Сабинѣ: а тому страдаю.... но оставайтесь такъ, на моемъ сердцѣ, и постараемся забыть, оба.

Онъ удержалъ ее на своихъ рукахъ. Оба стали дышать свободнѣе и, когда Сабина закрыла глаза, Леонтій сказалъ:

— Спи, милая больная; отдохни отъ тревогъ.

Сабина невольно послѣдовала этому совѣту и, тихо качаясь медленнымъ движеніемъ коляски, скоро уснула благодѣтельнымъ сномъ, который возстановилъ ея силы и воротилъ щекамъ блѣдную ровную краску, составляющую сивѣсть брюнетокъ.

ХП.

Стой!

Сабина проснулась не прежде какъ на границѣ, когда остановились у будки таможеннаго сторожа, и прежде нежели она подумала освободиться изъ долгаго и безмолвнаго объятія, пронизательный взглядъ Теверино уже подмѣтилъ невинную тайну примиренія. Леонтій видѣлъ его дружескую улыбку, но отвѣчалъ на нее осторожно. Тогда Италіанецъ указалъ ему на небо и, продолжая начатый утромъ речитативъ изъ «Танкреды», пропѣлъ одно слово, одно имя *Аменада*, въ которомъ Россини, въ трехъ нотахъ, умѣлъ сосредоточить столько скорби и нѣжности. Теверино пропѣлъ это слово съ такимъ глубокимъ и истиннымъ чувствомъ, что Леонтій выходя изъ коляски сказалъ:

— Довольно слышать, какъ ты поешь одно это слово, чтобы признать тебя великимъ пѣвцомъ, мастерски понимающимъ музыку.

— Я понимаю любовь еще лучше музыки, отвѣчалъ Теверино: и съ удовольствіемъ вижу, что ты тоже начинаешь понимать.

— Такъ вы опять повезете насъ? спросилъ аббать, видя, что маркизъ взбирается на козлы: однако вы по-крайней-мѣрѣ будете скромнѣе вчерашняго?

— Такъ вы недовольны мною, любезный аббать? Развѣ съ вами случилась хоть малѣйшая неприятность?

Впрочемъ, вы вѣдь сидите со мною, чтобы укрощать мои порывы, если я разгорячусь.

— Ну, такъ! вскричалъ аббатъ со смѣхомъ: вы изъ меня дѣлаете все, что хотите! Если бы моя домоправительница, Варвара, увидѣла, какъ вы водите меня за носъ, она не шутя прогнѣвалась бы на нарушеніе ея исключительнаго права! Я съ своей стороны уже начинаю привыкать къ вашимъ шалостямъ и не могу притомъ не сознаться, что вы очень любезный товарищъ. Ладно же, ѣдемъ, да только, пожалуйста, прямо въ Сант'Аполлинарио и, если можно, не черезъ потокъ.

— Если миновать потокъ, такъ дадимъ большой крюкъ, аббатъ. Я готовъ.

— Ну, крюкъ, такъ крюкъ! *Chi va piano, va sano*; часомъ раньше или позже, ничего не значить. *Chi va sano, va bene*.

Поѣхали другою дорогою. Сабина спросила Леонтія, точно ли ѣдутъ на виллу.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ онъ: Впрочемъ, не знаю. Я долженъ признаться, что вся моя магнитическая сила оставила меня: она перешла въ маркиза и отныня онъ одинъ—нашъ компасъ.

— Въ такомъ случаѣ я поднимаю рѣшительный бунтъ: я хочу, чтобы вы управляли мною, а не кто другой.

— Слышу, сеньора! сказалъ Теверино: по замѣтите, что я только руль въ рукъ Леонтія. Нашъ компасъ — почтенный аббатъ: его глаза постоянно обращены на сѣверъ, а полярная звѣзда — мадамъ Варвара, его достойная домоправительница.

— Хорошо сказано! хорошо сказано! вскричалъ аббатъ, хохоча отъ всей души.

Дорога была долга, но хороша. Теверино правилъ благо-разумно и останавливался на всякомъ примѣчательномъ мѣстѣ, чтобы дать спутникамъ полюбоваться. Его веселость, доброта и почтительное обращеніе мало-по-малу успокоили Сабину. Онъ, казалось, прилагалъ все стараніе, чтобы заставить ее позабыть мигнуту слабости. Она была

благодарна ему за это, однако находила нѣжные взгляды и ласковыя слова только для одного Леонтія.

Между-тѣмъ настала полдень; стало знойно, Сабина опять уснула, а Леонтіи заботливо держалъ зонтикъ надъ ея головой. Проснувшись, она съ удивленіемъ увидѣла себя подъ стѣнами готическаго монастыря.

Экипажъ остановился на большой зеленой площадкѣ, подлѣ свѣтлаго ключа съ водоемомъ. По одну сторону стрѣльчатыхъ аркадъ древняго зданія открывался видъ на прекрасную даль долины; по другую, надъ зубчатыми башнями, высилась обнаженная грозная вершина горъ; прямо впереди желѣзная рѣшетка и монастырскій дворъ, усаженный цвѣтами. Все вокругъ дышало миромъ и спокойствіемъ.

Аббатъ и Тверяно разсудили, что этотъ поэтическій привалъ не мѣшаетъ приправить хорошимъ завтракомъ, и пошли въ монастырь съ надеждою добыть необходимое у гостепріимныхъ отшельниковъ. Сабина сѣла на каменной скамьѣ у водоема, подъ тѣнью лиственницъ, и опять осталась одна съ Леонтіемъ. Она была задумчива. Съ утра во всемъ обращеніи и выраженіи красавицы совершился совершенный переворотъ и Леонтіи, глядя на нее, чувствовалъ, что между имъ и ею все перемѣнилось. Это была уже не та гордая женщина, невѣрующая въ человѣческую любовь и восхищенная только мечтою о какой-то идеальной и не возможной любви, которой она не считала достойнымъ ни одного смертнаго. Твердость характера и трудное напряженіе воли, которые такъ пугали и раздражали Леонтія, уступили мѣсто томной нѣгѣ, трогательной грусти, глубокой задумчивости и нѣжному, кроткому обращенію. Сабина стала робкою, трепещущею женщиною и впервые заключала въ себѣ привлекательность, которой Леонтію не охлаждали недовѣрчивость и страхъ. Ему стало пріятно подлѣ нея; онъ могъ говорить и дышать свободно, не опасаясь колкихъ и остроумныхъ насмѣшекъ, которыя, возбуждая его умъ, заставляли сердце остерегаться и ея и самого себя. Ему уже не нужно было, какъ накавунѣ, притворяться докторомъ и таинственнымъ педагогомъ и придумывать

мывать холодныя, принужденныя шутки, но въ которыя бы можно было скрыть свое чувство и огорченіе. Онъ сталъ истиннымъ ея покровителемъ, а гдѣ мужчина чувствуетъ, что онъ управляетъ и господствуетъ, тамъ онъ способенъ простить все, даже невѣрность, которая уязвила его самолюбіе.

Леонтіи сѣлъ у ногъ кроткой Сабрины и послѣ долгаго молчанія, въ которомъ, можетъ-быть, съ умысломъ продолжалъ ея безпокойство и робость, спросилъ, не уменьшилась ли ея привязанность къ нему, послѣ тяжкаго признанія.

— Можетъ-быть и уменьшилась бы, отвѣчала она, если бы я видѣла въ васъ что-нибудь иное, а не любовника, который покидаетъ меня, и друга, который ко мнѣ возвращается. Но если другъ изцѣлитъ раны, которыя я нанесла себѣ, я съ радостью готова навсегда отказаться отъ любовника. Такимъ образомъ моя гордость не можетъ пострадать. Любовь горда и щекотлива: ея прощеніе унизительно и принять его трудно, а прощеніе дружбы выше и сладостнѣе всѣхъ благодѣяній. О, посмотрите, Леонтіи, сколькимъ это чувство чище и драгоценнѣе всякаго другаго! Какъ оно, вмѣсто-того чтобы унижать и терзать, облагороживаетъ и продвигаетъ! Вчера я не приняла бы отъ васъ ни помощи ни участія; сегодня я не красилъ готова умолять объ нихъ на колѣняхъ.

— Милый другъ мой, вы еще не достигли истины, возразилъ Леонтіи: вы переходите изъ одной крайности въ другую. Вчера вы слишкомъ презирали дружбу; сегодня вы безъ мѣры превозносите ее. Вы не можете бросить ложнаго понятія, которое съ давнихъ поръ составили себѣ объ этихъ двухъ чувствахъ, и всё хотите сдѣлать ихъ исключительными. Созъ половъ можетъ быть истинно идеальнымъ и совершеннымъ тогда только, когда оба эти чувства соединятся въ двухъ благородныхъ сердцахъ. Что же такое истинная любовь, если не восторженная дружба? Да, любовь, это — дружба, доведенная до энтузіазма. Говорятъ, одна любовь слѣпа. Тамъ гдѣ дружба видитъ ясно, тамъ она очень слаба и скоро можетъ умереть. Цомбра-

те мнѣ, что, если бы вашъ проступокъ казался мнѣ важнымъ и непростительнымъ, если бы одна минута смятенія и слабости сдѣдала васъ въ моихъ глазахъ недостойною и неспособною къ любви, я не былъ бы вашимъ другомъ и вы должны бы были отвергнуть мои утѣшенія. Въ молодости, человекъ не любитъ той женщины, которую не желаетъ обладать и которую безъ ревности видитъ въ объятіяхъ другаго. Тогда слово дружба — ложь. Сохрани меня Богъ отъ увѣренія васъ въ такой любви. О, дайте мнѣ высказать вамъ, что я смертельно страдаю за вчерашнее и что я раздраженъ противъ васъ, до того что и въ эту минуту чувствую себя гораздо ближе къ ненависти нежели къ такой дружбѣ, какую вы опредѣляете. Я нахожу васъ не падшею, не презрѣнною, а несправедливою, жестокою, преступною противъ меня одного, противъ меня любящаго васъ и достойнаго того счастья, которое вы отдали другому.

— Вы еще болѣе пугаете меня насчетъ моего проступка, Леонтій! сказала Сабина: неужели вы думаете, что эта мысль не приходила мнѣ и что я не раскаиваюсь въ огорченіи, которое причинила вамъ лично?

— А зачѣмъ же не хотѣли сказать этого мнѣ? вскричалъ Леонтій, схвативъ ея дрожащія руки.

— Избавьте меня отъ этой муки, сказала Сабина, видя свою гордость совершенно поправною: читайте въ моемъ сердцѣ и поймите сами, отчего оно болѣе всего страдаетъ.

— Хорошо же! смиришь до этого! вскричалъ Леонтій въ пылу: какъ это будетъ величайшимъ доказательствомъ любви, какое можетъ представить женщина подобная тебѣ, то скажи же мнѣ, что ты виновата передъ мною! Подыми гордую твою голову и презирай все на свѣтѣ: что мнѣ за дѣло! Я ни чѣмъ не стану грозить тебѣ. Но я знаю, что ты разбила мое сердце и что ты должна соизнаться мнѣ въ этомъ. Если ты не раскаиваешься въ этомъ проступкѣ, значить, ты не хочешь исправить его.

— Ну, я сознаюсь; прости меня, Леонтій, и въ доказательство сотри навсегда слѣды того ненавистнаго поцѣлуя.

— Его уже нѣтъ, его никогда не было! вскричалъ Ле-

онтій, прижимая ее къ своей груди: и теперь, прибавилъ онъ, упавъ на колѣни: пощрай меня ногами, если хочешь: я твой; и пусть раскаленное желѣзо сожжетъ мнѣ губы, если съ нихъ когда-нибудь сорвется малѣйшій упрекъ, малѣйшій намекъ на какой-нибудь поцѣлуй кромѣ моего!

Въ эту же минуту отворилась калитка и вышелъ человѣкъ закутанный въ длинномъ плащѣ. Онъ шелъ медленно, склонивъ голову и сложивъ руки на груди, какъ бы погруженный въ глубокую думу. Подошедши къ Леонтію и Сабинѣ, онъ низко поклонился и когда выпрямился и откинулъ плащъ, они узнали Тверино.

— Что значитъ это новое превращеніе? вскричалъ Леонтій.

Тверино указалъ на монастырскіе часы, потомъ всталъ на колѣни и сказалъ:

— Часъ насталъ; настало время покаянія.

— Ни слова! вскричалъ Леонтій, схвативъ его за плечи: душой и жизнью твоей заклинаю тебя, братъ, молчи! Неужели ты думаешь, я столько низокъ, что измѣнилъ тебѣ? Пусть твоя тайна умретъ съ тобою. Она не тебѣ одному принадлежитъ, а сердце твое слишкомъ благородно, чтобы выдавать чужія тайны.

— Я не ребенокъ и знаю, что могу сказать и что долженъ скрыть, отвѣчалъ Италіянецъ: но есть вещи, которыхъ я не могу оставить на совѣсти безъ отягощенія, тѣмъ болѣе, что намъ тропимъ, здѣсь теперь сушимъ, нечего скрывать другъ отъ друга. Выслушайте же благородная и великодушная синьора, жалобу бѣднаго грѣшника, который пришелъ просить прощенія у васъ и у синьора Леонтія. Бѣднякъ, привязанный къ вашему благородному другу узами дружбы и признательности, имѣлъ несчастіе встрѣтить однажды, посреди роцци, восхитительную красавицу. Онъ не могъ видѣть и слушать ее, и не быть ослѣпленнымъ ея прелестями и умомъ. Предавшись невыразимому счастию любоваться на нее и слушать ее, онъ едва не забылъ, что Леонтій страстно влюбленъ въ эту даму и что самому ему должно уважать другую при-

взаимность. Ему пришла тщеславная мысль пѣть, чтобы развлечь красавицу, потому что она грустила. Между ею и Леонтиемъ легло облако; она чувствовала какъ-будто потребность плакать думая объ немъ. Недостойный грѣшникъ страстно любить искусство и не могъ пѣть, безъ того чтобы самому не увлечься чувствомъ до безумія. Случилось такъ, что, когда онъ кончилъ пѣснь, дама оказалась растроганною, а пѣвецъ, въ припадкѣ смѣшнаго тщеславія, въ ослѣпленіи, въ безумствѣ, забылъ личныя свои обязанности, свою священную дружбу къ Леонтію и глубокое почтеніе, какимъ обязанъ синьорѣ, дерзнулъ воспользоваться ея разсѣянностью, подсѣлъ къ ней и вздумалъ похитить одну изъ тѣхъ ласкъ, которыя ни какъ не могли быть назначены ему. Если бы оскорбленная благородная синьора, въ ужасѣ, не отвернулась; онъ похитилъ бы поцѣлуй, котораго не въ состояніи заплатить цѣлою жизнью. Къ-счастью Леонтій пришелъ и защитилъ свою подругу отъ дерзости негодая. Съ той минуты дама смотрѣла на пѣвца не иначе какъ съ презрѣніемъ, а онъ, чувствуетъ угрызенія въ преступной душѣ....

— Какъ это трогательно! вскричалъ Леонтій со смѣхомъ: Сабина, вы не можете отказать въ прощеніи такому-совершенному раскаянію. Подайте преступнику руку, помиритесь и избавьте его отъ терзаній совѣсти.

Сабина, довольная хотя лицемѣрнымъ, однако чрезвычайно почтительнымъ объясненіемъ, позволила Италіянцу поцѣловать руку и простила ему простушокъ, увѣряя, что давно уже позабыла объ немъ. Этимъ увѣреніемъ она старалась дать почувствовать, что не приписываетъ смѣшному поцѣлую ни малѣйшей важности, а Теверино, просебя, съ коварнымъ равнодушіемъ на лицѣ, подивился ловкости и присутствію духа свѣтской женщины въ такомъ щекотливомъ объясненіи.

— Я тѣмъ болѣе радуюсь моему прощенію, сказалъ онъ, что вижу, мое преступленіе обратилось только въ стыдъ мнѣ и въ торжество истинной любви.

— Теперь объясни намъ, сказалъ Леонтій, что значить твой новый нарядъ?

— Я намѣренъ провести у здѣшнихъ доминиканцевъ два мѣсяца и принять на условіи. Мое состояніе не блестяще и вовсе не соответствуетъ титулу маркиза. Это обстоятельство вы безъ нескромности могли открыть, инакъ. Я прихотливъ какъ художникъ, лѣнивъ и мечтатель какъ поэтъ: это тоже не тайна. Тихая, спокойная, удобная къ мечтанію монастырская жизнь всегда привлекала меня, и теперь я рѣшился отвѣдать ея на нѣкоторое время. Случай есть. Вотъ сейчасъ, слушая, какъ монастырскіе пѣвчіе спѣвались, я замѣтилъ что они поютъ очень дурно и вовсе не знаютъ музыки. Я сообщилъ свои нелицеприятныя замѣчанія пріору и вызвался поучить ихъ. Пріоръ отвѣчалъ, что у нихъ есть канторъ, но отправился по порученію въ Римъ и воротится не раньше какъ черезъ два мѣсяца, а безъ него хоръ въ неисправности. Тогда я спѣлъ нѣсколько потъ и привелъ пріора въ восхищеніе. Онъ отчаянный меломанъ и теперь не знаетъ, чѣмъ удержать меня, умоляетъ чтобы я устроилъ и обучилъ ему хоръ. Я согласился остаться у него на два мѣсяца, до возвращенія кантора.

— Хорошо; но я сомнѣваюсь, что ты выдержишь цѣлыхъ два мѣсяца, сказалъ Леонтій: я знаю, что все новое привлекаетъ тебя, а все продолжительное утомляетъ.

— Правда; но когда я принимаю на себя какое-нибудь обязательство, то выполняю его съ точностью. Ты долженъ отдать мнѣ справедливость, что я довольно предусмотрительно заключаю условія. Я напередъ знаю, что пріятно проведу здѣсь два мѣсяца. Воспитанники мальчишки умные и кроткіе. Между ними есть голоса, которые замѣтно будетъ развить. Ктому же въ монастырскомъ архивѣ есть груды старыхъ нотъ, покрытыя почтенною пылью, которую я намѣренъ отряхнуть. Въ такихъ хранилищахъ очень часто бываютъ погребены сокровища искусства и состоянія артистовъ.

— Хорошо; вѣнчи; это дѣло, сказалъ Леонтій: но мнѣ нужно еще кое о чемъ спросить тебя наединѣ. Къ инакъ вотъ идетъ нашъ аббатъ.

Они ушли подъ монастырскія аркады и тамъ Леонтій, взявъ Теверино за руку, сказалъ:

— Ты, кажется, хочешь завести нѣкоторый порядокъ и трудъ въ своей жизни. У тебя есть необыкновенныя природныя способности и я не сомнѣваюсь, что съ тѣмъ, что ты больше угадалъ нежели изучилъ, въ короткое время можешь составить себѣ блестящее состояніе и извѣстность.

— Я это очень хорошо знаю, отвѣчалъ Теверино, но это не прельщаетъ меня.

— Неужели у тебя вовсе нѣтъ тщеславія?

— Тщеславіе у меня есть, но я удовлетворяю его только тогда, когда мнѣ вздумается, я сбрасываю его, какъ-скоро оно вздумаетъ поработить меня. Тщеславіе—самый жестокой и криводушный деспотъ: я не хочу быть его рабомъ, рабомъ собственнаго моего порока.

— Но развѣ ты не можешь быть дѣльнымъ художникомъ, не будучи рабомъ публики и своего тщеславія? Полно, выслушай меня. Начатки, конечно, непривлекательны для такой дикой гордости какъ твоя. Твои покровители доселѣ, вѣроятно, были очень несправедливы или шепетильны, когда ты такъ возненавидѣлъ всякое покровительство. Но дружба просвѣщенная, разборчивая, достойная тебя, развѣ не можетъ доставить тебѣ средство основать и упрочить твое состояніе? Деньги и поддержка средства необходимы. Прими мое предложеніе, пріѣзжай въ Парижъ, гдѣ я буду черезъ два мѣсяца, и я ручаюсь тебѣ, что зима не пройдетъ, безъ того чтобъ ты не занялъ приличное тебѣ мѣсто въ свѣтѣ.

— Благодарю, любезный Леонтій, благодарю, сказалъ, Теверино, пожимая ему руки: я знаю, что ты говоришь отъ чистаго сердца, но тѣмъ менѣе могу принять услугу отъ тебя, что мы встрѣтились при щекотливыхъ обстоятельствахъ и на жгучей почвѣ. Я могъ въ продолженіи двадцати-четыре часовъ быть образцомъ рыцарства и зеркаломъ честности, но, хотя я не влюбленъ въ миледи, однако испытаніе довольно опасно и трудно, такъ, что я не могу не пожелать его снова. Не принимай этого за хвастовство. Я увѣренъ, что она любитъ тебя. Я былъ увѣренъ

въ этомъ прежде тебя и радуюсь. Я счастливъ тѣмъ, что послужилъ тебѣ путемъ къ побѣдѣ, которой желаю тебѣ одному. Но мы можемъ встрѣтиться на краю какой-нибудь другой пропасти, а мысль, что я обязанъ тебѣ, что я твоя тварь, твоя собственность, принудила бы меня отрекаться отъ самого себя и избѣгать всякой встрѣчи. Я могу подвергнуться опасности сдѣлаться или неблагодарнымъ или жертвою своей добродѣтели. Ктому же, ты скоро отказался бы отъ намѣренія устроить состояніе твоего бѣднаго бродяги. Миѣ скоро наскучили бы всѣ внушенія и принужденія. Я сталъ бы часто раскаяваться, что уступилъ убѣжденію, и невольно надоѣлъ бы тебѣ неизбежными пресыщеніями, которыя разсѣяны на моемъ пути, а ты утомился бы безпрестанно возвращая меня отъ уклоненій. Наконецъ, хотя бы тутъ ничего до тебя не касалось, я не чувствую ни какого расположенія къ спокойной славѣ и состоянію, упроченному скрѣпой нотариуса. Я рано видѣлъ всѣ кулисы всѣхъ сценъ человѣческой жизни; я могу быть актеромъ на всѣхъ этихъ театрахъ. Но у дверей каждаго изъ нихъ толпятся полкіи промышленниковъ, критиковъ, соперниковъ и клакѣровъ, которыхъ я не въ состояніи ни обманывать, ни щадить, ни улащать, ни нанимать. Природа создала меня врагомъ всякой важной жи и холоднаго притворства. Я умѣю маскироваться только ради смѣху, но скоро здоровая откровенность моя беретъ верхъ, я долженъ отереть щеки и чувствовать себя человѣкомъ, чтобы подать руку слабому и прибить негодяя. Для меня очарованія мечтами не существуютъ: прежде нежели сталъ жить про себя, я уже зналъ послѣднее слово тѣхъ, которые постарѣли въ борьбѣ. Не краснѣй за меня, мудрый и благородный Леонтій. Твоя дорога проложена и ты идешь по ней съ достоинствомъ. Я нахожу удобною для себя только переломанную ливію и неожиданные птичьи полеты черезъ доли и горы, какъ моя Магдалина.

— А! кстати, Магдалина! Вотъ, гдѣ твоя философія становится страшною и преступленіе огромнымъ. Вчера ты спалъ въ ея хижинѣ, сегодня ты приютился подъ кровлей монастыря, завтра ты побредешь по мостовымъ городовъ и сердце этого ребенка будетъ сокрушено.

— Посмотри! сказалъ Италіанецъ, остановивъ Леонтія подъ сводомъ арки: посмотри на потокъ, что низвергается тамъ, въ обратъ; посмотри прямо на то мѣсто, гдѣ простой мостикъ соединяетъ эту тропинку съ тою, что извивается на противоположной горѣ.

— Вижу. Ну, что же?

— Видишь небольшой лужокъ, зеленый какъ изумрудъ, лежащій на склонѣ мрачнаго утеса? Тропинка, уходя въ даль, прилегаетъ къ нему.

— Вижу. Далѣе!

— Далѣе — пихтовая роща. Туда пропадаетъ тропинка.

— Ну, ну!

— За этою рощей, за этою тропинкой есть углубленіе почвы, покрытое кустарникомъ; потомъ вершина горы.

— И потомъ небо? сказалъ Леонтіи съ нетерпѣніемъ: какую же метафору ты приготовляешь изъ такой дали?

— Ни какой. Вы не хорошо примѣтили. Между вершиною горы и небомъ есть шалашъ, сложенный изъ досокъ и большихъ камней.... Вы далеко видите?

— Я очень хорошо вижу этотъ шалашъ. Я вижу даже стаю птицъ, которыя летаютъ надъ шалашомъ.

— Ну, если вы видите птицъ, такъ вы уже знаете, чей это шалашъ и почему мнѣ нравится жить здѣсь, на разстояніи получасовой ходьбы для такихъ ногъ, какъ мои и Магдалинины.

— Такъ это — жилище Птичницы?

— Да. Да вы теперь можете видѣть маленькій алый плащикъ, красную точку, которая горитъ на солнцѣ и взадъ и впередъ движется около шалаша. Это Магдалона, это мой ангелъ, дитя моего сердца, моя душа, моя жизнь! Я не хочу долѣе пользоваться гостепріимствомъ, которое предложили мнѣ эта добрая дѣвушка и ея великодушный братъ, когда я, однажды, задыхаясь отъ усталости, запыленный, измученный зносомъ и съ послѣднимъ обломомъ въ карманѣ, но безпечный и весело привѣтствуя горивонть Франціи, присѣлъ у нихъ на порогъ и просилъ чашку козьего молока, чтобы утолить жажду. Я повражился имъ и приобрѣлъ довѣріе. Они удержали меня; я

полюбилъ ихъ и не могъ рѣшиться на разлуку, хотя по совѣсти не смѣлъ прибавить свою нищету къ ихъ бѣдности. Хотя я оставался всегда въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ и хотя до-сихъ-поръ еще никто здѣсь не видалъ моего лица вблизи, однако жъ изъ-дали люди уже примѣтили тѣмъ бродяги, ходившую по слѣдамъ Магдалины, и Магдалина, будучи ославлена, принуждена была бы или прогнать меня или бѣжать со мною. Этого я не хочу и вотъ почему, когда вы встрѣтили меня на берегу озера, я шелъ предложить свои услуги обитателямъ этого монастыря, чтобы найти у нихъ убѣжище не очень далеко отъ моихъ друзей. Вотъ почему, также, я привезъ васъ сюда, гдѣ могу прститься съ вами и возвратитъ вамъ ваши платья не оставаясь въ томъ состояніи, въ какомъ вы нашли меня.

— Платье ты оставишь у себя, чтобъ было въ чемъ выйти, если вздумаешь оставить должность служки, возразишь Леонтій: а также и деньги, которые есть въ карманѣ сюртука. Ты не можешь отказаться отъ средствъ нѣсколько помочь бѣдности Магдалины и ея брата.

— У меня въ карманѣ были деньги? безопасно спросилъ Теверино: я и не примѣтилъ. Ну, хорошо; если вы не хотите взять назадъ, я положу эти деньги здѣсь, въ кружку для бѣдныхъ, потому что не умѣю быть казначеемъ и притомъ не хочу, чтобы могли сказать, что я впродолженіи двадцати-четырехъ часовъ игралъ роль маркиза для чего-нибудь внаго кромѣ собственнаго моего удовольствія. Миледи уже великолѣпно наградила Птичницу за забаву. Слѣдовательно, Магдалина теперь куда богата, а я втеченіи двухъ мѣсяцевъ приобрѣту столько, что могу обезпечить ее на долго.

— Но черезъ два мѣсяца куда ты пойдешь? Что станетъ съ Магдалиной?

— Я такъ люблю ее и такъ любимъ ею, что если бы она была не слишкомъ молода для замужства, я теперь же женился бы на ней. Но нужно подождать по-крайней-мѣрѣ два года и если я, по несчастію, слишкомъ влюблюсь въ нее, она можетъ подвергнуться опасности. Слѣдовательно,

можетъ случиться, что я сочту нужнымъ разстаться раньше двухъ мѣсяцевъ.

— Странный человекъ! сказалъ Леонтій: столько пылкости и столько спокойствія! столько слабости и столько добродѣтели! столько опыту и столько простодушія! жизнь вывѣсть такая бурная и такая чистая, такая безпорядочная и такъ храбро защищенная отъ страстей!....

— Не цѣните меня выше того, чего стою, возразилъ Тверяно: я дѣлалъ зло въ бурной моей молодости и на сердцѣ у меня лежатъ заблужденія, которыхъ я никогда не прощу себѣ. Но это сердце никогда не могло совершенно испортиться и раскаяніе очистило его. Я причинялъ страданія и самъ страдалъ невыразимо: я страстно люблю счастье и причипенное мною несчастіе едва не свело меня съ ума. Теперь я скорѣе рѣшусь умереть чѣмъ запятнать предметъ моей любви. Теперь я не найду требовать мимолетныхъ удовольствій у той, которая обладаетъ сокровищемъ невѣднности.

— Но ты забудешь эту несчастную и когда покинешь ее, сердце ея тѣмъ не менѣе будетъ сокрушено.

— Не знаю, забуду ли. Не думаю. Не могу подуматъ этого: если бѣ я могъ подуматъ, я не любилъ бы, я былъ бы не я. Правда, что я разорвалъ не одну связь, нарушилъ не одинъ обѣтъ; но не помню, чтобы когда-нибудь измѣнилъ первый, потому что сердце мое постоянно по природѣ и по потребности своей, и если бы я не былъ всегда увлекаемъ въ легкія интриги, въ которыхъ люди расстаются безъ зазрѣнія совѣсти, я могъ бы цѣлую жизнь нитать одну любовь. Я былъ волокитой, а между-тѣмъ оставался скромнымъ. Въ прикосновеніи съ цѣломудренною душой я нашелъ самъ себя и чувствую теперь, что мой идеалъ тамъ, а не въ иномъ мѣстѣ. Пусть же время течетъ и пусть жизнь моя развивается передо мною. Не знаю, что будетъ со мной, но знаю, что могу сдѣлаться мужемъ Магдалины, когда прійдетъ время и если я найду ее вѣрною.

— А если она измѣнитъ?

— Тогда я прощу ей и останусь ея другомъ; да! ея дру-

гомъ, такимъ, какимъ вы не можете быть леди Сабинѣ, потому что вы иначе любите: вы прииѣшиваете гордость къ вашей любви.

— Такъ мы разстанемся и я ничѣмъ не могу доказать тебѣ моего уваженія и искренней дружбы?

— Не бойтесь, встрѣтimsя. Когда я, какъ теперь, буду на добромъ пути, то есть, при работѣ и въ порядочной одеждѣ, я пойду къ вамъ на встрѣчу съ распростертыми руками. Но когда мнѣ случится быть въ такомъ оборванномъ состояніи какъ вчера, на берегу озера, такъ не удивляйтесь, если я буду подавать видъ, будто не знаю васъ.

— Вотъ это огорчаетъ меня! съ живостью вскричалъ Леонтій: ты недоувѣряешь мнѣ!

— Довѣряю. Но я слишкомъ хорошо знаю существенность, для того чтобы перестать дѣлать изъ своей жизни романъ, болѣе или менѣе пріятный и разнообразный.

Они разстались. Аббатъ согласился проводить Сабину и Леонтія на виллу.

В. Дерикеръ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. L'Enseignement mutuel, Взаимное обученіе, комедія въ пяти актахъ, въ прозѣ, господъ Eugène Nus и Charles Desnoyers.

Вдова, достигшая бальзаковского возрасту, обладаетъ сыномъ двадцати, тѣщею шестидесяти-четырехъ, любовникомъ тридцати-двухъ и воспитанницею осьмнадцати лѣтъ. Двадцати-лѣтній сынъ, натурально, питаетъ глубокую страсть къ осьмнадцати-лѣтней воспитанницѣ, украшенной, какъ всѣ спротки, кучею добродѣтелей и прекрасныхъ качествъ. Неувядаемая вдова имѣетъ въ виду отсрочить женитьбу сына сколько возможно далѣе, вѣроятно, потому что она боится преждевременно постарѣть отъ этого, или можетъ-быть и по другимъ хозяйственнымъ причинамъ, — достовѣрно не извѣстно, — но только мысль о женитьбѣ сына сводитъ ее съ ума и бросаетъ въ обморокъ. При такомъ расчетѣ женщины предусмотрительной, конечно, не слѣдовало бы воспитывать у себя въ домѣ дѣвушку, у которой единственный недостатокъ — бѣд-

ность родителей. Однако жъ вдова до крайности удивляется, когда двадцати-лѣтній сынъ, Густавъ, объявляетъ, что не можетъ жить безъ осмнадцати-лѣтней Эмиліи. Побѣжденная убѣдительными и отчаянными доводами, мать наконецъ соглашается на этотъ бракъ и тридцати двухъ-лѣтній любовникъ, — которому она обѣщала отдать свою руку послѣ женитьбы сына, — вскрикиваетъ отъ радости, но только слишкомъ рано: вдова подозрѣваетъ, что онъ вмѣшался въ дѣло объ осмнадцати-лѣтней воспитанницѣ и за это съ гнѣвомъ говоритъ ему: «Прощайте. Я никогда не выйду за васъ замужъ». Этимъ оканчивается первый актъ, въ которомъ все, какъ видите, очень просто, хотя и не совсѣмъ понятно. Слѣдующіе четыре акта не такъ просты, зато гораздо понятнѣе: они наполнены ссорами и непрерывною борьбой двухъ и даже трехъ хозяекъ подъ одною кровлей. Густавъ между матерью и женой играетъ самую плачевную роль, какую только можетъ играть женатый человѣкъ, у котораго мать не умираетъ. Промежъ этихъ споровъ и перебранокъ вьется еще маленькая интрижка собственно относящаяся къ горничной, Жоржеттѣ, которую преслѣдуетъ какой-то неизвѣстный. Этотъ неизвѣстный — ни кто иной какъ тридцати-двухъ-лѣтній мосьё Бриנדѣ. Мосьё Бриндѣ забирается вечеромъ въ паркъ и имѣетъ коварный замыселъ. Кто-то изъ домашнихъ, великодушный, хотя и не безкорыстный, защитникъ горничной и ея невпности, стрѣляетъ по немъ изъ ружья, но даетъ маху. Дѣло запутывается. Публика начинаетъ свистать. Чтобы избѣжать бури и забавить сына отъ совершенной гибели въ этой сумятицѣ, неувидаемая вдова, несмотря на свою клятву въ первомъ актѣ, рѣшается наконецъ отдать свою руку тридцати-двухъ-лѣтнему жениху. Занявшись укрощеніемъ дикой страсти этого молодчика къ горничнымъ, она не будетъ имѣть времени терзать сына и невѣстку. Всѣ могутъ быть спокойны и публика тоже, хотя она и не узнала, какое отношеніе ко всему этому имѣетъ Песталоцціева метода обученія. Эта тайна осталась за кулисами.

2. *Futon et Suzanne, Сузя и Сузанна, воденяль въ двухъ актахъ господина Argens'a.*

Первоначальная мысль этого водевиля извлечена изъ прежней повѣсти Альфреда де-Мюссэ, подъ заглавіемъ *Margot*, повѣсти въ пятьдесятъ страницекъ, которому по справедливости можно и должно предпочесть значительному количеству двухъ-актныхъ водевилей и пяти-актныхъ комедій, изображающихъ методы воспитанія въ лицахъ. Жаль, что авторъ водевиля не выискалъ смѣль на оцену и не пречесть повѣсть изъ которой заимствовалъ свое произведеніе. Тогда пересказать содержаніе было бы гораздо легче и пріятнѣе. А то, теперь, затрудненіе предостоятъ немаловажное, хотя все дѣло-то, признаться, вышло вздорное. Сузя или Suzon, деревенская дѣвушка, мелочница, внарокомъ влюбляется въ молодого господина и открываетъ ему свою любовь въ запискѣ, написанной слогомъ сердца и съ полными пренебреженіемъ школьной грамматики. Молодой господинъ читаетъ и страшно настигается надъ такимъ непростительнымъ невидѣніемъ, но не узнаетъ настоящаго автора. Уязвленная до глубины сердца, Сузя однако жъ дотога влюблена въ молодого господина, что приписываетъ всю бѣду своему невидѣнству и разсуждаетъ, что стѣбитъ только знать грамматику, чтобъ быть достойною любви просвѣщеннаго господина. Разсудила, продала свою ферму, отправилась въ столицу и принялась учиться грамматикѣ. Во второмъ актѣ Сузя уже не Сузя, а маисель Сузанна, дѣвица очень унная, благовѣститанная, образованная, даже ученая, очень ученая, — почти смій чулекъ. Она всё-еще страстно любитъ молодого господина, для котораго украсила свой умъ грамматикой и разными мудростями. Настаетъ великая минута вторичной встрѣчи и приготовившаяся на экзаменъ маисель Сузанна открываетъ, что молодой господинъ — дуракъ-дуракомъ, круглый невидѣда, для котораго не стоило учиться даже азбукѣ. Маисель Сузанна, съ отчаянія, выходитъ замужъ за другаго любознательнаго молодого человека, который, по ея примѣру и изъ любви къ ней, учился и изъ пастуховъ вышелъ въ управителя фабрикою.

Подозрѣваютъ, что этотъ водевиль, доказывающій пользу грамматики, написанъ по заказу нѣсколькихъ держателей опустѣвшихъ пансіоновъ и при содѣйствіи нѣсколькихъ праздныхъ преподавателей грамматики.

3. *Les Murs ont des oreilles*, *Стѣны съ ушами*, водевиль въ двухъ актахъ, господъ Aniset, Grisebattre'a и Nyon'a.

На долю этихъ ушастыхъ стѣнъ, при первомъ представленіи на театрѣ Гимназій, не досталось ничего кромѣ оглушительнаго, пронзительнаго и непрерывнаго свисту. И изъ-за этого свисту самые любопытные не могли узнать, что именно заключалось въ стѣнахъ водевиля и какія это были уши, — исторія умалчивается.

Больше ничего примѣчательнаго по части драматическаго искусства не приключилось.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

♦ ФРАНЦУЗСКІЯ.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ комиссіонера библиотекъ Гвардейскаго Корпуса Я. А. Исакова въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

Цѣны на серебро, и безъ пересылки.)

DU MARIAGE, examen comparatif des principes qui le régissent suivant le code civil français, le droit romain, le droit canonique et les législations des états modernes, par Duchesne. Un vol., in-8., Paris, 1845.

TRAITÉ DE POLICE MUNICIPALE ET RURALE, par Miroir et Brissot. 2 vol., 8., Paris, 1845 (3 r. 15 c.).

DROIT ANGLAIS, ou Résumé de la législation anglaise sous la forme de codes; suivi d'un dictionnaire de termes légaux, techniques et historiques, par Laya. 2 vol., 8., Paris, 1845 (4 r. 25 c.).

MANUEL DE DORURE ET ARGENTURE, par la méthode d'électro-chimique et par simple immersion, par M. M. Selmi et Vallicourt. Un vol., 18., Paris, 1845 (50 c.).

ÉLÉMENTS DE L'ÉCONOMIE POLITIQUE, par Garnier. Un vol., in-12., Paris, 1845 (1 r.).

DE L'ÉCLAIRAGE AU GAZ, étudié au point de vue économique et administratif et spécialement de son action sur les corps de l'homme, par Combe. Un vol., 12., Paris, 1845 (57 c.).

PRACTIQUE DE L'ART DE CHAUFFER par le thermosiphon ou calorifère à eau chaude, avec un article sur le calorifère à air chaud, par A^{'''}. Un vol., 4., avec 21 pl., Paris, 1844 (1 r. 70 c.).

ÉTUDES SUR LES MINES. Théorie des gîtes métallifères appuyée sur la description des principaux types, par A. Burat. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 85 c.).

TRAITÉ PRACTIQUE ET ANALYTIQUE DE L'ART DE LA MEUNERIE, suivi de la description du Vaporateur aërifère appliqué à la mouture des céréales et de celle du lithostrote, par Chamgarnier. Un vol., 8., Paris, 1844 (1 r.).

CONSIDÉRATIONS SUR L'ÉLÈVE DU CHEVAL DE COURSE et du cheval de chasse, puisées dans plusieurs ouvrages anglais, par le comte de Montendre. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 70 c.).

TRAITÉ DE L'OFFICE, par Etienne. Un vol., in-8., avec planches, Paris, 1845. Collection Carême (3 r.).

TRAITÉ DE LA NATURE, des complications et du traitement des places d'armes à feu, par Serrier. Un vol., in-8., Paris, 1845 (1 r. 30 c.).

PREMIERS SECOURS AVANT L'ARRIVÉE DU MÉDECIN, ou Petit dictionnaire du cas d'urgence, à l'usage des gens du monde; suivi d'une instruction sur les Champignons, par Cadet-Gassicourt, in-12., Paris, 1845 (85 c.).

- DÉONTOLOGIE MÉDICALE**, ou Des devoirs et des droits des médecins dans l'état actuel de la civilisation, par Simon. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- PRÉCIS D'ANALYSE CHIMIQUE QUALITATIVE**, ou Traité des opérations chimiques, des réactifs et de leur action sur les corps les plus répandus, etc., par Remigius Fresenius. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- LES PRINCIPES DE L'ÉCONOMIE SOCIALES**, exposés selon l'ordre logique des idées par Scialoja, trad. et annoté, par Devillers. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- TRAITÉ DE TOXICOLOGIE, MÉDICO-LÉGALE** et de la falsification des aliments, des boissons et des médicaments, par Galtier, tome premier, in-8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- TRAITÉ DE GÉOMETRIE**. Géométrie de l'espace, par Adbemar. Un vol., in-8., avec 13 planches, Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- MOYEN D'INFLAMMER LA POUDRE SOUS L'EAU** à toutes les profondeurs, sans feu, par le seul contact de l'eau, par Sérullas; brochure, 1845 (50 c.).
- AIDE-MÉMOIRE MILITAIRE** à l'usage des officiers d'infanterie et de cavalerie, par Fouan. Un vol., in-18., Paris, 1845 (1 r. 15 c.).
- ESPRIT DE INSTITUTIONS MILITAIRES**, par le maréchal Marmont. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 15 c.).
- ARCHITECTURE DÉCIMALE**. Parallèle des ordres d'architecture et de leurs principales applications suivant Palladio, Scamozzi, Serlio, Vignole; etc., par Renard. Livraisons 1 et 2, in folio, Paris, 1845 (prix de la liv. à 55 c.). L'ouvrage aura 30 livraisons.
- LES PLUS BELLES EGLISES DE ROME**, par Giacomo Fontana. Cet ouvrage contiendra les gravures de tous ce que renferment de plus intéressant les Eglises si riches de Rome et des environs (prix de la livraison de 10 planches folio à 1 r. 85 c.). Les livraisons 1 à 18, sont en vente.
- CALCUL DE LA FORCE DES MACHINES A VAPEUR**, pour la navigation ou l'industrie et pour l'achat des machines, par Pambour, in-8., Paris, 1845 (70 c.).
- FRAGMENTS ARABES ET PERSANS INÉDITS**, relatifs à l'Inde antérieurement au XI siècle de l'ère chrétienne, recueillies, par M. Reinaud. Les fragments sont suivis de leur traduction. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 43 c.).
- MIMICOLOGIE**, ou Règles du geste et de l'éloquence dramatique, fondées sur l'analyse philosophique et physiologique des passions, par B*** et J. Boll. 4 vol., in-8., avec 140 dessins, Paris, 1845 (10 r.).
- LE DIABLE AMOUREUX**, roman fantastique par M. Cazotte, précédé de sa vie, de son procès et de ses prophéties et révélations, par G. de Nerval. Un vol., in-8., illustré de 200 dessins, Paris, 1845 (1 r. 70 c.).
- PRÉCIS DE L'HISTOIRE DES ÉTATS-UNIS D'AMÉRIQUE**, depuis leur coloni-

SPORTINI. La Vestale (2 r. 85 c.).

sation jusqu' à ce jour, par le comte Felet de la Loure. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).

L'UNIVERS PITTORESQUE. L'Inde. Par Dubois de Jancigny et Raymond.

Un vol., in-8., à 2 colonnes, orné de 18 planches, Paris, 1845 (1 r. 70 c.).

LES JUIFS DANS LE MOYEN AGE. Essai historique sur leur état civil, commercial et littéraire, par Depping. Un vol., in-8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).

VOYAGES AUX PRAIRIES OSAGES, Louisiane et Missouri pendant les années 1839—40, par Tenier. Un vol., 8., Paris, 1845.

VOYAGES FAITS DANS LES MOLLOQUES à la Nouvelle Guinée et à Célèbes avec le comte de Conzalo, par Bondick-Bastianse. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 70 c.).

LES ENVIRONS DE PARIS, paysage, histoire, monuments, mœurs, chroniques et traditions; ouvrage rédigé par l'élite de la littérature contemporaine sous la direction de M. M. Nodier et Lurine. Un magnifique vol. gr. in-8., illustré de 200 dessins (4 r.).

CONCORDANTIAE BIBLIORUM SACRORUM vulgatae editionis, da recognotionem, Jussu Sixti V, cura et studio. F. P. Dutripon. Un vol. gr., in-4., à 3 colonnes, Paris (7 r.).

MA: 6 - 1937

